

СБОРНИКЪ МАТЕРІАЛОВЪ и СТАТЕЙ

ПО ИСТОРИИ

ПРИБАЛТІЙСКАГО КРАЯ.

ТОМЪ III.

СОДЕРЖАНІЕ.

I.

Матеріалы и статьи по древней
истории Прибалтійскаго края.

СТРАНИЦЫ.

- Отъ издателя I—VIII
I. Реформація въ Ливоніи,
ст. Брахмана 15—121
II. Ливонская хроника, Баль-
тазара Руссова 125—352
III. Ливонская лѣтопись,
Франца Ніенштедта 355—400
IV. Документы къ исторіи
присоединенія Ливоніи
къ Польшѣ 401—432

II.

Матеріалы и статьи по исторіи
Прибалтійскаго края въ XVIII и
XIX столѣтіяхъ.

- I. Рескрипты и указы Пе-
тра Великаго къ лифлянд-
скимъ генераль-губерна-
торамъ за 1717—1724 г. 435—464
II. Къ исторіи православія
въ Ливоніи : дерптское
событіе 8 января 1472 г.;
записки священника По-
лякова 465—564
III. Воспоминанія барона В.
И. Левенштерна 565—638

Рига.

Типографія А. И. Липинскаго, Зюндерская ул., д. Попова.

1880.

СОДЕРЖАНІЕ

первыхъ двухъ томовъ „Сборника матеріаловъ и статей по исторіи
Прибалтійскаго края.“

Томъ I-й. Прибалтійскій край и его населеніе до прибытія нѣмцевъ. — Содержаніе эстонской народной поэмы „Сынъ Калева“ — О латышскихъ народныхъ пѣсняхъ. — Хроника Генриха Латышскаго. — Письма императора Петра I къ князю Репнину за 1710. — Рескрипты и указы Петра I къ лифляндскимъ генераль-губернаторамъ. — Рижскій бургомистръ Брокгаузенъ. — Рескрипты и указы Екатерины II о рижскомъ и ревельскомъ намѣстничествѣ. — Записки Нейендаля. — Записки Бульмеринга. — Полузабытыя имена.

ЦѢНА 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 к.

Томъ II. Добленъ. — Орденъ меченосцевъ. — Ливонская контора въ Полоцкѣ. — Ливонская хроника Вартберга. — Ливонская хроника Руссова. — Дневникъ Гельмса. — Осада Ревеля въ 1710. — Выселеніе жителей Дерпта въ 1708 г. — Отзывъ рижскаго коменданта въ рижскій магистратъ въ 1710 г. — Донесенія рижскихъ депутатовъ по случаю Нимиттскаго мира. — Депутация Риги при погребеніи Петра Великаго. — Къ исторіи крестьянскаго сословія. — Путешествіе по Ливоніи императрицы Екатерины II. — Свиданіе преосвящ. Иннокентія съ оберъ-пасторомъ Эссеномъ.

ЦѢНА 3 р., съ пересылкою 3 р. 50 к.

ТОМЪ III-й. ЦѢНА 3 р., съ пересылкою 3 р. 50 к.

ПРИБАЛТІЙСКІЙ СБОРНИКЪ.

СБОРНИКЪ

МАТЕРІАЛОВЪ И СТАТЕЙ

ПО ИСТОРИИ

ПРИБАЛТІЙСКАГО КРАЯ.

ТОМЪ III.

РИГА. 1880.

Печатано въ типографіи А. І. Ливенцова на Мюндерскаго улицы,
въ домѣ Попова, № 1.

Дозволено цензурою. Рига, 29-го января 1880 г.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Представляя благосклонному вниманію лицъ, интересующихся исторіею Ливоніи, третій томъ «Прибалтійскаго Сборника», составленный и плану, принятому для первыхъ двухъ томовъ, издатель книги не можетъ уже сказать, чтобы періодическая печать наша въ прошломъ году обогнала совершеннымъ умолчаніемъ предпріятіе, задуманное на началахъ на столько широкихъ, на сколько то возможно при нынѣшнемъ положеніи провинціальной печати.

«Голосъ», «Современныя Извѣстія», «Русская Старина» въ своихъ отзывахъ о второмъ томѣ вообще одобрили планъ изданія, но наиболѣе обширный отзывъ о книгѣ появился въ 1314 № «Новаго Времени» за 1879 г. Отзывъ этотъ, озаглавленный «Прибалтійская Старина» и написанный г-мъ П-вымъ, такъ указываетъ значеніе книги для настоящаго времени

«При внимательномъ наблюденіи текущихъ явленій русской жизни нельзя не замѣтить, что вопросы о положеніи прибалтійской окраины и ея настоящихъ и будущихъ отношеніяхъ къ государству силою вещей получаютъ первенствующее значеніе. То вниманіе, которымъ эти вопросы начинаютъ пользоваться со стороны русскаго общества, нельзя конечно не приветствовать. Хотя, съ другой стороны нельзя и

не пожалѣть о томъ, что къ пропущенъ отдѣлено нами въ этомъ отношеніи не мало упущеній, послѣдствій которыхъ, еще Богъ-вѣсть, удастся ли намъ загладить. Относительно ближайшаго времени, — последнихъ трехъ-четырехъ лѣтъ, — то равнодушіе, съ которымъ относились мы къ этому важному дѣлу, еще можетъ имѣть оправданіе въ томъ всепоглощающемъ интересѣ, который сосредоточивался для насъ на юго-востокѣ Европы, хотя къ этому же времени относятся и явленія, въ высшей степени важныя въ жизни прибалтійской окраины, — мы говоримъ о началѣ реформъ въ этомъ краѣ, положеніемъ введеніемъ въ городахъ края русскаго городского положенія и обсужденіе, въ законодательномъ порядкѣ, проектовъ реформъ земской и судебной.

Теперь, когда со стороны приверженцевъ прибалтійской старины раздаются голоса о «заповѣдныхъ правахъ» и «автономныхъ своеобразностяхъ», когда настойчиво проводится мысль о какихъ-то особенныхъ условіяхъ существованія прибалтійскаго края, теперь именно, намъ кажется, настаетъ время тщательно пересмотрѣть основанія вѣковыхъ отношеній этого края къ государству и разобраться въ претензіяхъ осуществимыхъ и неосуществимыхъ. Что этотъ пересмотръ и этотъ разборъ должны произойти и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше — кажется не можетъ быть сомнѣнія, какъ не можетъ быть сомнѣнія и въ ихъ результатахъ. Очень многое изъ того, что выставляется теперь какъ несомнѣнный фактъ, какъ основное право, окажется, можетъ быть, призрачнымъ, многое изъ того, чѣмъ въ насъ два защищаются особенности края и его отношеній къ Россіи — произвольнымъ, невѣрнымъ, неоправданнымъ предшествовающею исторіею края. Только серьезная историческая проверка прибалтійскихъ претензій, безъ которой логически правильное рѣшеніе вопросовъ будущаго, можетъ быть необходимо для обѣихъ сторонъ, разрѣшить возникающія недоразумѣнія. Что этихъ недоразумѣній накопилось уже достаточно, доказываютъ ближайшіе къ намъ факты. Чѣмъ инымъ, какъ не такими историческими недоразумѣніями объяснить, напримѣръ, хотя настоящее положеніе дѣла преподаванія русскаго языка въ школахъ прибалтійскаго края, или гониміе противъ него въ городскихъ думахъ и т. д., съ которыми намъ, какъ извѣстно, приходится встрѣчаться.

Къ сожалѣнію, мы должны сказать, что эта историческая, самая надежная въ этомъ случаѣ почва уже давно опущена нами и многое

изъ того, что выдается теперь за наслѣдіе старины, есть относительное новшество. Но тѣмъ больше причинъ заботиться, на сколько возможно, поправить дѣло.

Выше мы назвали книгу, могущую сослужить добрую службу для русскаго дѣла въ прибалтійской окраинѣ. Первый томъ «Прибалтійскаго Сборника» вышелъ еще въ 1877 году и, какъ справедливо сѣтуешь его составитель въ предисловіи къ недавно вышедшему второму тому, не обратили въ свое время вниманія столичной печати. Это обстоятельство объясняется, конечно, отчасти тѣмъ, что въ то время вниманіе прессы было отвлечено другими вопросами, а отчасти и тѣмъ, что выходъ перваго тома еще мало давалъ матеріала для оцѣнки достоинствъ этого счастливо задуманнаго предиріятія. Тѣмъ больше причинъ теперь, когда съ выходомъ втораго тома, представляющаго вмѣстѣ съ первымъ богатое собраніе важныхъ историческихъ памятниковъ и цѣнныхъ историческихъ документовъ, ясно опредѣлилось достоинство и цѣли этого труда, обратить на него вниманіе общества. Намъ приходилось уже и придется еще не разъ, касаясь вопросовъ о дѣлахъ прибалтійскихъ, пользоваться этими памятниками и документами. Необходимо замѣтить при этомъ, что содержаніе «Сборника» таково, что удобно можетъ доставить поучительное и пріятное чтеніе для обыкновеннаго, интересующагося историческими вопросами читателя, а не для однихъ только ученыхъ изслѣдователей старины.

«Прибалтійскій край, говоритъ составитель «Сборника» въ предисловіи къ первому тому, въ исторіи сѣверныхъ державъ игралъ роль далеко не маловажную. Тутъ, на этомъ клочкѣ земли, міръ германскій — нѣмцы, латчане, шведы — столкнулся съ міромъ славянскимъ — поляками и русскими: тутъ, на этомъ клочкѣ разыгралась драма, прологомъ къ которой послужило появленіе нѣмецкаго монаха и рыцаря и эпилогъ котораго былъ заключенъ русскими императоромъ Петромъ I. Но знаемъ ли мы все подробности этой драмы, обусловившей нынѣшнее положеніе края? Знаемъ, конечно, но знаемъ очень отрывочно и поверхностно. Способствовать устраненію такого полужнанія и имѣть назначеніемъ этотъ «Сборникъ». Цель его — быть полезнымъ всякому, кто желаетъ поближе ознакомиться съ прошлымъ прибалтійскаго края, съ прошлымъ, преспопеленнымъ тревогъ, смутъ, кровавыхъ войнъ, переворотовъ, кончившихся лишь съ того времени, когда край сталъ

быть тѣмъ, чѣмъ судили ему быть его географическія условія, т. е. нераздѣльною частью Россійской имперіи». Нечего и говорить, что изданіе, преслѣдующее такія цѣли, съ какой бы точки зрѣнія его ни разсматривать, заслуживаетъ вниманія и благодарности къ его составителю, особенно если принять во вниманіе, что предпринимаемое единолично, по частной инициативѣ, потребуетъ вѣроятно и матеріальныхъ жертвъ. Каждый изъ вышедшихъ томовъ распадается на два отдѣла, изъ коихъ первый заключаетъ статьи и документы по древней исторіи края, обнимающей собою три періода времени Ливоніи самостоятельной, времени польскихъ и времени шведскихъ, а второй — статьи и матеріалы по исторіи края въ XVIII и XIX вѣкахъ. Первый отдѣлъ перваго тома начинается статью «Прибалтійскій край и его населеніе до прибытія нѣмцевъ», взятою изъ хорошо извѣстнаго нѣмецкаго сочиненія Рихтера, затѣмъ вмѣсто отдѣльныхъ образчиковъ народной поэзіи эстовъ и латышей, приведенныхъ въ исторіи прибалтійскаго края Рихтера, составитель «Сборника» помѣстилъ изложеніе эстонской поэмы «Калевала», составленное Линденбергомъ и извлеченіе изъ русской книги г. Сирогиса «Памятники латышскаго народнаго творчества». Далѣе слѣдуетъ наиболее обширный и капитальный вкладъ издателя къ русскую историческую литературу — переводъ ливонской хроники Гейнриха Латыша. Хроника эта, какъ извѣстно, составляетъ превосходный источникъ не только для одной Ливоніи, но и вообще для всей сѣверо-восточной исторіи, особенно для исторіи Полоцка, Новгорода и Пскова. Дополненіемъ хроники Гейнриха Латыша и ея продолженіемъ служатъ «Ливонская лѣтопись» Руссова и «Ливонская лѣтопись» Германа Вартберга, вошедшія въ составъ новой половины втораго тома. Здѣсь же, т. е. во второмъ томѣ, помѣщены интересныя монографіи «Доблесь — очеркъ древняго быта семигаловъ» пастора Виланштейна, «Орденъ меченосцевъ» Бунге и «Нѣмецкая контора въ Полоцкѣ» Гильдебрандта. Лѣтопись Вартберга важна какъ источникъ для исторіи войнъ ордена съ литовцами и русскими, а лѣтопись Руссова — для исторіи событій, повлекшихъ за собою прекращеніе существованія ливонскаго ордена, переходъ Эстляндіи подъ власть шведовъ, затѣмъ Лифляндіи подъ власть поляковъ и образованіе самостоятельнаго Курляндскаго герцогства подъ левною зависимостью Польши. Та и другая лѣтопись снабжены переводчикомъ весьма обстоятельными примѣчаніями и дополненіями на основаніи русскихъ источниковъ. Что касается матеріаловъ по новѣйшей исторіи прибал-

тійскаго края — XVIII и XIX вѣковъ, то и въ этомъ отношеніи какъ первый, такъ особенно второй томъ представляютъ массу интересныхъ вещей. Сюда должно отнести, конечно, письма и указы Петра Великаго, рескрипты и указы Екатерины II къ генераль-губернатору Броуну, мемуары и записки Нейбелдаля, Бульмеринга (исторія городской реформы въ Ригѣ при императрицѣ Екатеринѣ II), біографіи нѣкоторыхъ мѣстныхъ дѣятелей (Броунъ, Сиверсъ и Арсеньевъ и т. д.) въ первомъ томѣ. Изъ статей второго тома къ этой же категоріи относятся «Дневникъ Гельмса объ осадѣ Риги въ 1709 и 1710 гг.», «Осада и сдача Ревеля въ 1710 г.», статья Грегеллгана, «Выселеніе жителей изъ Дерпта въ 1708 г.» но запискамъ пастора Гротмана и т. д. Въ этомъ же томѣ открытъ особый отдѣлъ матеріаловъ по исторіи крестьянскаго сословія въ прибалтійскомъ краѣ, началомъ котораго служить статья объ Арсеньевѣ и Сиверсѣ въ первомъ томѣ. Одно уже это бѣглое перечисленіе статей, составляющихъ содержаніе «Прибалтійскаго Сборника», можетъ достаточно подкрѣпить высказанное выше мнѣніе о несомнѣнной заслугѣ издателя, предпринявшаго этотъ полезный трудъ. Безпристрастность выбора матеріаловъ, ограничиваемая въ то же время извѣстною осторожностью, отсутствіе всякихъ предвзятыхъ теорій въ истолкованіи событій придаютъ «Сборнику» еще большую цѣнность.

Само собою разумѣется, что вышедшими уже томами далеко не исчерпывается ни древняя, ни, въ особенности, новая исторія прибалтійскаго края и отъ имѣющаго выйдти третьяго тома «Сборника» слѣдуетъ ожидать еще многого. Но и вышедшихъ уже документовъ и памятниконъ достаточно для того, чтобы на основаніи вѣковыхъ отношеній края къ Россіи, во всѣхъ фазахъ ея историческаго существованія, отношеній къ Полоцку, Пскову, Новгороду, западно-русскимъ княжествамъ, Московскому государству и, наконецъ, къ Россійской имперіи поставить на надлежащую почву вопросъ о такъ называемыхъ теперь «автономныхъ своеобразностяхъ», «заповѣдныхъ правахъ» и т. п.

Прошлая исторія края даетъ прецеденты рѣшенія многихъ вопросовъ, возникающихъ въ послѣднее время и во многихъ случаяхъ для настоящаго времени полезно было бы поучиться изъ прошлаго. Вспомнимъ, наиримѣръ, введеніе въ Лифляндской и Эстляндской губерніяхъ учрежденія о губерніяхъ 1775 г. и примѣненіе общерусскаго городского положенія при Екатеринѣ II. Не будь отмѣнены (указомъ 28 ноября

1796 г. при императорѣ Павлѣ) эти капитальныя мѣры къ сдѣлѣнію Остзейскаго края съ остальной Россіей, мы, конечно, имѣли бы здѣсь дѣло далеко не съ тѣмъ, съ чѣмъ по необходимости намъ приходится считаться теперь. Напримѣръ, въ одномъ изъ рескриптовъ Екатерины II на имя рижскаго и ревельскаго генералъ-губернатора Броуна, по поводу ревизіи этихъ губерній графомъ Воронцовымъ и княземъ Долгоруковымъ, на первый планъ именно поставляется наблюденіе «чтобы въ училищахъ тамошнихъ преподаваемо было русскій языкъ, яко необходимо нужнѣй и безъ котораго знаніе и употребленіе въ должности весьма неудобно». Однако, въ послѣдующія времена и наблюдатели и наблюдаемые нашли возможнымъ это неудобство благополучно обойти и знаніе этого «необходимо нужнаго» языка при «употребленіи въ должности» не считалось уже обязательнымъ.

Просматривая теперь эти историческіе памятники и документы, освѣщающіе прошлыя судьбы прибалтійскаго побережья, нельзя не замѣтить той постоянной исторической тенденціи, которая доходитъ до нашихъ дней. — тенденціи защиты верховнымъ правительствомъ края туземнаго населенія отъ эксплуататорскихъ наклонностей прочно усѣвшихся здѣсь нѣмецкихъ колонистовъ. Эти древнія русскія области, на которыя распространилось вліяніе уже первыхъ русскихъ князей (Ярославомъ I, по свидѣтельству Нестора, построенъ Юрьскъ (Дерптъ) и до XIII вѣка въ значительной своей части входяція въ составъ Полоцкаго княжества, лишь временно выходили изъ состава русской земли и ливонскія войны царя Іоанна Грознаго, отыскивавшаго въ Ливоніи своихъ несправныхъ данниковъ, служатъ лучшимъ доказательствомъ постоянной живучести историческихъ преданій, ставшихъ снова дѣйствительностью при Петрѣ. Всегда небольшая, сравнительно, горсть нѣмецкаго населенія изстари смотрѣла на себя какъ на временныхъ колонистовъ и между нѣмъ и туземцами-аборигенами никогда не устанавливалось другой связи, кромѣ отношеній побѣдителей и побѣжденныхъ. «Нѣмцы и не нѣмцы», «нѣмецкое и не нѣмецкое» — вотъ дѣленіе, которое изстари единственно знала прибалтійская окраина. Первому — вся привилегія и богатое кормленіе отъ доходовъ и дани, а второму — безправіе и постоянный трудъ на пользу господствующаго класса. Понятно, что лишь только въ странѣ получало силу другое правительство, чуждое эгоистическимъ стремленіямъ колонистовъ, оно всегда становилось на сторону послѣдняго, т. е. туземнаго населенія,

съ своей стороны инстинктивно всегда держащагося вдали отъ возникающей время отъ времени борьбы нѣмецкихъ клочковистовъ за сохраненіе своихъ правъ на хозяйничанье въ краѣ.

Во времена шведскаго владычества, подчиненія польскому государству и, наконецъ, соединенія съ Россійской имперіей — одинаково встрѣчаемся съ рядомъ мѣропріятій, направленныхъ къ поднятію значенія туземнаго населенія, ограниченію произвола господствующаго класса и каждый разъ видимъ, что симпатіи первого неизбѣнно сохраняются на сторонѣ правительства и если встрѣчались прелятствія его предначертаніямъ, активныя или пассивныя, то они всегда исходили отъ послѣдняго. Правда, сообразно съ духомъ времени, усилія шведскаго, польскаго и даже русскаго правительства въ прежнія времена не заходили далѣе обезпеченія туземнымъ массамъ «свободнаго» существованія, правда и то, что понятіе о такомъ «свободномъ» существованіи по временамъ расширялось какъ суживалось, а съ этимъ разнообразился и характеръ мѣропріятій, но легко усмотрѣть, что задачи настоящаго времени вполнѣ отождествляются съ прошедшимъ. Русское правительство, съ самаго начала окончательнаго присоединенія ливонскихъ областей къ Россіи, обезпечило за собою свободу дѣйствія въ этомъ направленіи и успѣло сдѣлать, конечно, во много разъ болѣе того, что сдѣлано было въ кратковременные сравнительно періоды польскаго и шведскаго правительства въ краѣ. Но и въ будущемъ предстоитъ сдѣлать не мало.

То же постоянство, какъ и въ характерѣ дѣйствій высшей правительственной власти, замѣчается и въ политикѣ и пріемахъ остзейскаго рыцарства и бюргерства. Какъ въ дѣйствіяхъ правительства обнаруживается постоянная тенденція къ согласованію мѣстныхъ привилегій съ общегосударственными интересами и требованіями времени, такъ въ дѣйствіяхъ рыцарства и бюргерства неизмѣнно проглядываетъ стремленіе охранить выгодные для него порядки при помощи ли покорности и уступчивостію въ мелочахъ, чтобы обезпечить за собою существенное или при помощи косвенныхъ представленій и ходатайствъ. Последніе годы XVIII вѣка и первые текущаго (эпохи административныхъ реформъ Екатерины и крестьянской реформы въ Лифляндіи при Александрѣ I) представляютъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи массу любопытныхъ и поучительныхъ эпизодовъ. Время съ своими требованіями измѣнило кругомъ многое, но здѣсь въ прибалтійскомъ краѣ,

болѣе чѣмъ гдѣ либо сохранились традиціи прошлаго, въ чемъ, конечно, нельзя видѣть ничего удивительнаго, такъ какъ успѣхъ оправдываетъ все. Вотъ почему надлежащая историческая постановка вопроса о будущемъ прибалтійскаго края, его отношеніяхъ къ Россіи, одна только можетъ дать вѣрный путь къ его рѣшенію. Что время коренного рѣшенія приспѣло, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Туземныя народности прибалтійскаго края съ упованіемъ смотрятъ на Россію, вѣря въ ея историческія традиціи.»

Прибавлять что либо къ сказанному совершенно уже излишне. Составителю книги остается только приложить всякое стараніе, чтобы продолженіе его труда было достойно вниманія русской публики.

ОТДѢЛЕНИЕ I.

**Матеріалы и статьи по древней исторіи
Прибалтійскаго края.**

Реформація въ Ливоніи.

Статья доктора Вильгельма Брахмана,

(Из 5 тома *Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurland's*, издаваемых обществом исторіи и древностей Прибалтійскихъ губерній, 1856 г.).

ГЛАВА I.

Начало реформаціи въ Ригѣ. Городъ, орденъ и архіепископъ.

Между учебными заведеніями, которыя въ началѣ XVI-го столѣтія могли быть довольноими своимъ хорошими учителями и многочисленностью учениковъ, школа въ Трептовѣ въ Помераніи занимала немаловажное мѣсто. (1)

Въ школѣ этой дѣйствовали два человека, оба одинаково одушевленные стремленіемъ къ просвѣщенію и истинному образованію, оба впоследствии явившіеся замѣтными дѣателями въ великомъ дѣлѣ

(1) Городокъ Трептовъ находился въ Помераніи между Нольбергомъ и Кампиномъ. Въ эту школу поступали учениками дѣти многихъ ливонскихъ горожанъ, преимущественно рижскихъ.

Здѣсь нелишне вспомнить, что началъ Рижскій въ 49 гл. своей лѣтописи (см. Приб. Сб. II, 381): „Въ Ливоніи не было ни одной хорошей школы, которая дала-бы простымъ священникамъ, заботящимся истинно не вѣдомой наукой. Некоторые посылали своихъ дѣтей въ высшія школы и княжескіе дворы далеко въ Германію, и открыто говорили, что никому не совѣстѣе держать своихъ сыновей долго въ Ливоніи, такъ какъ дома ни наче-ну не учатся, и если бы даже и научились, то дѣти, воспитанные дома, похожи на быка, хотя бы и было очень сподобны. Многие дворные говорили также, что сколько бы у нихъ ни было сыновей, ни на одного не оставить при себѣ, но пошлютъ ихъ къ королевскимъ, курфюрстскимъ и княжескимъ дворамъ; такіе дворы составляютъ благородныя воспитательныя школы, гдѣ лѣтмейстеръ и маршалъ назначены, чтобы смотрѣть на предворники людей: тамъ молодые люди могутъ получить дисциплину и почтительность. Здѣсь же въ Ливоніи они научаются только шутству, роскоши и др. порокамъ.“

Не лишне также вспомнить, что германскіе императоры Фридрихъ III и Максимилианъ I и имперскіе князья, въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтій, много adoptingъ объ учрежденіи и поддержаніи школъ и университетовъ въ Германіи и звали себѣ въ особенную честь покровительствовать наукѣ и просвѣщенію, точно также какъ ихъ замечательное и развратившееся потомство въ XVIII столѣтіи много заботилось объ устройствѣ при своихъ дворахъ конскихъ свечей и баловъ и гордилась своимъ операмъ, балетамъ и метрессамъ.

реформации. одинъ изъ нихъ, другъ Лютера, содѣйствовалъ распространению и поддержанію лютеранскаго ученія въ Саксоніи, другой основалъ лютеранскую церковь въ Ливоніи. То были Іоаннъ Бугенхагенъ и Андрей Кнѣпъ или Кнѣпкенъ. Они были учителями въ Трептовѣ, въ то время когда Лютеръ издалъ свою книжку о вавилонскомъ плѣненіи, которая читалась съ жадностью и усердно распространялась друзьями просвѣщенія въ Германіи. (2)

Книжка эта скоро попала въ Трептовъ въ руки одного тамошняго духовнаго лица, Отто Слутова, который тотчасъ же сообщилъ ее своимъ друзьямъ и прежде всего Іоанну Бугенхагену. Что и Андрей Кнѣпкенъ чрезъ Бугенхагена узналъ о содержаніи книжки, то это было естественно при дружескихъ отношеніяхъ, существовавшихъ

(2) Необходимо замѣтить какого рода была эта книжка. Августинскій монахъ Мартинъ Лютеръ въ 1508 г. былъ приглашенъ профессоромъ богословія въ Виттенбергскій университетъ, основанный въ 1502 г. курфюрстомъ Фридрихомъ. Лекція новаго профессора, въ которой провозглашалась мысль, что богословы слѣдуетъ изучать преимущественно библію, а не ученіе латинской церкви, такъ какъ Основатель христіанства и его первые ученики проповѣдывали совсѣсть не то, что посредствомъ соборовъ, папъ и схоластиковъ сдѣлалось ученіемъ церкви, быстро приобрѣли себѣ многочисленныхъ слушателей изъ всѣхъ концовъ Германіи, въ которой люди мыслящіе давно уже готовили на чрезвычайныя злоупотребленія папъ и латинскаго духовенства. Лютеръ, однако, долго не выходилъ изъ послушанія папѣ и шествовалъ на пути проповѣди горькой церковной реформы лишь тогда, когда само латинское духовенство вынудило его къ тому.

Извѣстно, что папа Юлій II началъ постройку въ Римѣ громаднаго собора св. Петра (соборъ можетъ вмѣстить въ себѣ до 50,000 челоѣкъ), принимавшаго в себѣ подобнаго по всемъ мѣрѣ. Это прегрѣшеніе папы Леона X продолжалъ работы по постройкѣ, а покровительствуя искусствамъ, велъ безпослѣдно роскошный образъ жизни. Искленіе доходы хотя и были велики, но ихъ рѣшительно не хватало на расходы, потому-то на увеличеніе доходовъ папской казны Леонъ X и обратилъ особенное вниманіе. Хорошій, едва-ли не лучший источникъ дохода папской казны составляла въ то время продажа такъ называемыхъ индульгенцій, извѣстныхъ означеніи грѣховъ вѣнъ содѣланныхъ, такъ и тѣхъ, которые содѣлаются. Продажу этихъ индульгенцій папа сдѣлалъ за круглую сумму въ оптовую аренду, а арендаторы уже отъ себя раскупали комиссаровъ по городамъ и деревнямъ для розничной торговли. Приказъ германской имперіи, архіепископъ магнискій Альбрехтъ съказъ такой порядокъ комиссарамъ по индульгенціямъ сдѣлать доминиканскаго монаха Тецеля, который въ свою очередь началъ събѣ другихъ монаховъ въ качествѣ помощника, подкомиссара. Безъ члѣнѣннаго стѣсненія для заурѣннѣ совѣсти, оба эти продавца начали раскупать по городамъ и деревнямъ Германіи, предлагая купцамъ индульгенціи въ силу латинскаго ученія, что мучники и святые церкви оказали уже столь много заслугъ протв Господомъ Богомъ, что изъ таинныхъ заслугъ образовался запасъ, который глава видной церкви (папа) можетъ или продать или подарить каждому вѣрующему, живущему или заслугъ или обрѣженному тѣлѣмъ грѣхѣмъ.

Тецель, оставивъ такую на свой товаръ и разбѣжалъ по Германіи, въ 1517 г. прибылъ въ Ютербоку и Цербтѣ, въ близости Виттенберга. Лютеръ, не могъ оставаться хладнокровнымъ зрителемъ подобнаго торга и не замедлилъ прибыть къ дверямъ замковой церкви въ Виттенбергъ 95 тезисовъ (тезисовъ) противъ индульгенцій (отпускательныхъ грамотъ, Ablass-Zettel), напечатанныхъ защищая ихъ публично.

Съ этихъ-то 95 тезисовъ, распространившихся съ чрезвычайною быстротою по всей Германіи, но и за ея вѣры, и начинается исторія реформации. Здѣсь, конечно, не мѣсто распространяться о событіяхъ, послѣдовавшихъ за обнародованіемъ 95 тезисовъ, достаточно сказать, что Лютеръ окончательно порвалъ всякія связи съ латинскими не этимъ тезисомъ, а двумя евангельскими книжми, изъ которыхъ первое вышло въ юніи 1520 г. подъ заглавіемъ „Vom christlichen Adel deutscher Nation“, а второе въ августѣ того же 1520 г. „о вавилонскомъ плѣненіи церкви“. Въ этомъ послѣднемъ сочиненіи говорится о необходимости учрежденія, выходящаго римской, новой церкви, основанной на ученіи библіи. Оба эти сочиненія гонимы также быстро распространялись въ Западной Европѣ, а послѣдняя легла въ основаніе ученія лютеранъ.

между ними. Оба они обратили вниманіе на ученіе Лютера, изучили его ближе и примкнули къ нему всей душой. Того, что такъ благотворительно на нихъ дѣйствовало, что имъ доставляло такъ много утѣшенія и успокоенія, того они не могли и не хотѣли, при своемъ честномъ образѣ мыслей, скрыть отъ своихъ учениковъ, изъ которыхъ многіе вслѣдствіе этого и были привлечены на сторону просвѣщенныхъ религіозныхъ воззрѣній. Но юношеское одушевленіе скоро перешло черезъ край и негодование на злоупотребленія въ католической церкви выразилось въ фактическихъ оскорбленіяхъ католическихъ духовныхъ лицъ въ Трентовѣ. Когда эти послѣдніе совершали съ колокольчиками свои обычные процессіи по улицамъ города, то въ нихъ бросали грязью, а ночью изъ церкви святаго Духа вытаскивали статуи и иконы и побросали ихъ въ близъ лежавшій колодезь. (3)

Какъ только объ этомъ узналъ Эрasmus Магтейфель, епископъ кампскій, то тотчасъ принялъ мѣры какъ протавъ повторенія такого безчинства, такъ и противъ распространенія лютерова ученія. Бугенхагенъ и Квэнкенъ, чтобы избѣгнуть преслѣдованія епископа, бѣжали изъ Трентова.

При всей своей учености и ревностномъ стремленіи къ истинѣ, Квэнкенъ былъ скромнѣе и тихаго нрава; это былъ человѣкъ, одаренный свѣтлымъ умомъ и проникнутый искренней вѣрой. Привѣтливостью обращенія онъ приобрѣлъ всеобщую любовь къ себѣ своихъ учениковъ, между которыми находились и сыновья рижскихъ гражданъ, потому что, какъ рассказываетъ Аридтъ (въ своей хроникѣ, II, стр. 184), многіе изъ рижанъ, видя распущенность своего духовенства, не хотѣли довѣрять воспитаніе юношества монахамъ, посылая своихъ дѣтей учиться въ Трентовскую, къ то время знаменитую школу. И вотъ, когда Квэнкенъ бѣжалъ изъ Трентова, то его ученики и Меллахтонъ (ближайшій сподвижникъ Лютера) совѣтовали ему ѣхать въ Ригу, гдѣ его братъ Яковъ Квэнкенъ былъ соборнымъ каноникомъ (домгеромъ). (4)

Въ 1521 году Квэнкенъ прибылъ въ Ригу, и такъ какъ въ этомъ городѣ лютерово ученіе не имѣло еще столько приверженцовъ, чтобы онъ могъ его распространять гласно, то онъ старался дѣйствовать въ тихомолку. Скоро онъ нашелъ случай давать частные уроки въ Ригѣ, причѣмъ не преминулъ знакомить юношество съ чистымъ ученіемъ Евангелія, и между прочимъ объяснялъ посланіе апостола Павла къ римлянамъ (посланіе это съ объясненіями Квэнкена было напечатано въ 1524 г. въ Виттебергѣ). Дѣйствія Квэнкена имѣли счастливый успѣхъ, число его слушателей и друзей видимо росло и

(3) См. Давида Хатреуса *Newe Sachsen-Chronica* IX в Туана *hist. super. seculi oper* I. XXI.

(4) См. Бергмана *Geschichte der Rigischen Stadtkirchen*, стр. 24 и *Taybeurehwa Programm zur dritten Secular-Jubelfeier der Augsbургischen Confession*. Riga, 1830, стр. 8.

люди съ большимъ влияніемъ, какъ бургомистръ Конрадъ Дуркнопъ и городской секретарь М. Іоаннъ Домилдери, стали его покровителями. (5)

По употребленіи немудраго въ то время способа улаживать научные споры открытыми диспутами спорящихъ сторонъ, и въ Ригѣ устроенъ былъ диспутъ между Княпкеномъ и монахами насчетъ отдѣльныхъ ибронсловѣдныхъ пунктовъ. Диспутъ произошелъ на хорахъ Петров-

(5) Никогда бы Княпкенъ не получилъ въ Ригѣ частныхъ уроковъ и не считалъ бы себя покровителемъ въ средѣ правящаго городского сословія (магистрата), если бы почва для церковной реформы не была подготовлена въ Ливоніи задолго ранѣе пріѣзда его въ Ригу. Стоить вспомнить только отношенія, существовавшія между властителями Ливоніи, епископами и орденомъ, между высшими и епископами, между Рогою и другими городами и епископами, чтобы съ полнѣею точностію объяснить себѣ почему ученіе Лютера распространялось въ ливонскихъ Stadt'ахъ и Land't, т. е. между лѣвѣтскими коопшетами съ необыкновенною быстротою.

Мы уже видѣли, что именно побудило епископа Альберга основать въ Ливоніи духовно-рыцарскій орденъ, и видѣли также, что орденъ, почувствовавъ свою силу, не жалеяше вступать въ борьбу со своимъ независимымъ, архіепископомъ. Въ Ливоніи въ началѣ XVII столѣтія произошла такая же борьба между свѣтскою и духовною властью, кака была въ Германіи между папою и императоромъ. Орденъ осмѣля, и въ началѣ XVI стол. при магистрѣ своемъ Плетенбергѣ приобрѣлъ рѣшительный перевѣсъ надъ духовною властью. Но борьба, табуливаясь цѣлымъ столѣтіемъ, обухомъ и вражду между орденомъ и духовенствомъ. Вражда же способствовала тому, что чуть лишь въ Германіи Лютеръ заговорилъ о кающемся и крещеніи латинской церкви и совершенной необходимости коренной церковной реформы, какъ орденскіе чины и самъ магистръ Плетенбергъ явились доброжелателями новаго ученія. Развѣла, какъ епископство такъ и орденскіе, съ теченіемъ времени приобрѣли значительныя корпоративныя права, не имѣли ни катѣйныхъ расчетовъ поддерживать духовенство, напротивъ имѣли всѣ причины и поводъ сдѣлать за тѣмъ, въ чьихъ рукахъ было преобладаніе и сила, сила за орденомъ и его магистромъ.

Городъ Рига никогда не былъ усерднымъ слугою своего архіепископа, напротивъ нерѣдко поднималъ противъ него оружіе, не желая подчиняться власти духовенства. Рижане не были усердными католиками и явились немедленно же на сторонѣ церковной реформы, когда впервыя объ этой реформѣ зашла на очередь въ Германіи.

Что касается до массы населенія Ливоніи, латвийскія и эстонскія, то для нихъ вопросъ о церковной реформѣ былъ совершенно безразличенъ. Они считались католиками, но въ сущности были тѣми же язычниками, какими были ихъ предки до прихода крестоносцевъ. Изъ ливонск. Генриха Латискаго мы уже видѣли, какъ прохладно крещеніе ливонскихъ туземцевъ: оспроить святое водомъ, обложить данью, зачислать въ папскіи и содѣло.

Зачисленные въ католики, ливонскіе туземцы католиками не были. Да и трудно было сдѣлать ихъ католиками: святилища, языческихъ вѣстныхъ язывъ, не было; богослуженіе проходило на языкѣ латинскомъ, не понятномъ не только ливонскимъ туземцамъ, но и огромному большинству самихъ коопшетовъ; церковная проповѣдь совершалась на языкѣ лѣвѣтскомъ, туземцамъ также непонятномъ. Переводъ библіи на туземныя языки не было, да и на лѣвѣтскій-то языкъ библію перевелъ только Лютеръ (край чужъ допустить лѣвѣтскимъ сознательнымъ и нѣкоторымъ безсознательнымъ умонаменіемъ); икошь также не было, чему же удивляться, если ливонскіе туземцы въ XVI столѣтіи были болѣе язычниками, чѣмъ христіанами. Ихъ первоначально зачисляли въ католичество, а потому переписали въ лютеранство, — ни мало не спрашивая желалъ-ли они такого переписанія. Да и спрашивать было, конечно, не для чего и не зачѣмъ, потому что латинскіи-ли, лютеранскіи-ли для ливонскаго туземца были одинаково чужды и чуждыми.

Не подлежитъ сомнѣнію, что успѣху лютеранства въ Ливоніи много способствовало само духовничество. Высшимъ чинамъ его, люди названіе изъ Германіи, только и думали, что о набожнѣ, а высшіе чины отличались совершеннымъ неважествомъ. Коопшеты просто отвернулись отъ нихъ, когда въ Ливоніи проникло новое ученіе, а туземцы и прежде никогда не чувствовали ни малѣйшей солидарности со своимъ духовенствомъ.

Есть цѣлѣе (см. Бергманна выше указанная статья), что ранѣе Княпкена, именно въ 1511—16 г., въ Ливоніи училъ и имѣлъ многихъ приверженцевъ ученій гусситъ Николай Русскъ. Его ученіе, конечно, подготовило успѣхъ Княпкена.

своей церкви подъ предѣлательствомъ и защитой бургомистра Конрада Дуркона; Кизпкенъ рѣшительно разбилъ своихъ противниковъ ссылками на Евангеліе. ⁽⁴⁾

Для предотвращенія всякаго смятенія и для защиты Кизпкена отъ всякихъ нападкѣ со стороны католической партіи, во время диспута передъ церковью сторожили преданные лютеранскому ученію граждане.

Рижскій архіепископъ Каспаръ Линде и дерптскій и ревельскій епископъ Іоаннъ Бланкенфельдъ думали противодействовать такому распространенію ереси тѣмъ, что на ландтагѣ, происходившемъ въ Вольмарѣ въ 1522 г. ⁽⁵⁾, объявили сочиненія Лютера еретическими, соблазнительными, порочными и предали ихъ проклятію. Но время было уже не такое, чтобы можно было въпынкою пышностью фразъ, устрашить кого-бы то ни было. Напротивъ ихъ объявленіе повело только къ тому, что старая закваса сдѣлалась ненавистию противъ прешняго и умы ободрились въ ихъ стремленіи къ чистому ученію. Поведеніе епископовъ на сказанномъ ландтагѣ имѣло слѣдствіемъ лишь ближайшее соединеніе противъ ихъ нападковъ всего земснаго рыцарства ⁽⁶⁾ и городовъ Риги, Ревеля и Дерпта; такое обліженіе было вызвано особенно усиліями Ломиллера. Ломиллеръ, состоявшій канцлеромъ архіепископа Каспара, до назначенія въ 1520 году секретаремъ города Риги ⁽⁷⁾, былъ самымъ подходящимъ человекомъ, чтобы поддержать и укрѣпить дѣло Евангелія, потому что хорошо зналъ ливонское духовенство, его пронырства, и зналъ, чѣмъ и какъ можно было противодействовать духовнымъ властителямъ. Обліженіемъ рыцарства и городовъ, Ломиллеръ нанесъ архіепископу и епископу чувствительный ударъ. они прибыли на ландтагъ съ большою пышностью, но уѣхали по своей унылые и совершенно въ тихомолку ⁽⁸⁾.

Кизпкенъ не долго пребылъ единственнымъ учителемъ Евангелія въ Ригѣ; скоро онъ нашелъ въ Спльвестрѣ Тегельмейеръ или Тегетмейеръ сильнаго себѣ помощника. Тегельмейеръ съ

⁽⁴⁾ См. Арндта II, стр. 134 и сочиненіе Вергиля о третейхъ епископскъ соборѣ реформации, стр. 36.

⁽⁵⁾ Таубенгеймъ въ своей программѣ къ третьему годовому собору лутъ-бурскаго исповѣданія относитъ этотъ ландтагъ къ 1522 г., основываясь на томъ, что Ломиллеръ въ письмѣ къ епископу Самландскому отъ 1526 г. говоритъ о ландтагѣ какъ о происшедшемъ за три года предъ тѣмъ. Письмо свидѣетъ, что ландтагъ происходилъ въ Іюль 1522 г.

⁽⁶⁾ Извѣстно, (см. вступленіе къ 2-му тому Приб. Об. стр. XIX и XX), что во времена самостоятельнаго существованія Ливоніи все ливонское населеніе дѣлилось на 2 группы: туземцы и нѣмецкіе колонисты (пришельцы). Колонисты дѣлились на 4 корпораціи: духовенство, орденъ, вассалы и горожане. Всѣ лица, получившія земли, именовавшихся вассалами епископскими или орденскими, входили потому отъ кого они получили эти земли. Всѣ вассалы данной области составляли рыцарство и людитво или просто рыцарство, называвшееся земскымъ въ отличіе отъ рыцарства орденскаго.

Оближались съ горожанъ не орденское, а земское рыцарство, т. е. ландалы.

⁽⁷⁾ См. Таубенгеймъ программу, стр. 5.

⁽⁸⁾ См. письмо Ломиллера о ливонскомъ ландтагѣ 1522 г. къ епископу Самландскому въ архивѣ ливонскаго дворянства.

1520 года состоялъ канцеляномъ при соборѣ въ Ростоу и прибылъ въ 1522 г. незадолго до Михайлова дня въ Ригу, чтобы здѣсь получить наследство ⁽¹¹⁾. Быстрое распространіе евангелическаго ученія въ Ригѣ и живое участіе, съ которымъ рижане относились къ этому ученію, привели его, вѣроятно, къ убѣжденію, что передъ нимъ открылось широкое поле дѣятельности, и побудили его остаться на болѣе продолжительное время въ Ригѣ. Кнэпкенъ и Тегельмейеръ были люди совершенно различные характеромъ. Въ то время какъ Кнэпкенъ дѣйствовалъ и говорилъ кротко и скромно, Тегельмейеръ хотѣлъ взять горячностью и настойчивостію; его рѣчь была высокопарна и простому человѣку не понятна. И Кнэпкенъ проповѣдывалъ противъ отпустительныхъ грамотъ и папской власти, но онъ не столько заботился объ уничтоженіи вѣстныхъ обрядовъ, сколько о томъ, что «идолъ долженъ быть удаленъ прежде изъ сердца человѣка, а потомъ уже изъ церкви» ⁽¹²⁾. Тегельмейеръ напротивъ проповѣдывалъ съ огненною необузданностію о евангельской свободѣ, о суетности идоловъ, ненужности поклоненія иконамъ; его сильное возбужденіе передавалось слушателямъ, побуждая ихъ проявлять свое усердіе къ новому ученію на иконахъ и могильныхъ памятникахъ ⁽¹³⁾. Этой враждѣ Тегельмейера къ церковной вѣщности вѣроятно много способствовали движенія, которыя происходили въ Германіи въ началѣ этого года, преимущественно подъ руководствомъ Карлштадта, и обнаруживались въ низверженіи иконъ и другихъ насильственныхъ дѣйствіяхъ, а такая «огненная голова», какъ Тегельмейеръ, вѣроятно съ трудомъ могъ противиться охотѣ къ быстрымъ и стремительнымъ шагамъ.

Рижскій магистратъ все еще надѣялся избѣгнуть открытаго разрыва съ католическою церковью, еслибы только были уничтожены самыя выдающіяся злоупотребленія въ церковной жизни, но архіепископъ Каспаръ Линде ничего и слышать не хотѣлъ о реформахъ. Тогда магистратъ рѣшился выйти изъ колебанія. Онъ вошелъ въ соглашеніе со старшинами обѣихъ гнаудъ и избралъ Кнэпкена архидіакономъ при церкви св. Петра. 23-го октября 1522 г. Кнэпкенъ произнесъ свою вступительную проповѣдь и тѣмъ положилъ первый камень къ основанію евангелической церкви въ Ливоніи ⁽¹⁴⁾. Черезъ вѣсколько недѣль послѣ того, въ первый день Рождественскаго поста (адвента), Тегельмейеръ въ первый разъ проповѣдывалъ въ церкви св. Іакова на текстъ евангелія отъ Луки XIX, 6 ⁽¹⁵⁾. Въ это время Лемилеръ воспользовался случаемъ, который представился ему путешествіемъ одного молодого человѣка изъ Риги въ Виттенбергъ, чтобы уведомить

⁽¹¹⁾ См. Арендта II, стр. 166, примѣч.

⁽¹²⁾ См. Кельха Лип. Нер. стр. 168.

⁽¹³⁾ См. Гадебуша Lief. Jahrbuch, т. I, отд. 2, стр. 286 и Хитреуса I. X.

⁽¹⁴⁾ См. соч. Бергмана о третьемъ стохѣнемъ обилетъ реформаци, стр. 36.

⁽¹⁵⁾ См. Гадебуша I, 2, стр. 285.

Лютера объ успѣхахъ евангелическаго ученія въ Ливоніи. «Какъ ничтожаѣмый и безполезный изъ всѣхъ слугъ Христа, которые есть, былъ и будути, и какъ почительный ученикъ твоей мудрости», пишетъ Ломиллеръ. «я, который почти всю свою жизнь провелъ и растратилъ на писаніе писемъ, я не могъ удержаться, чтобы и тебѣ не написать, не сомнѣваясь, что сообщу величайшему вѣстнику Евангелія изъ высшей степени пріятное извѣстіе, объявивъ въ этомъ письмѣ, что и наша Ливонія, послѣдняя страна на сѣверѣ Европы, бывшая прежде христіанскому міру почти неизвѣстною, приняла слово вѣры и чистое ученіе. Сверхъ того Рига тѣмъ болѣе обязана благодарностью Христу, что у насъ есть два усердные и вмѣстѣ съ тѣмъ непреодолимые возвѣстители божественнаго слова и твоей мудрости, изъ коихъ одинъ, Андрей Модестинъ (Кнапкенъ) родомъ изъ марійскаго города Кистрина, а другой Сильвестръ Тетельмейеръ изъ вендскаго города Гамбургга, оба мужественные, ученые, всецѣло преданные Христу и для распространенія Евангелія избранные мужи». Въ заключеніе Ломиллеръ проситъ, чтобы Лютеръ, если ему ничто не помѣшаетъ, обратился къ ливонцамъ съ посланіемъ, или по крайней мѣрѣ привѣтствовалъ бы ихъ хотя бы мимоходомъ въ своихъ сочиненіяхъ и не отказалъ бы имъ въ своемъ утѣшеніи ⁽¹⁵⁾. О безпорядкахъ, сопровождавшихъ введеніе реформации въ Ригѣ, Ломиллеръ ничего не упоминаетъ.

Всякая новизна, дѣйствующая рѣшающимъ образомъ на церковную или государственную жизнь, влечетъ за собою бурныя сдѣны, исходящія болѣею частью отъ людей, которые или слишкомъ нескѣдупци, чтобы понять великую идею, а схватываютъ только внѣшній видъ ея, или которые думаютъ, что со старымъ духомъ должна быть насильственно уничтожаема и старая форма, не разсудивъ, что вѣщная форма сама собою должна рушиться, какъ только исчезнетъ оживившій ее духъ. Такъ было и въ Ригѣ, гдѣ огненнымъ рѣшомъ Тетельмейера воспламеняли къ подобнымъ сдѣнамъ. Церкви лишились своихъ украшеній, иконы срывались и публично сжигались, всеобщее возбужденіе увеличивалось со дня на день ⁽¹⁶⁾.

(15) См. Таубенгеймову программу стр. 7 и 8.

(16) Единичные случаи такого рода встрѣчались и раньше. Такъ напр. въ мартѣ 1524 г. «чернокозники» собрались въ своемъ доми: вдругъ произошло смятеніе и толпа молодыхъ бранцевъ подъ предводительствомъ одной горлатей головы вторглась въ церковь св. Петра и тамъ разрушила все, что принадлежало къ алтарю чернокозниковъ. См. Пальерскаго обзоръ древней исторіи Риги въ Mon. Liv. ant. IV, стр. CXXVII.

Феллинскій католическій священникъ Діонисій Фабриціи въ своей сокращенной ливонской исторіи говоритъ, что рижское населеніе, послѣдственнымъ пришествіемъ Тетельмейера, въ 1522 г. бросилось на рижскія церкви. Иконы и священныя изображенія были сорваны со своихъ мѣстъ, снесены на Кубскую гору и здѣсь были сожжены.

Кубская гора находилась у вѣстовнаго риа бывшей Рижской епархіи, упраздненной въ 1857 г., противъ Лубскаго развѣлія. Гора эта, при перестройкѣ крѣпостныхъ стѣнокъ по проекту инженеръ-генерала Бауера, была срита въ 1780 г.

По словамъ Фабриціи въ тоже время въ Ригѣ были сожжены православныя церкви. Извѣстіе это вѣрно. Въ Ригѣ съ давнихъ временъ существовала церковь св.

Рижскому магистрату при всеобщем волненіи, вѣроятно, было трудно обуздать эти дикія неистовства, не было вѣроятно и охоты обуздывать при своемъ благопріятномъ настроеніи къ евангелическому ученію, но съ другой стороны онъ все же чувствовалъ свою зависимость отъ архіепископа, какъ одного изъ властителей города, и долженъ былъ опасаться, чтобы подобныя безпорядки не повели къ несвоевременному разрыву съ нимъ. Потому-то магистратъ неоднократно посылалъ посольствъ къ архіепископу и просилъ его, ради славы Господа при настоящей бѣдѣ, назначить наконецъ чистыхъ и благочестивыхъ учителей и проповѣдниковъ въ городскія церкви, дабы въ противномъ случаѣ община сама не попробовала бы устранить зло. Духовнымъ лицамъ при дворѣ архіепископа, проводившимъ свои дни въ роскоши и обиліи, понятія о чистотѣ и благочестіи уже давно стали чужды; послы города были встрѣчены смѣхомъ и издѣвательствами и должны были воротиться ни съ чѣмъ.

Самъ архіепископъ былъ человекъ кроткаго нрава, жившій до сихъ поръ съ горожанъ Ригой въ добромъ согласіи; въ настоящее время онъ замышлялъ привести городъ къ порядку не силой, а путемъ тайной жалобы. Съ этой цѣлью онъ послалъ въ 1523 году въ Германію трехъ монаховъ въ имперское управленіе, которое въ отсутствіе императора Карла вѣдало имперскими дѣлами. Монахи должны были попросить строгій указъ противъ города съ угрозою опалы. Рижане провѣдали о посылѣ монаховъ, но не придавали важности архіепископской жалобѣ. «Прежде чѣмъ императоръ пріѣдетъ въ Ливонію», говорили они. «его рейтары воякомъ устанутъ и утомятся; если императоръ пріѣдетъ съ большимъ войскомъ, то натерпится бѣды отъ голода, если же пріѣдетъ съ малымъ числомъ солдатъ, то мы легко побьемъ ихъ». Вслѣдствіе этого рижане не побоялись продолжать дальнѣйшія церковныя реформы, они уговаривали соборныхъ священниковъ, монаховъ и монахинь или оставить свое ложное ученіе или совершать свое богослуженіе для себя однихъ и при закрытыхъ дверяхъ; а кто не хочетъ согласиться на это, тому, говорили они, ничто не мѣшаетъ оставить городъ.

Монахи исполнили свое посольство въ Германіи и находясь на возвратномъ пути, хвалились, что везутъ съ собой указъ, по которому въ Ригѣ должно быть все возстановлено по старому и еретики должны быть изгнаны изъ города, въ противномъ случаѣ городъ будетъ объявленъ въ опалѣ, лишится всякаго своего добра и имущества и въ

Николай (на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ домъ Ресурса на площади предъ ратушею). Полотнище висело на приделахъ свѣдѣнниковъ. Что эта церковь не была сожжена, доказательствомъ служатъ тѣ, что въ дѣлахъ Западной Россіи, томъ II, стр. 403 подъ 1544 годомъ упоминается о церкви св. Николая въ Ригѣ, какъ о существовавшей въ то время. Она не была даже и ограблена. Изъ ней, по преданію, совершалось богослуженіе лишь зѣтокъ, когда въ Ригу прибывали православные купцы изъ штеттской Ливонскаго бассейна, торговавшие въ рижскому порту.

то же время должники города освобождаются отъ своихъ платежей. Для рижанъ, давно уже худо поговаривавшихъ о монахахъ, это уже было черезъ-чуръ. частью для того, чтобы узнать истинный результатъ посольства, частью же для того, чтобы отметить архіепископу за его скрытное поведеніе, они подкараулили монаховъ, когда тѣ приставали къ берегу. Одинъ изъ нихъ благополучно высадился у Динаминда, но два другіе были взяты съ корабля и посажены въ тюрьму. Имя одного монаха намъ сохранила исторія, это былъ извѣстный баснописецъ Бурхардъ Вальднсъ; въ тюрьмѣ онъ перешелъ къ евангелическому ученію и тогда получилъ свободу; другой же долженъ былъ болѣе года оставаться въ заточеніи ⁽¹⁸⁾.

Арестованіе монаховъ произвело въ католическомъ духовенствѣ большой шумъ и вѣроятно побудило къ угрозамъ и насильствамъ, которыя только увеличивали ожесточеніе лютеранской партіи. Когда однажды бюргерство собралось въ домѣ Черноголовыхъ, рижскій замковый командоръ (комендантъ замка) Германъ Гейте присадлъ собранію бичъ и велѣлъ сказать, что если бюргеры хотятъ пользоваться спокойствіемъ и миромъ, то этимъ бичемъ должны выплатить изъ города поповъ, монаховъ и молахинъ. Католическое духовенство, провѣдавъ про это, начало опасаться чтобы рижане и въ самомъ дѣлѣ не изгнали ихъ, потому рѣшились предупредить насиліе добровольнымъ переселеніемъ, и вотъ въ страстную пятницу 1523 года священники и монахи, угрожая жителямъ, потахнулись изъ города съ крестами и разбивающимися хоругвями. Но когда улегся первый страхъ, они все таки предпочли жить спокойно въ городѣ, чѣмъ все какъ перебиваться вѣкъ его, потому одинъ за другимъ потахоньку и перебрались обратно въ городъ ⁽¹⁹⁾.

Выходъ изъ города монаховъ и священниковъ легко могъ подать архіепископу поводъ къ новой жалобѣ. Чтобы обезпечить себя отъ жалобы, магистратъ, съ точностію узнавшій отъ арестованныхъ монаховъ истинную цѣль ихъ посольства и результатъ его, составилъ противъ архіепископской жалобы защитительную рѣчь, въ которой изложилъ краткое исповѣданіе вѣры и указалъ причину выхода изъ города монаховъ. Эту рѣчь, по отпечатаніи, магистратъ послалъ въ Германію, въ имперское управленіе ⁽²⁰⁾.

Въ то время какъ въ Ригѣ обѣ религіозныя партіи становились все въ болѣе и болѣе враждебныя отношенія другъ къ другу, Ломплеръ старался тѣмъ же сблизить союзъ своихъ люковскихъ братьевъ по вѣрѣ съ таковыми же въ Германіи и особенно съ основателемъ новаго ученія, дабы приверженца Лютера въ Ливоніи не стояли одиноки,

⁽¹⁸⁾ О происшествіи этомъ см. люковскую исторію Пирца стр. 193 и 194 въ Mon. Liv. ant. томъ I и у Хитреуса I. X.

⁽¹⁹⁾ См. Пирца стр. 194 въ Mon. Liv. ant. I и Гадебуша I. 2, стр. 287 и 298.

⁽²⁰⁾ См. хронику Кельха стр. 171; Хитреуса I. X и Гадебуша I. 2, стр. 298 и 299.

но вступили бы въ органическую связь съ цѣлымъ. Съ этой цѣлью Ломиллеръ еще разъ написалъ Лютеру. Въ этомъ письмѣ онъ говорилъ, что вотъ уже второй годъ ждетъ, не получая утѣшенія, отвѣта или какого нибудь извѣстія, изъ котораго можно было бы узнать о составившемся у Лютера мнѣніи на счетъ ливонцевъ. «Я откровенно сознаюсь», продолжаетъ онъ, «что мое письмо было такъ некрасиво и дурно написано, что не заслуживало отвѣта такого великаго ученаго, какъ ты. Но съ другой стороны меня ободряетъ и утѣшаетъ то, что мы узнаемъ изъ Христова ученія, а также и изъ твоего, что у Христа дѣло не въ наружности человека, и слѣдовательно должно смотрѣть не на плавность рѣчи, но на образъ мыслей и вѣру, и что Господь никого отъ себя не отгоняетъ, кто къ нему приходитъ съ вѣрою». Съ этимъ письмомъ (которое не вполне сохранилось) онъ послалъ свое первое письмо и еще одинъ богословскій опытъ ⁽²¹⁾. Но Лютеръ не оставилъ безъ вниманія первое письмо, а уже въ августъ того года написалъ посланіе къ городамъ Ригѣ, Ревелю и Дерпту, которое должно быть получено было только послѣ отправки второго письма Ломиллера. «Я узналъ письменно и устно, любезные господа и братья», пишетъ Лютеръ, «какъ Богъ Отецъ нашего Господа и Спасителя Иисуса Христа и у насъ началъ совершать свои чудеса и озарилъ ваши сердца своимъ многомилостивымъ свѣтомъ истины, а къ тому васъ такъ высоко благословилъ, что вы съ веселымъ сердцемъ принимаете этотъ свѣтъ, какъ истинное слово Божіе... потому, мои любезнѣйшіе, будьте благодарны божьей милости, познайте время вашего просвѣтленія, покажите, что вы не напрасно приняли милость Божію. И во первыхъ, смотрите за тѣмъ, чтобы вы не сдѣлались галатами, которые начали такъ прекрасно, стали такими чистыми, искренними, истинными христіанами, но скоро совратились искушеніями и обращены были на ложный путь. потому что вы вотъ слышали и учились, что кто вѣруетъ, что Иисусъ Христосъ своею кровью, безъ нашихъ заслугъ, по волѣ и милосердію Бога Отца, сталъ спасителемъ и пастыремъ нашихъ душъ, то эта самая вѣра безъ нашихъ дѣлъ вполне насъ соединяетъ и такъ предаетъ Христу, какъ кто вѣритъ... Это основаніе христіанской жизни. Затѣмъ вы слышали, что такой человѣкъ впредь ничѣмъ другимъ не обязанъ какъ любить своего ближняго, какъ говоритъ Павелъ къ Римлянамъ 13 гл., 8 и Иисусъ Христосъ Іоанна 13 гл., 34. Заповѣдь новую даю вамъ да любите другъ друга. Это есть также и знакъ, по которому узнаются истинные христіане, какъ говоритъ Христосъ. О семъ разумѣютъ все, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою. Это другое положеніе христіанской жизни. Такъ учите и поступайте, мои любезные, и

⁽²¹⁾ Оба письма находятся въ архивѣ нидерландскаго королевства и напечатаны въ Таубенгеймской программѣ на стр. 6, 7 и 10.

пусть не колеблеть васъ иной вѣтръ ученія, отколѣ бы онъ ни дулъ, изъ Рима или изъ Іерусалима» (22)

Въ слѣдующемъ году Лютеръ посвятилъ христіанамъ въ Ригѣ и Ливоніи свое изложеніе 127-го псалма. (23) Его мнѣнія о Ливоніи, выраженный въ письмахъ къ Спалатину, показывавить, какъ живо его интересовало распространеніе евангелія въ этой странѣ.

Между тѣмъ высшее католическое духовенство хорошо понимало, какъ важно для него привлечь на свою сторону тевтонскій орденъ, потому что тутъ дѣло шло не о чемъ либо малозначительномъ, но обо всей власти, даже о самомъ существованіи рижскаго архіепископства. По словамъ Мельхіора Фукса, Рига была «цвѣста, изъ которой плысали», потому и городу, въ видахъ своего интереса, естественно было обратиться къ тому изъ своихъ обонхъ владыкъ, орденскому магистру или архіепископу, кто былъ наиболѣе благосклонно расположенъ къ нему. Отлученіе отъ церкви потеряло свою силу и не производило уже своего прежняго дѣйствія; германская имперія находилась въ слишкомъ большомъ отдаленіи, чтобы опала ея могла оказать какое либо давленіе; военная сила была единственнымъ средствомъ, которое могъ бы употребить архіепископъ для подчиненія себѣ города. Но откуда было взять войско? Земское рыцарство (вассалы) могло предоставить архіепископу лишь ничтожныя силы, для найма желязровъ (söldner) недоставало самаго необходимаго — денегъ; рубя, посредствомъ которой архіепископъ могъ бы еще побѣдить своихъ враговъ, городъ Рига отказывалъ въ своихъ услугахъ владыкѣ. Архіепископу такимъ образомъ было особенно важно привлечь на свою сторону орденъ, чтобы въ немъ найти защиту себѣ.

Вольтеръ фонъ Плеттенбергъ, величайшій магистръ, котораго когда либо имѣлъ ливонскій орденъ, былъ расположенъ къ реформамъ, но орденъ все-таки былъ католическое учрежденіе; съ переходомъ къ евангелическому ученію, съ отказомъ отъ своихъ духовныхъ цѣлей, онъ выходилъ уже изъ своего жизненнаго круга. Вотъ почему превращеніе прусскаго великаго магистра, а въ слѣдствіи ливонскаго орденскаго магистра въ свѣтскихъ князей, было не актомъ произвола, а политическою необходимостію. Плеттенбергъ былъ уже въ лѣтахъ, его юношеская полнота, а съ нею желаніе реформъ исчезли, онъ уже мало вмѣшивался въ событія, но лишь наблюдалъ за ними, извлекая изъ нихъ возможно большую пользу для ордена и для своего значенія. Онъ уже склонился на сторону архіепископа, какъ Ломмлеръ спросилъ его «не можетъ ли его влияние дозволить,

(22) См. Пальхово изданіе сочиненій Лютера, т. X, стр. 2004.

(23) Der hundert und sieben und zwentzigst psalm ausgelegt an die Christen zu Rigen von Liffland, Martinus Luther. Wittenberg. MDXXIII, 3¼ листа въ 4-ю. Издатель этой рѣдкой брошюры находится въ библиотекѣ общества исторіи и древностей Прибалтійскаго края.

чтобы ему жареные рыбки сами лезли въ ротъ?» Плеттенбергъ появля подобный намекъ и въѣкторое время держалъ себя нейтрально. ⁽²⁴⁾

Когда архіепископъ Каспаръ сталъ со дня на день слабѣть тѣломъ и духомъ, и духовенство увидѣло, какъ мало онъ можетъ одѣлать для защиты и сохраненія католичества, то начало настойчиво просить архіепископа избрать себѣ коадьютора. Архіепископъ согласился и выборъ палъ на Іоанна Бланкенфельда, епископа дерптскаго и ревельскаго.

Бланкенфельдъ родился въ 1471 г. въ Берлинѣ, гдѣ его отецъ, Томасъ Бланкенфельдъ, занималъ мѣсто бургомистра. Сначала онъ посвящалъ себя изученію правотѣвнн и былъ даже нѣкоторое время профессоромъ нравъ въ университетѣ во Франкфуртѣ на Одерѣ, но впоследствии обратился въ духовному званію и сдѣлался капелланомъ великаго магистра. Его умъ и краснорѣчіе вскорѣ показали въ немъ человека, лучше всѣхъ способнаго собою выгоды ордена у паны и его назначили орденскимъ прокураторомъ (повѣреннымъ въ дѣлахъ) въ Римѣ. Стараясь сохранить помъзы ордена, онъ не забывалъ своихъ собственныхъ выгодъ, и его домогательства вакантнаго мѣста епископа ревельскаго увѣнчались въ 1515 г. полнымъ успѣхомъ ⁽²⁵⁾. Въ 1516 г. онъ уже присутствовалъ епископомъ на ландтагѣ въ Вольмарѣ, но уже въ іюлѣ того же года предпринялъ въ качествѣ депутата тектонскаго ордена путешествіе въ Римъ. Человеку, столь искусному въ дипломатическихъ переговорахъ, не трудно было подниматься все выше и выше. Въ 1518 г. онъ, будучи епископомъ ревельскимъ, получилъ епископство дерптское. Духовенство рижскаго архіепископства думало, что нашло въ немъ достойнаго блюстителя своихъ интересовъ. Его честолюбіе казалось имъ порукой, что онъ ничего не позволитъ отнять отъ своего значенія, а его хитрость, думали они, поможетъ ему найти средства и пути достойнымъ образомъ постоять за себя. 28-го ноября онъ былъ утвержденъ паной Климентомъ VII коадьюторомъ.

Бланкенфельдъ съ давняго времени былъ въ сношеніяхъ съ Ломиллеромъ, ежегодно посылалъ онъ Ломиллеру нѣсколько ластовъ хлѣба для его домашняго обихода, за что тотъ помогалъ ему въ его дѣлахъ. И теперь Бланкенфельдъ увѣдомилъ его о своемъ выборѣ прежде чѣмъ кто либо въ Римѣ зналъ что нибудь объ этомъ и поручилъ ему настроить умы въ его пользу. Ломиллеръ своимъ вліяніемъ достигъ того, что магистратъ согласился на выборъ и написалъ о томъ письменный рецессъ; земское рыцарство также склонилось къ присягѣ, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы архіепископъ, коадьюторъ и соборный капитулъ города дозволили свободное проношдываніе и

⁽²⁴⁾ См. письмо Ломиллера къ епископу Саммландскому Георгу фонъ Полену въ архивѣ люфландскаго дворцетны.

⁽²⁵⁾ См. Герна стр. 195 въ Monum. Liv. ant. I и у Дал. Хитреуса I, XI.

исповѣданіе евангелическаго ученія и утвердили старыя привилегіи и вольности. Объ этихъ пунктахъ городъ требовалъ грамоты за печатью, но Бланкенфельдъ сумѣлъ затянуть дѣло, надѣясь, что между тѣмъ дѣло евангеликовъ папскими буллами и императорскими указами «будетъ потушено и убито» ⁽²⁶⁾ Смерть архіепископа должна была рѣшить дѣло. Архіепископъ умеръ 29-го іюня 1524 г въ архіепископскомъ замкѣ въ Роннебургѣ. Въ вечеръ Киліана тѣло его было погребено на хорахъ собора въ Ригѣ подъ мѣднымъ памятникомъ. ⁽²⁷⁾

Бланкенфельдъ занялъ архіепископскую кафедру, сохранивъ за собой епископство дерптское. Теперь онъ полагалъ возможнымъ удовлетворить рижскихъ бюргеровъ общимъ подтвержденіемъ ихъ привилегій и отправилъ своихъ пословъ въ Ригу съ общою подтвердительною грамотою, чтобы тамъ же принять и присягу себѣ отъ города. Но такъ какъ въ грамотѣ ничего не упоминалось о дѣлахъ религіозныхъ и новый архіепископъ къ тому еще требовалъ уступки обратно католическому духовенству двухъ городскихъ церквей, потому городъ отказался присягать и послы должны были безуспѣшно воротиться къ архіепископу. Чего не могъ достигнуть Бланкенфельдъ переговорами, то надѣялся взять силой. Но онъ чувствовалъ, что его могущество слишкомъ незначительно, чтобы смирить Ригу, зато свое негодованіе онъ излиялъ на мелкіе города Ливоніи. Въ Рокенгузенѣ и Лемзалѣ, по примѣру Риги, евангелическое ученіе нашло себѣ много друзей и приверженцевъ и слабость умершаго архіепископа допустила даже то, что оно проповѣдывалось публично съ церковныхъ кафедръ. Вотъ эти то два города должны были претерпѣть гоненіе новаго архіепископа. Рокенгузенъ былъ послѣ Риги главною резиденціею архіепископа и послѣдніе архіепископы жили обыкновенно здѣсь. Когда и Бланкенфельдъ хотѣлъ здѣсь поселиться, то обѣщать передъ своимъ въѣздомъ евангелическимъ бюргерамъ свободное исповѣданіе религіи: но какъ только онъ въѣхалъ въ городъ и принялъ его въ свое владѣніе, то уже не считалъ себя болѣе связаннымъ обѣщаніемъ. Проповѣдники Бернгардъ Бриггемянъ и Павелъ Блосхагенъ, которые особенно усердно ратовали противъ католическихъ злоупотребленій, были выгнаны, таже судьба постигла Гизеберта Шесслера, ректора тамошней школы. Они были удалены изъ архіепископства и католическое богослуженіе опять введено во всей строгости. Лемзаль постигла таже участь: городокъ этотъ лишился своего благочестиваго и ученаго городского проповѣдника, имя котораго, къ сожалѣнію, не сохранилось. Послѣ этихъ насильственныхъ дѣйствій Бланкенфельдъ принудилъ и земское рыцарство къ уступчивости и принялъ отъ него присягу

⁽²⁶⁾ См. письмо Ломматора къ епископу Самландскому.

⁽²⁷⁾ См. у Герца стр. 196 и у Архата II, стр. 168.

Эти поступки архіепископа ожесточили рижанъ и отделили отъ него Ломиллера. «Чуть лишь я узналъ про это,» пишетъ Ломиллеръ епископу Самландскому, «у меня прошла охота имѣть сношенія съ Бланкенфельдомъ и я дѣлалъ ему наперекоръ какъ только умѣлъ, такъ что городъ Рига наконецъ окончательно и единодушно постановилъ на упомянутого Бланкенфельда, и никакого другаго епископа и архіепископа впредь не принимать на вѣчныя будущія времена.» Новое посольство Бланкенфельда въ городъ, черезъ которое онъ уговаривалъ рижанъ принести присягу, было отослано съ замѣчаніемъ, что ни о какой присягѣ не можетъ быть рѣчи, пока не будетъ письменно обезпечена свобода религиозныхъ исповѣданій. (28) Но чтобы лучше защищаться противъ нападковъ архіепископа, городъ ходатайствовалъ у орденаго магистра черезъ посольство о защитѣ и помощи, предлагая магистру одному единую верховную власть надъ городомъ. Плеттенбергъ, который все еще не хотѣлъ открытой вражды съ архіепископомъ, сначала отказывался отъ предложенія, но когда ему представили, что иноземные князья могутъ взять Ригу подъ свое покровительство, тогда Плеттенбергъ рѣшился не пропускать удобнаго случая и, тайно обѣщая городу взять его подъ свою защиту, гласно играть роль посредника и даже, по просьбѣ архіепископа, послать къ городу посольство съ требованіемъ принять новаго архіепископа и устранить тѣмъ несогласія и раздоръ въ странѣ. Но рижане знали, что имъ слѣдуетъ думать о подобномъ посольствѣ и рѣшительно отослали его назадъ. Чтобы прекратить наконецъ такое неопредѣленное состояніе, города Липонин, преимущественно Дерить, начали настойчиво представлять орденому магистру, чтобы онъ, для рѣшенія всѣхъ споровъ, созвалъ ландтагъ. Плеттенбергъ не безъ охоты согласился на такіа предложенія: обѣ партіи могли бы на ландтагъ кончить борьбу за свое дѣло, а онъ, магистръ, могъ бы въ концѣ склониться на ту сторону, которая покажется ему имѣющей перевѣсъ и представляющей наибольшую выгоду для ордена. Ландтагъ былъ назначенъ на 2 июля, а мѣстомъ сбора указанъ Вольмаръ. Когда приблизилось время съѣзда, Ломиллеръ, чтобы привлечь орденъ на сторону евангелической партіи, написалъ письмо къ ландмаршалу ордена Югану Платеру, называвшемуся фонъ демъ Бреле, съ тѣмъ чтобы содержаніе письма этого было передано каждому орденому сановнику на самомъ ландтагѣ. «Утверждать будто возвышеніе евангелія производитъ возмущеніе и раздоръ, говорить Ломиллеръ въ этомъ своемъ письмѣ, есть всеобщее заблужденіе и обыкновенная рѣчь тѣхъ, кто не озаренъ неизмѣннымъ святымъ словомъ Божиимъ. Какъ апостолы никому никакого зла не сдѣлали и все таки были распяты врагами Евангелія, то и тутъ не евангелики возбудили смуты и раздоры, а паписты и особенно епископы, злыя

(28) См. Хатреуса I, XI и у Герна стр. 195.

дѣла которыхъ открываются черезъ Евангеліе. Для того то я (Домингъ) составилъ особое разсужденіе, чтобы папа, епископы и духовное сословіе не владѣли ни людьми, ни землями, не имѣли надзора за ними и не управляли бы ими, и приложилъ это разсужденіе къ этому письму, да видятъ магистръ, ландмаршалъ и савонинскіе орденскіе и имъ слѣдуетъ держать себя въ отношеніи епископовъ и духовныхъ». Главное содержаніе этого разсужденія слѣдующее. Мѣсто священнаго писанія, на которое духовныя лица больше всего ссылаются, гласитъ въ посланіи апост. Павла къ Римлянамъ, гл. 13 «Всякая душа властемъ предержащимъ да покоряется. Ибо власть еще не отъ Бога. Сущія же власти отъ Бога учинены суть.» Но которое истинное начальство и истинная власть? Власть, о которой Павелъ говоритъ въ приведенномъ мѣстѣ, есть свѣтская, а свѣтское лицо должно и свѣтскимъ мечемъ владѣть. Духовный мечъ есть слово Божіе и только такой мечъ подлежитъ духовенству. Къ употребленію свѣтскаго меча принадлежатъ золото и серебро, а ихъ имѣть воспрещаетъ Христосъ своимъ ученикамъ (Мат. X, 9), говоря имъ: Не стяжите злата, ни сребра, ни мѣди при поясахъ вашихъ.

Самъ Христосъ былъ противъ того, чтобы обѣ власти смѣшались одна съ другой и подалъ даже (Матѳея 17) примѣръ своимъ ученикамъ, какъ они должны повиноваться начальству: съ этимъ должны были бы сообразоваться духовные. Епископы, по словамъ посланія апостола Павла къ Тимotheю I «обязаны служить, а не господствовать». Потому папа и епископы, хвалящіеся властью и духовною и свѣтскою, суть не отъ Бога, но тщеславныя, безбожныя, лицемерныя личины. Духовныя лица ссылаются на Аарона и священничество въ ветхомъ заветѣ, но это отиѣнено Христомъ, который самъ себя принесъ въ жертву и черезъ то сталъ вѣчнымъ первосвященникомъ. Папа и епископы имитируютъ себя намѣстниками и послѣдователями апостоловъ, но вмѣсто того, чтобы идти во весь міръ и проповѣдывать, они предпочитаютъ спокойно сидѣть на римскомъ престолѣ и архіепископскихъ и епископскихъ кафедрахъ и владѣютъ землями и людьми. Они не проповѣдуютъ и не служатъ литургій, а предоставляютъ это своимъ несѣдующимъ подчиненнымъ, тѣмъ они не исполняютъ своей должности, которая состоитъ въ защитѣ и пастырѣ душъ. Высокомерно они поднялись надъ свѣтскою властью и подчинили себѣ королей и князей; а свѣтскіе между тѣмъ спали, въ то время какъ они должны бы были, какъ установленная самимъ Богомъ власть, предотвратить зло и наказать это вредное богохульное лживое племя. Епископы не нужны для свѣтскаго управленія, потому что достопочтенный магистръ вмѣстѣ со своими достойными чинами можетъ хорошо управлять Ливоніей, защищать и ограждать ее и безъ этихъ лживыхъ и самозванныхъ князей. Епископы Ливоніи утверждаютъ, что они истинные владѣльцы страны, что они встарину призвали въ

эту землю орденъ, но они въ Ливоніи не обладали ни на волосъ земли по божьему и по справедливости. Что достохвальнѣйшій тевтонскій орденъ пришелъ въ эту страну, то это случилось безъ сомнѣнія по Божьему предопредѣленію и повелѣнію, а никакъ не по волѣ епископовъ, потому долгъ достопочтеннаго магистра взять на себя дѣло, какъ одной, Богомъ установленной власти въ этой странѣ. Если онъ этого не сдѣлаетъ, то воспротивится Божіей волѣ и призванію. Но какъ магистръ можетъ быть чувствуетъ въ себѣ мало духу и силы поступить быстро, то всего лучше и дѣйствительнѣе было бы позволить во всѣхъ мѣстахъ этой страны свободно и безпрепятственно проповѣдывать истинное слово Божіе, тогда не замедлили бы явиться плоды, и безбожники были бы уничтожены, безъ приложенія руки и меча, однимъ божественнымъ словомъ. Если же епископы захотѣли бы отмстить за свои убытки кулакомъ, то магистръ обязанъ защищать своихъ подчиненныхъ и тѣхъ, кто у него будетъ искать защиты, и наблюдать пользы страны.

Это разсужденіе и многія другія статьи, въ которыхъ были изложены причины, почему городъ намѣренъ отрѣшиться на вѣчныя времена архіепископа и его пресмниковъ отъ верховнаго владычества, получили вмѣстѣ съ устными инструкціями подобнаго же содержанія депутаты, отрѣженные отъ города на ландтагъ. Ломиллеръ напоминалъ часто объ этомъ дѣлѣ орденскому магистру, представляя ему весь убытокъ, который можетъ понести орденъ, если не воспользуется представляющимся ему удобнымъ случаемъ. Съ рижскими депутатами на ландтагъ поѣхалъ и Тегельмейеръ. Онъ прибылъ въ Вольмаръ въ одно время съ Вальтеромъ фонъ Плеттенбергомъ, гдѣ и началъ свои проповѣди съ позволенія, даннаго магистромъ. Но магистръ скоро испугался за свое позволеніе, особенно когда услышалъ о крестьянскомъ возстаніи въ Гарріенѣ и Вирландѣ. Онъ велѣлъ сказать Тегельмейеру, чтобы тотъ не производилъ смуты, такъ какъ уже крестьяне встаютъ противъ своихъ господъ. Въ слѣдующее воскресенье Тегельмейеръ хотѣлъ служить литургію на нѣмецкомъ языкѣ, тогда Плеттенбергъ послалъ къ нему орденскаго разсыльнаго сказать, чтобы онъ воздержался отъ обѣды, что онъ можетъ свободно проповѣдывать, это еще можетъ терпѣть его милость, магистръ, но литургіи на нѣмецкомъ языкѣ позволить не можетъ. Плеттенбергъ приступалъ къ дѣлу осторожно одно допускалъ, другое отвергалъ, дабы не возбуждать злобы въ духовенствѣ. Въ субботу въ Вольмаръ пріѣхали съ большою пышностью архіепископъ Іоаннъ Бланкенфельдъ и ревельскій епископъ Георгъ фонъ Тизенгаузенъ. Ревельскій епископъ передъ тѣмъ просилъ письменно магистра арестовать Тегельмейера, но Плеттенбергъ былъ на столько уменъ, чтобы не сдѣлать этого при всеобщемъ возбужденіи. Въ воскресенье епископы вмѣстѣ отпразднелись въ церкви,

а послѣ обѣди въ гильдію, гдѣ и состоялось первое собраніе ландтага. ⁽²⁹⁾

На этотъ ландтагъ прибылъ въ Вольмаръ также братъ герцога прусскаго, марграфъ Вильгельмъ Бранденбургскій, съ намѣреніемъ искать для себя коадьюторство рижскаго архіепископства: но религиозныя распри помѣшали ему добиться желасмаго и слѣзали тщетными его домогательства.

Городамъ худо пришлось на этомъ ландтагѣ: ихъ партія осталась безъ поддержки, и даже орденскій магистръ ихъ побивулъ. Орденъ, епископы и земское рыцарство, во соѣзники, рѣшились заключить союзъ между собою и спросили городскихъ депутатовъ согласны-ли они вступить въ союзъ. Депутаты просили позволенія рассмотреть отдѣльные пункты союза; это имъ было дозволено и статьи союзнаго договора были имъ сообщены. О свободномъ исповѣданіи религіи въ статьяхъ этихъ не было и рѣчи. Напротивъ постановлялось припять соответственныя мѣры, чтобы совершенно подавить евангелическое ученіе въ Ливоніи. Депутаты городовъ Риги, Ревеля и Дерпта съ негодованіемъ отвергли подобный союзъ, заявивъ, что они скорѣе лишатся жизни и имущества, чѣмъ согласятся на договоръ. Думая, что этимъ своимъ отказомъ уже все слѣзано, они распрощались съ орденскимъ магистромъ съ намѣреніемъ на слѣдующей день раннимъ утромъ разѣхаться по домамъ.

Чтобы окончательно переговорить о своихъ дѣлахъ и «выпить на прощанье», они собрались на постояломъ дворѣ, гдѣ проживали рижскіе депутаты. Сюда къ нимъ пришелъ молодой человѣкъ изъ канцеляріи магистра и принесъ имъ копію ландтагскаго постановленія (рецесса) говоря, что всѣ другіе сословія взяли себѣ по копіи, то онъ думаетъ заслужить себѣ пфенигъ на вынѣвку, если одну копію предложитъ и городскимъ депутатамъ. Депутаты взяли рецессъ и дали его на пересмотръ Домилеру и секретарю города Дерпта. Оказалось, что ландтагское постановленіе (о союзѣ) всѣ сословія, за исключеніемъ городовъ, одобрили и приложили свои печати. Главныя пункты были: Рыцарство обязуется вѣрно вспомоществовать орденскому магистру и епископамъ, а также помогать каждому изъ принадлежащихъ къ нимъ сохранять и защищать свои права. Должно подвергнуть разслѣдованію все то, что города присвоили себѣ до настоящаго времени. Сословія не позволяютъ никакихъ возмущеній и никакихъ нововведеній до всеобщаго собора, до тѣхъ же портъ каждый долженъ оставаться при своихъ правахъ; если кто присвоитъ себѣ что либо незаконно, то посредниками будутъ сословія. Важные споры могутъ безъ ущерба для другихъ компетентныхъ судовъ рѣшаться въ сословномъ судѣ, имѣющемъ состоятъ изъ двухъ епископовъ, двухъ орденскихъ чиновъ,

⁽²⁹⁾ См. Архивъ II. стр. 189 и 190.

изъ двѣнадцати добрыхъ мужей, но два изъ архіепископства рижскаго и епископствъ дерптскаго, эзельскаго, курляндскаго, но два изъ Гарріена и Вирланда, изъ двухъ орденскихъ присяжныхъ съ одного и двухъ съ другого берега Двины, всего изъ 20 судей. Приговоры этого суда должны имѣть силу во всей странѣ; архіепископъ и орденскій магистръ будутъ наблюдать за исполненіемъ приговоровъ. Женскіе и мужскіе монастыри и соборныя церкви должны оставаться при своихъ прежнихъ привилегіяхъ, свободахъ и при своемъ богослуженіи; ушедшихъ изъ монастыря монахинь никто не долженъ принимать, но слѣдуетъ передавать ихъ настоятельницамъ. Клейноды, драгоценныя вещи и документы, взятые городами на сохраненіе изъ соборовъ, монастырей и часовень, должны быть хранимы впредь до судебнаго рѣшенія. ⁽³⁰⁾

Это была такая коварная штука, которой депутаты никакъ не ожидали. Они тотчасъ послали отъ каждаго города члена магистрата и секретаря къ орденскому магистру, чтобы протестовать противъ заключеннаго договора, потому что депутаты отъ магистратовъ трехъ городовъ никогда не одобрили бы заключеннаго и закрѣпленнаго печатями союза, а также никогда не намѣрены согласиться и одобрить его, потому что такой договоръ былъ бы имъ въ тягость для души, тѣла и имущества. Магистръ отвѣчалъ. Земля должна дѣйствовать единодушно, отчего же вамъ не согласиться съ прочими сословіями? Съ этимъ отвѣтомъ депутаты должны были отправиться обратно. Орденскіе чины объясняли все дѣло «чистой выдумкой» ради епископовъ, говоря, что земля окружена опасностями, и что все постановленіе никакъ не мѣтитъ на города. Ломиллеръ сказалъ, кажется, что это не «выдумка», такъ какъ при документахъ привѣщено много печатей. Большія надежды, которыя онъ питалъ на этотъ ландтагъ, были уничтожены. «У меня были честныя намѣренія», пишетъ онъ самландскому епископу, «Богъ разсудилъ иначе; не надо мнѣ такъ много ломать голову изъ за нѣкоторыхъ людей».

Во время ландтага Тегельмейеръ продолжалъ свои проповѣди и объяснялъ пророка Исаію, къ большой досадѣ католической партіи, которая конечно ничего не могла подѣлать противъ позволенія орденскаго магистра, но все же хотѣла отомстить Тегельмейеру за его еретическія рѣчи. Когда однажды Тегельмейеръ пришелъ въ церковь для проповѣди, онъ нашелъ уже кафедру занятою однимъ доминиканскимъ монахомъ, котораго привезли съ собой въ Вольмаръ гофмейстеры гарріенскіе и вирландскіе. «Братъ, сойди», сказалъ ему Тегельмейеръ, «прежде я скажу проповѣдь, а потомъ ты». Монахъ оставилъ кафедру. Но только что Тегельмейеръ началъ свою проповѣдь, какъ въ церковь

⁽³⁰⁾ Объ этомъ ландтагѣ см. письмо Ломиллера къ епископу Самландскому. Ландтагское постановленіе напечатано въ приложеніи къ Таубенгеймовой программѣ.

ворвались названные гофлейты и стащили его съ кафедры. Одинъ показывалъ ему ножъ, другой кулакъ. «Ты измѣнникъ, ты обманщикъ», вакинулись они на него. «ты хочешь лишить насъ земли и людей, твое лукавство должно теперь прекратиться!» Они его убили бы, еслибы не подоспѣлъ Маркъ Гане, добрый евангелистъ, находившійся въ службѣ при дворѣ орденскаго магистра. Онъ незадолго передъ тѣмъ принесть Тегельмейеру позволеніе магистра проповѣдывать, и именемъ магистра возстановилъ спокойствіе. Орденскіе служивые, прослышавъ о нападеніи на Тегельмейера, хотѣли уже ударить тревогу, но когда Тегельмейеръ пошелъ на кладбище св. Антонія и народъ собрался вокругъ него на большомъ полѣ, то и они пошли туда же, чтобы услышать его проповѣдь. На слѣдующій день Тегельмейеръ хотѣлъ опять проповѣдывать тамъ-же, но орденскій магистръ послалъ къ нему просить, чтобы онъ на день или два оставилъ свою проповѣдь. ⁽²¹⁾ Архіепископъ и епископы не могли ничего подѣлать съ Тегельмейеромъ, стоявшимъ полѣ защитой магистра, и должны были терпѣть, что онъ «нападалъ на нихъ божественнымъ словомъ самымъ смѣлымъ образомъ». Архіепископъ пробовалъ зацитить противъ доводовъ рижанъ право своей свѣтской власти ссылками на священное писаніе и другими аргументами, но когда Домиллеръ хотѣлъ возражать, онъ грубо отказался слушать его, не позволилъ ему говорить, но зато и не могъ убѣдить противниковъ въ справедливости своихъ доводовъ.

Такими поступками противъ евангеликовъ католическая партія навлекла на себя еще большую ненависть и возбудила своихъ противниковъ къ болѣе твердому стоянію за вѣру; даже нападеніе на Тегельмейера не осталось безъ послѣдствій. Служивые орденскіе и даже епископскіе увидѣли, что имъ должно дѣйствовать за одно для защиты евангелическаго ученія. Они рѣшили покончить со своимъ прежнимъ богослуженіемъ, держать настоящихъ евангелическихъ проповѣдниковъ и попросили орденскаго магистра о его согласіи на то. Магистръ дозволялъ проповѣдь евангеліа всему своему ордену. Чтобы не оставить неиспробованнымъ ни одного средства для воспрепятствованія распространенія евангелическаго ученія въ Ригѣ, архіепископъ хотѣлъ самъ поговорить съ Тегельмейеромъ и попытаться нельзя ли его снова обратить къ католической церкви. До отъѣзда изъ Вольмара, онъ послалъ къ Тегельмейеру пригласить его къ бесѣдѣ въ Вольмарѣ или въ Ровнебургѣ, въ послѣднемъ случаѣ Вильгельмъ Титкенъ проводилъ бы Тегельмейера съ четырьмя лошадьми въ Ровнебургъ. На это приглашеніе Тегельмейеръ отвѣтилъ, что пріѣдетъ къ архіепископу въ Трейденъ, если онъ пригласитъ его собственноручнымъ письмомъ. Состоялась ли бесѣда — достоверно неизвѣстно.

(21) См. Арихта прим. II, стр. 129 и 190.

Около этого же времени рижскіе граждане получили письма изъ Любека, изъ которыхъ имъ сообщали, что архіепископъ писалъ любекскому совѣту (магистрату) о побужденіи рижанъ, какъ членовъ ганзейскаго союза, къ признанію архіепископа своимъ верховнымъ главою. Вскорѣ послѣ того архіепископъ прислалъ въ Ригу свое посольство, которое передало городу посланіе отъ собравшихся въ Люнебургъ на ганзейскій съѣздъ городовъ Любека, Гамбурга и Люнебурга. Мы сидимъ теперь, писали города, съ тяжелымъ сердцемъ на ганзейскомъ съѣздѣ, потому что настъ огорчить какъ несогласіе и очевидный вражда, въ которой мы живемъ со своими родственниками, такъ и извѣстія о ложныхъ и мятельныхъ учителяхъ, которые вызвали во всѣхъ мѣстахъ и особенно въ Германіи смятенія и опустошенія, что можетъ свидѣтельствовать добрый имперскій и вольный городъ Мюльгаузенъ, лишившійся своихъ стѣнъ и башенъ. Потому то намъ жаль, что городъ Рига находится въ несогласіи со своимъ архіепископомъ, и мы совѣтуемъ рижанамъ покончить раздоръ, прежде чѣмъ архіепископъ приметъ свои мѣры, которыя могутъ имъ причинить досаду и вредъ. (32)

«Такія безбожныя писанія годны для безбожниковъ», говоритъ Ломилдеръ, «потому то другіе ганзейскіе города, болышею частью преданные евангелическому ученію, и не захотѣли вмѣшиваться въ это дѣло. Но безъ сомнѣнія на это письмо послѣдуетъ такой же личный отвѣтъ, какой былъ данъ за годъ пересъ тѣмъ на письмо любекцевъ, въ которомъ они для спасенія нашихъ душъ напоминали намъ объ искушеніи Христа діаволомъ въ пустынѣ».

Черезъ то же посольство, которое передало письмо ганзейскихъ городовъ, архіепископъ предложилъ городу подтвержденіе привилегій и свободное проповѣданіе божественнаго слова, согласно ветхому и новому завету, съ условіемъ, что бы писаніе излагалось приличнымъ образомъ, а проповѣдь не возбуждала раздоровъ между католиками и лютеранами. Такимъ условіемъ городъ не могъ быть доволенъ и потому отклонилъ предложеніе.

Рига очутилась теперь въ незавидномъ положеніи архіепископъ и земское рыцарство были рѣшительно противъ рижанъ, орденскій магистръ, на котораго рижане возлагали свои надежды, хотя и не совершенно отвернулся отъ нихъ, но изъ осторожности ничего не дѣлалъ въ пользу города. Городу приходилось искать себѣ новаго защитника. Взоры направлялись на евангелическаго князя, на маркграфа Альбрехта бранденбургскаго, герцога прусскаго. Весной этого года Альбрехтъ сложилъ съ себя званіе великаго магистра тевтонскаго ордена и былъ пожалованъ королемъ польскимъ деномъ — герцогствомъ прусскимъ. Сословія Пруссіи охотно присягнули Аль-

(32) Въ Мюльгаузенѣ въ это время дѣйствовалъ Фокс Мюнцеръ и его приверженцы

бреду, такъ какъ въ Краковѣ онъ подтвердилъ всѣ ихъ привилегіи и вольности; евангелики же радостно привѣтствовали въ немъ своего лютеранскаго наследственнаго князя. Опасенія понасть подъ непосредственное владычество Польши теперь разсѣялись и лютеранство стало въ Пруссіи на твердой почвѣ. Въ первомъ состоявшемся собраніи прусскихъ сословій, самландскій епископъ, человекъ свѣтлаго ума, давно уже приверженный къ евангелическому ученію, отрекся отъ свѣтской власти, предоставилъ ее князю страны и оставилъ за собой только служеніе евангелію. ⁽³³⁾ Въ началѣ 1525 года Альбрехтъ Бранденбургскій, будучи еще великимъ магистромъ, возобновилъ привилегіи ливонскаго ордена и даровалъ ему право, вмѣсто того, чтобы предлагать на должность орденскаго магистра двухъ орденскихъ членовъ, изъ которыхъ потомъ одинъ утверждался великимъ магистромъ, избирать теперь изъ своей ерецы магистра, выборъ котораго нуждался лишь въ одобреніи великаго магистра. Отмѣнялась обязанность ордена въ Ливоніи высылать великому магистру военную помощь и оказывать другую поддержку, исключая случая, когда великій магистръ, по совѣщаніи съ магистрами въ Германіи и Ливоніи, предпринималъ войну. Ливонскому орденскому магистру представлялось право самому просить о регаліяхъ у императора и имперіи, если великій магистръ упуститъ о томъ просить въ первое полугодіе послѣ утвержденія выбора орденскаго магистра. ⁽³⁴⁾

Такими преимуществами тевтонскій орденъ въ Ливоніи пріобрѣталъ довольно независимое положеніе отъ великаго магистра, но теперь, когда великій магистръ сдѣлался свѣтскимъ княземъ, возникла вопросъ сохранять ли впредь свою силу эти привилегіи и какое положеніе вообще займетъ теперь ливонскій орденъ. Въслѣдствіе этого Вольтеръ фонъ Плеттенбергъ въ началѣ лѣта послалъ Кандаускаго фохта, Гейнриха фонъ Галена и секретаря Германа Бекелера къ великому магистру, спросить, какъ будетъ съ ливонскими орденскими дѣлами, если великій магистръ дѣйствительно, чему онъ, Плеттенбергъ, не хочетъ вѣрить, сложить съ себя орденское одѣяніе. Пруссійскій герцогъ отъ 19-го и 27-го іюня писалъ ливонскому магистру, что отправляетъ въ Ливонію посольство, которое подробно увѣдомитъ его, магистра, о ходѣ событій и нынѣшнемъ положеніи вещей, вмѣстѣ съ тѣмъ герцогъ увѣрялъ, что намѣренъ и впредь сохранить дружескія отношенія, существовавшія до сихъ поръ между Ливоніей и Пруссіей. Я слышалъ, писалъ герцогъ Альбрехтъ, что ливонскія сословія вскорѣ соберутся на ландтагъ, потому желательно, чтобы сословія не расходились впредь до прибытія посольства,

⁽³³⁾ См. Panke Geschichte der Deutschen im Zeitalter der Reformation, II, стр. 491—93.

⁽³⁴⁾ См. договоръ тевтонскаго ордена съ великимъ магистромъ въ архивѣ Лифляндскаго дворянства.

которое выйдет из Кенигсберга 3-го или 4-го июля, и передать ландтагу свое поручение. Главная цель посольства, к которой, быть может, примыкали и другие побочные цели, была убедить ливонских сословий в совершенной необходимости, в которую были поставлены великий магистр, при пустых обещаниях помощи князей и желании своих подданных мира, принять орденскую землю как светское герцогство от Польши в ленное владение. Вместе с тем ливонским сословиям давалось знать, что герцог в отношении Ливонии «хочет заявить и показать себя дружественно и доброжелательно христианским другом и братом, не жалея притома ни жизни, ни добра».

А Послы, между которыми Фридрих фон Гейдекъ былъ значительнѣйшимъ, прибыли въ Вольмаръ, когда ландтагъ готовился уже къ закрытію. Они спѣшили исполнить свое порученіе у Плеттенберга, чтобы онъ еще во время могъ изложить сословіямъ заявленіе герцога Альбрехта; но изъ опасенія, какъ полагаютъ Ломилеръ, чтобы магистръ не сталъ слишкомъ долго медлить съ этимъ дѣломъ, а также и для того, чтобы внушить въ рижскихъ депутатахъ къ себѣ и герцогу Альберту полное довѣріе, Фридрихъ фонъ Гейдекъ сообщилъ четыремъ бургомистрамъ и ратсгерамъ Риги главную цель посольства. Онъ хотя и не имѣлъ на то приказанія отъ герцога, но думалъ, «что это не возбудитъ неудовольствія въ его княжеской милости». Рижскіе депутаты захотѣли отплатить за такое довѣріе довѣріемъ же и рассказали, какъ сначала Плеттенбергъ взялъ ихъ подъ свою защиту, но теперь на ландтагъ совершенно покинулъ; при этомъ они съ благодарностью вспоминали, что герцогъ Альбрехтъ, когда еще былъ великимъ магистромъ и не исповѣдывалъ евангелическаго ученія, предлагалъ ⁽³⁵⁾, черезъ тильзитскаго попечителя Эбергарта фонъ Фрейберга, себя защитникомъ города Риги. Гейдекъ хвалилъ рижскихъ депутатовъ за неразглашеніе этого дѣла и за сочувствіе къ предложенію князя. Онъ заявилъ, что въ настоящее время рижане, когда герцогъ сдѣлался уже ихъ единоувѣреннымъ, еще болѣе могутъ рассчитывать на него и что онъ охотно готовъ передать герцогу ихъ слова ⁽³⁶⁾. За тѣмъ они разошлись, такъ какъ Фридрихъ фонъ Гейдекъ долженъ былъ слѣдовать за магистромъ въ Венденъ, а депутаты возвратиться въ Ригу.

Ломилеръ горячо схватился за планъ вѣрить городъ Ригу защитѣ герцога прусскаго и старался всеми способами способствовать этому плану, но Плеттенбергъ провѣдалъ о планѣ и, не желая допустить, чтобы дѣло дошло до крайности, опять завелъ переговоры съ городежъ. Переговоры имѣли благопріятный исходъ. городъ,

(35) По всей вѣроятности въ 1520 г.

(36) См. письмо Ломилера къ Гейдеку въ *Согр. hist. dipl. Liv.* II, XVI, ном. 2049.

исключить архіепископа, признавъ своимъ единственнымъ верховнымъ главой орденскаго магистра. Такъ какъ по смерти архіепископа Каспара, говорится въ договорѣ отъ 21-го сентября 1525 г., городъ Рига черезъ многократныя посольства просилъ орденскаго магистра о защитѣ, въ тоже время доводя до него свое твердое намѣреніе никогда не приносить присяги ни одному архіепископу, и оставался при этомъ непоколебимъ цѣлый годъ ради чистаго божественнаго слова, а также заявили объ этомъ публично на ландтагъ всѣмъ сословіямъ, то орденскій магистръ рѣшается взять городъ подъ свою особенную защиту и покровительство и охранять его отъ всякаго нападенія. Этимъ ни сколько не нарушается кирхгольмскій договоръ, потому что въ немъ ничего не сказано о томъ, что, если городъ исключить одного властителя, то другой властитель обязанъ оставить пребывающихъ ему вѣрными и заступиться за исключеннаго. Когда орденскій магистръ приблизился къ городу, то былъ торжественно встрѣченъ горожанами и проведенъ въ ратушу. Здѣсь магистру представили, что кирхгольмскій договоръ, по которому городъ обязанъ былъ присягать двумъ властителямъ (ордену и архіепископу), за прекращеніемъ главенства архіепископа, должно уничтожить и тогда рижане присягнутъ магистру, какъ своему единственному уже властителю. Магистръ вслѣдствіе этого уничтожилъ кирхгольмскій договоръ и принялъ отъ рижскихъ бюргеровъ присягу себѣ. Затѣмъ Плеттенбергъ съ своей стороны обѣщалъ дозволить проповѣдывать евангеліе чисто и ясно въ городѣ и на его рынкахъ, а также обѣщалъ дозволить тѣ нововведенія и устройства, которыя уже совершились согласно евангелію или которыя еще требуются. Независимо этого онъ подтвердилъ за городомъ его привилегіи, права и обычаи, и покончилъ споръ нѣмъ за границы между орденомъ и городомъ, обезпечивъ за городомъ его старую границу (37)

Католическіе священники и соборные каноники, проживавшіе еще въ городѣ, встревожились, узнавъ о договорѣ, въ конецъ разрушившемъ ихъ духовное управленіе въ городѣ. Чтобы обезпечить себя противъ еще большихъ напастей, они всевозможными способами старались показать рижанамъ свое доброжелательство и дружеское расположеніе, предлагали даже, что сами укрѣпятъ ту часть города, гдѣ находятся дома соборныхъ канониковъ. Скоро, однако, обнаружилось, насколько искренни были подобныя заявленія. Втихомолку католическіе духовные вывели все свое имущество изъ города и хотѣли вооружить большими орудіями валы башни, принадлежавшей имъ, городской стороны. Магистратъ замѣтилъ ихъ коварство и конфисковалъ всѣ ихъ дома, мельницы, поля и мызы, которые и раздѣлилъ между бюргерами. Городская сторона, гдѣ находились церковныя дома,

(37) Договоръ между магистромъ и городомъ Ригю напечатанъ въ 4-мъ томѣ Mon. Liv. ant. подъ № 152.

была укреплена бюргерами. Магистратъ дополнялъ соборнымъ каноникамъ мирно проживать въ городѣ и имѣть пристанище въ бюргерскихъ постоянныхъ дворахъ ⁽³⁸⁾. Этимъ самымъ магистратъ лучше всего показывалъ, что имъ руководить не личная злоба, но неокрѣпая приверженность къ евангелическому учению.

Если бросить взглядъ на событія этихъ трехъ истекшихъ годовъ, то въ нихъ увидимъ тотъ самый старинный споръ, который тянется черезъ всю исторію самостоятельной Ливоніи. Орденъ, архіепископъ и Рига, вотъ три партіи, отношенія которыхъ другъ къ другу при всякомъ возобновленіи спора измѣнялись, опредѣлялись точнѣе и смотря по обстоятельствамъ времени складывались благоприятно или для орденскаго магистра, или архіепископа, между тѣмъ какъ Рига обыкновенно должна была подчиняться договорамъ обоихъ властителей, вынося изъ спора привилегіи и вольности въ награду за вѣрную приверженность къ одному изъ двухъ владыкъ. Реформація существенно измѣнила отношенія Риги къ ея владыкамъ. Судьба Ливоніи явилась въ рукахъ орденскаго магистра, онъ объявилъ себя на сторонѣ города и архіепископъ чрезъ то потерялъ какъ свѣтскую, такъ и духовную власть надъ Ригой. Значеніе рижскаго архіепископства совершенно упало. Рига же, обезпеченная защитой ордена, могла теперь свободнѣе дѣйствовать на укрѣпленіе у себя евангелическаго ученія.

⁽³⁸⁾ Срадилъ Хитреуса I, XI, Черна стр. 195 и 196 въ 1-мъ томѣ Mon. Liv. ant. и Грегентали въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant. стр. 51 и 52.

ГЛАВА II.

Начало реформации въ Ревель и Дерптъ. Последнее время жизни архіепископа Бланкенфельда. Ломиллеръ и предложенія въ Любекѣ. Событія въ Ливоніи до перемирія въ Даленѣ.

При оживленныхъ сношеніяхъ, существовавшихъ между Ригию и Ревелемъ, какъ ганзейскими городами, извѣстіе о новомъ религіозномъ ученіи должно было скоро достигнуть и Ревеля: религіозныя возмущенія, обнаружившіяся въ Ригѣ, нашли себѣ отголосокъ и въ Ревелѣ. И здѣсь исцѣлованіе черни на католическое духовенство выразилось въ испроверженіи иконъ и могильныхъ памятниковъ ⁽³⁹⁾.

Для реформации Ревель занималъ болѣе благоприятное положеніе, чѣмъ Рига. Съ 1284 г. городъ обладалъ правомъ епископальнаго суда (*jus episcopale*), а съ тѣмъ вмѣстѣ имѣлъ право надзора за церквами и священниками и право рѣшенія въ духовныхъ дѣлахъ ⁽⁴⁰⁾. Слѣдовательно Ревель не нуждался въ согласіи своего епископа, при назначеніи въ свои церкви евангелическихъ проповѣдниковъ: для этого было достаточно магистратскаго постановленія. Но именно эта свобода и могла замедлить введеніе реформации въ Ревель: здѣсь не чувствовалось такъ тяжело гнетущее господство духовенства, какъ въ Ригѣ, и никакое сопротивленіе не вызывало евангелическихъ единоверцевъ къ сильнѣйшимъ, рѣшительнѣйшимъ дѣйствіямъ.

Въ 1523 г. мы находимъ Іоанна Ланге и Іоанна Массіена проповѣдниками въ Николаевской церкви, Захарія Газе въ Олапской церкви и Генриха Бекгольда при церкви св. Духа ⁽⁴¹⁾: всѣ четверо были люди, склонявшіеся къ евангелическому ученію, и хотя они его не исповѣывали гласно, все же въ ихъ проповѣдяхъ высказывались просвѣщенные религіозныя взгляды, съ которыми соглашались многіе жители Ревеля.

Событія въ Ригѣ заставили Плеттенберга опасаться за спокойствіе въ Ливоніи. Потому, услышавъ о смятеніи, которое шло себѣ

⁽³⁹⁾ См. у Герна въ 1-мъ томѣ въ *Mon. Liv. ant.* стр. 193.

⁽⁴⁰⁾ См. программу Рейна, приложеніе № 6.

⁽⁴¹⁾ См. Герна въ 1 томѣ *Mon. Liv. ant.* стр. 193 и программу Рейна стр. 14.

новое учение въ Ревелѣ, онъ въ началѣ 1524 г. написалъ ревельскому магистрату письмо, въ которомъ приказывалъ запретить городскимъ проповѣдникамъ проповѣдывать противъ католической религіи. Магистратъ далъ прочитать это письмо тремъ гильдіямъ и всѣмъ сословіямъ, на которое послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ «ревельцы охотно готовы, согласно своему долгу, повиноваться приказанію орденскаго магистра и только сожалѣютъ, что несправедливо очернены передъ орденскими магистромъ. Ихъ проповѣдники, вѣрные своему призванію, возвышали гласно съ каведръ только истинное слово Божіе, уклониться отъ этого они не могутъ и хотятъ отвѣтить передъ Богомъ и людьми за то, что проповѣдывали». Орденскій магистръ удовольствовался такимъ отвѣтомъ. въ душѣ онъ не былъ расположенъ къ евангелическому ученію и щадилъ идѣ только могъ евангеликовъ, дѣйствуя противъ нихъ лишь тогда, когда онъ молчаніемъ могъ повредить своему значенію у противной партіи. Въ сожалѣнію у Ревеля были сосѣди, которые не слишкомъ то были расположены къ городу и охотно хватались за удобный случай причинить ему какой нибудь вредъ. Въ тому же Гарріенское и Вирланское рыцарство (вассалы) было строго католическое, не столько, вѣроятно, изъ убѣжденія, сколько потому, что богато одѣленная преимуществами и привилегіями корпорации эта боялась новаго ученія какъ ученія свободы, которое легко могло вызвать крестьянъ къ сопротивленію господамъ. Потому-то это рыцарство не замедлило уведомить орденскаго магистра о насильственныхъ дѣйствіяхъ, сопровождавшихъ, какъ вообще всякое измѣненіе въ государствѣ или религіи, распространеніе реформации въ Ревелѣ. Вслѣдствіе этого орденскій магистръ увидѣлъ себя вынужденнымъ вновь обратиться въ августъ этого года съ письмомъ къ городу Ревелю. Отъ депутатовъ гарріенскаго и вирланскаго рыцарства, говоритъ Плеттенбергъ въ своемъ письмѣ, я узналъ, что съ черными братьями ордена проповѣдниковъ въ Ревелѣ поступали насильственно. Ревельскіе бюргеры ограбили у нихъ kleynoden, подаренныя гарріенскимъ и вирланскимъ рыцарствомъ, принудили ихъ прекратить католическое богослуженіе въ монастырѣ и дозволили проповѣдывать въ монастырѣ проповѣдникамъ съ евангелическими образомъ мыслей. Въ погребѣ подъ хорами сдѣлали оружейный складъ и въ немъ такъ много стрѣляли, что своды тресались въ то время, какъ на верху монаховъ сбѣли и били и искушали къ уклоненію отъ вѣры. «Далѣе мы увѣдомлены означенными депутатами», продолжаетъ Плеттенбергъ, «что рѣчи вашихъ проповѣдниковъ выманили вѣсколькихъ дѣвицъ изъ монастыря и тѣ бѣжали, а потомъ вышли замужъ, на позоръ ихъ родственникамъ, друзьямъ, всему дворянству и рыцарству. Потому упомянутые депутаты усердно просили насъ принять въ этомъ дѣлѣ цѣлесообразныя мѣры, чтобы положить конецъ такому соблазну и показать злодѣямъ, такъ какъ ихъ поведеніе противно общественному и божескому порядку

и изъ него могутъ произойти и другія ссоры». За тѣмъ Плеттенбергъ требовалъ отъ ревельцевъ, чтобы они не только возвратили чернымъ братьямъ ихъ имущество, предоставивъ спокойно владѣть имъ, но и чтобы не мѣшали совершенно ихъ богослуженія. Выбѣтъ съ тѣмъ ревельцы должны выдать бѣжавшихъ монаховъ ихъ настоятельница для преданія суду по правиламъ ордена и чтобы тѣ, которые брали монаховъ къ себѣ, были также наказаны.

Эта жалоба и доносъ рыцарства орденскому магистру настолько же ожесточилъ ревельцевъ, сколько ожесточила рижанъ жалоба архіепископа германскому имперскому управленію, и подстрекнула ихъ къ рѣшительнымъ шагамъ. Когда упомянутое письмо сдѣлалось извѣстнымъ въ городѣ, то все горожане выражали увѣренность, что гаррігенское и вирантское рыцарство жаловалось по побужденію и паушенію черныхъ монаховъ. Народъ ворвался въ ихъ монастырь, выбросилъ иконы, разрушилъ алтари, разбилъ и ограбилъ шкафы и денежныя ящики. Подобную же судьбу испытали церкви св. Духа и св. Олая ⁽¹²⁾.

При такомъ всеобщемъ возбужденіи въ пользу реформациі, Іоаннъ Ланге и Іоаннъ Массіенъ рѣшились открыто выступить лютеранами и произнесли 14-го сентября 1524, на Воздвиженіе, первые евангелическія проповѣди. Ихъ примѣру скоро послѣдовали Захарій Газе и Генрихъ Бекгольдъ. Съ этого времени лютеранское ученіе было вполнѣ введено въ городѣ.

Въ четвергъ послѣ Воздвиженія, чернь, все еще волновавшаяся, пыталась разграбить и Никозавескую церковь. Тогдашній церковный старшина Генрихъ Бушъ, опасаясь грабежа, спряталъ церковныя пещи въ ризницѣ и велѣлъ замочныя скважины залить оловомъ. Такимъ только способомъ ему удалось сохранить церкви ея имущества.

Но ожесточеніе противъ доминиканцевъ не скоро улеглось. Когда магистратъ провѣдалъ, что бумаги, привилегіи, печати и утварь, вѣренныя монахамъ, были этими послѣдними вывезены изъ монастыря, то собрался 16-го января 1525 г. на совѣщаніе съ альтерманами гмалдѣй и всей общиной и постановилъ доминиканцевъ за ихъ невѣрность изгнать изъ монастыря. Съ этою цѣлью въ монастырь отправилась депутація изъ трехъ альтермановъ и вѣсколькихъ бюргеровъ. Депутаты призвали къ себѣ пріора, сублипрора и весь монастырскій конвентъ и заявили имъ, что монахи, не смотря на кроткія увѣщанія, подстрекаемые сублипроромъ докторомъ Томасомъ, оказывали прежде и оказываютъ теперь строптивое сопротивленіе магистрату и всей общинѣ; потому ревельская община требуетъ выдачи монастырскихъ ключей. Монахи не посмѣли противиться и съ негодованіемъ бросили ключи на столъ. Депутаты обыскали монастырь,

⁽¹²⁾ См. программу Рейна стр. 12 и 13.

но почти ничего не нашли въ немъ и удовольрились въ справедливости обвиненія. что монахи вывезли куда-то монастырское имущество. Въѣдѣтвіе ятого депутаты приказали монахамъ немедленно же покинуть монастырь; но если кто изъ нихъ хочетъ перейти къ евангелическому учевію, то можетъ остаться въ городѣ и пользоваться городскими вольностями. Монахи единогласно заявили, что они лучше очистить монастырь, чѣмъ оставлять свой орденъ. Затѣмъ ихъ спросили, куда они дѣвали монастырское имущество. Монахи отказались указать мѣсто, тогда пріора, сѣпріора и прокуратора заперли въ тюрьму. Это средство поѣйствовало: заключенные сказали правду и другіе монахи послѣдовали ихъ примѣру. Арестованныхъ выпустили: весь конвентъ очистилъ монастырь и отпразднел на островѣ Борнгольмъ ⁽⁴³⁾.

Когда реформація стала въ Ревель на твердую почву и городъ, подобно Ригѣ, отсекся отъ своего епископа, Пастенбергъ принялъ присягу въ вѣрности одному ему и подтвердилъ Ревелю его вольности.

Всѣобщее возбудженіе умовъ не ограничилось однимъ городомъ, но распространилось и на сельское населеніе въ окрестностяхъ Ревели. Крестьяне въ Гарріенѣ и Вирландѣ возстали въ 1525 г. противъ дворянства, требуя права самимъ избирать своихъ проповѣдниковъ, которые были бы обязаны проповѣдывать чистое евангеліе, и снова ихъ отговаривать, если они прійдутся не по ихъ праву. Крестьяне хотѣли устроить между собою добровольные взносы для содержанія проповѣдниковъ, а излишекъ употреблять въ пользу вдовъ и сиротъ. При этомъ они требовали отмены крѣпостнаго состоянія, требовали себѣ права занимать общественныя должности, требовали себѣ гражданскаго равенства, и это все на основаніи Библіи ⁽⁴⁴⁾.

Такимъ образомъ и здѣсь проявились, хотя и въ маломъ размѣрѣ, тѣже дѣйствія реформации, которыя въ гораздо большемъ объемѣ обнаружались въ германской крестьянской войнѣ и показали ясно, что всякое духовное освобожденіе не ограничивается кругомъ, въ которомъ оно возникаетъ, но могущественно проникаетъ и въ другія отношенія. Впрочемъ, крестьянскія движенія въ Эстоніи, повидимому, были непродолжительны: они скоро улеглись и стихли, но крайней мѣрѣ о нихъ не имѣется никакихъ свѣдѣній.

Точно также и въ Вильѣ и на островѣ Эзелѣ лютеранское ученіе пріобрѣло много приверженцевъ какъ между крестьянами, такъ и между дворянствомъ. Эзельскій епископъ, Іоаннъ Кинель, былъ слишкомъ разумный человѣкъ, чтобы противоѣйствовать новому, оживляющему духу времени: привилегіею, данною въ Гапсаль 15-го декабря 1524 года эзельскому рыцарству, онъ даже показалъ свое расположеніе къ новому ученію. Первая статья этой привилегіи касается религіозныхъ

(43) См. программу Рейна, стр. 13.

(44) См. программу Рейна, стр. 24.

дѣлъ. Кивель говорить въ сей, что онъ охотно допускаетъ, чтобы благодатное слово Божіе проповѣдывалось согласно съ ветхимъ и новымъ заветомъ, не измѣненное человѣческими постановленіями. ясно и истинно, какъ учили Христосъ и его апостолы, потому онъ желаетъ, чтобы въ кирхшпили назначались хорошіе проповѣдники, которые учили бы своихъ пасомыхъ, бѣдныхъ крестьянъ, христіанской вѣрѣ и святому евангелію, не отягощая ихъ ненужными налогами. Рыцарство должно представлять на должность проповѣдниковъ, благочестивыхъ и ученыхъ людей, которые, послѣ испытанія епископомъ, получаютъ утвержденіе отъ него и отъ капитула и остаются въ пасторатахъ такъ долго, пока будутъ полезны. Епископъ желаетъ также дать, сообща съ капитуломъ и рыцарствомъ, законъ о томъ, какъ должны держать себя проповѣдники и о томъ, чтобы крестьяне не были слишкомъ обижаемы. Эта привилегія 30-го октября 1527 г. была утверждена имевшемъ императора въ Шпейерѣ, и признава преемниками Кивеля по епископству Георгомъ фонъ Тизенгаузеномъ и Рейнгольдомъ фонъ Буксегвденомъ.⁽⁴⁵⁾

Съ первымъ началомъ реформаціи въ Дерптѣ связана личность, игравшая не только въ Ливоніи, но и въ Германіи и въ другихъ странахъ значительную, хотя и не достохвальную роль. Эта личность былъ Мельхіоръ Гофманъ, родомъ изъ Швабии, ремесломъ скорнякъ. Отъ природы способный и острый, одаренный хорошей памятью, живымъ умомъ и сильнымъ, пламеннымъ воображеніемъ. Гофманъ могъ бы, при основательномъ ученіи и при обращеніи съ честными, разсудительными людьми, сдѣлаться одной изъ главныхъ опоръ реформаціи; но къ несчастію онъ почти одновременно съ ученіемъ Лютера узнать и воззрѣнія Юмы Мюнцера и Баальзаара Губмейера, которые дали всему его религіозному воззрѣнію ложное направленіе и сдѣлали изъ него, вмѣсто дѣльнаго законоучителя, религіознаго мечтателя. Одушевленный своими идеями, онъ полагалъ себя призваннымъ и другихъ направлять на путь истины: потому онъ извѣдывалъ, то въ сопровожденіи своихъ единомышленниковъ, то одинъ, Германію, Швабію и Ливонію и старался воздѣ распространять свои ученія. «Онъ началъ свое предпріятіе, говоритъ Кронъ въ исторіи этого человѣка⁽⁴⁶⁾, «какъ ревнитель, продолжалъ его какъ мечтатель, а кончилъ вмѣстѣ съ жизнью какъ обманутый глупецъ». Въ сообществѣ съ Мельхіоромъ Ринкомъ и Книппердольфомъ, Гофманъ предпринялъ лѣтомъ 1524 г. поѣздку въ Стокгольмъ и произвелъ тамъ, ободренный отсутствіемъ короля Густава, мятежъ, усмирить который могло только послѣднее возвращеніе короля.

⁽⁴⁵⁾ Ср. Арихта II, стр. 183.

⁽⁴⁶⁾ См. Крона въ исторіи переселенцевъ статью „Melchior Hofmann und die Secte der Hofmannianer“, Leipzig 1758, стр. 5.

Гофманъ и его товарищи были высланы изъ государства и имъ грозили смертью, если они еще когда либо вернутся въ Швецію ⁽⁴⁷⁾.

Послѣ этой неудачной попытки приготовить для своихъ учений твердую почву въ Швеции, Гофманъ отправился къ концу осени 1524 года въ Ливонію и избралъ Дерпт своимъ временнымъ мѣстожителествомъ. Принятіе евангелическаго ученія въ Ригѣ и Ревелѣ и враждебное настроеніе къ архіепископу Блаукенфельду, который вѣстѣ съ тѣмъ былъ и епископомъ дерптскимъ, предрасположили уже умы въ пользу реформаци; тѣмъ скорѣйшій доступъ и искреннее одобреніе нашель здѣсь Гофманъ, что онъ усердно говорилъ противъ папства и свои ученія выставлялъ пароду за евангельскія истины. Епископская партія старалась какъ можно скорѣе удалить изъ города такого проповѣдника, но противъ ея ожиданія именно это стараніе и способствовало реформаци.

Вскорѣ послѣ Рождества 1524 г. епископскій фохтъ въ Дерптѣ хотѣлъ арестовать Мельхіора Гофмана, но встрѣтилъ сопротивленіе въ его приверженцахъ. Дѣло дошло до кровопролитія: четыре бюргера заплатились жизнью, фохтъ, однако, долженъ былъ удалиться въ замокъ. Тогда бюргеры яростно бросились на церковь, разбили все шкафы, въ которыхъ хранились святыни и ризы, расхитили послѣднія, посрывали иконы и сожгли ихъ. Съ помощью ревельскихъ жолѣнѣровъ, паходившихся въ Дерптѣ, они завладѣли тѣмъ архіепископскій замокъ и долгое время держали его въ своей власти ⁽⁴⁸⁾.

Это событіе ясно показало, на сколько враждебно настроена большая часть жителей Дерпта къ папству, и такъ какъ магистратъ также склонился къ евангелическому ученію, потому дерптцы рѣшились произвести церковную реформу совершенно серьезно и въ полномъ порядкѣ. Гофманъ все таки казался магистрату не совсѣмъ подходящимъ человекомъ для этой дѣлы, потому былъ посланъ городскій секретарь Іоакимъ Зассенъ къ Сильвестру Тегельмейеру убѣдить послѣдняго предпринять поѣздку въ Дерпт. Тегельмейеръ послѣдовалъ приглашенію и прибылъ въ Дерптъ вечеромъ наканунѣ Срѣтенія Господня (1-го февраля) 1525 г. На другой же день онъ два раза проповѣдывалъ и за тѣмъ въ продолженіе четырехъ недѣль проповѣдывалъ каждый день и объявлялъ пророка Малахію на латинскомъ языкѣ. Онъ оставилъ Дерптъ во вторникъ на первой недѣлѣ поста (28-го февраля). Такимъ образомъ Сильвестръ Тегельмейеръ собственно положилъ основаніе лютеранской церкви въ Дерптѣ, которая съ тѣхъ поръ, не смотря на всѣ затрудненія и опасности, и утвердилась здѣсь.

Мельхіоръ Гофманъ между тѣмъ удаленъ изъ Дерпта. Произошло ли то по приказанію магистрата, или онъ самъ не считалъ

⁽⁴⁷⁾ См. Кронъ исторія перекрещенцевъ стр. 28 — 35.

⁽⁴⁸⁾ См. Кронъ исторія перекрещенцевъ стр. 38 — 40; Арида II, стр. 189 и 190 и Гадебуша I, 2; стр. 304 и 305.

себя въ безопасностъ: въ Дерптѣ послѣ разгрома церковей — неизвестно. Прежде всего онъ отправился въ Ригу, гдѣ, какъ онъ выражается въ одномъ своемъ позднѣйшемъ письмѣ къ дерптцамъ, про него распустили «замѣчательно несообразную ложь». Здѣсь онъ повидимому имѣлъ переговоры съ обоими рижскими реформаторами касательно евангелическаго ученія, потому что отсюда писалъ, какъ видно изъ того же позднѣйшаго письма, къ дерптцамъ. «оба свидѣтеля (Андрей Кнелкентъ и Сильвестръ Тегельмейеръ) подтверждаютъ, что Евангеліе не иначе должно преподаваться христіанскими учителями и не иначе основываться на Писаніи», какъ онъ имъ возвыцалъ⁽⁴⁹⁾.

Какъ въ Ливоніи онъ старался оправдать передъ дерптцами свое ученіе свидѣтельствомъ обоихъ рижскихъ проповѣдниковъ, такъ онъ вскорѣ и въ Виттенбергѣ сумѣлъ расположить въ свою пользу Лютера и Бугенхагена. Вообще Гофманъ обладалъ даромъ искусно втираться въ значительнымъ людемъ и выражаться предъ ними такъ осторожно, что на первое время никто не открывалъ въ немъ волка подъ овечьей шкурой. Вѣроятно этому способствовало и то, что онъ въ то время еще колебался въ своихъ ученіяхъ, которые только позднѣе приобрѣли опредѣленную форму.

Въ срединѣ іюня 1525 г. мы находимъ Гофмана въ Виттенбергѣ. Здѣсь онъ рассказываетъ Лютеру и Бугенхагену о несогласіяхъ ливонскихъ проповѣдниковъ въ ученіи и обрядахъ⁽⁵⁰⁾ и побуждаетъ тѣмъ названнымъ лицъ обратиться съ письмомъ ко всемъ любезнымъ христіанамъ въ Ливоніи съ ихъ пасторами и проповѣдниками. Письмо Лютера писано отъ 17-го іюня. Онъ предостерегаетъ ливонцевъ отъ раздоровъ въ дѣлѣ обрядовъ и призываетъ проповѣдниковъ къ единодушію, способствовать которому могло бы то, чтобы всякій не превозносилъ себя болѣе другихъ и садился, какъ Христосъ учить въ Евангеліи, ниже всѣхъ гостей на свадьбѣ. Хотя, продолжая онъ, вѣншіе обряды въ богослуженіи для блаженства ничего не значать, все же не по христіански, начинать по поводу ихъ раздоры и тѣмъ сбивать съ толку бѣдный народъ. Всѣ обряды позволительны на основаніи вѣры, но не на основаніи любви. Народъ нужно учить, что обряды не Божіи заповѣди, но служатъ лишь къ сохраненію единодушія. Далѣе Лютеръ говоритъ проповѣдникамъ, что они служители народа, долженствующіе существовать для исправленія людей. Въ заключеніе проситъ народъ не удивляться возникновенію раздоровъ,

(49) См. Крона исторію перекрещенцевъ стр. 40 — 41.

(50) Что сообщенія Гофмана были именно такого рода, доказывается письмомъ Лютера, изъ которого сказано: „отъ вѣрнаго свидѣтеля я узналъ, какіе споры и несогласія возникли между вами“. Крона въ своей исторіи перекрещенцевъ (стр. 46) полагаетъ, что Гофманъ призвалъ Лютеру письмомъ Кнелкента и что Лютеръ подъ именемъ свидѣтеля разудался не Гофмана, а Кнелкента.

ибо на всѣхъ Божіихъ нивахъ растутъ плеледы между хорошими сѣмнами. Богъ хочетъ ихъ тѣмъ испытать, сильны ли они въ вѣрѣ ⁽⁵¹⁾.

Бугенхагенъ написалъ свое письмо нѣсколькими днями позднѣе, 22-го іюня, и адресовалъ его своимъ «господамъ и любезнымъ братьямъ, проповѣдникамъ въ Ливоніи». Онъ совѣтуетъ имъ смиреніе и порицаетъ проповѣдниковъ, которые такъ «напыщены, будто слово Божіе для нихъ однихъ сошло, илишло отъ нихъ однихъ». Если мы нашу проповѣдь хотимъ чего нибудь другаго, говорить оу въ другомъ мѣстѣ, «кромя славы Божией и блаженства людей, то мы уже согрѣшили, хотя бы проглотили все Писаніе и говорили языкомъ всѣхъ ангеловъ». Книгу Лютера о купцахъ и ростовщичествѣ онъ рекомендуетъ всѣмъ купцамъ и ремесленникамъ. Обычное въ Ливоніи обжорство и пьянство онъ горячо обличаетъ. Лютеръ, какъ и Бугенхагенъ, были тогда еще такъ довольны воззрѣніями Гофмана, что позволили ему приложить къ своимъ письмамъ и его, имѣвшее заглавіемъ: «Иисусъ, Христіанской общинѣ Дерпта въ Ливоніи Мелхіоръ Гофманъ желаетъ благословенія и мира, укрѣпленія вѣры Богомъ Отцомъ и Господомъ Иисусомъ Христомъ. Аминь». Въ этомъ письмѣ нельзя найти ничего ложнаго, противорѣчащаго лютеранскому ученію, только уже и здѣсь видно его большое пристрастіе къ аллегорическимъ толкованіямъ одиночныхъ мѣстъ Писанія и особенно Откровенія Іоанна, которое привело его въосаждствіе къ столь многимъ заблужденіямъ. «Не унывайте и бодрствуйте», взываетъ онъ къ дерптцамъ, «чтобы діаволь не застигъ насъ спова, которому вы были проданы такое долгое время, чтобы ваша сила была и оставалась при древѣ жизни, которое есть Иисусъ, папъ Спаситель, сказавшій: азъ есмь лоза, вы же родіе. Кто не облеченъ во Христа, не угодеиъ Богу. Чтобы истинно понять облеченіе, нужно вѣрить, что Онъ оный ваше оправданіе, черезъ котораго вы оправданы и будете оправданы по Божескому милосердію, а не по заслугамъ». Далѣе онъ увѣщаетъ дерптцевъ молиться за тѣхъ, которые еще не просвѣтлены вѣрою, стремиться къ миру и согласію, держаться твердо яснаго текста Писанія и не позволять увлекать себя ложными толкованіями и наконецъ беречься отъ духа раздора, возникшаго между ними. Въ заключеніе онъ пишетъ, что его мысли направлены къ тому, чтобы возвратиться къ вѣмъ ⁽⁵²⁾.

(51) Содержаніе стаго и слѣдующаго письма данастиновано у Гадебуша I, 2; стр. 313 — 315.

(52) Письмо это отъ 22-го іюня 1525 г. напечатано у Крона въ его исторіи перекрещенцевъ на стр. 51 — 57. Въ три упомянутыя письма были издаки въ 1525 г. въ Билдербургъ подъ заглавіемъ: *Kyne Christliche vorwarnung von eusserlichen Gottesdienste unde sündtucht an die yn Liffland, durch D. Martinum Luther und andere.* См. Гадебуша I, 2, стр. 313.

Въ то время, когда Гофманъ былъ въ Виттенбергѣ, между Лютеромъ и Карлштадтомъ завязался споръ о таинствахъ, и Гофманъ, при своемъ расположеніи, которое онъ уже прежде показывалъ къ воззрѣніямъ Карлштадта, повидимому и теперь сталъ на его сторону. Если сравнить его письма къ дерптцамъ отъ этого года съ его разъясненіемъ 12 главы Даниила, то является мысль, что религіозныя идеи Гофмана приняли круто другое направленіе именно въ то время, которое протекло между написаніемъ письма и разъясненіемъ. Впрочемъ, какъ произошла перемена въ его воззрѣніяхъ и гдѣ вообще онъ находился во второй половинѣ 1525 г. и въ началѣ слѣдующаго, объ этомъ можно только дѣлать предположенія. За вѣрное можно только принять, что Гофманъ около Пасхи 1526 г. былъ снова въ Ливоніи. Здѣсь онъ, какъ и прежде, избралъ своимъ мѣстопробываніемъ Дерптъ, занимался тутъ скорняжными работами и такимъ образомъ снискивалъ себѣ пропитаніе, никого не обременяя. Но при этомъ онъ не упускалъ и проповѣдывать, излагая свои воззрѣнія на предопредѣленіе, исповѣдь, отреченіе отъ церкви, причастіе, иконы, учительскую должность, день страшнаго суда и пр. Въ день праздника Тѣла Господня (31-го мая) онъ проповѣдывалъ съ такой горячностью, что только по незначительному числу его слушателей возстаніе не произошло въ этотъ день. Въ слѣдующее воскресенье число его слушателей было уже такъ велико, что его повези въ Маріинскую церковь и поставили тамъ на каменную. Священники и иѣрцы были изъ церкви выпаны, алтари и статуи низвержены, иконы сожжены на рынкѣ. Затѣмъ толпа, бросившись въ Іоанновскую церковь, произвела и тамъ подобныя же безчинства. Таже судьба постигла Доминиканскій и Миноритскій монастыри, изъ которыхъ монахи должны были выбраться, не смѣя ничего взять съ собой, кромѣ своихъ молитвенниковъ. Женскій монастырь Францисканскаго ордена былъ занятъ и монахини оттуда изгнаны: нѣкоторые изъ нихъ нашли скоро случай выйти замужъ. Тѣмъ монахамъ, которые сняли монашескую одежду и приняли лютеранское ученіе, даровано было бюргерское право. Доходами названныхъ монастырей западѣть городъ, а чтобы сами монастыри впредь не могли служить мѣстомъ религіозныхъ сборищъ, дерптцы превратили Доминиканскій монастырь въ цейгхаузъ, а по Францисканскому монастырь стали обжигать известь. Страсть къ разрушенію не ограничилась одними католическими церквами. Чернь разрушила и православную церковь, которая была воздвигнута для русскихъ купцовъ въ Дерптѣ. Дерптцы впоследствии должны были горько раскаяться за это, ибо разрушеніе православной церкви въ Дерптѣ послужило царю Іоанну Васильевичу поводомъ къ войнѣ, которая впоследствии такъ долго опустошала Ливонію.

Дерптскій соборъ былъ пока поважаемъ толпой Гофмана, но злоба Гофмана на канониковъ, которые называли его въ своихъ про-

повѣдахъ соблазнителемъ и лжецомъ и подсмѣивались надъ его свѣтскою премудростью и его ремесломъ, не оставила ихъ долго въ покоѣ. Собравши вокругъ себя двѣсти своихъ приверженцевъ, онъ пошелъ съ ними на соборъ, чтобы выгнать оттуда канониковъ. Но при входѣ въ церковь стоялъ уже замковый фохтъ съ тринадцатью драбантами. Онъ такъ стремительно ударилъ въ нападавшихъ, что Гофманъ со своей толпой поспѣшно обратился въ бѣгство. Уже папская партія торжествовала свою побѣду, какъ въ городѣ раздался набатъ, все взялось за оружіе, начался новый штурмъ. Соборъ былъ наконецъ взятъ и потерпѣлъ судьбу другихъ церквей. Дома канониковъ были разграблены. Магистратъ сдѣлалъ дѣло настолько, что каноникамъ было дозволено совершать по прежнему богослуженіе въ соборѣ, а бюргерамъ напротивъ было запрещено подъ угрозой штрафа въ 10 марокъ слушать въ соборѣ обѣдню или проповѣдь.

Ожесточенные наивсты, конечно, не могли оставить Гофмана безъ преслѣдованій, такъ что онъ, какъ писалъ впоследствии дерптцамъ, ни днемъ ни ночью не былъ спокоенъ за свою жизнь. Послѣ рассказаннаго мятежа онъ скоро покинулъ Ливонію, и на этотъ разъ навсегда, наказавъ своимъ приверженцамъ въ Дерптѣ оставаться ему вѣрными пока онъ имъ не напишетъ. Изъ Виттенберга онъ прислалъ дерптцамъ разъясненіе XII главы Даниіла, которое онъ напечаталъ въ концѣ 1526 года. Съ этого времени Гофманъ исчезаетъ изъ Ливонской исторіи, оставивъ по себѣ образъ возмутителя, который, самъ не убѣжденный, могъ только сбивать съ толку и ослѣплять другихъ (53).

Само собою разумѣется, что съ принятіемъ лютеранскаго ученія Дерптъ отказался отъ духовнаго управленія своего епископа: магистратъ отбѣнилъ духовную юрисдикцію и сталъ управлять церковными дѣлами города. Епископу остались только ограниченныя права свѣтскаго князя и его отношенія къ городу были болѣе отношеніями покровителя, чѣмъ собственно властителя.

Такимъ образомъ города Рига и Дерпт переходятъ къ лютеранскому ученію существенно ослабили силу Бланкенфельда: къ тому же орденскій магистръ считалъ необходимымъ для сохраненія своего значенія охранять Ригу и съ нею свободу лютеранскаго исповѣданія противъ архіепископа. Бланкенфельдъ очутился въ весьма незавидномъ положеніи: земское рыцарство (вассалы) и собственный умъ явились единственными силами, оставшимися въ его распоряженіи; но и земское рыцарство не было вполнѣ надежно: довольно было одного подозрѣнія, чтобы оно отстранилось отъ архіепископа. Бланкенфельдъ незадолго передъ тѣмъ писалъ епископу виленскому

(53) О второмъ пребываніи Гофмана въ Ливонію см. у Бреденбаха *hist. belli Livonicæ* стр. 17 — 23; Крона *Geschichte der Wiedertäufer*, стр. 60 — 70 и Гадсбургъ I, 2, стр. 313 — 320.

о ливонскихъ дѣлахъ, принималъ русское посольство въ Нейгаузенѣ и почтилъ его подарками. Этого было достаточно, чтобы обвинить архіепископа въ связяхъ съ русскими и литовцами и въ замыслахъ противъ ордена. Архіепископъ въ свою защиту противъ такого обвиненія говорилъ, что въ письмѣ къ епископу виленскому онъ жаловался только на насилія рижанъ и дерптцевъ противъ соборнаго капитула и церквей и просилъ у епископа лишь совѣта въ этихъ дѣлахъ, въ письмѣ нѣтъ ничего враждебнаго къ ливонскимъ землямъ и ордену. Меня, говорилъ архіепископъ, обвиняютъ въ томъ, что я заключилъ союзъ съ русскимъ великимъ княземъ и желаю сдать ему нѣсколько замковъ, если онъ подчинитъ епископство и городъ Дерптъ духовной власти; но какая выгода архіепископу произошла бы изъ этого? Еслибы русскій пришелъ съ большой силой, а большой силы онъ не можетъ выставить, то вѣдь всякій можетъ разсудить, что вышло бы изъ этого; если же великій князь пошлетъ мало людей, то это не много поможетъ, тѣмъ болѣе, что русскій не особенно годенъ для осады городовъ и замковъ. Я хотя и принималъ русское посольство въ Нейгаузенѣ, которое прибыло съ предложеніями помощи, но я отказался отъ помощи и далъ понять послу, что Ливонія не нуждается ни въ чьей помощи, что магистръ и сословія окажутъ мнѣ справедливость. Русское посольство получило подарки, но было одарено для блага ливонскихъ земель, дабы великій князь былъ хорошъ къ соседямъ ихъ ⁽⁵⁴⁾.

Но эти оправданія мало помогли: сношенія съ русскими все-таки бросали худую тѣнь на архіепископа. Плеттенбергъ хорошо зналъ, что, съ тѣхъ поръ какъ онъ взялъ подъ свою защиту Ригу, архіепископъ расположенъ къ нему враждебно, потому онъ охотно принялъ къ свѣдѣнію возводимыя на архіепископа обвиненія и старался на всякій случай обезпечить себя, убѣждая земское рыцарство Риги и Дерпта принять соответственные мѣры въ отношеніи архіепископа. Рыцарство, давно уже недовольное архіепископомъ за его насильственные поступки при вступленіи въ управленіе и за его властолюбіе, не заставило себя долго просить: оно завало архіепископскіе замки и укрѣпленія, а въ пятницу передъ Рождествомъ взяло въ плѣнъ самого архіепископа въ его замкѣ Рошнбургѣ ⁽⁵⁵⁾.

Чтобы отразить набѣгъ русскихъ, еслибы онъ дѣйствительно случился, ливонскій орденъ вынужденъ былъ получить помощь изъ заграницы: нѣсколько сотенъ рейтаровъ должны были пройти черезъ Пруссію въ Ливонію. Вмѣстѣ съ тѣмъ орденскій магистръ просилъ герцога Прус-

⁽⁵⁴⁾ См. Бергмана Magazin für Russlands Geschichte томъ II, ч. 2, стр. 27.

⁽⁵⁵⁾ См. инструкцію ливонскому послу Генриху Галену въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant. и справкѣ Лёвенхейма Гроффенала стр. 52.

скаго черезъ кандаускаго фохта Генриха Галена дозволить этому вспомогательному войску свободный проходъ черезъ Пруссію, а вслучаѣ же нужды дозволить вербовать на счетъ орденскаго магистра силезскихъ чеховъ. Но герцогъ Альбрехтъ въ настоящее время долженъ былъ самъ остерегаться онъ проводилъ о совѣщаніяхъ, которыя будто бы велись противъ него въ Германіи съ вѣдома ливонскаго орденскаго магистра. Вслѣдствіе этого герцогъ не желалъ дозволить свободного прохода рейтарамъ впродъ до соглашенія съ орденскимъ магистромъ касательно этихъ дѣлъ. Напомнивъ орденскому магистру о важныхъ услугахъ, которыя оказалъ ордену архіепископъ Вланкенфельдъ (будучи повѣреннымъ къ Римѣ), герцогъ совѣтовалъ относиться къ архіепископу ниснисходительнѣе. Илестенбергъ на это отвѣчалъ, что ни онъ, ни его сановники ничего не знаютъ о планахъ противъ герцога, что они передаютъ герцогу черезъ кандаускаго фохта истинную причину вооруженій въ Ливоніи и потому еще разъ просятъ герцога быть увѣреннымъ въ ихъ дружескомъ расположеніи и не задерживать долѣе ихъ войско въ походѣ въ Ливонію. Это объясненіе не помогло: навязное войско должно было оставаться въ Пруссіи, солдаты продали тамъ свои деньги, пораспродали своихъ лошадей и только одиночные дворяне прибавились водою въ Ливонію и вступили въ службу ордена. Такой поступокъ со стороны Пруссіи сдѣланъ былъ частью изъ опасеній передъ вооруженіями въ Ливоніи, частью изъ уваженія къ Польсѣ, король которой принималъ живѣйшее участіе въ судьбѣ архіепископа и старался по возможности препятствовать всякой насильственной противъ него мѣрѣ.

Въ то самое время какъ между герцогомъ Прусскимъ и орденскимъ магистромъ велись эти переговоры, въ Ливоніи шла рѣчь о важномъ планѣ, который, еслибы былъ вполне приведенъ въ исполненіе, существенно измѣнилъ бы судьбу ливонцевъ. Чтобы обсудить этотъ планъ, въ посту 1526 г. собрались депутаты отъ рижскаго, дерптскаго и эзельскаго рыцарствъ и рыцарства Гарріена и Вирланда съ депутатами магистратовъ трехъ городовъ Риги, Дерпта и Ревеля сначала въ Руэнѣ, а потомъ въ Вольмарѣ. Дерптскіе депутаты прежде всего высказали свои опасенія: въ настоящее время они обладаютъ въ Дерптѣ замкомъ, но еслибы орденскій магистръ сдѣлался единственнымъ ихъ господиномъ, то конечно взялъ бы въ свое владѣніе дерптскій замокъ и такимъ образомъ безусловно владѣлъ бы городомъ, такъ какъ замокъ лежитъ внутри города и не отдѣленъ отъ него стѣнами. Къ тому же орденскій магистръ могъ бы завладѣть рыболовствомъ, которое обыкновенно приносило городу много прибыли, и лишить тѣмъ городъ значительной выгоды. Рига и Ревель обѣщали Дерпту по возможности устроить подобныя опасенія. Всѣ три города находили однако, что имъ совершенно необходимо подчиниться власти

одного господина и одного управления. По обсужденіи и рѣшеніи въ которыхъ дѣлъ, относящихся къ торговлѣ, рѣчь зашла о жалобахъ на архіепископа. Робертъ Сталь фонъ Гольштейнъ, депутатъ рыцарства гарріенскаго и вирландскаго, особенно заботившагося о расширеніи могущества орденскаго магистра, заявилъ собранію извѣстія, полученныя орденскимъ магистромъ о сношеніяхъ архіепископа съ великимъ княземъ московскимъ: дерптскіе же депутаты представили свидѣтельства за печатами и другія бумаги, которыя должны были подтвердить обвиненія противъ архіепископа. Было рѣшено сперва узнать мнѣніе земскихъ рыцарствъ Риги и Дерпта, остаются ли они при своемъ отвѣтѣ, данномъ ими въ Лемзаль депутатамъ рыцарства вирландскаго и гарріенскаго, и потомъ уже, если это будетъ сочтено полезнымъ, изслѣдовать обвиненія противъ архіепископа. Эвельское рыцарство, спрошенное о своемъ мнѣніи, обѣщало оставаться при своемъ прежнемъ рѣшеніи, не отдѣляясь отъ Гарріена и Вирланда и орденскаго магистра. Дерптское рыцарство отвѣчало, что хотя виновность или невинность архіепископа и не доказаны, но такъ какъ архіепископъ пользуется дурною репутаціею, то они готовы отказаться отъ присяги и повиновенія ему; теперь же, пока не изслѣдуется все дѣло, они не будутъ помогать архіепископу ни совѣтомъ, ни дѣломъ, но столь же мало пристанутъ и къ другой партіи. Самымъ послѣднимъ было эпронское рижское рыцарство. Его первое раздраженіе противъ архіепископа улеглось и оно стало сомнѣваться, улучшится ли положеніе рыцарства, если вмѣсто архіепископа они сдѣлаютъ своимъ господиномъ орденскаго магистра. Потому оно, рижское земское рыцарство, предпочло сблизиться съ архіепископомъ, находившимся у него въ плѣну и добыло отъ архіепископа удостовѣреніе, что онъ ни ихъ самихъ, ни ихъ преемниковъ не привлечетъ къ отвѣтственности за свой плѣнъ и за предпринятые противъ него дѣйствія, если послѣ переговоровъ, имѣющихъ производиться въ посту, опять по старому приобрететъ свободу и управленіе; съ своей стороны земское рыцарство обѣщало признать его снова господиномъ своей страны и быть ему вѣрнымъ ⁽⁵⁶⁾. Послѣ такого соглашенія съ архіепископомъ, рижское рыцарство естественно высказалось не за орденскаго магистра. Такъ какъ ихъ господинъ, гласилъ потому ихъ отвѣтъ, съ юности оказывался честнымъ и правдивымъ человекомъ передъ папой, императоромъ, князьями и передъ всякимъ, то они не видятъ причинъ, почему имъ повидать его. Тогда поднялся Робертъ Шталь и напомнилъ имъ переговоры земскихъ рыцарствъ въ Перновѣ и Лемзаль, гдѣ представлены были самые тяжелые пункты обвиненія. Пусть рижское рыцарство теперь объяснится, хотять ли они судить своего господина по существовавшимъ въ странѣ правамъ безъ всякой дальнѣйшей

(56) См. документы объ этомъ въ Neuen nord. Miss. VII и VIII, стр. 278.

апелляціи, для чего эти страны слишком отдалены, или ибѣтъ, и кто долженъ оцѣнить понесенные страной убытки. Отъ апелляціи, отвѣчали депутаты рижскаго земскаго рыцарства, архіепископъ отказался и далъ имъ полномочіе отъ его имени обо всемъ переговорить, войти въ соглашеніе и покончить все; потому они и надѣются на дружеское соглашеніе. Но города и рыцарство Гарріена и Вирланди слышать не хотѣли о дружескомъ соглашеніи съ архіепископомъ, не для того, говорили они, мы собрались вѣстѣ. Депутаты Гарріена и Вирланди зашли во враждѣ къ духовенству такъ далеко, что заговорили о казни епископа, что однако отвергли города. Тогда орденскій магистръ потребовалъ отъ каждого сословія мнѣнія о томъ, какъ поступить съ архіепископомъ. Когда мнѣнія были поданы, на съѣздъ прибыло посольство отъ архіепископа, состоявшее изъ рижскихъ земскихъ рыцарей, которые привезли архіепископское полномочіе войти рыцарству во всякое соглашеніе, не противное архіепископской чести, землямъ, помѣстьямъ и управленію. Посольству были сообщены главныя условія дружескаго соглашенія, именно возмѣщеніе понесенныхъ убытковъ и занятіе пограничныхъ архіепископскихъ замковъ орденскимъ магистромъ для защиты страны. Архіепископъ хотѣлъ пріѣхать самъ въ Вольмаръ и самъ защищаться, но съ полъ-дороги возвратился назадъ. Вѣдѣніе этого сословія не захотѣли долѣе проживать въ Вольмарѣ и ждаты напрасно архіепископа, они разошлись съ орденскимъ магистромъ и по вторичнѣ послѣ вербнаго воскресенья (27-го марта) разошлись обратно по домамъ.

На съѣздѣ, въ качествѣ свидѣтелей, были выслушаны сначала маріенбургскій переводчикъ, который будучи по повелѣнію орденскаго магистра въ Москвѣ, слышалъ отъ стара и млада, что архіепископъ вошелъ въ сѣлку съ великимъ княземъ. Затѣмъ переводчикъ орденскаго магистра рассказывалъ про одного литовскаго боярина, который былъ болѣе двадцати лѣтъ въ плѣну въ Россіи; въ нему и къ другимъ, взятымъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ нимъ, будто бы однажды пришли русскіе со словами. Мы приносимъ вамъ хорошія вѣсти, государь великій князь, нашъ милостивый господинъ, возвратилъ вамъ свободу и хочетъ, чтобы вы вмѣстѣ съ нимъ молились Богу, потому что привалило большое счастье со стороны Ливоніи, которая при помощи архіепископа ливонскаго подчинится ему, великому князю. Нѣсколько дней спустя были выслушаны дерптскій епископскій фохтъ Петръ Штонпельбергъ и Лаврентій Фелькерзамъ, присутствовавшіе при пріемѣ архіепископомъ въ Нейгаузенѣ русскаго посольства. Петръ Штонпельбергъ заявилъ, что онъ просилъ архіепископа для избѣжанія подозрѣній сообщить открыто служивымъ и тѣмъ, которые были съ архіепископомъ въ Нейгаузенѣ, предложенія русскаго посольства; на что ему архіепископъ отвѣтилъ «Ахъ, любезнѣйшій, мы никакъ не думали, чтобы въ такой широкой груди находилось такое трудное сердце» Лаврентій

Фелькверзажъ сослался на свои показанія, которыя онъ собственноручно написалъ въ тюрьмѣ ⁽⁵⁷⁾

Архіепископъ въ продолженіи этого времени содержался все еще въ строгомъ заточеніи и даже послы отъ герцога прусскаго, которые хотѣли объявить архіепископу о дружественномъ къ нему расположеніи своего князя и переговорить съ нимъ объ одномъ денежномъ долгѣ, не были къ нему допущены и должны были вести переговоры о своемъ дѣлѣ нисѣмъ. Также и всѣ ходатайства короля польскаго и герцога прусскаго за архіепископа остались безъ успѣха. Съ трудомъ, наконецъ, позволили, чтобы орденскій канцлеръ отправился къ архіепископу и выслушалъ его предложеніи.

На пятницу передъ Ивановымъ днемъ были назначены ландтагъ въ Вольмарѣ. Сюда прибылъ архіепископъ и въ рѣчи изложилъ свои оправданія. Окончательнымъ рѣшеніемъ этого ландтага было подчиненіе архіепископа и епископовъ Ливоніи вмѣстѣ съ ихъ капитулами и рыцарствами орденскому магистру. Въ состоявшихся 15-го іюня 1526 г. въ Вольмарѣ реверсалияхъ, архіепископъ и епископы обязуются оказывать ордену помощь во всякой войнѣ противъ враговъ страны; не стѣсняясь раньше заключенными союзами внутри или внѣ страны, всякій споръ въ странѣ долженъ быть улаженъ законнымъ рѣшеніемъ, а не открытой силой. Архіепископъ ничего не будетъ предпринимать противъ города Риги безъ вѣдома и совѣта орденскаго магистра. Никто, къ какому бы онъ ни принадлежалъ сословию, не смѣетъ призывать на помощь иностранныхъ государей или земель или вести съ ними переговоры въ ущербъ странѣ. Къ этому предаты, капитулы и рыцарства обязуютъ ордену, если онъ того пожелаетъ, помогать ему вѣрно своимъ совѣтомъ по своему крайнему разумію и все, что орденъ доверитъ имъ, сохранять въ тайнѣ и не выдавать во вредъ странѣ. За то орденъ обязуется имъ защиту и покровительство. Архіепископъ и епископы будутъ стараться получить утвержденіе этихъ статей отъ папы и императора, но если статьи и не будутъ утверждены, то не смотря на это, онѣ все-таки останутся въ силѣ, безъ вреда для привилегій и вольностей каждаго сословія ⁽⁵⁸⁾.

Здѣсь невольно является вопросъ почему Плеттенбергъ не воспользовался настоящими обстоятельствами, чтобы сдѣлаться единственнымъ властителемъ Ливоніи? Какъ магистръ духовно-католическаго ордена, онъ не могъ уничтожить верховныхъ пастырей церкви, мечомъ которой долженъ быть орденъ, а если верховные пастыри существовали бы и впродѣ со своими правами, то магистръ не могъ сдѣлаться ничѣмъ другимъ, какъ только тѣмъ, во что возвелъ его

⁽⁵⁷⁾ О переговорахъ въ Ругенъ и Вольмаръ см. Bunge Archiv für die Geschichte Liv-, Est- u. Curlands, II, стр. 93 — 130.

⁽⁵⁸⁾ Реверсалии напечатаны въ Ливоніи Престетала стр. 52 (Mon. Liv. ant. т. V).

только что упомянутый документ, т. е. покровителем всей Ливонии. Магистры могли бы перейти къ лютеранскому учению и объявить себя независимымъ княземъ Ливонии, но какъ самостоятельному князю ему трудно было бы удержаться противъ враждебныхъ соседнихъ государствъ, Россіи и Польши. Къ тому же въ то время не было примѣра, чтобы какой нибудь имперскій князь возвысился до степени независимаго владѣтеля страны, не пройдя промежуточной ступени къ независимости, періода леннаго отношенія къ большому государству. Еслибы Плеттенбергъ вошелъ къ леннымъ отношеніямъ, напримѣръ, къ Польшѣ, то онъ перемѣнилъ бы свое положеніе на несравненно болѣе независимое. Но католическая партія въ Ливоніи вовсе не была такъ незначительна, чтобы терпѣливо допустить лютеранскаго господина до власти надъ собою, да и Плеттенбергъ самъ, хотя конечно въ душѣ и быть расположенъ къ лютеранскому учению, все же вышнимъ образомъ строго держался католической церкви, какъ онъ и выразился въ одномъ своемъ отвѣтѣ послать королю польскаго «что въ этомъ лютеранскомъ возмущеніи онъ выѣдетъ со своимъ орденомъ явится покорнымъ папскому святѣйшеству и императорскому величеству». Это быть можетъ были одні изъ причинъ, которыми удерживали Плеттенберги протянуть свою руку за независимой княжеской короной. Онъ удовольствовался властью, которой до него не достигалъ ни одинъ орденскій магистръ. Старинный споръ между орденомъ и духовенствомъ повидимому достигъ своего окончанія: свѣтская власть одержала побѣду надъ духовной.

Властолюбивый Бланкенфельдъ на вольмарскомъ ландтагѣ чувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ, его гордость не позволила ему оставаться при подобныхъ обстоятельствахъ въ Ливоніи. Потому, онъ, какъ только получилъ свободу, тотчасъ же удалился изъ Ливоніи, оставивъ протестъ противъ вольмарскихъ реверсалій^(*). По пути въ Римъ онъ заѣхалъ въ Польшу, короля которой онъ вѣроятно уже раньше уведомлялъ о своей побѣдѣ, потому что послѣдній просилъ его въ письмѣ оправдать передъ папой превращеніе орденской земли Пруссіи въ свѣтское герцогство, предстать его святѣйшеству всѣ опустошенія, которыя претерпѣваютъ Венгрія со стороны турокъ и Польша со стороны татаръ, а также извѣстить его о лютеранской болѣе и болѣе разрастающейся заразѣ, надъ искорененіемъ которой трудится король. Въ Римѣ Бланкенфельдъ искалъ у папы Климента VII помощи противъ ордена, но у Климента было довольно хлопотъ и съ итальянскими дѣлами, потому Бланкенфельдъ незадолго до взятія приступомъ Рима Карломъ Бурбонскимъ, (6-го мая 1527 г.) выѣхалъ изъ этого города въ Испанію, чтобы черезъ императора Карла V исходатайствовать себѣ снова всѣ архіепископскія права; но въ 4-хъ

(*) См. Арикта II, ст. 196, и Гудебура I, 2, стр. 327.

мизяхъ отъ Паленціи заболѣлъ диссентеріей и умеръ тамъ 9-го сентября 1527 г. ⁽⁶⁰⁾.

Блаукенфельдъ совѣтовалъ рижскимъ соборнымъ каноникамъ избрать послѣ его смерти рижскимъ архіепископомъ герцога Георга Брауншвейгскаго и Люнебургскаго, донгера епископствъ Бельнскаго и Страсбургскаго, а епископомъ дерптскимъ императорскаго младшаго канцлера Бальтазара Мерклина, уроженца Вальдкирхскаго въ Швабін. Такимъ выборомъ, надѣялся онъ, поднимется снова значеніе архіепископа и епископовъ въ Ливоніи, такъ какъ герцогъ Георгъ могъ быть увѣренъ въ помощи своего брата герцога Генриха Брауншвейгскаго, а Бальтазаръ Мерклинъ могъ много сдѣлать черезъ свои знакомства при императорскомъ дворѣ ⁽⁶¹⁾.

Императоръ, услышавъ о смерти архіепископа, очень жалѣлъ, что не поговорилъ съ такимъ достойнымъ представителемъ католической церкви; онъ велѣлъ принести себѣ бумажі архіепископа и узналъ изъ нихъ о предложенномъ выборѣ ⁽⁶²⁾. Императоръ былъ вовсе не прочь видѣть обезпеченною власть католической церкви въ столь отдаленныхъ странахъ римской имперіи, княжеской особей, имѣвшей достаточно средствъ для удержанія власти; потому онъ и рекомендовалъ капитуламъ этотъ выборъ и достигъ того, что рижскій капитулъ согласился предложить герцога Георга Брауншвейгскаго въ выбору въ архіепископы. Но въ Ливоніи были многіе, которые на этотъ выборъ въ раздумьѣ показывали головами, считали его противнымъ законамъ и обычаямъ страны и опасались новыхъ потрясеній въ странѣ. Имъ потому было пріятно узнать, что и Плеттенбергъ недоволенъ такимъ предложеніемъ и дѣлаетъ все возможное, чтобы воспрепятствовать выбору герцога. Дѣйствительно, Плеттенбергъ совѣтовалъ рижскому капитулу выбрать архіепископомъ вмѣсто чужаго князя кого выудить изъ своей среды и общалъ имъ въ этомъ случаѣ довести городъ Ригу до того, что рижане возвратятъ духовенству отобранныя владѣнія внутри и вѣнъ города; съ герцогомъ же Брауншвейгскимъ новонизбранный архіепископъ можетъ войти въ полюбовную сдѣлку ⁽⁶³⁾. Конечно въ интересахъ Плеттенберга было, чтобы архіепископское мѣсто занималъ человекъ, власть котораго имѣла бы точку опоры только въ Ливоніи и который потому легче бы подчинился верховной власти орденскаго магистра, чѣмъ иностраннѣй князь. Общаніи Плеттенберга не преминули произвести свое дѣйствіе, и капитулъ канониковъ, вскорѣ послѣ того избравъ новымъ архіепископомъ (въ мартѣ 1528 г.) изъ своей среды рижскаго соборнаго пробста Оолю Шонинга, сына рижскаго бургомистра Іоанна Шонинга. Теперь все зависѣло отъ того

⁽⁶⁰⁾ См. Ливонія Грефентала стр. 56 въ 5-мъ томѣ Мон. Liv.

⁽⁶¹⁾ См. Хатреуса I, XI, у Герна стр. 196 въ Мон. Liv. I и лекція Грефентала стр. 56 въ 5-мъ томѣ Мон. Liv. изд. Сравни о томъ у Гадебуша I, 2, стр. 334.

⁽⁶²⁾ См. у Арида II, стр. 198.

⁽⁶³⁾ См. Ливонія Грефентала, стр. 57.

чтобы Шэнингъ вошелъ въ соглашение съ герцогомъ Брауншвейгскимъ. Для этой цѣли Шэнингъ получилъ въ Лемналѣ отъ соборнаго капитула и рижскаго земскаго рыцарства полномочіе защищать дѣло рижскаго архіепископства на имѣющемъ быть въ мартѣ 1528 года имперскомъ сеймѣ въ Регенсбургѣ и войти въ соглашение съ герцогомъ; вѣзучаѣ если герцогъ не пожелаетъ отказаться отъ своихъ притязаній, то Шэнингъ долженъ выхлопотать у него подтвержденіе привилегій и вольностей архіепископства и уступить ему самое архіепископство. Съ Шэнингомъ отправились въ Германію Георгъ Крюденеръ, рейденскій фохтъ, и каноники Гартвигъ фонъ Тизенгаузенъ и Матсей Унферфартъ⁽⁶⁴⁾.

Имперскій сеймъ въ Регенсбургѣ былъ посвященъ въ прошломъ году такъ малочисленно, что незначительное число собравшихся воздержалось отъ всякаго рѣшенія. Въ этомъ году съ сеймомъ дѣло пошло еще хуже: сначала онъ былъ отложенъ съ марта на май, а потомъ открытіе его было окончательно запрещено императорскимъ эдиктомъ⁽⁶⁵⁾. За несбывшуюся надежду на регенсбургскій сеймъ Шэнингъ хотѣлъ вознаградить себя въ Рельнѣ, гдѣ его переговоры съ герцогомъ Георгомъ Брауншвейгскимъ имѣли дѣйствительно такой счастливый исходъ, что онъ скоро увидѣлъ себя единственнымъ обладателемъ правъ на рижское архіепископство⁽⁶⁶⁾. Вѣроятно герцогъ Георгъ удовольствовался суммой денегъ, дать ему которую охотно согласились рижскіе каноники, въ надеждѣ найти въ возвращеніи Плеттенбергомъ ихъ имущество достаточное для себя вознагражденіе.

Осенью этого года мы видимъ Шэнинга усердно дѣйствующимъ за интересы архіепископскаго земскаго рыцарства: онъ выхлопоталъ у императорскаго намѣстника, пфальцграфа Фридриха, подтвержденіе права на союзное наслѣдованіе (*Samende Hand*)⁽⁶⁷⁾.

Затѣмъ Шэнингъ отправился въ Любекъ, откуда онъ напомнилъ писменно орденскому магистру о его обѣщаніи помочь достигнуть спокойнаго обладанія архіепископствомъ. Но Плеттенбергъ заставилъ напрасно ждать отвѣта: изъ того письма Шэнинга и вообще

(64) Копія съ полномочія находится въ Corp. hist. dipl. Liv. I, VIII, № 806. Сравни о томъ въ Mon. Liv. ant. I, стр. 195.

(65) См. Pappas deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation, т. 3, стр. 148.

(66) См. Pierpa стр. 197 въ 1-мъ и Префаталъ стр. 57 въ 5-мъ томъ Mon. Liv. ant.

(67) Копія съ этого подтвержденія находится въ Corp. hist. dipl. Liv. I, VIII, подъ № 803. Въ этомъ документѣ Шэнингъ названъ сперва „выбраннымъ на рижское архіепископство“, а потомъ „избраннымъ архіепископомъ“. Изъ этого можно заключить, что уже въ это время состоялось соглашеніе съ герцогомъ Георгомъ Брауншвейгскимъ.

Для объясненія слова *Samende Hand* необходимо вспомнить, что павеститура, т. е. жалованная грамота отъ епископа для орденскаго магистра, составляла необходимую принадлежность леннаго владѣнія.

Павеститура имѣла два вида: лентъ жалованіе или одному лицу, или исполненнымъ лицамъ въ совокупности. Второго вида лента и называется павеститурой на союзное наслѣдованіе — *Samende Hand*, *investitura simul-lanen*, потому что пожалованный ибсгалъ-никъ имѣлъ лентъ оставшихъ въ обществѣ ихъ владѣнцъ и, по прекращеніи мужскаго пола одного изъ состоящихъ въ союзѣ, участкомъ его переходилъ къ прочимъ владѣльцамъ.

изъ всего поведенія послѣднiаго онъ вѣроятно увидалъ, что Шэнингъ не будетъ безгласнымъ орудiемъ ордена, какое онъ надѣялся вначалѣ найти въ немъ; потому ему было желательно, чтобы прибытiе Шэнинга замедлялось переговорами. Шэнингъ и самъ не хотѣлъ являться въ Ливонiю, прежде чѣмъ не опредѣлятся его отношенiя какъ къ ордену, такъ и къ архіепископству. Когда же его депутаты и въ Ригѣ не могли достигнуть соглашенiя, вѣроятно по недостатку нужнаго полномочiя, то онъ обратился въ имперскiй судъ и старался получить отъ послѣднiаго указъ противъ орденскаго магистра и города Риги ⁽⁶⁸⁾.

Тутъ снова выступилъ на сцену Ломплеръ, старавшiйся отвратить бѣду и примирить спорившiя стороны. Съ трудомъ ему удалось получить согласiе Плеттенберга на заключенiе заграничной договора съ архіепископомъ ⁽⁶⁹⁾. Герцогъ Рига избралъ его своимъ депутатомъ и уполномочилъ вести переговоры съ архіепископомъ на основанiяхъ писемно изложеннаго соглашенiя, которое герцогъ еще прежде хотѣлъ заключить въ Ливонiи съ депутатами архіепископа, но которое тогда не состоялось, а также согласно съ данной писемной инструкцiей. Въ сомнительныхъ случаяхъ онъ долженъ обращаться къ магистрату города и спрашивать его разрѣшенiя. Если ему не придется заключить договора, то онъ долженъ открыто засвидѣтельствовать почтительную готовность города къ дружескому соглашенiю и продолжать дѣйствовать по праву и справедливости ⁽⁷⁰⁾. Чтобы дать Ломплеру и средства къ такой поѣздкѣ, его содержанiе было на половину увеличено и въ то же время предоставлены ему въ пожизненное его и его жены пользованiе два новые дома въ Ригѣ у церкви св. Петра ⁽⁷¹⁾.

Снабженный рекомендательнымъ письмомъ магистрата, Ломплеръ прежде всего отправился къ герцогу Альбрехту прусскому, «какъ къ истинному христіанскому князю и подвижнику божественнаго слова», чтобы черезъ его предстательство найти у прочихъ евангелическихъ князей Германiи защиту и помощь въ своемъ дѣлѣ съ архіепископомъ. Въѣстъ съ тѣмъ онъ надѣялся черезъ это предстательство у евангелическихъ князей и сослѣдовъ получить приличный прiемъ, чтобы не явиться «выполненнымъ какъ собака изъ печени» ⁽⁷²⁾. Герцогъ далъ ему 15-го iюня 1529 г. въ Финнгаузенѣ желаемое рекомендательное письмо, въ которомъ проситъ евангелическихъ курфирстовъ, князей и города Германiи принять дѣятельное участiе въ

(68) См. Актондес Префектала, стр. 57, въ 3-мъ томѣ Mon. Liv. ant.

(69) См. письмо Ломплера къ герцогу Альбрехту въ Mon. Liv. ant. стр. 214.

(70) См. доверенность магистрата въ Corp. hist. dipl. Liv. I, VII, N. 866.

(71) См. Таубенгеймъ призыву стр. 20.

(72) См. письмо Ломплера къ герцогу Альбрехту въ Corp. hist. dipl. Liv. II, XVI, № 2114.

Ригѣ, претерпѣвающей за принятіе божественнаго ученія и уничтоженіе старыхъ обрядовъ и злоупотребленій много неприятностей какъ въ имперскомъ управленіи, такъ и въ имперскомъ влеченіи судѣ, состоящихъ и безъ того болѣею частью изъ противниковъ евангелія, а также при случаѣ рекомендовать этотъ городъ и другимъ князьямъ и лицамъ ⁽⁷³⁾. Получивъ такое письмо отъ герцога, Ломиллеръ поѣхалъ прямо въ Любекъ. Здѣсь онъ вошелъ въ переговоры съ уполномоченными новаго архіепископа, къ которымъ магистратъ любекскій, живо интересовавшійся этимъ дѣломъ, присоединилъ еще своихъ двухъ бюргеровъ. Лихорадка, которою Ломиллеръ здѣсь, какъ и поздѣе въ Виттенбергѣ, былъ боленъ, вѣроятно замедлила переговоры, но все таки договоръ состоялся 30-го июля 1529 г. въ Любекѣ. Содержаніе его вкратцѣ слѣдующее: договоръ заключается на шесть лѣтъ; относительно свободы проповѣдыванія евангелія и верховнаго главенства архіепископа надъ городомъ тѣло остается въ продолженіи шести лѣтъ въ его нынѣшнемъ положеніи, однако этотъ договоръ не долженъ препятствовать веденію въ этотъ промежутокъ времени дружескихъ переговоровъ въ странѣ касательно этихъ пунктовъ. Въ случаѣ возникновенія споровъ между архіепископомъ и городомъ, рыцарство рижскаго архіепископства будетъ посредникомъ: но еслибы рыцарство не согласилось, то обѣ стороны, архіепископъ и городъ, должны назначить въ посредники неполозрительныхъ и безпристрастныхъ людей, а еслибы и изъ этого ничего не вышло, то тогда каждая сторона пусть открыто остается при своемъ правѣ. Городъ обязанъ возвратить отнятыя у архіепископа и капитулы имѣнія и имущества. О башняхъ, стѣнахъ и воротахъ, принадлежащихъ архіепископству, долженъ заботиться рижскій магистратъ и поддерживать ихъ. На своемъ дворѣ въ Ригѣ архіепископъ не долженъ устранивать большихъ собраний изъ лицъ своего сословія: людей, нужныхъ имъ его удовольствія или хозяйства, онъ можетъ держать, но только не въ слишкомъ большомъ числѣ. Соборные проповѣдники, два церковные служителя, школьный учитель со своими помощниками и другіе проповѣдники должны быть снабжены подходящими квартирами. Новые постройки, которыя захотятъ предпринять капитула или архіепископъ, должны производиться такъ, чтобы отъ этого городъ не потерпѣлъ вреда. Взятыя на храненіе церковныя ценности остаются подъ надзоромъ магистрата, причемъ одинъ ключъ отъ нихъ находится у архіепископа, другой у магистрата. Въ продолженіе этого перемирія не должны имѣть мѣста никакія насильственные требованія, напротивъ каждая сторона должна помогать другой словомъ и дѣломъ и въ случаѣ если одна

⁽⁷³⁾ Рекомендательное письмо помещено въ Corp. hist. dipl. Liv. II, XVI, подъ № 2075.

сторона будет имѣть неприятности, то другая должна не увеличивать ихъ, а стараться устранить (⁷¹).

Последнему пункту этой сдѣлки о помощи, которую должна оказывать одна сторона другой при неприятностяхъ, можно было конечно придавать различныя значенія и мѣть могъ сдѣлаться вреднымъ для города. Въ данной Ломиллеру инструкціи не упоминалось о такомъ пунктѣ, а это, конечно, составляло достаточную причину, чтобы отвергнуть весь договоръ, но Ломиллеръ полагалъ, что такимъ договоромъ главная цѣль перемирія — поддержаніе евангелія все таки достигается, и потому согласился принять договоръ тѣмъ болѣе, что остальные пункты его отнюдь не были неблагопріятны для города (⁷²).

Чтобы обезпечить себя отъ упрековъ, Ломиллеръ отправился въ Виттенбергъ и предложилъ все дѣло на обсужденіе Лютеру, Меланхтону, Бугенхагену и доктору правъ Іерониму Шурпфу. Всѣ они одобрили образъ дѣйствій Ломиллера, а Лютеръ и Шурпфъ даже совѣтовали рижскому магистрату принять это перемиріе. Шурпфъ въ своемъ письмѣ отъ 25 августа 1529 прямо порицаетъ рижскій магистратъ за то, что послѣдній отказалъ въ своемъ повиновеніи архіепископу архіепископы вѣдь получали городъ Ригу въ ленное владѣніе отъ императора и долго господствовали надъ городомъ какъ помѣщики, подчиненнымъ не подобаетъ судить свое начальство, или отказываться отъ него, но, если рижане недовольны своимъ начальствомъ, то должны куда слѣдуетъ принести жалобу. И церковныя имущества городъ присвоилъ себѣ противозаконно, такъ какъ каждый долженъ быть огражденъ въ своей собственности. Въ противозаконныхъ поступкахъ нельзя прикрываться евангеліемъ, потому что это противно слову Божію. Заключенный недавно въ Любекѣ договоръ съ архіепископомъ, продолжаетъ Шурпфъ, я прилежно прочиталъ и извѣстилъ: еслибы Ломиллеръ не принялъ перемирія въ такомъ видѣ, то отъ этого былъ бы ущербъ для города. Вообще же Ломиллеръ достигъ болѣе, чѣмъ ожидали разумные и беспристрастные люди, потому пусть городъ приметъ договоръ, пусть не притягиваетъ къ своему ущербу. Это мой чистосердечный совѣтъ (⁷³).

Лютеръ обходитъ юридическія отношенія и коротко пишетъ рижскому магистрату, что считаетъ перемиріе на 6 лѣтъ выгоднымъ и удивляется удачѣ Ломиллера въ этомъ дѣлѣ.

Еслибы Ломиллеръ раньше спросилъ совѣта, его, Лютера, то договоръ вышелъ бы гораздо стѣснительнѣе и слабѣе. Въ эти шесть

(⁷¹) Копія съ этого договора помѣщена въ Corp. hist. dipl. Liv. I, VII, подъ № 900 и перепечатана въ видѣ прибавленія къ Таубенгеймовой программѣ.

(⁷²) См. выше помѣщенное письмо Ломиллера къ герцогу Пруссіи.

(⁷³) Письмо это помѣщено въ Corp. hist. dipl. Liv. II, XVI, № 2078.

лѣтъ много воды утечетъ; дастъ Богъ день, дастъ Богъ и разумъ; трудно въ настоящее время, что либо подѣлать съ епископомъ, потому что у императора и империни безъ того много хлопотъ⁽⁷⁷⁾.

Написавъ курфирсту Иоанну-Фридриху Саксонскому и ландграфу Филиппу Гессенскому, съ приложеніемъ резолюцiальныхъ писемъ отъ герцога Прусскаго, и выздоровѣвъ отъ лихорадки, которую онъ, какъ было упомянуто выше, заболѣлъ во второй разъ въ Виттенбергѣ, Ломмлеръ отправился черезъ Кенигсбергъ и Мемель обратно въ Ригу, гдѣ надѣялся быть встрѣченнымъ съ благодарностью и радостью. Но тутъ онъ скоро увидѣлъ, что горько ошибся: его обвинили въ измѣнѣ, посягали, какъ онъ самъ говоритъ, на его жизнь, имущество и честь, третировали его какъ самаго злѣйшаго злодѣя, и только одиночные безпристрастные члены магистрата спасли его отъ серьезной опасности. Иоаннъ Бросманъ, находившійся, въ то время въ Ригѣ и о дѣятельности котораго будетъ упомянуто послѣ, говорилъ открыто въ ратушѣ передъ магистратомъ и старшинами общины въ пользу принятія перемирія и въ пользу Ломмлера. Депутаты отъ города отправились съ договоромъ и данною Ломмлеру инструкціею къ ландмаршалу ордена, а потомъ къ орденскому магистру и представили ямъ на видъ, насколько Ломмлеръ нарушилъ инструкцію и тѣмъ измѣнилъ городу⁽⁷⁸⁾. Рижане думали, что послѣдній пунктъ договора противенъ присягѣ, которую городъ принесъ во времена Бланкенфельда орденскому магистру: другіе полагали, что пунктомъ этимъ хотѣли довести ихъ снова до вирхгольмскаго договора⁽⁷⁹⁾. Но кромѣ любекскаго договора было еще другое обстоятельство, которымъ воспользовались для обвиненія Ломмлера и которое еще сильнѣе возбудило противъ него умы. Для объясненія этого обстоятельства необходимо прежде прослѣдить шаги, которые сдѣлалъ архіепископъ Тома въ Германіи для своей пользы и пользы рижскаго архіепископства.

Подобно тому какъ орденскій магистръ боялся, чтобы архіепископъ Тома не снялъ отъ него достигнутого имъ единодержавія въ Ливоніи, такъ и архіепископъ не могъ не сознавать, что ему невозможно долго сопротивляться орденскому магистру только со своей энергіей и средствами, которые находились въ его распоряженіи. Потому то онъ и задумалъ выюлнить планъ, который составилъ Бланкенфельдъ передъ своей смертію, именно, задумалъ выбрать себѣ преемника и надежнаго помощника кого либо изъ влиятельныхъ особъ въ Германіи. Собственно говоря, осуществить этотъ планъ

(77) Письмо это отъ 31-го авг. 1529 г. помещено въ Corp. hist. dipl. Liv. II, XVI, № 2079 и переиздано въ Таубенхаймовой программѣ, стр. 231.

(78) См. письмо Ломмлера къ герцогу Альбрехту въ Corp. hist. dipl. Liv. II, XVI, подъ № 2114.

(79) См. письмо Бросмана къ епископу курляндскому въ томъ-же сборникѣ подъ № 2092.

для архіепископа не было трудно, потому что у тогдашнихъ владѣтельныхъ особъ давно уже вошло въ обычай обезпечивать младшихъ братьевъ или другихъ своихъ родственниковъ, доставляя имъ доходныя духовныя должности. Выборъ Шеннига колебался между двумя князьями: княземъ Геннебургскимъ, Фульдекимъ коадьюторомъ, и маркграфомъ Фридрихомъ Бранденбургскимъ. Это колебаніе объясняется положеніемъ герцога Альбрехта. Съ одной стороны архіепископу Тома желательно бы было имѣть въ братѣ своего коадьютора соотца и близкую помощь; съ другой стороны явилось сомнѣніе, будетъ ли герцогъ, какъ евангелическій князь, дѣйствительно поддерживать католическое дѣло въ Ливоніи и не предавъ ли его братъ въ душѣ лютеранскому ученію и черезъ то неспособенъ поддерживать значеніе католической церкви. Правда, это сомнѣніе частью успокоивалось мыслью, что герцогъ Альбрехтъ находится подъ вліяніемъ короля польскаго, который все еще считалъ себя покровителемъ рижскаго архіепископства.

Въ началѣ августа архіепископъ Тома все еще ни на что не рѣшился: онъ написалъ въ первые дни этого мѣсяца въ Любекъ три письма, изъ коихъ первыя два, адресованныя императору и канцлѣ, касались князя геннебургскаго и утвержденіе его въ должности коадьютора, въ третьемъ же письмѣ архіепископъ рекомендовалъ своего совѣтника Вольфганга Лосса герцогу Альбрехту, чтобы вести съ послѣднимъ переговоры касательно замѣщенія должности консерватора архіепископства рижскаго и коадьюторства маркграфа Фридриха Бранденбургскаго ⁽⁸⁰⁾. Первыя два письма не дошли до мѣста своего назначенія, но послѣднее очень скоро нашло себѣ примѣненіе, потому что Вольфгангъ Лоссъ еще въ августѣ былъ отправленъ съ письмомъ къ герцогу прусскому. Архіепископъ Тома полагалъ, что легче всего привлечь герцога на свою сторону, если ему объяснить, что у нихъ обоихъ въ сущности одни и тѣже интересы. Потому онъ ему сообщилъ, что Плеттенбергъ, основываясь на вольмарскомъ договорѣ 1526 г., по которому архіепископъ, епископы и земское рыцарство должны были давать ему помощь во всякой могущей случиться войнѣ, потребовалъ отъ рижскаго земскаго рыцарства обѣщанія помощи, въ случаѣ если уваженіе споровъ о границѣ между Польшей и Ливоніей, которое должно произойти будущей зимой, не обойдется миролюбиво. Въ тому же одна статья этого договора запрещаетъ всякому ливонскому сословію когда либо требовать помощи иностранныхъ князей при ливонскихъ спорахъ, а это очевидно показываетъ презрѣніе къ иностраннымъ князьямъ и можетъ только послужить тому, чтобы поставить архіепископа совершенно подъ власть ордена. Но ни онъ, архіепископъ, ни его рыцарство не намѣрены исполнять этихъ пунктовъ. Если теперь изъ нарушенія этихъ пунктовъ можетъ произойти

(80) См. документы №№ 4 и 5 въ 3-мъ томѣ Mon. Liv. ant.

опасность для архіепископства, то пусть герцогъ, какъ консерваторъ архіепископства, усердно поддерживаетъ его противъ орденскаго магистра. Зато архіепископъ выкажетъ свою благодарность герцогу тѣмъ, что приметъ его брата Фридриха, соборнаго пробота въ Бюрцбургѣ, себѣ коадьюторомъ⁽⁵¹⁾. На предложеніи архіепископа герцогъ Альбрехтъ отвѣчалъ, что его братъ Фридрихъ, желающій имѣть хорошіе дни, уже живетъ на епископскую ногу, привыкъ къ своему германскому отечеству», и наврядъ ли приметъ выборы: потому герцогъ предлагаетъ въ коадьюторы своего брата Вильгельма и въ случаѣ если архіепископъ на это согласится, онъ, герцогъ, возьметъ на себя консерваторство архіепископства и будетъ помогать словомъ и дѣломъ архіепископу; если же архіепископъ не захочетъ признать его брата Вильгельма коадьюторомъ, то онъ, герцогъ, при тѣхъ же условіяхъ предлагаетъ въ коадьюторы своего двоюроднаго брата, князя Гевенбергскаго, фульдскаго коадьютора⁽⁵²⁾.

Архіепископъ Отома не замедлялъ согласиться на желанія герцога Альбрехта; выбралъ маркиграфа Вильгельма коадьюторомъ и обѣщалъ предоставить ему замки Роннебургъ, Пейбалгъ, Смильтенъ, Зербенъ, Лемзаль, Вайнзель и Залисъ съ ихъ окрутами⁽⁵³⁾.

За тѣмъ Отома Шэмингъ отправился чрезъ Оливу въ Кенигсбергъ, гдѣ и велъ дальнѣйшіе переговоры съ герцогомъ Альбрехтомъ. Здѣсь 15-го сентября 1529 г., онъ заключилъ съ герцогомъ оборонительный союзъ, по которому герцогъ обѣщавался защищать рижское архіепископство отъ всѣхъ враговъ и по просьбѣ архіепископа подавать ему помощь, а также предостерегать отъ враждебныхъ покушеній на архіепископство, но изъ этихъ условій исключаются короли польскій и датскій, съ которыми герцогъ находился въ близкомъ родствѣ и потому не хотѣлъ спорить. Архіепископъ съ своей стороны обѣщалъ герцогу помощь и совѣтъ при военной опасности. Желованье и военныя издержки должна уплачивать нуждающаяся въ помощи сторона. Въ случаѣ, если обѣ стороны въ одно и тоже время будутъ находиться въ войнѣ, такъ, что не будутъ въ состояніи помогать другъ другу, то это обстоятельство не лишаетъ договоръ его силы, но только та часть, которая раньше освободится отъ своихъ враговъ, должна идти на помощь къ другой съ находящимся еще подъ ружьемъ войскомъ. Если же маркиграфу Вильгельму болѣзнь или другая какая напасть помѣшаетъ принять коадьюторство и прибыть въ архіепископство, то

(51) См. инструкцію архіепископа Вольфгангу Лоссу въ Corp. hist. dipl. Liv. II, XVI, N 2077, перепечатанную въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant. на стр. 138.

(52) См. отвѣтъ герцога Альбрехта на предложеніи Вольфганга Лосса въ Corp. hist. dipl. Liv. II, XVI, подъ № 2076. Отвѣтъ этотъ напечатанъ въ 5-мъ т. Mon. Liv. ant.

(53) См. Mon. Liv. ant. томъ 5, стр. 143.

этотъ договоръ, какъ для архіепископа, такъ и для герцога, долженъ быть необязательнымъ во всѣхъ его частяхъ ⁽⁸⁴⁾.

Затѣмъ архіепископъ избралъ и грамотою за печатью формально назначилъ своимъ коадьюторомъ маркиграфа Вильгельма, подтвердивъ за нимъ владѣніе вышеупомянутыми семью замками съ ихъ округами, съ тѣмъ, однако, условіемъ, что онъ, архіепископъ, вслучаѣ нужды можетъ занять эти замки, какъ и маркиграфъ архіепископскіе. Кoadьюторъ обязанъ являться къ архіепископскому двору по всякому требованію архіепископа, при чемъ архіепископъ будетъ содержать на свой счетъ его и его свиту во все время пребыванія при дворѣ. Если архіепископъ найдетъ необходимымъ предоставить своему коадьютору управленіе архіепископствомъ, оставивъ за собою для своего содержанія нѣсколько замковъ, то маркиграфъ Вильгельмъ не будетъ противиться тому. Во власти архіепископа будетъ увеличить или неувеличивать первоначально назначенное содержаніе маркиграфа ⁽⁸⁵⁾.

Изъ Кенигсберга архіепископъ Тома поѣхалъ въ Мемель, откуда онъ послалъ герцогу Альбрехту двѣ избрательныя грамоты о маркиграфѣ Вильгельмѣ и князѣ Кенигсбергскомъ; одну изъ нихъ герцогъ долженъ былъ по своему усмотрѣнію отослать къ папѣ и императору ⁽⁸⁶⁾. Затѣмъ архіепископъ выѣхалъ изъ Германіи въ Ливонію, но слѣды его дѣятельности оттого еще не исчезли въ Германіи и ясно проявились въ императорскихъ указахъ, которые состоялись въ Шпейерѣ 15-го января на имя магистра и ордена въ Ливоніи и епископовъ Эзельскаго, Ревельскаго, Дерптскаго и Курляндскаго.

Жалоба архіепископа на городъ Ригу и магистра, поданная въ имперскій камерный судъ, о которой мы уже упоминали, нашла себѣ благопріятную почву при обстоятельствахъ того времени. Постановленія имперскаго сейма, происходившаго въ Шпейерѣ весной 1529 г. имѣли для евангелическаго дѣла въ высшей степени неблагопріятный результатъ тѣ, которые отыргли латинскую общину, должны были опять ее допустить, епископская юрисдикція должна была опять войти въ силу. Евангелическія сословія воспротивились тому и протестовали ⁽⁸⁷⁾. При такомъ пераспокоженномъ въ евангеликамъ настроеніи, имперское управленіе охотно обратило вниманіе на жалобу рижскаго архіепископа и изъявило готовность издать опальный указъ. Архіепископъ, надѣясь на благопріятный исходъ любекскихъ переговоровъ, не настаивалъ на указѣ, но теперь увидѣвъ, что Рига отвергла шестилѣтнее перемиріе, онъ снова поднялъ это дѣло черезъ своего

⁽⁸⁴⁾ См. документы изъ исторіи маркиграфа Вильгельма въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant. подъ № 8.

⁽⁸⁵⁾ См. въ томъ же томѣ Mon. Liv. ant., документы № 9.

⁽⁸⁶⁾ См. письмо архіепископа въ томъ же томѣ Mon. Liv. ant. подъ № 11.

⁽⁸⁷⁾ См. Panke Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation, томъ 3-й, стр. 150 — 166.

секретаря Антона Моргенштерна, посланнаго въ Шлеверъ. Здѣсь немедленно же изготовили указъ, который Моргенштернъ и передалъ разсѣльному имперскаго камернаго суды Югану Муйзеру, для врученія подлиннаго архіепископу, а копію герцогу Альбрехту. Но узнать, что орденъ устроить заставы по дорогамъ въ Ливоніи, Моргенштернъ на всякій случай велѣлъ написать дублировать указы и послать ихъ въ Любекъ къ одному довѣренному другу архіепископа, чтобы тотъ уложилъ ихъ въ боченокъ и отослалъ въ Ригу къ какому нибудь надлежащему приверженцу архіепископа, дабы такимъ путемъ указы дошли нацѣрное въ руки архіепископа. Указъ запрещалъ орденскому магистру препятствовать принятію шестнадцатаго перемирія и всякія враждебныя дѣйствія противъ архіепископа, напротивъ обязывалъ его къ защитѣ и покровительству послѣдняго; епископамъ Эзельскому, Дерптскому, Ревельскому и Курляндскому предписывалось, въ случаѣ если архіепископъ будетъ тѣснымъ орденскимъ магистромъ, оказывать первому помощь и заступничество⁽⁸⁸⁾.

Но помирить архіепископа и магистра было трудной задачей при тогдашнемъ положеніи дѣлъ ия этого было необходимо, чтобы одинъ изъ нихъ оказалъ большую уступчивость, чтобы или архіепископъ отказался отъ возвращенія своихъ прежнихъ правъ, или орденскій магистръ отъ достигнутаго верховнаго главенства. Но магистръ повидимому отнюдь не былъ склоненъ къ уступкамъ. Рига также и слышать не хотѣла объ уступкахъ и постоянно отказывалась отъ принятія любекскаго договора. Письма изъ Пруссіи, которыми друзьями архіепископа сообщался ходъ переговоровъ съ герцогомъ Альбрехтомъ касательно коадьюторства, были вскрыты посторонними лицами и содержаніе ихъ разглашено⁽⁸⁹⁾. Полученныя такимъ путемъ извѣстія повергли рижанъ въ немалое безпокойство отъ коадьюторства иностраннаго князя, они ничего не предвидѣли, кромѣ еще большаго притѣсненія евангеликовъ. Опасенія тяжелыхъ приближающихся временъ сдѣлали ихъ подозрительными и они не довѣряли даже людямъ, усердіе которыхъ было доказано уже на дѣлѣ. Продолжительное отсутствіе Ломмлера, происшедшее влѣдствіе постигшей его болѣзни въ Виттенбергѣ, они сопоставляли съ переговорами о коадьюторствѣ. Последняя статья любекскаго договора, повидимому, подтверждала ихъ мнѣніе и потому они встрѣтили человека, оказавшаго, какъ было упомянуто выше, такую большую заслугу въ поддержаніи евангелическаго ученія въ Ливоніи, подозрѣніемъ въ невѣрности и измѣнѣ. Это было печальное время для Ломмлера. «Ни одинъ живой человекъ въ городѣ и уѣздѣ», писалъ онъ влѣдствіи герцогу прусскому, «не говорилъ со мною, я видѣлъ своими глазами, что бытъ покинуть и

(88) См. документы въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant. подъ № 17.

(89) См. письмо Брисемана въ епископу Самландскому въ Corp. hist. dipl. Liv. II, XVI, подъ № 2092.

отвергнуть Богомъ и людьми, и если бы Господь не былъ моею помощью, то моя душа едва не осталась ли бы въ аду; отецъ и мать и все мои ближніе отступились отъ меня, но Господь, который помогаетъ въ нуждѣ въ надлежащее время, принялъ во мнѣ участіе»⁽⁹⁰⁾. Дѣйствительно изъ Давидга прибылъ гонецъ съ письмами отъ тамошняго магистрата къ орденскому магистру и рижскому магистрату, гонецъ привезъ также письма курфюрста Саксонскаго и ландграфа Гессенскаго въ отвѣтъ на рекомендаціи герцога Альбрехта и ходатайства Ломиллера въ пользу города Риги. Ломиллеръ не замедлялъ вручить эти отвѣты орденскому ландмаршалу для дальнѣйшей передачи, извѣстивъ его еще устно о своихъ переговорахъ съ герцогомъ. На третій день послѣ того Ломиллеръ получилъ отъ ландмаршала письма обратно съ извѣщеніемъ, что магистръ читалъ письма, не нашелъ въ нихъ ничего дурнаго, а потому будетъ вѣрить Ломиллеру. Тутъ только обстоятельства перемѣнились для Ломиллера, орденскіе сановники и рыцари начали опять съ нимъ говорить, его извиненія были выслушаны и невинность его была признана. На собраніи сословій въ Виденѣ 1-го января 1530 г., Плеттебергъ публично объявилъ Ломиллера свободнымъ отъ подозрѣнія, приказалъ ордену и городу Ригѣ прескратить все попомненія и оскорбленія Ломиллера и составилъ о томъ формальный актъ⁽⁹¹⁾.

Тогда и у магистрата и у рижской общины открылись глаза; они начали стараться снова привлечь Ломиллера на свою сторону въ особенности потому, что въ тѣ важныя времена они нуждались въ дѣльномъ, проникательномъ человѣкѣ. Магистратъ послалъ къ нему изъ своей среды нѣсколькихъ членовъ, которыхъ Ломиллеръ зналъ какъ расположенныхъ къ себѣ людей; они должны были уговорить Ломиллера посвятить опять свои услуги городу. Ломиллеръ былъ слишкомъ благороденъ, чтобы отказать имъ въ этомъ, онъ радовался раскаянію своихъ враговъ, въ особенности когда магистратъ составилъ формальное оправданіе ему и занесъ этотъ документъ въ городскую памятную книгу⁽⁹²⁾.

Между тѣмъ къ концу 1529 года архіепископъ обратился къ королю польскому, прося его о защитѣ архіепископства, покровителемъ котораго онъ былъ, и спрашивая совѣта какъ лучше всего ввести коадьютора маркграфа Вильгельма въ Ливонію и привести городъ Ригу обратно къ повиновенію⁽⁹³⁾. Архіепископъ Тома отослалъ это

(90) См. тамъ же письмо подъ № 2114 и сравня Таубенгеймову программу стр. 25 и 26.

(91) См. оправдательную сентенцію изъ Corp. hist. dipl. Liv. II, XVI, № 2089 и Таубенгеймову программу стр. 27.

(92) См. въ Corp. hist. dipl. Liv. II, XVI, № 2091 и Таубенгеймову программу стр. 27 и 28.

(93) См. документы изъ исторіи маркграфа Вильгельма въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. anc. подъ № 13.

письмо герцогу прусскому для дальнейшей отправки къ королю польскому. Герцогъ отвѣчалъ на архіепископское письмо: отвѣтъ этотъ вмѣстѣ со многими другими письмами былъ переданъ одному каноннику для доставленія архіепископу. По небрежности, всѣ эти письма попали въ руки магистра, который изъ нихъ и узналъ о всѣхъ переговорахъ и намѣреніяхъ архіепископа. Затѣмъ орденъ созвалъ земское архіепископское рыцарство въ Венденъ и угрозами вынудилъ у него обѣщаніе не принимать коадьютора и рѣшительно высказаться противъ него ⁽⁹⁴⁾.

На это собраніе архіепископъ послалъ посольство, съ увѣдомленіемъ, что онъ, архіепископъ, слѣдую совѣту императорскаго величества, избралъ маркиграфа Вильгельма своимъ коадьюторомъ, что выборъ этотъ, одобренный капитуломъ и земскимъ рыцарствомъ, долженъ служить только къ поддержанію церковныхъ правъ, но не ко преду какого нибудь сословія. Сообразуясь съ этимъ, архіепископъ ни съ кѣмъ не велъ переговоровъ и не поручалъ никому вести ихъ, дабы не произошло какого ущерба для страны. Архіепископъ надѣется, что магистръ защититъ и поддержитъ архіепископскія права, «въ особенности въ силу содержанія послѣдняго, состоявшагося въ Шпейерѣ сеймоваго опредѣленія»; если же архіепископъ не найдетъ защиты и поддержки у магистра, то да не перетолкуется въ дурную сторону, если онъ, архіепископъ, обратится къ императору, къ германской имперіи и къ коадьютору. Архіепископъ желалъ заявить это ордену на ландтагѣ въ Вольмарѣ, но такъ какъ ландтагъ не состоялся по причинѣ свирѣпствовавшей болѣзни, то заявленіе это дѣлаетъ теперь. Въ заключеніе, архіепископъ проситъ орденскаго магистра пропустить свободно и безпрепятственно черезъ орденскія владѣнія посольство, которое онъ намѣренъ отправить къ коадьютору ⁽⁹⁵⁾.

Магистръ на это далъ очень уклончивый отвѣтъ: онъ упрекалъ архіепископа въ нарушеніи вольмарскаго договора (1526 года) и отказывалъ въ свободномъ пропускѣ посольства ⁽⁹⁶⁾.

Когда архіепископъ Фома услышалъ о результатѣ собранія въ Венденѣ, а также и о томъ, что его намѣренія обнаружались изъ перехваченныхъ писемъ герцога, то со своими совѣтниками Георгомъ Крюденеромъ, Георгомъ фонъ Унгерномъ и Вольфгангомъ Лоссомъ посѣдѣвши перенести въ свой крѣпкій замокъ Кокенгузенъ. Орденскіе сановники и гарнизонъ города Риги хотѣли немедленно идти на Кокенгузенъ, занять замокъ и подчинить своей власти измѣнниковъ. Орденскій магистръ, однако, не допустилъ насильственныхъ дѣйствій,

⁽⁹⁴⁾ См. документы изъ исторіи маркиграфа Вильгельма въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant. подъ № 17, 3.

⁽⁹⁵⁾ См. инструкціи между документами изъ исторіи маркиграфа Вильгельма подъ № 12, 1 въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant.

⁽⁹⁶⁾ См. тамъ же документы № 12, 2.

зная по опыту вредъ ихъ, а, быть можетъ, имѣя въ виду ходатайства короля польскаго за архіепископа и коадьютора ⁽⁹⁷⁾. Тамъ же менѣе онъ рѣшился созвать къ собранію на воскресенье передъ загробнымъ прелатовъ, орденскихъ чиновъ и земское рыцарство ⁽⁹⁸⁾.

Заботой орденскаго магистра было теперь прервать переговоры архіепископа съ герцогомъ прусскимъ и не допустить депутатовъ обѣихъ сторонъ достигнуть до мѣста ихъ назначенія. Съ этою цѣлію магистръ велѣлъ разставить заставы по дорогамъ и предписалъ ордену соблюдать величайшую бдительность. Самландскій фохтъ Меннике фонъ Ширштедтъ, прибывшій въ Ливонію по порученію герцога Альбрехта, былъ задержанъ въ Гольдингелъ орденскими людьми и нѣкоторое время находился почти въ заточеніи. Только съ трудомъ и, вѣроятно, умолчавъ о своемъ посольствѣ къ архіепископу, онъ могъ достигнуть Веплена. Здѣсь онъ хотѣ и былъ принятъ хорошо магистромъ и даже послѣдній подарилъ ему серебряный кубокъ, но къ нему относились съ подозрѣніемъ, такъ какъ распространилось опасеніе, что посредствомъ коадьютора хотятъ подчинить Ливонію коронѣ польской. Ширштедта стерегли такъ строго, что на этотъ разъ онъ никакъ не могъ понасть къ архіепископу ⁽⁹⁹⁾.

Чтобы разсѣять опасенія, возникшія по поводу назначенія коадьютора, земское рыцарство рижскаго архіепископства обратилось къ рыцарствамъ другихъ епископствъ, съ нисѣмъ, въ которомъ излагались обстоятельства, при которыхъ послѣдовалъ выборъ Шопинга, и его дѣятельность въ Германіи въ пользу архіепископства. Выбѣтъ съ тѣмъ рыцарствамъ заявлялось, что коадьюторъ желаетъ оставить какъ рижское земское рыцарство такъ и всѣхъ властителей и жителей страны при ихъ вольностяхъ и обычаяхъ. Поэтому слухъ, будто выборъ коадьютора послужитъ къ гибели Ливоніи или что союзы съ королемъ польскимъ и герцогомъ прусскимъ должны отчуждить Ливонію отъ германскаго государства, неосновательны. Рижское земское рыцарство нѣмецкаго происхожденія находится уже триста лѣтъ подъ покровительствомъ священной римской имперіи и скорѣе умирать, чѣмъ позволить отвратить себя отъ нѣмецкой паціи и священной римской имперіи. Къ тому же архіепископъ пѣмецъ, коадьюторъ изъ нѣмецкаго курфиртскаго рода, оба и не думаютъ ничего предпринимать въ ущербъ странѣ ⁽¹⁰⁰⁾. Письмо это, вѣроятно, имѣло не малое дѣйствіе на приближавшійся ландтагъ въ Вольмарѣ, расположивъ къ коадьютору другія рыцарства, хотя умы были еще слишкомъ возбуждены, чтобы буря могла скоро улегься.

⁽⁹⁷⁾ См. тамъ же документы подъ № 2, 2.

⁽⁹⁸⁾ См. тамъ же документы № 17, 3.

⁽⁹⁹⁾ См. тамъ же № 17, 2 и 3.

⁽¹⁰⁰⁾ См. письмо рижскаго земскаго рыцарства между документами къ исторіи маркграфа Вальсхейма подъ № 16. Письмо это не имѣетъ даты, но по всей вѣроятности было написано и вскорѣ послѣ сѣзда въ Вепленѣ.

Къ концу февраля орденскій магистръ созвалъ въ Вольмарѣ ландтагъ, куда и архіепископъ послалъ своихъ пословъ. Послѣ обыкновеннаго привѣтствія, послы доложили ландтагу, что его княжеской милости, архіепископу, никогда и въ голову не приходило предпринимать что либо вредное для ордена или жителей Ливоніи; потому что онъ съ юности преданъ достохвальному ордену и сословіямъ ливонскихъ земель. Архіепископъ первоначально не думалъ избирать своимъ коадьюторомъ иностраннаго князя, но при выборѣ слѣдовалъ совѣту императорскаго величества и сословій германской имперіи. Совѣтъ архіепископскаго капитула и рыцарства въ Роннебургѣ ⁽¹⁰¹⁾ одобрилъ выборъ, съ условіемъ, чтобы ко всѣмъ правамъ и вольностямъ ливонскихъ сословій до прибытія коадьютора, была приложена печать, чтобы они были подтверждены присягою и утверждены его папскимъ святѣйшествомъ и римскимъ величествомъ. Такъ какъ императоръ, подъ защитой котораго состоитъ архіепископъ, отъ Ливоніи слишкомъ удаленъ, потому архіепископъ обратился къ назначенному императоромъ консерватору архіепископства, а также получилъ отъ герцога прусскаго обѣщаніе помощи въ случаѣ нужды. Не смотря на все это, архіепископъ согласенъ на дружественное соглашеніе и потому поручилъ епископамъ дерптскому и эзельскому взять на себя защиту его дѣла, но съ условіемъ не принимать никакого рѣшенія, которое шло бы въ разрѣзъ съ любекскимъ перемиріемъ. Дружественный образъ мыслей архіепископа, говорили послы, можно изъ того видѣть, что онъ, владѣя императорскими указами противъ магистра и ордена, до сихъ поръ не сдѣлалъ изъ нихъ никакого употребленія.

Какого либо опредѣленнаго рѣшенія, кажется, на этомъ ландтагѣ не состоялось, потому что эти же самые вопросы мы видимъ неспорѣшенными и на слѣдующемъ ландтагѣ ⁽¹⁰²⁾.

Въ сущности выборъ маркграфа Вильгельма коадьюторомъ иначе нельзя назвать какъ счастливымъ выборомъ, если принять въ расчетъ не столько личность маркграфа, сколько его значительное родство. Если послѣдствія этого выбора не соответствовали возлагавшимся на него ожиданіямъ, то большая часть вины въ томъ заключалась въ самомъ поведеніи маркграфа. Мы уже упоминали о ходатайствахъ короля польскаго и герцога Альбрехта за коадьютора, здѣсь слѣдуетъ упомянуть еще о хлопотахъ короля датскаго, дочь котораго была супругой герцога прусскаго. Къ концу февраля этого года король написалъ въ городъ Висмару и другимъ ганзейскимъ городамъ письмо, въ которомъ просилъ ихъ ни въ какомъ случаѣ не оказывать помощи

⁽¹⁰¹⁾ Объ этомъ совѣтѣ см. вступленіе ко 2-му тому Приб. Сб. стр. XIV

⁽¹⁰²⁾ Сколько времени продолжался этотъ ландтагъ съ точностію неизвѣстно. Папскій думаетъ, едва ли, впрочемъ, справедливо, будто ландтагъ этотъ продолжался съ 19-го по 30-е іюня.

орденскому магистру, о котором слышно, будто онъ вербуетъ солдатъ изъ Ливоніи, чтобы идти войною противъ архіепископа. Города Даяцигъ, Стральзундъ, Анклямъ, Кольбергъ, Грейфсвальдъ обѣщали исполнить королевское желаніе ⁽¹⁰³⁾. Послѣ того король написалъ къ орденскому магистру, совѣтуя ему не имѣть враждебныхъ замысловъ противъ архіепископа. Плеттенбургъ отвѣчалъ, что послѣ этого какъ архіепископъ причинилъ ордену столько вреда у германскаго императора и имперіи и у другихъ королей и князей, орденъ имѣетъ много причинъ отплатить архіепископу тѣмъ же; однако отнюдь не имѣетъ такихъ намереній, а напротивъ старается съ епископами эзельскимъ, дерптскимъ и курляндскимъ привести споры къ дружественному концу ⁽¹⁰⁴⁾.

Герцогъ Альбрехтъ избралъ искуснаго посредника въ лицѣ Менника фонъ Ширштедта, — который всячески старался примирять несогласныхъ и приготовить маркграфу Вальгельму благоприятный приемъ. Рижскому земскому рыцарству онъ изображалъ маркграфа человекомъ ласковымъ, любезнымъ и тѣмъ расположилъ рыцарство въ его пользу.

Городу Ригѣ онъ предложилъ посредничество герцога въ ихъ спорахъ съ архіепископомъ, которое и было принято съ благодарностью, какъ весьма желательное городу ⁽¹⁰⁵⁾.

Архіепископъ незадолго передъ тѣмъ потребовалъ, чтобы городъ исполнилъ вырочденіе трехъ вождѣй императорскій указъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ себя готовымъ къ полюбовной сдѣлкѣ, въ случаѣ если городъ вырочденіе опредѣленнаго срока возвратитъ архіепископу и капитулу захваченныя имѣнія и драгоценности. И Плеттенбургъ былъ настроенъ Менникомъ фонъ Ширштедтомъ къ уступчивости и рѣшенію созвать ландтагъ, на которомъ должны были рѣшиться все спорныя дѣла. Плеттенбургъ уже много разъ послѣ послѣдняго ландтага въ Вольмарѣ созывалъ сословія, но такъ какъ архіепископъ постоянно уклонялся отъ переговоровъ, то наконецъ орденскій магистръ согласился на желаніе архіепископа уладить на предстоящемъ ландтагѣ спорныя пункты съ епископами эзельскимъ и дерптскимъ съ оговоркой, что, если дѣла не уладятся мирнымъ путемъ, то это не зачтется въ вину орденскому магистру ⁽¹⁰⁶⁾.

Въ концѣ іюня ландтагъ наконецъ собрался въ Вольмарѣ. Рыцарство Гарріена и Вирланды уже прежде уговорилось въ Ваакѣ съ земскими рыцарствами Дерпта и Эзеля и тамъ рѣшили, что они

⁽¹⁰³⁾ См. письмо датскаго короля къ санзевигскимъ городамъ въ Corp. hist. dipl. Liv. II, XVI, подъ № 2093.

⁽¹⁰⁴⁾ См. тамъ же № 2094.

⁽¹⁰⁵⁾ См. документы въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant. подъ №№ 15, 19 и 20.

⁽¹⁰⁶⁾ См. Mon. Liv. ant. томъ 5-й, стр. 179.

не имѣють никакого права отказывать въ пропускѣ коадьютора въ Ливонію, но необходимо, чтобы коадьюторъ до своего прибытія письменно подтвердилъ права и присягнуть сохранять ихъ, въ случаѣ же если коадьюторъ, не смотря на клятву, все таки станетъ вредить имъ, то ему слѣдуетъ оказывать рѣшительное сопротивленіе. Когда рѣшеніе было передано депутатами города Ревеля, то ихъ мнѣніе было, что сначала нужно узнать совѣтъ орденскаго магистра въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ оно вѣдь больше всего его касается. Также и депутаты Риги, тотчасъ же по своемъ прибытіи объявили, что городъ по императорскому указу уже предоставилъ архіепископу его права и хочетъ по повелу непремѣнно требуемой присяги вести съ архіепископомъ переговоры въ промежутокъ времени до дня св. Іакова, и что орденскій магистръ одобряетъ подобное намѣреніе. Ломиллеръ, который былъ постоянно пужень при такихъ переговорахъ, находился конечно въ числѣ рижскихъ депутатовъ и старался, по своимъ дружескимъ отношеніямъ къ герцогу прусскому, дѣйствовать въ пользу маркграфа. Епископъ дерптскій былъ лично на ландтагѣ, епископъ же эзельскій поручилъ защиту своего дѣла М. Михаилу Брулову.

Главнымъ предметомъ обсужденій на ландтагѣ былъ вольмарскій рецессъ 1526 г.: разбиралъ вопросъ, не уничтожить ли этотъ документъ, не отнять ли у орденскаго магистра верховное главенство надъ Ливоніей и возвратитъ архіепископу его прежнія права? Сословія думали, что лучше всего не уничтожать рецесса до тѣхъ поръ, пока не будетъ составленъ другой. Епископы Дерпта и Эзеля требовали нерасмотрѣть рецессъ и по нему составить новый. Это предложеніе было одобрено. Далѣе оба епископа просили орденскаго магистра прекратить все спорныя дѣла, возникшія между нимъ и архіепископомъ, чтобы тѣмъ скорѣе можно было достигнуть полюбовнаго соглашенія; но сословія не согласились на это, а требовали представленія спорныхъ дѣлъ, чтобы изъ нихъ выяснить, кто собственно виновень въ раздорахъ. Впродолженіе ландтага епископъ дерптскій много разъ приглашалъ рижанъ передать ему ихъ дѣла съ архіепископомъ, чтобы такимъ образомъ все уладить мирнымъ путемъ. Рижскіе депутаты сначала задумались, потомъ отвѣтили: архіепископъ назначилъ срокъ до дня св. Іакова, въ который рижане должны были помириться съ архіепископомъ, и къ тому они готовы, но чтобы здѣсь на ландтагѣ вести переговоры объ этомъ дѣлѣ, то для этого они не имѣють полномочія⁽¹⁶²⁾. Наконецъ, послѣ долгихъ прерій, былъ составленъ новый договоръ, прочитанъ въ общемъ собраніи сословій и принятъ послами архіепископа и орденскимъ магистромъ.

(162) Такой отвѣтъ былъ данъ по совѣту Ломиллера, такъ какъ самъ писалъ о томъ герцогу прусскому. См. документы изъ исторіи маркграфа Вильгельма подл. № 36.

Этимъ новымъ договоромъ уничтожался вольмарскій рецессъ; орденскій магистръ признаетъ за архіепископомъ совмѣстное главенство надъ городомъ Ригой по прежнему. Такимъ образомъ удовольствіе единоначителства, продолжавшагося четыре года, исчезло у магистра какъ сонъ. Старость ищетъ примиренія и спокойствія. Плеттенбергъ надѣялся, что найдетъ теперь и то и другое.

Затѣмъ было прочитано постановленіе касательно коадьютора. Онъ не ранѣе могъ вступить въ должность, какъ получивъ утвержденіе отъ папы и регаліи отъ императора и притомъ подтвердивъ письменно за своею печатью права и обычаи каждаго сословія. Капитулу онъ долженъ оставить права выбора, долженъ обязаться не давать при себѣ никакихъ мѣстъ никакому графу или господину, до своего прибытія принять посвященіе въ духовное званіе, не допускать у себя княжеской роскоши, но жить подобно другимъ ливонскимъ прелатамъ, наконецъ не входить ни въ какіе союзы съ иностранными князьями ко вреду Ливоніи. Всѣ эти пункты коадьюторъ долженъ еще до своего прибытія утвердить письменно, закрѣпить своею печатью, представить на утвержденіе императору и папѣ, а также стараться получить отъ короля Фердинанда и другихъ князей и владѣтелей и отъ города Любека поручительство за эти статьи. Дѣвнадцать знатнѣйшихъ лицъ изъ архіепископства должны также приложить свои печати и поручиться въ исполненіи коадьюторомъ названныхъ условій (108).

Орденскій магистръ и архіепископъ помирились; Рига, увидѣвшая себя одинокою на полѣ битвы, сочла за лучшее также помириться съ архіепископомъ. Это совѣтовали главнымъ образомъ Ломиллеръ и Брисманъ. Потому рижскіе депутаты отъѣхали къ архіепископу въ Кокентузенъ и сошлись съ нимъ на томъ, что ему будутъ возвращены всѣ движимыя и недвижимыя имущества, отнятыя у архіепископства. Дальнѣйшее рѣшеніе о духовной юрисдикціи архіепископа и вознагражденіи за понесенные убытки были отложены до слѣдующаго собранія, которое назначить архіепископъ, безъ нарушенія, однако, императорскаго указа (109).

Въ началѣ августа начались снова переговоры въ Даленѣ. По старому обычаю, въ случаяхъ, когда архіепископъ былъ въ раздорѣ съ городомъ Ригой, земское рыцарство вызывалось быть посредникомъ для улаженія спора; оно это и теперь сдѣлало съ согласія рижанъ. Болѣе недѣли велись переговоры, а спорныя пункты все еще не были рѣшены. Тогда архіепископъ вида, что совѣщанія обѣ-

(108) См. у Грегентали стр. 59 и у Герна стр. 197. Грегентали ошибочно называетъ Даленъ мѣстомъ, гдѣ происходили ландтаги.

(109) См. у Грегентали стр. 64 и 5-мъ томъ Мол. Liv. ant. и у Герна стр. 197 въ 1-мъ томъ того же изданія.

извѣстныхъ статейхъ могутъ еще долго тянуться безплодно и что неспокойное положеніе страны не дозволяетъ такихъ продолжительныхъ переговоровъ, которые все таки не вели ни къ какой цѣли, рѣшилъ заключить съ рижанами перемиріе на два года, въ продолженіе которыхъ быть можетъ нерѣшенные статьи какъ нибудь и уладятся полюбовно. Подобному рѣшенію вѣроятно не мало способствовали Ломиллеръ и Брисманъ, которые также находились въ Даленѣ, а также ходатайства герцога прусскаго. Перемиріе не должно было нарушить императорскій указъ, напротивъ, обѣ стороны хотѣли просить въ имперскомъ камеральномъ судѣ о продленіи указа. Главнымъ пунктомъ перемирія было то, что городъ Рига обязывается дозволить архіепископу и капониамъ кавитула спокойно и мирно владѣть своимъ имуществомъ и имѣніями внутри и внѣ города, однако духовные не могутъ изъ этого дѣлать употребленія, которое привело бы ущербъ торговлѣ или правамъ города. 10-го августа 1530 г. перемиріе было приято въ Даленѣ обѣими сторонами и снабжено печатями ⁽¹¹⁰⁾.

Въ 1525 и 1526 годахъ обстоятельства въ Ливоніи приняли новый видъ. евангелическое ученіе, имѣвшее своимъ главнымъ очагомъ Ригу, приобрѣло вмѣстѣ съ верховнымъ главенствомъ одного орденакаго магистра надъ городомъ сильную опору въ орденѣ; вольтмарскимъ договоромъ 1526 г. свѣтское господство надъ Ливоніей одержало побѣду надъ духовнымъ, казалось, для Ливоніи наступить новая эра. Теперь же все снова вошло въ старую колею. Но сильный духъ, посадившій въ себѣ живые зародыши, не позволяетъ себя уничтожить; подавленный на нѣкоторое время, онъ все таки снова прорывается съ непреодолимой силой. Орденъ, посреди молодой жизни, которая вокругъ него распускалась, стоялъ какъ отжившее учрежденіе, не способное къ возрожденію; реформація тѣмъ не менѣе во все вдохнула свѣжій духъ и изъ старой негодной оболочки засіяло новое время.

⁽¹¹⁰⁾ Далежскій договоръ напечатанъ въ Таубенгеймовой программѣ приложениемъ подъ № 4.

ГЛАВА III.

Споры въ Ливоніи по поводу выбора маркграфа Вильгельма Бранденбургскаго архіепископскимъ коадьюторомъ. Корыстные его планы. Споръ о присягѣ между архіепископомъ и городомъ Ригою. Упроченіе евангелическаго ученія въ Ливоніи.

Орденскій магистръ вошелъ въ соглашеніе съ архіепископомъ на счетъ обоюдныхъ правъ, городъ Рига заключилъ перемиріе на два года, съ архіепископомъ слѣдовательно дѣло было покончено, по дѣлу коадьютора еще колебалось, все еще не улаживалось. Хотя орденскій магистръ и отвѣчалъ на письмо короля датскаго, совѣтовавшаго не враждовать противъ коадьютора, что ни онъ, ни орденъ ничего не предпримуть противъ коадьютора, хотя на ландтагѣ въ Вольмарѣ магистръ вмѣстѣ съ другими сословіями и рѣшился послать къ маркграфу Вильгельму посольство, но все тамъ былъ кнххомолку падѣлся затянуть прибытіе коадьютора, можетъ быть и совѣтъ помѣшать ему ⁽¹¹¹⁾. Маркграфъ Вильгельмъ уже прибылъ въ Мемель, чтобы оттуда отправиться въ рижское архіепископство, герцогъ Альбрехтъ уже просилъ орденскаго фохта въ Гробинѣ, Эрста фонъ Мюнхгаузена, встрѣтить и принять приличнымъ образомъ своего брата, но фохтъ обратился къ герцогу съ письменной просьбой задержать въѣздъ маркграфа подъ тѣмъ предлогомъ, что ему, фохту, необходимо уведомить магистра о предстоящемъ прибытіи коадьютора. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ того и орденскій магистръ написалъ герцогу о своей готовности все устроить въ орденскихъ палатахъ для встрѣчи коадьютора, но, пусть, однако, герцогъ отложить путешествіе до тѣхъ поръ, пока къ нему не пребудетъ воеводство, отправить которое, какъ онъ уже сообщалъ герцогу, было рѣшено на ландтагѣ въ Вольмарѣ ⁽¹¹²⁾. Такимъ образомъ орденскому магистру удалось замедлить прибытіе коадьютора; дѣло шло теперь о томъ, велѣли ли изыскать средства и пути, чтобы коадьюторъ вовсе не пріѣзжалъ. Счастье,

⁽¹¹¹⁾ См. документы въ исторіи архіепископа Вильгельма изъ 5-хъ томъ Mon. Liv. авт. подъ №№ 22 и 29.

⁽¹¹²⁾ См. тамъ же документы подъ №№ 24, 25, 27.

казалось, благопріятствовало магистру. Въ послѣднихъ числахъ августа, архіепископъ Фома отправился въ Венденъ къ орденскому магистру, какъ говорили, по повторенному приглашенію его. Какъ только онъ приблизился къ Вендену, къ нему на встрѣчу выѣхали ландмаршалъ и гоффрихтеръ со ста рейтарами и проводили его на постоянный дворъ, куда явился орденскій магистръ и любезнѣйшимъ образомъ пригласилъ его въ замокъ.

Вскорѣ послѣ пріѣзда архіепископа, прибылъ въ Венденъ епископъ дерптскій, котораго орденскій магистръ пригласилъ къ себѣ безъ вѣдома архіепископа. Эти трое господъ хотя и совѣщались между собой, конечно, въ совершенной тайнѣ, но въ дворцахъ знатныхъ людей и у стѣнъ часто бываютъ уши и что они слышатъ, то часто рассказываютъ всей странѣ. Такъ и тутъ, какими то путями вывѣдали окончательный результатъ разговора. Провѣдали, что епископъ дерптскій предлагалъ свои услуги ѣхать за границу на счетъ ордена, и тамъ хлопотать у императора полское прелатамъ и ордену. Въ особенности же онъ хотѣлъ затруднить коадьютору получение регалій, въ случаѣ если онъ ихъ еще не получалъ.

Былъ ли этотъ планъ одобренъ другими, былъ ли онъ дѣйствительно приведенъ въ исполненіе, не знаемъ, но, однакоже, видимъ другую попытку достичь главной цѣли плана. Именю М. Гейнеманъ Роде былъ выбранъ архіепископомъ, чтобы представить герцогу Альбрехту и его брату извиненія архіепископа, капитула и рижскаго земскаго рыцарства по поводу замедлившейся отправки посольства къ коадьютору. Роде долженъ былъ стараться ускорить подтвержденіе статей земскаго рыцарства, врученныхъ Меникке фонъ Ширптедту для передачи маркграфу Вильгельму, въ случаѣ если оно еще не послѣдовало, и прежде всего долженъ былъ освѣдомиться о папскомъ утвержденіи и императорскихъ регаліяхъ коадьютора и пересмотрѣть эти документы. О смыслѣ регалій Роде долженъ былъ немедленно же довести въ Ливонію, а за тѣмъ просить коадьютора выслать архіепископу до своей поѣздки утвержденіе и регалии, чтобы архіепископъ и сословія, какъ говорится въ инструкціи, тѣмъ съ большей радостью могли пріѣтствовать коадьютору ⁽¹¹³⁾. Но именно это особенное разсмотрѣніе утвержденія и регалій и было въ тѣсной связи съ совѣщаніями трехъ господъ въ Венденѣ. Роде долженъ былъ освѣдомиться о регаліяхъ, чтобы можно было, если онѣ еще не получены, воспрепятствовать ихъ полученію; если же регалии были уже получены, то онъ долженъ былъ тщательно пересмотрѣть ихъ, не заключаютъ ли онѣ въ себѣ чего нибудь нежелательнаго прелатамъ и орденскому магистру, дабы можно было во время исходатайствовать у императора отмены

(113) См. инструкцію, данную Роде, въ числѣ документовъ къ исторіи архіепископа Вильгельма подъ № 31.

этого бесполезного. Однако то, что должно было оставаться тайной, дошло также до ушей Юлиана Брисмана, который немедленно же далъ знать обо всемъ своему «много благосклонному, возлюбленному буму въ Кенигсбергѣ» (какъ онъ называлъ изъ предосторожности герцога на адресѣ письма) ⁽¹¹⁴⁾.

Поведеніе архіепископа кажется тутъ съ перваго взгляда загадочнымъ. Онъ, который въ своемъ донесеніи о выборѣ коадьютора, переданномъ въ Аугсбургъ императору, съ такимъ жаромъ говорилъ противъ ордена, который черезъ своего секретаря Антона Моргенштерпа ходатайствовалъ у императора за маркграфа Вильгельма, теперь начинаетъ дѣйствовать въ союзѣ съ орденомъ противъ коадьютора. Но не надобно забывать, что онъ дѣйствовалъ противъ ордена во время, предшествовавшее ландтагу въ Вольмарѣ. Теперь обстоятельства перемѣнились: онъ примирился съ орденоскимъ магистромъ, на него можетъ быть и напало нѣкоторое раздѣлье касательно коадьютора. Архіепископъ достигъ почти всего, чего хотѣлъ, достигъ, конечно, не безъ помощи брата своего коадьютора, но большого онъ и не могъ бы достигнуть, если бы маркграфъ Вильгельмъ находился подлѣ него коадьюторомъ. Архіепископъ могъ опасаться быть затѣяливымъ блескомъ и значеніемъ своего коадьютора, наконецъ и то могло приходиться на мысль, что маркграфу не столько было важно поддержаніе католической церкви, какъ обладаніе землями ⁽¹¹⁵⁾.

Но всѣ замыслы противъ коадьютора неожиданно рухнули. Вслѣдствіе ли письма Брисмана или по какимъ другимъ причинамъ, только Гейнemannъ Роде, бывшій въ Кенигсбергѣ (въ концѣ сентября) встрѣтился противъ всѣхъ ожиданій, въ Кандау съ коадьюторомъ. Роде не смутился, однако, неожиданностію передать коадьютору свое порученіе и вручилъ вѣрительныя грамоты, которыя, однако, коадьюторъ не захотѣлъ распечатать, такъ какъ онѣ были адресованы не къ нему одному, но и къ герцогу Альбрехту ⁽¹¹⁶⁾. Гейнemannъ Роде затѣмъ продолжалъ свою поѣздку въ Кенигсбергъ, маркграфъ же Вильгельмъ поѣхалъ далѣе въ Фоннебургъ. Сюда онъ прибылъ 3-го октября 1530 г. былъ любезно встрѣченъ архіепископомъ и его многочисленнымъ рыцарствомъ и затѣмъ проведенъ въ замокъ. Зѣкъ епископъ привѣтствовалъ коадьютора, отдалъ въ его распоряженіе прекрасное помѣщеніе и старался оказать ему дружескія услуги. На слѣдующій день коадьюторъ со знатнѣйшими изъ земскаго рыцарства отправился въ замковую церковь, гдѣ было пропѣто «Te Deum laudamus» и отпущена обѣдня святыхъ Троицы. Послѣ окончанія богослуженія.

⁽¹¹⁴⁾ См. письмо Брисмана къ 5-му томѣ Мон. Liv. ant. подг. № 31.

⁽¹¹⁵⁾ Опасеніе, что маркграфъ Вильгельмъ можетъ уклониться отъ католической церкви, было высказано однимъ кардиналомъ въ Римѣ при обсужденіи вопроса объ утвержденіи коадьютора. См. Мон. Liv. ant., въ 5-мъ томѣ, стр. 211.

⁽¹¹⁶⁾ См. Мон. Liv. ant. V, стр. 207.

земское рыцарство представило коадьютору тѣ статьи, которыя онъ долженъ былъ утвердить своею подписью. Такъ какъ и архіепископъ обязался все исполнять, что обѣщаль коадьютору, то послѣдній и не задумался подтвердить эти статьи (117). 5-го октября были выставлены обоюдныя письменныя обязательства капитула и земскаго рыцарства съ одной и коадьютора съ другой стороны (118); на слѣдующій день архіепископское земское рыцарство присягнуло архіепископу и коадьютору, подарило послѣднему семь жеребцовъ и потомъ разъѣхалось по домамъ. Но орденскій магистръ и другіе ливонскіе епископы ни сами, ни черезъ своихъ депутатовъ не привѣтствовали коадьютора, хотя епископъ дерптскій находился на мызѣ, лежавшей въ 13-ти миляхъ отъ Ровнебурга, и потому очень скоро могъ узнать о прибытіи коадьютора. Орденскій магистръ даже созвалъ всѣ чины въ Ревель и держалъ съ ними совѣщаніе, о чемъ осталось неизвѣстнымъ.

Обстоятельства, при которыхъ коадьюторъ вступилъ въ должность, были потому не изъ особенно благопріятныхъ, но маркграфъ Вильгельмъ, опираясь на помощь своего брата герцога, повидимому мало смущался этимъ: ему было только жаль, что онъ слишкомъ поздно пріѣхалъ, чтобы хлопотать для себя о только что упрямденныхъ мѣстахъ епископовъ эвельскаго и ревальскаго (119).

Съ тѣхъ поръ какъ маркграфъ Альбрехтъ снялъ съ себя орденское одѣяніе, орденъ въ Ливоніи стоялъ одинокимъ; тѣсная связь съ Германіей, поддерживаемая прежде Пруссіей, стала слабѣе; отъ существовавшаго тевтонскаго ордена, главное пребываніе котораго было въ Мергентеймѣ, по отдаленности, можно было ожидать мало помощи: ордену въ Ливоніи приходилось такимъ образомъ рассчитывать единственно на свою собственную силу. Вольмарскимъ рецессомъ 1526 года онъ приобрѣлъ величіе и значеніе, которыхъ еще никогда не имѣлъ. Но блескъ не долго продолжался, вольмарскій рецессъ былъ уничтоженъ, черезъ новаго коадьютора архіепископство приобрѣло могущественныя связи; ордену не только вельзя уже было надѣяться на увеличеніе своей власти, но слѣдовало о томъ же подумать, какъ бы поддержать еще на нѣкоторое время шлое зданіе орденскаго института (120). Потому то онъ и держался въ отношеніи коадьютора такъ сдержанно, осторожно, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже враждебно. Когда коадьюторъ, чтобы переговорить съ самимъ магистромъ, въ

(117) См. письмо маркграфа Вильгельма къ его брату, герцогу прусскому въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant. подъ № 35.

(118) Обязательства капитула и земскаго рыцарства напечатаны у Гусека, въ его „Keeiser lund. Misc. St. VII и VIII, стр. 296.

(119) См. упомянутое уже выше письмо маркграфа Вильгельма къ брату въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant. подъ № 35.

(120) Съ этою цѣлью орденъ представлялъ у императора Карла V, 5-го августа 1530 г. въ Аугсбургѣ двиломъ, подтверждающій орденскія права и преимущества. См. Архивъ II, стр. 196.

концѣ ноября 1530 г. поѣхалъ въ Венденъ, то послѣдній хотѣ и послать къ нему навстрѣчу юнкеровъ и слугъ привѣтствовать коадьютора, но вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ извиненія, что, по болѣзни, онъ не можетъ принять посѣщенія. Какъ только здоровье поправится, онъ не упуститъ свидѣться съ коадьюторомъ и заключить съ нимъ доброе знакомство ⁽¹²¹⁾. Орденъ въ особенности боялся переговоровъ съ иностранными князьями и потому не снималъ заставъ съ большихъ сельскихъ дорогъ ⁽¹²²⁾. Въ концѣ декабря орденскій магистръ снарядилъ посольство къ собравшемуся въ Лемзаль рижскому земскому рыцарству и велѣлъ его спросить, согласилось-ли оно на иностранные союзы архіепископа и заключены ли таковыя союзы съ полномочіи рыцарства; если это такъ, то орденскій магистръ, при вредѣ, который при этомъ можетъ произойти для ордена, не будетъ держать стороны сословій архіепископства ⁽¹²³⁾. На это рыцарство отвѣтило, что оно не соглашалось ни на какіе союзы съ иностранными князьями во вредъ ордену; если же для магистра этого объясненія недостаточно, то пусть онъ ищетъ своего права предъ папой, императоромъ и имперією; если орденскій магистръ захочетъ дѣйствовать враждебно противъ архіепископства, то рыцарство будетъ защищать архіепископа и коадьютора въ ихъ правахъ ⁽¹²⁴⁾. Это была послѣдняя гибкая выходка ордена, и орденскій магистръ, повидимому, мало по малу покорился необходимости.

Въ началѣ 1531 года коадьюторъ отправился въ Ригу; здѣсь онъ былъ принятъ приличествующимъ образомъ ⁽¹²⁵⁾, и завелъ съ городомъ переговоры касательно уплаты архіепископу денегъ въ вознагражденіе убытковъ за наложенное на долгое время городомъ запрещеніе на архіепископскія имущества. На этотъ счетъ коадьюторъ незадолго передъ тѣмъ получилъ инструкціи отъ архіепископа. Но городъ опять задумался надъ предложеніями и дѣла не приняли ни къ какому опредѣленному рѣшенію ⁽¹²⁶⁾. На предложенія, сдѣланныя викаріемъ городу, большая часть капитула была согласна, но не архіепископъ, который высказался объ этомъ очень рѣзко ⁽¹²⁷⁾. Тогда опять долженъ былъ вступить герцогъ Альбрехтъ и устроить несогласія своимъ дружескимъ увѣщаніемъ ⁽¹²⁸⁾.

Какую собственно цѣль имѣлъ въ виду въ Ливоніи коадьюторъ, обнаружилось очень скоро. Знакомый съ лютеранскимъ ученіемъ и въ

⁽¹²¹⁾ См. документы въ 5-мъ томѣ *Mon. Liv. ant.* кодъ №№ 17, 10.

⁽¹²²⁾ См. тамъ же, стр. 231.

⁽¹²³⁾ См. тамъ же, документъ № 38.

⁽¹²⁴⁾ См. тамъ же, № 39.

⁽¹²⁵⁾ О приличествовавшемъ приѣмѣ въ городѣ позаботился герцогъ. См. письмо рижскаго магистрата къ герцогу Альбрехту въ *Corp. hist. dipl. Liv.* II, XVI, № 2124.

⁽¹²⁶⁾ См. письмо коадьютора къ герцогу Альбрехту въ *Mon. Liv. ant.* V, документъ № 45.

⁽¹²⁷⁾ См. письмо герцога къ Ломмлеру въ 5-мъ томѣ *Mon. Liv. ant.* № 42.

⁽¹²⁸⁾ См. письмо архіепископа къ герцогу тамъ же кодъ № 48.

душѣ расположенный къ нему, коадьюторъ, находясь въ сношеніяхъ съ людьми, бывшими лютеранами, каковы Брисманъ, Домиллеръ и др., не очень то былъ расположенъ поддерживать католическую церковь. Значеніе и обладаніе землями были конечною цѣлю его стремленій; онъ, быть можетъ, не былъ даже чуждъ желанію со временемъ превратить свою духовную власть въ свѣтскую. Кoadьюторъ не могъ рассчитывать на полученіе епископства эзельскаго, съ тѣмъ большимъ стараніемъ онъ началъ стремиться къ полученію другихъ должностей. Соборное пробство рижской церкви, чрезъ повышение Оомы Швиннга въ архіепископы, оставалось вакантнымъ; Георгъ фонъ Унгернъ утверждалъ, что архіепископъ уступилъ должность соборнаго пробста его сыну, свое мнимое право на пробство передалъ коадьютору, который и началъ хлопотать предъ папою о представленіи ему пробства, по мимо выбора капитула. Тогда архіепископъ объявилъ, что онъ рижское соборное пробство никогда не уступилъ сыну Георга фонъ Унгерна, да и не могъ уступить, такъ какъ должность пробста должна быть замѣщена по выбору соборнаго капитула, у котораго онъ, архіепископъ, только хотѣлъ просить за Унгерна. Выбѣсъ съ тѣмъ архіепископъ совѣтовалъ коадьютору впредь не вмѣшиваться въ дѣла, возбуждающіи только неудовольствіе и волненіе въ странѣ. Маркграфъ Вильгельмъ не смутился подобнымъ заявленіемъ, напротивъ сталъ утверждать, что соборное пробство находится въ распоряженіи не капитула, а папскаго престола, и официально протестовалъ противъ того, когда капитулъ, побуждаемый архіепископомъ, избралъ въ соборные пробсты Гейсманна Роде ⁽¹²⁹⁾. Этотъ споръ о соборномъ пробствѣ еще долго продолжался ⁽¹³⁰⁾.

Почти въ это же время викарій домогася пробства въ дерптскомъ епископствѣ ⁽¹³¹⁾. Уже эти двѣ попытки увеличить доходы бросили на коадьютора неблагоприятный свѣтъ, но еще болѣе повредили его репутаціи старанія добыть для себя епископство эзельское. Эти старанія имѣли слѣдствіемъ долгій споръ, уладить который прилагали усилія не только сословія Ливоніи, но и иностранные князья, императоръ и папа. Мы изложимъ этотъ споръ вкратцѣ.

Послѣ смерти Георга фонъ Тизенгаузена соборный капитулъ избралъ 18-го октября 1530 г. соборнаго декана Рейнгольда фонъ Букегеккена епископомъ эзельскимъ ⁽¹³²⁾. Пока не пришло утвержденіе изъ Рима, избранный епископъ не могъ рѣшать ничего важнаго въ епископскихъ дѣлахъ безъ согласія правленія, состоявшаго изъ двухъ духовныхъ и двухъ свѣтскихъ членовъ (эконома епископ-

⁽¹²⁹⁾ См. протестъ въ 6-мъ томѣ Mon. Liv. ant., документъ № 56.

⁽¹³⁰⁾ См. письмо рижскаго архіепископа рыцарства къ герцогу Альберту въ томъ же томѣ, № 79.

⁽¹³¹⁾ См. тамъ же, № 82.

⁽¹³²⁾ См. тамъ же, № 182.

ства); но Буксгевденъ мало обращалъ на это вниманіа, самолично управляя епископствомъ. Я упустилъ въ положенное время просить въ Римѣ о своемъ утвержденіи въ должности (¹³²). Это было достаточною причиною для маркграфа Вильгельма, чтобы начать домогаться епископства для себя. Еще прежде онъ получалъ отъ папы эзельское деканство и многіе приходы въ эзельскомъ епископствѣ, и теперь папа, казалось, былъ не прочь обѣщать ему, вслѣдствіе улучшенія Буксгевдена, епископство (¹³⁴), но одно папское обѣщаніе мало принесло бы пользы маркграфу, еслибы онъ не былъ поддержанъ врагами Буксгевдена. Именно, Буксгевденъ распоряжался въ епископствѣ не только безъ совѣта экономовъ, но и нарушалъ привилегіи дворянства и притѣснялъ оффикой крестьянъ. Въ особенности же онъ не помянулъ съ рыцарствомъ въ Вискѣ, которое также принадлежало въ эзельскому епископству. Вискское рыцарство часто приглашало его перетѣхать на континентъ для улаженія споровъ, но онъ и не являлся, и не давалъ на ихъ жалобы никакого отвѣта, такъ что рыцарство его спросило, за кого же онъ его принимаетъ, не удостоивая даже отвѣта; еслибы они стали передъ самимъ императоромъ, то императоръ отвѣтилъ бы имъ, считая ихъ за хорошихъ и достойныхъ людей. Но многимъ такимъ насильственнымъ поступкамъ Буксгевдена побуждала одна женщина, Урсуда, которую онъ держалъ у себя и изгнаніа которой изъ епископства требовало рыцарство, «потому что чрезъ такихъ злыхъ бабъ», говорило оно, «короли и князья лишались земли и людей». Когда же Буксгевденъ не улажалъ отъ себя Урсуды и когда два земские рыцаря (вассалы) Валентинъ Вульгеринъ и Асмусъ Гейнценъ, не найдя у него справедливости, написали ему письмо съ отказомъ въ повиновеніи, тогда висское рыцарство рѣшило избрать епископомъ маркграфа Вильгельма, о которомъ оно знало, что онъ добивается эзельскаго епископства въ Римѣ. Главнѣйшимъ образомъ содѣйствовали тому подстрекательства Георга фонъ Унгерна, барона въ Пюркелѣ, который уже за то ненавидѣлъ епископа Рейнгольда, что желалъ бы видѣть на его мѣстѣ своего сына, эзельскаго соборнаго пробста. Рыцарство успѣло добиться согласія на свое рѣшеніе и части соборнаго капитула (¹³⁵). Маркграфъ Вильгельмъ принялъ съ радостью выборъ и отправился въ Гансааль, гдѣ въ праздникъ Введенія во храмъ (21-го ноября) былъ торжественно встрѣченъ; здѣсь рыцарство принесло ему присягу.

Такимъ образомъ другъ противъ друга стали двѣ партіи. изъ которыхъ одна владѣла островами, другая частью епископства, лежащей на континентѣ. Буксгевденъ безпощадно началъ преслѣдовать

(¹³²) См. тамъ же, № 58.

(¹³³) См. тамъ же, № 57.

(¹³⁴) Объ этомъ и о нижеслѣдующемъ см. документы съ № 59 по 92 въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant.

приверженцев маркиграфа. многихъ велѣлъ хватать ночью и везти въ Арнсбургъ, лишать церкви ихъ драгоценностей, а престыжъ скота, маркиграфъ же занялъ въ Вискѣ епископскіе замки и имѣнія и искалъ содѣйствія сосѣднихъ государей. На ландтагъ въ Вольмарѣ (въ концѣ января 1533 г.) сословія начали совѣщаться, какъ бы уладить споръ и рѣшили, папосентъ, послать къ обѣимъ партіямъ посольство, побудить ихъ къ прекращенію непріязненныхъ дѣйствій на опредѣленное время, вырѣшеніе котораго быть можетъ удастся придти къ миролюбивому соглашенію. Хотя маркиграфъ и согласился на перемиріе со своимъ противникомъ до Пасхи, но переговоры о соглашеніи, которые вели орденскій магистръ и прелаты Ливоніи, такъ мало повели къ какому нибудь рѣшенію, что пришлось просить герцога Альбрехта о посредничествѣ. Но и тутъ ничего путнаго не вышло.

Чтобы водворить миръ, папа Климентъ VII предложилъ епископу Рейнгольду отказаться отъ епископскаго сана и удовольствоваться приличнымъ содержаніемъ; но Рейнгольдъ Буксегвентъ не пожелалъ слѣдовать этому совѣту. Попытки водворить миръ не удались, и потому, по истеченіи срока перемирія, непріязненные дѣйствія снова начались. Къ содѣйствію коадьютору были, кромѣ папы, привлечены и другія иномѣнные государства. Герцогъ Альбрехтъ обратился за помощью своему брату къ государственнымъ сословіямъ Даніи (¹³⁶), которые вслѣдствіе этого въ особепномъ письмѣ старались отговорить города Дерптъ и Ревель отъ покровительства епископу Рейнгольду и ободряли городъ Ригу и сословія рижскаго архіепископства къ дальнѣйшему содѣйствію маркиграфу Вильгельму. Съ своей стороны маркиграфъ послалъ депутатовъ въ Германію, чтобы сдѣлать что нибудь для своего дѣла въ имперскомъ камерпомѣ судѣ, однако безъ желаннаго успѣха (¹³⁷). Между тѣмъ въ октябрѣ 1533 г. въ Леалѣ состоялся съѣздъ депутатовъ орденскаго магистра и прелатовъ. Депутаты явились посредниками въ дѣлахъ обѣихъ партій, но кромѣ убѣдительнаго напоминанія обѣимъ партіямъ прекратить непріязненные дѣйствія, ничего не сдѣлали (¹³⁸). 31-го января 1534 г. начался общій ландтагъ въ Феллинѣ, его результатъ былъ для маркиграфа неблагоприятенъ, потому что сословія рѣшили дѣло такимъ образомъ, что маркиграфъ долженъ очистить запятая имѣнія и возмѣстить противной сторонѣ претерпѣнные убытки. Противъ этого протестовали депутаты маркиграфа, а самъ маркиграфъ передалъ дѣло на усмотрѣніе императора и папы, которымъ однимъ будто бы принадлежитъ приговоръ надъ нимъ. Сословія, вѣроятно, ожидали подобнаго сопро-

(¹³⁶) См. Лѣтопись Грегенталя, стр. 71 и 72.

(¹³⁷) См. у Грегенталя стр. 88 — 91 и документъ № 115 въ 5-мъ томѣ Мин. Лив. арх.

(¹³⁸) См. у Грегенталя, стр. 84 — 86.

тивленія со стороны коадьютора, потому что въ предвидѣніи приближающихся опасностей заключили между собою союзъ къ Феллинѣ, давъ другъ другу обѣщаніе взаимной помощи противъ всякаго туземнаго и иноземнаго насилія.

Изъ Феллина прелаты и орденовскій магистръ послали посольство къ королю польскому просить его склонить своего племянника, маркграфа Вильгельма, къ миру, что король и обѣщалъ.

При феллинскомъ рѣшеніи сословія остались и на собраніи въ Лемзаль, гдѣ протестовали противъ всякаго вреда, который можетъ произойти отъ сопротивленія коадьютора слѣдовать рѣшенію сословій.

Несмотря на папскіе и императорскіе указы (139), Рейнгольд фонъ Буксгевденъ съ большимъ отрядомъ войска высадился на Вискъ и занялъ большую его часть. Тогда къ маркграфу пришли многіе изъ рыцарства и просили освободить ихъ отъ данной ему присяги и оставить Вискъ, а то они не спокойны за свою жизнь и свое имущество. У маркграфа Вильгельма не было подъ рукою средствъ защитить ихъ, онъ долженъ былъ уступить, освободилъ ихъ отъ присяги и оставилъ Вискъ, однако съ предоставленіемъ себѣ права на епископство. Съ этимъ оставленіемъ Вига споръ фактически былъ оконченъ, но переговоры продолжались еще до самаго 1536 года. Наконецъ коадьюторъ, ничего не добившись въ имперскомъ камерномъ судѣ, рѣшился подчиниться третейскому приговору архіепископа рижскаго, епископа дерптскаго и ливонскаго магистра. По этому приговору епископъ Рейнгольд снова вводился въ свои права и владѣнія, а висское дворянство, какъ виновникъ смуты, должно было возмѣстить убытки обѣимъ сторонамъ (140).

Какъ споръ объ эзелской епископствѣ, такъ и другіе случаи ясно показали, что маркграфъ больше заботился о приобрѣтеніи владѣній, чѣмъ о церкви. Въ изложеніи послѣдующихъ событій мы увидимъ, насколько будущій архіепископъ былъ расположенъ къ лютеранскому ученію.

Въ Германіи страхъ передъ турками побудилъ императора быть снисходительнѣе къ протестантамъ и склонилъ его снова завязать съ ними переговоры (141). Подобное настроеніе обнаружилось и въ Ливоніи. На ландтагѣ въ Вольмарѣ 25-го февраля 1532 года сословія согласились, чтобы всякій, высокаго или низкаго званія, поступалъ въ дѣлахъ вѣры такъ, какъ можетъ отдать отчетъ передъ Богомъ. Императорскимъ Величествомъ и всѣмъ христіанствомъ; пусть всякій безпрепятственно остается при своихъ обычаяхъ, привычкахъ и богослуженіи

(139) Императорскій указъ, состоявшійся 21-го февраля 1534 г. въ Шпеерѣ и воспрещавшій подъ угрозой штрафа продолженіе непріязненныхъ дѣйствій, помѣщенъ въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant. подъ № 120.

(140) См. документъ № 148 въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant.

(141) См. Pank Geschichte der Deutschen im Zeitalter der Reformation, III, стр. 420 — 21 и 428 — 429.

и избѣгаетъ клеветы и богохульства ⁽¹⁴²⁾. На этомъ же ландтагѣ разсуждали о коадьюторствѣ маркграфа и снова возобновили большую часть пунктовъ вольмарскаго рецесса 1530 г. Кoadьюторъ отказывался подтвердить возобновленіе вольмарскаго рецесса, утверждая, что рецессъ этотъ не соотвѣтствуетъ папскимъ и императорскимъ правамъ ⁽¹⁴³⁾. Кажется, коадьюторъ находилъ въ особенностяхъ неудобнымъ для себя тотъ пунктъ рецесса, которымъ воспрещались переговоры и союзы съ иностранными государями въ ущербъ Ливоніи. Черезъ годъ коадьюторъ велѣлъ, однакоже, написать грамоту, въ которой общалъ оставить все сословія при ихъ привилегіяхъ и вольностяхъ и охранять въ странѣ миръ ⁽¹⁴⁴⁾. Событія въ Германіи не остались безъ вліянія и на Ригу. Въ началѣ 1532 г. городъ заключилъ какъ съ отдѣльными личностями, такъ и съ корпораціями союзы для поддержанія евангелическаго исповѣданія; такъ, напримѣръ, съ рижскимъ земскимъ рыцарствомъ, съ командоромъ винлавскимъ, Вильгельмомъ фонъ деръ Балспомъ и со многими вурляндскими дворянами ⁽¹⁴⁵⁾. Подобный союзъ съ рыцарствомъ эзельскаго епископства городъ заключилъ еще въ 1529 г. ⁽¹⁴⁶⁾. Спокойствіе въ продолженіе двухъ лѣтъ, доставленное городу даленскимъ перемиріемъ, такъ усилило рижанъ, что они могли общать королю Фридриху датскому два вооруженныя корабля съ провіантомъ и войскомъ для отраженія и помощи противъ изгнаннаго короля Христіана ⁽¹⁴⁷⁾.

Благодѣянія мира прекратились хотя и на короткое время, когда въ августѣ 1532 года окончился срокъ даленскаго перемирія. Переговоры должны были опять начаться съ того, на чемъ остановились два года тому назадъ; отношеніе Риги къ архіепископу не измѣнились, но на этотъ разъ городъ могъ уже съ несравненно большимъ мужествомъ начать снова споръ. Болѣе благоприятное положеніе протестантовъ въ Германіи и союзы относительно религіи, заключаемые Ригю въ началѣ этого года, давали теперь совсѣмъ другой видъ поведенію города въ отношеніи къ архіепископу.

Архіепископъ хотя и вошелъ въ союзъ съ орденскимъ магистромъ, прелатами и рыцарствомъ въ Вольмарѣ, чтобы сохранить въ силѣ кирхгольменскій договоръ ⁽¹⁴⁸⁾; но такъ какъ этотъ союзъ хотѣлъ также водворенія мира въ дѣлахъ вѣры и религіозной свободы, то архіепископъ не могъ надѣяться на большую помощь со стороны сословій. Когда коадьюторъ занялъ въ Ливоніи болѣе твердое поло-

⁽¹⁴²⁾ См. въ 5-мъ томѣ *Mon. Liv. ant.* документъ № 62.

⁽¹⁴³⁾ См. тамъ же № 61.

⁽¹⁴⁴⁾ См. тамъ же документъ № 64.

⁽¹⁴⁵⁾ См. тамъ же документъ № 65.

⁽¹⁴⁶⁾ См. Арндта II, стр. 201 и документъ № 157 въ *Mon. Liv. ant.* IV.

⁽¹⁴⁷⁾ См. *Corr. hist. dipl. Liv.* I, VIII, № 905.

⁽¹⁴⁸⁾ См. *Corr. hist. dipl. Liv.* II, XVII, № 2140.

⁽¹⁴⁹⁾ См. документъ № 64 въ 6-мъ томѣ *Mon. Liv. ant.*

женіе и архіепископъ, какъ мы видѣли, противился его стараніямъ увеличить свое значеніе, для герцога Альбрехта прусскаго явилось важнымъ дѣломъ расположить посредствомъ дружескихъ услугъ въ свою пользу и въ пользу своего брата городъ Ригу

Въ февралѣ 1531 г въ Брюсселѣ императоръ издалъ указъ городу Ригѣ, въ которомъ предписывалъ рижанамъ признавать архіепископа своимъ верховнымъ владыкой ⁽¹⁵⁰⁾. Въ то время еще дѣйствовало даленское перемиріе, потому на императорскій указъ въ Ригѣ мало обращали вниманія, но теперь, въ августѣ 1532 г, архіепископъ призвалъ въ Кокенгузенъ рижскихъ депутатовъ и потребовалъ отъ нихъ исполненія указа. Депутаты отвѣчали, что они исполнять указъ, принесутъ архіепископу присягу какъ свѣтскому владыкѣ; но отъ духовной юрисдикціи архіепископъ долженъ отказаться за себя и за своихъ преемниковъ и дать въ томъ ручательство. Согласиться на эти условія архіепископъ счелъ недобросовѣстнымъ. Переговоры въ Кокенгузенѣ и затѣмъ въ Сеслегенѣ не привели ни къ какому результату. Тогда въ октябрѣ обѣ стороны собрались въ Даленѣ. Рижскіе депутаты повторили свои прежнія заявленія и прибавили, что до нихъ дошло «черезъ всеобщій говоръ и слухи», что императоръ и сословія римской имперіи составили и заключили въ дѣлахъ вѣры перемиріе, по которому дѣла должны оставаться въ томъ положеніи, въ какомъ теперь находятся, до всеобщаго собора ⁽¹⁵¹⁾, а также что всѣ процессы по религіознымъ спорамъ, возбужденные въ имперскомъ камерномъ судѣ, прекращаются. Рижане, какъ «принадлежащіе къ священной римской имперіи», хотятъ знать, относится ли это къ нимъ или нѣтъ. Архіепископъ отвѣчалъ: отказываться ему отъ духовной юрисдикціи въ Ригѣ, значило бы дѣйствовать во вредъ и гибель своей собственной личности, своихъ преемниковъ, достойнѣйшаго капитула и почтеннаго рыцарства, самаго города и всего архіепископства; поэтому онъ еще разъ предлагаетъ, под страхомъ наказанія, принести присягу согласно съ императорскими регламентами и приказами. Если рижане присягнутъ, то онъ, архіепископъ, какъ это дѣлали его предшественники, подтвердитъ за городомъ привилегіи, если же городъ откажется присягать, то онъ представитъ дѣло императору и камерному суду. О заключенномъ въ Германіи перемиріи онъ, архіепископъ, почти ничего не знаетъ, но если перемиріе и дѣйствительно заключено, то съ точки зрѣнія права оно не можетъ касаться дѣлъ между нимъ и городомъ. Въ Библии, говорилъ архіепископъ далѣе, не сдѣлано различія между духовной и свѣтской властью; они сами (рижане) выразились, что хотятъ воздать Богу и императору то, что имъ причлещтуется, такъ пусть же и посту-

⁽¹⁵⁰⁾ См. Лѣтопись Грегенталя въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant., стр. 59 и 60.

⁽¹⁵¹⁾ Рижане ссылались на Нюрнбергскій религіозный миръ.

пакуть по императорскому указу. Но изъ особой милости соглашаюся заключить съ рижанами перемиріе на годъ по день св. Вита и даю время до Рождества обдумать статьи этого перемирія. Предложенное перемиріе въ общемъ мало отличалось отъ прежняго далевскаго; одна статья его гласила, что если въ продолженіе перемирія водворится единодушный порядокъ въ отношеніяхъ Императорскаго Величества и сословій священной римской имперіи съ евангеликами, то этотъ порядокъ будетъ соблюдаться архіепископомъ, капитуломъ и городомъ Ригю. Рижскіе депутаты хотѣли предложенное перемиріе представить магистрату города, утверждая, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ они не могли согласиться съ архіепископомъ, потому архіепископъ велѣлъ объявить свой протестъ, въ которомъ старался придать вѣсь своимъ притязаніямъ; рижане издали возраженіе на этотъ протестъ. Предложеннаго перемирія городъ не принялъ, такъ какъ нѣкоторые пункты его были противны свободѣ исповѣданій. Такимъ образомъ переговоры были прерваны и дѣло было снова передано въ камерный имперскій судъ. Тогда рижане обратились къ герцогу Альбрехту, извѣстили его о положеніи дѣла и просили ради Евангелія ходатайствовать за Ригу передъ лютеранскими князьями. Архіепископъ же на основаніи вольмарскаго соглашенія, призывалъ къ себѣ на помощь противъ города орденскаго магистра. Рижане, узнавъ про это, протестовали, заняли всѣ дома, принадлежавшіе капитулу, епископскій дворъ, всю часть города, гдѣ жили соборные каноники, и заняли всѣ духовныя помѣстья, которыя не задолго передъ тѣмъ были возвращены архіепископу и капитулу, укрѣпили городъ и сообщили письменно архіепископу объ этихъ своихъ поступкахъ и о побудительныхъ къ нимъ причинахъ ⁽¹⁵²⁾. Архіепископъ тогда ясно увидѣлъ, что силой ничего не подѣлаетъ городу и надѣялся только на благоприятное для себя рѣшеніе въ имперскомъ камерномъ судѣ. Городъ со своей стороны поручилъ защищать себя передъ камернымъ судомъ Іогану Гельфманну, ссылаясь на юрибергскій миръ. Въ условіяхъ этого мира хотя и обѣщалось превращеніе процессовъ въ религіозныхъ дѣлахъ, но камерный судъ мало обращалъ на это вниманія; чтобы не противорѣчить императорскому указу, судъ объяснилъ, что процессы не религіозныя дѣла. Протестанты не хотѣли позволить такъ легко отнять отъ нихъ плоды юрибергскаго мира и защищались противъ дѣйствій камернаго суда. Черезъ это возникли долгія пререканія, устранивныя лишь въ 1534 году ⁽¹⁵³⁾. Пререканія эти оказались выгодными для рижанъ въ томъ отношеніи, что никакого рѣшенія камернаго суда противъ Риги не состоялось.

⁽¹⁵²⁾ См. о томъ у Хитроуса, кн. XIII; Герца стр. 198; Гадебуша 1, 2, стр. 342; Арида II, стр. 201 и магазинъ Бергмана II, 2, стр. 34.

⁽¹⁵³⁾ См. Паппе Geschichte der Deutschen im Zeitalter der Reformation, т. 3-а, стр. 424 — 99.

Тотчасъ послѣ переговоровъ въ Даленѣ рижане просили герцога Альбрехта о ходатайствѣ за нихъ предъ лютеранскими князьями, теперь они предложили ему заключить религіозный союзъ, на который герцогъ и согласился для защиты и сносібшествованія лютеранскому исповѣданію. Еще весной 1531 г магистратъ города Риги обратился къ шмалькальденскому союзу и просилъ его о помощи и защитѣ противъ враждебныхъ замысловъ архіепископа. Тогда кажется на эту просьбу мадо обратили вниманія; но теперь чрезъ союзъ съ герцогомъ прусскимъ, Рига стала ближе къ лютеранскимъ князьямъ Германіи и могла скорѣе надѣяться быть принятой въ названный союзъ.

Въ послѣдующіе годы вниманіе воѣхъ ливонскихъ сословій было преимущественно обращено на споръ маркграфа Вильгельма относительно эзельскаго епископства. Но и въ это время, когда мысли были направлены въ другую сторону, случилось много важнаго для реформаціи въ Ливоніи. Маркграфу при упомянутомъ спорѣ было важно уничтожить подозрѣнія, которые къ нему имѣли изъ за его княжескаго происхожденія, изъ за его сношеній съ чужеземными странами, было важно расположить въ себѣ умы. Въ этихъ видахъ, а, быть можетъ, и изъ расположенія къ евангелическому исповѣданію, онъ рѣшился заключить съ ливонскими сословіями союзъ на защиту чистаго ученія святаго божественнаго слова ветхаго и новаго заветъ. Союзъ этотъ, заключенный въ Венденѣ 1-го апрѣля 1533 г состоялъ въ слѣдующемъ. святое божественное слово по библейскому писанію древняго и новаго заветъ проповѣдуется свободно и безпрепятственно, никто не будетъ терпѣть обидъ за свое исповѣданіе. Всякое начальство должно за тѣмъ наблюдать, чтобы избирались такіе проповѣдники, которые бы возвѣщали слово Божіе истинно и ясно и воздерживались отъ всякаго злословія и ругательства; если же они все таки будутъ дѣлать послѣднее, и не исправятся послѣ троекратнаго увѣщанія, то ихъ слѣдуетъ надлежащимъ образомъ штрафовать или и совсѣмъ отставлять отъ мѣстъ. Сословія обязуются помогать другъ другу совѣтомъ и дѣломъ. Если изъ трехъ договаривающихся сторонъ (коадьюторъ со своими сословіями, магистръ со своими сословіями и городъ Рига) двѣ будутъ не согласны между собою, то третья сторона должна стараться привести обѣ другія къ дружественному и миролюбивому соглашенію. Ни одна изъ сторонъ не смѣетъ принуждать другую къ чему нибудь силой, а также ни одна не смѣетъ дозволить убѣдять себя начать какую нибудь войну безъ вѣдома, желанія и совѣта двухъ другихъ. Если договаривающіяся стороны подвергнутся нападенію какихъ нибудь сосѣдей, то имъ стоять за-одно. Въ ливонскихъ земляхъ не должно принимать никакихъ князей и владѣтелей безъ единодушнаго согласія всѣхъ трехъ сторонъ. Никто не смѣетъ заключать съ иноземными князьями и сословіями союзовъ, въ противность заключаемому христіанскому союзу договаривающихся сторонъ и всякое

сословіе должно быть оставленнымъ при своемъ управленіи, власти, свободныхъ выборахъ, правахъ, привилегіяхъ и подсудности. Эзельскія дѣла и рижскіе споры предоставляются миролюбивому обсужденію. Далѣе маркграфъ Вильгельмъ обѣщаетъ сдерживать все то, что онъ подтвердилъ за господами и сословіями при своемъ вступленіи въ епископство. Наконецъ всѣ три стороны торжественно обѣщаютъ быстро и надлежащимъ образомъ помогать другъ другу въ обереженіи своихъ правъ. Земскія дороги должны быть свободны для всякаго. Всякій долженъ обращать вниманіе на то что говорить; никто не смѣетъ преслѣдовать другого и ругать; кто будетъ поступать противъ этого, будетъ наказанъ своимъ начальствомъ.

Папскія и императорскія права должны остаться неприкосновенными; Богу и властямъ должно воздаваться должное имъ. Этотъ договоръ подписали маркграфъ Вильгельмъ, Вольтеръ фонъ Плеттенбергъ, Германъ фонъ Брюггеней, ландмаршалъ ордена, капитуль эзельскій, земское рыцарство архіепископское и эзельское и городъ Рига (154). Между именами свидѣтелей этого союза находимъ имя Іоанна Ломиллера, оказавшаго столь много услугъ дѣлу реформации въ Ливоніи. Онъ подписался городскимъ синдикомъ. Въ должности городского секретаря онъ завѣдывалъ дѣлами синдиката, въ дѣйствительные синдикаты онъ былъ избранъ 2-го декабря 1532 г., при чемъ содержаніе его значительно было увеличено. Для жительства городъ назначилъ ему домикъ, въ коемъ вѣкъ жилъ Брисманъ. Жалованье и квартира должны были за его долгую и вѣрную службу оставаться за нимъ, еслибы даже онъ по своимъ преклоннымъ лѣтамъ не могъ исполнять своей должности (155). Такъ городъ старался загладить несправедливость, которую онъ ему оказалъ за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ изъ должнаго подозрѣнія.

Венденскимъ союзомъ дѣло реформации въ Ливоніи значительно подвинулось впередъ; а если рядомъ съ этимъ союзомъ сопоставить соглашеніе архіепископа съ сословіями, происшедшее въ Вольмарѣ, то можно бы было сказать, что дѣло реформации въ Ливоніи заключилось и кончилось. Но вольмарское соглашеніе похоже было больше на перемиріе въ религіозныхъ дѣлахъ, чѣмъ на окончательный миръ, и встрѣчающаеся въ немъ выраженіе «midler wile» можетъ служить тому доказательствомъ (156). Уже возобновленное подтвержденіе кяргольмскаго договора ясно доказываетъ, что архіепископъ Юза Шэннингъ былъ слишкомъ добрымъ католикомъ, чтобы согласиться на большія уступки.

Хотя архіепископъ все болѣе и болѣе отступалъ на задній планъ передъ коадьюторомъ, но все же ему еще принадлежали архі-

(154) Договоръ этотъ напечатанъ въ 4-мъ томѣ Mon. Liv. ant. подъ № 159.

(155) См. Таубегаеймскую программу стр. 31.

(156) См. Mon. Liv. ant. томъ 5-й, стр. 270.

епископскія права, и безъ него, какъ одного изъ главныхъ властителей Ливоніи, невозможно было довершеніе дѣла реформации. Вопросъ былъ только въ томъ, какое положеніе займетъ архіепископъ относительно реформации на будущее время и на какихъ основаніяхъ прекратятся споры между Ригой и архіепископомъ относительно духовной юрисдикціи. Архіепископъ хорошо сознавалъ, что Рига гораздо болѣе склонялась присягнуть маркграфу, чѣмъ ему; было ясно также, что его значеніе много умалилось по сравненію съ коадьюторомъ княжескаго званія. Поэтому онъ 3-го іюля 1533 г. согласился заключить съ депутатами коадьютора договоръ, по которому коадьюторъ долженъ стараться побудить городъ Ригу присягнуть архіепископу, а если этого достигнуть не удастся, то по крайней мѣрѣ долженъ того достигнуть, чтобы городъ присягнулъ ему, коадьютору, на имя, однако, архіепископа и возвратилъ захваченныя духовныя имущества. Если коадьюторъ исполнитъ эти условія, то архіепископъ уступитъ ему свѣтское управленіе архіепископствомъ и четыре уѣзда: Трейдень, Мариензее, Шваненбургъ и Луббанъ; если же не исполнитъ, то все останется по старому (157).

Эти предложенія были очень заманчивы, но маркграфъ въ то время былъ слишкомъ занятъ эзельскимъ дѣломъ, къ тому же и то принялъ во вниманіе, что безъ значительныхъ уступокъ ему не добиться присяги. Вотъ почему вопросъ о присягѣ оставался нѣсколько лѣтъ безъ всякаго существеннаго движенія до самаго того времени, когда маркграфъ Вильгельмъ сдѣлался самъ архіепископомъ.

Какъ можно было быть увѣреннымъ въ благосклонномъ расположеніи къ лютеранскому ученію будущаго архіепископа, такъ точно всѣ были увѣрены въ расположеніи къ этому ученію и будущаго орденскаго магистра; поэтому дѣло реформации не затормозилось, когда въ воскресенье 28-го февраля 1535 г. кончилъ свою жизнь Вольтеръ фонъ Плеттенбергъ.

Онъ умеръ при богослуженіи передъ алтаремъ церкви св. Іоанна въ Венденѣ, будучи уже преклонныхъ лѣтъ старикомъ. Благородный человѣкъ, превосходный полководецъ, онъ особенно былъ великъ тѣмъ, что уразумѣлъ требованія своего времени. Потому онъ и не противился успѣхамъ реформации въ Ливоніи, а напротивъ способствовалъ имъ умною умѣренностію. Его жизнь можно назвать счастливою, потому что онъ довелъ орденъ до высоты, не бывавшей ни при одномъ изъ его предшественниковъ. Преемникомъ его въ должности орденскаго магистра былъ Германъ фонъ Брюггеней, по прозванію Газенкампъ, который уже съ 1533 г. былъ коадьюторомъ орденскаго магистра. Образъ его мыслей относительно реформации былъ уже извѣстенъ изъ

(157) См. документъ № 93 въ Mon. Liv. alt. въ 5-мъ томѣ.

Венденскаго союза, состоявшагося 1-го апрѣля 1533 г. Онъ подобно своему предшественнику, подтвердилъ 23-го іюля 1535 г за городомъ Ригю свободу вѣроисповѣданій и ея привиллегій (158).

Около этого времени Рига лишила сама себя твердаго столпа лютеранскаго ученія въ Ливоніи, своимъ слишкомъ сильныиъ и вѣроятно, ложнымъ подозрѣніемъ, направленнымъ противъ лица, которое она уже разъ глубоко оскорбила. А именно, городъ неоднократно былъ предостерегаемъ противъ нападенія; онъ сталъ подозрѣвать Ломиллера въ сношеніяхъ съ его врагами, что было ему замѣчено довольно яснымъ образомъ. Ломиллеръ бѣжалъ изъ Риги къ маркграфу Вильгельму, который, хотя и напрасно, вступился за него передъ городомъ. Отъ маркграфа Ломиллеръ отправился въ Пруссію къ герцогу Альбрехту, который, какъ мы видѣли, уже давно былъ расположенъ къ нему. Городъ же, созналъ ли онъ скоро свою несправедливость къ Ломиллеру, или потеря послѣднего была для него слишкомъ чувствительна, только вошелъ съ нимъ въ Кенигсбергъ 19-го сентября 1537 г. въ соглашеніе, по которому Ломиллеръ обизывался, при своемъ постѣ герцогскаго совѣтника, оставить за собой и синдикать города Риги и быть адвокатомъ ея въ переговорахъ по городскимъ дѣламъ (159). Съ этихъ поръ Ломиллеръ выступаетъ изъ круга ливонской исторіи, въ которой онъ занималъ важное мѣсто.

29-го сентября 1537 г архіепископъ, коадьюторъ и прочіе епископы Ливоніи вошли въ Венденъ съ магистромъ и орденомъ и заключили союзъ, противъ всѣхъ иноземныхъ и внутреннихъ враговъ, положивъ въ основаніе этого союза феллинское соглашеніе 1534 г. Но теперь къ договору прибавили много новыхъ статей, касавшихся религіи и духовнаго сословія. Первѣе всего всякая власть, говорится въ этихъ статьяхъ, должна наблюдать въ своихъ земляхъ, помѣстьяхъ и владѣніяхъ за оказаніемъ чести и служеніемъ Всевышнему, за спасеніемъ и утѣшеніемъ душъ; содержать церкви, кладбища и капеллы къ хорошему состоянію; заботиться, чтобы были дѣльные пасторы и проповѣдники, которые бы возвѣщали всѣмъ людямъ и особенно бѣднымъ простымъ крестьянамъ истинный и прямой путь къ блаженству и истинную вѣру, особенно въ предсмертные часы, безъ всякой требовательности и подаяній. Власти, церковные старшины и утѣдные судьи должны смотрѣть за тѣмъ, чтобы всякой церкви, священникамъ и ихъ викаріямъ уплачивались ихъ ренты, проценты и все, что имъ принадлежитъ по праву; со своей стороны священники и пасторы воздаютъ прихожанамъ, нѣмцамъ и не-нѣмцамъ, все что имъ принадлежитъ съиздавна и на законномъ основаніи. Богохульство, нече-

(158) См. у Аридта, II, стр. 205.

(159) См. Таубенштейнову программу о Ломиллерѣ стр. 33 и документъ № 142 въ Mon. Liv. aut. V.

стіе, колдовство и суевѣріе должни наказывать и искоренять. Бромѣ того было установлено, что всякое свѣтское и духовное сословіе, сохраняя кирхгольмскій договоръ, останется по старымъ обычаямъ страны при своихъ достоинствахъ и званіи. при свободномъ выборѣ, постановленіи, статутахъ и привиллегіяхъ. Всякому духовному лицу высokaго или низкаго званія и всякому члену тевтонскаго ордена запрещается передавать духовныя имущества въ свѣтскія руки; всякій долженъ «неизмѣнно» оставаться по старинѣ въ своемъ духовномъ званіи и всѣ сословія должны защищать и оберегать права духовнаго сословія и права церквей (¹⁶⁰).

Этотъ союзъ былъ дѣломъ католическихъ предатовъ и ливонскаго ордена въ Ливоніи, потому и не можетъ быть сомнѣніи въ томъ, какая вѣра и какой путь къ блаженству были названы въ договорныхъ статьяхъ истиннымъ. Но слѣдуетъ ли этотъ союзъ считать оппозиціей противъ евангеликовъ, опасною для лютеранскаго ученія въ Ливоніи? Оппозиціею онъ не былъ, иначе намъ пришлось бы упрекнуть въ колебаніяхъ изъ стороны въ сторону такихъ людей, какъ маркграфъ Вильгельмъ, Германъ фонъ Брюггеней, Гейнрихъ фонъ Галенъ и Меннике фонъ Ширштедтъ, потому что и они подписали между прочими за четыре года тому назадъ венденскій договоръ на поддержаніе чистаго ученія ветхаго и новаго завѣта.

Если внимательно разсмотрѣть приведенные пункты теперешняго союза, то рѣшительно не найдемъ въ нихъ ничего, что было бы похоже на вражду къ евангелическому ученію, видимъ только желаніе возбудить дѣятельность и усердіе къ поддержанію католической церкви. Маркграфъ Вильгельмъ, Германъ фонъ Брюггеней и другіе должны были подписать подобный договоръ, если хотѣли, чтобы ихъ считали католиками, они и могли это слѣдовать безъ всякаго колебанія, такъ какъ венденскій союзъ черезъ это не подвергался никакой опасности. Эта попытка внутренняго укрѣпленія католическихъ церковныхъ дѣлъ, боязнь отчужденія духовныхъ имуществъ, лишенія духовнымъ сословіемъ извѣстныхъ правъ — ясное доказательство успѣха, достигнутаго лютеранскимъ ученіемъ въ Ливоніи.

Если евангеликамъ въ Ливоніи нечего было бояться вольмарскаго союза, то все таки постоянство, съ какимъ сословія держались кирхгольмскаго договора, должно было побуждать городъ Ригу къ осторожности. Если не было повода предполагать, что архіепископъ начнетъ новыя споры съ городомъ, то все таки съ вступленіемъ въ управленіе будущаго архіепископа споръ о присягѣ долженъ былъ непременно снова возникнуть; по этому городъ старался заблаговременно принять мѣры предосторожности. Рижане надѣялись найти за-

(160) См. № 161 въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant.

циту у Лималкальденскаго союза и ихъ взоры давно уже были устремлены на него. Въ 1538 г. Рига стала серьезно хлопотать о томъ, чтобы быть принятой въ союзъ. Слѣдствіемъ этихъ стараній было то, что протестанты на собраніи во Франкфуртѣ весной 1539 г. предложили, чтобы «въ постоянный, истинный и неоспоримый» миръ, котораго надѣялись достигнуть теперь протестанты, были включены и города Ревель и Рига. Если подобный религіозный миръ и не состоялся, то все таки юрибергскій миръ, простиравшійся до сихъ поръ только на тѣхъ, которые до него присоединились къ протестантамъ, теперь былъ распространенъ на всѣхъ, которые послѣ него до теперешняго времени стали протестантами ⁽¹⁶¹⁾. Прекращеніе нерѣшенныхъ процессовъ въ дѣлахъ вѣры въ высшемъ имперскомъ судѣ было возобновлено на 18 мѣсяцевъ и относилось ко всѣмъ, которые во время этого франкфуртскаго перемирія приняли аугсбургское вѣроисповѣданіе. Этимъ самымъ прекращался все еще нерѣшенный процессъ между архіепископомъ и городомъ Ригею по поводу присяги. Формальную грамоту о принятіи въ лималкальденскій союзъ составилъ для города Риги курфирстъ Іоаннъ Фридрихъ Саксонскій 6-го ноября 1541 г. въ Торгау, послѣ того какъ городъ объявилъ себя готовымъ исполнять все, что на него налагалось уставомъ союза, а также заплата въ Любекѣ 1,400 гульденовъ, которые долженъ былъ внести въ кассу союза ⁽¹⁶²⁾.

Если городъ и не могъ надѣяться на военную помощь со стороны союза въ рѣшительную минуту, то ему уже и то было важно, чтобы союзъ защищалъ его дѣло въ высшемъ имперскомъ судѣ, а въ этой защитѣ онъ именно и нуждался при настоящихъ обстоятельствахъ.

10-го августа 1539 г. умеръ въ своемъ замкѣ въ Кокенгузенѣ архіепископъ. Последніе годы онъ провелъ въ бездѣятельномъ уединеніи, потому вступленіемъ на архіепископскую кафедру маркграфа Вильгельма внесена была новая жизнь въ ливонскія дѣла. Единодушно передалъ ему капитулъ канониковъ управленіе архіепископствомъ. Извѣщая объ этомъ герцога Альбрехта, капитулъ прибавилъ сароминую, но многозначительную просьбу, чтобы герцогъ сдѣлалъ новому архіепископу увѣщаніе, дабы послѣдній довелъ себя и капитулъ до прежнихъ почестей и могущества ⁽¹⁶³⁾.

Послѣ того какъ новый архіепископъ былъ признанъ капитуломъ, снова возникъ вопросъ о присягѣ города Риги. Еще за вѣсколько мѣсяцевъ до смерти Юмы Шанинга, епископъ дерптскій Іоаннъ задумалъ прекратить споры между Ригею и архіепископомъ и пригла-

⁽¹⁶¹⁾ См. Pankе Geschichte der Deutschen im Zeitalter der Reformation, IV, стр. 129 -- 30.

⁽¹⁶²⁾ См. № 163 въ 4-мъ томѣ Mon. Liv. ant.

⁽¹⁶³⁾ См. № 168 въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant.

силъ депутатовъ городовъ Ревеля и Дерпта собраться вмѣстѣ ⁽¹⁶⁶¹⁾. Но повидимому его намѣреніе кончилось ничѣмъ. историческіе документы не сообщаютъ даже состоялся ли съѣздъ депутатовъ. Рижане были готовы возобновить присягу

Послѣ смерти Шлинга, они предложили магистру занять гавань, на что и получили согласіе. Затѣмъ они знали три мужскіе и одинъ женскій монастыри и дали тѣмъ новому архіепископу, что ему не такъ то легко будетъ принудить городъ къ уступчивости ⁽¹⁶⁶⁵⁾. Тогда въ 1540 г. маркграфъ Вильгельмъ послалъ большое посольство и велѣлъ ему сообщить городу императорскія регалии, которыми каждый подданный архіепископства обязывался, подъ страхомъ немилости императора и имперіи и денежнаго штрафа въ 60 марокъ золотомъ, признавать новаго архіепископа въ его достоинствахъ и правахъ ⁽¹⁶⁶⁶⁾. Архіепископъ надѣялся склонить городъ къ присягѣ обѣщаніями, потому объявилъ, что предоставитъ рижанамъ духовную юрисдикцію, но за это городъ долженъ принести присягу архіепископу какъ свѣтскому главѣ, и возвратитъ архіепископскія имѣнія ⁽¹⁶⁶⁷⁾. Посольство было принято въ Ригѣ магистратомъ, альтерманами и старшинами съ достоюльнымъ почтеніемъ, но оно не подвинуло дѣла впередъ. Наконецъ, послѣ того какъ архіепископъ снова и неоднократно поднималъ дѣло о присягѣ, обѣ стороны сошлись на томъ, чтобы собраться 7-го марта 1540 г. въ Инскулъ; маркграфъ Вильгельмъ обещалъ лично присутствовать въ собраніи. Здѣсь въ Инскулѣ споръ между архіепископомъ и городомъ, быть можетъ и уладился бы, еслибы капитулъ не настаивалъ на возвращеніи своихъ имуществъ и еслибы рѣшительно не противился отдѣлить свое дѣло отъ дѣла архіепископа. Объ это упорство разбивалась всякая попытка къ соглашенію ⁽¹⁶⁶⁸⁾. Вскорѣ по вступленіи маркграфа Вильгельма въ управленіе рижскимъ архіепископствомъ, король польскій Сигизмундъ писалъ рижанамъ, чтобы они не отказывали въ присягѣ его племяннику, и обратился къ орденскому магистру съ просьбой, чтобы послѣдній раздѣлилъ съ архіепископомъ главенство надъ городомъ Ригю ⁽¹⁶⁶⁹⁾. Теперь король Фердинандъ написалъ къ орденскому магистру, приглашая его снова примирить городъ Ригу съ архіепископомъ ⁽¹⁶⁷⁰⁾. Не смотря на это, городъ не хотѣлъ уступать, прежде чѣмъ не будетъ обезпечена свобода вѣроисповѣданія. Рижане еще

⁽¹⁶⁶¹⁾ См. N.V. 254 и 255 въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant.

⁽¹⁶⁶²⁾ Сравн. Арндта II, стр. 208; Бергмана Magazin II, 3, стр. 5 и Нахлерскаго обзоръ исторіи Риги стр. CVIII въ 4-мъ томѣ Mon. Liv. ant.

⁽¹⁶⁶³⁾ См. регалии въ Гётописи Грегенталя, томъ 5-й Mon. Liv. ant., стр. 101 — 104.

⁽¹⁶⁶⁴⁾ См. Хатреуса кн. XV и Герниа въ 1-мъ томѣ Mon. Liv. ant. стр. 200 — 201.

⁽¹⁶⁶⁵⁾ См. Книгу альтермановъ большой гильдіи въ 4-мъ томѣ Mon. Liv. ant. стр. 3 — 5.

⁽¹⁶⁶⁶⁾ См. Догеля Cod. dipl. Polon. V, стр. 190.

⁽¹⁶⁶⁷⁾ См. № 171 въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant.

болѣе укрѣпились въ своей оппозиціи противъ архіепископа извѣстіями, сообщенными имъ прокураторомъ Гельфманомъ о рейхстагѣ въ Регенсбургѣ (1541 г.). Особенно важно для Риги было то извѣстіе, что на этомъ рейхстагѣ признанъ и распространенъ нюрнбергскій миръ, такъ что и тѣ процессы и акты, о которыхъ не было достовѣрно извѣстно, касаются ли ихъ нюрнбергскій миръ или нѣтъ, теперь должны были прекратиться. Если прежде было опредѣлено, что ни одно католическое духовное лицо не должно лишаться своихъ доходовъ, то теперь это имѣло силу для всѣхъ протестантскихъ духовныхъ. Что касается лютеранскаго ученія, то переговоры о немъ были отложены до всеобщаго собора ⁽¹⁷¹⁾. Если для города эти извѣстія были ободряющаго свойства, то ему было очень кстати и недовѣріе, которое все еще питали нѣкоторые сословія къ теперешнему архіепископу ⁽¹⁷²⁾. Именно изъ за этого неблагопріятнаго для себя настроенія маркграфъ Вильгельмъ и долженъ былъ желать какъ можно скорѣе помириться съ городомъ. Вслѣдствіе этого, онъ назначилъ въ концѣ августа 1542 г. новое собраніе съ рижскими депутатами въ Лемзаль.

Когда это было объявлено бюргерамъ, то они черезъ своихъ старшинъ предложили магистрату, чтобы никакихъ переговоровъ не велось съ архіепископомъ безъ вѣдома и желанія орленскаго магистрата, какъ верховнаго главы города. Магистратъ отвѣчалъ, объ этомъ уже спрашивали магистрата, но не могли добиться отъ него другаго отвѣта, какъ только то, чтобы городъ по древнему обычаю прислужилъ архіепископу; но это для города было бы «тягостно», потому магистратъ предлагаетъ передать магистру результатъ переговоровъ, по окончаніи ихъ. Бюргеры согласились на такое предложеніе, тогда и магистратъ избралъ частью изъ своей среды, а частью изъ бюргерства депутатовъ, кои должны были вести переговоры съ архіепископомъ въ Лемзаль ⁽¹⁷³⁾.

19-го августа депутаты прибыли въ Лемзаль, 21-го архіепископъ пригласилъ ихъ чрезъ своего секретаря въ свой замокъ. Началь говорить бургомистръ Дуркопъ и послѣ почтительнаго привѣтствія доложилъ архіепископу, что магистратъ и городъ Рига послали ихъ съ вѣрительной грамотой къ его княжеской свѣтлости, и что они намѣрены не шадить никакихъ трудовъ, чтобы водворить спокойствіе и единодушіе. Архіепископъ отвѣчалъ, что никакой вѣрительной грамоты не нужно, потому что онъ и такъ довѣряетъ господамъ посламъ. Затѣмъ онъ велѣлъ прочитать ихъ инструкцію, увидѣвъ изъ нея требованія рижанъ и обѣщалъ подумать объ оныхъ. На

⁽¹⁷¹⁾ См. Pankе Geschichte der Deutschen im Zeitalter der Reformation, IV, стр. 221 — 224.

⁽¹⁷²⁾ См. у Архата II, стр. 209.

⁽¹⁷³⁾ См. Книгу затвержавоу большой гильдіи, стр. 25, въ 4-мъ томѣ Mon Livant.

слѣдующій день рижскіе депутаты снова пришли въ замокъ. Имъ было заявлено, что архіепископъ не подозрѣвалъ, чтобы городъ снова выставилъ такъ много затруднительныхъ статей; однако онъ все же будетъ продолжать вести съ ними дѣло дальше. Семь дней длились переговоры, наконецъ пришли къ заключенію. Архіепископъ обѣщалъ оставить притязанія на духовную юрисдикцію до «единодушнаго признанія или всеобщаго, свободнаго христіанскаго собора или народнаго собранія». За это городъ долженъ присягнуть ему какъ свѣтскому верховному главѣ совмѣстно съ орденскимъ магистромъ. За городомъ остается свободно и безпрепятственно чистое святое ученіе евангелія по священному библейскому писанію древняго и новаго завета, а также всѣ измѣненія и нововведенія, происшедшія вслѣдствіе новаго ученія; равнымъ образомъ должны быть сохранены всѣ церкви и храмы Господни со всѣмъ, что относится къ религіознымъ дѣламъ впредь до разбора ихъ христіанскимъ всеобщимъ соборомъ или народнымъ собраніемъ. Городу будутъ прощены всѣ несправедливости и убытки, которые онъ причинилъ архіепископу и его предшественникамъ, и о нихъ не будетъ болѣе рѣчи. Что касается до духовныхъ имуществъ, то послѣ присяги архіепископу, при первомъ удобномъ случаѣ, будетъ сдѣлана попытка дружественнаго соглашенія капитула съ городомъ; если споръ не уладится, то дѣло останется до рѣшенія собора или народнаго собранія. Церковныя облаченія и клейноды, взятые на сохраненіе магистратомъ, онъ удерживаетъ до собора. Архіепископъ обѣщаетъ подтвердить городу его вольности и привилегіи. Городъ до присяги требуетъ императорской деклараціи, которая бы освобождала отъ принесенной клятвы орденскому магистру какъ верховному главѣ, и освобождала отъ клятвы со стороны орденскаго магистра. На это архіепископъ отвѣтилъ, что у него уже есть такая декларація и что онъ склонитъ магистра къ освобожденію отъ присяги, о чемъ и объявитъ всенародно ⁽¹⁷⁴⁾.

Когда дѣла уладились такимъ образомъ, хотѣли приступить къ сдѣланію соглашенія печатами; но тутъ капитулъ объявилъ, что у него не взято съ собой печати, потому онъ можетъ приложить свою печать къ соглашенію только въ болѣе удобное время. Рижане объявили тоже самое и предложили, чтобы архіепископъ сперва выхлопоталъ на имѣющемъ состояться скоро въ Венденѣ сѣздѣ господъ (Herrentag) освобожденіе отъ присяги, тогда вѣдь можно будетъ назначить подходящее мѣсто для приложенія печатей. Съ этими депутатами и пустились въ обратный путь.

Вскорѣ послѣ того въ сентябрѣ состоялся сѣздъ въ Венденѣ. Здѣсь орденскій магистръ Германъ фонъ Брюггеней, между прочимъ,

(174) См. о переговорахъ въ Лекзахъ № 267, въ 5-мъ томѣ Mon Liv ant.

предложилъ, чтобы приходы и церкви были снабжены учеными, богобоязненными мужами, проповѣдниками и священнослужителями, которые возвѣщали бы народу святое, чистое и божественное слово и преподавали бы ему святыя таинства ⁽¹⁷⁵⁾.

Архіепископъ полагалъ, что послѣ лемзальскаго соглашенія Рига присягнетъ ему, потому онъ послалъ своихъ депутатовъ на съѣздъ въ Венденъ хлопотать у орденскаго магистра освобожденіе отъ клятвы. Но орденскій магистръ, былъ ли недоволенъ тѣмъ, что городъ безъ его вѣдома велъ переговоры съ архіепископомъ, или хотѣлъ самъ оставаться единственнымъ верховнымъ главою надъ городомъ, но далъ архіепископскимъ посланцъ слѣдующій отвѣтъ. На ландтагъ онъ принималъ присягу, только на ландтагъ дать разрѣшеніе отъ нея. Такимъ образомъ присяга была снова отложена на неопредѣленное время.

Не успѣли рижскіе депутаты возвратиться изъ Лемзаля, какъ магистратъ получилъ письмо отъ орденскаго магистра, въ коемъ послѣдній изъявлялъ желаніе узнать статьи лемзальскаго соглашенія; пусть магистратъ пришлетъ въ Венденъ эльтермановъ обоихъ гильдій, которые присутствовали при заключеніи соглашенія. Но магистратъ счелъ за лучшее не посылать ни обоихъ эльтермановъ, ни договорныхъ статей, а поручилъ другимъ пятерымъ человѣкамъ отправиться въ Венденъ на съѣздъ. На вопросъ орденскаго магистра гдѣ договоръ, они отвѣчали: остался въ магистратѣ. «Это нашему милостивому господину и всѣмъ достопочтеннымъ и почтеннымъ чинамъ и совѣтникамъ очень не понравилось», говоритъ эльтерманъ Гейнрихъ Гаке въ своихъ запискахъ, «и не принесло ничего хорошаго и для добраго города». Орденскій магистръ велѣлъ депутатамъ передать рижанамъ, что бы они, по дѣлу архіепископа, ничего не предпринимали до слѣдующаго ландтага ⁽¹⁷⁶⁾. Сообразно съ этимъ рижане самымъ рѣшительнымъ образомъ отказались исполнить требованіе архіепископа и присягнуть ему, не дожидаясь ландтага.

Въ интересахъ города слѣдовало бы расположить въ свою пользу кого либо одного изъ двухъ властителей орденскаго магистра или архіепископа, но онъ не сдѣлавъ этого отказалъ архіепископу въ его просьбѣ, да и возстановилъ противъ себя орденскаго магистра письмомъ противъ ордена, которое стало извѣстно въ городѣ и авторами коего были Коврадъ Дуркопъ и Іоаннъ Гизелеръ. Когда орденскій магистръ потребовалъ наказанія ихъ, они бѣжали изъ города ⁽¹⁷⁷⁾. Черезъ такое неблагоприятное поведеніе городъ ухудшилъ свое положеніе и имѣлъ причину ожидать съ нѣкоторымъ безпокойствомъ ландтага, который долженъ былъ привести къ разрѣшенію спора.

⁽¹⁷⁵⁾ См. № 258 въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant.

⁽¹⁷⁶⁾ См. Книгу эльтермановъ большой гильдіи въ 4-мъ т. Mon. Liv. ant. стр. 26.

⁽¹⁷⁷⁾ См. ту же Книгу эльтермановъ стр. 27 — 30.

Въ февралѣ 1543 г. ландтагъ собрался въ Вольмарѣ. Между статьями, о коихъ велись здѣсь переговоры, была одна относительно религіи, почти одинаковаго содержанія съ предложеніемъ, которое сдѣлалъ магистръ на прошломъ съѣздѣ въ Венденѣ своимъ чинамъ и сословіямъ. При этомъ три города: Рига, Дерптъ и Ревель выразились, что имъ ничего не могло быть пріятнѣе, какъ еслибы вѣчное Слово Божіе проповѣдывалось чисто и истинно не только въ этой странѣ, но и вездѣ, и каждымъ принималось съ усердіемъ и вѣрно соблюдалось. Они бы хотѣли, чтобы все, что противно божественному слову, какъ: колдовство, волшебство и другія безбожныя злоупотребленія, было искоренено. Старшины городскихъ общинъ усердно трудятся и не жалѣютъ денегъ, чтобы приобрести для своихъ общинъ ученыхъ проповѣдниковъ, дѣльныхъ священнослужителей и школьныхъ учителей; желательно, чтобы и другія сословія заботились о томъ въ своихъ владѣніяхъ. Когда было поднято дѣло о спорѣ между архіепископомъ и городомъ, рижскіе депутаты согласились на лемзальское соглашеніе, отклониться отъ котораго имъ было вѣроятно трудно, и тѣмъ разстроили переговоры ⁽¹⁷⁸⁾.

Архіепископу надобѣли, наконецъ, эти продолжительные переговоры, и онъ хотѣлъ, чего не могъ сдѣлать добромъ, того добиться силой. Поэтому онъ привлекъ къ совѣщаніямъ объ этомъ дѣлѣ другихъ ливонскихъ епископовъ; тѣ рѣшили, что если ничего нельзя сдѣлать дружескими переговорами, то вся страна должна стать за одного человека и ввести архіепископа въ его права. Но орденскій магистръ, стараясь предупредить войну, явился посредникомъ ⁽¹⁷⁹⁾. По его совѣту, архіепископъ и епископы составили съ нимъ и съ другими сословіями договоръ, которымъ положили начать въ предстоящій день св. Іоанна или св. Іакова еще разъ переговоры въ Ригѣ депутатами по втому дѣлу; если и тогда нельзя будетъ помириться, то искать справедливости далѣе въ подлежащихъ мѣстахъ. Но все должно производиться законнымъ путемъ и никакая война не должна вводить раздоръ въ странѣ.

Орденскій магистръ былъ готовъ раздѣлить верховное главенство надъ Ригой съ архіепископомъ, которому городъ тогда долженъ пріислуживать не только какъ свѣтскому владыкѣ, но и какъ архіепископу. Въ отношеніи духовныхъ имуществъ остались при лемзальскомъ рѣшеніи ⁽¹⁸⁰⁾.

Такимъ образомъ сословія возвратились къ прежней точкѣ зрѣнія. Состоялся ли дѣйствительно предполагавшійся съѣздъ въ Ригѣ — неизвѣстно.

⁽¹⁷⁸⁾ См. заявленіе трехъ главныхъ ливонскихъ городовъ орденскому магистру въ 6-мъ томѣ *Mon. Liv. ant.* № 260.

⁽¹⁷⁹⁾ См. Кнудъ альтермановъ стр. 31 въ 4-мъ томѣ *Mon. Liv. ant.*

⁽¹⁸⁰⁾ См. Рунста *ouce nord*, *Misc.* VII и VIII стр. 322 — 329.

Въ слѣдующемъ 1544 г. архіепископъ пытался добиться въ Германіи того, къ чему онъ тщетно стремился въ Ливоніи. 14-го іюня въ своемъ замкѣ Лемзаль онъ составилъ для доктора правъ Іоанна Вустена, своего секретаря, и Марка Грешенталя полномочіе и отправилъ ихъ депутатами къ императору и имперіи, стараться о сохраненіи архіепископскихъ правъ и привилегій ⁽¹⁸¹⁾. Но онъ избралъ плохое время для этого посольства. Сеймъ въ Шпейерѣ, открытый 20-го февраля 1544 г., принялъ для протестантовъ самый благопріятный оборотъ. Въ опредѣленіи сейма не было и рѣчи о восстановленіи епископской юрисдикціи; протестантамъ предоставлено было уже право употребить духовныя имущества на церкви и школы; а также были признаны ихъ договоры касательно духовныхъ имуществъ ⁽¹⁸²⁾. Естественно, что при такомъ положеніи дѣлъ старанія архіепископа должны были обаяться безплодными.

Къ этому же году относится, вѣроятно, и отвѣтъ, данный рижанами посольству архіепископа и магистра по дѣлу о присягѣ. Если архіепископы и епископы, гласить этотъ отвѣтъ, желаютъ владѣть въ священной римской имперіи замками, городами, землями и людьми, то они должны получить ихъ у имперіи въ ленное владѣніе и сообразно съ этимъ также подчиниться имперіи. Въ силу императорскихъ регалій подданные обязаны повиноваться архіепископамъ какъ свѣтскимъ государямъ, но не какъ духовнымъ лицамъ, потому что духовныя лица не могутъ быть подчинены императорскому величеству и имперіи. Вслѣдствіе этого отнюдь нельзя принуждать подданныхъ въ силу императорскихъ регалій присягать архіепископу какъ духовному лицу. На этомъ основаніи рижане требуютъ, чтобы ихъ оставили при лемзальскомъ соглашеніи. Въ силу послѣдняго постановленія сейма въ Шпейерѣ, городъ желаетъ употребить доходы съ духовныхъ имѣній до всеобщаго собора на поддержаніе святаго евангелическаго слова и богослуженія ⁽¹⁸³⁾.

Все эти напрасныя попытки всетаки не обезкураживали архіепископа. Маркграфъ Вильгельмъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ выдающихся и энергическихъ натуръ, дѣятельность коихъ опредѣляетъ и рѣшаетъ ходъ событій, но принадлежалъ къ тѣмъ упорнымъ и настойчивымъ людямъ, которые не скоро отстаютъ отъ исполненія разъ задуманнаго. Это мы видѣли въ эзельскомъ спорѣ, то же самое видимъ и въ рижскомъ дѣлѣ его о присягѣ. Маркграфъ Вильгельмъ ничего не добился на ландтагахъ, у императора и имперіи, но ему оставалась еще надежда на польское вліяніе, потому онъ и обратился

⁽¹⁸¹⁾ См. въ 5-мъ томѣ *Mon. Liv. ant.* хроніку Грешенталя стр. 109.

⁽¹⁸²⁾ См. *Pavle Geschichte der Deutschen im Zeitalter der Reformation*, IV, стр. 304 и 305.

⁽¹⁸³⁾ Сеймовое постановленіе, на которое сослались рижане, не могло быть другое, какъ постановленіе 1541 г., потому и отвѣты рижанъ отнесены къ этому году. См. № 259 въ 5-мъ томѣ *Mon. Liv. ant.*

къ своему королевскому дядѣ. Король польскій старался склонить рижанъ къ уступчивости, но на свое письмо получилъ въ отвѣтъ, что Рига желаетъ остаться при земзальскомъ договорѣ. ⁽¹⁸⁴⁾ Когда и королевское заступничество не помогло, маркграфъ рѣшился на послѣднее средство, рѣшился подѣйствовать на городъ черезъ ея союзниковъ.

А именно, архіепископъ просилъ письменно и устно курфирста Саксонскаго и ландграфа Гессенскаго взять на себя посредничество въ этомъ спорѣ и уладить дѣло. Оба эти князя были не прочь сыграть роль посредниковъ и сдѣлали городу предложеніе переговорить объ этомъ въ Либекѣ, вызываясь приложить свои усилія прекратить споръ. Но городъ опять сослался на земзальское соглашеніе, заявивъ, что не можетъ уклониться отъ него ⁽¹⁸⁵⁾.

Здѣсь возникаетъ вопросъ, какими образомъ случилось, что герцогъ Альбрехтъ не вмѣшивался въ послѣдніе годы въ ливонскія дѣла? Отчего этотъ князь, который прежде смотрѣлъ на дѣло своего брата какъ на свое собственное, не старался своимъ вліяніемъ дать ходъ дѣлу о присягѣ? Герцогу Альбрехту въ это время было не до брата: онъ боялся за свою собственную безопасность и безопасность своей страны. До него дошли слухи, будто ливонскій орденъ въ союзѣ съ тевтонскимъ магистромъ намѣренъ присоединить Пруссію снова къ тевтонскому ордену. Поэтому онъ держалъ на ливонскихъ границахъ и въ самой Ливоніи лазутчиковъ, которые должны были доносить ему о всякихъ подозрительныхъ признакахъ и военныхъ приготовленіяхъ ⁽¹⁸⁶⁾. Его опасенія не разсѣвались, а напротивъ того продолжались долгое время. Сохранилось донесеніе отъ 1531 г. двухъ тайно посланныхъ въ Ливонію лазутчиковъ о ливонскихъ дѣлахъ ⁽¹⁸⁷⁾. Такимъ образомъ, озабоченный собственной безопасностью герцогъ Альбрехтъ предоставилъ своему брату идти своей дорогой, какъ знаетъ.

Казалось, что дѣло о присягѣ Риги архіепископу, носивъ столь многочисленныхъ напрасныхъ попытокъ къ его улаженію, теперь на долгое время замолкнетъ; вышло, однако, не такъ. никому и въ голову не могло притти, что спорное дѣло такъ близко къ своему разрѣшенію.

18-го іюля 1546 г. открылся ландтагъ въ Вольмарѣ, 28-го іюля состоялся договоръ, который подписали съ одной стороны архіепископъ Вильгельмъ, епископы дерптскій Іоствъ, курляндскій и эзельскій Іоаннъ, ревальскій Арнольдъ, съ другой — магистръ Германъ фонъ Брюггеней, коадьюторъ магистра Іоаннъ фонъ-дербъ-Ренке, ланд-

⁽¹⁸⁴⁾ См. Книгу элтермановъ большой гильдіи стр. 20 -- 21.

⁽¹⁸⁵⁾ См. Книгу элтермановъ стр. 21, 22 и 23.

⁽¹⁸⁶⁾ См. Гадербуша I, 2, стр. 363 и слѣд.

⁽¹⁸⁷⁾ См. № 178 въ 6-мъ томѣ Mon. Liv. ant.

маршалъ Генрихъ фонъ Галенъ и ревальскій командоръ Реймаръ фонъ Шаренбергъ. По этому договору все императорскіе рескрипты, изданные во вредъ какому либо изъ ливонскихъ сословій, теряютъ свою силу; все сословія должны оставаться при своихъ привиллегіяхъ и вольностяхъ. Выборъ архіепископа и магистра долженъ происходить по древнему обычаю и по существующимъ привиллегіямъ. Архіепископы, епископы съ ихъ капитулами, магистръ и орденъ не могутъ мѣнять своего званія; безъ единодушнаго добровольнаго согласія всехъ сословій ни одинъ иностранцый князь не можетъ быть избранъ архіепископомъ, епископомъ, магистромъ или коадьюторомъ. Ни одно сословіе не можетъ добиваться чего либо силой, но всегда должно слѣдовать законнымъ путемъ. Если же кто либо захочетъ вести войну съ иностранцемъ или туземнымъ княземъ, то сперва долженъ изложить поводы войны предъ сословіями и узнать ихъ мнѣніе о томъ. Къ этимъ статьямъ присоединилось и рѣшеніе о рижскомъ спорѣ относительно присяги. Городъ Рига оставляется при лемзальскомъ соглашеніи, отъ котораго не хочетъ отказаться, но однако «безъ коварныхъ замысловъ на влательство рыцарскаго ордена и насколько имѣетъ на то законное право»

Городъ долженъ, въ силу императорскихъ регалій, присягнуть архіепископу, какъ утвержденному архіепископу-вассалу. Магистръ освобождаетъ городъ, при сего присягѣ обѣимъ своимъ верховнымъ главамъ, отъ данной ему, магистру, одному клятвы. Еслибы городъ когда либо въ будущемъ сталъ предлагать верховное главенство исключительно одному изъ нихъ обоихъ, одному архіепископу или одному магистру, то ни тотъ, ни другой не должны принимать предложенія, но обязаны заявить о томъ сословіямъ, которыя тогда и вступятся за права обиженной стороны. Послѣ присяги начнутся переговоры объ имѣніяхъ духовенства, дабы капитулъ по возможности возвратилъ себѣ свое обратнѣ (188).

На этотъ ландтагъ были, конечно, призваны и рижскіе депутаты, но ихъ совѣта мало спрашивали и они возвратились въ городъ, не зная ничего болѣе, какъ только то, что орденскій магистръ и архіепископъ заключили договоръ. Все дальнѣйшее относительно Риги оба верховныхъ владыки хотѣли сообщить городу чрезъ особое посольство. Оно дѣйствительно прибыло съ определенной инструкціей, которая мало удовлетворила рижанъ. Городъ не хотѣлъ и слышать о какомъ либо другомъ договорѣ, кромѣ лемзальскаго (189).

Городъ, однакоже, явился въ плохомъ положеніи. Оба влателья страны были противъ него, вооруженія шмалькальденскаго союза къ войнѣ въ Германіи дѣлали невозможной помощь съ этой стороны.

(188) См. Гупелъ Neue nord. Misc. VII и VIII, стр. 330 — 340.

(189) См. Билку альтернативъ большой гильдіи, стр. 33.

Рига потому должна была думать сама о себѣ. Несмотря на вольмарскій договоръ, которымъ запрещались всякія насильственные дѣйствія, архіепископъ въ октябрѣ стянулъ къ Искюлю 300 рейтаровъ, а епископъ курляндскій придвинулъ къ Бомздеаа сильный отрядъ войска; коадьюторъ орденскаго магистра сосредоточилъ 220 рейтаровъ въ Венденѣ ⁽¹⁹⁰⁾. При такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, городъ послалъ къ архіепископу и орденскому магистру депутатовъ, чтобы завязать переговоры; у архіепископа депутатовъ безъ церемоніи прогнали; архіепископъ даже назначилъ день, въ который хотѣлъ устроить свой въѣздъ въ Ригу. Но орденскій магистръ все-таки выслушалъ депутатовъ и общалъ ихъ ходатайствовать за нихъ передъ архіепископомъ. Вскорѣ послѣ этого онъ посовѣтовалъ городу послать своихъ депутатовъ въ Нейермюленъ, обѣщая быть тамъ со своимъ коадьюторомъ Іоганномъ фонъ-деръ-Рекке и многими чинами и постараться уладить дѣло. Такъ и случилось. Въ воскресенье послѣ дня св. Люціи орденскій магистръ и его коадьюторъ помирили городъ съ архіепископомъ. Рижане обязались присягнуть архіепископу, въ силу императорскихъ регалій, какъ вассальному князю священной римской имперіи. Послѣ присяги начнутся переговоры съ капитуломъ; если нельзя будетъ миролюбивымъ образомъ обдѣлать дѣло, то пусть оно идетъ законнымъ порядкомъ, какъ равно и лемзальскій договоръ, отъ котораго рижане не хотѣли отказываться, пусть подвергнется опредѣленію на основаніи законовъ. Обѣ стороны между тѣмъ не должны предпринимать никакихъ насильственныхъ другъ противъ друга дѣйствій. Архіепископъ оставляетъ городъ — это самый важный пунктъ договора — при единственномъ спасительномъ словѣ Божіемъ, святомъ служеніи Ему и обрядахъ, какъ нынѣ проповѣдуется и соблюдается въ Ригѣ согласно съ содержаніемъ библейскаго Писанія ветхаго и новаго завета; равно городъ остается при своихъ привилегіяхъ и вольностяхъ. Зато городъ со своей стороны обязывается немедленно принести присягу архіепископу, магистру и коадьютору. Эта присяга не должна быть вредна и опасна правамъ и власти магистра и его преемниковъ; за то и магистръ съ коадьюторомъ издадутъ послѣ присяги всенародный эдиктъ въ томъ, что присяга не затронула чести города Риги ⁽¹⁹¹⁾.

Впродолженіе переговоровъ въ Нейермюленѣ, въ окрестностяхъ Риги бродили вооруженные люди архіепископа и причиняли рижанамъ не мало вреда. Что Рига при этомъ договорѣ легко отдѣлалась, надобно, вѣроятно, приписать стараніямъ орденскаго магистра и коадьютора.

27-го января 1547 г. архіепископъ, въ сопровожденіи свиты изъ предатовъ, земскихъ рыцарей, гауптмановъ и амтмановъ, въ числѣ

⁽¹⁹⁰⁾ См. № 264 въ 5-мъ томѣ Мел. Лив. ант.

⁽¹⁹¹⁾ О переговорахъ въ Нейермюленѣ см. Книгу матеріаловъ стр. 34 и 37.

около 600 человек совершил въездъ въ Ригу. На слѣдующій день въ Ригу прибыли орденскій магистръ и коадьюторъ, въ сопровожденіи 1500 рейтаровъ. Передъ въездомъ, коадьюторъ орденскаго магистра, Іоганъ фонъ-деръ-Рейке, подтвердилъ 27-го января, въ Нейермюленѣ, городскія привилегіи и свободу вѣроисповѣданія ⁽¹⁹²⁾. Рижскіе бюргеры, частью верхомъ, частью пѣшкомъ, встрѣтили своихъ верховныхъ властителей съ большимъ почтеніемъ. Для увеличенія торжественности, они выставили много вооруженныхъ людей, такъ что архіепископъ и магистръ удивились, замѣтивъ въ Ригѣ значительное число военныхъ силъ. Выстрѣлами съ башенъ и стѣнъ и даже на улицахъ привѣтствовали рижане въѣзжавшихъ. Такого торжества Рига давно уже не видѣла, потому что съ самаго появленія въ Ригѣ реформации маркграфъ Вильгельмъ былъ первымъ архіепископомъ, совершившимъ торжественный въездъ въ Ригу.

Въ понедѣльникъ послѣ Срѣтенія Господня архіепископъ и коадьюторъ орденскаго магистра — магистръ остался въ своихъ замкѣхъ, чувствуя себя нездоровымъ и боясь большого холода — отправились въ ратушу; тамъ была принесена присяга архіепископу и коадьютору и вѣтвя въ вѣрности обоимъ имъ и магистру. Затѣмъ были начаты переговоры съ капитуломъ относительно духовныхъ привилегій; переговоры эти ни къ чему не повели, такъ какъ капитулъ потребовалъ въ возмѣщеніе убытковъ 90,000 талеровъ; все осталось какъ было прежде ⁽¹⁹³⁾. Въ понедѣльникъ послѣ Срѣтенія архіепископъ подтвердилъ состоявшееся въ Нейермюленѣ соглашеніе и выдалъ городу грамоту въ томъ, что онъ оставляетъ за рижанами свободу вѣроисповѣданія и ихъ привилегіи и вольности ⁽¹⁹⁴⁾.

Мы могли бы справедливо удивляться тому, что и въ нейермюленскомъ соглашеніи, и въ подтвержденіи оного евангелическое ученіе названо «единственно спасательнымъ словомъ Божиимъ», еслибы не знали, что архіепископъ и магистръ въ душѣ были добрыми лютеранами ⁽¹⁹⁵⁾; архіепископъ былъ такъ преданъ евангелическому ученію, что не могъ даже на короткое время обойтись безъ своего лентальскаго пастора М. Симона Ваврадта «изъ за проповѣди любезнаго евангелія» ⁽¹⁹⁶⁾.

Не религія была причиною продолжительности спора о присягѣ; архіепископъ заботился не о вѣрѣ, но главнѣйшимъ образомъ объ увеличеніи своей свѣтской власти и цѣлѣй. Какъ бы то ни было, но Рига, наконецъ, достигла цѣли, которую имѣла въ виду постоянно

⁽¹⁹²⁾ См. № 3527 въ Corp. hist. dipl. Liv.

⁽¹⁹³⁾ См. Ригу альтернативъ стр. 37.

⁽¹⁹⁴⁾ См. № 176 въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant.

⁽¹⁹⁵⁾ Сравни Scripta rerum Liv. II, стр. 663.

⁽¹⁹⁶⁾ См. въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant. стр. 661 — 663. Секретарь архіепископа, Маріусъ Гребенгаль, въ своей автописи на стр. 108 пишетъ: онъ (архіепископъ) былъ единиченъ съ Ригою относительно чистой религіи по аугсбургскому исповѣданію.

при благопріятныхъ и неблагопріятныхъ обстоятельствахъ евангелическое ученіе было обезпечено въ ея стѣнахъ. Хотя рижане и должны были теперь повиноваться двумъ владѣтелямъ, но это бремя было незначительно въ виду пріобрѣтенія свободы вѣроисповѣданія.

Въ то время какъ реформація въ Ливоніи утверждалась на болѣе и болѣе прочныхъ основаніяхъ, дѣло протестантовъ въ Германіи приняло очень неблагопріятный для нихъ оборотъ. Битва при Мюльбергѣ уничтожила нималькальденскій союзъ, курфирстъ Іоаннъ Фридрихъ саксонскій былъ взятъ въ плѣнъ, Аугсбургъ, Ульмъ, Франкфуртъ, Страсбургъ, Эслингенъ и другіе города, принадлежавшіе къ союзу, должны были покориться и платить контрибуцію. И Рига, какъ членъ союза, была объявлена императоромъ Карломъ мятежнымъ городомъ. Подъ страхомъ опалы, императоръ приказалъ прислать къ суду въ Аугсбургъ трехъ членовъ магистрата, бургомистра и двухъ ратсгеровъ, для защиты города противъ обвиненія. Срокъ явкъ назначенъ былъ въ 60 дней. Этотъ вызовъ къ суду былъ присланъ орденскому магистру, который долженъ былъ сообщить его городу. Городъ просилъ орденскаго магистра ходатайствовать черезъ подателя вызова о продолженіи 60 дневнаго срока, но магистръ не хотѣлъ вмѣшиваться въ дѣло и совѣтовалъ городу исполнить императорскій приказъ. Тоже самое совѣтовали и Дерить съ Ревелемъ. Тогда рижане рѣшились послать въ Германію своего синдика съ инструкціей и полномочіемъ. Инструкція содержала въ себѣ приказъ, чтобы синдикъ извинилъ городъ тѣмъ, что Рига не вступила въ союзъ, и не оказывала помощи въ войнѣ князьямъ, а только «прибѣгла подъ защиту императорскаго перемирія». Если бы императоръ не удовольствовался такимъ объясненіемъ и все таки требовалъ бы контрибуціи, то посланный не могъ безъ предварительнаго согласія города обѣщать болѣе двухъ-трехъ тысячъ талеровъ. Синдикъ также не долженъ былъ входить ни въ какіе переговоры относительно дѣла между архіепископомъ и городомъ, такъ какъ по этому дѣлу архіепископъ къ суду вызываемъ не былъ. Въ началѣ 1549 г. посолъ выѣхалъ изъ Риги ⁽¹⁹⁷⁾.

Въ этомъ случаѣ добрый городъ Рига поступилъ въ высшей степени неблагопріятно. Городъ надѣлся на поддержку нималькальденскаго союза, союзъ и старался, насколько это возможно было при такомъ далекомъ разстояніи, дѣйствовать въ пользу города и за это Рига теперь отрекалась отъ участія въ союзѣ, да еще извиняла себя, будто и хорошимъ дѣломъ, тѣмъ, что не помогала въ войнѣ князьямъ. Какое былъ дальнѣйшій ходъ дѣла въ Германіи. — мы не можемъ сообщить о томъ свѣдѣній, такъ какъ наши источники умалчиваютъ объ этомъ.

(197) См. Книгу Эльстермановъ стр. 46 — 48.

Когда дѣла протестантовъ въ Германіи приняли такой плохой оборотъ, архіепископъ съелъ возможнымъ дѣйствовать въ отношеніи Риги иначе. Въ противность вольмарскому договору 1546 г., которымъ воспрещалось издавать какіе либо императорскіе рескрипты противъ ливонскихъ сословій, архіепископъ со своимъ капитуломъ обжаловалъ черезъ каноника Іеронима фонъ Куниерштадта городъ Ригу передъ имперскимъ камернымъ судомъ. Онъ обвинялъ рижанъ въ томъ, что они отказывались присягать какъ бывшему, такъ и нынѣшнему архіепископу, что заняли архіепископскій дворъ, похитили церковныя драгоценности и облаченія, присвоили себѣ церкви, монастыри и соборы, выгнали изъ города канониковъ, священниковъ и монаховъ, превратили церкви въ жилые дома и конюшни и, наконецъ, похитаскивали изъ могилъ трупы, а могилы превратили въ погреба. «Нашъ милостивый государь архіепископъ», прибавляетъ эльтерманъ Балтазаръ Гавецовъ въ своихъ запискахъ, «объявилъ намъ при присягѣ, что онъ будетъ для насъ не только милостивымъ господиномъ, но и отцомъ; но если милость такова, то мнѣ не надо его немилости».

Жалоба архіепископа имѣла слѣдствіемъ то, что весной 1549 г. Рига была вызвана въ камерный судъ⁽¹⁹⁸⁾; но какъ процессъ велся въ Германіи очень медленно, то императоръ назначилъ комиссію изъ магистра Іогана фонъ-деръ-Рекке, епископа дерптскаго Іуста и епископа курляндскаго и эзельскаго Іоанна для разбора спорнаго дѣла между архіепископомъ и городомъ Ригю. Комиссія собралась въ Вольмарѣ въ началѣ 1551 года; къ Срѣтскію городъ былъ вызванъ комиссіей на судъ. Дѣло шло здѣсь главнѣйшимъ образомъ о соборныхъ домахъ и имѣніяхъ, которые все еще были въ рукахъ города. Архіепископъ и капитулъ сначала очень много требовали и хотѣли въ возмѣщеніе убытковъ 100,000 гульденовъ, городъ не хотѣлъ давать имъ этой суммы, а оттого произошли безконечныя торги и споры.

Ливонскіе епископы и орденъ прижали составленный на сеймѣ въ Аугсбургѣ 1548 г. интеримъ, но города не приняли, а Ревель даже послалъ въ Германію подробное разсужденіе противъ интерима⁽¹⁹⁹⁾. Влѣдствіе этого члены комиссіи предложили рижанамъ дать обязательство, что они согласятся принять интеримъ, если ливонскіе власти захотятъ ввести перемену въ обрядахъ и богослуженіи. Къ этому они требовали, чтобы рижскій магистратъ ввелъ въ какой нибудь высокочестивый день во время богослуженія въ соборъ

⁽¹⁹⁸⁾ См. Книгу эльтермановъ стр. 48 и 49.

⁽¹⁹⁹⁾ См. программу Рейна стр. 25. Аугсбургскій интеримъ, предоставившій протестантамъ весьма ограниченныя права, былъ названъ императоромъ Карломъ V 15-го мая 1548 г.

капитулъ канониковъ и дозволялъ имъ пропѣть «самымъ великолѣпнымъ образомъ» *Te Deum laudamus*. На это рижскіе депутаты отвѣтили, что то былъ бы чудесный *Tedeum* въ городѣ много чужаго народа, взбунтуются этотъ народъ, его не усмиришь, тогда и магистратъ и капитулъ должны опасаться за свою жизнь; но если каноники хотятъ войти одни, то пусть себѣ это дѣлаютъ. Желая уладить какъ нибудь дѣло, члены комисіи предложили, чтобы каноники именемъ магистрата ввелъ гольдингенскій командоръ Кристофъ фонъ-деръ-Леде, съ другими господами, тогда капитулъ, пожалуй, передастъ городу соборное зданіе впредь до рѣшенія религиозныхъ дѣлъ на общемъ соборѣ. На это предложеніе депутаты не могли дать никакого отвѣта, но передали все дѣло на разсмотрѣніе магистрату и городской общинѣ.

Вскорѣ послѣ этого гольдингенскій командоръ прибылъ въ Ригу и заявилъ народу о связанныхъ предложеніяхъ и требованіяхъ комисіи. Рижане и слышать не хотѣли объ исполненіи ихъ. Командоръ, не мало удивленный такимъ сопротивленіемъ, немедленно же оставилъ городъ.

«Это буйная толпа», говорилъ онъ потомъ, «пусть самъ чертъ ведетъ съ нею переговоры, а я не буду провожать капитулъ въ соборъ, чего добраго снесутъ, еще голову, на это ихъ хватить»

Переговоры прекратились на нѣкоторое время, продолженіе коего послѣ смерти Югана фонъ-деръ-Рекке былъ избранъ орденскимъ магистромъ ландмаршалъ Генрихъ фонъ Галенъ. Онъ подтвердилъ городу его вольности и права, а городъ за то принесъ ему присягу

Въ день св. Люціи 1551 г. въ Ригу явились новые полкомиссары для улаженія спора. Начали опять торговаться насчетъ суммы вознагражденія, пока, наконецъ, не остановились на 18,000 рижск. марокъ, кои городъ обязался уплатить капитулу въ три года, по 6,000 марокъ ежегодно. За то архіепископъ и капитулъ предоставляли городу соборное зданіе до всеобщаго, свободнаго, христіанскаго собора, равно и дома, въ которыхъ жили проповѣдники, школьные учителя и церковные служители и которые хотя и принадлежатъ въ собору, но не капитульскіе, а викарные дома. Церковные вѣщныя, драгоценности и облаченія хранятся до всеобщаго собора у города и для этого были сданы три ключа, по одному для архіепископа, капитула и города. Городъ съ своей стороны уступалъ капитулу принадлежавшіе каноникамъ дома, недвижимыя имущества и имѣнія внутри и внѣ города, но за пользованіе оными въ продолженіе многихъ лѣтъ городъ ничего не платитъ. Это и были главнѣйшіе пункты договора, заключеннаго въ Ригѣ 16-го декабря 1551 г. между архі-

епископомъ, капитуломъ и городомъ ⁽²⁰⁰⁾. Относительно пятерима, на которомъ настаивали члены комиссии въ Вольмарѣ, подкомиссары уступили и не хотѣли уже ни въ чемъ стѣснять свободу вѣроисповѣданія города.

Такимъ образомъ былъ устраненъ, наконецъ, спорный пунктъ между архіепископомъ, капитуломъ и городомъ. Венденскій договоръ 1-го апрѣля 1533 г. доставилъ евангелическому учению прочное положеніе во всей Ливоніи, а договоры въ Нейермюленѣ въ 1846 г. и теперь въ Ригѣ сдѣлали тоже самое для этого города. Евангелическое ученіе гораздо скорѣе развернулось бы въ нынѣшній цвѣтъ, еслибы миръ страны не былъ скоро нарушенъ войной съ Россіей и если бы эта война не воспрепятствовала жителямъ предаваться спокойному религіозному созерцанію. Что церковная жизнь въ средѣ сословій, и во всей странѣ была очень дѣятельною, объ этомъ свидѣлствуютъ не только опредѣленія ландтаговъ и религіозные союзы, но въ особенности два состоявшіеся въ описываемое время земскіе съѣзды. Эти земскіе съѣзды были собраніемъ сословій, созывавшихся не властями страны, но обыкновенно представителямъ вассаловъ.

На такихъ съѣздахъ обсуждались дѣла, имѣвшія важное значеніе для сословій, и на нихъ совѣщались, какъ помочь тому или другому злу. Здѣсь, свободные отъ стѣсненія, которое обыкновенно налагало присутствіе властителей страны, сословія могли конечно и гораздо болѣе высказывать свой образъ мыслей. Потому нельзя упустить изъ виду того — это также служить доказательствомъ горячаго усердія сословій въ дѣлахъ религіи, — что въ обоихъ названныхъ земскихъ съѣздахъ существенную роль играли религіозныя дѣла. На земскомъ съѣздѣ въ Перновѣ, въ іюлѣ 1552 г., сословія рѣшили заботиться о томъ, что бы въ церкви и божіи храмы назначались богобоязливые, благочестивые священники и служители, которые отучили бы бѣдныхъ мужиковъ отъ грубыхъ заблужденій, колдовства и прочаго богохульства и проповѣдывали бы единственно спасительное слово Божіе ⁽²⁰¹⁾. Тоже самое говорили сословія римскаго архіепископства на общемъ земскомъ съѣздѣ, состоявшемся вѣроятно въ 1555 году ⁽²⁰²⁾.

Последнимъ камнемъ въ зданіи реформаціи въ Ливоніи можемъ принять рѣшеніе ландтага въ Вольмарѣ 17-го января 1554 г. Оно было подписано архіепископомъ Вильгельмомъ, епископами: дерптскимъ

⁽²⁰⁰⁾ См. № 169 въ 4-мъ и № 176 въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant., и сравни Книгу мѣстриановъ стр. 54 — 61.

⁽²⁰¹⁾ См. Funckel Neue nord. Misc. VII и VIII.

⁽²⁰²⁾ См. № 266 въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant.

Германомъ, эзельскимъ и курляндскимъ Іоанномъ, ревелскимъ Фридрихомъ, и орденскимъ магистромъ Гейнрихомъ фонъ Галеномъ; и гласило, что всякій безирепятственно и свободно исповѣдуетъ свою вѣру до всеобщаго христіанскаго собора, что ни одинъ пасторъ и церковнослужитель не можетъ быть опредѣленъ на должность проповѣдника и пастыря душъ, если не имѣетъ хорошаго свидѣтельства о своемъ ученіи, поведеніи и христіанскомъ посвященіи. Этимъ самымъ владетели Ливоніи даровали всѣмъ ливонскимъ землямъ свободу религіи: протестантство было уравнено въ правахъ съ католичествомъ; реформація въ Ливоніи достигла своей цѣли.

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

Держи, что имѣешь, дабы кто не восхитилъ вѣнца твоего.

(Апостолъ къ Рим. 3, 11).

Любезнымъ Эстамъ къ утвержденію въ правую вѣру.

Петербургъ, 1846 года, въ типографіи Борма.

Примѣчаніе составителя. Изъ предшествовавшей статьи видно, какимъ образомъ и когда произошла церковная реформа въ Ливоніи, видно и то, на сколько приверженцы церковной реформы заботились, чтобы имѣть искусныхъ и дѣльныхъ пасторовъ для проповѣди «чистаго евангелія». Какого же рода вѣроученіе новые пасторы обязаны были преподавать въ преобразованныхъ церквяхъ?

Богословскіе вопросы совѣтъ не входить въ программу этого изданія, потому издатель этой книги могъ бы вовсе и не приводить подробностей о катехизисѣ евангелистовъ, тѣмъ не менѣе онъ призналъ не безполезныхъ отвѣтить на вопросъ о вѣроученіи протестантовъ словами брошюры, заглавіе которой приведено выше.

Прежде всего о происхожденіи этой брошюры. Туземныя племена, населявшія Ливонію, были обращены въ католичество силою. Какъ происходило это обращеніе и вѣстѣ съ тѣмъ покореніе латышскихъ и эстонскихъ племенъ нѣмецкими пришельцами, превосходно разсказано Генрихомъ Латышскимъ въ его этнописи (см. томъ I Прибл. Сб.).

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что нѣмецкіе пришельцы застали многихъ туземцевъ уже православными, не повсемѣстно, правда, но уже во многихъ мѣстахъ. Такъ въ Юрьевѣ, основанномъ въ 1030 г., были двѣ православныя церкви: въ 1209 г. многіе эсты въ Одензѣ приняли православіе. Судя по отвѣтамъ Пифонта, архіепископа новгородскаго и лсковскаго (съ 1180 по 1156 г.), на вопросы лѣвого Кирика, имѣемъ право заключить, что обращеніе въ православіе эстонцевъ (чудь) происходило гораздо ранѣе 1130 г. При Пифонтѣ соблюдалось уже правило начинать оглашеніе чудь (т. е. эстонца) за 40 дней до крещенія. По Двинѣ задолго до нѣмецкихъ пришельцевъ существовали уже чисто русскія населенія въ Кокеновѣ и Герсиѣ; православіе исповѣдывали жители мѣстностей около обширнаго Бургнекскаго озера (древнее Астѣрне) въ Вольжарскомъ уѣздѣ, въ Антисѣ (Венденскаго уѣзда), въ Трикатинѣ и Голловѣ въ Ваикскомъ уѣздѣ.

Съ паденіемъ Кукенойса въ 1207 г., Герике въ 1208 г., съ переходомъ изъ православія въ католичество латышскихъ князей Талибалда изъ Толовы и дѣтей его въ 1213 г., съ паденіемъ Юрьева въ 1224 г., православіе почти вовсе исчезаетъ въ Ливоніи, всѣ туземцы сдѣлались католиками, алохими, правда, но все же католиками. Но и трудно было ливонскихъ туземцамъ сдѣлаться усердными католиками: католическія нѣмецкіе пришельцы ни мало не заботились о наученіи хрстіанству покоренныхъ ими племенъ, школы тогда не было, священниковъ, знавшихъ мѣстные языки, не было, переводовъ библіи не было. Такъ откуда же было туземцамъ и узнавать истины хрстіанства?

Но вотъ начинается церковная реформа и въ Ливоніи. Туземцы остаются совершенно равнодушными къ кризису. Правда, есть извѣстіе (см. выше стр. 42) о крестьянскомъ движеніи, проявившемся въ 1525 г. подъ Ревелемъ и имѣвшее религиозный характеръ, но это извѣстіе есть единичное: движеніе въ Эстоніи быстро улеглось и тогда рѣшительно не имѣло никакого распространенія. Латыши и эстонцы за католичество не стояли, да и въ протестантству относились безучастно, какъ къ чему то совершенно чуждому для себя, ибо своей, народной вѣры у нихъ не стало съ той самой поры, какъ погибло древнее ихъ язычество. Та вѣра точно была ихъ своя, и оттого они бились за нее съ упорствомъ сильнымъ и остатки ее берегли долго, очень долго. Вспомнимъ только, что въ концѣ XVII вѣка шведскій генералъ-губернаторъ издавалъ строгіе приказы объ упраздненіи, разрушеніи и истребленіи всякихъ суевѣрій и стараго идолопоклонства между крестьянами, но приказы не помогали, потому что около 1835 г. одинъ ливонскій пасторъ узналъ о существованіи языческаго жертвенника и разрушилъ его. Да и въ наши дни празднованіе ливонскими крестьянами ежегодно въ ночь на 24 іюня Янго-Яна не есть ли остатки язычества?

Никогда ливонскіе туземцы не были усердными католиками, но и до самыхъ сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія не были усердными приверженцами протестантизма, сущность котораго оставалась недоступною людямъ безграмотныхъ, темныхъ, для которыхъ пора историческаго развитія въ тѣ времена еще не наступила. Сознательное сочувствіе къ протестантству можетъ зародиться лишь на умственной почвѣ особеннымъ образомъ подготовленной, а кто и когда заботился о такой почвѣ для ливонскихъ туземцевъ? Рѣшительно никто до самаго начала сороковыхъ годовъ, когда Ливонія дѣйствительно стала покрываться сѣтью народныхъ училищъ, когда сами пасторы уразумѣли, что учительство народа есть ихъ первѣйшая обязанность.

Къ началу сороковыхъ годовъ крестьяне были уже лично свободными по всей Ливоніи; въ распредѣленіи крестьянскаго населенія на приходы преобладало начало крупной собственности. Приходовъ, вслѣдствіе ихъ огромности, было не особенно много, хѣста же пасторовъ занимали люди, плохо знавшіе мѣстные языки и потому съ трудомъ могшіе объясняться со своими прихожанами. Тѣснаго общенія прихожанъ съ духовенствомъ послѣдовать отъ этого и не могло. Вотъ причина, почему для ежедневныхъ сношеній между прихожанами и ихъ духовнымъ начальствомъ образовался цѣлый классъ посредниковъ, такъ называемыхъ фюриндеровъ (писнаго разряда церковныхъ служителей, причетниковъ). Фюриндеры передавали прихожанамъ зпѣ казанія духовнаго ихъ начальства и даже совершали требы, особенно такія, которыя были хлопотливы и пользы не приносили.

Хозяйственное положеніе сельскаго духовенства было разработано до малѣйшихъ подробностей и съ такою точностію, которая явно свидѣтельствова-
вала, что именно эта сторона отношеній пастырей къ пасомымъ составляла

предхотъ особенныхъ заботъ духовенства. Образовалась цѣлая система обязательныхъ сборовъ и повинностей, а съ этою системою явились и позорнѣе пастырей на своихъ пасомыхъ, какъ на свою оброчную статью. Оброчная статья доставляла обильныя средства для заявляй болѣе привлекательныхъ, чѣмъ духовное воспитаніе крестьянъ, между пастырями и пасомыми была непреходимая черта. Земская полиція наблюдала (см. 541 и 543 ст. крестьянскаго положенія 1819 г.), чтобы крестьяне не отступали въ своихъ религіозныхъ мнѣніяхъ отъ догматовъ аугсбургскаго исповѣданія.

Полное небреженіе о духовномъ преслѣщеніи туземцевъ, начиная съ упорченія нѣмецкихъ туземцевъ почти до второй половины текущаго столѣтія, произвелъ то, что латыши и эстонцы не имѣли почти никакого понятія о догматическомъ ученіи своего вѣроисповѣданія, не находили также въ обрядахъ своей церкви ничего такого, къ чему могли привзаться хотя бы силою привычки, и вслѣдствіе этого они очень легко, не смотря на земскую полицію, приставали массами къ проповѣдникамъ ученій, уклоняющихся отъ лютеранства. герингутерамъ, напирятъ, и баптистамъ.

Вѣдственное положеніе крестьянъ, происшедшее вслѣдствіе системы добровольныхъ соглашеній между помѣщиками и лично освобожденными отъ крѣпостной зависмости крестьянами по крестьянскому положенію 1819 г., а также весьма неправильныя отношенія крестьянъ къ своимъ кирхенгеррамъ (der Kirchenherr т. е. церковный баринъ, до сихъ поръ у крестьянъ есть названіе пастора, въ отличіе отъ другаго барина — помѣщика), вызвали въ 1841—45 годахъ сильное крестьянское движеніе, выразившееся сперва въ стремленіи выселиться изъ своей родины въ другія мѣста Россіи, по преимуществу къ Ёйску, куда, по распоряженію бывшаго ново-россійскаго генералъ-губернатора графа (впоследствии князя) Воронцова, принимались переселенцы, а вслѣдъ затѣмъ въ стремленіихъ перейти въ православіе, преданіе о которомъ какъ о «старой, строгой вѣрѣ» никогда не исчезало между ливонскими туземцами.

Стремленіе къ переходу въ православіе приняло самыя обширныя размѣры въ 1845 г., когда самый вліятельный членъ рижскихъ герингутеровъ Давидъ Баллодъ (впоследствии православный священникъ) принялъ православіе съ нѣкоторыми изъ другихъ герингутеровъ. Слухъ о присоединеніи Баллода распространился съ чрезвычайною быстротою по губерніи и съ 1845 г. начались присоединенія цѣлыми массами. Это то движеніе цѣлыми массами и образумило протестантское духовенство, ясно увидѣвшее, что жить кирхенгерромъ, высокомерно относясь къ меньшей братіи, невозможно, иначе аугсбургское исповѣданіе останется въ однихъ ливонскихъ городахъ. Съ этого времени и начинаются старанія удержать колеблющихся проповѣдью, поученіемъ: съ этою же цѣлію начали появляться и отдѣльныя книги религіознаго содержанія, написанныя на мѣстныхъ языкахъ съ объясненіями сущности и работы евангелическаго ученія.

Къ числу такихъ сочиненій принадлежитъ и изданная въ 1846 г. на эстонскомъ языкѣ въ Перновѣ брошюра подъ заглавіемъ «Держи что имѣешь». Въ брошюрѣ этой изложена вся сущность евангелическаго ученія самымъ доступнымъ для простаго народа языкомъ. Брошюра эта составляетъ своего рода любопытный историческій документъ, потому издатель и рѣшился помѣстить ее какъ бы дополненіемъ къ статьѣ Брахмана и рѣшѣть съ тѣмъ отвѣтомъ на вопросъ, какого рода вѣроученіе обязаны были проповѣдывать прихожанамъ пасторы въ церквахъ, преобразованныхъ въ Ливоніи по мыслямъ Лютера.

Переводъ на русскій языкъ этой брошюры принадлежитъ извѣстному знатоку восточнаго языка протоіереею Алексѣю Вельдемановскому, нынѣ настоятелю рижской Благовѣщенской церкви.

Любезные эсты!

То изрѣченіе, коимъ озаглавлена эта книжица, есть слово Божіе, исполненное силы, любви и истины. Слова сии: держи что имѣешь, дабы кто не восхитилъ вѣнца твоего, повелѣлъ написать Самъ Іисусъ, Спаситель нашъ, являсь по вознесеніи своемъ на небо апостолу Іоанну къ одному благочестивому христіанскому обществу, которое оныя желало сохранить отъ годины искушенія, которая придетъ на всю вселенную, чтобы испытать живущихъ на землѣ (Апок. 3, 10).

Такая година искушенія нынѣ постигла въ особенности васъ, любезные эсты; а потому эти увѣщательныя и обязательныя слова — держи что имѣешь — относятся и къ вамъ. Понестинѣ такой годины искушенія и испытанія, къ которую очень многіе оставляютъ столь же древнюю, какъ и само слово Божіе, и столь чистую, какъ ученіе Іисуса и его апостоловъ, свою вѣру, — такія годины не зрѣли ни вы, ни ваши родители, ни дѣды. Посему вслушайся и замѣть, возлюбленный народъ, что вѣщаетъ тебѣ съ неба Іисусъ. держи что имѣешь, дабы кто не восхитилъ вѣнца твоего. Тебя упрощаютъ все слуги Іисуса, тебя любящіе и желающіе тебѣ добраго, твои учителя, начальники и старѣйшины держи что имѣешь! Теперь все проповѣди въ церквахъ и слово Божіе въ домахъ вразумляютъ тебя держи что имѣешь! Все восточскія сочиненія, которыя ты доселѣ читалъ, все твои прекрасныя пѣснопѣнія и пріятныя напѣвы, кои ты доселѣ воспѣвалъ, зываютъ къ тебѣ. держи что имѣешь! Все твои богослуженія, все священныя зданія — церкви, молитвенныя дома, школы, мѣста твоего рожденія и кладбища — все они увѣщаютъ тебя держи пась! Въ звукахъ всехъ церковныхъ колоколовъ по твоей странѣ раздаются слова Господа: народъ вѣрный, держи что имѣешь, дабы кто не восхитилъ вѣнца твоего! Чего ты крѣпко и неизмѣнно не удержишь, то пропадетъ для тебя на вѣки. Отъ чего ты по безпечности и легкомысленно разъ откажешься и что проищнешь, того ты уже во всю жизнь никакимъ стараніемъ и плячемъ не воротишь, — но это еще тяжкимъ бременемъ падетъ на твою совѣсть въ часъ смертный. Поэтому послушайся слова Господня и держи что имѣешь.

Но съумѣетъ ли кто удержать, незная, что именно нужно держать? Сбережетъ ли кто сокровище, самъ незная, что у него есть сокровище? Кусокъ дерева ты скоро отъ себя отбрасываешь, а золото — нѣтъ. Мѣдъ

ты скоро мѣнишь на слово, если оно блеститъ какъ серебро, и ты считаешь его серебромъ. Но когда бы твоя мѣдъ была дѣйствительнымъ золотомъ, уже ли ты промѣнялъ бы его на олово или даже на серебро? Конечно нѣтъ.

Несмысленныя дѣти портятъ и бросаютъ золотую вещь, а разумный человѣкъ тщательно бережетъ ее. У тебя, христіанинъ, есть сокровище, есть вѣнецъ, драгоценнѣйшій и красивѣйшій всякаго чистаго золота и серебра; и если ты доселѣ еще его не зналъ и не считалъ таковымъ, то ты по крайней мѣрѣ теперь, въ настоящее время, въ годину нашедшаго на тебя искушенія, долженъ выслушать, узнать и удостовѣриться, что величайшее твое сокровище злѣсь на землѣ, и твой драгоценнѣйшій вѣнецъ на тебѣ составляютъ для тебя истинное и чистое слово Божіе, богослуженіе, и твоя правая вѣра, могущая содѣлать тебя на вѣки блаженнымъ. Объ этомъ-то сокровищѣ и вѣдѣцѣ говоритъ тебѣ Иисусъ, съ небесъ взывая въ тебѣ держи, что имѣешь, дабы кто не восхитилъ вѣнца твоего! Тоже самое подтверждаетъ Иисусъ, когда говоритъ (Матѣ. 24, 4 и 5) берегитесь, чтобы кто не прельстилъ васъ! ибо многіе придутъ подъ именемъ Моимъ и многихъ прельстятъ. — Такъ какъ годинѣ искушенія, хотѣющая придти на вселенную, приходитъ нынѣ и на васъ, любезные читатели, то (Ефес. 6, 11 — 17) будьте сильны въ Господѣ и въ его крѣпкой силѣ; надѣньте на себѣ всѣ Божіе воинскіе доспѣхи, чтобы вамъ можно было стать противъ козней дѣволевскихъ. Ибо брань у насъ не противъ крови и плоти, не противъ начальствъ и власти, не противъ правителей міра сего, но противъ духовныхъ золь въ вещахъ небесныхъ. Поэтому возьмите въ руки всѣ божественныя доспѣхи, дабы вы могли противустать въ этотъ злой день и могли устоять... Лучше всего возьмите въ руки щитъ вѣры, которымъ сможете потушить пламѣнющія стрѣлы лукаваго діавола; возьмите и шлемъ спасенія, и мечъ духовный, который есть слово Божіе.

Такъ снарядившись стойте, бодрствуйте и молитесь, чтобы вамъ не пасть въ искушеніе, а избавиться отъ лукаваго. Имѣйте отверстыми духовныя очи и ушеса! Не спите больше съ сердечною безчувственностью, но внимайте во времени, потому что дни эти лукавы (Ефес. 5, 16), слушайте и распознавайте, что духъ говорилъ церквамъ. Телерешіе вѣщаніе и дѣло духа—разяснить церквамъ нашей евангелической вѣры то, что 1) мы имѣемъ правое вѣроученіе, какъ его проповѣдали святыя апостолы, и какъ его отецъ нашей вѣры Лютеръ въ чистотѣ извлекъ изъ священнаго писанія; 2) у насъ существуетъ чистое Богопочтеніе, и святыя таинства у насъ совершаются въ точности по священному писанію, и 3) эту вѣру и Богопочтеніе у насъ существующія, мы обязаны твердо содержать, дабы никто не отнялъ у насъ вѣнца нашего.

О твердомъ содержаніи вѣры вы уже слышали, что вамъ говорить Іисусъ въ Апокалипсисѣ: теперь же слѣдуетъ кратко разъяснить вамъ, въ чемъ состоитъ наша правая вѣра, когда и какою образомъ она составлена и чѣмъ различается наша вѣра отъ другихъ вѣроученій.

Первенствующая христіанская церковь, основанная въ Іерусалимѣ въ день сошествія св. Духа, была полна любви и истины. Святые апостолы были учителями, а св. Духъ наставляющимъ во всякой истинѣ. Члены церкви постоянно пребывали во ученіи апостоловъ, въ общеніи и въ преломленіи хлѣба и въ молитвахъ. Они каждый день единодушно пребывали въ храмѣ и принимали пищу съ очень веселымъ и вполне простымъ сердцемъ и хвалили Бога, и у нихъ была любовь между всѣмъ народомъ; Господь же ежедневно прилагалъ къ этой церкви спасаемыхъ. (Дѣян. 2, 42 — 47).

Въ этой первоначальной любви и истинѣ церковь пребывала до толѣ, пока святые апостолы были живы и руководили ими. Хотя и въ это уже время появились нѣкоторые заблужденія, сближенности и лжеученія, о коихъ пишетъ Павелъ къ Коринѳянамъ и къ Галатамъ; но дѣйствительное слово апостоловъ и владычество Духа святаго скоро исправляли всякую погрѣшность и заблуждающихся возвращали на путь правый.

По смерти апостоловъ мы находили христіанскія церкви больше и больше умножающимися въ Іудеѣ, Азіи, Египтѣ, Греціи и Римѣ, хотя мірскіе иудеи, ограждая изычество, притѣсняли ихъ и даже за вѣру умерщвляли многихъ. Но, доволѣ продолжалось такое гоненіе, христіанскія церкви возрастали и твердо содержали свою вѣру согласно съ ученіемъ апостоловъ. Когда же по мѣстамъ возникали лжеученія, тогда епископы и учителя изъ всѣхъ странъ сходились вмѣстѣ, держали совѣтъ о правотѣ ученія и отвергали всѣ лжеученія и чуждые богослужебные обряды, и утверждали свои церкви въ той правой вѣрѣ, которая у нихъ существовала со временъ апостольскихъ и которая ясно изложена и вѣрно сохранена въ нашемъ катихизисѣ во второмъ отдѣленіи — въ наставленіяхъ первомъ, второмъ и третьемъ, о святой христіанской вѣрѣ. Когда же христіанство одержало верхъ надъ изыческимъ суевѣріемъ и чуждымъ Богопочтеніемъ и когда даже самые цари и царицы обратились въ христіанство (что случилось спустя 300 лѣтъ послѣ Христа), тогда появились по истеченіи 350 лѣтъ послѣ рождества Христова монахи и монахини, — это одинокіе мушны и дѣвцы, которые не хотятъ жить въ средѣ людей и родственниковъ и не вступаютъ въ бракъ, а живутъ отдѣльно: мушны съ мушнями, а женщины съ женщинами, и думаютъ чрезъ это сдѣлаться гораздо

святѣе, чѣмъ тѣ, кои пребываютъ въ бракѣ и исполняютъ свои обязанности.

400 лѣтъ спустя послѣ Христа появилось почитаніе (tenistus служеніе) мучениковъ, святыхъ людей и дѣвы Маріи. Мучениками называются тѣ, которые за свою вѣру потерпѣли смерть. Стали ходить къ ихъ могиламъ, приѣзжать къ нимъ и молиться; стали въ память ихъ строить храмы — и ихъ одежды и мощи стали производить исцѣленія и другія чудеса.

О Дѣвѣ Маріи стали проповѣдывать, что она зачата и родилась безгрѣшною, исполнѣ святою, матерью Бога съ божественною славою и могуществомъ — и что она за тѣхъ молится и оказываетъ помощь, кто обращается къ ней за г.о.о.

650 лѣтъ спустя послѣ Христа стали почитать иконы и изображенія Дѣвы Маріи и святыхъ, и поклоняться имъ, точно какъ тѣмъ самымъ (лицамъ).

Въ 720 году возникла между церквами восточною и западною великая распря изъ за поклоненія иконамъ, — и одинъ благочестивый греческій царь въ 730 году воспретилъ это поклоненіе. Однакоже поклоняться имъ не запретили.

По прошествіи 1000 лѣтъ послѣ Христа, римскіе епископы сдѣлались лишь въ этотъ періодъ времени верховными властями христіанской церкви и народа, наименѣе ни себя наставниками Христа на землѣ, назвались. папами, то есть верховными отцами, и принудили весь народъ слушать ихъ слова и содержать ихъ, какъ самое слово Божіе.

Въ 1074 году римскій архіепископъ или папа воспретилъ священникамъ бракъ, чтобы ни одинъ священникъ не смѣлъ брать супругу. Но прочтите, что, въ противность сему, говоритъ святой апостолъ Павелъ 1 Тим. 4, 1—5.

Въ 1100 году воспрещено преподавать причастіе народу изъ чаши; только священники могли пить изъ чаши, когда они приносили Христа въ жертву Богу; но причащающійся народъ получалъ только освященный хлѣбъ. Это новое жертвоприношеніе, противорѣчащее священному писанію, (Евр. 8 и 9) называется Миссою.

Въ 1229 году воспрещено народу читать библейскія книги, дабы онъ не могъ изъ священнаго писанія усмотрѣть—какъ далеко удалилось и увлчилось его вѣроученіе и распоряженія папы отъ чистаго слова Божія, хотя Иисусъ и его апостолы заповѣдуютъ намъ со вѣмъ тщаніемъ читать священное писаніе. Чтоже папа и его сонмъ трактуютъ объ этой заповѣди? По ихъ ученію человекъ спасается добрыми дѣлами; грѣхи заглаживаются добрыми дѣлами; излишнія у святыхъ людей добрыя дѣла идутъ въ пользу тѣмъ, кто призываетъ въ помощь святыхъ и поклоняется имъ; сверхъ сего римскій епископъ можетъ за чистыя деньги, за золото и серебро

отпускать и прощать грѣхи. Въ 1500 году послѣ Христа продавались и покупались грѣхо-отпустительныя грамоты или записки даже на тѣ грѣхи, которые человекъ еще только намѣревался совершить въ будущемъ.

Такъ то съ теченіемъ времени христіанскія церкви на землѣ утратили чрезъ суетныя человѣческія учрежденія и жемудрованія образъ и видъ своего Спасителя. Его цѣль и намѣренія, Его духъ и благодать, его слово и учрежденія! И въ такомъ-то извращеніи были и твои, возлюбленный народъ, вѣра и богопочтеніе, въ продолженія трехъ сотъ лѣтъ (отъ 1230 — 1530 г.) — и присемъ народъ ничего не зналъ о своей вѣрѣ, кромѣ нѣкоторыхъ вышшихъ обрядовъ и поклоненія иконамъ; потому что богослуженіе совершалось только на совершенно чуждомъ для насъ и нашего народа латинскомъ языкѣ. Библия не было, катихизиса и псаломниковъ (книгъ пѣснопѣнія) тоже; не было ни обученія дѣтей и чтенія, ни всего того хорошаго, что теперь у тебя есть! Откуда же все это ты имѣешь нынѣ? Кто истребилъ старое суевѣріе и суетное богопочтеніе? Кто возжегъ предъ народомъ ясный свѣтильникъ слова Господня? Кто доставилъ намъ наше правоверіе?

Это совершилъ Богъ за триста лѣтъ предъ симъ чрезъ вѣрнаго раба своего, учителя нашей вѣры Мартиня Лютера, которую онъ извелъ (hervorgehollt) изъ священнаго писанія. По этому мы и всѣ христіанскія церкви, принявшія его вѣру, въ Германіи, Давіи, Пруссіи, Швеціи и въ нашей странѣ называемся лютеранами или также общиною евангелической вѣры; а потому каждый годъ и празднуемъ праздникъ возстановленія правой вѣры.

Но не думай любезный другъ, что легко было возстановить правую вѣру по евангелію! И прежде Лютера многіе благочестивые мужи чувствовали, что вѣра христіанъ сдѣлалась ложною и Богопочтеніе извратилось, рѣшались и даже пытались сдѣлать это. Но темницы и оковы, мечъ и огонь, тяжкія муки и страшная смерть были имъ наградою за ихъ добрыя намѣренія и предпріятія. Ибо римскій первосвященникъ или папа не допускалъ этого, а каждый разъ возбуждалъ царей и царицъ умерщвлять тѣхъ мужей, которые захотѣли учить по священному писанію, а не по волѣ папы. Такъ окончался за сто лѣтъ до Лютера благочестивый учитель Гуссъ. Его за правоверіе и ученіе сожгли живаго въ городѣ Констанцѣ, гдѣ былъ собранъ верховный церковный и имперскій сеймъ. Но божескіе друзья Гуссы, просвѣщенные его ученіемъ, открыли войну за его смерть и за его добрую вѣру; и хотя ихъ много было истреблено, однакожь, осталось одно небольшое общество, изъ коего образовалось въ Германіи б р а т с т в о (genade liggend). Свѣтъ этого небольшого братства не распространился далеко, тѣма воцарилась и по прежнему покрывала всю землю и народы.

Тогда Богъ воздвигъ въ германскомъ городѣ Виттенбергѣ Лютера, — и оттуда высіялъ свѣтъ надъ многими странами и народами, который доселѣ намъ свѣтитъ и будетъ свѣтитъ, пока вы будете его держаться.

Самъ Лютеръ былъ уже наставникомъ и священникомъ, а Библия вовсе невидаль. Однажды онъ между множествомъ книгъ нашель ее на латинскомъ языкѣ, прикованную цѣпями къ стѣнѣ, дабы никто немогъ ее оттуда брать для чтенія. Здѣсь то Лютеръ читалъ Библию день и ночь, какъ скоро оставалось у него для сего время, отъ чистаго слова Божія у него отверзались духовныя очи. — и онъ обрѣлъ для своего сердца тотъ миръ и радость, кои исходятъ отъ правой вѣры во евангеліе и которыхъ онъ долготѣ различными способами вездѣ искалъ и не находилъ. Такимъ образомъ самъ Лютеръ первоначально былъ просвѣщенъ и въ правую единственную вѣру посвященъ и къ ней привлеченъ, — а потомъ уже для нея содѣлался великимъ божественнымъ органомъ.

19-го октября 1517 года Лютеръ началъ свое духовное дѣланіе. Онъ прибилъ къ дверямъ Виттенбергской церкви 95 вѣроисповѣдныхъ положеній для того, чтобы всякій прочелъ ихъ. Эти положенія направлены были противъ того, что въ тѣ дни очень много отпускалось грѣховъ за деньги, и противъ всѣхъ другихъ суевѣрій и лжеученій. 95 положеній произвели во всей странѣ великій страхъ, смущеніе и тревогу, — и римскій папа предалъ проклятію какъ эти положенія, такъ и самаго Лютера, и наставлялъ предъ императорами, чтобы этого смѣльчака схватить и уничтожить. Но вмѣстѣ съ тѣмъ изъ 95 тезисовъ возникло торжество и жизнь; потому что у многихъ королей и князей, у многихъ владѣльцевъ странъ и городовъ, у многихъ университетскихъ и церковныхъ наставниковъ и даже у народа открылись глаза и сердца, и они перешли на сторону Лютера и его праваго ученія.

Германскій императоръ Карлъ назначилъ въ 1521 году верховный имперскій сеймъ въ городѣ Вормсѣ и вызвалъ къ себѣ Лютера; враги Лютера присутствовали тамъ же и имѣли намѣреніе погубить его такъ же, какъ за сто лѣтъ предъ тѣмъ погубили благочестиваго Гусса, но Лютеръ далъ ясный отчетъ о своей вѣрѣ и ученіи, что оно все у него основывается на священномъ писаніи. И когда сеймъ все-таки хотѣлъ, чтобы Лютеръ отказался отъ всѣхъ своихъ мнѣній, то онъ наконецъ съ дерзновеніемъ вѣры отвѣтилъ императору, князьямъ и епископамъ. „Здѣсь я передъ вами иначе дѣйствовать не могу. Да поможетъ мнѣ Богъ! Аминь“

И Богъ ему помогъ. Обладатель той страны, благочестивый и мудрый курфирстъ Фридрихъ, возвратясь съ сейма, укрылъ Лютера отъ враговъ его и тайно помѣстилъ на жительство въ Вартбургскомъ главномъ замкѣ. Здѣсь-то Лютеръ перевелъ съ латинскаго и грече-

скаго языка на нѣмецкій сперва книги Новаго Завѣта, а потомъ и книги Ветхаго Завѣта и выпустилъ ихъ въ печать, и такимъ образомъ даровалъ народу слово Божіе сполна, чтобы всѣ люди сами могли знать о царствіи Божіемъ и распознавать — что есть свѣтъ и что — тьма. Съ этого времени во всѣхъ странахъ, принявшихъ Лютерово ученіе, стали переводить Библію на мѣстные народные языки. Вслѣдствіе этой-то реформы въры и нашъ народъ имѣть у себя слово Божіе. Это есть великое благо и милость! О народъ! держи, что у тебя есть! Твоя Библія говоритъ тебѣ о твоихъ обязанностяхъ, — и кто въ нее внимаетъ и останется при томъ, тотъ и теперь блаженъ будетъ въ дѣйствованіи (Іак. 1, 25)

Когда въ Германіи обнаружилось, что нельзя уже подавить Лютера и его ученіе насильемъ, какъ это прежде случалось съ истинною; то Лютеръ снова выступилъ изъ своего убожища, сталъ публично проповѣдывать, учредилъ чинъ нашего Богослуженія, отвергъ разные суевѣрные обряды, сочинилъ нѣснопѣнія и пѣнвы, торжественно и всенародно воспѣваемые и существующіе доселѣ въ нашемъ драгоценномъ псаломникѣ (*Psalmi cantus*).

Любезные астонцы! вашъ псаломникъ составляетъ великое богатство и драгоценное сокровище; поэтому держите что у васъ есть! Научайте и разумляйте другъ друга этими псалмами, хвалебными и духовными пѣснями! Пріятно воспѣвайте Господу въ сердцахъ вашихъ (Колос. 3, 16).

Точно такое же имѣть значеніе въ нашихъ церквахъ и катихизисъ, въ которомъ кратко изложены предметы нашего вѣроученія. Сей катихизисъ сочиненъ Лютеромъ для наученія дѣтей и народа, и по уставу церкви обязательенъ для всѣхъ учащихъ. И этотъ достолюбезный катихизисъ составляетъ также духовное сокровище, потому что изъ него и слабое дити и самый неразвитый человѣкъ могутъ ясно уразумѣть — какимъ образомъ можно спастись и кто спасаетъ. Поэтому держи, что у тебя есть, дабы кто не восхитилъ вѣнца твоего!

Германскій и римскій императоръ Карлъ V еще разъ созвалъ верховный государственный сеймъ въ городѣ Аугсбургѣ, на коемъ князья, владѣльцы странъ и городовъ и профессеры, принявшіе лютерову вѣру, должны были дать окончательное рѣшеніе о своей вѣрѣ. Этотъ сеймъ собрался въ 1530 году, — и 25-го іюня, въ присутствіи императора, всѣхъ князей и епископовъ, прочитаны были тѣ знаменитые вѣроисповѣдныя пункты, которые поясняютъ ученіе Лютера священнымъ писаніемъ и на комъ основываются и утверждаются всѣ общины лютеранскаго вѣроисповѣданія. Это такъ называемое аугсбургское исповѣданіе вѣры и въ на-

шей странѣ служить основаніемъ всему ученію и Богопочтенію; его утвердилъ также для насъ и Милостивый Монархъ нашъ и въ новомъ церковномъ уставѣ повелѣлъ во всѣхъ нашихъ церквахъ, школахъ, сочиненіяхъ и во всѣхъ духовныхъ дѣлахъ руководствоваться аугсбургскимъ исповѣданіемъ вѣры.

Но такъ какъ любезные есты мало знаютъ о знаменитомъ нашемъ аугсбургскомъ исповѣданіи вѣры, (хотя это уже двукратно печатано было на естонскомъ языкѣ, и все таки не у всѣхъ оно есть), то я хочу теперь кратко вамъ поименовать, что именно содержится въ каждой главѣ этого исповѣданія.

Главные въроисповѣдные пункты, назначенные къ изученію и исповѣданію для лютеранскихъ церквей.

Въ 1-мъ пунктѣ: о Богѣ исповѣдуются, что въ тріединномъ Богѣ три лица Отецъ, Сынъ и святой Духъ, — и сіи три едино суть; и осуждаетъ всѣ противныя сему пункту еретическія ученія.

Во 2-мъ пунктѣ: о наследственномъ (первородномъ) грѣхѣ, излагается, что, вслѣдствіе паденія Адама, всѣ люди рождаются со грѣхомъ безъ благоговѣнія и любви къ Богу, и со злыми склонностями, и что эта наследственная порча есть дѣйствительный грѣхъ и уготавливаетъ вѣчную погибель тѣмъ, которые не возраждаются крещеніемъ и Духомъ Свѣтымъ.

Въ 3-мъ пунктѣ: о Сынѣ Божіемъ исповѣдуются тоже самое, что сказано въ катихизисѣ, во второй главѣ, втораго наставленія: объ искупленіи Іисусомъ Христомъ, который есть истинный Богъ и истинный человѣкъ.

Въ 4-мъ пунктѣ: объ оправданіи говорится, что люди не могутъ оправдаться предъ Богомъ собственными силами, ни своими заслугами, ни дѣлами, но они оправдываются ради Іисуса Христа чрезъ вѣру, когда они вѣруютъ, что они пріемаются изъ милости и грѣхи имъ прощаются ради Христа, загладившаго грѣхи наши своею смертію. Эту вѣру Богъ вмѣняетъ намъ въ правду предъ Собою (Рим. 3 и 4).

Въ 5-мъ пунктѣ: о пастырскомъ служеніи говорится какъ о такой должности, которая проповѣдуетъ слово Божіе и Евангеліе и преподаетъ таинства. Чрезъ слово Божіе и таинства сообщается Духъ святой, дарующій вѣру

Этотъ пунктъ осуждаетъ анабаптистовъ и другихъ, признающихъ, что человѣкъ получаетъ Духа святаго безъ слушанія и чтенія слова Божія чрезъ собственное къ тому приготовленіе и дѣла.

Въ 6-мъ пунктѣ: о новомъ повиновеніи (*novi iohannini pacti*) *) говорится, что вѣра должна приносить плоды добрыхъ дѣлъ, какъ Богъ о семъ заповѣдалъ; но прощенія грѣховъ и правды предъ Богомъ никто не можетъ достигнуть дѣлами, а только вѣрою во Іисуса Христа. (Лук. 17, Рим. 3, 4).

★ Въ 7-мъ пунктѣ: о церкви говорится, что единая святая церковь или общество святыхъ, въ коемъ слово Божіе проповѣдуется въ чистотѣ и таинства преподаются правильно, всегда пребудетъ.

Въ 8-мъ пунктѣ. о томъ, что есть святая церковь? дается отвѣтъ: она есть правильная скинія, общеніе святыхъ или собраніе и сонмъ вѣрующихъ. И слово Божіе и таинства, вселѣствіе назначенія Христова, бываютъ дѣйствительны, хотя бы они совершались недостойными людьми.

Въ 9-мъ пунктѣ: о крещеніи говорится, что оно для спасенія необходимо, и что нужно крестить даже и младенцовъ, которые чрезъ крещеніе вступаютъ въ любовь Божію: этимъ пунктомъ также осуждаются анабаптисты.

Въ 10-мъ пунктѣ: о св. причащеніи, говорится, что въ еucharistіи истинно присутствуютъ и преподаются тѣло и кровь Христовы; симъ же пунктомъ осуждаются инаково учащіе.

Въ 11-мъ пунктѣ: объ исповѣди, говорится, что въ церквахъ должна быть исповѣдь и одиночная и общая, а равно и вознѣщеніе милости.

Въ 12-мъ пунктѣ: о покаяніи (обращеніи отъ грѣховъ) говорится, что при покаяніи необходимы два условія: сердечное сокрушеніе, или чувство страха по причинѣ грѣховности и вѣра, происходящая отъ евангелія, обнадеживающая, что грѣхи ради Христа, отпускаются. Въ слѣдъ за симъ должны явиться добрыя дѣла, потому что они составляютъ плодъ обращенія отъ грѣха.

Этотъ пунктъ также осуждаетъ анабаптистовъ, которые считаютъ это ложнымъ, равно и тѣхъ, кои учатъ, что грѣхи удовлетворяются добрыми дѣлами.

Въ 13-мъ пунктѣ: объ употребленіи таинствъ говорится, что при принятіи таинствъ нужна вѣра, надѣющаяся, что грѣхи прощаются. Сей же пунктъ осуждаетъ тѣхъ, кои учатъ, что таинства могутъ оправдывать, коль скоро совершенно будетъ вѣншнее дѣло.

Въ 14-мъ пунктѣ: объ учительствѣ говорится, что въ церкви не иной кто долженъ публично учить или препода-

*) Этотъ терминъ выражается у богослововъ на латинскомъ языкѣ такъ: *De nova obedientia seu bonis operibus tenentorum*. Иеронимъ. переводника.

давать таинства. какъ только законно и правильно въ эту должность призванный.

Въ 15-мъ пунктѣ: о церковной обрядности говорится, что тѣ обряды, кои не погрѣшительны и относятся къ успокоенію (табѣиѣ) христіанскаго общества, слѣдуетъ содержать, — и вмѣстѣ съ тѣмъ вразумляется, что нужно беречься отъ такихъ обрядовъ и учреждений, кои установлены людьми съ цѣлю заслуживать чрезъ нихъ милость Божію и удовлетворять за грѣхи. Такіе обряды негодны и противны евангелію и вѣроученію наприм., всѣ мятвенные обѣты (обѣ устранимости отъ брака) и всѣ человѣческія постановленія о постной пищѣ и различіи дней и проч.

Въ 16-мъ пунктѣ: о политическомъ управленіи говорится, что политическія учрежденія предъ очами Божіими составляютъ доброе дѣло и что позволено принимать на себя власть, творить судъ по царскимъ и другимъ законамъ, воевать за правду и быть воинемъ, торговать, по закону присягать, жениться и выходить замужъ и т. д. Этотъ же пунктъ осуждаетъ анабаптистовъ, воспрещающихъ христіанину дѣлать и употреблять все вышепоказанное. Христіане должны повиноваться своимъ начальникамъ, если только они не приказываютъ дѣлать что нибудь грѣшное. Въ семь послѣднемъ случаѣ христіане должны повиноваться больше слову Божію, чѣмъ слову человѣческому (Дѣян. 5.)

Въ 17-мъ пунктѣ: о второмъ Христовомъ пришествіи говорится, что Христосъ въ послѣдній день міра придетъ судить, и что онъ воскреситъ всѣхъ умершихъ и дастъ вѣрующимъ вѣчную жизнь и блаженство, а нечестивыхъ людей и дьяволовъ осудитъ на вѣки.

Въ 18-мъ пунктѣ: о свободномъ произволеніи говорится, что у человѣка безъ духа святаго нѣтъ силы угодить Богу и творить духовныя дѣла правды, — ни вѣровать въ Іисуса Христа, ни приближаться къ нему посредствомъ своихъ силъ и ума; ибо плотскій человѣкъ не разумѣетъ, яже суть Божія. Но у него есть та свобода, что онъ можетъ хотѣть или не хотѣть на землѣ воздѣлать поле, ѣсть и пить, посѣтить друга, надѣть одежду, взять жену, выучиться хорошему мастерству, поклоняться идоламъ, убить человѣка.

Въ 19-мъ пунктѣ о томъ: откуда произошелъ грѣхъ? говорится, что грѣхъ произошелъ отъ дьявола и отъ собственной развращенной человѣческой воли, какъ говорилъ Христосъ. (Іоан. 8, 44) когда говорить онъ ложь, тогда говорить онъ отъ себя.

20-й пунктъ о вѣрѣ и добрыхъ дѣлахъ. Этотъ важный догматъ о вѣрѣ, долженствующій быть въ церкви главнѣй-

нимъ, съюдавна такъ заброшенъ, что объ немъ прежде ни слова не было слышно въ догматикѣ. Наши противники не о чемъ иномъ трактовали, какъ о ребяческихъ бездѣлахъ, какъ то о различныхъ бесполезныхъ праздникахъ, постахъ, о монашествѣ, о бродяжничествѣ въ святымъ мѣстамъ, о почитаніи святыхъ, о священныхъ амузетахъ, о безбрачной жизни и о другомъ подобномъ. Наше вѣрованіе и ученіе состоитъ въ томъ, что наши дѣла не въ силахъ умилостивить Бога, ни заслужить отъ Него милость, прощеніе грѣховъ и оправданіе, но что все это достигается чрезъ вѣру при увѣренности, что мы приедемъ въ любовь ради Христа, который сдѣлался единственнымъ ходатаемъ и примирителемъ между нами и Богомъ. Смотри. Іоан. 16, 6 и Ефе. 2, 8 вы спасены даромъ чрезъ вѣру, — и это зависитъ не отъ насъ, и не отъ дѣлъ и проч.

Сверхъ сего наша вѣра поучаетъ, что хотя нужно творить добрыя дѣла, однакожъ, не съ тѣмъ, чтобы чрезъ нихъ заслуживать себѣ милость, а нужно творить ихъ потому, что на то есть воля Божія. Чрезъ вѣру мы получаемъ святаго духа, обновленіе сердца и ума и способность творить добрыя дѣла. Но «безъ Меня не можете дѣлать ничего», говоритъ Христосъ (Іоан. 15, 5).

Въ 21-мъ пунктѣ: о почитаніи святыхъ говорится, что почитать святыхъ мужей нужно для того, чтобы мы, на пути своего призванія, могли подражать ихъ вѣрѣ и добродѣтелямъ. Но священное писаніе не научаетъ призывать святыхъ и прибѣгать къ нимъ за помощью, но выставляетъ намъ Посрединкомъ, Спасителемъ, Первосвященникомъ и Ходатаемъ только Христа. Его слѣдуетъ призывать въ помощь. — и Онъ обѣщался слушать наши молитвы. (Іоан. 2).

Таковы суть главнѣйшіе пункты лютерова вѣроученія, — и на нихъ основана наша церковь. Кромѣ сихъ въ аугсбургскомъ исповѣданіи есть еще семь пунктовъ, въ коихъ перечисляются бесполезные обряды, безъ вѣрнаго основанія непримѣтно вкрашіеся въ церковь, которые теперь у насъ измѣнены. Но если ты, любезный народъ, удержишь въ памяти и вышележенные 21 пунктъ и примешь ихъ къ сердцу; то для тебя довольно уже будетъ извѣстно что есть у тебя и что ты долженъ держать, дабы кто не восхитилъ вѣнца твоего.

Не легко списано это для тебя духовное соовище и вѣнецъ, посему и ты не долженъ легкомысленно потратить его. Противники нашей вѣры цѣлыхъ сто лѣтъ нападали на это исповѣданіе и вели самую ожесточенную борьбу съ послѣдователями лютеранства, и прежде, чѣмъ замѣтили, что эту вѣру, называемую ими новою, нельзя уже

истребить, и прежде, чѣмъ оставили се въ покое, они многихъ благочестивыхъ и вѣрныхъ мужей предали смерти за ихъ правовѣріе. Лютеранство есть древняя, всегдашняя христіанская вѣра; оно во многихъ странахъ и долгое время только таилось подъ сѣтными человѣческими учрежденіями, и Лютеромъ лишь возобновлено и усвоено.

Любезный народъ! Такъ какъ это же самое правовѣрное ученіе содѣлалось, по милосердію Божію, и твоимъ достояніемъ и милостивый монархъ нашъ въ новомъ церковномъ уложеніи подтвердилъ эту вѣру и онъ насильно никого не принуждаетъ къ переходу въ другую чуждую вѣру; то — держи, что есть у тебя. — и что можешь спасти душу твою! «Вы уже не чужіе и не пришельцы, но сограждане святыхъ и домашніе Богу, утвержденные на основаніи апостоловъ и пророковъ, гдѣ самъ Іисусъ Христосъ — краеугольнымъ камнемъ, на которомъ выстроили все зданіе и растетъ бо святыи Божій храмъ, на которомъ и вы устроитесь въ жилище Божіе духомъ» (Ефе. 2, 19—22).

По этому не рѣшайтесь, изъ за земныхъ выгодъ или надеждъ или несбыточныхъ обѣщаній, утратить свой небесный вѣнецъ и насладіе, — не покидайте своей правой вѣры, не оставляйте своей церкви и не отрекайтесь отъ своего Іисуса. Но умолай Его непрестанно, христіанинъ, чтобы твоя древняя правая вѣра содѣлалась въ тебѣ новою и живою, чтобы она всегда оставалась при тебѣ и, подобно огненному и облачному столпу днемъ и ночью освѣщала твоихъ дѣтей и народъ твой (Исход. 13). Побѣждающаго сдѣлаю столпомъ въ храмѣ Бога моего, — и онъ оттуда уже не выйдетъ вонъ, и вѣншу на немъ имя Бога (Апокал. 3, 12). О страна, страна, страна! послушай слова Іеговы: удержи, что есть у тебя, дабы кто не восхитилъ вѣнца твоего! (Іерем. 22, 29. Апокал. 3, 11).

Молитвенная пѣснь объ утвержденіи вѣры.

Но пѣвай: Намъ помощь придетъ отъ Господа.

1.

Іисусе Христе! единый Помощникъ! помоги силою Духа Твоего удержаться моею вѣрою. Іисусе! поддержи мой драгоценный вѣнецъ, когда лукавый врагъ станетъ сильно искушать и обкрадывать меня!

2.

Моя сила ослабѣетъ, умъ обрѣдѣетъ и моя вѣра изнеможетъ, если Ты, Боже, не окажешь мнѣ помощи. Но если Ты меня просвѣтишь и вѣру утвердишь, о! тогда и я смогу навѣрное удержать свое правовѣріе.

3.

Вотъ нынѣ діаволъ наущенъ на бѣдный народъ мой. Конечно сему виною — мы сами, потому что мы или совсемъ презирали зовъ любви твоей или только вполсилу слушали его и спали вѣроубившимъ сномъ; теперь за то грозить намъ кара.

4.

Ты хочешь погасить для насъ свѣтъ слова Твоего и сдвинуть съ мѣста у насъ драгоценный свѣтильникъ Твой (Апок. 2. 5); и наше вѣрованіе, проповѣданіе и пѣснопѣніе, богослуженіе и чистое ученіе — все это хочешь удалить отъ насъ!

5.

По сему умоляемъ Тебя, Господи! окажи намъ новую милость! Мы теперь оплакиваемъ свое неразуміе и страшимся Твоей грозы. О, неспѣши насъ, но пожди еще мало; можетъ быть наше сердце исправится и принесетъ Тебѣ добрый плодъ!

6.

Твоя церковь, подклоняясь подъ (несмылаемый) крестъ Твой, Иисусе, все еще ищетъ въ священныхъ ранахъ Твоихъ помощи. Иисусе! Очисти насъ честною Твоею кровію и утверди въ насъ вѣру Духомъ Твоимъ Святымъ, — тогда мы останемся Твоими. Аминь.

ЛИВОНСКАЯ ХРОНИКА

въ которой разсказывается,

какъ была впервые открыта Ливонія и обращена въ христіанство;
кто были первые правители этой страны, начиная отъ перваго магистра
тевтонскаго ордена до послѣдняго, и о подвигахъ каждаго изъ нихъ;

о

НЕОБЫЧАЙНЫХЪ И ЧУДЕСНЫХЪ СОБЫТІЯХЪ,

совершавшихся въ странѣ во время перекрестныхъ ливонскихъ войнъ и послѣ того
времени до 1583 года.

Полезное и пріятное для чтенія.

Описано кратко и достоверно

ревелинцемъ

БАЛЬТАЗАРОМЪ РЮССОВЫМЪ.

Вторично со всѣмъ стараніемъ пересмотрѣно, исправлено, улучшено и
увеличено многими разсказами самимъ авторомъ.

1584.

Печатано въ Вартѣ, въ книжной типографіи, Андреемъ Лейтнеромъ.

Отъ переводчика.

Вторая часть лѣтописи Руссова заканчивается описаніемъ распадѣнія ливонскаго ордена, когда четыре сѣверныя державы: Россія, Польша, Швеція и Данія сошлись другъ съ другомъ въ Ливоніи; русскіе для того, чтобы пробиться къ гаванямъ на Балтійскомъ морѣ; поляки, чтобы не допустить усилившагося московскому государству на счетъ Ливоніи; шведы для того, чтобы быть подальше отъ соседства съ опасною Москвою; датчане для того, чтобы удержать за собою то, что такъ легко и такъ неожиданно досталось имъ.

Къ 1561 г. бывшее Дерптское епископство съ Феллиномъ и Нарвою, съ частью Іервена и Вирланда находилось во власти Іоанна; Швеція приобрѣла Гарріель, Ревель и половину Вирланда, герцогъ Магнусъ Голштинскій владѣлъ Эстонією, Эзелемъ и Пилтеномъ; бывшій орденскій магистръ Кетлеръ получилъ Курляндію и Семигалию и наконецъ король Сигизмундъ овладѣлъ южною Ливонією съ городами Ригею.

Каждая изъ этихъ державъ имѣла свои причины и свои важныя поводы утвердиться въ Ливоніи, такъ какъ эта небольшая сравнительно земля имѣла весьма важное значеніе въ торговомъ и политическомъ отношеніяхъ. Балтійское море съиздавна служило путемъ, соединявшимъ восточную Европу съ западною. Къ ливонскимъ гаванямъ съиздавна являлись купцы изъ Германіи, Польши, Литвы и Россіи съ произведеніями своихъ странъ: лѣсомъ, котораго много требовалось на постройки кораблей, разнаго рода хлѣбамъ, овсомъ, пряжею, конюшею, мѣхами. Въ замѣнъ этихъ товаровъ Швеція съиздавна присылала сюда желѣзо и сталь; изъ Англіи, Нидерландовъ, Франціи и Испаніи прибывали къ ливонскимъ пристанямъ корабли съ сукномъ, холстомъ, металлическими издѣліями и всякаго рода продуктами южныхъ странъ.

Извѣстно, что сильное торговое движеніе по Балтійскому морю вызвало къ жизни въ половинѣ XIII столѣтія извѣстный ганзейскій союзъ, имѣвшій цѣлю защиту и охрану балтійской торговли. Въ союзъ этотъ, заключавшій въ себѣ многіе города, начиная отъ Брюгге и Антверпена до Новгорода, не замедлили вступить ливонскіе и прусскіе города. Общимъ сборнымъ пунктомъ всего союза была первоначально городъ Висби на островѣ Готландѣ.

Первое мѣсто въ ганзейскомъ союзѣ занималъ Любекъ, основанный знаменитымъ гвельфомъ Генрихомъ Льюкомъ. Значеніе и важность этого города въ особенности увеличилось послѣ побѣды, одержанной надъ Вольдемаромъ III, когда Зундскій проливъ явился во власти ливонцевъ. Съ этого

времени „*dominium maris Baltici*“ и явилось въ рукахъ любчанъ. Но къ концу XIV столѣтія замѣчается уже перемѣна въ балтійскихъ отношеніяхъ. Сѣверныя государства и сѣверные города начинаютъ тяготѣть переѣздомъ Любека, — начинаютъ раздаваться требованія о *liberum mare*. Голландцы первые начали стремиться сбросить съ себя тягостное посредничество Любека въ торговлѣ съ восточными странами. Стремленія ихъ поддерживаютъ бургундскіе герцоги Филиппъ Добрый и Карлъ Смѣлый; Рига, Ревель и Дерпт начинаютъ тоже требовать свободнаго перехода чрезъ Зундтъ. Любекъ долго не уступалъ, долго боролся, но въ 1535 г. вынужденъ былъ заключить крайне невыгодный для себя миръ со своими непріятелями. Съ этого времени начинается упадокъ Любека и упадокъ всего ганзейскаго союза.

Знаменитый нѣкогда союзъ начинаетъ терять свое значеніе: турки, овладѣвъ Византійскою имперіею, двинулись на западъ и отрѣзали старинные торговые пути; Колумбъ и Васко-де-Гама открыли новые морскіе пути въ Америку и Восточную Индію и тѣмъ самымъ способствовали тому, что главное торговое движеніе съ береговъ Средиземнаго моря переходитъ на побережья Океана. — а такой переходъ не замедлитъ повліять самымъ рѣшительнымъ образомъ на балтійскія отношенія.

Правда, что съ паденіемъ Византіи и съ открытіемъ Америки и морскаго пути въ Восточную Индію русская торговля начинаетъ принимать исключительно западное направленіе, правда и то, что литовская торговля, принявшая было большое развитіе по черноморскимъ побережьямъ, вслѣдствіе сказанныхъ двухъ событій, направляется тоже къ Балтійскому морю, порты котораго начинаютъ наполняться товарами Индіи и Америки, тѣмъ не менѣе торговые обороты Балтійскихъ портовъ, сравнительно со средне-нѣсковыми оборотами, начинаютъ падать, — за то выступаетъ вопросъ другого рода, уже чисто политическій: кому владѣть вслѣдствіемъ Любека и ганзы, кто возьметъ въ свои руки „*dominium maris Baltici*“? А такое *dominium* (господство) является уже не торговымъ, а политическимъ и притомъ первостепенной государственной важности вопросомъ какъ для Россіи и Польши, такъ и для Швеціи и Даніи.

Важнѣйшія рѣки земель Рѣчи Посполитой польскою (Висла, Неманъ) впадаютъ въ Балтійское море, — слѣд. польскіе государственные люди не могли не обращать вниманія на Балтійскія побережья, отлично сознавая, что торговое и политическое развитіе Польши зависитъ отъ овладѣнія именно этимъ побережьемъ. Мысль о такомъ овладѣніи не покидала польскихъ королей съ давнихъ временъ. Пржемыславъ — покидаетъ Краковъ, чтобы завоевать Поморье, Локетекъ ведетъ упорную войну съ крестоносцами изъ за Поморья и, умирая, завѣщаетъ сыну возвратити Польшѣ берега моря Балтійскаго, наѣвную захваченные крѣпостями. — Поляки роняютъ на Казимира за несполненіе отцовской воли, коронятъ Людоніку и Ягайлѣ ставятъ условіемъ возвращеніе отпавшихъ земель, а Казимиръ Ягайловичъ ведетъ долготѣльную войну и во второмъ Торнскомъ мирномъ договорѣ выговариваетъ себѣ и цорѣ свободный владѣль надъ моремъ. Оба Сигизмунда не покидаютъ старой политики, — обращая больше вниманія на то, чтобы „*dominium maris Baltici*“ какъ нибудь да не попало въ руки сосѣдей, къ явному вреду Польшѣ.

Но вотъ ливонскій орденъ пошатнулся, паденіе Ливоніи неизбежно. Какъ упустить случай овладѣть этою страной? Ни въ одной части нашего государства, говорили тогдашніе полки, нѣтъ такого количества городовъ, крѣпостей и замковъ какъ въ Пруссіи; но Ливонія богатствомъ крѣпкихъ мѣстъ превосходитъ Пруссію, или, по крайней уже мѣрѣ, равняется ей. Государство же Польское особенно нуждается въ укрѣпленныхъ мѣстахъ,

потому что съ сѣвера и востока окружено дикими ливонскими народами. Ливонія знаменита своимъ привычнымъ положеніемъ, обиліемъ гаваней: если эта страна будетъ принадлежать королю, то ему будетъ принадлежать и владычество надъ моремъ (*dominium maris Baltici*). О пользѣ имѣть гавань въ государствѣ засвидѣтельствуютъ все знатныя фамиліи въ Польшѣ: необыкновенно увеличилось благосостояніе частныхъ людей съ тѣхъ поръ, какъ королевство получило во владѣніе прусскія гавани, и теперь народъ нашъ не многимъ европейскимъ народамъ уступить въ роскоши относительно одежды и украшеній, въ обиліи золота и серебра: обогатится и казна королевская вниманіемъ податей торговыхъ. Кромѣ этого, увеличится могущество, силы королевства чрезъ присоединеніе такой обширной страны! Какъ легко будетъ тогда управляться съ Москвою, какъ легко будетъ сдерживать непріятеля, если у короля будетъ столько крѣпостей!»

Поляки разсуждали вѣрно, но не менѣе вѣрно разсуждали и въ московскомъ государствѣ о своихъ собственныхъ государственныхъ нуждахъ и потребностяхъ. Безъ своихъ гаваней на Балтійскомъ морѣ нечего было и думать московскому государствѣ о дѣлательной торговлѣ съ западною Европою, нечего было и думать объ усвоеніи плодовъ европейской гражданственности, а безъ такого усвоенія было не мыслимо обезопасить государство отъ магюганскихъ хищниковъ, не мыслимо и возвернуть государствѣ ея старинныя вѣтчины... Вотъ причина, почему Іоаннъ Грозный, какъ скоро успокоилъ свои восточныя границы взятіемъ Казани, обратилъ свое вниманіе на западъ, къ Ливоніи: вотъ причина, почему Петръ Великій съ такимъ уваженіемъ отзывался о политикѣ Іоанна Грознаго и его усиліяхъ пробиться къ Балтійскому морю. Политика эта и усилія вышались явнымъ пониманіемъ интересовъ московскаго государства.

Но допустить московскаго государя до овладѣнія Балтійскимъ моремъ для Польши значило-бы подписать свое собственное паденіе, потому что овладѣвъ московскій государь Ливоніею, то развѣ онъ оставитъ въ покоѣ свою коренную отчину: Русь, а вмѣстѣ съ Русью и всю Литву? Не даромъ московскій государь ищетъ себя государемъ всемъ Руси, не скрывая, что ни за что не заключитъ вѣчнаго мира съ Польшею. «За королемъ наша вотчина извѣстная. Кіевъ, Волынская земля, Полоцкъ, Витебскъ и многіе другіе города русскіе; а Гомель отецъ его взялъ у насъ во время нашего малолѣтства: такъ пригоже-ли съ королемъ теперь вѣчный миръ заключить?» говорилъ Іоаннъ, когда въ январѣ 1549 г. пріѣхали въ Москву литовскіе великіе послы: Станиславъ Кишка, воевода витебскій, и Никъ Камаевскій, маршалокъ. Если теперь заключить миръ вѣчный, то впередъ уже чрезъ крестное цѣлованіе своихъ вотчинъ искать нельзя, потому что крестнаго цѣлованія тогда нарушить не можешь. И присоворилъ Государь съ боярами вѣчнаго мира съ королемъ не заключать для того, чтобы можно было доставать своихъ старинныхъ вотчинъ, а взять съ королемъ перемирие на время, чтобы дать людямъ отдохнуть и съ ними недругами управиться (См. Соловьева VI, стр. 156).

Поляки очень хорошо знали, что миру съ Москвою не бывать, ибо кому нибудь одному надобно быть государемъ всея Руси, но если миру не бывать, то какъ допустить, чтобы московскій государь усилился овладѣніемъ Ливоніи, если эта страна, знаменитая своими гаванями, городами и крѣпостями, перейдетъ къ опасному сосѣду. Или надобно вести войну, говорили поляки, противъ Москвы съ постоянствомъ, всеми силами, или заключить честный и выгодный миръ: но условія мира никогда не будутъ ни честными,

ни выгодными, если Москва добудетъ Ливонію. Мы должны непременно выгнать москвитянъ изъ Ливоніи, а выгнать, съ какой-же стати не взять Ливоніи себѣ, какъ награду за побѣду?

Для Швеціи обладаніе Ливоніею имѣло также важное значеніе. Шведское государство было не богато хлѣбомъ, оно получало хлѣбъ изъ западной Ливоніи въ шведскія руки, вся торговля постова съ западомъ явилась бы въ шведскихъ же рукахъ, а превосходныя ливонскія гавани дали бы возможность увеличить шведскій военный флотъ, безъ котораго *dominium maris Baltici* было недостижимо. Съ присоединеніемъ Ливоніи Швеція выигрывала еще и то, что опасное соѣдство Москвы отдалось бы. Шведы очень хорошо понимали выгоды владѣнія Ливоніею и потому всячески противодействовали — политикъ Сигизмунда I и Сигизмунда Августа, чтобы Польша не присоединила Ливоніи къ своимъ прусскимъ владѣніямъ и такимъ образомъ не овладѣла бы Балтійскимъ побережьемъ отъ Гданска до Нарвы. Потому-то Швеція и признала необходимымъ предупредить Польшу и утвердиться въ Ливоніи.

Можно было предвидѣть, что Данія ни въ какомъ случаѣ не согласится на то, чтобы Ливонія досталась шведамъ. Если это государство, не разъ уже протягивавшее руку за *dominium maris Baltici*, видѣло свое выгодное положеніе въ подавленіи ганзы, то, конечно, не могло допустить своему опасному сопернику занять край, составлявшій основу морскаго господства.

Вопросъ о Ливоніи, поставленный на такія точки зрѣнія могъ, конечно, рѣшиться только оружіемъ. Іоаннъ Грозный рѣшился во что бы то ни стало пробиться къ Балтійскому морю; поляки рѣшились не только не допустить москвитянъ до этого, но и совершенно вытѣснить изъ Ливоніи, рѣшились также изгнать шведовъ, могущество которыхъ было опасно для Польши. Шведы съ своей стороны рѣшились не только отстоять Ревель, но и вытѣснить изъ Ливоніи русскихъ и поляковъ.

Все предвѣщало долгую и упорную войну. Она не замедлила. Описанію этой войны, въ особенности событій въ Эстоніи и посвящена 3-я часть лѣтописи Руссова, содержаніе которой слѣдующее:

ЛИВОНСКОЙ ХРОНИКИ РЮССОВА

Часть III-я

*отъ сдачи Ревеля шведамъ въ 1561 г. до большаго похода Иоанна Грознаго
въ Ливонію въ 1577 году.*

СОДЕРЖАНІЕ. Какъ городъ Ревель сданъ шведамъ. Кто сдѣлалъ врагомъ короля Эрика изъ за Ливоніи. Переговоры калякось съ Ригою. Морское повѣтріе въ Ревелѣ. Надѣсь сдѣланы шведамъ. Какъ король Эрикъ разграбилъ любчанъ. Черномъ и Витенштейнъ сдѣланы шведамъ. Посѣщеніе Ревеля герцогомъ финляндскимъ Иоанномъ и герцогомъ мекленбургскимъ Христофоромъ. Полныя торглетъ Нюмоу. Войны шведовъ, лѣтъ герцога Иоанна. Лѣтъ герцога Христофора. Какъ сдѣланы шведамъ Барсъ и Галсаль. Какъ толпы вторглись въ Эстонію. Какъ русскіе мширо прошли чрезъ Эстонію. Судьба Леали, сраженіе у Перновъ. Вѣтъ любекскихъ кораблей. Графа фонъ Арга. Люде покоряется шведамъ. О сѣлѣхъ четверги эстовъ. Маршграфъ Христофоръ Баденскій въ Ревелѣ. Какъ гофмейстеръ внезапно напалъ на Перновъ. Война перновскихъ гофмейстеровъ со шведами; сѣлѣхъ подвизъ Гнриха Дюера; смерть Каспара Ольденборена. Гофмейстеръ Новакель въ Ревелѣ. Несчастіе ямцевъ въ Дерптѣ и Витенштейнѣ. Счастіе противъ гофмейстеровъ. Шведы предъ Перновомъ и на Эзелѣ; козлы въ Влѣкѣ. Чума въ Ревелѣ. Шведы берутъ Леали, ихъ пораженіе у Рунафора. Ходящій предъ Ригою. Убитіи, изверженіи королей Эрика. Судноходство элмокъ. Шведы приобретаютъ Везенбургъ. Ниможеніе короля Эрика. Давытѣлѣная война между шведами, перновцами и русскими. Новый губернаторъ въ Ревелѣ. Причанинъ шведовъ Эрика. Какъ Іоаннъ Думе и Омеръ Крузе переговаривали съ ревельцами. Предложеніи Думе и Крузе. Огнѣтъ ревельскихъ пословъ. Заключеніе перовскихъ переговоровъ. Последніе переговоры. Датскіе и любекскіе военные корабли обстрѣлываютъ Ревель. Коронованіе Іоанна III; избѣженіе Эрика. Какъ Магнусъ Курскъ напалъ на ревельскій замокъ. Какъ Курскъ въ союзѣ съ герцогомъ Магнусомъ. Писемъ дерптцевъ въ Ревель. Іоаннъ Грозный. Герцогъ Магнусъ дѣлается ливонскимъ королемъ. Какъ шведы снова овладѣли ревельскимъ замкомъ. Леаль покоряется шведамъ. Данцисскіе корсары; лѣтъ русскіхъ и нѣмцевъ до Ревеля. Краткое описаніе первой московской осады города Ревеля, въ коей герцогъ Магнусъ былъ главнѣйшымъ военачальникомъ. Отступленіе герцога Магнуса въ ревельцамъ. Какъ русскіе поспѣли Соловецкѣ. Король Магнусъ и русскіе. Давытѣлѣный ходъ осады Ревеля русскими. Селѣтъ осады Риги и Витенштейна. Последніи попытки противъ Ревеля. Что вынесъ Гаррленъ. Несчастный походъ эреланъ на ружевскихъ. Татарскъ скинелъ Москву. Императорскій посолъ въ Ливонію. Давытѣлѣная война съ гофмейстерами. Чума въ Ревелѣ. Неудачное возстаніе Рогина въ Дерптѣ. Магнусъ возвращается на Эзелѣ. Тщетныя надежды ливонцевъ. Давытѣлѣная исторія Думе и Крузе. Русскіи вербовки. Какъ Магнусъ снова отдается русскимъ. Новые предпріятія шведовъ. Какъ Витенштейнъ попалъ въ руки русскіхъ. Русскіе берутъ Шенгофъ, шведы отступаютъ. Русскіе берутъ Барсъ; побѣда шведовъ у Люде. Бракосочетаніе Магнуса. Суровая зима. Холмичаніе голландцевъ. Шведскіе гофмейстеры. Шотландцы калыпинцы. Набѣлъ шведовъ и шотландцевъ; тщетныя осады Везенберга и Тальберга. Несчастіе шотландцевъ предъ Везенбергомъ. Концы осады Везенберга. Почему русскіе хороши въ крепостяхъ. Відѣтвіе въ Гаррленъ въ Ревель. Ревельскій рынокъ сидѣ. Предпріятія гофмейстеровъ; взятіе ливон-

своихъ кораблей. Дальнѣйшая исторія гофмейстеръ. Несчастіе ихъ. Несчастіе шведовъ подъ Нарвою. Шведско-датскіе переговоры въ Нависѣ. Споры шведовъ съ гофмейстерами. Рижане стараются присоединить Ревель къ Польсѣ. Гофмейстеры продаютъ Вики датчанамъ; вторженіе русскихъ. Русскіе у Ревеля. Дальнѣйшій походъ русскихъ. Предложеніе герцога Магнуса Ревелю. Споры о Салтѣ. Череморіе съ Финляндією. Русскіе посли и пожаръ въ Арсенбургѣ. Какъ расплатились съ гофмейстерами. Русскіе берутъ Перновъ. По чему датчане не похотѣли. Послѣдствія паденія Пернова. Зоненбургъ снова берутъ датчане. Переговоры ревельцевъ и датчанъ въ Нависѣ. Ревель ищетъ иностранной помощи. Русскіе берутъ Рюгенъ. Русскіе въ Гамбургѣ, Вики и на Эзель. Какъ шведы потеряли Нависъ. Несчастіе шведовъ подъ Нависомъ. Бой съ русскими подъ Ревелемъ. Пабъги; печальная смерть госпожи фонъ Риппелъ. Планъ Максимилиана II. Какъ русскіе заманивали ревельцевъ. Русскіе подъ Ревелемъ. Шведы подъ Ригой. Сраженіе ревельцевъ съ русскими; дѣйствія крестьянъ. Обѣ Амботенъ. Глубокій сѣкъ. Герцогъ Магнусъ беретъ Лемвалъ. Бури. Краткое описаніе событій во время второй осады Ревеля русскими. Чума въ Ревелѣ. Походы противъ русскихъ. Герцогъ Маг усъ и Христианъ Шрепферъ. Вторженіе Іоанна въ Ливонію. Подписъ и бѣдствія въ Венденѣ. Дальнѣйшее хозяйствованіе Іоанна въ Ливоніи. Предпріятіи шведовъ и ревельцевъ. Походы русскихъ къ Ревелю. О кометѣ. Большой походъ Іоанна на Ливонію. Еще надежда. Препятствія паденію Ливоніи.

1. Какъ городъ Ревель сдался шведамъ въ 1561 г.

А Когда такимъ образомъ провинція Ливонія находилась въ большой нуждѣ и опасности, и московиты послѣ завоеванія многихъ городовъ и замковъ все еще свирѣпствовали въ странѣ, въ особенности же въ Гарригенѣ и у города Ревеля, когда знатнѣйшіе сановники, орденскія власти и правители страны частью разбѣжались, частью были уведены въ плѣнъ въ Москву и истреблены; когда у магистра ливонскаго и у другихъ оставшихся въ ничтожномъ числѣ орденскихъ сановниковъ не было никакого средства привести въ порядокъ раззоренныя земли, къ тому же не малый страхъ наведенъ былъ на остальные земли и города тѣмъ, что старый магистръ Вильгельмъ фонъ Ферстенбергъ былъ взятъ въ плѣнъ московитомъ и отосланъ въ Москву изъ замка Феллина, безо всякой помощи и выручки со стороны его преемника и настоящаго магистра, чего не случалось до сихъ поръ ни съ однимъ ливонскимъ магистромъ съ существованія ордена, поэтому подданные тѣмъ менѣе могли надѣяться на помощь и утѣшеніе въ нуждѣ и притѣсненіяхъ; когда наконецъ самъ магистръ отдался подъ защиту польской короны отъ московита и сдѣлался свѣтскимъ княземъ, каковымъ поступкомъ совершенно уничтожался въ Ливоніи санъ магистра тевтонскаго ордена, которому единственно до сихъ поръ были подчинены и обязаны клятвой всѣ орденскіе города и селовія, тогда и ревельцы, по причинѣ большой опасности, которой подвергались ежедневно, принуждены были съ другими землями и городами также заботиться о своемъ благѣ, искать защиты отъ московита и обратиться къ другому государству. А такъ какъ король польскій находился далеко отъ города Ревеля, и ревельцы никогда не получали никакого кормленія (выгодъ) отъ королевства Польскаго или отъ Литвы, какъ получала Рига, да и не могли полу-

чать, потому они и рѣшились отдаться королю шведскому, который былъ къ нимъ ближе и подручнѣе.

Но передъ тѣмъ магистратъ и община Ревеля судили и рѣшили о сдачѣ и послѣ долговременнаго раздумья рѣшили не отвергать милостивой отъ Бога подаваемой защиты короля шведскаго. Ревельскій магистратъ совѣщался также съ рыцарствомъ Гарригена и Вярландца (земскіи, вассалами), которыхъ тогда много собралось въ Ревель, и прочиталъ упомянутымъ рыцарямъ милостивое королевское обнадѣживание (см. Приб. Сб. II, стр. 397, 86), чему тѣ были очень рады и сказали, что они не могутъ и не хотятъ отдѣляться отъ города Ревеля: къ кому перейти городъ, къ тому и они перейдутъ. И такъ всѣ единодушно согласились перейти къ шведамъ. Послѣ такого единодушнаго рѣшенія они отравили пословъ, а именно Рейнгольта Лоде отъ рыцарства и Іоанна Винтера, члена магистрата, со стороны бюргеровъ къ бывшему ливонскому магистру въ Митаву, въ Курляндію, требовать разрѣшенія отъ присяги, данной магистру ливонскому. Посольство это не могло быть особенно пріятнымъ Кетлеру. Но какъ требованіе ревельцевъ было сдѣлано не изъ легкомыслія, но по настоятельной и неминуемой нуждѣ, потому бывший магистръ не могъ гнѣваться. Онъ милостиво отпустилъ упомянутое посольство, но послалъ въ Ревель своихъ пословъ, а именно: господина Дона, Іоанна Фишера, канцлера, Іозокума Клодта, бывшаго синдика ревельскаго, чтобы помѣщать присягать ревельцамъ, не присягавшимъ еще королю шведскому. Потому что бывший магистръ охотнѣе передалъ бы городъ Ревель королю польскому, чѣмъ королю шведскому.

Въ тоже время и герцогъ Магнусъ Гольштейнскій по поводу слуховъ, дошедшихъ до него, будто ревельцы хотятъ отказаться отъ магистра и передаться коронѣ шведской, писалъ ревельцамъ. Онъ напоминалъ, чтобы ревельцы взяли во вниманіе то, отъ кого начался городъ и старая привиллегія, а начался отъ датской короны, къ которой ревельцами и слѣдуетъ теперь обратиться. Въ случаѣ же они этого не сдѣлаютъ, то сами могутъ разсудить, что изъ этого произойдетъ. Несмотря на такое напоминаніе, ревельцы все-таки привели въ исполненіе свое намѣреніе. Когда же послы магистра прибыли въ городъ Ревель и замѣтили, что ревельцы почти всѣ уже перешли на сторону шведовъ, то имъ это очень не понравилось. Ревельцы же, кромѣ господина фонъ Дона, не пригласили въ ратушу ни одного посла. Донъ не хотѣлъ распространяться о своемъ дѣлѣ, но довольно ясно выказалъ свое неудовольствіе на то, что городъ Ревель переходитъ къ шведамъ, а не къ полякамъ. Когда послы всѣ убѣдились въ нерасположеніи къ нимъ Ревеля, то долѣе не медлили, и скоро уѣхали во свои.

Въ тоже время въ Ревель прибыли изъ Швеціи королевскіе послы, а именно: господина Клауса Христіернзена, Ганса Ларсена и

Германъ Брюсверъ, секретарь, у нихъ была королевская инструкція, одинаковаго содержанія съ прежнею грамотою. Они, какъ уполномоченные комиссары короля, должны были по этой инструкціи вести переговоры съ ревелъцами касательно всѣхъ предметовъ, обѣщать или защиту отъ всякаго, и наконецъ, принять присягу отъ дворянъ, равно какъ и отъ всего города. Все это было, наконецъ, исполнено послѣ многократнаго обдумыванія и удержанія всѣхъ правъ и привилегій.

Когда рыцарство и городъ стали шведскими, то замокъ Ревель, въ которомъ наѣстникомъ (комендантомъ) былъ Каспаръ фонъ Ольденбоксмъ, не хотѣлъ подчиняться шведамъ, желая оставаться при старомъ правленіи, почему Клаузе Христіерсенъ былъ вынужденъ напасть на этотъ замокъ силой. Онъ обстрѣлывалъ и страдалъ этотъ замокъ цѣлыхъ шесть недѣль осадными пушками (картаунами и пилангами) и не могъ ничего ему подѣлать, но замокъ, наконецъ, все-таки сдался изъ недостатку провіанта въ день Іоанна Крестителя въ 1561 г. Когда же и городъ и замокъ Ревель перешли къ шведамъ, то господа Ревеля, а именно: Іоаннъ Пенерзакъ, бургомистръ, Іоаннъ Шмидеманъ и Іохимъ Белльгольдъ, ратсгеры, поѣхали въ Швецію, чтобы получить отъ короля утвержденіе привилегій и правъ города Ревеля, о которыхъ велись передъ тѣмъ переговоры съ комиссарами, касательно всѣхъ нуждъ. Такъ какъ они прибыли въ Стокгольмъ какъ разъ во время коронаціи короля и передали ему свою просьбу, то получили отъ него утвержденіе со всѣми добрыми обѣщаніями. Когда король Эрикъ сталъ господиномъ Ревеля, то, по своему королевскому обѣщанію, подарилъ городу Ревелю значительную сумму денегъ и заплатилъ также 30,000 талеровъ, которые ревелъцы взяли у магистра подъ замокъ Регельскаго двора, сумму, которую они врядъ ли были бы въ состояніи внести сами или уплата которой была бы или очень чувствительна. Король прислалъ также городу Ревелю разный провіантъ изъ всѣхъ мѣстъ королевства шведскаго. Тогда въ Ревелѣ въ изобиліи и дешево можно было получить всякіе жизненные припасы и провіантъ, не было недостатка въ орудіяхъ, порохѣ и различныхъ военныхъ снарядахъ; все это король въ изобиліи прислалъ въ ревелскій замокъ какъ для употребленія въ замкѣ, такъ и въ городѣ. Тогда въ Ревелѣ было великое ликованіе по поводу новаго короля и хорошаго кормленія, и судя по человѣчески, ревелъцы не могли получить ничего лучшаго. Но такъ какъ всякія перемѣны опасны, то и эта была не безопасна и послѣ великой радости наступило великое горе. Потому что милостивѣйшій король Эрикъ вмѣстѣ съ королевствомъ шведскимъ изъ за принятой части Ливоніи подвергся большому, продолжительному войнамъ не только съ московитомъ, но и съ другими христіанскими государями, такъ что яв разъ его наслѣдственныя земли платились за Ливонію, какъ то будетъ разсказано ниже.

Прих. перевод. Шведскій король Густавъ Ваза умеръ 20-го сентября 1560 г., оставивъ четырехъ сыновей: старшій Эрикъ получалъ королевское достоинство, трое остальныхъ герцогства: Иоаннъ финляндское, Магнусъ остеръ-готландское и Карлъ эдерманландское.

Эрикъ XIV вступилъ на шведскій престолъ на 27 году отъ роду. Онъ былъ красивъ собою, получилъ разностороннее образование, и былъ вообще человекъ способный, но въѣсть съ тѣмъ онъ былъ человекъ подозрительный и раздражительный до того, что Густавъ Ваза въ которое время сомнѣвался: предоставлять ли ему королевское достоинство или нѣтъ. Онъ недовѣрялъ своимъ братьямъ, недовѣрялъ и вельможамъ. «Покойный батюшка, сказалъ однажды Эрикъ своему любимцу Персону, поставилъ меня въ тяжелое положеніе, раздавши герцогства братьямъ». «Покойный король, возразилъ Персонъ, изыскался тѣмъ, что было бы гораздо хуже, еслибъ наши братья были менѣе могущественны, чѣмъ вельможи; усобицу между королемъ и могущественными братьями предпочелъ онъ изытїю королевскаго дома изъ государства и возвращенїю чуждаго владычества; онъ хорошо знаетъ, что случатъ усобицы между братьями Швеція все останется за его родомъ, и будетъ отнята у него, если власть вельможъ усилится, чему стоящій надъ ними могущественный герцогъ легко можетъ воспрепятствовать».

Осторожный Густавъ Ваза не желалъ ввязываться въ ливонскіе дѣла, не желалъ войнъ съ Москвою. Не такъ думалъ его преемникъ. Эрикъ XIV, питая планъ сдѣлать Швецію владычицею Балтійскаго моря и первую державою на сѣверѣ, съ радостію ухватился за случай получить Эстонию и принять Ревель въ свое подданство.

Шведское посольство прибыло въ Ревель 4-го іюня 1561 г. 6-го іюня Ревель присягнулъ Эрику Клаусъ Христіерсенъ Горнъ, бывшій въ чинѣ лейб-дѣла, получилъ начальство надъ шведскими войсками и былъ первымъ губернаторомъ Эстоніи. Король Эрикъ принялъ титулы: «господина ливонской марки и Ревеля». Съ 1561 г. ливеди укрѣпились въ Ревелѣ, и съ этого года собственно и начинается война, длившаяся для нихъ цѣлыхъ 100 лѣтъ.

2. Кто сдѣлался врагомъ королю Эрику изъ за Ливоніи.

Когда въ Ревелѣ была великая радость и дворяне и не дворяне въ большомъ количествѣ отправились къ королю и жаловались ему на убытки, причиненные московитомъ, то король, по своей королевской добротѣ, щедро награждалъ ихъ помѣстьями и деньгами и достаточно удовлетворилъ ихъ за всѣ потери. Въ тому же король не мало заботился о томъ, чтобы доставить миръ городу Ревелю и многимъ другимъ мѣстностямъ. Поэтому онъ съ большими издержками посылалъ пословъ къ московиту, чтобы переговорить съ нимъ о мирѣ. Желаніе короля было таково, чтобы московитъ сохранилъ впредь долговременный миръ, заключенный его отцомъ Густавомъ, и соблюдалъ его также по отношенію ревельцевъ и другихъ, ставшихъ подъ королевскую защиту. Но московитъ не согласился на это, а ужасно разсердился на короля Эрика, за то что онъ хотѣлъ ввести новыя условія, не упомянутыя его отцемъ, и что онъ осмѣлился присвоить себѣ нѣсколько мѣстъ въ Ливоніи, которыми овладѣлъ онъ, московитъ, а вообще за то, что онъ

виѣшался въ это дѣло. Наконецъ, однако, съ большимъ трудомъ добились до перемирія на два года.

Но какъ въ послѣдствіи достаточно показалъ опытъ, это упомянутое перемиріе какъ королевству шведскому, такъ и Ливоніи было болѣе вредно, чѣмъ выгодно. московиту же принесло большую пользу. Потому что въ это перемиріе московитъ по большей части совершенно спокойно отстроилъ и укрѣпилъ отъ нападенія города и замки, завоеванные въ Ливоніи. А такъ какъ ему приходилось теперь имѣть дѣло съ могущественнымъ королемъ (польскимъ) гораздо болѣе страшнымъ, чѣмъ ливонскій магистръ, то ему было какъ нельзя болѣе съ руки заключить перемиріе, чтобы тѣмъ лучше, по своему вкусу отстроить и укрѣпить замки въ Ливоніи.

Несмотря на то, что два года было перемиріе, король Эрикъ по истеченіи двухъ лѣтъ всетаки долженъ былъ опасаться сильной войны съ московитомъ, въ которой наследственныя королевскія земли въ Финляндіи подвергались немалой опасности изъ за Ливоніи. А такъ какъ у короля шведскаго въ то время былъ въ Ливоніи только единственный городъ Ревель, то во время перемирія онъ добивался многихъ земель, городовъ и замковъ въ Ливоніи и посягалъ на земли и замки короля польскаго и бывшаго магистра, изъ за чего возникла открытая война между Швеціей и Польшей и магистромъ къ еще большому вреду и гибели бѣдной угнетенной Ливоніи. А пока упомянутые государи воевали между собой, московитъ держался въ сторонѣ и позволялъ обоимъ королямъ тягаться между собой изъ за ливонскихъ замковъ; ему было все равно, достанутся ли они шведу или поляку; онъ думалъ извлечь свои выгоды въ болѣе подходящее время, когда они достаточно долго будутъ драться между собою и устанутъ, и затѣмъ кого застанетъ въ мѣшкѣ, того и вытрясетъ оттуда, что и случилось въ послѣдствіи. Причиной этой игры было двухгодичное перемиріе.

Кромѣ того, въ это перемиріе король Эрикъ приобрѣлъ себѣ еще больше враговъ, а именно: во первыхъ городъ Любекъ, у котораго король велѣлъ отнять цѣлый флотъ кораблей, вышедшихъ съ полнымъ грузомъ изъ Нарвы, желая помѣшать нарвской торговлѣ, а корабли всѣхъ приморскихъ городовъ заставить нагружаться въ Ревель; изъ за этого возникла весьма опасная война между королевствомъ шведскимъ и любекцами. Во вторыхъ и Фридрихъ II, король датскій, сталъ врагомъ короля шведскаго изъ за своего брата, герцога Матвуса, которому король Эрикъ приписалъ, будто онъ желаетъ отдаться подъ покровительство шведской короны со своими замками и землями въ Ливоніи; это очень разсердило короля датскаго; изъ за этого же сначала возникли несогласія и споры, а потомъ возгорѣлась трудная

и продолжительная война между обоими королями; въ Ливоніи отъ этого стало еще хуже, да и королевство шведское отъ этого также не мало ослабѣло.

Прим. пер. Миръ съ Густавомъ Вазою былъ заключенъ въ 1566 г. (см. Приб. Об. II, стр. 342 — 343). Въ 1560 г. король Эрикъ, по вступленіи на шведскій престолъ, прислалъ въ Новгородъ пословъ съ требованіемъ, чтобы перемирныя грамоты 1556 г. были скрѣплены печатью царскою, чтобы впередъ ему, Эрику,сылаться прямо съ царемъ, и чтобы въ прежнихъ грамотахъ уничтожить условіе, по которому шведскій король обязывался не помогать королю польскому и магистру ливонскому противъ Москвы. Чтобы напугать Іоанна, сдѣлать его стоворчнвѣе, шведскіе послы объявили, что императоръ, король польскій и датскій уговариваютъ Эрика къ союзу противъ царя за Ливонію.

Руссовъ пишетъ, что московитъ ужасно разсердился на короля за то, что тотъ хотѣлъ ввести новыя условія, не упомянутыя его отцомъ. Дѣйствительно разсердился, потому что шведскіе послы получили въ Москвѣ такой отвѣтъ отъ московскихъ дипломатовъ: «Того себѣ въ мысляхъ не держите, чтобы государю нашему прародительскіе старинные обычаи порушить, грамоты перемирныя переначить; Густавъ король такимъ же гордостнымъ обычаемъ, какъ и государь вашъ теперь съ молодости помыслилъ, захотѣлъ было того же, чтобы емусылаться съ государемъ нашимъ, и за эту гордость свою сколько незинной крови людей своихъ пролилъ и сколько землѣ своей запустѣнья причинилъ? Да то былъ человѣкъ разумный: грѣхомъ проступилъ, и за свою проступку великими своими и разумными людьми могъ и челомъ добить: а вашего разума разсудить не можетъ: съ чего это вы такую вѣсость начали?... Намъ кажется, что или король у васъ очень молодъ, или старыя люди всѣ извелись, и совѣтуется онъ съ молодыми: по такому совѣту такія и слова» (см. Соловьева VI. 244).

Іоаннъ, однако же, не хотѣлъ порывать съ Эрикомъ, чтобы не имѣть сразу двухъ враговъ въ Ливоніи: шведовъ и поляковъ, потому и рѣшилъ: перемиріе, заключенное съ Густавомъ, подтвердить до 1563 г., не упоминая вовсе о Ревель, но и не нарушая старинныя. Для подтвержденія перемирія отправили въ Швецію пословъ отъ имени новгородскихъ наѣбстниковъ. Московскихъ пословъ, по наговору толмача шведскаго посольства, который жаловался королю, что имъ въ Новгородѣ и Москвѣ было большое безчестіе, приняли дурно. Послы писали въ Москву: «отъ короля намъ было великое безчестіе и убытокъ: въ Выборгѣ насъ рѣчами безчестили и бранили, корму не дали и своихъ запасовъ изъ судовъ взять не дали жъ, весь день сидѣли мы въ заперти, не ѣвши». По пріѣздѣ въ Швецію, отвели имъ комнаты безъ печей и лавокъ, къ королю заставили идти ѣвшикомъ: позвали на обѣдъ, король велѣлъ поставить передъ ними ясными кушанья въ петровъ постъ, зная, что они у приставовъ брали нищу постную; противъ поклона отъ наѣбстниковъ новгородскихъ король съ мѣста не двинулся и шляпы не приподнял: три раза пословъ звали къ королю и три раза воротились съ дороги.

Руссовъ пишетъ, что перемиріе было очень выгодно московиту: пусть-де шведъ и полякъ дерутся между собою, а когда обезсилѣютъ и установятъ, то московитъ кого застѣнетъ въ мѣшкѣ, того и вытрясетъ оттуда. Это бы неспрѣмѣнно и случилось, если бы у Іоанна во 1-хъ была постоянная, хорошо обученная и снаряженная армія, и во 2-хъ, если бы внутреннее положеніе московскаго государства было удовлетворительнѣе тогдашняго положенія. Но въ томъ то и дѣло, что арміи не было, генералами назначались люди изъ боярской думы, не имѣвшіе никакого понятія о военномъ искусствѣ, а съ

многочисленными необученными ратниками еще нельзя было вытравить из мѣшка ни поляка, ни шведа. Но и это бы еще не бѣда, ибо тогдашнее польское войско было ничѣмъ не лучше московскаго, главное бѣдою было то, что самодержавіе еще не достаточно окулило въ Москвѣ, что бояре еще не забыли ни старины, ни своего происхожденія, ни права отъѣзда. Юзюмъ ничѣмъ въ причины не доверялъ имъ, и въ то самое время, когда въ Ливоніи являлись поляки, шведы, датчане, въ Москвѣ подготовлялся опричнина.

3. Переговоры поляковъ съ Ригой, 1561 г.

Въ 1561 году, въ іюнѣ, въ Ригу прибылъ Николай Рацифиль, литовскій князь, называемый въ народѣ Радавильмъ, съ нѣсколькими тысячами лошадей, расположився съ дружескими намереніями у Риги на келарномъ полѣ (ager cellarii, мѣстность у Риги, находившаяся подъ завѣдываніемъ архіепископскаго келаря) и нѣсколько недѣль спокойно провелъ здѣсь. Причина его прибытія заключалась въ томъ, чтобы отъ имени короля польскаго принять и занять замки и земли, означенные въ договорѣ ливонскаго великаго магистра съ королемъ; а также склонить рижанъ присягнуть королю безо всякихъ условій и замедленій, такъ какъ они отделись подъ защиту короля польскаго. Потому что рижане отделись коронѣ польской и общали полнѣйшее подчиненіе и присягу въ томъ случаѣ, если императоръ и священная римская имперія, которымъ они съ самаго начала были поручены и которымъ подчинились, совершенно откажутся отъ нихъ. Но въ то время Римская имперія еще не давала своего отказа.

Объ отмѣняѣ этого условія рижанъ, и о томъ чтобы они совершенно отступили отъ Римской имперіи и подчинились только одной коронѣ Польской, и старались въ то время Николай Рацифиль, а впоследствии Коткевицъ (Ходковичъ) и другіе литовскіе и польскіе чины, вели объ этомъ переговоры часто мирно, часто враждебно, но пока еще ничего не добились.

Въ тоже время, когда упомянутый князь Николай Рацифиль стоялъ у Риги, онъ въ августѣ съ большою пышностью и великолѣпіемъ совершилъ въѣздъ въ Ригу; съ нимъ было много людей чужихъ народностей, какъ то: армянь, турокъ, татаръ, подольцевъ, русскихъ и валлаховъ, а также много нѣмцевъ, поляковъ и литовцевъ; онъ объѣзжалъ съ ними весь городъ, причемъ многія благочестивыя сердца въ Ригѣ, видя столько чужихъ народовъ, каждаго въ особенномъ одѣяніи и вооруженіи и съ особенной музыкой, удивлялись и печалились о томъ, что въ ихъ отечествѣ и на улицахъ христіанскаго города Риги появилось столько необыкновенныхъ, чужихъ и варварскихъ національностей и народовъ. Смотрѣть на эти народы, протѣзжавшіе дружески черезъ городъ Ригу, было для каждаго горько и печально; чтожь бы это было за ужасъ и печаль, еслибы они стали враждебно осаждать или упрямять христіанскій городомъ?

4. *Моръ въ Ревель, 1561 г.*

Въ августѣ 1561 г. въ Ревель умерло болѣе 2000 шведскихъ солдатъ (кнехтовъ) отъ особеннаго мора, который не касался остальныхъ жителей, старыхъ и молодыхъ, и умершіе были похоронены у рыбацкаго дома (Fischermei или mai; maia по эстонски домъ). Сначала это считалось дурнымъ предзнаменованіемъ въ томъ, что шведамъ не будетъ особеннаго счастья въ Ливоніи, такъ какъ моровое повѣтріе поразило только ихъ однихъ, не коснувшись остальныхъ жителей страны или города. Въ тоже время умеръ Лаврентій Флемингъ (Лорсъ Флеммингъ), шведскій баронъ, первый шведскій губернаторъ въ Ливоніи. Это было начало несчастій шведовъ, которыми они подвергались въ Ливоніи.

5. *Падись переходитъ къ шведамъ, 1561 г.*

Осенью 1561 г. шведы осадили монастырь Падись, составившій значительный замокъ и сильную крѣпость. И послѣ того какъ шведы только не шута показались передъ нимъ и не много пострѣляли, орденскій таунтманъ Энгельбрехтъ фонъ деръ Липпе тотчасъ же сдѣлалъ его. Этотъ монастырь на ландтагѣ въ Перновѣ былъ предоставленъ герцогу Магнусу Гольштейнскому; но шведы заняли его и нѣсколько времени осаживали его у герцога Магнуса и магистра.

6. *Какъ король Эрикъ раздражилъ любекцевъ, 1562 г.*

Въ 1562 г., послѣ Троицы, король шведскій со своими кораблями и галерами велѣлъ взять цѣлый флотъ любекскихъ кораблей, пришедшихъ изъ Нарвы и нагруженныхъ всевозможными товарами; изъ нихъ нѣкоторые были отведены въ Ревель, другіе же въ Швецію и проданы тамъ. Любекцы черезъ своихъ пословъ потребовали назадъ эти корабли и товары, на что получили слѣдующій отвѣтъ отъ короля. Онъ, король, взялъ Ревель подъ свое покровительство и обѣщалъ ревелицамъ сохранять всѣ ихъ старыя привиллегіи. Нагрузка и выгрузка кораблей составляетъ одну изъ важнѣйшихъ привиллегій, которою всегда пользовался Ревель, но не Нарва. Поэтому онъ, король, думаетъ и впредь удержать эту привиллегію за Ревелемъ и совершенно прекратить плаваніе къ Нарвѣ. Любчане такимъ образомъ ни съ чѣмъ уѣхали домой и съ огорченіемъ увидѣли, что изъ этого возникнутъ большія замѣшательства.

7. *Перновъ и Виттенштейнъ переходятъ къ шведамъ, 1562 г.*

Въ 1562 г., около Троицы, Клаусъ Христіерсенъ (Горнгъ), шведскій военный начальникъ, съ большимъ войскомъ изъ всадниковъ и кнехтовъ (жолѣровъ), съ картаунами и плаггами (пушками)

осадили Парновъ (Перновъ), построили шанцы и обстрѣливали его. Наконецъ, парновцы, не имѣя хорошихъ укрѣпленій и не надѣясь ни на какую помощь, сдались королю шведскому, съ удержаніемъ своихъ правъ и привилегій. Когда же парновцы перешли къ шведамъ, король снабдилъ ихъ прекрасными боевыми орудіями, порохомъ и свинцомъ и милостиво подарилъ имъ десять тысячъ рижскихъ марокъ.

Въ 1562 г. осенью Клаусъ Христіерсенъ осадилъ также со своимъ войскомъ замокъ Виттенштейнъ, обвелъ окопами и обстрѣливалъ его. Онъ нѣсколько недѣль стрѣлялъ къ замку и взялъ приступомъ одну башню, подъ которой были сложены порохи. Шведскіе вѣхты думали уже, что игра выиграна, но сложенный порохъ загорѣлся и взорвалъ башню вмѣстѣ съ вѣхтами. А когда Іоаннъ Гроль, намѣстникъ, не могъ болѣе надѣяться ни на помощь ни короля польскаго, ни герцога курляндскаго, и голодъ сталъ также одолѣвать замокъ, то онъ долженъ былъ сдать замокъ коронѣ шведской.

Прим. перев. Перновъ былъ занятъ поляками и сдался Горну 2-го іюня 1562 г. на капитуляцію.

По взятіи Витенштейна (Вейсенштейна), король Эрикъ прислалъ въ награду отличившимся 500 наручей (браслеты) и 50 колецъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ графъ Сванте Стуре былъ назначенъ гражданскимъ губернаторомъ Эстоніи.

8. Посещенія Ревеля герцогами Іоанномъ Финляндскимъ и Христофоромъ Мекленбургскимъ, 1562 г.

Въ 1562 г., въ ноябрѣ, герцогъ Іоаннъ Финляндскій, братъ короля шведскаго, вмѣстѣ съ супругой своей, княгиней Катериной, сестрой Сигизмунда Августа короля польскаго, прибылъ чрезъ Ливонію въ Ревель, отпраздновавъ незадолго передъ тѣмъ свою свадьбу въ Вильдѣ (Вильяѣ), въ Литвѣ. Пробывши нѣсколько дней въ Ревелѣ и отдохнувши, онъ съѣхъ со своей супругой на корабль 4-го декабря и отплылъ въ Або, въ Финляндію. Тою же осенью герцогу были переданы въ Ливоніи замки Гельмеде, Карнесъ, Эрмисъ и многіе другіе, обѣщанные ему въ приданое королевемъ польскимъ; управляющимъ этими замками (намѣстникомъ) герцогъ Іоаннъ поставилъ нѣкогого графа фонъ Арца.

Въ 1562 г., наканунѣ Рождества, въ Ревель прибылъ изъ Стокгольма герцогъ Христофоръ Мекельбургскій и не подавъ виду, что онъ князь, а отправился на постоянный дворъ къ простымъ бюргерамъ и остановился тамъ со своими слугами. Но наконецъ, когда недолго можно было скрывать это, его съ почестями перевели въ княжескую гостиницу и угощали его, какъ подобало князю.

Прим. перев. О герцогѣ Іоаннѣ и его супругѣ Екатеринѣ не измѣниме упомянуть подробно.

Король польскій Сигизмундъ-Августъ стремился овладѣть всею Ливною, но къ тому же стремились и Эрикъ и Юаннъ Грозный. Московскій царь все свое вниманіе обратилъ на Литву и еще въ 1561 г. думалъ рѣшить дѣло мирнымъ образомъ, именно: посредствомъ женитбы своей на одной изъ сестеръ королевскихъ (первая супруга Юанна — Анастасія Романовна урожд. Захарыина-Юрьева ум. 7-го августа 1560 г.). Царь рассчитывалъ этимъ бракосочетаніемъ достигнуть двухъ цѣлей: притти къ мирному соглашенію относительно Ливоніи и соединить Москву съ Литвою, ибо бездѣтнымъ Сигизмундомъ Августомъ прекращался домъ Игеллоновъ въ Литвѣ и сестра послѣдняго изъ Игеллоновъ перенесла бы въ Москву права свои на это государство (о Польшѣ Юаннъ и не заботился и не думалъ вовсе, такъ какъ претендовалъ на западно русскія земли, а вовсе не на польскія). Царь спросилъ у митрополита, можно ли ему жениться на королевской сестрѣ при известной степени свойства между ними, вследствие брака тетки его Елены съ известнымъ дядею Александромъ? Митрополитъ отвѣчалъ, что можно. Тогда изъ Москвы отправили въ Вильну Федора Сукина съдѣлать предложеніе о бракѣ, при чемъ переходъ въ православіе королевны былъ поставленъ непремѣннымъ условіемъ брака. Сукину было наказано: идучи дорогою до Вильны разузнать цакрѣвно про сестеръ королевскихъ, сколько имъ лѣтъ, каковы ростомъ, какъ тѣльны, какова которая обычаемъ, и которая лучше. Какая лучше, старшая Анна или младшая Екатерина, о той и говорить королю. Сукинъ допытался, что младшая королевна Екатерина лучше, и потому съдѣлалъ королю предложеніе выдать ее за царя. Сигизмундъ былъ не прочь выдать дочь свою за царя, но въ томъ лишь случаѣ, еслибы бракъ этотъ доставилъ ему выгодный миръ. Королевскій посолъ Шимкевичъ пріѣхалъ въ Москву съ требованіемъ, чтобы прежде дѣла о сватовствѣ заключенъ былъ миръ, для переговоровъ о которомъ вельможы съ обѣихъ сторонъ должны съѣзжаться на границы, и до этого съѣзда Ливонія не воюетъ. Въ Москвѣ ни за что не хотѣли нарушать старинныхъ обычаевъ, требовавшихъ, чтобы цѣлныя переговоры велись въ Москвѣ. Шимкевичу отказали и дѣло о сватовствѣ кончилось ни чѣмъ. 21-го августа 1561 г. царь вступилъ во второй бракъ съ дочерью одного черкаскаго владѣтеля Темрюка, въ крещеніи нарѣченной Маріею. Тогда же начались и военныя дѣйствія въ Ливоніи. Литовскій гетманъ Радзивилъ въ сентябрѣ 1561 г. взялъ Тарвастъ, послѣ пятнедѣльной осады. Князь Василій Глинскій и Пётръ Серебряный пошелъ на Радзивила, разбили его близъ Пернова и разорили до основанія покинутый литовцами Тарвастъ.

Весь 1562 г. проишелъ въ мелкой войнѣ. Литовцы приступали къ Опочкѣ, къ Невлю. Князь Курбскій выжогъ предместья Витебска, другіе русскіе отряды ходили къ Оршѣ, Шклову. Воюющія стороны вездѣ жгли и страшно грабили.

Послѣ разстроившагося сватовства царя на младшей сестрѣ Сигизмунда, къ ней посватался герцогъ финляндскій Юаннъ, братъ короля Эрика. Эрикъ согласился на бракъ, но съ условіемъ, чтобы поляки очистили Ливонію. Само собою разумѣется, что поляки и не думали исполнить такое условіе, ибо Кетлеръ сдался не шведскому, а польскому королю. Военныя дѣйствія между шведами и поляками не замедлили начаться. Герцогъ Юаннъ, жившій съ братомъ не въ особенныхъ ладахъ, лѣтомъ 1562 г. поѣхалъ въ Польшу, чтобы тамъ вступить въ бракъ съ Екатериною. Король Эрикъ потребовалъ, чтобы онъ возвращался назадъ, но герцогъ не послушался: продолжалъ путь, изъ Гданска пріѣхалъ въ Ковну, гдѣ происходило обрученіе, а потомъ въ Вильну, гдѣ 4-го октября 1562 г. и совершилось бракосочетаніе.

Герцогъ Іоаннъ предъ свадьбою далъ въ займы Сигизмунду 80,000 талеровъ. Частію въ обезпеченіе этого долга, а частію въ видѣ приданнаго, Сигизмундъ представлялъ герцогу ливонскіе замки: Вейсенштейнъ (въ это время уже взятый шведами), Гельметъ, Царкусъ, Рүенъ, Буртнекъ, Трикатенъ и Эржель. Послѣ свадьбы, герцогъ съ женою поѣхалъ обратно въ Финляндію чрезъ Ригу, Перновъ и Ревель. Въ Ригу герцогъ, по королевскому приказу, не долженъ былъ въѣзжать, а остановиться внѣ города. Герцогская свита была худо принята въ Перновѣ, а въ Ревелѣ графъ Сванте Стуре объявилъ герцогу неудовольствіе короля. Четыре дня провела герцогская чета въ Ревелѣ весьма неприятнымъ образомъ, терпя даже недостатковъ въ сѣбѣтныхъ припасахъ. 4-го декабря герцогъ съ женою отплылъ въ Финляндію.

Герцогъ Христофоръ Мекленбургскій, о которомъ упоминаетъ здѣсь Рюссовъ, это коадьюторъ рижскаго архіепископа Вильгельма. Онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ протестовалъ противъ передачи Ливоніи польской коронѣ. Еще въ июлѣ 1561 г. онъ отправился къ римскому императору, но помощи никакой не получилъ. Изъ Германіи онъ поѣхалъ въ Стокгольмъ къ королю Эрику и здѣсь вступилъ въ бракъ съ его менишею сестрою. Получивъ въ Стокгольмѣ невѣрное извѣстіе о смерти рижскаго архіепископа, герцогъ Христофоръ, поручивъ королю покровительство надъ рижскимъ архіепископствомъ, поспѣшилъ въ Ревель, куда и прибылъ 24-го декабря 1562 г. Послѣ Рождества, онъ съ небольшою свитою отправился въ Трейдель, гдѣ и засталъ архіепископа уже на смертномъ одрѣ, но, однакоже, не посѣтилъ его.

Архіепископъ Вильгельмъ умеръ 4-го февраля 1563 г.

9. Русскіе отнимаютъ у поляковъ Полоцкъ, 1563 г.

Въ февралѣ 1563 г. московитѣ отняли у поляковъ отличный торговый городъ Полоцкъ; къ этому городу московитѣ собрали чрезвычайно много народу и боевыхъ снаряженъ и до тѣхъ поръ обстрѣливали городъ, пока, наконецъ, овладѣли имъ. Этотъ убытокъ московитѣ нанесли королю польскому въ то время, когда послѣдній совѣщался съ польскими и литовскими чинами на государственномъ сеймѣ въ Петровѣ. Эту потерю наслѣдственныхъ земель и городовъ король польскій долженъ былъ претерпѣть изъ за принятой Ливоніи; потому что, принявъ Ливонію, онъ долженъ былъ также дѣлать и переносить ея наказанія и муки.

Прим. перев. Весь 1562 г. прошелъ въ опустошительныхъ набѣгахъ литовцевъ и русскихъ, но сношенія между московскимъ и вилненскимъ дворами не прерывались. Сигизмундъ не имѣлъ средствъ вести войну съ Москвою, потому старался затянуть время переговорами и побудить крымскаго хана подняться на Москву. Намы литовскіе, по старому обычаю, писали къ митрополиту и боярѣмъ, чтобы они склоняли государя къ миру и къ уступкѣ Ливоніи. Іоанну были извѣстны притѣсненія короля у хана, онъ хорошо понималъ, что рѣшима и переговорами не достигнешь никакихъ результатовъ, потому и рѣшился нанести ударъ литовцамъ на пунктъ особенно важный по отношенію къ Ливоніи. Пунктомъ этимъ былъ Полоцкъ, городъ важный по своему положенію на Двинѣ и своею торговлею съ Ригею.

Въ началѣ зимы 1562 г. московское ополченіе собралось въ Можайскѣ. 23-го декабря самъ Іоаннъ прибылъ къ войску съ княземъ Владиміромъ

Адресевичемъ, царями и царевичами казанскими и многочисленнаго свитого. Ополченіе состояло, какъ убѣждаютъ, изъ 280.000 человекъ съ 300 орудій. Это необыкновенное по численности ополченіе вступило въ Литву столь внезапно, что Сигизмундъ, находившійся въ это время въ Цальшѣ (изъ Петровѣ), не хотѣлъ вѣрить первой о томъ вѣсти. 31-го января 1563 г. Іоаннъ уже сталъ подъ Полоцкомъ, 7-го февраля взять было острогъ, а 15-го февраля, послѣ того какъ 300 сажень стѣны было выжжено, городъ сдался. Гетманъ Радзивиллъ спѣшилъ на помощь осажденнымъ, но встрѣченный московскими воеводами княземъ Рюрикомъ и Палицеймъ, не отважился на битву и пошелъ въ городъ. Воевода полонскій Довойна и епископы были отосланы въ Москву, казенное имущество и князія пашовъ и купцовъ были конфискованы; иудеи потопили въ Двинѣ, но наемныхъ королевскихъ солдатъ отпустили на волю.

Іоаннъ праздновалъ взятіе Полоцка какъ блистательную побѣду, и 21-го марта возвратился въ Москву также торжественно, какъ изъ подъ Казани. Московское войско изъ полъ Полоцка направилось на Вильну и въ Симогитію. Королевская рада, находясь въ крайности, прислала къ боярамъ просить, чтобы московскія войска удержались отъ дальнѣйшихъ непріятельскихъ дѣйствій, что послы литовскіе будутъ въ Москвѣ къ успеньеву дню. Іоаннъ далъ перемиріе до 15-го августа и потомъ продолжилъ срокъ до 6-го декабря того же 1563 г.

10. *Швеція запуталась во многія войны. Плѣненіе герцога Іоанна, 1563 г.*

Лѣтомъ 1563 г. началась продолжительная война между королями Фредерикомъ II датскимъ и Эрикомъ XIV шведскимъ, а также и съ любекцами, приверженцами короля датскаго, а также война съ поляками, а послѣ и московитская война съ королевствомъ Швеціей и съ принадлежащими къ королевству землями въ Ливоніи; всѣ эти государи воевали съ королевствомъ шведскимъ почти восемь лѣтъ безо всякихъ перемирій.

Въ началѣ этой войны, въ 1563 г., король Эрикъ шведскій велѣлъ своимъ солдатамъ взять въ плѣнъ его брата, герцога Іоанна, вместе съ супругой и изъ Або привезти ялѣннаго въ Стокгольмъ, гдѣ надъ скромнымъ невиннымъ княземъ всѣ смѣялись и издѣвались по своему неразумію. Затѣмъ Юргенъ Персенъ, легковѣрный совѣтникъ короля, предалъ герцога городскому суду въ Стокгольмѣ, и, избравъ въ составъ суда людей пристрастныхъ по своему произволу, онъ очень строго обвинилъ достопочтеннаго князя въ разныхъ неосновательныхъ и вымышленныхъ вѣщахъ, но передъ правомъ ничего не могъ сдѣлать ему. Затѣмъ, однако, силой и безъ суда онъ съ королевскаго согласія отвелъ герцога въ тюрьму и усердно совѣтовалъ королю лишить его жизни. Благочестиваго князя и его супругу совершенно невинно заточили въ тюрьму. Люди же герцога изъ шведовъ, находившіеся съ нимъ въ замкѣ Або, всѣ были также привезены въ Стокгольмъ и тамъ, совершенно невинные, были обезглавлены и

колесованы. Нѣмцы же, служившіе герцогу, дворяне и не дворяне, были пощажены отъ смерти, но жестоко наказаны; между ними былъ также и Христофоръ, баринъ Таутенбургскій.

Причины, почему такъ поступили съ герцогомъ и его слугами, были слѣдующія именно въ то время, когда король Эрикъ началъ открытую войну съ датчанами и поляками и эти государи составили союзъ противъ короля Эрика и королевства Швеціи, и герцогъ Іоаннъ въ то же время, когда состоялся этотъ союзъ между Даніей и Польшею, женился на сестрѣ короля польскаго, то его заподозрили у короля шведскаго, будто онъ заключилъ союзъ и ведетъ переговоры съ королемъ польскимъ, своимъ тестемъ, противъ королевства Швеціи. Еще болѣе усилило подозрѣніе то, что герцога Іоанна, наслѣднаго принца и ближайшаго королевскаго родственника Швеціи, пропустили изъ непріятельскихъ странъ свободно и безъ всякихъ задержекъ. Но благочестивый герцогъ Іоаннъ былъ неповиненъ во всемъ этомъ и ему приписали это безо всякаго основанія и справедливости.

Прим. пер.ев. Принятіемъ Решенія въ шведское подданство, король Эрикъ вступилъ въ войну съ Польшею, не замедливъ вступить въ войну съ Данією и Любекомъ. Причиной войны съ Любекомъ былъ захватъ любекскихъ кораблей, шедшихъ изъ Нарвы (см. выше стр. 137). Любчане утверждали, что имѣютъ старинную привилегію торговать съ русскими, даже и во время войны ихъ съ ливонцами, и съ жалобою на Эрика обратились къ императору. Эрикъ писалъ императору 5-го марта 1563 г., что, по старинному обычаю, любчане могутъ торговать лишь въ Ревель и Выборгъ, а не въ Нарвѣ, и что на захваченныхъ любекскихъ корабляхъ возились военные снаряды для русскихъ. Сигизмундъ-Августъ, пользуясь такимъ замѣшательствомъ, предложилъ 9-го апрѣля любчанамъ свой союзъ, чтобы не дозволить шведамъ господствовать на Балтійскомъ морѣ. Въ послѣднихъ числахъ іюли 1563 г. любчане объявили войну шведамъ, и въ то же самое почти время объявилъ шведамъ войну и датскій король подъ тѣмъ предлогомъ, что король Эрикъ въ свой гербъ помѣстилъ датскую и норвежскую короны и захватилъ часть датскаго флота во время спора, возникшаго между шведскимъ и датскимъ флотомъ изъ за салютаціи. Войну съ любчанами и датчанами шведы вели въ теченіе семи лѣтъ вообще побѣдною, хотя войною и страшно истощили свою страну.

Подозрительный Эрикъ, подобно Іоанну, недовѣрялъ своимъ вельможамъ, не довѣрялъ и своимъ братьямъ, въ особенности Іоанну, герцогу Финляндскому, послѣ того какъ онъ вступилъ въ бракъ съ дочерью Сигизмунда, съ которыми Швеція вела войну. Условій брачнаго договора Эрикъ не зналъ, но разсказывали, что герцогъ этимъ договоромъ обѣщала вести себя какъ свободный и независимый государь. Эрикъ въ началѣ 1563 г. потребовалъ отъ Іоанна отдать Швеціи всѣ ливонскіе замки, полученные послѣднимъ отъ заставное владѣніе отъ польскаго короля, чтобы эти замки не достались русскимъ, и финляндскому дворянству двинуться въ Ливонію противъ поляковъ. Іоаннъ, не исполняя королевскаго повелѣнія, заключилъ въ тюрьму королевскихъ посланцевъ, призывалъ финновъ къ оружію, потребовалъ отъ нихъ присяги себѣ, какъ отдѣльному владѣльцу, и обратился съ просьбою о помощи въ Польшу и Пруссію, слѣд. не былъ такъ невиновенъ, какъ пишетъ Руссовъ. Шведскіе государственные чины приговорили герцога Іоанна къ смерти, а

король Эрикъ послалъ войско къ Або взять осужденнаго. Герцогъ былъ осажденъ въ Або и, не получая ни откуда помощи, послѣ двухъ-мѣсячной осады, сдался, былъ отвезенъ въ Швецію и заключенъ въ Грингольмскомъ замкѣ вмѣстѣ съ женою, которая отказалась разлучиться съ нимъ. Эрикъ не казнилъ брата, вопреки совѣту Персона, и все колебался между страхомъ и раскаяніемъ: удалился отъ вельможъ, сдѣлался мрачнымъ, суровымъ, наконецъ впалъ въ сумашествіе и бѣшенство.

11. Пленъ герцога Христофора, 1563 г.

Въ 1563 г., послѣ дня св. Іакова, герцогъ Христофоръ Мекельнбургскій, ставшій на сторону короля шведскаго Эрика, съ нѣсколькими знаменами (отрядами) нѣмецкихъ гофлейтовъ (солдатъ), присланныхъ королемъ шведскимъ, двинулся въ рижское архіепископство, чтобы занять его, полагая, что имѣлъ на то право, будучи коадьюторомъ; но ему не посчастливилось. Герцогъ курляндскій взялъ его въ плѣнъ въ замкѣ Даленѣ и отправилъ въ Польшу, гдѣ его держали въ плѣну болѣе пяти лѣтъ.

Прих. перевод. Было уже сказано (см. выше стр. 140), что рижскій архіепископъ Вильгельмъ умеръ 4-го февраля 1563 г. Литовскіе чины предложили 15-го февраля рижскому магистрату не впускать въ городъ архіепископскаго коадьютора, герцога Христофора, такъ какъ онъ когда не присягалъ и потому не можетъ занять архіепископской кафедры. Кетлеръ, какъ администраторъ Ливоніи, согласно королевскаго полномочія, не зажедалъ овладѣть всѣми архіепископскими замками и имѣніями и управленіе ими поручилъ архіепископскому совѣтнику Генриху Тизенгаузену; замки же коадьютора поручить надзору бывшаго орденскаго рыцаря Каспара Шпенбокума. Кoadьюторъ желалъ овладѣть архіепископствомъ силою, разсказываятъ, что за столомъ у себя умиртвлялъ княземъ польскаго офицера Станислава Васковича, и былъ 31-го іюля 1563 г. осажденъ въ Даленѣ. По истечении 3-хъ дней, онъ сдался, былъ отвезенъ въ Ригу и отсюда препровожденъ въ Польшу, гдѣ и пребылъ въ плѣну до 1569 г.

12. Какъ Карксъ и Габсель переходятъ къ шведамъ, 1563 г.

Въ то же время король Эрикъ велѣлъ напасть и взять замокъ Карксъ, одинъ изъ замковъ, полученныхъ герцогомъ Іоанномъ Финляндскимъ отъ короля польскаго въ залогъ приданнаго и занятыхъ дефетъ; Эрикъ не далъ знать о томъ ни королю польскому, ни своему брату, герцогу Іоанну, но овладѣлъ этимъ замкомъ для себя и для короны шведской.

28-го іюля 1563 г. шведы осадилъ замокъ Габсель (Гапсаль), принадлежавшій герцогу Магнусу, брату короля датскаго. Послѣ 10-ти дневной осады и обстрѣливанія замка габсельцы, не надѣясь ни на какую помощь, сдались всѣ шведамъ, 7-го августа, а именно: канитулъ, магистратъ, рыцарство и бюргеры со многими условіями и исключеніями. Когда шведы захватили и завоевали замокъ габсельскій, то ограбили соборъ, увезли всѣ церковныя облаченія и драго-

цѣнности, дарохранительницы и чаши; сняли колокола съ колокольни, привезли ихъ въ Ревель и отлили изъ нихъ большія орудія. Они отпустили канониковъ итти, куда хотѣтъ, завяли ихъ дворы и поселили въ нихъ ратниковъ. Въ то же время нѣмецкіе и шведскіе солдаты такъ жестоко опустошили страну вокругъ Габсали и весь Вижъ, что нѣкоторые бѣдные крестьяне сами должны были впрягаться въ плуги, а жены ихъ править, такъ какъ всѣ воли и лошади были у нихъ уведены. И хотя достопочтенный ревельскій магистратъ, а также старшины и вся община города Ревеля усердно просили графа Шванто (графа Сванте Стуре), губернатора, не разорять страны, такъ какъ городъ Ревель получалъ много съѣстныхъ припасовъ изъ той мѣстности, къ тому же при войнѣ обоимъ королямъ, шведскаго и датскаго, земля и безъ того достанется тому, кто одержитъ верхъ — однако всѣ просьбы были напрасны.

Прим. персв. Было сказано выше (стр. 142), что король Эрикъ потребовалъ отъ герцога Финляндскаго передать шведамъ всѣ ливонскіе замки, полученные послѣднимъ отъ короля Сягисмунда въ заставное владѣніе. Герцогъ не исполнилъ требованія, потому Эрикъ и велѣлъ занять Каркустъ открытою силою.

Нападеніе на Галсаль произошло, когда король датскій объявилъ войну шведамъ (см. выше, стр. 142). Шведы ограбили галсальскій соборъ потому, что городъ Галсаль оставался еще католическимъ. Вижъ былъ разоренъ и обращенъ въ пустыню, чтобы затруднить королю польскому вторженіе въ Эстонию.

13. Какъ поляки побѣдоносно вторглись въ Эстонию и освободили отъ осады замокъ Лодѣ, 1563 г.

Въ то же время король польскій вооружился противъ Эрика, короля шведскаго, и собралъ значительное число нѣмецкихъ и польскихъ ратниковъ, ученіе которыхъ производилъ въ Каунѣ (Новѣѣ), въ Литвѣ, маркграфъ Альбрехтъ, герцогъ прусскій. Между ратниками много было знатныхъ господъ и помѣщиковъ (юнкеровъ). Шведы получили извѣстіе объ этомъ сборѣ войска, потому поспѣшили съ орудіями вытти изъ Габсали къ Ревелю. Войско поляковъ замѣшкалось, тогда шведы ободрившись, и съ шестью картаунами и нѣсколькими полевыми плангами (пушками) двинулись опять въ походъ съ намѣреніемъ осадить замокъ Лодѣ. Но когда они отошли на три мили отъ города, то на нихъ напалъ такой страхъ, что они должны были вернуться назадъ къ Ревелю со своими орудіями. Прибывши въ Ревель, они поставили орудія передъ замкомъ на Тенніесбергѣ (гора св. Антонія) до дальнѣйшихъ вѣстей. Когда же долго нельзя было навѣрное узнать, куда направится польское войско, безъ сомнѣнія знавшее, что шведы хотѣли пойти съ орудіями на Лодѣ, то шведы оставались на мѣстѣ и охраняли орудія. Наконецъ шведы неустрашимо и поспѣшно вышли въ походъ съ орудіями, осадили замокъ

Лоде, окопавши и обстрѣливали его. Они пребыли у замка около недѣли, тутъ подошли поляки и шведы начали терять мужество. Шведы побросали орудія и бѣжали, а поляки овладѣли пушками (4 монаха, одна собака и одна пѣвица — такъ назывались пушки), изъ которыхъ нѣкоторыя были повреждены, а другія цѣлы и увезли ихъ въ Ригу.

Такъ жители Лоде избавились отъ осады, а шведы лишились орудій. Если бы шведы были храбрѣе, то никогда не потеряли бы своей артиллеріи, ибо шведскій военный начальникъ Аке Бенгтсенъ (Ако Бенгтсонъ) со своими шведами равнялся въ то время въ силѣ герцогу курляндскому съ его польскими отрядами. На сторонѣ шведовъ большая выгода была также въ орудіяхъ, которыхъ не было у поляковъ. Случилось это въ сентябрѣ 1563 г.

Прим. пер. в. Собрание королевѣ Сигизмундѣ Августѣ въ Ковнѣ войско было ввѣрено начальству Кетлера. Съ этимъ войскомъ Кетлеръ овладѣлъ прежде всего Давеномъ и захватилъ въ плѣнъ коадьютора (см. выше стр. 143). Осада замка Лоде была снята 30-го сентября 1563 г.

14. Какъ русскіе мирно прошли по Эстоніи, 1563 г.

Въ то время, когда польское войско собиралось въ походъ, а шведы были у замка Лоде, значительный отрядъ русскихъ, въ нѣсколько тысячъ человекъ, пришелъ въ ту же страну, въ Вики, на встрѣчу своему посольству, уѣхавшему годъ тому назадъ въ Данію и на возвратномъ пути прибывшему теперь въ Аренсбургъ. Тогда русскіе вели переговоры, какъ со шведами, такъ и поляками безо всякихъ пренатствій, и затѣмъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ съ ихъ большимъ посольствомъ безпренатственно отпустили во свои. И такъ оба христіанскіе государя, принявшіе Ливонію подъ защиту отъ московита, боролись теперь другъ съ другомъ, а московитъ прошелъ себѣ невредимо мимо и изводтишка подсмѣивался надъ ними.

Прим. пер. в. Король датскій Фридрихъ лѣтомъ 1562 г. отправилъ своего софмейстера Озера Гарденберга со святою въ Москву для переговоровъ какъ о торговыхъ дѣлахъ, такъ и о земляхъ, отошедшихъ къ Магнусу отъ Ливоніи. Договорная грамота была утверждена 7-го августа 1562 г. По этой грамотѣ московское правительство обѣщало отвести дворянъ купцамъ датскимъ въ Новгородѣ и Нарвѣ съ условіемъ, чтобы и русскимъ купцамъ были отведены двory въ Копенгагенѣ и Висби. Царь согласился признать за Магнусомъ Озеръ и Вики, но отвергъ посредничество датчанъ въ дѣлахъ съ Литвою. Для разъяна договорныхъ грамотъ былъ отправленъ въ Данію 18-го августа 1562 г. князь Ант. Мих. Ромодановскій-Ряполовскій и Нв. Мих. Висковатый. Въ 1563 г. они возвращались обратно въ Россію, къ нимъ то на встрѣчу и вышелъ русскій отрядъ, о которомъ упоминаеть въ этой главѣ Руссовъ. Въ Псковской лѣтописи подл. 1563 г. сказано: «Пришелъ посолъ отъ датскаго князь Антонъ, да Нв. Мих. Висковатый, къ Чернову и оттолъ въ Вельянь (Феллинъ), да и въ Юрьевъ, да и на Псковъ...»

а магистръ ибменкой (Кетлеръ), да съ нимъ и литовскіе люди, князь Александръ Полубенской, ходиша на швейскіе люди къ Чернову, и пословъ нашихъ изъ датской земли пропустили къ Вельяну.

Впрочемъ литовскіе люди и не могли задержать посольства, такъ какъ срокъ перемирія съ русскими еще не истекъ (см. выше, стр. 141).

15. Перемиришная судьба Леаля. Столкновение у Парнова, 1562 г.

Въ то время, когда ожидали польскаго войска и шведы еще стояли у Лоды, герцогъ курляндскій Готтгардъ Кетлеръ послалъ нѣсколькихъ изъ своихъ гофлейтовъ впередъ къ замку Леалю, уже сдавшемуся шведамъ, чтобы напасть и занять его. Когда же герцогскіе гофлейты приблизились, то немедленно въѣхали въ замокъ, и шведы были въ полной увѣренности, что это ихъ собственные гофлейты, посланные вѣроятно за чѣмъ нибудь изъ замка Лоды. Но къ своему неудовольствію они скоро замѣтили, чьи это были гофлейты. Такъ было захвачено тогда замокъ Леаль.

Когда же бывший магистръ, нынѣ герцогъ курляндскій, овладѣлъ замкомъ Леалемъ, а послѣдній лежалъ слишкомъ далеко отъ его земель и не былъ особенно хорошей крѣпостью, и такъ какъ зима заставляла его уходить съ войскомъ, то онъ написалъ дворянамъ, изгнаннымъ изъ Вика и жившимъ на Эзелѣ, чтобы они пріѣхали съ Эзеля и снова заняли замокъ своего господина герцога Магнуса, что тѣ и сдѣлали. Но послѣ того, какъ магистръ ушелъ, шведы снова подошли къ Леалю, взяли въ плѣнъ всѣхъ дворянъ въ замкѣ и отправили ихъ въ Швецію, а именно: Дидерика Фаренсбека фонтъ Геймера, Клауса Алеркяса, Отто фонтъ Гильзена, Гинриха Ливе, Рейнольда Геркеля, Юргена Усселя фонтъ Копфера, Іоанна Фаренсбека фонтъ Уденкуля и Іакова Титфера, которые всѣ узнали въ Швеціи, что такое значить несчастье, чего раньше имъ не приходилось испытывать.

Когда герцогъ курляндскій долженъ былъ проходить мимо Парнова со своими людьми, то нѣкоторые шведскіе кнехты изъ Парнова попрятались въ чащѣ и кустарникахъ, чтобы подстеречь непріятелей. Вотъ мимо плелъ впередъ другихъ съ нѣсколькими людьми, Гинрихъ, бургграфъ Донъ (von Dohn), и не думаетъ о томъ, что шведы могутъ залечь въ кустахъ, и былъ застрѣленъ здѣсь изъ-за куста однимъ шведскимъ кнехтомъ. Его привезли въ Ригу и тамъ похоронили. А герцогъ курляндскій и всѣ воины гораздо охотнѣе потеряли бы все пріобрѣтенное при Лодѣ, чѣмъ лишиться такого господина, какимъ былъ фонтъ Донъ.

Прим. перев. Для объясненія какиимъ образомъ шведы приняли герцогскихъ гофлейтовъ за своихъ собственныхъ и тѣмъ допустили ихъ овладѣть замкомъ Леалемъ необходимо вспомнить слѣдующее.

По упраздненіи 4-го марта 1562 г. ливонской отрасли тевтонскаго ордена, много орденскихъ рыцарей (орденское рыцарство отсюда не слѣдуетъ

сѣбѣ имѣть съ рыцарствомъ земскихъ т. е. нассазми, составившихъ дворянское сословіе) осталось безъ всякихъ средствъ къ жизни. Но безъ куска хлѣба осталось и много земскихъ ливонскихъ рыцарей (вассаловъ, дворянъ), лишившихся своихъ усадебъ, дворовъ и всего имущества во время чрезвычайно опустошительныхъ походовъ войскъ Іоанна Грознаго съ 1558 г. Всѣмъ этимъ бездомнымъ и пеннымъ людямъ приходилось или вступать въ военную службу къ какому нибудь государю или искать другихъ средствъ къ жизни. Но орденские, какъ и земскіе рыцари никакими ремеслами и промыслами не занимались, торговли не вели, знали только военное ремесло. Имъ ничего не оставалось дѣлать, какъ воспользоваться именно этимъ своимъ знаніемъ и жить войною, которая очевидно обратилась въ всеобщію и притомъ такую, наводъ и конца не предвидѣлось. ибо съ 1562 г. московиту, какъ тогда называли совершенно вѣрно людей московскаго государства, приходилось воевать съ Литвою и Швеціею; Швеціи приходилось воевать съ Польщею, Москвою, Даніею и Любекомъ; Польша втигивалась въ войну съ Москвою и Швеціею. Такъ и сдѣлалось. Бывшіе орденскіе рыцари, оставшіеся бездомными, соединились съ разоренными рыцарями, составили военный отрядъ, выбрали между собою офицеровъ и предложили свои услуги шведскому королю. Король Эрикъ принялъ этотъ отрядъ въ шведскую службу, — подъ именемъ ливонскихъ гофлейтонъ (слово *Hoffteute* означало конныхъ ратниковъ, кавалеристовъ). Они пробыли въ шведской службѣ лишь нѣсколько мѣсяцевъ, и когда Кетлеръ съ польскимъ войскомъ двинулся изъ подъ Ревны въ Ливонію, ливонскіе гофлейты отказались отъ шведской службы и пристали частью къ Кетлеру, а частью появились въ Перновѣ. Главнымъ начальникомъ ливонскихъ гофлейтовъ былъ въ это время Каспаръ фонъ Ольденбургъ (кажется тотъ самый, которому Кетлеръ поручилъ завѣдываніе нѣмцами коадьютора, см. выше, страница 143).

Шведы, находившіеся въ Асартъ, не знали, что ливонскіе гофлейты бросили шведскую службу, потому и впустили ихъ въ замокъ, считая своими. и чрезъ это и потеряли замокъ.

16. Любекскіе корабли взяты, 1563 г.

Въ сентябрѣ 1563 г. цѣлый флотъ любекскихъ кораблей плылъ совершенно спокойно къ Нарвѣ. Но на возвратномъ пути они потеряли мужество. Потому что пока они выгружались въ Нарвѣ и опять забирали товары, шведы собрали 12 кораблей, чтобы встрѣтить любекцевъ изъ Нарвы и когда они сошлись подъ высокою землей (т. е. остр. Гохландомъ), то нѣкоторые изъ любекскихъ кораблей были захвачены, но большая часть успѣла спастись и возвратиться снова къ Нарвѣ.

Прим. перев. Любчане находились въ это время въ войнѣ со Швеціею (см. выше, стр. 143).

17. Графъ фонъ Арцъ, 1563 г.

Въ 1563 г., осенью, Іоаннъ, вѣрный графъ фонъ Арцъ, управляющій герцога Финляндскаго надъ замками, данными ему въ залогъ въ Ливоніи, обѣщалъ московиту сдать замки Тельмеде, Карксъ, Эрвисъ и многіе другіе и хотѣлъ передать ихъ ему съ условіемъ.

чтобы московитъ далъ ему въ наслѣдственное владѣніе одинъ изъ этихъ замковъ и взялъ его подъ свое покровительство. Кроме того, этотъ ложный графъ обивилъ своимъ подчиненнымъ, ничего не знавшимъ о его измѣнѣ, что ихъ господинъ герцогъ Іоаннъ убитъ въ темницѣ въ Швеціи, и хотѣлъ многими лживыми рѣчами склонить ихъ также къ этому злему дѣлу. Но тѣ когда услышали о его зломъ намѣреніи и узнали о прибытіи русскихъ, то его тотчасъ же взяли въ плѣнъ и свезли въ Ригу, гдѣ въ среду передъ Рождествомъ его разорвали желѣзными вѣщами и колесовали. Не смотря на то у него были хорошія способности и всѣ очень уважали бы его за опытность въ военномъ дѣлѣ, еслибы только онъ смиренно употребилъ съ пользою эти способности. Но такъ какъ онъ самъ хотѣлъ вознестись и выдать себя за того, кѣмъ не былъ, то долженъ былъ пасть и перенести позоръ.

Прим. перев. Графъ фонъ Арцъ потому вступилъ въ переговоры съ русскими о сдачѣ имъ тѣхъ ливонскихъ замковъ, которые были ввѣрены его управленію Іоанномъ герцогомъ Финляндскимъ, подъ условіемъ полученія одного изъ замковъ, именно Гельмета, въ свое наслѣдственное владѣніе, что узнавъ о невозможности получить какое либо родовое графовъ Арцовъ имѣніе, такъ какъ онъ былъ незаконнорожденнымъ сыномъ одного изъ Арцовъ.

18. *Лодѣ переходитъ изъ шведовъ, 1564 г.*

Зимой 1564 г. Гинрихъ Клаусень, рыцарь изъ Канкаса, вновь избранный военначальникъ шведовъ въ Ливоніи, осадилъ замокъ Лодѣ и послѣ продолжительной осады, безъ орудій, завоевалъ его.

Прим. перев. Гинрихъ Клаусень это Генрихъ Классонъ Горный Канкасъ или Конкасъ имѣніе въ Швеціи.

Здѣсь не излишне сказать, что Руссовъ не упоминаетъ о переговорахъ короля Эрика съ Іоанномъ Грознымъ и о заключеніи семилѣтняго перемирія съ Москвою, а между тѣмъ именно этимъ и объясняется, почему Эстонія была оставлена московскимъ государемъ въ покоѣ на нѣсколько лѣтъ.

Дѣло было вотъ въ чемъ.

Взавъ въ плѣнъ и заключивъ герцога Іоанна Финляндскаго съ женою въ Грингольмскій замокъ, король Эрикъ (Ирикъ по русскимъ лѣтописямъ) не могъ не желать сближенія съ царемъ московскимъ по той причинѣ, что ему пришлось воевать одновременно съ Польшею, Данією и Любекомъ (см. выше, стр. 142). Въ своемъ лѣтѣ (см. выше, стр. 135) было сказано, что вкорѣ по занятіи Ревеля король Эрикъ заключилъ перемиріе съ русскими на два года. Срокъ этому перемирію истекалъ въ 1563 г., потому король и послалъ къ Іоанну гонца (Сеньку Матвѣева, какъ сказано въ Александровской лѣтописи) съ грамотою о продолженіи мира и добраго сосѣдства не только съ царемъ, а не съ новгородскими намѣстниками (короли шведскіе всегда страшно обижались, что московскій государь не допускалъ ихъ до равенства съ собою). Гонецъ пріѣхалъ въ Москву 24-го іюля 1563 г.; царь въ отвѣтъ на письмо велѣлъ написать къ Ирику о близкостности и удоб-

ственномъ его писаніи: въ царской драгоцѣ дѣйствиательно была «многѣмъ странная и подсмѣятельная слова на укоризну его, Ирика, безумія, да и то было написано: когда его царское величество будетъ со своего царства дворяномъ витати въ свейскихъ островахъ, тогда его королевское повелѣніе крѣпко будетъ: а что съ царскимъ величествомъ королю миръ и сусѣдство имати, а не съ царскаго величества наместники, и то такъ отъ мѣры отстоитъ, яко же небо отъ земли».

Король Эрикъ не смутился ни укоризною, ни подсмѣятельными словами (до такой степени ему было нужно сближеніе съ Москвою). а прислалъ 23-го февраля 1564 г. въ Москву съ гонцемъ Свеномъ Андрѣевымъ грамоту, въ которой извинялся, что хотѣлъ послать къ царю избраннаго посла, но припѣла зима, корабельнаго пути не было, потому молить царя, чтобы про то на него кручины не положилъ. Царь кручины не положилъ и когда изъ Швеціи 2-го августа 1564 г. прибыли послы Эриковы: Исакъ Николаевъ, Иванъ Лаврентьевъ, писарь Францъ Ериховъ (такъ они названы въ продолж. Царств. Книги л. 555) «бити челомъ въ Вишляндской земли о перемиріи съ бояриномъ и наместникомъ Вишляндскія земли, съ Мих. Яков. Морозовымъ, и которые города король понималъ въ ливонской землѣ: Колывань, Перновъ, Пайду (Вейсенштейнъ), Каркусъ и тѣхъ бы государь пожаловалъ его Ирика... и царь и великій князь велѣлъ наместнику съ Ирикомъ перемиріе взяти на семь лѣтъ, и тѣ города и съ уѣзды описать за королевехъ», но за то Эрикъ долженъ былъ выдать царю свою невестку, жену заключеннаго герцога, ту самую, на которой царь сватался года два тому назадъ (см. выше, стр. 139).

Царь, чтобы добыть Екатерину, уступалъ Эрику Эстонію, обѣщался помогать въ войнѣ съ Сигизмундомъ, доставить миръ съ Даніей и ганзейскими городами. Послъ Іоаннъ оправдывалъ свое желаніе имѣть въ рукахъ Екатерину тѣмъ, что будто бы Эрикъ самъ предложилъ ее выдать, объявлявши о смерти мужа ея, что онъ, Іоаннъ, вовсе не хотѣлъ жениться на ней или держать ее наложницею, но хотѣлъ имѣть ее въ своихъ рукахъ въ досаду брату ея, польскому королю, врагу своему, хотѣлъ чрезъ это вынудить у него выгодный для себя миръ (см. Соловьева VI. 275).

13-го марта 1565 г. царь велѣлъ Морозову отпустить въ Швецію посольствомъ Никиту Сущева «перемиріе покрѣпити», а въ апрѣлѣ царь послалъ въ Швецію и другаго посланника Третьяка Андрѣя Пупечникова.

Шведы, однако, Екатерины не выдавали, но и перемиріе не нарушалось.

Московскія войска, занимая дерптское епископство и Нарву, въ теченіе 1563 г. не тревожили шведовъ, съ которыми продолжалось перемиріе, не тревожили и ливонцевъ, такъ какъ, по взятіи Полоцка, съ литовцами было заключено перемиріе до 6-го декабря 1563 г. (см. выше, стр. 141). Но за то въ самой Москвѣ происходили тревоги другаго рода.

Подозрительный Іоаннъ имѣлъ всѣ причины и поводы недовѣрять своимъ боярамъ, недовольнымъ новымъ порядкомъ дѣлъ, утверждавшимся въ московскомъ государствѣ еще съ Іоанна III, недовольнымъ, что московскіе государи становятся въ отношенія къ боярамъ, потомкамъ бывшихъ удѣльныхъ князей, совѣтамъ другія, какія бывали въ старину. Главное неудовольствіе князей и потомковъ прежней дружины на новый порядокъ вещей состояло въ томъ, что московскіе государи перестали соблюдать древній обычай ничего не дѣлать безъ совѣта съ дружиною, и притомъ старались всячески стѣснить старинное право отъѣзда бояръ и слугъ вольныхъ, въ силу

котораго бояринъ могъ отъѣзжать на службу отъ своего государя къ чужому. Іоаннъ съ малолѣтства былъ озабоченъ на бояръ, и на дѣхъ старинныя преданія и притязанія смотрѣлъ какъ на несовѣстныя съ достоинствомъ самодержавнаго государя. Бояре не желали распрощаться съ правомъ отъѣзда. Іоаннъ не могъ дозволить, чтобы отъѣзжающіе дѣйствовали во вредъ московскаго государства. Онъ бралъ съ бояръ вѣтвенныя записи и поручительства не отъѣзжать; бояре, не смотря на записи, все-таки отъѣзжали, относились враждебно къ новому порядку вещей. Отсюда возникало раздраженіе, скоро перешедшее въ озлобленіе и цѣлый рядъ жестокихъ казней, въ свою очередь побуждавшихъ бѣжать бояръ изъ Москвы.

Къ самой рѣшительной мѣрѣ противъ бояръ Іоаннъ прибѣгнулъ, когда въ началѣ 1564 г. отъѣзжалъ къ польскому государю главнокомандующій въ Ливоніи князь Курбскій.

Еще въ 1560 г. царь удалилъ отъ себя протоіерей Сильвестра и Адашева, — не замедлили и казни. Князь Андрей Мих. Курбскій, потомокъ ярославскихъ князей, державшій сторону бояръ и всецѣло преданный стариннымъ преданіямъ, крайне недовольный стѣсненіемъ права отъѣзда, опасаясь за свою собственную безопасность, въ началѣ 1564 г. ночью тайно вышелъ изъ дома въ Дерптъ, перелѣзъ черезъ городскую стѣну, нашелъ двухъ охваченныхъ, приготовленныхъ заранее коней, и благополучно достигъ Вольмара, занятого литовцами. Литовцы Курбскаго съ радостію приняли къ себѣ въ службу, а тогдашній дерптскій воевода Фед. Бутурлинъ немедленно же послалъ въ Москву гонца съ извѣщеніемъ объ отъѣздѣ Курбскаго. Курбскій не замедлил написать царю о причинахъ своего отъѣзда, царь отвѣтилъ 5-го іюля 1564 г.

Курбскій не былъ простымъ отъѣзжикомъ, оставившимъ отечество изъ страха личной ошачи, онъ былъ представителемъ цѣлой стороны, а Іоанну было очень хорошо извѣстна многочисленность этой стороны. Къ чему же служить вѣтвенныя записи, поручительства, какъ удерживать вѣлможъ на службѣ, кого послать къ войскамъ? Можесть себѣ прообразить настроеніе духа человека страстнаго, впечатлительнаго, но и не обузданнаго, каковы были Іоаннъ.

Онъ рѣшился на крайнюю мѣру: 3-го декабря 1564 г. выѣхалъ изъ Москвы въ Александровскую Слободу и оттуда 3-го января 1565 г. прислалъ къ митрополиту списокъ назвѣвъ боярскихъ, воеводскихъ и всякихъ приказныхъ людей. Вслѣдъ за тѣмъ явилось извѣстное учрежденіе «опричинныя» и начались жестокия казни какъ приверженцевъ Курбскаго, такъ и всѣхъ, назвавшихся Іоанну подозрительными. Раздѣленіе государства на опричинну и земщину вело къ большой внутренней неурядицѣ, которая, конечно, не могла способствовать успѣшному ходу государственныхъ дѣлъ.

Въ декабрѣ 1563 г. когда окончивался срокъ перемирія съ Литвою, въ Москву прибыли литовскіе послы — крайній Ходкевичъ и маршалокъ Воловичъ. Когда начались переговоры о мирѣ, то бояре потребовали Волыни, Подолія и Галича, но пошли на уступки; послы уступили Москвѣ, Полоцкѣ, Іоаннъ же соглашался на уступку Польшѣ Курляндіи, означая Двину границею между своими и королевскими владѣніями и на этомъ условіи хотѣлъ заключить перемиріе лѣтъ на 10 или на 15.

Дѣло, однако, не уладилось: послы выѣхали изъ Москвы 9-го января 1564 г. и въ январѣ же военные дѣйствія возобновились. Князь Петръ Ивановичъ Шуйскій, тотъ самый, что занялъ Дерптъ, выступилъ изъ Полоцка, а князья Серебряные-Оболонскіе изъ Вязьмы, чтобы соединиться подъ Оршею и оттуда идти на Минскъ. Воевода троцкій Николай Радзивиллъ — началъ

на Шуйскаго не далеко отъ Орши на рѣкѣ Улѣ и нанесть ему рѣшительное пораженіе. Самъ Шуйскій съ двумя князьями Палыкиными былъ убитъ, и все войско разсѣялось.

Послѣ оршинскаго пораженія Курбскій и отбѣжалъ съ литовцами. Онъ получилъ начальство надъ литовскимъ отрядомъ и началъ дѣйствовать противъ русскихъ. Впрочемъ литовцы ни како не воспользовались оршанскою побѣдою. Примеръ Курбскаго не увлекъ другихъ воеводъ, а дѣйствія литовцевъ противъ русскихъ въ Ливоніи не имѣли никакого результата. Князь Александръ Полубенскій, согласно королевскаго повелѣнія, выступилъ къ Дерпту, но потерпѣлъ пораженіе, а дерптскій воевода Бутурлинъ отбѣжалъ набѣгъ на Шмидтенъ, Венденъ, Вольмаръ и Ронсбургъ, откуда вывелъ 3200 человекъ пѣшихъ.

Вообще война 1564 г. велась съ перемѣнными счастьемъ и не имѣла никакихъ важныхъ послѣдствій.

19. О святомъ четвергѣ у эстонъ.

Въ то же время одинъ безбожный ливонскій крестьянинъ и рабъ выдалъ себя за пророка Божія и пребывалъ въ пустой церкви въ Юзельѣ, во владѣніяхъ русскихъ, и уговорилъ остальныхъ крестьянъ, чтобы они праздновали не воскресенье, а четвергъ, по той причинѣ, что, однажды, Богъ находился въ великой нуждѣ и просилъ помощи у всѣхъ дней въ недѣлѣ; но ни одинъ день не пришелъ къ нему на помощь кромѣ четверга. поэтому само собой разумѣется, что этотъ день и нужно почитать больше всѣхъ остальныхъ дней; глупые крестьяне вѣрили этому не только въ этомъ одномъ мѣстѣ, но и по всей Эстоніи до сегодняшняго дня. Изъ этого можно заключить, какъ старые ливонскіе правители содержали своихъ бѣдныхъ крестьянъ въ познаніи Бога и Его слова и какъ пасторы обучали крестьянъ основамъ христіанскаго ученія по катехизису и какъ о томъ заботилось начальство. Потому-то Господь Богъ не безъ причины восхотѣлъ, наконецъ, потребовать отчета съ ливонскихъ правителей.

20. Маркграфъ Христофоръ Баденскій въ Ревель, 1564 и 65 г.

Въ декабрѣ 1564 г. Кристоферъ, маркграфъ Баденскій, со своею супругой госпожей Цециліей; сестрой короля шведскаго, прибылъ изъ Стокгольма въ Ревель; прибывши поздно ночью въ рейбу у Ревеля, они причалили къ берегу около рыбацкихъ домовъ и провели ночь у одного рыбака. Но на слѣдующій день ревельцы приняли съ большой пышностью маркграфа съ его супругой. Пробывши въ Ревелѣ и Падесѣ цѣлую зиму, они около масленицы выѣхали черезъ Ливонію назадъ въ свою землю, въ 1565 году.

21. Какъ гофлейты напали на Нарновъ, 1565 г.

Въ 1565 г., въ ночь съ воскресенья Квасимодогенити на понедѣльникъ (29-го апрѣля), на городъ Нарновъ измѣнически напали и завяли его нѣсколько гофлейтовъ, служившихъ прежде королю

шведскому; теперь они отказались отъ службы, но жалованье имъ еще не было вполне уплачено. Эти же гофлейты убили браже отъ шведовъ безо всякаго человѣческаго милосердія, нѣкоторыхъ закололи и застрѣлили въ постеляхъ съ ихъ женами и дѣтьми, а намѣстника Андреаса Персена, одного изъ знатнѣйшихъ шведскихъ дворянъ, взяли въ пѣнъ на Аудорскомъ дворѣ и изъясного отвезли въ Польшу. И эта измѣна произошла слѣдующимъ образомъ. Когда уволенные отъ службы гофлейты отправились въ рижское архіепископство, то нѣкоторые изъ нихъ остались еще въ Парновѣ, и уѣхавшіе стали переговариваться съ оставшимися въ Парновѣ, какъ бы напастъ врасплохъ на городъ и отнять его у короля шведскаго, и тайно приказали гофлейтамъ, находившимся въ Парновѣ, хорошенько замѣчать, у кого и гдѣ хранятся ключи отъ ближайшихъ воротъ къ замку и не жалѣть трудовъ, чтобы когда нибудь навѣрное можно было получить ключи: тогда они въ определенное время немедленно и навѣрно придутъ къ нимъ ночью. Когда измѣнники въ Парновѣ услышали, что ключи хранятся у Клауса Цинте, тамошняго ратмана, и всегда висятъ у его постели, то они устроили у этого же ратмана Клауса Цинте, ничего не знавшаго о ихъ злодѣйствѣ, пиръ въ воскресенье Квазимодогешти на прощаніе передъ отъѣздомъ и пригласили въ гости знатнѣйшихъ парновцевъ и шведскихъ начальниковъ и хорошо угостили ихъ, за что тѣ довольно дорого расплатились своими головами. Когда хозяинъ дома и другіе гости порядочно подкутили, каждый пошелъ въ свою комнату, и легъ въ постель, не подозрѣвая бѣды. Но остальнымъ пировавшимъ іудамъ было не до сна: они поспѣшили взять ключи, висѣвшіе у постели хозяина, чтобы поскорѣе впустить другихъ гостей и своихъ сотоварищей, которымъ велѣно было явиться сюда этой ночью. Когда ключи были у нихъ въ рукахъ, и явились остальные гофлейты, пробѣжавшіе въ это воскресенье 12 миль отъ Салиса до Парнова, то похитители ключей отворили ворота и впустили своихъ друзей. Тогда въ Парновѣ произошла страшная тревога, люди повскакивали съ постелей и не могли понять, что случилось. Тогда чужіе гости кричали всѣмъ иѣщамъ, чтобы тѣ не беспокоились, что имъ не сдѣлаютъ ничего дурнаго, но шведамъ не будетъ пощады. Когда шведы услышали это, то стали стрѣлять изъ замка изъ большихъ орудій и убили многихъ изъ нихъ вмѣстѣ съ ротмистромъ Кунцемъ Эндскимъ, однимъ изъ Мейсесевскихъ дворянъ: въ тому же они, стрѣляя изъ замка въ городъ, зажгли много домовъ, и держались еще въ замкѣ цѣлыхъ шесть недѣль до кануна Троицы (9-го іюня), и затѣмъ должны были слѣзться (Польшѣ), такъ какъ король шведскій былъ въ походѣ противъ Даніи и не могъ помочь имъ. Такимъ образомъ у короля шведскаго былъ отнятъ Парновъ со многими орудіями, привезенными туда изъ Швеціи.

22. *Война парновскихъ гофлейтовъ съ шведами изъ Ревеля. Слѣдйй поступокъ Гинриха Дюкера. Смерть Каспара Ольденбокена. 1565 г.*

Затѣмъ тѣже парновскіе гофлейты подошли къ Ревелю и расположились въ трехъ миляхъ отъ города у Тодвессова моста, обложили окрестныя мѣстности и причинили большой убытокъ; по утрамъ они подходили къ Ревелю и имѣли стычки, пока изъ Швеція не прибылъ Андресъ Пильсенъ, шведскій ротмистръ съ 600 гофлейтовъ и съ отрядомъ пѣшихъ ратниковъ. Тогда они снова отступили къ Парнову за помощью и подкрѣпленіемъ.

11-го августа 1565 г. предъ полуднемъ эти самые парновскіе гофлейты прибыли снова къ Ревелю и расположились въ дубовомъ лѣсу у верхней мельницы съ 4-мя знаменами (ротами) гофлейтовъ и 27-ю ландскнехтами, чтобы взять голодомъ городъ Ревель. Ротмистрами были Гинрихъ Дюкеръ Ковскій, Кириакъ Гарцскій, Беритъ Гевеленскій и Фридрихъ Швартофъ; здѣсь было также два отряда буршей; начальникомъ этихъ гофлейтовъ были Каспаръ Ольденбокена. Между сказанными четырьмя знаменами было одно знамя курляндскихъ дворянъ, которыхъ собралъ въ Курляндіи герцогъ Магнусъ Гольштейнскій; въ этихъ знаменахъ вмѣстѣ со знаменемъ буршей было около 1000 всадниковъ. Эта-то тысяча гофлейтовъ и 27 кнехтовъ хотѣла изгнать изъ страны короля шведскаго, осадивъ поэтому городъ Ревель, въ которомъ было 800 гофлейтовъ изъ нѣмцевъ и шведовъ и три отряда кнехтовъ (пѣшихъ солдатъ) кромѣ всей общины. Когда же прибыли упомянутые гофлейты, то расположились въ дубовомъ лѣсу у верхней мельницы, построили себѣ бараки изъ досокъ, послали себѣ мягкія постели, повѣсили на стѣны оружіе и тотчасъ же начали бить скотъ, будто прѣхали на личную свадьбу или крестины и хотѣли такимъ образомъ завоевать сильный городъ Ревель, взять который было бы трудно даже могущественному государю со многими тысячами народа. Когда эти гофлейты прибыли въ субботу и очень удобно расположились спать, ихъ въ слѣдующій понедѣльникъ не во время разбудить рано утромъ губернаторъ Гинрихъ Клауссъ, причемъ и шведы потерпѣли не малый убытокъ. Когда же эти парновскіе и курляндскіе гофлейты были отбиты, то шведы начали грабить лагерь и нашли тамъ на стѣнахъ много ружей, кинжаловъ съ серебряными рукоятками, кованое оружіе и разныя доепѣхи: поймали много лошадей и кромѣ того нашли большія обозы курляндскія и латышскія телеги съ различными съѣстными пропасами, и совершенно спокойно начали грабить. Между тѣмъ Гинрихъ Дюкеръ со своимъ знаменемъ (отрядомъ) отдѣляется отъ прочаго войска, рѣшается на смѣлый поступокъ и бросается насадъ къ лагерю, чтобы освободить изъ верхней мельницы 27 человекъ ландскнехтовъ. Прибывши въ лагерь и найдши шведовъ спокойно грабившими, онъ

бросился на нихъ. застрѣлялъ и перебилъ ихъ болѣе ста, затѣмъ съ бодрой опасностью снесъ кнехтовъ изъ мельницы. Когда же парновскіе и курляндскіе гофлейты сдѣлали все это и уѣхали, то шведскіе ратники снова начали грабѣжъ лагеря и взяли большую добычу: простыми рабочими было довольно тяжело тащить битыхъ воловъ, барановъ и свиней, которыми хотѣли угощаться прибывшіе; но Гинрикъ Клаусенъ былъ для нихъ злымъ гостемъ, который единственно скоро помѣщалъ ихъ раннему пиру. Затѣмъ лошадямъ шведскихъ господъ было довольно работы, чтобы стащить парновскихъ и курляндскихъ гофлейтовъ въ большіе крестьянскіе овраги. Каспара Ольденбокена, ихъ начальника, не было въ то время съ ними: онъ долженъ былъ прибыть въ слѣдующій вторникъ съ 60-ю всадниками.

Послѣ такой побѣды Гинрикъ Клаусенъ не медлилъ, а сейчасъ же выступилъ со своимъ войскомъ въ походъ, чтобы преслѣдовать непріятеля, и сталъ лагеремъ въ деревнѣ Сиппа. Когда прибыли парновцы и не осмѣливались подойти по причинѣ выгодной позиціи, занятой Гинрикомъ Клаусеномъ, то шведы выстрѣляли въ нихъ изъ полевого орудія, причемъ былъ убитъ только ихъ начальникъ Каспаръ Ольденбокенъ, остальные же пребыли невредимы. Поэтому, когда погибъ предводитель, то и все сборище товарищей должно было разойтись.

23. Гофлейты.

Такъ окончилась эта рыцареподобная война; настоящая причина этой войны была та, что шведскіе правители, какъ новые управляющіе въ домѣ, поставленные Господомъ, начали смѣнять старыхъ домохозяевъ и орденскихъ братьевъ, не умѣвшихъ достойно занимать свои должности. Каспаръ Ольденбокенъ былъ также одинъ изъ старыхъ хозяевъ; когда же онъ былъ смѣщенъ шведами, то захотѣлъ отомстить за свою обиду и силою занять свое прежнее мѣсто. Для этого онъ собралъ отрядъ изъ молодыхъ ливонскихъ дворянъ, изъ нѣсколькихъ бюргерскихъ сыновей изъ Ревеля и другихъ мѣстъ, изъ нѣсколькихъ иностранцевъ и предложилъ имъ защищать старую ливонскую свободу (вѣрнѣе бы онъ сказалъ своеволие), которою они безусловно пользовались при старыхъ правителяхъ, и выгнать изъ своей земли шведскихъ правителей, которые, какъ настоящіе хозяева, строго взялись за управленіе и приемотръ надъ всѣмъ, взять городъ Ревель, подѣлить между собой всѣ помѣстья и управлять ими. Какъ то сдѣлали парновскіе гофлейты, нисколько не страшась вышшаго начальства. Но не резонъ сажать дураковъ на яйца, они перебили ихъ, какъ то сдѣлали парновскіе гофлейты съ Парновымъ. Потому что парновскіе гофлейты, отнявши Парновъ у короля шведскаго и начавши сами править имъ именемъ короля польскаго и подѣливши между собой

парновскія земли и помѣстья, въ которыхъ они безпечно вели разгульную жизнь и не будучи довольно сильны, чтобы не бояться шведовъ. они привлекли на свою сторону многихъ изъ своихъ сотоварищей изъ молодыхъ ливонскихъ дворянъ и бюргерскихъ сыновей, которые не были расположены къ шведамъ, и воевали съ городомъ Ревелемъ, за то, что тотъ перешелъ къ шведамъ. Тогда они безпрестанно грабили и опустошали Гарріенъ и Викъ и другія мѣстности, разорили дворы и имѣнья своихъ собственныхъ родныхъ и друзей, преданныхъ королю шведскому, брали въ плѣнъ собственныхъ родныхъ и друзей и привозили ихъ въ Парновъ, гдѣ тѣ должны были платить за себя выкупъ.

Въ то время многіе ливонцы находились въ осадѣ Ревеля, думая, что если они воюють съ городомъ Ревелемъ и опустошаютъ собственное отечество и преслѣдуютъ короля шведскаго, то всѣ ихъ похвалятъ за то, что они не переходятъ къ шведамъ. Но черезъ нѣсколько лѣтъ, когда москвиты открыли имъ глаза, perturbatores patriae (возмутители отечества) ясно увидѣли, что они надѣлали.

24. Ненависть къ Ревелю.

Въ то же время не только молодые ливонцы, но и многіе старые изъ города Риги, Курляндіи и Эзеля, а также всѣ сосѣдніе города, сдѣлавшіеся польскими и датскими, питали ужасную вражду и неприязнь къ городу Ревелю за то, что онъ перешелъ къ шведамъ, желали ему за то провалиться сквозь землю, предсказывали ему всякое зло и были въ полной увѣренности, что сами поступили какъ слѣдуетъ и обезпечены отъ всякой опасности; многіе изъ нихъ откровенно писали о себѣ, что они пользуются полнѣйшимъ благополучіемъ подъ защитой короля польскаго и датскаго и желали, чтобы Господь утѣшилъ приверженцевъ шведовъ въ Ревелѣ. Но добрые люди скоро затѣмъ перемѣнили мнѣніе.

25. Несчастіе нѣмцевъ въ Дерптѣ и Виттенштейнѣ, 1565 г.

Въ 1565 г., лѣтомъ, всѣ нѣмцы изъ Дерпта во второй разъ были уведены въ Москву, по той причинѣ, что русскіе, услышавъ какъ городъ Парновъ былъ преданъ хитростью нѣмцевъ, боялись, чтобы имъ нѣмцы не сдѣлали того же и въ Дерптѣ. За этотъ парновскій мятежъ полагались также и нѣкоторые виттенштейнскіе бюргеры. оказавшіеся передъ тѣмъ подозрительными въ своей преданности къ шведамъ. шведскіе правители прогнали ихъ изъ Виттенштейна.

Прич. перев. Причины вывода изъ Дерпта нѣмецкихъ жителей указаны Рыжовымъ кнрию. Дерптцевъ переслали въ іюні 1565 г. и гошцу Желвинскому. отправленному въ Литву, было приказано: если спросятъ въ Литвѣ о дерптцахъ, для чего ихъ царь изъ Дерпта велѣлъ перевести въ

московские города, то отъѣзжать: черевости и ѣмечь государю вѣдѣть для того, что они ссылались съ магистромъ ливонскимъ, велѣли ему ѣхать подъ ихъ городъ со многими людьми и хотѣли государю извѣстить.

Дерптскіе сослали въ Владиміръ, Угличъ, Кострому, Нижній-Новгородъ, съ женами и дѣтьми, но дали пристойное содержаніе и дозволили дерптскому пастору Веттерхину свободно ѣздить изъ города въ городъ, гдѣ посели и дерптскіе. Былъ наѣздъ, что царь отъѣдно уважалъ Веттерхина и велѣлъ ему разбирать свою бібліотеку, въ которой Веттерхинъ нашелъ много рѣдкихъ книгъ, привезенныхъ некогда изъ Рима, вѣроятно, царевною Софією.

Царь особенно старался въ это время привлечь на свою сторону иѣмечки: принялъ въ 1565 г. въ русскую службу Оверфельда, Кальба, Таубе, Крузе; дозволялъ даже лютеранамъ имѣть церкви въ Москвѣ (Петрей пишетъ, что деревянная лютеранская церковь была верстахъ въ двухъ отъ Москвы).

26. Опасти противъ гофлейтовъ, 1565 г.

Осенью 1565 г. многіе парновскіе гофлейты, дворяне и не дворяне были застигнуты врасплохъ шведами въ своихъ квартирахъ и съ большимъ триумфомъ были привезены въ Ревель; между ними явился нѣсколько ихъ присягавшихъ не служить противъ короля шведскаго и не сдержавшихъ слова: изъ нихъ нѣкоторые были помиллованы по просьбамъ другихъ, нѣкоторые повѣшены, а двое дворянъ, именно Юргентъ Дуве (Таубе) Гакевейдскій и Отмаръ Рогскій (Роопъ) были казнены мечемъ. Около того же времени отрядъ эзельскихъ гофлейтовъ былъ взятъ въ плѣнъ въ Дагденѣ шведскими кнехтами и съ большою пышностью приведенъ въ Ревель.

27. Шведы у Парнова и на Эзелѣ. Поляки въ Виль, 1566 г.

Зимою 1566 г. Гиврикъ Клаусенъ, рыцарь изъ Бонкаса и губернаторъ въ Ливоніи, осадилъ городъ Парновъ и хотѣлъ безъ орудій долговременной осадой попытать здѣсь своего счастья. Пробывши здѣсь цѣлую зиму до половины поста и не сдѣлавши ничего безъ орудій, онъ долженъ былъ отступить, не исполнивъ своего намѣренія, за что поимались окрестныя парновскія земли. Затѣмъ Гиврикъ Клаусенъ съ войскомъ двинулся къ Эзелю, никакъ не ожидавшему войны; онъ совершенно опустошилъ этотъ островъ, взялъ контрибуцію съ мѣстечка Аренсбурга и вернулся домой съ большою добычей. Причина же, почему Гиврикъ Клаусенъ напалъ на Эзелю, была не только та, что была открытая война между Даніей и Швеціей, но и та, что гофлейты герцога Магнуса вмѣстѣ съ другими были у Ревеля и кромѣ того аренсбургцы должны были однажды обѣщанную, но не уплаченную контрибуцію.

Между тѣмъ какъ шведы грабили и жгли на Эзелѣ, прибыло польское войско на помощь парновцамъ; услышавши, что шведовъ нѣтъ въ Парновѣ и что они напали на Эзелю, поляки двинулись на

встрѣчу шведамъ, отняли у нихъ большую часть добычи, причинили въ Викѣ вездѣ большой убытокъ и затѣмъ опять ушли въ Польшу.

28. Чума въ Ревель, 1566 г.

Весною 1566 г. снова начался въ Ревель чумный моръ, показавшійся прошлой осенью, и свирѣлствовалъ не только въ городѣ, но и во всей землѣ; отъ него умерло много знатныхъ людей, также какъ и простаго народу. Тогда умерли и многіе изъ шведскихъ воиновъ въ ревельскомъ соборномъ приходѣ, и многихъ бюргеровъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, выбравшихъ отъ чумы въ деревню, привозили въ городъ мертвыми и больными.

Прих. перев. Изъ Эстоніи чума перешла и въ русскія земли. 19-го іюня 1566 г. моровое повѣтріе обнаружилось въ новгородской шелонской пятинѣ, въ августѣ въ Новгородѣ, Палочкѣ, Озернцахъ, въ Торопцѣ, въ сентябрѣ въ Смоленскѣ и Можайскѣ. Въ Смоленскѣ «многіе дома затворились и церкви безъ пѣнія были отъ сентября до марта». Въ Можайскѣ царь «заставу крѣпкую велѣлъ учинить и того же лѣта повѣтріе утихло въ тѣхъ мѣстахъ». Люди умирали скоропостижно, «знаменіемъ», какъ сказано въ Александро-Невской лѣтописи, вѣроятно, пятномъ и нарывомъ. Умирало болѣе духовныхъ и гражданъ, нежели воинскихъ людей.

29. Шведы берутъ Лемзель. Ихъ поражение у Рунафера, 1567 г.

Зимой 1567 г. Клаусъ Курсель, новый избранный военначальникъ шведовъ въ Ливоніи, очень искусно со своимъ войскомъ засталъ врасплохъ мѣстечко Лемзель въ рижскомъ округѣ, въ которомъ находился польскій отрядъ, убилъ нѣсколькихъ поляковъ, взялъ значительную добычу, затѣмъ свегъ мѣстечко, что немало разсердило поляковъ; поэтому Николай Толвенцкій (Талвошъ), военначальникъ поляковъ, собралъ войско и выступилъ въ походъ съ нѣсколькими тысячами нѣмцевъ и поляковъ, чтобы отомстить шведамъ за убытокъ и позоръ, причиненный въ Лемзелѣ. Тогда Гинрихъ Клауссъ, губернаторъ ревельскій, и Клаусъ Курсель, военначальникъ, также храбро стали собираться со своимъ войскомъ, и пошли въ походъ на встрѣчу полякамъ. Когда оба войска двинулись въ путь, то встрѣтились на Вискской границѣ у мельницы около Рунафера и здѣсь была дана битва. Послѣ нѣсколькихъ столкновеній поляки обратили шведовъ въ бѣгство и одержали побѣду, такъ какъ превосходили числомъ послѣднихъ. Тогда всѣ шведскіе гофлейты побѣжали по глубокому снѣгу и оставили на бобахъ всѣхъ шведскихъ и нѣмецкихъ ландкнехтовъ, которые нигуда не могли убѣжать изъ за глубокаго снѣга. Тогда поляки прежде всего побѣжали за шведскими гофлейтами, многихъ изъ нихъ убили и взяли въ плѣнъ при этомъ бѣгствѣ, тогда же были взяты въ плѣнъ и Іоаннъ Майцель Воллустскій,

ротмистръ, и начальники спаслись съ большимъ трудомъ. Плохо тогда пришлось шведскимъ и пѣмскимъ кнехтамъ, которые не могли нигдѣ укрыться зимой въ глубокомъ снѣгу, а поляки между тѣмъ стрѣляли, ковали и били и большую часть изъ нихъ взяли въ плѣнъ; плѣнныхъ всѣхъ со всеми ихъ предводителями и знаменопосцами кучами повели въ Польшу. Нѣмецкіе кнехты города Ревеля заняли выгодную позицію на дворѣ одного крестьянина; но поляки привезли орудія и стали стрѣлять въ нихъ; тогда они всѣ должны были сдаться и со шведскими кнехтами были отправлены всѣ въ Польшу и Литву. Поляки отняли тогда и знамя города Ревеля вмѣстѣ со шведскими знаменами и привезли для триумфа въ Вильну (Вильну). «Въ этой битвѣ шведы потеряли убитыми и плѣнными всего 2000 человекъ; не мало погибло также и поляковъ. Случилось это 1567 г., 3-го февраля. Послѣ этой побѣды поляки грабили и жгли въ Вильнѣ и Гаррисенѣ до Ревеля и причинили большой убытокъ. Эта битва и свалка обоихъ христіанскихъ государей не была никому такъ выгодна, какъ московиту, который позволялъ имъ бороться между собой, пока оба не устанутъ. Онъ выжидалъ для себя удобнаго случая и спокойно взялъ невѣсту, изъ за которой они дрались.

30. *Ходящихъ у Риги, 1567 г.*

Въ 1567 г., около Троицы, Котевичъ (Ходкевичъ), литовскій воевода, хотѣлъ осадить городъ Ригу со многими тысячами поляковъ и литовцевъ, подошелъ въ Ригѣ и построилъ на Двинѣ блокады, мимо которыхъ должны были проходить рижскіе корабли, чтобы заставить такимъ образомъ рижанъ принять польскія условія и предложенія. Но рижане не обратили большого вниманія на его запугиванья и угрозы, сдѣлали вылазку и съумѣли противиться ему. Наконецъ, когда онъ ничего не могъ добиться отъ рижанъ, онъ отступилъ и сдѣлалъ только то, что въ странѣ стало очень много бѣдныхъ людей.

Прим. крест. Для объясненія этой главы необходимо вспомнить, что 6-го марта 1562 г. первый курляндскій герцогъ Кетлеръ былъ объявленъ администраторомъ Ливоніи (см. Приб. Сб. II, 403), сослѣв которой признали надъ собою власть короля польскаго и великаго князя литовскаго, при чемъ было постановлено, что если Польша откажется защищать Ливонію, то обязанность эту приметъ на себя Литва. Рига же присягнула Сигизмунду Августу только тогда, когда князь Радзивиллъ выдалъ 17-го марта 1562 г. новую удостовѣрительную грамоту (*cautio altera Radziwiłłana*), по которой Ригѣ обещивалась независимость вслучаѣ еслибы польскій сеймъ не утвердилъ условій, или же оказалась невозможность соединенія въ одно время съ Польшою и Литвою, а равно и въ томъ случаѣ, если король умретъ, не оставивъ наследства.

Въ тѣ времена великое княжество Литовское и королевство Польское (Корона), хотя и имѣли одного государя, но каждое имѣло свое управленіе и свой сеймъ и слѣдовательно, было еще вопросъ, согласится ли Корона взять

на себя защиту Ливоніи и такимъ образомъ втянуться въ неминуемую войну съ Швеціей и Москвою. Король Сигизмундъ, вскоре послѣ присяги ливонскихъ сословій, потребовалъ отъ эстонскаго дворянства, чтобы и оно прислужило, такъ какъ Эстонія составляла часть бывшихъ орденскихъ владѣній, подчинившихся королю. Это требованіе осталось безъ послѣдствій. Но хотя ливонскія сословія и городъ Рига принесли королю, тѣмъ не менѣе присоединеніе Ливоніи къ Рѣчи Посполитой Польской не могло окончательно закрѣпиться безъ утвержденія польскаго сейма. Король и созвалъ сеймъ въ Петровку, который и имѣлъ засѣданія сперва весной 1562 г., потомъ въ октябрѣ 1562 г., наконецъ въ февралѣ 1563 г. Разсуждали прежде всего какъ слѣдуетъ считать ливонцевъ: союзниками (*socii*) или же подданными (*subditi*), но къ окончательному рѣшенію не пришли, такъ какъ на сеймѣ не присутствовали литовскія сословія, къ тому же пришла вѣсть о взятии Полоцка, да и ливонскія сословія снова заговорили, что о присоединеніи къ Литвѣ одной не можетъ быть и рѣчи, потому что Литва не составляетъ безусловно самостоятельнаго государства, соединеніе же можетъ совершиться только со всею Рѣчью Посполитою Польскою.

Не пришелъ ни къ какому результату и сеймъ 1564 г. А между тѣмъ къ королю начали поступать жалобы на самоуправства литовскихъ войскъ въ Ливоніи, земельное рыцарство Ливоніи, преимущественно рыцарство архіепископства начали жаловаться на Кетлера, что онъ даетъ предпочтеніе бывшему орденскому рыцарству предъ земнымъ, даетъ въ аренды архіепископскія имѣнія бывшимъ орденскимъ чинамъ, распоряжается произвольно. Король имѣлъ причины быть недовольнымъ Кетлеромъ тѣмъ, что онъ безъ королевскаго вѣдома входитъ въ сношенія съ иностранными дворами, вербуетъ войска. Нѣтъ сомнѣнія, что и католическая партія, въ тѣ времена вовсе еще не маленькая въ Ливоніи, не особенно была расположена къ протестанту Кетлеру. Эти жалобы, а главнѣйшимъ образомъ необходимость окончательнаго рѣшенія вопроса о присоединеніи Ливоніи побудили короля сѣлнить ливонскаго администратора и назначить на его мѣсто, вопреки виленскаго договора о подчиненіи (*tractae subjectionis*, 28-го ноября 1561 г.), не ливонскаго вѣмца, а кореннаго литовско-русскаго боярина. Имъ былъ староста жмудскій, великій харизматикъ литовскій Янъ-Карль Ходкѣвичъ. Отправляя Ходкѣвича въ Ливонію, король далъ ему обширныя полномочія и подробную инструкцію. Ходкѣвичу поручалось: устроить окончательное соединеніе Ливоніи не со всею Рѣчью Посполитою Польскою, а лишь съ Литвою, къ такому соединенію привести и Ригу, которая обязана удѣлять что либо изъ своихъ доходовъ на содержаніе войскъ. Ему поручалось стараться изгнать шведовъ изъ Эстоніи и соединить эту землю съ Литвою. Отъ герцога Кетлера онъ долженъ присоединить часть лѣваго берега Двины. Ему предоставлялось право замѣщать и смѣщать чиновниковъ, утверждать или измѣнять судебные приговоры, собирать подати, строить города, чеканить монету, раздавать въ аренды и лены имѣнія и пр.

Новый администраторъ прибылъ въ Ливонію съ большою свитою и герцогъ Кетлеръ передалъ ему 5-го ноября 1566 г. на ландтагѣ въ Кокенгузепѣ управленіе Ливоніею. Ходкѣвичъ немедленно же созвалъ ливонскіе сословія на ландтагъ въ Венденъ. Ливонскимъ вѣмцамъ въ началѣ очень не понравилось назначеніе администраторомъ не вѣмца, но Ходкѣвичъ повелѣ дѣло столь умно, что всѣхъ недовольныхъ преклонилъ на свою сторону и на ландтагѣ въ Венденѣ добился рѣшительно всего, о чемъ условился съ королемъ. На этомъ ландтагѣ Ходкѣвичъ представилъ ливонскимъ сословіямъ рижане, сославшись на радзивилловскую удостовѣрительную грамоту, своихъ

депутатовъ на ландтагъ не послали, вообще и слышать не хотѣли о какихъ либо перемиріяхъ въ своихъ отношеніяхъ къ королю), что 'король именно изъ за Ливоніи извѣствовалъ противъ себя опасныхъ непріятелей въ лицѣ Іоанна Грознаго и хотя на коронныхъ сеймахъ не добился никакой помощи, но отъ принятаго обязательства защищать Ливонію не отказывается, ведетъ войну съ Москвою, илами одной Литвы и уже изъ за Ливоніи потерялъ Польшу. Справедливость требуетъ, чтобы и ливонцы вѣрностію и доброжелательствомъ явились достойными королевской протекціи и чтобы, отказавшись отъ нѣкоторыхъ своихъ правъ и обычаевъ, такъ тѣсно соединились съ великимъ княжествомъ литовскимъ, чтобы и Ливонія и Литва составили единое государство и единый народъ, любящій общіе интересы и расчетъ общими силами защищать ихъ. Сословія долго разсуждали объ этомъ предложеніи Ходкевича и наконецъ, побуждаемые краснорѣчіемъ и доводами новаго администратора, единогласно постановили:

1) Убѣдившись изъ печальнаго опыта, что *pluralitas principum* т. е. многочисленность правителей принесла Ливоніи больше вреда, чѣмъ пользы и что для общаго добра нѣтъ ничего спасительнѣе, какъ пребывать подъ однимъ главенствомъ и управляться послушаніемъ одному, потому великаго князя литовскаго и его потомковъ признавать совместно съ княжествомъ Литовскимъ своими законными государями.

2) На будущія времена не отдѣляться отъ великаго княжества литовскаго, напротивъ пребывать въ тѣсной уніи, дружбы и братства съ Литвою.

3) Никого не признавать своимъ государемъ кромѣ лица, которое будетъ великимъ княземъ литовскимъ, и никакихъ трактатовъ противъ этой уніи не заключать.

4) Свѣзды и сеймы имѣть общіе съ великимъ княжествомъ литовскимъ, а на тѣхъ свѣздахъ и сеймахъ ливонскіе сенаторы и послы будутъ имѣть свои мѣста.

5) Его величество король по отношенію этого соединенія съ Литвою будетъ представлять на имперскомъ сеймѣ.

6) Ливонцы остаются при аугсбургскомъ исповѣданіи, а изъ доходовъ съ архіепископскихъ имѣній, переходящихъ къ королю, устроить коллегію для ученыхъ, благотворительныя учрежденія для дѣвщъ и вдовъ и госпиталь для бѣдныхъ.

7) Ливонскія сословія остаются при своихъ прежнихъ правахъ и преимуществахъ. Должности въ судахъ, замкахъ и старостахъ замѣщаются ливонскими дворянами нѣмецкаго происхожденія, вся же ливонская земля раздѣляется на четыре уѣзда (округа, дистрикта): рижскій, трейденскій, венденскій и динабургскій; каждый уѣздъ управляется сенаторомъ, избираемымъ изъ мѣстныхъ дворянъ, три человека судей въ каждомъ уѣздѣ избираются также изъ мѣстныхъ дворянъ.

8) Ливонскіе сенаторы включаются въ число сенаторовъ литовскихъ.

9) Позвы и указы въ суды идутъ за печатью великаго княжества литовскаго, но декреты утверждаются печатями судей.

10) Апелляція за границу не переносится, но всякое дѣло окончательно рѣшается главнымъ Ливоніи администраторомъ и четырьмя ливонскими сенаторами.

11) Декреты послѣдней инстанціи припечатываются ливонскою печатью, которая будетъ дана королемъ.

12) Всѣ акты и декреты должны быть написаны на нѣмецкомъ языкѣ.

13) Привилегіи, указы и всѣ бумаги изъ королевской канцеляріи снабжаются литовскою печатью.

14) Монета будетъ въ Ливоніи таже самая, что и въ Литвѣ.

15) Всѣ права, преимущества и вольности, предоставленныя сенаторамъ, дворянству, городамъ и другимъ сословіямъ великаго княжества литовскаго, предоставляются и ливонцамъ, какъ братьямъ литовскимъ.

16) Главный администраторъ Ливоніи назначается или изъ ливонцевъ или изъ литовцевъ и до утвержденія представляется ливонскимъ сословіямъ, которыя имѣютъ право просить назначить другаго, если имѣютъ уважительныя причины противъ назначенія предлагаемаго.

17) Такое соединеніе на вышеизложенныхъ условіяхъ съ великимъ княжествомъ литовскимъ будетъ подтверждено королемъ и всѣми литовскими сословіями. Если бы впоследствии Литва соединилась съ Короною Польскою, то и Ливонія, какъ часть великаго княжества литовскаго, будетъ включена въ эту унію съ Короною.

Актъ соединенія съ Литвою былъ подписанъ всѣми присутствовавшими на ландтагѣ. Ходкевичъ не замедлялъ довести о происшедшемъ королю, который съ своей стороны не замедлялъ созвать литовскій сеймъ въ Гроднѣ для разсмотрѣнія и утвержденія этого важнаго акта. Ливонскіе депутаты явились на гродненскій сеймъ и здѣсь 26-го декабря 1566 г. король утвердилъ актъ соединенія Ливоніи съ Литвою съ оговоркою: «предоставляя, однакожь, во всѣхъ пунктахъ, статьяхъ и условіяхъ вышеупомянутого соединенія права высочества и верховнаго обладанія и всѣ регаліи и преимущества, принадлежащія намъ и великому княжеству напсеку». Актъ этотъ озаглавленный: «Privilegium unionis provinciae Livoniae cum magno ducatu Lithuaniae» былъ подписанъ всѣми сенаторами и чинами литовскими, присутствовавшими на сеймѣ. Вѣстѣ съ тѣмъ, Ливоніи былъ предоставленъ титулъ княжества и гербъ: бѣлый грифъ въ красномъ полѣ, держащій жезъ въ правой ногѣ; на груди буквы S. A. т. е. Sigismundus Augustus.

Ходкевичъ присутствовалъ также на гродненскомъ сеймѣ. По возвращеніи въ Ливонію, весною 1567 г., онъ прежде всего занялся раздѣленіемъ Ливоніи на четыре уѣзда, согласно акта уніи, за тѣмъ были произведены выборы сенаторовъ и судей для земскаго суда въ каждомъ уѣздѣ (judicium terrestre, Landgericht), по три для каждаго суда съ двумя засѣдателями отъ дворянства и нотаріусомъ. Вѣстѣ съ тѣмъ была произведена и секуляризація архіерейскоуства, постановленная на юмъ же венденскомъ сеймѣ. Но Рига никакъ не соглашалась принять актъ соединенія и упорно стояла при данной ей Радзивилломъ второй удостовѣрительной грамотѣ и долго еще находилась въ полу-независимомъ положеніи. Около тройницы дня 1567 г. Ходкевичъ приступилъ къ Ригѣ, но тутъ Кетзеръ явился посредникомъ и достигъ только того, что Ходкевичъ согласился, впредь до королевскаго рѣшенія, приостановиться постройками блокаузовъ на Двинѣ и не препятствовать судоходству. Дѣло съ Ригею затянулось на многіе годы, какъ то будетъ разсказано въ другомъ мѣстѣ.

31. Убийство, совершенныя королемъ Эрикомъ, 1567 г.

Въ 1567 г., послѣ Троицы, въ Упсалѣ въ Швеціи были совершены ужасныя убійства королемъ Эрикомъ, который совершенно несправедливо и безъ всякаго суда тайно велѣлъ убить графа Шванто Стуре съ его двумя сыновьями Николаемъ и Эрикомъ и другими рыцарями и дворянами. Причиной этой трагедіи былъ Юргенъ Персенъ, секретарь короля, который ложно оклеветалъ упомя-

нутыхъ господъ передъ королемъ, будто они составили заговоръ между собою и затѣваютъ мятежъ противъ короля. Послѣ такого поступка разсудокъ короля помутился, и когда онъ снова пришелъ въ себя, то очень жалѣлъ о пренесенномъ; раскаяваясь въ этомъ преступленіи, онъ освободилъ изъ темницы своего брата, герцога Іоанна.

Прим. перев. Король Эрикъ не довѣрялъ своимъ вельможамъ точно также, какъ Іоаннъ Грозный не довѣрялъ боярамъ. И тотъ и другой, конечно, нѣтъ къ тому причины и поводы, но и тотъ и другой въ своей буйробольши доходили до чрезыѣрныхъ крайностей.

Король Эрикъ удалился отъ своихъ вельможъ, окружилъ себя любимицами низкаго происхожденія, которые изъ за личныхъ выгодъ все болѣе и болѣе вооружали его противъ вельможъ и наконецъ довели до бѣшенства и сумасшествія. Въ 1562 г. въ Швеціи состоялось только одинъ смертный приговоръ, въ 1568 г. состоялось уже 50, изъ которыхъ 32 по дѣлу герцога Іоанна. Всего до октября 1567 г. король Эрикъ осудилъ на смерть 232 человека. Эти казни вызвали всеобщій ропотъ и наконецъ возстаніе, кончившееся изложеніемъ Эрика, какъ о томъ будетъ сказано ниже.

32. *Мореходство зимою, 1568 г.*

Въ 1568 г., въ день Срътенія Господня, въ Ревель прибылъ нѣмецкій корабль, на которомъ были также и нѣмецкія женщины. Приходъ корабля былъ чудомъ, потому что въ это время года обыкновенно стоятъ самые сильные холода и никогда до сихъ поръ корабли не приходили въ эту пору. Причина же, почему корабль такъ не во время прибылъ въ Ревель была та, что датскіе и любекскіе военные корабли, и также и данцигскіе крейсера въ большомъ числѣ разлѣзали по морю лѣтомъ и осенью и не позволяли ходить ни ревельскимъ, ни лѣвѣмъ шведскимъ кораблямъ. Поэтому купцы должны были добывать себѣ кормленіе съ большою опасностію и не во время.

33. *Бой съ датскими крейсерами, 1568 г.*

Тюю же весной прибыли послѣ того къ Ревелю данцигскіе крейсера съ двѣдцатью хорошо вооруженными кораблями и стали на якорѣ у Наргедена (нынѣ Наргенъ), чтобы помѣщать королю польскому въ плаваніи какъ къ Нарвѣ, такъ и къ Ревелю. Эти крейсера потребовали контрибуцію съ города Ревеля, но ничего не получили. Пробывши почти полъ лѣта передъ Ревелемъ и получивши наконецъ извѣстіе, что имъ слѣдуетъ опасаться шведскихъ кораблей, они снова отплыли въ Данцигъ, но шведскіе корабли преслѣдовали ихъ до самаго данцигскаго рейда и отняли у нихъ нѣсколько кораблей. Послѣ того какъ шведскіе корабли такъ раздѣлались съ крейсерами, они числомъ 18, прибыли въ ревельскій рейдъ и ревельскій магистратъ одарилъ адмирала нѣсколькими жирными быками, виномъ и пивомъ.

Прих. перев. Король Сигизмундъ - Августъ всячески старался уничтожить нарвскую торговлю и такъ однажды писалъ королевѣ английской (см. Соловьева VI. 279): «Московский государь ежедневно увеличиваетъ свое могущество приобритеніемъ предметовъ, которые привозятся въ Нарву: ибо сюда привозятся не только товары, но и оружіе, до сихъ поръ ему неизвѣстное, привозятся не только произведенія художествъ, но прѣзказны и сами художники, посредствомъ которыхъ онъ приобритетъ средства побѣждать всѣхъ. Вашему величеству не безызвѣстны силы этого врага и власти, какою онъ пользуется надъ своими подданными. До сихъ поръ мы могли побѣждать его только потому, что онъ былъ чуждъ образованности, не зналъ искусствъ. Но если нарвская навигація будетъ продолжаться, то что будетъ ему неизвѣстно?»

Это именно отлично хорошо сознавалъ Іоаннъ и потому съ упорствомъ добивался приобритенія прибалтійскихъ областей.

Не смотря на представленія Сигизмунда, англичане, датчане и приморскіе города продолжали торговать къ Нарвѣ, получая отъ торговли съ русскими большія выгоды. Король, чтобы препятствовать нарвской торговлѣ, а также для того, чтобы обуздать непослушныхъ гданчанъ, которые «портъ свой (Гданскъ, Данцигъ) открывали и закрывали по произволу, морскіе берега себѣ присвоивали, Гдынигу и другимъ городамъ воспрещали судоходство, затопившіе корабли и имущество себѣ брали», вооружилъ на свой счетъ флотилію каперовъ подъ начальствомъ капитана Шерпинка. Эта флотилія (*aspirites seu speculatores maris*) крѣпко не понравилась купцамъ датскимъ, английскимъ и гданчанамъ. Гданчане и послали свои корабли въ Ревель, чтобы противодействовать флотиліи Шерпинка. Но какъ шведы были въ войнѣ съ Данією и Любекомъ и другими приморскими городами, потому они и преслѣдовали гданскіе корабли. Гданчане, внослѣдствіи, согласившись съ Данією, нанали на Шерпинка, разсѣяли его флотилію, захватили у него 11 человекъ, которыхъ и казнили у Гданска. Самъ Шерпинкъ едва спасся. Король Сигизмундъ, однако, усемирилъ Гданскъ, и сохранилъ за собою власть надъ гданскимъ портомъ и моремъ.

34. Шведы берутъ Зонненбургъ, 1568 г.

Въ 1568 г., въ день св. Іакова, эти же корабли съ Кзаусомъ Курселемъ, военнымъ начальникомъ, отплыли къ Зонненборгу на Эзель, чтобы взять этотъ замокъ. Этотъ замокъ былъ сначала сильною крѣпостью, но Христофоръ Валькендэрпъ, датскій намѣстникъ въ Аренсбургѣ, незадолго передъ тѣмъ срылъ и сжегъ ее; внослѣдствіи аренсбургцы очень жалѣли объ этомъ. Поэтому они хотѣли снова отстроить этотъ замокъ Зонненбургъ и уже почти нѣсколько укрѣпили его и населили и назначили туда гауптманомъ одного гансальскаго соборнаго попа, по имени Рейнольда Сцофе. Когда же шведы поступили съ 18 кораблями съ моря и съ небольшимъ войскомъ съ суши, то Рейнольдъ Сцофе такъ перетрусилъ, что немедленно же сдалъ замокъ шведамъ, которые снова укрѣпили его противъ нападеній.

35. Низложеніе короля Эрика, 1568 г.

Въ 1568 году, въ іюлѣ, Эрикъ XIV, король шведскій, праздновалъ свое бракосочетаніе съ своею наложницею Катериной, дочерью очень ничтожнаго человѣка. Въ то же время король выдалъ свою сестру Софію за герцога Магнуса Саксонскаго и Энгернскаго, и обѣ свадьбы праздновали въ одинъ день. При этомъ, дочь презрѣннаго князѣ сидѣла и ходила выше королевской дочери; братья короля герцогъ Іоаннъ и герцогъ Карлъ очень сердились и возмущались тѣмъ, что ихъ братъ, король, панесъ такое оскорбленіе ихъ дружбѣ, королю шведской и всѣмъ честнымъ родамъ, поѣтому они не явились на свадьбу; но составили между собою заговоръ, чтобы отомстить своему брату, королю, за такой позоръ. Они привлекли на свою сторону двухъ знатнѣйшихъ рыцарей Швеціи, а именно. Стено Эрикссена, брата ихъ матери, и Тура Бьельке, зятя казненаго графа Шванто. Тогда герцогъ Карлъ отправился въ Ваттенштейнъ (на Веттернскомъ озерѣ) и незамѣтно занялъ замокъ. Затѣмъ они привлекли также на свою сторону войско короля, бывшее въ походѣ противъ Дани, и заключили перемиріе съ королемъ датскимъ. Послѣ того они съ этимъ войскомъ подошли ближе къ Стокгольму; королевскіе гофлейты и слуги мало по малу тайно перешли изъ Стокгольма къ обоимъ герцогамъ. Тогда то начались заботы и огорченія короля Эрика. Когда подошли оба герцога со всѣмъ войскомъ, король Эрикъ стоялъ вмѣстѣ съ Юргеномъ Персеномъ на башнѣ трехъ коронъ и смотрѣлъ на войско. Юргень Персенъ сказалъ королю. «Всемилюстивѣйшій государь, еслибы ваше королевское величество послушались моего совѣта и велѣли положить въ своимъ ногамъ голову герцога Іоанна, когда онъ былъ въ нашей власти, то онъ не могъ бы осадить насъ теперь». На это король отвѣтилъ. «Твоя правда, Юргень».

Послѣ того какъ Стокгольмъ былъ осаждаемъ нѣсколько недѣль, бюргеры сдали городъ обоимъ герцогамъ въ день св. Михаила, 1568 г. Когда герцоги вошли въ городъ, то въ суматохѣ братья ихъ матери Стено Эрикссенъ, по приказанію короля, былъ запертъ однимъ изъ его драбантовъ (тѣлохранителей), а король сдался герцогу Карлу, своему младшему брату, и просилъ его о королевской темницѣ. При осадѣ города Стокгольма всѣ военные, какъ шведы, такъ и нѣмцы, ругали Юргена Персена и называли его виновникомъ всего несчастія, и герцоги равно какъ и воины пожелали, чтобы онъ былъ сданъ имъ на руки. Наконецъ, король выдалъ его, надѣясь что смута этимъ кончится. Когда Юргень Персенъ былъ препровожденъ и сданъ имъ, онъ сказалъ. «Скорѣе я могъ ожидать, что раньше небо обрушится, чѣмъ падеть король Эрикъ и такимъ образомъ обвинеть меня; берите съ меня примѣръ больше надѣяться на Бога, чѣмъ на расположеніе короля или князя, и не дѣлать, какъ я дѣлалъ, обижая многихъ невинныхъ».

людей ради своего господина» Онь былъ осужденъ на смерть какъ измѣяникъ, возмутитель отечества, убійца, нарушитель супружеской вѣрности и коръ, и былъ колесованъ на 4 колесахъ. Когда же король Эрикъ былъ взятъ въ плѣнъ и всякія волненія утихли, то государственные чины избрали королемъ герцога Іоанна.

Прим. перев. Свидѣтелемъ возстанія 29-го сентября 1568 г. и изложенія Эрика было русское посольство. Выше уже было сказано (стр. 149), что Эрикъ добивался сближенія съ царемъ московскимъ и общаіемъ выдачи Екатерины добился этого сближенія. Дѣло началось еще въ 1565 г. 13-го февраля 1567 г. пріѣхали въ Александровскую Слободу шведскіе государственные сановники, канцлеръ Нильсъ Гилленстерна и др. для написанія докончальной грамоты. Думный совѣтникъ Воронцовъ и дворянинъ Наумовъ были отправлены въ Стокгольмъ, чтобы король къ докончальной грамотѣ выхъсто печати приѣхъсилъ свою печать, цѣловалъ крестъ и исполнили грамоты и отправилъ со своими посланми Екатерину на рубежъ, гдѣ и едаты ее боярину и «вифлидскія» земли пантешнику Мих. Яков. Морозову. Послы пріѣхали въ Стокгольмъ 20-го іюля 1567 г. и нѣкій годъ прожили здѣсь безъ дѣла. Эрикъ не могъ уже исполнить договора: онъ освободилъ брата Іоанна изъ заключенія и въ припадкѣ сумасшествія воображалъ, что онъ самъ уже въ заключеніи, а братъ царствуетъ. Къ посламъ приходили шведскіе вельжожи съ объясненіемъ, что нельзя выдать Екатерину, что это богопротивное дѣло и безславное для самаго царя, что у короля Сигизмунда есть другая сестра (Анна), дѣвица, которую Эрикъ можетъ «достать» для царя. Послы отвѣчали: «Государь нашъ беретъ у вашего государя сестру польскаго короля Екатерину для своей царской чести, желая новышенія надъ своимъ недругомъ и надъ недругомъ вашего государя, польскимъ королемъ». Послы требовали, чтобы ихъ допустили къ королю. Вельжожи долго не допускали, но все таки допустили. Король сказалъ: «Мы не дали вамъ до сихъ поръ отвѣта, потому что здѣсь начались дурныя дѣла отъ дьявола и отъ злыхъ людей; и кромѣ того датская война намъ мѣшала». Потомъ были у пословъ дворецкій королевскій, да тайныхъ дѣлъ печатникъ, съ заявленіемъ, что король исполнитъ договоръ и «Катерину отдастъ государю». Однакожъ пришелъ къ посламъ «нѣмчинъ, дѣтника молодъ, королевскій жилецъ (король Эрикъ, боясь вельможъ, бралъ изъ школы молодыхъ людей и давалъ имъ разныя порученія), прислалъ его король, и велѣлъ говорить, чтобъ послы короля на Русь взяли: король боится бояръ своихъ и воли ему ни въ чемъ нѣтъ».

Когда 17-го сентября 1568 г. возстаніе обнаружилось, Эрикъ призвалъ къ себѣ русскихъ пословъ и объявилъ имъ о возстаніи. Послы спросили: какъ давно дѣло началось? Эрикъ отвѣчалъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ отъ васъ изъ Руси послы мои пришли. Я былъ тогда въ Упсалѣ: у нихъ начала быть тайная измѣка, и я былъ у нихъ запертъ: если бы не пришли изъ мою землю датскіе люди, то мнѣ бы еще на своей волѣ не быть; но какъ датскіе люди пришли, то меня выпустили для того, что некому землю оборонять, и съ тѣхъ поръ стало мнѣ лучше. Если братъ Яганъ (Іоаннъ) меня убьетъ или въ плѣнъ возьметъ, то царь бы Ягана королемъ не держалъ». Объ Екатеринѣ Эрикъ сказалъ: «И велѣлъ то дѣло посунуть влудчѣ, если Ягана въ живыхъ не будетъ; я съ братьями, и съ польскимъ королемъ, и съ другими пограничными государями со всеми въ недружбѣ за это дѣло. А другимъ чѣмъ вѣемъ я радъ государю вашему дружить и служить: надежда у меня

вѣя на Бога, да на вашего государя: а тому какъ статься, что у живаго мужа жену вѣять?»

Возстаніе кончилось 29-го сентября 1568 г. изложеніемъ Эрика. При вступленіи въ этотъ день герцоговъ въ Стокгольмъ, солдаты ограбили русскихъ пословъ до чиста, сняли съ нихъ даже одежду, и убили бы, быть можетъ, если бы во время не подошелъ герцогъ Карлъ.

По объявленіи герцога Іоанна королемъ Швеціи, русскіе послы выѣхали изъ Стокгольма. Ихъ, однако, задержали въ Або, продержали тутъ подъ арестомъ 8 мѣсяцевъ, такъ что они въ Москву воротились лишь въ іюлѣ 1569 г.

Царь, какъ сказано будетъ ниже, не спустилъ шведамъ ограбленія своихъ пословъ въ Стокгольмѣ и задержку ихъ въ Або.

Шведскіе государственные чины приговорили Эрика къ пожизненному заключенію въ тюрьмѣ и формально объявили герцога Іоанна королемъ 24-го января 1569 г. Герцогъ Карлъ, хоть и не охотно, призналъ своего брата государемъ, а сына его Сигизмунда наследникомъ престола.

Новый король Іоаннъ III былъ коронованъ архіепископомъ упсальскимъ 16-го іюля 1570 г. При коронаціи присутствовали представители эстонскихъ гословъ и, по принесеніи присяги, получили утвержденіе своихъ правъ и преимуществъ 9-го октября 1570 г.; привилегіи Ревеля были утверждены раньше, именомъ 11-го февраля 1570 г.

36. *Дальнѣйшая война между шведами, парновцами и русскими, 1568 г.*

Въ 1568 г., на св. Вароудомей, шведскіе воины вмѣстѣ съ дворянами (помѣщиками, Landsassen) изъ Гарріена двинулись въ Вижъ навстрѣчу парновскимъ гофлейтамъ, опустошавшимъ безъ устали Гарріенъ и Вижъ и грабившимъ бѣдныхъ крестьянъ. Тогда шведы были застигнуты въ располхъ парновцами и обращены ими въ бѣгство, однако не безъ убытку и для парновцевъ.

Въ это время было убито нѣсколько парновскихъ гофлейтовъ вмѣстѣ съ ихъ ротмистромъ Гинрикомъ Дюкеромъ, а шведскій ротмистръ Галсъ Вей былъ взятъ въ плѣнъ. Но самыя большія потери понесло знамя (отрядъ) гаррійскихъ дворянъ, а парновскіе гофлейты были по большей части ближайшіе родственники, зятья и дяди гаррійскихъ дворянъ, отъ которыхъ послѣдніе должны были перевозить насмѣшки и убытки.

Тую же осенью парновцы снова вооружились, чтобы преслѣдовать шведовъ; но шведы заключили съ ними перемиріе, такъ какъ въ Швеціи все еще было не совсѣмъ ладно. Когда было заключено это перемиріе, парновцы съ тѣмъ же вооруженіемъ двинулись въ Вирландъ въ московитскую область, опустошали землю, захватили въ располхъ нѣсколькихъ русскихъ, нѣкоторыхъ убили, другихъ взяли въ плѣнъ, совершенно сожгли и ограбили великолѣнное старое мѣстечко Везенбергъ, и затѣмъ съ большою добычей вернулись назадъ въ Парновъ. Когда же гофлейты ушли изъ Вирланда, то нѣкоторые бѣдные крестьяне должны были расплатиться за миръ жизнью, ибо были умерщвлены русскими съ неслыханными мученіями и пытками.

37. *Новый губернаторъ въ Ревель, 1568 г.*

Около того же времени изъ Швеціи прибылъ посланный королемъ Іоанномъ Нильсъ Дობбелеръ, обыкновенный начальникъ, но съ хитрыми умыслами, чтобы захватить врасплохъ замокъ Ревель, а губернатора Гиврика Клаусена взять въ плѣнъ и отвезти въ Стокгольмъ. Но Гиврикъ Клаусенъ, какъ старый и собоѣ на умѣ воинъ, умѣлъ остерегаться подобныхъ дѣлъ, замѣтилъ скоро умыселъ Нильса Дობбелера, предупредилъ его и взялъ Нильса въ плѣнъ, но не сдѣлалъ ему ничего дурнаго, услышавши, что на прїѣздъ его въ Ревель было приказаніе короля. Причина же, почему король хотѣлъ захватить врасплохъ замокъ, была слѣдующая: Такъ какъ Гиврикъ Клаусенъ, губернаторъ ревельскій, былъ въ большой милости у короля Эрика, а у нынѣшняго короля Іоанна, напротивъ, въ большой немилости, то король Іоаннъ опасался, что онъ ему такъ легко не передастъ ревельскій замокъ, а удержать его въ пользу короля Эрика. Но когда прибылъ господинъ Габріель Христирсенъ, новый ревельскій губернаторъ, то Гиврикъ Клаусенъ совершенно добровольно очистилъ ему замокъ, а самъ уѣхалъ въ Финляндію.

Прим. перев. Глава эта находится лишь въ первомъ изданіи лѣтописи.

38. *Причины сверженія Эрика.*

Въ 1568 г., въ Мартиновъ день, Іоаннъ III, избранный королемъ шведскимъ, назначилъ въ Ревель новаго губернатора, а именно Габріеля Христирсена (Оксенстиерна), барона мюрбуйскаго. Съ этимъ губернаторомъ король, равно какъ и герцогъ Карлъ, прислали магистрату и общинѣ ревельской письменное изложеніе причинъ, почему король Эрикъ былъ взятъ въ плѣнъ и лишенъ престола; между этими причинами указаны самыя главнѣйшія:

Во первыхъ то, что король Эрикъ вапалъ (въ 1563 г.) въ Або на своего брата Іоанна вмѣстѣ съ его супругою совершенно безвинныхъ, и почти четыре года не по княжески держалъ ихъ въ замкѣ Грифсгольмѣ (Гринсгольмѣ на Меларѣ).

Во вторыхъ, онъ не удовольствовался гнуснымъ убійствомъ, совершеннымъ въ Упсалѣ, но вслѣлъ Юргену Персену отправить нѣсколькихъ солдатъ (красныхъ кнхтовъ) заколотъ герцога Іоанна, чтобы можно было отослать его супругу москвитку, послы котораго уже цѣлый годъ ждали ее въ Стокгольмѣ, что и случилось бы, если бы Господу не угодно было предотвратить это убійство.

Въ третьихъ, король Эрикъ, подъ видомъ выгодныхъ переговоровъ, намѣревался отнять у герцога Іоанна его княжество Финляндію, завѣщанное ему отцомъ ихъ Густавомъ, и уступить ему часть опустошенной земли въ Ливоніи, противъ всякой братской дружбы и уваженія.

Въ четвертыхъ, его послѣднимъ намѣреніемъ было истребить не только герцога Іоанна и своихъ ближайшихъ родственниковъ, но и вообще всѣхъ дворянъ въ Швеціи, что онъ и началъ съ графа Шванто, его дѣтей и нѣсколькихъ рыцарей.

Въ пятыхъ, король Эрикъ по легкомыслію и неразумію, къ вѣчному стыду, позору и безчестию королевства шведскаго и его роду, взялъ себѣ въ законныя жены свою наложницу, дочь простаго ландкнехта, и противъ всякой благопристойности и человѣческаго разсудка, возвысилъ ее до королевскихъ почестей..

Въ шестыхъ, хотя король Эрикъ въ то время, когда были произведены тиранскія убійства въ Упсалѣ, далъ свое королевское слово государственнымъ чинамъ достойно наказывать Юргена Персена, который былъ виновникомъ этого убійства, но совершалъ также множество неслыханныхъ пытокъ и мученій надъ дворянами, а также надъ чужеземцами и туземцами, коихъ безчеловѣчнымъ образомъ пыталъ кипящимъ виномъ, раскаленными тазами и другими пытками до тѣхъ поръ, пока тѣ не признавались въ никогда не случавшихся вещахъ, а многихъ другихъ, которые ни въ чемъ не вознавались, онъ велѣлъ со связанными руками и ногами безжалостно бросать въ рѣки и топить ихъ, а также вѣшать въ тюрьмахъ и говорить между тѣмъ, будто они съ отчаянія повѣсидись сами. Не смотря на все это, король Эрикъ не только не выполнялъ своего обѣщанія, но оставлялъ Юргена Персена въ его прежнихъ почестяхъ и состояніи, предпочитая его совѣты и дѣла всѣмъ другимъ и не обращая вниманія на остальныхъ господъ и государственныхъ совѣтниковъ.

Наконецъ, онъ добивался только того, чтобы погубить князей и вообще всѣхъ дворянъ королевства шведскаго; для выполненія этого дѣла онъ велѣлъ сдѣлать огромную кучу золотыхъ цѣней, чтобы склонить ими своихъ драбантовъ (тѣлохранителей) тайно и открыто избить герцоговъ и дворянъ страны, когда тѣ соберутся на его свадьбу; но всемогущій Господь милостиво предотвратилъ этотъ незаконный умыселъ.

39. Какъ Іоаннъ Дуве и Элертъ Крузе вели переговоры съ ревелцами, 1569 г.

Въ 1569 г., въ мѣстѣ, Іоаннъ Дуве Фирскій и Элертъ Крузе Келлесскій (Фире и Келлесъ имѣнія въ Лифляндіи), оба ливонскіе дворяне и присяжники московиту, также написали ревелскому магистрату письмо и просили, чтобы магистратъ послалъ нѣкоторыхъ изъ своей среды въ Везенбергъ, такъ какъ тамъ они хотѣли предложить нѣчто, очень выгодное городу Ревелю и всей странѣ; но это магистратъ долженъ сохранить въ тайнѣ и не сообщать о томъ шведскимъ

властямъ. Но какъ это не могло быть сохранено въ тайнѣ, то одинъ изъ магистратскихъ членовъ открылъ это шведскимъ властямъ и хотѣлъ, чтобы они послали нѣсколько человекъ, чтобы не возбудить подозрѣянія, вмѣстѣ съ посланными отъ магистрата къ Везенбергъ, для выслушанія предложенія Іоанна Дуве и Элерта Крузе. Тогда изъ замка были посланы по этому дѣлу Дидерикъ Каферъ и Гиирикъ Руте, а отъ города Конрадъ Деллиннгузенъ, еяндикъ, и Фредрикъ Зандштеде, членъ магистрата. Когда упомянутыя лица прибыли въ Везенбергъ, то не подали вида, будто посланы не отъ одного магистрата и общины, а также и отъ шведскихъ властей. Тогда Іоаннъ Дуве и Элертъ Крузе, 5-го иунія, прочитали имъ нижеслѣдующее предложеніе и очень усердно старались о его припятіи.

Прим. перев. Для объясненія этой главы необходимо возвратиться къ событіямъ 1562 г., когда Швеція уже овладѣла Ревелемъ, а южною Ливонією король польскій Сигизмундъ. Чтобы пробиться къ Балтійскому морю — главной и единственной цѣли Іоанна Грознаго, приходилось имѣть дѣло уже не съ ничтожнымъ ливонскимъ орденомъ, а съ двумя государствами, располагавшими вовсе не маловажными средствами. Трудно было московскому государству вести войну съ двумя державами и Іоанну Грозному уже въ то время ясно представилось, что Ливонія ускользаетъ изъ его рукъ, но вѣтъ мелькнула надежда поставить вопросъ на другую почву, для Москвы не невыгодную.

Въ своемъ мѣстѣ (см. Пр. Сб. II. 305) было сказано, что въ 1525 г. великій магистръ тевтонскаго ордена Альбрехтъ, маркграфъ бренденбургскій, заключилъ въ Краковѣ съ королемъ польскимъ договоръ, по которому сложилъ съ себя званіе великаго магистра и получилъ съ титуломъ герцога всю Пруссію въ видѣ наследственнаго лена отъ королевства польскаго. Тевтонскій орденъ въ Пруссіи рухнулся: всѣ орденскіе братья перешли въ свѣтское состояніе, но нѣкоторая часть ихъ, однако, удалась въ Германію, гдѣ и присоединилась къ германскимъ братьямъ, избравшимъ себѣ новаго великаго магистра, мѣстопробываніемъ котораго и его послѣдующихъ преемниковъ былъ Мергентгеймъ (орденъ тевтонскій въ Германіи былъ признанъ членомъ франконскаго округа римской имперіи и просуществовалъ до 1806 г., когда имперія пала и образовался рейнскій союзъ).

Въ 1562 г. великимъ магистромъ (администраторомъ) тевтонскаго ордена въ Германіи былъ Вольфгангъ (Вульфгангъ по русскимъ летописямъ). Онъ задумалъ возстановить тевтонскій орденъ въ Ливоніи при помощи московскаго государя, возстановивъ въ званіи магистра Фирстенберга, находившагося въ это время въ плѣну въ московскомъ государствѣ (въ городѣ Любимѣ, данномъ ему царемъ въ кормленіе), завоевать Пруссію съ помощью императора и общими съ Россією силами наступить на Сигизмунда. Съ согласія римскаго императора, Вольфгангъ послалъ въ Москву бывшаго секретаря Фирстенберга Іоанна Вагнера съ письмомъ къ царю и просьбою объ освобожденіи плѣннаго магистра. Объ этомъ же въ слѣдующемъ году писалъ къ царю и императоръ Фердинандъ.

Изъ Нарвы, принадлежавшей въ то время русскимъ, Вагнеръ поѣхалъ въ Москву, но царя здѣсь не засталъ, ибо Іоаннъ 23-го декабря 1562 г. уже отправился въ Можайскъ къ войску, собранному для похода на Полоцкъ (см. выше, стр. 140). Вагнеръ пріѣхалъ въ Можайскъ и здѣсь въ началѣ

января 1563 г. представился царю. Иоаннъ принялъ Вагнера очень милостиво, жалѣлъ о судьбѣ, постигшей Фирстенберга, невиннаго, какъ выражился царь, въ обвиненіи царю данъ и смѣщеннаго съ должности незаконно, и склонился освободить его, помочь ему выгнать изъ Ливоніи «презрѣннаго пса» Кетлера и королей польскаго и шведскаго и возстановить его въ магистратѣ. Тѣмъ не менѣе Вагнеру не позволили видѣться съ Фирстенбергомъ, но послали обратно въ Нарву съ приказомъ ждать тутъ царскаго отвѣта на письмо Вольфганга. Лишь осенью 1563 г. пришелъ отвѣтъ, по туль Вагнеръ отъ купцовъ узналъ, что шведскій адмиралъ уже получилъ приказъ схватить его на обратномъ пути въ Германію. Вагнеръ поплылъ въ Германію, и заявивъ въ открытомъ морѣ, что его корабль преслѣдуетъ шведская эскадра, распечаталъ царское письмо, прочиталъ, и бросилъ въ море. Благополучно избѣгнувъ преслѣдованія, Вагнеръ устно изложилъ великому магистру содержаніе царскаго письма, говорилъ объ условіяхъ платежа дани, и совѣтовалъ, не откладывая дѣла, послать къ царю новое посольство для дальнѣйшихъ переговоровъ.

Вольфгангъ согласился и лѣтомъ 1564 г. спаравилъ въ Москву посольство изъ четырехъ орденовскихъ рыцарей: Бергарда фонъ Бевера (Бернать князень), Мельхора Дермо (Мелхеръ князень), Франца фонъ Гапфельда (Францъ князень), Теобальда фонъ Ромшлага, и двухъ ученыхъ юристовъ: доктора Іоанна Вагнера (того самого, что уже былъ въ Москвѣ) и Освальда Дурцинга. Посламъ была вручена инструкция, составленная 25-го марта 1564 года, въ силу которой послы должны были предложить царю верховное главенство надъ Ливонією, но съ сохраненіемъ правъ римской имперіи; ливонскій орденъ долженъ быть возстановленъ, архіепископу предоставляется лишь духовныя дѣла, города Ревель и Рига получать торговыя привилегіи, и судоходство по Двинѣ должно проходить только для всѣхъ и пр.

Они прибыли въ Нарву. Ихъ съ большимъ почетомъ встрѣтили и проводили въ Москву, подавая, что они послы императорскіе. По прибытіи въ Москву (24-го сентября), послы 26-го сентября представились царю и принесли въ даръ два золотыхъ сосуда. Начались переговоры. Послы обѣщали платить Россіи дань за Ливонію; но не опредѣляли какими средствами они заставить поляковъ очистить Ливонію. Переговоры, однако, не привели ни къ какому опредѣленному результату: царь видѣлъ, что послы болѣе всего настаиваютъ на освобожденіи Фирстенберга и рассчитываютъ на силы русскихъ, что надеяться на общанія изъ Германіи не возможно.

Переговоры прекратились и 2-го декабря 1564 года послы уѣхали изъ Москвы.

Но другія вѣсти были получены польскимъ дворомъ. Сигизмундъ проводилъ, что царь въ концѣ 1564 г. освободилъ Фирстенберга на слѣдующихъ пяти условіяхъ: 1) по возвращеніи въ Ливонію Фирстенбергъ обязанъ возстановить всѣ греческія церкви; 2) всѣ главныя крѣпости Ливоніи остаются въ рукахъ московскихъ; 3) въ советѣ магистраты будутъ всегда засѣдать шесть московскихъ чиновниковъ, безъ которыхъ онъ не можетъ рѣшать ничего; 4) если магистратъ будетъ имѣть нужду въ войскахъ, то долженъ обращаться съ просьбою о немъ только въ Москву, а не къ другимъ государствамъ, развѣ получилъ на то согласіе царское; 5) по смерти Фирстенберга царь назначаетъ ему преемника.

Вѣсть о такой сдѣлкѣ сильно встревожила Сигизмунда, но въ январѣ 1565 г. пришло другое извѣстіе, что Фирстенбергъ, собравшись отправиться въ Ливонію, умеръ. (Это извѣстіе было неавѣрное, ибо Фирстенбергъ жилъ еще въ 1566 г. (см. Приб. Сб. II. стр. 394), но когда умеръ съ точностію неизвѣстно: кажется, что въ 1568 г.).

Какъ бы то ни было, но царь въ это время былъ очень милостивъ къ ливонскимъ пѣнникамъ (см. выше, стр. 156) и нѣкоторые изъ нихъ вступили въ московскую службу. Особенною милостію у царя пользовались два ливонскіе дворянина, Іоаннъ Таубе и Элертъ Крузе, взятые въ плѣнъ еще въ 1560 г. Около 1567 г. они вступили въ царскую службу и постоянно старались утверждать Іоанна въ мысли дать Ливоніи особаго владѣтеля съ вассальными обязанностями къ московскому государю и когда умеръ Фирстенбергъ, указывали ему на двухъ людей, способныхъ замѣнить его: на герцога курляндскаго Кетлера и на владѣтеля Мезеля Магнуса.

Царь былъ вовсе не прочь рѣшить ливонскій вопросъ подобнымъ образомъ, видя ясно, что борьба съ двумя государствами ему не подъ силу.

Таубе и Крузе получили позволеніе царя отправиться въ Дерптъ, чтобы вести дѣла на мѣстѣ. Царь позволялъ, и они прежде всего въ 1569 г. обратились къ Ревелю.

Таубе до плѣна былъ магистромъ въ рижскомъ архіепископствѣ, а Крузе епископскіимъ фохтомъ въ Дерптѣ.

40. Предложенія Таубе и Крузе по поводу присоединенія Ревеля къ русскимъ.

«Послѣ того, какъ теперь, къ несчастію, всякій ясно сознаетъ, какимъ образомъ добрая Ливонія, наше любезное отечество, тернитъ большія затрудненія, страхъ, заботы и крайнюю нужду, вотъ уже двѣнадцать лѣтъ и даже болѣе, какъ изъ за внутреннихъ раздоровъ и несогласій ея правителей, такъ равно и изъ за войны съ русскими, происшедшей вслѣдствіе неисполненія ливонцами ихъ обѣщаній. Да, плавала Ливонія въ крови, еще и теперь подвергается той же опасности, и не смотря на это ее безо всякой помощи и утѣшенія покинули какъ всѣ туземные, такъ и чужестранные государи, а мы достоверно слышали и знаемъ, что русское царское величество, какъ государь и наследный князь ливонскихъ земель, вполне рѣшился покорить сильной рукой и большимъ войскомъ всю Ливонію, все что еще осталось отъ крѣпостей, городовъ и мѣстечекъ, какъ наследственную землю его царскаго величества; отклонить его отъ этого намѣренія никто не въ состояніи. Поэтому мы, изъ христіанскаго состраданія и врожденной любви, которую всегда питали къ нашему любезному отечеству, близко приняли это къ сердцу, мы неустанно воздыхали и молились всемогущему Господу, чтобы онъ указалъ намъ пути и средства, какъ предохранить бѣдную страну отъ столь великаго предстоящаго кровопролитія, какъ снова возстановить и сохранить въ ней миръ, тишину и всякое благосостояніе.

«Когда же милосердный Господь открылъ намъ добрые средства и пути, которыми не только будутъ совершенно устранены предстоящее несчастье, войны и кровопролитіе, а также и всѣ затрудненія, по которымъ вся Ливонія, а въ особенности городъ Ревель, достигнуть неслыханной свободы, богатства и во всемъ успѣха, мы отъ всего сердца пожелали дружественно завести переговоры о такихъ важныхъ

вещахъ съ нѣкоторыми вѣрными, подходящими и стоворчивыми людьми изъ среды достоуважаемаго магистрата въ Ревелѣ, и вслѣдствіе этого мы писали достоуважаемому ревальскому магистрату. А такъ какъ вы прислали по нашему желанію и письму, то неудобно ли вамъ, чтобы больше принять къ сердцу и взвѣсить всю важность этого дѣла, вспомнить, какое утѣшеніе, защиту и спасеніе наша добрая земля получила въ нуждѣ и затрудненіяхъ отъ его императорскаго величества римскаго и отъ священной имперіи нѣмецкаго народа. Нѣсколько разъ собирався имперскій сеймъ, для чего употреблялись большія суммы денегъ и происходили большія издержки, а ничего больше не вышло, какъ только то, что римская имперія послала къ русскому царскому величеству ничтожное посольство, которое ничего или очень мало сдѣлало въ пользу или на утѣшеніе Ливоніи, но привезло въ отвѣтъ слѣдующее: «Великій князь и государь всея Россіи принужденъ воевать съ ливонцами по весьма настоятельной нуждѣ, къ тому же Ливонія его старая отческая наследственная земля; онъ не можетъ и не желаетъ отступить, пока опять не подчинитъ ее своему владычеству; поэтому онъ желаетъ, чтобы римское императорское величество и священная имперія совершенно отказались бы отъ этихъ земель». Этимъ и удовольствовалась римская имперія, нисколько уже болѣе не заботясь о Ливоніи.

«Вы знаете, во вторыхъ, какъ сословія ливонскихъ земель просили утѣшенія, помощи и спасенія отъ державнаго государя всея Россіи у достоуважаемаго покойнаго короля датскаго, знаете, что его королевское величество не хотѣлъ и не могъ возстать противъ великаго князя и государя всея Россіи; знаете также, что и нынѣшній король датскій, желая добыть миръ у русскихъ для себя и своего брата герцога Магнуса, долженъ былъ обязаться государю ни силой, ни какимъ либо другимъ путемъ не занимать болѣе городовъ или мѣстечекъ въ Ливоніи, и долженъ благодарить Бога, что послѣ долгихъ просьбъ получилъ наконецъ миръ съ этимъ условіемъ.

«Что касается, третьихъ, до утѣшенія и помощи, которые получили люди архіепископства рижскаго отъ поляковъ, то ясное дѣло, что поляки больше притѣсняютъ, чѣмъ защищаютъ добрыхъ людей, что послѣдніе должны переносить большую несправедливость, всякій позоръ и безчинства, хотя поляки и зовутъ себя добрыми христіанами, а русскихъ считаютъ нехристіями и варварами, между тѣмъ, какъ достоуважаемый государь всея Россіи не терпитъ въ своей странѣ подобныхъ безчинствъ, а строжайшимъ образомъ наказываетъ ихъ. Поляки даже во вредъ всему христіанству заключили вѣчный миръ съ непримиримыми врагами христіанской вѣры, съ турками.

«И хотя король польскій намѣренъ былъ лѣтъ семь тому назадъ выдать свѣтлѣйшую высокородную княгиню Катерину, свою сестру, теперешнюю законную супругу герцога финляндскаго, замужъ

за государя всея Россіи, когда скончалась ея величество царица (Анастасія), и тѣмъ продлить миръ, и государь всея Россіи не имѣлъ ничего какъ противъ достоуважаемой княгини, такъ и противъ дальнѣйшаго мира съ поляками: но поляки поставили при этомъ затруднительное условіе, а именно чтобы наследниками русскими были царевичи, рожденные отъ ихъ достоуважаемой княгини, а не отъ покойной царицы, государь же всея Россіи ни въ какомъ случаѣ не соглашался на это, потому ничего и не вышло какъ изъ сватовства, такъ и изъ дальнѣйшаго мира, напротивъ возникла открытая война между обоими государствами, и русскій отнялъ у поляка болѣе ста миль лучшихъ земель и такъ смиренъ поляка, что онъ очень усердно сталъ просить мира и предлагалъ также, что если русскій снова очиститъ и отдастъ отнятыя земли и крѣпость Полоцкъ съ другими нѣсколькими и откажется отъ притязанія на Кіевъ, то и онъ согласенъ взаимно того отдать государю всея Россіи все земли, города, замки и крѣпости, которыми онъ владѣлъ уже въ Ливоніи. Изъ этого вы легко можете заключить, насколько и какого добра желаетъ полякъ доброй Ливоніи; и это все не вымышлено, а сущая правда.

«Къ тому же поляки предлагали это великому князю не на дняхъ, а за много лѣтъ тому назадъ, поэтому навѣрно переговоры съ поляками русскіе будутъ вести на предложенныхъ уже основаніяхъ. Изъ этого вы должны понять, что если дѣло будетъ улажено такимъ путемъ между поляками и русскими, то очень трудно будетъ, даже никогда невозможно будетъ, достигнуть тѣхъ выгодъ, которыя открываются теперь городу Ревелю.

«Что касается, наконецъ, до Гарріена и города Ревеля, присвоенными себѣ королемъ шведскимъ, то имъ было хорошо, пока былъ миръ между королемъ Эрикомъ и великимъ княземъ, особенно когда герцогъ финляндскій вмѣстѣ со своей супругой жилъ у его королевскаго величества въ кустодіи (подъ стражею), и послѣдній черезъ своихъ пословъ предложилъ княгиню великому князю и государю всея Россіи и велѣлъ сказать, что герцогъ Іоаннъ скончался. Когда же государь всея Россіи услышалъ иначе объ этомъ дѣлѣ и узналъ правду, то изъ этого замысла ничего не вышло. Хотя царь всея Россіи, какъ выше было сказано, совершенно отказавшись отъ достохвальной княгини, никогда послѣ того не сватался къ ней, тѣмъ менѣе желалъ жить съ ней въ нечестіи противъ божескаго и человѣческаго закона всѣхъ народовъ; но послѣку полякъ былъ въ то время, какъ есть и теперь, непримиримымъ врагомъ русскаго, то великій князь въ насмѣшку надъ своимъ непримиримымъ врагомъ, полякомъ, предлагавшемъ ему прежде эту княгиню, хотѣлъ привезти ее къ себѣ и принять ее, не мало употребивъ издержекъ на это, и желая содержать ее по княжески со всѣми почестями въ какомъ

нибудь монастырь или теремъ. Когда же великій князь узнать всю правду о дѣлѣ и въ другой видѣ, чѣмъ ему сообщить король Эрикъ, то прежній миръ объявленъ недействительнымъ, и совѣтъ уничтоженъ; и со шведами, нова они не откажутся отъ Ливоніи, не будетъ заключенъ миръ, какія бы пылныя посольства они не отправляли. Царь всея Россіи никакъ не откажется отъ города Ревеля, Гарріена и другихъ земель, принадлежащихъ къ Ливоніи, онъ твердо рѣшился завоевать со своимъ войскомъ городъ Ревель, за что уже почти и принялся два года тому назадъ, но ему помѣшала въ то время зараза, сильно свирѣпствовавшая тогда въ Москвѣ, за что вы особенно должны благодарить Господа. Въ состояніи ли вы долго сопротивляться такой силѣ и могуществу государя всея Россіи, мы даемъ вамъ на размышленіе. Мы смотримъ на это не какъ на шутку, но клянемся вамъ Богомъ, который да поможетъ нашимъ тѣламъ и душамъ вмѣстѣ съ нашими любезными женами и дѣтьми, что хотимъ предупредить васъ благовременнымъ совѣтомъ. Это въ высшей степени важно для васъ самихъ, ради насъ самихъ намъ ненужно дѣлать этого, потому что, благодареніе Господу, мы настолько одарены милостями и имѣніями нашимъ всемилостивѣйшимъ царемъ и государемъ, что отъ васъ намъ ничего не нужно. Еще менѣе того мы добиваемся чести и славы у великаго князя. Потому что, еслибы мы къ славному городу Ревелю и землѣ гарріенской вмѣстѣ со всеми другими ливонскими городами и селовіями и къ нашему любезному отечеству относились не съ вѣрнымъ уваженіемъ и желаніемъ пользы, и теперешнимъ нашимъ доброжелательствомъ навязали бы краю какую либо повинность, то мы должны были бы сами казнить себя за то, что навлекли на свою голову и на голову нашихъ вѣчное проклятіе, стыдъ и позоръ, отъ чего милостиво да сохранить насъ Господь. Ибо знаемъ, что все, что мы дѣлаемъ, то дѣлаемъ съ чистой совѣстью передъ Богомъ и всеми людьми, на пользу добраго города Ревеля и всѣхъ ливонскихъ селовій, желаемъ пользы истинно такъ, какъ желаемъ, чтобы Господь помогъ нашимъ тѣламъ и душамъ. И такъ предлагаемъ вамъ готовность совѣтовать и служить городу Ревелю, равно какъ и опечаленному дворянству, со всей вѣрностью и съ полнѣйшимъ усердіемъ.

«Не скроемъ отъ васъ, что промысломъ милосердаго Господа, единственно которому мы это приписываемъ и за что благодаримъ его, мы осыпаны нашимъ всемилостивѣйшимъ царемъ и государемъ большими, невыразимыми милостями. Пользуясь не только лично старою нѣмецкою свободою, но будучи также одарены многими землями и людьми, мы поставлены управлять всеми русскими начальниками надъ этими землями въ Ливоніи; кромѣ того по нашему ходатайству уведенные дерптцы освобождены и выпущены изъ неволи. Сверхъ того мы имѣемъ власть, по нашему собственному благоусмотрѣнію и желанію, поставить въ дерптскомъ епископствѣ нѣмецкаго

князя, чрезъ что дерптцы вполнѣ достигаютъ своей прежней свободы и образа жизни и впредь всегда могутъ сохранить ихъ. Потому что царь всея Россіи, импѣ вселенскій государь, сказалъ намъ, что онъ самъ нѣмецкаго происхожденія, изъ баварскаго рода *), и желаетъ поэтому, чтобы нѣмцы были свободны и чтобы въ странѣ не было ни поляка, ни литовца или шведа. Русскіе и сами очистить страну; великій князь самъ сознаетъ, что непріятно русскимъ жить у нѣмцевъ, тѣмъ менѣе управлять и повелѣвать ими; потому что это грубый, невоспитанный народъ, а великій князь удивительный государь, который по особенно то довѣряетъ своимъ собственнымъ людямъ, русскимъ **). Потому что онъ любитъ правду, судъ и справедливость, и далъ намъ полномочіе вести переговоры также и съ другими городами и сословіями въ Ливоніи, и все что мы сдѣлаемъ по этому поводу, будетъ ему пріятно, и онъ твердо сдержитъ свое слово. Это мы, вслучаѣ нужды, и представимъ и докажемъ.

«Такимъ образомъ, господа послы, вы теперь знаете пути и средства, которыми можно предотвратить предстоящее несчастіе и кровопролитіе. Если желаете остаться при мирѣ, спокойствіи и добромъ пропитаніи, и хотите открыть намъ это, то мы снова предлагаемъ, такъ истинно, какъ желаемъ, чтобы Господь спасъ нашу душу и тѣло, принять нашъ чистосердечный и прямой совѣтъ, который добрый городъ Ревель не только останется при своей старой свободѣ, власти, судѣ и правахъ, но достигнетъ такого невыразимаго богатства и благоденствія, какъ никакой христіанскій городъ. Пусть господа послы не боятся чего либо, а говорить съ нами откровенно, безъ подозрѣній, довѣрчиво, а мы ожидаемъ и желаемъ теперь нашего отвѣта».

*) Въ прим. 166 къ IX тому исторіи государства Россійскаго Карамзинъ пишетъ, что между бумагами, присланными ему изъ князьбернбургскаго архива, есть писма Зенке или Целга къ маркиграфу Альбрехту изъ Либена отъ 20-го декабря 1566 г. Тамъ сказано: Онъ (монастерскій житель Германъ Ниспинокъ, жившій въ Москвѣ) говорилъ, что Бисмаръ Эберфельдтъ находится въ большой милости у великаго князя и прискачетъ ко всѣмъ имъ обѣщавшимъ; находится въ милости, хоть и не такой прочной, также и Адрианъ Калюль, Мартинъ Крауль (Крузе) и Гансъ Таубъ (Таубе) также стоятъ хорошо, хоть и не такъ высоко, какъ прежде думали. Царь утверждалъ, что родъ его происходитъ отъ баварскихъ владѣтелей и что имя нашихъ „болдръ“ означаетъ „баварцевъ“.

Здѣсь не лишнее вспомнить, что Іоаннъ любилъ производить свой родъ и отъ римскаго императора Августа. Когда, послѣ изгнанія Плиутца, и окончанія перемирія, въ Москву въ 1564 г. прибыли литовскіе послы — вѣршій Ходковичъ и маршалокъ Воловичъ съ писаремъ Гарабурдомъ — для переговоровъ о мирѣ, то царь однажды сказалъ имъ: „А прародители наши ведутъ свое происхожденіе отъ Августа кесаря“! Боже, въ разговорѣ съ послыми, выноси такъ генеалогію государей московскихъ: Августъ кесарь, обладавшій всею вселенною, поставилъ брата своего Прусса на берегахъ Вислы рѣки по рѣку, называемую Нѣманъ, и до сего года по имени что зовется Прусская земля, а отъ Прусса 14-е колѣно до великаго государя Рюрича.

**) Флетчеръ пишетъ: Іоаннъ хотѣлъ одному англійскому золотарю сдѣлать для него бандо и хорошенько взвѣсить отданный ему слѣпокъ сего металла, прикомыль: „не вѣрѣ мовѣ русскимъ: они всѣ воры“. Англичанинъ уамбузлся: царь хотѣлъ знать причину. Если угодно великому величеству (сказать золотыхъ дѣлъ мастера), то не скрою отъ васъ мысли своей: называя ихъ русскими ворамъ, забываете, что и вы сами принадлежите къ ихъ числу. „Нѣтъ, отвѣчалъ Іоаннъ, я не русскій: мои предки были нѣмцы“.

Прим. черев.

41. *Отвѣтъ ревельскихъ пословъ.*

Тогда выступили послы изъ Ревеля и отвѣтили на длинную, растянутую и околичную рѣчь слѣдующимъ образомъ коротко и просто:

«Изъ вашего предложенія мы во всякомъ случаѣ достаточно убѣдились въ вашихъ чистосердечныхъ намереніяхъ, въ вашемъ отеческомъ и христіанскомъ расположеніи къ общему отечеству и доброму городу Ревелю, за что вамъ премного благодарны. Мы считаемъ васъ также за людей, которые по отечески и чистосердечно желаютъ намъ добра, и не только на словахъ, но и на дѣлѣ докажутъ это. Но чтобы предложить и открыть намъ средства и пути, которыми можно было бы предотвратить предстоящее несчастье и возстановить прежнее благосостояніе добраго города Ревеля, для этого мы считаемъ себя слишкомъ ничтожными. Мы не имѣемъ никакого свѣдѣнія и никакого полномочія отъ вашихъ любезнѣйшихъ старшинъ и достопочтеннаго магистрата Ревеля, которые ничего не знаютъ о вѣщахъ, предложенныхъ теперь вами, но мы находились въ полной увѣренности, что между великимъ княземъ и государемъ всея Россіи и королемъ шведскимъ, нашимъ милостивымъ государемъ, еще существуютъ добрыя отношенія. Недавно еще изъ шведскаго королевства пришло извѣстіе, что передовой гонецъ возвратился изъ Москвы съ добрыми вѣстями и король шведскій надѣялся пошлетъ большое посольство къ великому князю. Поэтому у насъ нѣтъ другаго приказанія, какъ вы видите изъ нашей инструкціи, кромѣ того только, чтобы выслушать и старательно запомнить ваше чистосердечное доброжелательство по содержанию вашего пространнаго письма, полученнаго достопочтеннымъ магистратомъ, и затѣмъ услышанное отъ васъ передать самымъ точнымъ образомъ нашимъ старщинамъ. Лучше бы было, если бы вы письменно изложили магистрату то, что вы теперь открыли и еще откроете намъ, но какъ вы не могли сдѣлать этого, и у насъ также нѣтъ другаго приказанія, кромѣ сказаннаго, то мы покорнѣйше просимъ васъ довѣряться намъ, и прежде всего открыть то, что вы задумали. А мы затѣмъ старательно и точно передадимъ это достопочтенному магистрату; и тогда вы получите скорѣйшій и ясный отвѣтъ.»

42. *Конечъ первыхъ переговоровъ.*

На это они отвѣтили: «Важность дѣла не допускаетъ рѣшать его въ короткое время и торопливо, поэтому они желаютъ отсрочки до слѣдующаго дня, а затѣмъ снова пригласятъ ревельскихъ пословъ поговорить о дѣлѣ, теперь же благоволятъ послы отвѣдать съ ними хлѣба соли» Что и было сдѣлано. За столомъ сидѣло нѣсколько нѣмецкихъ ратсгерровъ и деритскихъ бюргеровъ, а также нѣсколько знатныхъ русскихъ господъ и бояръ, которые старались быть очень

ласковыми съ ревельцами. Здѣсь же пущены были въ ходъ различные планы, коварства, хитрости и лукавства, которые можно только придумать, на пользу ихъ предпріятія и на выгоду московиту

43. *Последніе переговоры.*

У 6-го апрѣля (1569 г.) ревельскіе послы были приглашены притти на прежнее мѣсто; и когда они явились, Іоаннъ Дуде Фирскій снова началъ и сказалъ

«Вы, господа ревельцы, безъ сомнѣнія можете дать себѣ отчетъ въ томъ, что мы говорили вамъ вчера. Было рѣшено, что мы сообщимъ вамъ сегодняшний день нашъ вѣрный совѣтъ и доброжелательство. Истинно то, что миръ и согласіе между великими княземъ и королевствомъ Швеціей совершенно порваны, и объявлены недействительными. Мы знаемъ съ точностію, что король шведскій, посылая онъ какія хотеть большія посольства, никогда не получитъ мира для этихъ мѣстъ, еслибы даже и добились чего либо для королевства шведскаго. Въ этомъ краѣ не будетъ никакихъ уступокъ ни шведу, ни поляку, ни литовцу; а пока ревельцы будутъ стоять на сторонѣ короля шведскаго, то гнѣвъ могущественнаго царя и государя всея Россіи на землю Гарріенъ и городъ Ревель будетъ такъ великъ, какъ ни одинъ человекъ не можетъ придумать, а не то чтобы описать великія несчастія и горести, предстоящія ревельцамъ съ ихъ женами и дѣтьми. И хотя у ревельцевъ довольно крѣпкій городъ, но все таки они не долго выдержали бы это несчастіе. Напротивъ, еслибы ревельцы обратились къ великому князю, то свобода и власть и богатство города Ревеля и его жителей явились бы такъ великими, какъ не бывало ни въ одномъ городѣ на свѣтѣ, и не будетъ во вѣки вѣкомъ.

«Вотъ въ чемъ состоитъ ихъ правдоушпый и доброжелательный совѣтъ, о которомъ они, конечно, уже вели переговоры съ достохвальнымъ государемъ всея Россіи, и его царское величество, по ихъ ходатайству, всемілостивѣйше склоняется на оный. Передъ Ревельскъ открыты два пути:

«Во первыхъ, такъ какъ ревельцы съ вѣнуженіемъ короля Эрика освобождаются отъ присяги передъ Богомъ и всѣмъ свѣтомъ, то съ чистою совѣстью пусть присягнутъ царю всея Россіи. За это его царское величество приметъ ихъ за своихъ царскихъ свободныхъ людей, городъ Ревель останется и будетъ называться свободнымъ имперскимъ городомъ, ревельцы будутъ не только господами города, но будутъ также владѣть и управлять соборомъ и замкомъ со всѣми принадлежащими къ нему статями и доходами, ихъ также не будутъ утруждать русскими начальниками или чиновниками; а если ревельцы сочтутъ лучшимъ, то могутъ поставить надъ городомъ вѣмснаго князя, котораго найдутъ наимолезитѣйшимъ для себя. Ихъ не стануть

обременять никакими нововведеніями, налогами или пошлиною, но городъ Ревель будетъ снабженъ всеми припасами и жизненными потребностями, потому что склады изъ Нарвы и другихъ нѣмецкихъ городовъ, а также и другихъ чужихъ народовъ будутъ перенесены сюда. Еслибы государю всея Россіи и пришлось бы воевать за Ливонію и городъ Ревель, то ревельцамъ все таки не нужно будетъ дѣлать больше того, что они дѣлали для своихъ прежнихъ нѣмецкихъ владѣтелей. Они даже могутъ совсѣмъ отиѣвить и это, потому что царь и великій князь нисколько не желаетъ притѣснять ревельцевъ, а хочетъ только носить ими ихъ покровителя и заступаться за нихъ и защищать ихъ ото всякаго.

«Но если ревельцы найдутъ неудобнымъ присягать непосредственно государю всея Россіи, то имъ между прочимъ предоставлено будетъ право выбрать себѣ какого нибудь нѣмецкаго князя или одного изъ дворянъ, которому они докѣряютъ, и затѣмъ указать на него. Устроится тогда такъ, что ревельцы присягнутъ избранному, а не великому князю. Только одинъ этотъ князь или дворянинъ долженъ будетъ присягать великому князю, однако не иначе, такъ какъ свободный нѣмецкій князь и владѣтель или курфирстъ присягаетъ римскому императору; ревельцы же будутъ пользоваться всеми льготами и кормленіями, названными выше, какъ еслибы сами присягали великому князю.

«Который изъ этихъ двухъ способовъ ревельцы найдутъ болѣе подходящимъ для себя, пусть они о томъ переговариваютъ со своими любезными старшинами и достопочтеннымъ магистратомъ Ревеля, но пусть не затягиваютъ столь важнаго дѣла, а дадутъ возможно скорый и положительный отвѣтъ.

«Для того, чтобы ревельцы нисколько не опасались, что не будетъ исполнено все обѣщанное имъ именемъ великаго князя и государя всея Россіи, то великій князь и они (Таубе и Крузе) позаботились, чтобы все обѣщанное было скрѣплено печатями и удостовѣрено митрополитомъ русскимъ и всеми духовенствомъ, равно какъ и ревельцами, чего до сихъ поръ никогда не случалось даже слышать; поэтому ревельцы вполне и твердо, могутъ положиться на исполненіе обѣщаннаго.

«Если настоящее предложеніе будетъ принято, то предоставляется ревельцамъ обдумать. Не совершилось ли бы все это къ пользѣ всего христіанства и въ назиданіе христіанской церкви; если земли въ Ливоніи такимъ образомъ достигнутъ своей старой свободы и прежняго благосостоянія и будутъ управляться однимъ государемъ, безо всякихъ однако тягостей. Въ такомъ случаѣ и государь всея Россіи намѣренъ заключить вѣчный миръ какъ съ римскою имперією, такъ и со всеми сосѣдними христіанскими государями, и вступить съ ними въ союзъ

противъ непримиримыхъ враговъ христіанства -- турокъ, чтобы изгнать ихъ снова изъ христіанскихъ земель, и по всему свѣту распространить святое божественное и единственно спасающее слово.

Поелику же милосердый Господь даровалъ великому князю двухъ наслѣдниковъ, то онъ постарается, что уже и начато, женить ихъ на христіанскихъ нѣмецкихъ царевнахъ или княжнахъ, на это ревельцы должны обратить особенное вниманіе. Если же господа послы находятъ, что ревельцамъ слѣдовало бы переговорить объ этихъ вещахъ съ рижанами, какъ съ друзьями и сосѣдами, то это предоставляется усмотрѣнію ихъ самихъ и достопочтеннаго магистрата»

На это господа послы изъ Ревеля опять отвѣчали, они съ сокрушеннымъ сердцемъ видятъ, что противъ всякаго ожиданія государь всея Россіи положилъ свой глѣзъ на добрый городъ Ревель. Но утѣшаются своимъ чистосердечнымъ и отеческимъ расположеніемъ къ своему любезному отечеству и тѣмъ, что находятся въ большомъ уваженіи у достопочтеннаго государя всея Россіи и этимъ могутъ отвратить угрожающее бѣдствіе.

Поэтому они просятъ государя сохранить для Ревеля доброе расположеніе до тѣхъ поръ, пока они не передадутъ всего этого своимъ любезнымъ старшинамъ и не доставятъ отвѣта.

Все это упомянутые Іоаннъ Дуве и Элертъ Крузе вѣрно и усердно общали ревельскимъ посламъ въ Везенбергъ и затѣмъ то же самое написали магистрату города Ревеля.

(Въ 1-мъ изданіи лѣтописи Руссова было сказано Затѣмъ двое изъ магистрата, а именно Конрадъ Деллинкгузенъ, синдикъ, и Фредрикъ Зандштеде, членъ магистрата, были посланы въ Везенбергъ, чтобы выслушать ихъ предложенія и мнѣнія. Когда же они прибыли туда, упомянутые Іоаннъ Дуве и Элертъ Крузе предложили ревельскимъ посламъ слѣдующее.

Такъ какъ король Эрикъ, шведскій государь, взятъ въ плѣнъ и ревельцы освободились отъ присяги, то пусть они найдутъ себѣ нѣмецкаго государя какъ для пользы и благосостоянія всей страны, такъ и своей собственной; а этого государя выѣстъ съ земель и городомъ царь всея Россіи возьметъ подъ свое покровительство и будетъ защищать отъ всякаго. А когда они сдѣлаютъ это, то царь и великій князь даруетъ большія милости городу Ревелю и сдѣлаетъ изъ него такой торговый городъ, какого другаго не будетъ при всемъ Балтійскомъ морѣ.

И много другихъ вещей, которыя они могли только придумать въ пользу своего предпріятія и на выгоду москвиты, общали они посланникамъ убѣдительно и очень усердно. Когда же ревельскіе послы выслушали ихъ мнѣнія и предложенія, то сослались на своихъ старшинъ и на общину и общали доставить имъ отвѣтъ какъ можно

скорѣе. По окончаніи этихъ переговоровъ, они (Таубе и Крузе) пригласили ревельскихъ пословъ къ себѣ въ гости, и хорошо угостили ихъ; нѣсколько знатныхъ русскихъ бояръ сидѣли также за столомъ и очень дружески относились къ ревельцамъ. За столомъ, какъ и до того, вышеупомянутые Іоаннъ Дуве и Элертъ Крузе свято божились своей присягой и частью царства небеснаго, что они всей душой преданы городу Ревелю и всей Ливоніи, своему любезному отечеству, и желали ей наивысшаго блага. Но какого же они желали добра Ливоніи и городу Ревелю, когда хотѣли подчинить городъ вмѣстѣ съ другими ливонскими городами и землями московскому игу, объ этомъ можетъ судить всякій благоразумный человѣкъ. За обѣдомъ они притворялись очень дружескими, воздавали большой почетъ господину синдику и очень прославляли господина Фредерика Зандштеде за его видную наружность, ловкость и способности, удивительныя въ молодомъ человѣкѣ. Но все это были лишь козни и сѣти, которыми хотѣли окутать ревельцевъ. На другой же день послы распростиглись и поѣхали назадъ домой).

44. Датскіе и любекскіе военные корабли обстрѣливаютъ Ревель, 1569 г.

Въ 1569 г., 9-го іюля рано утромъ въ субботу, на ревельскій рейдъ пришли военные корабли датчанъ и любчанъ, числомъ болѣе тридцати. Тогда датскій адмиралъ Перъ Мункъ отправился въ гавань со своимъ большимъ кораблемъ и сильно стрѣлялъ; ядра въ 34 фунта перелетали черезъ колокольню св. Олофо (Олан) падъ колоколами; онъ совершенно разрушилъ гавань и отнялъ болѣе 30 торговыхъ кораблей, изъ которыхъ одни были полунагружены, другіе же совсѣмъ нагружены разными русскими товарами, между этими кораблями было также нѣсколько собственно любекскихъ торговыхъ кораблей, а также присналъ на рейдѣ много шведскихъ судовъ съ полнымъ грузомъ, ограбилъ и сжегъ ихъ. Они также сожгли до тла два магистратскихъ корабля, отнятые въ прошломъ году у датскихъ купцовъ на пути въ Нарву. И еслибы упомянутые неприятели высадились у кирпичнаго завода, то они легко могли бы застать въ располхъ городъ и занять его; потому что погода была такая туманная, что ничего не было видно передъ собой, и ни одинъ человѣкъ въ городѣ не зналъ, что неприятели такъ близко, почему всѣ городскіе ворота уже рано утромъ вездѣ были открыты. Этимъ же разомъ, послѣ того какъ неприятели простояли на рейдѣ цѣлыхъ 13 дней по случаю неблагоприятнаго вѣтра; въ Ревель прибыло изъ Швеціи, особенно изъ Гефорельна, много кораблей, нагруженныхъ мѣдью; они ничего не знали о датскомъ и любекскомъ флотѣ и были всѣ взяты; и всѣ купцы, взятые въ плѣнъ на корабляхъ, должны были выкупаться по своему со-

стоянію, а выкупъ должны были привозить изъ Ревеля. Не мало убытку потерпѣли тогда ревельскіе и другіе купцы. Въ то время ревельскіе купцы стояли въ розовомъ саду и съ болѣющимъ сокрушеніемъ и печалью смотрѣли на свои убытки. И ревельская гавань имѣла точно такой видъ, какъ огорченная мать, у которой ожигали дѣтей.

Въ ту же субботу, когда гавань была такъ разграблена, и датскіе и любекскіе корабли стали на якорь на ревельскомъ рейдѣ, магистратъ Ревеля послалъ къ адмиралу просить перемѣры до слѣдующаго дня до полудня и получилъ его. На слѣдующій день, въ поскресенье, 10-го іюля, ревельцы привезли тяжелыя орудія въ шанцы въ розовомъ саду и имѣли схватку съ непріятелями, подошедшими немного ближе со своими кораблями. Они не шутя перестрѣливались другъ съ другомъ. И хотя непріятеля стрѣляли очень часто и почти весь народъ изъ города стоялъ на берегу и въ розовомъ саду, однако они не ранили ни одного человѣка. Простоявши у Ревеля 13 дней, они ушли съ награбленнымъ добромъ.

45. Коронованіе Іоанна III. Ночь Эрика, 1569 г.

Въ то же воскресенье, 10-го іюля, когда корабли перестрѣливались съ ревельцами, Іоаннъ III, избранный королемъ Швеціи, былъ коронованъ въ Упсалѣ. *Nis gloria sequitur humiliationem*. Потому что благочестивый князь прежде подвергся такому гоненію, что всякій думалъ насталъ де его конецъ; но Господь перемѣнилъ счастье и посрамилъ его клеветниковъ. Въ то же время съ плѣннымъ королемъ Эрикомъ очень дурно обошелся шведскій рыцарь Олафъ Густавсонъ, брата котораго упомянутый король велѣлъ умертвить, за что онъ и хотѣлъ застрѣлить плѣннаго короля. Когда онъ прицѣлился въ него, король отскочилъ, но все таки былъ раненъ въ руку; очень странною показалась подобная расправа съ королевскою особою.

Пріятели перъ. Таубе и Крузе въ своихъ переговорахъ съ ревельскими посланцами сказали истинную правду, что добрыя отношенія, существовавшія между королемъ Эрикомъ и московскимъ государемъ, нарушились со вступленіемъ на шведскій престолъ Іоанна III, и что московскій государь готовится напасть на Эстонию.

Выше уже было замѣчено (см. стр. 165), что 29-го сентября 1568 г. король Эрикъ былъ низложенъ, и упомянуто, что русскіе послы, Воронцовъ и Наумовъ, въ этотъ день были до чиста ограблены солдатами изъ Стокгольма, потомъ на возвратномъ пути въ Россію были задержаны въ Або, гдѣ пробыли въ заточеніи 8 мѣсяцевъ и лишь въ іюль 1569 г. возвратились въ Москву.

Новый король въ 1569 г. прислалъ въ Москву гонца просить опасной грамоты для своихъ пословъ. Опасную грамоту дали (объ этомъ анали ревельцы см. выше стр. 176) и въ концѣ 1569 г. шведское посольство было снаряжено. Посломъ былъ епископъ абовскій Павелъ Юстъ съ 60-ю человѣками свиты. Непривѣтливо встрѣтили пословъ въ Новгородѣ: велѣлъ государь швейцарскихъ пословъ ограбить, и грамоты королевскія и наказъ у нихъ поимати, за то,

что швейскій король ограбилъ пословъ государскихъ (см. Карамзина IX. прим. 242). Въ февралѣ 1570 г. ограбленныхъ пословъ привезли въ Москву и лишь въ июнѣ начали съ ними переговоры чрезъ Нв. Мих. Висконатаго, который ихъ объявилъ (см. Соловьева VI, 277): «Яганъ король присылалъ къ царю и великому князю бить челомъ, чтобъ велѣлъ государь дать опасную грамоту на его пословъ и велѣлъ своимъ новгородскимъ наместникамъ съ ними миръ и сосѣдство учинить по прежнимъ обычаямъ. По этой грамотѣ царь и великій князь къ Ягану королю писалъ (чрезъ шведскаго дворянина Эисона) и опасную грамоту ему послалъ. Но Яганъ король, не разсмотря той отписки и опасной государственной грамоты, прислалъ пословъ своихъ съ бездѣльемъ, не по опасной грамотѣ. Яганъ пишетъ, чтобъ заключить съ нами миръ на тѣхъ же условіяхъ, какъ царское величество пожаловалъ было брата его. Прика короля, принявъ въ докончаніе для сестры польскаго короля Катерины. Если Яганъ король и теперь польскаго короля сестру, Катерину королевну, къ царскому величеству пришлетъ (условіе, очевидно, невозможное: мужъ чтобъ прислалъ свою жену), то государь и съ нами заключить миръ по тому приговору, какъ дѣлалось съ Прикомъ королевемъ съ нами о королевѣ Катеринѣ приказъ есть ли?»

Послы отвѣчали: «Мы о Ягановой присылкѣ не знаемъ, что онъ къ царю писалъ; а пріѣхали мы отъ своего государя не браниться, пріѣхали мы съ тѣмъ, чтобъ государю нашему съ царемъ миръ и сосѣдство сдѣлать, и что съ нами государь нашъ наказалъ, то мы и говоримъ».

Посланы объявили, что ихъ соймають въ Муромѣ (въ отвѣтку, конечно, за задержаніе Воронцова и Паумова въ Або). Они стали бить челомъ боярямъ, чтобъ царь съ ними опалу снялъ и велѣлъ новгородскому наместнику заключить миръ съ ихъ королевемъ по старинѣ, но съ тѣмъ, чтобъ въ королевну сторону написаны были тѣ города ливонскіе, которые царь уступилъ Эрику.

О мирѣ въ Москвѣ уже не думали. Въ июнѣ 1570 г. въ Москву пріѣхалъ герцогъ Магнусъ, который, по увѣренію епископа Павла, много надѣялся шведскимъ посламъ эда, сильно раздраживъ противъ нихъ царя. Бояре приговорили: шведскихъ пословъ задержать, государю дѣлать бы теперь литовское дѣло и выслушать челобитные датскаго королевича Магнуса: какимъ образомъ тому дѣлу быть пригоне, и какъ тѣ дѣла повернутся, тогда бы государю шведскимъ дѣломъ промышлять.

Царь, выслушавъ приговоръ, приказалъ отправить пословъ въ Муромъ, гдѣ «выбрати дворъ добръ и крѣпокъ.... и по списку посольскихъ людей (50 человекъ) пересматривати ежедень.... не пускати никуда.... и ворота держати заперты, а на ночь замыкати». Въ Муромѣ изъ посольскихъ людей умерло отъ язвы 13 человекъ. Король шведскій присылалъ къ царю гонцовъ, прося отпустить епископа Павла. Но царь не отпускалъ, а 10-го ноября 1571 г. приговорилъ: «итти на непослушника своего, на швейскаго Яганъ короля, войною за его неисправление.... а посламъ швейскимъ, маистру бископу абовскому съ товарищи, итти за собою къ Новгороду.... и лошадей подъ нихъ купити въ Муромѣ.... вершинъ рубля по 2 и по полутретья лучшей». Послы выѣхали изъ Мурома 28-го ноября 1571 г., 8-го декабря вышли царя въ Клину и съ ними пріѣхали въ Новгородъ.

46. Какъ Клаусъ Курсель приспосабливался на револьскій замокъ, 1570 г.

7-го января 1570 г. Клаусъ Курсель, шведскій посланчальникъ въ Ливонію, со своими ротмистрами Юргеномъ Укселемъ Паденурскимъ и Іоанномъ Майделемъ Воллустевымъ и Гиврикомъ Боусманомъ

и съ другими начальниками и гофлейтами внезапно напали на королевскій ревельскій замокъ, занявъ его, а губернатора, господина Габріеля Христіерсена, взяли въ немъ въ плѣны вмѣстѣ съ женой и дѣтьми, что причинило не малой ужасъ городу Ревелю и всѣмъ шведамъ въ Ливоніи. Такъ какъ это произошло въ субботу, то въ воскресенье рано утромъ ревельскій магистратъ послалъ спросить ихъ, по какимъ причинамъ они такъ неожиданно напали на королевскій замокъ и крѣпость и взяли ихъ. На это они дали такой отвѣтъ. Они уже давно не получали жалованья отъ королевства шведскаго, и хотя достаточно говорили объ этомъ и многократно посылали своихъ начальниковъ и пословъ къ королю, однако ничего не получили. Къ тому же они должны другимъ людямъ, которые очень пристають къ нимъ; поэтому они были принуждены, взять такимъ образомъ замокъ вмѣсто залога. Если они получаютъ свое жалованье, то не станутъ удерживать замокъ отъ короля, а также не передадутъ его кому либо другому. Но какъ господинъ Габріель не могъ въ скорое время достать денегъ, то вошелъ въ сдѣлку съ Клаусомъ Курселемъ и другими начальниками и гофлейтами, договоръ былъ подписанъ и снабженъ печатами обѣихъ сторонъ и гласилъ такъ. Клаусъ Курсель со своими ротмистрами и простыми гофлейтами будетъ управлять замкомъ Ревелемъ и всѣми принадлежащими къ нему людьми и землями до предстоящей Троицы и дальнѣйшаго распоряженія короля. Господинъ же Габріель со своей прислугой и шведскими ландскнехтами долженъ уйти изъ замка въ городъ и въ соборъ. Обѣ стороны не должны давать воли ни рукамъ, ни языку, не бранить и не обижать другъ друга.

47 *Клаусъ Курсель выходитъ въ союзъ съ герцогомъ Магнусомъ, 1570 г.*

4-го февраля пришли въ Ревель письма герцога Магнуса Гольштейнскаго къ ревельскому магистрату и Клаусу Курселю, въ которыхъ онъ просилъ провожатыхъ для своихъ пословъ. Но ревельскій магистратъ не захотѣлъ дать ему провожатыхъ по той причинѣ, что не спросилъ на то позволенія у Габріеля Христіерсена, королевскаго губернатора, а магистратъ не желаетъ ничего дѣлать безъ его согласія и желанія. Но Клаусъ Курсель не только обѣщалъ дать провожатыхъ посламъ герцога Магнуса, но и выслалъ навстрѣчу имъ болѣе 100 лошадей до самаго Леали; великолѣпно встрѣтилъ ихъ и велѣлъ проводить до Укенурма, въ трехъ миляхъ отъ Ревеля. Магистратъ и община по упомянутой причинѣ не хотѣли впустить ихъ въ городъ, что не мало разсердило герцога Магнуса. Наконецъ Клаусъ Курсель сговорился съ герцогомъ Магнусомъ, чтобы тотъ придалъ ему въ ревельскій замокъ 200 человекъ изъ своихъ нѣмецкихъ кнехтовъ, находившихся въ Арнебургѣ, что герцогъ и обѣщалъ

ему. Если бы эти кнехты прибыли въ замокъ, то Ревель имѣлъ бы очень странный видъ, будучи принужденъ оказать большую честь посланъ герцога, безъ согласія на то губернатора. Изъ за этихъ то 200 кнехтовъ Клаусъ Курсель со своими сообщниками подвергся не малому подозрѣнью въ мятежъ, поэтому шведы принуждены были употребить все усилія, чтобы преградить путь кнехтамъ и не пустить ихъ въ ревельскій замокъ.

48. Письмо отъ Дерпта къ Ревелю, 1570 г.

Тогда дерптскіе вѣмцы написали ревельскимъ, чтобы они всѣми силами старались освободиться отъ шведскаго ига, чего они отъ души желаютъ имъ. Здѣсь слѣпцы захотѣли водить зрячихъ. Потому что дерптцы сами были отягчены нгомъ московита и немовѣрно трудными службами, и на самомъ дѣлѣ они не желали отъ Господа ничего лучшаго, какъ подпасть подъ христіанское иго, подъ которымъ уже были ревельцы. Эта грамота была не отъ самихъ дерптцевъ, но отъ Іоанна Дуне и Элерта Крузе, которые оба подстрекали дерптскихъ бюргеровъ получить городъ Ревель власти московита. Потому что упомянутые Іоаннъ Дуне и Элертъ Крузе, оба ливонскіе дворянина, присягнули московиту, слѣвавшему ихъ князьями.

Прям. перев. Таубе и Крузе, послѣ свиданія съ ревельскими посланъ въ Везенбергъ (9-го апрѣля 1569 г.), отправились къ герцогу Кетлеру. Они рассчитывали, что герцогъ, сдѣланный въ 1566 г. (см. выше, стр. 159) съ должности ливонскаго администратора и вѣдомый причинъ быть недовольнымъ полбскими королями, склонится на ихъ предложеніе войти въ вассальныя отношенія къ московскому государству, но ошиблись въ расчетѣ. Герцогъ, хотя и принялъ ихъ дружески, но отказался отъ сдѣлки. Тогда Таубе и Крузе со своими предложеніями обратились изъ Дерпта къ герцогу Магнусу, проживавшему въ то время въ Аренбургѣ. Тотъ не колебался ни мало, прислалъ въ Дерптъ своихъ довѣренныхъ совѣтниковъ Клауса Адеркаса и Дитриха Фаренсбаха, чтобы переговорить съ Таубе и Крузе. Результатъ переговоровъ былъ тотъ, что Магнусъ въ сентябрѣ того же 1569 г. отправилъ въ Москву своихъ пословъ: викараго Фохта Клауса Адеркаса, гофмаршала Антона Врангеля и канцлера Конрада Вурмейстера. Свита ихъ состояла изъ 34 человекъ. Послы 27-го ноября получили отъ цари предварительное удостовѣреніе, что она, цари, желаетъ предоставить герцогу Магнусу въ наследственное ленное владѣніе всю Ливонію, по принесеніи въ Москвѣ присяги. Ливонскіе жители остаются при ихъ правахъ и преимуществахъ и при ихъ вѣроисповѣданіи; герцогъ обязуется содержать войско изъ 3000 человекъ. Но въ этомъ удостовѣреніи еще ничего не упоминалось о королевскомъ званіи.

Послы возвратились въ Аренбургъ 27-го января 1570 г. — и герцогъ рѣшился, не откладывая дѣла, лично ѣхать въ Москву.

Таубе и Крузе между тѣмъ написали письмо въ Ревель, уговаривая ревельцевъ сдаться царю добровольно.

49. *Иоаннъ Грозный, 1570.*

Въ 1570 г зимою великій князь московскій въ собственной землѣ, особенно въ Новгородѣ и Псковѣ, учинилъ такое ужасное тиранство, какое не встрѣчается ни въ одной исторіи. Послѣ того какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ велѣлъ умертвить много народу изъ князей, воеводъ, дворянъ, подьячихъ, писарей, гражданъ и крестьянъ вмѣстѣ съ женами, и дѣтьми, а также брата своего отца, князя Владиміра Андреевича, съ женой и дѣтьми и всеми его людьми, а также брата своей жены князя Михаила Темрюковича, а также сжегъ много селъ и деревень, людей же убивалъ и грабилъ, спускалъ воду изъ прудовъ, такъ что вся рыба засыпала, а также уничтожалъ скотъ и хлѣбъ, такъ что никто не могъ пользоваться имъ, а за годъ передъ тѣмъ, въ 69 году убилъ въ Твери нѣсколько тысячъ людей, между которыми было также много лѣвнскихъ вѣнцевъ и поляковъ, и побросалъ ихъ въ воду; послѣ всего этого онъ двинулся на масляницѣ вышеупомянутого 70 года въ Новгородъ съ нѣсколькими тысячами своихъ тѣлохранителей, избранныхъ имъ для своихъ кровавыхъ и тиранскихъ намѣреній, и которыхъ называли опричнина (опричниками). Неожиданнымъ образомъ напавши на масляницѣ на Новгородъ, они причинили большую печаль, убивая и грабя, причѣмъ не было пощаженъ ни одинъ домъ. Опричники также обезчестили много знатныхъ красивыхъ женщинъ и дѣвушекъ, они были до того дерзки и безсовѣстны, что многія женщины лишили себя изъ-за этого жизни. Затѣмъ онъ взялъ въ плѣнъ нѣсколько тысячъ чело-вѣкъ, связывалъ мужьямъ и жепамъ руки вмѣстѣ, а маленькихъ дѣтей привязывалъ къ груди матерямъ, и затѣмъ цѣлыми кучами бросалъ въ воду, такъ что большая рѣка Волга (Волховъ), имѣвшая въ глубину около восьми сажень, до дна совершенно наполнилась трупами, такъ что ихъ кольями проталкивали подъ ледъ, чтобы они могли уплыть дальше. Затѣмъ нѣсколько сотъ женщинъ и дѣвушекъ раздѣли да нага и привели на мостъ, а когда вышелъ великій князь и проѣзжалъ мимо, то для его потѣхи этихъ женщинъ толкали въ воду. Затѣмъ нѣсколько сотъ знатнѣйшихъ гражданъ и начальниковъ города Новгорода повѣсили за руки и положили одѣтую на нихъ одежду, и безчеловѣчно жгли ихъ живыхъ. Кромѣ того очень многихъ людей привязывали сзади къ савямъ за руки и за ноги и мучились съ ними по всему городу; когда же приходилось заворачивать на углахъ, то при быстрой гонѣ, то одному, то другому отрывали то руку, то ногу. Невозможно вкратцѣ описать подобныя неслыханныя тиранства, учиненныя московитомъ надъ собственными подданными въ Новгородѣ и Псковѣ.

Въ то же время московитъ послалъ нѣсколько тысячъ оприч-никовъ въ ливонскую Нарву, которые сначала подали видъ, будто

хотять предпринять походъ на шведовъ въ Ливоніи. Когда же ихъ впустили въ Нарву, то они тотчасъ же начали безчеловѣчно убивать, свирѣпствовать и неистовствовать. Здѣсь не было пощажено ни одинъ русскій высокаго-ли, низкаго-ли званія, даже ни одна женщина или ребенокъ. Но нѣмецкихъ купцовъ и ливонскихъ крестьянъ въ Нарвѣ не тронули; ихъ опричники только предупредили, чтобы они не скрывали у себя русскихъ, ни старыхъ, ни малыхъ, подь страхомъ лишиться жизни и всего имущества.

Когда было произведено это смертоубійство въ Нарвѣ, тогда опустошили все дома, амбары и лавки и все товары, какъ то: пеньку, воскъ, сало, кожи, коноплю и множество драгоценной мягкой рухляки, цѣною во много бочекъ золота, побросали на улицы и въ поле и зажгли, такъ что они чуть не задохлись отъ дыму, копоти и гаря. Поэтому они не хотѣли больше жечь большихъ вещей, а свозили ихъ на Нарвскій мостъ, въ рѣкѣ вырубилъ большую дыру или прорубь, разрубили остальные вещи на малые куски и побросали ихъ рѣку, такъ что они все или утонули или поплыли въ открытое море. И никто не смѣлъ, подь страхомъ смерти, спрятать что-либо изъ этихъ вещей или присвоить себѣ.

Лѣтомъ послѣ того, въ томъ же году, великій князь безчеловѣчно велѣлъ умертвить 109 человекъ въ Москвѣ, изъ нихъ нѣкоторые были сварены въ кипящей водѣ; нѣкоторыхъ обезглавили и разрубили на нѣсколько частей; нѣкоторыхъ великій князь завололъ собственноручно, между послѣдними былъ также знатнѣйшій канцлеръ великаго князя, Иванъ Михайловичъ Висковатый, отличнѣйшій человекъ, подобнаго которому не было въ то время Москвѣ; его уму и искусству, какъ москвитя ни чему не учившагося, очень удивлялись все иностранные послы. Великій князь московскій въ то время такъ жестоко и ужасно обращался съ своими собственными людьми и высокаго и низкаго происхожденія, что безчеловѣчно велѣлъ умертвить болѣе сорока тысячъ человекъ, способныхъ носить оружіе и годныхъ на войнѣ, кромѣ женщинъ, дѣвушекъ, дѣтей и разной челяди. Все нѣмцы, бывшіе въ Москвѣ въ то время и послѣ того ѣхавшіе черезъ города и земли, подвергнувшіеся опустошенію, сознавались, что еслибы непріятель со стотысячнымъ войскомъ пребылъ въ Россіи, война цѣлый годъ, то немислимо, чтобы онъ нанесъ москвитю такіе убытки, какіе онъ нарочно наносилъ самъ себѣ. Причина же, почему это случилось, была та, что великій князь подозрѣвалъ своихъ людей въ томъ, что они хотять передаться королю польскому, но это была невѣрная клевета.

Прим. перев. Описание разгрома Новгорода въ общихъ чертахъ согласно и съ русскими источниками.

Напуганный отъѣздомъ Курбскаго и протестомъ, который тотъ подалъ отъ имени всѣхъ своихъ собратьевъ, подозрительный, и чрезъ ястру страстный

Іоаннъ заподозрѣлъ всѣхъ своихъ бояръ въ измѣнѣ государству и схватился за крайнее средство: 3 декабря 1564 г. онъ выѣхалъ изъ Москвы въ Александровскую Слободу, а въ январѣ 1565 г. послѣдовало учрежденіе опричнины. а съ нею началась и эпоха лютыхъ казней, — обезглавившихъ этого государя, несомнѣнно способнаго и понимавшаго интересы московскаго государства гораздо лучше и дальновиднѣе всѣхъ современныхъ ему бояръ.

Казни не унимали педоброхотства, и не могли унять, а это еще болѣе ожесточало царя, человека по природѣ своей чрезвычайно впечатлительнаго. Мучимый подозрѣніями, онъ просто осирѣлъ и впалъ въ неслыханныя крайности, которыя чрезвычайно вредили ему и какъ человеку, и какъ государю. Слухи, къ несчастію, совершенно вѣрные о его жестокостяхъ и свирѣпыхъ нравѣхъ распространились далеко въ соседнихъ государствахъ, — и много, даже несомнѣнно очень много послужили къ тому, что въ Литвѣ партія, старавшаяся о соединеніи Западной Россіи съ Восточною, не находила особенно сильной поддержки, а въ Ливоніи планы Таубе и Брузе о подчиненіи этой страны московскому государству не находили себѣ ревностныхъ приверженцевъ.

Разгромъ Новгорода произошелъ по слѣдующему случаю: лѣтомъ 1569 г. явился къ царю какой-то Петръ, родомъ волынецъ, и донесъ, что новгородцы хотятъ предаться польскому королю, что у нихъ написана уже и грамота объ этомъ и положена въ Софійскій соборъ за образомъ Богоматери. Іоаннъ отправилъ съ Петромъ довѣреннаго человека, который дѣйствительно отыскалъ за образомъ грамоту и привезъ къ государю: подписи — архіепископа Пимена и другихъ оказались вѣрными. Говорятъ, что этотъ Петръ, бродяга, наказанный новгородцами, самъ сочинилъ грамоту и необыкновенно искусно подписалъ подъ руку архіепископа и др. гражданъ. Какъ-бы то ни было, но Іоаннъ рѣшился лично разгромить Новгородъ. Въ декабрѣ 1569 г. онъ двинулся туда съ Александровской Слободы, и въ какомъ-то наступленіи началъ опустошать земли по дорогѣ. Опустошенія начались съ Клина. 2 января 1570 г. явился въ Новгородъ передовой отрядъ царской дружины, а 6 числа прибылъ самъ царь съ сыномъ Іоанномъ. На другой-же день начался разгромъ и продолжался до 13 февраля. Въ этотъ день Іоаннъ выѣхалъ въ Псковъ, который былъ ограбленъ, хоть и не такъ жестоко, какъ Новгородъ. По возвращеніи царя въ Москву началось и «измѣнное смекное дѣло», которое хотя не дошло до насъ, но результаты его извѣстны: оно повлекло за собою новыя казни. Замѣчательно, что на этотъ разъ были казнены и важнѣйшіе опричники.

Во время производства смекнаго дѣла въ Москву прибылъ герцогъ Магнусъ Гольштейнскій.

50. Герцогъ Магнусъ становится королемъ Ливоніи, 1570 г.

Въ 1570 г. въ посту, послѣ того какъ герцогъ Магнусъ Гольштейнскій дождался изъ Москвы своихъ легатовъ Тоняиса (Антона) Врангеля Ройловскаго и Клауса Адеркаса, онъ по ихъ отвѣту, привезенному ему изъ Россіи, самолично поѣхалъ въ Москву къ великому князю; въ великій четвергъ онъ пріѣхалъ въ Дертъ, гдѣ пробылъ цѣлыхъ восемь недѣль, а въ четвергъ послѣ Троицы выѣхалъ въ Москву. Очень многіе тогда радовались и ликовали въ Ливоніи, будучи вполнѣ увѣрены, что москвиты уступятъ и передастъ герцогу Магнусу все, взятое имъ въ Ливоніи. И очень уди-

влялись въ Ливоніи, что нѣмецкій князь, къ тому еще сынъ могущественнаго короля, унижается до поѣздки къ москвитю, чего раньше никогда не слыхивалъ. Когда герцогъ Магнусъ прибылъ въ Москву, то великій князь пригласилъ его въ гости со всеми его совѣтниками, помѣщиками и слугами, богато и щедро угостилъ ихъ и каждого по чину и состоянію одарилъ подарками, такъ что ни одинъ конюхъ не былъ забытъ. Великій князь былъ очень веселъ со своими гостями, шутилъ и громко говорилъ, что теперь отъ всей души расположенъ къ нѣмцамъ. Поэтому свита Магнуса призвала его наилучшимъ и христіанскимъ господиномъ, который возведетъ ихъ до великихъ почестей и снова возвратитъ имъ ихъ отечество. Тогда многіе во всей Ливоніи стали относиться очень благосклонно къ герцогу Магнусу и не знали лучшаго утѣшенія и помощи на землѣ для Ливоніи.

Въ то же время великій князь объявилъ герцога Магнуса королемъ Ливоніи и въ честь его и къ удовольствію ему отпустилъ всѣхъ плѣнныхъ нѣмцевъ, которые долгое время сидѣли въ темницахъ. И хотя бѣжнымъ плѣннымъ это была большая милость, однако подъ этимъ скрывалось большое коварство. Потому что этой честью, оказанной нѣмецкому князю, и освобожденіемъ нѣмцевъ изъ темницъ, онъ задумалъ уловить въ неволю остальные города, крѣпости и земли въ Ливоніи со всеми нѣмцами. Но что сынъ такого достохвальнаго и христіанскаго короля такъ унижился и поѣхалъ къ москвитю, за это слѣдуетъ благодарить лишь его ливонскихъ совѣтниковъ и придворнаго проновѣдника Христіана Шрепфера, которые посовѣтовали это своему доброму господину, нацѣясь достигнуть этими средствами и путями своей старой ливонской свободы и благосостоянія.

Прим. перев. Герцогъ Магнусъ выѣхалъ изъ Арнсбурга 13-го марта 1570 г., пославъ Клауса Алеркаса и Конрада Бурмейстера, бывшихъ въ Москвѣ, въ Данію къ своему брату съ извѣстіемъ, что спѣшность дѣла не дозволила ему ждать извѣстія о томъ что думаетъ его братъ, король датскій, о предложеніи московскаго царя.

А въ Москвѣ герцогъ пріѣхалъ въ первыхъ числахъ іюня съ большою пышностію, на двухъ стахъ коняхъ, со множествомъ прислуги. Переговоры начались немедленно послѣ его пріѣзда. Объявивъ Магнусу королевъ Ливоніи, царь объявилъ его также женихомъ племянницы своей княжны Евфиміи, дочери князя Владиміра Андреевича; жителей Дерпта, высланными отсюда (см. выше, стр. 155) въ 1565 г., позволено было возвратиться на родину. Принимая титулъ ливонскаго короля, Магнусъ присягнулъ въ вѣрности царю на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Если царь самъ выступитъ въ походъ и позоветъ съ собою короля Магнуса, то послѣдній обязанъ привести съ собою 1500 человекъ конницы и столько же пѣхоты; если же царь самъ не выступитъ въ походъ, то и Магнусъ не обязанъ выступать; войско магнусово получаетъ содержаніе изъ царской казны; если Магнусъ поведетъ свое войско отдѣльно отъ царя, то считается выше всѣхъ воеводъ московскихъ; если же Магнусъ захочетъ самъ участвовать въ походъ, то обязанъ ввести въ царскую

казну за каждаго всадника по три талера, и за каждаго пѣхотинца по полтора. Если самъ царь лично не ведетъ своихъ войскъ, то Магнусъ не обязанъ присылать ни людей, ни денегъ до тѣхъ поръ, пока вся Ливонія совершенно будетъ успокоена. 2) Если Магнусъ будетъ вести войну въ Ливоніи, и царь пришлетъ туда же московскихъ воеводъ, то король приметъ верховное начальство надъ войскомъ, совѣтуясь съ воеводами. 3) Магнусу, его наслѣдникамъ и всѣмъ жителямъ Ливоніи даруются всѣ прежнія права, вольности, суды и обычаи. 4) Сохраняютъ они свою религію августбургскаго исповѣданія. 5) Города ливонскіе торгуютъ въ московскихъ областяхъ безпошлинно и безъ всякихъ заѣздовъ; на оборотъ, король Магнусъ даетъ путь чистый въ московскія области всѣмъ заморскимъ купцамъ со всякимъ товаромъ, также всякимъ художникамъ, ремесленникамъ и военнымъ людямъ. 6) Если Рига, Ревель и другіе города ливонскіе не признаютъ Магнуса своимъ королемъ, то царь обязывается помогать ему противъ всѣхъ городовъ и противъ всякаго непріятеля. 7) По смерти Магнуса и потомковъ его, преемникъ избирается по общему согласію всѣхъ ливонцевъ.

Одновременно съ новоназначеннымъ королемъ Ливоніи въ Москвѣ находились шведскіе послы (см. выше, стр. 182), посланные въ іюль 1570 г. изъ Мурома, а за нѣсколько недѣль предъ пріѣздомъ Магнуса царь заключилъ перемиріе съ Польшею на три года и тѣмъ открылъ себѣ возможность дѣйствовать болѣе рѣшительно противъ Швеціи въ Эстоніи. Для объясненія этого необходимо вспомнить предшествовавшія событія.

Послѣ взятія Полоцка въ 1563 г. (см. выше стр. 140) въ теченіе всего 1564 г. военныя дѣйствія между Литвою и Москвою ограничивались набѣгами, не приносящими существенной пользы ни той, ни другой сторонѣ.

Въ такомъ же нерѣшительномъ положеніи были военныя дѣла и въ 1565 г. Король Сигизмундъ не имѣлъ средствъ принудить Іоанна къ заключенію мира, но и Іоаннъ, занятый внутренними дѣлами московскаго государства, раздраженный до крайней степени на своихъ ближайшихъ бояръ, не могъ ни въ Ливоніи, ни по границамъ съ Литвою достигнуть чего либо важнаго. Съ обѣихъ сторонъ желали мира и были бы рады притти къ соглашенію, если бы къ тому оказалась возможность. Литовцы первые сдѣлали попытку.

Чтобы начать соглашеніе, для «задирки», какъ выражались въ тѣ времена, виленискій епископъ и литовскіе паны прислали въ Москву гонца съ письмомъ къ митрополиту. Но въ Москвѣ гонца къ митрополиту не пустили подъ предлогомъ, что «митрополиту не пригоже сношаться съ епископомъ», но бояре отвѣтили, однако же, панамъ, что государь мира хочетъ и непріятельскія дѣйствія прекращаетъ. Опасную грамоту на литовскихъ пословъ отправили съ гонцомъ Желнинскихъ. По этой грамотѣ въ Москву прибыли 30-го мая 1566 г. великіе литовскіе послы: воевода трошскій Юрій Алекс. Ходкевичъ, воевода берестинскій Юрій Вас. Тышкевичъ и наѣздный писарь литовскій Мих. Богд. Парабурда.

По обычаю, заговорили о вѣчномъ мирѣ и, конечно, не сговорились, тогда начали толковать о перемиріи. Послы предложили Іоанну Полоцкѣ и въ Ливоніи всѣ мѣста, какія заняты московскими войсками, съ тѣмъ чтобы общими силами изгнать шведовъ изъ Эстоніи и раздѣлить ее между Польшею и Россіею. Іоаннъ не согласился, требуя уступки Риги, Вендена, Вольмара, Ренебурга, Кокенгузена и уступая за то королью Оверинге, Лукомлю, Дриссу, Курляндію и 12 городковъ въ Ливоніи. При этомъ царь заявилъ, что всѣ плѣнники королевскіе будутъ освобождены безденежно, а русскіе плѣнные будутъ выкуплены. Послы не соглашались на это и объявили, что всего

скорѣе миръ состоится, если царь лично переговорить съ Сигизмундомъ гдѣ нибудь на границѣ. Іоаннъ согласился на свиданіе, но потребовалъ, чтобы послы сейчасъ же рѣшили гдѣ быть съѣзду и при какомъ церемоніаль. Но послы отвѣтили, что не имѣютъ полномочія рѣшить такое важное дѣло и требовали срока для присылки новыхъ пословъ.

Царь, видя, что литовцы хотятъ проволочивать одно время, рѣшился прекратить переговоры въ Москвѣ и отправить въ Сигизмунду своихъ пословъ, а въ то время какъ государскіе послы будутъ у короля, царь положилъ готовиться къ большому походу на Ливонію, прибавивъ всякаго занасу и нарядъ. Литовскіе послы выѣхали изъ Москвы 22-го іюля 1566 г.

Предложенія Сигизмунда были несомнѣнно выгодны, ужь не принять-ли ихъ? Слѣдуетъ-ли продолжать войну, принявшую оборотъ весьма сомнительный? Но съ другой стороны, слѣдуетъ-ли отказаться отъ войны, не добившись морскихъ береговъ, не добившись главной и единственной цѣли войны, слѣдуетъ-ли согласиться оставить за Сигизмундомъ Рягу и другіе важные города, полученные имъ, благодаря русскому же оружію? Такіе мысли невольно приходили на умъ Іоанну, но какъ, однако, быть?

Царь, не доверяя своимъ опаснымъ боярамъ (васекиамъ), не доверяя и опричникамъ, стоявшимъ враждебно къ остальному населенію, рѣшился за совѣтомъ обратиться ко всей землѣ на подобіе того, какъ за двадцать лѣтъ тому назадъ онъ обращался къ выборнымъ, когда торжественно очищалъ себя отъ обвиненія въ прежнихъ бѣдствіяхъ народныхъ и сложилъ вину ихъ на бояръ. Въ іюль 1566 г. Іоаннъ созвалъ на земскую думу духовенство, бояръ, дворянъ, конщиковъ съ западныхъ границъ, купцовъ московскихъ и смоленскихъ. Въ собраніи этомъ находилось 339 человекъ. Царь предложилъ собранію обсудить предложенія Сигизмунда и дать совѣтъ, какъ поступить царю. Собраніе положительно и единогласно высказалось, что государю отъ Ливоніи отступаться не пригоже, а слѣдуетъ стоять за ливонскіе города крѣпко. Выслушавъ такое мнѣніе, Іоаннъ отправилъ къ Сигизмунду боярина Уинаго-Колычева съ дворецкимъ Григоріемъ Нагиаъ и известнымъ дьякомъ Вас. Яков. Щелкаловымъ. Они выѣхали изъ Москвы 31-го января 1567 г., и только въ августѣ въ Гроднѣ могли представить Сигизмунду царскія предложенія. Царь соглашался помириться съ Литвою, если вся полонка область и вся Ливонія до рѣки Двины отойдутъ къ Москвѣ, если король начнетъ именовать царя ливонскимъ, полоцкимъ и смоленскимъ, и кромя того выдастъ Курбскаго.

Десять разъ русскіе послы сходились съ королевскими панами и ни въ чемъ не соглашались. Колычевъ и Нагой выѣхали изъ Гродны 19-го августа 1567 г. и донесли царю, что предложенія его отвергнуты, что посольству московскому оказано въ Литвѣ большое безчестіе, кормовъ не давали, и что король отправилъ въ Москву гонца Быковского съ разметомъ, т. е. съ объявленіемъ войны.

Царь не ожидая, однако, размета, самъ выступилъ въ походъ осенью 1567 г., и Быковский встрѣтилъ Іоанна на дорогѣ въ Новгородъ. 5-го октября 1567 г. Быковский представился царю и вручилъ ему грамоту Сигизмунда. Царь и сынъ его царевичъ Іоаннъ, выслушавши королевскую грамоту, съ боярами приговорили задержать Быковского, за то что въ грамотѣ, имъ приведенной, писаны супротивныя слова: лжѣніе Быковского и товары пришедшихъ съ нимъ купцовъ описать въ казну. Царь прибылъ въ Новгородъ, и сдѣлалъ распоряженія идти на ливонскіе города Лужу и Рѣжицу, но тутъ встрѣтились разныя затрудненія, такъ что царь созвалъ на совѣтъ

нѣхъ своихъ главныхъ воеводъ. Военный совѣтъ, происходившій въ Оршѣ 12-го ноября 1567 г., рѣшилъ ограничиться оборонительною войною.

Царь возвратился въ Александровскую Слободу и оттуда писалъ къ боярѣмъ въ Москву — мирится ли съ королемъ или не мирится? Мнѣніе бояръ было: сношеній съ королемъ не порывать, Рыковского освободить, королю написать «поглаже», и если король захочетъ прислать гонца или посланника, то дать ему честную дорогу. Такъ и поступили.

Мелкая война и набѣги между тѣмъ продолжались весь 1568 и 1569 годы: литовцы подъ Улою потерпѣли уронъ, но имѣли успѣхи въ Смоленской области. Война, однако, не мѣшала присылкамъ голцовъ. Присылки эти не приводили ни къ какимъ результатамъ: не было мира или перемирія, но не было и никакихъ серьезныхъ военныхъ дѣйствій, а между тѣмъ въ Польшѣ успѣли коснуться, на живую, что называется нитку, рѣшить весьма важный вопросъ, именно вопросъ о формальномъ соединеніи съ Литвою.

Тѣсное соединеніе Литвы съ Польшею было обещано еще Ягайломъ при его коронованіи въ Краковѣ, но на дѣлѣ связью между Литвою и Польшею служила только Ягайлова династія. Бездѣтность короля Сигизмунда-Августа грозила разрушеніемъ этой связи, потому польско-католическая партія прилагала всяческія старанія, чтобы осуществить формальное соединеніе двухъ государствъ. Но старанія эти долго были тщетными: литовская аристократія, значительная часть которой приняла протестантство, начавшее распространяться въ ней со времени Сигизмунда I, не желала сліянія съ Польшею, и только когда умеръ извѣстный предводитель литовско-протестантской партіи князь (рижской юсеринъ, а не русско-литовскій) Николай Радзивиллъ Черный, и Сигизмундъ-Августъ подпалъ влиянію польско-католической партіи, кое-какъ удалось составить унію. Для этого въ январѣ 1569 г. въ Люблинѣ съѣхались на вальный (общій) сеймъ послы отъ Литвы и Польши. Сеймъ продолжался до іюля 1569 г. Послы литовскіе всячески уклонялись отъ уніи, большая часть ихъ даже самовольно разѣхалась съ сейма, поляки грозили отказать въ помощи литовцамъ въ войнѣ съ Москвою, но унія все-таки состоялась, когда воевода кіевскій Константинъ Острожскій и воевода волынскій Александръ Чарторыйскій стали на польско-католическую сторону. Актъ уніи былъ подписанъ послами въ іюль 1569 г. По условіямъ этого акта Польша и Литва соединяются другъ съ другомъ на равныхъ правахъ, получая общій сеймъ и общій сенатъ, но съ сохраненіемъ особыхъ правительственныхъ лицъ, особаго воѣска и законовъ. Ливонія признава въ общемъ владѣніи Литвы и Польши.

Ливонскіе послы также присутствовали на люблинскомъ сеймѣ. Въ инструкціяхъ имъ было ясно сказано, чтобы они въ отношеніи Ливоніи рѣшительно ни на что не соглашались, что противорѣчило бы пактамъ (условіямъ) *subjectionis* 1561 г. и *unionis* съ Литвою 1566 г. Король далъ ливонскимъ посламъ удостовѣрительную грамоту, что подтвердитъ всѣ права и льготы, утвержденныя договорами 1561 и 1566 г. и оставитъ ихъ нерушимыми и по совершеніи присяги на соединеніе съ Польшею, тогда послы присягнули. Въ то же время, именно 3-го августа 1569 г., король Сигизмундъ-Августъ подписалъ актъ соединенія герцогства Курляндскаго съ Польшею.

На этомъ же сеймѣ былъ наконецъ освобожденъ содержавшійся въ плѣну (см. выше стр. 143) въ Равѣ рижскій коадьюторъ герцога Христоръ Мекленбургскій. Его выпустили на свободу, взявъ съ него подписку, что онъ отказывается отъ всѣхъ своихъ претензій.

Устроивъ кое какъ люблинскую унію, польское правительство рѣшилось уладить отношенія съ Москвою, и для этого въ началѣ 1570 г. отпра-

вило къ Иоанну великихъ пословъ литовскихъ Яна Кротомшевскаго и Николая Тавлоша. Они испросили личнаго свиданія съ царемъ и объявили ему, что радъ Король Польскій и Литвы полагаетъ по смерти короля Сигизмунда-Августа избрать на польскій престолъ Иоанна и его потомковъ. Царя вовсе не прельстило такое избраніе, но онъ однакоже согласился заключить перемиріе съ Польшею съ оставленіемъ всего какъ было съ тѣмъ, чтобы въ эти три года переговаривать о мирѣ. Для подтвержденія перемирія были отправлены въ Польшу князья — Иванъ Капбаровъ и Григорій Путятинъ. Иоаннъ до такой степени не вѣрилъ Сигизмунду, что давая инструкцію посламъ о томъ, какъ имъ поступать и что имъ говорить королю и панамъ польскимъ и литовскимъ, наказывалъ ихъ: «беречь на крѣпко, чтобы король на обычныхъ грамотахъ крестъ пѣловалъ въ самый крестъ прямо губами, а не въ подложіе, и не мимо креста, да я не посохъ».

Сигизмунтъ утвердилъ перемиріе въ Варшавѣ лѣтомъ 1570 г. въ то самое время, когда въ Москвѣ давалъ присягу на вѣрность Иоанну герцогъ Магнусъ. По условіямъ перемирія, Иоаннъ не могъ дѣйствовать противъ литовскихъ городовъ, занятыхъ польскими войсками, потому, отправивъ шведскихъ пословъ (см. выше стр. 182) въ Муромъ, рѣшился добыть повелѣніемъ новоназначенному ливонскому королю Ревель. Вѣривъ начальство надъ русскимъ войскомъ Магнусу, онъ отправилъ его въ Эстонию. Магнусъ 21-го августа 1570 г. съ 25-ти тысячнымъ русскимъ войскомъ сталъ подъ Ревелемъ.

51. Какъ шведы снова взяли ревельскій замокъ, 1570 г.

Въ 1570 году, въ великую пятницу, ночью шведы посѣщиво и чудеснымъ образомъ снова отняли у Клауса Курселя ревельскій замокъ и взяли въ пленъ въ плѣнъ самаго Клауса Курселя вмѣстѣ съ его братомъ Гинрикомъ, поручикомъ, и Юргеномъ Укселемъ Падепурмскимъ, ротмистромъ, и многими другими дворянами и простыми гофлейтами, нѣкоторыхъ также застрѣлили въ суматохѣ. Въ то время произошла большая тревога въ ревельскомъ замкѣ: Клаусъ Курсель и его сотоварищи повскакивали съ постелей и не знали, что такое случилось. Другіе же, почувшшіе бѣду, опустились раздѣтые по сквернымъ имамъ (черезъ отходныя мѣста) и убрались изъ замка: между ними былъ Юргенъ Фаренсбекъ Нельфійскій. * Все это произошло слѣдующимъ образомъ.

Х. Клаусъ Курсель и его сообщники, занявъ сильный замокъ и крѣпость, принадлежавшій королю, и заключивъ договоръ съ ревельскимъ губернаторомъ, были въ полной увѣренности, что не подвергнутся никакой опасности раньше Троицы. Потому они веселились, ѣли и пили, и изъ большой безпечности отправилъ изъ замка и разставилъ по деревнямъ двухъ ротмистровъ, а именно Иоанна Майделя Водлиестскаго и Гинрика Боусмана съ обоими знаменами гофлейтовъ, чтобы они жили съ крестьянами, а не съѣдали припасовъ въ замкѣ. Тогда Пильсъ Доббелеръ, начальникъ шведскихъ вѣхтовъ, молодой челоѣкъ низкаго происхожденія, но ловкій на замыслы, сговорился съ двумя добрыми друзьями (излѣвниками, сказано въ 1-мъ изданіи лѣтописи), одного изъ которыхъ звали Керстеномъ (Большимъ) Анксам-

скимъ, а другаго Ласъ Сигтезенюмъ, находившимися въ свитѣ Клауса Курселя изъ-за разбоевъ и убійствъ. Дѣло было поведено такъ. Имъ дали денегъ съ тѣмъ, чтобы они сказали, что выиграли ихъ въ кости, и желаютъ играть опять и позвать гостей, особенно тѣхъ гофлейтовъ, которые занимали комнату около выхода въ поле, черезъ который шведы намѣрены были выѣзть. Керстенъ и Ласъ должны были хорошенько напоить этихъ гофлейтовъ, чтобы послѣдніе крѣпче спали и не услышали шума. Такой проектъ былъ очень хорошъ. Измѣнники получили деньги и пригласили множество гостей. Тогда всѣ гофлейты начали пьянствовать по мѣрѣ силъ и возможности. Когда же они перепились и попадали пьяные и заснули, то шведы осторожно вышли съ епископскаго двора у собора, имѣя съ собою лѣстницу, пробрались въ шерстяныхъ носкахъ въ выходу изъ замка, гдѣ ихъ уже ждалъ Ласъ Сигтезенъ. Когда они подошли къ выходу, то Ласъ Сигтезенъ спустилъ сверху длинную веревку, поднялъ съ земли одинъ конецъ пеньковой лѣстницы и накрѣпно привязалъ его наверху. А Керстенъ Анкламъ со всѣхъ сторонъ позицировалъ шнурующихъ въ домѣ, на случай, чтобы кто нибудь не услышалъ шума. Клаусъ Курсель крѣпко спалъ со своими товарищами, а стража стояла со стороны города, — и не могла видѣть, какъ шведскіе кнехты одинъ за другимъ поспѣшно взлѣзали по пеньковой лѣстницѣ въ замокъ. Когда ихъ взлѣзло человекъ до трехъ сотъ, то они заняли этажъ, въ которомъ были всѣ съѣстные припасы и боевые снаряды, и немедленно съ башни дали пушечный сигналъ, чтобы разбудить имъ бюргеровъ въ городѣ и соборѣ. Когда раздался ночью выстрѣлъ изъ тяжелыхъ орудій, то во всѣхъ улицахъ города поднялась страшная тревога и никто не зналъ, что случилось. Клаусъ Курсель и его товарищи также упали духомъ, и кутизы, хорошо угощенные измѣнниками, начали прятаться, но напрасно, потому что Нильсъ Доббелеръ, дававшій деньги для кутежа, началъ длинными ружьями требовать съ нихъ денегъ, а такъ какъ у нихъ не было наличныхъ денегъ, то они оставили ему въ залогъ свои платья, чулки и башмаки, лошадей и всякія оружія, а сами спустились черезъ скверныя ямы, а тѣ, которые не убѣжали, дорого заплатились за кутежъ, кто головой, кто долгимъ заточеніемъ. Нильсъ Доббелеръ со своими ландскнехтами тысячу разъ вернулъ свои деньги золотыми цѣпями, серебряными кивжалами, бархатомъ и шелкомъ и дорогими поясами. Когда вѣмецкіе кнехты пришли изъ города на помощь къ шведамъ и снова овладѣли замкомъ, то взяли въ плѣнъ Клауса Курселя со многими другими ливонскими дворянами и посадили ихъ въ тюрьму; но иностранцамъ оказали больше снисхожденія, изъ которыхъ впрочемъ большая часть, напечная за себя поручителей, скоро забыла эту милость и великое благодареніе, потому что они тотчасъ же тайкомъ перешли къ москвиту и стали злѣйшими врагами

шведовъ. Такъ былъ завоеванъ сильный замокъ ревальскій, совладать съ которымъ стоило бы не мало трудовъ сильному войску могущественнаго короля. Замокъ какъ былъ приобретень, такъ и потерянъ врасплохъ онъ былъ взятъ, врасплохъ и потерянъ. Нѣкоторые ливонскіе дворянѣ, услышавшимъ, что Клаусъ Курсель взялъ ревальскій замокъ, было это такъ приятно, что ночью они велѣли поднимать себя въ отверстіе и тѣмъ указали шведамъ дорогу; у нихъ не было настолько разсудку, чтобы велѣть послѣ того замуровать отверстіе. Если же бы это было сдѣлано, то шведамъ никогда не удалось бы взять замокъ.

Когда оба отряда гофлейтовъ, стоявшихъ по деревнямъ у крестьянъ, слышали, что шведы снова взяли ревальскій замокъ, то это извѣстіе ихъ очень опечалило. Многіе изъ нихъ твердо были убѣждены, что во вѣки вѣковъ ни одинъ шведъ не будетъ управлять болѣе ревальскимъ замкомъ. И Іоанну Думе и Элерту Крузе это извѣстіе было большой печалью и огорченіемъ. Тогда гофлейты эти не придумали ничего лучшаго, какъ присоединиться къ герцогу Магнусу, Іоанну Думе и Элерту Крузе, которые выхлопотали имъ содержаніе у московита: они были отправлены въ Вирландъ къ Везенбергу въ область московита къ крестьянамъ, которые нѣсколько времени должны были содержать и кормить ихъ.

31-го мая Клаусъ Курсель былъ вызванъ къ суду въ замокъ и его обвинили въ тяжкихъ преступленіяхъ. Онъ уныло началъ оправдываться, но всѣ его доводы были признаны неосновательными. Ему произнесли приговоръ и 3-го іюня его казнили мечемъ. Затѣмъ были казнены еще трое изъ его товарищей, а именно Балтазаръ Геллеръ, его писарь, Фромгольдъ Дюверъ и Гинрихъ Гаке, а трое другихъ, именно Гинрихъ Курсель, Юргенъ Уксель Паденурискій и Эрнстъ фонъ Фитинггофъ, были отвезены въ плѣнъ въ Швецію, гдѣ милостивымъ ходатайствомъ герцога Карла были помилованы и оставлены въ живыхъ. Изъ за этого великаго мятежа многіе должны были бы быть казнены по судебному приговору, еслибы шведскіе правители были мстительны или кровожадны; но они оказали милость вопреки справедливости и все таки заслужили мало благодарности у большей части ливонцевъ.

52. Леаль снова переходитъ къ шведамъ, 1570 г.

Въ то же время шведы двинулись къ Леаю, чтобы осадить этотъ замокъ, отданный въ ленъ Клаусу Курселю королемъ шведскимъ. Послѣ того какъ они пребыли здѣсь нѣсколько недѣль и потеряли своего начальника Нильса Доббелера со многими другими, замокъ наконецъ сдался. Немного спустя нѣсколько тысячъ русскихъ съ обоими перебывавшими отрядами гофлейтовъ пришли выручать

замокъ. По услышавши, что ихъ походъ былъ бесполезенъ, они опустошили весь Вижъ, убили нѣсколько шведовъ въ ихъ дворахъ вмѣстѣ съ дворянами, и затѣмъ снова двинулись въ дерптское епископство и въ Вирландъ.

53. *Данцискіе крейсера. Набѣгъ русскихъ и ливцевъ до Ревеля, 1570 г.*

Этимъ лѣтомъ 1570 года нѣсколько започевскихъ крейсеровъ были взяты англичанами въ варвскомъ фарватерѣ и привелены къ русскимъ въ Нарву; болѣе 70 плѣнныхъ было повѣшено, одного изъ ихъ капитановъ звали Асмусъ Іендрихомъ.

18-го августа, предъ полуднемъ, и русскіе, и ливцы, вѣхавшіе всю ночь въ бурную дождливую погоду, угнали нѣсколько сотъ коровъ съ пастбища у Ревеля, а также убили и ранили нѣсколько человѣкъ у воротъ.

54. *Краткое описаніе первой московитской осады города Ревеля, въ которой герцога Магнуса Гольштейнскій былъ главнымъ полководцемъ, 1570 г.*

21-го августа 1570 года, въ поведѣльникъ, предъ полуднемъ, герцогъ Магнусъ Гольштейнскій осадилъ городъ Ревель съ 25,000 чел. русскихъ и съ тремя эскадронами своихъ гофлейтовъ. Послѣ къ нимъ подошелъ изъ римскаго архіепископства Рейнгольдъ фонъ Розентъ со своимъ отрядомъ, а также и небольшой отрядъ нѣмецкихъ кнехтовъ изъ Аренсбурга.

Въ то же время и замокъ Виттенштейнъ былъ осажденъ нѣсколькими тысячами русскихъ съ однимъ эскадрономъ ливцевъ, ротмистромъ котораго былъ Юргенъ Тизенгаузенъ Ранденскій. И всѣ ливцы, стоявшіе предъ Ревелемъ и Виттенштейномъ, были большею частью ливонскіе помѣшники (юнкеры) и нѣкоторые даже бюргерскія дѣти изъ Ревеля и другихъ мѣстъ, которые всѣ по великому неразумію своему хотѣли передать свое отечество герцогу Магнусу, на самомъ же дѣлѣ московиту каждый же благоразумный человѣкъ могъ понять, что московитъ не станетъ вооружать такого сильного войска въ пользу кого другаго, но самъ захочетъ извлечь свои выгоды.

23-го августа русскіе имѣли очень важный успѣхъ, а именно взяли дворъ св. Іоанна вмѣстѣ съ госпиталемъ и всѣми каменными домами, находившимися совсѣмъ близко отъ города, и хотѣли укрѣпиться въ нихъ. Но ревельцы сдѣлали вылазку и выбили изъ нихъ русскихъ съ большою храбростію и большими трудами. сожгли до тла упомянутый дворъ вмѣстѣ съ госпиталемъ и мельницею св. Іоанна и всѣми домами, и все уничтожили.

29-го августа Карлъ Гиндриксенъ Конаскій со шведами напалъ изъ замка на русскихъ, убилъ нѣсколькихъ изъ нихъ, ранилъ смертельно одного боярина и привезъ его въ замокъ.

2-го сентября изъ Нарвы къ русскимъ прибыло много орудій; изъ своего лагеря при верхней мѣльницѣ русскіе открыли огонь по городу, но не причинили никакого вреда.

6-го сентября непріятель овладѣлъ икнуой, везшею изъ Столгольма 42 бочки коровьяго масла. Добычу эту русскіе отправили въ свой лагерь.

Прим. перев. Русскимъ осаднымъ корпусомъ подъ Ревалемъ командовали воеводы князья Мих. Юр. Лыковъ и Ник. Пав. Кропоткинъ: въ сентябрѣ 1570 г. изъ Москвы прибыли воеводы Вас. Пав. Умной-Каличевъ (опричный бояринъ) и князь Ив. Петр. Херонъ (земскій бояринъ). Воеводы, да и самъ герцогъ Магнусъ (король Аримантусъ Крестьяновичъ по русскимъ лѣтописямъ) распорядились осадю саими неуспѣшнымъ образомъ и нигдѣ не имѣли успѣха, по совершенному незнанію военного искусства вообще и атаки крѣпостей въ частности.

55. Въ это время герцогъ Магнусъ прислалъ открытое за своимъ печатію письмо ко всей ревельской общинѣ слѣдующаго содержания

Мы, Магнусъ, Божьей милостью король ливонскихъ, эстонскихъ и летскихъ земель, наслѣдникъ норвежскій, герцогъ шлезвигскій, гольштейнскій, стормарскій и дитмарскій, графъ ольденбургскій и дельменгорстскій, всѣмъ живущимъ въ городѣ Ревелѣ, желающимъ пользы и преуспѣянія всему христіанству, добра, свободы и истиннаго благосостоянія угнетенной и разоренной Ливоніи, а также всѣмъ желающимъ предохранить себя и всѣхъ своихъ потомковъ отъ вѣчныхъ убытковъ, несчастій, гибели и пролитія невинной крови, заявляемъ слѣдующее.

Послѣ того какъ эта горестная и разоренная страна безжалостно была растерзана многими народами, а угнетенные туземцы и бѣдные жители ея молили Господа о дарованіи имъ нѣмецкаго христіанскаго правительства, то и мы съ самаго начала нашего правленія ото всей души просили у милосердія Божія указать намъ средства и пути, которыми снова можно было бы возстановить бѣдную землю. Мы пробовали многія средства, брались за нихъ, но много лѣтъ не имѣли успѣха, пока царь, великій князь и государь всея Россіи, по непостижимому милосердію Господа, милостиво не обѣщалъ намъ дарованными грамотами за печатями, а также обычнымъ крестнымъ цѣлованіемъ, поставить насъ королемъ надъ всею Ливоніей. Его царское величество объявилъ это публично въ слѣдующемъ видѣ. Великій князь желаетъ передать намъ всю Ливонію безо всякаго насилія или принужденія, желаетъ также заключить союзъ съ священной римскою имперіею противъ турокъ и всѣхъ враговъ христіан-

ства. Надо всей Ливоніей во вѣки вѣковъ не будетъ другого начальства, кромѣ насъ и нашихъ наслѣдниковъ, а за пресѣченіемъ таковыхъ короны датской или голштейнской земли. Ни омиа русскій не будетъ имѣть власти господствовать или управлять во всей Ливоніи, исключая великаго князя и государя, который желаетъ носить имя покровителя страны, и крестнымъ цѣлованіемъ общалъ для защиты ея пожертвовать не только лѣтъ своимъ государствомъ, но и жизнью своей. За это мы должны быть и будемъ обязаны государю и великому князю весьма ничтожною признательностью, о которой даже не стоитъ упоминать и что записано въ грамотѣ и на чемъ мы цѣловали крестъ. Государь и великій князь для исполненія крестнаго цѣлованія послалъ насъ со своимъ войскомъ, чтобы изгнать изъ страны шведскихъ непріятелей.

Если городъ Ревель, какъ о томъ уже раньше мы писали магистрату и общинѣ, добромъ хочетъ подчиниться намъ, нашимъ наслѣдникамъ или за наемѣнемъ таковыхъ поронѣ датской или голштейнскому дому, то городъ останется не только при своихъ старыхъ привилегіяхъ, но получить какъ на сушѣ, такъ и на морѣ во многихъ мѣстахъ, прекрасныя, выгодныя преимущества на вѣчное пользованіе ими. Если городъ Ревель намѣренъ сазъ искать счастья своего и своихъ потомковъ, то мы допускаемъ мирные переговоры. снабдимъ также посредниковъ достаточной королевской святой или задолжниками. Въ случаѣ же, если Ревель желаетъ себѣ вѣчнаго убытка и вреда, гибели, кровопролитія и смертоубійства, то да будетъ ревельцамъ извѣстно, что государь и великій князь пошлетъ на нихъ все свое царское войско, покорить, разорить ихъ и подчинить себѣ вѣчному рабству. Мы не желаемъ отъ Всемогущаго ничего лучшаго, какъ чтобы ревельцы помнили о своемъ вѣчномъ спасеніи, счастья и несчастіи, чтобы хорошо обдумали, какихъ большихъ и выгодныхъ льготъ они могутъ достигнуть на сушѣ и на морѣ, и помнили, что имъ невозможно держаться противъ государя и великаго князя, который не только лѣтомъ, но и зимой, нисколько не опасаясь шведовъ, по своему благоусмотрѣнію, можетъ покорить ихъ. А что ожидаетъ короля шведскаго, то про это онъ узнаетъ, если будетъ угодно Господу, не только здѣсь въ Ливоніи, но и въ Финляндіи и другихъ мѣстахъ.

А что лжецы распространили, будто эта война клонится къ пользѣ великаго князя, то это только одна клевета. Ложь и обманъ, отъ которыхъ мы по христіански предупреждаемъ городъ Ревель. Въ короткомъ времени лжецы заплатятъ за это своей кровью. Если же не помогутъ всѣ христіанскія предостереженія, то мы считаемъ себя неповинными передъ милосерднымъ Господомъ и всѣмъ христіанствомъ во всѣхъ грядущихъ несчастіяхъ; а какого вы о томъ мнѣнія, мы желаемъ получить отъ васъ точный отвѣтъ. Для большаго удостовѣ-

реши всѣхъ выше наложенныхъ пунктовъ, мы ихъ подписали собственноручно и приложили къ сему нашу всѣмъ известную печать.

Такихъ писемъ герцогъ Магнусъ въ то время и послѣ того написалъ нѣсколько магистрату и ревельской общинѣ. Но у магистрата и общины было нѣсколько причинъ, чтобы не такъ скоро согласиться. Во первыхъ, ради чести и справедливости, не подобало безъ нужды отдавать городъ за чернила и бумагу. Во вторыхъ, ревельцы, по Божьей милости, лучше понимали хитрые и коварные замыслы московита, чѣмъ добрый герцогъ со своими совѣтниками и приверженцами.

Прям. перев. Эта прокламація герцога не произвела никакого дѣйствія.

56. *Какъ русскіе овладѣваютъ Смоленскомъ, 1514 г.*

Такъ какъ городъ Смоленскъ вмѣстѣ съ замкомъ были хорошо укрѣплены противъ нападений, то московиты не могъ силой взять ихъ, хотя онъ самъ лично, а также и его войско многократно пытался сдѣлать это: однако случилось, къ счастью великаго князя, что знаменитый князь Михаилъ Липскій (Глинскій), княжество котораго лежало около Смоленска, и на племянницѣ котораго былъ женатъ упомянутый великій князь московскій, по нѣкоторымъ причинамъ отложился отъ своего леннаго господина, короля польскаго, и перешелъ къ московиту. Этотъ Михаилъ Липскій обѣщалъ великому князю Василию, что если упомянутый великій князь предоставитъ ему въ наследственный ленъ все смоленское княжество вмѣстѣ съ городомъ Смоленскомъ, то онъ отниметъ Смоленскъ у короля польскаго и отдать его подъ защиту великаго князя. Это была пріятная услуга для московита. Поэтому онъ, не задумываясь долго, на вѣчныя времена отдать упомянутому князю княжество вмѣстѣ съ городомъ Смоленскомъ въ наследственный ленъ. Михаилъ Липскій же былъ вполне увѣренъ, что имѣть дѣло съ милостивымъ великимъ княземъ, который сдержитъ все, что обѣщалъ; поэтому онъ двинулся къ Смоленску съ московитскими войскомъ великаго князя съ большими угрозами и страхами, пустилъ также въ ходъ все свое искусство вести войны ласковыми словами, пока не склонилъ смоленцевъ передать ему крѣпость какъ ихъ землягу и природному князю и признать его своимъ государемъ. Михаилъ Липскій воображалъ, что удержитъ за собой городъ и княжество, а между тѣмъ войско великаго князя заняло и городъ, и княжество, а Михаила Липскаго отослали въ Москву, гдѣ онъ наконецъ умеръ съ голоду въ княжеской темницѣ. Такими кознями московиты добыли городъ Смоленскъ съ принадлежащимъ къ нему княжествомъ на разстояніи около 100 миль, которыхъ онъ и его предки въ сто лѣтъ не смогли взять силой. Случилось это въ 1514 году

Прим. перев. Глава эта написана Рюссовымъ, очевидно, для оправданія недовѣрія, оказаннаго ревельцами къ Иоанну и герцогу Магнусу.

Послѣдняя (третья) осада Смоленска началась 29-го іюля 1514 г. Пушкаръ Стефанъ распоряжался дѣйствіемъ артиллеріи столь успѣшно, что на другой же день Смоленскъ сдался. Жители были приведены къ присягѣ 31-го іюля: быть за великихъ князей, и добра ему хотѣть, за короля не думать и добра ему не хотѣть. 1-го августа великій князь Василій Іоанновичъ торжественно вступилъ въ Смоленскъ, при чемъ о передачѣ смоленскаго княжества Глинскому и рѣши приказкой не было. «Иностраннымъ извѣстія, говорить нашъ историкъ (см. Соловьева V, стр. 337), приписываютъ Глинскому большое участіе во взятіи Смоленска (Рюссовъ, конечно, зналъ о взятіи Смоленска чрезъ иностранцевъ); говорить, что онъ завелъ сношенія со смолянами, привлекъ многихъ изъ нихъ на свою сторону, и эти то люди заставляли большинство жителей сдаться, не дожидаясь прихода королевскаго, въ которомъ обнадеживалъ ихъ воевода Сологубъ. По извѣстіямъ о взятіи Смоленска, полученнымъ въ Ливоніи. Глинскій будто бы сказалъ великому князю: «Нынче я дарю тебѣ Смоленскъ, котораго ты такъ долго желалъ: чѣмъ ты меня отдарилъ?» Великій князь отвѣчалъ: «я дарю тебѣ княжество въ Литвѣ.» Это извѣстіе противорѣчитъ извѣстію Герберштейна, будто Василій въ Москвѣ обѣщалъ Глинскому отдать ему Смоленскъ. Какъ бы то ни было, видно одно, что Глинскій, хотя и не имѣлъ обѣщанія великаго князя относительно Смоленска, тѣмъ не менѣе надѣялся, что ему отдадутъ этотъ городъ, считая себя главнымъ виновникомъ его взятія и вообще успѣха войны... но со стороны Василія было бы большою неосторожностію выпустить изъ рукъ этотъ давно желанный драгоцѣнный Смоленскъ, ключъ къ Либовской области, отдать его Глинскому... котораго характеръ и энергія не могли дать московскому государю достаточнаго ручательства въ сохраненіи этого важнаго приобрѣтенія.

Глинскій, вскорѣ послѣ взятія Смоленска, завелъ переговоры съ Сигизмундомъ, тайно бросая московскій отрядъ и бѣжалъ въ Оршу. — но на дорогѣ былъ схваченъ и отвезенъ въ Дорогобужъ къ великому князю, который велѣлъ заковать его и отправить въ Москву.

Какимъ образомъ Смоленскъ очутился въ рукахъ литовскаго князя уже упомянуто въ Приб. Сборникѣ. II, стр. 266.

57 *Король Магнусъ и другіе русскіе приверженцы.*

Подобнымъ же образомъ москвиты захотѣли овладѣть городомъ Ревелемъ черезъ герцога Магнуса. Такъ какъ городъ Ревель есть сильная крѣпость, завладѣть которою было бы трудно москвиту, даже если бы онъ осадилъ его со всею своимъ войскомъ, то онъ и употребилъ ту хитрость, что открыто объявилъ герцога Магнуса, добровольно ставшаго на его сторону, королемъ ливонскимъ, чтобы тѣмъ вѣрнѣе подчинились ему ревельцы и другія мѣстности. Москвиты сильно надѣялись также и на то, что многіе изъ ливонскихъ дворянъ и нѣкоторые бюргерскія дѣти были преданы герцогу Магнусу. Поэтому онъ думалъ, что ревельцы не преминутъ тотчасъ же впустить и принять ливонскаго нѣмецкаго короля и своихъ земляковъ, подобно жителямъ Смоленска, расчитывая, что нѣмецкій король и ихъ земляки навѣрное убѣдятъ ихъ сдѣлать такъ. Вмѣстѣ съ герцогомъ Магну-

Въ то же время, послѣ Мартынова дня, въ Ревелѣ появилась ужасная язва и продолжалась всю зиму до весны; отъ этой язвы умерло очень много бюргеровъ изъ всѣхъ гильдій, а также много подмастерьевъ, молодыхъ слугъ, женщинъ и дѣвушекъ, умирали такъ скоро, какъ ни отъ одной заразной болѣзни; умершихъ хоронили безъ колокольнаго звону, ибо во время всей осады колокола употреблялись только при проповѣдяхъ. Моръ былъ настолько великъ, что люди совершенно теряли рассудокъ, всѣ чувства и языкъ; этотъ моръ очень быстро сталъ свирѣпствовать также и между крестьянами Гарріена, а глупый народъ называлъ его русской или московской язвой, занесенной будто бы въ ихъ страну русскими. Въ то же время упомянутая язва ужасно хозяйничала и въ непріятельскомъ лагерѣ. отъ нея умерли также Конрадъ Бурмейстеръ, канцлеръ герцога Магнуса, и много другихъ нѣмцевъ и русскихъ. Тутъ-то вотъ исполнилось обычное проклятіе ливонцевъ, ибо въ Ливоніи, особенно у дворянъ, самымъ обыкновеннымъ проклятіемъ было «Чтобъ тебя одолѣли бѣды со всего свѣта!» Въ несчастію это проклятіе такъ исполнилось надъ ливонцами, что нельзя придумать никакой бѣды, которая не обрушилась бы на нихъ во время этой осады и этихъ смутъ.

Въ 1571 году, 12-го января, прибылъ еще одинъ отрядъ русскихъ съ тяжелыми орудіями и мортирами, они 13-го января въ ночи, во время сильнаго холода, построили между жельницами св. Іоанна и мѣдною шанцы, и въ ту же ночь начали стрѣлять по городу; пускали въ него ядра отъ 16 до 25, а также и въ 6 фунтовъ; по убитыхъ, кромѣ одного стрѣлка на валу и двухъ бѣдныхъ женщинъ, родныхъ сестеръ, которыхъ однимъ выстрѣломъ убило на печи, не было.

16-го января русскій построилъ новые шанцы передъ глиняными воротами у Блейхберга, откуда онъ пускалъ въ городъ огненные ядра (раскаленные), однако не повредилъ ни одного дома, и не ранилъ ни одного человѣка.

17-го января русскій занялъ великолѣпный госпиталь или оспенный домъ у большихъ морскихъ воротъ, поставилъ нѣсколько орудій и хотѣлъ укрѣпиться тутъ, но ревельцы не дали ему расположиться въ тотъ же день со всѣмъ войскомъ они сдѣлали вылазку и бились съ непріятелями. Но такъ какъ русскіе занимали очень выгодную позицію въ большихъ домахъ, которыхъ окружала съ одной стороны крѣпкая стѣна, а съ другой досчатый заборъ, изъ за которыхъ можно было удобно стрѣлять, и они поранили многихъ ревельцевъ, потому ревельцы снова должны были отступить въ городъ, взявъ съ собой въ плѣнъ одного нѣмца. Распросивши и узнавши все отъ него, они тотчасъ же подъ вечеръ тѣсными рядами сдѣлали вторичную вылазку, пошли на приступъ того же оспеннаго дома,

выбили изъ него непріятелей, многихъ изъ нихъ убили, а домъ зажгли и уничтожили.

30-го января ревелыцы сожгли и разрушили церковь въ рыбацкой слободѣ, хотя и безъ нужды.

3-го февраля русскіе отправили изъ своего лагеря въ Россію болѣе 2000 сапей, нагруженныхъ награбленными добромъ.

22-го февраля русскій снова построилъ шанцы на канатномъ дворѣ передъ большими морскими воротами. изъ которыхъ онъ ужасно стрѣлялъ и пускалъ въ городъ еще больше огненныхъ ядеръ, чѣмъ прежде, но не причинилъ особеннаго вреда застрѣливъ только одного стрѣлка на башнѣ св. Олофа и одного шведскаго ландскнехта, а также одного надворнаго служителя на Сюстервалѣ (у женскаго монастыря «Сюстерскія ворота»), кромѣ нихъ не убилъ и не ранилъ ни одного человека.

22-го февраля, въ ночное время, черезъ стѣну города были переданы письма Іоанна Фридриха, герцога померанскаго, въ которыхъ онъ утѣшалъ ревелыцевъ и писалъ, что объ нихъ наилучшимъ образомъ отзывались на сеймѣ въ Штеттинѣ, гдѣ помирились оба государства Швеція и Данія; ревелыцы почеркнули изъ этихъ писемъ новое мужество въ своемъ продолжительномъ угнетеніи.

2-го марта непріатели соорудили для страха и угрозы три блокгауза передъ большими морскими воротами у известковой печи, но скоро были выбиты изъ нихъ, а бревна свезены въ городъ.

5-го марта ревелыцы пешито хотѣли помѣряться съ непріателями, сдѣлали вылазку съ двухъ сторонъ и столкнулись съ непріателями. Непріатели потерпѣли значительный уронъ въ одномъ мѣстѣ у глиняныхъ воротъ. Тутъ были убиты сынъ Элрета Крузе и одинъ изъ Будтбрюкеновъ изъ рижскаго архіепископства, одинъ изъ Врангелей изъ Таттерса и много другихъ непріателей, дворянъ, и не дворянъ. Въ это время ливонскіе гофлейты герцога Магнуса были такъ дерзки и храбры, будто цѣликомъ хотѣли проглотить ревелыцевъ.

Во время этой осады было еще очень много схватокъ, въ особенности около званія суда у горы св. Тоннвесса; но описывать ихъ вѣстовать, потому что солдаты, молодые подмастерья, домашніе слуги и мальчишки бѣгали на эти схватки будто на таяцы. И хотя имъ строго запрещали это, однако они не обращали вниманія на запрещенія.

59. Снятіе осады Ревеля и Виттенштейна, 1571 г.

16-го марта непріатель зажегъ свой лагерь и ушелъ рано утромъ, пробывши подъ Ревелемъ 30 недѣль безъ трехъ дней. Этотъ день приказано праздновать въ Ревелѣ для вѣчной памяти объ осадѣ. И такъ, слава Богу, не удалось всѣ козни, предложенія, хитрости и

коварные переговоры московита. Русскіе пошли тогда по нарвской дорогѣ, а вѣмцы по дорогѣ къ Виттенштейну, передъ которымъ также стоялъ отрядъ русскихъ съ немощными вѣмцами уже 30 недѣль. но по Божьей милости и усердной бдительности и осторожности Гермона Флеминга, тогдашняго намѣстника (коменданта) въ Виттенштейнѣ, они ничего не могли достигнуть, и подобно другимъ, со стыдомъ должны были отступить. А герцога Магнуса избрали мѣстомъ своего пребыванія Обергаленъ (Оберпаленъ), но такъ какъ Обергаленъ не въ состояніи былъ прокормить всѣхъ голландцевъ, то два отряда ихъ добывали себѣ содержаніе у московита отъ крестьянъ въ дерптскомъ епископствѣ. Говорятъ, что въ этихъ осадахъ Ревеля и Виттенштейна русскихъ пало 9000 человекъ.

60. *Послѣднія коварства противъ Ревеля.*

Незадолго до отступленія, когда осаждающіе увидѣли, что ихъ надежды и ожиданія готовы рухнуть, они придумали еще новыя коварства и замыслы. Впервыхъ Христіанъ Шреперъ, придворный проповѣдникъ и очень краснорѣчивый человекъ, явился въ Ревель и велъ переговоры съ ревелъцами и очень восхвалялъ добродѣтели великаго князя, и описывалъ его войско и власть самыми могущественными, чтобы только убѣдить ревелъцевъ сдаться. Когда же это не помогло, то Іоаннъ Дуге и Элертъ Крузе придумали возбудить несогласія и раздоры между общиной въ городѣ Ревель, для чего и написали магистрату и общинѣ, будто ихъ послы въ Везенбергѣ подговорили и склонили ихъ къ этой войнѣ; потому что обѣщали и поклялись передать имъ городъ, они и пришли по этому обѣщанію. Но магистратъ и община хорошо знали въ чемъ лѣво. Кромѣ того Гирриксъ Бовсианъ написалъ тайное письмо въ городъ въ которомъ изъ своихъ друзей и родныхъ, въ которомъ, ручаясь въ правдѣ, говорилъ, что на Выборгской границѣ уже происходитъ переговоры между шведами и московитомъ, что король шведскій хочетъ передать московиту городъ Ревель и этимъ путемъ достигнуть вѣчнаго мира для Финляндіи; потому пусть ревелъцы во время позаботятся, чтобы шведамъ не удалось выполнить ихъ намѣренія, а онъ, Бовсианъ, не можетъ и не хочетъ скрывать шведскихъ замысловъ по сердечной привязанности къ своему любезному отечеству. Наконецъ, когда не помогли всѣ козни, то они при отступленіи спросили перемѣня у шведскихъ правителей и у города Ревеля, но не получили его. Поэтому русскіе вторглись въ Финляндію, а Гирриксъ Бовсианъ въ Гарриенъ и излили свою ярость на бѣдныя земли.

61. *Что тогда могъ перенести Гарриенъ.*

Тутъ не советамъ излишне замѣтить, какою страшною была въ то время Ливонія и каковы были ея богатства. Потому что хотя

Гарріенъ составляетъ едва двадцатую часть Ливоніи и раньше того многократно былъ опустошаемъ московитами, однако этотъ кусокъ земли былъ настолько богатъ, что могъ въ изобиліи снабжать кормомъ въ теченіе 30 недель болѣе 30000 человекъ русскихъ и нѣмцевъ, которые безпощадно ѣли; точно также были богаты и земли Іервена или Виттенштейна, гдѣ столько же времени пробыло очень много русскихъ; кромѣ того непріятели увезли нѣсколько тысячъ саекъ, доверху нагруженныхъ хлѣбомъ и всякимъ награбленнымъ добромъ, и увезли нѣсколько тысячъ головъ скота и лошадей, и все-таки еще всего осталось вдоволь, такъ что и дворяне и крестьяне говорили, что все это еще не бѣда, не было бы только впрямь хуже.

62. Несчастный походъ крестьянъ противъ русскихъ, 1571 г.

Тюю же весною, когда отступилъ непріятель, крестьяне изъ Гарріена и Іервена, ограбленные до чиста непріятелями, собрались въ отряды и нѣсколько разъ сряду вторгались въ Вирандъ, принадлежавшій русскимъ, пока однажды не попались. Потому что когда русскіе въ Везенбергѣ и Нарвѣ прослышали, что они опять придутъ, то собрали войско, а когда крестьяне дѣйствительно пришли и больше думали о грабѣжѣ, чѣмъ о непріятеляхъ, то русскіе внезапно бросились на нихъ и болѣе шестисотъ человекъ безжалостно убили при рѣчкѣ Мудесѣ.

63. Татары сожигаютъ Москву, 1571 г.

Въ 1571 году, 24-го мая, въ день Вознесенія, татары совершенно сожгли главный городъ московита Москву; въ этомъ пожарѣ сгорѣли болѣе 40000 домовъ, господскихъ усадебъ и жилищъ со всеми церквами и амбарами, и погибло около трехсотъ тысячъ человекъ, старыхъ и молодыхъ. Этотъ пожаръ продолжался всего только три часа. Потому что татары пришли въ 8 часовъ утра съ 40000 человекъ и зажгли городъ, а въ 11 уже все сгорѣло до тла. Это крайне удивительно и всѣ люди, видѣвшіе Москву до того и бывшіе въ ней также во время пожара, говорятъ, что еслибы московитъ самъ нарочно захотѣлъ зажечь и сжечь городъ, то ему невозможно было бы сжечь до чиста въ нѣсколько дней того, что сгорѣло въ три часа. Тутъ московиту было отплачено за все, что онъ сдѣлалъ съ бѣдной Ливоніей и Финляндіей прошлою зимою.

Прим. перев. Подробности, сообщаемыя Рюсовымъ о сожженіи Москвы, совершенно вѣрны.

Въ то самое время, когда Іоаннъ, обративъ все вниманіе на Ливонію, былъ въ войнѣ со Швеціей, и готовился къ важнѣмъ переизмѣнамъ въ Польшѣ, отношенія его къ крымской ордѣ и къ султану дѣлались болѣе и болѣе натянутыми. Іоаннъ зналъ, что султанъ на весну 1570 г. готовился къ новому походу на Астрахань, что крымскій ханъ неминуемо долженъ сдѣлать набѣгъ

на Москву. Все лето 1570 г. прошло въ тревогахъ: русское войско стало на Охѣ для отраженія татаръ, но нашествія, однако, не было. Весною 1571 г. тревога возобновилась: 50-ти тысячное войско снова направилось къ Охѣ, а царь съ опричиною выступилъ въ Серпуховъ. Тревога на этотъ разъ не была мнимой: ханъ крымской орды Девлетъ-гирей со 120-ю тысячами войска двинулся къ московскимъ украинамъ, получивъ извѣстіе, что въ городахъ московскихъ два года сряду былъ большой моръ, много людей померло и погибло въ опалѣ, а остальные воиновѣ люди всё въ Ливоніи. Ханъ переправился чрезъ Оку и вступилъ въ русскія земли. Царь, отрёзанный отъ главнаго войска, отступилъ изъ Серпухова въ Александровскую Слободу, а оттуда въ Ростовъ, а главное войско пришло къ Москвѣ 23-го мая, гдѣ и расположилось въ предместьяхъ. 24-го мая, въ день Вознесенья, татары зажгли предместья; сильный вѣтеръ разнесъ огонь на огромныя пространства. Уцѣлѣлъ одинъ Кремль. Убытки были громадные, народа погибло тысячъ до 800, цифра не невѣроятная, потому что въ Москву пришло множество народа, бѣжавшаго отъ татаръ. Во время пожара бѣжать было некуда и народа больше погибло отъ давки, чѣмъ отъ огня. Пожаръ посылалъ татарамъ грабить предместья, а на осаду Кремля Девлетъ-гирей не рѣшился. Захвативъ множество плѣнныхъ, онъ ушелъ въ Крымъ, плѣнныхъ не преслѣдуемый.

Иоаннъ прямо говорилъ, что виновъ нашествія были бояре: они послали къ хану боярскихъ дѣтей провести орду чрезъ Оку. Что Иоаннъ имѣлъ основанія обвинять своихъ бояръ въ государственной измѣнѣ, доказываетъ слѣдующая запись, данная въ 1571 г. (см. Соловьева VI, стр. 235): «И, князь Иванъ Мстиславскій, Богу, святымъ Божиимъ, церквамъ и всему православному христіанству кѣры своей не соблюлъ, государю своему, его дѣтямъ и его землямъ, всему православному христіанству и всей русской землѣ измѣнилъ, навелъ съ своими товарищами безбожнаго крымскаго Девлетъ-гирей хана». Царь, однако, простилъ Мстиславскаго.

Какъ же было, въ самомъ дѣлѣ, поступать съ непокорными боярами человеку страстному и впечатлительному, видѣвшему и не безъ основаній кругомъ себя измѣну и крамолу?

Крымскія дѣла и замыслы султана овладѣть Азакью и Астраханью лучше всего объясняютъ, почему Иоаннъ наирягалъ всё усиливъ пробиться къ морю: безъ морскаго берега мы не могли получать изъ Европы свѣдущихъ людей въ разномъ и во великомъ другомъ дѣлѣ, а безъ такихъ людей нельзя было и думать о безопасности своихъ предѣловъ отъ вторженій ордъ крымской, жившей единственно грабежомъ, и турецкой, предводитель которой носилъ officialный титулъ «кровопийцы».

64. Римско-католическій посолъ въ Ливоніи, 1571 г.

14-го іюня 1571 г., Іона Оффенбургеръ, посолъ императора Максимилиана II, прибылъ въ Ревель моремъ изъ Риги, 16-го іюня былъ въ ратушѣ и объявилъ ревельскому магистрату императорское предложеніе.

Прим. переи. Шведы съ 1563 года находились въ войнѣ съ Даніею и Любекомъ (см. выше, стр. 142). Въ то самое время, когда герцогъ Магнусъ былъ объявленъ ливонскимъ королемъ и парь рѣшилъ осадить Ревель въ Штеттинѣ, съ 1-го іюля 1570 г., при посредствѣ императора, Франціи и Саксоніи, начались переговоры о мирѣ между Швеціею и Даніею. Переговоры продолжались съ полугода времени; но въ концѣ концовъ (3-го декабря) шведы должны были согласиться на миръ, къ которому приступили и любчане. По

условіямъ этого мира шведы не могли препятствовать судоходству къ Нарвскому порту. всѣ бывшія владѣнія герцога Магнуса отдаются императору какъ верховному властителю, который въ свою очередь передаетъ ихъ подъ защиту короля датскаго. Съ извѣщеніемъ о заключеніи Штеттинскаго мира и былъ посланъ въ Ригу и Ревель императорскій посолъ Іона Офенбергеръ, такъ какъ императоръ все еще считалъ себя верховнымъ властителемъ Ливоніи.

Одновременно съ отправленіемъ Офенбергера въ Ригу и Ревель король датскій пославъ въ Москву Елисея Иванберга съ письмомъ къ царю. Фредерикъ въ этомъ письмѣ, писанномъ 11-го апрѣля 1571 г., не сообщалъ царю о своемъ мирѣ съ Швеціею, но утѣрять царя въ своемъ неизмѣнномъ дружествѣ, писалъ, что русские отнимаютъ у норвежцевъ земли и рыбныя ловли и присылъ опасной грамоты для пословъ императора Максимилиана. Царь отвѣчалъ 27-го іюля 1571 г.: Фредерикъ хорошо дѣлаетъ, что желаетъ намъ быть вѣрными другомъ до конца жизни; но то не хорошо, что безъ нашего вѣдѣнія мирится съ неприятелемъ Россіи. Да исправится; да стойтъ съ нами за едино; да объѣдятъ шведовъ повинувшись волѣ моей. О дѣлахъ норвежскихъ развѣдаемъ и не замедлимъ въ управѣ. Пословъ брата нашего, Максимилиана, ожидаемъ: имъ путь свободенъ сюда и отсюда.

65. Дампийская война съ гофлейтами, 1571 г.

Послѣ того какъ герцогъ Магнусъ отступилъ отъ Ревеля и мѣстопробываніемъ своимъ сдѣлалъ Оверпаленъ, а оверпаленская область не въ состояніи была содержать его гофлейтовъ, по обыкновенію пьянствующихъ и объѣдающихся, не было у герцога также и паличныхъ денегъ, а пристать къ другому господину они также не осмѣливались, потому названные герцогскіе гофлейты раздѣлились на пять знаменъ. Ротмистры двухъ знаменъ, а именно Гансъ фонъ Цейцъ и Рейнгольдъ фонъ Розенъ, со своими людьми, были расквартированы между крестьянами дерптскаго епископства, двое ротмистровъ, именно Іоаннъ Майдель Воллюстскій и Гинрикъ Бовсманъ съ ихъ людьми были посажены на шею крестьянъ въ оверпаленской области, а Юргенъ Тизенгузенъ Ранденскій расположился со своимъ знаменемъ въ виттенштейнской области въ деревнѣ Уббагалъ и дѣлалъ набѣги по окрестностямъ. Тогда гость, который обыкновенно и волка выгоняетъ изъ кустовъ, принудилъ оверпаленскихъ гофлейтовъ идти къ Ревелю, чтобы захватить тамъ городскія полотноя съ бѣльныхъ горъ и скоть, пасшійся на лугу передъ городомъ, такъ какъ у нихъ не было ни рубахъ, ни чего подобъ съѣстнаго. 9-го іюля они захватили нѣсколько кусковъ холста и угнали нѣсколько головъ рогатаго скота. Но бюргеры и ландкнехты сейчасъ спохватились, погнались, отняли у нихъ скоть въ четырехъ миляхъ отъ города на Дельвишскомъ дворѣ и обратили грабителей въ бѣгство. Затѣмъ Карлъ Гиндриксенъ, очень молодой человекъ и сынъ одного рыцаря изъ Канкаса въ Финляндіи, двинулся съ 300 шведскими кнехтами въ Іервентъ для дальнѣйшаго преслѣдованія оверпаленскихъ гофлейтовъ, черезъ лѣса и болота гнался за ними, и ночью, въ деревнѣ Уббагалъ, попалъ

врасплохъ на знамя Юргена Тизенгузена Рандепскаго, состоявшее почти исключительно изъ лифляндскихъ юнкеровъ (помѣщиковъ), всѣхъ ихъ умертвилъ, перекушилъ и сжегъ въ хатахъ, и взялъ знатную добычу. Такимъ образомъ было отплатчено Юргену Тизенгузену за все то зло, которое онъ причинилъ отечеству со своими гофлейтами, и за то, что велѣлъ утопить въ мѣшкѣ родную свою сестру, противъ всякой братской любви и уваженія изъ за того, что она полюбила писаря, согрѣшила съ нимъ и просила позволенія выйти за него замужъ.

66. Чума въ Ревелѣ, 1571 г.

Въ 1571 г. лѣтомъ, около дня св. Іакова, слова показалась сильная заразительная болѣзнь въ Ревелѣ и по всей Ливоніи; въ Ревелѣ эта язва прежде всего началась съ аптеки, и затѣмъ распространилась по всему городу; отъ нея умерло множество народу, и старого и молодого. А такъ какъ чума началась съ аптеки, въ которой обыкновенно люди ищутъ противъ болѣзней утѣшенія, помощи и лекарства, то безъ сомнѣнія это произошло не безъ особеннаго соизволенія Господня. Потому что Господь хотѣлъ увѣздать этимъ, что лекарства ничего не помогаютъ въ трехъ главныхъ несчастіяхъ, а именно: въ чумѣ, войнѣ и дороговизнѣ, которыми Господь обыкновенно наказуетъ непокорныя земли и города, и что въ такихъ случаяхъ по Божьей волѣ нѣтъ лучшихъ лекарствъ, какъ покаяніе и исправленіе и усердная молитва ко всемогущему Богу объ ослабленіи наказанія.

Прим. перев. Заразительная болѣзнь изъ Ливоніи перешла въ новгородскія земли. Въ Новгородѣ ждали пріѣзда царя и приняли для пресѣченія заразы строгія мѣры: отвели для умершихъ отъ повѣтрія особое кладбище на берегу Волхова близъ монастыря Хутынскаго; съ утра до ночи ходили стражи по улицамъ, осматривая дома, и запирая тѣ, въ коихъ обнаруживался недугъ; не пускали къ больнымъ и священниковъ, угрожая тѣмъ и другимъ, вслучаѣ непослушанія, сожженіемъ на кострѣ (Карамзинъ IX, 192).

Къ зимѣ болѣзнь прекратилась: царь пріѣхалъ въ Новгородъ 24-го декабря 1571 г.

67. Тщетное возстаніе Рейнольда фонъ Розена въ Дерптѣ, 1571 г.

Въ 1571 г. 21-го октября, въ одно воскресенье, Рейнольдъ фонъ Розенъ, московскій ротмистръ, по наущенію Іоанна Дуве и Элерта Крузе, задумалъ напасть врасплохъ на городъ Дерптъ и отнять его у московскаго государя. Вошедши со своимъ отрядомъ въ городъ, онъ полагалъ, что дерптскіе нѣмецкіе бюргеры немедленно перейдутъ на его сторону и вмѣстѣ будутъ биться съ русскими. Но русскіе скоро получили подкрѣпленіе и такъ напали на Рейнольда фонъ Ро-

зени, что его гофлейты благодарили только Господа, когда выбрались за ворота. А самъ Рейнольдъ фонъ Розенъ и нѣсколько его гофлейтовъ были захвачены и изрублены въ куски. Затѣмъ русскіе, подозрѣвая измѣну, бросились на дома дерптскихъ нѣмецкихъ бюргеровъ, ничего не знавшихъ и совершенно невинныхъ въ мятежъ, безжалостно и безчеловѣчно умертвили почти всѣхъ бюргеровъ съ ихъ женами и дѣтьми и всѣми домохозяевами, а дома ихъ ограбили. И это избиеніе и грабежъ продолжались три дня. Что это было за горе и что за печаль въ Дерптѣ, легко можетъ себѣ представить всякій благоразумный человѣкъ, описать же всего невозможно. Замысливъ этотъ можетъ быть и удался Рейнольду фонъ Розену, еслибы онъ открылъ его другому ротмистру Гансу Цейцу и привлекъ бы его на свою сторону. Но Рейнольдъ фонъ Розенъ или не осмѣлился довѣриться другому ротмистру, или одинъ захотѣлъ прославиться съ Іоанномъ Дубе и Элертомъ Крузе, потому и претерпѣлъ наказаніе за безбожное высокомеріе и бунтъ. Всемогушій Господь также не пожелалъ, чтобы городъ Дерптъ со всѣмъ епископствомъ былъ спасенъ такимъ легкомысленнымъ способомъ. Когда же Іоаннъ Дубе и Элертъ Крузе увидѣли, что дѣло не удалось, то оставили въ залогъ москвитю свой княжескій санъ, а сами бѣжали въ Польшу. Такъ дали отставку и расплатились и съ этимъ знаменемъ рижскихъ архіепископскихъ дворянъ, а Гансъ Цейцъ не захотѣлъ ждать расплаты, и уклонился отъ нея.

Прим. перев. Послѣ святія 16-го марта 1571 г. осады Ревеля герцога Магнуса удалился съ Оберлаленъ, а Таубе и Крузе уѣхали въ Дерптъ и оттуда завели сношенія съ королемъ Сигизмундомъ, обѣщая овладѣть Дерптомъ въ его пользу, если онъ приметъ ихъ милостиво и дастъ тѣже выгоды, которыми они пользовались въ Москвѣ. Причиной, побудившею ихъ обратиться къ королю, была боязнь ответственности предъ царемъ, которому они обѣщали легкій успѣхъ относительно Ревеля.

Сигизмундъ Августъ принялъ предложеніе, тогда Таубе и Крузе подготовили Ренега напасть на Дерптъ въ воскресный день послѣ обѣда и обѣда, когда русскіе, по своему обыкновенію, будутъ спать. Условились напасть на Дерптъ въ полдень 21-го октября 1571 г. Сначала заговорщики имѣли успѣхъ: Розенъ чрезъ мостъ у нѣмецкихъ воротъ (имѣлъ каменный мостъ чрезъ Эмбахъ) пробрался въ городъ, умертвивъ караульнаго у воротъ русскаго офицера. Таубе чрезъ соборныя ворота вошелъ на рыночную площадь, а Крузе отбилъ тюрьму, выпустилъ заключенныхъ, которые взяли оружіе убитыхъ и стали помогать заговорщикамъ. Бюргеры, лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ возвратившіеся изъ ссылки, въ которой они находились съ 1565 г., при общей суматохѣ позанимались въ своихъ домахъ. Русскія дѣти боярскія и стрѣльцы, составлявшіе дерптскій гарнизонъ, вооружались, къ нимъ подошли изъ посада расположенные тамъ стрѣльцы, а также русскіе купцы. Русскіе въ свою очередь бросились на Ренега, умертвили его, заставили заговорщиковъ очистить городъ послѣ сильной схватки, и перебили множество бюргеровъ, подозрѣвая ихъ въ соумышленничествѣ съ заговорщиками.

Таубе и Крузе еще прежде вывели свои семейства и пожитки из Дерпта и теперь, видя неудачу заговора, отправились къ польскому королю, который принялъ ихъ благосклонно, далъ имъ имѣнiя и принялъ въ польскую службу. Таубе и Крузе съ этого времени считались отъявленными врагами русскихъ.

68. *Магнусъ возвращается на Эзель, а гофмейтеры пристають къ шведамъ, 1571 г.*

Когда герцогъ Магнусъ услышалъ въ Оверпаленѣ о дерптскомъ событiи, то хотя ничего не зная о заговорѣ и бывъ сохвѣтъ невпеченъ, однако опасался подозрѣнiя и немилости великаго князя, и потому уѣхалъ изъ Оверпалена, изъ владѣнiй московита, въ Аренсбургъ, гдѣ и прожилъ нѣсколько времени. Тогда двумя знаменамъ гофмейтеровъ, оставшимся въ Оверпаленской области, пришлось еще хуже, чѣмъ было прежде. Потому что это были тѣ самые гофмейтеры, которые отняли было (см. выше, гл. 46) у шведовъ ревальскiй замокъ. Имъ ужь и нельзя было отправиться ни въ Швецію, ни въ Польшу, такъ какъ оба короля были за одно.

Тѣмъ не менѣе король шведскiй, нуждаясь въ солдатахъ, при продолжавшейся войнѣ съ московитомъ, и когда вѣроломные гофмейтеры испытали добро и зло, сжалился надъ ними и снова милостиво принялъ своихъ злѣйшихъ враговъ, подобно другимъ невиннымъ назначилъ имъ честное жалованiе и содержанiе, а также назначилъ ихъ на честныя должности и не метилъ имъ за сдѣланное шведамъ въ ревальскомъ замкѣ и при осадѣ Ревеля подъ предводительствомъ русскихъ. Такъ на этотъ разъ разсѣялось войско герцога Магнуса и его гофмейтеровъ.

69. *Тщетныя надежды ливонцевъ.*

Въ то время, когда дерптцы изъ тяжелаго плѣна и нужды возвратились изъ Россiи снова въ свой городъ, то скоро забыли свои великiя несчастiя и печали и, по старому, стали вести распутную, неумѣренную жизнь, не смотря на то, что еще не совсѣмъ были освобождены отъ оцѣтѣй и ига московита, и что еще не было мира въ странѣ; тоже самое дѣлалось и у многихъ другихъ ливонцевъ. Поэтому справедливое наказанiе Господне не могло такъ скоро прекратиться, какъ они надѣялись. Во всю войну, особенно въ началѣ они нѣсколько лѣтъ сряду говорили слѣдующимъ лѣтомъ все опять поправится. Когда же проходило лѣто, то они надѣялись на слѣдующее лѣто и изъ году въ годъ все ждали лучшаго, но постоянно переживали все худшее да худшее. Каждое лѣто, когда приходили корабли, ливонцы ждали добрыхъ вѣстей; между ними распространились сказочныя слухи, которымъ они очень радовались, а затѣмъ, когда изъ слуховъ ничего не оправдывалось, они впадали въ еще

большую печаль. Наконецъ, когда рухнули всѣ ихъ надежды и въ концѣ предвидѣлась только одна кутерьма, они большей частью утѣшались одною смертію.

Прим. перев. Надежды на укрѣпленіе Ливоніи дѣйствительно были тщетны — потому что царь, послѣ неудачной осады Ревеля, отнюдь не отступилъ отъ мысли овладѣть Эстоніею. Приказавъ собираться войскамъ въ Орѣшкѣ и Дерптѣ для войны со шведами въ Эстоніи и Финляндіи, царь рѣшился пріѣхать въ Новгородъ, чтобы быть ближе къ театру войны и выѣсть съ тѣмъ познакомиться, не согласятся ли шведы, испуганные его приготовлениями, уступить безъ войны Эстонію.

Приготовляясь къ отъѣзду въ Новгородъ, царь приказалъ шведскихъ пословъ, епископа абовскаго съ товарищами (см. выше стр. 182) отправить въ Новгородъ. Послы выѣхали изъ Мурома 28-го ноября 1571 г., 8-го декабря нашли царя въ Клинѣ и съ нимъ пріѣхали въ Новгородъ 24-го декабря.

Посламъ объявили здѣсь условія царской милости: король долженъ заплатить 10,000 ефимковъ за оскорбленіе Воронцова и Наумова въ Стокгольмѣ во время возстанія на Эрика, уступить Эстонію и серебряные рудники въ Финляндіи, заключить съ царемъ союзъ противъ Литвы и Дании, вслучаѣ войны давать 1,000 копѣекъ и 500 пѣшихъ ратниковъ, снаряженныхъ по нѣмецкому образцу, включить въ царскій титулъ названіе шведскаго и прислать свой гербъ для помѣщенія въ гербъ московскій. Послы просили отпустить ихъ домой, говорили, что въ Финляндіи нѣтъ никакихъ серебряныхъ рудниковъ и что Швеція не въ силахъ помогать имъ войскомъ. Представленные Юанну, послы упали ницъ: царь велѣлъ имъ встать, сказавъ, что онъ владыка христіанскій и не желаетъ земнаго себѣ поклоненія, но повторилъ свои требованія, приложивъ къ заключенію, что если король не исполнитъ ихъ, то увидитъ чей мечъ острѣе. Затѣмъ Юаннъ оправдывалъ себя предъ послами относительно требованія Екатерины: «Просили есмь у него польскаго короля сестры Катерины для того, чтобы намъ было къ повышенію надъ чуждымъ... а ея хотѣли есмь съ польскимъ королемъ дѣло доброе постановити... про Ягана же намъ сказали, что его въ животѣ не стало и дѣтей у него не осталось.»

Послы утѣшали, что король во всемъ исправится и добьетъ челоука царю за вину свою, обѣдали у царя и подписали грамоту, въ которой было сказано, что великій государь пребываетъ гдѣ въ милость къ Швеціи и согласился не посвятить ея владѣній до Троицына дня съ условіемъ, однако, чтобы король прислалъ къ этому времени другихъ пословъ въ Новгородъ (прочія условія оставались прежнія). Пословъ отпустили наконецъ въ Стокгольмъ съ письмомъ къ королю, въ которомъ между прочимъ, царь писалъ: «Ничѣмъ не уюлишь меня, если не откажешься отъ Ливоніи. Надежда твоя на цесаря есть пустая. Говори что хочешь, но словами не защитишь земли своей.» Царь уѣхалъ изъ Новгорода 18-го января 1572 г.,

Московскіе государи никакъ не допускали до равенства съ собою королей шведскихъ и датскихъ и въ сношеніяхъ съ ними допускали формы высокоумѣренныя, челобитія, пожалованія и т. п. Эти формы давно уже оскорбляли королей шведскихъ, давно уже наставлявшихъ чтобы сношенія производились непосредственно съ царемъ. Высокомѣрный тонъ царскаго письма и ея запросъ относительно герба и титула, запросъ, впрочемъ, считавшійся необходимымъ въ то время, отъ котораго запрашивающій легко отказывался «смотря по большей или меньшей твердости, оказываемой противною стороною, оскорбляли шведскаго короля тѣмъ сдѣланіемъ, что онъ некавалѣтъ московскаго

государя за дѣло и Екатеринѣ. Онъ не только не отправилъ новыхъ пословъ, но и слышать не хотѣлъ о мирѣ. Оршковский намѣстникъ князь Путятинъ донесъ, что виборгскій королевскій намѣстникъ писалъ ему непригоже, будто бы самъ царь просилъ мира у шведскихъ пословъ. По этому поводу 11-го августа 1573 г. царь написалъ королю новую грамоту, которая послѣ обильнаго приступа начиналась (см. Карамзина, IX, прим. 398 и Соловьева VI. 345): высочайшаго нашего царскаго спроса, честныя нашей степени величества, грозное сіе повелѣніе съ великоимъ закономъ да есть: Посамъ твои уродственныи обычаи наши степени величество раздражили... и я хотѣлъ за твое недоумѣтельство на твою землю гнѣвъ свой простерти... и гнѣвъ отложился на время... и повелѣніе къ тебѣ послали есмь, какъ тебѣ наши степени величество уюлити. Чаяли того, что уже ты и шведская земля въ своихъ глубостяхъ познается... а ты аки изумленъ (обезумѣлъ). и по августа 8-й день некотораго отъ тебя отвѣту нѣтъ... а виборгскій твой прикащикъ, Андрусъ, Нилшесъ, послааъ къ оршковскому намѣстнику, ко кн. Григ. Путятину, будто наши степени величество сами просили миру у вашихъ пословъ!... Увидишь нашего порога степени величества на сей землѣ прошеніе; то ужъ не змущее... Али члещь, что по прежнемъ воровать, шведской землѣ, какъ отецъ твой чрезъ перемирье Оршекъ воевалъ? И что тогда досталось шведской землѣ? А какъ братъ твой омаикю хотѣлъ дати жену твою, да и съ королевства его сослази; а оспенъ сказали тебя мертва, а веснусъ сказали, что тебя сбили съ государства брать твой Карло, да зять твой. Ты, сказывають, сидишь въ Стеколыѣ въ осадѣ, а брать твой Ирикъ къ тебѣ приступаетъ. И то ужъ наше воровство все наружъ; опрометывається, какъ бы гадъ разными видами... Землю своей и людей тебѣ не жалъ; надѣешься на деньги, и что еси богатъ... И дохочешь бранную мотость уюлити, приплещь пословъ... а мы, смотря по твоему покоренью, пожалуемъ... мы опять будемъ въ своей отчизнѣ, въ великомъ Помородѣ въ декабрѣ мѣсяцѣ, а ты тогда посмотришь, какъ мы и люди наши станемъ у тебя мира просить.»

Король отвѣчалъ на это браннымъ же письмомъ, писалъ не по пригожу. Подобныя письма, конечно не служили къ миру, а къ новой и упорной войнѣ.

Х 70. *Дальнѣйшія судьбы Іоанна Дуге и Элсрта Крузе.*

Когда герцогъ Магнусъ уѣхалъ изъ Оверландена, а его гофлейты разсѣлились, когда совершенно окончилась короткая радость вѣмцкихъ бюргеровъ въ Дерптѣ, тогда Іоаннъ Дуге и Элсртъ Крузе написали ревелскому магистрату слѣдующее. Всѣ переговоры, которые они вели съ ревелцами, были начаты ими въ видахъ общаго благополучія. Если на самомъ дѣлѣ вышло иначе и походъ дѣла оказался не такимъ, на какой они надѣялись, то въ этомъ виноваты не они, а московиты, обманувшіе ихъ. Они же всегда относились добродетельно къ городу Ревелю и всей Ливоніи, ихъ любезному отечеству.

Затѣмъ Іоаннъ Дуге прибылъ въ Падисъ и попросилъ, чтобы его дружелюбно пронюсали въ городъ Ревель, такъ какъ онъ хотѣлъ переговорить о нѣкоторыхъ вещахъ, касающихся города. Но ревелцы не захотѣли ни слушать его, ни выпустить въ свой городъ. Послѣ того зимою прибылъ также къ Ревелю и Элсртъ Крузе, отправленный посломъ отъ литовскихъ соседней (пановъ) къ королю шведскому

Но rivelьцы ни за что не хотѣли пустить его въ городъ, несмотря на то что онъ былъ посоль; вслѣдствіе того онъ долженъ былъ отправиться въ монастырь св. Бригитты, а оттуда уѣхать въ Швецію.

Послѣ возникла большая неприязнь и несогласіе между Іоанномъ Дуве и Элертомъ Крузе за то, что ихъ сыновья закололи и убили другъ друга. А Іоаннъ Дуве, увидѣвши наковецъ, что московитъ, по своему великому коварству, осыпалъ его почестями и богатствомъ только потому, что хотѣлъ обмануть черезъ него и поймать остальныхъ ливонцевъ, а что изъ за этого его (Дуве) многие ненавидятъ, задумавъ захватить врасплохъ и отнять у московита не только городъ Дерптъ, но и всѣми силами стать служить королю польскому противъ московита, вряда и совѣтомъ и дѣломъ московиту, гдѣ только могъ.

71. *Русскія вербовки, 1572 г.*

Въ 1572 году московитъ указомъ поручилъ Юргену Фаренсбаху Нельфійскому, набирать въ службу нѣмецкихъ гофлейтовъ и приводить ихъ въ Москву для дѣйствія не только противъ татаръ, но и противъ другихъ враговъ, какъ гласилъ указъ. По этому указу Юргенъ Фаренсбахъ доставилъ московиту цѣлый отрядъ, какъ ливонскихъ, такъ и чужеземныхъ гофлейтовъ. Во вѣки вѣковъ прежде не слышно было, чтобы ливонцы и чужеземцы такъ приставали къ московиту, какъ въ эти годы.

Добрые старые ливонцы отбранивались отъ московита, а много молодыхъ, а также и старыхъ ливонцевъ перешли на его сторону, несмотря на то, что московитъ безъ устали домогался ихъ отечества и публично говорилъ, что не оставитъ Ливонію въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока не вырветъ съ корнемъ всю сорную траву, т. е. всѣхъ ливонскихъ дворянъ и нѣмцевъ. Несмотря на то, многие ливонцы, по своей слѣпотѣ и неразумію, всѣми силами старались, чтобы московитъ какъ можно легче и скорѣе уничтожилъ ихъ.

Прим. перев. Юргенъ Фаренсбахъ (Юрій Францбахъ по русскимъ лѣтописямъ), извѣстный предводитель русскихъ наемныхъ нѣмецкихъ дружинъ, игралъ въ свое время довольно видную роль въ Ливоніи. Это былъ типъ людей XVI-го столѣтія, жившихъ военнымъ ремесломъ. Нанимаясь въ военную службу, они служили своему нанимателю, совершали походы, давали сраженія, рѣшительно не спрашивая ради чего и во имя чего идетъ война.

Родъ Фаренсбаховъ принадлежитъ къ древнимъ нѣмецкимъ родамъ, и нѣкоторые Фаренсбахи упоминаются въ ливонскихъ лѣтописяхъ еще въ XIV-мъ столѣтіи; прѣчное положеніе въ Ливоніи Фаренсбахи получили съ этого времени, когда Вильгельмъ Фаренсбахъ сдѣлался въ концѣ XIV-го столѣтія вассаломъ епископа зельскаго Вилриха Киллрода. Онъ принадлежалъ племянникомъ епископу, получилъ въ управленіе три епископскія замка и скоро разбогатѣлъ. Тѣмъ не менѣе въ XVI-мъ столѣтіи Фаренсбахи не принадлежали къ числу ливонскихъ богатѣй.

Отецъ Юргена, Вальмаръ Фаренсбахъ, находился въ орденской службѣ. Его мать была урожденная Курземъ. У Вальмара Фаренсбаха было 11 сыновей, изъ которыхъ 8 умерли въ дѣтствѣ, а трое остальныхъ посвятили себя военному ремеслу. Вальмару Фаренсбаху принадлежали въ Вилкѣ три имѣнія: Геймаръ, Пурисъ и Нельве. Въ Нельве около 1550 года и родился Юргень, потому онъ у Руссова и называется Нельфийскимъ.

Мальчикомъ онъ оставилъ родительскій домъ, началъ изученіе военного ремесла у шведовъ, и скоро появляется въ качествѣ ландкнехта во Франціи. Здѣсь онъ пробылъ не долго и перебрался въ Вѣну, гдѣ императоръ Максимилианъ формировалъ армію для войны съ турками. По окончаніи турецкой войны 1566 г., Юргень Фаренсбахъ перешелъ на службу въ Нидерланды, сегодня перебрался въ Ливонію и въ 1570 году состоялъ въ числѣ гофлейтовъ Клауса Курсема въ то время, когда этотъ предводитель овладѣлъ ревелльскимъ замкомъ (см. выше стр. 182). Фаренсбаху удалось спастись изъ замка (см. выше стр. 192) и бѣжать въ родину въ Вилкѣ. Отсюда отпраздновало въ Москвѣ посольство къ царю. Фаренсбахъ, въ качествѣ опытнаго и знающаго уже военное ремесло жолитра былъ причисленъ къ посольству и поѣхалъ въ томъ же 1570 году въ Москву. Гдѣ то по дорогѣ ливонскіе жолитры напали на русскихъ горожанъ и царь приказалъ арестовать все посольство. Фаренсбахъ въ оковахъ былъ привезенъ въ Москву и посаженъ въ тюрьму.

Въ тюрьмѣ онъ пробылъ, однакоже, не долго: царю нужны были люди, знающіе военное искусство, и потому Фаренсбаху было предложено вступить въ московскую службу, сформировать по нѣмецкому образцу дружину и принять надъ нею начальство. Фаренсбахъ согласился, присягнуть на службу и, послѣ сожженія Москвы Девлетъ-гиреемъ, отправился въ Ливонію собирать дружину жолитровъ въ московскую службу. Вербовка его была очень удачна: онъ привелъ въ Москву значительно большой отрядъ и когда Іоаннъ Лѣвтомъ 1572 года отправилъ подъ начальствомъ князя Михаила Ивановича Воротынского войско на берега Оки для защиты русскихъ предѣловъ отъ новаго вторженія Девлетъ-гирея, то въ большомъ полку находился уже и Юргень Фаренсбахъ во главѣ 7-ми тысячнаго нѣмецкаго отряда. Дѣйствія Воротынскаго были очень удачны: крымцы потерпѣли рѣшительное пораженіе и бѣжали.

Фаренсбахъ, однако же, не долго оставался въ московской службѣ. Не желая участвовать въ походѣ царя на Ливонію, онъ уѣхалъ въ Вѣну на службу къ императору, пробылъ тутъ самое короткое время и перешелъ на службу въ Данію. Король датскій Фридрихъ назначилъ его своимъ гофмаршаламъ. Въ датской службѣ Фаренсбахъ провелъ 8 лѣтъ и въ 1577 году снова появился въ Ливонію, вступивъ съ королевскаго позволенія, на службу городу Ригѣ. Король Стефанъ Баторій цѣнилъ способности Фаренсбаха, предоставилъ ему въ ленъ нѣбывшія родовыя его помѣстья на Эзелѣ и въ Вилкѣ, и въ 1580 году ввѣрилъ ему начальство надъ нѣмецкими отрядами польской арміи, дѣйствовавшей противъ Іоанна. Фаренсбахъ участвовалъ въ войнѣ съ русскими, и пользовался такою благосклонностью короля Стефана, что въ 1585 году былъ назначенъ вѣденскимъ наместникомъ, комендантомъ Тарваста и получилъ замки Каркусъ съ землями въ наследственное владѣніе. Въ возникшей войнѣ со шведами онъ игралъ видную роль, но не долго былъ дѣйствующимъ лицомъ въ ней. Онъ умеръ 17-го мая 1602 года.

72. Магнусъ снова обращается къ русскимъ, 1572 г.

Въ 1572 году, въ маѣ, послѣ того какъ герцогъ Магнусъ отправилъ своихъ пословъ въ Ревель для переговоровъ о перемиріи,

онъ тайно перешелъ опять къ москвитѣ, отправилъ варадь русскыхъ и нѣмцевъ, пришедшихъ за нимъ къ викарному Зунду. Очень много кричали тогда, будто москвиты очистятъ въ Ливоніи для герцога семь замковъ и не изъ малыхъ; однако пока еще этого не случилось.

Прим. перев. Послѣ неудачной осады Ревеля, герцогъ Магнусъ удалился въ Оберпаленъ. Получивъ здѣсь извѣстіе о покушеніи Рюссена на захватъ Дерпта (см. выше стр. 207), онъ хоть и не принималъ никакого участія въ замыслахъ Таубе и Крузе, но опасаясь гнѣва царскаго, посѣлится изъ Оберпалена перетѣхати на островъ Эзель. Отсюда онъ написалъ къ Иоанну съ увѣреніями, что ничего не знаетъ о дерптскомъ заговорѣ. Царь посѣлится успокоить герцога, и сообщивъ ему о вѣздальной кончинѣ княжны Ефрими, предложилъ ему руку малолѣтней сестры ея. Маріи, на прежнихъ условіяхъ съ прежнимъ приданымъ и съ новыми обѣщаніями завоевать Эстонию для герцога. Магнусъ принялъ царское предложеніе и прежнія отношенія восстановилъ.

Магнусъ писалъ 24-го сентября 1571 г. императору и къ своему брату, что не честолюбіе, но истинное усердіе къ общему благу христіанъ заставило его искать союза съ Рюссією съ цѣлю побудить Іоанна къ войнѣ съ Турцією.

Рюссовъ упоминаетъ, что герцогъ отправилъ варадь русскихъ и нѣмцевъ, пришедшихъ за нимъ къ Викарному Зунду. Дѣло въ томъ, что по снятіи осады Ревеля, русское войско и магнусовы голфрейты начали осаду Ингесштейна. Приступы были совершенно неудачны. Магнусъ въ вышеупомянутомъ писемѣ къ императору говоритъ, что онъ не могъ сдѣлать съ русскими жестокимъ войскомъ и для того отпустилъ его (къ Нарвѣ и Дерпту).

73. *Новыя предпріятія шведовъ, 1572 г.*

1-го августа 1572 г. въ ратушѣ города Ревеля принимали послы короля шведскаго и герцога Карла элдерманландскаго. Послы сказали, что герцогъ самъ лично съ сильнымъ войскомъ, въ нѣсколько тысячъ человекъ, прибудетъ въ Ливонію для преслѣдованія москвиты. Это вызвало большую радость въ Ревелѣ и многіе тогда говорили: вотъ когда начнется наше счастье! Но герцогъ Карлъ, по другимъ случившимся дѣламъ, не могъ пріѣхать, и половина войска также не прибыла. Тутъ и началось истинное несчастіе города и страны, какъ то видно будетъ изъ дальнѣйшаго разсказа. Въ 1572 году, 7-го сентября, въ Ревель прибыло войско изъ рейтаровъ и кнехтовъ, шведовъ и нѣмцевъ. Войско это, вооружившись, двинулось къ Везенбергу, схватилось съ русскими, ограбило Вирландъ и взяло большую добычу быками и коровами. Затѣмъ они пошли къ Оверпалену, иѣли тамъ также схватку, потеряли своего лучшаго фехверкеркера, и съ быками и коровами возвратились въ Ревель.

Въ то же время Юргенъ Уксель фонъ Паденуръ пошелъ съ нѣсколькими шведами къ Арнебургъ и съ большими угрозами требовать сдачи этого замка. Еслибы онъ серьезно взялся за дѣло, то навѣрное оно удалось бы ему. Онъ, однако, отнялъ у нихъ приходъ

и область Килекондъ, который аренсборцы впоследствии снова приобрели посредством переговоровъ.

Въ то самое время, когда шведы усиливали свои войска въ Ревелѣ и дѣлали набѣги на русскіе передовые посты въ Вирландѣ, царь, исполнивъ свою угрозу королю шведскому (см. выше стр. 311), выѣхалъ 21-го сентября 1572 въ Новгородъ, чтобы здѣсь сформировать войско для большого похода въ Эстонию. Къ концу 1572 г. 80-ти тысячное войско двинулось на Эстонию. Большимъ полкомъ командовалъ царь Саинъ Бекбулатовичъ; правымъ флангомъ бояринъ князь Ив. Фед. Мстиславскій; передовымъ полкомъ (авангардомъ) бояринъ князь Ив. Анд. Шуйскій; сторожевымъ (арьергардомъ) бояринъ князь Ив. Петр. Шуйскій; начальникомъ наряда (артиллеріи) былъ воевода князь Юрій Ив. Токмаковъ. Самъ царь со своимъ полкомъ (государевымъ) также выступилъ въ походъ. Царская свита была очень многочисленная: съ государемъ были и его ближайшіе подручники: бояринъ Малюта Лукьяновъ Скуратовъ-Бѣльскій, Вас. Гр. Грязной и дипломатическая канцелярія: печатникъ Олферьевъ, дьякъ Василій Щелкаловъ и много придворныхъ.

3-го декабря 1572 г. царь былъ на Ижѣ, приказавъ быть всѣмъ готовымъ къ выступленію. Королю Арцыманусу (герцогу Магнусу) велѣлъ быть въ походъ съ государемъ при главной квартирѣ. А Юрію Франциску (Фаренсбаху) велѣлъ государь идти въ полку съ собою же.

Въ срединѣ декабря 1572 г. царское войско изъ подъ Нарвы вступило въ эстонскія земли, занятыя шведами.

74. Какъ Виттенштейнъ попадаетъ въ руки русскимъ, 1572—73 и.

Въ 1572 г., 16-го декабря, солдаты короля шведскаго, рейтары и кпехты, числомъ около 5,000 человекъ, двинулись въ походъ, намѣреваясь осадить Оверпапенъ. Они сѣдлали большой ярюкъ къ Маріаму, а оттуда къ Феллину ради грабежа, а двѣ картечины (пушки) вмѣстѣ съ порохомъ и свинцомъ отиравили прямо по Виттенштейнской дорогѣ; къ этимъ двумъ орудіямъ должны были прибыть еще нѣсколько тяжелыхъ орудій изъ Виттенштейна. Но обѣ пушки во время свитокъ не дошли дальше Ньенгофа въ 5-ти миляхъ отъ Ревеля. Въ то же время великій князь московскій въ первый разъ лично со своими двумя сыновьями и съ 80,000-нымъ войскомъ и со многими орудіями вступилъ въ Ливонію, между тѣмъ какъ шведы въ Ревелѣ и въ Виттенштейнѣ не имѣли о томъ ни малѣйшаго извѣстія, будучи вполне увѣрены, что для нихъ нѣтъ никакой опасности. Всѣ они, и высокаго, и низкаго происхожденія, воображали себѣ, что когда двинется въ походъ шведское королевское войско, то московитѣ даже не посмѣютъ и пикнуть, такъ-де московитѣ теперь безсильны и не страшны. Поэтому они отбросили въ сторону всякую осторожность и всѣ развѣдыванія. Но когда они меньше всего береглись, московитѣ самъ лично съ огромнымъ войскомъ подошелъ къ Везенбергу, а ревельцы, также какъ и Клаусъ Акезенъ (Класъ Акезовъ Тоттъ), военный начальникъ, и всѣ воины въ Оверпапенѣ все еще ничего не знали объ этомъ. Однако виттенштейнцы кое что провѣдали о дви-

жени русскихъ, но не хотѣли вѣрить, что имъ грозитъ опасность, а все думали, что это только набѣгъ какого нибудь русскаго отряда, посланнаго для захвата пушекъ въ Ненгофъ. Въ такомъ предположеніи Гансъ Бой (Bohe), намѣстникъ (командантъ), послалъ изъ замка почти всѣхъ кнехтовъ за 6 миль на встрѣчу отправленнымъ изъ Ревеля пушкамъ и такъ обезсилитъ гарнизонъ виттенштейнскаго замка, что въ немъ осталось всего только 50 воиновъ, способныхъ владѣть оружіемъ, кромѣ 500 простыхъ мужиковъ, бѣжавшихъ въ замокъ. Гансъ Бой никакъ не полагалъ, что москвитѣ имѣютъ въ виду не пушки въ Ненгофъ, а замокъ Виттенштейнъ. Не успѣлъ онъ поэтому опомниться, какъ москвитѣ съ своимъ войскомъ были уже у Виттенштейна. Охотно бы Гансъ Бой распорядился теперь иначе своими кнехтами.

Когда же Виттенштейнъ былъ осажденъ, то нѣсколько тысячъ русскихъ были отправлены на развѣдки. Они обошли весь Гарриенъ и Іервенъ, во многихъ замкахъ нашли много народу, такъ какъ друзья и сосѣди собирались другъ къ другу въ гости на святкахъ, женщины были наряжены въ свои лучшія платья и уборы, они всѣ веселились не заботясь объ опасности. Тогда противъ всякаго ожиданія москвитѣ внезапно напали на нихъ, очень многихъ изъ нихъ убили, и нѣсколько тысячъ, молодыхъ и старыхъ, увелъ въ плѣнъ въ Москву и Татарію. Невозможно выказать что за горе и печаль были тогда въ Гарриенъ и Іервенъ.

Въ 1573 г., 1-го января, въ день новаго года, въ два часа пополудни, москвитѣ взяли приступомъ королевскій замокъ и сильную крѣпость Виттенштейнъ, послѣ шестидневной осады и обстрѣливанья. Потому что осадиши замокъ въ день св. Іоанна о Рождествѣ, въ субботу, онъ взятъ его въ слѣдующій четвергъ, а случилось это такъ. Послѣ того какъ военный начальникъ Клаусъ Авсентъ вошелъ вкругомъ со своими воинами къ Феллину ради грабежа, а двѣ пушки съ немногими людьми отправилъ прямо по виттенштейнской дорогѣ, то послалъ изъ своего отряда 500 всадниковъ (гофлейтовъ) на встрѣчу орудіямъ, не имѣя въ то время вѣстей о москвитѣ, который уже подошелъ совѣтъ близко. А намѣстникъ Виттенштейна хотя и получилъ извѣстіе о русскихъ, однако не обратилъ на то вниманія, а послалъ кнехтовъ изъ замка на помощь къ орудіямъ. Когда же кнехты ушли, а русскіе были близко, то прибыли гофлейты, а именно 500 всадниковъ, посланные на встрѣчу орудіямъ военнымъ начальникомъ, и потребовали, чтобы ихъ впустили въ замокъ Виттенштейнъ до прихода русскихъ. Но такъ какъ намѣстникъ отправилъ большую часть кнехтовъ, и шведовъ осталось въ замкѣ очень мало, то и не сомѣнялся довериться нѣмецкимъ гофлейтамъ, боясь, что если они войдутъ въ замокъ, то вступятъ также, какъ и Клаусъ Курсель съ ревельскимъ замкомъ, къ тому же и одинъ нѣмецъ пре-

достерегалъ его не пускать гофлейтовъ въ замокъ. Когда же упомянутые гофлейты должны были уѣхать и уже были далеко; и московить подошелъ со всѣмъ своимъ войскомъ, то намѣстникъ охотно поступилъ бы иначе, но теперь было уже слишкомъ поздно.

Гофлейты, прибывъ въ Нienгофъ къ орудіямъ, цѣлили тамъ множество бочекъ пива и всякихъ свѣтлыхъ припасовъ, назначенныхъ для лагеря, потому они немаленуко стали нянствовать и предавались разгулу до полуночи. не заботясь о стражѣ. Напившись до пьяна, они не разставили часовыхъ и не думая объ опасности, улеглись спать частью за заборомъ, окружавшимъ дворъ, частью передъ заборомъ, въ открытомъ полѣ. Черезъ нѣсколько времени подошелъ москвитъ съ 5000 человекъ, и навѣрное не во время разбудить бы ихъ, если бы одинъ изъ гофлейтовъ не вышелъ по своей нуждѣ и не замѣтилъ москвиты. Когда же онъ поднялъ тревогу, то остальные вскочили со сна и полупьяные едва могли найти своихъ лошадей. Трубачъ началъ трубить, но скоро къ нему подкрался русскій и отрубилъ ему голову, точно также какъ и нѣсколькимъ другимъ. А другіе гофлейты, бывшіе внутри двора за заборомъ, и занимавшие не много выгодѣйшую позицію, усиливая тревогу, на скоро собрались, вышли въ поле, бросились на русскихъ, застрѣлили одного важнаго москвитскаго знаменопосца съ другими русскими, взяли троихъ въ плѣнъ и привезли ихъ съ собою. Послѣ продолжительныхъ допросовъ плѣнные единогласно показали, что великій князь, со своими обоими сыновьями и съ 80000 войскомъ стоитъ у Виттенштейна, а съ нимъ находится также и герцогъ Миллусъ голштейнскій съ немалыми плѣнами. Поэтому, когда гофлейты въ Нienгофъ услышали про эту вѣсть, то имъ стало такъ страшно, что они не знали, какимъ бы путемъ добраться до Ревеля, поспѣшно отправились черезъ кусты и по разнымъ проселочнымъ дорогамъ, и постоянно оглядывались, не идутъ ли за ними русскіе. И такъ они убѣжали изъ Нienгофа, а орудія, также и шведскихъ кнехтовъ вмѣстѣ съ помѣщикомъ Ареентомъ Дуве, которому принадлежалъ дворъ, и многихъ бѣдныхъ крестьянъ съ женами и дѣтьми, бросили на произволъ москвиты.

Когда гофлейты прибыли въ Ревель съ плѣнными русскими, то лишь тогда ревельцы услышали, что Виттенштейнъ осажденъ великимъ княземъ. Не смотря на то, многіе не хотѣли вѣрить тому; а говорили, что это все вздоръ, что войско короля шведскаго выступило въ походъ, что Виттенштейнъ останется цѣлъ и невредимъ. Такъ спокойны были тогда шведы въ своей безопасности, и бѣдные мужики, пришедшіе до этого въ городъ, снова толпами отправились съ женами и дѣтьми назадъ въ свои деревни и не опасались никакой бѣды, такъ какъ войны короля шведскаго выступили въ походъ. И хотя они за одну или двѣ мили

увидѣли огни русскихъ, однако не обратили на нихъ вниманія, а думали, что это ихъ собственные солдаты; поэтому они позорно были захвачены русскими и татарами. А воины, бывшіе въ лагерѣ у Оверпадена, услышавъ пальбу москвиты передъ Виттенштейномъ, также ничего не знали, и говорили другъ другу: «Виттенштейнцы стрѣляютъ въ честь королевскихъ орудій изъ Ревеля».

Эта ужасная пальба была бы совершенно ненужна москвиту у Виттенштейна, еслибы онъ только зналъ, какъ слабъ замокъ и лишенъ всякаго войска. Но такъ какъ москвитъ былъ робкимъ воиномъ на приступахъ, то хотѣлъ попытать свое счастье страшной пальбой. Когда же это не удалось ему, то онъ повелѣлъ долженъ былъ идти на приступъ, опасаясь прихода помощи со стороны шведовъ. Ему легко было взять приступомъ и занять замокъ, такъ какъ въ немъ не было войска.

Когда же русскіе ворвались въ замокъ Виттенштейнъ, тогда началось избиеніе: все должны были поплатиться жизнью и женщины и дѣвушки, дворяне и не дворяне, исключая нѣсколькихъ бѣдныхъ крестьянъ, которые изъ хитрости спустились въ тюремныя башни и сказали, что они плѣнные и поданные герцога Магнуса изъ Оверпадена, имъ дарована была жизнь и они были освобождены изъ вымышленной темницы. А намѣстника Ганса Бон со многими другими шведами, нѣмцами и латышцами, привели къ великому князю, который живьемъ велѣлъ привязать ихъ къ колыямъ и жарить до смерти. Такое жаренье длилось передъ Виттенштейномъ нѣсколько дней. Въ то время повсюду къ Іервену было такъ много мертвыхъ тѣлъ, что собакамъ, дикимъ звѣрямъ и птицамъ на долгое время хватало корму: тамъ не было никого, кто похоронилъ бы трупы.

Прим. перев. Во время штурма Виттенштейна (Набды по нашимъ лѣтописямъ) 1-го января 1573 г. былъ убитъ царскій любимецъ Малюта Скуратовъ Бѣльскій. Весело возможно, что смерть любимаго побудила Іоанна столь жестоко казнить плѣнныхъ. Тѣло Малюты было отправлено въ Волоколамскій Іосифовъ монастырь съ богатымъ вкладомъ.

75. Русскіе берутъ также и Нienгофъ; шведы отступаютъ передъ ними, 1573 г.

11-го января москвиты заняли также и Нienгофъ, гдѣ были обѣ пунки, а шведскихъ воеводъ, оставшихся при орудіяхъ, вмѣстѣ съ помѣщикомъ двора и семью крестьянами съ ихъ женами и дѣтьми, около 300 человекъ, взяли въ плѣнъ, а помѣщика отослалъ къ великому князю въ Виттенштейнъ, гдѣ онъ былъ изжаренъ на огнѣ до смерти вмѣстѣ со своими зятьями и родными. Остальныхъ шведскихъ воеводъ и крестьянъ русскіе проконтили до смерти и сожгли въ Нienгофѣ. Затѣмъ они такъ опустошили упомянутый дворъ, что у всякаго, входившаго въ него, волосы становились дыбомъ отъ

ужаса. Незадолго передъ тѣмъ ревальскіе бюргеры съ большой опасностью вывезли отсюда порохъ и свинецъ. Если бы изъ ревальскаго замка послали нѣсколько лошадей, то и пушки остались бы въ пользу короля шведскаго.

14-го января Клаусъ Аксень, военный начальникъ, двинулся со своимъ войскомъ выручать бѣдныхъ людей въ Нienгофъ. Подойдя къ Вайтѣ, въ трехъ миляхъ отъ Ревеля, онъ въ этой деревнѣ взялъ въ плѣнъ одного русскаго, который извѣстилъ, что Виттенштейнъ вмѣстѣ съ Нienгофомъ и орудіями уже во власти русскихъ, и, поклявшись въ справедливости своихъ словъ, совѣтовалъ Клаусу Аксену повернуть поскорѣй назадъ со своимъ войскомъ, а то и ему худо придется. Когда Клаусъ Аксень и его люди услышали это, то немедленно поспѣшно отступили ночью. Ревальцы же, услышавъ показаніе русскаго о потерѣ замка Виттенштейна, все еще не вѣрили этому, несмотря на то, что русскій умеръ съ клятвой, что это правда.

76. Замокъ Карксъ переходитъ къ русскимъ. Побѣда шведовъ при Лодѣ, 1573 г.

Когда великій князь московскій взялъ и прочно занялъ замокъ Виттенштейнъ, то раздѣлилъ свое войско на три части. Съ одною частью вмѣстѣ съ артиллеріей, перевозимой на лошадяхъ, а стрѣльцами, онъ пошелъ въ Россію и нѣсколько времени спокойно пробылъ въ Новгородѣ; другую часть онъ послалъ къ замку Карксу, принадлежавшему также шведамъ, взявъ этотъ замокъ послѣ страшной пальбы и затѣмъ передалъ его герцогу Магнусу гольштейнскому.

Третью часть войска онъ послалъ къ Викѣ, чтобы опустошить земли около Габсаля, Лодѣ и Лоали и взять также эти замки угрозами и страхомъ. Но шведы твердо держались въ упомянутыхъ замкахъ и не обращали вниманія на ужасную пальбу москвиты. Этотъ отрядъ, по Божьему соизволенію, претерпѣлъ отличнѣйшіе убытки въ Викѣ. Потому что Клаусъ Аксень, достаточно долго сведущій съ горестью неистовства москвиты и управляемый бюргерами, наконецъ храбро выступилъ со своимъ войскомъ, не такимъ сильнымъ однако, какъ раньше, исцѣль непріятеля. Встрѣтивши не далеко отъ Лодѣ русскихъ, онъ послалъ впередъ свой авангардъ, состоявшій болѣею частью изъ ливонцевъ; когда же послѣдніе напали на отрядъ русскихъ и за превосходствомъ русскихъ не могли или не хотѣли вернуться къ шведскому войску, то обратились въ бѣгство и тѣмъ уменьшили и еще болѣе ослабили шведскій отрядъ. Они побѣжали, кто въ Ревель, кто въ Парновъ, кто въ Фивель, кто въ Лодѣ, и вездѣ распространили дурную вѣсть, что шведы разбиты. Этою вѣстью были глубоко опечалены все христіанскія души въ упомянутыхъ мѣстахъ, а особенно въ Ревелѣ, и эта вѣсть и печаль продолжалась

два дня; затѣмъ Господь послалъ лучший слухъ, именно, что малевскій шведскій отрядъ, всего не болѣе 600 всадниковъ и 100 (1000) кнхтовъ побѣдили болѣе 16000 русскихъ, 7000 убили, остальныхъ обратили въ бѣгство, двѣ мили гнались за ними и отняли у нихъ весь обозъ, около 1000 сапей, нагруженныхъ всякими припасами и добычею. Этому снова всѣ очень обрадовались. Битва произошла при Лодѣ 1573 г., 23-го января.

Когда шведы побили непріятеля и раздѣлили добычу, то съ большими почестями и богатой добычей вернулись домой и привели въ городъ Ревель болѣе 1000 московскихъ валаховъ (копей). Тогда лошади были очень дешевы въ Ревель, не считались рѣдкостью соболы и куньи шубы, а также русскія деньги и украшенія. Шведскіе кнхты ежедневно приносили на ревельскій рынокъ на продажу много вещей, взятыхъ въ добычу.

Изъ этого видно, что съ русскими можно вести дѣло, если есть только немного серьезности и стойкости противъ нихъ. Московить совсѣмъ не такъ страшны, какъ воображаютъ и рассказываютъ о немъ японіе и высокаго, и низкаго происхожденія. Онъ во всю жизнь не побѣдилъ въ сраженіи 3000 лѣмцевъ, если только они сопротивлялись; но конечно если лѣмцы безъ нужды убѣгаютъ, то ему хорошо гнаться за ними. Потому что когда Клаусъ Акезень съ многими людьми сталъ противъ, то московить и пропалъ. Въ этой битвѣ пало также нѣсколько шведовъ, какъ то: Яенеръ (Каснаръ) Ларсенъ и Ясперъ Нильсенъ, шведскіе ротмистры, Вольмаръ Бравель, прапорщикъ, Лудвигъ Дувс изъ Ньенгофа, Юргенъ Фифгузенъ, Германъ Аврель, Михель Шлойеръ, таунтмайтъ ревельскихъ кнхтовъ, и много другихъ дворянъ и хорошихъ рязелей. Тогда господиръ Клаусъ Акезень съ триумфомъ вошелъ въ Ревель и велѣлъ везти передъ собою много московскихъ знаменъ и московскихъ полевыхъ орудій.

Прим. перев. По возвращеніи въ январѣ 1573 г. въ Новгородъ, царь отправилъ къ шведскому королю-Юанну III новое письмо въ отвѣтъ на то королевское письмо (см. выше, стр. 211), которое было написано «не по пригожу». Царское письмо гласило также далеко не по пригожу (см. Соловьева VI. 345 и Карамзина IX. прим. 414): «Что въ твоей грамотѣ написана дай (бравъ), на то отвѣтъ послалъ: а теперь своимъ государствомъ высокодостойнѣйшимъ чести величества обнимаемъ, подлинный отвѣтъ со смиреніемъ даемъ: во первыхъ ты пишешь свое имя впереди нашего — это непригоже, потому что нашъ цесарь римскіи братъ и другіе великіе государи, а тебѣ имя братомъ назваться невозможно, потому что шведская земля тѣхъ государствъ честию ниже. Ты говоришь, что шведская земля потина отца твоего: такъ дай намъ знать, чей сынъ отецъ твой Густавъ, и какъ дѣда твоего звали и на королевствѣ были-ли, и съ которыми государями ему братство и дружба была: укажи намъ и приложи родству своему писаню. А то правда истинная, что ты мужичей родъ... Если при отцѣ твоёмъ пріѣзжали наши торговые люди съ саломъ и съ воскомъ, и отецъ твой, самъ въ рукавицы нарядился, сала и воску за простото челоуѣка мѣсто опытомъ пыталъ и пересматривалъ на судѣхъ, и въ Выборѣ того дни бывалъ... Отецъ Стуръ давно онъ былъ

правитель на Свейской землѣ? Тому у тебѣ памятуховъ много: ихъ спроси, увѣдай.... Просили еси Катерины.... взявъ ея, хотѣли отдать брату ея.... а у него взять лифляндскую землю безъ крови; а не потому, какъ бездѣлники по своимъ бездѣлцамъ вралы.... Намъ сказали, что ты умеръ, а дѣтей послѣ тебя не осталось: если бы мы этой вашей жи не повѣрили, то жени твоей и не просили; мы тебя объ этомъ подлинно извѣстили: а много говорить объ этомъ не нужно: жена твоя у тебя, никто ея не хватать; и такъ ты для одного слова жены своей крови много пролилъ напрасно. А что ты писалъ намъ о братѣ своемъ, Эрикѣ, что мы для него съ тобою воюемъ, такъ это смѣшно: братъ твой Эрикъ намъ не нуженъ; вѣдь мы къ тебѣ о немъ ни съ кѣмъ не приказывали, и за него не говорили: ты бездѣлье говоришь и пишешь.... О печати мы къ тебѣ для того писали, что тебѣ хочется мимо намѣстниковъ съ нами самими сослаться: по даромъ тебѣ этого не видать; а если хочешь изъ за этого прошь прозывать — про то ты знаешь. Твоего титула и печати мы такъ запросто не хотимъ: если хочешь съ нами сослаться мимо намѣстниковъ, то ты намъ покорись и поддайся и почти ластъ, чѣмъ пригоже: тогда мы тебя покатуемъ, отъ намѣстниковъ отведемъ, а даромъ тебѣ съ нами сослаться не пригоже и по государству, и по отечеству; безъ твоего жъ покоренія титула твоего и печати не хотимъ....»

Подобное письмо, конечно, не могло склонить короля шведскаго къ миру.

Разсказъ Руссова о побѣдѣ шведовъ надъ русскими подъ Лодзѣ вѣренъ: русскіе воеводы, по совершенному незнанію военного искусства, не могли съ успѣхомъ бороться со шведскими гонимцами (конница) и князьями (пѣхота).

О сраженіи подъ Лодзѣ въ Архив. Разряд. Кн. 482 сказано: Воеводы (князь Ив. Фед. Мстиславскій съ товарищи) пришли къ городу Коловерн (Лодзѣ) и вѣмецкіе люди (Клаусъ Окель т. е. Класъ Акселонъ Тоттъ съ товарищи) у города воеводу нашихъ побили, а убили на томъ дѣлѣ правые руки боярина князя Ив. Анд. Шуйскаго, да дворянъ и дѣтей боярскихъ и людей боярскихъ и стрѣльцовъ многихъ побили»

77 Свадьба Магнуса, 1573 г.

Въ 1573 г., въ воскресенье юбилате, герцогъ Магнусъ голштейнскій вѣлчался въ Новгородѣ съ родственницей великаго князя; на этой свадьбѣ присутствовали также и великій князь московскій со своими обоими сыновьями и былъ очень веселъ.

Прим. перев. Герцогъ Магнусъ былъ у царя въ Москвѣ въ май и іюнь 1570 г. Тогдашнія условія съ нимъ указаны на стр. 188. По смерти княжны Евфродіи Владиміроуны, царь обещалъ выдать за Магнуса младшую ея сестру, Марію (см. выше, стр. 214). Бракосочетаніе должно было совершиться въ Новгородѣ, куда Магнусъ прибылъ 4-го апрѣля 1573 г. со свитой изъ 200 всадниковъ. Повѣстѣ въ это время шло всего 13-й годъ отъ роду. Послѣ вѣнчанія, совершеннаго 12-го апрѣля православнымъ священникомъ, новобрачныхъ благословилъ лютеранскій проповѣдникъ. *) Царь весело про-

*) При описаніи свадьбы читается (Соловьевъ VII, 2): Вѣнчался король на Промысловой улицѣ, у Дмитрія сынаго, а съ королевѣй вѣнчалъ «примкну попу», а княжну обручалъ и вѣнчалъ дьякономъ попу; пріѣхавъ въ вѣнчанью, князь шелъ въ церковь, а король сталъ на пашерти, и вѣнчалъ король по его закону, а княжну по христіанскому закону.

вать свадьбу, утешали пѣмцевъ плясками, пѣть съ пѣвчими, но не доверия Магнусу и вѣрять, на что, конечно, имѣлъ самыя основательныя причины и поводы, имѣлъ благоразуміе не давать новобратнему ни обѣщанныхъ пяти бочекъ золота, не предоставлять ему ливонскихъ городовъ, занятыхъ русскими. Убѣжая изъ Новгорода 19-го апрѣля 1573 г., царь далъ Магнусу лишь одинъ замокъ Наркусъ, недавно отобранный у шведовъ и прощаясь съ нимъ (см. Карамзина IX, прил. 420), прямо сказалъ, что измѣна Таубе и Крузе, измѣна также Юргена Фаренсбаха, не задолго предъ тѣмъ ушедшаго изъ русскаго стана, и измѣна другого вѣяна Вахтмейстера побуждаютъ его, царя, не давать Магнусу ни городовъ, ни денегъ. «Ты — человѣкъ, говоритъ царь, если измѣнишь, то золотомъ казны моею наймешь волновъ, и мы принуждены будемъ своею кровью вновь добывать Ливонію. Заслужки прежде милость нечестнаго вѣрностию».

Вмѣсто золота къ Магнусу привезли въ домъ нѣсколько сундуковъ съ бѣльемъ и париками молодой королевы. После царскаго отъѣзда изъ Новгорода, Магнусъ съ женою уѣхалъ въ свой уѣздъ — Наркусъ, а оттуда переехалъ въ Оберпаленъ. 1000 душъ крестьянъ было предоставлено для содержанія герцога, но земли и крестьяне были въ то время разорены до такой степени, что Магнусу, привыкшему жить расточительно, пришлось жить довольно скудно. Король датскій Фрѣдрикъ (братъ Магнуса) отъ 19-го декабря 1573 г. писалъ къ своему тестю Альбрехту герцогу мекленбургскому, что Магнусъ велѣлъ перешить платья своей жены на нѣмецкій образецъ, и что 13-ти лѣтняя жена Магнуса совершенный ребенокъ, котораго нужно забавлять яблоками и сахаромъ, что самъ Магнусъ живетъ крайне бѣдно: къ столу подается не болѣе 3-хъ блюдъ, а то и одно.

Свидѣтелемъ бракосочетанія Магнуса въ Новгородѣ былъ докторъ Захарія Фелингъ, прибывшій къ царю въ Новгородъ въ февраль 1573 г. Фелингъ былъ присланъ къ царю отъ названнаго выше герцога мекленбургскаго съ предложеніемъ, чтобы царь утвердилъ за сыномъ герцога Ригу, обѣщанную ему королею Сигизмундою. Царь отвѣчалъ Фелингу, что не можетъ отдать чего еще не имѣетъ, хотя Ливонія съ Ригю и есть вотчина русская, а не королевская, — бояре же прибавили, что поляки всегда много обѣщаютъ и всегда лгутъ.

Посольство Фелинга осталось безъ послѣдствій.

78 Жестокая зима, 1573 г.

Въ 1573 г. въ Ливоніи была такая жестокая зима, что въ четвергъ передъ Тройцей люди переходили по льду изъ Швеціи въ Ревель, а на Троицу ревельскій рейдъ былъ такъ далеко покрытъ льдомъ, какъ только можно было видѣть съ валовъ и башенъ; вѣмекскіе же моряки, бывшіе тогда въ морѣ и хотѣвшіе попасть въ Ревель, вошли со своими кораблями въ гавань Ротгѣ (большой и малый Ротгѣ предъ нынѣшнимъ Балтійскимъ Портомъ), и на праздникъ Тройцы пришли въ городъ по сухому пути, и только послѣ Тройцы, когда прошелъ ледъ, ихъ корабли пришли за ними въ ревельскую гавань.

79. Безпорядки отъ шотландцевъ, 1573 г.

Въ 1573 г., въ августѣ, въ Ревель прибыло изъ Швеціи сначала два отряда (знамена) шотландцевъ, а немного спустя еще

нѣсколько знамехъ, такъ что всѣхъ ихъ, всадниковъ и кнехтовъ, и всякой шотландской челяди оказалось около пяти тысячъ человѣкъ, получившихъ немного денегъ въ Швеціи. Пока у нихъ были деньги, они вели себя такъ хорошо, что всякій долженъ былъ похвалить ихъ, но когда деньги были прожиты, то кончилась и похвала ихъ полку, потому что, нуждаясь въ прокормленіи, они стали требовать денегъ. Но добыть денегъ было не такъ то легко, потому имъ не позволяли брать у крестьянъ фуражъ и съѣстные припасы. Когда же они получили такое дозволеніе, то отъ того пострадали не только крестьяне, но и всѣ бюргеры и жители города, дворяне и не дворяне. Потому что они брали силой отъ дворянъ, бюргеровъ и крестьянъ не только фуражъ и съѣстные припасы, но и все ихъ движимое имущество и хлѣбъ на поляхъ; а что бѣдные мужики спрятали, то должны были вытаскивать и отдавать послѣ неслыханныхъ пытокъ и мученій. А такъ какъ шотландцы должны были стоять за городомъ (въ крѣпости имъ жить не позволяли), потому отъ этого страдалъ и не только скотъ бюргеровъ, но и сами бюргеры. Ибо ни одинъ бюргеръ или житель низкаго ли, высокаго ли происхожденія, не осмѣливался высунуть головы за ворота: тотъ, котораго схватывали шотландцы, долженъ былъ оставлять имъ свой кошелекъ съ деньгами, а также и кафтанъ съ плечъ; а если бюргеру нужно было добыть что либо изъ припасовъ въ гавани или изъ деревни, то приходилось отправляться добывать съ цѣлой толпой слугъ, будто отъ непріятеля. Въ сущности это было не лучше непріятельской осады. Наконецъ, шотландцы захотѣли грабить и начальниковъ замка, какъ грабили городскихъ бюргеровъ, и застрѣлили коня подъ однимъ начальникомъ замка. Тогда и нѣмецкіе жолѣбры, видя что шотландцамъ все сходитъ съ рукъ, начали слѣдовать ихъ примѣру, и тутъ ужъ не стало разницы между друзьями и врагами. Нѣтъ возможности перелать, что за ропотъ, жалобы, печаль и мстительные крики раздавались тогда у бѣдныхъ крестьянъ на начальство, допустившее подобныя вещи.

80. Бѣда со шведскими гофлейтами, 1573 г.

8-го октября господинъ Клаусъ Акесенъ, военный начальникъ, вмѣстѣ съ комиссарами, прибывшими недавно изъ Швеціи, велъ переговоры съ гофлейтами, чтобы они еще разъ стали служить противъ москвитя. Но какъ они не получили полной платы, на которую рассчитывали, то такъ разсердились, что ихъ на силу усноковили. Наконецъ они согласились съ такимъ условіемъ, что имъ сначала выдадутъ королевскія драгоцѣнныя вещи, цѣною въ 26,000 талеровъ, на которые они снаряжаются въ походъ; на остальную же сумму, которую они частью заслужили раньше, частью же заслужать еще въ этомъ походѣ, имъ должны дать въ залогъ до дня Іоанна

Крестителя слѣдующаго 1574 г. замки Гапсаль, Лоде и Леаль со всѣми принадлежащими къ нимъ землями; а если вся уплата не будетъ вноднѣ произведена къ назначенному времени, то они имѣютъ право передать эти замки христіанскому государю, которому пожелаютъ, исключая московита и герцога Магнуса гольштейнскаго. Съ этимъ согласились комиссары; договоръ былъ подписанъ и снабженъ печатями съ обѣихъ сторонъ.

81. Шотландцы калвинисты, 1573 г.

Въ 1573 г. у шотландцевъ, жившихъ въ Ревелѣ, былъ собственный священникъ, исполнявшій ихъ богослуженіе по калвинскому обряду. Знатѣйшіе изъ шотландцевъ заняли въ городѣ пустой домъ одного бюргера на углу коннаго рынка и здѣсь заставляли служить своихъ священниковъ и совершать таинства по калвинскому обычаю. Особенною милостію Божіею было еще то, что шотландцы не понимали нѣмецкаго языка, а то они многихъ заразили бы своими фантазіями, ибо добивались не только этого, но и многихъ другихъ злыхъ вещей.

82. Выступленіе шведовъ и шотландцевъ; тщетная осада Везенберга и Толсборга, 1574 г.

Въ 1574 г., 1-го января, снова выступило шведское войско противъ русскихъ. При этомъ военные начальники, господинъ Клаусъ Акерсъ, рыцарь изъ Виста, и Повтусъ де Легардія (де-ла-Гарди) баронъ и рыцарь изъ Эйггольма, съ войскомъ и нѣсколькими полевыми орудіями двинулись впередъ. Но шотландцы сначала не пошли съ ними, а хотѣли остаться въ Ревелѣ охранять городъ.

Многіе изъ нихъ были не солдаты, а по собственной волѣ пошли за отрядомъ, въ качествѣ торгашей, маркитантовъ и батраковъ, и пока можно было грабить землю, мужиковъ и бюргеровъ, то все это были хорошіе воины; но когда пришлось выступить въ походъ противъ непріятеля, то третья часть шотландцевъ оказалась невооруженной; многіе изъ нихъ уѣхали, многіе выдали себя за маркитантовъ. Поэтому когда шотландцы не хотѣли идти съ другими, то шведскіе вѣхты должны были вернуться въ Ревель и захватить съ собою шотландцевъ.

3-го января, шотландцы и шведы, вмѣстѣ со знаменемъ (отрядомъ) города Ревеля, съ 21-мъ знаменемъ вѣхтовъ и 11-ю эскадрами гофмейстеровъ нѣмецкихъ, шведскихъ и шотландскихъ, двинулись въ походъ.

Начальникомъ шотландцевъ былъ Архибальдъ, сынъ графа Рувинскаго (Дунробинъ въ Слутерландѣ) изъ Шотландіи, который, вмѣстѣ со своими капитанами и офицерами, которыхъ было почти

столько же, какъ и простыхъ рядовыхъ, печально выѣхали изъ Ревеля: все они двинулись къ Везенбергу, осадили этотъ замокъ, окружили окопами, и только черезъ двѣ недѣли стали обстрѣливать его.

15-го января изъ Ревеля повезли большія орудія, а именно: 6 пушекъ и 2 мортиры, которыя дворяне и бюргеры должны были доставить къ Везенбергу. Городъ Ревель одолжилъ также на этотъ разъ двѣ картауны и одну мортиру со всеми принадлежностями. Когда же орудія прибыли къ Везенбергу, то поставили ихъ въ шанцы, уже готовые двѣ недѣли тому назадъ, и только тогда начали стрѣлять, давши русскимъ достаточно времени укрѣпиться. При самомъ началѣ обстрѣливанія, однимъ выстрѣломъ были убиты и артиллеріймейстеръ и шанцевмейстеръ: затѣмъ лопнули колеса у орудій, и все шло неудачно. Два раза въ январѣ они пытались взять замокъ приступомъ, но оба раза имъ не посчастливилось.

2-го марта они построили шанцы въ другомъ мѣстѣ; разрушивъ выстрѣлами одну башню, они сдѣлали третій сильный приступъ, но потерявъ болѣе 1,000 человекъ шведовъ, шотландцевъ и нѣмцевъ, шведы должны были отказаться отъ овладѣнія замкомъ. Тогда было великое ликование у русскихъ въ замкѣ. Нѣмецкіе гофлейты были очень жестокоены и вызывались снова идти на приступъ, но военный начальникъ не позволилъ имъ этого. А еслибы это случилось, то Везенбергъ принялъ бы совсѣмъ другой видъ.

Шведы пытали свое счастье также и подкопами подъ замокъ; но тоже неудачно, потому что начали дѣло слишкомъ нескучно, и ясно показали русскимъ, въ какомъ мѣстѣ будетъ сдѣланъ подкопъ, такъ что русскіе легко могли копать имъ навстрѣчу и остерегаться шведскихъ замысловъ. Наконецъ они пробовали также и поджигать, но ничего не достигли, потому что фейерверкеры черезъ чуръ рано поубѣжали изъ науки отъ своихъ мастеровъ.

Когда же воинскіе люди усомнились во взятіи замка Везенберга, то стали рассчитывать на грабежъ и опустошили и ограбили земли гораздо больше, чѣмъ бывало до сихъ поръ. къ эту осаду они опустошили ливонскія земли, именно дерптскую область, Вирландъ и Іервень и другія мѣста, не меньше, чѣмъ до нихъ русскіе и татары, убивая, грабя и сжигая. Теперь стало яснымъ, что предсказывала Ливонія огненная комета, подобная метлѣ, которую видѣли въ 56-мъ году (см. Пр. Сб. II, стр. 344).

15-го марта шведы захотѣли попытать счастья также и у замка Тольсборга, находившагося въ трехъ миляхъ отъ Везенберга у берега моря; но они обожглись, ибо захотѣли безъ стрѣльбы взять крѣпость, и съ потерей нѣсколькихъ кнехтовъ съ большимъ позоромъ должны были отступить.

Во время этой же осады, за двѣ недѣли до отступленія, произошло страшное знаменіе съ волками: они нѣсколько вечеровъ сряду

приходили кучами къ лагерю, несмотря на то, что тамъ съ большими шумомъ стояла огромная толпа народу, и такъ ужасно начинали вить, что у многихъ волосы становились дыбомъ.

Прим. перев. После сраженія при Лодѣ (см. выше, стр. 219), царь Савий Булатъ Бекбулатовичъ и всѣ государевы бояре и воеводы пришли въ февралѣ 1573 г. изъ итмепскаго похода къ государю въ Новгородъ, и государь велѣлъ имъ «о свейскомъ дѣлѣ поговорити, какъ со свейскимъ королемъ впередъ быти, и бояре, князь Мих. Ив. Воротынский (побѣдитель Девалъ-гирей на Огѣ) съ товарищи приговорили послати къ свейскому королю гонца, и съ нимъ отписать, чтобъ пословъ послать, да и опасныя грамоты на послы послати, и до тѣхъ бы хвѣтъ войны не быти».

Царь согласился предложить миръ королю шведскому, тѣмъ болѣе, что необходимо было послать войско для усмиренія черемисъ, возставшихъ въ Казанской области осенью 1572 г. Съ предложеніемъ мира послали гонца Василия Чихачева, который и прибылъ въ Стокгольмъ въ іюні 1573 г. Гонца приняли самымъ неласковымъ образомъ. Король, думая, что привезенная парская грамота написана въ прежнемъ тонѣ (см. выше, стр. 211), не хотѣлъ брать ее отъ гонца, велѣлъ прежде взять ее вельможамъ и прочесть. Чихачевъ не отдавалъ, потому что въ наказѣ ему было именно сказано грамоты никому, кромѣ короля, не отдавать. Шведы грозилъ, что не дадутъ ему съѣстныхъ припасовъ, говоря: «Ты это сдѣлалъ не хорошо, что ѣхалъ безъ королевской опасной грамоты: самъ знаешь, что государь твой нашему государю большой недругъ, такой, какого еще не бываетъ: государя нашего короля хотѣлъ извести, государыню нашу королеву хотѣлъ къ себѣ взять, землю повоюать, два города взять, пословъ нашихъ безчестить, да писалъ къ нашему государю грамоту неподобную, такую, что велики слышать и простому человѣку; и надъ тобою государь нашъ сдѣлаетъ тоже, если не отдашь намъ грамоты своего государя». Чихачевъ не отдавалъ. Тогда «Андрей Сефрицовъ мило, холопа твоего, доносилъ Чихачевъ государю, въ груди ударилъ, да обухомъ и топоромъ прималывалъ къ шеѣ: отѣкъ-де голову; да хаялъ матерны. И язь, холопъ твой, говорилъ: только бы язь, царскаго величества холопъ, сидѣлъ на своемъ конѣ, и тыбъ меня, мужикъ, такъ не безчестивалъ... ужь бы язь тебѣ отѣтъ дать... язь сюды не драгца прѣѣхалъ. Да учалъ меня обыскивать, и людншекъ моихъ: платье сымали и разукали, а искали твоего государева письма». Уходя, пригрозили гонцу: «ужь быть тебѣ на огнѣ, если грамоты не отдашь». Но угрозы не подѣйствовали, и король принялъ Чихачева, самъ взялъ отъ него грамоту. После пріема, вельможи прѣехали потчивать гонца и говорили: «Теперь грамоту государь твой написалъ не по старому, можно между государями дѣлу стать, а король думалъ, что письмо будетъ по старому».

Чихачева, однако, задержали въ Швеціи и король писалъ царю, что не отпустить гонца до тѣхъ поръ, пока царь не отпустить двохъ шведскихъ толмачей, задержанныхъ имъ отъ прежняго посольства, что для мирнаго постановленія послы отъ обохъ государей должны съѣхаться на границѣ.

Шведы не желали мира, а, нанявъ шотландцевъ, думали одержать рѣшительные успѣхи.

На королевское письмо царь отвѣчалъ, чтобъ король прислалъ великихъ пословъ, потому что на рубежъ послаемъ ни о чемъ нельзя уговориться, но король настаивалъ на своемъ.

Восенній дѣйствія потому продолжались весь 1573 и 1574 г., хотя и безъ всякихъ рѣшительныхъ результатовъ.

83. Несчастный конецъ шотландцевъ у Везенберга, 1574 г.

17-го марта 1574 г. шотландцы поссорились съ нѣмцами въ лагерьъ перель Везенбергомъ, при чемъ произошла ужасная свалка, во время которой было убито болѣе 1,500 шотландцевъ, по не болѣе 30-ти нѣмцевъ; все же дѣло происходило такъ. Нѣмцы все смѣялись надъ шотландцами, шотландцы долго сносили насмѣшки, пока наконецъ Архибальдъ, ихъ предводитель, соединился со своими офицерами и простыми солдатами, чтобы отомстить нѣмцамъ за насмѣшки. Въ полномъ боевомъ порядкѣ они вышли изъ своего лагеря, взяли съ собою свою артиллерію и начали стрѣлять по нѣмецкимъ гофлейтамъ. Нѣмцамъ стало тяжело и они не знали, какъ тутъ быть; шотландцы начали просить шведовъ о помощи противъ нѣмцевъ; но шведы не захотѣли становиться ни на чью сторону. Когда же нѣмцы увидѣли, что шотландцы не шутятъ, то схватились за оружіе и бросились на шотландцевъ, не замедлившихъ взяться за свои длинные ружья. Нѣмцы прорвали фронтъ шотландцевъ и стали тогда душить ихъ какъ барановъ; крестьяне, враждебно относившіеся къ шотландцамъ, пришли также на помощь къ нѣмцамъ и избили также не мало шотландцевъ, которые прятались, куда могли. И такъ въ одинъ часъ было убито и застрѣлено болѣе 1,500 человекъ. При этомъ Архибальдъ, ихъ начальникъ, былъ также раненъ, но остался въ живыхъ. Безжалостно были убиты почти все шотландскіе предводители и начальники, знатные и порядочные люди, уцѣлѣвшіе при штурмахъ. Свалка эта происходила только между нѣмецкими гофлейтами и шотландскими ландсквехтами, шотландскіе же рейтары и гофлейты ни мало не заботились о нихъ, и хотя были все на коняхъ, однако преспокойно смотрѣли и ждали, чѣмъ кончится игра. Когда же увидѣли, что нѣмцы одолаваютъ, то послали къ нимъ съ извѣщеніемъ, что ничего не знали объ этомъ бунтѣ шотландскихъ ландсквехтовъ и не приставали къ нимъ противъ нѣмцевъ; поэтому пусть нѣмцы обратятъ вниманіе на пассивность шотландскихъ гофлейтовъ, дабы имъ не отвѣчать за другихъ. Нѣмцы приняли это извѣщеніе и обѣщали имъ миръ. Остальные же шотландскіе ландсквехты, видя, что ихъ сторона побѣждена, немедленно бѣжали со своимъ знаменемъ къ русскимъ къ замку Везенбергу, гдѣ были приняты съ большою радостію.

Здѣсь нѣмцы и шотландцы, воины одного государя, воевали между собой, побѣда же и триумфъ выпали на долю московита. Еслибы шотландцы начали это дѣло часомъ познѣе къ ночи, то легко побѣдили бы всѣхъ нѣмцевъ у Везенберга. Потому что нѣмцы были очень пьяны, прокутивши цѣлый день такъ, какъ ни разу до сихъ поръ во всю осаду не кутили: послѣ свѣжей добычи очень вкусно было ихъ питье, за которое они чуть не расплатились головами. Шот-

ландцы же, бѣжавшіе къ русскимъ, хотя и были хорошо приняты, но, послѣ отступленія шведовъ, были взяты въ плѣнъ и связанные отвезены въ Москву. Русскіе изъ Везенберга увѣрили другихъ въ Россіи, что они своей храбростію взяли въ плѣнъ этихъ шотландцевъ во время сраженій. Эти бѣдные люди, числомъ болѣе 70 (700) безжалостно были умерщвлены въ Москвѣ. Таково было счастье шотландцевъ въ Ливоніи.

84. Конецъ осады Везенберга, 1574 г.

25-го марта господинъ Клаусъ Аксень со всѣмъ войскомъ выступилъ изъ лагеря у Везенберга и ушелъ домой, къ какой печали и огорченію нашихъ и къ какой радости и ликованію русскихъ можетъ представить себѣ всякій благоразумный человѣкъ. Во время отступленія гофмейстеръ ужасно неистовствовалъ въ Гарріенѣ, странѣ, съ незапамятныхъ временъ принадлежавшей къ ревальскому замку. Но многіе изъ грабителей приняли ее за московское владѣніе, чтобы только безпречаственно разорять ее; этимъ же москвитѣ былъ принужденъ взять эту мѣстность подъ свою власть.

85. Почему русскіе такъ сильны въ крѣпостяхъ.

Русскіе въ крѣпостяхъ являются сильными боевыми людьми. Происходить это отъ слѣдующихъ причинъ. Во первыхъ, русскіе работающій народъ, русскій, въ случаѣ надобности, не утомимъ ни въ какой опасной и тяжелой работѣ днемъ и ночью, и молится Богу о томъ, чтобы праведно умереть за своего государя.

Во вторыхъ, русскій съ юности привыкъ поститься и обходиться скудною пищею; если только у него есть вода, мѣла, соль и водка, то онъ долго можетъ прожить ими, а нѣмецъ не можетъ.

Въ третьихъ, если русскіе добровольно сдадутъ крѣпость, какъ бы ничтожна она ни была, то не смѣютъ показаться въ своей землѣ, потому что ихъ умерщвляютъ съ позоромъ; въ чужихъ же земляхъ они не могутъ, да и не хотятъ оставаться. Поэтому они держатся въ крѣпости до послѣдняго человѣка и скорѣе согласятся погибнуть до единого, чѣмъ идти подъ конвоемъ въ чужую землю. Нѣмцу же рѣшительно все равно, гдѣ бы не жить, была бы только возможность вдоволь наѣдаться и напиваться.

Въ четвертыхъ, у русскихъ считалось не только позоромъ, но и смертнымъ грѣхомъ, сдать крѣпость. Однако со временемъ и они объ этомъ стали другаго мнѣнія. Потому что, получая извѣстіе о большомъ войскѣ, не шутя угрожавшемъ имъ, и ими овладѣвала, какъ и другими націями, человѣческая слабость и робость, по которой передавались крѣпости. Но бѣжать въ походѣ и спасаться съ поля битвы отъ непріятеля, у русскихъ не считалось порокомъ или позоромъ.

86. Бѣда въ Гарріенѣ и Ревелѣ, 1574 г.

Въ 1574 г., въ день Вознесенія, рано утромъ, десять тысячъ русскихъ и татаръ изъ Гарріена стали подъ самымъ Ревелемъ, сожгли почти всѣ деревни, существовавшія подъ городомъ, отбили и увели большую часть скота, какъ похищеннаго, такъ и купленнаго дворянами, бюргерами и крестьянами отъ солдатъ, забравшихъ скотъ при осадѣ Везенберга и приведшихъ его съ собою, а также взяли въ плѣнъ много народу. Въ тотъ же день былъ захваченъ въ плѣнъ въ своемъ дворѣ почтенный мужъ, Варфоломей Дуве изъ Заге, членъ совѣта въ Гарріенѣ. Онъ былъ увезенъ въ Москву, былъ тамъ привязанъ къ столбу и на огнѣ зажаренъ до смерти.

Тѣмъ же лѣтомъ русскіе и татары, денно и ночно, безъ устали вѣстествовали въ Гарріенѣ и подъ Ревелемъ, убивали по ночамъ людей у города Ревеля въ ихъ квартирахъ, садахъ и сараяхъ, уводили съ пастбищъ скотъ бѣдныхъ крестьянъ и извозничьихъ лошадей не далеко отъ города, и покорили своей власти всю землю Гарріенъ до города Ревеля, такъ что во всемъ Гарріенѣ ни одинъ дворянинъ не владелъ болѣе своимъ дворомъ или помѣстьями, а крестьяне на двѣ мили пути отъ города должны были брать мирныя письма (охранныя грамоты) отъ виттенштейнскихъ русскихъ и платить этимъ русскимъ такія же подати, какія платили своимъ нѣмецкимъ господамъ.

Тогда то набатъ въ Ревелѣ сталъ гудѣть и день и ночь. Ревельцы были такъ напуганы, что держали ежедневно на колокольныхъ по нѣскольку сторожей, которые немедленно должны были бить въ набатъ, когда показывались русскіе. Часто эти стражи, завидѣвши издалика нѣсколько крестьянъ, ударяли въ колокола и по всѣмъ улицамъ поднимали напрасную тревогу. Кончилось тогда все веселіе въ странѣ, далеко поиртались тогда всѣ большія ливонскія волики. Каково состояніе было тогда въ Ревелѣ и по всему Гарріену, не возможно вкратцѣ описать такъ жалостно и ужасно, какъ было на самомъ дѣлѣ. Тогда бюргера говаривали другъ другу: «Доживу ли я до дня, когда наконецъ бросить кожаные колокола, то есть барабаны, а крестьяне снова заиграютъ на своихъ воликахъ, когда это мы отдѣлаемся наконецъ отъ длинно-чудочныхъ гостей, а къ намъ по старому придутъ гости въ длинныхъ штанахъ, т. е. моряки и матросы». Не было ни мѣры, ни конца плачу и рыданіямъ. Исчезли всѣ нарядные, подбитые мѣхомъ кафтаны мушкетъ, исчезли всѣ дорогіе головные уборы, сумки, золотыя цѣпи и драгоценныя вещи женщинъ, всѣ большія пряжки и застежки, всѣ вызолоченныя и жемчужныя ожерелья дѣвушекъ, все это было профдѣно при длинно-чудочныхъ гостяхъ.

87 *Ревельскій розовый садъ.*

Этимъ же лѣтомъ 74-го года снова цѣлый флотъ любекскихъ кораблей прошелъ въ Нарву. Тогда ревельскіе бюргеры стояли въ розовомъ саду и съ печалью смотрѣли, какъ корабли проходили мимо ихъ города. Нѣкоторые же тщетно утѣшали сами себя и говорили, что это-де военные корабли, которые начнутъ осаждать и снова возьмутъ у русскихъ Нарву.

Такъ какъ здѣсь часто упоминается о ревельскомъ розовомъ садѣ, то я долженъ сказать о немъ нѣсколько словъ. Этотъ розовый садъ находился у большихъ морскихъ воротъ, совсѣмъ недалеко отъ большой городской башни (Zwinger, die dicke Margarethe). Садъ этотъ купцы развели въ хорошіе годы на высокомъ мѣстѣ, для веселаго вида на море и окрестности. Садъ былъ обнесенъ стѣною, чтобы въ него не могли входить свиньи или другой скотъ: а посрединѣ на открытомъ мѣстѣ стояло высокое, роскошное зеленое дерево, съ длинными, раскидистыми вѣтвями, а подъ этияъ деревомъ кругомъ были поставлены скамейки. Отсюда то ежедневно съ радостью и весельемъ смотрѣли, какъ уходили и приходили корабли всѣхъ націй и лавировали съ большимъ хвастовствомъ, а когда корабли приходили или уходили, то на рейдѣ раздавались звучные салютационные выстрѣлы. А когда купеческіе приказчики собирались уѣзжать изъ страны на корабляхъ, то бюргеры, подмастерья, женщины и дѣвушки провожали ихъ въ розовый садъ, гдѣ они на прощанье пили подъ зеленымъ деревомъ и весело пѣли и плясали. Впослѣдствіи, въ другія московскія осады, этотъ увеселительный садъ былъ взрытъ и обращенъ въ садъ печали: на мѣстѣ бывшаго сада ревельцы сдѣлали ровъ и насыпали валъ передъ большой башней у морскихъ воротъ.

88. *Предпріятія гофлейтовъ. Взятіе любекскихъ кораблей, 1574 г.*

18-го іюня гофлейты снова двинулись въ походъ изъ своихъ лагерей: жажда добычи, они опустошили земли около Феллина и Оверпалена, сожгли нѣсколько деревень и убили много бѣдныхъ крестьянъ.

Въ то же время они напали и на мѣстечко Оверпаленъ, сожгли его; застали въ распλοхъ Дикерика Фаренсбека Геймерскаго, гофрата герцога Магнуса, и еще нѣсколькихъ изъ герцогской придворной челяди, увези ихъ съ собой въ плѣнъ и съ большой добычей возвратились домой.

Въ то же время военные корабли короля шведскаго взяли 16 любекскихъ купеческихъ кораблей, плывшихъ изъ Нарвы и нагруженныхъ всякими товарами и дорогими мѣхами. Но такъ какъ адмиралъ любекскихъ кораблей сталъ сопротивляться и убилъ нѣсколькихъ шведовъ, то разсердился этимъ шведовъ, которые убили его

и еще нѣсколькихъ любчанъ. Когда остальные любчане увидѣли это, то нѣкоторые снова возвратились въ Нарву, другіе же повскакивали въ лодки и отправились на нихъ въ Ревель.

89. Дальнѣйшая судьба гофлейтовъ, 1574 г.

29-го іюля 1574 г., когда гофлейты въ своемъ лагерѣ развалились и веселились добычей, взятой изъ мѣстечекъ Феллина и Овер-палена, русскіе и татары, числомъ въ нѣсколько тысячъ, совсѣмъ неожиданно нагрянули на нихъ, многихъ изъ нихъ убили, многихъ взяли въ плѣнъ, отняли большую часть добычи вмѣстѣ со многими лошадьми и оружіемъ, и такимъ образомъ вознаградили свою потерю. Затѣмъ тѣже русскіе взяли приступомъ церковь въ Маріамъ, куда бѣжали многіе крестьяне со своими женами и дѣтьми, выстрѣлами разбивъ церковныя двери. Тогда бѣдняки попрятались въ подвалѣ, но все свое скудное имущество, бывшее въ церкви, они должны были оставить русскимъ, которые забрали и увезли все.

Когда русскіе и татары ушли изъ Вика, то плохо пришлось гофлейтамъ. они ни одного дня не могли въ своемъ лагерѣ провести спокойно и безъ опасности, потому имъ очень желательно было бы перемиріе, но они не знали, какъ бы добыть его. Наконецъ они сочли самымъ лучшимъ двинуться въ походъ со своими наличными силами, чтобы силою вынудить русскихъ въ Ливоніи дать перемиріе. А такъ какъ и ревельскому магистрату необходимо было перемиріе, для того чтобы бюргеры и крестьяне могли запастись фуражемъ и съѣстными припасами и посѣять озимый хлѣбъ, поэтому и магистратъ присоединился къ гофлейтамъ, чтобы вмѣстѣ съ ними можно было пользоваться ожидаемымъ перемиріемъ.

Когда гофлейты двинулись въ походъ и стали лагеремъ въ землѣ Куймецъ, то два ратсгера города Ревеля, именно Гиприкъ Клодтъ и Германъ Луръ, были посланы къ нимъ: здѣсь они сообща написали письмо къ воеводѣ витебнѣйскому, прося перемирія. Но воевода отвѣтилъ имъ на это письмо съ большою насмѣшкой: вся надежда на перемиріе потому пропала.

90. На кою не слѣдуетъ полагаться.

Въ это время въ Ливоніи выучились понимать слово пророка Давида, гласящее: «Не полагайтесь на князей, потому что они сны человѣческіе и не могутъ помочь вамъ». Въ самомъ дѣлѣ при началѣ войны ливонцы полагались на многихъ государей и князей, и очень ошиблись. Многіе изъ нихъ надѣялись на императора и на римскую имперію, такъ какъ Ливонія съ давнихъ поръ принадлежала къ римской имперіи. Многіе также надѣялись на короля датскаго, такъ какъ онъ принялъ нѣсколько мѣстностей подъ свою защиту и еже-

годно отправлялъ своихъ пословъ къ московитѣ. Многіе уповали на короля польскаго, взявшаго также подъ свое покровительство нѣсколько земель въ Ливоніи. Нѣкоторые рассчитывали на нѣмецкаго магистра, такъ какъ Ливонія принадлежала тевтонскому ордену, рассчитывали и на многихъ другихъ государей и князей. Когда же герцогъ Магнусъ былъ возведенъ въ московитомъ, сдѣлавшись королемъ ливонскимъ, то явился единственной утѣхой и убожищемъ почти всѣхъ ливонцевъ, переходившихъ толпами къ этому государю. Сторонники герцога Магнуса считали короля шведскаго съ его приверженцами, дворянами и не дворянами, стороною самую ничтожную, а про себя думали, что они лучше всѣхъ шведскихъ, польскихъ и датскихъ приверженцевъ, и отзывались о другихъ, какъ о несчастныхъ и злополучныхъ людяхъ. Когда же начали сомнѣваться въ герцогѣ Магнусѣ, то многіе изъ нихъ, считая московита самымъ сильнѣйшимъ государемъ, стали искать у него помощи и защиты. Нѣкоторые же снова обратились къ королю шведскому и помянулись со шведскими правителями въ Ревель. Наконецъ, когда король шведскій Божьей милостію одержалъ побѣду надъ московитомъ и надъ мятежными всѣхъ упомянутыхъ ливонцевъ, то они снова изъ всѣхъ мѣстъ обратились къ достопочитаемому королю шведскому, въ которомъ нашли себѣ наконецъ наилучшаго господина.

91. Несчастіе гофлейтовъ, 1574 г.

Когда гофлейты въ своемъ лагерѣ у Куймеца услышали отвѣтъ и намѣреніе воеводы виттенштейнскаго, то снова отправились грабить, и опустошивъ совершенно мѣстность у Куймеца, двинулись къ Нюенгофу, и слова расположились тутъ, хозяйничая, грабя и объѣдая народъ не хуже русскихъ и татаръ, такъ что всѣ крестьяне тѣхъ деревень говорили, что хотя русскіе и татары большими полчищами часто проходили чрезъ ихъ страну, но никогда такъ до чиста не обирали бѣдныхъ людей, какъ это дѣлали нѣмецкіе гофлейты при своемъ походѣ при немногочисленномъ количествѣ. Такимъ разбоемъ они достигли только того, что уступили и передали ревельскія земли русскимъ въ Виттенштейнѣ.

Въ первомъ изданіи лѣтописи это излагалось такъ

(Послѣ такого отвѣта виттенштейнскаго воеводы, гофлейты, опустошивши совершенно страну, выступили изъ Куймеца и снова расположились въ Нюенгофѣ, гдѣ, противъ всякаго христіанскаго обычая, распоряжались какъ губители своего отечества. Хотя оба упомянутыя мѣста Куймець и Нюенгофъ, вмѣстѣ съ Гарріеномъ съ немоконъ вѣковъ принадлежали ревельскому замку, однако они приняты ихъ за непріятельскія владѣнія, чтобы только безпрепятственно грабить. Они похитили у бѣдныхъ крестьянъ весь скотъ и хлѣбъ и обходи-

лись съ бѣдными люди хуже, чѣмъ русскіе и татары, такъ что крестьяне этихъ мѣстностей говорили, что русскіе и татары часто приходили къ нимъ, но во всѣхъ своихъ походахъ не обирали ихъ такъ до чиста, какъ обобрали вѣмьскіе гофмейстеры въ этомъ одномъ походѣ. Потому что они разрывали ямы въ землѣ и уносили оттуда все, что бѣдные люди покрывали отъ другихъ непріятелей, жали хлѣбъ на поляхъ и увозили его. Такимъ разбоемъ они больше еще передали русскимъ ревальскія земли, чѣмъ защитили ихъ; и всѣмъ во всю войну они ни разу не рѣшились перейти черезъ ливонскую границу въ земли, занятія русскимъ, но только въ одной Ливоніи показывали свое мужество грабежами, требуя, однако, всякій мѣсяцъ большое жалованье. Если же бы имъ пришлось заплатить за всю добычу, награбленную и взятую ими съ земель короля шведскаго, то имъ далеко не хватило бы ихъ жалованья).

Но плачь и ропотъ бѣдныхъ крестьянъ противъ гофмейстеровъ не были вполне безплодными. Ибо въ своихъ стоянкахъ въ Гапсалѣ, Лодѣ и Леалѣ они ежедневно грызлись между собой какъ собаки, многіе изъ нихъ были убиты и взяты въ плѣнъ русскими, не считая другихъ несчастій и наказаній, постигшихъ ихъ.

92. Несчастіе шведовъ у Нарвы, 1574 г.

Въ 1574 г. военные корабли короля шведскаго отправились въ Нарву преслѣдовать москвитя. Но здѣсь имъ удалось не больше, чѣмъ и въ другихъ походахъ и замыслахъ. Потому что когда они прибыли въ нарвскому рейду, то поднялась страшная буря, разогвавшая корабли, и прибывшая адмирала къ берегу. При этомъ погибли почти всѣ люди; между ними былъ также одинъ дворянинъ изъ мейсенской земли, по имени Антоній Плохъ, жившемъ взятый московитомъ и послѣ долгаго заточенія повѣшенный въ Нарвѣ.

93. Шведо-датскіе переговоры въ Падисѣ, 1574 г.

Около того же времени эзельскіе правители послали вѣсколько комиссаровъ изъ Аренсбурга въ Падисѣ, чтобы вести переговоры со шведскими правителями на счетъ благосостоянія и пользы Ревеля и всей земли. Тогда двое шведскихъ правителей изъ Ревеля, именно Карлъ Гиндрикссонъ Канкаскій и Хансъ Берентсенъ Форескій, вмѣстѣ съ двумя членами магистрата, именно Петромъ Меллеромъ и Германомъ Луромъ, отправились также въ Падисѣ, чтобы выслушать предложеніе аренсбургцевъ. Тутъ Іоаннъ Уксель Менцскій, между прочимъ, изложилъ ревальскимъ господамъ и слѣдующій пунктъ. Былъ онъ, Уксель, въ Даніи, гдѣ встрѣтилъ одного шведскаго посла; король датскій спросилъ этого посла, какъ идетъ война въ Ливоніи? Раньше не говорили, будто король шведскій теряетъ одинъ замокъ за другимъ.

Если это такъ, то король датскій можетъ услужить шведскому на собственный счетъ пошлеть посольство къ москвиту и добудетъ миръ. На это шведскій посолъ ничего не отвѣтилъ и даже не поблагодарилъ короля, чему король очень удивился и обидѣлся. Поэтому онъ (Юанъ Уксель) совѣтуетъ ревелцямъ, не медля, написать королю датскому, чтобы послѣдшій добылъ имъ миръ или перемиріе у москвиты, ибо у короля датскаго заключенъ вѣчный миръ съ москвитомъ и въ мирномъ договорѣ сказано, что король датскій удерживаетъ за собой все, чѣмъ владѣлъ въ Ливоніи, и что онъ впредь добудетъ въ Ливоніи, то все будетъ также пользоваться вѣчнымъ миромъ.

94. Ссоры шведовъ съ гофлейтами, 1574 г.

25-го октября господинъ Гиврикъ Клаусенъ съ богатой добычей, взятой прошлымъ лѣтомъ у любчанъ, прибылъ въ Ревель для удовлетворенія гофлейтовъ, чтобы они не отняли у короля шведскаго замковъ въ Вияѣ, находившихся у нихъ въ заставномъ слѣдствіи. Большая часть гофлейтовъ не хотѣла принимать этихъ вещей, такъ какъ ими не могло быть уплачено все слѣдующее имъ жалованье сполна, но соглашались, однако, принять ихъ въ счетъ долга съ условіемъ, если Гиврикъ Клаусенъ выпроситъ для нихъ перемиріе у москвиты, но Гиврикъ Клаусенъ не могъ обѣщать имъ этого. Поэтому они не захотѣли ничего взять изъ добычи, а предложили искать другаго государя, которому можно было бы передать замки въ Вияѣ. Ротмистры и нѣкоторые гофлейты пристали къ такому предложенію, изъ за чего между ними произошли большіе раздоры и несогласія. Тогда нѣстеро ротмистровъ не пожелали слѣдовать совѣту отпавшихъ гофлейтовъ, а остались съ меньшею частью вѣрными королю шведскому, своему государю. Наконецъ одинъ изъ ротмистровъ, а именно Гансъ Вахтмейстеръ, поднялъ знамя и собралъ подъ него всѣхъ гофлейтовъ, оставшихся вѣрными своему государю, дворянъ и не дворянъ, туземныхъ и чужеземныхъ. Тогда Гертвигъ Лейдебургъ былъ назначенъ поручикомъ, а Маурицъ Врангель Иттерферскій пропорщикомъ, эти гофлейты твердо держались во всю войну и вмѣстѣ со шведскими гофлейтами принесли много пользы Ливоніи.

95. Рижане стараются погнѣдать Ревель полицамъ, 1575 г.

Въ 1575 г. кастелянцы изъ рижскаго архіепископства послали въ городъ Ревель своего писаря, по тому поводу, что слышали, будто ревелцы очень притѣснены, боятся москвиты, и покинуты всѣми, поэтому они, кастелянцы, находятъ самымъ лучшимъ, чтобы ревелцы отдались подъ защиту короля Польской. Если ревелцы согласны на это, то рижане постараются устроить у москвиты такъ, что ревелцы будутъ

наслаждаться вмѣстѣ съ Литвою и Польскою пятилѣтнимъ перемиріемъ. Но пока магистратъ сталъ раздумывать, какой бы дать отвѣтъ, пришли зловѣщія извѣстія о прибытіи русскихъ.

Прим. перев. Въ актѣ соединенія Литвы съ Литвою (см. выше, стр. 160) было положено раздѣлить ливонскія земли, присоединенныя къ Литвѣ на четыре уѣзда: рижскій, требленскій, венденскій и динабургскій. Каждый уѣздъ долженъ былъ находиться подъ управленіемъ избраннаго изъ мѣстныхъ дворянъ сенатора. Четыре ливонскіе сенатора вмѣстѣ съ особыми земскими послами (депутатами, *pundii Livoniae ducatus ultradunensis*), избранными на частныхъ конвентахъ, имѣли право присутствовать на сеймахъ литовскихъ и польскихъ. Тамъ бывшіе орденскіе и архіепископскіе, были выбраны начальству особыхъ лицъ, называвшихся каптелянами (*Schlosshauptleute*). Они замѣнили прежнихъ командировъ и фохтовъ, и хотя по акту соединенія всѣ должности должны бы были замѣняемы ливонскими нѣмцами, но какъ замки были заняты польскими войсками, то и каптелянами явилось много поляковъ. Съ упраздненіемъ архіепископства и съ секуляризациею имѣній въ распоряженіи польскаго правительства явилось много помѣстій, изъ которыхъ многія были предоставлены польскимъ и литовскимъ дворянамъ. Такимъ образомъ въ числѣ литовскаго дворянства появляются лица нѣмецкаго происхожденія — каптеляны и помѣшники.

Какъ опредѣлялись отношенія ливонскихъ земель къ Рѣчи Посполитой Польской, какъ опредѣлялись отношенія и Риги будетъ рассказано въ другомъ мѣстѣ и въ другой стѣпленіи, начало которой помѣщается въ этомъ же томѣ, здѣсь же ограничимся лишь замѣчаніемъ, что подъ именемъ каптелянцевъ (*die Castellänischen*) Русскъ, очевидно, разумѣлъ начальниковъ замковъ, вѣдавшихъ съ землями, отнесенными къ шведамъ.

Для болѣе полной ясности дальнѣйшаго разсказа Руссова не излишне вспомнить событія, происшедшія въ Польшѣ во время грехлѣтняго перемирія, заключеннаго между Іоанномъ и Сигизмундомъ-Августомъ (см. выше стр. 192).

Срокъ этому перемирію оканчивался въ 1573 году, но за полгода до истеченія срока, именно 7-го Іюля 1572 г., король Сигизмундъ-Августъ, прозванный королемъ-завтра (*rex crastinus*), по привычкѣ складывать и медлить, умеръ. Послѣдніе годы своей жизни послѣдній Игайловичъ пролежалъ окруженный наложницами, которыхъ его грабни, и колдуньями, которыхъ онъ призывалъ для восстановленія силъ, потерянныхъ отъ неводержанности. Онъ умеръ въ Кнышынѣ, куда его большого перевезли изъ Варшавы ради переменъ воздуха, и умеръ въ совершенной бѣдности: въ казнѣ его не нашлось денегъ, чтобы заплатить за похороны, не нашлось ни одной золотой цѣпи, ни одного кольца, которая должно было надѣть на покойника. Послѣдній Игайловичъ растратилъ все при жизни.

Выше уже было сказано (стр. 192), что рада Короны Польской и Литвы еще въ 1570 г. заявила Іоанну, что думать избрать на польскій престолъ, по смерти Сигизмунда, московскаго государя и его потомковъ. Но характеръ Іоанна былъ хорошо извѣстенъ въ Польшѣ, еще лучше былъ извѣстенъ въ Литвѣ, потому рада польская и литовская, посылая къ царю гонца Ворона съ извѣстіемъ о смерти Сигизмунда, поручила ему объявить царю о желаніи своемъ видѣть царевича Оедра королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ. По своему обычаю, Іоаннъ самъ отвѣчалъ Воронамъ длинною рѣчью, въ которой, оправдывая свои жестокости относительно бояръ, выразился, между прочимъ: «Когда буду вашимъ государемъ, Литовія, Москва, Новгородъ и Псковъ одно будутъ. А если жея въ государи взять не

захотятъ, то пусть прїѣзжаютъ ко мнѣ великіе послы для добраго постановленія. Я за Полоцкъ не стою и со всеми его пригородами; уступая и свое московское, пусть только мнѣ уступятъ Ливонію по Двинѣ; и заключимъ вѣчный миръ съ Литвою... Не забудь сказать панамъ своимъ польскимъ и литовскимъ, чтобы отправляли сюда пословъ своихъ немедленно, людей добрыхъ, чтобы изъ добраго постановленія не вышло дурнаго.»

Рада замедлила, пословъ въ 1572 г. не посылала, а время изувѣило вѣщанія Іоанна: избраніе сына онъ признавалъ рѣшительно невыгоднымъ, а избраніе себя въ король польскіе весьма неудобнымъ для московскаго государства, а между тѣмъ другіе государи употребляли всѣ усилія, чтобы склонить раду въ пользу своихъ кандидатовъ.

Польскіе уполномоченные не явились и лишь въ началѣ 1573 года литовская рада отправила отъ себя къ Іоанну посломъ Михайла Гарабурду. Онъ засталъ царя въ Новгородѣ, куда царь недавно возвратился изъ астонскаго похода (см. выше стр. 215). Первая аудіенція у царя происходила 28-го февраля 1573 года. Гарабурда просилъ Іоанна дать рѣшительный отвѣтъ: самъ ли онъ хочетъ быть избранъ въ король или дать сына: въ обоихъ случаяхъ необходимо обязательство въ ненарушеніи правъ и вольностей шляхетскихъ; при опредѣленіи границъ между государствами Іоаннъ долженъ уступить Литвѣ четыре города — Смоленскъ, Паломскъ, Усвяты и Озеринѣ; если же царевичъ Теодоръ будетъ избранъ въ король, то отецъ долженъ дать ему еще нѣсколько городовъ и волостей.

Не понравилась царю рѣчь Гарабурды и онъ отвѣчалъ ему длинною рѣчью, но очень нерѣшительною, при чемъ обѣщалъ и условія вѣчнаго мира съ Польшею: Полоцкъ со всеми пригородами и Курляндія къ Литвѣ, а Ливонія къ Москвѣ, Двина будетъ границею. «Скажи панамъ роднымъ, говорилъ въ заключеніе Іоаннъ, чтобы не выбирали въ король француза, потому что онъ будетъ больше желать добра турецкому, чѣмъ христіанству; а если возьметъ француза, то вы, Литва, знайте, что мнѣ надъ вами промышлять.»

Когда Гарабурда уже совѣтъ былъ готовъ отправиться въ обратный путь (въ мартѣ 1573 г.), пришли къ нему: окольничій Умный-Полычевъ, думный дворянинъ Плещеевъ, дьяки — Андрей и Василій Щелкаловы, и сказали отъ имени Іоанна: «Если великое княжество литовское хочетъ видѣть его своимъ государемъ, то онъ на это согласенъ; и будьте покойны, Польши не бойтесь: государь помирить съ нею Литву.»

Рѣчь Іоанна Гарабурдѣ, условія выбора и явное нежеланіе дать сына въ король, а главное совершенное отсутствіе подарковъ для пановъ, не могло усилить московскую сторону на сеймѣ, открывшемся въ началѣ 1573 г. Королемъ былъ избранъ именно французъ: Генрихъ Анжуйскій, братъ французскаго короля Карла IX. Въ августѣ 1573 г. двадцать польскихъ пановъ съ 150 человекъ шляхты прїѣхали въ Парижъ за Генрихомъ. Начали говорить объ условіяхъ и долго не соглашались, такъ что Генрихъ только въ началѣ 1574 г. прїѣхалъ въ Польшу. Новый король не зналъ ни польскаго, ни латинскаго языка, рѣшительно не понималъ съ кѣмъ имѣть дѣло, цѣлыя ночи проводилъ въ пирушкахъ, не зная мѣры расточительности. Во дворцѣ у него былъ такой беспорядокъ и такая бѣдность, что иногда ничего было приготовить къ обѣдѣ, нечѣмъ накрыть стола. Рѣчь Посполитая Польская не далеко бы ушла съ такимъ королемъ при тогдашнихъ запутанныхъ обстоятельствахъ съ Москвою, если бы король, получивъ извѣстіе о смерти брата Карла IX, и требованіе матери Екатерины Медичи немедленно возвращаться во Францію, тайно не бѣжалъ изъ Кракова 18-го іюля 1574 г.

Королевскій отъѣздъ поставилъ раду въ очень затруднительное положеніе: объявлять ли безкоролье или не объявлять? Рѣшились безкоролье не объявлять, но дать знать Генриху, что если черезъ 9-ть мѣсяцевъ онъ не возвратится въ Польшу, то сеймъ приступитъ къ избранію новаго короля. Въ Москву послѣдшили отправить новыхъ пословъ; начались опять переговоры объ избраніи Іоанна. Переговоры не привели ни къ какимъ результатамъ: Іоаннъ ни слова не говорилъ, отказывается ли онъ отъ своихъ прежнихъ условій, а на сеймѣ не хотѣли слышать ни о какихъ другихъ условіяхъ, кромя тѣхъ, на которыхъ былъ избранъ Генрихъ.

Время между тѣмъ уходило; срокъ перемирію, заключенному съ Сигизмундомъ кончился еще въ 1573 г., весь 1574 г. прошелъ въ пересылкахъ пословъ, проходивъ въ такой же неопредѣленности и 1575 годъ. Іоаннъ, быть можетъ, признавалъ неудобнымъ питать непріязненные отношенія съ Польшею, когда тамъ шла рѣчь о соединеніи трехъ государствъ въ одно, и вотъ, быть можетъ, причина почему посланцы отъ ливонскихъ каштеляновъ, убѣждая ревельцевъ отойти отъ шведовъ, говорили, что есть возможность уладить съ московитомъ. Дѣйствительно возможность была, если бы избраніе на престолъ Іоанна состоялось, но въ томъ то и дѣло, что это избраніе съ каждымъ днемъ становилось все менѣе и менѣе вѣроятнымъ: Іоаннъ не хотѣлъ унижаться до искательства, тѣмъ менѣе не хотѣлъ жертвовать русскими интересами въ пользу польскихъ, сторона его въ Литвѣ и Польшѣ довольно многочисленная въ началѣ, ибо все мелкое дворянство, какъ польское и литовское, желало имѣть королемъ Іоанна въ надеждѣ чрезъ это избраніе освободиться отъ власти вельможъ, уменьшалась все болѣе.

Въ ноябрѣ 1575 г. открылся избирательный сеймъ. Тутъ ясно обнаружилось двѣ партіи, двѣ стороны, сдѣлавша соперничавшія между собою: сторона вельможъ и сторона шляхты. Первая хотѣла избрать императора Максимилиана, сторона шляхты желала видѣти на престолѣ писта, т. е. кого либо изъ природныхъ поляковъ или, по крайней мѣрѣ, не австрійца, не кандидата вельможеской стороны. Послы иностранныхъ державъ не щадили обѣщаній сейму, но на сеймѣ пословъ московскихъ не было: никто не говорилъ о московскихъ обѣщаніяхъ, да я не могъ говорить, потому что Іоаннъ, поставивъ условія еще въ 1573 г., не отказывался отъ нихъ и теперь.

Кандидатовъ на польскій престолъ явилось не мало: Эрнестъ, сынъ императора Максимилиана, эрцгерцогъ Фердинандъ, братъ Максимилиана, король шведскій, королевичъ шведскій Сигизмундъ, герцогъ феррарскій Альфонсъ, королева Анна, сестра покойнаго короля, наконецъ кандидатъ султанскій Стефанъ Баторій, князь седмиградскій. Послы этихъ государей превозносили своихъ кандидатовъ и давали обѣщанія одно другому заманчивѣе. Послы Баторія обѣщали, что онъ не выдѣтъ изъ воли пановъ и шляхты, завоеуетъ все, отнятое Москвою, войскомъ, которое самъ приведетъ, и которымъ самъ будетъ предводительствовать, дастъ 800 тысячъ золотыхъ на войну, выпуститъ плѣнную шляхту и пр.

12-го декабря 1575 г. вельможи провозгласили королемъ императора Максимилиана, а 14-го декабря шляхта провозгласила королевною Анну съ тѣмъ, чтобы она вышла за мужъ за Стефана Баторія. Явилось такимъ образомъ два короля. Іоаннъ желалъ торжества австрійской партіи, побуждалъ ее дѣйствовать рѣшительно, но Максимилианъ все медлилъ въ то время, какъ Стефанъ Баторій не терялъ времени: 18-го апрѣля 1576 г. вступилъ въ Краковъ, женился на королевиѣ Аннѣ и 1-го мая 1576 г. короновался польскимъ королемъ. Паны, за исключеніемъ троихъ, признали его королемъ.

Іоаннъ, видя, что въ Польшѣ сдѣлалось не такъ, какъ онъ желалъ, т. е. королемъ явился не австрійскій кандидатъ, рѣшился, но что бы то ни стало покончить съ Ливоніею.

96. *Готлейты продаютъ Вики Даниа. Приближеніе русскихъ, 1575 г.*

12-го января 1575 г. нѣсколько комиссаровъ, между которыми главнымъ былъ Клаусъ фонъ Унгернъ, памѣстникъ аренбургскій, прибыли въ Викъ, въ Гапсаль, чтобы отъ имени короля датскаго, сговориться съ готлейтами на счетъ замковъ Гапсаля, Лоду и Леала. Потому что упомянутые готлейты хотѣли отнять эти замки отъ короля шведскаго, и многіе изъ нихъ уже обѣщали и поклялись въ этомъ герцогу Магнусу. Поэтому то Клаусъ фонъ Унгернъ прибылъ и сюда.

22-го января получились въ Ревелѣ страшныя вѣсти о приближеніи москвиты черезъ одного надежнаго крестьянина. Къ тому же пришло вѣрное извѣстіе о томъ, что всѣ русскіе изъ Виттенштейна отправились къ большому отряду въ Везенбергъ. Этотъ отрядъ простоялъ на мѣстѣ почти двѣ недѣли, такъ что навѣрное нельзя было узнать, въ какую сторону онъ двинется. А такъ какъ русскіе долго медлили, то многіе въ Ревелѣ думали, что они прямо отправились въ Финляндію; бѣдные крестьяне такъ были убѣждены въ этомъ, что многіе по безпечности, многіе по недостатку фуража, снова отправились въ свои деревни со своимъ скотомъ, съ женами и дѣтьми.

25-го января, послѣ многократныхъ переговоровъ, замки Гапсаль, Лоду и Леаль были переданы шведами (т. е. бывшими шведскими готлейтами) Клаусу фонъ Унгерну, который принялъ ихъ отъ имени Фридриха II-го, короля датскаго, и обѣщалъ заплатить имъ все остальное жалованье въ день Іоанна Крестителя слѣдующаго года, а пока ходатайствовать для нихъ о мирѣ передъ москвитомъ.

97. *Русскіе у Ревеля, 1575 г.*

30-го января, въ воскресенье септуагезимы, утромъ во время проповѣди, москвиты показались у Ревеля со всѣмъ войскомъ, часть котораго билась цѣлый день съ ревельцами, а большая часть, подобно улью пчелъ, перешла черезъ озеро отъ Гирведе выше каменной горы, мимо города, къ Іерверкюлю (деревня у озера) и расположилась въ Трейденсбушѣ, на добрую милю отъ города. Въ тотъ же день они жгли все кругомъ, не пожалѣли также и домовъ у монастыря св. Бригитты, кромѣ того взяли въ плѣнъ двѣдцать монахинь (послушницъ), чего до сихъ поръ никогда не случалось. Въ этотъ же день русскіе напали врасплохъ и на бѣдныхъ крестьянъ, которые не за долго до того ушли изъ города въ деревни въ надеждѣ на безопасность и за недостаткомъ фуража. Ревельцы же совсѣмъ напрасно

причинили себѣ большіе убытки, уничтожали за городомъ свои сады, сарай и дома, а также и рыбачьи дома, а чего въ торопяхъ не успѣвали ломать, то сжигали, потому что опасались осады.

31-го января утромъ около 1000 человекъ конныхъ русскихъ подошли къ городу и открыли перестрѣлку съ ревальцами. Между тѣмъ лагерь ихъ снялся и они все ушли съ обозомъ, боясь чтобы ревальцы не отняли у нихъ добычи. Когда они все ушли, то крестьяне изъ города выбѣжали къ ихъ лагерю, и принесли въ городъ для своей пищи много бычачьихъ головъ, брошенныхъ русскими, а также много воловьихъ и лошадиныхъ шкуръ, ибо татары убивали скотъ и мясо поѣдали полусырымъ.

98. *Дамитійшій набѣгъ русскихъ, 1575 г.*

Тогда русскіе и татары двинулись сначала въ Викъ къ Гапсалу, на дорогѣ страшно опустошили всю область Падиса, все побережье у Падиса и Регеля, людей избили и очень многихъ увели въ плѣнъ. И хотя русскій до этихъ поръ часто и многократно опустошалъ эти земли, однако, онъ никогда такъ не свирѣпствовалъ какъ этотъ разъ. Потому что Всемогуцій Господь послалъ еще на страну и то наказаніе, что во всю эту зиму не вышло снѣгу; поэтому русскіе и татары разбѣжали по всюду, не спрашивая никакой дороги, и проѣзжали не только черезъ деревни въ той странѣ, но и по ужаснымъ пустырямъ, чащамъ и болотамъ, выгоняли въ поле волковъ и медвѣдей и всякихъ дикихъ животныхъ, отыскивая людей и скотъ. Въ этомъ походѣ имъ благоприятствовали Божья погода и вѣтеръ и все стихіи: ни одинъ человекъ въ странѣ не могъ запомнить, чтобы когда нибудь было такъ мало снѣгу въ это время года, какъ теперь.

Затѣмъ они пошли къ Гапсалу, бились съ гофлейтами, ставшими теперь на сторону датчанъ, но на этотъ разъ прошли мимо. Но на слѣдующій день большая часть ихъ вернулась и ночью сожгла нѣсколько домовъ въ мѣстечкѣ. Къ утру гофлейты изъ замка снова сдѣлали вылазку, но зашли слишкомъ далеко; поэтому многіе изъ нихъ были убиты, а болѣе 30-ти человекъ взято въ плѣнъ, послѣ они безжалостно были умерщвлены въ Москвѣ. Въ то время, когда остальные гофлейты должны были отступить назадъ къ Гапсалу, у воротъ замка произошла такая страшная давка, что много сильныхъ людей было задавлено до смерти въ большомъ смятеніи и тѣснотѣ.

Въ этотъ разъ русскіе и татары немилосердно опустошили земли у Гапсала, Леде, Леала, Падиса и Фикска вмѣстѣ съ островами Эзелемъ, Дагеденомъ, Мономъ, Вормсе и Нувомъ, за исключеніемъ архенбургской области; они брали только лошадей и людей,

на быковъ и коровъ не обращая большаго вниманія, такъ какъ ихъ труднѣе было уводить съ собой. Выказавши свое своеволие въ упомянутыхъ мѣстахъ, они тотчасъ же двинулись къ Парнову, опустошили окрестныя земли и до тѣхъ сожгли старый Парновъ вмѣстѣ съ церковью. Тогда бюргеры въ новомъ Парновѣ очень опасались осады и поэтому сами зажгли всѣ дома за городомъ и сожгли ихъ. Но послѣ того какъ русскіе цѣлую ночь пробыли не особенно далеко отъ Парнова и ночью сожгли нѣсколько вѣмьскихъ кораблей у Парнова, то на слѣдующій день поспѣшно прошли мимо Парнова къ Салису и многимъ другимъ мѣстамъ, застали въсплосхъ очень много людей, многихъ убили и многихъ взяли въ плѣнъ. Здѣсь оказалось, на какое пятилѣтнее перемиріе могли рассчитывать кастелинцы, желая приманить къ себѣ ревальцевъ. Чума, поразившая ревальцевъ, была ближе къ нимъ самимъ, чѣмъ они думали.

Прих. перев. Этотъ набѣгъ былъ произведенъ по распоряженію Іоанна. Въ Разрядахъ 1575 г. сказано: «Зимю посылалъ государь подъ Колывани наместника юрьевского князя Ао. Шейдякова, а велѣно воевати отъ Ракобора (Везенберга) къ Колывани, и Асольскія мѣста, и Надцынскія, къ Кегі, Падезу, Каету, Филку, Викелі, Лелу, Леалу, Пернову, Руйну, Гельхину, Эрмису, Буртнику, куда лучше и просторѣе... Подъ Перновъ посылалъ государь царя Симеона Бекбулатовича, да царевича Мих. Кайбуловича, въ большомъ полку бояринъ Пикита Романовичъ».

Симеонъ Бекбулатовичъ (крещенный татаринъ, касимовскій ханъ) попалъ въ царя вотъ по какому случаю:

Рѣшительно не довѣряя земскимъ боярамъ, Іоаннъ не желалъ обливаться съ земщиною, но можно ли было довѣрить правленіе земщиною людямъ, которые подозревались въ государственной измѣнѣ (см. выше, стр. 205)? Іоаннъ никакъ не мыслилъ оставить въ члѣ земщины человека, который бы по титулу своему и происхожденію могъ стать выше князей и бояръ, и между тѣмъ не имѣлъ бы съ ними ничего общаго, могъ бы быть вѣрнѣе ихъ. Мысль свою онъ и привелъ въ исполненіе: въ 1574 г. посадилъ царемъ на Москѣ Симеона Бекбулатовича, того самаго Саина, что въ 1572 г. ходилъ въ походъ въ Ливонію (см. выше, стр. 215) и царскимъ вѣнкомъ его вѣнчалъ, а самъ назвался Иваномъ Московскимъ, и вышелъ изъ города, жилъ на Петровкѣ; весь свой чинъ царскій отдалъ Симеону, а самъ бѣжалъ просто, какъ бояринъ, въ оглобляхъ, саживался съ царемъ хѣста далеко, вмѣстѣ съ боярами. Царь Симеонъ пробылъ царемъ не болѣе двухъ лѣтъ: Іоаннъ далъ ему Тверь и Торжокъ.

39. Предложеніе герцога Магнуса Ревелю, 1575 г.

2-го марта прибыли письма отъ герцога Магнуса изъ Овер-палена къ всей ревальской общинѣ, въ которыхъ онъ требовалъ, чтобы ревальцы прислали ко нему нѣкоторыхъ изъ своей среды въ Оверпаленъ, гдѣ онъ сообщитъ имъ добрый совѣтъ, какъ предупредить будущія несчастія и неудачи, началомъ которыхъ служить уже

происшедшій набѣгъ. Но ревельцы никакъ не хотѣли слушать его совѣта. Точно также онъ писалъ и парновцамъ, но и паровцы не захотѣли согласиться на его желанія.

100. Споръ за Салисъ, 1575 г.

Въ мартѣ 1575 г. гофлейты герцога Магнуса виѣсть съ нѣкоторыми русскими заняли дворъ въ Салисъ, укрѣпили его, чтобы пресѣчь сообщенія между Ригой, Ревелемъ и Парновомъ; но люди рижскаго архіепископства отняли у нихъ этотъ дворъ. Наконецъ русскіе снова одни поселились въ немъ и удержали его за собой.

101. Миръ съ Финляндіею, 1575 г.

Въ 1575 г., на праздникъ Троицы, шведскіе комиссары поѣхали на Выборгскую границу, чтобы вести съ русскими переговоры о перемиріи. Тогда ревельцы сильно надѣялись, что наконецъ будетъ заключено перемиріе. Но русскій для своей выгоды заключилъ перемиріе на два года только съ одной Финляндіею, а ревельцевъ исключилъ изъ него. Это перемиріе коварный непріятель заключилъ для того, чтобы имѣть свободный проходъ со стороны Финляндіи, такъ какъ намѣревался осадить Парновъ. Но онъ исполнялъ это перемиріе, только пока того требовала его выгода: въ эти два года вторглся онъ также и въ Финляндію, грабилъ и жегъ тамъ и уводилъ въ плѣнъ много народу.

Прим. перев. Чихачевъ, задержанный въ Стокгольмѣ (см. выше, стр. 226), умеръ въ Швеціи. Король шведскій наставлялъ, чтобы изъ Москвы были отпущены два толмача, задержанные отъ посольства епископа абовскаго. Царь послалъ къ королю гонца Пивова, толмача Николаева и Дм. Болотникова и писалъ (см. Соловьева, VI, 438): «А нашего гонца (Чихачева) тебѣ держать было не за чѣмъ: толмачей мы оставили въ своемъ государствѣ поучить учениковъ, и одинъ умеръ, а другой учить двоихъ учениковъ шведскому языку и живетъ безъ всякой нужды; прежде наши толмачи русской грамотѣ въ нашемъ государствѣ учились, и только что толмачъ твой отбѣляется, мы его къ тебѣ и отпустили». Король отбѣчалъ прежне: «Не хотимъ къ тебѣ великихъ пословъ посылать, потому что ты, мимо опасной грамоты, дурно обошелся съ нашими посланіи; ты разрушилъ миръ, ты и долженъ отправить къ намъ пословъ, а не хочешь, вышлѣ ихъ на границу. Ты пишешь, что толмачи учатъ твоихъ русскихъ ребятъ; но мы отправили ихъ съ нашими посланіи для нашего дѣла по нашему наказу, а не у подданныхъ твоихъ дѣтей учить; если хочешь русскихъ дѣтей учить шведскому языку, то, какъ будетъ миръ, договорись объ этомъ съ нашими намѣстниками Выборгскими, а противъ всякой правды не задерживай нашихъ слугъ».

Толмача отпустили. Въ весну 1575 г. бояринъ князь Вас. Андр. Сицкой-Ирославской, князь Петръ Нв. Бяритинскій и дѣлякъ Лихачевъ выѣхали на рубежъ, на рѣку Сестру, куда со шведской стороны пріѣхалъ адмиралъ Флемингъ. Заспорили, гдѣ вести переговоры. Флемингъ требовалъ, чтобы переговаривать на мосту, въ шатрахъ; Сицкій настоялъ, однако, что шведъ перешелъ на русскій берегъ рѣки.

Мира заключить не могли: царь требовалъ Эстонию и присылки 200 человекъ шведскѣхъ нарядныхъ для войны съ Крымомъ, и за это уступать королю право сноситеся прямо съ нимъ; но король требовалъ послѣдняго безо всякихъ уступокъ съ своей стороны. Заключили только перемиріе на два года, съ 20-го іюля 1575 до 20-го іюля 1577 г., между Финляндіею и новгородскою областью. Дѣло объ Эстоніи должно было рѣшиться оружіемъ, если король не поспѣшитъ отправить своихъ великихъ пословъ въ Москву для заключенія мира. Въ договорной грамотѣ употреблены были прежніе выраженія: король былъ челою царю. Въ подписи сказано: «Писана на Сестринѣ рѣкѣ, на берегу государя царя и великаго князя сторонѣ, на государевѣ волчнѣ, лѣта 7083 (1575), іюля въ 13 день».

Перемиріе это не имѣло никакого вліянія на ходъ военныхъ дѣлъ въ Эстоніи, такъ какъ касалось только Финляндіи и Новгорода.

102. Русскіе послы и пожаръ въ Аренсбургѣ, 1575 г.

7-го іюня послы московита прибыли въ Аренсбургъ, а отсюда поплыли въ Данію. Того же 7-го іюня, когда прѣхали чужіе гости, въ Аренсбургѣ былъ такой пожаръ, что выгорѣла половина мѣстечка и лучшіе дома сгорѣли до тла, чему очень смѣялись и радовались московскіе послы. Но тѣмъ, которые лишились своихъ домовъ, было не до смѣху. Этотъ пожаръ, случившійся какъ разъ во время прибытія русскихъ, многіе сочли за вѣрное предзнаменованіе большихъ грядущихъ несчастій.

103. Какъ заплатили гофлейтамъ, 1575 г.

Около дня Іоанна Крестителя всѣ гофлейты изъ Галсая, Лоде и Леала были вызваны Клаусомъ фонъ Унгерномъ въ Аренсбургъ, чтобы получить тамъ жалованье. Имъ не хотѣлось ѣхать туда: имъ принятіе было бы получить жалованье въ своихъ обыкновенныхъ квартирахъ; но однако же они отправились туда всѣ вмѣстѣ. Клаусъ фонъ Унгернъ написалъ также и ревальскимъ бюргерамъ: если кому въ Ревелѣ гофлейты должны чтонибудь, то пусть кредиторы всѣ явятся въ Аренсбургъ ко времени уплаты. Что и было исполнено. И когда гофлейты прибыли въ Аренсбургъ, надѣясь получить много денегъ, то, противъ всякаго ихъ ожиданія, имъ поставили въ счетъ все то, что они получали изъ фуража и собственнхъ припасовъ, а также брали силой отъ крестьянъ, кромѣ того все что они должны были ревальцамъ; что же касается до фуража и собственнхъ припасовъ, то они всегда получали ихъ даромъ отъ крестьянъ короля шведскаго. Тогда иному, надѣявшемуся получить много сотенъ талеровъ, представляли такой счетъ, что для покрытія его едва хватало всего жалованья: многіе, развѣзжавшіе на вѣсколькихъ коняхъ при королѣ шведскомъ, теперь должны были ходить пѣшкомъ. Тогда они пожалѣли, что не остались у короля шведскаго и не взяли вещей въ

счетъ платы отъ Гинрика Клаусена, какъ другіе гофлейты (см. гл. 94). Но теперь было слишкомъ поздно. Такимъ образомъ имъ не только отплатили за разбой, учиненный ими въ Куйменцѣ и Гарріенѣ, но они приобрѣли также и дурную славу за то, что устранили изъ своихъ квартиръ и данныхъ подѣ залогъ замковъ Гамсала, Леала и Лоде тѣхъ гофлейтовъ, которые вѣрно остались служить королю шведскому и взяли вещи въ счетъ уплаты жалованья, а также за то, что лишили короля шведскаго, своего государя, упомянутыхъ замковъ вмѣстѣ со всѣмъ Викою только ради просроченнаго долга.

104. *Русскіе берутъ Парновъ, 1575 г.*

Въ то же время москвиты собрались у Везенберга и простояли здѣсь спокойно почти цѣлый мѣсяцъ. Ревельцы тогда снова сильно опасались осады. Наконецъ войско выступило изъ подѣ Везенберга и послѣдшне двинулось къ Парнову. Москвиты осадилъ Парновъ, обвелъ его окопани и сталъ обстрѣливать. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ приступовъ, во время которыхъ москвиты потерялъ около семи тысячъ человѣкъ, парновцы должны были сдаться 9-го іюля 1575 г., такъ какъ были совершенно истощены и не ждали никакой помощи.

Эта потеря города Парнова составляла для остальныхъ земель и обоихъ главныхъ городовъ Риги и Ревеля не меньшій убытокъ, какъ потеря города Дерпта; и хотя парновцы относительно сопротивленія вели себя честиѣ дерптцевъ, однако ихъ нельзя уважать болѣе послѣднихъ за строительное дѣло и исправленіе города. Потому что какъ дерптцы въ доброе время мало застраивали и укрѣпляли свой городъ противъ нападений, мало заботясь о томъ, что послѣ солнышка пойдетъ проливной дождь, а думали только о тщеславіи, роскоши, своекорыстіи и богатствѣ: точно также и парновцы не только въ доброе время, но и въ очевидно угрожавшее войною, очень мало заботились объ укрѣпленіи города, ибо когда непріятель почти уже подошелъ къ нимъ въ гости, то тогда только они написали въ Ревель, прося прислать инженера (вальмейстера) и другихъ средствъ. А все, построенное тамъ противъ нападенія, было сдѣлано шведами, когда они управляли здѣсь, и орудія, употреблявшіяся здѣсь противъ москвиты, принадлежали также королю шведскому и были оставлены здѣсь при предательскомъ завоеваніи города парновскими гофлейтами.

105. *Почему не помогли датчане съ Эзеля.*

Не за долго до осады, передъ тѣмъ какъ обрушилась большая бѣда, парновцы искали помощи и утѣшенія у Клауса фонъ Уггерна, датскаго памѣтника въ Аренсбургѣ, и предлагали ему сдать городъ датской коронѣ, чтобы только защититься отъ москвиты. Клаусъ

Унгернъ, хотя и не имѣлъ повелѣнія короля датскаго, во принималъ, однако же, парновцевъ и общалъ имъ защиту. Тогда парновцы небольшое время были датскими подданными; но все это было напрасно. Потому что русскіе уже приближались, и хоты Клаусъ фонъ Унгернъ и желалъ добра парновцамъ и по мѣрѣ возможности хотѣлъ помочь имъ, однако, этому воспрепятствовалъ споръ, возникшій между герцогомъ Магнусомъ саксонскимъ и Клаусомъ фонъ Унгерномъ изъ за острова Мона. Когда упомянутый герцогъ Магнусъ, во время осады Парнова, прибылъ изъ Швеціи на Эзель и занялъ замокъ Зоненбургъ, данный ему въ ленъ королемъ шведскимъ, то побѣхалъ также и на Мона, такъ какъ этотъ островъ съ давнихъ поръ всегда принадлежалъ къ Зоненбургу. Когда же онъ встрѣтилъ тамъ Клауса фонъ Унгерна, хотѣвшаго присоединить этотъ островъ въ Аренсбургъ, то взялъ его въ плѣнъ, однако, впоследствии опять выпустилъ его изъ темницы; а между тѣмъ о парновцахъ и забылъ.

106. Ближайшія послѣдствія паденія Парнова.

Когда Парновъ былъ осажденъ, то замки Гельмеде, Эрмисъ и Рюгевиъ передались со страху герцогу Магнусу голштейнскому, кромѣ того Отто фонъ Унгернъ, одинъ изъ кастеляновъ рижскаго архіепископства, безъ нужды передавъ московиту свой замокъ Пуркель, и питавшійся перемиріе, которымъ кастелянцы хотѣли прельстить ревельцевъ, не пошло въ прокъ имъ самимъ. Здѣсь можно бы было сказать. *Medice, coga te ipsum!*

Когда же городъ Парновъ былъ взятъ, тогда главные русскіе предводители, князь Никита Романовичъ (Захарыинъ-Юрьевъ) и князь Юрій Токмаковъ, обошлись очень ласково съ парновцами и предоставили на выборъ каждому оставаться въ городѣ или выѣхать изъ него; а чего кто съ разу не успѣетъ увезти съ собой, за тѣмъ безпрепятственно можетъ пріѣхать въ другой разъ. Но все это были только козни и коварства, чтобы уловить ими другія мѣста. Когда же нѣкоторые знатнѣйшіе парновцы съ большими своими богатствами прибыли на островъ Кіень, то герцогъ Магнусъ саксонскій напалъ на нихъ, взялъ у нихъ большую добычу деньгами и серебряными вещами, и кромѣ того забралъ ихъ въ плѣнъ и отвезъ въ Швецію, гдѣ очень дурно обошлись съ ними, за то что, имѣя такіе запасы золота и серебра, они не снабдили своего города солдатами. Ибо будь въ Парновѣ хоть сотни кнехтовъ, то городъ стоялъ бы по прежнему и до нынѣшняго дня. Они за то и понесли наказаніе отъ герцога Магнуса, что предпочли собственную пользу пользѣ общей, и въ бѣдѣ не снабдили своего города не только укрѣпленіями, но и солдатами.

107. *Зоненбургъ снова во власти датчанъ, 1575 г.*

Въ 1575 г., въ день св. Лаврентія, когда герцогъ Магнусъ снова ушелъ съ Эзеля, Клаусъ фонъ Унгернъ осадилъ съ небольшимъ войскомъ Зоненбургъ и черезъ нѣсколько дней взялъ и занялъ его скорѣе счастьемъ и неожиданностью, чѣмъ силой. Потому что когда датчане подошли къ замку, внутри его произошелъ страшнѣйшій пожаръ и такъ скоро распространился, что невозможно было потушить огня. Тогда вкѣхты и начальники замка, по причинѣ огня, должны были повлазить изъ оконъ; другіе же, стоявшие снаружи, вѣшали въ эти самыя окна и такимъ образомъ завладѣли замкомъ.

108. *Переговоры ревельцевъ и датчанъ въ Падисѣ, 1575 г.*

1-го сентября датскіе комиссары, именно Клаусъ фонъ Унгернъ, Аксель Топпсенъ, Рейнольдъ Сдойе, Іоаннъ Уксель менценій и Отто Уксель кошкеній прибыли изъ Аренсбурга на границу въ Падисъ и попросили губернатора и магистратъ города Ревеля также пожаловать сюда, чтобы вести переговоры. Вслѣдствіе этого господинъ Поутусъ де Легардія, губернаторъ, Германъ Луръ и Петръ Меллеръ, члены ревельскаго магистрата, снаряжились и отправились въ Падисъ выслушать, что такое снова намѣрены предложить датчане.

Когда же упомянутые господа и ревельскіе послы къ вечеру прибыли въ Падисъ въ замокъ, то въ одно время съ ними прилетѣла въ Падисъ огромная стая дикихъ, необыкновенныхъ морскихъ птицъ, немного похожихъ по величинѣ и виду на дикихъ гусей; на своихъ плоскихъ ногахъ онѣ разсѣлись по крышамъ и выступамъ домовъ. Странное зрѣлище представляли эти необыкновенныя, неизвѣстныя птицы, до сихъ поръ и послѣ того никогда болѣе не показывавшіяся. Хотя ихъ и слугнули одинъ разъ, однако онѣ возвратились вторично, и не обращая ни на что вниманія, остались тамъ до самой ночи, даже не испугавшись, когда нѣсколькихъ изъ нихъ застрѣли. Но на другой день ихъ болѣе не видѣли. Причина, по которой были приглашены сюда ревельцы, была та, что Клаусъ фонъ Унгернъ вмѣстѣ съ другими датскими комиссарами требовалъ замокъ Падисъ и заявилъ, что если этотъ замокъ достанется москвиту, то датчане отомстятъ за это ревельцамъ. Однако ревельцы имъ ничего не могли обѣщать.

109. *Ревель ищетъ чужой помощи.*

Въ то же время Клаусъ фонъ Унгернъ восхвалялъ милостивое расположеніе короля датскаго къ городу Ревелю. Этими онъ побуждалъ ревельцевъ, какъ больныхъ, хватающихся въ продолжительныхъ и тяжкихъ болѣзняхъ за нѣсколькихъ докторовъ, написать королю дат-

скому, а также римскому императору и другимъ государямъ, проси помощи, совѣта и средствъ выйти, наконецъ, къ миру изъ тяжелой войны и угнетенія. Но всеми своими письмами они не добились ничего кромѣ великаго неудовольствія и немилости своего государя, короля шведскаго.

Прим. перев. Римскій императоръ, впрочемъ, ходатайствовалъ предъ московскимъ государемъ за ливонцевъ. Еще въ 1559 г. императоръ Фердинандъ I писалъ къ Иоанну, чтобы онъ не воевалъ Ливонію, принадлежащую къ священной римской имперіи, и возвратилъ завоеваннымъ уже мѣста. Иоаннъ отвѣчалъ, что если цесарь захочетъ быть съ нимъ въ любви и братствѣ, то пусть пришлетъ великихъ пословъ, съ которыми обо всѣхъ дѣлахъ договоръ утихнетъ. Великіе послы, однако, не пріѣзжали.

Сношенія московскаго государя съ цесаремъ возобновились и сдѣлались довольно оживленными, когда послѣ смерти Сигизмунда-Августа открылся избирательный сеймъ польскій. Иоанна вовсе не прельщала мысль быть королемъ польскимъ и онъ не прочь былъ видѣть на польскомъ престолѣ австрійскаго эрцгерцога въ томъ совершенно вѣрномъ расчетѣ, что польскій король изъ австрійскаго дома, опасаясь постолито Турчинъ, будетъ искать московскаго союза, для котораго не пожалѣетъ Ливонію. Въ полѣ 1573 г. въ Москву пріѣхалъ императорскій гонецъ Павелъ Магнусъ съ письмомъ отъ Максимилиана II, въ которомъ императоръ предлагалъ Иоанну соединенными силами противиться возведенію на польскій престолъ Генриха французскаго. Гонецъ рассказывалъ о карооловенской почтѣ во Франціи и о томъ, что цесарь признаетъ лучшимъ подѣлить Польшу: Корону къ цесарю, а Литву къ московскому государству. Иоаннъ отправилъ въ Вѣну гонца Скобелыцина, который 15-го августа 1574 г. возвратился въ Москву, но безъ всякаго отвѣта.

Пріѣзжали въ Москву въ 1574 г. и другіе императорскіе гонцы: въ январѣ Вестфаль, въ февралѣ Гренцъ Филиппъ. Этотъ Гренцъ сообщилъ дяку Андрею Щелкалову: «Сказывали мнѣ въ Перновѣ, что польскіе и литовскіе люди думаютъ подговаривати Арцымангуса короля отъ царскаго величества отѣхати (Магнусъ проживалъ въ Оберпалентѣ), и говорятъ, что отъ короля польскаго, какъ будетъ на королевствѣ, опасная грамота будетъ къ Арцымангусу, и хотятъ ему дати Ригу тѣмъ обычаемъ, чтобы Арцымангусъ заплатилъ Ходкѣвичу 20,000 ефимковъ (что онъ давно ему посулилъ), и говорятъ еще, коли де Арцымангусъ похочетъ ся подати подъ литовскаго, и у него денегъ столько не будетъ, и тѣ деньги, 20 тыс. ефимковъ, хотятъ за него заплатити литовскіе люди; а хотятъ Арцымангуса отъ государя отговаривати».

Въ маѣ 1574 г. пріѣхалъ купецъ Кремеръ съ письмомъ, въ которомъ Максимилианъ просилъ царя дозволить Кремеру вымѣнять мягкой рухляди на его товары; въ 1575 г. пріѣзжалъ другой купецъ.

Иоанна сердило то, что въ такое важное время, когда въ Польшѣ совершалась новая перемена, отъ цесаря являлись одни гонцы и купцы, наконецъ въ декабрѣ 1575 г. явились и великіе послы: Иоаннъ Кобенцель и Даниэль Прицицъ. Послы просили, чтобы Иоаннъ содѣйствовалъ избранію эрцгерцога Эрнеста въ короли польскіе и великіе князья литовскіе, и чтобы оставить въ покое Ливонію. Касательно Ливоніи люди говорили: «О Ливоніи цесарь велѣлъ намъ только упомянуть, а много о ней не велѣлъ говорить; просить только, чтобы государь нашъ не велѣлъ воевать Ливонію до пріѣзда другихъ большихъ пословъ императорскихъ: князей удѣльныхъ и великихъ людей».

И такъ римскій императоръ, по письму ревельцевъ, просилъ Іоанна, но не очень усердно: велѣлъ только помянуть. Царь велѣлъ отвѣчать посламя на ихъ рѣчи, а относительно Ливоніи велѣлъ сказать (см. Соловьева VI, 340): «Ливонская земля изначала была наша вотчина и нашимъ прародителямъ ливонскіе нѣмцы даны давали: да, забывъ правду, отъ насъ отступили, и потому надъ ними такъ и статусъ: ливонской землѣ и курской (Курляндія) всей быть къ нашему государству; да и потому ливонской землѣ надобно быть за нами, что мы уже посадили въ ней королею голдовника (подручника, вассала) своего, Магнуса: такъ братъ бы нашъ дражайшій, Максимиліанъ цесарь, въ ливонскую землю не вступался и этимъ бы намъ любовь свою показалъ, а мы ливонской земли достаемъ и вырѣдь хотимъ искать».

Переговоры эти происходили, когда вопросъ о польскомъ королѣ уже былъ рѣшенъ избравіемъ Стефана Баторія. Царь, видя, что въ Польшѣ сдѣлалось не такъ какъ онъ желалъ, рѣшился покончить съ Ливоніею и сталъ готовиться къ большому походу, который и состоялся. но уже въ 1577 году, какъ то и изложено ниже.

110. Рюгенъ взятъ у русскихъ, 1575 г.

Тою же осенью 1575 г. войско рижскаго архіепископства вмѣстѣ съ войскомъ герцога курляндскаго хотѣли отнять у русскихъ замки Гельмеде, Эрмисъ, Рюгенъ и Пуркель; однако кромѣ Рюгена (Руена) не взяли ни одного.

111. Русскіе въ Гапсаль, въ Вики и на Эзель, 1576 г.

Въ январѣ 1576 г. въ Ливонію прибыло войско русскихъ и татаръ въ 6,000 человекъ: 27-го января они напали на Вики и взяли и заняли замки и крѣпости Лоде, Леаль и Фикель, сдавшие имъ немедленно предательски и безо всякой нужды. Затѣмъ они двинулись съ немногими орудіями къ Гапсалью и только стали передъ этимъ городомъ, не дѣлая окоповъ и не стрѣлая. Какъ только они подошли, 9-го февраля, то находившіеся въ замкѣ дворяне изъ Вика, бюргеры, начальники (офицеры) и вкѣхты немедленно завели переговоры съ русскими и 12-го февраля сдали московитамъ превосходную крѣпость Гапсаль безъ всякой нужды; а въ замкѣ томъ не было ни малѣйшаго недостатка въ съѣстныхъ припасахъ и людяхъ, и имъ совѣтъ нечего бы было бояться осады, еслибы они только немного подумали о сопротивленіи. И такъ московиты добыли упомянутые замки въ Вики вмѣстѣ со всей землей. Когда же вслѣдъ за тѣмъ они стали жалѣть о такомъ позорѣ и также когда въ нихъ заговорила совѣсть, то никто не хотѣлъ признавать себя виновнымъ. бюргеры вмѣстѣ съ воинами складывали вину на викихъ дворянъ, бывшихъ съ ними въ Гапсаль и другихъ замкахъ, а дворяне въ свою очередь складывали вину на воиновъ и бюргеровъ.

Когда же русскіе вступили въ замокъ, то многіе изъ гапсальскихъ юнкеровъ (помѣщиковъ, дворянъ) были въ очень веселомъ

настроении, у одного изъ нихъ сидѣли на колѣняхъ двѣ дѣвушки изъ дворянскъ и онъ забавлялся съ ними. Русскіе не могли вдоволь надивиться такой безпечности и сказали Гинрику Боусману, гофъ-юнкеру герцога Магнуса, также видѣвшему это: «Гинрикъ, что вы нѣмцы за странные люди однако! Еслибы мы, русскіе, такъ легкомысленно сдали такой замокъ, то не смѣли бы поднять глазъ передъ честными людьми, а великій князь нашъ не зналъ бы, какую и смерть придумать вамъ; а нѣмцы въ Гапсаль не только прямо смотрятъ въ глаза, а еще играютъ съ дѣвучками, точно и въ самомъ дѣлѣ поступили какъ слѣдовало». На это Гинрикъ Боусманъ не нашелся что отвѣтить, такъ какъ самъ видѣлъ это собственными глазами.

Когда былъ взятъ Гапсаль, князь Юрій Токмаковъ, главный начальникъ московитовъ, умеръ въ одной банѣ въ томъ мѣстечкѣ; этотъ князь не хотѣлъ, чтобы его погребъ былъ въ замкѣ Гапсаль. Въ то же время русскіе и татары были также и на Эзелѣ, гдѣ опустошили всю страну до Шворверъ-Орты и многихъ бѣдныхъ жителей увели въ плѣнъ въ Москву и Татарію.

Послѣ завоеванія замковъ Гапсала, Лодѣ, Леала и Фикеля вмѣстѣ съ всѣмъ Викоу, нѣкоторые изъ дворянъ этихъ мѣстъ остались у русскіхъ въ Викѣ, многіе отправились къ великому князю въ Москву и снова служили ему совѣтомъ и дѣломъ противъ Ливоніи, потому что изъ за легкомысленной сдачи упомянутыхъ замковъ они не смѣли явиться ни на Эзелѣ, ни въ Ревель.

112. Какъ шведы теряютъ Падисъ, 1576 г.

И вотъ когда московиты овладѣли всѣмъ Викоу, то вторгся также и въ часть короля шведскаго въ Ливоніи, и 18-го февраля осадилъ замокъ Падисъ. Не обходя замокъ окопами, московиты обстрѣливали его одинъ день изъ нѣсколькихъ полевыхъ орудій. 20-го февраля гауптманъ (комендантъ) Хансъ фонъ Ольденбургъ немедля долго сдалъ ему замокъ. И такъ московиты взяли упомянутые замки со всѣми принадлежащими къ нимъ землями и людьми съ ничтожнымъ войскомъ и безъ всякихъ усилій, внушая только страхъ. Въ то же время, когда земли вокругъ Ревеля были такъ часто опустошаемы и разоряемы, бѣдные крестьяне, за недостаткомъ быковъ и лошадей, запрягали въ сани коровъ, которыя еще уцѣлѣли, и возили изъ города и въ городъ Ревель всѣ нужные припасы.

Послѣ потери замка Гапсала Клаусъ фонъ Унгернъ, намѣстникъ въ Аренсбургѣ, сильно разсердился на всѣхъ бывшихъ въ Викѣ, и жестоко преслѣдовалъ ихъ.

113. Несчастіе шведовъ у Падиса, 1576 г.

29-го апрѣля шведы осадили замокъ Падисъ, обвели его окопами и стали обстрѣливать. Прострѣлявши тамъ до Вознесенія и съ малыми силами нѣсколько разъ дѣлавъ приступы, они со стыдомъ и позоромъ ни съ чѣмъ возвратились домой, потому что нечего было больше грабить въ окрестностяхъ и маркитанты не хотѣли больше привозить пива, такъ какъ у солдатъ не было больше никакихъ награбленныхъ вещей, чтобы заплатить ими за пиво.

114. Бой съ русскими у Ревеля, 1576 г.

Въ то время какъ шведы осаждали Падисъ, русскіе въ Виттенштейнѣ снарядились и пришли къ Ревелю въ надеждѣ захватить весь городской скотъ, такъ какъ всѣ военные люди ушли изъ города къ Падису. Когда же они захватили болѣшую часть скота на пастбищѣ недалеко отъ города и хотѣли угнать его, то бюргеры, гезели, домашніе слуги и юнги (ученики мастеровыхъ) паворо снарядились и снова отняли у русскихъ добычу съ большою славой и увели нѣсколько прекрасныхъ русскихъ валаховъ (лошадей), съ которыхъ стрѣляли русскіе.

115. На Галсалъ нападаютъ изъ Аренсбурга. Злосчастная кончина господина фонъ Рингенъ, 1576 г.

Въ то время, когда шведы стояли у Падиса, Клаусъ фонъ Унгернъ напалъ изъ Аренсбурга на Галсалъ, чтобы застать врасплохъ какъ русскихъ, такъ и вѣроломныхъ нѣмцевъ, ставшихъ на сторону московита; нѣсколькихъ изъ нихъ онъ взялъ въ плѣнъ и отослалъ въ Данію. Немного спустя послѣ того какъ Клаусъ фонъ Унгернъ отступилъ отъ Галсала, госпожа фонъ Рингенъ умерла въ такой бѣдности въ Галсалѣ, что у нея не нашлось простыни, чтобы завернуть тѣло. Даже покрывало, положенное на ея гробъ, русскіе хотѣли сорвать съ большими насмѣлками и поруганіями. Эта жепница была въ старое доброе время богатая и знатная дама въ замкѣ и велѣла сдѣлать своей дочери такое пышное платье изъ золота и жемчуга, что всѣ въ Ливоніи только и говорили и рассказывали о немъ.

116. Посольство Максимиліана II, 1576 г.

30-го мая послы императора Максимиліана II, прибывшіе изъ Москвы, писали изъ Риги ревельцамъ, что они всѣми силами старались въ Москвѣ добиться мира для города Ревеля, однако безуспѣшно. Но наконецъ московитъ будто бы заявилъ, что пока ревельцы будутъ спокойны, то и онъ не начнетъ войны.

Прим. перев. Послы эти были Кобенцель и Принцъ, о которыхъ упомянуто выше (см. стр. 246). Они не очень усердно просили о дивонцахъ и московитъ вовсе не дѣлалъ никакого заявленія, какъ сказано здѣсь у Рюссова. Напротивъ, царь, отправляя къ цесарю въ отвѣтъ на послѣднее посольство князя Михаила Ин. Сугорскаго, прибывшаго въ Вѣну 16-го іюля 1576 г., приказывалъ сказать цесарю: «Государю ви за что такъ не стѣять, какъ за свою вѣчину, лифляндскую землю».

Императоръ Максимилианъ II умеръ 12-го октября 1576 г., и князь Сугорскій 15-го декабря прибылъ въ Черновъ, и отсюда возвратился въ Москву 3-го января 1577 г.

117 Какъ русскій преламызъ ревелъцевъ, 1576 г.

Въ то время, какъ московитъ хорошо зналъ о тяжелой нуждѣ и стѣсненіи ревелъцевъ, онъ все таки не покидалъ своей старой привычки дѣйствовать ласковыми приманками. Для этого онъ отправилъ съ нѣсколькимистами лошадей въ Виттенштейнъ сына одного ревелскаго ратмана Гиприка Геллингузена, бѣжавшаго изъ Ревеля изъ за одного убійства и потому искавшаго утѣшенія у московита, чтобы онъ убѣдилъ свой родной городъ смириться передъ великимъ княземъ московскимъ. Когда Гиприкъ Геллингузенъ прибылъ въ Виттенштейнъ, то 10-го іюня 1576 г. написалъ ревелскому магистрату слѣдующее:

«При всемъ моемъ доброжелательствѣ не могу скрыть, что я предпринялъ это путешествіе по порученію благороднаго и строгаго господина Андрея Солкала (Щелкалова), канцлера (дьяка) великаго князя, во славу и хвалу Божию, и ради высокой чести великаго князя и царя всея Россіи, и на пользу моего роднаго города, для того чтобы тайно сообщить вамъ предложеніе царя всея Россіи, выгодное для васъ и для короля шведскаго, если только вы повѣрите мнѣ недостойному. Да будетъ вамъ извѣстно, что царь всея Россіи ничего не требуетъ отъ васъ кромѣ смиренія, о чемъ вы узнаете также изъ имѣющихся при мнѣ грамотъ за печатями. Но если же, чего Боже сохрани, вы этого не пожелаете, то вамъ предстоитъ полнѣйшее разрушеніе вашего города мечемъ и огнемъ, такъ что ни одинъ младенецъ въ колыбели не будетъ оставленъ къ живыхъ и для примѣра всего мира царь събласть это разрушеніе подобнымъ разрушенію Іерусалима. Эти и еще другія вещи, всѣ подобающія довѣрять перу, но весьма важныя для всего города, я долженъ передать вамъ отъ царя всея Россіи, безъ всякаго лукавства, клянусь Богомъ, спасающимъ тѣло мое и душу. Потому что царь всея Россіи соизволилъ наградить меня тремястами коней, съ которыми я и долженъ явиться къ Ревелю. Поэтому прошу теперь христіанскаго безопаснаго конвоя (проводящихъ)».

Гиприкъ Геллингузенъ тайно писалъ это не только магистрату, но и нѣкоторымъ бюргерамъ, которыхъ онъ считалъ своими

друзьями. Но какъ магистратъ и бюргеры смѣнули, что это только новые козни и происки, то не повѣрили ему, и не дали провожатыхъ,

118. Русскіе у самаго Ревеля, 1576 г.

22-го іюня болѣе 5000 русскихъ и татаръ пришелъ изъ Виттенштейна къ Ревелю и угнали весь скотъ съ Ланесберга. Тогда нѣмецкіе гофлейты, числомъ около ста всадниковъ, и городскіе ландскнехты вѣстѣ съ нѣсколькими бюргерами и слугами поторопились вооружиться, и въ четырехъ миляхъ отъ города выгнали непріятеля, отбили у него скотъ, причемъ нѣсколькихъ татаръ и русскихъ убили и нѣсколькихъ взяли въ плѣнъ.

119. Шведы у Риги, 1576 г.

11-го іюля военные корабли короля шведскаго подошли къ Ригѣ и враждебно зашли здѣсь у Двинѣ нѣсколько домовъ, по той причинѣ, что король шведскій имѣлъ притязаніе на рижанъ за нѣсколько должныхъ ему венцевъ, и рижане на счетъ ихъ не условились и не уладили дѣла съ королемъ. Наконецъ они сговорились. Тогда рижане дали сто ластовъ ржи и должны были доставить ее въ замокъ Ревель.

Прим. перев. Все это касается до Риги и до южной Финляндіи, отошедшей съ 1561 г. къ Польшѣ, за время администраторства Бетлера и Ходкевича, будеть изложено въ другой лѣтописи.

120. Бой ревельцевъ съ русскими. Дѣла крестьянъ, 1576 г.

Весь іюль мѣсяцъ русскіе и татары грабили отъ Виттенштейна и Падиса до Ревеля, часто нападали врасплохъ на бюргерскихъ коней, слугъ и служанокъ, изданныхъ за сѣномъ, а изъ подъ Ревеля увели въ плѣнъ много бѣдныхъ крестьянъ съ ихъ женами и дѣтьми. Въ то время у бюргеровъ и крестьянъ былъ великій плачь и рыданіе.

26-го іюля шведы, конные и пѣшіе, по мѣрѣ возможности снарядились, и отправились въ походъ, чтобы отомстить за такой позоръ русскимъ и татарамъ, и пошли по дорогѣ къ Виттенштейну, чтобы застать върасплохъ татаръ. Въ то же время 50 батраковъ (нефѣмцевъ) тайно отправились въ походъ ночью, когда ни кто ихъ не видѣлъ и пошли другой дорогой; между ними было не болѣе 16-ти человекъ, у которыхъ были длинныя ружья. Когда же татары у Падиса замѣтили, что шведы подходятъ, то бѣжали отъ нихъ, очень кстати для батраковъ, ничего не знавшихъ о татарахъ, какъ и татары ничего не знали о нихъ. Батраки днемъ не осмѣливались подходить къ татарамъ, такъ какъ были слишкомъ слабы, но прятались по кустамъ и болотамъ и усердно высматривали, гдѣ татары

расположаты на ночь. Когда же татары для безопасности отъ нѣмцевъ и шведовъ разбили свой лагерь вдоль глубокаго ручья у деревни Оррендалъ, легли тутъ спать и пустили своихъ коней пастись, то вышеупомянутые нѣмцы (батраки-эстонцы) ночью напали на нихъ со своими ружьями и каждый изъ нихъ кричалъ по нѣмецки такъ громко, какъ только могъ. Татары были къ полной увѣренности, что это все нѣмцы и шведы, побѣждали поэтому черезъ чащи и болота и оставляли имъ много лошадей и вооруженія. Тогда батраки взяли болѣе 80 лошадей и тотчасъ же помчались съ ними въ Ревелю и удовольствовались этимъ, потому что у большей части изъ нихъ никогда не бывало ни одной лошади. А если бы батраковъ было побольше и если бы они были похрабрѣе и рѣшительнѣе, то могли бы увести оттуда всѣхъ татарскихъ коней, которыхъ было болѣе 400. Послѣ того многіе нѣмцы не захотѣли уступить этимъ нѣмцамъ, они тѣмъ же родомъ отправились въ походъ, шли по чащамъ и болотамъ, точно также напали врасплохъ на русскихъ и увели у нихъ всѣхъ ихъ лошадей.

Такъ какъ русскіе и татары неустанно свирѣпствовали и неистовствовали въ Іервенѣ, Гарріевѣ и у Ревеля и многіхъ уводили въ плѣнъ, а часто и днемъ, и ночью дѣлали сильную тревогу передъ Ревелемъ, такъ что въ городѣ этомъ постоянно били въ набатъ, и многіе крестьяне изъ всѣхъ деревень спасались со своими домочадцами ограбленные до нота, такъ что всѣ сады, сараи и углы были переполнены крестьянами и большая бѣдность и голодъ стали тѣснить ихъ, то шведское начальство въ ревельскомъ замкѣ нашло цѣлесообразнымъ позволить крестьянамъ брать добычу повсемѣстно въ земляхъ, занятыхъ русскими въ Ливоніи*). Ихъ начальникомъ былъ избранъ Иво Шенкенбергъ, моветный подмастерье, который съ крестьянами скоро снаряжился и прилезь въ Ревель большую добычу со многими плѣнными русскими. Такъ какъ этотъ замыселъ удался и крестьяне приободрились, то они со всею усердіемъ стали продолжать начатое дѣло.

Послѣ того многіе нѣмцы тѣмъ же путемъ отправились также въ походъ, и пошли по дорогѣ въ Вирландъ черезъ чащи и болота и нашли тамъ 40 русскихъ, спавшихъ въ лагерѣ, между которыми были также и знатные бояре. Когда нѣмцы подошли совсѣмъ близко, они повскакивали и въ рубашкахъ побѣждали въ кусты, оставивъ неприятелямъ всѣхъ своихъ лошадей и богатые шубы. Потому что они были такъ увѣрены въ безопасности, что разлѣлись до рубашекъ и улеглись спать. Тогда нѣмцы взяли ихъ шубы, оружіе и лошадей, сбѣгъ на нихъ и выѣхали въ Ревель, будто въ самомъ дѣлѣ были москвитами.

*) Т. е. грабить своихъ же земляковъ. Ирим. перев.

Наконецъ 60 городскихъ ландскнехтовъ отважились пройти до Вика и въ Фивель поискать своего счастья, тутъ они захватили большое стадо скота, быковъ и коровъ, и гнали ихъ передъ собой до Раггеля, гдѣ встрѣтили болѣе 400 русскихъ и татаръ, которые хотѣли отнять у нихъ скотъ и бросились на нѣмецкихъ кнехтовъ. Но и нѣмцы стали храбро биться, достигли одного забора и изъ за него застрѣлили много русскихъ и защищали за заборомъ какъ самихъ себя, такъ и свою добычу. Но какъ 400 русскихъ ничего не могли сдѣлать открытою силою 60 нѣмцамъ, то они и стали уговаривать этихъ кнехтовъ къ отступленію черезъ своего нѣмецкаго толмача, съ обѣщаніемъ большихъ милостей, а также и съ великими угрозами, но ничего не помогло. Кнехты невредимо ушли оттуда со своей добычей, за исключеніемъ одного кнехта, котораго стрѣла нежного ранила въ руку, но не лишила жизни.

Затѣмъ также и крестьяне, носильщики, и всякая челядь изъ домашнихъ слугъ и батраковъ собрались съ разрѣшенія начальства подъ нѣсколько знаменъ, и по нѣмецкому обычаю назначили у себя предводителей, прапорщиковъ и другихъ начальниковъ; такимъ образомъ они часто вторгались въ землю русскихъ, одинъ отрядъ здѣсь, другой тамъ, поджидали русскихъ въ чащахъ и болотахъ, грабили ихъ имущества, часто приводили плѣнныхъ и такъ напугали русскихъ и татаръ, что они даже не осмѣливались выглянуть изъ своихъ замковъ. Такъ то они теряли позоръ отъ крестьянъ и нѣсколькихъ рабовъ.

121. *Объ Амботенъ, 1576 г.*

Этихъ лѣтомъ 1576 года трое дворянъ напали неожиданно на замокъ Амботенъ въ Курляндіи, принадлежавшій герцогу Магнусу голыштейнскому, во время отсутствія намѣстника (коменданта), и заняли замокъ, добывши себѣ пропускъ тѣмъ, что выдали себя за друзей и родныхъ жены намѣстника. Когда же ихъ выпустили въ замокъ, то они бросились въ ворота и занимали ихъ, пока не дошелъ ихъ аріергардъ, состоявшій изъ литовцевъ и не вошелъ въ замокъ. Этотъ замокъ снова завоевалъ Карлъ Сцойе, нильтенскій намѣстникъ, и велѣлъ повѣсить этихъ трехъ дворянъ на стѣнѣ.

122. *Глубокій снѣгъ, 1576 г.*

Въ 1576 году, въ четвергъ передъ Мартыновымъ днемъ, выпалъ необыкновенный и неслыханно глубокій снѣгъ въ Ревелѣ и на нѣсколько миль вокругъ города, такъ что многіе люди изъ деревень, желавшіе попасть въ Ревель, погибали на дорогѣ въ большомъ снѣгу. Точно также и много бѣдныхъ крестьянотъ, несшихъ своихъ новорожденныхъ дѣтей крестить въ городъ, погибли и замерзли въ снѣгу.

вмѣстѣ съ дѣтьми. А многіе, услышавъ о такихъ несчастіяхъ, побросали на дорогѣ свои сани, нагруженные всякими припасами, и благодарили Бога, что благополучно выбрались съ одними лошадьми. И никто въ тѣ дни не могъ никуда ни идти, ни ѣхать, одинъ сосѣдь не могъ пробраться къ другому, а бюргеры, уѣхавшіе куда либо въ деревню, нѣсколько дней не могли попасть домой, многіе же должны были оставаться на дорогѣ со своими быками и телѣгами.

123. Лемзаль приобретается для герцога Магнуса, 1576 г.

Около того же времени гофлейты герцога Магнуса ночью напали врасплохъ на замокъ Лемзаль; такія нападенія и грабежи считались въ это время въ Ливоніи наипачешими рыцарскими играми.

124. О буряхъ, 1576 г.

Въ 1576-мъ году, всю осень до новаго года, свирѣпствовали такіе ужасные вѣтры и бури на морѣ, о какихъ до сихъ поръ не слыхивалъ и какихъ не переживалъ ни одинъ человѣкъ. Въ Ревелѣ ни одинъ человѣкъ не могъ запомнить, чтобы когда либо бурей опрокидывало и срывало колокольни и болверкъ въ гавани, какъ въ этомъ году. И ни въ одномъ году не разбилось около Ревеля за одну осень столько кораблей и судовъ съ полнымъ грузомъ, какъ въ упомянутое время. Подобное же происходило и во многихъ мѣстахъ.

125. Краткое описаніе того, что происходило въ 1577-мъ году въ Ревелѣ, во время второй московитской осады.

Послѣ того какъ ревельцы осенью получили вѣрное извѣстіе *) о томъ, что московиты зимой осадятъ Ревель со всѣмъ своимъ войскомъ, то нѣкоторое время они находились въ страхѣ. Къ тому же на раздумье наводили ихъ различныя непріятности, которымъ они подвергались всю прошлую осень. Во первыхъ, 2000 кнехтовъ, которые должны были придти изъ Финляндіи на помощь къ городу Ревелю, не могли явиться по случаю постоянной сильной непогоды. Во вторыхъ, 120 кнехтовъ и стрѣлковъ, которыхъ ревельцы вѣдали нанять въ Любекѣ, также не могли явиться по случаю непогоды. Въ третьихъ, нѣсколько кораблей короля шведскаго, нагруженными съѣстными припасами, и порохомъ, во время бури остались со всѣмъ грузомъ въ шведскихъ шхерахъ и только одинъ изъ этихъ кораблей, нагруженный различными съѣстными припасами, прибылъ въ Ревель; когда же къ вечеру онъ сталъ за болверкомъ, то въ ту же ночь

*) Извѣстіе было совершенно вѣрное: въ сентябрѣ 1576 года приговорилъ государь съ сыномъ своимъ и съ братьями козаками воеводу подъ Коломной... Сбратися всѣмъ людемъ московскія земли и новгородскія и татаромъ въ Новгородъ за недѣлю до Рождества (см. Карамзинъ IX, прим. 453).

сѣлъ на медь и быль разбитъ въ куски, такъ что ревелыцы не пользовались рѣшительно ничѣмъ. Въ четвертыхъ ревелыцы въ собраніи ганзейскихъ городовъ въ Любекѣ получили обѣщаніе отъ данцигскихъ властей, что послѣдніе помогутъ имъ деньгами, хлѣбомъ и войскомъ. Чтобы получить изъ Данцига обѣщанные припасы, ревелыцы сварили корабль и отправили его. Но когда моряки прибыли туда, то нашли данцигцевъ пораженными той же язвой, что и Ревель, ибо данцигцы заведи войну со своимъ новымъ государемъ, королемъ польскимъ, и подобно Ревелю ожидали осады *). Поэтому одинъ больной не могъ прийти на помощь къ другому и подать тому руку. Въ пятыхъ, большою бурей снесло больперкъ въ ревелской гавани, о чемъ до сихъ поръ никто не слыживалъ. Въ шестыхъ, не задолго передъ осадой двое измѣнниковъ, а именно Дидерикъ Мунцартъ, сынъ одного дерптскаго кузнеца, и Гансъ Кокъ, родомъ изъ Оверислена, которые долгое время были гофлейтами и знали всѣ обстоятельства города, перебѣжали къ москвиту и передали ему всѣ свѣдѣнія о Ревелѣ. Хотя все это были дурныя предзнаменованія, однако, ревелыцы не сомнѣвались въ милосердіи и помощи Господа, единственнаго помощника въ нуждѣ, и единственнаго справедливо воеящаго это названіе. А если бы ревелыцы получили всѣ упомянутыя средства для своего спасенія изъ вышеупомянутыхъ мѣстъ, то можетъ быть вполнѣ положились бы на нихъ, и увѣренные въ безопасности совѣщъ бы забыли про якорь христіанина, а именно искреннюю молитву къ Всемогущему Богу. Поэтому Богъ не допустилъ ихъ получить всѣ эти средства, для того чтобы они узнали, что Онъ одинъ есть истинный помощникъ во всякой нуждѣ. Всемогущій Господь на самомъ дѣлѣ не оставилъ ревелцевъ своей очевидной помощью.

А такъ какъ непріятель хотѣлъ притти непремѣнно, то было очень странно, что онъ такъ долго медлитъ въ такую суровую зиму, которая была бы ему очень съ руки. Наконецъ онъ въ самомъ дѣлѣ сдержалъ слово и 22-го января, къ ночи, съ сильнымъ войскомъ прибылъ въ Регелехтъ, въ трехъ миляхъ отъ Ревеля. Въ девять часовъ

* Стефанъ Баторій, избранный королемъ прѣдтѣхъ 14-го декабря 1576 г. быстрымъ движеніемъ предупредилъ медленнаго Максимилиана, избраннаго королемъ польскими шляхетками за два дня прѣдъ тѣмъ, и вступился въ Трентѣ 1-го мая 1576 г. Литва и Пруссія, державшіяся Максимилиана, должны были признать короля Стефана. Однако, одною, умною стоянкою за Максимилиана. Мы видимъ (см. выше стр. 163), что въ послѣдніе годы царствованія Сигизмунда-Августа польское правительство не было расположено къ сдѣлканамъ, имѣвшимъ умѣние повода думать, что и польскій король не сдѣлаетъ для нихъ ничего хорошаго, потому объявили, что не признаютъ Стефана королемъ, пока не будутъ подтверждены ихъ права. Подтвержденія не было, потому гданчане стали нападать на сибиряки съ ихъ городомъ вилхетскія земли, разорять католическія церкви. Баторій вынужденъ былъ осадить Гданскъ. Осада затянулась и лишь въ концѣ 1577 г. гданчане покорились Баторію, присягнувъ ему на довольно выгодныхъ для себя условіяхъ.

Возмненіе противниковъ Баторія въ Польшѣ и Литвѣ, непріятности на сеймѣ и наконецъ, осада Гданска, заставили Баторія весь 1576 и 1577 г. не разлучать съ Москвою до поры до времени.

Прим. черев.

вечера пришли лазутчики и принесли вѣрное извѣстіе, что москowitz явился со всѣмъ своимъ войскомъ. Тогда двое бургомистровъ, именно господинъ Фредерикъ Завидтеде и господинъ Дидерикъ Корфмахеръ тотчасъ же отправились на рынокъ и велѣли объявить всѣмъ жителямъ Ревеля, что пришелъ непріятель, и чтобы каждый хорошенько стерегъ свои вещи.

На слѣдующій день, 23-го января, въ срезу передъ обѣдомъ, видно было, какъ москowitz шелъ со своимъ войскомъ у каменной горы, и шествіе его продолжалось весь день до темной ночи. Въ этотъ день русскіе не захотѣли биться, да и ревелцамъ весь день было также некогда затрогивать ихъ; имъ достаточно было дѣла вырубать загородные сады и ломать сараи.

Тогда непріятели прежде всего раскинули у Ревеля 4 лагеря. Первый лагерь былъ у верхней мельницы, на горѣ и во рвахъ, второй на каменной горѣ въ каменистыхъ оврагахъ, вдоль всей горы, третій лагерь у поляного дома въ песчаныхъ горахъ; четвертый лагерь былъ татарскій вдоль Іервекульскаго озера, на протяженіи доброй четверти мили.

Затѣмъ когда городъ былъ окруженъ окопами, то стрѣльцы раскинули пятый лагерь выше и ниже Тенніесберга (горы св. Антонія) въ обоихъ окопахъ; а за горой вдоль всего склона, по направленію къ Шварценберге, также стояло нѣсколько тысячъ конныхъ русскихъ, которые вмѣстѣ со стрѣльцами должны были сторожить оба окопа и орудія. Когда же войско москowitz расположилось у Ревеля, то во всемъ городѣ не было видно ни одного отчаявающагося или печальнаго лица, но всѣ были веселы и бодры, и каждому казалось, что съ его груди снять камень.

Когда же непріятель уже четвертый день не начиналъ схватокъ и невозможно было узнать намѣренія москowitz, то ревелцы 2-го января со всѣмъ своимъ войскомъ сдѣлали вылазку для развѣдокъ и смѣло зашли до госпиталя св. Іоанна въ песчаныхъ горахъ. Русскіе не хотѣли подходить къ нимъ, а въ полномъ боевомъ порядкѣ густыми рядами ждали, чтобы ревелцы зашли еще дальше; тогда они хотѣли окружить и уничтожить ихъ. Но по особенному соизволенію Божию, русскіе слишкомъ рано выстрѣлили изъ нѣсколькихъ полевыхъ орудій, почему ревелцы были принуждены отступить въ городъ. При этомъ былъ убитъ только одинъ шведскій ландскнехтъ, то была единственная потеря въ этотъ день и вообще первая. Но если бы русскіе были храбрыя воины и тысяча человекъ изъ нихъ отважались бы броситься дружно на ревелцевъ и заградить имъ путь, что имъ было бы легко сдѣлать, такъ какъ тѣ отошли довольно далеко отъ города, то въ этотъ день они завладѣли бы большой половиной города Ревеля. Но у русскихъ не хватило мужества, а также и Господь ослабилъ ихъ.

Того же 26-го января, къ ночи, русскіе начали стрѣлять оковы на горѣ св. Теніиса, а слѣдующаго 27-го января, рано утромъ въ воскресенье, открыли огонь по городу изъ картауновъ и шланговъ (осадныхъ орудій), и во время проповѣди (обѣдни) въ приходской церкви св. Николая, выстрѣлили изъ эту церковь желѣзнымъ ядромъ въ 52 фунта. И хотя церковь была переполнена бюргерами и подмастерьями, женщинами и дѣвушками, молодыми и старыми, и хотя это ядро черезъ окно церкви попало прямо въ народъ, однако оно не ранило ни одного человѣка, кромѣ одного молодого бюргера по имени Ганса фонъ Маллена, который былъ раненъ въ руку камнемъ отъ того окна, черезъ которое влетѣло ядро. Послѣ этого проповѣдь (богослуженіе) была перевесена изъ приходской церкви св. Николая въ церковь Св. Духа, но и эта церковь выдержала много опасностей и искушеній отъ большихъ ядеръ, летѣвшихъ въ нее во время всѣхъ проповѣдей, а также ежедневно и днемъ и ночью.

Того же 27-го января русскіе зажгли новый оспенный домъ огненными (раскаленными) ядрами, сожгли половину крыши и стропилья этого дома; другую половину отстояли жители. Этой бѣды не случилось бы, если бы изъ домъ томъ не было сѣна и его хорошенько стерегли. Но трудно себѣ представить, что за крики и что за ликованіе было у русскихъ и какая страшная пальба продолжалась, пока горѣлъ домъ.

28-го января, въ восемь часовъ вечера, русскіе придвинулись ближе къ городу, устроивъ свои окопы не далеко отъ известковой печи замка и построивъ большіе блокгаузы; тогда въ городѣ поднялась большая тревога, ибо всѣ были увѣрены, что непріятель идетъ на приступъ со всѣмъ своимъ войскомъ. Когда же утихла эта тревога, тогда, небольшой отрядъ шведскихъ кнехтовъ совершилъ рыцарскій подвигъ. Они сдѣлали вылазку къ русскимъ въ окопы и блокгаузы, очень многихъ убили и взяли въ плѣнъ одного московскаго предводителя, что было очень важно для развѣдываній. Плѣннаго привезли въ городъ раненымъ и онъ показавъ слѣдующее. Во первыхъ, передъ Ревелемъ стоитъ войско великаго князя московскаго, изъ русскихъ и татаръ, всего въ 50000 человѣкъ. Во вторыхъ, что при войскѣ вѣтъ сажанаго великаго князя, а лишь его знатнѣйшіе князья и воеводы — во первыхъ князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій, молодой человѣкъ, при немъ состоитъ лейтенантомъ Иванъ Васильевичъ Селиметинъ (Шереметевъ) Кольцовъ, лучший воинъ москвитя, обѣщавшій великому князю или взить городъ Ревель или не явиться живымъ передъ его лицомъ; третьимъ (воеводою) былъ князь Дмитрій Андреевичъ Шерстевъ (Курлятевъ), четвертымъ князь Никита Приика (Примковъ-Ростовскій), назначенный начальникомъ артиллеріи. Въ третьихъ, плѣнный показавъ, что великій князь придетъ на Бляговѣщеніе съ большимъ войскомъ. Въ четвертыхъ, что у Ревеля стоитъ большая часть артиллеріи и орудій великаго князя, и кромѣ

того двѣ тысячи бочекъ пороху, который русскіе намѣрены весь употребить и съ нимъ попытать счастья у Ревеля. Въ пятыхъ, что русскіе всё отчаиваются въ Рондѣ и говорятъ, что это не Полоцкъ или Парновъ. Въ шестыхъ, что оба измѣнника посовѣтовали русскіихъ построить окопы у горы св. Тенісса, гдѣ городъ слабѣе всего. Больше же ояъ ничего не знали, такъ какъ не шель съ ними изъ Москвы, а только за три дня прибавъ въ лагерь изъ Падиса.

Въ началѣ осады непріятель остановилъ воду около водянаго дома и устроилъ бойню въ водяномъ домѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ вода стекала въ городъ, чтобы у ревельцевъ не было въ городѣ чистой воды. Въ Ревелѣ, однако, не было недостатка въ водѣ; не было также ни малѣйшей нужды въ какихъ съѣстныхъ припасахъ и провіантѣ: всёмаъ этотъ городъ былъ достаточно снабженъ на цѣлый годъ. Кромѣ того городъ былъ хорошо снабженъ вѣрыми и богобоязливыми правителями и ратманами. Господинъ Гиприкъ Клаусенъ, рыцарь изъ Канкаса, старый опытный воинъ герой, и его сынъ Карлъ Гиприкесенъ, были въ то время губернаторами и правителями въ замкѣ; они ничего не упускали дѣлать, что подобаетъ честнымъ, богобоязливымъ губернаторамъ. Для примѣра, а также ради губернаторскихъ заботъ они не пили вина и лива, лиждали себя сна, сами очень усердно и днемъ и ночью стояли на часахъ, а по ихъ примѣру точно также должны были поступать всѣ гофлейты, начальники и простые ландскнехты. Упомянутые господа часто сами направляли на непріятелей большія орудія съ великой для себя опасностью и стрѣляли изъ нихъ, такъ что бюргеры ворчали на это и говорили, что губернаторы ужъ черезъ чуръ смѣлы; потому что если одинъ изъ нихъ будетъ убитъ, то это для всего города было бы большою потерей, чѣмъ гибель сотни другихъ. Но упомянутые господа не обращали на это вниманія: они повсюду усердно дѣйствовали сами. Точно также поступалъ и достопочтенный магистратъ города Ревеля.

Затѣмъ названные губернаторы укрѣпили всѣ замковые вавы и башни блокгаузами и снабдили ихъ, какъ и другіе веры, такою прекрасною королевскою артиллеріею изъ цѣльныхъ и половинныхъ картауновъ, паланговъ и осалвыхъ орудій, что всѣ люди въ Ревелѣ удивлялись тому и радовались. никто въ городъ до сихъ поръ не зналъ и не предполагалъ, чтобы въ ревельскомъ замкѣ могла быть такая королевская артиллерія. Кромѣ того всѣ вавы, рондели, башни и передовыя укрѣпленія города были въ такомъ изобиліи снабжены пушками и таранами, что нѣкоторые изъ нихъ во все время осады ни разу не были употреблены въ дѣло. И хотя у москвиты было много орудій передъ Ревелемъ, однако въ городѣ и въ замкѣ Ревелѣ было орудій въ пять разъ больше.

А такъ какъ передъ тѣмъ слышали, что москвиты намѣрены устранить городъ Ревель огнемъ, подобно Полодку, то губернаторы и

достопочтенный магистратъ принялъ мѣры противъ пожаровъ. Впер-
выхъ, они объявили всѣмъ бюргерамъ и жителямъ города, чтобы
всякій, подѣ страхомъ большаго наказанія, свилъ съ чердаковъ всѣ
дрова, сѣно и солому и все, что легко можетъ быть охвачено огнемъ,
сложилъ бы все это въ погребѣхъ и сводчатыхъ подвалахъ, а также
чтобы днемъ и ночью каждый стерегъ свой домъ. Во вторыхъ, во
все время осады конная стража постоянно должна была разъѣзжать
по городу и замѣчать, куда падаютъ нагнныя ядра, тотчасъ же бѣжать
туда и звать людей, чтобы ехались и тушили огонь. Въ третьихъ,
достопочтенный магистратъ за небольшое жалованье нанялъ отрядъ
гарріенскихъ крестьянъ, числомъ болѣе 400, неустранимыхъ молод-
цевъ, болышею частью стрѣлковъ. Начальникомъ этихъ крестьянъ
былъ Иво Шенкенбергъ, сынъ одного монетника въ Ревелѣ, храбрый,
мужественный молодой человѣкъ, устроившій свое крестьянское войско
по нѣмецкому образцу и обычаю. Этими крестьянами, выѣсть съ
нѣмцами и шведами лацкекнехтами, не надо было ничего луч-
шаго, какъ день и ночь схватываться съ русскими. при чемъ
они часто оказывались побѣдителями. Поэтому многіе этого Иво
Шенкенберга прозвали Аннибаломъ, а его крестьянъ аппибало-
выми людьми. Этого Аннибала и его людей особенно не любили и
ненавидѣли русскіе. Тому же аннибалову отряду было поручено
наблюдать за огненными ядрами, съ тѣмъ условіемъ, что они и день
и ночь будутъ усердно стоять на часахъ; и когда кто либо принесетъ
военному начальнику города огненное ядро, то всякій разъ будетъ
получать 3 марки, т. е. орлу золота (четверть талера); если же они
замѣтятъ огненное ядро упавшимъ на домъ бюргера, гдѣ нѣтъ стражи
на чердакѣ, то немедленно должны войти въ домъ этого бюргера,
затушить огненное ядро или же выбросить его на улицу черезъ люкъ.
За то бюргеръ, у котораго не было стражи, долженъ былъ во всякое
время немедленно выдать имъ полъ талера, *quia spe commodi pavementi
optinet*. Тогда молодцы очень развеселились, и гонялись за огненными
ядрами день и ночью, подобно тому какъ мальчуганы гоняются за
каменками на улицахъ, такъ что многіе печальные могли развесе-
литься и сѣяться, глядя на нихъ. Въ четвертыхъ, у каждого на
чердакѣ должны были быть наготовѣ мокрыя половьи шкуры, котлы
и доханки, наполненныя павозомъ, чтобы тотчасъ же тушить огненные
ядра, такъ какъ вода мало помогала отъ нихъ. Кромѣ того всѣ чер-
даки въ Ревелѣ были плотно выложены широкими каменными пли-
тами и покрыты толстымъ слоемъ земли, такъ что если бы на чердакъ
и попало огненное ядро, то нитолокъ не могъ легко протворѣть.

Вслѣдствіе такой осторожности начальства и усердной стражи,
а также и вслѣдствіе привычки, на огненные ядра стали обращать
не больше вниманія, какъ на летящую птицу

Что касается до каменныхъ ядеръ, то они также не могли причинить особеннаго вреда, такъ какъ почти всѣ дома въ Ревелѣ были съ тремя чердаками, и каждый чердакъ отдѣлялся отъ другаго толстыми бревнами и весь былъ выложенъ каменными плитками и покрытъ толстымъ слоемъ земли. Если ядро пробивалось въ одинъ чердакъ, то еще оставались невредимыми два другихъ. Поэтому бюргеры въ своихъ комнатахъ нисколько не опасались ядеръ. Какой же вредъ причинили ядра, о томъ будетъ вкратцѣ сказано ниже.

1-го февраля русскіе совершенно опустошили прекрасный монастырь Маріендалъ, ордена св. Бригитты; алтари низвергли и изъ самыхъ большихъ камней попадаляли много каменныхъ ядеръ, свали прекрасную крышу и строила и увезли ихъ въ лагерь. Въ то же время они разрушили вѣсѣлицу для воровъ, стоявшую передъ Ревелемъ, помыривали бревна и увезли ихъ въ лагерь.

3-го февраля, къ ночи, Лаврентій фонъ Колленъ, гауптманъ пивескихъ вѣхтовъ, по саншкомъ большой отважности, въ пьяномъ видѣ, самъ-пятьдесятъ, безъ совѣта и согласія губернаторовъ, пѣшій сдѣлать вылазку въ шанцы русскіхъ, убилъ нѣсколькихъ изъ нихъ, и привезъ одну пушку изъ шанцевъ къ замку Ревель, во при этомъ ему самому такъ досталось, что опъ на другой день умеръ. Этою вылазкою никто не былъ доволенъ. Въ городѣ затѣивали нѣчто другое противъ русскіхъ въ окопахъ, а этимъ только помѣшали, ибо русскіе стали лучше стеречь свои окопы. Послѣ этого ревельцы ждали, что теперь непріятель пойдетъ на приступъ, къ которому они хорошо приготовились; если же съ Божьей помощью имъ удалось бы отбить одинъ приступъ или даже нѣсколько, тогда они посмотрѣли, кому достались бы орудія въ окопахъ.

Того же 3-го февраля одинъ старый и знатный дворянинъ, лишившійся жены и взявшій вмѣсто нея наложницу, праздновалъ крестины у своей наложницы, на которыхъ другіе гости изъ дворянъ, по старому обычаю, такъ пьянствовали и безчинствовали, что поранили другъ друга. Точно также въ эту осаду справлялось нѣсколько дворянскихъ и бюргерскихъ свадебъ.

5-го февраля нѣсколько русскіхъ подошли къ городу вести переговоры. Но ревельцы ни за что не хотѣли слушать ихъ, а ландкнехты принесли ихъ за лазутчиковъ и стали стрѣлять въ нихъ. Тогда они поскакали назадъ въ такомъ страхѣ, что одинъ изъ нихъ уронилъ бархатный киверъ, подбитый черной лисицей, и уѣхалъ съ голой головой. Этотъ киверъ поднялъ одинъ ландкнехтъ и привезъ въ городъ.

6-го февраля къ ночи непріятель построилъ еще одинъ шанецъ, нѣтъ высокимъ ронцелемъ предъ кузнечными воротами у горы св. Тенниса, со стогами сѣна и турами. Но на слѣдующій день ревельскіе кнехты вмѣстѣ съ отрядомъ крестьянъ сдѣлали вылазку, выбили

русскихъ изъ этого шанца, зажгли сѣно легкими вѣтками и сожгли его. При этомъ изъ ревальцевъ было убито только двое крестьянъ, и немногіе кнхты и крестьяне были ранены; но русскихъ убитыхъ въ окопахъ и застрѣленныхъ изъ большихъ орудій изъ замка и изъ города было не мало. Тогда же были убиты однимъ выстрѣломъ изъ верхняго шанца москвитя трое ревальцевъ, стоявшихъ на валу и смотрѣвшихъ на битву; одинъ изъ нихъ былъ портной и жителюствующій бюргеръ въ Ревелѣ, другой былъ молодой человекъ, сынъ одного ревальскаго ратмана, а третій стрѣлокъ. На слѣдующую ночь русскій снова занялъ шанецъ, застрѣлъ его блокаузами и укрѣпилъ сильнѣе прежняго.

8-го февраля ревальскія власти послали нѣсколькихъ рыбаковъ ловить рыбу въ гавани, на порядочномъ разстояніи отъ города. въ наемъ русскимъ, чтобы выманить ихъ изъ лагеря: если бы они подошли, то за бойверкомъ и за кораблями были разставлены стрѣлки, которые должны были встрѣтить ихъ. Но русскіе не захотѣли подойти, такъ какъ догадались объ замыслѣ.

12-го февраля, ночью, изъ русскаго лагеря прибѣжала въ ревальскому замку плѣнная шведская женщина; когда ее пустили, она прежде всего рассказала, что отрядъ татаръ былъ въ Финляндіи; татары увели оттуда въ лагерь у Ревеля много плѣнныхъ людей, старыхъ и молодыхъ, и многихъ малыхъ дѣтей побросали на льду на морѣ и тамъ оставили ихъ, для всѣхъ благочестивыхъ сердце это было прискорбное извѣстіе. Послѣ того прибѣжало еще нѣсколько человекъ, закованныхъ въ кандалы, которые также подтверждали это злое извѣстіе *).

Городъ Ревель почти весь былъ окруженъ валами, высокими ровделями, двойными рвами, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ укрѣпленъ двойными валами, такъ что снаружи орудія не могли продрать ни одной стѣны, кромѣ стѣны у Маршальсберга, передъ которой было еще 2 толстыхъ мантильмаура и рва, и такъ какъ русскимъ нельзя было стрѣлять въ нее прямо, а только съ боку, то онъ и не пробилъ въ ней ни одного отверстія. Ревальцы же просили у Бога только одного, чтобы непріятель пошелъ на приступъ, потому что тогда онъ долженъ былъ бы зайти между городомъ, замкомъ и соборомъ, а тогда они такъ окружили бы его со всѣхъ сторонъ, что онъ не зналъ бы, какъ выбраться. Но какъ онъ получалъ о бѣдѣ, то и не пошелъ на приступъ, и не послушался также совѣта двухъ измѣнниковъ.

Послѣ того какъ москвитя страшно стрѣляли и ничего не могъ сдѣлать ни одному валу, ни одной стѣнѣ, то мало по малу прекра-

*) Князь Мстиславскій, не смотря на заключенное двухъ-лѣтнее перемиріе (см. выше, стр. 241) съ Финляндіей, послалъ татарскую полону опустошить эту страну.

тить постоянную пальбу; а только изрѣдка пускалъ большія бомбы въ городъ, въ соборъ и замокъ, въ башни и валы, съ которыхъ терпѣлъ потери, и безостановочно, и днемъ и ночью, не жалѣлъ ни огненныхъ, ни каменныхъ ядеръ. Поэтому губернаторы и магистратъ города заключили, что у москвитя должно быть задуманы другіе планы и замыслы, что онъ вѣроятно намѣренъ подкопаться подъ городъ и взорвать какойнибудь валъ или башню, поэтому губернаторы и магистратъ употребляли не мало трудовъ для устройства контръ-миня. Но такъ какъ никто не зналъ на вѣрное подкапывается ли русскій на самомъ дѣлѣ и въ какомъ мѣстѣ и что именно онъ замышляетъ, то очень старались получить какіянибудь извѣстія. Тогда губернаторы, между прочимъ, общались нѣмецкимъ и нѣнѣцкимъ воинамъ дать бархатныя и простыя платья, если они возьмутъ плѣннаго; поэтому всѣ воины, шведы, нѣмцы и нѣнѣцы, неутомимо, день и ночь съ большой опасностью старались о томъ, но не могли поймать ни одного; тогда печаль ихъ еще больше усилилась. Когда же исчезла почти всякая надежда получить вѣрное извѣстіе, то Господь Богъ чудесно устроилъ такъ, что 14-го февраля знатный татарскій дворянинъ, по имени Бунатъ-Мурза, самъ восемь со своими слугами уѣхалъ отъ русскихъ и въ три часа утра прибылъ въ Ревель къ большимъ морскимъ воротамъ и попросилъ, чтобы его впустили въ городъ; его немедленно приняли съ его слугами. А такъ какъ они принесли всѣ извѣстія, о которыхъ такъ долго беспокоились, то въ городѣ была большая радость и ликование. Тогда ревельцы снова ободрились и на вѣрное могли заключить, что всѣ русскіе и татары въ лагерьъ отчаялись во взятіи города и отказались отъ него. Потому что еслибы эти татары слышали, что въ лагерьъ еще есть надежда взять городъ Ревель, то на вѣрное не уѣхали бы отъ русскихъ, не бѣжали бы къ ревельцамъ и добровольно не стали бы ихъ плѣнниками.

Извѣстія, доставляемые этими перебѣжавшими татарами, послѣ многократныхъ допросовъ, состояли въ слѣдующемъ. Во 1) что лейтенантъ главнаго полководца и знатнѣйшій воинъ Иванъ Васильевичъ Селимстигъ (Шереметевъ) Кильцовъ убитъ ядромъ изъ города; послѣ раны онъ жилъ еще три дня, а потомъ тѣло его съ торжественной процессіей было отправлено въ Москву; онъ общалъ великому князю или взять городъ Ревель или не явиться живымъ передъ его лицемъ^{*)}. 2) Что ревельцы уже застрѣлили болѣе 1000 русскихъ, убивая иногда однимъ выстрѣломъ отъ 30 до 40 человекъ. 3) Что много русскихъ уже тайно убѣжало изъ лагеря. 4) Что русскіе очень опасаются, чтобы ревельцы когданибудь не взяли ихъ орудій изъ окоповъ. 5) Что 1200 татаръ въ Финляндіи причинили убытки и

^{*)} Тѣло Ив. В. Шереметева - Меньшова было отправлено въ Москву извѣстн. съ добачекъ и плѣнными эсепотами и финляндскими.

при этомъ ихъ самихъ утонуло около 500 человекъ. 6) Что прибытіе великаго князя только бѣснѣе, чтобы только напугать какъ русскихъ, такъ и ревелѣевъ. 7) Что русскіе въ шайкахъ начали подкапываться, но неизвѣстно какъ далеко они подкапывались. Такъ какъ эти татары прибыли къ Ревелю друзьями, то ихъ неслѣдъ пускали ходить со стражей, губернаторы заняли ихъ также въ королевскую крѣпость ревелскаго замка, гдѣ татары открыли такіе замыслы непріятеля насчетъ отступленія, которыми нельзя было пренебрегать.

16-го февраля ревелѣцы сдѣлали вылазку къ мосту св. Іоанна съ немногими людьми и сильно схватились со многими русскими. При этомъ было убито нѣсколько русскихъ, изъ нихъ троихъ притащили мертвыми въ городъ и сняли съ нихъ богатые куньи шубы. Одинъ знатный бояринъ былъ также взятъ въ плѣнъ и живымъ привезенъ въ городъ. Показанія этого боярина согласовались со словами татаръ, потому татарамъ стали вѣрить еще больше.

17-го февраля, въ воскресенье Эстоми, рано утромъ русскій началъ стрѣлять страшнымъ образомъ и изъ большаго числа орудій, чѣмъ до сихъ поръ, все только для того, чтобы внушить страхъ и чтобы показать, что только теперь онъ намѣренъ повести дѣло не на шутку. Волѣдъ затѣмъ 18-го февраля къ ревелѣцамъ были посланы двое знатныхъ бояръ вмѣстѣ съ нѣмецкимъ толмачемъ Виллемъ Пеннелеромъ, съ письмами отъ великаго князя: эти письма губернаторы и бургомистры, господинъ Фредерикъ Заппштеде и господинъ Дикерикъ Корфмахеръ, приняли у глиняныхъ воротъ. Кромѣ того бояре и толмачъ просили провожатыхъ для посланца великаго князя, прибывшихъ изъ Москвы и имѣвшихъ устные порученія къ городу Ревелю. Упомянутый нѣмецкій толмачъ былъ разряженъ въ пышное платье, какъ бы для признанія остальнымъ нѣмцамъ. Но посланцы отказали въ провожатыхъ, а на письма отвѣтили такимъ образомъ, что русскіе остались очень недовольны и за это довольно жестоко отплатили ужасной стрѣльбой каменными и огненными ядрами.

Когда же непріятель увидѣлъ, что ничего не можетъ похвѣлять съ городомъ стрѣльбой, ядрами и огненными шарами, то вздумалъ испытать свое мужество у городской башни, называемой Кукъ-инъ-и-Кекенъ (Kuk in de Köken — загляни-ка въ кухню): подобной башни не было по всему Остзейскому краю, поэтому и непріятель претерпѣвалъ здѣсь часто величайшій позоръ и убытокъ. А такъ какъ передъ упомянутой башней стоялъ высовій ровельдъ, то ему нужно было прицѣлываться въ башню на высокое разстояніе отъ земли. И хотя онъ долгое время, день и ночь, стрѣлялъ въ нее изъ осалыхъ пушекъ, однако всей этой стрѣльбой онъ ничего не достигъ, исключая того, что сдѣлалъ на одной сторонѣ проломъ, черезъ который можно пройти рядомъ двое быковъ, и убилъ управляющаго башней, Ганса Шудте, сапожника. Это былъ самый большой убытокъ, который

онъ на этотъ разъ причинилъ городу Ревелю своими 2000 бочками пороху 1-го марта, рано утромъ, каменное ядро убило одного крестьянина и одну крестьянку съ двумя дѣтьми, всѣхъ однимъ разомъ въ банѣ на монастырскомъ дворѣ; это была самая большая потеря отъ ядра въ то время.

7-го марта 40 вѣхтовъ и нѣсколько гофлейтовъ были посланы сдѣлать вылазку, чтобы выманить большія толпы русскихъ въ окопы и въ поле для удобнѣйшей стрѣльбы по нимъ. А на всѣхъ башняхъ, казахъ и ровеляхъ стояли уже наготовѣ стрѣлки и стрѣляли изъ большихъ орудій, такъ что весело было смотрѣть какъ они падали и колебались.

8-го марта, ночью, русскіе сожгли корабли въ гавани; дико, что они такъ долго не трогали ихъ; безъ сомнѣнія они хотѣли, чтобы всѣ видѣли расположеніе русскихъ къ городу. Но все это были одни козни и коварства.

9-го марта ревельцы, и изъ замка и изъ города, всего съ 400 плѣнными людьми и 100 всадниками, сдѣлали вылазку, чтобы взять приступомъ нижніе шанцы, они скоро взяли эти шанцы; убили въ нихъ много русскихъ, а шестерыхъ привезли плѣнными въ городъ. Но и ревельцы по неосторожности потерпѣли значительный уронъ. Потому что причина этой вылазки была только та, чтобы взять нѣсколькихъ русскихъ и получить отъ нихъ извѣстія. Поэтому раньше было рѣшено, что если будетъ взято одинъ или нѣсколько плѣнныхъ, то ихъ сейчасъ вести въ городъ, а когда плѣнные будутъ уже въ городѣ, то трубачъ немедленно долженъ затрубить изъ города; тогда всякій слова долженъ возвращаться въ крѣпость.

Когда же они напали на шанцы, то каждый всѣми силами старался взять плѣннаго. Потому что тому, кто возьметъ плѣннаго, была назначена награда въ 50 марокъ. Тогда при самомъ же началѣ было взято шесть человекъ плѣнныхъ и каждый поспѣшилъ со своимъ плѣнникомъ въ городъ; когда же они вошли въ городъ, то трубачъ сейчасъ же началъ трубить, почему они почти всѣ и возвратились въ крѣпость. Но Клаусъ Гольсте, городской гаунтманъ, съ Аннибаломъ и нѣкоторыми другими увидѣли, что убито много русскихъ, а остальные обратились въ бѣгство и что теперь шанцы принадлежатъ имъ, они потому не обратили вниманія на сигналъ трубача, но хотѣли преслѣдовать непріятеля дальше и уничтожить шанцы, вполне увѣренные, что и другіе сдѣлаютъ точно тоже. Но когда упомянутый гаунтманъ съ немногими оставшимися съ нимъ обернулся, то всѣ остальные уже уѣхали въ городъ. А русскіе, бѣжавшіе въ глубокой рокъ, вырытый ими подъ землей къ городу, увидя, что ревельцы ушли, за исключеніемъ немногихъ, толпами повывѣзали изъ рва, котораго нѣсколько не остерегся гаунтманъ, осанили и убили упомянутого городского начальника съ немногими другими; въ этой стычкѣ

ревельцы потеряли ландкнехтовъ, добровольцевъ и людей Аннибала, всего около 30 человекъ. Пока происходила эта стычка, со всѣхъ ревельскихъ башенъ и валовъ стрѣляли изъ орудій по русскимъ, находившимся въ верхнихъ шанцахъ; русскіе не осмѣливались даже подумать хоть разъ пустить ядро или стрѣлять, потому ревельцамъ тѣмъ удобнѣе было распоряжаться по своему произволу въ нижнихъ шанцахъ.

И хотя всякій жалѣлъ о добрыхъ молодцахъ и ратникахъ, а въ особенности о честномъ мужѣ, гауптманѣ, однако добрая вѣсть, полученная отъ плѣнныхъ русскихъ, снова развеселила весь городъ. Ихъ единогласное показаніе было слѣдующее: 1) въ лагерѣ уже полученъ приказъ великаго князя отступить; 2) что 3000 бояръ (т. е. боярскихъ дѣтей, ратниковъ) уже ушло со своими людьми; 3) кромѣ того нѣсколько самыхъ большихъ орудій уже вывезено изъ шанцевъ; 4) что мастера, которые должны были устроить подкопы подъ городъ, ушли уже пять дней тому назадъ со всѣми своими инструментами; 5) что на слѣдующую ночь вывезутся изъ шанцевъ всѣ орудія, а въ среду русскіе снимутся съ лагеря и уйдутъ всѣ до послѣдняго; 6) что уже болѣе 3000 русскихъ застрѣлено изъ замка и изъ города и убито въ схваткахъ. Но сколько народу погибло въ послѣдней схваткѣ, этого они точно не могли знать. Впослѣдствіи въ Ревель достоверно узнали, что въ то время погибло 330 человекъ русскихъ.

Одинъ изъ этихъ русскихъ плѣнныхъ зналъ подробно объ артиллеріи и орудіяхъ московита, стоявшихъ у Ревеля.

Во первыхъ, у русскихъ было три орудія, изъ которыхъ стрѣляли ядрами въ 52 и 55 фунтовъ.

Затѣмъ было 6 орудій, изъ которыхъ пускали 30 фунтовые, 25 и 20 фунтовые ядра.

Кромѣ того тамъ было 4 тарана, которыми бросали каменные массы въ 225 фунтовъ. Эти тараны мало употреблялись, потому что изъ за высокихъ валовъ и ронделей нельзя было прицѣливаться изъ нихъ по городу.

Еще было 15 орудій, изъ которыхъ стрѣляли ядрами въ 6, 7 и 12 фунтовъ. Для каждаго орудія было приготовлено по 700 ядеръ; но употреблены ли они всѣ, этого онъ не зналъ.

Было тамъ еще пять орудій, стрѣлявшие еще меньшими ядрами.

Кромѣ того тамъ еще были: во первыхъ, двѣ большія мортиры, изъ которыхъ, подобно таранамъ, стрѣляли каменными массами, вѣсомъ въ 225 фунтовъ; для этихъ двухъ мортиръ и 1 тарана было приготовлено 2000 каменныхъ ядеръ; изъ двухъ мортиръ одна при выстрѣлѣ разорвалась на куски передъ замкомъ, точно также разрывались и многія другія орудія.

Кромѣ того было еще пять мортиръ, изъ которыхъ стрѣляли меньшими камепными ядрами; для нихъ было приготовлено 1500 ядеръ, кромѣ сдѣланныхъ въ лагерѣ.

Наколець, было такъ же также 6 мортиръ, изъ которыхъ стрѣляли раскаленными ядрами, такихъ ядеръ было 2,500. Всѣ ли они уже употреблены къ дѣлу, этого онъ не зналъ.

11-го марта, ночью, лагерь на горѣ св. Тиннесса и подъ горой сился въ обонхъ шанцахъ и съ орудіями двинулся къ лагерю у верхней дельвицы. Тогда была великая радость въ городѣ и всѣ къ то утро бѣжали въ шанцы и увидѣли тамъ такіа страсти, что волосъ становился дыбомъ. Потому что тамъ нашли половинки тѣлъ, руки и ноги, вѣсти рукъ и ступни тѣхъ, которые были убиты изъ зѣрка при отступленіи. Тамъ нашли также 10 мертвыхъ тѣлъ ревельскихъ кнехтовъ и крестьянъ, замученныхъ до смерти и раздѣтыхъ до нага. Въ верхнихъ шанцахъ насчитали 23 блокауза и 500 турокъ, а въ нижнихъ 12 блокаузовъ и 126 турокъ, наполненныхъ землею. При этомъ увидѣли также два ужасно глубокихъ рва, одинъ на горѣ за переіпми блокаузами, вырытый по направлению къ высокому городскому ронделю: эти рвы были до 40 сажень длины. Въ тотъ же день, несмотря на строгое запрещеніе печальства, много молодыхъ кнехтовъ, бюргерскихъ дѣтей и крестьянъ слишкомъ далеко отважились идти за русскими, почему около 20 изъ нихъ было убито, ранено и взято въ плѣнъ.

13-го марта, въ среду, непріятель вездѣ зажегъ свои лагери, и всѣ ушли, пробывши цѣлыхъ 7 недѣль у Ревеля, и 6 недѣль днню и ночью, безустанно бросая въ городъ каменные и раскаленные ядра въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ. Какъ первый русскій показался здѣсь въ среду до обѣда, точно также въ среду же до обѣда ушелъ послѣдній русскій. И какъ русскій началъ палбѣ у Ревеля въ воскресенье, точно также и въ воскресенье прекратилъ ее; и ему, благодареніе Господу, не посчастливилось у Ревеля, хотя онъ пустилъ въ ходъ всю свою силу, искусство, коварства, замыслы и лукавыя козни, которыми онъ взялъ Смоленскъ, Казань, Полоцкъ и другія мѣста.

Что касается до потерь, причиненныхъ московитомъ Ревелю, то слава Богу, они не особенно велики. Потому что своими большими орудіями онъ не нанесъ вреда ревельскимъ стенамъ, стѣнамъ и башнямъ, за исключеніемъ единственнаго пролома, сдѣланнаго въ Кинтъ-инъ-де-Кекенѣ, и убилъ на валахъ и въ башняхъ около 40 человекъ кнехтовъ, помастерьевъ, стрѣлковъ и батраковъ, между которыми было только двое бюргеровъ, одинъ портной и одинъ сапожникъ.

Каменными ядрами онъ убилъ 20 человекъ бѣдныхъ крестьянъ, женщинъ и дѣтей въ баняхъ и крестьянскихъ хатахъ, построенныхъ

крестьянами въ городѣ, но не убилъ ни одного бюргера или бюргерскаго ребенка, женщины или дѣвушки или какойнибудь знатной особы, хотя они смѣло ходили по улицамъ и въ церкви.

И его многочисленныя раскаленные ядра также не принесли вреда, кромѣ того, что ими на половину сожжена крыша новаго оспеннаго дома, и еслибы подъ крышею тамъ не было сѣна, то московиту во всю осаду не удалось бы причинить ни одного пожара своими огненными ядрами.

Что же касается до потерь, понесенныхъ во всѣхъ схваткахъ, то ревелыцы потеряли не болѣе 50 человекъ, а Иванъ Васильевичъ Ссаиметинъ (Шереметевъ) достаточно поплатился за нихъ нѣсколькими тысячами русскихъ и татаръ. И хотя онъ повредилъ нѣсколько церковныхъ и домовыхъ крышъ своими камневыми и раскаленными ядрами, однако городъ Ревель получилъ за то такъ много желѣза въ большихъ и малыхъ ядрахъ, что въ избыткѣ былъ вознагражденъ за свои потери.

126. Морзъ въ Ревель, 1577 г.

И поелику несчастье никогда не приходитъ одно, то и на этотъ разъ оно сопровождалось и другимъ, потому что къ осадѣ присоединилось другое несчастье, именно тяжкая болѣзнь и грубая чума, отъ которой умерло въ Ревелѣ очень много сильныхъ, молодыхъ и старыхъ людей, бюргеровъ, гезелей, женщинъ и дѣвушекъ и всякаго народу. Эта чума началась постомъ, тотчасъ послѣ отступленія московита, и продолжалась все лѣто до Петра и Павла.

127. Набѣги на русскихъ, 1577 г.

Послѣ отступленія московита, въ апрѣлѣ, всѣмъ воинамъ, гофлейтамъ, бюргерамъ, крестьянамъ и всѣмъ батракамъ въ Ревелѣ было разрѣшено идти опустошать русскія земли въ Ливоніи. Тогда въ походъ отправились вмѣстѣ съ другими даже нищие съ улоцъ, хромыя и калѣки, которые не могли ходить, и даже безногіе, которыхъ сажали и снимали съ лошадей; они безъ усталости опустошали земли Вязь, Іеревъ, Вирлапъ, весь дерптскій округъ и вообще всѣ аэстонскія земли *), они уводили страшно много скота, нѣсколько тысячъ головъ, привозили въ Ревель очень много всякаго движимаго имущества и продавали его за ничтожную сумму денегъ: все лѣто въ Ревель пригоняли столько скота, что никто больше не могъ, да и не хотѣлъ покупать его.

*) Т. е. грабили свои же земли и разорали своихъ же земляковъ.

Прим. перев.

Въ то же время они также часто уводили у русскихъ ихъ коней съ пастбищъ, а также часто брали ихъ скотъ со дворовъ и домовъ русскихъ въ Эстоніи, и убивали и брали въ плѣнъ много русскихъ, которыхъ находили во дворахъ и деревняхъ, и которые выходили изъ замковъ биться съ ними и отнимать у нихъ добычу. Тогда же отрядъ нѣмцевъ и нѣмцевъ пошелъ за 20 миль къ Парнову; они ограбили въ старомъ Парновѣ русскихъ и нѣмцевъ, пришедшихъ москвиту, и плѣнными привезли ихъ въ Ревель. Затѣмъ нѣмецкіе гофмейстеры, ландскнехты и крестьяне двинулись къ Виттенштейну, осадили мѣстечко у замка, окруженное заборомъ изъ толстыхъ вѣрбейныхъ бревенъ, укрѣпленное блоктаузами и орудіями, взяли мѣстечко и зажгли, сожгли и убили въ немъ много русскихъ, старыхъ и молодыхъ, и увезли отсюда большую добычу.

Затѣмъ нѣсколько отрядовъ крестьянъ снова пошло къ Везенбергу, Лансу, Гансалу, Лоду и Леалу, чтобы отбивать скотъ и лошадей около упомянутыхъ замковъ. При этомъ они сожгли почти всѣ передовыя укрѣпленія передъ упомянутыми замками и увели болѣе 600 головъ быковъ, коровъ и лошадей изъ рва леальскаго замка, не обращая вниманія на то, что русскіе съ вала стрѣляли въ нихъ и бросали камнями. Тогда многіе изъ нихъ собирались по пяти, по десяти, большими или меньшими партіями, брали съ собою съѣстныхъ припасовъ на нѣсколько дней и недѣль, и прятались по далекимъ узкимъ тропинкамъ, подъ мостами, въ чащахъ и кустахъ, гдѣ должны были пробывать русскіе, и такимъ образомъ день и ночь стерегли ихъ и нападали внезапно на многіхъ знатныхъ бояръ и простыхъ русскихъ, убивали и брали ихъ въ плѣнъ, и такъ напугали русскихъ по всей Эстоніи, что тѣ не осмѣливались нигуда выѣзжать изъ своихъ замковъ и точно осажденные или плѣнные должны были оставаться въ своихъ замкахъ. Если же русскіе по необходимымъ дѣламъ должны были ѣхать куда нибудь, то не осмѣливались ѣхать по обыкновеннымъ или большимъ дорогамъ, но окольными путями дѣлали большіе объѣзды, и несмотря на то, проѣзжая по какому нибудь мосту или чащѣ, опасались, не стоятъ ли гдѣ нибудь въ засадѣ люди Аннибала со своими длинными ружьями и не стерегутъ ли ихъ. Такъ крестьяне безпрестанно тревожили русскихъ, заставляя не умолкать ихъ штурмовые колокола (набатъ), точно такъ какъ передъ тѣмъ русскіе поступали подъ Ревелемъ.

Крестьяне съ ихъ сыновьями и батраками, которые лишились своего скота и хлѣба, не придумали ничего лучшаго, какъ стать на сторону грабителей и вмѣстѣ съ ними грабить остальныхъ крестьянъ, у которыхъ еще было кое-что. Тогда по всей Эстоніи былъ такой грабежъ, горе, бѣдность, плачь и рыданіе, что невозможно описать. А крестьянамъ было удобнѣе грабить, чѣмъ нѣмецкимъ гофмейстерамъ и ландскнехтамъ, потому что они родились и выросли въ этихъ мѣстахъ.

знали всё угости земли и крестьянъ, всё тайными тропинками черезъ дуга, пустыри, чащи и болота. Многие изъ нихъ жили между русскими и служили имъ и знали, гдѣ обыкновенно русскіе держали свой скотъ и лошадей, такъ что часто, въ сообщничествѣ своихъ друзей и родныхъ, они брали наибольшую добычу, и платныхъ русскихъ. По этому поводу изъ за добычи между вѣмецкими гофлейтами и нѣмѣцкими крестьянами возникла ненависть и вражда, и можно было опасаться, что нѣмцы обойдутся съ этими крестьянами точно также, какъ съ шотландцами у Везенберга.

128. Герцогъ Магнусъ и Христианъ Шренферъ, 1577 г.

Тѣмъ же лѣтомъ 1577 г. герцогъ Магнусъ голштинскій поѣхалъ къ великому князю. Многие тогда снова надѣялись, что эта поѣздка принесетъ пользу Ливоніи. Но скоро они потеряли эту вѣру, когда собственный священникъ герцога, сто духовникъ, главный совѣтникъ и суперинтендентъ, Христианъ Шренферъ, приведшій своего господина къ московиту, теперь самъ отказался отъ него. Каждый былъ того мнѣнія, что еслибы Шренферъ могъ надѣяться получить что либо отъ московита землями, людьми или другими богатствами, то онъ остался бы при герцогѣ. Поэтому всѣ усомнились въ вѣрности, хотя впоследствии и говорили, что онъ послалъ Шренфера съ тайнымъ порученіемъ къ герцогу курляндскому.

Прим. перев. Герцогъ Магнусъ, хоти и былъ объявленъ ливонскимъ королемъ, но получилъ въ 1573 г. отъ Іоанна въ удѣлъ на свое кормленіе очень немного: замокъ Нарвусъ и до 1000 душъ крестьянъ (см. выше, стр. 222). Герцогу Магнусу этого, конечно, было очень мало, и онъ рѣшился обратиться къ королю польскому. Тайное порученіе, данное Шренферу къ герцогу курляндскому именно и состояло въ томъ, чтобы завязать сношенія съ королемъ Стефаномъ.

Съ выборомъ въ польскіе короли Стефана Баторія, съ его прибытіемъ и коронованіемъ 1-го мая 1476 г., Іоаннъ рѣшился такъ или иначе покончить съ Ливоніею. Войско, столь неудачно осаждавшее Ревель зимою 1577 г. было только частью главныхъ силъ, собиравшихся со всѣхъ новгородскихъ и московскихъ земель и городовъ къ Вознесеніеву дню во Псковъ.

Въ первыхъ числахъ іюня 1577 г. царь пріѣхалъ въ Новгородъ и отсюда 15-го іюля выѣхалъ во Псковъ, гдѣ пробылъ болѣе мѣсяца, устраивая войско къ походу. Татары меншерскіе, казанскіе и ногайскіе должны были также присоединиться къ войску. Герцогъ Магнусъ поѣхалъ въ Псковъ для свиданія съ царемъ въ іюль, и получалъ отъ него приказъ со своими гофлейтами идти на Венденъ.

129. Большой походъ Іоанна на Ливонію, 1577 г.

Тѣмъ же лѣтомъ, скоро послѣ отступленія отъ Ревеля, московить снова собралъ въ Псковъ и отправилъ въ походъ свое сильнѣйшее войско. При этомъ получилось вѣрное извѣстіе, что великій князь самъ лично со своимъ старшимъ сыномъ прибылъ въ Псковъ.

и вмѣстѣ съ другими шелъ въ походъ. Тогда со всѣхъ сторонъ предупреждали ревелъцевъ, чтобы они остерегались; говорили, что великій князь, сильно разгнѣванный, снова хочетъ осадить ихъ и самъ лично хочетъ попытать счастья у города Ревеля. Эти сборы москвитя и предостереженія добрыхъ друзей снова причинили ревелъцамъ много горя и печали. И хотя они были неустрашимы, но все таки призатумывались, ибо каково выдержать двѣ продолжительныя и трудныя осады въ одномъ году. Всѣ были убѣждены, что большой походъ будетъ направленъ прямо къ Ревелю; поэтому рижане изъ состраданія послали къ ревелъцамъ ржи, пороку и другихъ припасовъ и были вполне увѣрены, что только на долю ревелъцевъ выпадетъ несчастіе. Но не успѣли эти добрые люди опомниться, какъ вся бѣда обрушилась на нихъ съ этими же московскими войскомъ, и чего они опасались для города Ревеля, то совершенно неожиданно скоро постигло ихъ самихъ.

Прим. перев. Войско было дѣйствительно многочисленное. Въ большомъ полку находились: князь Симеонъ Бекбұлатовичъ (Самъ-Булатъ), наместникъ московскій князь. Ив. Петр. Шуйскій, бояринъ князь Сицкой. Есть свѣдѣніе, что въ этомъ полку числилось болѣе 30.000 войска при 75 орудіяхъ. Сколько считалось войскъ въ правой и лѣвой рукѣ, сколько въ передовомъ и сторожевомъ полкахъ неизвѣстно, но съ корпусомъ, осаждавшимъ Ревель, и съ татарами общая численность войска могла доходить тысячъ до 100.

Иоаннъ вступилъ въ польскую Ливонію 25-го іюля 1577 г.

Въ 1577 году, въ іюлѣ, великій князь московскій Иванъ Васильевичъ, вмѣстѣ со своимъ старшимъ сыномъ, съ большимъ войскомъ и многими орудіями вторгся въ польскую Ливонію (бывшее рижское архіепископство), гдѣ не встрѣтилъ никакого сопротивленія. Почти всѣ замки не были готовы къ оборонѣ и не имѣли припасовъ, губернаторъ (администраторъ Ходывичъ) противъ всѣхъ ожиданій не захотѣлъ остаться въ странѣ, начальники значительнѣйшихъ крѣпостей поуходили, такъ какъ нельзя было нигде ждать помощи, а также и народъ во всей землѣ былъ трусливъ и малодушенъ. Тогда великій князь, увидѣвши всю выгоду своего положенія, двинулся сначала къ замку Маріенгузену и тотчасъ же взялъ его, а затѣмъ пошелъ на Люценъ и Розитенъ (Рѣжницу); немного пострѣлялъ у замка Люцена и взялъ его 26-го іюля, а Розитенъ былъ сданъ ему 30-го. Хотя великій князь обѣщалъ всѣмъ дворянамъ и всѣмъ другимъ, бывшимъ тамъ во время осады, свободный пропускъ вмѣстѣ съ ихъ имуществомъ, однако не сдержалъ слова, а увелъ ихъ всѣхъ въ плѣнъ въ Псковъ вмѣстѣ съ ихъ женами, дѣвушками и дѣтьми.

Затѣмъ онъ двинулся дальше къ Дуненбургу (Динабургу), немного пострѣлялъ, и такъ какъ замокъ этотъ былъ плохо снабженъ людьми и не имѣлъ чѣмъ обороняться, то и сдался 11-го августа. Нѣмцы и поляки, бывшіе въ немъ, получили свободный пропускъ.

Прим. перев. Какъ бы для показанія, что Іоаннъ, вступая въ польскую Ливонію, не ведетъ войны съ поляками и Литвою, а лишь добивается получить свою потчину.

Не извинивъ виновныхъ, что Стефанъ Баторій никакъ не смелъ порывать съ Москвою на первыхъ порахъ, и еще въ іюль 1576 г. мѣсяца чрезъ два послѣ коронаціи, послалъ въ Москву Грудневскаго и Буховецкаго съ предложеніемъ не нарушать перемирія и прислать опасную грамоту на великихъ пословъ: о томъ же писали и паны радные къ боярамъ. Бояре упрекали пановъ въ томъ, что Баторій не называетъ Іоанна царемъ и великимъ княземъ смоленскимъ и полоцкимъ и землю лифляндскую написать въ своемъ титулѣ, но все таки опасную грамоту дали.

Баторій, узнавъ о походѣ Іоанна въ Ливонію, писалъ царю съ упрекомъ, что, пославши опасную грамоту и не объявивши войны, забираетъ у него города. Іоаннъ отвѣчалъ: «Мы съ Божіею волею отчину свою лифляндскую землю очистили, и ты бы свою досаду отложилъ. Тебѣ было въ лифляндскую землю вступаться не пригоже, потому что тебѣ вѣсти съ есмь императорскаго княжества на царю польскую и на великое княжество литовское, а не на лифляндскую землю: о лифляндской землѣ съ Польшею и Литвою что вѣмъ, то дѣлалось до тебя; и тебѣ было тѣхъ дѣлъ, которые дѣлались до тебя, передъ собою брать не пригоже. Отъ нашего похода въ лифляндскую землю наша опасная грамота не нарушилась; непріязни мы тебѣ никакой не оказали, писали мы своего, а не твоего, литовскаго великаго княжества и литовскихъ людей ничѣмъ не заѣмали. Такъ ты бы кручину и досаду отложить, и пословъ своихъ отправлять къ намъ не мѣшая (см. Соловьева VI, стр. 355).

Баторій отложилъ до времени кручину и послалъ въ Москву воеводу мазовецкаго Станислава Крыйскаго и воеводу мѣскаго Николая Саньку. Послы пріѣхали къ Іоанну въ январѣ 1578 г., когда царь, кончивъ ливонскій походъ, возвратился въ Москву.

Затѣмъ герцогъ Магнусъ написалъ въ замки Брицбургъ, Коенгузенъ, Ашерадъ, Ленневартъ, Дембургъ, Швансбургъ и во многіе другіе, что если они не желаютъ потерять вмѣстѣ съ отечествомъ женъ и дѣтей, если не желаютъ быть отведенными въ вѣчное рабство, то пусть сдаются ему, герцогу. Такъ какъ великій князь самъ лично шелъ съ огромнымъ войскомъ, и замкамъ этимъ оставалось единственное средство, которымъ они могли надѣяться спастись, только герцогъ Магнусъ, то они и сдались ему.

Въ то же время венденскіе бюргеры встали противъ поляковъ, взяли силой тамошній замокъ у польскихъ намѣстниковъ и вмѣстѣ съ городомъ передали его герцогу Магнусу.

Точно также и вольмарскіе бюргеры вмѣстѣ съ людьми герцога Магнуса взяли силой Вольмаръ, а намѣстника Нолубенскаго захватили въ плѣнъ и передали герцогу Магнусу.

Къ присвоенію себѣ упомянутыхъ замковъ и крѣпостей, вмѣстѣ съ Коенгузеномъ, у герцога Магнуса не было никакого позволенія или полномочія отъ московита. Но онъ сдѣлалъ это по той тайной причинѣ, что надѣялся спасти ихъ отъ московита, а потомъ сдать

ихъ королю польскому, о чѣмъ раньше тайно извѣстилъ король польскаго и герцога вурляндскаго. Но эта тайна была открыта московиту вольмарскимъ намѣстникомъ Подубенскимъ. Хотя москвитѣ теперь хорошо все знали, но не очень досадовали, что герцогъ Магнусъ присвоилъ себѣ эти замки и земли, избавивъ его такимъ образомъ отъ труда. Лукавый непріятель думалъ, что замки эти не минуютъ его рукъ, лишь бы не перешли снова въ руки короля польскаго.

Въ то время какъ герцогъ Магнусъ велъ дѣло съ упомянутыми замками, великій князь пошелъ къ Крицборгу, сжегъ его, а пустой замокъ снова укрѣпилъ и занялъ; оттуда пошелъ къ Лаудону, который немедленно былъ сданъ 18-го августа. Затѣмъ онъ двинулся къ Зесвегену, у котораго немного стрѣлялъ, и который былъ сданъ 21-го августа. Лаудонцамъ былъ данъ свободный пропускъ; но въ Зесвегенѣ онъ жестоко обошелся съ бѣдными людьми: нѣкоторыхъ велѣлъ повѣсить, другихъ разрубить на куски, сажать на колъ, сжечь и умертвить еще другими жестокими способами, а большую часть увелъ въ плѣнъ съ женами и дѣтьми.

Прим. перев. Причина жестокаго обхожденія съ Зесвегеномъ объясняется сопротивленіемъ, оказаннымъ дѣломъ царскому войску. Въ разрядныхъ книгахъ подъ 1577 годомъ сказано, что пазъ Динабургъ (Навгина) государь по Двинѣ пошелъ къ Ружбору (нынѣ Крейцбургъ) а «нѣмцы побѣждали». А отсюда къ Лавдуну, и нѣмцы встрѣтили государя за 5 верстъ и государь велѣлъ Лавдунъ (Лаудонъ) разорити и подъ полаты бочки (пороху) подкатити, а нѣмцевъ отступилъ въ Курляндскую землю. А отсюда къ городу Честину (Зесвегену), и Оома Вутуринъ городъ осажалъ и острою, взялъ и посадъ выжечь нѣмцамъ не далъ, а вылазки были частые, и Оома велѣлъ по улицамъ стрѣляема и головахъ съ дѣтьми боярскими, и на вылазкахъ нѣмцевъ и латышей побилъ многихъ, и государь прислалъ на прибавку воеводу М. Головина и съ грамотою дѣла. И нѣмцы грамоты не послушали, а сидѣли въ городѣ нѣмчинъ князь Ивановъ братъ Тубовъ (Таубе), намѣстника государева, Забиряномъ зовутъ. И въ ночь на третій день присласть государь съ нарядомъ легкимъ В. Вѣльскаго, а ставъ государевъ былъ за 5 верстъ, а какъ Оома велѣлъ пазъ народу битъ, и нѣмцы почали съ города метаться, и Оома ихъ къ государю послать, а къ свѣту государь прислать съ большимъ нарядомъ околнутаго В. О. Воронцова (начальника артиллеріи большаго полка), и сажъ прислать. И нѣмцы ворота отворили, а сами съ женами и дѣтьми пошли подъ государеву саблю, на государеву волю, и за ихъ грубость государь велѣлъ ихъ по волю посадити, а инымъ животь дати: велѣлъ ихъ распродати татаромъ, а въ городѣ перенесати каменъ.

Изъ Зесвегена великій князь пошелъ дальше къ Барзому (нынѣ Берзонъ) и Кальценову (нынѣ Кальценау), когда же жители этихъ замковъ вмѣстѣ съ другими не ожидали ни откуда никакой помощи, то обратились къ герцогу Магнусу и напрасно надѣялись спастись такимъ образомъ. 22-го августа они сдались великому князю и ушли оттуда съ пустыми руками, спасли только одну жизнь.

Прим. перев. Въ тѣхъ же разрядныхъ книгахъ сказано: А оттолта (изъ Эсвегена) похоть къ Болзуну (Берзону) и городъ нѣмцы отдали. А оттолта послалъ воеводъ къ городу Сполбину (?) и нѣмцы городъ отдали, и государь отпустилъ ихъ въ свою землю (Курляндію?). А оттолта послалъ къ Изборгѣ (?) съ грамотою, и нѣмцы думали три дня, а послѣ дались на государеву волю, и государь велѣлъ ихъ за ихъ вину продати татаромъ.

Оттуда великій князь снова пошелъ назадъ къ рѣкѣ Двинѣ и приступилъ къ Кокенгузену; когда же онъ увидѣлъ, что герцогъ Магнусъ уже взялъ эту крѣпость и занялъ своими людьми, то несмотря на то, что начальники герцога Магнуса добровольно отворили ему ворота, онъ такъ разгнѣвался, что безчеловѣчно велѣлъ умертвить людей герцога Магнуса, числомъ болѣе пятидесяти человѣкъ, а тамошнихъ бюргеровъ вмѣстѣ съ женами и дѣвушками, а также пасторовъ и церковныхъ служителей и нѣсколькихъ рижскихъ кнехтовъ, бывшихъ при осадѣ, увелъ въ плѣнъ.

Прим. перев. Причина почему Іоаннъ внезапно пошелъ обратно къ Кокенгузену выяснена въ разрядныхъ книгахъ: «А оттолта (изъ Изборга) похоть государевъ къ Куконосу, и слышали нѣмцы и послали бити челомъ къ Ариммагусу, и король прислалъ нѣмецъ своихъ и назвалъ своихъ городомъ и къ государю о томъ писалъ».

Іоаннъ не могъ не знать замысловъ гонимыхъ о сношеніяхъ Магнуса съ панами въ 1575 г. (см. выше стр. 246). не могъ оставаться хладнокровнымъ и при извѣстіяхъ, сообщенныхъ ему Подубенскимъ, потому въ гнѣвѣ на Магнуса пошелъ на Кокенгузенъ. Въ разрядахъ далѣе сказано: «Государь послалъ воеводъ къ Куконосу и велѣлъ, въ городъ въѣхавъ, королевскихъ (т. е. магнусовыхъ) нѣмецъ переизхати и куконовскихъ... и сдѣлали... и животы ихъ запечатали. И пришелъ государь въ городъ, да нѣмецъ королевскихъ велѣлъ предъ собою оставить и побити всѣхъ, а нѣмецъ куконовскихъ распродати татаромъ».

Магнусъ въ это время находился въ Венденѣ. Іоаннъ написалъ ему: «Голдовнику нашему, Магнусу королю. И отпустилъ тебя изъ Пскова съ дозволеніемъ занять единственно Кесь (Венденъ), да тѣ городки, которые на той сторонѣ Ровы (Аа) рѣки, а ты хочешь всего... Если тебѣ нечѣй на Кеси жить, то ступай въ свою землю за море, а еще лучше сослать тебя въ Казань; если пойдешь за море, то мы свою вѣтчину, лифляндскую землю, и безъ тебя очистимъ» (см. Карамзина IX, прим. 464).

Изъ Кокенгузена государь послалъ воеводъ занять тѣ замки, которыми овладѣлъ Магнусъ, а самъ пребылъ здѣсь два дня. Сохранилось извѣстіе, что въ Кокенгузенѣ онъ однажды бесѣдовалъ съ кокенгузенскимъ пасторомъ о вѣрѣ (Іоаннъ былъ большой начетчикъ, хорошо зналъ русскія лѣтописи, весьма хорошо владѣлъ перомъ, любилъ богословскія пренія), но рассердившись на пастора за сравненіе Лютера съ апостолами Павломъ, ударилъ его по головѣ хлыстомъ, воскликнувъ: «Поди ты къ черту со своимъ Лютеромъ.»

Въ тотъ же день, 25-го августа, онъ послалъ (воеводъ) въ Ашерадъ и Ленневарденъ, занявъ такъ же и эти замки и жестоко обошедся тамъ съ добрыми людьми, женщинами и дѣвушками; велѣлъ выколоть глаза старому ландмаршалу, Каспару фонъ Минстеру, а затѣмъ велѣлъ засѣчь его до смерти, и увелъ въ плѣнъ Іоанна фонъ

Мюнстера вмѣстѣ со всѣми другими. Почти въ то же время войско великаго князя взяло замки Шваненбургъ, Тирзонъ и Пебалгъ и почти всѣхъ жителей увело въ плѣнъ. Изъ Кокенгузена великій князь пошелъ въ Эрле, 28-го августа, и несмотря на то, что добрые люди, перешедшіе къ Магнусу, отворили ворота ему, какъ верховному господину, онъ безжалостно велѣлъ изрубить саблями и казнить 12 дворянъ вмѣстѣ съ другими честными людьми, и не смотря на всѣ клятвы и обѣщанія, велѣлъ остальныхъ увести въ плѣнъ вмѣстѣ съ женами, дѣвушками и дѣтьми. Изъ Эрля великій князь пошелъ въ Венденъ и по дорогѣ занялъ замки Аріесъ, Юргенсбургъ и многіе другіе, а жителей увелъ въ плѣнъ.

Прим. перев. Въ разрядныхъ книгахъ сказано: Государь послалъ Богдана Яковлевича Бѣльскаго къ Ровному... и нѣмцы магнусовъ городъ отворили, и государь велѣлъ ихъ отпустить къ Магнусу. А какъ пошелъ государь къ Эрли изъ (Кокенгузена) и на первомъ стану пріѣхали къ нему нѣмцы Арцмагнуса, а сказываютъ, что король ихъ послалъ къ Леневарду, и нѣмцы леневардскіе сдѣлались государь, и велѣлъ государь леневардскихъ отпустить съ женами и съ дѣтьми въ свою землю, а королевскихъ къ Арцмагнусу. А къ Эрли послалъ, не доходя за день, съ грамотою, а нѣмцы грамоты не послушали, а государь послалъ другую и полки... и нѣмцы сдѣлались, и государь побити ихъ не велѣлъ, а велѣлъ ихъ распродати, и животы ихъ описать на себя.

Кельхъ пишетъ, что въ числѣ изрубленныхъ 12 дворянъ былъ Тизентаузенъ.

Іоаннъ изъ Кокенгузена шелъ къ Вендену, гдѣ въ то время находился Магнусъ.

130. Геройскій подвигъ и горе венденцевъ. 1577 г.

31-го августа великій князь подошелъ къ Вендену и немедленно потребовалъ къ себѣ герцога Магнуса. Но герцогъ послалъ къ нему нѣсколькихъ изъ своихъ знатнѣйшихъ гофъ-юнкеровъ, а именно Христоффера Курселя и Фромгольда фонъ Плеттенберга. Великій князь велѣлъ ихъ высѣчь, затѣмъ снова отправилъ въ Венденъ и потребовалъ самаго герцога Магнуса. Тогда герцогъ самъ 25 прібылъ изъ Вендена. Когда же онъ хотѣлъ ѣхать къ великому князю, то русскіе задержали его и потребовали, чтобы имъ отворили городъ. У воротъ стоялъ одинъ изъ членовъ магистрата; герцогъ приказалъ ему отворить ворота и такимъ образомъ этотъ ратманъ и одинъ изъ бургомистровъ отворили городъ безъ вѣдома бюргеровъ. Тогда русскіе ворвались и овладѣли городомъ. Когда герцогъ пришелъ къ великому князю, то поклонился ему въ ноги, прося за своихъ, находившихся въ городѣ и въ замкѣ Венденѣ. Тогда великій князь сошелъ съ коня, поднималъ герцога Магнуса и велѣлъ отвести его вмѣстѣ съ его придворными въ старую хату безъ крыши, гдѣ онъ долженъ былъ лежать на соломѣ пять сутокъ; а придворные каждый день и часъ ждали

своей смерти. Остальные же находившіеся въ венденскомъ замкѣ, услышавши о тиранствѣ великаго князя, произведенномъ имъ въ Кюгенгузенѣ и другихъ замкахъ, не захотѣли сдавать замка Вендена великому князю. Тогда, 4-го сентября, великій князь въ четырехъ мѣстахъ вострогалъ шанцы у замка Вендена и пять сутокъ обстрѣливалъ его. Когда замку угрожала неминуемая гибель, то мушкетеры, женщины и дѣвушки, большею частью изъ дворянъ, единодушно рѣшились взорвать себя на воздухъ порохомъ, на что согласились пасторы и проповѣдники. Тогда триста человекъ, молодыхъ и старыхъ, отирались въ одну комнату, подъ которую подкатили четыре бочки съ порохомъ. Когда всѣ собрались, то всѣ причастились. Затѣмъ Гинрихъ Боусманъ вынулъ горящій уголь, сталъ на колѣни; всѣ прочіе съ проповѣдниками окружили его, простились другъ съ другомъ, и такимъ образомъ взорвали себя на воздухъ. Нѣкто, по имени Винценцъ Штуббе, добровольно велѣлъ слугѣ застрѣлить себя; слуга послѣ этого самъ застрѣлился. Гинрихъ Боусманъ былъ еще немного живъ, русскіе нашли его лежащимъ въ развалинахъ, принесли къ великому князю, но онъ тотчасъ же умеръ; на другой день его тѣло посадили на колъ. Послѣ этого великій князь производилъ въ Венденѣ такое тиранство и поруганіе надъ женщинами и дѣвушками, о какомъ не было даже слышано у турокъ и другихъ тирановъ. Многихъ мушкетеровъ онъ велѣлъ съечь, затѣмъ побитыхъ и окровавленныхъ живьемъ жарить на огнѣ; одному бургомистру онъ велѣлъ живому вынуть сердце, одному священнику велѣлъ вырвать языкъ изъ гортани; прочихъ велѣлъ убивать съ неслыханными пытками и муками, а потомъ, точно такъ же какъ и въ Эрмѣ и Кюгенгузенѣ, велѣлъ бросить мертвыя тѣла въ кучу на съѣденіе птицамъ, собакамъ и дикимъ звѣрямъ, запретивъ подъ страхомъ смерти своимъ людямъ хоронить ихъ какъ теперь, такъ и впредь.

Прим. перев. О Венденѣ другіе лѣтописцы (Кельхъ) рассказываютъ нѣсколько иначе.

Прибывъ подъ Венденъ съ войскомъ, находившимся подъ начальствомъ князей Голицына и Салтыкова, Іоаннъ потребовалъ къ себѣ Магнуса. Жители Вендена упростили Магнуса ѣхать къ царю, не раздражая его дальнейшимъ бесполезнымъ сопротивленіемъ. Магнусъ поѣхалъ и на колѣняхъ просилъ у царя прощенія. «Если бы ты не былъ королевскимъ оминомъ, отвѣчалъ Іоаннъ, то я научилъ бы тебя какъ забирать мои города». Магнуса отдали подъ стражу, а въ это время нѣмцы, укрывшіеся въ замкѣ, начали стрѣлять: одно ядро чуть не задѣло самого царя, тогда Іоаннъ поклялся, что не останется въ живыхъ ни одного нѣмца въ Венденѣ, и сдержалъ клятву. Прочее рассказываетъ какъ и у Рюссова.

Само собою разумеется, что разгромъ Вендена и катастрофа въ венденскомъ замкѣ не могла преклонить нѣмцевъ на сторону Іоанна.

131. Дальнѣйшее хозяйствованіе Іоанна въ Ливоніи, 1577 г.

Въ то же время великій князь послалъ въ Вольмаръ князя; но имени Богдана (Яковлевича) Бѣльскаго съ тремя тысячами чело-вѣкъ, которые прибыли туда 3-го сентября и какъ ни въ чемъ не бывало потребовали къ себѣ за городъ людей герцога Магнуса. Эти добрые люди въ увѣренности, что ихъ господинъ и они сами люди одного государя, не подумали даже объ опасности и въ числѣ семидесяти всадниковъ выѣхали къ нимъ. Тогда москвиты немедленно окружили ихъ, принудили сойти съ коней, снять оружіе, а послѣ того изрубили ихъ саблями въ куски. Когда же вольмарцы довѣрчиво сдались, то ихъ вмѣстѣ съ женами и дѣвушками увели въ плѣнъ въ Венденъ, гдѣ ихъ встрѣтили советѣмъ не похристіански и безмилосердно угостили, какъ и другихъ. Совровищъ, взятыхъ москвитомъ въ Венденъ, Вольмаръ и другихъ замкахъ деньгами, драгоценностями и золотыми вещами, которыя дворяне и другіе добрые люди къ своему несчастію привезли на сохраненіе въ упомянутые замки, было больше, чѣмъ можетъ повѣрить кто-нибудь.

Послѣ такого тиранскаго избиенія, великій князь со своимъ войскомъ ушелъ 7-го сентября отъ Вендена, а отправился въ Ронненбургъ. Ронненбургцы, точно такъ же какъ и трибатенцы и шмильтенцы, почти всѣ литовцы, немедленно добровольно сдались, и великій князь невредимыми отпустилъ ихъ на родину.

Послѣ того, какъ москвиты такимъ образомъ действовали въ рижскомъ архіепископствѣ, Іоаннъ двинулся къ Дериту, у котораго до сихъ поръ не бывалъ никогда въ жизни, и отпустилъ здѣсь герцога Магнуса, котораго везъ съ собой, въ его замки Карксъ и Оверпаленъ, съ условіемъ, что онъ долженъ письменнo обязаться быть и впредь его ленникомъ и выплатить ему сорокъ тысячъ нунгерскихъ гульденовъ.

Отдохнувъ нѣсколько дней въ Деритѣ, великій князь ушелъ въ Псковъ и здѣсь въ Михайловъ день велѣлъ собрать на площадь всѣхъ плѣнныхъ, которыхъ было нѣсколько тысячъ, самъ осмотрѣлъ ихъ, и тѣхъ, которые еще не были проданы, велѣлъ продать, какъ неразумный скотъ, и увести въ Москву и Татарію, но отпустилъ розытцевъ, числомъ въ три съ половиной сотни, молодыхъ и старыхъ. Когда же другіе плѣнные и опечаленные люди услышали, что отпускаютъ только такое ничтожное число, а остальныхъ всѣхъ увезутъ, то между ними поднялись такіе жалобные стоны, вой и плачь, что могли бы умилосердить даже камень.

Прим. перев. Главу эту незнакомые дополняютъ слѣдующими подробностями.

На походѣ въ Венденъ, въ Эрла Іоаннъ узналъ, что герцога Магнуса князь Вольмаръ (Володимерецъ), отпустивъ литовскаго воеводу, князя

Полубенскаго, по забравъ его имущество. «И государь, сказано въ разрядныхъ книгахъ, учалъ о томъ на короля кручиниться, да послалъ Богдана Бѣльскаго, а Богданъ къ Володимерцу пришелъ и велѣлъ сказать Юрью Вилькову (Георгій Вальке былъ сановникъ Магнуса, начальствовавшій въ Вольмарѣ), чтобы его въ городъ пустили для своего дѣла беречь отъ литовскихъ людей, да спросити про князя Полубенскаго. Вальке сдѣлать Вольмаръ Бѣльскоу и былъ отправленъ къ Иоанну, въ Венденъ. За вѣзтіе Вольмара государь пожаловалъ Богдану золотой португальскій да цѣпь золоту, а Черемисинову золотой угорской, а дворянамъ по золотой новгородкѣ, а инымъ по московкѣ золотой, а инымъ по золоченой.»

Князь Александръ Полубенскій находился у Магнуса въ Венденѣ и былъ выданъ Иоанну.

Изъ Вендена, послѣ его разгрома, Иоаннъ отправился къ Рокенбургу (Ровному). «Сталъ государь, сказано въ разрядныхъ книгахъ, отъ Ровного за 5 верстъ, и послалъ воеводу города смотрѣти, а въ городѣ сидѣли литонскіе люди, и стрѣльба по нимъ, великая была и не убили никого... и литва, какъ Лука и нима, выпросили срокъ до завтра: мы держимъ городъ отъ полка Ходкѣвича, а здѣсь-де сидятъ многіе полатинки нѣмцы. А на утренней зарѣ въ городъ пустили. Оттѣвѣвъ государь послалъ съ грамотами въ Свиншинъ, да въ Трекатъ». Оба эти замка сдались, Шмилтень вѣрно было разорить.

Царь, желая показать, что не воюетъ съ Литвою, освободилъ всѣхъ литовскихъ людей.

До Риги оставалось пройти уже немного, какихъ нибудь десятка два, три верстъ, но царь не рѣшился осадить этотъ городъ, укрѣпленный гораздо лучше Ревеля, а повернулъ на Вольмаръ. Здѣсь онъ далъ великодушный миръ русскимъ воеводамъ и знатымъ литовцамъ. Одаривъ литовцевъ, въ особенности князя Полубенскаго, шубами и кубками, царь отпустилъ ихъ къ королю Стефану рассказать о происшедшемъ въ Ливоніи. «Идите къ королю Стефану, говоритъ царь, убѣдите его заключить со мною миръ, ибо рука моя высока».

Вольмаръ напомнилъ Иоанну, что сюда въ 1564 г. (см. выше стр. 150) бѣжалъ изъ Дерпта самый видный представитель боярства князь Курбскій. Царь написалъ здѣсь къ Курбскому обширное письмо и вручилъ оное князю Полубенскому для доставленія по назначенію.

Вотъ отрывки изъ этого замѣчательнаго письма, хранящагося въ современной копіи въ московскомъ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

«... Нынѣ отъ многа малая воспоминаю ти. Помни рѣченное въ Іовѣ: обыдохъ землю и прошедъ поднебесную, вся подъ ногами учиниша: тако и вы хотѣли съ попомъ Селиверстомъ и съ Алексѣемъ Адашевнымъ и со вѣщи своими семьями подъ ногами своими всю русскую землю видѣти... Коликія напасти язь отъ васъ пріялъ!... И за что?... Всѣхъ мнѣ бѣдъ отъ васъ не исписати... Все то учинилось отъ вашего своевольтва. А князя Володимера на царство чего для есте хотѣли посадити, а меня и съ дѣтьми извести? А съ женою вы меня почто разлучили?... И язь такіа досады стерпѣти не могъ: за себя есмь сталъ, и вы почали противъ меня больше стояти да измѣняти, и язь потому жесточайше началъ противъ васъ стояти... О семъ же пока умолачу: а нынѣ о настоящемъ воспеваю ти. Смотри, о княже! Божія судьбы, яко Богъ дастъ власть, ему же хоцеть. Сего ради трость наша наострися къ тебѣ писати, якоже рекосте: вѣсть людей на Русѣ: некому стояти, и нынѣ васъ нѣтъ, и нынѣ претвердые грады германскіе взимають свла животворящаго креста: не ожидающе браннаго бою, поклоняють главы своя... Ты писалъ въ досаду, что мы тебя въ дальноконечные грады, какъ бы

опалючися посылали: оно мы нынѣ, Божією волею, своею сѣдиною и далѣ твоихъ дальноконечныхъ городовъ проплыи, и коней нашихъ ногами переѣхали всѣ наши дороги изъ Литвы и въ Литву, я пѣния сходилимъ, я воду во всѣхъ твоихъ мѣстахъ пиимъ... и гдѣ еси хотѣлъ успокоенъ быти отъ всѣхъ трудовъ твоихъ, и гдѣ пача утѣшъ, я мы тутъ, и ты дальноконечнѣ побѣхалъ... Иисано въ нашей отчизнѣ, Лифляндскія земли въ градѣ Вольмарѣ, лѣта 7086».

Отрядивъ часть конницы къ Ревелю для опустошенія Эстоніи, раставивъ войско по занятымъ городамъ и замкамъ въ польской Ливоніи и ввѣривъ его начальство великому князю тверскому Симеону, князьямъ Ивану Шуйскому и Василю Сичеву, Іоаннъ изъ Вольмара отправился въ Дерптъ. За нимъ везли Магнуса и его дворянъ, ожесточенно ждавшихъ казни.

Въ Дерптѣ Іоаннъ простилъ Магнуса, опять предоставилъ ему право называться королемъ ливонскимъ, возвратилъ ему Оберпаленъ и Наркусъ, прибавивъ къ этимъ городамъ Гельметъ, Зигесвальде, Розенбергъ и др.; за что Магнусъ обязанъ былъ заплатить 40,000 венгерскихъ гульденовъ.

Есть извѣстіе, сообщенное какою то Папшю Магнусомъ мекленбургскому герцогу, будто Іоаннъ велѣлъ во всѣхъ протестантскихъ церквахъ написать слѣдующіе имъ самимъ сочиненные стихи:

Iwan Basiliuitz bin ich genant,
Und hab unter mir so manches Landt,
Wie denn mein Titel ausweisend ist
Und bin dartzu ein gutter Christ;
S. Pauli Lehr halt ich fein:
Habe die gelert von den Aeltern mein,
Wie dann mein Muscowiter alle,
Die mir dienen mit reichem Schalle.

т. е. Иванъ Васильевичъ меня зовутъ и я влажду многими землями, исчисленными въ моемъ титулѣ. Я хорошій христіанинъ и исповѣдую истинное ученіе св. Павла, какъ наученъ отъ родителей моихъ и какъ исповѣдуютъ всѣ мои московиты, служащіе мнѣ со славою.

Еще другіе стихи:

Ich bin der Reussen Herre gutt,
Geborn von meiner Eltern Blutt;
Kein Tittel ich durch Gab und Bitt
Von niemand erkauffet nit;
Keinem Herren ich gehorsam war,
Dann Christo Gottes Sohn ist war.

т. е. Я государь русскихъ, рожденный отъ крови моихъ родителей; не вымолилъ, не купилъ себѣ никакого титула; я не подчиненъ никакому государю, а мой царь есть Іисусъ Христосъ.

Изъ Дерпта Магнусъ отправился въ Наркусъ, гдѣ проживала его жена, а царь черезъ Псковъ уѣхалъ въ Александровскую слободу.

Ливонскій походъ 1577 г. кончился, но вмѣстѣ съ нимъ кончились и успѣхи русскихъ.

132. Предпріятія шведовъ и ревельцевъ. 1577 г.

Въ то время, когда московиты такимъ безчеловѣчнымъ образомъ хозяйничали въ рижскомъ архіепископствѣ, въ Нарву прибыли военные корабли короля шведскаго и 27 августа сожгли у московита до тла три крѣпкіе и чрезвычайно большіе блокгауза. Въ одномъ

блочноузѣ сгорѣло 75 русскихъ и пятеро были взяты въ плѣнъ. Изъ другихъ блочноузовъ они частью разбѣжались, частью уведены были въ походъ. Точно также и нѣсколько знаменъ (отрядовъ) шведскихъ рейтаровъ и кнехтовъ черезъ Выборгъ вторглись въ Россію въ Нетебургъ и Кексгольмъ (т. е. Нусбургъ, нынѣ Шлюссельбургъ), гдѣ по своему производству грабили и жгли, и нѣсколько времени оставались въ землѣ московита, причиняя ему большой вредъ и позоръ.

Въ то же время и ревельскіе военные люди, гофлейты, ландкнехты и крестьяне, грабили и опустошали эстонскія земли безъ малѣйшаго сопротивленія со стороны московита, который легко могъ бы побить ихъ ничтожнымъ отрядомъ, если бы у него были люди въ запасъ и онъ могъ бы отдѣлить ихъ отъ своего войска. Но изъ того, что онъ отдавалъ на ограбленіе свои земли бѣднымъ крестьянамъ и крѣпостнымъ и долженъ былъ терпѣть отъ нихъ такой позоръ, что было очень непріятно такому строптивому характеру, считавшему себя выше всѣхъ царей и королей того времени, можно заключить, что должно быть у него въ то время оставалось не слишкомъ много лишняго войска.

133. Русскій набѣгъ до Ревеля, 1577 г.

Въ то же время, когда войска великаго князя выступили изъ рижскаго архіепископства, везенбергскіе, нарьскіе и русскіе двинулись къ Ревелю; а такъ какъ днемъ они не осмѣливались проходить мимо города, то прошли мимо его, послѣ Михайлова дня, въ одну темную ночь и зажгли хату, крытую соломой у мельницы Св. Іоанна; въ темнотѣ показалось странное зарево, причинившее тревогу въ городѣ. Тогда у мельницы Св. Іоанна и въ песчаныхъ горахъ слышались ужасные вопли и крики русскихъ; съ такими крикомъ они поспѣшно прошли мимо. На слѣдующій день за ними погнались, но не могли догнать ихъ.

134. О кометѣ, 1577

Въ 1577 г., въ ноябрѣ и декабрѣ, видна была страшная комета, поэтому многіе ливонцы говорили, что небо, солнце, луна и звѣзды тревожились и двигались изъ за ужасающаго тиранства московита. Многіе же надѣялись и говорили, что, подобно предыдущей кометѣ, предсказавшей ливонцамъ большое несчастье и перемѣну, эта комета не означаетъ ничего добраго для московита.

135. Великое торжество Іоанна въ Ливонію, 1577 г. (по 1-му изданію).

Въ 1577 г., въ іюнь, изъ Покова выступило большое войско русскихъ, при коемъ былъ самъ великій князь со своимъ старшимъ сыномъ. Онъ везъ съ собою герцога Магнуса голыштейнскаго съ его

совѣтниками и челядью изъ ливонцевъ, въ видѣ приманки, дабы заманить къ собѣ другихъ нѣмцевъ, не теряя понапрасну много народу у замковъ въ Ливоніи, а также пороку и пулю. Прежде всего великій князь пошелъ со всѣмъ войскомъ на Лудзенъ (Люценъ) и занялъ этотъ замокъ. Затѣмъ подошелъ къ Розиттену (Рѣжицѣ) и также скоро завоевалъ и этотъ замокъ. Далѣе онъ осадилъ и взялъ Дюненбургъ. Между тѣмъ жители Вендена, Кокенгузена, Вольмара и многихъ другихъ замковъ сдались герцогу Магнусу. Но великій князь не обратилъ вниманія на герцога Магнуса, подошелъ къ Кокенгузену и пожелалъ войти въ него. Тогда кокенгузенцамъ пришлось еще хуже: они не знали, на что рѣшиться, не осмѣливался также отказать своему главному покровителю или противорѣчить ему. Они сначала вздумали переговорить съ нимъ черезъ заложниковъ, когда же стали выпускать и впускать заложниковъ, то русскіе захватили ворота, ворвались въ нихъ силой и такимъ образомъ овладѣли городкомъ и сильнымъ замкомъ Кокенгузеномъ. Великій князь самъ послѣдовалъ за ними, велѣлъ умертвить гофлейтовъ и челядь герцога Магнуса, болѣе 50 человекъ, всѣхъ бюргеровъ изъ городка велѣлъ взять въ плѣнъ, а женщинъ и дѣвушекъ отдалъ русскимъ и татарамъ. Всякій благоразумный человекъ можетъ себѣ представить, что за печаль, горе и несчастія были въ то время въ рижскомъ архіепископствѣ и вездѣ и особенно въ Кокенгузенѣ.

Послѣ того московить двинулся къ Ашерде, Маудуену, Барзому, Эрле и Зосвегену, взялъ ихъ, и всѣхъ кого засталъ, замучилъ до смерти и умертвилъ.

Затѣмъ онъ занялъ также и замки Шваненбургъ, Шмильтенъ, Маріенгузенъ, Ропе, Вольмеръ, Буртникъ, Трикатенъ и многіе другіе; всѣ эти замки московить взялъ въ два мѣсяца, именно въ іюлѣ и августѣ вышеозначеннаго года, воспользовавшись недостаткомъ начальниковъ, военныхъ снарядовъ и провіанта въ замкахъ, и дѣйствуя изыбною, хитростью, страхомъ и угрозами гораздо болѣе, чѣмъ своей большой силой. Для всей Ливоніи было бы лучше, еслибы всѣ упомянутыя замки, за исключеніемъ трехъ или четырехъ, разрушили бы и уничтожили до тла.

4-го сентября московить напалъ на Венденъ и осадилъ герцога Магнуса со многими другими дворянами, искавшими здѣсь своего спасенія. Дюнемунде заняли рижане. Они взяли Керкгольмъ, сожгли и опустошили его.

Такимъ образомъ московить завоевалъ и взялъ, за исключеніемъ немногихъ замковъ, все архіепископство рижское вмѣстѣ со всей Двинной выше города Риги, по которой припозились припасы и товары въ городъ Ригу; въ Ливоніи не осталось не занятыми русскими никакихъ земель кромѣ Гарріена съ городомъ Ревелемъ, и Курляндія и Семигалия съ городомъ Ригой и нѣсколькими замками, и Эзели и

Дагедена съ замками Аренсбургомъ и Зоненбургомъ. Да сохранить ихъ всемогущій Господь въ своей милости и да возвратитъ остальные, если на то будетъ его божественная воля!

136 *Еще оставшаяся надежда.*

Но чѣмъ можно было бы спасти и возстановить разоренную Ливонію въ настоящее время, это недоступно людскому разуму; послѣ Бога въ настоящее время не осталось болѣе никакой надежды и утѣшенія кромѣ того, что король шведскій сдѣлалъ со своимъ войскомъ набѣгъ на Россію у Выборга, чтобы попытать свое счастье у ожесточенныхъ русскихъ. Точно также ожидали войскъ поляковъ и литовцевъ вмѣстѣ съ герцогомъ курляндскимъ. Дай Боже, чтобы это была правда и благослови ихъ! Точно также и военные корабли короля шведскаго прибыли въ Нарвѣ и сожгли до тла у Нарвы, 27-го августа 1577 года, три большіе московскіе блокауза, которые были необыкновенно высоки, длинны и толсты. Одна стѣна этихъ блокаузовъ была длинною въ 85 сажень и шириною болѣе четырехъ сажень. Въ одномъ блокаузѣ было сожжено 75 русскихъ и много взяты въ плѣнъ, но изъ другихъ они всѣ разбѣжались заранѣе. Начальники были также отозваны заранѣе. Изъ этого можно заключить, что въ то время у москвиты было несомненно-то много людей.

137 *Причины паденія Ливоніи.*

Наконецъ можетъ кто нибудь поразумѣть и удивится, какимъ образомъ такъ случилось, что въ этой войнѣ ливонцевъ съ москвитомъ не только одинъ сначала магистръ, но послѣ и три сильныя государя, именно шведскій, датскій и польскій, принявшіе на себя защиту угнетенной Ливоніи изъ христіанской любви, пока еще ничего не могли подѣлать и часто терпѣли сильный позоръ отъ москвиты, между тѣмъ какъ въ самомъ началѣ христіанскаго управленія въ Ливоніи, простые епископы и бюргерскія дѣти изъ Бремена, а затѣмъ простые и незначительныя магистры ливонскіе были достаточно сильны, чтобы справляться съ москвитомъ.

На это, и по своему разумѣнію, даю такой отвѣтъ. Первая причина этого несчастія та, что сначала, когда епископы и магистры покорили и завладѣли провинціей Ливоніи, москвиты не были такъ могущественны какъ въ настоящее время, а также что онъ не одинъ владѣлъ всѣми княжествами и землями въ Россіи, какъ въ настоящее время. Потому что въ Россіи было много великихъ князей и князей, и у каждаго изъ нихъ было собственное княжество, и всѣ эти князья, точно также какъ и великій князь московскій были данниками татаръ; великій князь московскій въ продолженіи ста лѣтъ мало по малу собиралъ всѣ эти княжества подъ свою власть, частью

хитростью, частью военной силой, и такимъ образомъ сталъ единодержавнымъ монархомъ всѣхъ русскихъ.

Кромѣ того, когда персы епископы и магистры начали править въ Ливоніи, имъ приходилось имѣть дѣло не со всѣми русскими князьями, а только съ новгородскими и псковскими, ихъ ближайшими соседями; имъ не трудно было бороться съ этими двумя князьями. И пока великій князь московскій воевалъ съ другими князьями въ Россіи и съ казанскимъ и астраханскимъ царствами, то московитѣ оставляли ливонцевъ въ покое. Когда же великій князь московскій покорилъ всѣ княжества въ Россіи и оба упомянутыя татарскія царства, то съ нимъ не могъ уже справиться не только ливонскій магистръ, но и король (шведскій или польскій).

Вторая же причина была та, что многіе ливонскіе и другіе купцы нѣмецкихъ приморскихъ городовъ, изъ большой жадности и корыстолюбія, возили московитамъ тайно и явно всякіе запрещенные товары и военные снаряды, и сами себѣ приготовили бичъ, несмотря на то, что ихъ предупреждали сами непріатели, русскіе.

Потому что одинъ русскій изъ Смоленска однажды призвалъ къ себѣ нѣмецкаго купца, по имени Берента Мейера, указавъ ему на мѣдь, свинецъ и проволоку и сказалъ: «Берентъ, знаешь ли ты, что это за товары я купилъ здѣсь въ Дерптѣ?» На это Берентъ Мейеръ отвѣтилъ: «Почему же не знать? Очень хорошо знаю, что это мѣдь, свинецъ и проволока.» На это русскій снова сказалъ ему: «Вижу, что ты не хорошо знаешь этотъ товаръ; поэтому свяжу тебѣ, что это за вещи. Это бичъ, которымъ великій князь хочетъ наказать Ливонію. Потому что эти вещи мы должны доставить великому князю, а онъ изъ нихъ велитъ набирать боевые снаряды, для наказанія вась самихъ; вы нѣмцы безумны и ослѣплены, если сами доставляете ему такой товаръ. Въ старину наши предки въ Смоленскѣ и Ливоніи не смѣли дѣлать этого; со временемъ вы навѣрное поплатитесь за это въ вашему собственному вреду.»

Третья причина торжества московита заключается въ томъ, что военные люди и подданные государей, борющихся съ московитомъ, поступаютъ безчестно и совершенно необдуманно, когда безо всякой нужды сдаютъ московитамъ замки и сильныя крѣпости и убѣгаютъ изъ нихъ, что часто производилось въ Ливоніи безъ всякаго наказанія. А поступавшіе такъ безчестно назначались часто на почетнѣйшія еще должности. Если московитамъ досталось въ Ливоніи много замковъ и крѣпостей, то пусть благоразумные разсудятъ, кто въ этомъ больше виноватъ. Жадные и своекорыстные купцы, доставившіе московитамъ большую артиллерию и боевые снаряды, или воины, измѣнившіе предавшіе ему замки, крѣпости и города и бѣжавшіе изъ нихъ.

Въ четвертыхъ, персы епископы и магистры въ Ливоніи имѣли на своей сторонѣ больше преимуществъ сражаться съ русскими,

чѣмъ имѣють въ наше время государи и короли. Потому что съ разрѣшенія папы они привозили въ страну столько князей, графовъ, рыцарей и кнхтовъ, сколько хотѣли. Въ настоящее время совсѣмъ не то, что было. Въ старину все охотно соглашались сражаться съ врагами христіанства, на свои собственные средства; теперь же ради христіанства никто не хочетъ даже себѣ дать копей даромъ: даже многіе изъ нашихъ перебѣжали къ москвиту и служили ему во всѣхъ коварныхъ замыслахъ противъ христіанства.

Въ пятыхъ, какъ москвиту не быть сильнымъ и могущественнымъ, когда христіанскіе государи не ладятъ между собой, часто изъ за ничтожной причины проливаютъ много христіанской крови и истребляютъ все запасы, которые еще долго могли бы служить бѣдному христіанству; тяжко они будутъ отвѣчать за это всемогущему Господу. А изъ сильныхъ государей, взявшихся помогать Ливоніи, не было кажется ни одного, который постарался бы на ее пользу болѣе короля шведскаго, который нѣсколько разъ причинялъ позоръ москвиту и ради Ливоніи сдѣлалъ большія денежные затраты и ежегодно присылалъ городу Ревелю безчисленное множество провіанту и всякихъ припасовъ. И если бы все государи, короли и князья заботились бы такъ о Ливоніи, какъ шведскіе короли, то это наѣрное удивило бы москвита. Но чего не бывало до сихъ поръ, да даруетъ то всемогущій Господь, по милосердію своему, въ будущемъ.

Наконецъ, главная причина ливонскихъ несчастій это разнообразныя тяжкіе грѣхи и злодѣянія ливонцевъ вмѣстѣ съ ужаснымъ порокомъ неблагодарности къ всемогущему Господу за его многократно оказанныя благодѣянія. Потому что если простые и незначительные епископы и магистры взяли у язычниковъ провинцію Ливонію и одержали надъ ними важныя побѣды, то это было дѣло не ихъ, а всемогущаго Господа, который сидитъ и въ слабыхъ и ничтожныхъ и который по своему милосердію пожелалъ воздвигнуть себя церковь изъ ливонскихъ язычниковъ. Но такъ какъ Ливонія страшно согрѣшила противъ Бога и оказалась неблагодарной за великія милости и даже въ настоящее время въ ней нѣтъ истиннаго сознанія грѣха, покаянія и обращенія, то можно опасаться, что христіанская церковь совершенно погибнетъ въ Ливоніи и противъ всѣхъ государей и королей не поможетъ никакая помощь, утѣшенія, поддержка и добрая воля. Но если бы Ливонія обратилась на самомъ дѣлѣ, то всемогущій Господь всемилостиво черезъ одного единственнаго короля могъ бы устроить такъ, что все увидѣли бы и почувствовали бы, что вѣрующіе во Христа еще не совсѣмъ оставлены.

Да сжалятся вѣчный, истинный Господь, у котораго больше милосердія чѣмъ у насъ грѣховъ и злодѣяній, ради своего единороднаго сына Іисуса Христа надъ бѣднымъ христіанствомъ здѣсь и по-

всюду и да уничтожить онъ всѣ замыслы Гога и Магога и главнаго князя въ Мезехѣ (русскіе), и да даруетъ милостиво всѣмъ христіанскимъ государямъ, королямъ, князьямъ и владѣтелямъ миръ и согласіе, а также счастье и покореніе всѣхъ враговъ христіанской церкви, на славу своего Божьяго величія и на общую пользу дорогаго христіанства. Аминь.

Что случится впредь въ Ливоніи, то, если будетъ угодно Господу, будетъ рассказано въ 4-й части. Дай Боже окончить ея съ большимъ миромъ и радостью.

Прим. перев. Этой главою было закончено 1-е изданіе лѣтописи Рюссова, напечатанное въ Ростокѣ въ 1578 г.

Это изданіе было пересмотрѣно самимъ авторомъ, дополнено рассказомъ о событіяхъ до 1783 г. и было отпечатано въ Бартѣ (въ Помераніи) въ 1784 г. Четвертая часть лѣтописи и составляетъ эти дополненія.

ЛИВОНСКОЙ ХРОНИКИ РЮССОВА

часть IV-я

*отъ неудачъ Иоанна Грознаго съ 1577г. до окончательнаго вытѣсненія
русскихъ изъ Ливоніи въ 1783 г.*

СОДЕРЖАНІЕ. Предисловіе автора. Динабургъ отіять у русскихъ. Іоаннъ Бю-ринскъ отбиваетъ у русскихъ Венденъ и др. замки. Герцогъ Магнусъ отправляется въ Пильтенъ. Тщетныя попытки русскихъ у Вендена. Оберпаленъ переходитъ къ шведамъ. Ражаке тихо осаждаютъ Денневардъ. Голодъ. О ятѣ. Датское посольство въ Россію. Дерптскій форштадтъ сожженъ. Побѣда русскихъ. Русскіе берутъ Оберпаленъ. Побѣда шведовъ и поляковъ. Вторженіе шведовъ въ Россію. Кирьяне сожжены. Чума въ Ригѣ и Шведцѣ. Татары въ Гарріенѣ. Ивангородъ и Нарвское предмѣстье сожжены. Члѣвъ и смерть Аннибала. Вторженіе русскихъ въ Курляндію. Новый замыселъ Іоанна. Пораженіе шведовъ. Большой дождь. Татарскіе послы и чума въ Швеціи. Несчастіе шведовъ у Нарвы. Набѣги татаръ въ Эстонію. Нелогода. Побѣды поляковъ въ Россіи. Шведское ополченіе противъ Кексгольма. Комета и большаѣ чума. Шведы берутъ Кексгольмъ. Какъ шведы осаждали Падисъ и взяли его у русскихъ. Везенбергъ осажденъ и взятъ Понтусомъ Делагарди. Тольбергъ переходитъ къ шведамъ. Многократныя разбойничьи набѣги. Плохое положеніе дворянства и бюргеровъ. Предостереженіе потомкамъ. Ливонскіе пѣвики. Пѣвныя въ Дерптѣ. Страшныя роды въ Столгольмѣ. Татарское посольство въ Швецію. Два несчастныхъ случая въ Ревелѣ. Началъ новаго счастья. Новыя предпріятія шведовъ и поляковъ. Денневардъ и Ашерале покорены поляками. Лоде, Фикель и Левалъ покорены шведами. Галсаль покоренъ шведами. Осада и взятіе Нарвы. Успѣхъ шведовъ въ Россіи. Польша и Швеція противъ Россіи. Виттенштейнъ переходитъ къ шведамъ. Благодарственный молебень въ Ревелѣ. Буря. Миръ между Польшею и Россіею. Похвала Іоанну III шведскому. Какъ Іоаннъ III защитилъ Ревель и Виттенштейнъ. Шведы въ Россіи. Дальнѣйшія побѣды шведовъ. Потери Нарвы. Осада Ревеля въ 1577 г. Шведскія побѣды у Нарвы, въ Россіи и Ливоніи. Побѣда шведовъ и поляковъ у Вендена. Дальнѣйшія побѣды шведовъ. Дальнѣйшая похвала Іоанну III. Похвала Карлу восточноримскому. Похвала шведскимъ губернаторамъ. Похвала шведской націи. Дальнѣйшія благодѣянія шведовъ. Стефанъ Баторій въ Ригѣ. Недовольство поляками. Тщетныя по-

пытка шведовъ у Пелеборага. Напрасный походъ шведовъ въ Нюготоръ. Какъ одѣвались перебѣжавшіе русскіе. Татары способствуютъ успѣхамъ шведовъ. Смерть герцога Магнуса. Переговоры между Швеціею и Россіею. Война покаяновъ съ крѣпостцами. Перемиріе между Швеціею и Россіею. Заключеніе.

ПРЕДИСЛОВІЕ

къ четвертой части ливонской хроники.

Почтеннѣйшимъ, достоуважаемымъ, высокоученымъ и благоумнымъ господамъ бургомистрамъ и ратманамъ и почтеннѣйшимъ, именитымъ и предусмотрительнымъ господамъ элтерманамъ и старшинамъ вмѣстѣ со всѣмъ бюргерствомъ всѣхъ трехъ гильдій королевскаго города Ревеля, моимъ повелителямъ и всемилостивѣйшимъ государямъ и добрымъ друзьямъ.

Почтеннѣйшіе, достоуважаемые, высокоученые и благоумные и почтеннѣйшіе, именитые и предусмотрительные повелители и всемилостивѣйшіе государи мои и добрые друзья!

Когда въ 1578 году я издалъ простую, чистосердечную ливонскую хронику (я сдѣлалъ это потому, что съ своей стороны не нашелъ никого, кому бы охотѣе предоставилъ этотъ трудъ, чѣмъ самому себѣ, а также и потому, что для всѣхъ ливонцевъ было бы вѣчнымъ стыдомъ и позоромъ, если бы всѣ событія, происходившія во время ливонскаго переворота и смутъ, не были бы описаны, а преданы забвенію; я сдѣлалъ это по убѣжденіямъ и доводамъ нѣсколькихъ добрыхъ людей); то не ожидалъ, чтобы нѣкоторые, сами совѣтовавшіе мнѣ это, такъ осудили меня, какъ я достойно слышалъ. Не нахожу другой причины такой неблагоклонности, кромѣ той, что я не написалъ о горестныхъ ливонскихъ дѣлахъ сказокъ на общую потѣху, которыми они могли бы позабавиться за стаканомъ вина или пива. Нѣкоторые говорили также: «Какое дѣло проповѣдникамъ заниматься мірскими дѣлами?» Но такими рѣчами эти люди доказываютъ свое великое неразуміе: они не знаютъ въ чемъ состоитъ должность проповѣдника, не знаютъ, что онъ обязанъ не только устно, но и письменно проповѣдывать народу о чудесахъ, наказаніяхъ и милости Господней. — Это всегда и дѣлали многіе епископы, суперинтенденты, пасторы, доктора и проповѣдники; этому похвальному примѣру' послѣдовалъ и я, и вѣистину не писалъ ради собственной выгоды, а также не по любви или по злобѣ къ кому нибудь, но писалъ во славу Божию и на пользу всѣмъ ливонскимъ потомкамъ, писалъ также не съ радостью, чему свидѣтель Господь, а съ великой не-

чалю, вздохами и слезами. Но если многіе сердятся и недовольны мною, то не имѣю ничего противъ нихъ, такъ какъ на свѣтѣ еще есть человѣкъ, который угодилъ бы рѣшительно всѣмъ и словами и дѣлами, и ужъ такъ возится, что и я самъ и всѣ мы обыкновенно сердимся, когда намъ говорить правду. Но какъ бы тамъ ни было, однако утѣшаясь моею правдивостію и чистой совѣстью, а также и изреченіемъ Садомона, въ причтѣ 28-ой: «Обличаяй человѣчы пути благодать имать паче языкомъ ласкающаго», я намѣренъ не только продолжать ливонскую исторію, но и помѣстить въ нее вещи, забытыя и неизвѣстныя, и по справедливости возвѣстити всему народу Божіа дѣла, по заповѣданію святаго пророка Давида (псал. 9-й) «Пойте Господеви, живущему въ Сионѣ, возвѣстите въ языцѣхъ начинанія Его.»

А такъ какъ въ городѣ Ревелѣ много дѣлъ совершалось не маловажныя, чудесныя дѣла Господни, о которыхъ не упоминается въ исторіяхъ, но которыми всякій долженъ удивляться, то не совсѣмъ бесполезно будетъ вкратцѣ напомнить и рассказать что нибудь объ этомъ. Вѣрно и истинно то, что и добро, и зло, т. е. милость и наказаніе, исходятъ отъ одного всемогущаго Господа, что доказываютъ и священное писаніе и примѣры многихъ странъ и городовъ: — примѣромъ такимъ служить также и вашей чести многоуважаемый, достопочтенный городъ Ревель. — Всемогущій Господь не мало наказывалъ этотъ городъ за разнообразныя грѣхи и злодѣянія, но ниспосылалъ ему эти наказанія и испытанія не безъ предостереженія: за много дѣтъ до того Онъ предостерегалъ городъ черезъ нѣкоторыхъ вѣрныхъ проповѣдниковъ, и наконецъ не за долго передъ несчастіемъ черезъ блаженнаго Петра фонъ Галля, которые всѣ открыто предсказывали грядущія бѣдствія. — Этотъ блаженный Петръ фонъ Галль съ каедрой въ храмѣ св. Олофа часто съ большимъ рвеніемъ, серьезно и ласково, убѣждалъ ревельцевъ истинно покаяться и обратиться и говорилъ при этомъ, что если ревельцы во время не бросятъ своей порочной жизни и не обратятся, то имъ отъ Бога назначено такое наказаніе, какого не можетъ себѣ представить ни одинъ человѣкъ, что въ скоромъ времени Господь отниметъ у нихъ всю торговлю и всѣ припасы, всѣ корабли будутъ проходить мимо города Ревеля и будутъ только кивать ему парусами. Тогда Ревельскіе купцы будутъ стоять въ розовомъ саду и смотрѣть на нихъ съ печалью, а розовый садъ обратится въ садъ горести: и если бы ревельцы взошли на самую верхушку высокой колокольни св. Олофа, то и оттуда имъ невозможно бы было обозрѣть всѣхъ предстоящихъ опасностей и т. д. Это все въ самомъ дѣлѣ и случилось съ городомъ Ревель за непимѣніемъ въ немъ вѣры и обращенія къ Богу, по словамъ блаженнаго Петра. — Въ награду за такое вѣрное предостереженіе и убѣжденіе онъ долженъ былъ претерпѣть позоръ и запрещеніе проповѣди.

И всѣмъ дальнимъ и чужимъ странамъ кажется невѣроятнымъ, но хорошо извѣстно всѣмъ сосѣднимъ городамъ и землямъ, въ какія замѣшательства, тяжелую продолжительную войну, несчастія и опасности попалъ городъ Ревель. Гибель Ревеля казалась неизбѣжною, но всемогущій Господь не совсѣмъ оставилъ его въ такой бѣдѣ, ибо въ этомъ большомъ несчастіи и опасности утѣшилъ и сохранилъ его милостивою помощію достохвальнаго королевства шведскаго. И какимъ образомъ человѣческому разуму возможно было бы такъ долго сохранить этотъ городъ, который не сильно населенъ, лежитъ далеко отъ всѣхъ христіанскихъ земель и городовъ, и долженъ былъ привозить къ себѣ воиновъ за полтора ста миль изъ за моря, городъ, который болѣе 26-ти лѣтъ велъ войну съ Польшей, Даніей и Россіей, претерпѣвалъ много невзгодъ, не только выдерживалъ отъ московита много коварныхъ замысловъ, хитрыхъ козней и тяжкихъ осадъ большими войсками, но и долгое время былъ совсѣмъ покинутъ сосѣдними ливонскими городами и подвергался ненависти и преслѣдованіямъ своихъ собственныхъ земляковъ, еурляндскихъ, архіепископскихъ и другихъ дворянъ по ихъ великому неразумію, въ то время какъ ужасный московитъ былъ ближайшимъ сосѣдомъ и ежедневно стоялъ у воротъ, — если бы самъ Господь чудеснымъ образомъ не охранялъ и не защитилъ бы его? А изъ того, что этотъ городъ до сихъ поръ остался еще непокореннымъ при очевидной помощи Господа, несмотря на увѣренность всѣхъ людей, считавшихъ его уже погибшимъ, можно навѣрное заключить, что Господь милосердно заботится еще о немъ и имѣлъ или еще имѣетъ на счетъ его что либо особенное. А если бы нужно было описать все дѣла вашей чести со всеми искушеніями, опасностями, превратностями, убытками, огорченіями, трудами, стараніями, работою, побѣдами, счастьемъ и несчастіемъ, перенесенными Вашей Честью во все войны за эти 26 лѣтъ на морѣ и на сушѣ, то на это потребовалась бы особая хроника, такъ какъ всего нельзя было бы сообщить вкратцѣ. Во первыхъ нельзя, въ нѣсколькихъ словахъ рассказать, какъ часто въ эти годы городъ Ревель не только былъ притѣсняемъ многими врагами, особенно же московитомъ, постоянными убійствами, грабежами и пожарами и запряченіемъ, и прекращеніемъ всякой торговли и привоза съѣстныхъ припасовъ и завоеваніемъ всѣхъ окрестныхъ земель и крѣпостей, но и былъ мучимъ тяжелой продолжительностью подобныхъ событій и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ искушаемъ такими коварными кознями, что многіе, считавшіе себя самыми мудрыми и умными и требовавшие себѣ за то надлежащаго уваженія, не замѣчали и не понимали этихъ козней, а брали и считали Вашу Честь неразумными, слѣпыми и ожесточенными людьми за то, что Ваша Честь не повѣрила и не приняла, подобно имъ, предложеній московита. Кромѣ того ни одинъ человѣкъ не можетъ себѣ представить, во всей полнотѣ, съ какими

рвеніемъ, трудами и усиліями Ваша Честь ежегодно и ежедневно строили и чинили высокія ровѣши, новые валы, рвы, стѣны и оборонительныя орудія противъ натиска Москвитъ въ эту войну, и какіе неизмѣримо большіе убытки многократно терпѣли Ваша Честь при раззореніи многихъ церквей, госпиталей и мельницъ, а также и многихъ садовъ, увеселительныхъ дворовъ, жилищъ, сараевъ и дровяныхъ складовъ за городомъ. Кромѣ того вкратцѣ невозможно достаточно сказать о томъ, что за великія затрудненія, неудовольствія и несчастія переносили Ваша Честь, когда намъ столько лѣтъ приходилось содержать гофлейтовъ (кошницъ) и лапсехтовъ (пѣхоту), не безъ значительнаго убытка, и кромѣ тяжелыхъ налоговъ платить еще большія подати. Не бездѣлица также и то, что Вашей Чести было столько заботъ и огорченій въ это трудное и продолжительное военное время, когда высоко цѣнятся добрый советъ и предложенія, когда вы ежедневно совѣщались въ ратушахъ и въ палатахъ, какъ бы предупредить несчастія и замыслы Москвитъ, а также и столько заботъ о многократныхъ поѣздкахъ, посольствахъ и переговорахъ; что это за труды не безъизвѣстно разумнымъ людямъ. Кромѣ того всѣмъ войнамъ, служившимъ въ Ревелѣ, отлично извѣстно съ какими великими мужествомъ, неустранимостью и осторожностью Ваша Честь вмѣстѣ съ господами правителями замка, со всѣми ревельскими воинскими людьми и почтеннѣйшимъ обществомъ чернотоловѣхъ и съ соборнымъ бюргерствомъ и всѣми жителями, вслѣдъ встрѣчали неприятелей, часто разгоняли ихъ и за нѣсколько миль пути отнимали у нихъ добычу, и какъ честно и храбро Ваша Честь вмѣстѣ съ упомянутыми шведскими правителями, бюргерствомъ, обществомъ и всѣми войнами и жителями въ большомъ единотупшн держались во всѣхъ осадахъ, схваткахъ и тревогахъ, а также какъ вы отбывали съ большимъ стараніемъ, боюсь измѣны, всѣ дневныя и ночныя стражи, въ одиночку и отрядами, причемъ нули кучами летали вокругъ городовъ и большія камєнные и огненныя ядра наводили также не малый страхъ; все это войны, служившіе въ Ревелѣ, подробно рассказали и распространяли это по всѣмъ землямъ.

Но моему ничтожному мнѣнію слышано, чтобы гдѣ нибудь городъ былъ обстрѣляемъ такими тяжелыми огненными и каменными ядрами, и всетаки остался бы въ цѣлости, какъ существовавшій въ свое время городъ Ревель. И кромѣ упомянутыхъ нуждъ ревельцевъ невозможно достаточно описать великой печали и огорченія, испытываемыхъ ревельцами при воспоминаніи прежняго великолѣпнаго и благосостоянія Ревеля, ибо наступили дни, когда корабли изъ всѣхъ христіанскихъ королевствъ, ото всѣхъ народовъ, земель и городовъ, которые прежде и нагружались и выгружались въ Ревелѣ, теперь проходили мимо; изъ великолѣпнаго богатаго торговаго порта онъ превратился въ бѣдный и пустынный городъ; во всю долгую войну

не привозили припасовъ, а питались старыми, и эти старые запасы настолько истощились, что многимъ державшимся очень стойко, приходилось плыть, чѣмъ они сами осмѣливались признаться кому либо. Они изъ года въ годъ ожидали лучшаго, но переживали все худшее, а такъ какъ не предвидѣлось конца такого необычайно долгаго несчастія, превосходившаго всякія силы и разумъ человеческій, то многіе наскучили жизнью и умирали съ горя, такъ что въ Ревелѣ стало больше вдовъ, чѣмъ мужчинъ. Потому то всѣ чужеземцы, видѣвшіе состояніе Ревеля, открыто говорили, что во всемъ христіанскомъ мірѣ не знаютъ города, съ которымъ случилось бы тоже, что съ Ревелемъ. Несмотря, однако на то, оставшіеся съ Вашей Честью терпѣливо несли тяжелый крестъ и горе, и охотиѣ рѣшились бы на все, чѣмъ покидать свой городъ и отправляться въ другія мѣста ради временнаго пропитанія. За недостаткомъ торговли и припасовъ во все время войны, Ваша Честь усердно старались, и посредствомъ этихъ непрестанныхъ стараній, опыта и привычки сдѣлались такими искусными, неустранимыми и опытными, что дѣти, подростки и домашніе слуги Вашей Чести имѣли больше понятія о военныхъ стычкахъ и умыслахъ, чѣмъ старіе именитые люди въ старое доброе время. — И какъ прежде, во время продолжительнаго мира, старыя ливонскіе чины были увѣрены въ безопасности, а въ началѣ войны, при одномъ названіи русскихъ, тряслись и приходили въ отчаяніе, такъ теперь вся ревельская община по долгой привычкѣ сдѣлалась смѣлою, неустрашимою и бодрою, и больше желала, чѣмъ боялась прибытія москвиты. И чѣмъ честіѣ Ваша Честь держались противъ всѣхъ враговъ, тѣмъ больше ненавидѣли и завидовали Вашей Чести нѣкоторые недоброжелатели, у которыхъ не было недостатка въ желаніи оклеветать и сдѣлать подозрительнымъ городъ Ревель передъ высшими начальствомъ и всеми государственными чинами въ Швеціи.

И хотя въ итальянскихъ и прусскихъ городахъ бывали примѣры такого несчастія, какъ и у ревельцевъ, и они въ старину много лѣтъ вели тяжкія войны, но бодро держались и ставили на карту все свое богатство: однако несчастье всетаки не длилось у нихъ такъ долго, какъ въ Ревелѣ; кромѣ того они имѣли большое преимущество въ томъ, что имъ приходилось вести дѣло только съ христіанскими королями и своими сроднѣвцами, между тѣмъ какъ городъ Ревель былъ обложенъ русскими, татарами и язычниками. Въ этихъ упомянутыхъ великихъ бѣдствіяхъ и несчастіяхъ еще особенной милостью Божьей для Вашей Чести было то, что рядомъ съ вѣшной войной Ревель не терзали, подобно голландскимъ городамъ, частыя внутреннія религіозныя войны и междоусобія, отъ которыхъ всемогущій Господь всемилостиво хранитъ Вашу Честь до сихъ поръ, и да сохранитъ Онъ отъ нихъ и въ будущемъ во вѣки вѣковъ.

Что же касается продолжительной и опасной московитской

войны, то Ваша Честь, въ виду жестокаго, послѣдствіа тираниа московита и великой печали и горя бѣдныхъ плѣненныхъ христіанъ въ Москвѣ и Татаріи, соединились съ достохвальными шведскими правителями ревальскаго замка и со всѣми достопочтенными нѣмецкими и шведскими ратниками, и поблажась, что скорѣе всё умрете на ревальскихъ валахъ, чѣмъ добровольно дадитесь московиту и упустите городъ изъ христіанскихъ рукъ. Поэтому московитъ со всей своей хитростью, силою и войскомъ не могъ паити у Вашей Чести: никакого уязвимаго мѣста (Stätte) и чѣмъ больше усилій и коварства онъ употреблялъ противъ города Ревеля, тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ отчаяваться въ успѣхѣ, по милости Божьей и по военной опытности, непоколебимости и осторожности Вашей Чести; поэтому и самъ великій князь удивился ревальцамъ и спрашивалъ, что воображаютъ о себѣ ревальскіе молодцы, если не хотятъ сдаваться и просить мира, когда сильные государи просятъ у него мира. Московиту приходилось имѣть дѣло съ царствами казанскимъ и астраханскимъ и со многими землями и городами. всѣхъ ихъ онъ покорилъ и подчинилъ своей власти; но ни одно изъ нихъ не оказывало ему такого сопротивленія, какъ городъ Ревель. По правдѣ сказать, если бы Ваша Честь, съ Божьей помощью, не сопротивлялась бы такъ мужественно московиту и не удержали бы его, то онъ давно завладелъ бы всей Ливоніей и сталъ бы сильнымъ владѣтелемъ Балтійскаго моря. Городъ Ревель былъ также немаловажной причиной убытковъ и позора, нанесенныхъ ему королямъ Польскимъ и королевѣ Шведскимъ. Потому что если бы ревальцы, по милости Божьей, такъ долго и такъ усердно не сопротивлялись ему, пока не вѣнчались въ дѣло вышеупомянутые достохвальные короли, то онъ давно покончилъ бы уже съ Ливоніей. Это же было единственно лишь дѣломъ всемогущаго Бога, дѣло, которое можно приписать лишь Ему Одному. Поэтому ради такой данной Господомъ непоколебимости, мужества и осторожности, каждый, и высокаго, и низкаго происхожденія, равно какъ и всѣ недоброжелатели, по своему неразумію относившіеся прежде очень враждебно и съ ненавистью къ Вашей Чести, справедливо стали теперь восхвалять васъ. И было бы несомнѣнно несправедливымъ, если бы можно было напечатать имена всѣхъ шведскихъ правителей, ратсгеровъ и бюргеровъ города Ревеля, которые вели эту опасную игру, несли тяжкое бремя, держались такъ стойко и сражались не только на свою пользу, но на общую пользу и благосостояніе всего любезнаго христіанства. Но такъ какъ имена ихъ въ порядкѣ записаны въ городскихъ, цеховыхъ и гильдейскихъ книгахъ Вашей Чести, то здѣсь нѣтъ надобности упоминать о нихъ. Воистину очень важно не только для Вашей Чести и вашихъ потомковъ, но и для всѣхъ сосѣднихъ земель и городовъ, а также и для всего христіанскаго міра, во вѣки вѣговъ не выпустить изъ хри-

стіанскихъ рукъ города Ревеля, который сильно колетъ глаза московиту и представляетъ стѣну и передовое укрѣпленіе для всѣхъ королевствъ, земель и городовъ у всего Балтійскаго моря, представляетъ собою отлично построенный городъ, сильную королевскую крѣпость и послѣ Бога первую защиту и утѣху всѣмъ притѣсненнымъ, несчастнымъ и безутѣшнымъ въ Ливоніи. — Кромѣ того Ревель есть отличный торговый городъ, который помогать и всегда будетъ помогать многимъ бѣднымъ гезелямъ изъ всѣхъ земель достигать величія и богатства. — Посредствомъ этого города вмѣстѣ съ Ригой сначала было покорена вся Ливонія и впредь всегда можетъ быть снова покорена; и пока держатся оба города Рига и Ревель, то московитъ не господинъ, а только гость во всѣхъ завоеванныхъ имъ земляхъ, городахъ и крѣпостяхъ: и если бы были потеряны оба упомянутые города, чего избави Богъ, то и вся Ливонія была бы потеряна на вѣки, что причинило бы всѣмъ окрестнымъ землямъ и городамъ не только великую заботу и опасность, но и на всемъ Балтійскомъ морѣ былъ бы такой переворотъ и замѣшательство, который пришлось бы оплакивать по вѣки вѣковъ.

Кто нибудь пожалуй скажетъ, что я, какъ уроженецъ и житель города Ревеля, ради благосклонности Вашей Чести лицемерю и чтобы угодить Вамъ написалъ болѣе, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ. На это мой короткій и откровенный отвѣтъ. Здѣсь дѣло мастера бонтея, истина очевидна, она всплываетъ наружу и отлично извѣстна всѣмъ сосѣднимъ городамъ и землямъ, и признается даже всѣми врагами и недоброжелателями. Поэтому не несправедливо, что я добрымъ поминую мой любезный родной городъ за его достохвальныя добродѣтели, которыя я самъ переживалъ, видѣлъ и испытывалъ въ немъ, съ чистой совѣстью и безо всякой неправды и лицемерія. И хотя слабо мое искусство и умѣнье достойно восхвалять и прославлять его, однако достовѣрно извѣстно, что городъ Ревель съ Божьей милостью и милостивымъ покровительствомъ достохвальнаго королевства шведскаго приобрѣлъ у всего свѣта честное имя посредствомъ своей рыцарской стойкости и добродѣтелей и сталъ для всѣхъ другихъ городовъ вѣчнымъ и прекраснымъ примѣромъ всѣхъ честныхъ добродѣтелей, за что справедливо благодарить всемогущаго Господа и пожелать того же всѣмъ ревельскимъ потомкамъ и всѣмъ христіанскимъ городамъ, тѣснимымъ врагами. Такия достохвальныя добродѣтели Вашей Чести побудили и меня посвятить Вамъ 4-ую часть этой скромной хроники. — Почтительнѣйше прошу Вашу Честь принять отъ меня это посвященіе благосклонно и милостиво, за что считаю себя обязаннымъ во всякое время охотно и усердно просить всемогущаго Бога о временномъ и вѣчномъ благополучіи Вашей Чести.

Вашихъ милостей готовый къ услугамъ

Бальтазаръ Руссовъ.

1. *Дюненборг снова отнятъ у русскихъ, 1577*

Теперь же, когда москвиты завоевали и заняли такъ много вѣрностей и земель въ рижскомъ архіепископствѣ и въ землѣ латгавъ, чѣмъ нанесъ не малое огорченіе и печаль городу Ригѣ и курляндскимъ сословіямъ, и причинилъ особенно горе рижанамъ тѣмъ, что обозначилъ свою границу чуть-ли не въ шести миляхъ отъ города Риги и занялъ выше Риги всю рѣку Двину, по которой привозили къ нимъ всѣ припасы и товары, а также когда рижанамъ пришлось опасаться, что они не такъ то скоро отдѣлаются отъ несноснаго сосѣда, ибо еще не предвидѣлось сильнаго врага противъ ихъ сосѣда, москвиты: то многіе добрые и заботливые люди въ Курляндіи и въ рижскомъ архіепископствѣ стали усердно придумывать, какъ бы поскорѣй захватить въ располхъ и отнять у москвиты нѣкоторые замки и крѣпости, которые не были заняты большими войсками. Первую подобную попытку они сдѣлали у Дюненборга, и послѣ того какъ чудеснымъ образомъ захватили этотъ замокъ въ располхъ, они и впредь стали добиваться такихъ же успѣховъ.

Прим. перев. Царь выступилъ изъ польской Ливоніи въ сентябрѣ 1577 г., оставивъ въ занятыхъ городахъ и замкахъ гарнизоны. Гарнизоны эти оказались недостаточно осторожными. Такъ динабургскій замокъ былъ отобранъ литовцами, но не нѣмцами, хитростью, рассчитанною на большое пристрастіе тогдашнихъ русскихъ къ вину (по словамъ Нестора, равноапостольный князь Владиміръ до своего крещенія «о питіи отиудъ, рѣка: Руси есть веселье питье, не можемъ безъ того быти»). Литовцы, какъ бы въ знакъ дружбы, прислали русскому гарнизону въ Динабургъ бочку вина: русскіе немедленно перепились, а литовцы ночью ворвались въ замокъ и всѣхъ ихъ умертвили пьяныхъ. Литовцами командовалъ Вильгельмъ Шлятеръ.

2. *Іоаннъ Бюринкъ снова отнимаетъ Венденъ и другіе замки, 1577*

Тогда и Іоаннъ Бюринкъ, писарь и управляющій замкомъ Трейденомъ, секретарь ливонскаго администратора Ходжѣвича, придумавъ также нѣсколько хитрыхъ замысловъ, чтобы отнять у москвиты городъ и замокъ Венденъ тонкимъ и скорымъ способомъ. Узнавши изъ вѣрныхъ источниковъ, что эта крѣпость слаба и лишь немногими начальниками (малочисленнымъ гарнизономъ), онъ тайкомъ велѣлъ сдѣлать двѣ длинныя лѣстницы; когда же онѣ были готовы, то онъ въ ночное время двинулся къ Вендену съ своею нѣмцезъ, полусотнею конными поляками и съ двумястами крестьянъ, и взялъ съ собою эти штурмовыя лѣстницы. Когда онъ со своимъ отрядомъ подошелъ близко къ Вендену, то имъ встрѣтилось множество одичавшихъ собакъ, которые пожирали мертвыя тѣла, оставленные прошлой осенью москвитомъ на съѣденіе псамъ, хищнымъ звѣрямъ и птицамъ; когда же эти собаки стали лаять, выть и тявкать, то Іоаннъ Бюринкъ и его спутники едва не упали духомъ и начали

было сомнѣваться въ удачѣ. Но наконецъ все таки ободрились и рѣшились попытать счастья у Вендена; поэтому сошли съ коней, послѣпнно яритались лѣстница по глубокому снѣгу къ стѣнѣ и под-
 нались по этимъ лѣстницамъ. Поднявшись на стѣну, имъ прихо-
 дилось скакать со стѣны на нѣсколько сараевъ, построенныхъ у вну-
 тренней стороны этой стѣны, а затѣмъ съ этихъ сараевъ на землю; когда же нѣкоторые изъ нихъ вмѣстѣ съ трубачемъ соскочили внизъ,
 то тотчасъ же бросились къ воротамъ, которыя не запирались ни
 днемъ, ни ночью, чтобы русскіе постоянно могли бы ходить другъ
 къ другу (изъ замка въ городъ), заняли эти ворота и пересѣкали имъ
 путь; остальные же послѣпили по лѣстницѣ вслѣдъ за ними. Тогда
 скоро поднялась тревога въ Венденѣ, русскіе повскакивали со сна, и
 хотя только немного нѣмцевъ овладѣло воротами, однако русскіе въ
 городѣ думали, что нѣмцы уже захватили весь замокъ, а русскіе въ
 замкѣ были также увѣрены, что въ городѣ находится нѣсколько ты-
 сячъ нѣмцевъ и поляковъ, взявшихъ городъ. Поэтому русскіе, быв-
 шіе въ замкѣ и городѣ, трусили и начали прятаться, куда имъ
 попало. Нѣмцамъ не трудно было отворить городскія ворота, такъ
 какъ имъ помогъ одинъ слесарь, родомъ изъ Леттвы, оставшійся у
 русскіихъ. Когда же Іоаннъ Бюринкъ вошелъ со своими людьми, то
 они повытаскивали русскіихъ съ чердаковъ и погребовъ и обошлись
 съ ними такъ, какъ обыкновенно дѣлается въ подобныхъ случаяхъ.
 Случилось это въ декабрь 1577-го года. Немного времени спустя
 Іоаннъ Бюринкъ ловкимъ образомъ завладѣлъ замками Буртпикомъ,
 Лемзелемъ, Роге и Нитовомъ; онъ много добра сдѣлалъ для Ливоніи,
 несмотря на то многіе оказали ему мало благодарности.

Прим. перев. Въ замкахъ Буртпикомъ, Лемзальскомъ и др. нахо-
 дились гарнизоны герцога Магнуса.

3. Герцогъ Магнусъ отправляется въ Пильтенъ, 1577

Въ то же время, когда герцогъ Магнусъ окончательно удосто-
 вѣрился, что со стороны москвиты не было ничего кромѣ коварства
 и обмана, и что онъ не только не сдержалъ или былъ намѣренъ
 сдержать хоть самое меньшее изъ всего, что обѣщалъ ему; но даже,
 если бы могъ распорядиться съ Ливоніей по своему желанію, то на-
 мѣренъ былъ изгнать его со всеми нѣмцами изъ ихъ отечества и
 перевести къ татарской границѣ, онъ былъ принужденъ покинуть
 москвиту и съ супругой своей отправился въ Пильтенъ въ Кур-
 ландію.

Прим. перев. Въ сущности дѣло было не такъ. Было уже ска-
 зано (см. выше стр. 278), что Іоаннъ въ сентябрѣ 1577, отправляясь изъ
 Дерпта въ Исковъ, простился Магнуса и отпустилъ его на волю, представивъ
 въ его распоряженіе кромѣ Обершлена и Каркуса еще нѣсколько другихъ

заковъ, но вѣстѣ съ тѣмъ обязалъ его заплатить 40000 венгерскихъ гульденовъ. Деньги эти магнусовы военные люди отобрали у князя Полубенскаго въ Вольмарѣ (кажется, что деньги эти принадлежали королю польскому и потому Іоаннъ требовалъ ихъ, какъ военную добычу) и герцогъ обязался доставить ихъ царю къ Рождеству 1577 г., при чемъ въ случаѣ недоставленія къ сроку, Магнусъ подлежалъ аресту и отправленію въ Москву, при чемъ арестъ долженъ былъ продолжаться впродѣ до уплаты. Но уже двойной суммой. Іоаннъ отпустилъ Магнуса, когда тотъ далъ ему такое обязательство.

Срокъ подходилъ, а денегъ не было, что же оставалось дѣлать Магнусу, какъ не передаться полякамъ, съ которыми Христіанъ Преперъ его именемъ завязалъ сношенія гораздо ранѣе (см. выше стр. 269). Къ тому же Магнусъ не могъ не видѣть, что его королевство разваливается прахомъ, что ему грозятъ опасность и отъ шведовъ, и отъ поляковъ, и отъ русскихъ. Онъ и рѣшился перемѣнить свои вассальныя отношенія къ Іоанну на такія же отношенія къ польскому королю, тѣмъ болѣе, что Христіанъ Преперъ получилъ отъ короля Стефана дозволеніе жить герцогу гдѣ угодно въ польской Ливоніи.

Чтобы покончить дѣло съ королемъ и избавиться отъ расплаты съ Іоанномъ, герцогъ тайно уѣхалъ съ женою въ Оберпалена въ Пилтенецъ (пилтенецское епископство принадлежало ему). Оттуда онъ въ 1578 г. пріѣхалъ въ Баускъ, гдѣ и вступилъ въ переговоры съ княземъ Николаемъ Радзивиломъ, воеводою виленискимъ и четманою литовскимъ. Переговоры кончились въ 1579 г. тѣмъ, что герцогъ Магнусъ все свои владѣнія съ епископствомъ пилтенецскимъ отдалъ подъ покровительство Литвы съ сохраненіемъ, однако, правъ на нихъ его брата, короля датскаго.

4. Тщетныя попытки русскихъ у Вендена, 1578.

Когда Венденъ былъ такимъ образомъ захваченъ въ расплохъ и занятъ Іоанномъ Бюринкомъ, то москвитѣмъ страшно досадовало на то, что долженъ былъ такимъ постыднымъ образомъ лишиться этого княжескаго города и замка, гдѣ ибкогда находилось ибестопробываніе магистровъ ливонскихъ, какъ владѣтелей страны, и который кромѣ того онъ взялъ лично. Поэтому онъ послалъ полъ Венденъ значительное войско и не мало орудій, около Свѣтенія 1578 года, и снова этотъ городъ былъ осажденъ, обложенъ окопани и снова его обстрѣливали. Тогда Іоаннъ Бюринъ съ 40 всадниками вышелъ изъ города Вендена и ночью съ большой опасностью пріѣхалъ мимо московскаго лагеря въ Ригу, чтобы привести оттуда людей на выручку къ Вендену. Между тѣмъ русскіе пробивъ выстрѣлами значительный проломъ въ стѣнѣ, не жалѣли они также и каменныхъ и огненныхъ ядеръ. Кромѣ того въ короткое время, по недостатку припасовъ, въ Венденѣ произошелъ такой голодъ, что жители должны были убитъ и съѣсть 124 лошади; а внутренности этихъ лошадей раздѣлили бѣднымъ. Когда русскіе слышали, что Іоаннъ Бюринъ идетъ на помощь съ другими людьми, то начали штурмовать городъ и три раза тщетно ходили на приступъ. — Тогда они упали духомъ и поспѣшно

ушли съ орудіями за день до прибытія Іоанна Бюринка. — Но какъ отрядъ Бюринка не былъ силенъ, потому онъ не погнался за русскими, но удовольствовался счастіемъ, что Венценъ остался невредимымъ.

Прим. перев. Въ разр. книгахъ сказано: февраля въ 1 (г. 1578) ходили къ Кеси поводы князь Ив. Ол. Метиславскій съ сыномъ, бояринъ Морозовъ, а стояли у Кеси 4 дни; проломъ пробили великой, а Кеси не взявъ пошли отъ города, даждь Богъ здорово.

Бюрингъ пробрался изъ Венцена не въ Ригу, а въ Зегевольдъ, гдѣ стоялъ съ польскимъ войскомъ Ходкевичъ. — Ходкевичъ и далъ Бюрингу небольшой отрядъ войска на выручку Венцена.

Русскіе поспѣли отъ Венцена, получивъ невѣрное извѣстіе, будто на нихъ идутъ всемѣ Баторія Дембицскій и Ходкевичъ со всѣми ихъ силами.

5. Оверландскъ переходитъ къ шведамъ, 1578.

Въ 1578 году, въ февралѣ, когда совѣтники герцога Магнуса и другіе дворяне изъ Оверландена узнали, что герцогъ Магнусъ, ихъ господинъ, сложился отъ московита, и что по этому они подвергаются большой опасности въ Оверландѣ и имъ надлежитъ искать защиты, то послали пословъ къ шведскимъ правителямъ въ Ревель, просить у нихъ спасенія отъ московита, и предложили королю шведскому замокъ Оверланденъ. Хотя шведскіе правители и затруднялись брать ли имъ безъ королевскаго приказанія замокъ, но они всетаки, безъ вѣдома и желанія своего короля, изъ христіанской любви спасли своихъ злѣйшихъ враговъ и гонителей отъ власти московита, и многихъ изъ нихъ привезли въ Ригу, замокъ же Оверланденъ заваяли шведскіе солдаты и орудія. При этомъ Іоаннъ Вестбергъ фолъ Ангернъ былъ назначенъ начальникомъ (гауптманомъ) здѣсь; нѣкоторые же оверланденцы, дворяне, и не дворяне, имѣвшіе тамъ хорошее кормленіе, остались жить въ мѣстечкѣ.

6. Рижане тщетно осаждаютъ Леневаардъ, 1578.

Въ то же время рижане осадили замокъ Леневаардъ, въ надеждѣ голодомъ взять его у русскихъ. Но какъ русскіе обходились своими конями, и конскими шкурами и всякой кожей и выдерживали осаду, пока не пришла къ нимъ помощь, то рижане, вкорѣ послѣ Пасхи должны были отступить и уйти отъ Леневаарда.

Прим. перев. Русскіе, стоявшіе въ Леневаардѣ, нанесли убытки рижанамъ, препятствуя торгу по Ливоніи. потому администраторъ Ходкевичъ и предложилъ магистрату послать рижскихъ ландкнехтовъ осадить Леневаардъ, обѣщая дать имъ помощь ландкнехтами 500 польскихъ всадниковъ подъ начальствомъ ротмистра Платера, если магистратъ возьмется на себя содержаніе этихъ всадниковъ. Магистратъ согласился и послалъ городскихъ ландкнехтовъ подъ Леневаардъ, гдѣ начальствовали князь Ив. Мих. Клейкой да Леон-

тій Григ. Вадусъ. Питаясь кониной, русскій гарнизонъ выдерживалъ осаду цѣлый мѣсяцъ. Осаждающіе отступили, когда узнали, что изъ Кокенгузена идетъ на выручку русское войско. Оно дѣйствительношло подѣ начальствомъ воеводъ Очинъ-Шемеева и Кобыкова и состояло изъ 2000 татаръ.

7 Голода, 1578.

Въ 1578 г., весной, въ Ревелѣ въ самомъ городѣ и по всей эстонской землѣ возникъ такой голодъ, что много сотенъ бѣднаго народа умерло съ голоду, а въ городѣ Ревелѣ всѣ булочники должны были праздновать за неимѣніемъ муки для печенія хлѣба и всѣ булочные были закрыты до Вароолмеева дня. Нѣкоторые же купцы, у которыхъ еще была мука, сами пекли хлѣбъ на продажу и съ большой выгодой продавали его бѣднымъ людямъ, которые большими толпами такъ тѣснились у ихъ домовъ, будто хотѣли штурмовать ихъ. Когда же нехватало испеченнаго хлѣба, то по причинѣ большого скопленія и ватиска народа бросали за деньги въ окно тѣсто, которые голодающіе клали на уголья и съѣдали полусырымъ.

8. О китѣ, 1578.

Въ тоже время, въ маѣ, въ Курляндіи на отмели застрялъ китъ, величиною въ 7 футовъ, который и былъ пойманъ.

9. Датское посольство въ Россію, 1578.

Въ тоже время въ маѣ, въ Перновѣ прибыло большое, знатное датское посольство на нѣсколькихъ корабляхъ и галіютахъ, и отправилось въ Москву. Ради этого и подобныхъ посольствъ, которымъ въ эту ливонскую войну часто посылались отъ короля датскаго въ Москву и отъ москвитя слова въ Данію, у ливонцевъ была часто большая радость и надежда, такъ что одинъ писалъ другому много утѣшительнаго и по этому случаю часто распускали радостныя вѣсти; но въ концѣ концовъ все это оказывалось тщетной надеждой.

Прям. перев. Датскими послами были Яковъ Ильфельдъ и Григорій Ульстендъ. Они прибыли въ Москву съ жалобою короля датскаго Фридриха, что русскіе заняли въ Ливоніи датскія владѣнія: Галсаль, Леаль и Моде. Король датскій предлагалъ Іоанну свой советъ для изгнанія шведовъ изъ Эстоніи, на часть которой король предъявлялъ свои права. Но Іоаннъ не призналъ этихъ правъ, а бояре московскіе не соглашались ни на какія уступки. Вѣчнаго мира съ Данією не заключили, а лишь перемиріе на 15 лѣтъ, начиная съ 1 сентября 1578. Главнѣйшія условія были: король признаетъ Ливонію и Курляндію собственностію царя, а царь утверждаетъ за Данією островъ Эзель съ его землями и городами; король датскій не будетъ помогать ни шведамъ, ни Наторію; въ Норвегіи восстанавливаются древнія границы между русскими и датчанами; съ обѣихъ сторонъ объявляется полная свобода для купцовъ и безопасность для путешественниковъ; король

датскій не будетъ задерживать нѣмецкихъ художниковъ, которые пойдутъ въ Москву чрезъ датскія владѣнія.

Король Фридерикъ остался недоволенъ этимъ договоромъ, выгоднымъ лишь для царя, лишилъ Ульфельда своихъ милостей и началъ обнаруживать вражду свою къ Москвѣ тѣмъ, что требовалъ пошлины съ англійскихъ купцовъ на пути ихъ къ Бѣлому морю, объявлялъ притязанія на нѣкоторые пограничныя мѣста съ Норвегіею. Ульфельдъ оставилъ описаніе своего путешествія въ Москву, въ которомъ называетъ русскихъ людьми лукавыми и упрямими и винить Іоанна за его гордость и властолюбіе. Въ договорѣ Ульфельда, хранящемся въ московскомъ архивѣ иностр. дѣлъ, нѣкоторые ливонскіе города обозначены названіями употреблявшимися русскими и нѣмцами:

Сыренскъ	по	нѣмцки	Нимистъ.
Пайда	<	<	Вейсенштейнъ
Ровной	<	<	Раненбургъ.
Голбинъ	<	<	Швапенбургъ.
Чистининъ	<	<	Сесвегенъ.
Фленцъ	<	<	Маріенгаузъ.
Пиболда	<	<	Пебалгъ
Страупа	<	<	Ропъ.
Алясть	<	<	Маріенбургъ
Говья	<	<	Адзель.
Сезипень	<	<	Зельбургъ.
Скровень	<	<	Ашерадень
Полчевъ	<	<	Верполь.
Адежъ	<	<	Неймкенцъ.

Въ то самое время какъ датское посольство вело переговоры въ Москвѣ, въ Варшавѣ шли переговоры о заключеніи союза между Швеціею и Польшею для совместнаго дѣйствія противъ Москвы. Такой союзъ былъ заключенъ шведскимъ посланникомъ Лорихомъ.

10. Дерптскій форштатъ сожженъ, 1578.

1-го іюня шведскіе воины изъ Оверпалена выѣхъ съ нѣмецкими гофлейтами и ландкнехтами изъ Ревеля и выѣхъ съ людьми Аннябала двинулись къ Дерпту и 4-го іюня зажгли большой дерптскій форштатъ, въ которомъ было скучено множество русскихъ домовъ, церквей, монастырей, усадебъ, амбаровъ и лавокъ; при чемъ многихъ русскихъ выхотъ съ женами и дѣтьми они убили и сожгли, взяли тамъ и увезли огромную добычу

11. Победа русскихъ, 1578.

Когда эти воины возвратились изъ Дерпта въ Оверпалень, и большая часть изъ нихъ отдѣлилась и съ добычей отправилась въ Ревель, то подошло нѣсколько сотъ русскихъ и татаръ и стали неистовствовать по всей оверпаленской области, грабя, убивая и сожигая. Ихъ то встрѣтили шведы съ малымъ числомъ людей. А такъ какъ русскіе и татары превосходили своей многочисленностью шведовъ, то шведы были обращены въ бѣгство непріателемъ, и во время

бѣгства многіе изъ нихъ были убиты и взяты въ плѣнъ. При этомъ были взяты въ плѣнъ Гансъ Врангель Иттерферскій, Гириктъ Вульфъ Дертенскій и Адамъ Бельгольдъ, сынъ одного ревальскаго ратмана, и многіе другіе дворяне и хорошіе гезели, всѣ они были уведены въ Дерптъ и Москву.

12. Русскіе берутъ Оверпаленъ, 1578.

Въ то же время московитъ послалъ въ Ливонію войско изъ русскихъ и татаръ, чтобы снова осадить и занять замокъ Оверпаленъ, съ которымъ ведавно потерпѣлъ не мало позору. Оверпаленъ былъ осажденъ московитомъ и окруженъ шавцами 15-го іюля. А такъ какъ шведское войско, назначенное для Оверпалена, замерзло въ Финляндіи по причинѣ противнаго вѣтра, то господинъ Юргенъ Бой изъ Гинеса вмѣстѣ съ Гансомъ Вахтмейстеромъ съ немногими шведскими и нѣмецкими гофлейтами и вѣхтамцъ и вмѣстѣ съ нѣкоторыми ливонскими крестьянами, всего 1200 человекъ, поторопились и вздумали попытаться счастья противъ московита у Оверпалена. — Когда же онъ подошелъ на 6 миль до Оверпалена и услышалъ, что этотъ замокъ завоеванъ московитомъ 25-го іюля, то повернулъ назадъ очень опечаленный. А честные люди въ Оверпаленѣ должны были сниться московиту по безвыходной нуждѣ, такъ какъ этотъ замокъ безжизненъ при большомъ нападеніи, и московитъ обѣщалъ имъ, что они могутъ свободно и безпрепятственно отправиться въ Ревель. Когда же они отошли отъ того замка, то несмотря на всѣ клятвы были взяты въ плѣнъ. Тогда русскіе и татары дрались за женщинъ и дѣвушекъ, и дворянокъ и недворянокъ, тащили ихъ себѣ за кобы и увели всѣхъ въ Москву и Татарию. Нѣкоторые изъ шведскихъ слугъ были утоплены въ Дерптѣ въ Эмбахѣ, другіе повѣшены, а начальникъ Іоаннъ Ведтбергъ и всѣ шведскіе начальники были уведены въ Москву, гдѣ жестокииъ образомъ были замучены и убиты.

Прим. перс. Въ разрядныхъ спискахъ сказано, что воеводы московскіе, князь Нв. Юрьевичъ Голыцкій, Вас. Афанасевичъ Тюменскій, Хворостининъ и Тюфякинъ городъ Полчевъ (Оверпаленъ) взяли 25 іюня, а нѣмецъ живыхъ 200 прислали къ государю въ Москву, а ихъ побили. И воеводы не по государеву указу пошли въ Юрьевъ, и государь послалъ къ нимъ на прибавку съ берегу юна въ 27 боярина князя Вас. Андр. Сидкаго, да окольничяго князя Петра Нв. Татова, а окольничяго князя Дм. Хворостинина, да князя Вас. Тюменскаго велѣлъ отпустить къ Москвѣ.

Іоаннъ приказывалъ воеводамъ идти къ Кесю (Венденъ), да за этого предъ тѣмъ потерянный (см. выше стр. 298), но воеводы заѣликали и къ Кесю не пошли, ссорясь между собою о мѣстахъ. Тогда государь прислалъ къ нимъ кручиннаго съ Москвы посольскаго дьяка Андрея Шомвалова, а изъ Александровской Слободы дворянина Дм. Борис. Салыкова, а велѣлъ имъ идти къ Кесю и промышляти своимъ дѣломъ мимо воеводъ. Тогда только пошли воеводы къ Кесю.

Весь августъ и сентябрь военнымъ потеряли за спорами и выступили въ походъ лишь въ октябрѣ. Они дорого заплатились за это промедленіе, какъ положено въ нижеслѣдующей главѣ.

*13. Побѣда шведовъ и поляковъ надъ русскими не далеко отъ
Вендена, 1578*

Послѣ такой побѣды отрядъ москвитя усилился въ Дерптъ многими людьми и орудіями, намѣреваясь снова осадить замокъ и городъ Венденъ. Тогда и шведскіе воины, посланные въ Оверпаленъ, явились въ Ревель; когда же эти воины услышали, что Оверпаленъ потерянъ, то глубоко огорчились не только за потерю замка, но также и за немилость короля. Поэтому они хотѣли попытаться напасть на москвитя, и удастся ли, это какъ Богъ дастъ.

16-го сентября эти воины, а именно три эскадрона шведскихъ и нѣмецкихъ гвѣлейтовъ и три небольшихъ отряды шведскихъ кнехтовъ, изъ которыхъ одинъ былъ герцога Карла Зюдерманландскаго, кромѣ того маленький отрядъ нѣмецкихъ кнехтовъ города Ревеля — военачальникомъ былъ Юргенъ Бой изъ Гинеса (Генесь въ Финляндіи) и Клаусъ Біерсонъ изъ Гаммельгардена былъ у него поручикомъ, ротмистрами были Мацъ Ларзонъ, Кануть Іонсонъ и Гансъ Вахтмейстеръ, начальникомъ кнехтовъ былъ Гансъ Гротъ — всѣ эти упомянутые начальники и ротмистры съ воинскими людьми весело двинулись въ походъ искать москвитя. Подойдя къ Чернову въ двадцати миляхъ отъ Ревеля и получивъ извѣстіе, что москвитя намѣрены осадить городъ Венденъ, они увидѣли, что не столько сильны, чтобы однимъ напасть на москвитя, и тутъ же узнали навѣрное, что въ рижскомъ округѣ находится также отрядъ польскихъ воиновъ; они послали по этому Каспара Тизенгаузена изъ Зальда и Биды къ полякамъ, чтобы узнать, не согласятся ли они дѣйствовать за одно со шведами. Хотя поляки и не отказали, однако видно было, что они затрудняются въ отвѣтъ. Потому что поляки не мало удивлялись и дѣлали разныя предположенія на счетъ того, что шведы пришли болѣе чѣмъ 50 нѣмецкихъ миль неутонимо и безплатно на помощь крѣпости другаго хозяина съ большой опасностью для собственной жизни. Когда же поляки стали думать слишкомъ долго, то многіе изъ шведовъ хотѣли возвращаться домой въ Ревель.

Тогда господинъ Юргенъ Бой снова послалъ Клауса Мекса (Мексона) изъ Рапиффа къ польскому военачальнику, собственно за тѣмъ, чтобы узнать, что намѣрены дѣлать поляки; на это польскій военачальникъ отвѣтилъ, что навѣрное знаетъ о бытности москвитя въ этихъ мѣстахъ, но еще не знаетъ, къ которому именно мѣсту онъ двинется; поэтому просить шведскаго военачальника обождать еще день или три; затѣмъ онъ отправится къ нему со своими вой-

скомъ и вмѣстѣ съ нимъ по возможности будетъ трудиться сдѣлать лучшее. Съ такими отвѣтами онъ послалъ вмѣстѣ съ Клаусомъ Меексомъ къ шведскому начальнику и одного польскаго вождя. — Военачальникомъ поляковъ былъ Андрей Сцофіа, воевода новгородскій (Сапѣга, воевода новгородъ волыньскій); ротмистрами были Леонардъ Китлицъ, владѣтель Мольница, Альбрехтъ Оборскій, Венцель Жаба, Феликсъ Островскій и Клаусъ Корфъ, все войско вмѣстѣ съ гофлей-тами нѣмецкими и польскими было силою до двухъ тысячъ человекъ.

Въ то время, какъ эти послы посылались отъ одного упомянутого военачальника въ другому, московитъ подошелъ къ Вендену съ 18000 человекъ и съ осадными пушками, картаунами и мортирами. Тогда шведы двинулись дальше къ Буртнгу, гдѣ думали найти поляковъ; когда же ихъ тамъ не оказалось, то пошли дальше къ Мойану, въ 3 миляхъ отъ Вендена, и разбили тамъ свой лагерь. Въ тотъ же вечеръ туда прибыли и поляки, очень нарядные, красиво и хорошо вооруженные, и очень ласково встрѣтились со шведами. Въ слѣдующую ночь стали повсюду трубить, что ежели кто желаетъ слушать слово Божіе, то пусть идетъ на проповѣдь. Когда же проповѣдь была окончена вмѣстѣ съ нѣкоторыми духовными пѣснями, то всѣ выступили въ походъ и въ нѣсколько часовъ до восхода солнца они прошли болѣе двухъ миль, во все время слыша страшную пальбу московита у Вендена, и видѣли также, какъ страшные, огромные огненные шары въ темнотѣ пылали въ воздухѣ. Когда же въ одной милѣ отъ Вендена они подошли къ рѣкѣ или ручью, называемому Аа, и по ту сторону ручья замѣтили отрядъ русскихъ, то задержали ихъ полевыми орудіями, пока безпрепятственно не перешли рѣку; рѣка же эта была очень быстра и глубока, такъ что всякій всадникъ долженъ былъ посадить къ себѣ на коня ландскнехта, и плыли такимъ образомъ по водѣ, такъ что почти совсѣмъ перемогли.

Когда же всѣ перебрались на другую сторону рѣчки, то сдѣлали земной поклонъ всемогущему Господу и стали пѣть псаломъ. Внегда возвратити Господу плѣнь Сионъ, быхомъ яко утѣшени. (Пс. 125). Затѣмъ они смѣло наступили на врага. Русскіе и татары противъ своего обыкновенія тоже оборонялись, такъ какъ не осмѣливались покинуть артиллерию и орудій великаго князя. Тутъ то началась рыцарская игра. Когда русскіе увидѣли, что наши слишкомъ сильны для нихъ, то убѣжали въ свой лагерь, какъ въ выгодное для себя мѣсто. Но за ними храбро погнались со всѣхъ сторонъ и тогда то началась настоящая игра. Когда же русскимъ не помогла и выгодная позиція, то началось бѣгство изъ всѣхъ силъ, при этомъ бѣгствѣ многіе изъ нихъ были убиты, многіе погибли. Но такъ какъ наши устали и впереди имъ еще предстояло дѣло съ русскими, находившимися въ шанцахъ съ артиллеріей, то не могли слишкомъ далеко гнаться за ними, а отправились въ московитскіе шанцы. —

Русские сильно оборонялись большими орудиями, и такъ стрѣляли, что съ ними нельзя было ничего подѣлать. Поэтому шведы такъ же и поляки всю ночь сторожили въ полномъ боевомъ порядкѣ, чтобы на слѣдующій день рано утромъ снова начать схватку съ русскими въ шанцахъ. Но русские не захотѣли дожидаться дня, а въ длинную ночь появлялись на четверенькахъ изъ шанцевъ и отправлялись въ Вольмаръ и другіе близъ лежащія замки и крѣпости. Тогда наши на другой день очень рано утромъ завладѣли шанцами и нашли въ нихъ 14 орудій большого калибра, картечь и шлагъ, 6 мортиръ и нѣсколько полевыхъ орудій. Эта битва произошла въ 1578 году, 21-го октября.

Въ этой битвѣ погибло шесть тысячъ русскихъ и татаръ и пало двадцать два человека изъ знатнѣйшихъ вождей москвитя. — При этомъ были также убиты, ранены и взяты въ плѣнъ слѣдующіе князья: князь Василій Андреевичъ Сидѣй, зять великаго князя, былъ убитъ, а князь Андрей Димитріевичъ раненый былъ отвезенъ въ Россію; князь Василій Федоровичъ Воронцовъ былъ застрѣленъ изъ города Вендена, Андрей Щелкаловъ, канцлеръ великаго князя и его знатнѣйшій совѣтникъ, съ большимъ трудомъ спасся раненый.

Трое князей, именно князь Петръ Ивановичъ Татевъ, князь Семеновъ Тюфякинъ-Оболенскій и князь Петръ Ивановичъ Хворостининъ были взяты въ плѣнъ и усажены въ Цольну. Изъ шведовъ и поляковъ не погибло и ста человекъ, между ними самымъ знатнымъ былъ Гертвихъ Лейдебургъ, поручикъ Ганса Вахтмейстера. 5-го ноября шведы съ большой честью и радостью возвратились въ Ревель съ большой добычей: ланцекнехты, отправившіеся пѣшими, возвратились всѣ верхами и привели съ собой болѣе тысячи московскихъ коней. После этого счастье совершенно измѣнилось москвитю

Прим. перев.. О неудачномъ сраженіи подъ Венденомъ въ разрядныхъ книгахъ записано, что воеводы у Кеспи стояли 5 дней, и по городу били и выбили стѣну, и собрались пѣхотцы и литовскіе люди и воеводы побѣди, а нарядъ пѣхоты: полка (имена пушкаръ), двѣ дѣла, да вѣтъ парновскій, да 3 верховныхъ, да 7 полутѣрныхъ, да 3 скорострѣльныхъ. А воеводы убили: боярина князя Вас. Анд. Сидорова, да окольного Вас. Фед. Воронцова, да Дан. Салтыкова, да князя Мих. Вас. Тюфякина; а живыхъ взяли окольного князя Петра Ив. Татеева, да князя Петра Хворостинина; да князя Семенова Тюфякина, да дьяка Андрея Илюбукова; а съ дѣла сбѣжали, пѣхоту выдали и нарядъ похищали: боярина Ив. Юрьев. Голыцина, да окольный Фед. Вас. Шереметевъ.

Королевскій секретарь Гейденштейнъ, оставившій описаніе войны Стефана Баторія съ Иоанномъ Грознымъ, рассказываетъ, будто московскіе пушкары, видя всеобщее бѣгство волека и не желая попадаться въ плѣнъ, повѣсили на своихъ орудіяхъ.

Русскія орудія, взятые подъ Венденомъ, были перевезены въ Ригу. Шведы и поляки дѣйствовали на одно подъ Венденомъ въ силу за-

ключеннаго не за долго предъ тѣмъ, въ Варшавѣ союза между Швеціею и Польшею (см. выше стр. 298).

Неудача подъ Венденомъ имѣла несомнѣнное вліяніе на ходъ переговоровъ и сношеній между королями Стефаномъ и Іоанномъ. Было выше сказано (см. стр. 271), что въ январѣ 1578 г. въ Москву пріѣхали послы Стефановы: воевода мазовецкій Станиславъ Крыскій и воевода минскій Николай Сапѣга. Начали говорить о вѣчномъ мирѣ; царь потребовалъ, кромѣ Ливоніи, Курляндіи и Полоцка, Кіева, Канева и Витебска и въ оправданіе своихъ требованій вывелъ редословную литовскихъ князей отъ полоцкихъ Ригволодовичей: «Эти князья (гедиминовичи), говорилъ онъ, были славные великіе государи наши братья; но этому королю польская и великое княжество литовское наши вотчины, ибо изъ этого княжескаго рода не осталось никого, а сестра королевская государству не отчичь» (См. Соловьева VI, 355).

При подобномъ требованіи заключеніе вѣчнаго мира было невозможно, но переговаривавшіяся стороны согласились, однако, продолжать перемиріе еще на три года, начиная съ 25 марта 1578 г. Написали и перемирную грамоту, но очень странную, дѣлавшую и перемиріе невозможнымъ, ибо въ грамотѣ, написанной отъ имени цари, внесено было условіе: тебѣ, сосѣду (а не брату) нашему, Стефану королю въ нашей отчинѣ, лифляндской и курляндской землѣ въ наши города, жымы, пристанища морскія, острова и во всякія угоды не вступатися, не воевать, городовъ не засѣдять, новыхъ городовъ не ставить, изъ Лифляндіи и Курляндіи людей и городовъ къ себѣ не принимать до перемирнаго срока. Но въ польской грамотѣ, написанной послами отъ имени Стефана, этого условія не было.

Въ то самое время, когда въ Москвѣ болѣе вели переговоры съ Крыскимъ и Сапѣгою, въ февралѣ 1578 г. созванъ былъ сеймъ въ Варшавѣ. Король Стефанъ кончилъ въ концѣ 1577 г. осаду Данцига и все вниманіе свое обратилъ на востокъ. На сеймѣ Баторій предложилъ вопросъ: съ которыми изъ двухъ непріятелей начать наступательную войну, съ ханомъ-ли крымскимъ, нападавшимъ на Польшу во время осады Данцига, или съ царемъ московскимъ? Воевать съ крымцами опасно, потому что ханъ подручникъ турецкій и слѣд. Польша можетъ быть вовлечена въ войну съ Турціею, не пріобрѣвъ никакихъ выгодъ отъ крымцевъ, народа кочеватаго и бѣднаго. Война съ Москвою трудна, но обѣщаетъ выгоды, ибо можно отъ Москвы отвоевать Ливонію — край богатый и по приморскому положенію своему важный для Польши.

Рѣшили воевать съ Москвою, назначили для того наборы, начали собирать войска.

Въ Варшавѣ рѣшили вести наступательную войну съ Москвою, а въ Москвѣ согласились на трех-лѣтнее перемиріе. Царь послалъ къ Стефану Карпова и Головина взять присягу съ него въ сохраненіи перемирія, а Стефанъ Баторій, чтобы только выиграть время на военные приготовления, въ мартѣ 1578 г. отправилъ къ Іоанну гонца Петра Гарабурду съ письмомъ, въ которомъ предлагалъ царю не предпринимать военныхъ дѣйствій въ Ливоніи до возвращенія русскихъ пословъ изъ Литвы, съ которыми намы будутъ вести переговоры объ этой странѣ. Гарабурда пріѣхалъ въ Москву въ апрѣлѣ и былъ задержанъ тутъ. Царь медлилъ отвѣчать Баторію, ожидая вѣстей изъ Ливоніи и слѣдствій похода къ Вендену.

Точно также поступилъ Баторій съ Карповымъ и Головинымъ. Ихъ всячески задерживали на дорогѣ, спорили о титулѣ государей, и только въ началѣ декабря 1578 г. представили королю въ Краковѣ. Баторій къ этому времени заручился обещаніемъ папы ходатайствовать за него во всѣхъ

государствахъ Европы, перемахнулъ на свою сторону султана казакъ Иудколы, овладѣвшаго быю Валахіею, а что нажибы успѣлъ заключить наступательный и оборонительный союзъ со Швеціею; крымцы обещали ему тревожить Москву. Изъ Трансильваніи подходила къ Стефану его опытная дружина, изъ Германіи подходили наемныя войска. Папа прислалъ ему мечъ съ благословеніемъ, а курфирстъ Бранденбургскій нѣсколько пушекъ. Въ Польшѣ и Литвѣ собиралось и обучалось войско, заготовлялся провиантъ. Баторій дѣйствовалъ неутомимо, распоряжался искусно, хотя литовскіе и польскіе цари уже въ то время въ значительной степени деморализованные изнѣженностію, роскошью, жадною покомъ *), помогали ему очень не усердно.

Баторій принялъ Карпова и Головина не съ честью, о здоровьи царя не спросилъ; послы не хотѣли потому править посольства. Тогда Воловичъ, подканцлеръ литовскій, сказалъ имъ: «Вашего приказа здѣсь не будутъ слушать; какъ здѣсь намъ скажутъ, такъ и дѣлайте; если за вами есть дѣло, то ступайте къ рукѣ королевской и правьте посольство, а государь нашъ Стефанъ король не встанетъ, потому что нашъ государь противъ его поклона не всталъ. Послы отвѣчали, что король царю не ровня, да и потому еще царь не всталъ, что тогда неизвѣстно было, чего хочетъ король, мира или войны, а теперь заключено перемиріе. Имъ отвѣчали, что они могутъ ѣхать назадъ и что литовскій говетъ доставитъ Иоанну отвѣтъ королевскій.

Карповъ и Головинъ выѣхали изъ Кракова 11 декабря 1578 г., но ихъ задержали въ Литвѣ, такъ что они выѣхали оттуда лишь 12 іюня 1579 года.

Между тѣмъ Иоаннъ, обезпокоенный дурнымъ оборотомъ своихъ дѣлъ въ Ливоніи (венденскимъ пораженіемъ), задержкою пословъ въ Литвѣ, и узнавъ о происходившемъ на варшавскомъ сеймѣ, а равно и объ обширныхъ военныхъ приготовленіяхъ Баторія, также не терялъ времени, въ общемъ совѣтѣ бояръ и духовенства объявлялъ, что настала година великаго кровопролитія и съ 5 декабря 1578 г. началъ сильныя приготовленія. Всю зиму воинскіе люди — дворяне, дѣти боярскія, стрѣльцы, казаки, татары, сосредоточивались въ Новгородѣ и Псковѣ.

Срокъ перемирія, заключенному между Финляндіею и Новгородскою областію (см. выше стр. 241) кончился 20 іюля 1577 г. Шведы, заключивъ въ Варшавѣ наступательный и оборонительный союзъ съ Польшею, не замедлили открытъ наступательныя дѣйствія, одобренныя къ тому пораженіемъ, которое потерпѣли московскіе воеводы подъ Венденомъ.

*) Известный русскій выходецъ, князь Курбскій, о которомъ не разъ упоминалось выше, такъ писалъ о современникахъ ему козачихъ и литовскихъ манахъ: „Здѣшній король (Сигизмундъ-Августъ) думаетъ не о томъ, какъ бы поехать въ пещеры, а только о палаткахъ да о масарадахъ; также и вельможи знаютъ только пить да ѣсть сладко; планы они очень храбры; берутъ и Москву и Константинополь, и если бы даже на небѣ турокъ, то и оттуда готовы его сбить. А когда лягутъ на постели между толстыми перинами, то едакъ поудуши проснется, встанутъ чуть живы съ головною болью. Вельможи и князата такъ робки и истомлены спящими женами, что, слышавши варшавское пахожденіе, забѣжало въ прѣстѣрже города, и, вооружившись, надѣвъ доспѣхи, сядутъ за столъ за кубки, и болтають со спящими пьяными сабанами; изъворотъ же городскихъ ни на шагъ. А если выступятъ въ походъ, то идутъ издавѣка за врагомъ, и походивши дни два или три, возвращаются домой, и что бѣднѣе жители успѣли спасти отъ татаръ въ глѣдахъ, какое нибудь животное или скотъ — все пойдеть и погнѣнее разграбать“ (См. Соловьева VI, 305).

14. Вторженіе шведовъ въ Россію, 1579.

Въ 1579 году, въ февралѣ, шведы изъ Выборга вторглись въ Россію и страшно раззорили ее грабежами, убійствами и огнемъ. Въ то же время и Гавсъ Эриксенъ Бринкальскій двинулся въ Россію въ другомъ мѣстѣ со шведскими и нѣмецкими войсками между Нарвой и замкомъ Нисомъ (Нисинлотъ), и сжегъ тамъ до тла много церквей, дворянскихъ усадебъ и селъ и взялъ большую добычу, состоявшую изъ скота, воска, колоколовъ и всякой московитской утвари. Это было первое вторженіе изъ Ливоніи черезъ Пейпусъ и черезъ русскую границу, чего не случалось прежде во все время войны.

15. Кирилле сожженъ, 1579.

Въ то же время Юргень Бутлеръ съ войскомъ курляндскимъ и войскомъ архіепископства рижскаго вторгся въ дерптское епископство, взялъ приступомъ небольшой замокъ Кирилле, убилъ въ немъ нѣсколькихъ русскихъ и сжегъ до тла этотъ замокъ.

Прим. перев. Бутлеръ это былъ одинъ изъ предводителей войска герцога курляндскаго, а польскими войсками, ходившими вмѣстѣ съ курляндскими подъ Кирилле, командовалъ Радзивиллъ.

16. Чума въ Ригѣ и Шосенѣ, 1579.

Лѣтомъ 1579 года, появилась чума, начавшаяся въ Ригѣ еще прошлой осенью: отъ нея умерло очень много народу. Въ то же время со дня св. Іакова чума начала такъ жестоко свирѣдствовать въ Швеціи, что въ одномъ Стокгольмѣ отъ дня св. Іакова до Фомина дня умерло отъ нея болѣе двѣнадцати тысячъ человекъ, и старыхъ и молодыхъ.

17. Татары въ Гарріенѣ, 1579.

Въ то же время, въ іюлѣ, нѣсколько тысячъ татаръ жестоко свирѣдствовали въ Гарріенѣ. Поэтому два отряда нѣмецкихъ и шведскихъ гофлейтовъ и два небольшихъ отряда кнхтовъ и Иво Шенненбергъ, иначе Аннибалъ, со своими крестьянами снарядились преслѣдовать этихъ татаръ. Татары, услышавъ о прибытіи шведовъ, обратились въ бѣгство подъ защиту замка Везенберга и его орудій, гдѣ заняли выгодную позицію. — Когда же шведамъ болѣе невозможно было ихъ преслѣдовать и многие изъ нихъ были ранены тяжелыми орудіями изъ замка, то они должны были отступить и возвратиться въ Ревель.

18. *Ивангородъ и Нарвское предмѣстье сожжены, 1579.*

18-го іюля Бентъ Северинсонъ, шведскій адмиралъ, напалъ съ нѣсколькими кораблями на большое мѣстечко Ивангородъ въ Россіи и на большое Нарвское предмѣстье въ Ливоніи; сжегъ до тла оба эти незащищенные мѣстечка, убилъ въ нихъ много русскихъ и взялъ огромную добычу вмѣстѣ со многими кораблями, нагруженными всякими товарами, цѣною въ нѣсколько бочекъ золота, и привезъ ихъ въ Ревель и Столгольмъ съ большою славой.

19. *Плѣнъ и смерть Аннибала, *1579.*

Когда шведы изъ подъ Везенберга вернулись въ Ревель, Иво Шенкенбергъ, иначе Аннибалъ, снова отправился въ походъ со своими крестьянами, чтобы напасть на татаръ у Везенберга; незадолго передъ тѣмъ этого не смогъ сдѣлать цѣлый отрядъ шведскихъ и нѣмецкихъ коняковъ, а онъ одинъ вздумалъ одержать верхъ. Когда же онъ подошелъ поближе къ Везенбергу и получилъ вѣрныя свѣдѣнія о томъ, что татары слишкомъ превосходятъ его своею многочисленностію, то счелъ лучшимъ занять какую нибудь выгодную позицію, чтобы изъ нея выманить непріятеля въ поле. Но его братъ Христофоръ Шенкенбергъ не согласился на то, и выбранилъ своего брата Иво, а также и другихъ, трусами и по своей безразсудной смѣлости съ нѣсколькими крестьянами былъ первый, отважившійся наступить. Когда же остальные увидѣли это, то послѣдовали за нимъ, храбро напали на татаръ, два раза отбѣснули ихъ до везенбергскихъ воротъ и убили болѣе пятидесяти человекъ. Русскіе и татары очень удивлялись большой смѣлости такого ничтожнаго числа людей и были вполне увѣрены, что у нихъ въ кустахъ есть гдѣ нибудь засада. Когда же во второй стычкѣ они поймали одного изъ людей Иво и узнали отъ него, что засады никакой нѣтъ, то все татары и русскіе еообща бросились на нихъ и окружили ихъ со всѣхъ сторонъ. Когда Иво увидѣлъ это, то тотчасъ же бросился бѣжать. Христофоръ Шенкенбергъ не хотѣлъ сдаться въ плѣнъ, а храбро защищался до смерти, а Иво былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ самъ — шестьдесятъ, изъ которыхъ нѣкоторые были повѣшены въ Везенбергѣ, нѣкоторые же были брошены въ башню. — Послѣдніе чудеснымъ и непостижимымъ образомъ освободились изъ башни и черезъ нѣсколько недѣль пришли въ Ревель. — Когда Иво Шенкенбергъ былъ взятъ въ плѣнъ, то у всѣхъ русскихъ какъ въ Ливоніи, такъ и въ Россіи, поднялось такое ликованіе, будто они захватили въ плѣнъ государя какой нибудь земли. Черезъ нѣсколько времени они привели его съ тридцатью другими плѣнными къ великому князю въ Псковъ, гдѣ онъ общался, что за него выдѣлутъ трехъ знатныхъ московитскихъ плѣнныхъ бояръ

или дворянъ. Но это не помогло, а его жестокосердіе умертвили вмѣстѣ съ его товарищами. Ревельцы не мало печалились объ этомъ. Эта битва съ татарами у Везевберга произошла 27-го іюля 1579 года.

20. Вторженіе русскихъ въ Курляндію, 1579.

Того же 27-го іюля отрядъ русскихъ и татаръ ночью вторгся въ Курляндію, переправившись чрезъ Двину между Кокенгузенемъ и Ленневардомъ; они врасплохъ напали на лагерь курляндцевъ и убили болѣе шестидесяти человекъ дворянъ и кнехтовъ. Курляндцы должны были снести это поруганіе отъ москвиты за то, что были увѣрены въ своей безопасности, не держали хорошей стражи и не обращали вниманія на развѣдки и добрыя предостереженія.

Прям. перев. Въ Курляндію вступило значительно большее войско (въ разрядныхъ книгахъ сказано, что государь отпустилъ въ курляндскую землю воеводу со многими людьми, а съ ними было 20 тысячъ татаръ, казайскихъ и казанскихъ), но оно было въ самомъ скоромъ времени возвращено обратно къ Кокенгузену, такъ какъ получились свѣдѣнія о наступленіи Баторія.

Было выше сказано, что Іоаннъ началъ готовиться къ войнѣ съ Баторіемъ съ 5 декабря 1578 г. Оставивъ войско въ 80 тысячъ для обереганія границъ по Волгѣ, Днѣпру, Ока и Днѣпру, царь указалъ главнымъ силамъ сосредоточиваться въ Новгородѣ и Псковѣ. Всю зиму и весну шло ополченіе къ Ильмену и Нейпсуу. Іоаннъ, поручивъ Москву князю Андрею Петровичу Куракину, взявъ съ собою бояръ, думныхъ дворянъ и дьяковъ для военныхъ и государственныхъ дѣлъ, въ іюль выѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ всѣ воеводы уже ждали его приказаній.

Сюда пріѣхали Карповъ и Головинъ (см. выше стр. 304) и донесли царю, что Баторій идетъ уже къ московскимъ границамъ, но что изъ литовской шляхты идутъ съ Баторіемъ не многие охотне люди, а изъ польскихъ пановъ и шляхты никто не идетъ, кромѣ наемныхъ людей. Царь велѣлъ полякамъ и шляхтѣ, чтобы шли съ нимъ всю землю къ Смоленску или Полоцку, но паны радыя короля отговаривались, чтобы онъ отъ литовскихъ границъ войны не начиналъ, а стоялъ бы за Ливонію. А во всей землѣ, въ Польшѣ и Литвѣ, у всѣхъ одно слово, что у нихъ Стефанъ король на королевствѣ не былъ; а пока у нихъ Стефанъ король на королевствѣ будетъ, до тѣхъ поръ ни въ чемъ добру не бывать, и сколько имъ себя государей не выбирать, кромѣ сыновей московскаго государя или дитяти короля никого имъ не выбрать; а болше говорить во всей землѣ всякіе люди, чтобы у нихъ былъ на государствѣ московскаго государя сынъ.

Донесенія Карпова и Головина были совершенно справедливы: предъ началомъ московской войны Баторій находился въ очень затруднительномъ положеніи: поляки и литовцы рѣшительно не хотѣли начать съ Иваномъ. Но энергическій Баторій сумѣлъ преодолѣть всѣ препятствія и собрать войско хоть разноплеменное и разноязычное (нѣмцы, венгры, галичане и многіе литовцы), но порядочно обученное и вооруженное, слѣд. свѣдѣніе касавшееся далеко превосходившее литовскія ополченія, свѣдѣніе же о обученіи ратному строю и плано вооруженія. А Баторій былъ очень хорошая наемная пѣхота, венгерская и нѣмецкая, хорошая артиллерія, и еще съ нимъ была

замѣчательнымъ и искуснымъ полководцамъ; у Іоанна нѣхоты почти вовсе не было, ибо въ его ополченіяхъ преобладала конница, артиллерія (нарядъ) была плохая, а генераловъ и вовсе не было, такъ какъ воеводами назначались лица, никогда и видѣть не изучавшія военного искусства и назначались не по военнымъ способностямъ, а по мѣстѣ, которое они занимали въ думѣ.

Нѣхотѣ борбы не могъ поддѣлать сомнѣнію.

Было выше упомянуто, что при отправленіи въ декабрѣ 1578 года Карпова и Гольвина изъ Кракова имъ было сказано, что Баторій доставитъ отвѣтъ Іоанну на его письмо чрезъ особаго гонца. Гонца Лопатинскаго Баторій послалъ когда совершенно уже былъ готовъ къ войнѣ—въ іюні 1579 г. Лопатинскаго остановили въ Дорогобужѣ и взяли у него письмо Баторія, писанное въ Вильнѣ 26 іюня 1579 г. Стефанъ писалъ, что не смотри на заключенное перемиріе (съ 25 марта 1578 г. на три года, см. выше стр. 303) Іоаннъ воюетъ Ливонію, что перемирная грамота написана обманно (это было справедливо), что онъ, Стефанъ, рѣшился искать управы оружіемъ.

Въ іюлѣ, въ то время какъ Іоаннъ прибылъ въ Нотгородъ, Баторій сосредоточилъ свои войска въ Смирѣ и здѣсь созвалъ военный совѣтъ обсудить въ какую сторону направить походъ. Литовскіе князья совѣтовали идти къ Пскову, но Баторій, какъ полководецъ дальновидный, рѣшилъ иначе: онъ положилъ овладѣть Полоцкомъ и тѣмъ самымъ заставить русское войско выйти изъ Ливоніи, чтобы не быть отрѣзаннымъ отъ собственныхъ земель, изъ которыхъ оно могло получить подкрѣпленіе и продовольствіе.

Расчетъ былъ совершенно вѣренъ. Въ первыхъ числахъ августа Баторій сталъ подъ Полоцкомъ и Іоаннъ, находившійся въ это время во Псковѣ и полагавшій, что театромъ войны будетъ Ливонія, немедленно же долженъ былъ отозвать своихъ воеводъ: князя Хилкова и Безнина, посланныхъ въ Курляндію. Вотъ почему русское войско, едва появившись въ Курляндію, немедленно же отошло къ Кокенгузену: оно получило назначеніе идти на выручку Полоцка, къ оборонѣ непритовленнаго и имѣвшаго гарнизонъ не многочисленный.

21. Новый замыселъ Іоанна противъ Ревеля, разрушенный Стефаномъ Баторіемъ польскимъ, 1579.

Въ 1579 г. послѣ того какъ москвиты совершенно отказались отъ всѣхъ переговоровъ, которые съ нимъ до этого времени ждали вести на счетъ Ливоніи императоръ и короли и послѣ того какъ онъ исключилъ эту страну рѣшительно изъ всѣхъ переговоровъ о мирѣ между Россіей, Швеціей и Польшей, предоставивъ ее себѣ и рѣшивъ, что никто не будетъ вмѣшиваться въ его дѣла, послѣ того какъ онъ былъ возбѣшенъ на городъ Ревель, съ которымъ воевалъ тамъ много лѣтъ, и которому ничего не могъ сдѣлать ни всѣми своими коварными замыслами, ни кознями, ни силой, но отъ котораго ежедневно терпѣлъ позоръ и убытки, и во что бы то ни стало жаждалъ взять его онъ поэтому рѣшился собственноручно осадить этотъ городъ въ этомъ же году, и для этого употребить въ дѣло свое наибольшее войско. Для этого онъ велѣлъ зимой перевозить самыя огромныя и тяжелыя орудія изъ Москвы во Псковъ, и за большую сумму денегъ вынулъ у крымскихъ татаръ миръ на одинъ годъ: въ этотъ годъ онъ

рѣшился совѣмъ покончить съ городомъ Ревелемъ и со всеми прочими городами, крѣпостями и землями въ Ливоніи. Поэтому онъ собралъ въ Псковъ къ ливонской границѣ всѣхъ своихъ русскихъ, казанскихъ и астраханскихъ татаръ со всеми, кого только могъ собрать, снѣгъ же отправился также туда въ іюнь. Когда онъ былъ увѣренъ, что вполне исполнить свое намѣреніе, всемогущій Господь устроилъ такъ, что Стефанъ Баторій, князь семиградскій, избранный недавно королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ, началъ въ это время противъ московита большую войну вмѣстѣ съ королемъ шведскимъ. Къ этимъ двумъ достохвальнымъ королямъ и государямъ ливонцы большею частью имѣли мало довѣрія въ началѣ ихъ правленія и вовсе не думали, что они смиритъ московита; и московитъ точно также меньше всего думалъ о томъ, что будетъ униженъ этими двумя достохвальными королями, которыхъ считалъ такими ничтожными сравнительно съ собой. Когда же эти достохвальные короли выступили въ походъ какъ разъ въ то время, когда московитъ собиралъ у Пскова свои войска противъ Ливоніи, то московитъ долженъ былъ приостановить свои сборы. Тогда король польскій съ сильнымъ войскомъ отнялъ у московита большой городъ и крѣпость Полоцкъ и избилъ въ немъ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Затѣмъ онъ взялъ также приступомъ замокъ Соколы, убилъ въ немъ 4000 чеховъ изъ лучшихъ ратниковъ московита вмѣстѣ съ нѣсколькими знатнѣйшими князьями, и многія тысячи взялъ въ плѣнъ. Въ то же время въ сентябрѣ онъ взялъ замки Касимъ (Козьянъ), Красный, Ситну, Туровъ и Зуссу (Пенцерду). Послѣ завоеванія этихъ крѣпостей Баторій двинулся дальше въ землю московита, гдѣ опустошилъ земли смоленскую, черниговскую и сѣверскую до Стародуба, сжегъ много городовъ съ нѣсколькими тысячами деревень, опустошилъ ихъ и взялъ несмѣтную добычу людьми и скотомъ. Когда московитъ испробовалъ серьезныя намѣренія, силу и могущество короля польскаго, то началъ дорожить дѣлать ихъ и сталъ вести переговоры о мирѣ съ королемъ польскимъ.

Прим. перев. Руссовъ рѣшительно ошибается, когда говоритъ, что Іоаннъ собиралъ войска для овладѣнія Ревелемъ. Войска собирались вовсе не для войны въ Ливоніи, а для войны съ Баторіемъ.

Полоцкъ былъ осажденъ въ началѣ августа: осаждаемые воеводы: князь Василій Телятевскій, Петръ Волыскій, князь Дмитрій Щербатый и дьякъ Ржевскій бои трехъ недѣль отбивались отъ Баторія и записались съ чрезвычайнымъ мужествомъ. Они сдались 30 августа, когда вѣтры зажали стѣны и не было уже возможности держаться, сдались съ условіемъ свободнаго выхода всѣмъ ратнымъ людьми.

Посланные на помощь Полоцку воеводы не могли достигнуть этого города, такъ какъ всѣ дороги уже были заняты войсками Баторія подъ начальствомъ Христофора Радзивилла и Яна Рѣбковича. Русскіе воеводы Борнъ, Чесинъ, Федоръ Шереметьевъ и др. заняли крѣпость Соколы.

По взятіи Полоцка, войска Баторія 19 сентября осадили Соколъ. а 25 сентября зажгли башни и штурмовали эту крѣпость. Штурмъ сопровождался отчаянною рѣзней, такъ что старый полковникъ Вейеръ, служившій у Баторія, говорилъ, что бывалъ онъ на многихъ битвахъ, но нигдѣ не видалъ такого множества труновъ, лежавшихъ на одномъ мѣстѣ. Русскіе понесли при штурмѣ большую потерю: бояринъ Шениъ былъ убитъ и съ нимъ пало 4000 человекъ русскихъ ратниковъ, бояринъ Череметевъ съ малымъ числомъ дѣтей боярскихъ былъ взятъ въ плѣнъ.

Баторій овладѣлъ городами: Краснымъ, Козляномъ, Ситномъ, Туровлемъ и Пешердомъ. Въ это самое время князь Константинъ Острожскій опустошилъ область сѣверскую до Стародуба и Почаево, а староста оршанскій князь область Смоленскую, при чемъ было сожжено до 2000 селеній.

Взятіемъ Полоцка, Сокола и др. городовъ Баторій кончилъ походъ 1579 г. и въ октябрѣ возвратился въ Вильну. Іоаннъ изъ Пскова возвратился въ Москву въ декабрѣ того же 1579 г.

22. Пораженіе шведовъ, 1579.

Въ то время, въ августѣ, изъ Швеціи прибыло въ Ревель большое войско изъ рейтаровъ и кнхтовъ, вмѣстѣ съ сильной артиллеріей, которые должны были отправиться 29-го августа черезъ Ревель къ Нарвѣ. 6-го сентября полтораста всадниковъ были отправлены изъ всего отряда на развѣдки, подъ начальствомъ Іохима Грече. Когда они повстрѣчали отрядъ татаръ и не знали, какъ велико ихъ число, то очень храбро бросились на нихъ. Но огромной толпой татаръ они были все окружены, перебиты и взяты въ плѣнъ, такъ что Іохимъ Грече только самъ съ большою бѣдой пѣшкомъ убѣжалъ отъ нихъ черезъ кустарники и болота.

23. Промѣнные дожди, 1579.

Тѣмъ же лѣтомъ стояла такая необычаяная и неслыханная дождливая погода, что въ теченіе пяти недѣль не было трехъ дней безъ дождя. По причинѣ сильнаго дождя, длившагося и день и ночь, конны, а также и все прочіе, совершенно упали духомъ.

Прим. перев. Дождливая погода стояла не въ одномъ Ревелѣ. Когда въ августѣ Баторій стоялъ подъ Полоцкомъ, то отъ дождей дороги испортились, обозная пошла на зыбъ, ратники не могли найти сухаго мѣста подъ шатрами; особенно страдали вѣзны, привыкшіе вести войну въ странахъ богатыхъ: изъ противоположности имъ вѣзны отличались терпкостью и неутомимостью.

24. Татарскіе послы изъ Швеціи. Чума тамъ же, 1579.

Въ 1579 г., 18-го августа, въ Стокгольмъ въ Швецію прибыли татарскіе послы, посланные крымскими татарами черезъ Литву и Кенигсбергъ въ Пруссію. Подаривши королю шведскому двухъ

верблюдовъ и красиваго коня, они стали просить, чтобы онъ не заключалъ мира съ московитомъ. — Это было очень рѣдкое посольство въ Швецію. Въ то же время, когда прибыли татары въ Стокгольмъ и по всей Швецію развилась такая страшная чума, что въ короткое время отъ нея умерло въ одномъ только Стокгольмѣ двѣ тысячи и нѣсколько сотъ человѣкъ.

Прим. перев. Не забыли вспомнить, что Девлетъ-гирей, тотъ самый, что съжегъ Москву (см. выше стр. 204) умеръ 29 июня 1577 — Сынъ его Магметъ-гирей, заступивъ мѣсто отца, напалъ на Литву и выжегъ не малую часть Волыни, исполняя завѣтъ вельможъ, которые говорили, что новый ханъ долженъ ознаменовать свое воцареніе кровопролитіемъ въ соседнихъ земляхъ. По поводу этого набѣга, на варшавскомъ сеймѣ (см. выше стр. 303) и разсуждали съ кѣмъ начинать войну съ ханомъ или Москвою.

Новый ханъ просилъ у Іоанна «мошинковъ» 4000 р., но царь послать ему только 1000, за то Стефанъ далъ больше, чтобы только этотъ атаманъ хищниковъ не тревожилъ Литвы.

Посольство, прибывшее въ Стокгольмъ, было Магметъ-гирево. Ханъ рассчитывалъ, пользуясь войною между Польшею и Москвою, поживиться на счетъ обѣихъ воюющихъ сторонъ.

25. Несчастіе шведовъ у Нарвы, 1579.

13-го сентября шведы осадили Нарву, по случаю чего была большая радость и ликование по всей Ливоніи, особенно же въ Ревелѣ. Но скоро послѣ этой радости наступило великое горе и печаль, такъ какъ этотъ наварскій походъ и осада окончились крайне несчастливо. Потому что въ продолженіи двухъ недѣль, во все время, которое шведы пробыли подъ Нарвой, имъ встрѣчались постоянныя неудачи: во первыхъ нестерпимая, дождливая погода, которая такъ одолевала солдатъ, что у нихъ сгнила одежда на тѣлѣ. Во вторыхъ адмиралъ черезъ чуръ замедлилъ доставкою артиллеріи и кораблей съ провіантомъ, вслѣдствіе чего въ лагерь произошелъ такой голодъ и изнуреніе, что отъ голода умерло болѣе 1500 кнехтовъ. Въ третьихъ и татары стали ставить шведамъ препятствія при фуражировкѣ и наносили имъ вредъ, такъ что они ни какъ не могли добыть чего либо изъ земель непріятеля. И когда выходили отрядъ шведовъ немного поспѣше, то татары всегда убѣгали отъ нихъ: когда же шведы возвращались назадъ въ лагерь, то татары снова поспѣшно наносили имъ и постоянно мучили шведовъ. И такъ, когда повсюду руйнались всѣ попытки шведовъ и когда ихъ совершенно одолѣли голодъ и горе, то вслѣдствіе крайней нужды они въ сентябрѣ отступили отъ Нарвы.

26. Набѣги татаръ изъ Эстляндіи, 1579.

Когда шведы были на обратномъ пути, то татары постоянно шли вслѣдъ за ними по дорогѣ и убили многихъ кнехтовъ, которые

истощенные. Больные и усталые не могли поспѣть за другими, многіе даже поумирали на дорогѣ и ливѣмъ не были схоронены. Тогда татары отняли также безъ малѣйшаго труда много обозныхъ телѣтъ вмѣстѣ со многими лошадьми. Когда же крестьяне въ Вирландѣ увидѣли, что счастье такъ везетъ татарамъ, то очень многіе молодые батраки добровольно перешли къ татарамъ и остались у нихъ, а крестьяне въ Вирландѣ всѣмъ жаловались, что не могутъ удержать у себя ни одного батрака.

Тогда эти же татары стали лагеремъ у Нienгофа въ 6 миляхъ отъ Ревеля, и страшно опустошили какъ эту страну, такъ и весь Гарриенъ, убивая и грабя, старыхъ перебили, а молодыхъ увели въ плѣнъ. Они сходили съ копей, обыскивали кусты и болота и криками спугивали людей, какъ спугиваютъ дичь, и выгоняли ихъ; но повсюду совершенно воздерживались отъ пологовъ, для того, чтобы не видно было, откуда они идутъ, или куда направляются и гдѣ бы отъ нихъ слѣдовало беречься.

Когда же весь Гарриенъ былъ опустошенъ самымъ плачевнымъ образомъ, то татары двинулись въ Викъ на помощь къ замку Габсаль, который осадили нѣсколько сотъ крестьянъ, поднявшихся на удачу съ нарвскаго похода. Крестьяне такъ устрашили русскихъ, находившихся въ Габсалѣ, что тѣ принуждены были обратиться за помощью къ татарамъ.

Этимъ татарамъ совѣтъ не трудно было бы противостоять, если бы шведскіе войны не потеряли мужества и охоты къ тому вслѣдствіе несчастной нарвской осады. Потому что въ прошломъ году шведы не затруднялись съ небольшими силами ходить на москвитя до самого Велдена за 50 нѣмецкихъ миль пути. Теперь же наоборотъ небольшой отрядъ татаръ пошелъ на шведовъ и преслѣдовалъ ихъ, что имъ было очень выгодно дѣлать, такъ какъ шведы были совершенно истощены труднымъ нарвскимъ походомъ, а также и осадой.

Выручивъ замокъ Габсаль, татары и въ Викѣ спирѣбствовали точно такъ же, какъ и въ Гарриенѣ множество бѣднаго народу они взяли въ плѣнъ и увели съ собой, несмотря на то, что Викъ въ то время былъ землей ихъ же господина, москвитя. Немного времени спустя, когда этотъ отрядъ татаръ ушелъ изъ Гарриена и Вика въ риженскій округъ, и бѣдные крестьяне, посправившіеся въ пустыряхъ, кустарникахъ и болотахъ, возвратились домой, явился другой отрядъ русскихъ и татаръ по той же дорогѣ изъ Везенберга. Противъ всякаго ожиданія и помысленія, этотъ отрядъ снова самымъ прискорбнымъ образомъ началъ, захватилъ въ расплохъ и увелъ въ плѣнъ многихъ крестьянъ съ ихъ женами и дѣтьми, оставшихся еще послѣ прихода прежняго отряда татаръ. Такъ въ Гарриенѣ одно злополучіе слѣдовало за другимъ. Случилось же это въ октябрѣ 1579 года.

27. Непогода, 1580.

Въ 1580 г., 25-го іюля, въ Ливоніи, особенно же въ Іервенѣ поднялась такая ужасная непогода съ громомъ, молніей и градомъ, будто насталъ конецъ міра. Шель такой крушительный градъ, что не только совершенно побилъ и уничтожилъ весь хлѣбъ на нѣсколько миль вокругъ Виттенштейна, будто тамъ и небыло ничего посѣяно, такъ что никто и не воспользовался посѣвомъ, но и убилъ въ лѣсахъ и на поляхъ много дикихъ звѣрей и птицъ, которыхъ послѣ того крестьяне кучами собирали себѣ для кушанья. Когда же крестьяне привезли русскимъ въ Виттенштейнъ, какъ своимъ господамъ, нѣсколько убитыхъ градомъ зайцевъ и куропатокъ, то русскіе не хотѣли принять ихъ, говоря, что имъ неприлично ѣсть то, что убилъ Господь Богъ. Послѣ этой страшной непогоды, русскіе, также какъ ливонскіе крестьяне, сочиняли и распространяли ужасныя вѣсти, которыя будто бы случились и были замѣчены во время этой непогоды.

28. Победа поляковъ въ Россіи, 1580.

Въ 1580 г., въ іюлѣ, король польскій съ сильными войскомъ во второй разъ двинулся въ землю московита, и 5-го сентября взялъ силой и занялъ городъ и замокъ Великія-Луки и много тысячъ людей убилъ и погубилъ въ этомъ мѣстѣ. Въ то же время онъ завоевалъ и занялъ крѣпости Невель, Веліжъ, Усвятъ и Заволожье.

Прии. черев. Первая половина 1580 г. прошла въ Москвѣ и Польшѣ въ сборахъ и приготовленіяхъ къ дальнѣйшему продолженію войны, въ пересылкахъ гонцевъ изъ Польши въ Москву и изъ Москвы въ Польшу. Письма, конечно, не приводили ни къ какимъ результатамъ, да и пересылались единственно за тѣмъ, чтобы только выиграть время.

Король Стефанъ, возвратившись съ похода 1579 г. въ Вильну, не встрѣтилъ ни въ полякахъ, ни въ литовцахъ никакой особенной охоты продолжать войну, ему предстояло пронасть хлопотъ, чтобы собрать деньги и войско. Знаменитый канцлеръ Янъ Замоискій помогъ королю и въ срединѣ 1580 г. польское войско приготовилось къ новому походу: венгерскіе и нѣмецкіе наемники составляли главную основу его. Въ числѣ предводителей нѣмецкихъ жолтировъ былъ и датскій полковникъ, Георгій Фаренсбахъ, тотъ самый, который былъ на службѣ у Іоанна и ушелъ отъ него въ Ливонію (см. выше страницу 213).

Въ Москвѣ тоже не терли времени, собирали деньги и войско, но здѣсь вовсе не было нужды въ военномъ дѣлѣ иностранныхъ дружинъ, не было и полководцевъ, которые бы могли равняться съ Баторіемъ. Не имѣя ничего о намѣреніяхъ царя, Іоаннъ долженъ былъ снова растянуть свои войска, послать полки и къ Новгороду и къ Пскову, къ Кокенгузену и Смоленску, долженъ былъ оставить ещѣ нѣкоторые отряды на всякихъ границахъ на случай вторженія крымцевъ, и усилить гарнизоны въ Честинѣ для оборонительной войны противъ шведовъ. Главное начальство надъ русскими войсками было ввѣрено великому князю Сімону Бекбулатовичу и боярину князю Ивану Овдоровичу Мстиславскому.

Баторій рѣшился начать походъ 1580 г. движеніемъ на Великія Луки, но собравъ войска подъ Чашниками на рѣкѣ Улѣ и на одинаковомъ разстояніи и отъ Великихъ Лукъ и отъ Смоленска, вслѣдствіе чего до послѣдней минуты оставалось неизвѣстнымъ, куда именно король направитъ свои войска (численность ихъ не превосходитъ 30,000 человекъ). Чрезъ болота и лѣса, Баторій вышелъ къ Велижу и къ Усвиту, взявъ обѣ эти крѣпости и въ концѣ августа сталъ подъ Великія Луки. Сюда явились московскіе послы — князь Сизкій и Пивонъ и начали было переговоры, которые не привели ни къ какимъ результатамъ. Осажденные начали переговоры о сдачѣ, но венгры, боясь лишиться добычи, воспользовались 5 сентября взрывомъ башни, наполненной порохомъ, мгновенно ворвались въ городъ и выхвѣли съ полянами перерѣзали всѣхъ, кто имъ попадался. За Великими Луками были взяты Цевель, за тѣмъ Ошеринъ, наконецъ Заволочье. Взятіемъ этихъ городовъ Баторій кончилъ походъ 1580 г. Русскіе нигдѣ не имѣли удача, за исключеніемъ дѣла подъ Смоленскомъ, гдѣ оршанскій воевода Филонъ Кмита потерпѣлъ сильное пораженіе въ сентябрѣ.

29. Шведское ополченіе противъ Кексгольма, 1580.

Въ то же время и король шведскій еще въ продолженіи чумной эпидеміи собралъ сильное войско и двинулся въ землю москвитя съ намѣреніемъ осаждать городъ Кексгольмъ: къ этому отряду присоединился также и Гансъ Вахтмейстеръ со своимъ отрядомъ нѣмецкихъ гофлейтовъ изъ Ревеля. Главнымъ полководцемъ былъ Понтусъ Делагарди, баронъ и рыцарь Эйкгольмскій, а подчиненные ему лейтенанты и главные начальники были Германъ Флемингъ изъ Вилліаса (Вильвеса), Юргень Боге изъ Гинеса и Карлъ Гивриксенъ изъ Банкаса.

30. Комета и большая чума, 1580.

Той же осенью 1580 года, въ октябрѣ и ноябрѣ, снова въ Ливоніи видна была комета. Въ то же время, въ ночь св. Мартина, сначала въ Ревелѣ, а потомъ и по всей странѣ обнаружилась такая скоротечная болѣзнь и чума, что въ короткое время отъ нея умерло несмѣтное количество народу, и не было ни одного города, замка или села, даже одного дома въ городѣ, даже ни одного двора въ селѣ, гдѣ въ одно время не лежали бы больными всѣ люди, и старые, и молодые. Тогда не было ни одного человѣка ни на одной улицѣ или на рынкахъ въ городахъ и на всѣхъ большихъ дорогахъ и въ деревняхъ и ни въ одной церкви въ городѣ нѣсколько дней не было проповѣди. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ по одинъ человѣкъ не былъ настолько здоровъ и силенъ, чтобы накормить или напоить скотъ, почему нѣсколько дней слышались жалобное блеянье и мычанье голодной скотины. Сначала думали, что эта внезапная чума постигла лишь одну Ливонію, но вслѣдствіи узнали, что она обошла весь обширный

міръ, какъ Турцію и Татарію, такъ и все христіанство; эта чума длилась въ Ревелѣ съ мартінова дня до новаго года.

31. *Шведы завоевываютъ Кексгольмъ, 1580.*

4-го ноября 1580 г. король шведскій силой отнялъ у москвитя городъ и замокъ Кексгольмъ, въ которому принадлежить почти цѣлое княжество. Когда же шведы подошли, то хорошо зная и испытавши много разъ передъ тѣмъ, что тяжелыми орудіями ничего не подблаютъ съ этимъ городомъ, такъ какъ онъ лежитъ между быстрыми, стремительными рѣками и большими болверками и блокадами защищенъ отъ сильнаго нападенія; они поэтому задумали попытать счастья у этого города только съ помощью раскаленныхъ ядеръ и скоро этими ядрами произвели въ городѣ такой пожаръ, что невозможно было потушить его. Тогда много русскихъ, и мушеры и жевщины сами бросились въ воду и тонились, и болѣе двухъ тысячъ человѣкъ были убиты и уничтожены въ этой суматохѣ шведами. Когда же воевода Кексгольмскаго замка, построеннаго также изъ дерева и лежавшаго вблизи отъ города, увидѣлъ, что шведы не шутятъ, то скоро въ большомъ страхѣ передалъ замокъ королю шведскому и удержавъ за собой право свободного выхода, онъ со всеми подчиненными отправился въ Россію; этого воеводу звали Атталунгъ Овасинъ (?).

32. *Какъ шведы осаждали Падисъ и взяли его у русскихъ, 1580.*

Въ то же время и замокъ Падисъ въ Ливоніи былъ осажденъ шведскими и ревельскими кнехтами и туземными помѣщиками и крестьянами, а начальниками этихъ воиновъ были Дидерикъ Апрець и Апрець Ассеріенъ. А такъ какъ Падисъ былъ ближайшимъ замкомъ отъ Ревеля и лежалъ отъ него лишь въ шести миляхъ, то москвиты, намѣреваясь постоянно тревожить изъ него Ревель, такъ сильно укрѣпилъ его противъ нападеній, что почти невозможно было взять его съ помощью орудій. Поэтому упомянутые воины, узная изъ вѣрныхъ источниковъ, что въ землѣ не было большихъ запасовъ провіанту, рѣшили попытать счастья долговременной осадой, и пробыли у Падиса все лѣто до новаго года. Простоявши тутъ довольно долгое время и узная отъ перебѣжавшихъ русскихъ, что въ Падисѣ страшный голодъ и изнуреніе, они задумали 14-го ноября взять замокъ приступомъ, но въ этомъ приступѣ они потеряли около ста человѣкъ крестьянъ и нѣмецкихъ и шведскихъ ландекнехтовъ. Несмотря на то, нѣмцы не считали своего дѣло проиграннымъ, а остались у замка и долѣ. Когда же русскіе увидѣли, что они и не думаютъ отступать, то многие изъ нихъ другъ за другомъ въ ночное время пере-

бѣжали къ шведамъ и все приносили добрыя вѣсти, что русскіе въ Падисѣ отъ великаго голода и изнуренія не долго продержатся въ замкѣ и что многіе изъ нихъ уже умерли съ голоду и лежатъ больные или отъ голода или отъ скоротечной чумы. Наконецъ Гансъ Эрикссонъ, Бринкальскій, ревальскій губернаторъ, отправился туда же около Рождества и послалъ къ падискому воеводѣ трубача, чтобы завести мирные переговоры, но изъ великой злобы воевода застрѣлилъ трубача. Наконецъ, когда къ шведамъ перебѣжало вѣскозько знатнѣйшихъ бояръ и начальниковъ вмѣстѣ со своими священниками и принесли вѣрныя извѣстія, что русскіе въ замкѣ съѣли не только своихъ лошадей, собакъ и кошекъ со всеми ихъ внутренностями, не только съѣли все лошадиныя шкуры, свои сапоги и башманы и кожу съ сѣделъ, но сушили оѣно и солону, мали ихъ, дѣлали изъ нихъ муку, варили изъ этого кашу и долгое время такимъ образомъ обходились безъ хлѣба — а также, что вѣкоторые изъ простыхъ ратниковъ убили маленькаго мальчика лѣтъ шести и тайно съѣли его, также какъ и двухъ дѣтей, уже раньше умершихъ — то шведы поэтому рѣшились еще разъ идти на приступъ. Когда же были принесены лѣстинцы и поставлены къ стѣнамъ, то русскіе сами помогали поднимать ихъ и сами сошли внизъ первые. Этихъ оставили въ живыхъ; потому что они были совершенно истощены и въ теченіи 13 послѣдъ не пробовали хлѣба. Остальные же, которыхъ ландрекнехты и крестьяне напая въ замкѣ, должны были и старые, и молодые полатиться жизнью. При этомъ былъ убитъ также и главный воевода Данилъ Чихачевъ, а младшій воевода (являзь) Михаилъ Сицкій былъ оставленъ въ живыхъ, ради отобранія у него свѣдѣній, плѣнныхъ же отвели въ Ревель. Случилось это 28-го декабря 1580 г. Въ то же время въ лагерь распространилась быстрая, скоротечная язва, отъ которой переболѣли все воины у Падиса. Русскіе легко могли бы выручить Падисъ съ 60-ю всадниками, если бы ихъ также не мучила эта язва, вмѣстѣ съ войскомъ короля польскаго.

33. *Везенбергъ осажденъ и взятъ Нонтусомъ Деламарди, 1581.*

Когда былъ взятъ замокъ Падисъ и воины, по причинѣ продолжительныхъ осадъ и тяжелой язвы, были еще слабы и изнурены, также какъ и русскіе, то съ новаго года до середины поста въ Эстоніи дѣла находились въ такомъ положеніи, будто повсюду былъ добрый миръ. Но когда меньше всего ожидали возобновленія войны, шведы предприняли преслѣханно трудный походъ отъ Выборга къ Везенбергу въ Ливонію, противъ великаго чаянія какъ ливонцевъ, такъ и русскихъ. Потому что шведамъ приходилось идти по компасу около пятидесяти миль по суши и по морю, замерзшему между Финляндіей и Ливоніей. Приблизивъ къ Ливонію, они немедленно успѣли къ замку Везен-

бергу, осадили этот замок 20-го февраля 1581 года и убили и взяли въ плѣнъ сто русскихъ стрѣлковъ, присланныхъ изъ собственныхъ замковъ на помощь къ везенбергскимъ русскимъ. Между тѣмъ военачальники Понтусъ Делагарди и Хансъ Вахтмейстеръ, ротмистръ нѣмецкихъ гофлейтовъ, совершенно неожиданно прибыли къ Ревелю, чтобы доставить къ Везенбергу нѣсколько орудій, прованту, а также и ревелское войско, что ревелъцы не замедлили исполнить. А такъ какъ тяжелыя орудія по дурной, неровной дорогѣ не такъ то скоро можно было провезти 15 миль, то господину Понтусу и другимъ начальникамъ время показалось въ лагерь черезъ чуръ продолжительнымъ. Поэтому они сперва хотѣли попытать счастья пушками, привезенными изъ Финляндіи. Когда же нѣсколько извѣстныхъ русскихъ и шведскіе кнехты поставили туры, то фейерверкеры 1-го марта начали стрѣлать огненными ядрами изъ большое предмѣстье, въ которомъ было очень много деревянныхъ построекъ. Предмѣстье загорѣлось и огонь такъ быстро распространился, что невозможно было тушить его. въ часть времени поднялось такое зарево, что въ сумеркахъ его видно было за 14 нѣмецкихъ миль. Такъ какъ замокъ лежитъ на довольно высокой горѣ, то онъ былъ видѣнъ со всѣхъ сторонъ на очень большомъ разстояніи. Этотъ русскій деревянный замокъ былъ построенъ у стараго каменнаго замка въ видѣ большаго укрѣпленнаго предмѣстья, такой длины и ширины, что въ немъ могли жить много тысячъ людей; оно было обстроено со всѣхъ сторонъ крѣпкими блокаузами, большеркомъ и высокими деревянными башнями съ оборонительными снарядами лучшаго устройства изъ большихъ толстыхъ бревенъ; а эти блокаузы и большерки были наполнены большими, тяжелыми булыжниками и сильно укрѣплены, кромѣ того снаружи вокругъ горы было выведена каменная стѣна, такъ что замокъ легко могъ выдержать всякій натискъ артиллеріи и орудій, поэтому и шведскій король въ 72 году продолженіи 12-ти ночей ничего не могъ подѣлать замку со всѣмъ своимъ огромнымъ войскомъ изъ нѣмцевъ, шведовъ и шотландцевъ и съ сильной артиллеріей и боевыми снарядами. Но теперь, при новомъ искусствѣ бросать огненными ядрами, съ замкомъ, не долго думая, покончили въ полъ дни времени. Когда русскіе увидѣли, что не могутъ справиться съ огнемъ, то сами зажгли на противоположной сторонѣ нѣсколько башенъ, блокаузовъ и укрѣпленій, чтобы въ нихъ не засѣли шведы, а также, чтобы имѣть свободный выходъ въ поле. Потому что они намѣрены были еще защищаться въ старомъ нѣмецкомъ замкѣ, въ который отступили.

Между тѣмъ подвезли изъ Ревели тараны. Ихъ немедленно же устали и стали ими пробивать стѣны. Тогда воевода Стефанъ Федоровичъ Сабурокъ послалъ внѣзъ одного русскаго для пачатія мирныхъ переговоровъ. Шведы перестали стрѣлать и начали переговоры

съ русскими. Послѣ короткихъ переговоровъ, русскіе, получивъ право свободнаго выхода, удалились изъ замка Везенберга, очистили и передали его шведамъ 4-го марта 1581. Тогда изъ замка ушло болѣе тысячи человекъ мужичи, женщинъ и дѣтей: они несли передъ собой свои образа, писанныя на деревянныхъ доскахъ, и такимъ образомъ отправились въ Россію. Когда шведы вступили въ замокъ, то нашли въ немъ огромные запасы всякаго хлѣба, также сильныя боевыя снаряды, орудія и порохъ.

34. Тольборгъ переходитъ къ шведамъ, 1581.

Послѣ покоренія замка Везенберга, шведы двинулись къ Тольборгу, лежавшему въ трехъ миляхъ отъ Везенберга у берега моря у прекрасной гавани. Когда русскіе къ Тольборгѣ слышали, что ихъ главный замокъ Везенбергъ въ власти шведовъ, то не долго думая, поспѣшили сдать его 8-го марта. А такъ какъ дорога вдругъ испортилась, такъ что трудно было двигаться съ орудіями, потому шведы не могли на этотъ разъ продолжать дѣйствіе, а должны были поспѣшно по льду уходить обратно въ Финляндію.

35. Частыя разбойничьи наѣды, особенно крестьянъ на крестьянъ же, 1581.

Когда Везенбергъ и Тольборгъ были прочно заняты шведскими гарнизонами, то съ обѣихъ сторонъ поднялся сильный грабежь и набѣги шведовъ съ одной стороны и русскихъ изъ Нарвы, Дерпта и Виттенштейна съ другой. Шведскіе крестьяне жестоко и безпрестанно преслѣдовали, грабили, убивали и брали въ плѣны крестьянъ, бывшихъ за одно съ русскими, и на оборотъ русскіе дѣлали точно тоже съ крестьянами, приверженными шведамъ. Наконецъ бѣдные, несчастные, измученные люди должны были держаться обѣихъ партій, не безъ большой однако опасности и гонимы со стороны русскихъ, которые всегда подозрѣвали ихъ въ томъ, что они охотнѣе переходятъ къ шведамъ чѣмъ къ москвитамъ, и поэтому постоянно и безъ усталы мучили ихъ.

Точно также часто жители рижскаго округа, Курляндіи, волости и литовцы мучили ливонскихъ крестьянъ во всемъ герцогствѣ округѣ и въ областяхъ Маріенберга, Феланшъ и многихъ другихъ мѣстахъ, подпавшихъ подъ власть москвиты. Затѣмъ самыми заѣзжими врагами бѣдныхъ крестьянъ были батраки, которые отправлялись на разбой, дѣлались настоящими воинами и которые мучили всѣхъ остальныхъ воинскихъ людей, знали мѣстность, и дороги и тропинки въ чащахъ и болотахъ. Невозможно описать, какъ часто эти крестьяне изъ Гарриена и Вика, иногда съ вѣдома шведскаго начальства,

иногда же и безъ его вѣдома, нѣсколько лѣтъ сряду и лѣтомъ, и зимой, по мѣсяцамъ и недѣлямъ, безпрерывно грабили и опустошали всю Эстонию до Пейлуса и Марсиборга. В поместный Ливонія въ то время была такъ часто опустошаема собственными крестьянами изъ нѣмцевъ, и нѣмцевъ, равно какъ и изъ другихъ національностей, что во многихъ мѣстахъ не осталось ни скота, ни людей, чего даже не дѣлали русскіе и татары въ продолженіи всей войны.

По поводу крестьянской войны между ревальскими бюргерами часто поднимались жаркія пренія. Но некоторые говорили: не справедливо давать крестьянамъ и батракамъ такую волю, чтобы они смѣли грабить своихъ же бѣдныхъ крестьянъ и опустошать страну; и хотя эти бѣдные люди подданные москвиты, но къ подданству они были принуждены противъ ихъ желанія и охотѣе были бы нѣмецкими подданными, чѣмъ москвитскими. Къ тому же, когда будетъ заключенъ миръ или когда у бѣдныхъ крестьянъ больше нечего будетъ красть, то прочіе крестьяне и батраки конечно начнутъ грабить и убивать бюргеровъ и жителей города, такъ что изъ города никто не посмѣетъ по своимъ дѣламъ выѣхать куда либо въ уѣздъ. На это другіе возражали, что нѣтъ худа безъ добра; это же крестьянская война имѣла хорошія послѣдствія по первымъ тѣмъ, что русскіе опасаясь крестьянскихъ засадъ, не отходятъ далѣе городскихъ воротъ, не дѣлаютъ изъ сосѣднихъ брѣвостей нападеній и днемъ и ночью, не свирѣпствуютъ у города Ревеля, убивая, грабя и сожигая, не поднимаютъ тревоги, теперь не приходится бить въ набатъ такъ часто, какъ то бывало до сихъ поръ въ продолженіи всей войны безо всякаго препятствія со стороны начальниковъ города Ревеля. Во вторыхъ, русскія заставы (стражи) на большихъ дорогахъ, не пропускавшія привоза въ городъ, были уничтожены и разогнаны. Въ третьихъ, крестьяне часто наносятъ ущербъ русскимъ, приводятъ много плѣнныхъ русскихъ, отъ которыхъ всегда добывались хорошія вѣсти, чего раньше не бывало во всю войну. Въ четвертыхъ, крестьяне въ изобиліи снабжаютъ городъ Ревель разными скотомъ за ничтожную плату; а хотя они этотъ скотъ отбирали у бѣдныхъ ливонскихъ же крестьянъ, во всетаки они приговали его изъ владѣній москвиты и часто уводили русскій скотъ изъ всѣхъ замковъ и гнали его въ Ревель, такъ что у русскихъ во всѣхъ замкахъ не осталось ни одной коровы; все же лучше, чтобы ревальцы пользовались ими, чѣмъ русскіе. Въ пятыхъ, они всю Эстонию до Пейлуса обязали платить подать королю шведскому и принудили всѣхъ русскихъ крестьянъ по всей Ливоніи брать опасныя (охранныя) грамоты отъ шведскихъ правителей. Наконецъ, эти крестьяне — солдаты, служащіе безъ жалованья, съ которыми легко справиться.

Но хотя этихъ крестьянъ нѣкоторое время и хваляли, но въ концѣ концовъ большая часть изъ нихъ лишилась всякаго одобренія.

Потому что когда крестьяне въ Эстляндіи, принадлежавшей московитѣ, были частью ограблены, частью же снабжены охранными грамотами отъ шведскаго посольства; и русскіе во всѣхъ замкахъ сдѣлались осторожными и научились лучше защищаться. чѣмъ до того времени, то съ грабежѣмъ и добычею стало теперь совсѣмъ другое дѣло. Но такъ какъ они привыкли уже къ грабежу и бродяжничеству, то все еще просили у начальства свободы грабежа; но имъ это больше не было дозволяемо. И хотя грабежъ былъ совершенно запрещенъ, но они всетаки не могли перестать грабить; собирались тайно шайками, и ночью и днемъ нападали на бѣдныхъ крестьянъ, имѣвшихъ охранныя грамоты отъ начальства, какъ въ ихъ домахъ, такъ и на большихъ дорогахъ. грабили и отнимали все ничтожное ихъ имущество. Шведское начальство хотя и приказало судить и повѣсить нѣкоторыхъ изъ нихъ, однако они не унимались не могли такъ скоро забыть своего разбоя. Потому что въ то время изъ за разбоя и великаго распутства они такъ опустились, что не хотѣли ничего нужнаго дѣлать, не хотѣли слушаться ни одного человѣка, такъ что ни одинъ бюргеръ или ремесленникъ не могъ болѣе получать или удерживать у себя слуги или подмастерья.

36. Бѣдственное положеніе дворянства и бюргеровъ, 1581.

И хотя дворяне эстонской земли, а также и ревелльскіе бюргеры, проживая въ Ревелѣ и въ ревелльской вѣрности, пользовались болѣе выгоднымъ мѣстомъ пребыванія и укрѣпленіями, чѣмъ крестьяне въ деревняхъ, однако и у нихъ былъ свой крестъ, свои огорченія и угнетенія. Потому что по всей Эстоніи у дворянъ московитъ отнялъ все дворянское имущество и личное золото и серебро, такъ что больше не имѣли кредита у мелочныхъ торговцевъ и теперь переносили большую печаль. И съ бюргерами дошло до того же, что большая часть изъ нихъ осталась безъ пропитанія, проѣвши все имущество и не будучи въ состояніи купить что-либо съ нѣмецкихъ кораблей. Поэтому корабли должны были отплывать съ тѣмъ же грузомъ, который привозили, въ величайшему огорченію всѣхъ ревелльскихъ купцовъ; такъ прекратилась всякая торговля славнаго, богатаго нѣкогда торговаго города. Кроме того въ продолжительную войну деньги чѣмъ далѣе, тѣмъ становились дешевле, такъ что наконецъ марка денегъ, которая въ доброе время стоила девять любекскихъ шиллинговъ, теперь стоила всего два любекскихъ шиллинга, почему многіе несовершеннолѣтніи дѣти много теряли изъ своихъ наслѣдствъ и нищіе гораздо меньше получали отъ своихъ благодѣтелей. Очень было также уменьшено жалованье проповѣдниковъ, учителей и учениковъ; и великолѣпные бюргерскіе дома, стоявшіе въ доброе время

около двухъ тысячъ талеровъ и больше, теперь оцѣнивались самое большое въ пять сотъ талеровъ. И такъ какъ бѣдность и горе одолѣли многихъ изъ дворянъ и бюргеровъ, то ихъ дѣти должны были вмѣстѣ съ крестьянами питаться разбоемъ и до того смирились, что не вѣмечь крестьянинъ, котораго въ доброе время они не считали достойнымъ, чтобы придти или сѣсть у него, теперь былъ ихъ предводителемъ, подъ начальствомъ котораго они ѣздили на разбой и бѣгали пѣшкомъ. А также и нѣкоторые дѣвицы изъ дворянскихъ и бюргерскихъ дочерей изъ самыхъ знатныхъ семействъ должны были по необходимости выходить замужъ не только за простыхъ гофлейтовъ, но и за другихъ гораздо болѣе ничтожныхъ людей, чего въ доброе время никогда не бывало. А также и нѣкоторыя жены дворянъ и бюргеровъ должны были заниматься такой грубой работой, на которую ни за что не согласились бы ихъ служанки въ доброе время.

37. Предостереженіе потомкамъ.

Всѣ эти и подобныя событія я описываю не въ насмѣшку или уничиженіе кому либо, но для дружескаго предостереженія и христіанскаго убѣжденія всѣхъ потомковъ, чтобы они хорошенько учились во время своего благосостоянія со страхомъ Божиимъ остерегаться, чтобы не дойти до того, до чего совершенно печально, противъ всякаго ожиданія, дошли эти бѣдные люди во время продолжительной тяжкой войны и напастей.

38. Ливонскіе плѣнники.

Здѣсь же и долженъ вкратцѣ упомянуть о жалкомъ положеніи, насколько оно мнѣ извѣстно, бѣдныхъ ливонскихъ плѣнныхъ въ Москвѣ. Невозможно во первыхъ рассказать, сколько тысячъ людей погибло и было убито изъ дворянъ, бюргеровъ, воиновъ, крестьянъ, женщинъ, дѣвушекъ, дѣтей, слугъ, служанокъ и всякой челяди въ эту продолжительную войну, и какъ много было убито беременныхъ женщинъ вмѣстѣ съ ихъ плодомъ, и какъ много было брошено московитомъ грудныхъ дѣтей по дорогамъ, тропинкамъ и чащамъ, и какъ они были поѣдены дикими звѣрями, и какъ нѣсколько тысячъ были уведены въ плѣнъ и разбѣяны по московитскимъ и татарскимъ землямъ и городамъ, гдѣ были отягощены тиранскими тюрьмами и трудными работами до конца дней своихъ, гдѣ многіе были перекрещены, а многіе добровольно согласились перекреститься, надѣясь приобрести этимъ большую милость и расположеніе великаго князя. Невозможно также знать, сколько тысячъ бѣдныхъ ливонцевъ были брошены въ Москвѣ въ воду, утоплены, безжалостно застрѣлены, жестоко зажарены на огнѣ до смерти, и сколько людей въ тюрьмахъ

умерло съ голода и отъ жажды самымъ жалкимъ образомъ и какъ ихъ тащили вонъ, какъ собакъ. Также и безчисленное множество женщинъ и дѣвушекъ должны были противъ воли отдаваться русскимъ и татарамъ и жить въ разкратѣ съ такими бестіями.

39. *Плѣнные въ Дерптѣ, 1579.*

Здѣсь я не могу упустить вкратцѣ привести примѣръ положенія бѣдныхъ плѣнныхъ, въ 1579 г. въ Дерптѣ, заключеніе въ которомъ вездѣ считалось милостью, такъ какъ плѣнныхъ держали все таки въ Ливоніи, а не отправляли далеко въ Московію. Когда въ тюрьму привели около тридцати плѣнныхъ дворянъ и простыхъ гофлейтовъ, то во первыхъ ихъ было отведено такое тѣсное помѣщеніе, что одинъ другого едва не душилъ до смерти. Во вторыхъ, по причинѣ сильнаго голода и истощенія, они часто просили у русскихъ костей, которые все гдѣ валялись по улицамъ и въ навозѣ; когда же имъ приносили ихъ, то они грызли ихъ какъ собаки и насыщались ими. Въ третьихъ, когда наполнялся ихъ ушатъ для испражнений, то они дрались, кому изъ нихъ вывести его, чтобы такимъ образомъ выйти хоть разъ на воздухъ, свободно вздохнуть и попросить милостыни у какого нибудь русскаго. Въ четвертыхъ, для нихъ было величайшей милостью, если двое изъ нихъ, скованныхъ вмѣстѣ цѣпью, могли ходить по городу Дерпту и выпрашивать хлѣба для себя и для другихъ. Въ пятыхъ, когда нѣкоторые изъ нихъ должны были умирать съ большаго голоду и истощенія, то на смертномъ одрѣ кричали: хлѣба, хлѣба! Когда же имъ приносили кусокъ хлѣба, то они не могли больше ѣсть его, а крѣпко держали хлѣбъ въ рукѣ и такъ вончались. А эти плѣнные не были простолюдины или крестьяне, а знатные дворяне и пачальники. Изъ этихъ плѣнныхъ нѣкоторые освободились выкупомъ, другіе же въ ночную пору вырвались изъ тюрьмы и чудеснымъ образомъ съ большою опасностью перелѣзли черезъ стѣны и отправились въ Ригу и Ревель. Но нѣкоторые снова изловили на дорогѣ и привели назадъ въ Дерптъ, гдѣ ихъ безжалостно замучили до смерти, между ними былъ одинъ дворянинъ, по имени Гинрикъ Вульфъ фонъ Эртенъ.

40. *Страшные роды въ Стокгольмѣ, 1581.*

Въ 1581 г., 3-го марта, одна бѣдная женщина въ Стокгольмѣ въ Швеціи родила одновременно пятерыхъ живыхъ дѣтей, двухъ мальчиковъ и трехъ дѣвочекъ безо всякихъ недостатковъ, которые и были крещены. Но послѣ врестнятъ они одинъ за другимъ умерли вмѣстѣ съ матерью.

41. *Татарское посольство въ Швецію, 1581.*

Въ томъ же году, въ іюні, въ Швецію во второй разъ прибыло татарское посольство, принесшее извѣстіе, что ихъ царь или король былъ въ странѣ московита, перебилъ и увелъ въ плѣнъ болѣе сорока тысячъ человекъ, въ чемъ сознались вслѣдъ за тѣмъ и нѣсколько плѣнныхъ русскихъ, прибавивъ еще, что татары въ то же время совершенно опустошили все княжество рязанское, лежащее по ту сторону Москвы. такъ что послѣ нихъ ничего не осталось кромѣ голой земли.

42. *Два несчастныхъ случая въ Ревель, 1581.*

14-го іюля въ Ревелѣ въ одинъ день случилось два несчастія: во первыхъ, рано утромъ обрушилась порядочная часть замковаго вала, и въ полдень до тла сгорѣли половина собора и болѣе тридцати домовъ.

43. *Начало новаго счастья, 1581.*

Послѣ того какъ Ливонія въ продолженіи столькихъ лѣтъ со всѣхъ сторонъ подвергалась горестнымъ и плачевнымъ опустошеніямъ, и московитъ все еще такъ былъ озлобленъ на уцѣлѣвшіе города и земли, что не внималъ никакимъ ходатайствамъ всѣхъ императоровъ и королей за Ливонію, почему многіе ливонцы, и дворяне и недворяне, сомнѣвались, доживутъ ли они до того дня, когда московитъ будетъ изгнанъ изъ Ливоніи, и когда нужда и опасность достигала высшей степени, тогда то Господь Богъ ниспослалъ средства и пути, которыми московитъ противъ всякаго ожиданія долженъ былъ снова потерять Ливонію. Тогда то оба государя, король шведскій и король польскій, не напутку напали на московита съ великой неустрашимостью и на морѣ и на сушѣ и такъ смирили его, что онъ и всѣ его подданные не забудутъ того во вѣки вѣковъ.

44. *Новыя предпріятія шведовъ и поляковъ, 1581.*

Тѣмъ же лѣтомъ, въ 1581 году, изъ Швеціи прибыло большое войско частью черезъ Ревель по сушѣ, частью по водѣ къ Нарвѣ; а передъ тѣмъ, какъ прибыло большое войско, Карлъ Гинриксенъ Конкаскій, шведскій фельдмаршалъ, двинулся въ Вигъ съ нѣсколькими небольшими отрядами шведскихъ кнехтовъ и съ гофлейтами Ганса Вахтмейстера, чтобы занять замки Габсаль, Лоде, Леаль и Фикель вмѣстѣ со всей провинціей. Въ то же время было отправлено нѣсколько отрядовъ шведскихъ кнехтовъ и одинъ отрядъ ревельскихъ нѣмецкихъ кнехтовъ и нѣсколько отрядовъ (знаменъ) гофлейтовъ къ Виттенштейну,

чтобы осадить со всѣхъ сторонъ этотъ замокъ до снятія ржи, съ цѣлію не дозволить русскимъ привезти въ замокъ свѣжей ржи. Тогда Іоаннъ Носкуль, владѣлецъ Нурриза и Менкса, и Каспаръ Тизенгузенъ, владѣлецъ Залыца и Киды, были назначены начальниками и ротмистрами надъ упомянутыми войсковыми людьми. А къ осени послали часть шведскихъ кнехтовъ и отрядъ туземныхъ дворянъ, ротмистромъ которыхъ былъ Рейнольдъ Пиротъ изъ Коддила, къ Пернову, чтобы осадить эту крѣпость.

Тѣмъ же лѣтомъ прибыло также изъ Любека въ Ригу цѣсколько тысячъ нѣмецкихъ кнехтовъ, перешедшихъ на сторону короля польскаго со своимъ начальникомъ Юргеномъ Фаренсбоксомъ, владѣтелемъ Пельфи. Тогда король польскій съ огромнымъ войскомъ изъ польскихъ, литовскихъ, венгерскихъ и нѣмецкихъ ратниковъ осадилъ городъ Псковъ въ Россіи въ день Успѣнія Пресвятыя Богородицы.

Прих. перев. Баторій ваятіемъ Лукъ вончалъ свой походъ 1580 г. въ которомъ русскіе понесли большія неудачи. Военныя дѣйствія на этотъ разъ продолжались и зимою: въ февралѣ 1581 г. литовскіе люди пришли «покрадомъ» въ ночи къ Холму и взяли его и воеводу князя Петра Бяратинскаго, да осадную голову Палица, приходили къ Русѣ Старой и выжгли, приходили въ Лукъ, да изъ Заволочья, да изъ Холму. Въ Ливоніи литовскіе люди взяли замокъ Шмилтена и вмѣстѣ съ герцогомъ Магнусомъ опустошили ливонскую область до Нейсаузена.

Въ хартѣ 1581 г. русскіе воеводы были у Дубровны, и у Орши, и у Могилева, и подъ Шкловымъ былъ бой: на томъ бою, сказано въ разрядныхъ книгахъ, литовскихъ людей побили и языкъ много поймали, а пришли на Смоленскъ иные воеводы здорово.

Въ Эстоніи русскіе рѣшительно не имѣли удачи и зимою 1580 и весною 1581 г. испытывали одни поражения.

Счастіе рѣшительно покинуло Іоанна, а между тѣмъ Баторій хлопоталъ о третеймъ походѣ: занялъ денегъ у герцога прусскаго и курфирстовъ саксонскаго и бранденбургскаго, и на сеймѣ, собравшемся въ февралѣ 1581 г. въ Варшавѣ, предлагалъ двухлѣтній наборъ. Паны противились королевскому предложенію, но потомъ согласились, поставивъ условіемъ, чтобы король этимъ третьимъ походомъ непремѣнно кончилъ войну. Баторій чрезъ своего канцлера Завойскаго отбѣчалъ, что не динтъ нарочно войны и не будетъ препятствовать заключенію мира, какъ скоро принудитъ Іоанна уступить ему всю Ливонію.

Переговоры о мирѣ между Москвою и Польшею продолжались во все это время. Русскіе послы, Сипкій и Цивовъ, ѣхали за Баторіемъ отъ Великихъ Лукъ до Варшавы. Переговоры кончились ничѣмъ: 20 іюня 1581 г. король выступилъ изъ Вильны въ походъ, а Іоанну послалъ огромную ругательную грамоту, писанную свѣшениемъ языкомъ польскаго съ русскимъ и занимавшую 200 страницъ. Предъ выступленіемъ въ походъ у Баторія былъ военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено выступить къ Пскову, гдѣ сосредоточены были почти всѣ силы Іоанна. 21 іюля король съ войсками былъ въ Полоцкѣ, въ срединѣ августа взяли Островъ (въ 50 верстахъ отъ Пскова), а 26 августа сталъ подъ Псковомъ.

Съ этого дня началась осада Искона, едва было не потубившимъ Баторіа со всѣмъ его многочисленнымъ войскомъ, простиравшимся, какъ писали, тысячь до 100 (нашихъ 60, да своихъ тысячь 40).

45. Ленневардъ и Ашераде покорены поляками, 1581.

Въ тоже время часть польскаго войска вмѣстѣ съ рижскими ввехтами осадилъ замокъ Ленневардъ и въ короткое время покорили его. Послѣ покоренія этого замка это же войско двинулось и къ Ашераде, осадило этотъ замокъ и черезъ нѣсколько недѣль голодомъ отняло его у русскихъ.

46. Лоде, Фикель и Леаль покорены шведами, 1581.

22-го іюля 1581 года Карлъ Гирриксенъ покорилъ и занялъ замокъ Лоде, въ чемъ раньше всѣ сомнѣвались и не хотѣли вѣрить, чтобы можно было такъ легко съ немногими орудіями и людьми взять этотъ замокъ, довольно сильно укрѣпленный. Воевода замка не осмѣлился вернуться назадъ въ Россію, такъ какъ добровольно и такъ скоро сдалъ замокъ Лоде, а остался съ женой и дѣтьми у шведовъ. Когда же русскіе въ Фикель узнали, что шведы безо всякаго труда заняли замокъ Лоде, то они зажгли замокъ Фикель, а сами убѣжали.

Когда шведы овладѣли этими упомянутыми замками, то немедленно стали и далѣе пытаться счастья и поспѣшно двинулись къ Леалю, зажгли ворота замка огненными (калеными) ядрами, такъ что огонь разгорѣлся и охватилъ русскіе деревянные дома и жилища за стѣнами замка. Тогда русскіе стали просить помилованія и свободнаго пропуска для отираженія въ Россію, что и получили. Тогда они выступили изъ замка Леали и перешли его шведамъ 27-го іюля.

47. Либсаль покоренъ шведами, 1581.

Когда и замокъ Леаль былъ покоренъ, то Карлъ Гирриксенъ двинулся со своимъ войскомъ и многими орудіями также и къ Габсалою, главному городу Вива, осадилъ этотъ городъ, обложилъ шанцами, и началъ его обстрѣливать. Но русскіе сначала обаялись очень высокоумными и прыми, они сильно защищались и застрѣлили въ шанцахъ нѣсколько шведскихъ ввехтовъ и стрѣлковъ. Наконецъ, когда замѣтили, что должны погибнуть, то охладили свое мужество на бѣдныхъ брестянахъ и ихъ женахъ и дѣтяхъ, которые пришли къ нимъ въ замокъ, чтобы укрыться отъ шведскихъ солдатъ, безжалостно убилъ 20 изъ нихъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми и побросали черезъ стѣны. Одна русская баба собственными руками задушила семерыхъ ливонскихъ брестянскихъ дѣтей. Затѣмъ, когда они увидѣли, что замокъ не можетъ устоять противъ шведовъ, то стали пре-

спать, чтобы имъ позволили безпрепятственно уйти въ Россію со всёми тѣми, что могли увезти съ собой, что имъ и было дозволено. Тогда они ушли изъ замка Габсала и очистили его для шведовъ 9-го августа.

41. Понтусъ Делагарди осаждаетъ и покоряетъ Нарву, 1581.

Между тѣмъ какъ Карлъ Гинриксенъ былъ вполне занятъ Габселемъ, въ Эстонию прибываетъ Понтусъ Делагарди, шведскій военачальникъ и полководецъ и губернаторъ, съ большимъ войскомъ и поспѣшно идетъ также къ Габсалу окончить переговоры съ русскими на счетъ замка. Когда же всё дѣла были тамъ улажены, то онъ снова прибылъ въ Ревель, роздалъ жалованье всёми войнамъ, и тотчасъ же по сушѣ отправилъ къ Нарвѣ, а также по морю велѣлъ отправить королевскую армаду кораблей и галеръ съ сильной артиллеріей и боевыми снарядами, также нѣсколько кораблей съ людьми. Адмираломъ этой армады и кораблей былъ господинъ Клаусъ Флемингъ. — Тогда была война и военные крики въ земли московита раздавались по всёми концамъ. А такъ какъ къ дѣлу было приложено самое неутомимое усердіе, то и всемогущій Господь даровалъ въ немъ счастье и свое благословеніе.

4-го сентября шведы начали обстрѣливать Нарву съ трехъ сторонъ изъ 24-хъ двойныхъ и половинныхъ картежей (осадныхъ пушекъ), которыя были такъ велики, что всё войско разныхъ народностей, находившіеся предъ Нарвою, сознавались, что до сихъ поръ не видавали ни у одного государя такихъ орудій. И прострѣливши непрерывно два дни и ночь почти и проломивъ стѣны, толщиною болѣе трехъ сажень, они стали приготовляться къ приступу и сначала добромъ потребовали сдачи города. Но русскіе въ Нарвѣ не хотѣли сдаваться. Тогда Понтусъ Делагарди разрѣшилъ идти на приступъ не только лансквехтамъ, но и гофлейтамъ, матросамъ и всёми, кто только пожелаетъ, и если съ Божьею помощію они приступомъ возьмутъ городъ, то продолженіи 24-хъ часовъ въ ихъ распоряженіи будетъ все добро, находящееся въ Нарвѣ, и всёми, что въ это время каждый сможетъ или захочетъ добыть, тѣмъ можетъ воспользоваться. Тогда скоро всё снаряжилось и стали собираться на приступъ, будто на пляску. Въ дѣлѣ участвовали также и всё капитаны, военные советники и командиры. Идти на приступъ вызвались также и гофлейты или рейтары, шведскіе и нѣмецкіе, и выбрали изъ своей среды начальника и знаменовосца (прапорщика), которые должны были нести ихъ. Тогда Шведеръ Лунскій былъ избранъ начальникомъ, а Асиусъ Зольтведельскій прапорщикомъ жаждавшихъ приступа гофлейтовъ. Оба упомянутые начальника вмѣстѣ съ начальниками и прапорщиками шведскихъ и нѣмецкихъ вѣхтовъ и гофлейтовъ или рейтаровъ храбро

и весело предводительствовали своимъ отрядамъ. Когда же они всѣ вмѣстѣ бросились на приступъ, то сначала казалось, что дѣло будетъ очень трудно. Съ начала штурма пали Юргенъ Бельковъ, прапорщикъ нѣмецкихъ кнехтовъ, и Асмусъ Зельтведельскій, прапорщикъ гофлейтовъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими кнехтами и гофлейтами. Но наконецъ счастье перешло на сторону шведовъ и они съ перваго же приступа ворвались въ Нарву. Когда же они взобрались на блокаузы, построенные у самой стѣны, то вполне убѣдились, что блокаузы и лѣстницы внутри города построены какъ нельзя болѣе выгодно для нихъ.

Тогда въ Нарвѣ начались рѣзня и истребленіе; тутъ не щадили ни стараго, ни малаго. При этомъ, по признанію самихъ русскихъ, было избито двѣ тысячи стрѣльцовъ и триста бояръ (боярскихъ дѣтей) съ ихъ слугами, — всего около тысячи человѣкъ, всего же было убито около семи тысячъ человѣкъ русскихъ бюргеровъ, жителей и ихъ женъ и дѣтей и всякой челяди. Тутъ же на приступъ ходили и нѣкоторые везенбергскіе и надвскіе русскіе, перешедшіе на службу къ королю шведскому и обонедшіеся со своими земляками и кровными еще хуже и жесточе, чѣмъ шведскіе и нѣмецкіе кнехты. — Что за радость было тогда въ Ливоніи и особенно въ городѣ Ревелѣ, и что за печаль въ Москвѣ и по всей Россіи, можетъ себѣ представить всякій разумный человѣкъ. Въ этомъ приступѣ нашихъ, слава Богу, пало очень мало, между ними самыми знатными были оба упомянутые прапорщика. Такимъ образомъ королевство нѣмецкое объявлено Нарвой въ 1581 году, 6-го сентября.

Эта потеря города Нарвы была для московита не малымъ позоромъ и ущербомъ. Потому что Нарва была однимъ изъ его важнѣйшихъ владѣній, которое онъ считалъ выше и лучше всей Ливоніи, ибо тутъ онъ устроилъ складочное мѣсто товаровъ для всѣхъ московитовъ и русскихъ; сюда приѣзжали корабли всѣхъ христіанскихъ народовъ, привозя московиту всякіе припасы, какіе только могла желать его душевѣка, и покупая тамъ всякіе товары, и жили съ его милости.

49. *Успѣхи шведовъ въ Россіи, 1581.*

Затѣмъ, когда была завоевана ливонская Нарва, шведы, не долго думая, двинулись также и въ русскую Нарву, называемой по русски Ивангородомъ, сильной крѣпости. Немного пострѣляли у ея стѣны, шведы скоро приобрѣли ее сдачей и заняли 17-го сентября.

Послѣ покоренія замка Ивангорода, Понтусъ Делагарди немедленно двинулся со своимъ войскомъ и орудіями и боевыми снарядами къ замкамъ и крѣпостямъ Ямгороду и Конорью и скоро завоевалъ и занялъ также и эти крѣпости. Послѣ этой побѣды Пон-

тусъ Делагарди переимѣняли должности нѣкоторыхъ изъ начальниковъ, именно Карла Гирриксена Конкаснаго, шведскаго фельдмаршала, назначили намѣстникомъ Нарвы, а Ганса Вахтисейстера, ротмистра нѣмецкихъ гофмейстеровъ, избрали и назначили фельдмаршаломъ.

50. Поляки и Швеція противъ Россіи, 1581.

Въ то же время король польскій усиленно распоряжался у Пскова. Его войны совершенно опустошили все княжество псковское и другія московскія земли убійствами, грабежами и пожарами, и доставляли въ лагерь огромную добычу скотомъ, который и продавали за безцѣнокъ. Тоже дѣлали и шведы, и часто войны обоихъ государей встрѣчались другъ съ другомъ во время набѣговъ на московскія земли и одинаково посѣщали земли москвиты съ мечемъ и огнемъ, дочиста выметая ихъ безо всякаго сопротивленія москвиты. Потому что онъ вездѣ сильно укрѣпилъ войскомъ свои крѣпости, а земли оставилъ на произволъ враговъ.

Прям. перев. По изятіи Острова, когда обнаружилось, что вся разноплеменная и разноязычная сто-тысячная армія Баторіи идетъ во Псковъ, псковскіе воеводы — князья Ив. Петр. Шуйскій, Вас. Оед. Скопинъ Шуйскій, Ник. Ив. Очинъ-Плецевъ, князь Анд. Хворостининъ, Бахтеяровъ, Ростовскій-Лобановъ — 18 августа покинули псковское предмѣстье и ударили въ осадный колоколъ (объявили осадное положеніе). 26 августа Баторіи заняли порховскую дорогу и стали вдоль рѣки Великой. 1 сентября осаждающіе начали траншейныя работы (копать бороды), а 7 сентября, на разсвѣтъ, открыли огонь по Пскову. Сдѣлавъ проломы въ стѣнѣ у Покровскихъ воротъ, осаждающіе бросились 8 сентября на штурмъ, но были отбиты съ огромнымъ урономъ: они потеряли 5000 человекъ убитыми, въ числѣ ихъ пало болѣе 80 знатныхъ офицеровъ и искусный венгерскій предводитель Гавриэль Бекешъ.

Разноплеменное польское войско заволновалось послѣ этой неудачи. тѣмъ болѣе, что въ польскомъ лагерѣ оказался недостатокъ въ порохѣ. За порохомъ послали въ Ригу и къ герцогу курляндскому. Осажденные исправили проломы и въ теченіе 5 или 6 недѣль отбивали всѣ приступы съ большаго успѣхомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что польское войско бросило бы осаду, если бы находившійся при Баторіи канцлеръ Янъ Замоискій не сумѣлъ обуздывать шляхту. Наступила осень, Баторіи велѣли рыть землянки и вести ямы подъ городъ. Но Шуйскій умѣлъ «перенять» нѣкоторые подкопы, а другіе обрушились сами. 28 октября королевскіе гайдуки бросились было на штурмъ Покровскихъ воротъ, но были не только отбиты, но и истреблены, спаслись немногіе. Въ слѣдующіе дни продолжалось усиленное обстрѣливаніе, образовался проломъ отъ рѣки Великой, а 2 ноября Баторіи рѣшился на новый штурмъ, но потерпѣлъ совершенную неудачу: штурмующія колонны обратились въ бѣгство въ виду самаго короля, а стрѣльщій голова Осдоръ Мясофдовъ пробился чрезъ неприятеля и привелъ во Псковъ свѣжес, довольно сильное войско. Баторіи ни чего не оставалось дѣлать, какъ осаду превратить въ блокаду. Онъ такъ и сдѣлалъ: повелѣ король — сказано въ повѣсти о Псковской осадѣ — рохмистомъ съ гайдуки отъ граду въ станы отъйти, и ноября въ 6 день отыдоша, и нарядъ изъ всѣхъ туровъ отмоклаи.

Въ то время когда Баторій осаждалъ Псковъ, русскіе войска, находившіеся въ Новгородѣ, Ржевѣ и Старичѣ не выступали въ поле. Въ Псковской Литовскій сказано, будто въ Новгородѣ стояло 40-ка тысячное русское войско, будто въ распоряженіи Іоанна находилось войско тысячъ до 300. Но цифры эти не заслуживаютъ ни малѣйшаго довѣрія: Іоаннъ никогда не располагалъ такимъ огромнымъ войскомъ, котораго тогдашнее московское государство и выставить было не въ состояніи.

Бездѣйствіе войскъ въ Новгородѣ князя Юрія Галицына, въ Волокъ князя Симеона Бекбулатовича, Мстиславскаго и Курлятева объясняется тѣмъ, что Іоаннъ, въ началѣ августа прибывшій изъ Александровской Слободы въ Старичу, потерялъ всякую надежду совладать съ Баторіемъ и рѣшился заключить перемиріе во что бы то ни стало, признавая невозможность своему необученному войску бороться съ венгерскою и нѣмецкою вѣхотою Баторія, съ гофлейтами и ландскнехтами Делагарди, имѣвшими на своей сторонѣ всѣ преимущества военнаго искусства и вооруженія.

51. Виттенштейнъ переходитъ къ шведамъ, 1581

Когда вышеупомянутыя крѣпости, взятые шведами, были достаточны заняты войсками, то господинъ Юргенъ Боге Гинескій отправился съ небольшимъ войскомъ въ Виттенштейнъ; помощниками его были Іоаннъ Коскуль и Касперъ Тизенгузенъ. Прибывъ къ замку, хорошо занятому и обезпеченному московскими начальниками, онъ такъ напугалъ русскихъ окопами, траншеями и другими умыслами и такъ стѣснилъ русскихъ, что многіе изъ нихъ перебѣжали къ шведамъ, и, по причинѣ большого голода и печали, сдались и просили помилованія. Поэтому и другіе, перебѣвши всѣхъ своихъ лошадей, стали просить мирныхъ переговоровъ, о чемъ и написали господину Понтусу. Когда же господинъ Понтусъ прибылъ туда, то договоръ уже былъ заключенъ. Тогда русскіе сдали замокъ Виттенштейнъ шведамъ и ушли въ Россію въ числѣ около тысячи человекъ. Случилось это 24-го ноября 1581 года.

52. Благодарственный молебенъ въ Ревелѣ, 1581.

Послѣ покоренія славнаго замка и сильной крѣпости Виттенштейна, шведскіе войны вѣстѣ съ особымъ знаменемъ (Kempfahne — не авангардовый-ли это отрядъ?) съ которыми ѣхали также и шведскіе графы и господа, прибыли въ Ревель въ день св. Луки. Тогда пастору церкви св. Николая въ Ревелѣ была заказана служба на этотъ день. Тогда господинъ Понтусъ съ графами, баронами, рыцарями и всѣми ротмистрами, начальниками и простыми дворянами подѣхали къ упомянутой церкви, сошли съ коней и въ сапогахъ со шпорами вошли въ церковь, а лошадей своихъ и знамена они пока велѣли держать на улицѣ. Когда же они всѣ вошли въ церковь, то сдѣлали земной поклонъ всемогущему Господу и отъ души поблагодарили за

всѣ побѣды, которыя Господь по своему милосердію даровалъ имъ въ это лѣто и осень. Затѣмъ пасторъ прочиталъ 20 главу 5-й книги Моисея и сказалъ проповѣдь. Послѣ проповѣди пропѣли *Te deum laudamus*. Послѣ того, когда въ церкви все кончилось и они снова всѣ сѣли на коней, раздались радостные выстрѣлы со всѣхъ валовъ и укрѣпленій, такъ что многіе плакали отъ большой радости.

53. Буря, 1581.

18-го декабря, ночью, была страшная буря, такъ что многіе корабли въ ревальской гавани разбились и утонули, причемъ погибло и утонуло около пятидесяти шведскихъ гофлейтовъ, храбрыхъ мужей, дворянъ и вѣдворанъ, которые зимой хотѣли отправиться въ Швецію.

54. Миръ между Польшей и Россіей, 1582

Когда король польскій съ сильнымъ войскомъ осадилъ городъ Псковъ въ 1581 году въ августѣ и опустошилъ огнемъ и мечемъ почти всю Россію влодь и поперегъ и до самой зимы сильно угрожалъ этому городу, а также когда и король шведскій находился въ его (московита) землѣхъ и отнялъ у него много земель, замковъ и крѣпостей какъ въ Россіи, такъ и въ Ливоніи, и когда оба упомянутые короля стали такъ тѣснить его, что московитъ сталъ бояться, что потеряетъ не только Псковъ, но еще и много другихъ городовъ, замковъ и крѣпостей тогда, то по этимъ причинамъ онъ и долженъ былъ заключить миръ. Въ то время между королемъ польскимъ и московитомъ, при посредничествѣ пословъ Григорія XIII, папы римскаго, былъ заключенъ миръ на десять лѣтъ въ Запольѣ въ Россіи, въ 1582 году, 15-го января, съ тѣмъ условіемъ, что московитъ отступится отъ всей Ливоніи и всѣ города, замки и земли, удержанные имъ отъ короля шведскаго, очистить и уступить королю польскому. Въ замѣнъ того король польскій снова долженъ былъ уступить и передать московиту городъ Великіе-Луки и всѣ прочія крѣпости, завоеванныя имъ въ эту войну и съ давнихъ временъ принадлежавшія Москвѣ, а не Литвѣ. Но о бѣдныхъ плѣнныхъ не было упомянуто въ этомъ мирномъ договорѣ, говорятъ, папскіе легаты отсовѣтовали обращать вниманіе на лютеранъ, которыхъ уже достаточно было въ Ливоніи. Въ силу договора русскіе и поляки скоро, той же зимою, очистили и передали другъ другу замки, крѣпости, города и земли. Тогда шведы должны были отступить отъ города Пернова, который осаждали полгода, не достигнувши ничего, а поляки тотчасъ же заняли этотъ городъ. И такъ шведы напрасно трудились и работали у города Пернова, который не ушелъ бы отъ нихъ, если бы они по серьезнѣе принялись за дѣло.

Прих. перев. Главную роль при заключеніи перемирія между Москвою и Польшею игралъ польскій посолъ іезуитъ Антоній Поссевинъ, появленіе котораго при московскомъ дворѣ заслуживаетъ болѣе подробнаго упоминанія, чѣмъ то сдѣлано у Гроссера.

Римскіе папы никогда не терли надежды присоединить московское государство къ латинству и вопросъ о соединеніи церквей не упускали поднимать при всякомъ удобномъ случаѣ, съ отдаленнѣйшихъ временъ, даже со времени Александра Невского (см. Приб. Сб. II. 203). Извѣстный Шлеть (см. тамъ-же стр. 318) въ 1550 г. прибылъ въ Германію, для извоза, по порученію Іоанна, въ Москву ученыхъ и художниковъ, самовольно возбудилъ въ императорѣ и папѣ надежду на присоединеніе московскаго государства къ римской церкви, и папа Юлій III назначилъ уже было посольство къ царю съ предложеніемъ королевскаго титула, за что Іоаннъ долженъ былъ присягнуть апостольскому престолу. Посольство, однако, не состоялось. Въ 1561 году папа Пій IV предлагалъ Іоанну отпраздновать паломъ своихъ на Тридентскій соборъ. Въ Москвѣ не обратили вниманія на подобныя предложенія и вспомнили о папѣ, когда два похода Баторія 1579 и 1580 г. совершились, когда мирныя переговоры, продолжавшіеся во все время военныхъ дѣйствій, не привели ни къ какимъ результатамъ, и когда въ концѣ 1580 г. обнаружилось, что Баторій непремѣнно предприметъ и третій походъ, болѣе опасный, чѣмъ два предшествовавшіе.

Іоаннъ отпраздновалъ въ концѣ 1580 къ папѣ и къ императору (Рудольфу, преемнику Максимилиана) гонимъ Иезуита Шевринга съ писемъ, въ которыхъ жаловался на Баторія, помаженника султана, объявлялъ желаніе быть съ папою и императоромъ въ любви и согласіи на вѣкъ недругомъ. Въ Вѣнѣ предложеніе Іоанна не встрѣтило ни какого сочувствія въ императорѣ, но тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ принялъ предложеніе папы, увидѣвшій тутъ хорошій случай къ присоединенію Россіи къ римской церкви. Онъ принялъ Шевринга, пріѣхавшаго въ Римъ 24 февраля 1581 г., съ большою честью: устроилъ ему парадную встрѣчу и 28 февраля 1581 г. далъ ему аудіенцію. Шеврингъ такъ доносилъ о своемъ посольствѣ въ Римъ: «Пріѣхалъ онъ, Иезуита, въ Римъ февраля въ 24, а встрѣча ему первая была отъ Риму за 5 верстъ, кардиналъ Медичи, а по русски архіепископъ, а съ нимъ человекъ 150, а подъ него поды Иезуита привезли три козлы; а другая встрѣча была отъ Риму за три версты: встрѣчали кавалеры, а по русски воевода, а съ нимъ человекъ съ 200; а въ Римѣ поставили его на дворѣ у римскаго камбетника, у папина сына, у Якова; а встрѣтилъ его папинъ сынъ на дворѣ своемъ; да и въ приставлѣхъ у него былъ папинъ же сынъ; у папы онъ Иезуита былъ февраля въ 28, а въ Римѣ по 28 марта; а на дворѣ къ папину сыну пріѣзжали его, Иезуита, почитать по вся дни кардиналы и воеводы и дворяне, а ѣзды ему шло на день къ столу по 30 блюдъ, а къ ужину по 30 блюдъ; да овощей всякихъ къ столу по 12 блюдъ, да къ ужину же по 12 блюдъ».

Одаривъ Шевринга золотыми пѣльями и бархатными фериазми, папа Григорій XIII послалъ въ Москву извѣстнаго богослова, іезуита Антонія Поссевина съ наказомъ примирить Іоанна съ Баторіемъ, а главнѣйше приложить всякое стараніе къ убѣжденію московскаго царя въ необходимости принять католичество и признать главную церковь первосвященника римскаго.

Шеврингъ пріѣхалъ къ государю въ Старину 17 поля 1581 г., а Поссевинъ изъ Рима поѣхалъ къ Баторію, котораго засталъ въ Вильнѣ. Государь московскій, сказалъ Баторію іезуиту, хочеть обмануть Св. Отца: видя грозу, радъ все обещать: и соединеніе вѣры и войну съ турками, но меня не обманеть. Цди и дѣйствуй: не противлясь: знаю только, что для

выгоднаго и честнаго мира подобно воевать: мы будемъ житьъ его; даю слово». Антоній, благословивъ Баторіа на войну, поѣхалъ къ царю, находившемуся въ это время въ Старицѣ, а Баторій двинулъ войска на Псковъ.

Поссевинъ былъ вѣрнѣе въ Смоленскѣ царскимъ приставомъ, которому въ наказъ было сказано: «Если посолъ станетъ задирать и говорить о вѣрѣ, греческой или римской, то пристава отвѣчать: грамотѣ не учился, да не говорить ничего про вѣру».

18 августа Поссевинъ пріѣхалъ въ Старицу, а 20 августа, съ четырьмя братьями своего ордена, представлялся царю въ торжественной аудіенціи, при чемъ поднесъ ему подарки: крестъ съ изображеніемъ страстей господнихъ, четки съ алмазами и книгу въ богатомъ переплетѣ о флорентійскомъ соборѣ. Подавъ письмо папы, Поссевинъ объявилъ, что Баторій не хочетъ мириться безо всей Ливоніи. «И я, говорилъ Поссевинъ, какія рѣши у короля слышалъ, тѣ государю и объявляю, а что государь мнѣ объявить, то я Стефану королю объявлю, и хочу свою душу и голову отдать за государскую милость».

Для царя было важно помириться съ Баторіемъ, для Поссевина это было второстепенное дѣло, главное же соединеніе церквей. Но съ первой же аудіенціи обнаружилось, что церковному вопросу не повезетъ: Іоаннъ на отрывъ отказалъ въ дозволѣніи построить въ Москвѣ католическую церковь. Отпуская Поссевина быть посредникомъ между нимъ и Баторіемъ, Іоаннъ объявилъ условія мира: царь уступаетъ Баторію 60 городовъ въ Ливоніи и русскіе города: Великіе Луки, Заволочье, Невель, Велижъ, Холмъ, а за собою оставляетъ 35 городовъ ливонскихъ.

Поссевинъ уѣхалъ къ Баторію въ то время, когда осада Пскова уже началась. Мало надѣясь на соединеніе церквей, Поссевинъ не могъ уже быть безпристрастнымъ посредникомъ: онъ видѣлъ явную выгоду для римской церкви въ томъ, чтобы вся Ливонія была за королемъ польскимъ, ибо, при похвѣстѣ послѣдняго, здѣсь легко было бы возстановить надѣе католичество. Доброжелательствовать папѣ и іезуитамъ полякамъ важно и въ томъ еще отношеніи, что сенатъ и король польскіе желаютъ обратить въ католичество жителей Рюся, Подолія, Волыни, Литвы и Самогитіи, упорно державшихся греческаго исповѣданія и въ своихъ церквахъ молящихся о дарованіи любви московскому государю надъ поляками.

По прибытіи въ польскій лагерь, Поссевинъ написалъ Іоанну, что Баторій рѣшился во что бы то ни стало взять Псковъ, если царь не поспѣшитъ заключить мира съ Польшею съ уступкою всей Ливоніи. Если бы Іоаннъ строго заявилъ, что извѣтъ дѣло съ іезуитами и съ точностію знаетъ, что Баторій потерпѣвъ сильную неудачу подъ Псковомъ, находится самъ въ затруднительномъ положеніи, ибо разнородное войско его готово было взбунтоваться, шведы же дѣйствовали на свою руку, то, конечно, не поддавался бы убѣжденіямъ іезуита, а, заткнувъ войну до зимы и двинувъ изъ Баторіа войска, стоявшія въ Новгородѣ, могъ бы не только лишить поляковъ всѣхъ приобретенныхъ выгодъ въ два предшествовавшіе похода, но и добиться морскаго берега. Но въ томъ-то и дѣло, что Іоаннъ отчаялся уже въ успѣхѣ войны. Получивъ письмо Поссевина, онъ съ сыномъ и боярами переговорилъ: «Теперь по конечной невожѣ, смотря по нашему времени, что литовскій король со многими землями и шведскій король стоять за одно, съ литовскимъ бы королемъ помириться на томъ: ливонскіе бы города, которые за государемъ, королю уступить, а Луки Великіе и другіе города, что король взялъ, пусть онъ уступить государю; а помирившись съ королемъ Стефаномъ, стать на шведскаго, для чего тѣхъ городовъ, которые шведскій взялъ, а также и Ревель, не писать въ перемирныя грамоты съ королемъ Стефаномъ».

Въ ноябрѣ, когда Баторій вынужденъ былъ обратить осаду Пскова въ блокаду, когда всё его приобретеніе висѣло, что называется, на волоскѣ, Іоаннъ отправилъ подъ Псковъ къ Стефану дворянина князя Дм. Петр. Клецкаго и печатника Романа Вас. Алферьева для заключенія и перемирія. Между Опочкою и Порховымъ, въ селѣ Бѣшковичахъ, ихъ уже ждалъ Поссевинъ и вмѣстѣ съ ними 13 декабря прибылъ въ деревню Ицверову Гору, въ 15 верстахъ отъ Зановольскаго Имя. гдѣ уже находились польскіе уполномоченные: воевода Миушъ Збаражскій, маршалъ князь Альбрехтъ Радзивиллъ и писарь литовскій Мих. Гарабурда. Немедленно же начались переговоры, а между тѣмъ польское войско сдерживалось отъ бунта единственно Замойскимъ и единственно надеждою на скорый миръ. Баторій при самомъ началѣ переговоровъ уѣхалъ въ Варшаву, чтобы собрать свѣжее войско: такъ онъ мало довѣрялъ успѣху переговоровъ.

Поссевинъ держалъ польскую сторону, уговаривалъ царскихъ пословъ, воровалъ не одинъ разъ. 4 января 1582 г. псковичи сдѣлали сильную вылазку, 46-ю по порядку (приступовъ литовскихъ было 50), взяли много плѣнныхъ, перебили много поляковъ и съ торжествомъ возвратились въ городъ. Замойскій далъ знать польскимъ посламъ, что наступила рѣшительная минута, необходимо или сейчасъ же подписать договоръ или бѣжать. Збаражскій объявилъ русскимъ посламъ, что Баторій велѣлъ кончить переговоры. Наши послы, не смѣя ѣхать въ Москву безъ мира, уступили и заключили перемиріе на 10 лѣтъ, считая съ 6 января 1582 г. на условіяхъ, на которыя рѣшился царь въ совѣтѣ съ сыномъ и боярами. Нѣсколько дней еще поспорили о титулахъ и отдѣльных выраженіяхъ въ договорной грамотѣ, но наконецъ подписали ее. Списокъ съ этого важнаго договора хранится и понынѣ въ московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ. Тамъ между прочимъ перечислены всѣ мѣстности, которыми Іоаннъ «велѣлъ посломъ своимъ поступитися въ земли лифляндской». Города эти названы по русски такъ:

Нѣмецкое названіе:

Куконосъ	Кокенгузенъ
Скровный	Ашерале
Леневардъ	Леневарденъ
Круцборхъ	Крейцбургъ
Борзунъ	Берзонъ
Чествинъ	Сесвегенъ
Трекатъ	Трикатенъ
Ровный	Ронсбургъ
Володимирецъ	Вольмаръ
Алысть	Маріенбургъ
Говья	Адзель
Левдунъ городище	Лаудонъ
Гольбинъ городище	Шваненбургъ
Рѣжица	Розитенъ
Лужи	Лудзенъ
Влехъ	Валкъ
Перколи	Нюркель
Салачи	Кирхгольмъ
Юрьевъ	Дерптъ
Новгородки	Нейгаузь
Керепеть	Кирпе
Муковъ	Фалькенау
Рандегъ	Ранденъ

Рышколь	Рингенъ
Конгота	Конгедадь
Кавлета	Кавелехтъ
Куреловъ	Куртовъ
Лакса	Лансъ
Тарвасъ	Тарвастъ
Полчева	Верноль
Найда	Вейсенштейнъ
Вильянгъ	Феллингъ
Перново Старый и Перново Новый	Перновъ.

А людей и нарядъ, и запасы изъ городовъ вывезти на обѣ стороны — было сказано въ договорѣ.

Въ февралѣ князь Елецкій и Алферьевъ привезли къ Іоанну мирный договоръ, а велѣдъ за ними прѣѣхалъ въ Москву и Поссевинъ, чтобы сдѣлать попытку о соединеніи церквей. Онъ прожилъ въ Москвѣ до 15 марта, но рѣшительно ничего не добились. Въ приватной аудіенціи Іоаннъ благодарилъ его за участіе въ заключеніи перемирія, велѣлъ кланяться папѣ Григорію и королю Стефану и прислалъ нѣсколько черныхъ соборовъ для папы и для Антонія. Поссевинъ выѣхалъ изъ Москвы съ гонимомъ Яковомъ Молявнинимъ, который повезъ въ Римъ отвѣтъ на грамоту папы. Въ письмѣ этомъ Іоаннъ увѣрялъ папу въ готовности участвовать въ союзѣ противъ турокъ, но ни слова не упоминалъ о соединеніи церквей.

4 февраля Замоискій вступилъ въ Ливонію для занятія городовъ, находившихся во власти русскихъ, а въ іюнѣ 1582 прибыли въ Москву ливонскіе послы. воевода Эбаражскій съ товарищами, для подтвержденія перемирнаго договора. Они при этомъ получили отъ цари новое обязательство, чтобы царь не воевалъ въ Эстоніи въ продолженіе 10 лѣтъ.

Перемиріе было подтверждено и война за Ливонію съ поляками прекратилась. Все что овладѣли русскіе съ 1558 г. было уступлено и возвращено лишь чрезъ 128 лѣтъ, въ 1710 г.

55. *Похвала Іоанну III шведскому.*

Такъ какъ достохвальнѣйшій король польскій вытѣснилъ московита изъ Ливоніи и по этому случаю заслужилъ во всемъ христіанствѣ великую славу и похвалу, то мнѣ прилично вкратцѣ упомянуть также и о достохвальномъ и знаменитомъ Іоаннѣ III, королѣ шведскомъ, который не менѣе перваго былъ средствомъ и орудіемъ всемогущаго Господа въ спасеніи притѣсненной страны и заслуживаетъ не менѣе похвалы и славы за Ливонію, и я намѣренъ сообщить короткій правдивый отчетъ о славныхъ, высокихъ королевскихъ благодѣяніяхъ для Ливоніи, какъ всѣмъ потомкамъ и будущимъ ливонцамъ, такъ и современнымъ благочестивымъ христіанамъ.

Потому что, когда Ливонія и городъ Ревель, одинъ изъ главныхъ городовъ этой страны, въ началѣ московитской войны, были покинуты всѣмъ свѣтомъ и не имѣли надежды ни на какую помощь и утѣшеніе отъ всего христіанства и немногого уже доставало,

чтобы московить овладѣлъ этимъ городомъ и всей страной, тогда достохвальный король шведскій изъ христіанской любви сжалился надъ бѣднымъ повинутымъ и безутѣшнымъ городомъ Ревелемъ, сталъ заботиться о немъ въ его крайней нуждѣ, защитилъ его съ помощью Господа отъ власти московита и воцѣлствіе того взялъ на себя много заботъ, трудовъ, большихъ издержекъ, возбудилъ противъ себя большую вражду, тяжкія, продолжительныя войны и большія опасности. Іоаннъ ІІІ-й вступилъ на престолъ и сталъ королемъ шведскимъ во время разгара войны и въ тяжкое, затруднительное время. Счастливо окончивъ сначала войну, начатую королемъ датскимъ и городомъ Любекомъ противъ его брата, короля Эрика ХІV-го, заключивъ миръ съ упомянутыми сторонами, а также и со своимъ зятемъ Сигизмундомъ Августомъ, королемъ польскимъ, и приведши королевство шведское въ прежнее состояніе, онъ отправилъ своихъ пословъ также и къ московиту, которому не давалъ никакого повода къ войнѣ, чтобы предложить ему миръ и доброе сосѣдство. Но московить съ презрѣніемъ отказался отъ этого, и дурно принялъ и угостилъ шведскихъ пословъ. Поэтому достохвальный Іоаннъ ІІІ-й, король шведскій, по старой поговоркѣ, не могъ соблюдать мира долѣе, чѣмъ пожелалъ сосѣдъ. А такъ какъ московить былъ страшно озлобленъ на всю Ливонію и въ особенности на городъ Ревель, то достохвальный миролюбивый король, по неискѣнной нуждѣ, долженъ былъ снова начать съ московитомъ для защиты Ливоніи и города Ревеля сильную и очень продолжительную войну. И хотя счастье сначала не благопріятствовало ему, однако въ концѣ концовъ оно, по милосердію Божію, повернулось на сторону короля шведскаго, который навелъ московиту такой уронъ и такъ смирилъ его, какъ ни одинъ король до его времени съ самаго начала шведскаго королевства.

56. *Какъ Іоаннъ ІІІ защитилъ Ревель и Виттенштейнъ, 1570.*

Когда въ 1570 году московить въ одно время хотѣлъ осадить и городъ Ревель и замокъ Виттенштейнъ, то достохвальный король шведскій вдоволь снабдилъ обѣ крѣпости храбрыми людьми, военачальниками и воинами, кромѣ того огромными запасами съѣстныхъ припасовъ, орудій, пороху и свинцу и назначилъ господина Клауса Авезена рыцаря Бистаго губернаторомъ и военачальникомъ Ревеля, а господина Германа Флеминка Вилліаскаго начальникомъ Виттенштейна. Когда же московить простоялъ 30 недѣль у обѣихъ названныхъ крѣпостей и испробовалъ у нихъ всю свою силу, искусство, хитрость, замыслы и обороты, то наконецъ долженъ былъ отступить, по причинѣ сильнаго гарнизона короля шведскаго, со стыдомъ и позоромъ и потерялъ почти 9000 человекъ у обѣихъ крѣпостей.

57. *Шведы въ Россіи, 1572. Пораженіе русскихъ у Лоды, 1573.*

Слѣдующей зимой 72-го года король шведскій отправилъ черезъ Выборгъ въ Россію прекрасное войско изъ шведовъ и нѣмцевъ, которые нанесли московиту немалый позоръ и немало раздосадовали его. Поэтому въ слѣдующемъ году московитъ самъ лично пришелъ со своимъ огромнымъ войскомъ въ Ливонію для преслѣдованія здѣсь шведовъ. Когда же шведы встрѣтили войско московита у Лоды, то убили около семи тысячъ русскихъ, одержали побѣду и отняли у нихъ все ихъ полевые орудія въ 1573 году, 23-го января.

58. *Дальнѣйшія победы шведовъ и осада Везенберга, 1574.*

Въ 1574 году достохвальный король снова собралъ большое войско изъ шведовъ, нѣмцевъ и шотландцевъ, и осадилъ замокъ Везенбергъ и всю зиму пробылъ въ земляхъ московита, жегъ и грабилъ и поджидалъ его въ полѣ. Но какъ московитъ былъ прошлой зимой разбитъ небольшимъ отрядомъ шведовъ, то и не осмѣливался идти противъ большаго войска, а предоставилъ свои земли на произволъ шведовъ.

59. *Потеря Нарвы и дальнѣйшія битвы.*

Въ слѣдующіе два года король шведскій потревожилъ своей арматой городъ Нарву и все купеческіе корабли, силой взялъ много кораблей различныхъ націй, торговавшихъ съ московитомъ черезъ Нарву и въ изобиліи доставлявшихъ ему всякіе запасы и тѣмъ усиливавшихъ его, взялъ большую добычу и постоянно дрался съ русскими и съ приверженцами герцога Магнуса въ Ливоніи.

60. *Осада Ревеля, 1577*

Когда въ 1577 г. московитъ во второй-разъ хотѣлъ осадить городъ Ревель и подчинить его своей власти, то достохвальный король, по своему отеческому попеченію о городѣ и о замкѣ Ревель, снабдилъ его какъ и во время первой осады опытными, храбрыми губернаторами и военными героями, сильнымъ гарнизономъ, а также прокантѣмъ, орудіями, порохомъ и свинцомъ; когда же подошелъ московитъ со своимъ огромнымъ войскомъ и осадилъ городъ Ревель, то снова долженъ былъ отступить, ибо Господь Богъ помогъ городу сильнымъ королевскимъ гарнизономъ. Московитъ потерялъ болѣе трехъ тысячъ человекъ своихъ лучшихъ воиновъ и стрѣлковъ и растратилъ безъ толку двѣ тысячи бочекъ пороху вмѣстѣ со многими тысячами пуль, каменныхъ и огненныхъ ядеръ. Этимъ московиту на этотъ разъ былъ нанесенъ не малый уронъ и ущербъ.

61. *Шведскія победы у Нарвы, въ Россіи и Ливоніи.*

Тѣмъ же лѣтомъ военные корабли короля шведскаго отправились въ Нарву и къ августу сожгли тамъ до тла два огромныхъ блокауза, убили и взяли въ нихъ въ плѣнъ нѣсколькихъ русскихъ.

Въ то же время шведское войско вторглось черезъ Выборгъ въ Россію, пребыло тамъ почти всю осень и безъ отдыха грабило, убивало и жгло.

Въ то же время войны короля шведскаго наносили русскимъ не малый уронъ и во всѣхъ замкахъ и крѣпостяхъ въ Ливоніи; они сожгли все русскія предмѣстья и мѣстечки во всей землѣ, и убили и сожгли въ нихъ множество русскаго народа, также многихъ русскихъ, дворянъ и недворянъ, забрали въ плѣнъ, такъ что весь замокъ и городъ Ревель были переполнены русскими плѣнными; многихъ изъ этихъ плѣнныхъ отослали въ Стокгольдъ въ Швецію для триумфа и въ показъ.

62. *Побѣда шведовъ и поляковъ у Вендена, 1578.*

Въ 1578 г., 21-го октября, войско короля шведскаго вмѣстѣ съ небольшимъ отрядомъ поляковъ избили у Вендена болѣе шести тысячъ самыхъ знатныхъ и лучшихъ вояковъ московита, взяли всю артиллерію московита, бывшую съ нимъ у Вендена, и здѣсь же уничтожили большое количество московитаго пороху, желѣзныхъ, каменныхъ и огненныхъ ядеръ, въ этой битвѣ пало также много русскихъ князей, многіе были взяты въ плѣнъ, что нанесло московитѣ не малый ущербъ, позоръ и страхъ.

63. *Дампныйя победы шведовъ съ 1579 до 1581 г.*

Въ 1579 г., 18-го іюля, король шведскій своей арміей ограбилъ нарвское предмѣстье, взялъ въ немъ огромную добычу различными русскими товарами, цѣнностью въ нѣсколько бочекъ золота, убилъ много русскихъ, затѣмъ сжегъ до тла и совершенно опустошилъ это предмѣстье вмѣстѣ съ большимъ мѣстечкомъ Ивангородомъ.

Въ 1580 г., 4-го ноября, достохвальный Іоаннъ III-й, король шведскій, силой отнялъ у московита городъ и замокъ Карелатородъ или Хекстольмъ вмѣстѣ съ принадлежавшимъ къ нему княжествомъ, и истребилъ въ немъ болѣе двухъ тысячъ человекъ.

Въ томъ же 1580 г., 28-го декабря, онъ отнялъ у московита приступомъ замокъ Падисъ, передупшалъ и избилъ въ немъ нѣсколько сотъ русскихъ.

Въ 1581 г., 4-го марта, король шведскій также силой взялъ у московита замокъ Везенбергъ вмѣстѣ съ прекрасной, плодородной

провинціей Вирландомъ, убилъ въ этой осадѣ болѣе ста русскихъ и добылъ въ этомъ замкѣ превосходные военные снаряды, изъ которыхъ нѣсколько было отвезено въ Стокгольмъ въ Швецію ради триумфа и на показъ.

Въ томъ же году, въ июлѣ и августѣ, король шведскій отнялъ силой у москвитя замки Габсаль, Лодс, Леаль и Фикель вмѣстѣ съ провинціей Вискъ, которые москвитя раньше того взяли у короля датскаго, добылъ въ нихъ отличный запасъ орудій и боевыхъ снарядовъ и подчинилъ эту провинцію вмѣстѣ съ упомянутыми замками королевству шведскому.

Въ томъ же 1581 г., 6-го сентября, достохвальнѣйшій Іоаннъ Ш, король шведскій, приступомъ взялъ у москвитя городъ Нарву, самое лучшее владѣніе и единственное прибрежное мѣсто москвитя у Балтійскаго моря, самый важный складочный пунктъ и купеческій городъ всѣхъ москвитовъ и русскихъ, убилъ тутъ болѣе 7000 русскихъ и взялъ въ немъ непомѣрно большую добычу.

Въ тоже время онъ обстрѣлывалъ сильныя замки и крѣпости Ивангородъ, Ямагородъ и Копорье въ Россіи, приобрѣлъ ихъ сдачей, провелъ границу королевства шведскаго далеко въ Ливоніи и Россіи и сдѣлался такимъ могущественнымъ и сильнымъ на Балтійскомъ морѣ, какъ нѣ былъ ни одинъ король шведскій до его времени.

Въ томъ же 1581 г., 24-го ноября, достохвальнѣйшій король долговременной осадой завоевалъ прекрасный замокъ и сильную крѣпость Виттенштейнъ и взялъ тамъ отличную артиллерию и боевые снаряды.

Послѣ покоренія города Нарвы и другихъ московитскихъ замковъ и крѣпостей, войско короля шведскаго дошло до Новгорода и грабило и жгло здѣсь безъ малѣйшаго сопротивленія со стороны москвитя. Такими многочисленными славными побѣдами достохвальнѣйшій король навелъ наконецъ такой страхъ и ужасъ на москвитовъ, что они толпами стали отпадать отъ своего великаго князя государя и переходили къ шведскому королю, не только бояре, купцы, подьячье и слуги, но и князья и воеводы, между которыми встрѣчается нѣмъ князи Юрія Андамскаго (Jurgen Andamski?).

Эта продолжительная война и эти многократныя побѣды короля шведскаго послужили не малымъ подспорьемъ и выгодой королю польскому противъ москвитя.

64. Дампныйшия походы Іоанну Ш.

И хотя достохвальнѣйшій король шведскій въ эти годы почти въ одно время угрожалъ такое множество враговъ, какъ то Данія, Норвегія, городъ Любекъ, Польша и Пруссія, москвитя, а также и многіе ливонцы, враги, которые въ продолженіи долгихъ лѣтъ изъ всѣхъ

силъ изощрались въ козняхъ и нападєніяхъ на королевство шведское. несмотря на то достохвальный король Іоаннъ III-й въ концѣ концовъ достигъ надлежащими мѣрами и высокими королевскими добродѣтелями того, что никто не могъ похвалиться или радоваться, что одержалъ надъ нимъ верхъ, почему онъ въ сердечномъ упованіи на Бога всегда употреблялъ поговорку: *Deus protector noster*, которую и вслѣдъ отчеканить на всѣхъ своихъ монетахъ.

Такими высокими доблестными дѣлами и своимъ достохвальнымъ видомъ и авторитетомъ онъ добился того, что всѣ государи всего христіанства часто присылали къ нему своихъ пословъ; бездѣлица и то, что въ царствованіе этого достохвальнаго короля Іоанна III-го въ Швеціи перебивали послы столькихъ королей и государей и разныхъ народовъ, какъ ни при одномъ королѣ съ самаго начала королевства шведскаго; къ нему являлись послы Максималиана II-го, римскаго императора, Карла IX, короля французскаго, Сигизмунда Августа, Генриха, Стефана Баторія, королей польскихъ, Фридриха II-го, короля датскаго, Григорія XII-го, папы римскаго, послы нѣмцевъ, татаръ два раза, что было неслыхано до этихъ поръ. — Его посѣщали также и орденскіе братья съ острова Мальты, лежавшаго очень далеко не ту сторону Італіи, и многіе другіе дальніе владѣтели, князья, советники и представители городовъ.

А такъ какъ въ продолженіи долгихъ лѣтъ онъ велъ съ упомянутыми выше странами и особенно съ московитомъ пѣзъ за Ливонію продолжительныя войны, на которыя понадобилось не мало денегъ, провіанту, орудія, пороху и свинцу и всякихъ боевыхъ снарядовъ, то шведское королевство поэтому потратило на Ливонію не ничтожную сумму, а нѣсколько милліоновъ денегъ, и ежегодно посылало туда на множествѣ кораблей такой огромный провіантъ, какой не могъ бы да и не согласился бы посылать никакой государь изъ всего христіанства. И когда, между прочимъ, недоставало денегъ, то достохвальный король не пожалѣлъ своихъ королевскихъ столовыхъ драгоценностей, а послалъ ихъ въ Ливонію на нѣсколько тысячъ лотовыхъ марокъ (*etliche tausend Mark löthig*) и зацѣпалъ ими жалованье воинамъ, чтобы они всегда охотно и съ готовностью шли противъ московита, а самъ напротивъ въ продолженіе всей войны не воспользовался отъ Ливоніи ни однимъ талеромъ, а земли, дворы и деревни, которыми онъ овладѣлъ въ Ливоніи, онъ большею частью роздалъ въ ленъ дворянамъ и нѣкоторымъ бюргерамъ, обѣщавшимъ въ эту войну, а также и своимъ воинамъ, вѣрно служившимъ ему, чтобы имъ было съ чего жить, и въ продолженіи всей войны не утруждалъ ливонскихъ бюргеровъ и крестьянъ никакими податями, какъ орденскій магистръ скоро послѣ начала московитской войны: такъ что и дворяне и бюргеры были совершенно свободны отъ налоговъ при этомъ королѣ въ продолженіе всей войны. И еслибы по созвѣденію

всемогущаго Господа достохвальное королевство шведское не приняло бы такого дѣятельнаго участія въ городѣ Ревелѣ и другихъ мѣстахъ Ливоніи, то по истинѣ вся Ливонія уже давнымъ давно была бы завоевана московитомъ.

Что касается до тѣлесныхъ и умственныхъ способностей, то и изъ нихъ Господь всемогущій ничего не забылъ даровать этому достохвальному королю; потому что онъ былъ очень искусный, очень умный, богобоязливый и ученый государь, знавшій многіе языки, кромѣ того любилъ свободныя искусства и всѣхъ ученыхъ, къ которымъ всегда былъ благосклоненъ не только въ собственномъ государствѣ, но и во всѣхъ странахъ и городахъ, гдѣ бывалъ.

И когда еще до своего царствованія онъ съ княжеской свитой путешествовалъ по королевствамъ и землямъ, какъ то Англіи, Пруссіи, Польшѣ, Литвѣ и Ливоніи, и знакомился съ правами и обычаями этихъ народовъ и тѣмъ пріобрѣталъ не малую опытность, тогда онъ съ величайшей пышностью былъ принятъ и угощаемъ въ Лондонѣ англійской королевой, которая въ честь его велѣла давать разныя удивительныя и чудесныя зрѣлища; а въ Вильнѣ, въ Литвѣ, Сигизмундъ Августъ, король польскій, собственной особой, со свитой въ нѣсколько тысячъ человекъ, выѣхалъ ему на встрѣчу за городъ, пышно встрѣтилъ его за городомъ и съ величайшей роскошью и пышностью привезъ на его квартиру. Точно также по княжески встрѣчали и угощали его въ Кенигсбергѣ герцогъ Пруссійскій и городъ Данцигъ и многіе другіе государи и города, въ которыхъ онъ бывалъ.

Когда онъ вступилъ на престолъ и принялъ корону шведскую, то первой его королевской заботой было снабдить церкви и школы способными епископами, проповѣдниками и учителями, а также устроить госпитали; поэтому онъ тотчасъ же въ началѣ своего правленія назначилъ ливонскимъ епископомъ вѣрнаго ученаго мужа, который долженъ былъ снова отстроить церкви, разоренныя московитомъ, и снабдить ихъ дѣятельными пасторами, долженствовавшими какъ можно усерднѣе просвѣщать бѣдныхъ ливонскихъ крестьянъ истиннымъ Божьимъ словомъ по аугсбургскому исповѣданію.

Кромѣ того онъ всюду преслѣдовалъ всякіе пороки, настрояйше показывалъ ихъ и во всякое время старался быть умѣреннымъ и справедливымъ и соблюдать всѣ королевскія добродѣтели, былъ строгъ и вмѣстѣ съ тѣмъ милостивъ со всякимъ. Въ немъ также не замѣчалось особенной истинности или кровожадности, онъ по своему долготерпѣнію обнаруживалъ милость вмѣсто осужденія, часто оказывалъ снисхожденіе непокорнымъ, которые жестоко согрѣшили противъ него, и по своей милости прощалъ имъ ихъ вину; ради такихъ королевскихъ добродѣтелей его подданные, высокаго и низкаго происхожденія, больше любили его, чѣмъ боялись и во всякое время готовы были отдать за него и жизнь и имущество.

65. *Похвала Карлу Эндерманландскому.*

Подобныя же высокія добродѣтели, также какъ и высокія и славныя благодѣянія все время оказывалъ Ливоніи также и досто-
славный князь Карлъ, герцога эндерманландскій и перикскій, братъ
вышеупомянутаго гоударя. Этотъ достохвальный князь также еже-
годно посылалъ въ Ливонію рейтаровъ и кнехтовъ для борьбы съ
москвитомъ, на что онъ употреблялъ не малыя издержки и постоянно
не мало заботился о счастіи и благосостояніи Ливоніи; у этого досто-
хвальнаго князя искали убѣжища многіе ливонцы, изгнанные моско-
витомъ изъ ихъ дворовъ и помѣстій, которые и получали хорошее
содержаніе у его княжескаго двора.

66. *Похвала шведскимъ губернаторамъ.*

Не маловажны были также труды и работы шведскихъ
губернаторовъ и правителей въ Ливоніи не только въ бояхъ, но и въ
ежедневныхъ постройкахъ и укрѣпленіяхъ замковъ и крѣпостей.
Вратцѣ невозможно описать сколько старанія и трудовъ приложили
эти шведскіе господа и правители въ ливонскихъ замкахъ при по-
стройкѣ и починкѣ большихъ ренделей и валовъ, а также большихъ
блугаузовъ, стѣнъ, рововъ и отбивныхъ снарядовъ вмѣстѣ со множе-
ствомъ сторожевыхъ домовъ. Эти достохвальные губернаторы больше
орленскихъ братьевъ заботились о внутреннемъ бытѣ, благѣ и благо-
состояніи страны.

67. *Похвала шведскому народу.*

Далѣе весь достохвальный шведскій народъ такъ доблестно и
храбро велъ себя въ отношеніи города Ревеля и Ливоніи, что невоз-
можно всего и описать; потому что не было ни одного рода изъ швед-
скихъ господъ, рыцарей и дворянъ во всей Швеціи, который бы не
былъ въ Ливоніи и не сѣдалъ своихъ коней противъ москвиты,
точно также какъ и всѣ шведскіе подданные во всей Швеціи. И когда
въ Ревелѣ ихъ зачѣстую бывало вѣскольکو тысячъ человекъ и ими
бывали переполнены всѣ бюргерскіе дома, гильдіи, дома червоголо-
выхъ, также какъ и городской соборъ, равно какъ и всѣ квартиры и
углы за городомъ и ихъ число часто превышало число всѣхъ туземныхъ
жителей и ревальскихъ бюргеровъ, несмотря на то, не слышно было
ни одного браннаго слова, а также не замѣчалось ни одного насиль-
ственнаго поступка ни днемъ, ни ночью въ продолженіи всей войны.
какъ со стороны самыхъ послѣднихъ, такъ и самыхъ знатныхъ; на-
противъ они все время вели себя въ отношеніи всякаго, какъ слѣ-
дуетъ, тихо, честно и скромно, такъ что незамѣтно было, есть ли

войско въ городѣ или вѣтъ. Что иногда происходило между ними на рынкѣ во время игръ (Mummenschanze), на то не можетъ жаловаться ни одинъ бюргеръ или житель.

Когда же они должны были идти въ походъ противъ москвиты, то ихъ не останавливали и не пугали ни сырое лѣто, ни бурная осень, ни холодная зима, ни самый дальній и опасный путь. И хотя, къ сожалѣнію, часто и много погибало храбрыхъ мужей изъ рыцарей, начальниковъ и простыхъ воиновъ на корабляхъ между Швеціей и Ливоніей, много замерзало на льду зимой и много гибло въ приступахъ и битвахъ и во время стычекъ многіе попадали въ плѣнъ и увозились въ Московію и Татарію, гдѣ ихъ безжалостно убивали; несмотря на это они не унывали, не выказывали неудовольствія, когда и осенью, и зимой и лѣтомъ, и по морю и по сушѣ приходили биться за Ливонію, будто дали, подъ страхомъ лишенія спасенія души, обѣтъ всемогущему Господу умереть за городъ Ревель и Ливонію. Они отказались отъ своего покоя и отъ продолжительнаго мира съ москвитомъ, покинули въ Швеціи своихъ родителей, дома и дворы, женъ и дѣтей, и отправлялись въ Ливонію, чтобы сражаться съ москвитомъ.

И хотя москвиты часто предлагали шведамъ миръ, если они отступятся отъ Ливоніи, однако они предпочли восвать и проливать свою кровь за городъ Ревель и Ливонію, чѣмъ заключить миръ и покинуть Ливонію.

68. Дальнѣйшія благодѣянія шведовъ.

И такъ какъ эта многократно упомянутая московитская война въ царствованіи достохвальнаго короля Іоанна III-го продолжалась 13 лѣтъ, пока наступило небольшое перемиріе, ливонскія же земли уже во время тевтонскаго ордена были большей частью опустошены и разорены москвитомъ, и эта продолжительная война москвиты противъ короля шведскаго также не мало способствовала къ еще большому разоренію этой страны, и король шведскій изъ христіанскаго состраданія отдалъ въ ленъ уцѣлѣвшіе еще въ Ливоніи дворы, деревни и помѣстья обѣдѣвшимъ дворянамъ, бюргерамъ и воинамъ большей частью съ вѣнъ милости, чтобы имъ были съ чего жить, почему тамошніе намѣстники въ замкахъ и крѣпостяхъ не могли получать продолжительнаго съ ливонскихъ деревень. Велѣдствіе этого ежегодно во всю войну изъ Швеціи привозили въ Ливонію на множествѣ кораблей огромный провіантъ не только для замковъ и крѣпостей, но также и для шведскихъ воиновъ, и въ такомъ количествѣ, что всѣмъ крестьянамъ, принадлежавшимъ къ замкамъ и всѣмъ пашенникамъ города Ревеля, а также и всѣмъ замковымъ телѣгамъ и лошадямъ постоянно было вдоволь груза для перевозки. — этимъ же провіантомъ пита-

лись и всѣ бюргеры и крестьяне, откупавшіе его за безцѣновъ у вонновъ. Этотъ провіантъ должны были доставлять не только крестьяне, но и бюргеры и священники со всего шведскаго королевства. Точно также они часто должны были платить подать серебромъ и золотомъ, и давать фуражъ и муку войнамъ, стоявшимъ у нихъ постоемъ, и переносить многіе другіе налоги и затрудненія ради города Ревеля и Ливоніи, такъ что они часто сами удивлялись, какимъ родомъ стали въ такія отношенія къ Ливоніи и часто, по причинѣ тяжкихъ налоговъ, желали, чтобы королевство шведское во вѣки вѣковъ не брало на себя заботы о Ливоніи.

Такія высокія и разнообразныя благодѣянія, оказанныя сначала Эрикомъ XIV-мъ и Іоанномъ III-мъ, достохвальными королями шведскими, достохвальными господами, рыцарями и дворянами, равно какъ и всѣми простыми войнами, священниками, бюргерами и всѣми чинами достохвальнаго королевства Швеціи городу Ревелю и Ливоніи вѣистину изъ христіанской любви, невозможно вкратцѣ достаточно описать.

69. Стефанъ Баторій въ Ригу, 1582.

Въ 1582 г., въ посту, Стефанъ Баторій, король польскій, съ королевской пышностью пріѣхалъ въ Ригу и принималъ отъ рижанъ присягу въ вѣрности. Тогда рижане должны были очистить и передать королю церковь св. Іакова въ своемъ городѣ. Тогда король выслалъ изъ этой церкви проповѣдниковъ аугсбургскаго исповѣданія, а упомянутую церковь вручилъ іезуитамъ и папистамъ. Этотъ вышеупомянутый Стефанъ Баторій былъ первымъ королемъ, посѣтившимъ Ригу съ самаго ея существованія.

Прим. перев. Русскіе начали выстунать изъ занятыхъ ими въ Ливоніи городовъ и замковъ съ февраля 1582 г. — Замойскій занялъ Дерптъ 24 февраля, къ этому времени русскіе выступили и изъ другихъ ливонскихъ мѣстностей.

Стефанъ Баторій прібылъ въ Ригу 12 марта съ многочисленною польскою свитою. Къ этому же времени прібылъ сюда изъ Дерпта и Замойскій.

Подробности о событіяхъ въ польской Ливоніи съ 1561 г. излагаются особо въ лѣтописи Ніенштета и приобщеніяхъ къ ней.

70. Недовольство поляками, 1582.

Въ то же время ливонцы, дворяне и бюргера, бывшіе еще на лицо и изгнанные московитомъ изъ епископствъ рижскаго и дерптскаго, также какъ и изъ Феллина. Вольмара, Вендена, Кокенгузена и Пернова, стали сильно надѣяться, что снова обратнo получить всѣ свои дворы, земли и замки въ упомянутыхъ городахъ вмѣстѣ съ ихъ старыми привиллегіями, и стали объ этомъ просить въ Ригѣ короля

польскаго. Для этого король назначилъ на слѣдующее лѣто въ Ригѣ собраніе, на которомъ каждый долженъ былъ предъявить свидѣтельство и доказательство своего права на владѣніе помѣстьями, дальнѣйшее же обсужденіе и рѣшеніе возлагается на епископа рижскаго и нѣкоторыхъ польскихъ и литовскихъ чиновъ. Когда же наступило время этого собранія, то всѣ дворяне и бюргеры изъ упомянутыхъ мѣстъ обратились къ оному, но ничего не добились. Когда же дворяне стали требовать опредѣленнаго отвѣта получить ли обратно свои имѣнія или нѣтъ, то епископъ сказалъ имъ, что не можетъ дать опредѣленнаго отвѣта, но замолвить о нихъ словечко передъ королемъ польскимъ. И такъ упомянутые дворяне ушли съ тѣмъ же, съ чѣмъ и пришли. И хотя нѣкоторымъ бюргерамъ и бюргерскимъ дѣтямъ въ Дерптѣ и въ другихъ вышеназванныхъ мѣстахъ, нѣкоторые замки были снова изъ милости отаны въ лентъ, однако, они не могли уже возвратить собѣ старое управленіе, свободу, судъ и права вмѣстѣ съ ключами отъ городскихъ воротъ, но должны были жить между поляками не иначе, какъ чуждые люди, и сносить также брань и насмѣлки отъ іезуитовъ и папистовъ, которые вторглись во всѣ города и мѣстечки и распространяли между простыми людьми великое лицемеріе и неосновательныя вещи противъ общественной божеской истины и своей собственной совѣсти.

71. Тщетныя попытки шведовъ у Нестора, 1582.

Въ 1582 г. лѣтомъ, король шведскій снова собралъ огромное войско изъ шведовъ, вѣмцевъ, французовъ и итальянцевъ, а также и русскихъ, отпавшихъ отъ своего великаго князя, и съ этимъ войскомъ вмѣстѣ съ огромной арміей, орудіями и разными боевыми снарядами въ сентябрѣ осаилъ сильный замокъ Несторъ (Орѣшекъ) въ Россіи, обвелъ оконами и сталъ обстрѣливать. А такъ какъ упомянутый замокъ лежалъ между широкими, быстрыми рѣками и водами, и съ суши къ нему не было доступа, потому они должны были строить ланцы на маленькомъ островкѣ, съ котораго они очень скоро пробили стѣну этого замка, а 8 октября начали приступъ на долгахъ или маленькихъ корабляхъ; во время этого приступа часть шведскихъ вѣхтовъ взяли нѣсколько русскихъ орудій и владѣли ими съ полъ часа. Но такъ какъ другіе вѣхты замедлили по причинѣ рѣкъ и не могли успѣть прийти къ нимъ на помощь, то русскіе снова отбили ихъ. Тогда приступъ оказался напраснымъ и они не мало ошиблись въ расчетѣ.

14-го октября къ замку пришло на помощь по водѣ много русскихъ кораблей съ провіантомъ, боевыми снарядами и разными необходимыми вещами. Русскіе тогда снова ободрились.

15-го октября прибылъ господинъ Повтусъ, военачальникъ, и 18-го октября рѣшился снова попытать счастья и еще разъ велѣлъ идти на приступъ, но и этотъ штурмъ, какъ и первый, оказался безплоднымъ.

Прих. перов. На боярскомъ совѣтѣ, происходившемъ въ ноябрѣ 1581 г. въ Москвѣ (см. выше стр. 332), было рѣшено примириться съ Баторіемъ, чтобы свободнѣе наступить на шведа, отнять у него завоеванные города и Ревель. Съ этою цѣлю 1 января 1582 г. Іоаннъ велѣлъ воеводамъ князьямъ Фед. и Вас. Пв. Мстиславскимъ, Пв. Вас. Годунову, князю Вас. Юр. Голицыну, двумъ Салтыковымъ и князю Вас. Алешеву Тюменскому собирать полки въ Торжокъ и идти въ Ругозову, къ Инѣ, да въ шведскую землю за Неву.

Обстоятельства благоприятствовали Іоанну. Между Баторіемъ и королемъ шведскимъ Іоанномъ III возстали раздоры изъ за Нарвы. Король польскій требовалъ отдать этотъ городъ Польшѣ, король шведскій не уступалъ. Внутри Швеціи было неспокойно: Іоаннъ III, женатый на католичкѣ, былъ ревностнымъ папистомъ, возбуждалъ противъ себя потеранъ и ссорился со своимъ братомъ, герцогомъ Карломъ. Баторій началъ готовиться къ войнѣ со Швеціей: русскіе воеводы, выступивъ изъ Новгорода, встрѣтили шведовъ въ Вотекой Патинѣ, въ селѣ Лалонахъ и разбили ихъ на голову. Но эта побѣда не повлекла за собою никакихъ послѣдствій.

Шведы осадили Орѣшекъ, по совѣту московскаго извѣнника Аонасія Бѣльскаго. Орѣшекъ защищали воеводы князь Василій Ростовскій, Судаконъ и Хвостовъ.

Делагарди отступилъ отъ Орѣшка, сѣдая, что на помощь ему идутъ изъ Новгорода войска подъ начальствомъ князей Апл. Ин. Шуйскаго, Вас. Мих. Лобанова, Нв. Пв. Голицына и др.

72. Напрасный походъ шведовъ въ Новгородъ, 1582.

Когда на этотъ разъ была потеряна надежда на Нетеборгъ, шведы должны были снять свой лагерь и отступить съ убыткомъ. Тогда всѣ гофлейты въ мартиновъ день пошли къ Новгороду, по дурной дорогѣ, на которой всѣ лужи были переполнены водою и непогода съ ливнемъ длилась и день и ночь и всѣ мосты въ Россіи плавали подъ водою. Когда же, по причинѣ такихъ затрудненій, они не могли ничего подѣлать въ Россіи, то съ потерей нѣсколькихъ сотъ лошадей и почти всѣхъ обозныхъ телѣтъ они снова возвратились на свои квартиры, гдѣ, въ земляхъ русскихъ, пробыли всю зиму, продолжаясь ларомъ безъ всякой опасности или сопротивленія.

73. Какъ одѣвались перебежавшіе русскіе.

Въ то время москвиты или русскіе, перешедшіе къ королю шведскому, одѣвались пошлѣе, каковая одежда какъ для нихъ, такъ и для всѣхъ москвитовъ, была всегда омерзительна. Причина, почему они это сѣдали, была та, что теперь, когда ихъ приходилось жить и ходить въ походъ со шведами и вѣмцами, то ихъ одежда

являлась безобразною и черезъ-чуръ рѣзко отличалась отъ нѣмецкаго одѣянія. и кромѣ того они думали, что нѣмцы и яведы будутъ лучше уважать ихъ, такъ какъ они нѣмецкое платье уважаютъ больше чѣмъ русское.

Прим. перел. Число русскихъ, приставившихъ къ шведамъ, при занятіи ими городовъ и замковъ въ Лестоніи, не извѣстно; знавшими изъ нихъ былъ Аонасій Вельскій. Въ оныя послѣдствія приняли лютеранство, знавшими же получили помѣстья и баринскія достоинства.

74. *Татары способствуютъ успѣхамъ шведовъ.*

Въ то время, когда происходилъ походъ шведовъ къ Петеборгу, изъ Москвы дошли вѣрныя извѣстія, что казанскіе и астраханскіе татары отпали отъ московита, своего государя. возстали и съ большимъ войскомъ осадили городъ Казань, къ которому принадлежало цѣлое царство, и нанесли московиту большой уронъ. Кромѣ того и крымскіе татары вторглись также съ нѣсколькими тысячами человекъ въ землю московита, такъ что московитъ не зналъ, съ которой стороны защищаться и съ которымъ врагомъ лучше всего начинать войну. Наконецъ когда непріятель стали угрожать ему и спереди и сзади и со всѣхъ сторонъ, то онъ сильно укрѣпилъ замки и крѣпость на яведской границѣ, войско повелъ противъ татаръ, а всѣ петеборгскія и новгородскія земли оставилъ на произволъ короля шведскаго.

Въ этотъ разъ шведамъ выпала бы на долю большая выгода, если бы только счастье удержалось на ихъ сторонѣ.

Прим. перел. Лѣтомъ 1582 г. обнаружился опасный бунтъ луговой черемисы въ казанской области. Въ октябрѣ 1582 г. послано было туда войско подъ начальствомъ князя Елепката, но бунтъ продолжался. Тогда изъ Мурома были двинуты въ казанскую область новыя войска подъ начальствомъ князей Па. Мих. Воротынского и Дм. Хворостинина. Новыя вѣсти пришли въ Москву еще болѣе тревожныя: узнали, что ханъ Магметъ-гирей свогитя съ черемисами и готовится напасть на Россію и что ногаи грабятъ въ казакныхъ предѣлахъ. Приходилось дѣйствовать одновременно въ разныхъ мѣстахъ: послали войско въ Казань, другое войско заняло берега Оки, третье плыло къ Свиязску. Ханъ не осмѣлился сдѣлать нападенія, но бунтъ черемисовъ продолжался до конца жизни Іоанна.

75. *Герцогъ Магнусъ умираетъ, 1583.*

Въ 1583 году, въ февралѣ, умеръ герцогъ Магнусъ голштинскій въ Пильтенѣ въ Курляндіи и въ томъ же году его тѣло было перевезено по морю въ Данію. Пильтенское епископство хотѣло держаться Даніи, изъ за чего и произошла война между поляками и пильтенцами.

Прим. перев. Время смерти герцога Магнуса у Руссова показано не верно.

Было уже выше упомянуто, когда и по какой причинѣ герцогъ Магнусъ отсталъ отъ Іоанна (см. стр. 294). По договору заключенному въ Вау-скѣ между имъ и княземъ Николаемъ Радзивилломъ, вилнискимъ воеводою и канцлеромъ литовскимъ, Магнусъ съ свои владѣніи въ томъ числѣ и пильтенское епископство передалъ подъ покровительство Литвы съ сохраненіемъ однако, на названное епископство правъ его брата, короля датскаго.

Герцогъ Магнусъ съ своею супругою, Маріею Владиміровною, поселился въ Пильтенѣ. Онъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ 1580 г. въ Ливоніи, во время втораго похода Баторія, именно находился въ отрядѣ курляндскихъ войскъ, дѣлавшихъ набѣгъ подъ начальствомъ Бутера до Дерпта и Нейгаузена. Въ январѣ 1581 г. у него родилась дочь, которая была крещена въ Пильтенѣ въ православіе и наречена Ефдокіею.

По прибытіи 12 марта 1582 г. Стефана Баторія въ Ригу, сюда явился и герцогъ Магнусъ съ просьбою утвердить за нимъ его ливонскія земли въ ленное владѣніе. Король Стефанъ отказалъ ему, сославшись, что такое утвержденіе зависитъ отъ сейма, а не отъ короля. Магнусъ, крайне недовольный такимъ отказомъ, уѣхалъ изъ Риги: на варшавскій сеймъ 1582 года не поѣхалъ, но послалъ туда своего уполномоченнаго Вильгельма Штурца. Сеймъ отложилъ рѣшеніе на утвержденіе за Магнусомъ его ливонскихъ земель до слѣдующей сессіи въ 1583 г., но герцогъ не дождалъ до этого сейма. Онъ умеръ въ Пильтенѣ 18 марта 1583 г. Его совѣтники, немедленно же дали знать о его кончинѣ королю датскому Фридриху, чтобы онъ принялъ надлежащія мѣры къ обезпеченію за Даниєю пильтенскаго епископства, а чтобы выиграть время скрывали смерть Магнуса. Въ Ригѣ, однако, проваждали о кончинѣ Магнуса и ливонскій королевскій наместникъ князь Юрій Радзивиллъ отправилъ гонца въ Пильтенъ разузнать правду; гонецъ подъ предлогомъ передачи герцогу важныхъ бумагъ потребовалъ что бы его допустили къ нему. Совѣтники утѣряли гонца, что герцогъ тяжело боленъ, не можетъ никого принимать и требовали, чтобы бумаги были переданы имъ. Они пригласили гонца къ обѣду, шли за здоровьемъ герцога, но ничего не помогало: скрыть смерть было невозможно. Тѣло герцога похоронили въ пильтенской церкви въ землѣ, и оттуда, чрезъ 79 лѣтъ, 5 апрѣля 1662 г., тѣло было перевезено въ Данию.

Вдова герцога съ дочерью, между тѣмъ поселилась въ Ригѣ, гдѣ король Стефанъ назначалъ имъ приличное содержаніе. Изъ Риги онѣ, по смерти Іоанна, подали прошеніе его преемнику царю Феодору Іоанновичу о дозволѣніи возвратиться на родину. Пишутъ, будто Годуновъ, пригласилъ Марию Владиміровну возвратиться въ Москву, обѣщая ей богатый удѣлъ и знатнаго жениха и опасаясь, чтобы эти правнука Іоанна III, ведучи кончины Феодора и Дмитрія, не объявила себя влѣдѣнницею престола. Какъ бы то ни было ей позволили возвратиться. Изъ верениски по этому дѣлу видно, что русскіе давали ей титулъ королевы, котораго поляки за нею не признавали. По прибытіи въ Москву, ее съ дочерью помѣстили въ одномъ изъ монастырей, потомъ постригли. Малолѣтняя дочь ея скоро умерла, но вдовствующая герцогиня прожила вѣдѣннее лѣтъ восемь и была погребена въ Троицко-Сергіевой Лаврѣ.

76. Переговоры между Швеціей и Россіей, 1583.

Въ то же время въ Ревель прибылъ московскій бояринъ или дворянинъ, отправленный съ письмами къ шведскимъ правителямъ

воеводой новгородскимъ; содержаніе писемъ было очень ласковое и касалось мирныхъ переговоровъ; и этотъ бояринъ или податель письма былъ также скромнъ и ласковъ и не такой тщеславный, упрямый и гордый, какъ прежніе послы и податели писемъ москвиты. Тогда шведскіе правители отвѣтили на письмо и отправили съ письмами къ воеводѣ новгородскому одного нѣмецкаго дворянина, по имени Ганса Страсборга. Тогда былъ назначенъ день для мирныхъ переговоровъ, на которые поѣхали шведскіе комиссары. Когда же они встрѣтились съ московскими комиссарами въ маѣ у рѣки Плюсы (Плюсы) во владѣніи короля шведскаго въ Россіи и обѣ стороны раскинули свои палатки, то сначала нѣсколько дней они спорили о титулахъ своихъ государей. Когда же никто не хотѣлъ унизиться до того, чтобы пойти въ чужую палатку, то шведы велѣли поставить роскошно убранный столъ между обѣими сторонами; за этотъ столъ сѣли сначала шведскіе, а потомъ и московскіе комиссары. Тогда они стали вести переговоры о мирѣ. Но такъ какъ москвиты требовали слишкомъ многого, а шведы не хотѣли ничего имъ уступить, то изъ этихъ переговоровъ ничего не вышло.

Наконецъ всетаки было заключено кратковременное перемиріе на два мѣсяца, съ 9-го мая до 9-го іюля. Въ теченіе этого времени комиссары обѣихъ сторонъ должны были получить полную довѣренность отъ своихъ государей и 9-го іюля явиться на томъ же мѣстѣ, чтобы продолжать переговоры.

Прим. перекл. Вунтъ, черемисы, непрочность запольскаго перемирія, заключеннаго съ Баторіемъ 15 января 1582, ибо литовскіе воеводы силою занимали мѣста въ уѣздахъ торопецкомъ, луцкомъ, велижскомъ, а витебскій воевода Пацъ произвольно поставилъ городъ въ велижской волости на устьѣ рѣки Межи, гдѣ шелъ водный путь изъ Смоленска и Бѣлаго къ Лукамъ и Торопцу. Литовцы затрудняли общаго разбитіе лѣтнихъ, грабили въ Невельскомъ уѣздѣ и пр.; все это указывало, что военные дѣйствія, не смотря на заключенное перемиріе, могли легко возобновиться. Хотя Баторій находился и въ незавидномъ положеніи, ибо изъ за Нарвы онъ враждовалъ со Швеціею, на сеймъ онъ не встрѣчалъ никакой поддержки со стороны пановъ, крымскій ханъ и султанъ, озлобленные нападеніями запорожцевъ и малоросійскихъ казаковъ, грозили войною Польшѣ.

Было выше сказано (см. стр. 334), что Іоаннъ обiazался не воевать Ливонію въ теченіи 10 лѣтъ.

Все эти обстоятельства, взятые въ совокупности, побудили Іоанна предложить перемиріе шведамъ. Предложеніе было, конечно, охотно принято и 15 апрѣля 1583 г. государь прислалъ въ Шелонскую Пятину на рубежъ на Плюсу рѣку для сѣзду со швейскими нѣмцами воеводу князя Сем. Нв. Лобанова, да Игнатія Татинскаго, да Нв. Феодосіева, дьяка Дружину Петелина, Мих. Бурцова, да новгородскаго дьяка Сем. Костина.

Они и заключили двухъ-мѣсячное перемиріе.

77 *Война поляковъ съ пильтенскимъ епископствомъ, 1583.*

Въ тоже время началась война между поляками и пильтенскимъ епископствомъ въ Курляндіи по тѣмъ причинамъ, что это епископство было поручено прежнимъ епископомъ Іоанномъ Менникгузенемъ королю и королевству датскому и было предоставлено въ лени герцогу Магнусу, брату короля датскаго, королевствомъ датскимъ, а не польскимъ. Вслѣдствіе этого пильтенскія сословія заявили, что будутъ отстаивать Пильтень для короля датскаго и охотѣе перейдутъ на сторону датчанъ, чѣмъ поляковъ. Но поляки говорили, что герцогъ Магнусъ отдался подъ защиту королевства польскаго, вмѣстѣ съ Пильтенемъ, что Польша до сихъ поръ защищала отъ московита какъ герцога Магнуса, такъ и все епископство. Затѣмъ поляки стали продолжать грабить и убивать и заняли нѣкоторые епископскіе замки и завладѣли всѣмъ епископствомъ.

Пильтенское епископство было единственнымъ мѣстомъ въ Ливоніи, которое продолженіи всей московитской войны пребывало въ мирѣ и тишинѣ. Но въ концѣ концовъ жители и этой страны должны были узнать, противъ всякихъ ожиданій, что такое война, несчастіе, заботы и огорченія.

Прим. перев. Польское правительство, получивъ извѣстіе о смерти Магнуса, постановило присоединить пильтенское епископство къ владѣніямъ Речи Посполитой, но такого присоединенія пильтенское дворянство крайне не желало, видя какъ поляки угрожаютъ въ Ливоніи протестантству и пильтѣнскимъ лютеранскимъ помѣщикамъ. Пильтенскіе дворяне вслѣдствіе этого поручили одному изъ своихъ сочленовъ, Іоанну Беру, отправлявшемуся въ Германію вмѣстѣ съ извѣстнымъ полковникомъ Юргеномъ Фаренсбахомъ для найма жалнѣровъ въ польскую службу, отправиться въ Данію и заявить королю датскому о готовности Пильтена подчиниться ему. Беръ представился королю, который назначилъ его своимъ фохтомъ, и, предоставивъ въ его распоряженіе нѣсколько орудій и отрядъ войска, отправилъ обратно въ Пильтень.

Между тѣмъ королевскій ливонскій намістникъ князь Георгъ Радзивиллъ, возведенный папою въ кардинальское достоинство, приказалъ занять всѣ ливонскіе замки покойнаго герцога (Каркусъ, Оржесъ, Гельметъ и Русь) польскими гарнизонами, а всѣхъ помѣщиковъ, владѣвшихъ землями у этихъ замковъ, приказалъ присягнуть королю польскому. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ послалъ въ Пильтень своего маршала Северина Жилинскаго и таунтмана нѣмецкихъ жалнѣровъ Фому фонъ Эмдена предложить пильтенскимъ помѣщикамъ, продолжавшимъ именовать себя магистрами, быть въ повиновеніи королю польскому. Пильтенцы отказались, говоря, что уже присягнули королю датскому, брату покойнаго герцога. Кардиналъ-намістникъ повторилъ требованіе, и на этотъ разъ послалъ въ Пильтень, кромѣ своего уполномоченнаго, и курляндскихъ ратовъ (сочѣтниковъ) Саломона Геннинга и Луку Гибнера. Тѣ представили пильтенцамъ, что короли Сигизмундъ Августъ и Баторій обѣщали представить пильтенское епископство курляндскому герцогу. Пильтенцы, не желавшіе польскаго господства ни прямаго, ни косвеннаго, отказались присягать. Тогда кардиналъ приказалъ полковнику Оберскому вступить въ пильтенское епископство и силою заставить пильтенскихъ помѣщиковъ при-

снять корабль польскому. Началась мелкая, опустошительная война. Оберскій жегъ деревни, опустошалъ дворинскій вѣтъи. Тогда пильтенцы 14 мая 1583 г. напали на Оберскаго у замка Амботена, но были отражены съ чувствительною потерей. Курляндскій герцогъ Готгардъ Кетлеръ послалъ на помощь Оберскому полковника Бутлера съ 200 рейтаровъ. Онъ сталъ у Видавы, чтобы воспрепятствовать датской высадкѣ. Помѣшники заперлись въ крѣпкихъ замкахъ и не сдавались. Оберскій осадилъ замокъ Эдваленъ, но тутъ былъ убитъ. Его замѣнилъ полковникъ Пенкославскій и въ шести мѣсяцъ отъ Пильтена изгнать дѣло съ пильтенцами 8 августа 1583. Князь Радзивиллъ послалъ въ пильтенское епископство ротмистра Клауса Корфа, который и взялъ Амботенъ. Польскіе жолѣтры стали грабить не только пильтенское епископство, но и помѣщичьи дворы въ Самогитіи. Пошли жалобы и король Стефанъ приказалъ Радзивиллу вывести польскихъ жолѣтровъ изъ пильтенской области.

Между тѣмъ, по поводу Пильтена, между королями датскимъ Фридрихомъ и польскимъ Стефаномъ происходила переписка, не приводившая ни къ какому результату, пока наконецъ посредничество въ спорѣ принялъ на себя маркграфъ Георгъ Фридрихъ бранденбургскій, герцогъ прусскій. При его посредничествѣ Данія и Польша пришли къ соглашенію и 10 апрѣля 1585 г. заключили между собою договоръ, по которому Данія отказывается отъ всѣхъ своихъ правъ и претензій на Пильтенъ. Польша же за то уплатить Даніи 30,000 талеровъ. Пильтенское дворянство и города получили полное подтвержденіе всѣхъ своихъ правъ и преимуществъ особою грамотою, которая вновь была подтверждена королемъ Сигизмундомъ III на варшавскомъ сеймѣ 17 апрѣля 1587 г. Съ тѣхъ поръ Пильтенъ составилъ особый отъ Курляндіи округъ, именовавшійся пильтенскимъ. Въ 1795 г., по присоединеніи Курляндіи къ Россіи, пильтенскій округъ вошелъ въ составъ курляндской губерніи, въ 1796 г. снова былъ отдѣленъ и въ 1819 г. вторично присоединенъ къ названной губерніи, подъ названіемъ газенинотскаго обер-гауптвамства. Съ тѣхъ поръ отдѣльное существованіе Пильтена прекратилось.

78. Перемиріе между Швеціей и Россіей, 1583.

Въ томъ же 1583 г., въ іюлѣ, шведскіе и московскіе комиссары во второй разъ собрались вести переговоры о мирѣ. Комиссаровъ короля шведскаго было семь, а именно

Клаусъ Авезенъ (Клаусъ Тоттъ), рыцарь вистскій и губернаторъ финляндскій,

Понтусъ Делагарди, баронъ и рыцаръ эйкгольмскій и губернаторъ ливонскій,

Карлъ Густавсонъ (Степбокъ), баронъ торисскій,

Юргенъ Боге, гипесскій,

Карлъ Гириксенъ (Горпъ), канкаскій,

Гансъ Вахтмейстеръ, лакетскій (Лаактъ, помѣстье въ Эстоніи),

Гансъ Берендсенъ, форскій.

Московитскихъ комиссаровъ было также семь, а именно

Князь Иванъ Семеновичъ Лобановъ Ростовскій, намѣстникъ Городища,

Игнатій Петровичъ Татищевъ, надворный совѣтникъ (Hofrath, бояринъ), великаго князя.

Дружина Павелѣевъ, канцлеръ (дыякъ),

Иванъ Андреевичъ Фефилатьевъ, придворный юнкеръ, (восвода),

Михайлъ Ивановичъ Бурцевъ, придворный юнкеръ (восвода),

Богданъ Огарковъ, секретарь (дыякъ),

Осана Зафезинъ, писарь.

Когда упомянутые комиссары снова собрались 31-го іюля на вышеупомянутомъ мѣстѣ, и раскинули свои палатки, тогда они снова нѣсколько дней спорили о титулахъ своихъ государей. Какъ и прежде на срединѣ были поставлены богато накрытый столъ, за который сѣли сначала шведы, а потомъ и московиты и начали вести переговоры о мирѣ. Наконецъ послѣ многократныхъ споровъ и переговоровъ они не могли заключить продолжительнаго мира, но согласились на трехлѣтнее перемиріе, съ тѣмъ условіемъ, что король шведскій удержитъ за собой и во время этого трехлѣтняго перемирія безпрепятственно будетъ владѣть замками и крѣпостями Кексгольмомъ, Копорьемъ, Ямагородомъ, Ивангородомъ и Нарвой, равно какъ и всѣми другими замками, завоеванными имъ, со всѣми съ древнихъ поръ причислявшимися къ нимъ правами и границами, и чтобы были выкуплены съ обѣихъ сторонъ всѣ плѣнные, оставшіеся еще въ живыхъ, а торговля быть вольною, какъ то всегда водилось. Перемиріе заключили 5-го августа.

И такъ достохвальное королевство шведское достигло небольшого перемирія, провоевавъ со многими сторонами цѣлыхъ двадцать лѣтъ сряду и на морѣ и на сушѣ, во время этихъ развѣдочныхъ войнъ шведы узнали насколько сильна корона шведская, чего раньше не знали. И хотя они воевали много лѣтъ сряду, однако, война имъ все еще не надоела или утомила ихъ, напротивъ, они вполне были готовы сколько угодно сражаться съ московитомъ, поэтому и королевская армія была уже готова, нагруженная сильной артиллеріей и боевыми снарядами, а также и множество кораблей съ провіантомъ, а войско было нанято въ Нарвѣ, Финляндіи, а также и въ Ревелѣ и только ждало окончанія перемирія съ московитомъ.

И хотя это перемиріе было кратковременно и невелико, но оно всетаки великое дѣло и чудо всемогущаго Господа, ибо извѣстно, что въ началѣ ливонской войны московиты отвергъ всѣ переговоры всѣхъ королей и государей касательно Ливоніи и никогда не хотѣлъ, чтобы кто либо думалъ о Ливоніи, а всѣмъ говорилъ, что не уступить ни малѣйшей крѣпости въ Ливоніи, если бы даже пришлось воевать за нихъ сразу и со шведами, и съ поляками, и датчанами.

Тогда-то является всемогущій Господь и повергаетъ въ прахъ тщеславнаго и лютаго, такъ что онъ долженъ былъ унижаться передъ королемъ шведскимъ, котораго прежде совершенно презиралъ, потерять

не только свои лучшія владѣнія въ Ливоніи, но лишиться и многихъ московитскихъ наслѣдственныхъ земель, городовъ и замковъ, долженъ былъ просить перемирія и терпѣть то, что король шведскій провела границы своего королевства очень глубоко въ московитскія земли.

78. *Заключеніе.*

За эту всемогущественную и чудесную побѣду, счастье и преодоленіе и за этотъ маленькій отдыхъ мы ливонцы должны, по справедливости, отъ души благодарить всемогущаго Господа и впредь просить его о дальнѣйшемъ мирѣ, а также всѣми силами стараться погнать прежній дурной образъ жизни и принести истинное раскаяніе, чтобы насъ не постигло проклятіе, которымъ Всемогуцій Господь страшно угрожаетъ всѣмъ безбожникамъ и нераскаяннымъ въ 4-й книгѣ Моисея въ 26-й главѣ и въ 5-й книгѣ въ 28-й главѣ, въ которыхъ говорить: «И еще до сего не послушаете мене, и приложу наказати вы язвами седмижды за грѣхи ваши».

Ужасный примѣръ этого проявленія и наказанія мы видимъ на городѣ Іерусалимѣ, городѣ, который вмѣстѣ со всѣмъ іудейскимъ царствомъ всемогуцій Господь, подобно Ливоніи, часто въ прежніе времена украшалъ славными и чудесными побѣдами и милостиво защищалъ, спасалъ и охранялъ его отъ Сенахериба, Антиоха и другихъ тирановъ. Но, когда евреи забыли великія благодѣянія Господни и продолжали пребывать въ неблагодарности и нераскаянности, то всемогуцій Господь совершенно уничтожилъ жителей Іерусалима и іудей, разрушилъ и совершенно опустошилъ ихъ городъ и царство, и предалъ ихъ вѣчному стыду и позору; такой же примѣръ представляютъ намъ Сodomъ, Константинополь и многіе другіе земли и города.

Да даруетъ же намъ, ливонцамъ, свое Божеское милосердіе Господь, отецъ всякаго милосердія, единый истинный, неизмѣнный и вѣчный Богъ со своимъ сыномъ Іисусомъ Христомъ и со Святымъ Духомъ, такъ что бы мы могли наполнить время этого перемирія добрыми дѣлами покаянія и истинной христіанской вѣры, чтобы все устроилось въ славѣ, чести и хвалѣ Его Святаго Божественнаго имени и къ вѣчному миру и согласію государей, къ общему благу и ко спасенію всѣхъ насъ и душъ вашихъ. Аминь.

К О Н Е Ц Ъ.

ЛИВОНСКАЯ ЛѢТОПИСЬ

ФРАНЦА НІЕНШТЕДТА,

бывшаго рижскаго бургомистра и королевскаго
бургграфа.

Достопримѣчательныя вещи и исторіи о первомъ открытіи благородной провинціи Ливоніи, какъ таковая была открыта нѣмцами и народы въ ней покорены, а также приведены въ христіанскую вѣру изъ языческаго идолопоклонства, также кромѣ того о многихъ происшествіяхъ и событіяхъ, тамъ случившихся и происходившихъ въ различныя времена.

По тексту, сравненному съ древнѣйшими и новѣйшими списками лѣтописи
Тилеманномъ и напечатанному во 2-мъ томѣ Monumenta Livoniæ
antiquæ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

издателя лѣтописи г. Тилеманна.

Франц Нюенштедтъ или Нюенстедте (Franz Nyenstädt, Nyenstede), какъ онъ самъ называетъ себя въ своихъ запискахъ, родился 15 августа 1540 въ графствѣ Гоя, въ вестфальскомъ округѣ, и прибылъ въ 1554 въ Дерптъ, гдѣ посвятилъ себя торговлѣ. Отсюда онъ въслѣдствіи велъ значительныя торговыя дѣла съ Россіей; по поводу ихъ принужденъ былъ часто предпринимать поѣздки въ Москву, Новгородъ и Псковъ и знакомиться съ внутреннимъ состояніемъ московскаго государства: что и повлекло за собою самыя благопріятныя для него послѣдствія — этимъ онъ положилъ основаніе къ позднѣйшему своему благосостоянію. Въ 1571 г. онъ перѣхалъ въ Ригу, сдѣлался здѣсь бюргеромъ 21-го августа и 9-го сентября того же 1571 года женился на вдовѣ купца Ганса Крумгаузена. Проживъ здѣсь немалое число лѣтъ, онъ только что рѣшился выстроить для себя удобный домъ въ своемъ помѣстьѣ Зунцелѣ и маленькую церковь для себя и своихъ дворовыхъ людей на близъ лежащей горѣ св. Анны, гдѣ прежде стояла часовня, сожженная русскими въ 1577, собираясь провести остальные дни своей жизни на покой среди сельской тишины, какъ 22-го сентября 1583 его выбрали членомъ магистрата. Потревоженный такъ неожиданно въ исполненіи предначертаннаго плана своей жизни, онъ сперва рѣшился, получивъ это извѣстіе въ своемъ помѣстьѣ, остаться тутъ и отказаться отъ права бюргерства; однако, по зрѣломъ размышленіи, онъ пріѣхалъ въ Ригу попытаться, не удастся ли ему отстоять свою свободу. Всѣ его доводы остались безъ успѣха; онъ получилъ отказъ даже на свое предложеніе внести тысячу марокъ въ пользу бѣдныхъ, если его избавятъ отъ этого тяжелатаго бремени. Ему объявили, что бюргеръ не можетъ отказаться отъ должности, но обязанъ подчиняться рѣшенію магистрата. Онъ наконецъ согласился. Не прошло и двухъ лѣтъ какъ на него, наихудшаго изъ членовъ магистрата, возложенъ санъ бургомистра 15-го октября 1585. Какъ ли аистенъ долженъ былъ ему казаться этотъ выборъ, который признавали его способности и правдивость, тѣмъ не менѣе отъ него не могло ускользнуть, какія трудности и заботы предстояли ему въ это время, непоутичное тревожъ. Онъ испытывалъ ихъ во всей ихъ полнотѣ во время извѣстныхъ календарныхъ смутъ. Нако-

нець стихли бурныя времена: спокойствіе подворилось введеніемъ *северинскаго контракта*; но это было спокойствіе вулкана, въ нѣдрахъ котораго незримо бушевало пламя. Приверженцы мятежниковъ все еще не были умиротворены и не убѣдились въ противозаконности своего поведенія, напротивъ, казни ихъ предводителей, а отчасти и чрезмѣрная строгость начальства возбуждали въ нихъ еще большее озлобленіе. Даже между членами магистрата далеко не было единодушія. Затѣмъ возникли споры въ концѣ 16-го столѣтія между синдикомъ Гильхеномъ и вице-синдикомъ Годаманомъ, на сторону послѣдняго перешли часть магистрата, а что важнѣе и самъ бургомистръ Экъ. Гильхенъ былъ позванъ къ суду, но не явился. Такъ какъ Ніенштедтъ поручился за Гильхена, будучи его тестемъ, что тотъ явится, потому и самъ былъ замѣванъ въ это дѣло и даже принужденъ былъ сложить съ себя должность бургомистра, и удалиться изъ города. 10-го сентября 1600 г. отправился онъ въ свое помѣстье, откуда велъ процессъ со своими противниками. Послѣдніе дѣйствовали будто бы отъ имени магистрата; но дѣйствительными пружинами всего, по замѣчанію Ніенштедта, были бургомистръ Экъ и его сторонники. Цѣлыхъ пять лѣтъ протерзали они его въ Варшавѣ: онъ долженъ былъ являться на всѣ сеймы и въ преклонныхъ лѣтахъ предпринимать для этого чрезвычайно утомительныя путешествія. Хотя его противники три раза присылали дѣло, но онъ все таки не достигалъ своей цѣли. Наконецъ дѣло его дошло до королевскаго трибунала въ 1605 году. Здѣсь дѣло его обсуждали въ многочисленномъ собраніи всѣхъ сословій и въ присутствіи представителей отъ города Риги. Всякій ясно видѣлъ ковы его противниковъ, и не только судьи убѣдились какъ велика была оказанная ему несправедливости, но даже и самъ король, какъ послѣ узналъ Ніенштедтъ, далъ замѣтить свое совершенное неудовольствіе. Тогда то противная партія убѣдилась, какъ неумѣстно она играла въ опасную игру. Самъ Годаманъ предлагалъ устроить дѣло въ Ригѣ такъ, чтобы Ніенштедтъ получалъ прежнюю должность и удовлетвореніе. Канцлеръ и воевода краковскій также писали магистрату, советуя не ожидать королевскаго декрета для обратнаго водворенія Ніенштета въ его должности и для примиренія съ нимъ по спорному дѣлу. Не менѣе убѣдительныя просьбы посылали Ніенштедту оба эльтермана гильдій Эберггардъ Элтингъ и Бартольдъ Бекеръ, поддерживаемые и многими членами магистрата, не давая дѣлу дальнѣйшаго хода, обѣщая употребить всѣ средства, чтобы вознаградить его за всѣ его многія издержки, лишь бы онъ только снова вступилъ въ свои должности. Исчитавъ такъ много неурядицъ, онъ не могъ охотно согласиться. — но любовь, оказанная ему бюргерами, и почетное удовлетвореніе, данное ему за всѣ его обиды, побѣдили — онъ согласился и былъ торжественно снова водворенъ во всѣ свои должности 11 октября 1605 г. Но старость одолевала его: арѣние все болѣе и болѣе слабѣло. По этому въ 1607 г., при распределеніи должностей, онъ убѣдительно просилъ магистратъ уволить его и позволить удалиться на покой по причинѣ приближающейся глубокой старости. Просьба его не была исполнена — и этотъ немощный дѣятельный человѣкъ окончилъ свой жизненный путь, преисполненный трудами, на 82 году отъ роду въ 1622 г., послѣ вѣрной, продолжительной службы на пользу города. Въ 1590, 1594 и 1598 гг., а также вѣроятно неоднократно и по своимъ вторичнымъ введеніямъ въ должности, онъ занималъ мѣсто буртграфа. Его останки покоятся, какъ кажется, въ церкви, выстроенной имъ въ своемъ помѣстьи на горѣ св. Анны. Кромѣ своей падчерицы Катерины Крумшвенъ, бывшей замужемъ за синдикомъ Гильхеномъ, онъ не оставилъ по себѣ потомковъ.

Если человекъ, обладающій такими качествами какъ религіозность, патріотизмъ, общепользная дѣятельность, чувство правды и истины, благотворительность, мужество и рѣшимость въ опасностяхъ, угрожающихъ общему благу, имѣетъ неотъемлемое право на уваженіе современниковъ и потомства, то это право тѣмъ болѣе принадлежитъ тому человеку, который непоколебимо сохранялъ эти добродѣтели даже непризнанный, ненавидимый и гонимый. А такимъ человекомъ былъ Ніенштедтъ. Судьба съ непреодолимою силою вовлекла его въ бурныя календарныя смуты, которыя кровавыми буквами начертаны въ лѣтописяхъ Риги и во время ихъ онъ дѣйствовалъ съ энергіей и благоразуміемъ, дѣлающимъ честь его уму и сердцу. Еслибы онъ и кромѣ того не сдѣлалъ такъ много добра, то заслужилъ себѣ почетное мѣсто среди патріотовъ своимъ рвеніемъ водворить нарушенный порядокъ, своимъ человеколюбіемъ, съ которымъ старался смягчить судьбу нѣсколькихъ гражданъ, замѣшанныхъ въ то возмущеніе и осужденныхъ, своимъ горячимъ участіемъ, съ которымъ онъ говорилъ и дѣйствовалъ, чтобы спасти еще до послѣднихъ минутъ своихъ несчастныхъ сослуживцевъ Тастиуса и Веллинга, когда возмущенная толпа вела ихъ на мѣсто казни. Какими многократными услугами обязанъ былъ ему городъ, это мы подробно видимъ изъ его записокъ. Уже въ первые годы своей бургерской дѣятельности, когда русскіе расхаживали по странѣ въ 1575, онъ содержалъ нѣсколько мѣсяцевъ на свой счетъ отъ 2 — 5 солдатъ. Тоже самое повторилось и поздѣе — въ которомъ году и сколько времени не говорить — когда онъ въ пользу страны поставилъ трехъ всадниковъ, снарядивъ людей и лошадей. Онъ не только своихъ людей поставилъ работать на казны, но и самъ работалъ и самъ. По его предложенію и подъ его руководствомъ былъ построенъ новый нейхаузь: при городскихъ ябсахъ онъ учредилъ канцелярію; основалъ такія учрежденія при порторіумѣ, при мѣркѣ хлѣба и браковкѣ, при которыхъ городскіе доходы не только стали обезпечены, но и увеличались, а бургеры не стали подвергаться частымъ налогамъ. Такъ какъ до тѣхъ поръ браковка золы сопряжена была съ большимъ неудобствомъ и производилась ко вреду торговли подъ открытымъ небомъ, то онъ рѣшился устранить это зло, и съ помощью троихъ мужей достигъ того, что на ихъ счетъ построилъ удобный пепельный дворъ, снабженный сообразнымъ устройствомъ. Онъ всѣми силами старался, чтобы городъ мало по малу положилъ начало для сбора своихъ собственныхъ хлѣбныхъ запасовъ. Будучи главнымъ сиротскимъ опекуномъ, онъ привелъ въ порядокъ прежнія несправности и запутанныя дѣла въ сиротскомъ судѣ. Въ своемъ ямѣнн Зунцель онъ построилъ церковь на горѣ св. Анны и снабдилъ ее колоколами и необходимыми церковными принадлежностями. Въ 1594 онъ на свой счетъ снова отстроилъ часть ткацкой улицы, превращенной въ груды развалинъ, воздвигнулъ нѣсколько жилыхъ домовъ. Такъ какъ оказалось, что одинъ изъ домовъ стоялъ на мѣстѣ «Бурманеваго дома призрѣніи несчастныхъ», то сперва Ніенштедтъ назначилъ было этотъ домъ для возобновленія подобнаго же благотворительнаго заведенія. Но, по предложенію магистрата, онъ купилъ грунтъ близъ Ризнига (Ризнигова канала), и отстроилъ тамъ домъ для пеннущихъ, который существуетъ и понынѣ подъ названіемъ «Ніенштедтскаго вдовьяго коллегіята». Вотъ нѣкоторыя черты изъ его жизни и дѣятельности общественной.

Ніенштедтъ оставилъ послѣ себя ливонскую лѣтопись и свои записки. Арндтъ упоминаетъ, что онъ писалъ кромѣ того еще прижизненія на сѣверную исторію доктора Лоренца Меллера, и приводилъ изъ нихъ выдержки во второмъ томѣ, ст. 3. Подлинная рукопись лѣтописи Ніенштедта находилась еще въ половинѣ прошлаго столѣтія въ рукахъ поручика фонъ Цеймерна, въ Нуримѣ, который сообщилъ ее для пользованія бургомистру ф. Шифель-

бейну, но съ тѣхъ поръ она печала безслѣдно. Записки его перешли въ 1807 вмѣстѣ съ собраніемъ книгъ бургомистра Іог. Гріетофа Шварца въ рижскую городскую бібліотеку. Онѣ писаны собственною рукою Ніенштеда и въ нихъ на 108 страницахъ *in quarto* заключаются, кромя извѣстій о его семейныхъ и торговыхъ дѣлахъ, также и общественныя городскія событія его времени, исполненныя множествомъ библейскихъ текстовъ, которые онъ писалъ для своего назиданія. Преимущественно въ запискахъ онъ сообщаетъ извѣстія о календарныхъ смутахъ отъ стр. 26 — 74. Изъ этой-то книги и взяты вышеприведенныя данныя о жизни этого мужа, исполненной столькожъ заслугъ.

Въ его разсказѣ, конечно, напрасно стали бы мы искать ясности и красоты, качества, неразлучныя съ каждымъ хорошимъ произведеніемъ, но его вѣкъ и то обстоятельство, что онъ писалъ исторію какъ дилетантъ, могутъ служить ему извиненіемъ, а достоверность его извѣстій, которыя онъ сообщаетъ какъ очевидецъ, вознаграждаетъ за всѣ недостатки. Минувшія событія онъ разсказываетъ частью по Руссову, частью по другимъ источникамъ; кажется даже, что для древнѣйшихъ временъ у него были источники, нынѣ погибшіе для насъ, какъ видно изъ главъ пятой, шестой и седьмой, въ которыхъ онъ приводитъ обстоятельна о первомъ прибытіи нѣмцевъ и ихъ мѣновой торговлѣ, которыхъ нигдѣ кромя него нѣтъ. При изданіи хроники Ніенштеда я пользовался шестью копіями, изъ которыхъ самая важная древняя рукопись, которую обязательно доставилъ мнѣ наставъ докторъ В. Бергманъ изъ Русна. Она содержитъ въ себѣ 93 не номерованныхъ листовъ *in folio*. Два первые листа писаны позднѣйшею рукою, въ срединѣ и на концѣ нѣсколькихъ листовъ не достаетъ. Этотъ экземпляръ очень пострадалъ отъ времени, но онъ безспорно тотъ, который вѣрнѣ всѣхъ прочихъ передаетъ затерянный оригиналъ. 2) Копія изъ собранія бургомистра І. К. Шварца въ рижской городской бібліотекѣ, заключающая въ себѣ 140 страницъ *in folio*. Она списана съ древняго экземпляра, но съ большими ошибками. 3) Копія Бротце, 109 страницъ *in folio*. Она сокращена и въ ней заключаются, на страницахъ 11 — 26, восемь листовъ древняго экземпляра, которые туда вставлены. Остальныя три конія, изъ которыхъ одна принадлежитъ наставу Трею, можно отнести къ новѣйшему времени. Языкъ и орфографія, за исключеніемъ двухъ первыхъ, измѣнены во всѣхъ остальныхъ, къ тому же послѣднія позволяли себѣ употребить сокращенія и неоднократныя опущенія конечно не безъ основанія. То же самое, однако же, должно было случиться во многихъ мѣстахъ его записокъ, гдѣ были вынуждены слова, встрѣчались повторенія, или перепутана послѣдовательность мыслей. Свѣдѣнія о жизни Ніенштеда находятся въ слѣдующихъ книгахъ: Арнатъ, ливляндская хроника, томъ II, стр. 2. — Гадебунъ, разсужденіе о ливляндскихъ историкахъ, стр. 81 — 91; его же ливл. бібліотека, т. II, стр. 298. Рунель, сѣверн. смѣсь гл. XXVII стр. 397 — 408. Бротце, взглядъ на прошедшее гл. V, стр. 12 — 14. Рижскіе городскіе листки 1825 стр. 133 — 136, и лексиконъ писателей Рекке и Непіерскаго, т. III стр. 333 и 334.

Издатель.

I. N. J.

Praefatio ad Lectorem.

Читателю, любителю исторіи.

Предисловіе.

Не только возлюбленный Моисей, Иисусъ Навинъ, Самуиль, Давидъ и другіе святыя пророки и мужи Божіи, но и язычники, напримѣръ Геродотъ, Плиній, Страбонъ, Птоломей и другіе всеми силами старались записывать и сохранять на память потомству, кромѣ великихъ Magnalia Dei и чудесныхъ дѣлъ Божіихъ, случавшихся на земли, и то что происходило въ другихъ политическихъ отношеніяхъ и вещахъ міра, записывали измѣненія истинныхъ и ложныхъ религій, а также возникновеніе и ростъ, или же отживаніе и паденіе великихъ монархій, царствъ, королевствъ, княжествъ, земель, городовъ и сословій, дабы для потомковъ они могли отражаться какъ въ зеркалѣ, и дабы потомки избѣгали зла и подражали всему добродѣтелямъ, такъ какъ изъ всехъ правдивыхъ повѣствованій видно, что Господь всемогущій во все время пребывалъ въ своей истинной церкви; гдѣ любили Его слово и жили сообразно ему, тамъ оныя сами оберегали и давали преуспѣваніе, возвращеніе къ себѣ со своимъ благословіемъ и миромъ. Напротивъ же того читаемъ, что тамъ, гдѣ люди жили въ постыдномъ и цолопоклонствѣ, проводили жизнь, какъ эпикурейцы и Сардананапалъ, и предавались всему грѣхамъ и порокамъ — тамъ являлись ужасныя опустошенія и разгромы цѣлыхъ монархій, имперій, королевствъ, земель, городовъ и сословій; читаемъ также

какъ часто великіе повелители и великіе люди лишились трона, а ничтожныя возвышались, какъ о томъ воспѣваетъ въ своей пѣснѣ Марія. По этой причинѣ Господь Богъ во всё время посылалъ такихъ драгоценныхъ мужей, кои ради потомковъ описывали похвальныя событія, и оставили ихъ въ достояніе потомству, въ назиданіе другимъ. Подобно тому какъ и мудрый король Альфонсъ въ крайней своей слабости ничѣмъ лучшимъ не умѣлъ себя подкрѣплять, какъ приказывая читать себѣ описанную исторію короля Александра великаго. Потому что мы должны знать, что исторія прозлаго не только занимательна, но и полезна и пригодна для насъ, дабы мы чрезъ истинное раскаяніе и искреннее покаянiе избавились вмѣстѣ съ невинными палицаго гнѣва Божьяго. Такъ какъ я прожилъ съ юности моей почти 50 лѣтъ въ этой странѣ Ливоніи, и имѣю право считать ее не иначе какъ своимъ отечествомъ, и въ этихъ прошедшихъ 50-ти годахъ я пережилъ въ ней не мало переменъ и бѣдствій; поэтому я и рѣшился въ этомъ своемъ изгнаніи разсказать вкратцѣ о той древности, когда нѣмцы открыли эту провинцію Ливонію и о случившихся при этомъ распряхъ и происшествіяхъ. Я не имѣлъ намѣренія пространно повѣствовать о всѣхъ случившихся событіяхъ, въ виду того, что другіе прежде меня писали о томъ съ большими дарованіемъ и искусствомъ. Я вздумалъ передать тоже самое вкратцѣ, и только хотѣлъ по возможности точно передать то, что случилось въ послѣдніе сто лѣтъ, въ особенности же, что я самъ пережилъ въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ, насколько то мнѣ было возможно по моей простотѣ, не какъ искусный историкъ, который хотѣлъ выказать свое искусство и умѣнье, но только потому что я въ свои преклонные годы имѣю свободное время. Я не полѣнился написать краткій разсказъ о томъ, какъ нѣмцы въ первый разъ высадились въ Ливонію, укрѣпились въ ней, покорили въ ней язычниковъ, привели ихъ въ повиновеніе христіанской вѣрѣ, ввели въ ней свѣтское управленіе и полицію, какъ много воевали въ ней съ языческими народами и пролили много крови, какъ занимали ее и владѣли ею почти 400 лѣтъ; и хотя я хорошо знаю, что многіе мои непріатели (въ особенности тѣ, которыхъ я задѣну своей правдой), не только не поблагодарятъ меня, но что имъ это не понравится и они будутъ истолковывать мои слова въ свою славу и на многое будутъ смотрѣть и разбирать по своему — однако я этимъ всѣмъ не смущаюсь, я ничего о нихъ не писалъ, но желалъ бы напротивъ, чтобы они оказали болѣе справедливости и себѣ и мнѣ — сообразно съ истиной, и если я написалъ здѣсь и сказалъ о нѣкоторыхъ событіяхъ слишкомъ мало, или слишкомъ много, то охотно приму мудрое замѣчаніе и поученіе, и исправлю ошибки какъ должно: для тѣхъ же, которые признаютъ мое скромное прилежаніе и примутъ съ любовью, тѣмъ я искренно желалъ бы поднести нѣчто лучшее, если

бы только эта возможность зависѣла отъ меня. Но я не сомнѣваюсь, что всѣ добродушные читатели останутся довольны этимъ моимъ ничтожнымъ трудомъ и моею доброй волей, и поручаю ихъ вмѣстѣ съ собою милостивому покровительству и заступленію Божіему

Писано въ Зунцелѣ, 1604 года.

ГЛАВА I.

О томъ, на сколько простирается Ливонія въ длину и въ ширину.

Въ длину Ливонія начинается у рѣки Наровы, гдѣ лежатъ замокъ подъ городомъ Нарвой, возлѣ высокаго водопада, вытекающаго изъ обильнаго рыбной озерѣ Пейпусѣ; эта рѣка простирается отъ устья Пейпуса внизъ на 8 миль до высокаго водопада, гдѣ вода ниспадаетъ съ вышины болѣе 12 локтей, такъ что шумъ слышенъ далѣе чѣмъ за четверть мили. Ниже, въ восьмой части мили, лежитъ городъ Нарва съ замкомъ, на берегу рѣки, и эта рѣка протекаетъ по низовью за Нарвой до Балтійскаго моря, на пространство, составляющемъ двѣ мили. Передъ устьемъ въ эту рѣку впадаетъ еще рѣчка Любеке, которая бѣжитъ изъ страны московитовъ отъ Великаго Новгорода, гдѣ находится въ этой странѣ замокъ Гама (Ямъ), въ трехъ миляхъ отъ Нарвы (водою далѣе, 10 миль). Изъ Наугардена (Новгорода) на рѣкѣ, называемой Тестау, купцы пагружаютъ свои товары на корабли и везутъ ихъ такимъ образомъ до Нарвы, гдѣ московиты zaloжили складъ и сборное мѣсто торговли, когда они въ 1558 году начали вести войны съ Ливоніей, и когда они завоевали иѣмецкую Нарву — какъ городъ такъ и замокъ — тогда стали впервые ѣздить туда любекскіе мореходы. За любечанами послѣдовали и мореходы другихъ городовъ, стали часто появляться и корабли голландскіе, англійскіе, шотландскіе и французскіе; потому что туда направлялись всѣ товары изъ цѣлой Россіи, между тѣмъ какъ туда же направляется и судоходство черезъ Пейпусъ изъ большаго московитскаго города Пскова; потому что Псковъ лежитъ только въ двухъ миляхъ отъ Пейпуса, въ который впадаетъ протекающая изъ дальней Россіи мимо Пскова прекрасная рѣка (Великая), такъ что внизъ по этой рѣкѣ привозятъ много товаровъ въ Псковъ изъ московитскихъ земель, а отсюда отправляютъ ихъ на другихъ большихъ корабляхъ черезъ Пейпусъ (который въ длину простирается отъ псковскаго рѣчнаго устья до устья рѣки Наровы при 20 мильномъ пути и 8 миль внизъ по рѣкѣ) до города Нарвы, гдѣ производство торговли уже очень удобно. Встарину еще при первомъ управленіи ливонскихъ сословій, передъ покореніемъ Нарвы московитомъ въ 1558 г., подъѣздъ кораблей къ Нарвѣ

былъ запрещенъ. только мелкія суда съ нѣкоторыми товарами могли подвозить ихъ къ Ревелю; для того, чтобы большіе города, какъ то Рига, Ревель и Дерптъ, чрезъ то не потеряли въ своемъ увеличеніи и прокормленіи и не уменьшились. Московитъ и такъ выстроилъ въ 1492 г. крѣпкій замокъ на другой сторонѣ рѣки Нарвы на самомъ берегу, какъ разъ противъ Нарвы, такъ что изъ нарвскаго замка почти можно было перекинуть черезъ рѣку въ городъ камень. Рѣка Нарва и озеро Пейпусъ отдѣляютъ Ливонію отъ московитской земли на юго-восточной сторонѣ Ливоніи, а на сѣверо-западной сторонѣ открытое Балтійское море отдѣляетъ Ливонію отъ Швеціи, которое Балтійское море между Ливоніей и Швеціей имѣетъ ширину въ нѣкоторыхъ мѣстахъ 13, а въ другихъ 12 миль, разстояніе между двумя землями гдѣ больше, а гдѣ и меньше. Пейпусъ же между Ливоніей и Россіей въ самомъ широкомъ мѣстѣ имѣетъ около 9 миль, выше къ Искову онъ постепенно суживается и тамъ онъ не шире 6, 5, 4, 2 миль. При устьѣ Пейпуса на ливонской сторонѣ, на берегу рѣки стоитъ замокъ, называемый Новымъ замкомъ (Нейшлотъ). Если я не ошибаюсь, то его тутъ построилъ въ 1500 г. Плеттенбергъ, бывшій тогда ливонскій маршаль, во время мира съ московитами. Около этого же времени и московитъ построилъ на своей сторонѣ, въ трехъ миляхъ отъ устья Пейпуса, замокъ съ монастыремъ; замокъ этотъ называется Волдоовъ, а на ихъ языкѣ Оудовъ (Гдовъ).

Озеро Пейпусъ такъ обильно рыбой, что оно снабжаетъ ею всю Россію и Ливонію. И такъ въ длину Ливонія начинается отъ нѣмецкаго города Нарвы, и простирается къ юго-западу до города Дерпта, вдоль по сухому пути на 30 миль; отъ Дерпта же течетъ большая рѣка, имѣющая свое начало въ Феллинскомъ озерѣ, которое называютъ Вержьеръ (Верцьеръ), въ 10 миляхъ отъ Дерпта, и течетъ мимо города Дерпта, за тѣмъ въ шести миляхъ отсюда на югъ, или немного восточнѣе, она впадаетъ въ Пейпусъ. При этой рѣкѣ стояли два замка; одинъ называется Альтенъ Торне, находится на берегу рѣки на западной сторонѣ, въ 2 миляхъ отъ Дерпта, другой на восточной сторонѣ, близъ рѣки, въ 4 миляхъ отъ Дерпта, назывался Веренбекъ. Въ этомъ замкѣ постоянно жилъ бургграфъ, опредѣляемый на это мѣсто епископомъ дерптскимъ, который имѣлъ надзоръ и право осматривать всѣ корабли, и везы, зимой и лѣтомъ прибывавшіе и отъѣзжавшіе; потому что тамъ надъ рѣкою былъ устроенъ шлагбаумъ, такъ что ни водою, ни сухимъ путемъ никто не могъ проѣхать; каждый долженъ былъ имѣть пропускъ; потому что свободно никакой хлѣбъ нельзя было провозить изъ Ливоніи въ Россію, развѣ по милости дерптскаго епископа кому въ случаѣ крайности и было позволено и дано перевезти что либо. Точно также запрещено было под страхомъ наказанія доставлять московитамъ какую либо военную амуницію, порохъ, латы, металлы. Помаю я, что подмастерье, по имени

Гансъ Ферингъ, нѣсколько нандырей тайно препроводить изъ Ливоніи въ Россію, но когда объ этомъ узнали, то его изгнали изъ Ливоніи, и онъ во всю жизнь свою уже не смѣлъ показаться въ этой странѣ, но долженъ былъ умереть въ Россіи. Точно также бурграфъ имѣеть надзоръ и за подводомъ рыбы, потому что отъ всей рыбы, которая ловилась въ Пейпусъ и въ рѣкѣ, начальство брало десятину. Во время улова щукъ, оно имѣло также много тоней въ дерптской рѣкѣ, которую обыкновенно называютъ Эмбахъ. Въ ней ловится каждую весну многія тысячи щукъ, которыя весною изъ Пейпуса бѣгутъ въ свѣжую воду рѣки. Въ Пейпусъ водятся многіе сорта прекрасной и вкусной рыбы. У Пейпуса много притоковъ, текущихъ въ него изъ Россіи и Ливоніи; но въ одномъ источѣ у города Нарвы, какъ сказано выше, именнo въ рѣкѣ Наровѣ ловится множество угрей въ теченіи цѣлаго лѣта, а также у упомянутого водоема много лососей и другой превосходной рыбы, заходящей изъ Балтійскаго моря.

Ливонія простирается въ длину далѣе отъ города Дерпта отъ сѣверовостока къ югозападу до главнаго города Риги, что составляетъ 40 миль. Тамъ большой складъ купеческихъ товаровъ, потому что въ этотъ городъ идетъ большой подводъ всякаго рода хлѣба и купеческихъ товаровъ какъ зимой такъ и лѣтомъ, водою и сухимъ путемъ. Водою внизъ по большой рѣкѣ Двинѣ изъ далевой Россіи везутъ на плотахъ, лоддигенахъ (лабяхъ) и стругахъ всякаго рода товары, много огромныхъ бревенъ, строевой лѣсъ и дрова, золу, сѣмю, зерновой хлѣбъ, коноплю, ленъ, кожи, воскъ, сало, конопляное масло, конопляное сѣмя и еще разные товары. Также бываеъ большой подводъ изъ Литвы, Курляндіи, Ливоніи; всѣ товары въ Ригѣ выгружаютъ, разбираютъ и продаютъ, потому что рѣка Двина течетъ на двѣ мили ниже Риги и вливается въ открытое море. Къ устью рѣки Двины приѣзжаютъ часто каждый годъ очень много кораблей изъ всѣхъ мѣстъ, и привозятъ въ Ригу съ собою различные товары, какъ соль, сельди, дорогія полотна, шелковыя матеріи, различные металлическіе и мелкіе товары, вина, пиво, съѣстные принасы, припосы, всякія спеціи, желѣзо, красную мѣдь, олово, свинець, однимъ словомъ все, что только нужно людямъ, всего привозятъ довольно. Въ замѣвъ того, ежегодно нагружаютъ многія сотни судовъ кожами и другими товарами, годными для купцовъ, за какую милость и благодарности Божіи городъ Рига обязана Всевышнему многою благодарностью. Кромѣ того рѣка Двина цѣлое лѣто доставляетъ столько превосходной лососины и рыбы, сколько не ловится ни въ какомъ другомъ городѣ на цѣломъ Балтійскомъ морѣ. Къ тому же тамъ еще есть копченныя камбалы и вымбы. Далѣе отъ Риги Ливонія продолжается черезъ рѣку Двину и чрезъ Курляндію къ югозападу, на Гольдингенъ и т. д.

ГЛАВА II.

Имена городовъ и замковъ въ Ливоніи.

1) Городъ Нарва и замокъ.	7) Городъ Вольмаръ и замокъ.
2) Городъ Ревель и замокъ.	8) Городъ Венденъ и замокъ.
3) Городъ Перновъ и замокъ.	9) Городъ Феллинь и замокъ.
4) Городъ Рига и замокъ.	10) Городецъ Лемзаль съ замк.
5) Городъ Дерптъ и замокъ.	11) Городецъ Гансаль съ замк.
6) Городъ Кюкенгузенъ и замокъ.	

Замки безъ городовъ, изъ которыхъ многіе принадлежали владѣтельнымъ особамъ страны, нѣкоторые дворянамъ, а нѣкоторые разрушены и въ развалинахъ.

1) Новый замокъ при устьѣ Ней-пуса.	20) Замокъ Наббенъ, принадле-
жить Гизенгаузенамъ, также
и Зальсъ.
2) Замокъ Этцъ, въ Нарвскомъ
уѣздѣ, разрушенъ и при-
надлежить Таубену	21) Пюркель, принадлежитъ
Унгерну, также Экенан-
гернъ.
3) Замокъ Лаисъ и замокъ Таль-
коффенъ.	22) Кремонъ.
4) Замокъ Оберпаленъ, Эльст-
феръ, принадлежитъ Герма-
ну Врангелю.	23) Трейденъ.
5) Верепбекъ.	24) Роле, принадлежитъ фонъ Ро-
зену
6) Витгенштейнъ.	25) Клейнъ-Роле, принадлежитъ
фонъ Розену
7) Везенбергъ.	26) Моянъ, принадлежитъ тому
же.
8) Борзгольмъ.	27) Гохрозенъ, принадлежитъ
Плеттенбергу
9) Асъ, принадлежитъ г Гиль-
зену	28) Луде, принадлежитъ Крюде-
неру.
10) Тольсбергъ.	29) Розенбекъ, принадлежитъ
Гарфлену
11) Монастырь Падисъ.	30) Нейгофъ, принадлежитъ Гар-
флену
12) Монастырь Фегефейеръ.	31) Эрмисъ.
13) Монастырь Луде.	32) Гельметъ.
14) Монастырь Леаль.	33) Тарвествъ.
15) Монастырь Фикель, принад-
лежитъ Увскулямъ.	34) Каркусъ, принадлежитъ все-
водѣ Фаренсбаху
16) Замокъ Феликсъ, принадле-
жить Увскулямъ.	35) Рупенъ.
17) Монастырь Колькъ, съ ка-
менными стѣнами.	36) Буртнекъ.
18) Монастырь св. Бригиты, съ
каменными стѣнами.	37) Рингенъ, принадлежитъ Тед-
вену
19) Монастырь Фалькенау, съ
каменными стѣнами.	

38) Ранденъ, принадлежит Ти-
зенгаузену	55) Роппейбургъ.
39) Кюнгота, принадлежит ему
же.	56) Трикатенъ.
40) Кавелехтъ, принадлежит
ему же.	57) Пебаль, принадлежит Дре-
биншеву
41) Альтенторпъ, принадлежит
Штакельбергу	58) Арзъ (Эрла). принадлежит
Тизенгаузену
42) Кирремъ.	59) Смильтенъ.
43) Анценъ, принадлежит Шен-
кингеву	60) Юргенсбургъ, принадлежит
Клоддеву
44) Оденъ.	61) Питау, принадлежит баро-
намъ Брабенкамъ.
45) Нейгаузенъ.	62) Зевольдъ (Зегевольдъ).
46) Мариенбургъ.	63) Шуйенъ.
47) Адцель.	64) Зербенъ.
48) Мариенгаузенъ.	65) Лембургъ.
49) Розитенъ (Ръжица).	66) Зунцель.
50) Лютценъ.	67) Ленневардъ.
51) Динабургъ.	68) Исккуль.
52) Крейдбургъ, принадлежит
Клаусу Корфу	69) Кирхгольмъ.
53) Сесвегенъ, принадлежит
Таубену	70) Нейермюленъ.
54) Берзонъ, принадлежит Ти-
зенгаузену	71) Даленъ.
	72) Аперале.
	73) Родевойскъ.
	74) Динаминдъ.

На островѣ Эзелѣ, который имѣеть въ длину 14 миль и 9 въ ширину (имѣ нывѣ владѣеть король датскій), было прежде епископство; тамъ находятся два замка Аренсбургъ и Зюнебургъ, гдѣ стоятъ высокая башня, по которой мореходы направляютъ свой путь, каковую башню некогда крестьяне -- куруны хотѣли опрокинуть своими водами, привязанными къ толстому якорному канату. Они укрѣпили канатъ около башни, и затѣмъ запрягли множество воловъ. Какъ только передніе стали тянуть, задніе, будучи припряжены за рога, поднялись на воздухъ. Тутъ крестьяне стали кричать на своемъ нарѣчій: *Oles, Oles fader Nerge lex Himmelrych her fader* --- Отче, воды летятъ на небо. Это они сдѣлали для того, что хотѣли опрокинуть башню, чтобы, какъ встарину, получать добычу отъ добра съ кораблей претерпѣвшихъ крушеніе; но вмѣсто того въ наказаніе они должны были выстроить замокъ Зюнебургъ. Вблизи его находится островъ, на которомъ въ послѣднее военное время шведы построили шанцы, назвали Юргенсбургъ: этотъ островъ имѣеть въ длину 7 миль и 5 миль въ ширину. На немъ живутъ дворяне и шведскіе полданные. Есть еще одинъ островъ, по имени Моне, 2 мили въ длину и 1

въ ширину, принадлежащій датчанамъ. Еще одинъ островъ, по имени Вормсъ, 2 мили въ длину и 1 въ ширину, шведскій, на немъ хорошія деревни. Еще другой, по имени Нукъ, 1 мили въ длину и 1 въ ширину, шведскій, и на немъ есть деревни.

ГЛАВА III.

О состояніи древнихъ языческихъ народовъ въ Ливоніи, ихъ вѣрѣ, нравахъ и обычаяхъ, какіе у нихъ были прежде, чѣмъ нѣмцы пришли въ страну.

✱ Кажется дѣйствительно, судя по древнимъ писаніямъ, что за 450 лѣтъ тому назадъ встали верховную власть надъ языческими народами въ Ливоніи до нѣкоторой степени имѣли московиты, частію же у этихъ народовъ были начальниками и нѣсколько своихъ собственныхъ королей, какъ и теперь еще одинъ изъ ихъ рода живетъ въ Курляндіи, въ пяти миляхъ за Газенпотомъ, называемый курляндскимъ королемъ (*der kurische König*). — У него есть кучка дворовъ и хатъ, и онъ до сихъ поръ состоитъ подъ властію герцога курляндскаго, почему его и называютъ курляндскимъ королемъ. — Опять же въ киргальмскомъ округѣ есть еще одинъ, котораго называютъ королемъ, онъ съ давнихъ временъ получилъ во владѣніе отъ императора и отъ папы 7 талеровъ земли, на каковой день онъ имѣетъ законныя печати и грамоты. До сихъ поръ въ странѣ были и еще многіе свободные крестьяне, которые безъ сомнѣнія происходили отъ старинныхъ начальниковъ родовъ. Что Ливонія также платила дань московитамъ, слѣдуетъ изъ того, что онъ никогда не упускалъ упоминать во всѣхъ княжескихъ мирныхъ грамотахъ съ гермейстерами и епископами Ливоніи, а всегда нарочито въ нихъ упоминалъ о дани православной вѣрѣ, потому что московиты все еще считаютъ Ливонію за настоящее свое отечество (вотчину), и титулъ носятъ государя Ливоніи, (*ein Herr über Liefland*), особенно съ того времени, когда ему въ 1557 г. правительство тѣхъ странъ точно означило и обнародовало выжиданіе дани для православной вѣры, а также допустило и подтвердило грамотами и печатями, чтобы каждый человекъ давалъ 10 денегъ (10 Denninge). Также указываютъ древніе дома, города, ириги, древней конторы въ Новгородѣ на то, что ливы (жившіе въ этой странѣ, и которыхъ племена еще существуютъ, отъ нихъ же и Ливонія получила свое названіе) приѣзжали со своими товарами и въ Новгородъ, въ Россію, гдѣ тогда находилось складочное мѣсто, прежде чѣмъ нѣмцы пришли въ Ливонію; потому что въ самыхъ древнихъ шрагахъ написано, что купцы платили штрафъ своимъ

старшинамъ и приставамъ, если въ чемъ провинились, по 5 ливонскихъ фунтовъ воску (что будутъ теперешніе лисфунты - 20 фунт. — и отсюда ихъ названіе). Находились ли отчасти ливонскіе языческіе народы и подъ властью литовскихъ князей, находившихся тогда еще въ слѣпомъ идолопоклонствѣ, мнѣ совершенно неизвѣстно, но это вѣроятно, ибо литовскій король Мендовъ, а также и саманты (самогиты), часто оказывали помощь язычникамъ противъ христіанъ, прежде нежели страна была покорена христіанской вѣрѣ.

Совершенно дьявольскою была ихъ языческая и идолопоклонская религія, потому что о Богѣ они ничего не знали, а избирали себѣ священные роши, и поклонялись въ нихъ камнямъ, деревьямъ, животнымъ, змѣямъ и тому подобнымъ гадамъ и совершали ужасныя чародѣйства, что къ сожалѣнію (умилосердись Боже) не прекратилось и по нынѣ, но и до сего часа между ними встрѣчается, какъ вещь обыкновенная. Языческіе короли были вмѣстѣ ихъ идолопоклонническими жрецами, предводительствовали ихъ войсками, когда они вели войну между собою или съ соседями. Ихъ цѣльское служеніе и церемоніи почти подобны тѣмъ, которыя совершали древніе прусскіе язычники, какъ мы о томъ читаемъ въ напечатанныхъ древнихъ прусскихъ хроникахъ. Но страннымъ образомъ брали они себѣ женъ или женились. Кто выбралъ себѣ дѣвушку, которая ему понравилась, тотъ ополчался со своими друзьями и вооруженной рукой похищалъ ее и привозилъ домой, и пѣлъ друзьямъ, чтобы они прибывали и помогали запивать привозъ жены. Случалось, что друзья дѣвушки во время узнавали о замышляемомъ похищеніи ея и приготовлялись къ сопротивленію, тогда при этомъ происходили порядочныя схватки, если женихъ имъ не нравился; если же они имъ были довольны, то охотно слѣдовали за нимъ, брали съ собою подарки, также пиво и съѣстные припасы, и угощали другъ друга. Потомъ, одаренные перчатками (Penschen) и подотенцами (Dwelen) возвращались домой. Этотъ обычай сохранился и по нынѣ у многихъ въ странѣ и его продолжаютъ исполнять. Своихъ умершихъ они хоронили въ особенныхъ мѣстахъ, обложенныхъ камнями; покойниковъ провожали верхомъ съ ѣдой и питьемъ. Если не шель дождь, то они приносили на священное мѣсто козла или ибучю подобное, и бочку пива, и тамъ это пожирали со скачками и пѣснями, и вѣрди, что могли, падали и напиваясь, получить дождь отъ своихъ боговъ. И такого обычая держатся еще многіе изъ нихъ и до сихъ поръ. Они вѣрятъ, и увѣряютъ въ томъ и другіхъ знатныхъ людей, будто люди своимъ козловствомъ могутъ превращать другихъ людей въ волковъ, которые въ извѣстное время дѣлаются оборотнями. Бѣгаютъ по лѣсамъ и мѣстамъ и причиняютъ вредъ, кромѣ того, они совершаютъ другія, многочисленныя, ужасныя вещи, и это все еще ежедневно они совершаютъ изъ своего языческаго козловства. У нихъ, однако, все таки существовало уголовное право, по

которому они наказывали нѣкоторыхъ колдуновъ, которые ужь езяшкомъ много наносили вреда, и у нихъ было испытаніе, чтобы узнать колдуновъ, обвиняемыхъ въ злодѣяніяхъ. Они связывали колдунамъ крестообразно руки и ноги у большого камня и бросали ихъ въ воду; если связанный былъ невиновенъ, то онъ прямо шелъ ко дну, если же былъ виноватъ, то плавать по водѣ какъ связка соломъ. Это испытаніе переняли отъ нихъ большая часть судей и сохранили его въ употребленіи до сихъ поръ: такъ какъ я самъ видѣлъ многихъ людей, которые при испытаніи тонули и плавали. — Еще у нихъ водилось, что если кто спорилъ съ другимъ объ землѣ или границѣ, то старшины осматривали границу, присуждали землю тому, кто имъ казался наиболѣе въ правѣ владѣть ею по совѣсти, и такъ какъ у нихъ не было ни печатей, ни записей, ни пограничныхъ камней, то они раскалывали до красна желѣзо, и для испытанія чистой совѣсти владѣльца, послѣдній долженъ былъ взять горячее желѣзо обѣими голыми руками и пронести его на семь шаговъ черезъ свою новую границу. такимъ образомъ подтверждалась у нихъ истина, и онъ сохранялъ свою границу и ставилъ на ней пограничный камень. Если случилось также, что одинъ у другого украдетъ улей, то вора привязывали веревкой къ улью, затѣмъ разрывали ему пупокъ на животѣ и гоняли огнемъ позади до тѣхъ поръ вокругъ улья, пока у него не вытягивались все внутренности и онъ не падалъ. Этого обычая язычники не только не бросили, но этихъ порядковъ держались многіе судьи при нѣмецкомъ правительствѣ.

Я не нашелъ описаній крѣпостей, какія у нихъ были до прибытія въ страну нѣмцевъ, какъ напримѣръ замокъ Леаль въ Вижѣ. Леаль на мѣстномъ языкѣ значитъ мясницкій крюкъ; по моему это хорошо защищенное мѣсто, отсюда и это названіе. Я нашелъ, что когда епископъ Альбертъ прибылъ въ Ливонію, то король шведскій Іоаннъ I-й пріѣхалъ изъ Швеціи въ Ливонію въ Ревель со своимъ войскомъ въ 1208 г. и воевалъ съ эстонцами, отнялъ у нихъ крѣпость Леаль, эстонъ убилъ, а въ замокъ посадилъ гауптманомъ и епископомъ Кароля, который имѣлъ въ своемъ распоряженіи 500 человекъ, послѣ чего король возвратился въ Швецію. Но послѣ его отбѣзда, эсты снова вооружились, взяли себя въ помощь эзельцевъ, напали опять на крѣпость Леаль, взяли ее бѣтурмомъ, сожгли и убили епископа и гауптмана Кароля со всеми его людьми. Такимъ образомъ шведы и на этотъ разъ снова были истреблены въ Ливоніи.

Занятіями ихъ (жителей) были земледѣліе и воздѣлываніе огородовъ; питались они отъ скотоводства, рыбой, птицами, звѣрями и трудами пчелъ, какъ медъ, одѣвались шкурами овецъ и ихъ шерстью, а также и звѣриными шкурами, также пряжей изъ конопли и льна. Напитокъ они дѣлали изъ ржаной и ячменной муки, иногда, когда его хорошо приготовляли, къ нему прибавляли молока или меда

Желѣзные орудія у нихъ правда были: но такъ какъ въ Ливоніи нѣтъ желѣзной руды, то я полагаю, что желѣзо они получали изъ Россіи, изъ Новгорода, и выдѣлывали изъ него плуги, топоры, косы, ножи, крючья, мечи и т. д., которые употребляли на войнѣ. Во всей странѣ они говорили на шести разныхъ языкахъ; главнымъ языкомъ былъ языкъ ливонъ, затѣмъ эстонскій, адзентакскій, русскій, куронскій, литовскій и вярскій, хотя нѣкоторые языки очень между собою похожи, такъ что они понимали другъ друга.

Г Л А В А IV

Въ какомъ положеніи и въ какихъ обстоятельствахъ находилась торговля при Балтійскомъ морѣ, до открытія Ливоніи.

Въ поморской странѣ (Померанія) за 800 лѣтъ тому назадъ на берегу моря стоялъ высокій и знаменитый городъ, называвшійся *Винета*, къ которому стекались изъ всехъ мѣстъ большіе склады товаровъ для торговли, чрезъ это сей городъ возвысился до такого значенія, что въ то время и въ Европѣ, не только на Балтійскомъ морѣ, не было ему подобнаго, такъ что въ немъ городскія и прочія ворота были сдѣланы изъ чистой, красной мѣди. Черезъ такое богатство жители сдѣлались до того кичливы, что стали совершать открыто такія пачины и морскіе разбои, которыхъ самъ Господь Богъ не захотѣлъ долѣе оставлять безъ наказанія, такъ какъ у нихъ въ этомъ городѣ никогда не было христіанской вѣры, а только языческое варварство за то-то король датскій разрушилъ этотъ городъ до основанія, и Господь въ своемъ могущественномъ и яростномъ гнѣвѣ послалъ то, что море устремилось на тотъ городъ. Еще и до сего дня, при ясной погодѣ, можно видѣть въ морѣ подъ водой остатки древнихъ стрѣннѣй. Правда, что послѣ уничтоженія города въ Поморьѣ (Помераніи) снова выстроены были другой городъ, называвшійся *Юліана*, который также значительно возвысился, но этотъ городъ никогда не могъ сравниться съ вышеупомянутымъ городомъ Винетой по богатству; онъ наконецъ также пришелъ въ упадокъ и погибъ, потому что готы со своимъ королемъ *Висбоа* получили дозволеніе отъ датскаго короля селиться на островѣ Готландѣ. Здѣсь ихъ король началъ строить городъ и замокъ, названный по его имени *Висби*. Около того же времени большая контора въ русскомъ Новгородѣ была въ силѣ, и въ то время русскій герцогъ съ городскимъ старшиной управлялъ городомъ, находившимся въ большомъ процвѣтаніи, такъ что ганзейскіе города посылали туда свои товары для торговли и складовъ; корабли ихъ ѣздили туда зимою и лѣтомъ, что

видно изъ древнихъ конторскихъ праговъ. — Лѣтомъ они ѣздили на корабляхъ вдоль по Нутѣ, которая течетъ отъ Новгорода внизъ въ море. Зимой, по моему мнѣнію, они ѣздили на саняхъ и лодкахъ, какъ теперь зимою изъ Швеціи перетаскиваютъ лодки санями по льду; такимъ образомъ тамъ, гдѣ замерзло, переѣзжаютъ на саняхъ, гдѣ же мѣсто открыто, употребляютъ лодки, пока не достигнутъ берега. Городъ Висби на Готландѣ торговлею чрезвычайно разросся. Въ то время еще никто не чаялъ о поѣздкѣ въ Ливонію, потому ганзейскіе города устроили въ Висби большой складъ товаровъ, туда же и москвиты привозили на корабляхъ изъ Россіи свои товары и торговали ими; также точно и изъ Швеціи туда перешло много торговли, и чрезъ то городъ болѣе и болѣе разрастался, такъ что тамъ было выстроено множество превосходныхъ домовъ; жители перенесли туда много мѣдныхъ дверей, желѣзныхъ засововъ и воротъ изъ разрушеннаго города Винеты. Но такъ какъ все непостоянно, то и съ этимъ возвысившимся богатымъ городомъ случилось тоже самое, что и съ Винетою. — Въ землѣ мекленбургской нашлось такое превосходное, глубокое мѣсто, гдѣ можно во время бури укрывать большіе корабли безъ якорей и канатей и въѣзжать туда, сюда мало по малу мореходы, ради большихъ удобствъ, стали направлять свой путь съ Готланда, такъ какъ оттуда съ товарами можно проѣхать на Эльбу. Такъ какъ большіе корабли могли только съ большой опасностью (въ то время опасность считалось большою, нежели теперь) проѣзжать черезъ Зундъ и по дальнему окольному пути, по этой то причинѣ начали строить городъ Висмаръ на вышеупомянутомъ мѣстѣ, который и сталъ процвѣтать, что еще можно замѣтить по прекраснымъ домамъ и церквамъ. Но какъ уже сказано, что все на свѣтѣ тѣнно, такъ случилось и съ этимъ городомъ. Когда открыта Ливонія, какъ дальше будетъ разсказано, то этотъ городъ мало по малу такъ упалъ, что большая часть домовъ, которые и теперь еще цѣлы и почти также высоки какъ церкви, стояли пустыми въ теченіи многихъ лѣтъ. Въ мое еще время можно было нанять за 12—15 талеровъ въ годъ прекрасный домъ, который не выстроить и за нѣсколько тысячъ; но впоследствии, при достохвальномъ правленіи герцога мекленбургскаго, городъ опять нѣсколько поправился.

ГЛАВА V

О первоначальномъ открытіи кораблями достохвальной провинціи Ливоніи.

Въ 1148 г., а нѣкоторые пишутъ въ 1158 году, изъ Бремена отплылъ корабль съ купцами и товарами, полагая причалить къ го-

роду Влсби на Готландѣ: во гонимые Божьей непогодой и вѣтрами, они не могли пристать къ Готланду. Сѣверо-западный бурный вѣтеръ принесъ ихъ къ берегамъ Кураянди. Такъ какъ они не рѣшались пристать къ незнакомому, по тогдашнимъ документамъ (?) берегу, то Богъ устроилъ такъ, что они увидѣли передъ собою плывущее рыбацье судно, которое направляло свой путь въ Двину. Такъ какъ они тогда подумали, что судно это придетъ же въ гавань, то предавъ себя милосердію Божію, они осмѣлились послѣдовать за судномъ, и за нимъ вошли въ рѣку Двину. Когда же дикіе, языческіе народы увидѣли, что къ нимъ прибылъ такой большой корабль, какого они въ жизни своей не видали, то набѣжали къ нему большими толпами смотрѣть на его прибытіе, что имъ издала казалося очень страннымъ. У нихъ возникали различныя мысли, что дѣлать съ этими новоприбывшими людьми, которыхъ они никогда не видѣли и о нихъ не слышали; также какъ объ ихъ большихъ корабляхъ. Христіане же въ первую ночь оставались на своемъ кораблѣ, на рѣкѣ, и держали совѣтъ, что имъ далѣе предпринять. Утромъ же нѣкоторые изъ нихъ поѣхали на берегъ, и взяли съ собою пустыя бочки, поставили ихъ на берегъ и поставили на нихъ хлѣбъ, пиво, съѣстные припасы и другія вещи, о которыхъ полагали, что язычники ими воспользуются. Затѣмъ они знаками подзвали нѣкоторыхъ и тѣмъ побудили ихъ приблизиться: тутъ христіане протягивали язычникамъ руки и дарили имъ сахаръ, винныя ягоды, изюмъ, бѣлый хлѣбъ и т. д. и ласкали ихъ, и такъ какъ они не умѣли съ язычниками говорить, то они послѣднихъ хорошо угостили и отпустили домой, чтобы они рассказали своимъ роднымъ и друзьямъ, съ какою добротой обошлись съ ними христіане. На третій день язычники стали часто приходить, принося христіанамъ гостинцы и подарки, какъ то медъ, молоко, куръ, яйца, птицъ и зайцевъ. Затѣмъ христіане снова угощали ихъ и дарили шляпами и лентами для шляпъ, подтяжками, зеркалами, поясами, красными удочками (?), ножами, гребнями и иглами; чрезъ то дружба возросла, такъ что на четвертый день язычники снова пришли и принесли съ собою барановъ, рыбу, лебъ, медъ, воскъ, яйца, птицъ, мясо и шкуры дикихъ звѣрей; все это они разложили на землѣ и дали понять знаками, такъ какъ говорить не умѣли, что желаютъ производить мѣну. Когда христіане поняли, чего они хотятъ, то отложили нѣкоторые изъ припресенныхъ ими вещей по одиночѣ, а при каждой вещи положили по нѣскольку монеть, давая знать, что вещи хотятъ купить; но такъ какъ язычникамъ еще были незнакомы деньги, то они показали знаками, что имъ это не годится, а что они хотятъ мѣняться на товары, разложенные христіанами; тутъ христіане стали предлагать товары, убавляли и прибавляли, пока обѣ стороны не оставались довольными. Затѣмъ они подавали другъ другу руки,* брали товары одинъ отъ другаго и уxo-

дили. Такимъ образомъ они научились торговать въ первый разъ другъ съ другомъ. Когда на слѣдующій день пришелъ бѣдникъ нищій, то они выложили ножикъ, ленту на шлану и нѣсколько иглокъ для шитья мѣшковъ, нищій же съ своей стороны положилъ нѣсколько яицъ, думая, что ихъ довольно будетъ за эти разложенные товары, однако христіане знаками показали ему, что яицъ слишкомъ мало, и товары нельзя отдать за нихъ. Тогда онъ вынулъ изъ за пазухи два бѣдичьи уха, въ которыхъ были вогнуты маленькіе серебряные штифтики, это онъ положилъ возлѣ яицъ, и далъ понять, что теперь товары уже будутъ оплачены. Хотя христіане это и считали слишкомъ малодѣльнымъ, но всетаки согласились на торгъ, чтобы тѣмъ побудить язычниковъ приносить своего рода деньги. Полагаютъ, что у древнихъ монеты въ 3 шиллинга и въ 2 шиллинга получили не нѣмецкое названіе: *аусъ* и *калатъ*; 3-хъ шиллинговые монеты еще называются *эрами*. Дружественно обращались съ язычниками въ теченіе двухъ недѣль, мѣняя товаръ на товаръ, и повели свое дѣло такъ, что надѣялись пріѣхать на слѣдующій годъ и устроить лучшую торговлю — христіане и язычники дружелюбно распрощались. Чтобы на будущее время понимать языческую рѣчь, они привадили къ себѣ мальчика, дарили ему ежедневно сахаръ, винныя ягоды, изюмъ, бѣлый хлѣбъ и проч. и побудили родителей согласиться отпустить съ ними этого мальчика, въ замѣнъ того они оставили у нихъ своего мальчика, дабы онъ изучилъ ихъ языкъ. Склонивъ родителей подарками, они взяли съ собою этого 15-ти лѣтняго языческаго мальчика, крестили его въ Бременѣ, старательно научили его нѣмецкому языку, чтобы онъ въ слѣдующемъ году могъ служить имъ толмачемъ. Прибывъ же благополучно въ Бременъ, корабельщикъ и купцы рассказали обо всемъ, и хотя первоначальная прибыль и польза были невелики въ сравненіи съ великой опасностью, но они всетаки въ слѣдующемъ году снарядились, чтобы отправиться туда съ различными подходящими для тамошняго торга вещами на двухъ корабляхъ.

ГЛАВА VI.

О вторичномъ прибытіи бременскихъ купцовъ въ Ливонію на двухъ корабляхъ.

Въ 1149 году бременскіе купцы снова выѣхали на двухъ корабляхъ изъ Бремена въ Ливонію, благополучно прибыли съ кораблями и своимъ добромъ въ гавань рѣки Двины, и привезли съ собою взятаго въ предшествовавшемъ году языческаго мальчика, который уже хорошо говорилъ по нѣмецки; они также привезли съ собою нѣ-

несколько разных ремесленниковъ и золотыхъ дѣлъ мастера, которымъ язычники очень удивлялись. По своему прибытіи они съѣхали на берегъ и взяли мальчика съ собою. Тутъ ихъ встрѣтили язычники съ большою радостью; обходились съ пріѣзжими съ великой добротой, торговали товаромъ на товаръ, и они добыли множество кожъ, дѣла, пеньки, воску, сала и звѣриныхъ шкуръ. Нагрузивъ же свои корабли, они пригласили въ собѣ въ гости 30 знатнѣйшихъ язычниковъ, хорошо ихъ угостили и на прощаньи записали ихъ имена, также заключили дружескій контрактъ, чтобы изъ ежегодно можно было торговать свободно и надежно, безо всякихъ препятствій, они обѣщали всегда обращаться другъ съ другомъ ласково и милостиво, и на этотъ разъ купцы оставили своихъ 4 людей съ остальными товарами, затѣмъ благословясь поплыли обратно въ Бременъ. Четверо купцовъ по своей охотѣ пробыли у язычниковъ всю зиму, и снова счастливо возвратились въ Бременъ, получить хорошій барышъ отъ привезенныхъ товаровъ. Тогда до епископа бременскаго дошелъ слухъ, что открыта языческая страна, онъ далъ знать объ этомъ палѣ, который немедленно приказалъ ему и далъ надлежащіе указы, чтобы епископъ, когда купцы поѣдутъ въ третій разъ, отправилъ съ ними богобоязненнаго и благочестиваго священника, для старательнаго разслѣдованія обстоятельствъ Ливоніи и насажденія въ ней христіанской вѣры. Для каковой цѣли епископъ и отыскалъ способнаго священника, по имени Мейнгарда, который ради славы Божіей охотно согласился и собрался отправиться въ языческую землю съ однимъ молодымъ крылошаниномъ.

ГЛАВА VII.

Какъ бременскіе купцы въ третій разъ прибыли въ Ливонію и привезли съ собою священника.

Въ 1150 г., въ день Филиппа и Іакова, нѣсколько купцовъ въ третій разъ отправились въ Ливонію и взяли съ собою богобоязненнаго священника Мейнгарда (котораго впоследствии папа сдѣлалъ епископомъ) съ его крылошаниномъ Іоанномъ Гартманомъ и еще однимъ подмастерьемъ, по имени Томою Штегеромъ, которому онъ предоставилъ должность дьячка (квитера); всѣ они 24-го мая благополучно прибыли въ Ливонію по Двинѣ. Тутъ купцы построили нѣсколько лавокъ на рѣкѣ Двинѣ въ 2 миляхъ отъ моря, гдѣ они могли жить сами подъ кровлей и могли держать свои товары, а также устроили необходимое жилище для своего священника Мейнгарда и его товарищей. Мейнгардъ нѣкоторое время проповѣдывалъ только купцамъ и экипажу кораблей, пока онъ и его товарищи не выучились ливонскому

языку; тогда онъ сталъ поучать постепенно съ кротостью и язычниковъ слову Божию, но снисходительно и кротко, привлекая многихъ также добрыми дѣлами, такъ что они обратились въ христіанство. Эти жилища священника и купеческія лавки и дома были построены на берегу рѣки Двины на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ городъ Рига, и полагаютъ по этому, что эти строенія на берегу были построены въ рядъ (Reihe, Riege), потому и названо это мѣсто *Riga*. Отсюда говорятъ, городъ Рига имѣетъ свое названіе. Мало по малу стали тутъ же строиться и рыбаки, также рабочіе, которые находились при товарахъ, плотники и другіе, которые вѣшали собѣ тутъ прокормленіе. Такимъ образомъ язычники со временемъ стали являться къ нимъ изъ далекихъ мѣстъ со своими товарами, стали продавать и торговать, а съ теченіемъ времени всѣ купеческіе приказчики и служители лучше научились языку. Эти корабли стояли около трехъ мѣсяцевъ, пока ихъ снова не нагрузили и они не отплыли обратно; на этотъ разъ купцы также оставили много товаровъ и вѣсколько своихъ людей; эти оставленные кунцами люди, по отплытіи кораблей, торговали съ хорошимъ успѣхомъ. Своего священника съ его товарищами они оставили тутъ, и снабдили ихъ обильно всѣмъ необходимымъ. Въ томъ же году въ іюлѣ мѣсяцѣ отплыли изъ Бремена въ Ливонію еще два корабля. Эти корабли доѣхали до Двины, вели тамъ свой торгъ, и послѣ шести недѣль снова нагрузили свои корабли. Эти купцы привезли съ собою для поселенія въ странѣ стекольника съ женой, а также и кузнеца съ женой и челядью; привезли также съ собою солодъ, муку и много котловъ, потому что язычники прежде мало употребляли для варенія ницѣ котлы, а больше глиняные горшки. Между тѣмъ какъ корабли снова нагружались, священникъ Мейнгардъ разузналъ почти всѣ обстоятельства страны, образъ жизни, также вѣру и жизнь языческихъ племенъ описалъ епископу, также и то, что онъ видѣлъ, какъ трудно ему будетъ насадить христіанскую вѣру и христово крещеніе у идолопоклонныхъ и колдующихъ язычниковъ; онъ писалъ бременскому епископу и просилъ, чтобы онъ все это довнесъ папѣ, дабы тотъ сдѣлалъ распоряженіе и назначилъ ему вѣсколько тѣлохранителей, также чтобы въ страну прислать еще каноника съ викарнымъ и капеллана, которые были бы снабжены необходимымъ содержаніемъ, онъ съ своей стороны не перестанетъ стараться, и предвидитъ, что страна будетъ превосходной, плодородной провинціей и съ Божьею помощію можетъ быть обращена въ христіанскую вѣру. Время требуетъ уже того, чтобы сдѣлать затраты на привозъ въ страну извести и камней, на постройку церкви, и при случаѣ основать какой нибудь монастырь и укрѣпить его, чтобы можно было въ немъ укрыться, когда язычники озлобятся, какъ того должно опасаться, когда станутъ бичевать ихъ идолопоклонство и колдовство проповѣдью покаянія. Когда эти корабли прибыли благополучно обратно въ Бре-

ментъ, и епископу было передано письменное допесеніе священника Мейнгарда, то епископъ весьма обрадовался письму, и скоро отправилъ къ папѣ разумнаго мужа съ допесеніемъ о Ливоніи. Когда послѣдній прибылъ къ папѣ, то папа былъ очень обрадованъ, и это извѣстіе такъ ему было пріятно, что онъ отслужилъ благодарственную обѣдню, дабы Богъ послалъ успѣхъ этому предпріятію и въ той странѣ водворилась бы и распространилась христіанская вѣра. Для этой цѣли папа назначилъ двухъ комиссаровъ, которые должны были постоянно принимать и сообщать ему свѣдѣнія о всѣхъ событіяхъ и нуждахъ страны, которыя будутъ представляемы епископомъ бреженскимъ. Папа приказалъ также, чтобы епископъ приготовилъ въ Бременѣ на слѣдующій годъ матеріалы для постройки въ Ливоніи церкви въ честь пресвятой дѣвы Маріи, которой онъ поручалъ покровительство и защиту надъ церквами и страной Ливоніи. и священника Мейнгарда онъ назначилъ епископомъ, и послалъ ему епископское одѣяніе вмѣстѣ съ другими прекрасными подарками; кромѣ того папа писалъ епископу бреженскому, чтобы онъ далъ Мейнгарду нѣсколькихъ другихъ священниковъ въ помощь, и кромѣ того обильное, необходимос имъ содержаніе, и чтобы онъ избралъ удобное мѣсто, гдѣ можно было бы построить каменный монастырь для аббатства, и чтобы епископъ Мейнгардъ старался доказать свое рвеніе въ дальнѣйшемъ насаждеіи христіанской религіи, папа же доставить для того всевозможную помощь и все необходимое.

ГЛАВА VIII.

Какъ бреженскій епископъ получилъ отвѣтъ отъ папы и исполнилъ его приказаніе.

Когда посланецъ отъ папы снова прибылъ въ Бременъ къ епископу съ твердымъ и положительнымъ приказаніемъ взяться за дѣло серьезно, не щадя никакихъ издержекъ, то епископъ сталъ прежде всего занасаться известью, камнемъ и камешниками, также какъ и прочими рабочими, каковыя запасы вмѣстѣ со строителями онъ отослалъ въ слѣдующемъ году въ Ливонію на купеческихъ корабляхъ, а также съ нѣсколькими вооруженными людьми, которые поѣхали сперва какъ будто они были купцы. Всѣ они счастливо прибыли въ Ливонію, скоро затѣмъ выстроили въ двухъ миляхъ отъ Риги замокъ Кирхгольмъ, и затѣмъ по Двинѣ, на Гольмѣ начали строить церковь изъ извести и кирпичи и постепенно построили для себя и для строителей на Гольмѣ хижины и дома, каковыя незнакомыя постройки

казались очень странными язычникамъ, въ особенности потому что они никогда прежде не видали каменныхъ зданій. Но какъ постройки были начаты на островѣ и никому не мѣшали, потому язычники охотно это дозволяли, не хотѣли также и подарковъ, а строить позволяли по доброй волѣ. Такимъ образомъ прежде сооружена церковь на Гольмѣ и внесены въ нее колокола, алтарные столы и прочая церковная утварь, и начата открытая проповѣдь противъ постыднаго злоупотребленія языческаго идолопоклонства и козловства, и хотя сначала язычники часто прибѣгали въ церковь, ибо и безъ того простили чернь любопытства видѣть что нибудь новое, но со временемъ все таки болѣе значительные язычники, которые обдумали дѣло, стали питать подозрѣнія и злобу къ проповѣдникамъ. Но пока еще язычники не ставили преградъ и не возмущались противъ нихъ, христіане держались въ сторонѣ, и епископъ мало по малу сталъ проповѣдывать жарче противъ языческаго идолопоклонства, наказывать за него, и крестить тѣхъ, которые склонялись принять христіанскую вѣру. Епископъ Мейнгардъ началъ также чеканить монету, на одной сторонѣ изображая образъ пресвятой дѣвы Маріи, а на другой вновь выстроенную церковь; у меня еще есть такой шфенингъ. Такія изображенія пресвятой дѣвы Маріи навсегда сохранили на серебряныхъ и золотыхъ монетахъ архіепископы рижскіе, а также и епископы дерптскіе, и такимъ образомъ они чеканили монету до тѣхъ поръ, пока Ливонія не отошла къ коронѣ польской.

Нѣкоторые полагають, что самъ Мейнгардъ съѣздили въ папѣ въ 1170 году съ однимъ знатымъ языческимъ княземъ по имени Коббе или Куббе, который крестился со всеми своими родственниками, и который разсказалъ папѣ о всѣхъ обстоятельствахъ страны, и епископъ благополучно возвратился въ Ливонію, и проповѣдывалъ до 1193 года; тогда онъ скончался въ мирѣ и христіане очень объ немъ сожалѣли; онъ былъ епископомъ 24 года. Его наѣстра учреждена въ Ригѣ, въ Ливоніи, гдѣ онъ и погребенъ въ мирѣ. Онъ крестилъ очень много язычниковъ и обратилъ ихъ въ христіанскую вѣру. Но язычники были очень озлоблены тѣмъ, что Коббе обратился въ христіанство, со всеми своими друзьями.

Послѣ смерти Мейнгарда епископомъ Ливоніи былъ названъ Бартольдъ. Онъ началъ строить Ригу, но язычники собрались изъ всѣхъ мѣстъ и выступили противъ Риги, чтобы истребить христіанъ. Тогда пришло много христіанъ на помощь епископу и произошла кровавая битва. Епископъ убитъ вмѣстѣ съ Коббе и 1100 христіанами. Христіане же убили 6000 язычниковъ и одержали побѣду въ 1205 году. Бартольдъ управлялъ 4 года.

ГЛАВА IX.

Послѣ насильственной кончины епископа Бартольда, папа Иннокентій назначилъ епископомъ Ливоніи въ 1204 году пѣкоста Альберта, который прибылъ въ Ливонію съ нѣкоторыми дворянами и другими военными людьми и солдатами и взялся за дѣло съ жаромъ; привезъ съ собою всякіе матеріалы для построекъ и оружіе, въ чемъ ему явно помогала папа, а купцы дѣлали большой полвозъ не только изъ Бремена, но и изъ другихъ городовъ и мѣстъ. Нѣкоторые пріѣзжали съ женами и дѣтьми, остались тутъ жить и заложили большую торговлю. Епископъ Альбрехтъ усердно велѣлъ учить, проповѣдывать и крестить язычниковъ, и въ Икесулѣ началъ строить крѣпость, а передъ тѣмъ на Двинѣ построилъ такіе шатры, что не обращалъ вниманія на злобу язычниковъ, а съ твердостью продолжалъ строить и силой припуждалъ языческія племена къ работѣ при постройкѣ крѣпости. Тогда язычники догадались, что готовится искорененіе ихъ, потому они собрались въ толпы, выбрали нѣсколько горъ, казавшихся имъ удобными, и укрѣпили ихъ какъ только умѣли, чтобы тамъ укрываться и мѣшкать работамъ христіанъ. Когда это дошло до епископа, то онъ написалъ въ Германію, прося помощи, и совѣтовалъ тамъ учредить рыцарскій орденъ, именно орденъ *меченосцевъ*, которымъ слѣдуетъ обѣщать награду за покореніе языческихъ земель и людей въ Ливоніи и за ихъ рыцарскіе подвиги. Это предложеніе очень понравилось папѣ и вскорѣ послѣ того онъ послалъ епископу буллы и привилегіи, дабы исполнить таковое намѣреніе со всею тщательнѣе, на что епископъ не медля употребилъ все старанія, дабы это выполнить. Язычники также не дремали, потому что какъ только замѣтили, что дѣло это ведется противъ нихъ, то укрѣпили одно мѣсто въ Копенгаузенѣ при рѣкѣ Двинѣ, а также близъ Зонцеля горы, которая еще теперь находится напротивъ Кангера, сильно укрѣпили и назвали крѣпость Герсиге, тамъ гдѣ протекаетъ внизу Зонцельскій ручей. Верхъ этой высокой горы они обстроили балками и частоколомъ и оттуда могли кругомъ бросать камни и защищаться, такъ что ужъ, конечно, эту гору нельзя было отнять у нихъ безъ кровопролитія. Кроме того вокругъ горы они огородили крѣпкимъ частоколомъ большой лугъ для своихъ лошадей и скота, для того, чтобы защищать свое имущество и скотъ. Они потому дѣйствовали тутъ такъ быстро, что дорога изъ Икесулы въ Ригу идетъ вдоль Двины, а затѣмъ дорога выходитъ черезъ степь и пустоши въ Герсбургъ, точно также и дорога съ другой стороны высокой горы Кангера, идущая черезъ болото изъ мѣстности Роденпойской въ Зонцельскую, доходить также до Герсбурга. Потому то язычники на обѣихъ этихъ дорогахъ держали сильную стражу на разстояніи каждой восьмой части мили по одному человѣку на высокомъ деревѣ съ сигнальнымъ рож-

комъ. Какъ только поставленные сторожа провѣдывали, что христіане готовятся къ нападенію на язычниковъ, то одинъ другому трубилъ сигналъ въ тревогѣ; въ короткое время эти рожки раздавались на 10—20 миль, потому что такіе рожки были у нихъ во всѣхъ деревняхъ. Какъ только сигналъ бывалъ поданъ, то всякій торопился съ оружіемъ, на лошади и пѣшкомъ, отправиться въ укрѣпленіе на упомянутой горѣ. Когда же являлись христіане, тогда начиналось сраженіе и битва. По истинѣ, язычники пролили довольно крови за свою свободу, прежде чѣмъ были покорены.

ГЛАВА X.

Подобнымъ же образомъ язычники выстроили крѣпость Кокенгаузенъ и защищались тамъ съ порядочными силами и часто собирались, занимали также иногда другіе шанцы и горы для своей выгоды, также учреждали по своему порядку въ стражѣ для борьбы и обороны. Но когда епископъ Альбрехтъ привлекъ въ страну болѣе людей, то учредилъ, по полученнымъ отъ папы бумагамъ и привилегіямъ, орденъ *братіевъ меча* и освятилъ его; братья должны были вести себя чисто рыцарски (братья меча носили бѣлые плащи съ краснымъ крестомъ). Эти меченосцы впоследствии избрали себѣ главою гермейстера, который могъ вести ихъ противъ враговъ. Первый, назначенный въ эту должность былъ магистръ Виденъ, который былъ мужъ благочестивый и воинственный, рыцарски сражавшійся за христіанскую вѣру.

Когда епископъ Альбрехтъ выстроилъ крѣпость Искуль, то съ язычниками стали происходить многія, кровавыя схватки. Когда же язычники въ Витѣ выбили шведовъ изъ города Леаль и сожгли бургъ съ помощью эзельцевъ, тогда епископъ Альбрехтъ ополчился и пошелъ въ Витѣ, снова покорилъ эстонскихъ язычниковъ съ эзельцами, такъ что они снова должны были отстроить бургъ Леаль, и епископъ назначилъ туда епископа по имени Германа. Тогда же начата постройка башни въ древней Пернавѣ, которая впоследствии перемѣщена и перенесена въ Гапсаль. Говорятъ, что епископъ Альбрехтъ выстроилъ также замокъ Далевъ.

ГЛАВА XI.

Когда же Вальдемаръ II, король датскій, узналъ, что епископъ Альбрехтъ покорилъ эковцевъ, то онъ захотѣлъ попытать своего счастья у язычниковъ въ Гарріенѣ и Вирландѣ и послалъ въ Ливонію

войско, которое и покорило упомянутые Гарріенъ и Варландъ. Вскорѣ послѣ того самъ король Вальдемаръ прибылъ въ Ливонію съ епископомъ Лундскимъ, и въ 1223 году началъ строить городъ Ревель, впоследствии же выстроилъ также замокъ Везенбергъ и Нарву. Этими землями и городами король датскій владѣлъ до 1347 года, когда онъ продалъ и уступилъ Нарву, Ревель и Везенбергъ ордену (къ которому въ то время принадлежали также братья короля, но имени Гансъ) за 19000 серебряныхъ марокъ.

Около того времени, какъ епископъ Альбрехтъ покорилъ эзельцевъ въ Витъ, благочестивый магистръ Виппо построилъ въ Ливоніи Зегевальдъ, Вендпъ и Ашерадъ, затѣмъ онъ палъ отъ руки низкаго убійцы въ 1223 году вмѣстѣ со своимъ канцеляромъ, управлявъ 18 лѣтъ со славой и похвалою. Убійцу колесовали. Магистръ Виппо покорилъ Кокенгаузенъ и Герзбургъ и убилъ русскаго короля вмѣстѣ съ 600 человекъ русскихъ. Послѣ него былъ избранъ магистромъ Волкинъ, который выстроилъ городъ Веллинъ (Феллинъ), язычники же сильно ополчились, чтобы воспрепятствовать постройкѣ, и они убили многихъ христіанъ, такъ какъ тогда же были взяты въ плѣтъ всѣ братья ордена, кромѣ 10-хъ. Послѣ этого епископъ Альбрехтъ самъ поѣхалъ въ Германію и склонилъ герцога Альбрехта саксонскаго къ тому, что онъ съ нимъ прибылъ въ страну съ войскомъ, и скоро истребилъ 1500 язычниковъ, самъ же потерялъ только 60 человекъ, остальные же язычники разбѣжались по дѣсамъ. Когда узнали объ этомъ эзельцы, то соединились съ жителями Іервена и другими эстонцами, чтобы отомстить герцогу Альбрехту за понесенный уронъ, но герцогъ Альбрехтъ съ радостью пошелъ прямо противъ нихъ и, напавъ на нихъ, при Купделѣ въ Іервенѣ истребилъ, и затѣмъ оставилъ страну со славой. Затѣмъ нѣкоторое время христіане пользовались спокойствіемъ. Но когда язычники провѣдали объ отсутствіи герцога Альбрехта, то стали такъ досаждалъ христіанамъ, какъ только могли. Послѣ того прибылъ изъ Ирландіи въ Ливонію графъ Альбрехтъ со множествомъ милитримовъ и наемныхъ солдатъ, и пошелъ походомъ противъ эстовъ, собравъ всѣ свои силы на полѣ подъ Веллинкомъ; тутъ было дано большое сраженіе, такъ что 1400 язычниковъ были убиты, при чемъ христіане потеряли не болѣе 100 человекъ. Наконецъ прибылъ герцогъ Барунъ вепландскій (вендскій) со множествомъ рыцарей, послѣ чего случалось не мало стычекъ между рыцарями и эстами. Но какъ только литовцы и русскіе примѣтили, что христіане одолеваятъ эстовъ — язычниковъ, то сильно вознегодовали на это и придумали этого не допускать, для каковой цѣли и собрали большое литовское войско. Послѣ этого гермейстеръ (магистръ) пошелъ на нихъ войною, нашелъ ихъ у Юннекуля и въ битвѣ истребилъ ихъ 1900 человекъ, остальные же обратились въ

бѣгство, которыхъ великій магистръ съ иностранными рыцарями и солдатами преслѣдовалъ до Кокенгаузена. Здѣсь же снова было убито 500 русскихъ.

ГЛАВА XII.

Послѣ того въ Ливонію прибылъ графъ Арнштейнъ изъ Тюрингера со множествомъ наемныхъ солдатъ. Магистръ отправился зною съ гостями въ страну Эзель, и они истребили всего мужчинъ, женщинъ и дѣтей до 2500 человекъ. Затѣмъ магистръ Волквинъ отправился со своими людьми въ Семигалию, гдѣ также произошло сраженіе, въ которомъ убиты были 600 язычниковъ и 300 христіанъ; остальные христіане уѣхали обратно на своихъ корабляхъ. Но вскорѣ послѣ того семигалы сухимъ путемъ пошли противъ магистра, тогда снова произошло жестокая битва, причемъ 500 семигаловъ и 300 христіанъ были убиты. Послѣ этого литовцы пришли противъ магистра Волквина со множествомъ народа. Последний же пошелъ имъ на встрѣчу съ рыцарскою отвагой, вѣдъ своихъ христіанъ и людей графа; тутъ случилось большое кровопролитіе, такъ что на мѣстѣ легло до 2000 литовцевъ, а со стороны христіанъ погибло 500 человекъ. Затѣмъ графъ возвратился обратно въ свою страну.

Магистръ же Волквинъ долженъ былъ оставаться въ большой опасности среди озлобленныхъ литовцевъ и язычниковъ. Потому что теперь противъ него было много враговъ: не только языческие народы Ливоніи, которые, конечно, еще не были покорены, но врагами были и литовцы, русскіе, и шведы и король Вольдемаръ датскій по причинѣ города Ревеля, который онъ у нихъ отобралъ и приказалъ прочее укрѣпить камнями. Этотъ городъ принадлежалъ съ тѣхъ поръ братьямъ ордена, пока папа не приказалъ, въ знакъ милости, отдать его королю датскому, пока наконецъ онъ самъ, какъ упомянуто выше, не продалъ его въ 1347 году ордену за 19,000 марокъ. Такимъ образомъ благочестивый магистръ Волквинъ долженъ былъ постоянно сражаться среди великой опасности, угрожавшей его жизни, съ многими врагами христіанства, такъ что онъ наконецъ ясно видѣлъ, что безъ особенной помощи и поддержки христіане долѣе ничего не могутъ сдѣлать противъ такого множества враговъ, и потому, посоветовавшись съ братьями, рѣшилъ, съ согласія епископа, императора и папы, дабы имѣть больше помощи и поддержки, присоединиться къ великому магистру и нѣмецкому (тевтонскому) ордену въ Пруссіи; они начали свозиться и переговаривать и рѣшили сдаться съ нѣмецкимъ орденомъ, затѣмъ папа измѣнилъ ихъ орденскую одежду, и указалъ имъ носить черный крестъ на бѣломъ плащѣ. Магистръ Волквинъ, во время происходившихъ переговоровъ, пошелъ войною на Литву, и распо-

жилися на обширномъ полѣ, гдѣ ему литовцы противопоставили большія силы; битва была чрезвычайно жестокая, такъ что и благочестивый магистръ, который мудро управлялъ 15 лѣтъ, рыцарски погибъ въ этой битвѣ за славу Христа съ 18-ю братьями ордена. Тамъ же убитъ и графъ Бренно со многими вѣрными героями.

Когда же великій магистръ Германъ фонъ Зальца въ Пруссіи узналъ о смерти магистра Воаквина (послѣ того какъ императоръ и папа совершили соединеніе меченосцевъ въ Ливоніи съ прусскимъ орденомъ), то прислалъ на его мѣсто другаго магистра Германа Балка, который, прибывъ въ Ливонію, былъ встрѣченъ и принятъ всѣми христіанами и братьями ордена съ радостью и почестями, и все христіане ликовали по случаю этого происшедшаго соединенія. И императоръ послалъ имъ въ помощь съ новымъ магистромъ полторы тысячи марокъ, а великій магистръ прислалъ имъ въ Ливонію на помощь 60 братьевъ со многими рыцарями.

Во времена этого новаго магистра Германа Балка, русскіе причинили ордену много вреда, въ особенности же епископству дерптскому, за то онъ пошелъ противъ замка Изборга; тутъ русскіе истрѣбили его безстрашно и русскихъ было убито 800, остальные обратились въ бѣгство, и многіе были взяты въ плѣнъ. Затѣмъ онъ пошелъ на Псковъ, въ Россію, и сталъ вокругъ, чтобы штурмовать городъ и замокъ со своими рыцарями и братьями. Тогда русскіе пожелали заключить миръ и согласились обѣ стороны на томъ, что ихъ король *Гуголота* обязался отдать городъ, замокъ и все, что въ плѣнъ находилось, ордену, а сами они примутъ христіанство. Магистръ занялъ замокъ и городъ, оставивъ тамъ двухъ изъ своихъ братьевъ и прочихъ людей, возблагодарилъ Бога, и ушелъ съ остальными въ свою страну.

Въ 1245 году король Александръ новгородскій пришелъ съ сильнымъ войскомъ и взялъ снова Псковъ силою, хотя они и сопротивлялись рыцарски, и тогда во Псковѣ были убиты 70 братьевъ ордена. Послѣ шестилѣтняго управленія, Германъ Балкъ умеръ въ 1245 году; онъ велъ не одну войну противъ враговъ Господнихъ. Псковъ находился только 2 года въ рукахъ христіанъ.

ГЛАВА XIII.

Въ 1200 году была начата постройка города Риги, а въ 1230 города Ревели, и въ тоже время была начата постройка монастыря противъ Двинскаго порта. Тамъ было основано аббатство и со временемъ тамъ было возведено большое вѣнчическое укрѣпленіе, гдѣ жили многіе изъ рыцарей ордена. И когда Рига стала постепенно возвы-

шаться, тогда архіепископъ рижскій и магистры со своими братьями и приверженцами ордена завели споры за верховную власть надъ городомъ Ригей. Тогда папа послалъ въ страну весьма ученаго и разумнаго мужа, кардинала Моденскаго, съ обширнымъ полномочіемъ, чтобы онъ привелъ въ порядокъ все дѣла. Тогда рижане достали съ Готланда писанное право, и дали упомянутому кардиналу утвердить его; этимъ правомъ они руководствуются и до сего часа. Тотъ же кардиналъ назначилъ городу Ригѣ особенныя границы, утвердилъ ихъ и закрѣпилъ, далъ также дальнѣйшее полномочіе динаминдскому аббату снабжать и впредь городъ необходимыми и сносными привилегіями, въ особенности относительно лѣсовъ динаминдскаго округа и пастбищъ, также какъ и по рыболовству въ рѣкѣ Двинѣ. Затѣмъ приказано также, чтобы архіепископъ имѣлъ свое жительство на епископскомъ подворьѣ въ Ригѣ и ему предоставленъ былъ ключъ отъ оныхъ воротъ, ключи же отъ прочихъ воротъ должны были находиться у городского магистрата и его бюргеровъ, а члены капитула должны были имѣть свои собственные дома и квартиры близъ соборной церкви. Магистръ же долженъ былъ имѣть жительство и квартиру въ рижскомъ замкѣ, а городъ былъ обязанъ отдавать почести и присягать обоимъ правителямъ страны — магистру и архіепископу, и обѣ стороны были обязаны помогать другъ другу, чтобы наносить вредъ язычникамъ и оказывать имъ сопротивление. Оба они, магистръ и архіепископъ, обѣщали это исполнять и способствовать всячески увеличенію и благосостоянію города Риги, также и защищать его. Впослѣдствіи были выстроены многіе монастыри и другіе госпитали и церкви, какъ-то св. Іакова, св. Іоанна, св. Магдалины и св. Маріи. Соборная церковь или Маріинская осталась главной церковью архіепископа. Монастыри, какъ св. Духа, Маріи Магдалины и другіе, заключали въ себѣ аббатства, мужскіе и женскіе монастыри. Многіе дома призрѣнія для бѣдныхъ состояли подъ покровительствомъ (*jus patronatus*) нѣсколькихъ гражданъ изъ извѣстныхъ родовъ; они завѣдывали ими и улучшали по своему усмотрѣнію. Судомъ въ городѣ завѣдывалъ магистратъ со своими городскими фохтами, разбирая затруднительныя и бюргерскія дѣла, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ дозволялась на магистратъ апелляція къ правителямъ страны. Прочіе должности замѣщались отъ магистрата, какъ мѣста по торговлѣ, лугамъ, по надзору за ихъ конюшнями, по надзору за мясными рядами, за булочными, мѣста при всѣхъ и браковкѣ, по артиллеріи и судоходству, должности земскихъ фохтовъ и другія.

ГЛАВА XIV

Выстроены были также два бюргерскіе общественные дома, которые называютъ большою и малою гильдіями; въ большой гильдіи

бюргеры, производившіе торговлю, нировали свои свадьбы и другія празднества, назначали на должности и вели свои порядки и поддерживали ихъ. Изъ своей среды они выбирали альтермановъ, засѣдатель и другихъ знатныхъ бюргеровъ въ старшины, которые должны были занимать свои должности и управлять кемерейнымъ судомъ, экономическимъ, гильдіями, судомъ по бюргерскимъ проступкамъ, если подобныя случались въ цехахъ, по раздѣлъ милостыни и пожертвованій для бѣдныхъ, и по поддержкѣ зданій. Они праздновали свои особенныя пиры на масляницу, стрѣльбу въ птицъ на Троицу, и гильдейскій столъ и попойку въ Млхайловъ день, и съ позволенія магистрата имѣли другія необходимыя сходки, а имѣи доступъ въ члены магистрата и право выступать изъ него, всегда поддерживали и укрѣпляли съ нимъ необходимыя сношенія.

Такимъ же точно образомъ амты малой гильдіи имѣли свои братства, какъ то портныхъ, скорняковъ, кузнецовъ грубыхъ и тонкихъ работъ, булочниковъ и мясниковъ, оружейниковъ, сѣдельниковъ, столяровъ и другихъ ремеслъ; они также какъ и купцы въ большой гильдіи, держали свои сходки, но имѣли отъ почтеннаго магистрата даваемые имъ особенныя шраги (уставы) по специальнымъ яхтамъ; нѣкоторые имѣютъ свои особенныя ремесленные шинки, какъ портные, сапожники, скорняки и т. д., и имѣютъ амтовыхъ альтермановъ; для ревизіи же надъ всеми яхтами назначаются отъ магистрата амтс-герры, которымъ всё они должны платить полъ-брюка (штрафъ).

ГЛАВА XV

Оба правителя страны, архіепископъ рижскій и магистръ, поѣдили между собою всё замки и земли. Объ чехъ я впоследствии упомяну въ концѣ этой книги, и уважу, какимъ образомъ были поѣлены земли и замки. Архіепископъ рижскій имѣлъ въ своемъ подчиненіи пять другихъ епископовъ; именно епископа дерптскаго, имѣннаго регалію, въ силу которой предъ нимъ несли золотой мечъ, епископа ревельскаго, епископа гапсальскаго, епископа эзельскаго и епископа кураяндскаго. Всѣ епископы, какъ упомянуто, имѣли свои особенныя епископства. Архіепископъ рижскій поѣлилъ выпавшіе на его долю замки и земли между членами своей канцелулы сообразно съ ихъ званіемъ, какъ и прочіе епископы поступили такимъ же образомъ.

Точно также дѣйствовали и магистръ въ Ливоніи въ отношеніи своихъ подчиненныхъ ландмаршала, командоровъ и фохтовъ. Архіепископу и магистру принадлежало право предпринимать походы. Затѣмъ они сѣдлали во всей странѣ перепись всехъ сословій и горо-

довъ. Послѣдніе обязанности были единодушно идти въ походъ; каждый по установленному порядку и по состоянію своего имущества долженъ былъ вести рыцарскую и конную службу; какъ города такъ и домо-вые люди должны были по своему состоянію давать помощь и пожертвованія, чтобы можно было быть готовыми во всякое время встрѣтить врага лицомъ къ лицу

ГЛАВА XVI.

Послѣ Германа Балка великій магистръ прусскій прислалъ въ Ливонію другаго магистра Гейнриха Гомбургскаго; но онъ заболѣлъ и сложилъ съ себя достоинство магистра въ 1247

За нимъ слѣдовалъ третій магистръ Дитрихъ фонъ Гровингенъ. Этотъ магистръ покорилъ язычниковъ въ Курляндіи и построилъ Гольдвингенъ. Тогда многіе курляндскіе язычники передались языческому королю Мендову, который былъ заклятымъ врагомъ христіанъ. Этотъ король подступилъ съ 30000 собранныхъ литовцевъ и куроновъ къ замку Амботенъ, въ курляндскомъ епископствѣ. Когда онъ началъ сильно штурмовать замокъ, то магистръ со своимъ маршаломъ и войскомъ бросились изъ засады въ лѣсу на его лагерь, и обратили литовскаго короля Мендова въ бѣгство, и многихъ язычниковъ взяли въ плѣнъ; при этомъ убиты 4 члена ордена и 10 человекъ рядовыхъ. литовцевъ же погибло 1500 человекъ. Послѣ трехъ лѣтъ управленія и рыцарскихъ подвиговъ, этотъ магистръ отиралися къ папѣ по дѣламъ ордена.

Въ 1250 году великій магистръ снова прислалъ въ Ливонію магистра по имени Андрея фонъ Штауверланцта (Штокландъ), который управлялъ въ теченіи 6 лѣтъ. Впродолженіе этого времени онъ побѣдилъ самантовъ, семигаловъ и литовцевъ, которые выступили противъ него, опустошилъ всю страну, избилъ и взялъ въ плѣнъ множество народа, сжегъ также собственный замокъ литовскаго короля Мендова, гдѣ онъ обыкновенно жилъ. Послѣ этого магистръ отошелъ и возвратился въ Ригу со своимъ ополченіемъ и великой добычей съ великимъ торжествомъ, раздѣлилъ добычу во славу Божію и отдалъ много бѣднымъ, остальное подѣлилъ между военными людьми.

ГЛАВА XVII.

Послѣ того, во времена шестаго великаго магистра прусскаго Неппе фонъ Остерна, король Мендовъ послалъ въ ливонскому магистру Андрею сказать, чтобы въ назначенный день онъ его посѣтилъ и

переговорилъ съ нимъ лично. Магистръ Андрей съ братьями и рыцарствомъ изъявилъ на то согласіе и отправился дружески къ королю; король Мендовъ принялъ его съ княжескими почестями, великолѣпно и роскошно, и угостилъ его изысканно приготовленнымъ пиромъ. Послѣ окончанія пирѣ, король глубоко благодарилъ магистра за то, что онъ къ нему прибылъ. Магистръ многими дружескими увѣщаніями склонилъ его къ принятію христіанства, съ тѣмъ однако, чтобы магистръ согласился возратить ему его земли, и послѣ крещенія хлопотать, чтобы его, какъ христіанина, короновали въ королѣ съ его супругой. На томъ они дружески разстались. Магистръ представилъ это дѣло папѣ со всѣми подробностями, чему папа весьма былъ радъ; и далъ магистру въ этомъ дѣлѣ полномочіе дѣйствовать по усмотрѣнію, крестить и короновать короля съ его супругой. За тѣмъ магистръ приказалъ сдѣлать двѣ прекрасныя и великолѣпныя короны и отправился съ епископомъ рижскимъ Альбрехтомъ II, многими командорами и прелатами, также и рыцарствомъ, къ королю въ Литву, гдѣ ихъ приняли очень роскошно. Данъ былъ большой пиръ, король и его супруга Марта были крещены, и магистръ короновалъ ихъ обоихъ; тамъ же крестилось множество народа и по полномочію папы, магистръ возратилъ королю его землю и затѣмъ возвратился въ свою страну съ епископомъ и своими спутниками. Случилось это въ 1255 году.

Послѣ этой коронаціи, магистръ Андрей отпросился у великаго магистра и сложилъ съ себя должность ливонскаго магистра и захватъ къ королю Мендову, который провожалъ его на значительную часть пути; магистръ Андрей отправился въ Германію и водворился тамъ на жительство; великій магистръ устроилъ ему почетное мѣсто-пробываніе.

ГЛАВА XVIII.

По удаленіи магистра Андрея, въ магистры былъ назначенъ благочестивый Эбергартъ, который управлялъ только два года. Онъ ходилъ походомъ противъ самантовъ и другихъ языческихъ племенъ, убилъ и взялъ въ плѣнъ множество изъ нихъ, принесъ съ собою большію добычу и съ торжествомъ возвратился въ Ригу, заболѣвъ, приказавъ отвезти себя въ Германію и тамъ умеръ.

Послѣ того великій магистръ прислалъ магистромъ въ Ливонію Ганно фонъ Зангерсгаузена; онъ прибылъ въ Ливонію со многими хорошими людьми, управлялъ 5 лѣтъ благочестиво и осторожно, и ридѣлъ на пользу Риги честно и похвально. Въ 1258 г. онъ велѣлъ построить замокъ для тевтонскаго ордена въ Самландіи. Жители Самландіи хотѣли овладѣть этимъ замкомъ и подступилъ къ нему

съ большими силами, но замокъ защищали множество братьевъ ордена и другихъ хорошихъ людей, и Ганно быстро ополчился на водѣ и сушѣ и освободилъ замокъ, отправился потомъ далѣе въ Самландію, побилъ много враговъ и, взявъ множество добычи, черезъ Курляндію возвратился въ Ригу. Въ этой борьбѣ погибли 3 члена ордена и 40 чело-вѣкъ другихъ людей.

Послѣ этого магистровъ Ливоніи былъ назначенъ Бургартъ фонъ Гернгаузенъ, бывшій прежде командоромъ въ Кенигсбергѣ: онъ управлялъ 3 года. Онъ одарилъ короля Мендова драгоценностями и другими подарками. Хотя король Мендовъ съ своей стороны и отда-рилъ взаимно магистра, но сердце его, однако, снова лежало болѣе къ язычникамъ.

Этотъ магистръ Бургартъ отправился черезъ Курляндію осмо-трѣть замокъ Мемель. Когда онъ туда прибылъ, язычники устроили засаду въ лѣсу. У магистра было 40 орденскихъ братьевъ и кромѣ того около 500 чело-вѣкъ воиновъ, но язычниковъ было несравненно больше. Произошло сраженіе, магистръ былъ раненъ и убито 12 чле-новъ ордена. По со стороны язычниковъ погибло также очень много народу. Магистръ со своими людьми вошелъ въ мемельскій замокъ, выздоровѣлъ тамъ, и черезъ Курляндію снова возвратился въ Ригу. Теперь магистръ собирался отомстить самантамъ за нанесенный ими вредъ. Когда они о томъ узнали, то отправили къ магистру своихъ пословъ и просили мира. Тогда архіепископъ рижскій заключилъ съ ними миръ на два года, надѣясь въ это время обратить ихъ въ хри-стіанство и научить ихъ догматамъ вѣры.

ГЛАВА XIX.

По прошествіи этихъ двухъ лѣтъ король самантовъ окончился, выступилъ противъ христіанъ съ большими силами и далъ обѣтъ своимъ богамъ, что если они ему даруютъ побѣду, то онъ имъ по-жертвуетъ третью часть всей добычи. Узнавъ о томъ магистръ от-правилъ полковника Берендта фонъ Цавена съ войскомъ къ Мемелю, черезъ Курляндію. Братья ордена, находившіеся въ Мемелѣ и Гольдингенѣ, были воодушевлены мужествомъ. Полководецъ Берендтъ увѣщевалъ своихъ спутниковъ напасть со стойкостью на язычниковъ ради славы Божіей, и тотчасъ же напалъ на враговъ. Произошла большая битва и съ обѣихъ сторонъ погибло много народа. Были убиты 43 орденскіе брата, но язычники наконецъ овладѣли полемъ битвы и возвратились домой. Христіане отступили въ Гольдингенъ. Какъ только узналъ объ этомъ магистръ, то собралъ много народа, и отправился противъ враговъ въ Курляндію; литовцы же и саманты

тайно ушли изъ лѣсу, въ которомъ укрывались, и встрѣчи не послѣдовало. Магистръ пошелъ дальше въ землю семигалловъ, подступилъ къ одному бургу, взявъ его штурмомъ, затѣмъ построилъ замокъ Доббельнъ, который снабдилъ сильнымъ гарнизономъ. Этому магистру Бургарду много было хлопотъ съ королемъ самантовъ, королемъ литовскимъ и королемъ русскимъ, которые все три единодушно рѣшились возвратить Ливонію язычникамъ, а тевтонскій орденъ съ христианами изгнать изъ страны. Впослѣдствіи онъ былъ измѣнническимъ образомъ убитъ въ сраженіи при Доббельнѣ, и въ той же битвѣ погибли до 150 братьевъ ордена, прусскій маршалъ, и многіе германскіе дворяне; кромя того, 14 членовъ ордена попали въ плѣнъ, изъ которыхъ восемь были сожжены въ честь языческихъ боговъ, другихъ же шестерыхъ мучили, отрубили имъ руки и ноги, а тѣло четвертовали. Потомъ язычники напали на оба замка Керзау и Доббельнъ. Этотъ магистръ управлялъ три года. Передъ смертью онъ назначилъ на свое мѣсто брата ордена Юрдайна фонъ Эрбштадта, который въ продолженіи цѣлаго года причинялъ курянамъ и самантамъ много вреда и досады.

ГЛАВА XX.

Въ 1268 году магистромъ былъ назначенъ Вернеръ фонъ Брейтгаузенъ *). Онъ управлялъ 2 года. Около этого времени саманты послали военнопольнаго Траммате съ другими въ королю Мендову и его королевъ, чтобы условиться съ ними, дабы они отступили отъ христианства и снова сдѣлались язычниками, потому что христианствомъ ихъ обманули, а обѣщанное братьями ордена только одинъ обманъ и неправда. Они (говорили саманты) отвратили васъ отъ вашихъ боговъ, вашъ отецъ былъ могущественный король, а вы хотите своимъ дѣтямъ оставить такой позоръ, что сами и ваши дѣти будете подданными. Вы находитесь въ совершенномъ ослѣпленіи, хотя все считали васъ мудрымъ королемъ. Смотрите на самантовъ и семигалловъ, которые желаютъ вамъ добра, и держитесь вашихъ боговъ, которыхъ держались и ваши родители; если мы на самомъ дѣлѣ узнаемъ, что снова стали язычниками, то Лятва и Ливонія подчинятся вамъ, и вы будете господиномъ обѣихъ этихъ земель. Услышавъ это, король разгнѣвался на христианъ и послѣдовалъ совѣтамъ самантскаго вождя; но королева очень огорчилась и напоминала ему о великихъ почестяхъ и дружбѣ, которые оказалъ ему и ей магистръ ливонскій, и что это постыдно, что онъ такъ позволяетъ

*) Въ копіяхъ нѣмецкой хроникъ его неврѣно называютъ Фрейтгаузенъ.

вождю соблазнить себя. Но король стоялъ на своемъ и ничего не хотѣлъ знать. Тогда король Мендовъ велѣлъ во всѣхъ своихъ владѣніяхъ ловить христіанъ и многихъ изъ нихъ убили; онъ также послалъ къ русскому королю и объяснилъ ему, что онъ отступилъ отъ христіанства, и это извѣстіе было очень пріятно русскому королю; послѣдній обѣщалъ оказать большую помощь противъ христіанъ и ордена.

ГЛАВА XXI.

Король Мендовъ мамелюкъ собралъ большое войско противъ господнихъ рыцарей ливонскихъ. На встрѣчу ему долженъ былъ придти король русскій со своими людьми, также и король самантовъ, и они хотѣли разрушить Ливонію и изгнать орденъ. Мендовъ подступилъ подъ Венденъ, но замѣтивъ, что русскіе не приходятъ, разгнѣвался на вождя Траммате, за то, что онъ его обманулъ и русскіе солгали, и возвратился обратно въ свою землю.

Магистръ Вернеръ прочю вооружилъ свои земли, ему была оказана сильная помощь изъ Германіи и Пруссіи. Русскій король пришелъ со своими подданными въ орденскую землю, опустошилъ и сжегъ городъ Дерптъ, но замокъ, куда укрылся епископъ, гарнизонъ изъ братьевъ ордена снасъ, успѣшно защищаясь. Когда магистръ узналъ объ этомъ, то пошелъ освобождать дерптцевъ; но когда пришелъ со своими людьми, то русскіе уже ушли въ свою страну. Магистръ оставилъ въ Дерптѣ сильный гарнизонъ и пошелъ въ Россію, опустошилъ, выжегъ ее, убилъ много русскихъ, и снова возвратился въ Ригу. Вскорѣ послѣ того онъ послалъ своихъ людей въ Курляндію, приобрѣлъ тамъ одинъ замокъ, который его войска сожгли. Совершивъ много благихъ дѣлъ этотъ магистръ заболѣлъ, отправился въ Германію и тамъ умеръ.

Въ 1269 году магистромъ былъ сдѣланъ Конрадъ фонъ Мандеренъ. Онъ велъ много войнъ съ русскими, съ куроунами и самантами, былъ также въ битвѣ съ семигаллами, въ которой погибли многіе съ обѣихъ сторонъ. Онъ приказалъ также построить въ Ливоніи крѣпкій замокъ, названный Вейсенштейномъ, и послѣ того просилъ увольненія отъ должности, по трехлѣтнемъ правленіи.

Въ 1272 г. великій магистръ прислалъ въ Ливонію другаго магистра, котораго звали Отто фонъ Ротенштейнъ. Послѣдній управлялъ 4 года и далъ большое сраженіе русскимъ. Со стороны христіанъ палъ епископъ дерптскій Александръ, а русскіе обратились въ бѣгство. Тутъ было убито и взято въ плѣнъ около 500 русскихъ. Послѣ этого магистръ Отто собралъ большое войско до 18000 чело-

вѣкъ конницы и пѣхоты, кромѣ того 900 человекъ посадилъ на корабли, опустошалъ, жегъ и взялъ наконецъ замокъ по имени Изеборгъ, сжегъ его до тла и сталъ лагеремъ подъ Псковомъ, который былъ сильно укрѣпленъ. Хотя король новгородскій и послалъ русскимъ помощь, но это имъ встали не помогло.

ГЛАВА XXII.

Наконецъ прибылъ русскій герцогъ (князь) по имени Юрдавъ, онъ былъ королевскимъ намѣстникомъ. Онъ дружески велъ переговоры съ орденомъ, такъ что обѣ стороны заключили миръ.

Въ слѣдующемъ году магистръ Отто воевалъ съ литовцами и семитагами. Въ одной битвѣ магистръ Отто погибъ съ 10 членами ордена, у язычниковъ также было много убитыхъ, и такимъ образомъ обѣ стороны разошлись. Братья тотчасъ же назначили намѣстникомъ нѣкоего Андрея. Послѣдній былъ убитъ въ одной стычкѣ съ литовцами.

ГЛАВА XXIII.

Съ открытія Ливоніи до сихъ поръ, значить въ теченіи болѣе 120 лѣтъ, шли кровопролитныя войны; въ это время христіанство сильно распространилось въ Ливоніи. Епископы ревностно поучали и крестили язычниковъ; то тамъ, то здѣсь, строили въ странѣ церкви и монастыри, народъ жертвовалъ охотно ради славы Божіей, папа помогалъ буллами и другими средствами; христіане сначала также оказывали великое усердіе въ отношеніи такихъ учрежденій, способствовавшихъ расширенію христіанства, потому то такъ многие князья, рыцари и графы оказывали обильную помощь, не щадя своей крови. Также умножилось и мореходство и торговля въ Ливоніи изъ всѣхъ приморскихъ городовъ, отчего города пришли въ цвѣтущее состояніе, какъ Рига и Ревель, куда многіе купцы и ремесленники переселились изъ Германіи съ женами и дѣтьми; чрезъ это торговля къ Висбю на Готландъ мало по малу очень уменьшилась и наконецъ вовсе прекратилась; самый городъ Висбю до того упалъ, что прекрасные большіе дома, еще видимые и теперь, пришли въ совершенное разрушеніе, между тѣмъ какъ съ теченіемъ времени ливонскіе города, стоящіе на берегу моря, замѣтно разрослись и пришли въ процвѣтаніе. Новгородская контора оставалась, однако, въ цвѣтущемъ состояніи: купцы изъ ганзейскихъ городовъ направляли все еще свой путь туда и дѣлали эту контору складочнымъ мѣстомъ для своихъ товаровъ, это

продолжалось даже и тогда, когда великій князь взялъ Новгородъ въ 1479 году. До тѣхъ поръ этотъ городъ пользовался своимъ самоуправленіемъ; но когда въ 1494 году многіе купцы находились въ конторѣ съ драгоценными товарами, которые цѣнять болѣе нежелали въ триста тысячъ гульденовъ и русскіе изъ за ничтожныхъ, низкихъ причинъ отобрали у нихъ всѣ товары, а купцовъ ввергли въ заключеніе въ башню, гдѣ они сидѣли болѣе трехъ лѣтъ и наконецъ послѣ многихъ требованій отъ ганзейскихъ городовъ освобождены были только весьма немногіе, большая же часть изъ нихъ умерла въ башнѣ, тогда всѣ умы, а также и торговля, отвратились отъ Новгорода, потому что изъ всѣхъ дорогихъ товаровъ ничего не было получено обратно. Въ то время русскіе столькихъ ограбили дорогими товарами (какъ холотъ, шелковыя матеріи, бархаты, золото, жемчугъ и драгоценные камни, сахаръ, пряности и коренья) что многіе честные люди сдѣлались бѣдняками. Когда купцы были обобраны до нага, и выпущены изъ башни, то они отправились въ Ревель, гдѣ ихъ осталось только четыре человека, (между которыми находился Людвигъ Бурстель, который впоследствии женился въ Дерптѣ на дочери Шрикельмана, и былъ избранъ членомъ магистрата), остальные же потомъ уѣхали изъ Ревеля на кораблѣ любянина Герда Оффендорфа, но всѣ они погибли отъ жестокой бури вмѣстѣ съ кораблемъ въ шведскихъ шхерахъ, такъ что не спаслись ни кошка ни собака, какъ о томъ свидѣлствуетъ эпитафія, въ знакъ ихъ памяти, въ Ревелѣ, у моста при гавани. Впоследствии въ Новгородѣ болѣе не совершали никакихъ торговыхъ операцій, хотя туда еще иногда и наѣзжали купцы, такъ я и самъ былъ тамъ въ 1570 году и имѣлъ дѣла въ старомъ, полуразрушенномъ дворѣ конторы, гдѣ еще стояла часть церкви св. Петра, которую купцы нѣкогда выстроили изъ камня. Въ то время подъ деревяною еще существовала небольшой склепъ, гдѣ я могъ держать налитки и съѣстные припасы. Кромѣ того ничего уже не было, только еще одна деревянная комната, гдѣ я со своимъ слугою и съ мальчикомъ имѣлъ пристанище, и еще другая подобная ей комната для русскаго дворника, который отворялъ и запиралъ дворецъ. Такимъ образомъ погибла новгородская контора, и впоследствии всѣ русскіе товары стали привозить въ Ригу, Ревель и Дерптъ. Черезъ это какъ эти города, такъ и другіе на балтійскомъ побережьи стали возвышаться и процвѣтать.

А также и во Псковѣ еще существовалъ гостинный дворъ для нѣмцевъ при рѣкѣ, протекающей чрезъ городъ мимо замка подъ городскими стѣнами, здѣсь приставали нѣмецкіе купцы, когда пріѣзжали съ товарами, именно на лѣвой сторонѣ рѣки противъ замка, гдѣ я часто бывалъ съ товарами до 1560 года. Тогда во Псковѣ въ этомъ мѣстѣ былъ большой пожаръ, и гостинный дворъ сгорѣлъ.

Здѣсь я долженъ упомянуть какаа была одна изъ многихъ

причинъ, по которой торговля въ Россіи не только изъ Новгородъ и въ Псковъ, но и въ ливонскихъ и въ другихъ городахъ видимо упала и прекратилась. Главная причина была та, что въ 1554 году англичане проѣхали на сѣверъ мимо Норвегіи, открыли въ землѣ московитовъ за Москвой гавань Колмегородъ (Холмогоры), куда они стали ѣздить ежегодно и торговать съ московитами, которые были очень довольны тѣмъ, что у нихъ тамъ открылось мореходство; и московиты дали имъ уважительныя привиллегіи, и выстроили въ Москвѣ прекрасный каменный гостинный дворъ съ лавками, гдѣ бы они могли продавать изъ года въ годъ свои товары, мѣстные и привозные; также и покупать тамъ всякіе товары, пригодные для нихъ и дабы они могли вести свои дѣла съ Колмегородомъ водою на своихъ корабляхъ и сухимъ путемъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше они ѣздили, потому что получали изъ московитскихъ земель всякіе дорогіе товары, какъ то: воскъ, сѣло, кожи дубленныя и недубленныя, всевозможныя дорогіе мѣха, соболы, куньи, рысьи, лисьи, бѣличьи и пр.

Вторая главная причина, почему ливонскіе города, въ особенности Ревель и Дерптъ, а по большей части и Рига съ другими городами балтійскаго побережья, прекратили торговлю съ Новгородомъ и Псковомъ, — то, что московиты въ 1558 году началъ воевать съ Ливонією, и покорилъ Нарву. Тогда любекскіе купцы стали проѣзжать мимо Ревеля въ Нарву, въ которой прежде у нихъ не было свободной торговли, и они послали къ императору и выхлопотали себѣ позволеніе свободно привозить товары и торговать въ Нарвѣ, не смотря на раззореніе ливонскихъ городовъ, они также послали нѣкоего Іоанна Вагенера къ московитамъ, и выхлопотали у него себѣ свободную торговлю, пріѣздъ и отъѣздъ и ввозъ и вывозъ всякихъ товаровъ безо всякой пошлины. Такъ какъ они указали королю другимъ, то туда черезъ Зундъ отправилось много кораблей изъ Гамбурга, Антверпена, Англіи, Брабанта, Голландіи, Шотландіи, Франціи, которые ѣздили такъ часто, что имъ приходилось оставлять за погрузку многія сотни ластовъ соли, холстъ, шелковыя платья, бархаты и другіе товары въ кускахъ, пряности и нанятые они должны были отдавать дешевле, нежели покупали сами. Я могу сказать по правдѣ, что слышалъ отъ московитовъ, что они купили множество фунтовъ чистаго золота по 10 рейхсталеровъ за фунтъ; которое въ Германіи было куплено по 15 рейхсталеровъ, прекрасную камку цѣлыми тюками по 1 рейхсталеру за длинный брабантскій локоть, который нельзя было кунить дешевле двухъ рейхсталеровъ, англійскія полотна наиболѣе 30—36 рейхсталеровъ, которыя стоили 45 рейхсталеровъ. Это значитъ выкопай другому ему и самъ въ нее упади. Для великаго князя это была желанная торговля, и ему не представилось бы болѣе удобнаго случая погубить Ливонію, чѣмъ этимъ путемъ; потому что дѣло у князя уже дошло до того, что лисфунтъ соли шелъ за 1 рейхсталеръ,

и всѣ товары его поданныхъ должны были испортиться; но такъ какъ любекскіе купцы отырыли ему это сокровище, то онъ бросился на него съ жадностью, и любекскіе факторы въ Нарвѣ были въ такой же чести, и еще большей, какъ вѣкогда ганзейскіе факторы въ Новгородѣ каждую недѣлю два раза намѣстникъ въ Нарвѣ долженъ былъ приглашать ихъ въ гости въ замокъ, гдѣ ихъ весьма роскошно угощали, и ласкали ихъ какъ дѣтей.

Когда король шведскій узналъ объ этомъ новомъ пути, то хотѣлъ прекратить эти поѣздки, и въ два года отобралъ отъ купцовъ 60 кораблей, нагруженныхъ дорогими товарами, чрезъ что богатые люди, начавшіе первые торговать этимъ путемъ, обѣднѣли, и чрезъ долги должны были удалиться изъ города, это можно сказать, при тебѣ, ни мнѣ. Для короля же датскаго это было масломъ для его лампы, и такъ какъ корабли раи новаго пути часто проѣзжали черезъ Зундъ, то онъ взымалъ пошлину, и это ему приносило большой доходъ. Онъ также послалъ въ Москву вѣкомаго доктора Захарію, чтобы выхлопотать у великаго князя позволеніе взымать пошлину и въ Нарвѣ. Великій князь сначала было и согласился: но когда князь началъ въ своей землѣ повѣрять корабли и самъ взымать пошлину; то доктору пришлось оставить Ивангородъ, пусть же датскій король беретъ пошлину въ Зундѣ, въ Нарвѣ князь и знать не хочетъ о его пошлинахъ.

Изъ вышеприведенныхъ причинъ легко сдѣлать заключеніе, почему города ливонскіе и другіе на балтійскомъ прибрежьи потерпѣли ущербъ въ своемъ прокормленіи, другіе же напротивъ попользовались, какъ голландцы, шотландцы, брантцы, французы и англичане. Въ итогѣ выходитъ, что если какая вещь возвысится до наибольшаго предѣла, то снова упадаетъ. Такъ случилось теперь и съ городомъ Висмаромъ. Онъ упадаетъ по примѣру Висби, и что будетъ съ городомъ Любекомъ, когда теперь Гамбургъ подчинился королю датскому, это покажетъ время. Не снесемъ ихъ ницъ считать нельзя.

ГЛАВА XXIV

Авторъ здѣсь рассказываетъ нѣкоторыя подробности о правленіи и жестокости царя Іоанна Васильевича, что однако не имѣетъ никакого отношенія къ ливонскому орденскому правительству, исключая того, что царь разграбилъ Нарву; „однако нѣмцевъ оставилъ въ покоѣ.“ По этому всѣ лежащія передо мною копія пропускаютъ этотъ вставочный рассказъ. Его приводитъ только древній манускриптъ, который находится во владѣніи у пастора донтора Веньямина фонъ Бергмана въ Руйнѣ. Также и магистровъ,

начиная съ Отто фонъ Ротенштейна, онъ пропускаетъ, съ замѣчаніемъ: „*illi hic non enumerantur, illos igitur alibi legere licebit*“.

и затѣмъ разсказъ продолжается слѣдующимъ образомъ:

Въ 1330 году магистромъ ливонскимъ былъ Эбергардъ фонъ Монгеймъ, который велъ войну съ архіепископомъ рижскимъ. Есть много описаній того, какъ нѣкоторые братья ордена со своими родственниками, а также и члены капитула со своими сторонниками нанесли рижскимъ бюргерамъ и женамъ, какъ и ихъ дѣтямъ много брани, сердечнаго горя и позора, такъ что имъ не было прохода; поэтому то они много разъ думали мстить за такое насиліе, пока дѣло не дошло до открытой войны. Тогда рижане сдѣлали набѣгъ на Динаминдъ, гдѣ они знали, что укрываются нѣкоторые изъ тѣхъ, которые чинили такія насилія и безчинства въ городѣ, и они сожгли форштатъ подъ Динаминдомъ и многихъ убили, также взяли въ плѣнъ много народу, принадлежавшаго ордену.

Это до того раздосадовало магистра, что онъ осадилъ городъ, такъ что лишилъ его всякаго подвоза, и жители не могли достать ни какихъ съѣстныхъ припасовъ и терпѣли большой голодъ и нужду, пока наконецъ не послѣдовали внушенія лангмейстера (ландмаршала), и чрезъ его посредничество не просили о помилованіи. Но магистръ былъ сильно озлобленъ на городъ; однако, переговоры смягчили его, когда горожане пришли и пали ему въ ноги и умоляли о помилованіи; они должны были сдать Ригу магистру и ордену со всѣмъ имуществомъ, и должны были разломать свои ворота и стѣны на 30 сажень и дать проѣздъ магистру съ его свитками, также передать ему всѣ свои привилегіи, права и вольности. Это случилось въ 1330 году въ день св. Гертруды. Когда все это совершилось, тогда магистръ даровалъ имъ другія привилегіи и вольности со своимъ помилованіемъ и велѣлъ построить крѣпкій замокъ со стѣнами и башнями.

Во времена этого магистра отъ Ливоніи отпали острова, а также и Эзель, и саманты сильно возстали. Ради этого магистръ просилъ великаго магистра Рудольфа Кенига, чтобы онъ воспрепятствовалъ нападенію самантовъ и пошелъ бы имъ на встрѣчу съ имѣвшимися у него 17000 человекъ; магистръ же въ это время снова покорить потерянные для него острова. Великій магистръ обѣщалъ это исполнить, и дѣйствительно отправился со всѣми своими людьми къ самантамъ; между тѣмъ получается извѣстіе, что саманты хотятъ идти на Самландію. Поэтому онъ воротился назадъ, занявъ Самландію и ожидая тамъ самантовъ; но послѣдніе пошли на Ливонію, разрушили замокъ Каркусъ, разсыпавшись на 50 миль къ окружности по странѣ, убили множество народа и увели многихъ съ собою.

Магистръ жаловался на то, что великій магистръ погубилъ

его и его землю, что очень не понравилось прїѣзжимъ членамъ ордена, а также и его братьямъ. Великій магистръ отъ печали помѣшался, навесъ себѣ рану въ голову и затѣмъ умеръ. Впрочемъ онъ былъ мужъ благочестивый и богобоязненный и не особенно любилъ войны, почему еще при жизни въ 1341 году онъ заключилъ вѣчный миръ съ королемъ польскимъ Казиміромъ, и король гостилъ у него въ Торенѣ 5 дней.

Магистръ Эбергардъ фонъ Монгеймъ отправился затѣмъ въ Россію, опустошилъ и сжегъ все, что встрѣтилъ на своемъ пути, убилъ и взялъ въ плѣнъ множество народа и возвратился домой. Послѣ этого король литовскій пришелъ въ Ливонію съ большими силами, магистръ ополчился и далъ ему большое сраженіе. Тутъ король былъ сильно раненъ, и было убито 500 знатнѣйшихъ литовцевъ и русскихъ, остальные обратились въ бѣгство.

Король же обвинялъ боговъ и говорилъ «Они насъ оставили.» Изъ христіанъ были убиты два члена ордена и 40 человекъ воиновъ. Послѣ этого магистръ Эбергардъ предпринялъ походъ въ Самаитенъ съ большимъ войскомъ противъ Добрингена и Цикутена, которые наносили ордену много вреда. Онъ убилъ болѣе 1200 язычниковъ, взялъ въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, опустошилъ и сжегъ множество деревень, и возвратился домой съ большою добычей.

Тогда король самаитскій заключилъ миръ съ магистромъ и орденомъ и они жили безо всякаго раздора. Наконецъ магистръ предпринялъ еще одинъ походъ противъ язычниковъ, въ мѣстность называемую Пунилленъ, жители которой наносили ордену много неприятностей. Въ то время стояла такая жестокая зима, какой не бывало на человѣческой памяти, такъ что замерзло много христіанъ и язычниковъ, и холодъ до того былъ великъ, что одинъ рыцарь сказалъ: «если бы я былъ римскимъ императоромъ, то отдалъ бы половину моего царства за теплую комнату, и 10 талеровъ за пару перчатокъ»; тогда нашли много людей мертвыхъ въ селѣхъ. Хотя магистръ и возвратился невредимъ и побѣдителемъ домой, но многіе братья умерли отъ холода, а много другихъ отморозили себѣ руки и ноги. Это случилось въ 1344 г.

Когда Эбергардъ фонъ Монгеймъ состарѣлся и ослабѣлъ, то испросилъ увольненіе отъ должности магистра и поселился на жительство въ Целлигѣ, въ Пруссіи, и оставилъ Ливонію и другія земли ордена въ положеніи, исполненномъ чести и славы.

Въ 1495 году магистромъ ливонскимъ былъ избранъ Волтеръ фонъ Плеттенбергъ, онъ былъ принятъ императоромъ Карломъ V въ число князей римской имперіи и выхлопоталъ у императора то право, которое имѣли ливонскіе магистры отъ ленной зависимости великимъ магистромъ прусскимъ. Онъ умеръ въ 1535 году въ воскресенье Осулі, а управлялъ до 41-го года.

Между тѣмъ какъ въкоторое время царилъ сравнительный миръ между членами ордена, архіепископомъ и другими членами канцлуда и владѣльцами земель — начались снова притѣсненія и разныя безчинства противъ бюргеровъ по городамъ; отсюда озлобленіе въ городахъ противъ прелатовъ и ихъ дерзкую челядь увеличивалось все болѣе и болѣе, пока наконецъ городъ Рига возмущася, и изгнать изъ своихъ предѣловъ прелатовъ съ ихъ дерзкой челядью, и затѣмъ въ 1485 году замокъ Рига былъ разрушенъ и разнесенъ до основанія. Прелаты однако скоро соединились съ орденомъ, обложили городъ Ригу и принудили къ договору, по которому жители въ 1496 году должны были начать снова отстраивать замокъ съ большими тягостями, и должны были дать одинъ ключъ отъ городскихъ воротъ, который выходять въ замокъ, придворному эконому замка, ради магистра, другой же ключъ остался у города. Въ это время архіепископомъ былъ Михель Гиллебрандъ, сынъ ревелскаго бюргера, а магистромъ былъ Іоганъ Фрейтагъ, который осаждалъ городъ; но его преемникъ Волтеръ фонъ Плеттенбергъ покорилъ городъ и окончилъ войну; его портретъ еще и теперь находится въ рижскомъ замкѣ надъ замковыми воротами, онъ изображенъ съ мечемъ и съ крестомъ.

Вскорѣ послѣ этого примиренія окончился срокъ заключеннаго мира между Ливоніей и московитомъ. Тогда московить проникли въ Ливонію, что въ Ливоніи завелись такіе несчастные раздоры и ужасы, и подумалъ по евангельскому слову, что царство, раздѣлявшееся само въ себѣ не можетъ долго устоять. По этой причинѣ онъ захотѣлъ poradѣть о своей выгодѣ, и сталъ сильно настаивать, чтобы ливонцы платили ему дань. Но какъ замѣтно изъ всѣхъ обстоятельствъ, то онъ, наказавъ уже погородскую контору, и здѣсь нашелъ причину отомстить за то, что въ Ревелѣ одного московита поймали въ содомскомъ грѣхѣ и сожгли, также и другаго, который чеканилъ фальшивую монету: за то что были наказаны такіе нестерпимыя преступленія, онъ повелѣ открытую войну съ ливонцами, полагая, что теперь было самое настоящее время покорить Ливонію. Для этой цѣли онъ собралъ многочисленное войско и вошелъ въ Ливонію; грабить, убивать, жечь и доходить до Магольма, въ 3 миляхъ отъ Везенберга и въ 12 миляхъ отъ Нарвы; онъ остановился на чистомъ полѣ, гдѣ стояла маленькая церковь, называвшаяся крестовой часовней, это будетъ на разстояніи 2 миль отъ морскаго берега. Здѣсь то впервые увидѣлъ московить магистра Волтера фонъ Плеттенберга съ его членами ордена и войскомъ, идущимъ со стороны Феллина. Первымъ дѣломъ онъ приказалъ отслужить обѣдню въ этой часовнѣ, и войны на полѣ вокругъ часовни пали на колѣна и просили Бога и пресвятую Дѣву Марію о побѣдѣ. Послѣ этого московить приготовились на открытомъ полѣ къ битвѣ со множествомъ народа. Тогда магистръ приказалъ распустилъ свое знамя и убѣждалъ своихъ братьевъ и

войновъ, и приступилъ къ кровавой борьбѣ. Они бросались на враговъ съ мужествомъ, и такъ битва началась утромъ въ 9 часовъ, и продолжалась до вечера, и было такое кровопролитіе, что маленькія рѣчки съ того дня еще нѣсколько дней спустя были окрашены кровью и въ то время погибли 6 братьевъ ордена, одинъ за другимъ. Когда драгоцѣнный герой Волтеръ фонъ Плеттенбергъ ударилъ на непріятеля со своими храбрыми рыцарями и героями, такъ что не одинъ лишился зрѣнія и слуха, тогда московиты бросились подъ заячье знамя, а кто не могъ убѣжать, того убили, и магистръ тамъ приобрѣлъ большую славу, почести и много добычи. Впослѣдствіи онъ къ вѣчное воспоминаніе, на славу Божию, велѣлъ построить церковь недалеко отъ вышеупомянутой часовни, во имя св. Маріи, которую еще можно видѣть и до сего дня; въ ней ежегодно приносилось благодареніе Богу за эту великую побѣду. На этомъ мѣстѣ магистръ оставался три дня и приказалъ похоронить съ христіанскими церемоніями своихъ убитыхъ въ битвѣ войновъ, а раненымъ доставилъ по возможности хорошій уходъ, для лѣченія. Эта кровавая схватка происходила въ 1301 году. Въ эту войну московиты совершали ужасныя варварства и опустошенія по всей Ливоніи, такъ что было убито и уведено въ плѣнъ до 40,000 человекъ. Послѣ этой славной, достопамятной побѣды магистръ Волтеръ фонъ Плеттенбергъ снова ополчился со своими братьями ордена, чтобы идти московиту на встрѣчу, въ виду того, что ему донесли о новыхъ воинственныхъ сборахъ московита, который собирается отомстить со всѣми своими силами за претерпѣнный имъ уронъ. Но магистръ предварительно заключилъ союзъ съ литовскими соседями, такъ что они должны были доставить ему помощь. Это они обѣщались исполнить; но не явились. Не смотря на это христіане наѣзались болѣе на помощь всемогущаго Бога, нежели на свои силы. Хотя московиты и привели въ десятеро больше людей, и христіане такъ сражались, что между ними не было ни одного, который не былъ бы достоинъ получить званіе рыцаря; потому что они оборонялись до того рыцарски, что наконецъ сражались на колѣняхъ. Здѣсь Господь Богъ ясно показалъ, что онъ и непотимъ противъ многихъ можетъ даровать побѣду, потому что московиты обратились въ бѣгство не иначе, какъ ослабы; ихъ поразило громомъ, и откровенно говорили: «это должно быть черти, а не люди». Такъ величіе Божіе еще должно было слышать кощунство отъ своихъ враговъ.

Х Когда же московиты проиграли и эту вторую битву, онъ пожелалъ подъ Псковомъ завязать переговоры о мирѣ. Магистръ на это согласился, а между тѣмъ раненые были перевязаны и вмѣстѣ со многими изъ знатнѣйшихъ убитыхъ были отпращены въ Ливонію водою, чтобы погребсти тамъ убитыхъ, между ними находился и единственный братъ моей бабушки Арендъ Волкенгааръ, членъ ордена,

родившійся въ усадьбѣ моего отца, и похороненъ въ первой церкви за алтаремъ, нѣа его еще и теперь находится на его памятникѣ.

Московскіе послы, прибывъ изъ Пскова къ магистру съ совершеннымъ полномочіемъ, стали говорить такъ, хотя государь ихъ, великій князь, и имѣлъ не маловажныя причины къ войнѣ, такъ какъ вопреки прежнимъ, древнимъ крестнымъ цѣлованіямъ и мирнымъ грамотамъ означенная въ нихъ дань не была выплачена, кромѣ того нанесено ему еще такое оскорбленіе, что его людей сожгли въ Ревелѣ, и изъ за этого пролито теперь такъ много невинной крови; но дабы магистръ видѣлъ и зналъ, что и великій князь во избѣжаніе дальнѣйшаго пролитія христіанской крови склоненъ согласиться на своеое соглашеніе и миръ, поэтому они, послы, отпущены съ достаточными полномочіями и наличными кредитивами, чтобы искать мирныхъ предложеній, однако съ сохраненіемъ его, великаго князя, настоящихъ правъ. По выслаушаніи ихъ предложеній, магистръ повелѣлъ отвѣтить. За невинно пролитую кровь дать отчетъ тотъ, кто подалъ къ тому поводъ, такимъ образомъ уже многіе заплатили своей кровью по справедливому приговору Божию; что великій князь хочетъ также и изъ Ливоніи присвоить себѣ ту дань, то этой дани ему никогда съ нихъ не слѣдовало, хотя бы въ древнихъ мирныхъ грамотахъ о ней и упоминалось; потому что онъ не имѣетъ права, и не можетъ его доказать, что такую дань по справедливости можетъ требовать, и чтобы кто либо въ Ливоніи былъ обязанъ ему подчиняться; потому то такая причина не могла быть поводомъ къ кровопролитію.

Если онъ полагаетъ, что ему нанесено было оскорбленіе тѣмъ, что наказаны были такіе содомскіе грѣхи, за которые самъ Господь покаралъ огнемъ съ неба Содомъ, Гоморру, Адаму и Сеговию, и что лучше бы эти грѣхи оставить безъ наказанія — то пусть великій князь вѣрить, что его Богъ наказалъ за такія мысли двумя претерпѣнными великими пораженіями. Всѣмъ придется предстать предъ однимъ судьей, которому должны будутъ отдать отчетъ; какъ поступилъ онъ здѣсь -- хорошо или худо, пусть заявитъ онъ это въ своемъ мѣстѣ. И дабы великій князь видѣлъ, что онъ (магистръ) также мало ищетъ повода къ дальнѣйшему кровопролитію, какъ и прежде, то онъ охотно согласенъ на христіанскій миръ, если только миръ будетъ своеенъ.

Затѣмъ магистръ со своимъ совѣтомъ приказалъ составить условія мира и доставить ихъ посламъ въ 54 пунктахъ, на основаніи которыхъ онъ будетъ согласенъ на миръ; по истеченіи 6 дней онъ требовалъ отвѣта да или нѣтъ. Послы отправили эти пункты къ великому князю, на большую часть которыхъ онъ согласился. Одинъ пунктъ, который находился въ древнихъ крестовыхъ записяхъ, онъ непремѣнно хотѣлъ опять вставить въ договоръ, потому что его

предки никогда не позволяли опустить этотъ пунктъ, что за нимъ остается дань православія. Когда же изслѣдовали, что это была за дань, то въ древнихъ договорахъ и записяхъ не нашли другихъ свѣдѣній, кромѣ того, что на московскихъ границахъ нѣкоторые крестьяне имѣли привычку держать нѣсколько ульевъ по ту сторону границы; изъ которыхъ они давали ежегодно владѣльцамъ земли сообразуясь съ количествомъ меда, выпадавшего за тотъ годъ. Нѣкоторые полагали также, что и отъ ливонскихъ язычниковъ, прежде ихъ обращенія въ христіанство, онъ получалъ благодарность изъ нѣкоторыхъ мѣстъ. Какъ бы тамъ ни было, на этотъ разъ миръ былъ заключенъ и подписанъ такимъ образомъ. Тогда магистръ запечаталъ двѣ записи и цѣловалъ крестъ по древнему обычаю мирныхъ записей и оставилъ заложниками двухъ изъ пословъ, а съ записями отправилъ къ великому князю двухъ членовъ ордена съ великокняжескими послами, для подтвержденія записей крестнымъ цѣлованьемъ. Великій князь охотно это исполнилъ и оставилъ у себя одну записъ, другую же отдалъ членамъ ордена, затѣмъ подавъ имъ руку и пожелавъ магистру многая лѣта, хорошо угостилъ ихъ и приказалъ ихъ проводить обратно къ магистру. Тогда съ обѣихъ сторонъ было великое ликованье и радость, и магистръ приказалъ хорошенъко угостить великокняжескихъ пословъ, которые оставались заложниками, оказалъ имъ почести, и съ благословеніемъ отпустилъ домой. Тогда изъ Пскова они прислали магистру въ знакъ уваженія всякаго провіанту и напитковъ, кромѣ того послали изъ города всякихъ припасовъ, пока онъ черезъ три дня не снялся съ мѣста со всѣми своими силами и не отправился въ Ливонію съ великою славой, почестями и похвалою, это произошло въ 1502 году.

Послѣ этой войны и присягой подтвержденнаго мира съ московитомъ Ливонія пользовалась довольно спокойными временами около 35 лѣтъ, въ продолженіи этого времени оба города и земли оправились и стали процвѣтать.

Въ 1523 году въ Ливонію проникло ученіе Лютера, и по городамъ и деревнямъ выступили лютеранскіе проповѣдники, какъ Тегетмейеръ, Штербель, Андрей Кнапкенъ и многіе другіе, которые съ большимъ рвеніемъ противорѣчили папѣ и осуждали его догматы по мнѣніямъ Лютера изъ Библии, чрезъ что въ общинѣ возникли всякіе раздоры и озлобленія, пока лютеране не овладѣли церковью, и не изгнали изъ нея папистовъ.

Въ 1527 году рижскій капитулъ избралъ архіепископомъ Оому Шенинга, сына бургомистра Іоганна Шенинга. Онъ же выбралъ себѣ коадъ-юторомъ брата герцога Альбрехта прусскаго, маркграфа бранденбургскаго Вильгельма, чтобы послѣдній впослѣдствіи былъ его преемникомъ.

Магистръ Генрихъ фонъ Галенъ и городъ Рига, также и нѣ-

которые изъ членовъ капитулы полагали, что избирать коадьюторомъ архіепископа (для того, чтобы онъ былъ впоследствии преемникомъ), особу изъ такого высокаго званія; магистръ совмѣстно съ сословіями жаловался на это, но ради мира, на этотъ разъ они дали свое согласіе, потому, что рассчитывали такъ странѣ маркграфъ не нанесетъ ущерба, такъ какъ онъ особа знатнаго рода, къ тому же онъ племянникъ по сестрѣ королю польскому Сигизмунду Августу; это подавало надежду, что между короной польской и Ливоніей водворится тѣмъ болѣе единодушіе и хорошія отношенія, прежде чѣмъ истечетъ срокъ мира съ московитомъ.

Но магистръ со своими владѣльцами и городами Ригой въ особенности настаивали и сохранили за собою оговорку, что такой неосмотрительный выборъ безъ ихъ согласія впредь не долженъ имѣть мѣста, да притомъ еще изъ такого высокаго званія, дабы впоследствии изъ того не произошли безвременныя послѣдствія.

Но маркграфъ Вильгельмъ, будучи утвержденъ архіепископомъ и состарѣвшись со временемъ, забылъ или не хотѣлъ обращать вниманія на сдѣланное предостереженіе, и снова избралъ себѣ въ коадьюторы своего родственника изъ княжескаго мекленбургскаго дома, дабы онъ былъ его преемникомъ, и еще при своей жизни призвалъ его въ страну, и далъ ему для жительства одинъ изъ крѣпкихъ монастырскихъ замковъ, Трейденъ. Послѣ этого магистръ со своими приверженцами и магистратомъ города Риги, просили маркграфа Вильгельма, чтобы онъ удалилъ избраннаго имъ коадьютора изъ страны, потому что они боялись какъ бы этотъ знатный господинъ не сталъ слишкомъ могущественъ и не изгналъ бы совершенно ихъ ордена. Такъ какъ маркграфъ противился исполнить ихъ просьбу, то они съ магистратомъ города Риги стали вербовать людей и осадили маркграфа Вильгельма въ Кокегузенѣ, который и принужденъ былъ сдаться имъ въ плѣнъ въ 1556 году. Послѣ этого они и герцога Кристофа также взяли въ плѣнъ. Когда узналъ объ этомъ Сигизмундъ, король польскій, то какъ дядя маркграфа Вильгельма, со стороны матери, онъ сталъ собираться на войну, чтобы освободить обоихъ князей изъ заточенія. Магистръ Вильгельмъ фонъ Фюрстенбергъ, съ товарищами, предвидя большую опасность, которая имъ грозила, повели дружескіе переговоры съ королемъ Польши, на веденіе которыхъ король и согласился и назначилъ для этого магистру дѣль и мѣсто въ Литвѣ, именно въ Посвольдѣ.

Когда магистръ и его союзники прибыли туда въ 1557 году, то король рѣзко обвинялъ его въ томъ, что предшественникъ его нанесъ таяніа оскорбленія особамъ княжескаго дома. Это дѣло, однако, послѣ многихъ оправданій и трактатовъ, было улажено такъ, что магистръ долженъ былъ просить у короля извиненія съ земными поклономъ и возратить свободу обвинимъ особамъ царскаго рода на

публичномъ ландтагѣ въ Ливоніи, что и произошло въ Вольмарѣ, затѣмъ архіепископъ отправился въ Ригу и послѣ проповѣди въ соборѣ сѣлъ на свой тронъ на высокомъ амвонѣ, гдѣ прежде того еще магистратъ просилъ у него прощенія. Сидя онъ подавъ членамъ магистрата руку и отвѣчалъ въ нѣсколькихъ словахъ: «они могли бы повести это дѣло иначе и т. д.

Когда магистратъ отошелъ, эльтерманъ большой гильдіи Яснеръ Ронбергъ и эльтерманъ малой гильдіи также держали рѣчь и просили: чтобы ихъ княжеское высочество пребывали оттодѣ въ милости къ ихъ доброму городу, и ничѣмъ бы не воздавали за происшедшее, во оставались бы какъ и прежде ихъ милостивымъ княземъ и повелителемъ. Они съ своей стороны опять будутъ оказывать всегда его княжеской милости должное подданическое послушаніе и вести себя какъ вѣрнымъ подданнымъ подлежать.

Тогда архіепископъ всталъ, подавъ старшинамъ руку и отвѣчалъ. «любезные старшины и вѣрные мои, мы принимаемъ извиненіе милостиво, ради доброй паствы, мы впрочемъ хорошо знаемъ двоедушныя сердца. Мы общаемъ, что старшины и вся община ничего отъ насъ не увидятъ кромѣ отеческой милости и доброты. Затѣмъ онъ всѣмъ подавалъ руку, въ особенности старшинамъ, сошелъ съ амвона и отправился въ архіепископское подворье.

(Окончаніе въ слѣдующемъ томѣ.)

ДОКУМЕНТЫ

къ исторіи присоединенія Ливоніи къ Польшѣ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Во 2-й части лѣтописи Руссова (см. Приб. Сб. II, 344—404) уже было достаточно подробно изложены событія, повлекшія за собою распаденіе орденскихъ и епископскихъ владѣній въ Ливоніи, и было уже замѣчено, что виленскій договоръ о подданствѣ, подписанный 28 ноября 1561 г., и жалованная грамота, извѣстная подъ именемъ привиллегіи Сигизмунда Августа и подписанная въ тотъ же день въ Вильнѣ, составили главное основаніе всѣхъ правъ и преимуществъ нынѣшней Лифляндіи и Курляндіи.

Въ виду первостепенной важности этихъ документовъ, содержаніе ихъ передается здѣсь въ переводѣ съ латинскаго языка по тексту, напечатанному въ сочиненіи Гильзена: „*Infanty w dawnych swych i wielorakich az do wieka naszego dziejach i rewolucyach*, 1750, стр. 112 и слѣд. — Переводъ этотъ сдѣлалъ преподаватель греческаго языка въ рижской Александровской гимназій Г. А. Мичевецкій.

Не излишне здѣсь привести въ дополненіе къ сказанному уже о распаденіи Ливоніи въ лѣтописи Руссова слѣдующія подробности.

Первые два похода войскъ Іоанна Грознаго поставили Ливонію дѣйствительно въ отчаянное положеніе. Важные города ея, Дерптъ и Нарва, находились уже въ рукахъ московскаго царя, московскіе воеводы приглашали уже магистра покориться Москвѣ, русскія войска уже появились въ земляхъ рижскаго архіепископства. Рижскій кафедральный пробогъ (протоіерей), Фридрихъ Фельмерзамъ, собралъ, по порученію рижскаго архіепископа маркграфа Вильгельма, небольшое войско и двинулся было противъ московитовъ, но при первой же встрѣчѣ съ русскими воеводами былъ разбитъ на голову и погибъ въ битвѣ. Въ орденской казнѣ не было ни гроша денегъ для найма жолнѣровъ — ибо деньги добытыя подѣломъ замковъ и земель уже были всѣ израсходованы. — Разложеніе пошло со всѣхъ сторонъ: орденскіе сановники первые подали примѣръ постыдной трусости и измѣны. Такъ везенбергскій фохтъ Гертъ фонъ Антератъ, фохтъ Нового Замка Дитрихъ фонъ деръ Штейнхиле, фохтъ Тольсбурга Генрихъ фонъ Каленбекъ, фохтъ Вейсенштейна Бернгартъ фонъ Шмертенъ бѣжали изъ своихъ замковъ, не видя даже непріятеля. — Ревельскій командоръ Францъ фонъ Цигенховенъ, по прозванію Ацель, сдѣлалъ ревельскій замокъ дѣтскому военачальнику, викарию

дворянину Христофору Монингаузену, и уѣхалъ въ Данію, не оповѣстивъ даже о томъ магистра.

Доведенный до крайности, орденскій магистръ послалъ просить помощи у императора Фердинанда. Помощи никакой не дано: императору было не до Ливоніи, его вниманіе всецѣло поглощали грозное положеніе, принятое турками, и вопросы церковные. Въ Ливонію пришелъ отвѣтъ, чтобы ливонцы обратились за помощью или въ Данію или въ Швецію — ибо „хотя воля наша и чиновъ священнои имперіи есть всюду бороться съ невѣрными, но не въ нашей силѣ охранять христіанство на всѣхъ пунктахъ, по причинѣ однихъ только турокъ“ (см. Бухгольца, *Geschichte Ferdinands I.*, VII, 404), — сказано было между прочимъ въ императорскомъ рескриптѣ.

Когда покоритель Дерпта, князь Шуйскій, потребовалъ сдачи Ревеля (Приб. Сб. II, 375) и свободнаго прохода въ Дерптъ иноземнымъ купцамъ, то находившіеся въ Ревелѣ представители ганзы отвѣтили князю (см. Генинга, 15), что Рига, Дерптъ и Ревель принадлежатъ къ числу 72 союзныхъ городовъ, по правамъ и уставамъ которыхъ имъ можно торговать только въ нѣмецкихъ ганзейскихъ городахъ; въ Нарвѣ же и другихъ городахъ, находящихся нынѣ подъ властію великаго князя московскаго, торговать имъ нельзя подъ опасеніемъ потери купеческихъ правъ. Если великій князь предприметъ какія либо непріязненные дѣйствія противъ Ревеля, то не получитъ ни единой ласта соленой рыбы и никакой другой вещи, ибо датскій король, которому Ревель подчинился 25 іюля, такъ могущественъ, что безъ его воли не явится ни одинъ корабль для торговли съ Москвою; король можетъ даже запретить англичанамъ доставлять товары московитамъ. Потому пусть великій князь заключить, при посредствѣ ганзы, миръ съ Ливоніей.

Шуйскій отвѣтилъ, что русскіе не нуждаются въ закорскихъ товарахъ, что датскій король не опасенъ, а Ревель скоро увидитъ подъ своими стѣнами русское войско.

Подобное посредничество ганзы, конечно, не могло повести къ чему либо путному, но столь же безуспѣшны были и посредничества Даніи и Швеции (Приб. Сб. II, 381). Волею неволею ливонцамъ приходилось обращаться къ Польшѣ.

7 ноября 1558 г. ливонскія сословія собрались въ Ригѣ на совѣтъ что дѣлать. Архіепископъ предложилъ отдаться подъ защиту короля польскаго въ томъ вниманіи, что герцогъ прусскій, находясь подъ охраною короля польскаго, „сидитъ въ мирѣ, какъ за каменной стѣной“ (Генинга, 14). — Король въ настоящее время находится на реймѣ въ Петровѣ, продолжаетъ архіепископъ, отправитъ къ нему депутатовъ съ надлежащими полномочіями договориться о помощи.

Рижане соглашались отправить посольство съ тѣмъ, однакоже, чтобы оно напомнило королю, что императоръ все таки есть протекторъ архіепископства рижскаго. Надобно, говорили они, поступать съ большею осторожностію, чтобы во 1-хъ, не пострадала наша вѣра, а во 2-хъ, чтобы императоръ и Германія не могли обвинять ливонцевъ въ измѣнѣ и вѣроломствѣ. Необходимо также обратить вниманіе короля на трактатъ 1557 г. (Приб. Сб. II, 362) и хорошо бы заключить наступательный и оборонительный союзъ со Швеціей.

Въ концѣ концовъ ливонцы рѣшились обратиться къ Польшѣ и въ февралѣ 1559 г. отправили въ Краковъ посольство, во главѣ котораго былъ Южа Гернеръ. Король принялъ пословъ, выслушалъ ихъ просьбы, но добился чего либо опредѣленнаго отъ Сигизмунда-Августа было не такъ-то легко. Дѣло было въ томъ, что помочь ливонцамъ значило ввязаться въ войну съ Москвою, а чины Короны воевать рѣшительно не хотѣли. слѣд. вся тяжесть будущей войны легла бы на одну Литву. Король отослалъ по-

словъ переговорить съ коронною радюю. Не надобно забывать, что при дворѣ Сигизмунда - Августа въ то время существовали двѣ партіи, соперничавшія между собою. Одна изъ нихъ, польско-католическая, во главѣ которой стоялъ подканцлеръ Паднѣвскій, не желала войны, другая, литовско-протестантская съ княземъ Радзивилломъ Чернымъ во главѣ, не прочь были померяться съ Москвою, ибо отлично понимала, что усиленъ только московское государство приобритіемъ Ливоніи, оно не замедлитъ обрушиться всѣми своими силами и на литовское княжество, какъ свою старинную родину. Сильные споры возникли въ коронной радѣ по ливонскому вопросу. Радзивиллъ Черный, желавшій, чтобы литовское великое княжество, лучше сказать, западная Россія не сдвигалась съ Кореною, заявилъ, что Литва и безъ Короны можетъ оборонить Ливонію. Коронные члены, оскорбившись такимъ заявленіемъ, постановили — не выѣзжать въ ливонское дѣло: пусть де литовцы разбираются съ нимъ, какъ знаютъ.

Во время этихъ бурныхъ преній, въ Краковъ прибылъ Кетлеръ, и инкриминируемый Радзивилломъ Чернымъ, сталъ усиленно хлопотать, чтобы король не покидалъ ливонцевъ. Король, послѣ отказа Короны выѣзжать въ ливонское дѣло, ничего не оставалось какъ уѣхать въ Литву, гдѣ положение его было совершенно другое, чѣмъ въ Коронѣ. Здѣсь литовскіе вельможи смотрѣли на ливонскій вопросъ съ другой уже точки зрѣнія, чѣмъ смотрѣли вельможи Короны, да и власть короля была больше, чѣмъ въ Коронѣ.

Изъ Кракова Кетлеръ хотѣлъ было ѣхать въ Вѣну (Геннингъ, 20), но какъ король уѣхалъ въ Вильну и назначилъ собраться туда литовскому сейму на 24 іюня 1559 г., потому и Кетлеръ, отправивъ къ императору своего уполномоченнаго, самъ тоже поѣхалъ въ Вильну. Здѣсь на сеймѣ и начались переговоры между ливонскимъ орденомъ и Литвою, какъ самостоятельную частію Рѣчи Посполитой. Кетлеръ ясно представлялъ, что собственный интересъ великаго княжества литовскаго требуетъ заступиться за Ливонію. Послѣ продолжительныхъ совѣщаній съ литовскими чинами, король рѣшился защищать Ливонію силами одной Литвы, такъ какъ Корона отказалась выѣзжать въ ливонское дѣло. Въ такомъ смыслѣ и состоялся 3 сентября трактатъ между ливонскимъ орденомъ и великимъ княземъ литовскимъ. Магистръ со всѣми подчиненными ему землями отдается подъ защиту короля съ условіемъ, однако, *non derogando Sacri Romani Imperii directo dominio*. Король получаетъ въ закладъ земли отъ литовскихъ границъ по Двинѣ до Ашерадена, а также замки Бовскъ, Розитень, Динабургъ и Зельбургъ съ ихъ волостями. Ливонцы остаются при своихъ правахъ и преимуществахъ; въ спорныхъ дѣлахъ будутъ обращаться къ королю, какъ въ высшей инстанціи, и пѣютъ право выкупить все заложенное за 600,000 гульденовъ, считая въ гульденѣ 24 литовскихъ гроша. За это король беретъ на себя и на своихъ преемниковъ обязанность защищать Ливонію до замиренія съ Москвою, сохраняя и позволяскій трактатъ 1577 г. (Приб. Сб. II, 352 и 386).

Къ этому договору приступилъ 15 сентября 1559 г. архіепископъ рижскій со своимъ коадьюторомъ, капитуломъ и сословіями (*ordines et status*), уступивъ королю замки Мариенгаузенъ, Лемшевардъ и дворы Бираенъ и Любавъ съ правомъ выкупить ихъ за 100,000 гульденовъ.

Кетлеръ, по заключеніи этого договора, немедленно же выѣхалъ изъ Вильны въ Ливонію; здѣсь орденскіе чины принесли ему присягу, какъ своему магистру, ибо Фирстенбергъ удаленъ отъ дѣлъ еще въ маѣ этого года (Приб. Сб. II, 379). Въ ноябрѣ истекъ срокъ перемирія съ русскими (Приб. Сб. II, 382) и Кетлеръ, заложивши Ренелю Кегельскій дворъ и замокъ за 30 тыс. талеровъ и нанявъ жолитровъ, открылъ глубокою осенью 1559 года военныя дѣйствія противъ московскихъ воеводъ. Удачи тогда не было; жол-

нѣры, не получая въ срокъ жалованья, бунтовали и наконецъ разбрелись въ разныя стороны (Приб. Сб. II, 378). Кетлеръ удалился въ Оберпаленъ, а русскіе не замедлили и съ своей стороны начать наступленіе.

1560 г. былъ едва-ли не самый несчастный для ливонцевъ. Московскіе воеводы, князья Шуйскій, Серебряный и Мстиславскій, около Крещенья 1560 г. вступили въ архіепископскія владѣнія, взяли Маріенбургъ, Шмилтенъ и, предавъ совершенному опустошенію земли въ Курляндіи, обратились въ Эстонию, нанесли ордену сильное пораженіе подъ Эрмисомъ (Приб. Сб. II, 387 и слѣд.), и наконецъ въ августѣ овладѣли сильною орденскою крѣпостью Феллиномъ (Приб. Сб. II, 393).

Къ довершенію несчастія ливонцевъ, въ Гарріенѣ и Викѣ обнаружилось возстаніе крестьянъ.

Польская помощь не появлялась. Прошлогодній виленскій сеймъ назначилъ собрать по 10 грошей съ сохи на содержаніе войска. На эти деньги снарядили кое-какое войско, вѣрили его начальству князя Александра Полубенскаго.

Полубенскій съ войскомъ, а Ходковичъ со шляхтою переправились чрезъ Двину, но вовсе не для помощи ордену, а лишь для занятія замковъ, переданныхъ королю по договору 1559 г.

Весь 1560 г. король провелъ въ Вильнѣ, занимаясь больше дипломатическими переговорами, чѣмъ приготовленіями къ войнѣ съ Москвою.

Извѣстно, что папы никогда не терли надежды присоединить къ латинству московское государство и хотя предшествовавшія попытки къ такому присоединенію не приводили ни къ какимъ результатамъ, но въ мартѣ 1560 г. папа Пій IV рѣшился снова завязать сношенія съ Москвою и пригласить чрезъ посла своего Іоанна Франциска Канобіо царя Іоанна Грознаго къ участію въ будущемъ вселенскомъ соборѣ. Съ вѣдома императора, Канобіо долженъ былъ ѣхать въ Москву чрезъ Польшу и папа поручилъ записать Сигизмунду-Августу, что будетъ стараться способствовать миру между Литвою и Москвою. Канобіо прибылъ въ Вильну, гдѣ партія литовско-протестантская, предводимая, какъ сказано выше, Радзивилломъ Чернымъ, имѣла особенную силу. Папскій нунцій Берардо совѣтовалъ послу въ 1-хъ не объявлять королю, что императоръ одобряетъ планъ папы привлеченія царя на соборъ, во 2-хъ обѣщать царю отъ имени папы всякую милость и помощь, но о Литвиніи выражаться очень осторожно, ибо папа могъ бы и уступить ее царю какъ край отступившій отъ вѣры католической, но объ этомъ не долженъ знать король. Затѣмъ Берардо совѣтовалъ послу войти въ дружескія отношенія съ Радзивилломъ Чернымъ. Но Канобіо именно этого послѣдняго пункта не исполнилъ, вошелъ въ связи съ польско-католическою партіею и съ императорскимъ посломъ Саурианомъ, находившимся въ Вильнѣ, обойдя Радзивила, и такъ этимъ раздражилъ послѣдняго, что онъ настроилъ короля не пропускать Канобіо въ Москву. Канобіо не пустили и тѣмъ разрушили планы папскаго двора на счетъ Москвы.

Съ вѣнскимъ дворомъ король Сигизмундъ — Августъ находился въ натянутыхъ отношеніяхъ по поводу споровъ о сизезской границѣ и по поводу таможенныхъ сборовъ, которыми нѣмецкіе чиновники облагали товары, идущія изъ Польши. Король хотѣлъ, чтобы императоръ заключилъ трехлѣтнее перемиріе съ королевскимъ племянникомъ Іоанномъ Сигизмундомъ Заолонемъ и уступилъ два графства, на что императоръ никакъ не соглашался. Натянутыя отношенія усилились еще ливонскими дѣлами. Императоръ поручилъ своему послу Сауриану записать Сигизмунду, что германскій сеймъ заботится уже обезопасить Литвинію отъ завоеванія, и что королю польскому необходимо сдерживать Москву впредь до прибытія нѣмецкой помощи. Король въ апрѣлѣ

1561 г. приказалъ отвѣтить, что для ливонцевъ дѣлается все возможное, но что императоръ крайне вредитъ дѣлу, дозволяя Любичу, Гамбургу и др. ганзейскимъ городамъ торговать съ Москвою въ Нарвѣ и привозить туда военные снаряды и оружіе. Выжестъ съ тѣмъ Саурману было заявлено, что послать въ Ливонію нѣмецкое войско крайне рискованно, ибо Ливонія разорена до тѣхъ и продовольствовать нѣмецкое войско тамошними средствами невозможно. Дѣло другое король: онъ можетъ снабдить свое войско запасами изъ Рюся и Гданьска. Потому лучше бы всего было, если бы императоръ войска не посылалъ, а деньги, предназначенныя на войско, придалъ-бы въ Вильну Саурману на подобное предложеніе не согласился.

Черезъ нѣкоторое время Радзивиль Черный заявилъ Саурману, что никакіе переговоры съ Москвою не помогутъ, что для обороны Ливоніи надобны не переговоры, а другія дѣйствительнѣйшія средства.

Въ Германіи, однако, никто и не думалъ помогать ливонцамъ. Тамъ считали ливонское дѣло потеряннымъ, и рѣчи о субсидіи были лишь пустыми фразами. Саксъ Саурманъ донесъ императору 26 мая 1561 г., что въ Ливоніи совершенно необходимо измѣнить форму правленія, что необходимо озаботиться, дабы страна эта перешла во власть какого либо христіанскаго государя, который бы благопріятствовалъ Австріи. но ни въ какомъ случаѣ Іоанна Грознаго, ибо государь этотъ, добившись моря, сдѣлается опаснѣе самихъ турокъ.

Время между тѣмъ шло да шло, и если бы московскіе воеводы были искуснѣе въ военномъ дѣлѣ и дѣйствовали бы въ 1561 г. рѣшительнѣе, то съ Ливоніей было бы покончено еще въ этомъ году. Но въ тожь то и дѣло, что московское правительство не воспользовалось благопріятными обстоятельствами, и не дѣйствовало съ тою быстротою, какая была необходима. Къ тому же, военное искусство въ московскомъ войскѣ стояло на очень низкой степени: съ многочисленнымъ, но неустроеннымъ войскомъ еще нельзя было брать такихъ прихорскихъ крѣпостей, какими были Рига и Ревель, а безъ вѣяній ихъ нѣтъ войны ни мало не достигались.

Какъ бы то ни было, но король Сигизмундъ, взявшись защититъ Ливонію, явился въ очень затруднительномъ положеніи: императоръ и имперскій сеймъ помогать не думали, посредничество не удалось влѣдствіе непронуска въ Москву Канобю, а въ литовской казѣ рѣшительно не было денегъ на наемъ войска, о пополнителѣ же рухнувшихъ вѣнъ нельзя было и думать, ибо король былъ обязанъ платить каждому шляхтичу, выступившему въ заграничный походъ, пять марокъ и вознаграждать убытки. Доходы короля въ Лятвѣ были не малые, но и расточительность короля — завтра была еще больше. — Не имѣя ни гроша денегъ, король попросилъ въ займы у гданчанъ 100.000 талеровъ. Гданчане долго колебались, но наконецъ дали съ условіемъ, что если эта сума не будетъ имъ возвращена къ 1568 г., то ее заплатить аббатство ольбукское, картуское, суковское и сарнивицкое.

Герцогъ прусскій Альбрехтъ старался нечески спасти Ливонію: онъ далъ въ займы магистру, подъ залогъ Гробина, 50000 гульденовъ, торопиль императора Фердинанда собрать общинные имперскіе сеймомъ 100000 гульденовъ (Приб. Об. II, 386), заключилъ 4 апрѣля 1560 г. наступательно-оборонительный союзъ съ Кетлеромъ, обѣщалъ королю добыть денегъ и людей. Но на его обѣщанія нельзя было положиться, ибо крайне было сомнительно, чтобы прусскіе сословія согласились дѣйствовать за одно со своимъ герцогомъ.

Трудно было обойтись королю безъ Короны, но въ Коронѣ именно и не хотѣли ввязываться въ войну — считали ливонское дѣло касающимся единственно Литвы. Старинная ризня между великимъ княжествомъ и Короною всплывала наружу. Пошелъ слухъ, что въ Коронѣ не хотятъ даже

пропустить солдатъ. нанятыхъ здѣсь кородемъ на его собственные деньги, подъ тѣмъ предлогомъ, что между императоромъ и Заполіемъ возникла война, въ которую могутъ вмѣшаться турки; слѣд. необходимо имѣть солдатъ на всякій случай для обороны собственныхъ предѣловъ. Но это была, конечно, одинъ предлогъ, ибо польскіе магнаты въ это самое время, безъ всякаго вѣдома и воли короля, снаряжали и отправляли экспедиціи въ Молдавію, чѣмъ ужъ прямо вызывали на себя опасность со стороны Турціи.

Все это обстоятельство объясняется до нѣкоторой степени, почему король — завтра ничего не сдѣлать для Ливоніи ни въ 1559, ни въ 1560 г.

Но вотъ лѣтомъ 1561 г. пришла вѣсть въ Вильну, что Ревель сдался королю шведскому Эрику, что шведы уже заняли этотъ городъ. Крѣпко встревоженный этою вѣстію король, оставивъ уже въ сторону мысль о привлеченіи Короны къ совместному дѣйствію, поручилъ старостѣ жмудскому Ходкѣвичу и воеводѣ троцкому Николаю Радзивилу Рыжему собирать литовское войско. А тутъ, въ іюнь, прибылъ въ Вильну ливонскій посолъ съ просьбою о немедленной помощи. Посолъ спросилъ Сауряна можно ли рассчитывать на помощь императора и сейма. Сауряна отвѣчалъ, что не можетъ сказать ничего опредѣленнаго и показалъ только послу императорское письмо къ приморскимъ городамъ. Радзивилъ Черный также спрашивалъ о томъ же Сауряна, и получилъ въ отвѣтъ, что императоръ ничего не можетъ рѣшить безъ вѣдома и воли имперскихъ князей, а ливонское же дѣло можетъ быть предъявлено обсужденію лишь на будущемъ сеймѣ. Очевидно, что на императора и на имперскій сеймъ рассчитывать было нельзя.

Между тѣмъ въ Вильну пришла новая вѣсть, что и датчане готовятся вступить въ Ливонію. Герцогъ прусскій съ своей стороны писалъ королю, что ревельцы отдались Швеціи, что Москва, Швеція, Англія и Любекъ предполагаютъ составить коалицію между собою, что любчане помирись со шведами, послали уже своихъ пословъ на коронацію Эрика, что на 12 корабляхъ привезли русскимъ оружіе въ Нарву, что заготавливаютъ для паря московскаго дѣсь на постройку военныхъ кораблей, присылаютъ ему знающихъ ремесленниковъ. Царь, Іоаннъ, писалъ герцогу въ заключеніе, рѣшительно хочетъ овладѣть Балтійскимъ побережьемъ, вслѣдствіе чего Рѣчь Посполитой грозитъ явная опасность.

Всѣ эти тревожныя извѣстія побудили Сигизмунда - Августа выйти изъ бездѣйствія: онъ послалъ въ Ливонію съ нѣсколькими тысячами всадниковъ Радзивилла Чернаго, въ качествѣ посла, чтобы побудить ливонцевъ соединить свои силы съ королевскими и принести замык и города въ оборонительное положеніе. Литовское войско между тѣмъ собралось и 2 августа Николай Радзивилъ Рыжій донесъ королю, что онъ перешелъ чрезъ Двину и что московское войско отступило предъ литовцами.

Король Сигизмундъ предполагалъ лично отправиться въ Ливонію, чтобы усилить литовское войско своею надворною пѣхотою и потомъ уже отправиться въ Корону. Но магнаты польскіе вовсе не хотѣли, чтобы король уѣзжалъ къ арміи, а напротивъ, безпрестанно звали короля прибыть въ коронныя земли. Не зная какъ быть и какъ поступить, король рѣшился остаться въ Вильнѣ и ждать тутъ, что ему напишетъ Радзивилъ Черный.

Когда Радзивилъ Черный прибылъ въ августѣ въ Ливонію — и сталъ лагеремъ подъ Ригею, то засталъ, что весь Вирландъ, феллинское и харіенбургское командорство и все епископство дерптское были уже въ рукахъ московскихъ воеводъ. Эрикъ занялъ уже Ревель; герцогъ Магнусъ занялъ епископство эзельское и курляндское и Витъ. Русскіе готовились къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ, шведы подкупали тайно мутли въ вѣстностяхъ, остававшихся еще вѣрными Кетлеру, а о Давидъ шла молва, что она по-

гаетъ Магнусу Магистръ и архіепископъ заявили Радзивиллу, что рѣшительно не въ состояніи ни выставить войска, ни ослабить замковъ гарнизонами. Жители независимой еще части Ливоніи колебались: одни склонялись на сторону Даніи, другіе на сторону Швеціи, иные на сторону Москвы, а иные на сторону Польши, но все единодушно обвиняли орденъ и сваливали на него вину всехъ несчастій, постигшихъ Ливонію. Орденскіе рыцари, ненавидимые всеми, желали въ свою очередь перемены образа правленія, желали отмены celibата и выбора наследственнаго государя для Ливоніи.

Радзивиллъ отлично понималъ положеніе дѣлъ и убѣдившись на мѣстѣ въ отчаянномъ положеніи Ливоніи и въ опасности, угрожающей литовскимъ владѣніямъ, если московское войско овладѣетъ Ригю и Черновымъ, рѣшился дѣйствовать вопреки уже воли и распоряженіямъ короля.

Стоя лагеремъ подъ Ригю, Радзивиллу не трудно было войти въ ближайшія сношенія съ знатнѣйшими ливонцами, съ архіепископомъ и магистромъ, не трудно было убѣдиться и въ томъ, что значительное число ливонцевъ не прочь были-бы въ качествѣ уже подданныхъ, а не союзниковъ, присоединиться къ королю. Порадовавшись съ архіепископомъ и магистромъ, Радзивиллъ назначилъ общій съѣздъ ливонскихъ сословій въ свой лагерь подъ Ригю. На съѣздъ этотъ прибыли: магистръ, архіепископъ, депутаты городовъ Риги. Вольмара и Вендена и депутаты всего рыцарства и дворянства (т. е. вассаловъ): Филиппъ Ольденбургскій, Іоаннъ Врангель Вайдемарскій, Оттонъ Гроттауъ, Валентинъ Ганке, Іоаннъ Фриденъ, Іоаннъ Плеттенбергъ, Александръ Нетельгорскій, Николай Валь, Іоаннъ Зумедингъ, Іоаннъ Анренъ, Кристофъ Роше, и Діонсій Гильзенъ. Съѣздъ этотъ (ландтагъ) состоялся въ самомъ началѣ сентября 1561 г.

Прежде всего Радзивиллъ спросилъ собраніе, какою образомъ оно думаетъ спасти остатки Ливоніи, когда, вмѣсто одного непріятеля, явилось нѣсколько, король же Сигизмундъ обязался дѣйствовать не противъ всехъ, а лишь противъ Москвы. Король, вслѣдствіе принятаго на себя обязательства, уже выслалъ войско противъ русскихъ, но ливонцы ровню ничего не сдѣлали. А великіе ливонскія сословія сами заявили, что если въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ не послѣдуетъ окончательнаго рѣшенія по переменѣ ихъ отношеній, то ихъ ожидаетъ совершенное уничтоженіе, потому онъ, воевода, готовъ отъ королевскаго лица высунуть желаніи и постановленія собравшихся здѣсь представителей края.

Представители ливонскихъ сословій очень хорошо видѣли, что нѣтъ выбора. Южная Ливонія была уже въ королевскихъ рукахъ, Гробинъ былъ уже заложенъ герцогу прусскому. Они очень хорошо понимали, что Рѣчь Посполитая Польская, какъ Корова такъ и Литва, есть обитованная земля для шлыхетства: прихѣвъ Пруссіи былъ у нихъ передъ глазами; дальнѣйшее существованіе ордена не имѣло уже никакого значенія, да и отъ кого можно было ожидать получить наиболѣе льготъ и всякихъ преимуществъ, если не отъ короля — завтра.

Нѣсколько дней судили и ридили. Архіепископъ первый предложилъ поддаться Сигизмунду Августу, непрочъ былъ поддаться и магистръ. Орденское рыцарство единогласно постановило избрать Кетлера своимъ господиномъ подъ верховнымъ главенствомъ короля польскаго. Архіепископъ, магистръ и др. сословія склонились признать короля своимъ государемъ. Рига колебалась, но въ концѣ концовъ согласилась на подданство королю, но подъ тремя условіями: 1) король обязуется освободить отъ присяги, присягнутой имперіи римской; 2) король утвердить все права и привилегіи Риги; 3) если Литва отойдетъ отъ Короны, то Рига имѣетъ право перейти либо къ

ней, либо къ другой сторонѣ, и даже къ какому либо другому государству (Хитреусъ, Saxonia XX, 328).

Крѣпко не нравились Радзивиллу рижскія условія. Исполнить первый пунктъ было нелегко при натянутыхъ отношеніяхъ между королемъ и императоромъ и при извѣстномъ уже принципѣ имперскаго сейма никогда не отказываться отъ правъ на какіе бы то ни было земли, хотя бы ни защитить, ни удержать ихъ въ вѣ повиновеніи было и не возможно. Второй пунктъ былъ очевидно вреденъ литовской торговлѣ, ибо рижане подъ пранами и привилегіями разужили прежде всего и больше всего право склада (*jus stapulae, droit d'etape, Stappel-Recht*), въ силу котораго никто, кромѣ рижскихъ купцовъ и бюргеровъ, не могъ продавать товаровъ, доставленныхъ въ Ригу, прямо заграничнымъ купцамъ. Не хорошъ былъ и третій пунктъ, ибо дозволялъ Ригѣ держаться собственной своей политики и владѣніи этимъ городомъ было нехорошо. Радзивиллъ долго не хотѣлъ согласиться на рижскія условія (онъ не желалъ унии съ Короною), въ особенности не хотѣлъ согласиться на третій пунктъ, но видя упрямство рижанъ и не желая, чтобы изъ за нихъ разстроивались все дѣла, согласился.

Обо всемъ объ этомъ Радзивиллъ написалъ 8 сентября 1561 королю обширное письмо. Въ письмѣ этомъ онъ оправдывался прежде всего въ томъ, что поступилъ вопреки данныхъ ему инструкцій. Ему поручалось лишь спасти остатки Ливоніи и отвратить опасность отъ литовскихъ предѣловъ, дѣйствуя согласно трактата 1559 г.; поручалось соединить ливонское войско съ латонскимъ и побудить ливонцевъ привести ихъ замки въ оборонительное положеніе. Онъ бы и дѣйствовалъ въ этомъ смыслѣ, если бы на мѣстѣ не убѣдился въ совершенной невозможности сохранить хоть тѣнь независимости Ливоніи. Онъ, Радзивиллъ, хорошо знаетъ, что король не гонится за чужими добромъ, не хочетъ спорить съ императоромъ и имперскимъ сеймомъ, но оставить Ливонію въ томъ видѣ, какъ она теперь, значить отдать ее Москвѣ и тѣмъ подвергнуть Литву величайшей опасности. Въ силу этихъ соображеній онъ, Радзивиллъ, и рѣшился поступить вопреки королевской инструкціи и повелѣ дѣло о подчиненіи ливонцевъ королю. Относительно Риги Радзивиллъ писалъ, что согласился на рижскія условія въ томъ вниманіи, что завладѣвъ Москва Ригею, куда приходятъ товары изъ Жмуди рѣкою Аа, и изъ Литвы и Руси Двиною, и откуда идутъ товары, совершенно необходимыя королевскимъ подданнымъ, тогда литовскому торгу придетъ конецъ. Соглашаясь на условія, онъ, Радзивиллъ, напомнилъ слова Яна Тарновскаго, говорившаго обыкновенно, что не дасть бы за Вильну и 10 грошей, если бы Рига досталась въ руки непріятеля (т. е. московскаго государства).

19 сентября прибылъ въ Вильну королевскій дворняжка Генрихъ Дона, посланный Радзивилломъ донести, что ливонцы подчинились королю и чрезъ мѣсяцъ явятся въ Вильну для принесенія присяги.

Не очень-то обрадовался король этой вѣсти (см. письмо Саурмана 22 сентября 1561 г.), быть можетъ, и отъ того, что предчувствовалъ какая тяжкая война предстоитъ Литвѣ изъ за принятія ливонцевъ въ свое подданство. Какъ бы то ни было, но король рѣшился не утѣшать изъ Вильны, ждать адѣсь прибытія ливонскихъ уполномоченныхъ, и потомъ уже съзвать королевскую раду въ Ложку, чтобы придти къ соглашенію съ польскими магнатами какъ на счетъ войны съ Москвою, такъ и насчетъ польскаго сейма, на обсужденіе котораго будетъ внесено ливонское дѣло. Король старался склонить на свою сторону магнатовъ Короны, но польскіе магнаты, по прежнему, и знать не хотѣли Ливоніи, отговариваясь, что не желаютъ нарушить ни перемірія съ Москвою (срокъ перемирія истекалъ въ 1562 г.), ни условій, заключенныхъ съ императоромъ и имперскимъ сеймомъ: Корона

просто не хотѣла ввязываться въ войну. Дѣло дошло до того, что коронный подканцлеръ запретилъ приложить коронную печать къ вѣрительной грамотѣ королевскаго посла, котораго король посылалъ къ поморскимъ князьямъ съ цѣлю занять у нихъ 100.000 талеровъ.

Между тѣмъ подъ Ригонъ 12 сентября 1561 г., состоялось послѣднее общее собраніе сословіи. Тутъ избрали пословъ къ королю (отъ дворянства: Реймпертъ Гильдесгеймъ, Юріи Франке, Генрихъ Платеръ, Іоаннъ Медемъ и Фабианъ фонъ деръ Буркъ; отъ городовъ: Падель, Уленброкъ, Шенебахъ, Кергофъ, Леманъ, Дортмундъ, эльтерманы Розендаль и Меке), и вручили имъ полномочіе на подданство Ливоніи Сигизмунду Августу. Послы прибыли въ Вильну 15 октября, съ ними пріѣхали магистръ съ дворянами и архіепископъ съ духовенствомъ.*

19 октября происходилъ торжественный пріемъ пословъ и за тѣмъ начались переговоры (Приб. Сб. II. 402) о подданствѣ. Они продолжались болѣе мѣсяца. Крѣпко хотѣлось посламъ сдать Ливонію королю во всей ея цѣлости, но Радзивиль рѣзко возражалъ, что договариваться можно лишь отъ земель еще свободныхъ, но никакъ не отъ земель, находящихся уже во власти Швеціи, Даніи и Россіи. Спорили долго, но наконецъ 28 ноября 1561 г. пришли къ окончательному соглашенію. Въ этотъ день король, въ присутствіи пановъ и шляхты литовской, подписалъ условія подчиненія и привилегію дворянству, два документа, послужившія основою всѣхъ правъ и привилегій Ляфляндіи и Курляндіи. Документы эти въ полномъ переводѣ съ латинскаго гласятъ такъ:

I.

УСЛОВІЯ ПОДЧИНЕНІЯ

между священнымъ королемъ Сигизмундомъ Августомъ и Готгардомъ
Кетлеромъ, магистромъ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, заключен-
ныя въ Вильнѣ, 28-го ноября 1561 г

(Pacta subjectionis, inter Divum olim Regem, Sigismundum Augustum,
et Gotthardum Kettlerum, Magistrum Teutonici ordinis in Livonia, Vilnae
d. 28 Novembr A. 1561 inita).

Божією милостью, мы Сигизмундъ Августъ, король польскій,
великій князь литовскій и проч. Объявляемъ сею нашею грамотою
всѣмъ и каждому, кому вѣдать надлежитъ.

Поединку земля ливонская, со стороны великаго княжества ли-
товскаго, связанная и соединенная съ нами и сосѣдствомъ и многими,
частью древними, частью новыми условиями и союзами, уже нѣсколько
лѣтъ разоряема была и почти до основанія потрясена жестокимъ ору-
жіемъ, пожарами и опустошеніями лютаго врага — москвитя, такъ
что ей грозилъ послѣдній конецъ, и ничего ей не предстоало, какъ
при первомъ же нападеніи онаго могущественнаго врага и тому, что
еще осталось въ рижскомъ округѣ и въ земляхъ магистра тевтонскаго
ордена быть уничтоженнымъ подобными ужасами и перейти въ же-
стокое рабство врага, подобно какъ уже перешла большая ея часть
отъ потери многихъ городовъ, замковъ, укрѣпленій и пр.: поединку
величайшимъ во всѣ стороны разореніемъ и опустошеніемъ отъ огня
и меча, ежедневными набѣгами и великими приготовленіями непріа-
теля для овладѣнія остатками ея, условія доведены до такой край-
ности и безвыходности, что никакимъ образомъ не могутъ собствен-
ными средствами и силами защитить свое положеніе и отвратить отъ

себя рабство и жестокость врага; послыку, затѣмъ, сіятельнѣйшій и именитый господинъ Готгардъ, магистръ рыцарскаго тевтонскаго ордена въ Ливоніи, дворянство, господа и всё сословія, видя всё свои домашніе планы разстроеными и себя оставленными чужою помощію, особенно же помощію священнаго цесарскаго величества и государствъ римской имперіи, и подвергаясь нападенію, съ моря и суши, даже отъ соседняго короля Швеціи, частыми гонцами и письмами отъ имени самого и отъ имени городовъ и прочихъ зависящихъ отъ магистра сословій Ливоніи излагали намъ постигшее ихъ бѣдствіе и тяжкую опасность, и со многими слезами умоляли о нашей помощи и зашитѣ, то мы, тронувшись состраданіемъ къ бѣдствующей области и любовью всего государства, а также чтобы положить конецъ насилию врага — варвара, поручили свѣдѣйшему велиможѣ, господину Николаю Радзивилу, князю на Олыкѣ и Нѣсвижѣ, воеводѣ виленскому и проч., вторично слѣзнить въ Ливонію и сперва вступить въ Ригу и тамъ начать переговоры какъ съ магистромъ, такъ съ сословіями и господами о способѣ защиты упомянутой области. А такъ какъ на этихъ переговорахъ для всѣхъ стало ясно, что если защита не будетъ предпринята общими силами поляковъ и литовцевъ, то подавить вражескую силу невозможно, а привести помощь поляковъ, безъ присоединенія Ливоніи къ Польшѣ, а не только къ одному великому княжеству литовскому, никоимъ образомъ невозможно, то — какъ всегда бывасть въ положеніи отчаянномъ и безвыходномъ, — дошли до того конца, что рѣшились на подданство; во имя чего какъ самъ упомянутый предводитель ордена, такъ и послы отъ сословій и городовъ предприняли путешествіе къ намъ.

Но такъ какъ, по прибытіи къ намъ въ Вильну вышесказаннаго предводителя ордена и послы отъ иныхъ сословій и городовъ, для заявленія, на точныхъ условіяхъ, подданства намъ, королевству польскому, великому княжеству литовскому, Русси, Прусси, Мазовіи и Самогитіи и прочихъ нашимъ владѣніямъ, мы не имѣли коніи съ (постановленія) польскаго сената, безъ котораго самое подданство со стороны королевства правильно и законно состояться не можетъ, то, по необходимости, разсужденіе объ этомъ дѣлѣ, со стороны королевства, понадобилось отложить до нашего отправленія въ Польшу. А чтобы между тѣмъ, пока это предложено будетъ сенаторамъ и сословіямъ нашего королевства и ими одобрено будетъ, бѣдствующую Ливонію, въ сомнительности и неизвѣстности положенія и безпомощности не предоставитъ послѣднему опустошенію врага и затѣмъ, въ случаѣ согласія отмѣнится, не дать ей поднасть тираніи и рабству или инымъ какимъ тяжкимъ условіямъ, чтобы они были увѣрены въ несохитѣльной нашей помощи и зашитѣ, а мы, съ своей стороны, въ ихъ твердой вѣрности и хотѣни, то, наконецъ, послѣ разныхъ и долгихъ переговоровъ между намъ и вышесказаннымъ предводителемъ

ордена и послами отъ иныхъ сословій и городовъ, сошлись на томъ, что отнынѣ, пока мы доставимъ что либо вѣрное о согласіи вельможъ королевства (Короны), оная Ливонія подчинилась и пребываетъ у насъ (лично), какъ короля Польши, в. князя Литвы, Руси, Пруссіи, Мазовіи, Самогитіи, какъ у господина и наследственнаго владѣтеля.

А поны мы откладываемъ этотъ вопросъ до будущаго въ скоромъ времени въ Мазовіи королевскаго сейма, до представленія сословіямъ королевства. уже на этомъ сеймѣ мы свято обѣщали и силою этой грамоты обѣщаемъ, чтобы заявленное подданство какъ выше-сказаннаго предводителя, такъ и его подданныхъ, сенаторами и прочими сословіями нашего королевства въ Польшѣ въ общеніи было принято и одобрено на общеніе или соединеніе съ королевствомъ, княжествомъ литовскимъ и прочими владѣніями, по заключенному здѣсь съ нами договору: обѣщаемъ, чтобы въ это время Ливонію всеми силами королевства, в. кн. литовскаго со вѣдѣн соединенными нашими владѣніями защищать и отражать какъ противъ московитовъ, такъ противъ всѣхъ иныхъ, пытающихъ враждебныя замыслы, а потерянные города и замки отнимать оружіемъ. Если же, противъ нашей надежды, чины нашего польскаго королевства не захотятъ согласиться на это подчиненіе Ливоніи и защищать ее соединенными силами на вышеназванныхъ условіяхъ, и Ливонія будетъ защищаться вышеназваннымъ образомъ одними вельможами Литвы, то съ того времени, какъ отнынѣ, она должна считаться соединенною и сплоченною съ силами великимъ княжествомъ литовскимъ.

Но такъ какъ въ условіяхъ подчиненія, между прочимъ, содержится то выговоренное отъ насъ предводителемъ ордена и его подданными и городами условіе, чтобы это подчиненіе намъ, королю Польши, в. кн. Литвы и иныхъ нашихъ владѣній, на которое они посягнули подъ вліяніемъ крайнихъ случаевъ и опасностей, не послужило для нихъ урокомъ и преступленіемъ передъ цесарскимъ величествомъ и иными сословіями германской имперіи, то мы съ доброй вѣрой обѣщаемъ и беремъ на себя пока будемъ вести дѣло съ сенаторами королевства о принятіи Ливоніи на вѣрность и подданство, приложимъ всякое стараніе и усердіе, черезъ пословъ или черезъ наши письма, чтобы довести и склонить мысли и волю цесарскаго величества и иныхъ сословій, и во первыхъ магистра тевтонскаго ордена въ Германіи, къ признанію необходимости сего дѣйствія. Если же это не можетъ быть достигнуто, то мы будемъ направлять всѣ силы на то, чтобы ни предводитель ордена, ни его подданные, отъ этого вынужденнаго подчиненія ни потерпѣли никакихъ уроковъ ни въ чести и добромъ имени, ни въ состояніи и имуществѣ, и отъ этого не подпали какой либо проскрипціи или инымъ преслѣдованіямъ: а если и подпадутъ, то мы предусмотримъ, чтобы это не послужило для кого либо публичнымъ или частнымъ преступленіемъ.

Кромѣ того, мы заѣмлемъ, какъ и сею грамотою свято заѣмлемъ, принимаемъ и общаемъ, что мы, какъ самому предводителю такъ и городамъ и подданнымъ, какого бы они ни были сословія или положенія, оставили совершенно свободное пользованіе въ своихъ церквахъ религіей и почитаніемъ Господа и принятыми обрядами по аугсбургскому исповѣданію, и неприкосновенное управленіе всеми церковными дѣлами, какъ это было у нихъ доселѣ, и никакихъ перемѣнъ дѣлать не будемъ и не позволимъ, чтобы дѣлаемы были другими.

Всѣ ихъ права, пожалованія, привилегіи, какъ свѣтскія, такъ духовныя — особенно дворянство, права инвеституры на союзное наслѣдованіе, свободу наслѣдства обоимъ половъ, старшинство, отличія, чины, владѣнія, вольности, домашнія сѣлки, приговоры и безповинности мы утверждаемъ, какъ и полное право давать судъ по старымъ законамъ, порядкамъ и обычаямъ.

Но тѣмъ дворянамъ и мѣщанамъ, которые, силою настоящаго договора съ его свѣтлостію, отдаются непосредственно нашей власти, мы даемъ право обратиться къ нашему вице-королю Ливоніи или къ сенату, сепаторамъ и нашимъ судьямъ, которые будутъ поставлены нами въ г. Ригѣ, и выбраны общимъ голосомъ рыцарскаго сословія, т. е. членами тевтонскаго ордена и ливонскаго дворянства, и притомъ выбраны не отъ кого другаго, какъ изъ туземцевъ, хорошо осѣвшихся жителей этой области, именно, изъ дворянъ, вассаловъ и городскихъ старшинъ, членовъ ордена, десѣло отдавшихся, съ измѣненіемъ правленія, этой области. Причемъ, нашимъ подданнымъ рыцарскаго и городского сословія, дастся индальція безразлично, по усмотрѣнію саяма индальирующаго, обращаться ли къ намъ непосредственно, или посредствомъ вице-короля и вышесказаннаго нашего сената. Тѣ же, которые получили вѣдѣнію сказаннаго предводителя ордена и, по силѣ его власти, будутъ ему подчинены и у него останутся, тѣ будутъ обращаться только къ одному предводителю; но въ случаяхъ и предметахъ особенной важности рыцарскому сословію будетъ дозволено обращаться отъ своего предводителя къ областному сейму земель ливонскихъ, по старому обычаю.

Кромѣ того, мы общали и сею грамотою общаемъ, что подданныхъ оной области оставимъ при нихъ германскихъ начальникахъ (магистратахъ) и пр.; почему должностныя мѣста, предѣлательства, судейскія мѣста, бурмистерства и т. п. будемъ предоставлять не кому иному, какъ людямъ германской націи и языка, и притомъ туземнымъ жителямъ, по примѣру земель Пруссіи. И что согласуется или будетъ согласоваться съ общественной или частной пользою всѣхъ и каждаго на основаніи права и вольностей, сею грамотою и документами мы подтвердимъ и не какое либо уменьшеніе во всемъ этомъ будемъ дѣлать, а скорѣе, отъ нашей королевской милости, приращеніе

и увеличеніє, какъ отнынѣ самимъ дѣломъ, силою настоящей грамоты, закрѣпляемъ, одобряемъ, умножаемъ, ратификуемъ, свидѣтельствуемъ и подтверждаемъ, и отнынѣ и впредь должны будемъ подкрѣплять и утверждать для всякихъ людей въ частныхъ случаяхъ и публичныхъ, когда къ тому милостиво побуждены будемъ. Такимъ же образомъ, мы поставимъ нашихъ начальниковъ и въ остальныхъ городахъ Ливоніи, подчинившихся нашей власти. Однакоже, на время военныхъ смуть, близкими къ непріятелю и подлежащими опасности замками мы будемъ управлять черезъ начальниковъ всякой націи и языка безразлично, коихъ мужество, вѣрность и преданность намъ извѣства будетъ, по такъ, что они не будутъ ни во что вѣшываться, ничего не будутъ предпринимать, или приказывать и указывать, что не будетъ относиться къ защитѣ городовъ или замковъ, а если они усмотрятъ что либо направленное ко вреду нашему или государства, о томъ будутъ намъ доносить и приложить мужество, чтобы отсюда не произошло ущерба для насъ и для государства. Но суды, дѣлопроизводство и право меча какъ надъ мѣщанами, такъ надъ дворянами будутъ въ распоряженіи городскихъ магистратовъ и начальниковъ замковъ, безъ всякаго отношенія къ военному положенію. И, по возстановленіи желаннаго мира, начальствованіе во всей области мы предоставимъ не кому иному какъ туземцамъ языка и племени германскаго.

Далѣе, сіятельному господину, магистру Ливоніи, какъ измѣнившему правленіе по совѣту рыцарскаго сословія и по нашему одобренію, мы, ради того, чтобы онъ, опираясь на союзъ и дружбу владыкъ, имѣлъ болѣе твердости и силы противъ враговъ этой области, пожалуемъ титулъ *герцога*, по примѣру свѣтлѣйшаго господина герцога прусскаго, со всѣмъ достоинствомъ, отличіями и герцогскими привилегіями, чтобы онъ былъ нашимъ васаломъ и феодальнымъ владѣтелемъ, какъ мы отнынѣ его свѣтлость признали за нашего васалла, будемъ принимать за такового и принимаемъ.

А чтобы, съ своей стороны, его свѣтлость зналъ достоверно, прежде чѣмъ мы увѣдаемъ волю сенаторовъ нашего королевства и прежде чѣмъ послѣдніе согласятся въ этомъ съ сенатомъ нашего великаго княжества литовскаго, — какою частью Ливоніи отъ насъ и нашихъ преемниковъ его свѣтлость долженъ феодально владѣть и пользоваться съ исходящими потомками мужескаго пола, то мы, — независимо того, что самое жалованіе вотчинами и формальное признание титула, отличій и почестей теперь состояться не можетъ и должно быть отложено до нашего возвращенія изъ Польши, — сіи нижеписующіе замки, округа и староства со всѣми правами въ вотчинное владѣніе уступили и уступаемъ и владѣніе надъ ними его свѣтлости признали, предоставили и предоставляемъ во первыхъ, протяженіе Курляндіи и Семигаліи, начиная отъ самаго моря и сѣ-

дуя вверхъ по рѣкѣ Илѣ до старой границы, означенной и указанной Радзивилломъ, между Самогитіей, Литвой и Россіей съ одной стороны и Ливоніей съ другой, до рѣки Двины, до полоцкаго округа, и затѣмъ возвращаясь по Двинѣ до самаго моря, и притомъ такъ, что все, что есть въ этихъ границахъ по сю сторону Двины, къ Литвѣ, и принадлежало ливонскому ордену, отнынѣ и навсегда будетъ оставаться у его свѣтлости и его наслѣдниковъ мужескаго пола, именно, господскіе дворы, помѣстья и дворяне подъ крѣпостью Динабургомъ, по сю сторону р. Двины, къ Литвѣ, замокъ Зельбургъ съ цѣлымъ округомъ, и господскіе дворы, дворяне и все что принадлежало замку Аперладу; замокъ Баускъ, Нейгутъ со всѣмъ принадлежавшимъ до замка Кирхольма; замки Миттавъ, Туккумъ, Нейбургкъ, Добленъ, Кандовъ, Альсвангенъ, Шрундень, Фровенбургъ, Цабель, какъ и тѣ замки которые намъ заложены въ суммѣ 80,000 Гольдлингенъ, Газенпотъ, Дурбенъ, Виядавъ. А замокъ Гробинъ, заложенный за 50,000 сятельнѣйшему Альберту, маркграфу браденбургскому, герцогу прусскому, мы выкупимъ у самого свѣтлости господина герцога прусскаго; долгъ этотъ снимаемъ съ его свѣтлости и употребимъ стараніе, чтобы при первомъ случаѣ замокъ Гробинъ освободить отъ залога и отдать во владѣніе его свѣтлости. Такимъ же образомъ и замокъ Бауско мы выкупимъ изъ владѣнія и пользованія преподобнѣйшаго и сятельнѣйшаго владѣтеля, господина рижскаго архіепископа, и приложимъ стараніе, чтобы владѣніе этимъ замкомъ передано было его свѣтлости до праздника Пасхи. По съ другой стороны Двины мы уступаемъ его свѣтлости одинъ замокъ Динаминдъ (Дювеиунда) пожизненно.

Для себя же и для пресвѣтлыхъ нашихъ преемниковъ, мы, силою настоящаго соглашенія съ его свѣтлостью, принявъ за основаніе оказанную защиту и помощь, которая еще и теперь требуется, многіе труды и опасности, предпринятые нами при совершенно отчаянномъ положеніи Ливоніи, оставляемъ для себя все пространство и всю остальную область по ту сторону Двины во первыхъ и прежде всего, замокъ и городъ Ригу, со всѣми, что въ ней съ давнихъ поръ было, съ правами, властью и собственностью, съ чистой и смѣшанной властью, полученной отъ римскихъ императоровъ, каковую намъ его свѣтлость уступилъ и предназначилъ, какъ и сею грамотою уступаетъ и отказываетъ, и отъ покорности, какую предъ его свѣтлостью соблюдалъ городъ Рига, освободилъ, и долженъ будетъ освободить и объявить объ этомъ освобожденіи отъ покорности предъ нашими, который будетъ посылать, легатомъ публично открытою грамотою, или инымъ какимъ образомъ, хотя бы оный городъ ему воспротивился; и всѣ документы, пріученные по этому дѣлу отъ римскихъ императоровъ не замедлитъ передать намъ, а самый городъ, и все прочее, что слѣдуетъ, передаетъ, какъ и передалъ силою этой грамоты, на-

шей власти и единому и соединенному нашему владѣтельству, потому что благополучіе и сохраненіе этого города составляет благополучіе и сохраненіе всей области, а отъ потери его грозитъ крайняя гибель области и постоянная, вѣрная и неизбѣжная опасность состоятъ нашимъ владѣніямъ. Однакоже въ городѣ Ригѣ и въ замкѣ, для веденія городскихъ дѣлъ и иныхъ должностей, мы не допустимъ кого либо изъ людей постороннихъ или иноплемennыхъ или припадыхъ, но только туземцевъ германскаго и ливонскаго языка и племени.

При этомъ мы поставимъ одного начальникомъ замка, вѣдающаго военное и гарнизонное дѣло, другаго, бурмистра, для вѣдѣнія городскихъ дѣлъ, который будетъ избранъ изъ сословія старшинъ этого города и нами утверждень, по примѣру города Гданска; оба они будутъ обязаны предъ нами особою присягою намъ, королю польскому, великому князю литовскому.

Слѣдующія города и замки, староства, округа и волости къ намъ поступившія, состоявшіе доселѣ во власти ордена замки Кирхольмъ, Ашерадъ, Динабургъ, расположенные во берегу Двины; Розитень, Лутценъ, Трикатень, Ермись, Гелметъ, Каргусъ, Вейсестень со всей Іервіей, замокъ и городъ новая Парковія, Сара, Ругія, Буртнекъ, замокъ и городъ Вольмаръ, Венденъ, Вольфордъ, Арріесъ, Зегевальтъ, Шуень, Юргенбургъ, Нитовъ, Лембургъ, Родерппеусъ, Неймоде. Затѣмъ владѣнія, которыя поступили во власть врага, но будутъ отняты нашимъ оружіемъ, герцогство Эстонія, дерптское епископство, на сколько оно имѣетъ отношенія къ его свѣтлости, со всѣми дворянами, васаллами, дворами, имѣніями и всѣмъ принадлежащимъ къ нимъ хозяйствомъ. Обо всѣхъ этихъ извѣстныхъ лицахъ, оставшихся отъ тевтонскаго ордена, а также о совѣтникахъ и другихъ заслуженныхъ, передъ ливонскимъ государствомъ, мужахъ, мы, по своему мнѣнію и усмотрѣнію, соблюдши выборъ и геометрическую пропорцію, позаботимся и сдѣлаемъ для нихъ уступки; но всѣ крѣпости оставляемъ во власти нашей и нашихъ пресмниковъ.

Относительно особы сіятельнаѣйшаго господина магистра, который всегда выказывалъ особенную къ намъ вѣрность и преданность и передъ прочими относился съ особеннымъ стараніемъ къ нашему правленію, мы желаемъ оказать ему съ нашей стороны такую же милость и признательность, и посему пожалуемъ его званіемъ нашего „наместника“ со всѣми прерогативами въ замкѣ и городѣ Ригѣ, какъ сею грамотою пожаловали, чтобы онъ пребывалъ въ Ригѣ и вмѣстѣ съ другими нашими сановниками, чинилъ судъ и правду, для чего мы, въ свое время, положимъ и назначимъ ему опредѣленную плату.

Сверхъ того, между нами и его свѣтлостію состоялось соглашеніе, чтобы Магнусъ, свѣтлѣйшій герцогъ голштинскій, согласился на обитіе Бурлинскаго епископства на Зонненбургскій замокъ и

дворы Леаль и Гаубель, для чего мы приложимъ стараніе, чтобы его свѣтлость вмѣстѣ со всей Курляндіей владѣлъ также и епископствомъ Курляндскимъ.

Дабы его свѣтлость не имѣлъ съ сосѣднимъ споровъ и затрудненій относительно неразмѣченныхъ границъ, мы королевскою нашею властью приложимъ стараніе, чтобы въ самое скорѣйшее время обозначены были концы по смыслу договоровъ позвольскаго и послѣдняго виленскаго, и чтобы повсюду на сосѣднихъ мѣстахъ установлена была точная граница, и пока нейтральныя части не должны никому наносить убытковъ и не возбуждать споровъ и затрудненій.

Такъ какъ протяженіе Двины, вверхъ и внизъ, составляетъ границу между нами и его свѣтлостью, то справедливость требуетъ, чтобы его свѣтлость пользовался половиною рѣки для рыбной ловли и другихъ удобствъ, а если есть какіе острова или протоки, то они должны принадлежать той сторонѣ, къ которой ближе.

Такъ какъ этой шестилѣтней войной истощены силы его свѣтлости, какъ и курляндскаго дворянства, особенно же тѣхъ округовъ, которые у насъ останутся, то мы соглашаемся, по освобожденіи его свѣтлости и дворянства отъ тяжестей войны, чтобы они выказывали и выполняли только то, что могутъ удобно и по своимъ средствамъ. Но въ другое время порядокъ будетъ такой, какъ у его свѣтлости господина герцога прусскаго.

Дабы его свѣтлость не былъ стѣсненъ жителями Гданска и Риги по поводу лежащихъ на немъ долговыхъ обязательствъ, то мы нашимъ королевскимъ посредничествомъ постараемся, чтобы его свѣтлость былъ освобожденъ отъ долговъ на нашу милость или же уплатилъ ихъ не прежде, какъ это будетъ для него удобно. Точно также и горожанамъ Вендена, Вольмара, Пернова, по чистой нашей королевской милости и щедрости, мы окажемъ нѣкоторую помощь въ уплатѣ ихъ долговъ присылкой имъ хлѣба и другихъ потребностей.

Мы уступаемъ также сѣятельному господину магистру право чеканить монету, по вѣсу и стоимости литовской монеты, чтобы и употребленіе ея было смѣшанное и безразличное какъ въ Литвѣ, такъ въ Ливоніи, но желаемъ, чтобы на одной сторонѣ было вытиснено наше изображеніе или знамя королевства и великаго княжества литовскаго, на другой изображеніе его свѣтлости.

Если его свѣтлости понадобится что продать, заложить или обмѣнять, то для этого мы уступаемъ его свѣтлости право и свободу, такъ однакоже, чтобы сперва намъ и нашимъ преемникамъ свѣдѣніемъ было донесено объ этомъ и намъ предоставлено предпочтеніе, буде пожелаемъ сами вступить въ таковое соглашеніе; буде же нѣтъ, его сѣятельству вольно вступать въ соглашеніе съ кѣмъ хочетъ.

Когда герцогство Эстонія вмѣстѣ съ городомъ Ревелемъ, по сдѣлкѣ ли какой справедливой и нашего имени достойной или воен-

нымъ способомъ, будетъ опять возвращено, то мы приложимъ стараніе, чтобы его свѣтлости была уступлена справедливая часть или имѣніями или деньгами, съ назначеніемъ военныхъ расходовъ, буде таковыя потребуются для такой цѣли противъ пресвѣтлаго короля Швеции, прежде всего отъ насъ.

Военныя орудія, которые остаются у насъ съ переходомъ замковъ и городовъ, по окончаніи войны и соразмѣрно съ количествомъ и качествомъ, будутъ вами возвращены.

Но еврейскъ, во всей Ливоніи, никакой торговли, откуповъ или арендъ никогда не позволимъ.

Мы приложимъ еще стараніе, чтобы на время нашего отсутствія изъ нашего великаго княжества литовскаго, пока мы въ Польшѣ будемъ вести дѣло о подчиненіи Ливоніи въ отношеніи королевства, Ливоніи, какъ для защиты крѣпостей и городовъ, которые потребуютъ того и для которыхъ это будетъ нужно, такъ и для отраженія неожиданныхъ нападений непріятеля на всякій случай снабжена была и ограждена необходимыми военными силами.

Все это вмѣстѣ и порознь мы клятвою обѣщали сказанному предводителю ордена и посламъ отъ иныхъ сословій и городовъ области свято и верушимо. Съ своей стороны предпоятель, за себя и за своихъ подданныхъ, и послы отъ прочихъ сословій, всего дворянства и городовъ, публичною присягою обязали себя на вѣрность верушимо, какъ и сею грамотою обязываютъ, что отъ сего времени и впредь въ этой вѣрности, желаніи и послушаніи, разъ намъ изъясненныхъ, постоянно будутъ оставаться и брѣвно держаться, какъ подобаетъ вѣрному вассалу и подданнымъ, подчинившимся нашему правленію и власти. Мы же, равнымъ образомъ, приняли на себя и сею грамотою, вмѣсто нашихъ королевской присяги, принимаемъ онато предводителя благоволеніемъ и покровительствомъ, а его и нашихъ подданныхъ нашею королевскою ласкою и милостью сопровождать, украшать и умножать. Во свидѣтельство сей грамоты, на вѣрность, къ ней привѣшивается наша печать. Дано въ Вильнѣ. 28 дня мѣсяца ноября, въ годъ господень 1561-й, царствованія же нашего въ 32-й.

II.

ПРИВИЛЕГІИ,

данныя дворянству священнымъ королемъ Сигизмундомъ Августомъ,
при подчиненіи всей Ливоніи.

(Privilegia Nobilitati a Divo olim Rege. Sigismundo Augusto, circa subjectionem universae Livoniae, indulta.)

Божією милостію, мы, Сигизмундъ Августъ, король польскій, великій князь литовскій, русскій, прусскій, мазовецкій, самогитскій, ливонскій и пр., господинъ и наслѣдственный владѣтель. Увѣдомляемъ сею грамотою всѣхъ, кому вѣдать надлежитъ и впредь надлежать будетъ.

Послику ливонская область поражена и опустошена тяжелой и продолжительной войной съ Москвою и многими бѣдствіями, и большая часть ея перешла во власть враговъ; посліку потери многихъ городовъ, замковъ и укрѣпленій, величайшимъ во всѣ стороны разореніемъ и опустошеніемъ отъ огня и меча, постоянными набѣгами и обширными приготовленіями непріятеля, для овладѣнія остатками Ливоніи, сословія ея доведены до такой крайности и безвыходности, что удержать свое положеніе и защитить себя отъ рабства и отъ жестокости врага собственными силами и средствами никоимъ образомъ не могутъ, то снательнѣйшій и преосвященнѣйшій господинъ *Вильгельмъ, рижскій архіепископъ*, маркграфъ бранденбургскій, князь Штеттиніи, Помераніи, Кашубовъ и Вендовъ, воевода Руэна, бургграфъ Норинберга, а также снательнѣйшій господинъ *Готгардъ Кетлеръ, магистръ рыцарскаго тевтонскаго ордена въ Ливоніи*, всѣ чины и сословія Ливоніи и послы отъ городовъ, находя всѣ свои домашнія средства исчерпанными, и себя чужой помощью оставленными, и полагая великую надежду на насъ и на наше подданство, по зрѣломъ разсужденіи и по всеобщему и публичному согласію, передали себя и свою область въ нашу вѣрность и владычество, и на послѣдующія времена къ нашему подданству и господству, по образу земель Пруссіи, присоединили и сплотили.

По сему мы, тронувшись опасностію, бѣдствіями, опустошеніемъ и рабствомъ соединенной съ нами союзами и сосѣдствомъ области и считая нашею обязанностію, какъ христіанскаго правителя, не допустить народъ и область христіанскаго имени до избіенія, опустошенія и порабощенія варварскимъ и жестокимъ врагомъ, принимаемъ ихъ на нашу вѣрность и подданство, кнѣвой вѣрностію и обязатель-

ствомъ мы къ соблюденію въ правахъ, свободѣ, благополучіи и всякихъ выгодахъ всего намъ подданнаго и подвластнаго обязываемъ себя и считаемъ для себя повиннымъ.

Но явившееся къ намъ среди прочихъ сословій оной области Ливоніи, для заявленія и признанія нашего подданства, все сословіе рыцарей, именно, самое дворянство — туземные жители по сю и по ту сторону Двины, чрезъ своихъ вѣрныхъ пословъ и уполномоченныхъ, дворянъ же доктора правъ Ремперта Гилзема, Григорія Фрале, Фабіана изъ Борхъ, Генрика и Іоанна отъ Медгемъ, прибывшихъ съ достаточнымъ и утвержденнымъ печатями многихъ дворянъ изъ всей области Ливоніи наказомъ своего полномочія, униженно и покорно ходатайствовали предъ нами, отъ имени своего и всего ливонскаго дворянства, объ утвержденіи ихъ правъ, вольностей, привилегій и льготъ, и при этомъ представили на письмѣ точныя главы или артикулы, и достолично и настоятельно умоляли насъ всѣ ихъ пункты, статьи и уговоры одобрить, подтвердить и утвердить; каковыхъ главъ или артикуловъ изложеніе, отъ слова до слова, за симъ слѣдуетъ и есть такое

I. Первое и прежде всего, ваше священное и свѣтлѣйшее величество, нашего милостивѣйшаго господина, нашей свободы защитника и свободителя, на коего полагаемъ всю надежду и вѣрность нашей свободы, съ достолюбовой покорностью, именемъ нашимъ и всего ливонскаго дворянства, просимъ, дабы *религія* оставалась для насъ священной и неприкосновенною, и съ нею евангельскія и апостольскія писанія чистѣйшей церкви, никейскаго собора; и въ аугсбургскомъ исповѣданіи, пока мы его соблюдаемъ, да никогда никакими предписаніями или исправленіями или измѣненіями, церковными или свѣтскими, да не отягощаемся и не слушаемся. Если же что случится сверхъ ожиданія, то мы да остаемся при нашей религіи и нашихъ обычныхъ обрядахъ, по уставамъ священнаго писанія, предписывающаго болѣе повиноваться Богу, чѣмъ человѣкамъ, отъ котораго никомъ образомъ отринуть себя да не допустимъ. Если же станутъ произрастать ереси, коихъ творецъ оный злой духъ, то для обсужденія и уничтоженія таковыхъ да приглашаются евангелическіе и апостоліческіе ученые мужи чистѣйшей церкви аугсбургскаго исповѣданія.

II. За симъ, дабы существующія *церкви* поддерживались, упавшія возстаковлялись, а не обезпеченные благодетелями чистаго евангелія, учителями или проповѣдниками и ихъ почтеннымъ ходатайствомъ дабы обезпечивались отъ щедротъ священнаго королевскаго величества; а если гдѣ цѣвъ или фундуши отняты или въ запрещеніи окажутся, то чтобы возвращены были или же вознаграждены равнозначащею цѣною.

III. *Бѣдныя* да не будутъ оставлены въ презрѣніи, потому

что попеченіе о нихъ мы признаемъ такое же, какъ и о религіи. Такъ какъ намъ хорошо извѣстно, до какой крайности дошли люди бѣдные, которые сдѣлались такими изъ богатыхъ именно отъ ужасовъ этой войны, то мы всекорно просимъ, чтобы разрушенныя *богатства* и завѣщанныя имъ имущества были восстановлены, и гдѣ прежде таковыхъ вовсе не было, устроить и оларить королевскими милостями и щедротами, какъ отъ нашего князя, такъ и отъ священнаго королевскаго величества. Тогда Христосъ, который признаетъ это для него сдѣланнымъ, подастъ вашему королевскому величеству большее счастье и большую славу въ управленіи царствами и областями.

Такъ какъ, къ нашему прискорбію, пораженные этой войной многія *одовы*, послѣ убитыхъ мужей и отцовъ, и *дъвоуки*, лишенные родителей, доведены до такой нужды, что едва имѣютъ чѣмъ жить, то мы усердно просимъ заботы о нихъ, прежде всего, возложить на пріюты безбрачныхъ дѣвицъ, чтобы наиболѣе пострадавшія и бѣднѣйшія вдовы и дѣвицы, лишенные мужей и родителей, были приняты въ эти пріюты и снабжены необходимой вишей и платьемъ, до тѣхъ поръ, пока избѣрутъ безбрачную жизнь или пожелаютъ святаго брака. И къ этому нужно видѣть не частное благо безбрачныхъ дѣвицъ или начальницъ таковыхъ, но благо общее.

* Точно также да будутъ поступлено и съ *монашескими общежитіями*, если таковыя будутъ переданы изъ рукъ враговъ вашему королевскому величеству, ради бѣдныхъ и дряхлыхъ стариковъ и сиротъ, лишенныхъ родителей и отцовскаго имущества, гдѣ они могутъ кормиться, воспитываться и обучаться гуманнѣйшимъ наукамъ съ величайшей пользой для государства. Тогда въ сказанныхъ общежитіяхъ восстановлена будетъ древняя форма тѣхъ коллегій, изъ которыхъ могутъ быть получены, когда наступитъ необходимость, славныя орудія церкви и государства.

IV Такъ какъ ничто болѣе не колеблетъ и не потрясаетъ государства, какъ перемѣна законовъ, нравовъ и обычаевъ, то ваше священное королевское величество, провидящимъ и по истинѣ божескимъ совѣтомъ, признали за благо — хорошо сложенное государство не только сохранить, но и павшее восстановить, обѣщавъ чрезъ снѣтельнаго и вельможнаго воеводу и господина, князя на Олыкѣ и Нѣсвижѣ, налатина виленскаго, нашего милостивѣйшаго господина, Николая Радзивилла, вельможамъ, дворянству, городамъ и сословіямъ Ливоніи, предложенной грамотой полномочія и наказа вашего свѣдѣйшаго королевскаго величества, не только *германское управленіе*, но и особенныя германскія права намъ уступить, оставить и утвердить, что весьма важно какъ для сохраненія существующаго, такъ и для исправленія и восстановленія упавшаго порядка. А дабы определенное общее областное право, котораго будутъ держаться всѣ област-

ные жители, составлено было сіюю вашего священнаго королевскаго величества изъ обычаевъ, привилегій и общественнаго мнѣнія, то мы еще и еще просимъ, чтобы для этого дѣла, по усмотрѣнію вашего величества, назначены были извѣстные и въ юриспруденціи искусные мужи, чтобы они формулировали и составили таковое *областное право* и, по согласію всѣхъ сословій ливонскаго государства, представили вашему священному королевскому величеству для прочтенія, утвержденія и обнародованія.

V. Дабы отличія, должности и староства давались только *туземцамъ* и притомъ хорошо осѣдлымъ, по примѣру земель прусскихъ, какъ это намъ обѣщано именемъ королевскаго величества, и дабы намъ письменно сообщалось, кто, когда и куда назначается.

VI. Хотя мы не можемъ отрицать права апелляціи въ королевскій трибуналъ и видѣть высшую силу въ верховномъ судѣ святи. королевскаго величества, и это не въ нашемъ обычаѣ, однако полагаемъ, что ради пользы и удобства мѣстныхъ жителей ваше священное королевское величество, съ общаго желанія и одобренія вашего королевскаго величества, можетъ найти и установить иной путь, болѣе близкій къ цѣли, чтобы, по причинѣ неудобства путей и крайней отдаленности мѣсть или по причинѣ бѣдности неимущихъ, поступившія въ суды тяжбы не велись розно, и чтобы это не подавало повода нечестнымъ богатымъ и другимъ недобросовѣстнымъ людямъ къ притѣсненіямъ. Потому мы признаемъ за благо, чтобы въ городѣ Ригѣ, какъ метрополіи цѣлой области, ваше священное королевское величество назначили опредѣленныхъ *судей*, или своихъ сенаторовъ, выбранныхъ нашимъ рыцарскимъ сословіемъ изъ туземцевъ и утвержденныхъ вашимъ величествомъ, чтобы они, разъ или два раза въ годъ, въ установленное время, собирались въ Ригу и разбирали жалобы, по указу вашего величества; и уже послѣ приговора сената вашего величества, въ случаяхъ и въ предметахъ величайшей важности, подавались бы апелляціи въ трибуналъ вашего величества, на имя вашего величества, какъ нашего верховнаго и наслѣдственнаго господина, и притомъ подавались бы также изъ римской архіепископін, какъ и изъ владѣній вашего величества и сіятельнѣйшаго господина магистра, т. е. изъ всей области. Но чтобы пресѣчь напрасныя и пустыя жалобы, долженъ быть установленъ противъ напрасно жалующихся принудительный *штрафъ*, такъ чтобы заводящіе тяжбу безъ справедливаго, законнаго и достаточнаго основанія, какъ совершившіе уже проступокъ, штрафовались десятой частью тяжбы, откуда одна половина поступить въ фискъ вашего величества, другая — въ пользу обжалованнаго.

VII. Такъ какъ истинно королевская слава и величіе состоятъ въ томъ, чтобы никого не допустить до малѣйшей обиды, каждому отдать то, что его, а что у него есть умножить богатствомъ своихъ

щедротъ, то именемъ вашего священнаго королевскаго величества всѣмъ и каждому, отъ имени которыхъ мы посланы были, великодушно общано было, что *грамоты на пожалованныя имѣнія и ленныя слободныя*, утвержденныя печатами акты, аренды, обычныя владѣнія, привилегіи, вольности и все что присвоено и поступило во владѣніе отъ пользованія продолжительнымъ временемъ, все это будетъ удержано нерушимо и подтверждено, а если что, у всѣхъ и каждого, отъ пользованія можетъ быть увеличено, то и это отъ королевскихъ щедротъ будетъ вновь даруемо. И какъ за таковой королевской лаской, милостью и благоволеніемъ мы слѣдуемъ съ покорнымъ сердцемъ душъ нашихъ, то съ такимъ же усердіемъ мы готовы будемъ заслужить это всѣмъ нашимъ благосостояніемъ, жизнью и здоровьемъ.

По сему мы, съ подобающей униженной покорностью, просимъ, чтобы все вышесказанное не только осталось за нами, но такъ какъ въ Ливоніи издавна очень многіе пользуются правомъ заключить домашніе договоры по имуществу между своими родственниками и другими фамиліями, то чтобы эта привилегія, отъ высокой ласки, милостью уступлена была вашимъ священнымъ королевскимъ величествомъ, какъ блистательная ваша королевская щедрость, и всѣмъ прочимъ, т. е. всему дворянству, равно какъ и тѣмъ, кто останется подъ господствомъ господина магистра и прочихъ владѣтелей, какъ и тѣмъ кто будетъ непосредственно въ подданствѣ вашего священнаго королевскаго величества, чтобы во всѣхъ ихъ феодальныхъ имѣніяхъ, которыми они владѣютъ и которыми такимъ или инымъ образомъ — по личной милости, или по контракту — владѣть будутъ, оставалось право составлять и заключать домашніе договоры по имуществу не только между родственниками и свойственниками, но и между другими, посторонними фамиліями и обществами, т. е., чтобы мы имѣли свободную и всеобщую власть располагать нашимъ имуществомъ, давать, дарить, продавать, отчуждать и обращать на призванную пользу, не испрашивая согласія вашего величества или другого кого высшаго.

УІІІ. Если случайно, во время этихъ военныхъ бѣдствій, отъ грабежа, огня или отъ другаго случая, у кого либо *грамоты* или документы на привилегіи, вольности и прочія льготы и обязательственныя записи потерялись или уничтожились или пропали, то чтобы таковыя священнымъ королевскимъ величествомъ не только *замѣнены были новыми*, коль скоро безспорная наслѣдственность и постоянное владѣніе будутъ стоять ясно, но да не лишатся и самихъ плодовъ отъ потерянныхъ въ этой военной смутѣ обязательствъ тѣ, кто силою двухъ или трехъ свидѣтелей можетъ подтвердить, что таковыя записи у нихъ были, а съ противной стороны, иными письменными документами, ничего не будетъ извѣстно объ уплатѣ, учетѣ или уловленіи.

IX. Ливонскихъ дворянъ и вельможъ ваше св. к. в—во да удостоиваетъ дѣлать участниками всѣхъ почестей, сановъ, правъ, вольностей и прерогативъ, какими доселѣ пользуются и наслаждаются бароны и знать королевства польскаго, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, по формѣ и по образу, но которыми получаютъ таковыя привилегіи, подвластные в. св. к. в—ву.

X. Какъ подданные княжества Эстоніи, Гарріи, Вироніи и рижскаго округа въ наследованіи имѣній, по особенному нѣкогда благоволенію датскихъ королей, до сего дня удержали (свое право), то да уступлено будетъ намъ, какъ королевская ласка, эта, какъ говорится, „вольность милости“, чтобы мы такимъ же образомъ, отъ высшей и августѣйшей щедрости в. св. к. в—ва могли удержать плоды такой же привилегіи и на вѣчное прославленіе имени Августа оставить нашимъ потомкамъ, т. е., чтобы имѣли право *наследовать не только въ нисходящей линіи, но и въ побочной, обоюдо пола, и притомъ такъ, что мужескому полу дается преимущество, и женскій полъ получаетъ соразмѣрно состоянію; если же нѣтъ мужескаго пола, то женскій во всемъ наследуетъ, однако съ оставленіемъ въ силѣ права фиска кор. в—ства на безнаследственнымъ имѣніи (jus caducum)*.

XI. Такъ какъ мы согласились на подданство в. св. к. в—ству и его королевству, и в. кн. Лит. и владѣнію, по неизбежной необходимости въ этой нашей крайности, когда мы, вмѣстѣ съ нашими вождями, доведены до конца неистовствомъ врага-варвара, и оставленные римской имперіей, не можемъ защищать себя, жизнь свою, родителей, женъ и дѣтей, и, Богъ свидѣтель, намъ пришлось бы попасть во власть жесточайшаго врага, прежде чѣмъ насъ защитила бы имперія, то само св. к. в—ство предусмотрительно устроить, чтобы, не смотря на это подданство нашего господина и насъ подданныхъ, мы могли *удержать у необходимого римскаго императора, курфирстовъ, князей и сословій римской имперіи нашу честь и наше состояніе: чтобы мы не имѣли оскорбленій отъ общественнаго мнѣнія имперіи или инаго безславнаго замѣчанія и не вступили потерь, а остались бы безъ урона*.

XII. Дабы мы и впредь в. св. к. в—мъ на дѣлѣ *защищаемы были соединенными силами кор. Польши и всѣхъ владѣній не только противъ московита, но и всякихъ враговъ; дабы мы въ своихъ владѣніяхъ немедленно же падали на врага со всей тяжестью войны, дабы такимъ образомъ на земли союзныхъ не наносились большія и тягчайшія потери ни враждебнымъ, ни союзнымъ оружіемъ. Лучше волноваться отъ крови враговъ, чѣмъ пытаться разореніемъ и гибелью собственною и союзниковъ*.

XIII. Дабы никто въ своихъ предѣлахъ и установленныхъ границахъ своихъ владѣній, какія явствуютъ изъ точныхъ документовъ, не былъ потревоженъ, но въ управленіи защищался бы св. к.

в—мѣ. А если гдѣ, отъ давности времени, *границы* повреждены или потеряны, то чтобы таковые черезъ делегатовъ, или посредниковъ, какъ потребуетъ справедливость, обновлены были и восстановлены; гдѣ же имѣются полевые участки, дворянскіе и крестьянскіе, разбросанные одинъ отъ другаго, по германскому названію, *Streuelande* и *Hakenlande*, то таковые пусть отданы будутъ каждому, по обычной мѣрѣ, цѣлыми, безъ всякаго уменьшенія или ухудшенія, т. е. чтобы всякій полевой участокъ, или мыза, какъ мы просто называемъ *каменъ*, по древне указанной формѣ заключалъ 66 пивуровъ (версюръ), или, какъ говорится, *бастъ*, изъ которыхъ каждая должна заключать 66 сажень. А что изъ пустыхъ роцъ достигнуто многихъ и продолжительныхъ потомъ перваго владѣльца, то пребудетъ по установленіямъ общаго права, если прежній владѣтель признастъ его за покинутое и вновь вполне овладѣть, и тотъ законно предпринять, чтобы этотъ держалъ въ своемъ владѣніи и заботился.

XIV. Дабы ливонскимъ дворянамъ было свободно и невредимо *проходить и проезжать* чрезъ кор. польское, в. кн. литовское и иныя владѣнія кор. в—ва, по кор. путямъ и вездѣ гдѣ потребно будетъ, безъ всякаго замедленія въ таможенныхъ и наложеніи иныхъ даний или поборовъ, за исключеніемъ кунцовъ, и притомъ какъ сушей, такъ моремъ и водами рѣками, со всякой безопытностью. И если кому изъ нихъ случится въ сказанномъ королевствѣ, великомъ княжествѣ литовскомъ и иныхъ владѣніяхъ что либо оставить, то чтобы оставалось цѣлымъ и нетронуемымъ, чтобы вызвать или вытребовать безъ всякихъ затрудненій или отягощеній пошлинами и иными какими данинами.

XV. Дабы, по окончаніи этой войны въ Ливоніи, старые пути, казенные и общественные, были приведены въ прежній порядокъ, а прочіе, чуждые общему пользованію, закрыты, по причинѣ многихъ неудобствъ, какія могутъ явиться съ одной или другой стороны, у смежныхъ господъ и ихъ подданныхъ.

XVI. Дабы плѣнные непріятелемъ за защиту общаго отечества воспользовались черезъ ваше священное королевское величество милостью выкупа и правомъ восстановленія своихъ правъ (*jus postliminii*), дабы они бѣдствіемъ рабства признанные мертвыми оказались живыми надеждою возвращенія свободы.

XVII. Хотя большая часть дворянства, черезъ непріятеля, частью лишилась своихъ феодальныхъ имѣній, частью разорилась отъ продолжительной войны, такъ что на поддержаніе женъ и дѣтей у многихъ ничего не осталось, у иныхъ очень мало, однако усердное послушаніе вашему священному королевскому величеству и вниманіе къ собственному благополучію, волюстямъ, сану, жизни и здоровью, что все для нихъ спасено частью милостью вашего священнаго королевскаго величества, частью, какъ они вадѣются, будетъ спасено и

поддержано милостью Господа Бога, побуждаютъ ихъ не только блисти это со всею честью, но и охотно заискусительствовать самой жизнью и здоровьемъ. И такъ какъ у очень многихъ изъ насъ ничего не осталось, кромѣ жизни, то мы готовы во всякое время сложить ее передъ вашимъ священнымъ королевскимъ величествомъ; остальные же, хотя сами истерзаны пятилѣтними расходами на войну, однако жертвуемъ собою и кнѣстѣ съ первыми приносимъ себя на все, что будетъ возможно, и надѣемся, что если мы на военную службу, ради исчерпанныхъ силъ, не сможемъ явиться съ такой конницей, какъ прежде выступали, то ваше священное королевское величество вѣнчить сіе не въ какое либо нерадѣніе или дерзновеніе, но въ невозможность. Посему мы желаемъ, чтобы каждый служилъ *военную службу* вашему священному королевскому величеству по оставшемуся *наличному состоянию*, а не потому, каковы владѣль прежде, когда все цѣло стояло; а если кто сможетъ и захочетъ вывести конниковъ или ратниковъ, въ честь и пользу вашего священнаго королевскаго величества, сверхъ числа должныхъ и обычныхъ, то да полагается таковымъ уплата также точно, какъ обычно производится съестъ и уплата прочимъ жителямъ королевства вашего священнаго королевскаго величества и вашего княжества литовскаго, и это да соблюдается какъ въ нынѣшнія, такъ и въ будущія военныя времена, навсегда.

XVIII. Такъ какъ достойное великаго государя слово заявить, что „государство лежитъ на законахъ“, то посему *никакой начальникъ, никакой магистратъ*, высшій или высшій, и ни другой кто, безъ разслѣдованія вины, *не долженъ дворянъ, вассаловъ или другихъ безпричинно изгонять изъ имѣній, отстранять, обирать*; а если кто признаетъ свои права на другого, то долженъ достигать ихъ передъ установленнымъ судомъ сенаторовъ вашего священнаго королевскаго величества или предъ областнымъ конвентомъ, потому что несправедливо, чтобы кто могъ быть судьей въ собственномъ дѣлѣ. А какъ право начинается отъ дѣйствія, то о дѣйствіи или вѣдѣ каждого должно быть рѣшено не иначе какъ чрезъ судью, при посредствѣ права, закона и установленій. Посему, при объявленіи жалобы, безъ уликъ и осужденія законнымъ судомъ производствомъ, никто не долженъ лишаться своего имѣнія или имущества, какъ прежде лишались нѣкоторые вѣрные и дѣйствительные граждане, повиновавшіеся своимъ начальникамъ и властямъ. И въ такомъ дѣлѣ да позволено будетъ притѣсненному, передъ нотаріусомъ, посредникомъ вины, *жаловаться непосредственно передъ трибуналомъ* вашего священнаго королевскаго величества, съ соблюденіемъ пользы, для изложенія дѣла вашему священному королевскому величеству.

XIX. Дабы никто, какого бы ни былъ отличія или званія, не смѣлъ нанести насиліе, *дѣлать набѣги*, нападать на публичныхъ дорогахъ на чужихъ людей, на замки, дома и владѣнія. А кто бу-

летъ уличенъ въ этоѣ, законами пусть карается смертною казнью. Подобнымъ образомъ кто почтенныхъ замужнихъ женщинъ, вдовъ и дѣвицъ похитилъ бы или насилловалъ или подвергалъ мученіямъ, вмѣсто того чтобы оказывать имъ всякій почетъ и уваженіе, тоже долженъ быть наказанъ смертию.

XX. Поелану и купцы, особенно прѣзжіе и иностранцы, въ обиду дворянства и городовъ имѣютъ обыкновение тайно и явно покупать въ деревняхъ и въ усадьбахъ *кожи, зерно, хмѣль* и иные роды товаровъ и производить обманный дѣла, то впрелъ да боятся они власти вашего священнаго королевскаго величества и да будетъ это воспрещено. А чтобы веденіе дѣла съ кожами звѣрей большихъ и малыхъ имѣлось у господъ и знати, объ этомъ позаботится ваше священное королевское величество.

XXI. Подобно тому какъ шдrevле для всѣхъ ливонскихъ вельможъ, дворянъ, рыцарей и вассаловъ дорогища и пути дѣлныхъ *зѣбрей*, какъ и *охота* на нихъ, были во всѣ стороны совершенно свободны, то также они имѣли *пользованіе тѣсами*, рощами, пастбищами, лугами и загонами, потому что изъ большихъ и малыхъ дѣсныхъ зѣбрей получали и добывали шкуры. по обыкновенному названію, *дичь*, Wildvverek, а изъ рощъ и лѣсовъ всякаго рода дерево, что мы называемъ *тѣсомъ*, Waldvverek, во всѣхъ его видахъ въ добываніи угля или дѣтя, или въ выдѣлкѣ разныхъ деревянныхъ издѣлій. Такое пользование да будетъ обмѣнное и передвижное, какъ оно есть доселѣ, въ силу чего въ нѣмѣнѣхъ одинъ у другаго имѣть и свободно держать ульи пчель и дающія медъ деревья. И какъ все это даже до сего дня всѣми дворянами держится и соблюдается подтверждающими документами и давнишними, предписанными обычасмъ, то также точно всѣ ливонскіе дворяне и вельможи имѣютъ право *варить пиво* и продавать въ своихъ борчмахъ, безъ всякаго пренитствія или отягченія даніями и акцизами. А дабы и впрелъ не имѣть стѣсненій въ этихъ вольностяхъ отъ хитрыхъ подходовъ, не скажемъ, поборовъ чиновниковъ, то ливонскіе дворяне и вельможи просятъ, чтобы это специальное королевскою привилегіею выяснить, чтобы не показалось, что опущенное нѣкогда принесло вредъ, но чтобы видно было, что эти прѣжимки не приносятъ пользы теперь и не принесутъ на будущее время и навсегда. Общественные сборы и нныя пошлины, положенныя на время, съ общаго согласія сословій и всего дворянства, для нужды вашего священнаго королевскаго величества и государства, навсегда отиѣняются.

XXII. Дабы крестьяне, которые съ позволенія помѣщика были во власти другаго, не захватывались пинѣмъ, и не задерживались, но доставлялись по требованію того, кому принадлежать, развѣ кто докажетъ точными письменными документами и живыми свидѣтелями, что они уступлены и переведены ему законными господами, тогда они останутся у того, кому уступлены и переведены; иначе должны

быть возвращены по принятому порядку и древнему обычаю Ливоніи.

XXIII. Какъ доселѣ крестьяне у дворянъ обязаны были работами только для своихъ господъ, то мы просимъ принять заботы, дабы въ виду нашей свободы, они не принуждались къ другимъ работамъ, и чтобы соблюдался старый порядокъ.

XXIV. Дабы границы областей прилежно охранялись, чтобы хищники и грабители своими нападеніями не грабили безнаказанно.

XXV. Дабы споры и тяжбы, рѣшенныя или окончанныя мировыми, впредь не возобновлялись и не беспокоили ваше священное королевское величество и именитыхъ сенаторовъ, то всѣ мирныя и окончательныя рѣшенія, постановленныя и объявленныя ливонскими правителями, должны быть утверждаемы вашимъ священнымъ королевскимъ величествомъ.

XXVI. Такъ какъ въ Ливоніи часто случалось, что нѣкоторые дворяне тайно были убиваемы своими крестьянами, то, чтобы устрашить впредь отъ такихъ злодѣйствъ, ливонскіе дворяне просятъ, какъ объ особенной милости—власти священнаго королевскаго величества, чтобы ихъ дворямъ уступлено было и прибавлено право суда уголовного и гражданскаго, какъ это получили некогда отъ датскихъ королей дворяне эстонскаго княжества и удерживаютъ его до сего дня.

XXVII. Наконецъ, такъ какъ неравенство монеты для Ливоніи причинило разные и притомъ неразрѣшимые убытки и неудобства, то мы просимъ и объ этомъ постановить что либо опредѣленное, т. е., чтобы впредь чеканилась монета, вѣсомъ и цѣнностью равная польской и литовской, чтобы тамъ и здѣсь — въ Ливоніи ходила монета польская и литовская, а ливонская опять въ Польшѣ и великомъ княжествѣ литовскомъ.

Посему мы, Сигизмундъ Августъ, король Польши, великій князь Литвы, вышеизванный, нашею королевскою властью, какъ прямой господинъ, коему принадлежитъ и соединенная власть надъ всей областью, по силѣ изъявленнаго намъ сего подданства, означенные XXVII артикуловъ и низкое прошеніе всего рыцарскаго дворянскаго лифляндскаго сословія признаемъ къ одобренію, подтвержденію и утвержденію во всѣхъ заключеніяхъ, пунктахъ и условіяхъ этихъ просьбъ и артикуловъ и, одобряемъ, подтверждаемъ и утверждаемъ сею нашею грамотою, постановляя, что отнынѣ и впредь сія грамота должна удерживать силу должной и постоянной твердости, однакоже симъ нашимъ утвержденіемъ ничего не отнимая для полезнаго владѣнія свѣтлѣйшаго господина магистра въ земляхъ его свѣтлости. Во свидѣтельство сей грамоты, на вѣрность предпосланнаго, привѣщена наша печать. Дано въ Вильнѣ, въ 6 д. послѣ праздника св. Екатерины, въ годъ господень 1561-й, царствованія же нашего 32-й.

III.

Когда вышеприведенные документы были уже составлены и переписаны, архіепископъ рижскій Вильгельмъ отказался подписать ихъ и на вопросъ короля о причинѣ такого отказа, подавъ нижеслѣдующій письменный отвѣтъ :

Д Е К Л А Р А Ц І Я

рижскаго архіепископа Вильгельма.

Свѣтлѣйшій король и милостивѣйшій братъ!

Считаю своимъ долгомъ всегда и всюду выше всего ставить желанія и волю вашего свѣтлѣйшаго величества и съ полной охотой слѣдовать по нѣмъ, какъ единственному указателю моихъ дѣйствій, и имѣлъ бы большую неспрiятность и былъ бы далеко не правъ, если бы въ чемъ либо ноступилъ вопреки мнѣнія и намѣреніямъ вашего свѣтлѣйшаго королевскаго величества. Однако, ваше свѣтлѣйшее королевское величество милостивѣйше усмотритъ причину и пріятствіе къ тому, чтобы я могъ въ чистотѣ всецѣло предаться и подчиниться спасительнѣйшимъ увѣщаніямъ и намѣреніямъ вашего величества, давъ полное согласіе на подчиненіе вашему свѣтлѣйшему королевскому величеству, и на соединеніе съ великимъ княжествомъ литовскимъ тогда, когда сословія польскаго королевства отказались принять Ливонію на свою вѣрность и защиту, и всемилостиво простить мнѣ неимѣніе на этотъ случай полной власти и права надъ прочими оставленными мною въ отечествѣ чинами и сословіями моего архіепископства, безъ спроса и согласія которыхъ я, собственной властью, ничего не могу предпринять или рѣшить въ столь важномъ дѣлѣ.

Почему покорнѣйше и всепнижайше прошу милости вашего величества, да удостоитъ это дѣло своею королевскою ласкою, такой справедливой и благой отсрочки, пока я, съ Божіею милостью возвратившись къ своимъ, устрою вопросъ о признаніи подданства соединенными силами и съ общаго согласія прочихъ моихъ старшинъ рыцарскаго ордена, городовъ и подвластныхъ; а чтобы это состоялось немедленно же и чтобы объ этомъ извѣстно стало черезъ меня вашему свѣтлѣйшему величеству, я не упущу никакихъ трудовъ и стараній.

Если же, сверхъ надежды и ожиданія, ваше свѣтлѣйшее королевское величество не признастъ нужнымъ обратить вниманіе на это мое прошеніе, то, на сколько это касается меня, я охотно подаяясь намѣреніямъ и увѣщаніямъ вашего свѣтлѣйшаго величества и себя лично повергаю вашему свѣтлѣйшему королевскому величеству,

какъ королю и господину моему милостивѣйшему и брату, на коего, по Божѣ, возлагаю все упованіе моего спасенія и достоинства и якорь моей жизни и благополучія, и коего охранѣ и покровительству всего себя отдаю и покоряюсь, и не сомнѣваюсь, что ваше свѣтлѣйшее королевское величество защититъ меня своими силами и оружіемъ отъ притѣсненія и насилія моихъ враговъ, и мою всепреданную волю никогда не признаетъ чуждою вашему свѣтлѣйшему величеству.

А дабы достигнуто было и получено такое же согласіе и прочихъ сословій и моихъ подданныхъ, оставляю на усмотрѣніе вашего свѣтлѣйшаго королевскаго величества, угодно ли будетъ ему поручить это дѣло извѣстнымъ своимъ ораторамъ, которые будутъ къ намъ посланы, или же довѣрить его мнѣ, каковыя труды и старанія признаетъ какъ за особенныя.

Что касается меня, то я всего себя и все мое здоровье и жизнь вѣрваю и отдаю вѣрности и послушанію вашего свѣтлѣйшаго величества, и прошу, чтобы меня, своего вѣрнаго послушника, никогда не оставить своею королевскою ласкою, милостью и покровительствомъ. Я же за безсмертныя благодѣянія безсмертную и вѣчную признательность, все стараніе и всепокорнѣйшую волю вашему свѣтлѣйшему королевскому величеству подношу и обѣщаю.

IV

Вручая эту декларацию, архіепископъ присягнулъ королю, но единственно отъ самаго себя лично.

ПРИСЯГА

рижскаго архіепископа Вильгельма.

У Я. Вильгельмъ, Божіею милостію архіепископъ рижскій, марграфъ бранденбургскій и проч., клянусь, что отъ сего часа впрелѣ вѣрно и съ чистою совѣстью буду соблюдать свѣтлѣйшему господину государю, и господину Сигизмунду Августу, королю Польши, великому князю Литвы, Руск., Пруссіи, Мазови, Самогитіи и Ливоніи, господину и наслѣдственному владѣтелю, господину и брату моему милостивѣйшему, все что только мною здѣсь въ Вильнѣ съ свѣтлѣйшимъ королевскимъ величествомъ сдѣлано, устроено и соглашено, по формулѣ поданной при семъ его королевскому величеству. Такъ мнѣ Богъ да поможетъ и его святое евангеліе.

V

ПРИСЯГА

магистра Ливоніи.

Я (такой-то) клянусь, что отъ сего часа и впредь буду вѣренъ и покоренъ свѣтлѣйшему государю (полный титулъ) и проч., господину и наслѣдственному владѣтелю, пользу его буду блюсти вѣрно, въ дѣлахъ королевскихъ и герцогскихъ совѣтовать вѣрно и тайны, какія только мнѣ будутъ ввѣрены и сообщены, во вредъ сихъ дѣлъ никому не открою. Такъ мнѣ Богъ да поможетъ и проч.

VI.

ПРИСЯГА

сословіи Ливоніи Сигизмунду Августу, данная въ Вильнѣ черезъ уполномоченныхъ.

Мы, уполномоченные, адвокаты, дворяне, вассалы, горожане, городскіе старшины и головы, именемъ нашимъ и прочихъ нашихъ отправителей, общаемъ и клянемся, что отнынѣ и впредь будемъ вѣрны и покорны свѣтлѣйшему государю и господину, господину Сигизмунду Августу, Божіею милостію королю Польши и проч. (полный титулъ), господину и наслѣдственному владѣтелю и его наслѣдникамъ королямъ и королевству Польши и великимъ князьямъ и великому княжеству литовскому и. при его священномъ королевскомъ величествѣ, при королевствѣ и княжествахъ, какъ и при его преемникахъ, будемъ состоять противъ всякихъ враговъ, съ которыми никакихъ трактатовъ, никакихъ союзовъ, договоровъ или соглашеній, безъ согласія и одобренія его королевскаго величества, дѣлать не будемъ, но выкажемъ себя, во всякомъ мѣстѣ и времени, во всемъ вѣрными, послушными и покорными, и повѣренныя вамъ намѣренія и иного рода наказы, во вредъ священнаго королевскаго величества не откроемъ, но вѣрно исполнимъ, и всякия ухищренія, какія запримѣтимъ въ разсужденіи королевскаго величества и княжескаго достоинства, будемъ стеречь, предупреждать и по нашей возможности со всею вѣрностью препятствовать.

Такъ вамъ да поможетъ Богъ и исполненіе истины святаго евангелія, а также крестъ, наказаніе и смерть Господа нашего Іисуса Христа.

VII.

ПРИСЯГА

польскаго короля. данная при подчиненіи Ливоніи.

Я, Сигизмундъ Августъ, Божіей милостію король Польши, великій князь Литвы, Руси, Пруссіи, Мазовіи, Самогитіи и Ливоніи, господинъ и наследственный владѣтель, клянусь, присягаю и обещаю, предъ симъ святымъ евангеліемъ, что все права, вольности, привилегіи, безповинности области Ливоніи, церковныя и свѣтскія, данныя церквамъ и ихъ духовному чину, архіепископу, епископамъ, предводителямъ, магистрамъ, капитуламъ, уполномоченнымъ, адвокатамъ, дворянамъ, вассаламъ, горожанамъ, жителямъ и всякимъ особамъ всякаго чина и званія, данныя оной области и городамъ черезъ римскихъ императоровъ и иныхъ какихъ царей, князей, предводителей, магистровъ тевтонскаго ордена и иныхъ законовныхъ правителей, буду держать, соблюдать, оберегать и прилежать во всехъ пунктахъ и уговорахъ. Все неправомерно отчужденное отъ этой области или оторванное черезъ нѣзаконныя военныя смуты московитовъ, по силѣ моей и соединенныхъ моихъ областей, въ собственность этой области, оружіемъ или договорами, буду возвращать и собирать. Границы этой области не уменьшу, но, по силѣ моей, даже уменьшенное и поступившее во власть враговъ буду возвращать, защищать и расширять. Такъ мнѣ да поможетъ Богъ и сіе святое евангеліе.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

*Матеріалы и статьи по исторіи При-
балтійскаго края въ XV^{III} и XIX сто-
лѣтіяхъ.*

Рескрипты и указы Императора Петра I къ лифляндскимъ генералъ-губернаторамъ.

(Окончаніе. См. томъ I, стр. 300 и т. II, стр. 501).

1717-й годъ.

95.

Господинъ губернаторъ. Когда къ вамъ присланной изъ Берлина отъ графа Александра Головкина съ кабинетомъ старшимъ приѣдетъ, и оного отпавьте немедленно до Петербурга, давъ ему столько лошадей со санями, сколько онъ будетъ требовать, и велите тотъ кабинетъ везть бережно по его волѣ, дабы его не издемали, и для того придайте ему отъ себя одного офицера съ нѣсколькими солдатами, также дайте тому посланному въ дорогу до Петербурга на ишчу денегъ. Петръ. Изъ Амстердама, января въ 7 день 1717 г.

Изъ 1717 г., каторъ до 28 февраля пребылъ въ Амстердакъ; 27 февраля былъ въ Савидамъ; 8 марта въ Гагъ, 17 марта въ Лейденъ; съ 19 по 24 марта пребылъ въ Роттердамъ, 1 апрѣля былъ въ Антверпенъ, 10 апрѣля въ Дронхемъ, а съ 26 апрѣля по 9 іюня проживъ въ Парижѣ, съ 16 іюня по 13 іюля пребылъ въ Спѣ, а съ 22 іюля по 22 августа снова въ Амстердакъ; 8 сентября былъ въ Берлинѣ, 18 сентября въ Дамптъ, гдѣ пребылъ до 21 сентября; 27 сентября былъ въ Митавѣ, 28 сентября въ Ригѣ, 1 октября въ Перновѣ, 3 въ Ревелѣ, 7 въ Нарвѣ и пероколся въ Петербургъ. 10 октября 1717 г., пребылъ за границей годъ и восемь мѣсцевъ.

96.

Господинъ губернаторъ. Писалъ сюда оберъ-инспекторъ Илья Исаевъ, что присланъ вамъ изъ Приказу Большой Казны указъ, чтобъ смольчуга, поташа, мачтовыхъ деревъ, смолы никому продавать

и за море отпускать не веляно, и понеже отъ того не токмо купечеству не безъ поврежденія будетъ, но и пошлинный сборъ можетъ умалиться; и того ради вы тотъ указъ оставьте и тѣми товары, которые изъ Польши и иныхъ мѣстъ въ привозъ будутъ, велите торговать свободно и отпускать за море по прежнему обыкновенію, чтобъ противъ прежняго никакого препятствія въ купечествѣ не было, но содержано бы было оное во всемъ противъ того, какъ при шведскомъ владѣніи было. **Петръ.** Изъ Таги, въ 16 день марта 1717 г.

97

Господинъ губернаторъ. Понеже мы скоро отсель поѣдемъ въ своимъ краямъ и для того, по полученіи сего указа, какъ Курляндію, такъ и Лифляндію изготовьте для насъ подводы, и отъ Риги велите поставить на двое: одни подводы на Дерить, другіе на Ревель, и которые на Ревель тѣхъ велите ставить на каждомъ стану числомъ по 70 подводъ, а большее число поставьте по дерптской дорогѣ, а именно, чтобъ тамъ было на каждомъ стану подводъ по 200, и о томъ съ княземъ Александромъ Даниловичемъ Меншиковымъ снесите. **Петръ.** Изъ Амстердама, въ 16 день августа 1717 г.

Р. С. И о томъ отпиши отъ себя въ Курляндію къ Петру Бестужеву, чтобъ онъ сборъ подводъ распорядилъ въ Курляндіи добрымъ порядкомъ и чтобъ они были распорядены тамъ, чтобы ихъ тогда, когда получите о поставкѣ ихъ другой указъ, могъ ихъ поставить въ три дни; числомъ надобно на каждомъ стану по 270 подводъ.

98.

Господинъ губернаторъ. По прошенію герцога Гессенъ-Кассельскаго позволили мы чрезъ наши земли ѣхать министру Голштейнскому барону Герцигу и дали ему для способнаго проѣзда вытъ паспортъ, и когда оный прибудетъ въ Ригу, то его примите учтиво и отправьте съ приносителемъ сего сержантомъ отъ гвардіи Мещерскимъ до Ревеля къ господину адмиралу, давъ ему подводы, которой имѣетъ указъ объ отправленіи его куда надлежитъ. А въ отбытіи адмирала веляно отправить его оберъ-коменданту, и содержите о проѣздѣ его Герциговъ секретно, дабы никто о томъ не могъ вѣдать, что онъ проѣхалъ, и ежели люди его послѣ прибудутъ въ Ригу, то потомужъ оныхъ по содержанію даннаго ему паспорта пропустите, и отправьте до Ревеля. **Петръ.** Изъ Амстердама, въ 20 день Августа 1717 г.

Баронъ Герцъ (Götz) хлопоталъ о заключеніи мира между Россією и Шведією. Паспортъ Герцу былъ выданъ 30 іюня, но только 19 октября онъ пріѣхалъ въ Ригу, отсюда онъ уѣхалъ въ Ревель и потомъ пробрался въ Швецію. Мирныя переговоры между Герцемъ и Гиллембергомъ со шведской и Брюсомъ и Остерманомъ съ русской стороны начались на Аландѣ 12 мая 1718 и вѣдущаясь безъ всякаго, имѣли извѣстно, успѣха до 6 сентября 1719 г.

99.

Господинъ губернаторъ. Понеже мы отсель по двухъ или трехъ дняхъ поѣдемъ къ своимъ бранямъ, того для по первому указу ведите для той нашей ѣзды изготовить подводы Курляндію, такожъ и Лифляндію, отъ Риги на двѣ дороги, а именно на Ревельской по 70, по Дерптской по 200 подводъ на каждомъ стану Петръ. Изъ Берлина, сентября въ 10 день 1717 г.

100.

Господинъ губернаторъ. Когда придутъ въ Ригу нанятые въ нашу службу матросы, отправленные отъ майора Матюшкина, тогда вели ихъ отправлять въ Петербургъ и вели имъ дать подводы числомъ по столькожъ по чемъ имъ давано въ Польшѣ и въ Курляндіи, и къ которому времени тѣ подводы надобно собрать и сколько числомъ, о томъ снесися съ Петромъ Бестужевымъ и съ Матюшкинымъ, также велите приготовить для тѣхъ матросовъ въ Ригѣ провіанту и мяса на дорогу, съ которымъ бы провіантомъ могли безъ нужды доѣхать до Петербурга. Петръ. Въ 1 день ноября 1717 г., изъ Петербурга.

101.

Господинъ губернаторъ. Били намъ челомъ амстердамскіе купцы Арноутъ Диркъ и Яковъ Фавлеткетъ съ братомъ, дабы вы по дѣлу ихъ, которое есть въ Ригѣ, съ фамиліею умершаго рижскаго купца Оиденеля въ долговыхъ ихъ дѣльгахъ учинили справедливость и рѣшили то дѣло немедленно по правамъ, какъ надлежитъ, и въ томъ дѣлѣ по прошенію ихъ учините по тому немедленно рѣшенію. Петръ. Изъ Амстердама, августа въ 22 день 1717 г.

102.

Господинъ губернаторъ. Отправленъ къ вамъ въ Ригу морскаго флота капитанъ Беземакеръ и когда онъ вамъ явится, тогда его опредѣлите къ тому дѣлу, у котораго были прежде его же братья капитаны Лобикъ и Попугай, и велите ему давать тоже довольство, что они прежніе капитаны получали. Петръ. С.-Петербургъ. Декабря 12 дня 1717 г.

Этихъ сохраняются указы Петра I, данные князю Петру Алексѣевичу. Пользовался-ли какіе указы въ 1718 году, неизвестно: въ архивѣ бывшей канцеляріи Прибалтійскаго генераль-губернатора князя, слѣдующимъ на листомъ съ указами 1717, содержится въ себѣ указы 1719 г., данные уже новому генераль-губернатору князю Анжикъ Ивановичу Репнину.

Вязь Голицынъ былъ переведенъ изъ Риги въ Кіевъ губернаторомъ-же, гдѣ и умеръ въ 1723 году. На его мѣсто въ началѣ 1719 г. былъ назначенъ князь Репнинъ, который прибылъ въ Ригу и вступилъ въ управленіе Лифляндіею съ титуломъ рижскаго генераль-губернатора 17 апрѣля 1719 г. Вотъ прохожденіе государственной службы князя Анислѣи Ивановича, идяго изъ неутомимѣйшихъ, дѣятельнѣйшихъ и храбрѣйшихъ ено-дьяжковъ Петра Великаго.

Князь Репнинъ на 17 году отъ роду, при учрежденіи въ 1685 г. потѣшной роты, пожалованъ поручикомъ, въ 1687 г. полковникомъ. Въ званіи капитана фрегата участво-валъ въ покореніи Ашха, въ 1696 г. произведенъ въ генераль-майоры, а въ 1701 сдѣланъ генераломъ отъ инфантіи. При объявленіи войны Швеціи былъ назначенъ новгородскимъ гу-бернаторомъ, потомъ участвовалъ въ покореніи Нарвы, Мстисла, и въ 1707 г. ему vybreny были войска, расположенныя въ Польшѣ. Въ 1708 г., по интригѣ Меншикова, былъ преданъ, за потерю 7 орудій въ сраженіи при Геловинѣ, суду и разсказанъ въ солдаты. Прислѣлъ послѣ сраженій при Лискомъ и назначенъ начальникомъ дивизіи въ Малороссіи. Въ поставленой битвѣ командовалъ пѣхотой арміи, а въ ноябрѣ 1709 г. уже стоялъ съ своею дивизіею подъ Рогомъ. При покореніи Риги принималъ самое дѣтальное участіе. Въ 1711 г. въ прусскихъ походахъ назначался въ авангардомъ, въ 1712 г., состоя въ оградѣ Менши-кова, участвовалъ въ покореніи Тензингена и Штетина и осадѣ Фридрихштата. Въ 1715 г. ему поручена была защита морскихъ береговъ въ Курляндіи, въ 1716 г. занималъ Холмское, Плоцкое, Малоецкое и Любелское воеводства въ Польшѣ. Въ 1719 году, въ чинѣ генералъ-аншефа, назначенъ рижскимъ генераль-губернаторомъ, въ 1724 г. назна-ченъ президентомъ военной коллегіи съ оставленіемъ въ должности генераль-губернатора. Въ день коронаціи императрицы Елизаветы I произведенъ въ генераль-фельдмаршалы. Послѣ смерти Петра Великаго удалился въ Ригу, гдѣ и скончался 3 іюня 1726 г. на 56 году отъ роду.

1719-й годъ.

103.

Господи въ генераль. О здѣшнихъ объявляемъ, что къ сему мѣсту какъ галерный такъ и корабельный флотъ пришли въ разные дни, только собрались все въ 8-мъ числѣ сего мѣсяца; потомъ держаны три генеральныя консиліи, на которыхъ положено, чтобъ де-савтъ въ Швецію учинить, который подъ конвоемъ корабельнымъ учинять, съ помощію Божіею въ 11 день сего мѣсяца, а именно въ 10-й день въ 9 часу вечера отсѣлъ пошли, а въ 11 день въ 4 часу по полудни въ шведскія шхеры счастливо вступили, и какъ на морѣ, такъ и во входѣ въ шхеры непріятеля не видали. Дай Боже доброе окончаніе, а начало збыло благополучно учинилось. Петръ. Съ ко-рабля Питеръ-Майландъ, у острова Ламеландъ, іюня въ 13 день 1719 г.

104.

Господи въ генераль. О здѣшнемъ объявляю, что генераль-ма-иоръ Лесен, который отпавленъ отъ адмирала въ правую сторону, у онаго съ непріятелемъ былъ бой и помощію Божіею непріятеля побили

и 7 пушекъ взяли, а какъ былъ бой и какое потомъ оной генераль-маиоръ разореніе непріятелю учинилъ, о томъ посылаю обстоятельную вѣдомость и снимъ вамъ поздравляемъ. Отъ адмирала послѣ оногодѣшняго вѣдомости не имѣемъ, только вчерашній пришедшій шведской шерботъ съ провизіею къ шведскимъ посламъ, изъ Стокгольма отиравленной, сказывалъ, что въ Стокгольмѣ слышали, что городъ Судетелге уже разоренъ отъ адмирала, и пошелъ къ Никелину, и что впредь учинится, о томъ писать будемъ къ предбудущимъ почтамъ. Петръ. Изъ флота отъ острола Ланеландъ, іюня въ 30 день 1719 г.

Въ вѣдомости разсказано, что эскадра изъ 21 галеры съ 12 большими кораблями 24 іюня подошла къ деревнѣ Гринну, 25 іюня произведена высадка десанта, состоявшаго изъ 2400 рядовыхъ съ принадлежащими штабъ и оберъ-офицерами. Отрядъ сей подъ начальствомъ Ласси, направился разорить желѣзные заводы Леста-Врускъ, отстоявшій отъ берега въ 1¼ мильхъ. Шведы, послѣ незначительнаго сопротивленія, отступили и заводъ былъ сожженъ. Съ непріятельской стороны убито 30 человекъ, пушекъ взято 7, съ нашей стороны убито солдатъ 3, ранено: поручикъ 1, нижнихъ чиновъ 14.

Ласси, въ послѣдствіи графъ и генераль-фельдмаршалъ, знаменитый военникъ подвизавшійся въ царствованіи императрицы Анны и Елизаветы, былъ ливонскимъ генераль-губернаторомъ съ 1720 по 1751 годъ, послѣ Григорія Петровича Чернышева, управлившаго Лифляндіею по смерти Ренниуса до 12 іюня 1729 г.

Текстъ указа отъ 9 августа 1719, касающагося покупки хлѣба въ Ригѣ, писаннаго собственноручно государемъ, не разобранъ.

105.

Господинъ генераль. Пожале англичане уже присылали съ объявленіемъ на Азартъ письма на мое имя, которыхъ ваши полномочные тамъ не приняли, но запросили списокъ, которые дали имъ англичане; но наши, видя въ нихъ варварскій поступокъ, оныхъ не приняли того для, ежели къ вамъ къ Ригѣ пошлются, также слѣдуйте, а писемъ не принимайте, также и впрочемъ осторожнѣе будьте, и какія услышите вѣдомости, о томъ къ намъ пишите. Петръ, сентября въ 19 день 1719 г., изъ С.-Петербурга, въ 1 часу пополудни.

Р. С. Въ Перновъ къ коменданту о томъ также пишите отъ себя, дабы онъ имѣлъ отъ англичанъ осторожность.

Хотя царь и приказывалъ Ренниусу писать отъ себя перновскому коменданту Балабанову, но послѣдній отправилъ къ нему слѣдующій указъ:

Господинъ бригадиръ и комендантъ. Ежели къ Пернову отъ англійскихъ кораблей какая будетъ къ вамъ попытка, и вы въ томъ будьте осторожны и никакихъ писемъ изъ англійскаго флота не принимайте. Петръ. Сентября въ 19 день 1719, изъ С.-Петербурга.

Извѣстно, что англичане въ это время сблизились со Швеціею и заключили съ нею явный договоръ.

106.

Господинъ генералъ. О приготовленіи на гаванное дѣло лѣсу писали мы къ господину генералу адмиралу графу Апраксину, чтобъ онъ велѣлъ ревальскимъ ландратамъ отвести мѣста гдѣ тотъ лѣсъ рубить, а работниковъ къ тому велѣно опредѣлить съ Лифляндіи и Эстляндіи по пропорціи, такожъ какъ и прежде сего для рубки и возки лѣсу собираемы: того для, по полученіи сего указу, учините распоряженіе о работникахъ немедленно по прежнимъ примѣрамъ, и о томъ о всемъ съяснитесь съ господиномъ генераломъ адмираломъ, такожъ съ ревальскими и дерптскими ландратами, къ которымъ послужныя указы посланы (дабы они въ томъ дѣлѣ господину генералу адмиралу были послушны) и, выбравъ для того, пошлите отъ себя въ Ревель добраго комисара. Петръ. Изъ С.-Петербурга, октября въ 22 день 1719 г

На сии указы слѣдуетъ указъ отъ 11 ноября 1719, писанный собственноручно царемъ, о заготовкѣ хлѣба. Онъ написанъ столь неразборчиво и столь неясно, что прочесть его почти невозможно.

107

Господинъ генералъ. На письмо ваше, отъ 19 числа ноября писанное, много не имѣемъ къ вамъ писать, токмо объявляемъ, чтобы вы пріѣзжали сюда сами къ празднику Рождества Христова, а какой указъ посланъ отъ насъ нынѣ къ Ильѣ Исаеву о покупкѣ хлѣба, съ того при семъ прилагается къ вамъ копія, и въ покупкѣ того хлѣба чините ему всякое вспоможеніе. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 7 день декабря 1719 г

Копія съ письма Его Царскаго Величества посланнаго къ Ильѣ Исаеву декабря 4 дня 1719 г.

Господинъ Исаевъ. Письмо твое ноября отъ 19 числа до насъ дошло, въ которомъ пишешь, что для покупки хлѣба послалъ ты въ Курляндію; но положе указъ къ вамъ не въ такой силѣ посланъ, чтобъ такое число хлѣба вскорѣ сею зимою купить, но болѣе старайся, чтобъ чрезъ угопоръ и подрядъ поставить водою по веснѣ (рѣкою Двиною и прочими рѣками, кои къ ней прилегли) изъ Литвы, также и отъ нашихъ Россійскихъ городовъ, гдѣ хлѣбъ дешевле, а въ Курляндіи такого числа купить невозможно, къ тому жъ и цѣною тамъ дороже. Что же упоминается о деньгахъ, дабы за тотъ хлѣбъ платить ефимками, и ежели польскіе купцы за тотъ хлѣбъ мелкими деньгами брать не стануть, то плати сборными пошлинными ефимками, которые нынѣ у васъ въ сборѣ есть, а русскими купцамъ русскими деньгами, для чего прислано къ вамъ будетъ мелкихъ денегъ.

108.

Докладная записка, подаваемая государю княземъ Репнинымъ въ Петербургъ.

1. Коlikому числу во время атаки быть солдатъ, въ котормъ гарнизонъ въ Лифляндіи?

Отвѣтъ. Во время нечаяннаго нападенія непріятельскаго съ моря, восемь полковъ вашей дивизіи раздѣлить въ Динамю и Перновъ по полку, или въ Перновъ третій баталіонъ прибавить, а достальные въ Ригу

2. Въ воинскомъ уставѣ напечатано. во время алаpму или атаки гражданскихъ или купецкихъ людей употребить съ ружьемъ въ пристойныхъ мѣстахъ; а въ Ригѣ купечество разныхъ вѣръ и націй, и надѣются разному сумнѣнію быть и въ лишеозначенное время (ежели случится, чего не дай Боже) какъ оное купечество употребить?

Отвѣтъ. Кой часъ услышишь о прибытіи непріятели, тогда немедленно, ружья обобравъ, оставить только старыхъ и малыхъ, да женскій полъ, прочихъ всѣхъ выедеать вонъ изъ города и сказать подь смертною казнію, чтобъ шли въ нашу землю, а не ино буды.

3. Также и съ уѣздомъ гдѣ живетъ шляхетство, на котормъ въ вѣрности мало (мнится мнѣ) уповаю быть, какъ поступать?

Отвѣтъ. Уѣздымъ великимъ такожь удалиться внутрь, а въ городъ не пускать.

4. Когда фортеція пограничная сущъ, тогда надлежитъ быть всѣмъ удовольствована. А нынѣ въ гарнизонахъ лифляндскихъ пороховые и провіантскіе магазины весьма слабы, о чемъ уже репортовалъ не единожды въ Сенатъ и въ Военную Коллегію, а денегъ и ничего нѣтъ, кромѣ сборовъ лиценспенныхъ ефимками, и оныя отсылаются для передѣлки въ Москву на денежной дворъ, и чтобъ лифляндскія фортеціи по Вашему Царскаго Величества указу вышенписаннымъ были удовольствованы для всякихъ (сохрани Боже) злыхъ случаевъ.

Отвѣтъ. О провіантѣ указъ въ Камеръ-Коллегіи уже данъ, и о порохѣ и амуниціи посланъ указъ въ Военную Коллегію.

5. Не повелить-ли Ваше Величество указомъ опредѣлить, дабы какъ въ земляхъ, такъ и въ городахъ, всякой бы имѣлъ для всякаго случившагося времени на всякую персону на годъ хлѣба и для лошадей фуражу

Отвѣтъ. Надлежитъ учинить въ городахъ.

6. По указу Вашего Величества въ Курляндіи, въ Либавѣ и

въ Виндавѣ ошеской хлѣбъ всеѣнно взятъ мнѣ въ свою диспозицію, и объ ономъ что повелите?

Отвѣтъ. Надлежитъ тотчасъ нынѣ взятъ въ Ригу

7 Петеръ-панецъ содержать-ли и починивать-ли его, и буде починивать, то надлежитъ и магазейнъ сдѣлать.

Отвѣтъ. Держать и починивать, а магазейнъ сдѣлать малой, понеже всегда оной дополнить можно.

8. Магистратъ рижской, по ихъ привилегіямъ и по конфирмаціи вашего величества, никакимъ судомъ до губернаментства и до гофъ-герихта не привязанъ, и хотя по указамъ отъ губернаментства противности великой еще не показалось, однако больше обходится политическими отговорками и бумагами, между чего объявляють вышениписанныи свои привилегіи и вашего величества конфирмацію, а наче же въ строеніи фортеціи и въ нѣкоторыхъ противностяхъ съ гарнизономъ, и чтобъ для лучшаго съ ними управленія и послушанія вашего величества указомъ были опредѣлены.

9. Оной же магистратъ между себя выбираетъ въ магистратъ безъ вѣдома губернаментства (развѣ когда для почести скажутъ, что хотять выбрать, но персоны не объявляютъ) и въ томъ бывають и неотребыи къ тому между ими контры, о чемъ и прошенія отъ другихъ нынѣ произошли, и въ данныхъ нынѣ намъ инструкціяхъ выписываютъ сего на пасть, чтобъ были люди добрые и кѣрные.

Отвѣтъ. На 8 и 9-й пункты дасть будетъ указъ особой за нашею рукою.

10. Ваше Величество изволили указать мнѣ, дабы въ Ригѣ въ городѣ у артилеріи городской офицеру и прочимъ служителямъ нвоземцомъ не быть, а быть (хотя и въ магистратской диспозиціи однаковѣ) русскимъ, и о помянутомъ потребно Вашего Величества указъ въ Военную Коллегію о присылкѣ оныхъ офицера и прочихъ служителей и къ магистрату о послушаніи.

Отвѣтъ. О посылкѣ артилерійскихъ офицеровъ указъ посланъ.

1720-й годъ.

Записка сія перепечена по спискамъ рукою Петра такъ: Въ-Натер-бургѣ-въ-10-день — февраля — 1720 г. Петръ. —

Рига, при самомъ исполненіи своемъ, была укрѣпленнымъ городомъ. Въ 1200 г. епископъ Альбертъ объялъ весь городъ оборонительномъ стѣною съ башнями, и въ томъ же году яечивосцы выстроили укрѣпленный замокъ Виттенштейнъ, вѣтъ зрѣлостной стѣны (здѣшныиъ Иоанновскія церковь). Въ 1209 г. Рига выдержала 1-ую осаду и вѣрно со стороны Курля (Курсъ). — 14-го февраля 1320 г. Рига перенесла 2-ю осаду: 13 мѣсяцевъ гермейстеры Ливонскаго ордена (Фридрихъ фонъ-Манштейнъ, державъ городъ въ блокадѣ, и наконецъ вынудилъ рижанъ покориться себѣ. Вспомнивъ въ покоренный городъ, Манштейнъ 15-го июля 1360 г. заложилъ гермейстерской укрѣпленный замокъ (почти на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ генералъ-губернаторскій замокъ). Съ этого времени явилось различіе го-

родской ограды или собственно крепости, состоявшей из вѣдомствъ города, и укрѣпленнаго замка, состоявшаго из вѣдомствъ рыцарей.

Городскою крепостію заведывали магистраты, лучше сказать отдѣленіе магистрата, называвшееся *Мунстеріе*хъ. Мунстеріа производила крепостныя работы, заведывала крепостною артиллеріею, всѣми военными припасами. Мунстеріа были подчинены и крепостной инженеріи, обыкновенно иностранецъ и чаще всего голландецъ. Въ 1400 году относится начало насильствъ землевѣдныхъ верховъ и укрѣпленія ронделляхъ. Города и рыцарскій орденъ, владѣе крепостію, и замкомъ постоянно враждовали между собою. То замокъ былъ осаждаемъ городомъ, то городъ замкомъ. 18 мая 1484 г. горожане одолѣли рыцарей и сломали замокъ до основанія. Такъ не менѣе рыцари не думали отступиваться отъ власти надъ Ригонъ, возобновили вечныя дѣйствія въ 1489 г., разбили рижанъ въ 1491 г. на голову и принудили ихъ выстроить вновь герцогштерскій замокъ. — Въ 1492 г. началась постройка новаго замка (нынешній генералъ-губернаторскій домъ) и окончена въ 1515 г. — Съ 1525 г. герцогштеръ Плетонбергъ, утвердивъ привилегіи рижанъ, явился единственнымъ обладателемъ Риги. Архиепископъ рижскій потерялъ все свое значеніе, а съ 1530 г. рондели въ крепости начали перестраивать въ бастионы. Послѣ разгрома Ливоніи Иоанномъ Грознымъ, въ 1562 г. послѣдній герцогштеръ Готгартъ Кетлеръ сложилъ съ себя свое достоинство, присягнувъ Полюшю и за тѣмъ продолжаясь терпѣливо курляндскимъ и семигалскимъ и губернаторомъ Лифляндіи. — Замокъ заняты были польскими гарнизонами, городская же крепость осталась во власти магистрата. Въ 1601 и 1605 годахъ Ригу осаждали шведы, но безуспѣшно. Въ 1621 г. 16 сентября и замокъ и крепость перешли въ Густаву Адольфу. — Въ 1650 г. Шведы основали рижскую цитадель по проекту генералъ-квартирмейстера Иггершвида, и потомъ въ 1670 г. дали ей то начертаніе, которое она сохранила до нынѣ. Въ 1671 г. началась перестройка всѣхъ верховъ городской крепости, и работы продолжались до самаго завоеванія Риги Петромъ. 4-го іюня 1710 г. Рига пала въ Шереметеву. Цитадель поступила въ казенное вѣдомство, ибо городъ въ постройкѣ ея не участвовалъ, и при шведахъ она составляла собственность казны. Относительно же городской крепости въ § 8-мъ капитуляціи сказано: „всему тому, что съ крепостному строенію принадлежитъ, равножъ всѣмъ артиллеріи въ городѣ, мортирамъ, пушкамъ, табуламъ и всякаго причина знавія артиллеріи, дейхгаузамъ и что въ нихъ лежитъ и къ нимъ принадлежитъ, всему оружію, мушкету, порохамъ потребамъ и магазейнамъ, не менѣе же артиллерійскимъ и фортификаціоннымъ служителямъ съ небольшимъ городскимъ вѣдомомъ, остаться безъ всякой перемены подъ магистратскою дирекціею такъ, какъ оный магистратъ все то до него сполноу за собою содержалъ“. Утверждая капитуляціи 30 сентября 1710 г. Петръ противъ сего пункта отмѣтилъ: „должнѣется съ тѣмъ кондиціею, чтобы магистратъ со всякою ревностію на то смотрѣлъ, чтобы все показанное въ снѣгъ пунктъ содержать въ такомъ состояніи содержать, дабы въ нужномъ случаѣ оные употребить было можно“. — Такъ утвердилось различіе въ Ригѣ «цитадельской» и городской крепостей. Составила въ военномъ отношеніи одна кѣно, цитадельская крепость была въ вѣдѣніи казны и заведывалась рижскою инженеріею командою, городская же крепость состояла въ вѣдѣніи магистрата, и такъ продолжалось до 30 сентября 1811 г., когда городская крепость, по высочайшему повелѣнію, состоявшемуся еще въ 1809 г., перешла въ вѣдомство военныхъ инженеріи.

Рижская городская крепость существовала до 1857 года. Въ этомъ году, по высочайшему повелѣнію, рижская крепость упразднена и сдана 5 ноября обратно магистрату, но уже на сносъ. Съ 15 ноября того же 1857 г. магистратъ приступилъ къ работѣ сланнаго зала и быстро дѣлалъ работы. — Въ 1862 г. крепостныхъ верховъ, вѣрнѣе, по слову, потребовъ уже не было.

Рижская цитадель также не существуетъ нынѣ. По высочайшему повелѣнію отъ 22 іюня 1867 г. она упразднена, и веревъ ея сдана на сносъ городу же.

По 10 пункту вышеприведенной записки Репнина былъ посланъ въ „городовую фортецію“ артиллерій майоръ Ядановъ съ русскими же артиллерійстами — На 8 и 9-й пункты послѣдовалъ слѣдующій указъ:

109.

Божіею милостию мы, Петръ первый, царь и самодержецъ Всероссийскій и пр., и пр., и пр.

Объявляемъ вамъ, вѣрно любезные, высокошляхетные уроженцы и благоискусные бургомистры и райцы, нашу императорскую милость и благоволеніе.

Попеже увѣдомлены мы заподлинно, что у васъ по управленіямъ позволеннымъ вамъ отъ насъ въ городѣ Ригѣ отъ нѣкотораго между вами несогласія въ дѣлахъ принадлежащихъ къ интересу нашему, а особливо въ строеніи и починкѣ фортеціи и въ содержаніи гарнизона, артиллеріи, оружейныхъ дворовъ, амуниціи и магазиновъ, такожъ артиллерійскихъ и фортификаціи служителей и городской пѣхоты, происходятъ многіе непорядки, пренебреженіе и ослаба, чего, при настоящей продолжающейся у насъ со Швеціею войнѣ интересъ вашъ (въ предосторожность нашу) терять не можетъ. того ради разсудили мы за потребно снѣмъ вамъ нашимъ указомъ объявить, дабы вы въ вышеупомянутыхъ дѣлахъ, которыя къ охраненію города Риги принадлежать, т. е. въ строеніи и починкѣ фортеціи, въ содержаніи гарнизона, артиллеріи, оружейныхъ дворовъ, амуниціи и магазиновъ и служителей артиллерійскихъ и фортификаціи, такожъ и городской пѣхоты поступали и чинили по диспозиціи генерала отъ инфантеріи, генерала-губернатора нашего князя Репнина, которому данъ нашъ указъ, чтобъ онъ во всемъ ономъ управленіи имѣлъ надлежащимъ образомъ. Такожъ, попеже вамъ извѣстно изъ многихъ доношеній, что въ избраніи у васъ магистратскихъ и другихъ чиновъ, такожъ и въ судахъ чинится несправленіе. того ради мы за благо разсудили дать указъ нашъ, по новоучиненнымъ въ государствѣ нашемъ регламентамъ, помянутому генераль-губернатору нашему, дабы онъ того смотрѣлъ, чтобъ у васъ какъ то избраніе въ чины по достоинству, такъ и судъ по справедливости и правамъ безъ всякаго замедленія чинились, дабы изъ того подпаднымъ нашимъ не было обиды. Въ прочемъ же имѣть онъ васъ оставить въ томъ при прежнихъ правахъ и порядкахъ по данной вамъ нашей привилегіи. и такожъ надлежитъ вамъ и о томъ вышеписанномъ подавать ему извѣстіе, я пребываемъ вамъ нашею милостию склонный. Данъ въ С-Петербургѣ, февраля 24 дня 1720 года. Петръ. Графъ Головкинъ.

На содержаніе „городской фортеціи“ магистратъ, какъ мы уже говорили, не назначалъ первоначально никакихъ опредѣленныхъ суммъ, а отбавлялся уменьшеніемъ городскихъ доходовъ, началъ отпущать деньги въ столь уже ограниченномъ числѣ, что содержаніе фортеціи затруднялось. Слѣдовательно, указомъ отъ 28 марта 1731 г. нашелся вынужден-

начи предписать магистрату, чтобы на содержание крепости онъ ежегодно расходовалъ 10 тысячъ рублей. Указъ этотъ былъ подтвержденъ въ 1760 году, и генералъ-фельдмаршалъ Шуваловъ 14 января 1760 г. предписалъ капитану рижской артиллеріи и фортификаціи наблюдать за тѣмъ, чтобы магистратъ непремѣнно издерживалъ въ годъ по 10 тысячъ рублей на крепостныя работы, и недоплатившіе деньги считать въ долгъ на городомъ. Какъ плохо уплачивались эти деньги, видно изъ того, что при сдачѣ городской крепости въ 1811 году въ казну, недоплатившихъ на работы денегъ считалось въ долгъ за городомъ 96,825 рублей серебромъ.

110.

Господинъ генералъ. По полученіи сего отпишите въ Ригу, дабы отправили въ Гданскъ къ капитану Вильбою изъ рижскаго гарнизона солдатъ 70 человекъ, выбравъ кои помоложе, съ добрымъ подручникомъ, и отпиши отъ себя въ Митаву къ Петру Бестужеву, чтобы онъ чрезъ Курляндію до Мемля далъ имъ тремъ человекомъ по подводѣ, чтобы скорѣе могли въ пути поспѣшить, а отъ Мемля гавани водою, и для того чтобы онъ, Бестужевъ, нанялъ имъ судна, и велите имъ дать денежнаго жалованья на полгода, и сверхъ того, чтобы снабдить ихъ въ дорогу провіантомъ со удовольствіемъ. Петръ. въ 13 день февраля 1720 г., въ С.-Петербургѣ.

Вильбоа, Никола (Францъ) Петровичъ, въ послѣдствіи контръ-адмиралъ, былъ женатъ на дочери пастора Глюка, въ домъ котораго императрица Екатерина I провела свои вѣнцы, и пользовался большимъ благоволеніемъ царя.

111.

Господинъ генералъ. По полученіи сего выпиши изъ Даниили капитановыхъ деревь 30 или больше и посади въ удобномъ мѣстѣ для пробы, а 3 или 4 передъ моими палатами въ городѣ. Петръ. 11 марта 1720 г.

Изъ посаженныхъ предъ палатами (нынѣ уѣздное училище) деревь въ настоящее время осталось только два капитановыхъ дерева, растущія передъ окнами, обращенными къ двору. Судя по толщинѣ этихъ деревь, нельзя, кажется, сомнѣваться въ томъ, что они были посажены именно по этому приказанію Петра.

112.

Господинъ генералъ. Письмо ваше апрѣля отъ 20 числа до насъ дошло, на которое отвѣствуемъ драгунъ команды вашей отъ Смоленска возьмите сколько вамъ потребно, по своему разсужденію; о прочемъ обстоятельстве писано къ вамъ изъ Военной Коллегіи. Петръ. Въ 3 день мая 1720 г. Изъ С.-Петербурга.

Р. С. За присланные отъ васъ устерсы и цытроны благодарствуемъ, и оныя зѣло съѣжи привезены.

113.

Господинъ генералъ. На письмо ваше мая отъ 1 числа симиъ отвѣтствуемъ. Рижскаго и Перновскаго гарнизонныхъ полки отпущены отсель еще до вашего письма, только оставленъ одинъ полкъ. Такожъ пишеть въ намъ изъ Курляндіи Петръ Бестужевъ, что курляндцы торговыя просятъ позволенія, дабы ихъ хлѣбъ, который описанъ въ Либоу и Виндау, отпустить имъ въ Выборгъ и въ Гельсингфорсъ для продажи на счетъ голландскихъ кунцовъ; но повсѣже въ перевозѣ того хлѣба есть небезопасности, дабы не достался неприятелю, того для велите взять у нихъ реверсъ, что ежели въ тѣ мѣста не будутъ, по ивуды найдутъ, то за оное заплатили бы въвое штрафу, а ежели такого письма дать не похотять, то бы они тотъ свой хлѣбъ для продажи привезли въ Ригу, и о томъ имъ велите объявить. Ежели же они замѣпкуются и вскорѣ того хлѣба въ помянутыя мѣста не отпустить, а между тѣмъ неприятель либо ускорить и высалить людей на курляндскій берегъ, и въ такомъ случаѣ велите тотъ хлѣбъ сжечь ежели оборонить будетъ не по силамъ, дабы въ руки неприятелю не достался. Петръ. Въ 11 день мая 1720 г. Въ С.-Петербургѣ.

Англія въ это время снаряжала сильный флотъ въ Балтійское море на помощь шведамъ. Ренникъ принималъ всѣ мѣры для защиты береговъ Лифляндіи отъ высадки англичанъ. Но извѣстно, что англійскій флотъ, посланный въ Балтійское море съ цілію устрашить Петра, никакъ не похотѣлъ русскимъ опустошить Шанскію.

114.

Господинъ генералъ. Когда прибудутъ изъ Голландіи торговыя корабли для взятія мачтовыхъ деревьевъ, тогда отпустите на тѣхъ корабляхъ мачтовыхъ деревъ на нашъ счетъ столько числомъ, сколько въ приложенной при семъ росписи написано, и адресуйте ихъ въ Амстердамъ въ Данилау фонъ Лезеку, и о томъ дайте знать господину послу князю Куракину Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 16 день мая 1720 г.

По росписи было назначено отпустить въ Амстердамъ 63 мачтовыхъ дерева разныхъ размѣровъ.

115.

Господинъ генералъ. Здѣсь обносится слухъ, что ѣдетъ сюда отъ англійскаго двора посланникъ или резидентъ Жефресъ или другой кто, и когда въ Ригу приѣдетъ, то сколько возможно имѣйте осторожность, чтобы не долго въ Ригѣ быть и не вкучался бы съ тамошними жителями, и для того немедленно его отправьте сюды на почтѣ, придавъ къ нему добрыхъ двухъ офицеровъ, которые бы всегда при немъ въ дорогѣ были неиступно, и ежели съ кѣмъ станеть говорить, чтобы они при томъ были, и для того изъ тѣхъ офицеровъ хотя бы

одинъ былъ таковой, который бы зналъ говорить по англійски. Петръ. Изъ С.-Петербурга, іюня во 2 день 1720 г.

Р S. *Корабли торговые, которые нагружаются и похотятъ итти, не давай (итти?), подѣ какимъ ни есть предложомъ удержи и описывайся, а безъ письма отъ меня не отпуская.*

116.

Господицъ генераль. Объявляю вамъ, что предъ нѣсколькимъ временемъ англійской и шведской флоты къ Ревелю и стояли у Наргина острова и пересылались письмами, а между тѣмъ шведы сожгли у насъ на Наргинѣ одну избѣ, да баню, которыя сдѣланы были для работныхъ людей. Потомъ во 2-й день сего мѣсяца пришла къ нимъ авизъ-яхть, по которой тотчасъ оба флоты пошли назадъ. Мы не знали причины такъ скорого ихъ отходу, ноже и отвѣту Перрисъ на свое письмо не дождался. Во третьяго дня получили мы вѣдомость, что партія наша подѣ командою бригадира фонъ Менгдена въ Швецію впала и яки счастливо чрезъ море перешла къ своимъ берегамъ, а что сдѣлазъ, при семъ прилагаю печатныя вѣдомости. Правда, хотя не гораздо великой непріятелью убытокъ учиненъ, только, слава Богу, сдѣлаво то предъ глазами помощниковъ ихъ, чему прелятствовать ничего не могли. Петръ. Изъ С.-Петербурга, іюня въ 8 день 1720 г.

Фонъ-Менгденъ былъ отправленъ съ 5-ти транспортомъ отрядомъ въ Швецію къ Филиадіи генераломъ княземъ Голицынымъ. Отъ высказана близъ городовъ старой и новой Уммы и пестрабиль: шляхетскихъ дворовъ 2, деревень 41, а въ нихъ дворовъ крестьянскихъ 1026, мельницъ вѣтряныхъ 7, водяныхъ 10, амбаровъ 118, мастовыхъ судовъ съ хлѣбомъ и другими вещами 8, лодокъ 13. Скота брали, сколько могли.

117

Господицъ генераль. Письмо ваше отъ 8 числа сего мѣсяца до насъ дошло, въ которомъ пишете, что по указу торговые корабли подѣ подлогомъ вы удержали, однакожъ когда шилоры будутъ объ отпускѣ съ принужденіемъ просить, тогда какъ съ ними поступать. И на сіе вамъ отвѣствуемъ, что нынѣ торговые корабли, которые въ путь свой готовы будутъ, отпускайте безъ удержанія, *развѣ въ силѣ днѣхъ нахи англійской флоты явится; въ такомъ случаѣ не надлежитъ отпускать.* Петръ. Изъ С.-Петербурга, іюня въ 21 день 1720 г.

Р S. Получили мы письмо изъ Данцига отъ Эртмана, изъ котораго къ вамъ посылаемъ при семъ экстрактъ, противъ котораго имѣйте осторожность, и когда такой капитанъ англійской прибудетъ въ Ригу и будетъ что противное дѣлать, то его вели задержать, и о томъ къ намъ пиши, таковъ имѣйте присмотръ и за тѣмъ купцомъ, къ кому онъ адресованъ изъ Данцига.

Экстрактъ изъ письма оберъ-аудитора Эргмана, писаннаго къ Его Царскому Величеству изъ Давидга іюня въ 7 день 1720 г.

Сего іюня мѣсяца 4 числа поимель изъ здѣшней рейды одинъ англійской капитанъ именемъ Кефельманъ со своимъ кораблемъ, съ шлюпкою Жорже, до Риги, которой капитанъ недавно пришелъ сюда изъ Швеціи и нагрузилъ здѣсь соли отвести въ Ригу къ купцу именемъ Гей (по англійски Нав), а поуже помянутой капитанъ взялъ съ собою нѣсколько суль (по англійски Buys), которымъ обычайно дѣляется знакъ другимъ о глубинѣ воды, а былъ здѣсь у купца англійскаго именемъ Гопманъ, который, какъ я слышалъ, корреспондентъ съ адмираломъ Норрисомъ, что я повиненъ Вашему Величеству довести, а о подлинномъ оного англійскаго капитана намѣреніи довести не могу. О всемъ сему я доносилъ его сіятельству генералу и бавалеру князю Репнину.

118.

Господинъ генералъ. Поуже прибывшій ко двору нашему польскій полномочной посолъ, воевода мазовецкій Хоментовской именемъ королевскимъ и Рѣчи Посполитой приносилъ здѣсь жалобу, что въ Курляндіи отъ людей нашихъ чинятся многія обиды какъ во взятія великихъ контрибуцій, такъ наипаче въ интересованіи въ тамошнее управленіе и сборы доходовъ того ради, сего іюня 9, указъ нашъ въ Митаву къ генералу комисару Бестужеву за подписаніемъ собственныя наши руки, дабы онъ въ Курляндіи ни въ какія тамошнія управленія и сборы пошанные и другихъ всякихъ доходовъ не вступался, и отнюдь ни до чего не интересовался, съ котораго при семъ указа конія ради лучшаго выразумлѣнія вложена, и повелѣваемъ вамъ симъ, дабы вы, по близости въ Курляндіи, надъ нимъ генераломъ комисаромъ Бестужевымъ прилежное всегда надзираніе имѣли, чтобы онъ, будучи въ Курляндіи, поступалъ во всемъ противъ вышеозначеннаго нашего отправленнаго къ нему указу и въ управленіе, порядки и сборы доходовъ тамо отнюдь не интересовался и прочимъ жителямъ курляндскимъ никакихъ обидъ и тягостей не чинилъ, такожъ и инымъ нашимъ людямъ того или иного какого своевольтва чинить не допускалъ, и надлежитъ вамъ о томъ ему, Бестужеву, письмами своими по часту подтверждать и о всемъ отъ него частныхъ репортовъ требовать. Петръ. Изъ С.-Петербургa, іюля 3 дня 1720 г.

Конія съ указа Его Царскаго Величества, отправленнаго къ генералу комисару Петру Бестужеву.

Господинъ генералъ-комисаръ. Повелѣваемъ тебѣ силъ нашимъ указомъ, дабы ты, по полученіи сего, въ княжествѣ курляндскомъ ни въ какія тамошнія управленія и сборы тамошніе и другихъ всякихъ доходовъ не вступался, и отнюдь ни до чего не интересовался, кромѣ

однѣхъ мѣстностей, определенныхъ отъ оберъ-ратомъ курляндскихъ на содержаніе племянницъ нашей вдовствующей герцогини курляндской царевны Анны, и сжали, кромѣ сихъ мѣстностей, гдѣ нынѣ въ Курляндіи люди наши у какихъ сборовъ или у наемнанія оныхъ нынѣ есть, тѣхъ всѣхъ тебѣ оттуда свѣсть, такожь будеи какіе курляндскіе сборщики подъ твоимъ управленіемъ, у какихъ сборовъ были, оныхъ всѣхъ подчинить оберъ-ратамъ и объявить онымъ курляндскимъ оберъ-ратамъ, дабы они всѣ тѣ сборы доходовъ и прочее управление въ Курляндіи (кромѣ помянутыхъ мѣстностей, определенныхъ племянницъ нашей) въ свою диспозицію приняли, и въ томъ отчетъ, кому надлежитъ, сами впредь давали. Такожде мы увѣдомлены, что въ Курляндіи на почтовыхъ подстапахъ стоятъ многія подводы, а именно по 20 и болѣе, что курляндцы себѣ за немалую тяжесть причитають, того ради ты съ тѣхъ почтовыхъ становъ въ Курляндіи лошадей немедленно убавь, и учреди на каждомъ стану для пущихъ посылокъ держать съ перемѣною токмо по 6 лошадей, и за тѣмъ у посылаемыхъ курьеровъ вели брать поверстныя деньги противъ того какъ платять за такія почтовые лошади въ Лифляндіи, а именно по 2 алтына на 10 верстъ и лошадь, а безъ такихъ поверстныхъ денегъ никому тѣхъ почтовыхъ подводъ давать не вели, такожь и въ прочемъ повинныхъ налоговъ курляндскимъ жителямъ не чини, и никому чинить не позволяй. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 9 день іюля 1720 г

Не для однихъ жалобъ на Вертужера прибылъ въ Петербургъ Холментскій. Главнѣйшею целью посольства было получить съ царя изъясненія по присланымъ донесеньямъ субсидіи и требовать отдачи Ливоніи. Посольство Холментскаго, конечно, не имѣло ни малѣйшаго успѣха. (См. Пет. Россія Соловьева, томъ XVII, стр. 293—296).

119.

Господинъ генераль. Письмо ваше іюля отъ 10 числа до насъ дошло, въ которомъ пишете о шкипорѣ, который сказалъ, что транспортныя суда неприятель распустилъ, и повсѣе вѣрить во все то невозможно и для того, по первымъ вамъ даннымъ указамъ имѣете всякую предосторожность, и у того шкипора для лучшаго утѣренія возьмите за присягою письменное подтвержденіе въ томъ, что правду ли онъ сказалъ, и сжали онъ присягою тожь подтвердить, то вели его изъ-за ареста свободить, а ротмистра присылай въ воинскую коллегію, какъ вы о томъ сами писали. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 18 день іюля 1720 г

120.

Господинъ генераль. Писали мы къ племянницѣ нашей царевнѣ Аннѣ, чтобъ она прѣзжала въ Ригу и была бы тутъ въ вѣко-

того времени, пока мы къ ней отпишемъ. того для заранѣе пригото-
вить ей въ Ригѣ квартиру, и вели скорѣе собрать подводы, на чемъ
ей отъ Митавы до Риги ѣхать. Петръ. Изъ С.-Петербурга, августа
въ день 5 1720 г.

Р. С. Приложенное при семъ письмо къ племянницѣ нашей
немедленно отошлите въ Митаву.

Герцогиня прибыла въ Ригу 18 августа, 1 сентября прѣхала сюда князь Ал.
Дан. Меншиковъ, а она вслѣдъ отиравалась изъ Петербурга 5 сентября.

121

Господинъ генералъ. Объявляемъ вамъ, что предъ нѣсколь-
кимъ временемъ услышали мы, что непріятельскіе корабли и галеры
явились въ Ламеландской гавани, по которымъ вѣдомостямъ писали,
дабы генералъ князь Голицынъ, взявъ добрую часть галеръ, или самъ
шелъ, или послалъ для поиску надъ онымъ, а сего мѣсяца въ 6
день получили отъ него чрезъ майора Шипова зѣло радостную вѣдомость,
что онъ непріятеля въ вышерѣченномъ мѣстѣ засталъ и далъ съ нимъ бой,
и съ помощію Божіею четыре фрегата отъ нихъ взялъ, изъ которыхъ
два взяты абордажемъ на полномъ ходу. И сею нечаянною викторіею
вамъ поздравляемъ, а какимъ порядкомъ то дѣлалось и что чего взято,
тому прилагается печатная вѣдомость. Петръ. Въ 8 день августа
1720 г., изъ С.-Петербурга.

Сраженіе происходило 27 іюля въ шхерахъ у острова Грентама. Было 4 фрегата,
изъ нихъ офицеровъ и прочаяхъ морскихъ и сухопутныхъ служителей 407, убито 103, пу-
шекъ взято 104. На русскихъ галерахъ убито сухопутныхъ и морскихъ 82, ранено 203,
опалено 43, всего вышло 328, въ томъ числѣ офицеровъ убито 2, ранено 6 и оказано 1.

122.

Указъ господину генералу и губернатору лифляндскому князю
Репнину. При семъ посылаемъ къ вамъ книгу воинскаго морскаго
устава, которая нынѣ напечатана, и какъ оную получите, то по оной
поступайте, какъ со своими такъ и съ иностранными, и объявите
всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, чтобъ всякій о должности
своей, что кому прилично, вѣдалъ и поступалъ такъ, какъ добрымъ
и честнымъ людямъ надлежитъ, дабы послѣ не могъ никто невѣдѣні-
емъ отговариваться. И сей указъ велите записать въ рижской канце-
ляріи въ книгу, дабы и впредь кто по васъ будутъ управители о сей
книгѣ вѣдали, и всегда въ памяти имѣли, и отдавали бы сей указъ
при перемѣнахъ одинъ губернаторъ другому съ росписками. Петръ.
Въ 18 день августа 1720 г. въ С.-Петербургѣ.

Р. С. При семъ же посылаемъ еще тѣхъ же двѣ книги,
изъ которыхъ пошлите одну въ Перновъ, другую въ Динаминдъ, и
напишите къ комендантамъ отъ себя указы въ таковой же силѣ, какъ
выше писано.

Морской устанъ 26 августа былъ посыланъ къ перловскому коменданту бригадиръ Алексѣю Батаганову, а 27 августа къ донаминскому коменданту полковнику Ивану Кропоткину.

Устанъ сей напечатанъ въ VI томѣ II. С. З. подъ № 3485.

123

Господинъ генералъ. Въ 8 число сего мѣсяца, взятыя шведскіе фрегаты сюда съ триумфомъ пришли вътрѣхъ вѣсть-звѣдъ-вестомъ и какъ оныя шли, также предводили и замыкали ихъ галеры, тому прилагаю копирштыхъ (*) при семъ, также и пирамиду съ проблемами, которая для сего триумфа на Троицкой площади сдѣлана. Сія фрегаты давно приведены были, но замѣшались за тѣмъ, что двоихъ изъ нихъ на комезіяхъ вводили въ устье; при семъ же посылаю ихъ пропорцію длины, ширины и глубины. Правда, что написаны фрегатами всѣ, но два изъ оныхъ Штуръ-Фениксъ и Венкеръ сей рангъ превосходить: пожеже Фениксъ былъ о 50 пушчахъ, но раненъ былъ, того для палуба верхняя снята; а Венкеръ и теперь двоспалубный и съ фордекомъ и имѣетъ 44 окна пушечныхъ, только исподней дагы шведы не употребляли для тѣсноты или низостй между палубъ. Сего триумфа нынѣ послѣдній третій день, и всѣ ночи убраны иллюминаціями зѣло изрядно. При вводѣ ихъ стрѣляно съ обоихъ крѣпостей изъ столько пушекъ, сколько на нихъ взято. Петръ. Изъ С.-Петербурга, сентября въ 11 день 1720 г

Размеры нѣкоторыхъ кораблей были слѣдующіе:

	Длина.	Ширина.	Глубина въ водѣ.
Штуръ-Фениксъ	110 футъ	29 ф. 7 дюйм.	13 футъ
Данскъ-Эрцъ	109 "	24 " 2 "	13 "
Сискевъ	76 "	20 " 2 "	9 " 6 дюйм.
Венкеръ	109 "	30 "	17, между палубъ 5 ф. 1 дюйм. оконъ пушечныхъ 47

124.

Господинъ генералъ. Податель сего письма господинъ Збуржинскій отпушенъ отъ насъ въ свое отчество, и когда онъ къ вамъ прїѣдетъ, тогда на время отведите ему въ Ригѣ квартиру, также отпшите въ Курляндію къ Бестужеву, чтобъ онъ его отпразднелъ безъ задержанія. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 11 день сентября 1720 года.

(*) Копирштыхъ — гравюра. Къ этому указу приложены три гравюры, довольно отчетливо выходящія. На одной гравюрѣ изображены медали, выбитыя по случаю победы, на второй — взятые корабли и на третьей — пирамида.

125.

Господинъ генералъ. Увѣдомились мы, что отъ Пернова на корабляхъ не малое число за море отпускають лѣсу. И по полученіи сего отпускъ за море лѣсу запретить, дабы никто не отпускали, *понеже ставится безмыслию.* Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 25 день Сентября 1720 г.

126.

Господинъ генералъ. Всенутѣйшаго князя папы *вселемъ будетъ* мнѣнныя мѣсяца съ 15 числа и продолжится три дня, ежели можешь успѣть злыо *желаемъ, чтобы ты былъ, ибо по прежнему хорошо будетъ.* Петръ. Изъ С. Петербурга, въ 5 день Октября 1720 г.

1721-й годъ.

127

Господинъ генералъ. Имѣемъ мы вѣдомость, что Голстинскій герцогъ отъ Бреслава путь свой взялъ якогнито, подъ именемъ одного капитана Томсона, и будетъ оной свой путь продолжать чрезъ Курляндію къ Ригѣ, того для отправьте изъ Риги на встрѣчу къ нему добраго офицера, и всѣмъ ему подводы и прочее что принадлежитъ къ пути его приготовить, такожь и конвой по разсмотрѣнію, ежели онъ самъ будетъ требовать, о чемъ и къ Бестужеву въ Курляндію отпишите отъ себя, чтобы вспомогалъ, и когда герцогъ въ Курляндію прибудетъ, чтобы ему всякое почтеніе чинить, такожь въ Ригѣ приготовьте для его добрую квартиру, *и о прочемъ сколько возможно чините къ его удовольствію и намъ дай знать, какъ въ Ригу прибудетъ.* Петръ. Изъ С.-Петербурга, Марта въ 1 день 1721 г.

Петръ самъ пригласилъ герцога голстинскаго Карла Фридриха въ Россію, чтобы побудить Швецію къ миру и насеніемъ, что онъ будетъ оружіемъ-поддерживать права его, герцога, на шведскій престолъ. Къ этому же царь хотѣлъ и лично познакомиться съ герцогомъ, такъ какъ въ то время возникло предложеніе брачнаго союза между нимъ и царевною Анною Петровною.

По прибытіи герцога въ Ригу, каръ 11 Марта отправился съда изъ Петербурга. 12 Марта выѣхалъ въ Ригу и карлъ Екатерина Алексеевна. Государь ѣхалъ въ Ригу 17 Марта при пушечномъ салютѣ и соловодиномъ блонѣ и остановился въ собственныя палаты, гдѣ его встрѣтилъ герцогъ голстинскій и герцогиня курляндская Анна Юлиановна. Петръ пробылъ въ Ригѣ до 22 Мая.

128.

Его Царскому Величеству рабское доношеніе отъ генералъ-губернатора Релиина.

1. Въ лифляндскихъ гарнизонныхъ полкахъ офицеровъ многое число некомплектъ, а которые и есть, и въ тѣхъ много старыхъ и неискусныхъ.

Вѣсто отвѣта рукою государя отгѣченъ крестъ X

2. Магазинами, какъ пороховыми, такъ и хлѣбными, зѣло скудно, для чего нынѣ лежить не въ удобныхъ и опасныхъ мѣстахъ.

Отвѣтъ (*). Прислать удобныя мѣста и объявить съ рисункомъ и своимъ мнѣніемъ.

3. Въ городѣ Ригѣ башня пороховая обвѣтшала и для того разобрана, и вмѣсто оной надлежитъ построить городомъ пороховой магазинъ вновь, который въ томъ-ли мѣстѣ строить или гдѣ въ другомъ, избравъ удобное и безопасное мѣсто?

Отвѣтъ. Гдѣ и лучше и безопаснѣе; напередъ избрать и показать мѣсто.

4. Цитадель и городъ Ригу и Динаментавицъ гдѣ надлежитъ починить, по прежнему-ль починивать, а паче же въ цитадели валъ подорванный зѣло слабъ въ крѣпости, а матеріаловъ къ каменной работѣ надобно немалое число, а здѣшнимъ приготовленіемъ тѣхъ матеріаловъ и мастерамъ управиться невозможно. Также Петеръ и Табакъ-шанцы такъ ли долѣивать какъ нынѣ начаты или другимъ образомъ?

Отвѣтъ. Сдѣлать рисунки и смѣту во что станеть, и по онымъ смотрѣть надлежитъ, что первѣй и что одно по другому

5. Каналъ, который съ поля проведенъ въ городской ровъ, также который въ городѣ былъ, чистить-ли и починивать-ли?

Отвѣтъ. Городовой чистить, а что съ поля перво осмотрѣть

6. Здѣсь въ Ригѣ обыкновеніе купецкимъ морскимъ судамъ глубокаго ходу останавливаться на рейтѣ, и изъ него выгружаютъ на малыя суда и первозятъ за насмъ, а нанимаются здѣшнія мелкаго грузу суды; а мое мнѣніе: лучше бы было Вашего Царскаго Величества мелкаго грузу ластовыя суда прислать и со служителями и помывутую перегрузку перевозить на нихъ за насмъ.

Отвѣтъ. Писано въ Петербургъ о высылкѣ сколько будетъ потребно, и вольныхъ не допускайте, когда сѣи будутъ.

7. Когда былъ отправленъ сюда для управленія здѣшней провинціи и городовъ тайный совѣтникъ баронъ господиномъ Левенвольде и ему дана инструкция какъ управлять во всякихъ интересахъ, которая и бывъ у сына его генерала адъютанта. А оная здѣсь для управленія весьма потребна, ибо нынѣ данная мнѣ инструкция изъ Правительствующаго Сената въ здѣшнимъ управленіямъ (которые особливо состоятъ) мало слѣдуетъ того ради нижайше прошу дать

(*) Въ отвѣтъ писанъ собственноручно Петромъ.

мнѣ инструкцію вновь, или отъ генерала адъютанта Легольда, сына помянутого тайнаго совѣтника. отобрать, отдать мнѣ.

Отвѣтъ. X

8. Нынѣ здѣсь ландратскихъ вакансовъ не мало отъ умершихъ, а иные за великою старостію отъ службы отказываютъ, а здѣсь обыкновеніе, и Вашего Величества всемілостивѣйшею резолюціею подтверждено, выбирать къ ландраты самими шляхтѣ и для конфирмаціи доносить тотъ выборъ Вашему Величеству, а собираютъ къ тѣмъ ландратовъ собраніямъ въ городѣ, и нынѣ просить, чтобъ имъ повелѣно было учинить собраніе для ландратскаго избранія, и выбрать.

Отвѣтъ. Чинить по ихъ привилегіи, а дѣлать чтобы выбрали надежныхъ и для того чрезъ тѣхъ, кои повѣрѣе, лично на тѣхъ, которые надобны, голоса дать, хотя и меньше другихъ будетъ оныхъ ставить.

9. Курляндскій шляхтичъ Сакель просить Вашего Величества, дабы ему заплачено было за огни, которые онъ всегда имѣетъ на курляндской сторонѣ для хода корабельнаго съ моря въ Ригу; а, по справкѣ, здѣсь въ Ригѣ во владѣніе высокой державы Вашего Величества ему за тѣ огни ничего не плачено, и оному предлагается къ сему экстрактъ подъ знакомъ А, и потому его прописно платить ли за тѣ огни за прошлые годы и впредь, и изъ какихъ доходовъ?

Отвѣтъ. Дать за огни и платить изъ такихъ доходовъ, изъ которыхъ плачены при шведскомъ владѣніи.

10. По доношенію доносителя Салмона, члена инквизиціи въ корреспонденціи въ Швецію и другія мѣста, изъ чего экстрактъ предлагается и съ росписью описныхъ пожитковъ и товаровъ и денегъ корреспондентовъ подъ знакомъ Б, для резолюціи.

Отвѣтъ. X

11. По сего доношенію о двухъ мызахъ будто владѣютъ нѣкоторые шляхта безъ документовъ, и одна сыскана въ публичныхъ, а другую владѣль шляхтичъ яко приватною, о которой нынѣ слѣдуетъ инквизиція, а наѣвсю и впредь таковыя найдутся, и съ таковыми мызами и владѣтелями что чинить?

Отвѣтъ. Отбирать, а за владѣніе, исправя гдѣ что съ нихъ получили, брать.

12. Которые здѣшніе лифляндцы выѣхали отсюда, иные предъ взятіемъ, а иные и по взятіи здѣшней провинціи и крѣпостей, и живутъ въ Гамбургѣ и другихъ таковыхъ же мѣстахъ и, по публикованіи указнаго термина (которые не явятся въ годъ и въ шесть недѣль, здѣсь таковыя отъ всего будутъ лишены), спустя не мало время, нѣкоторые изъ нихъ въ подданство присягали въ Гамбургѣ у резидента Бетхера и тѣ присяги сюда прислали, и сами по прежнему тамъ же живутъ, а по какому указу здѣсь присягали неизвестно, и тѣ присяги и ихъ за подданныхъ признавать-я?

Отвѣтъ. Не признавать.

13. Помянутый Салмонъ нынѣ доносить и впредь ежели будетъ доносить въ какихъ неважныхъ дѣлахъ, а именно въ корреспонденціи и пересылкѣ денегъ и прочее, кромѣ Швеціи, и оныя принимать-ли и слѣдовать-ли? Притомъ же и челобитная его о награжденіи.

Отвѣтъ. Принимать; а награжденіе дать надобно, чтобы сыскалъ, дабы нынѣ было охотнѣе служить.

И на вышеписанное сіе мое доношеніе рабски прошу Вашего Царскаго Величества всеимилостивѣйшаго указа Князь Репнинъ, апрѣля 25 дня 1721 года, въ Ригѣ.

Приведенная здѣсь резолюція по сему докладу писана государемъ въ Ригѣ 15 мая 1721 г.

129.

Указъ генераль-губернатору господину князю Репнину

1) По дѣламъ, которые слѣдуются здѣсь по доношенію Ягана Салмона, надлежитъ купца Гильбода Лидерсона пытаться, какая еще корреспонденція была предъ нимъ, и понеже въ важномъ дѣлѣ къ нему послѣднее письмо явилось, по тому можно знать, что переплюс и, можетъ быть, о многомъ къ нему писано было, и о такихъ вредныхъ дѣлахъ съ кѣмъ здѣсь говоривалъ и кого знаетъ такихъ же корреспондентовъ.

2) Съ другихъ, которые корреспонденцію имѣли, взять штрафъ слѣдующей, что хотя къ собственникамъ или корреспондентамъ ихъ подлинно посылали, которые въ Швеціи и въ другихъ мѣстахъ, оное доправить, а что изъ казны дано, то вдвое, и при томъ объявить, что о чемъ будетъ впредь корреспондовать хотя о маломъ какомъ дѣлѣ, то казненъ будетъ смертію и все имѣніе будетъ взято, а что у кого такихъ еще здѣсь, или въ землѣ явится, то взять яко ошальное.

3) По дѣлу Михеля Мазьма спросить магистрата, для чего, вѣдавъ заказъ, что не корреспондовать, а позволили оному корреспондовать. Петръ. Въ Ригѣ, въ 15 день мая 1721 г.

130.

Меморія генераль-губернатору господину князю Репнину

1) Придѣлать падатку къ вышеписанной конторкѣ такую величиною, и дверь сдѣлать въ круглую лѣстницу и полъ нею жила.

2) Дворъ хлѣбниковъ купить или на выморочной промѣнять и двери проломать.

3) Заготовить къ строенію на новомъ мѣстѣ, что близъ Александра шанца, плитнаго камня, кирпичу и извести; а кирпичъ, кажется, лучше подрядить изъ Голландіи или изъ Любека на товары.

4) Канавъ вычистить, которымъ прежде сего въ ровъ вода текла, и привести воду сего лѣта.

5) Островъ весь обдѣлать фасшинами отъ рѣки, дабы тутъ быть верфю сего города; сіе дѣлать по окончаніи работъ въ зачатомъ огородѣ.

6) Для разводу лѣсомъ, избравъ удобную землю, вспахать и насаждать дубовыми желудами, также липовымъ и кленовымъ семенемъ.

7) Огородъ съ трехъ сторонъ, кромѣ рѣчной, огородить досками напками. Петръ. Мая въ 22 день 1721 г., въ Ригѣ.

Огородъ, о которомъ упоминается здѣсь, есть нынѣшній царскій садъ, zaloженный Петромъ въ 1721 г., во время пребыванія въ Ригѣ. Въ этомъ саду указываютъ на дыму, погашенную свѣчу говорить преданіе, самъ Петръ. Въ настоящее время царскій садъ сильно заросъ.

131

Указъ генералъ-губернатору господину князю Репнину

Увѣдомились мы, что денежные сборы и доходы, которые здѣсь собираются, всѣ не употребляются къ тому, къ чему они определены и что въ содержаніи здѣшней фортификаціи и въ прочихъ нужнѣйшихъ учрежденіяхъ отъ бургомистровъ и магистрата здѣшняго города есть пренебреженіе не малое, и хотя мы позволили тѣмъ денежнымъ сборамъ и доходамъ по прежнему у нихъ быть, однакожъ въ нынѣшнюю нашу здѣсь бытность дали ямъ указъ, чтобъ безъ вѣдома вашего никуда опыхъ не употребляли, и ежемѣсячно исправную вѣдомость, какъ о приходѣ, такъ и о расходѣ денегъ, за руками вамъ подавали; того для по вышеписанному указу, какъ въ приходѣ, а наипаче въ расходѣ денегъ, прилѣжное имѣйте смотрѣніе, чтобъ на непотребные расходы употреблены не были. Петръ. Мая въ 22 день 1721 г., въ Ригѣ.

Тоже самое царь писалъ еще 18 мая 1721 бургомистрамъ и магистрату города Риги. Указавъ на пренебреженіе имамъ фортеціи, Петръ повелѣвалъ имъ: „дабы тѣмъ деньгамъ не распозаты и никуда оны не употребити, безъ вѣдома и не объявляя о томъ напередъ здѣшнему нашему генералу и генералъ-губернатору князю Репнину, которому мы также ежемѣсячно исправную вѣдомость, какъ о приходѣ, такъ и о расходѣ тѣхъ денегъ, за подписью подавать имѣете“

132.

Господинъ генералъ. Понеже, какъ пишетъ Юсенъ, что у огородной работы солдатъ больше не бываетъ, какъ человекъ по 800 а иногда малымъ лѣтамъ больше и меньше. того для, по полученіи сего, велите къ той работѣ солдатамъ прибавить изъ гарнизонныхъ сколько возможно, дабы скорѣе могли отдѣлать. Петръ. Изъ Ревеля, юни въ 15 день 1721 г.

133.

Господинъ генераль. Отправленъ отъ насъ къ вамъ въ Ригу поручикъ отъ гвардіи Шемякинъ для осмотра лѣсовъ по уѣзду для огорода, и чего оны будутъ отъ васъ требовать, а именнно офицеровъ и солдатъ и прочаго, дайте ему безъ замедленія. Петръ. Изъ Ригергофа, въ 8 день іюля 1721.

134.

Господинъ генераль. Попеже зѣлю намъ нужно, чтобъ перевести къ князю Куракину денегъ 8638 ефимковъ, того для поговора ратгеру Цимерману или другимъ рижскимъ купцамъ, чтобъ на то число вексель дали, и какъ дадутъ, то немедленно отправь на почтѣ въ Голландію къ князю Куракину и о томъ къ намъ для вѣдома пиши тогда мы вмѣстѣ того вашимъ имъ заплатить здѣсь въ Петербургѣ или на Москвѣ, кому они везать. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 26 день іюля 1721 г.

Р. S. Также надобно вамъ пріѣзжать сюда самому въ числу августа, понеже на заѣтріе начнется князь-нашъ поносъ.

135.

Господинъ вице-губернаторъ (*). Объявляемъ вамъ, что всемилостивый Богъ двадцати одру лѣтнюю такъ жестокую и опасную войну благимъ и пожеланнымъ миромъ благословить изволилъ, которой миръ заключенъ августа въ 30-е въ Нейштатѣ и онымъ вамъ поздравлемъ. И за сію толковую божескую милость надлежитъ трикратно благодареніе учинить. первое тотчасъ, какъ вѣдомость придетъ, другое октября 22 дня, третье января 28 дня, дабы два послѣдніи во всемъ государствѣ вдругъ отправлены были. И всѣ три съ троекратно пушечною стрѣльбою. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 9 день сентября 1721 г.

Р. S. Сие, какъ ландратомъ и шляхетству, такъ и магистрату объявите, такожъ и всему народу.

Манифестъ о ниптатскомъ мирѣ былъ приложенъ въ Ригу флота капитаномъ Государемъ 28 сентября и въ тотъ же день былъ прочтенъ въ катедрахъ, въ Домскомъ перамъ и въ церкви св. Никола, въ присутствіи вице-губернатора Воейкова, ландрата, магистрата, двухъ псалоді, и мѣщанска, при пушечной пальбѣ. Текстъ Ниптатскаго трактата о ниптатанъ въ IV томѣ И. С. З. томъ N 3819. Разграниченіе земель со Швеціей произошло въ 1723 г. См. о томъ И. С. З. томъ VII, № 4189.

(*) Воейковъ. — Рижани въ это время были въ Петербургѣ.

136.

Указъ господину генералу князю Репнину Прелѣ нѣсколькимъ временемъ писали мы въ Митаву къ Петру Бестужеву, чтобъ о выкупленіи въ Курляндіи княжескихъ закладныхъ отъ шляхты аятовъ и маестностей съ ними договариваться, на что оной отвѣтствовалъ, что нѣкоторые изъ шляхты къ тому вынѣшлись склонны того для отпущи отъ себя въ Ригу, чтобъ переслали къ нему вынѣш изъ рижскихъ доходовъ напередъ для задатку за маестности 30,000 ефимковъ *выдать*. Въ С.-Петербургѣ, октября въ 29 день 1721 г.

Указъ этого государемъ не подписанъ, но слово *выдать* написано имъ собственноручно.

137

Указъ генералъ-губернатору, господину князю Репнину По-неже, по милости Вышняго, имѣемъ миръ, въ которомъ о распорядкахъ домовыхъ трудиться надлежитъ, изъ которыхъ обрѣтаемъ и сіе, что городъ Рига великое купечество имѣетъ, а все на чужестранныхъ судахъ, отчего какъ прибыли лишаемся, такъ и въ обученіи навигаціи, чего ради мы даемъ безденежно сему городу *десять* судовъ морскихъ и съ матросы, которые они долженствуютъ содержать, и буде какое несчастіе придетъ надъ которыми, то вмѣсто его новое сдѣлать, какое хотить, лишь бы не меньше застами, и тако всегда сіе имѣть, и не тоію имѣть, но и тщиться еще умножить, для чего надлежитъ магистрату немедленно верфь зачать, *годъ прилично*. Матросовъ должны имѣть на своей платѣ. Петръ. Въ С.-Петербургѣ, въ 17 день ноября 1721 г.

О семъ учини анистаты и репортовать (*).

1722-й годъ.

138.

Господинъ генералъ. Прелѣ симъ писалъ къ намъ изъ Курляндіи Петръ Бестужевъ, что оберъ-гауптманъ Рень въ Курляндіи поступалъ противно нашему интересу и потому, по разговорамъ его Бестужева, тѣ противныя поступки чинить пересталъ; а вынѣш онъ же Бестужевъ пишетъ, что помянутой Рень, взявъ съ собою адвоката Витмана, поѣхалъ въ Гданскъ, а изъ Гданска хотѣлъ ѣхать для дѣлъ

(*) Корабельной верфи въ Ригѣ зачатъ не было; анистаты — Anstalt, учрежденіе.

книзя Фердинанда въ Варшаву, и ежели онъ по прежнему будетъ противности чинить, то въ курляндскія его маестности командируйте роту или больше драгунъ, смотря по препорціи его деревень, и велите имъ брать для себя провантъ и фуражъ. Петръ. Съ Петровскихъ заводовъ, марта въ 7 день 1722 г.

Генералъ Фердинандъ постоянно проживалъ въ Данцигѣ, гдѣ онъ и умеръ 1 мая 1737 г. Рига, назначенный въ должность обер-камергера самимъ герцогомъ, хлопоталъ о томъ, чтобы всѣ герцогскія доходы пересчитались въ Данцигъ.

139.

Господинъ генералъ-губернаторъ. Доносителя сего подпоручика Юссена послали мы въ Ригу съ чертежемъ тамошняго огорода, а что ему велѣно дѣлать, и то усмотрите изъ данной ему инструкціи и сколько потребно будетъ для сажанья въ тотъ огородъ какихъ деревъ, и оныя велите немедленно пріискать, возить и сажать, также и прочее что надобно велите дѣлать. Петръ. Въ Москвѣ, изъ Преображенскаго, марта въ 18 день 1722 г.

Въ инструкціи Юссену указано, гдѣ, по какимъ дорожкамъ и когда сажать деревья.

140.

Господинъ генералъ. Пишетъ адмиралъ Крейцъ, что онъ обѣ отдалъ товаровъ кораблю Фовлазига, который разбился у Любека, къ генералу комиссару Бестужеву многократно писалъ, дабы съ помянутого корабля товары отдать страховщикамъ, которыхъ и не имѣвъ тѣмъ страховщикамъ еще не отдали, отчего не малой убытокъ имъ учинился, ибо прислать было для пріему помянутыхъ товаровъ отъ нихъ корабль, который, выстоя 6 недѣль, возвратился пакы въ Любекъ праздно того дня, ежели еще тѣ товары не отаны. то, какъ возможно скорѣе, велите ихъ тѣмъ страховщикамъ отдать, буде же добровольно не отдадутъ, то принудите ихъ силою отдать. и тѣ напрасные убытки на виноватыхъ доправить. Петръ. Въ 8 день мая 1722, изъ Преображенска.

141.

Господинъ генералъ. Когда капитанъ отъ гвардіи вашей Бибииковъ, по врученной ему отъ насъ комиссіи, чего у насъ требовать будетъ, то по предложенію его чините. Петръ. Въ Москвѣ, въ 11 день мая 1722 г.

Также ему о некоторомъ дѣлѣ наказано, когда прибудетъ, и то вамъ чинить, такъ дѣлайте.

142.

Господинъ генералъ. Когда на строеніе въ Ригѣ нашихъ домовъ и огородовъ потребны будутъ деньги, тогда на оныя употребляйте изъ какихъ нибудь рижскихъ сборовъ, а что издержано будетъ, и то число впредь возвратите изъ тѣхъ денегъ, которыя будутъ собираться съ выкупныхъ въ Курляндіи амтновъ отъ Петра Вестужева. Петръ. Изъ Коломны, мая въ 16 день 1722 г

Этотъ и предыдущій указы подавъ Ревинну капитанъ Бибиковъ іюня 5 дня 1722.

143.

Господинъ генералъ. Объявляемъ вамъ, что мы отъ Астрахани шли моремъ до Терка, и отъ Терка до Аграхани, отволь послали универсалы, а тамъ, выбравши на землю, дожидались долго кавалеріи, которая несказанной трудъ въ своемъ маршѣ имѣла отъ безводицы и худыхъ травъ, а особливо тотъ корпусъ, который отъ Астрахани шелъ съ генералъ-майоромъ Кропотковымъ. Къ бригадиру Витеранію посланъ былъ указъ, чтобъ онъ шелъ къ Андреевой деревнѣ, и оную разорилъ, ежели не укрѣплена какъ слухъ посылся, и когда оной еще съ прямой дороги къ нимъ и не поворотилъ, но сталъ прямою дорогою приближаться, то отъ оныхъ атакванъ былъ; потомъ, съ помощію Божіею, цѣлнѣе побить, и деревню ихъ, въ которой сказываютъ съ 3 тысячи дворовъ было, разорилъ и выжгли безъ остатку и пришли къ намъ; а потомъ и Кропотовъ отъ Астрахани; и какъ оныхъ дождались, пошли въ путь свой, и дошли до сего мѣста. Дорогою все видѣли смирно и отъ владѣльцевъ горскихъ приниманы пріятно лицомъ (а сія пріятность ихъ была съ такой ихъ воли, какъ проповѣдь о божествѣ Христовѣ, реченное, что намъ и тебѣ Іисусе, сыне Бога живаго); только какъ вошли во владѣніе салтана Мамута Утемышевскаго, оной ничѣмъ къ намъ не отзывался; того ради послали къ нему съ письмомъ трехъ человекъ донскихъ казаковъ августа 19 по утру, и тогожъ дня 3 часа по полуни изволилъ сей господинъ нечаянно насъ атаковать (чая насъ неготовыхъ застать), которому гостю зѣло были ради (и особливо робота, которые окресту не слышали), и, принявъ, проводили его кавалеріею, и третьею частію пѣхоты до его жилища. Отдавая контра визитъ и побывъ тамъ для увеселенія ихъ, сѣлали изъ всего его владѣнія фейерверкъ для утѣхи ихъ (а именно сожжено въ одномъ его мѣстечкѣ, гдѣ онъ жилъ, съ 500 дворовъ, кромѣ другихъ деревень, которыхъ по сторонамъ сожгли шесть). Какъ взятые ихъ, такъ и другіе владѣльцы сказываютъ, что ихъ было 10 тысячъ; такое число не его, но многихъ владѣльцевъ подъ его имевшихъ, и чуть не половина пѣхоты, изъ которыхъ около 600 человекъ отъ нашихъ побитыхъ сочтено, да взято въ полонъ 30 человекъ. Съ

нашей стороны убито 5 драгунъ, да 7 казаковъ, а пѣхотѣ ничего не досталось. ни урону, ни находки, понеже ихъ не дождались неприятели. Потомъ, когда приблизились къ сему городу, то нашли (наѣстивъ) сего города встрѣтили насъ и ключъ пошлешь отъ воротъ. Правда, что сѣи люди величественною любовію привази, и такъ намъ рады, какъ бы своихъ изъ осады выручили. Изъ Бави такія жъ письма имѣемъ, какъ изъ сего городу прежде приходу имѣли; того ради и гарнизонъ туды отправимъ. И тако въ сихъ краяхъ съ помощію Божіею футъ получили, чѣмъ намъ поздравляемъ. Марія сѣи хотя недалеко, только зѣло труденъ отъ безкормицы лошадямъ и великихъ жаровъ. Петръ. Отъ Дербента, въ 30 день августа 1722 г

4 октября Петръ прибылъ обратно въ Астрахань, 7 ноября отправился въ Москву, куда 13 декабря послѣ торжественнаго въѣзда; въ Петербургъ прибылъ 3 марта 1723 г. См. въ статьѣ Самойлова: Петръ Великій на Каспійскомъ морѣ; въ Вѣстникѣ Европы, 1868, мартъ, стр. 163 — 202.

1723-й годъ.

144.

Господинъ генералъ. Нисалъ ты въ нашъ кабинетъ отъ 17 числа сего мѣсяца, что рижской экономин оберъ-коммисаръ Фельдгерзамъ подалъ тебѣ меморіалъ, въ которомъ доносить, что съ мѣзы Вольфартъ бывшаго барона Петра Шафирова прикащикъ его объявилъ ему 987 талеровъ-албертусъ, да 387 талеровъ-курантъ и нѣсколько концовъ полотна, и ты неизвѣстенъ, какой указъ есть о ономъ Шафировѣ и просишь указу, какъ въ томъ и въ прочихъ дѣлахъ, ежели случатся, поступать; а понеже онъ, Шафировъ, за преступленіи свои штрафованъ отнятіемъ чести и чиновъ, и всѣ его имѣнія, движимыя и недвижимыя, взяты на вась, того для оныя объявленные деньги и полотно возьми у него, Фельдгерзама, въ вашу казну и веи публиковать указъ въ Ригу и во всей Лифляндіи, чтобъ кто имѣетъ на Шафирова деньги или иныя какія вещи, чтобъ объявляли безъ утайки подь смертною казнію. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 29 день марта 1723 г

Петръ Павловичъ Шафировъ, въ 1681 переводчикъ въ пограничной канцеляріи, въ 1709 г. подканцлеръ и баронъ, въ 1722 г. дѣйствительный тайный совѣтникъ, былъ преданъ суду 9 Января 1723 г. за присвоеніе себѣ значительныхъ суммъ денегъ по почтовому ведомству, за произвольное похищеніе почтовой таксы и за укрывательство въ своихъ помѣстьяхъ бѣглыхъ, — и осужденъ на смерть. 15 Февраля Петръ измѣнилъ судебный приговоръ: Шафировъ былъ лишенъ чиновъ и сосланъ въ Сибирь. Имѣніи его конфискованы. Императрица Елизавета I въ 1725 простила Шафирова, возвратила ему баронское достоинство и признала въ С.-Петербурге. Онъ умеръ 1 Марта 1739 г.

Главнымъ виновникомъ паденія Шафирова былъ Меншиковъ. Судъ надъ Шафировымъ обнаружилъ и злоупотребленія Меншикова.

145.

Господинъ генералъ. Понеже слышимъ, что магистратъ рижской поляковъ озлобляетъ арестованіемъ за свои долги и прочими тягостями, отчего поляки уже почитай не бзять сами, но токмо что рижане у нихъ закупать, то привозить, а сами обратились въ Кенигсбергъ, того ради тихонько о семъ провѣдай, а чего нельзя тихо, и явно розыщи, также у пріѣзжихъ самъ спроси. Да и въ Литву добраго человека пошлѣ, дабы о семъ подалъ намъ вѣдать, чѣмъ недовольны поляки и какого удовольствія желаютъ, отчего бы могъ торгъ рижской въ такое состояніе притить, какъ предъ прошлою войною было, и что возможно учинить, дабы ихъ и отъ другихъ портовъ къ рижскому обратить, не только отговяты; и о всемъ, развѣдавъ и розыскавъ, подлинное вѣдѣніе съ нарочнымъ добрымъ приклатъ, который могъ бы и на словахъ о томъ съ нами говорить. Бенкендорфа, который отпросился по жену, по сѣю пору не было; вышли съ провожатымъ и съ женою немедленно сюда. Петръ. Въ 30 день апрѣля 1723 г Изъ С.-Петербурга.

146.

Господинъ генералъ-губернаторъ. Въ рижскомъ уѣздѣ публичную деревню, именуемую Гофритень, отдайте на арену до указа нашего подпоручику Петру Іонсену, а между тѣмъ увѣдомъ насъ вѣтъ-ли въ оной мѣстѣ наслѣдниковъ, и по сколько платится съ оной аренды, и сколько гаковъ и въ нихъ дворовъ. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 19 день мая 1723 г

147

Господинъ генералъ. Послалъ персидской, который присланъ просить помощи отъ насъ, также и о возведеніи на престолъ, новаго шаха, negociatio сію окончилъ и за оную помощь всеми провинціями, лежащими по Каспійскому морю, намъ вѣчно уступилъ, которыми новымъ успѣхомъ вамъ издвѣдается. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 17 день сентября 1723 г.

Р. С. Каковъ трактатъ о тѣхъ уступленныхъ провинціяхъ учиненъ, оной печатной при семъ къ вамъ посылаемъ.

Трактатъ, заключенный между Петромъ I и персидскимъ шахомъ Тахмасибомъ, 12 Сентября 1723 г., напечатанъ въ И. С. В. томъ VII, подъ № 4298.

148.

Господинъ генералъ. Слышалъ я, что въ Курляндіи смогу дѣлаютъ въ печахъ каменные; постарайся такихъ мастеровъ достать

сюда; также, получа сие письмо, напишай къ Москвѣ, куда мы вѣсь ѣдемъ. Я зело сожалѣю о твоей болѣзни, и понеже съ Москвы я поѣду на Олонекъ, куда и тебѣ надобно будетъ ѣхать, понеже отъ апохондріи никакое лекарство такъ способно, какъ таможнія воды; о прочемъ о чемъ ты писалъ, какъ увижусь, переповорю о всемъ, а иное уже сдѣлано. *Петръ. Изъ С.-Петербурга, во 2 день Декабря 1723 г.*

15 Ноября 1723 г. состоялся манифестъ о коронаціи Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны. См. П. С. З. томъ VII, № 4366.

Государь назначалъ было день коронаціи на Рождество въ 1723 г.

149.

Господинъ генералъ. Писали мы къ вамъ во 2 день сего мѣсяца, чтобъ вы ѣхали къ Москвѣ, по полученіи того письма, куда и мы хотѣли ѣхать вскорѣ; но нынѣ не вѣдаемъ, можетъ ли къ празднику Рождества быть въ Москвѣ или нѣтъ. того дѣлу и вы вѣдою. къ Москвѣ обождите до другаго нашего указа, а прочее чините по первому письму. *Петръ. Изъ С.-Петербурга, декабря 4 дня 1723 г.*

1724-й годъ.

150.

Господинъ генералъ. Когда вамъ будетъ легче отъ болѣзни, напишай сюда и буде не можно будетъ въ сего мѣсяцъ, то хотя въ первыхъ февраля. *Суперинтенденту Бриску* объяви, чтобъ онъ ѣхалъ сюда, приѣхалъ. *Петръ. Изъ С.-Петербурга, января въ 3 день 1724 г.*

Съ самаго учрежденія Военной Коллегіи въ 1718 г. Меньшиковъ былъ президентомъ оной. Слѣдствіе надъ Меньшиковыми; учрежденное тотчасъ послѣ суда надъ Шафировыми, обнаруживъ его злоупотребленія, обнаружило вмѣстѣ съ тѣмъ, что главныя средства къ неопозволительному обогащенію Меньшикова почерпалъ изъ Военной Коллегіи. Наложивъ 200 тысячъ рублей штрафа на Меньшикова, Петръ лишилъ его званія президента Военной Коллегіи и назначилъ Репнина для занятія этой должности.

151.

Господинъ генералъ. Присланный отъ тебя чертежъ коммуникаціи Пейпускаго озера съ рѣкою Аа, которой чертежъ дѣлалъ полковникъ Бриль, и описаніе его Брилево на тотъ чертежъ мы видѣли, и первая коммуникація, что изъ озера мимо Ряпиной мызы рѣкою Веспюю, весьма неудобна, но другая рѣкою Эмбахоми, которая идетъ мимо Дерпта, удобна до самаго мѣстечка Валки; а отъ онаго мѣстечка до рѣки Аа, написано въ описаніи его Брилевымъ, что рѣкою Иедеземъ разстоянія на прямикъ полторы мили, но токмо горами и боло-

тами великими, где будто никакимъ способомъ коммуникаціи учинить не возможно, потому что и течение оной рѣчки неспособно. Того для пошлалъ еще кого некускаго человѣка, или его же Бриля, и велѣ ему отъ мѣстечка Вилки до рѣки Аа осмотрѣть поплывно, не возможно-ли горы обойти низкими мѣстами, а ежели бродоты есть, въ томъ сомнѣваться не надлежитъ, понеже помѣнательства въ дѣлѣ отъ нихъ не будетъ, и чтобъ, сдѣлавъ чертежъ, прислать къ намъ, а другой въ Ригъ оставить. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 30 день генваря 1724 года.

Это послѣдній, полученный ливондскимъ генералъ-губернаторомъ; имѣнной указъ Петра, I.

Кн. Реннхиль въ февралѣ 1724 г. прибылъ въ Петербургъ и вступилъ въ должность президента военной коллеціи, съ вѣнчаніемъ и въ званіи ливондскаго генералъ-губернатора. 7 мая 1724 г., въ день коронаціи императрицы, онъ былъ произведенъ въ генералъ-фельдмаршала.

Реннхиль и Меншиковъ некогда не жили въ ладахъ между собою. Раздоръ выказался явно. Такъ Лефортъ писалъ 7 ноября 1724: „Третьяго дня на престинахъ у Ягужинскаго, Меншикова и Реннхиль сильно корутились между собою, изводя другъ на друга обвиненія въ ерси смертныхъ грѣхахъ“ См. Hermann, Geschichte des russischen Staates. 4 Band, Seite 443).

Императоръ Петръ скончался 28 января 1725 г., а 18 марта князь Реннхиль уже былъ свидѣтель съ должности президента и получилъ повелѣніе ѣхать къ своему мѣсту въ Ригу.

Къ исторіи православія въ Прибалтійскомъ краѣ.

I.

Дерптское событіе 8-го января 1472 года и основаніе Печорскаго монастыря на предѣлахъ Ливоніи, какъ слѣдствіе того.

Чтеніе д-ра Теод. Бейзе въ эстонскомъ ученомъ обществѣ въ Дерптѣ 17-го января 1876 года.

Наши мѣстные лѣтописцы умалчиваютъ о событіи, составляющемъ эпоху въ бытіи нашего минувшаго, свидѣтельствующемъ о духѣ нетерпимости того вѣка и болѣе или менѣе накликавшемъ и вызвавшемъ ходъ событій XV столѣтія.

Въ то же 1472 лѣто христіанскаго лѣтосчисленія, когда воспитанная при римскомъ дворѣ въ папскомъ ученіи греческая принцесса, дочь Θомы, деспота ахайскаго, и внучка византійскаго императора, Эммануила II, изъ дома Палеологовъ, будучи невестою великаго князя Іоанна Васильевича, на пути изъ Любека чрезъ Ревель явилась торжественный въѣздъ въ Дерптъ, сопутствуемая послани и приставами, оттуда же чрезъ Нейгаузенъ *) и Псковъ, съ подобающими ей сану почестями и съ царскою пышностью препровождена была въ Москву, — въ то же самое лѣто въ началѣ января, случилось здѣсь злодѣяніе, бывшее отчасти причиною основанія селѣтскаго и порубежнаго Печорскаго монастыря. Русскіе источники сообщаютъ слѣдующее:

*) Въ русскихъ лѣтописяхъ Новгородъ ливонскій, на границѣ Ливоніи со Псковскою губерніею. Прим. перевод.

Папа Сикстъ IV, воспитывъ упомянутую византійскую принцессу въ римскомъ обрядѣ, надѣялся чрезъ то достигнуть воссоединенія восточной церкви съ западною и устранить ихъ раздѣленіе.

Высшая сила разрушила однако хитро разсчитанные замыслы папскаго престола и уничтожила воѣ его усилія, ибо, по прибытіи своемъ въ Москву, принцесса приняла православіе, подавъ тѣмъ новый поводъ давно уже питаемой враждѣ.

Х Но, передъ тѣмъ еще, случилось ужасное происшествіе, хоти и не состоявшее въ непосредственной связи съ упомянутымъ событіемъ, все таки болѣе или менѣе способствующее разъясненію непонятныхъ противорѣчій, отражающихся въ перемѣнчивыхъ судьбахъ XV вѣка.

Если повѣствователи церковно-историческихъ преданій достоверны и надежны въ записанныхъ ими извѣстіяхъ; если хронологія мѣстныхъ нашихъ источниковъ согласна съ данными лѣтосчисленія отъ созданія міра, то на двухлѣтнее правленіе (1471—1473) дерптскаго епископа Андрея, втораго послѣ Варооломея Савиерве, непосредственнаго преемника епископа Гельмиха (1471) и предшественника Іоанна III Бертова (1473), падаетъ позоръ совершенія этого внушеннаго фанатизмомъ злодѣянія.

Послѣдователи православія, подобно Ригѣ и Ревелю, и въ Дерптѣ испови имѣли свои богослужебныя званія. Торговля, этотъ сильно связующій различные народы факторъ, привлекала и сюда, въ Дерптъ, населенію торговыхъ людей изъ сосѣднихъ городовъ по ту сторону Чудскаго озера; старинныя нѣмецкія торговыя и ганзейскія конторы въ Новгородѣ и Псковѣ нашли себѣ международный отголосокъ въ русскихъ колоніяхъ прибалтійскихъ городовъ, сами же поселенцы находили въ церковной общинѣ и въ отравленіи прародительской своей вѣры выраженіе своей народности, въ противоположность послѣдователямъ латинской церкви. Тремеръ, этотъ вѣрный хранитель и основательный знатокъ нашего городского архива въ историческомъ своемъ изслѣдованіи о двѣнадцати церквахъ древняго Дерпта, убѣдительно доказалъ, что древнѣйшая православная церковь, во времена римскихъ епископовъ, стояла на мѣстѣ нынѣшней русской книготорговли, находящейся въ домѣ Бертольда, на Рыцарской улицѣ, недалеко отъ построенной въ глубокой древности католической церкви св. Іоанна; она освящена была во имя святителя и чудотворца Николая и соединяла въ стѣнахъ своихъ ядро православной городской общины; другая же церковь во имя св. великомученика Георгія, находилась, по всей вѣроятности, за городомъ и, можетъ быть, искать ее слѣдуетъ на мѣстѣ нынѣшней нарядной пристани, ибо тутъ, на участкахъ Гельдмана, Рейнгольда и Рундальцова, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время, какъ известно, находилась ограда богослужебнаго зданія со священническими домомъ и садомъ, а вѣроятно и клад-

бище; въ одномъ изъ этихъ домовъ, даже въ послѣдніа десятилѣтіи, помѣщалась временная новая георгіевская церковь; во всякомъ же случаѣ, по историческимъ источникамъ, ископи существовали, паряду одна съ другою, двѣ православныя общины.

Николаевская община 6 января 1472 года, по общему ~~А~~воднесь вѣсть православнымъ приходамъ древнему обычаю, имѣеть съ праздникомъ Богоявленія Господня, совершила и обрядъ водоосвященія. Крестный ходъ изъ церкви отправился и на этотъ разъ, чрезъ ближніи русскія ворота, на Амовжу (Эмбахъ) и, по окончаніи обряда, тѣмъ же путемъ возвратился въ городъ. Произносили ли при томъ безчинства со стороны фанатически возбужденной черни, повела ли процессія къ столкновеніямъ съ властями латинской церкви, доволно того — источникъ, изъ коего мы черпаемъ и коего неконный авторитетъ ежегодно объявляется не только у послѣдователей православія, но и у отщепенцевъ ХVII вѣка, свидѣтельствуешь о томъ, что 7 января епископъ и городскія власти на скорую руку чинили расправу. 8-го же числа, годовщина коего доныпѣ повсемѣстно воспоминается, послѣдовало преданіе лютой смерти тогдашняго преевритера, сопричисленнаго при митрополитѣ Филиппѣ, въ правленіе царя Іоанна Васильевича, къ лику святыхъ, священно-мученика Исидора новаго и 72 сострадальцевъ его. Вѣсь они, мужи и жены, были въ тотъ день утоплены, сверженные въ р. Амовжу (Эмбахъ) съ возвышенія вѣсь города на ревальской дорогѣ, стало быть въ той мѣстности, сѣткаяя равнина коей сопредѣльна съ преобладающею воды и паводящею мосты зимнею суестьностью настоящаго времени *). Лишь весною по вскрытіи льда, тѣлеса умерщвленныхъ появились на поверхности воды и преданы были землѣ, по христіанскому обряду, на кладбищѣ при Николаевской церкви. Такъ гласить сказаніе пнока Варлаама, записанное въ новосозданномъ Печорскомъ монастырѣ, при митрополитѣ Макаріи.

Исторія возникновенія сего порубежнаго убожища такъ тѣсно связыва съ описаннымъ выше страшнымъ дерптскимъ событіемъ, что служащая доселѣ пріютомъ духовной учености, врачевнищею и питательницею, убожищемъ истерзаемыхъ душъ и священнымъ мѣстомъ послѣдняго упокоенія и во всякое время года посѣщаемая многосленными богомольцами, обитель сія представляется уму не иначе, какъ въ связи съ послѣдствіями, сопряженными съ упомянутымъ событіемъ.

Священноіерей Іоаннъ, который, со своими домашними, избѣжалъ въ 1472 году умерщвленія въ Дерптѣ, исходатайствовалъ у тогдашняго митрополита разрѣшеніе на основаніе Печорскаго монастыря,

*). Ити слова автора, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ понимать такъ, что такъ находится нынѣ жемънодорожный мостъ.

Прим. перевод.

воспользовавшись преданіемъ объ отшельникѣ Марѣѣ, могла коего доселѣ показывается и который уже въ древности поселился въ этой мѣстности, окруженной таинственно шумящими рощами и освященной разсказами предковъ о чудныхъ событіяхъ. Подобно тому, какъ Печорская лавра въ Кіевѣ, Святотроицкая близъ Москвы и Печорская обитель въ Пижмѣ-Новгородѣ въ исторіи возникновенія своего связаны съ преданіями минувшаго, такъ и въ печорской мѣстности, еще до основанія нынѣшней обители, производилось священнодѣйствіе. Здѣсь сочетались вѣра и миръ. По своеобразному сдѣленію историческихъ данныхъ, торжественное освященіе новосозданнаго Печорскаго монастыря припало 15 августа 1474 года, въ день Успенія Богоматери, въ тотъ церковный праздникъ, въ который, равно за 249 лѣтъ предъ тѣмъ, произошло прославленное мѣстнымъ художникомъ, Людвигомъ Ф. Майделемъ, взятіе приступомъ юрьевского вѣлгорода и учрежденіе дерптскаго епископства *). При псковскомъ воеводѣ, князѣ Ярославѣ Васильевичѣ Оболенскомъ, новосозданная порубежная обитель была освящена, но чину церкви, получивъ съ тѣмъ вмѣстѣ историческое призваніе быть убѣжищемъ для страждущихъ тѣломъ, душою и духомъ. Доселѣ еще стѣны и мрачныя пещерные переходы, многовѣковые дубы монастырскаго двора и тѣнистыя деревья окрестностей даютъ понятіе о славѣ времени минувшихъ. Еще теперь показывается изображеніе, напоминающее осаду Пскова Стефаномъ Баторіемъ и митолетную побѣду польскаго вторженія. Доселѣ еще изъ пучины минувшаго возстаютъ воспоминанія о томъ или другомъ періодѣ монастырскаго исторіи, когда обитель эта или щадима была проходившими мимо нея полчищами, или же служила помѣщеніемъ для больныхъ и пѣнныхъ. Во время великой сѣверной войны она также играла свою роль, исхони славясь, съ посвященною св. Лазарю больничною церковью, какъ лѣчебница и пріютъ для недужныхъ. Еще болѣе заслугъ обязала она, какъ оазисъ (островъ) въ пустынѣ, поддержаніемъ научности между иноками, оживленіемъ ученыхъ занятій и постепеннымъ накопленіемъ хорошаго книгохранилища.

Часто посѣщали эту обитель путешественники изъ нашего края; иной выдающійся членъ ливонскаго лютеранскаго духовенства неоднократно старался завязать тамъ литературныя связи.

Въ стѣпахъ сей обители навѣрно ожидаютъ своего разрѣшенія многія загадки нашей ливонской исторіи. Какъ часто, напр., дѣлались разныя предположенія о мѣстонахожденіи нѣкихъ архивовъ, коихъ послѣдніе слѣды теряются въ губернскомъ городѣ Псковѣ. Лежащая

*) Защитникомъ Юрьска, при взятіи его шведцами, былъ назначенъ немъ изъ Копенгаги (Копенгагена) князь Ватко, посаженный впоследствии шведскаго вѣлгорода въ пригородъ дѣл Юрьскъ, при взятіи коего онъ и погибъ доблестною смертію. Прим. перевод.

въ 56 верстахъ отъ Пскова, на самой лифляндской границѣ, высоко чтимая всѣми обитателями губерніи и всѣхъ окрестностей, Печорская обитель можетъ быть названа жемчужиною бассейна рѣки Великой.

Историческое значеніе этой обители, ея архитектурной стили, ея научная и практическая дѣятельность пережили столѣтія; доселѣ стоитъ она краснорѣчивымъ свидѣтелемъ временъ минувшихъ, кои мелькаютъ предъ нами лишь отрывочно. Когда повгородскій владыка Теофилъ, 15 августа 1473 года, совершилъ освященіе Успенской церкви, когда спасшійся изъ Дерпта пресвитеръ Іоаннъ, по смерти подружія своего нареченный во иночествѣ Іоною, пригласилъ строителя монастырской церкви во имя св. Антонія и Феодосія, тогда околотоу обители не имѣлъ еще того протяженія, коего достигъ онъ въ теченіе вѣковъ, вслѣдствіе дарственныхъ записей. Къ выше упомянутымъ храмамъ прибавилась построенная въ 1565 году, собственно пещерная церковь во имя святителя и чудотворца Николая, затѣмъ собственно Печорская, а въ 1541 году церковь Благовѣщенія Божіей Матери. Приношеніемъ графа Витгенштейна, который, въ 1812 году, въ званіи главнокомандующаго движеніемъ арміею, открылъ между подчиненными ему войсками подписку, возникла въ 1820 году Софійская церковь, вслѣдствіи переименованная во имя св. архистратига (Михаила). Сверхъ того, существуетъ еще упомянутая уже больничная церковь во имя преподобнаго Лазаря. Всѣ эти храмы съ ихъ многочисленными колокольнями, гробницами основателей и благотворителей, покровителей и святыхъ заступниковъ обители (Бориса и Глѣба, Варлаама, Іоны и др.), многочисленныя при монастырѣ учрежденія для пропитанія немущихъ и окрестныя заведенія соединены въ одинъ округъ. Сады, сѣнокосы и пашни, угодья во Псковѣ и въ Печорахъ рыбныя ловли и мельницы доставляютъ средства на содержаніе этой щедро надѣленной первоклассной обители, раздѣляемой рукавомъ пограничной съ Лифляндіею рѣчки на сѣверную и южную часть. къ ней же принадлежатъ разныя другія, разсыяныя по губерніи, церкви и приписныя монастыри. Всѣ эти богоугодныя заведенія состоятъ подъ общими управленіемъ. Построенная въ 1775 году церковь св. Димитрія рустовскаго съ тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія обращена въ общую для всѣхъ инокѣвъ трансю. Обитель сія неоднократно удостоивалась посѣщенія русскихъ монарховъ, чаще же всѣхъ Петра Великаго и Александра I. Мы имѣемъ составленный въ 1812 году Никаноромъ Богдановичемъ Лещевымъ и изданный въ 1821 году архимандритомъ Венедиктомъ съ братією (гравированный кавтонистомъ Артемьевымъ, съ текстомъ Векшина) чертежъ и изображеніе обители со всѣми принадлежащими къ ней зданіями. Въ описаніи древностей псковской губерніи, въ собраніяхъ мѣстныхъ обществъ, въ монастырской летописи и въ настоящемъ описаніи встрѣчается много воспоминаній объ остаткахъ древности. Мы имѣемъ также два изображенія повѣщаго вре-

мени, представляющія монастырь съ сѣверной и сѣверовосточной стороны. На обоихъ видѣются стѣны и многочисленные главы, возстающія изъ прелестной зелени лѣсовъ, отовсюду окружающей эти древніе храмы.

Самая мѣстность, въ коей преобладающею формаціею является доломитъ, подвергнута научному изслѣдованію профессоромъ, д-ромъ Гревингомъ въ его „Геологія Лифляндіи и Курляндіи“. При статистическомъ описаніи псковской губерніи также обращено вниманіе на обитель. Во все время историческое изслѣдованіе обращалось къ соотвѣстному съ нею Изборску. Во многихъ отношеніяхъ древнѣйшія историческія воспоминанія содѣйствовали разъясненію русской исторіи.

Исторія обители составляетъ сама по себѣ одно цѣлое. Она изложена въ монографіяхъ, но еще не исчерпана, повѣствованія ея отчасти хранятся еще въ монастырскомъ архивѣ; сказаніе инока Варлаама составляетъ одинъ изъ древнѣйшихъ ея отдѣловъ, нуждающихся въ разъясненіи. Такимъ образомъ, уже четыреста четыре года еряду, въ богослуженіи православной церкви хранится память событія, коего письменное изложеніе, составленное инокомъ Варлаамомъ, связано съ преданіемъ, глубоко укоренившимся въ сознаніи народа.

Ежегодно, 8 января, происходитъ на литургіи чтеніе, коего историческое основаніе относится ко дню упомянутого событія.

Рукопись изъ восьми, тѣсно исписанныхъ листовъ, наполнена молитвословіями, кончи, по распоряженію церковной власти, изъ году въ годъ обновляется у вѣрующихъ память св. священно-мученика Исидора и 72 сострадалицъ его.

Чѣмъ щепетильнѣе и уклончивѣе относятся къ этому событію свѣтскіе писатели; чѣмъ скуднѣе источники, изъ коихъ можетъ быть доказана соотвѣтственность записей событіямъ времени, тѣмъ болѣе смутный отбѣсокъ получаетъ мрачная судьба, нависшая надъ Ливоніею въ концѣ XV вѣка, если безъискусственный и простой разсказъ приписать въ связь съ ходомъ непосредственно послѣдовавшихъ затѣмъ событій. Война и упадокъ, послѣдній отблескъ прежняго величія, прежней роскоши, расточительности, характеризуютъ періодъ, предшествовавшій распаденію орденаго государства, разрушенію епископскаго территориальнаго владычества. Пусть себѣ историческій отпечатокъ, въ теченіе времени, смѣтъ познѣйшимъ наслоеніемъ; пусть себѣ самое событіе, можетъ быть, изукрашено въ его изложеніи, — при быстромъ полетѣ вѣкомъ и недостаткѣ современныхъ извѣстій, едва уже можно различить вѣрное отъ искаженнаго, существенное отъ прикрашеннаго. Требовавшаяся искони, такъ называемая дань въ р.м., вѣроисповѣдвая распри соотѣдей *) составляютъ для истори-

*) Дань по р.м. (Habsburgs) называлась дань, платившаяся иногда епископомъ дерптскимъ русскому государю за право владѣнія прежними русскими землями. Неплатежъ этой дани повелъ къ ливонской войнѣ при Юлианѣ Грозномъ.

Примѣч. переводчика.

ческаго изысканія предметъ етоль же серьезнаго и добросовѣстнаго изслѣдованія, какъ и вопросъ о доказательствахъ упомянутаго злодѣянія.

Потребность разъясненія нераскрытыхъ событій средневѣковой упорной борьбы за вѣру будетъ ощущаться каждымъ вѣкомъ, задачею коего будетъ дальнѣйшее развитіе христіанства и возведеніе его на степенъ всемірной религіи.

Намъ желательно только, посредствомъ сравненія источниковъ и указаніями къ точному раскрытію исторической истины, а также возбужденіемъ напертывающихся вопросовъ мнительной критики содѣйствовать точнѣйшему установленію лѣтъ относящихся сюда данныхъ.

Пусть какое-либо болѣе счастливое открытіе способствуетъ оправданію памяти одного изъ мѣстныхъ влѣстителей временъ минувшихъ, кои въ ихъ историческихъ причинахъ и сдѣленіяхъ могутъ быть раскрыты лишь путемъ точнаго анализа!

О дерптскомъ событіи 1472 г. преосвященный Павелъ, епископъ псковскій и порховскій, въ своей книгѣ „Кое что изъ прежнихъ занятій“ (Псковъ, 1872 г.) на стр. 38—43 говоритъ, руководствуясь „Повѣстью о началѣ и основаніи Печерскаго монастыря“, слѣдующее:

По договору съ московскимъ великимъ княземъ Іоанномъ III Васильевичемъ *великимъ*, въ 1463 г. заключенному въ Псковѣ, Юрьевскій епископъ (латинскій), обязался между прочимъ оказывать особенное покровительство православнымъ въ Дерптѣ, жившимъ въ *русскомъ концѣ*, съ церквами ихъ (*), и *то держать по старинѣ и по стариннымъ грамотамъ* (**).

Но латиняне того времени вовсе не считали грѣхомъ — обманывать православныхъ. Называемыхъ ими *схизматиками*, дерптскій епископъ вовсе не думалъ исполнить данное имъ обязательство. Однажды вѣсто изъ бургомистровъ города Дерпта (***) донесъ епископу на православнаго священника дерптской *Николаевской церкви Исидора* и на всѣхъ, живущихъ въ *русскомъ концѣ* города, что они публично отправляютъ свое богослуженіе, — въ разговорахъ и съ латинянами и между собою сильно говорятъ противъ латинской вѣры, — опро-

(*) Изъ черной толпашки, по описанію (о немъ скажется далѣе) „срадація юрьевскихъ мучениковъ“, — извѣстны дѣла: св. Николай и св. Георгій.

(**) См. 1 Псковск. лѣтоп. въ соин. Собр. Русск. лѣтоп. т. IV 1818 г. стр. 225.

(***) Описаніе „срадація Юрьевскихъ мучениковъ“ называлъ его старѣйшійшею града того, именемъ Юрія Трасоголова, лѣтчика суда.

вергаютъ догматъ ея о происхожденіи св. Духа и *отъ сына*, — порицають совершеніе евхаристіи на *отрѣснокахъ* и глумятся надъ *маченствомъ* римскаго *папы*. Въ день Богоявленія, 6 января 1472 г., когда Исидоръ и все православныя того города пошли съ крестнымъ ходомъ изъ Николаевской церкви (*), по обычаю, на рѣку *Амвожу* (**) для вообсвятія — какъ вдругъ толпа иѣмцевъ—латинянъ, посланныхъ епископомъ и бурмистрами ихъ, напала на крестный ходъ и, схвативши священника Исидора, а изъ прочихъ православныхъ — 72 человекъ, мужчинъ и женщинъ и даже дѣтей, привлекла ихъ предъ епископа и городское начальство. Здѣсь новыя *исповѣдники* показали всю свою твердость въ православіи, не смотря на все истязанія и понужденія къ латинству. Священникъ Исидоръ съ основательностію опровергъ важѣйшія уклоненія отъ истины къ латинствѣ (***) осмѣялъ *папу* и въ особенности Евгенія IV (1331—1447 г.) съ нововымышленною его *учіею* (на флорентинскомъ соборѣ 1439 г.), съ распространителями ея въ Руси *Исидоромъ* (†) и *Григоріемъ* (††), и напослѣдокъ увѣщивалъ даже самого епископа и бургомистровъ обратиться къ православію. Разгнѣванный епископъ велѣлъ священника Исидора со всеми съ нимъ схваченными бросить въ темницу до рѣшенія надъ ними дѣла.

Въ темницѣ заключенные молились (†††), пѣли (†) и, наставляемые Исидоромъ къ безтрепетному перенесенію постигшей ихъ скорби, причащеніемъ (†) тѣла и крови Господа нашего Іисуса Христа все приготовились мужественно встрѣтить самую смерть, еслибы на нее осудили ихъ. 8 числа января (того же 1472 г.) все они приведены были въ ратушу для новыхъ истязаній и выслушанія приговора. Въ

(*) Въ рукописномъ „страданіи юрьевскихъ мучениковъ“ говорится: „въ юрьевской землѣ во градѣ Юрьевѣ... православныи христіане въ русскомъ ковлѣ—дерковѣ ѡбѣху... во пачъ свѣтилъ Христова Инокъ чудотворца и Георгіа възвѣстника Христова“.

(**) По древнему туземному названію Зинаѣотта, т. е. мать рѣкъ, или по идиѣльному иѣменному — Зыбахъ. Отъ этого-то въ мирномъ договорѣ Новгородъ и Пскова съ юрьевскими—орденскими епископомъ, она прямо названа матерю рѣкомъ (должно читать мать рѣкомъ). См. Актъ Зап. Росс. т. 1. Сиб. 1846 докум. 69. на стран. 85.

(***) Кромѣ прибавленія къ сущему и опресникомъ въ евхаристіи также между прочимъ и бродобріе, приложеніе иконъ — изваяній изъ дерева и металла, что они называли проклятымъ подоложженіемъ (см. въ той же рукописи).

(†) Лже-митрополитомъ московскимъ 1437 — 1441 г.

(††) Лже-митрополитомъ вѣнскимъ, назначеннымъ въ Римъ отъ лже патриарха константинопольскаго Григорія Маммы и бывшимъ въ Литвѣ отъ 1458—1473 г.

(†††) Святій Исидоръ и со дружиною ста въ темницѣ на жостокъ и нача пѣти и молитися по словеси и со похваляніемъ сердечнымъ. См. тамъ же.

†) „Наша пѣти вси единогласно въ темницѣ велимъ гласомъ: снѣгъ мученици яко добръ и страдающе и вѣдалшеся, хощете бо Господу спастися душамъ нашими. Также и прочее поещи.“ См. тамъ же.

*) „Св. исповѣданіи Христовъ Исидоръ... прежде причастится самъ свѣдѣхъ и животворящихъ таинъ безсмертныхъ Христовыхъ пречистаго тѣла и честнаго крове Христова Бога нашего. Также и всехъ ту пущихъ — дружиню свою, мужей и женъ и дѣтей причастивъ... и была вси безстрастны и радостію духовною обѣхъ.“ См. тамъ же.

ратушѣ по этому случаю засѣданіе было самое торжественное: засѣдалъ самъ латинскій епископъ и съ нимъ все городское начальство и нарочно для сего приглашенные державцы городовъ юрьевской области (*). Всѣ они съобща уговаривали православныхъ если не къ прилітію латинства, то къ покорности намъ — къ *уни*, оставаясь при своихъ благочестивыхъ обрядахъ (**). Ни дестъ, ни угрозы, ни обѣщанія, ничто не могло поколебать православныхъ. Исидоръ съ новою силою повторилъ прежнее свое опроверженіе латинства и *уни*, обличилъ ихъ дестъ и — отъ себя и отъ имени своей паствы — отвергъ всѣ ихъ угрозы и обѣщанія. Раздосадованный посягновеніемъ своимъ въ глазахъ свѣтскихъ властей и *чуди*, епископъ отдалъ варварское приказаніе уполить священника Исидора и всѣхъ съ нимъ бывшихъ православныхъ (***) въ рѣкѣ Амовѣ (Эмбахѣ), куда того же дня (8 января) безжалостно и побросали въ прорубь всѣхъ, не пощадивъ даже матерей съ грудными младенцами. — Весною (†), по вскрытіи рѣки, за три версты выше города, найдены *въ чюлості* всѣ тѣла сихъ 73 замученныхъ, и оставшимися въ Деритѣ православными — честно погребены при церкви св. Николая (††). На сей разъ фанатизмъ латинянъ — цѣлцевъ ограничился только сими жертвами ихъ ревности къ нализму

(*) „Держатели градекіи... лат. всѣхъ градоу окрестныхъ, лже въ ливонской земли во области славнаго града Юрьева.“ См. тамъ же.

(**) „Незбожній ибѣщи,“ сирѣчь латинское, подтвержденіе прііма ересей своихъ проклѣтыхъ и своей злочестивой вѣрѣ отъ великаго града Рима, отъ папы Еженія, претика суда и врага истини, отъ антихристовоа предтечи, и отъ проклѣтаго еси собора: а похитѣиа отаратати люди Божія отъ вѣры христіанскіи ипѣниама... а овоу проклѣтуу вѣру латинскуюу привести и опресночному ихъ служекѣи предикити съ собою христіанъ всѣхъ... а ласкательными словесми хотя ихъ уловити... а нашу вѣру принити... въ нѣже всѣ ибѣмъ ивѣрують. Пама вѣра съ дашею едина... а хитроу добру нашену и богатству начѣднати будете. А возхощете и ны свою вѣру держати, мы вамъ ни кобраниемъ... Только нѣмъ повинитися... предъ многими ивѣки и чюдѣи...“ См. тамъ же.

(***) „Незбожний баскупъ и съ своимъ, ему велики расхальнути гнѣвомъ тяжкѣи на святыхъ, а похвѣи ихъ... въ рѣку Омову выбрати иида ледъ... ииже воду снятуу спѣтиа. Бысть же всѣхъ страдалицъ и съ Сидоромъ священникомъ чюлостъ сгубесити а три.“ См. тамъ же.

(†) „Веснѣ пришеде и разливилея рѣка оной, а явшаея тѣлеса съ угодникомъ Хрустовѣхъ отъ града ввержѣ оной Омовѣ три поприща, на горѣ иижеи похъ древнемъ, и начитъ же неврежени а вѣки лжѣху ю еднѣиѣи мѣстѣ, аки нѣмѣи чюлѣи похъ жєи. Снятый же священномученикъ Исидоръ, посреде ихъ лежане, аки салѣе посреде зѣваѣи сѣише... Ни нѣмъ христіани останѣиѣи наша честнѣи хонѣи святыхъ страдалицъ, честно погребѣиа оиретъи церквѣи св. Николаи чюдѣиворца.“ См. тамъ же. Мѣсто церкви сей мѣстѣ лежатъ вѣже каменнаго холма околѣ 70 сажени, гдѣ теперь церковь яресъ ту рѣку Эмбахъ.

(††) „Въ нашей рукописѣ (въ IV д. доуставныхъ писемъ похѣиимаго поирека и писѣма, бывъ означенія сѣта страидѣи и тетрадеи) сѣе страданіе такоу озаглавиѣиасѣа: „Мѣсѣа генварѣи въ 8-й деиѣи страданіе свѣтаго священномученика Исидора новѣа, а иже съ нимъ пострадиавшихъ сѣмѣдесѣи а два мученика во градѣ Юрьевѣ въ ливонской земли отъ поганыхъ ибѣиши. Блаженъи оиѣи!“ Въ конѣи же сѣго „страданіи“ написано: „написано же бысть сѣе страданіе свѣтыхъ похъиавленныхъ мученикѣи во благочестивѣи свѣтѣишаи митрополѣиа Макаріи всеа Россіи свѣщенномученикѣи Варлаамѣи митрополѣиа мнихоу.“ — Къ сѣму „страданію“ присоединѣиа а служба гимъ свѣтлымъ — ииенно въ 8-й деиѣи мѣсѣа январѣи, похъ таиѣи же заглавиѣи, какъ а вѣиѣи означено: — съ особеннѣиѣи канѣионѣи: „канѣионъ свѣтлымъ гимъ 1-й. Ему же краиѣиранесѣи еиѣиѣи: творѣиѣи свѣщенномученика Варлаама мниха. По благословѣиѣи свѣтѣишаго Макаріи, митрополѣиа всеа Россіи (1542—1564 г.).

II.

Записки священника Андрея Петровича Полякова объ Эйхенангерскомъ приходѣ Вольмарскаго благочинія.

Отъ издателя.

Появленіе православія между эсто-латышскимъ населеніемъ Лифляндской губерніи составляетъ эпизодъ изъ новѣйшей исторіи прибалтійскаго края столь важный, но вмѣстѣ съ тѣмъ столь мало еще изслѣдованный, что всякая черта, всякая подробность его заслуживаетъ полнаго вниманія всякаго, кого интересуетъ исторія нашей церкви.

Переходъ въ православіе 150 тысячъ латышей и эстонцевъ есть явленіе очень сложное. Уразумѣть причины такого перехода рѣшительно невозможно безъ изложенія подробностей всего быта эсто-латышей въ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ текушаго столѣтія. Вотъ почему, составитель этой книги рѣшился предпослать запискамъ священника Полякова вступительное объясненіе о причинахъ, вызвавшихъ крестьянскія движенія въ Лифлядіи въ 1841—45 годахъ.

Въ статьѣ объ Арсеньевѣ и Сиверѣ (Приб. Сб. I, 467—525) было уже рассказано какъ появилось и какъ вводилось крестьянское положеніе 1804 года.

Положеніе это хотя и имѣло многія несовершенства въ себѣ, но все-же ограждало крестьянъ отъ притѣсненій и опредѣляло ихъ права и обязанности ясно и положительно. Тѣмъ не менѣе, крестьяне не могли избирать себѣ ни мѣста жительства, ни образа жизни по своимъ способностямъ и наклонностямъ и оставались прикрѣпленными къ мѣсту своего рожденія и къ неизмѣннымъ барщиннымъ работамъ. Хозяева крестьянскихъ участковъ, говоритъ Рихтеръ въ своей исторіи крестьянскаго сословія въ прибалтійскихъ губерніяхъ, хотя владѣли ими на правѣ наследственномъ, однако находились въ безвыходномъ

положеніи. Въ Германіи предоставлялось право передавать свои хутора другимъ лицамъ и оставлять вотчину съ согласіемъ міра и помѣщика, который могъ отказать имъ въ этой льготѣ только въ томъ случаѣ, когда имѣлъ законныя причины заподозрѣвать личность новаго хозяина. Этотъ правомъ не пользовались содержатели крестьянскихъ дворовъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Самая неизмѣнимость обязательнаго труда, отражающаяся послѣдствіемъ отъ несправедливыхъ притязаній, часто становилась тяжкимъ бременемъ, не соответствующая производительности земли; помѣщика же она стѣняла во всѣхъ его распоряженіяхъ, принуждала доизвѣствоваться работою весьма посредственною, производимую лѣннико и небрежною помощью плохихъ орудій и лошадей и чрезъ это противопоставляла непреодолимую преграду улучшеніямъ и въ особенности введенію рациональнаго хозяйства, уже распространеннаго въ Германіи, гдѣ съ ними познакомились прибалтійскіе помѣшники, и требующаго той рачительной обработки земли, которую ожидать можно только отъ состоянія вольнонаемныхъ работниковъ въ достаточно населенномъ краѣ.

Отступленіе отъ порядка, установленнаго въ 1804 г., являлось болѣе или менѣе необходимымъ, и потому объ этомъ отступленіи и о преобразованіи крестьянскаго положенія на новыхъ началахъ дворянство начало хлопотать спустя нѣсколько лѣтъ послѣ утвержденія положенія 1804 г. Эстляндское дворянство весною 1811 г. первое предложило правительству, что оно готово освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, если будетъ разрѣшено дворянству удерживать за собою владѣніе землею на полномъ правѣ собственности. Обобщенное соглашеніе между помѣщикомъ и крестьяниномъ должно было стать единымъ въпрямь единственною основою отношеній землепользователей и единственнымъ способомъ связать трудъ съ землею. Государь Императоръ, въслѣдствіе этого предложенія дворянства, повелѣлъ составить особую комиссію, подъ предѣлательствомъ эстляндскаго губернатора принца Августа Ольденбургскаго, для составленія проекта новаго крестьянскаго положенія. Вторженіе французовъ въ Россію и войны 1812, 1813 и 1814 годовъ не позволили комисіи продолжать свои труды. Они возобновились въ 1814 г. и продолжались столь успѣшно, что проектъ эстляндскаго дворянства объ освобожденіи крестьянъ, переработанный комиссіею, въ февралѣ 1815 г. былъ представленъ на разсмотрѣніе ландтагу, который его и принялъ. Государь Императоръ, по возвращеніи въ Петербургъ съ вѣнскаго конгресса, лично занялся пересмотромъ проекта новаго положенія, собственноручно сдѣлалъ нѣсколько измѣненій въ постановленіи и, наконецъ, когда положеніе было разсмотрѣно въ государственномъ совѣтѣ, высочайше утвердилъ оное 23-го мая 1816 г. 8-го января 1817 г. это положеніе было торжественно объявлено въ Ревелѣ.

Курляндія и Лифляндія въ это время находились подъ управленіемъ маркиза Паулучи. Въ первой изъ этихъ губерній, говоритъ Рихтеръ, благодаря богатой пшеничной почвѣ, умѣренному климату, свободной заграничной торговлѣ и совершенному почти отсутствію налоговъ во все продолженіе герцогскаго правленія (съ 1562 по 1796 г.), помѣшники разбогатѣли, не изнуря крестьянъ работами. Однако послѣдніе были крѣпостными и совершенно предоставлены на произволъ своихъ господъ, удерживавшихъ даже за собою уголовную надъ ними расправу. Мѣры, принятыя въ Эстляндіи и Лифляндіи съ начала XIX вѣка, не могли не привлечь на себя вниманія курляндскихъ дворянъ и однимъ изъ нихъ, баронъ У. Шлиппенбахъ, еще въ 1803 году сдѣлалъ дворянству шилтескаго округа предложеніе объ ограниченіи полновластія помѣщиковъ. Высочайшимъ рескриптомъ, датнымъ 31-го августа 1814 г. на имя маркиза Паулучи, составленіе проекта объ улучшеніи быта курляндскихъ крестьянъ поручено комисіи и членами ея назначены: тайный

совѣтникъ Шеплингъ (владѣтель мызы Барневиинде), камергеръ графъ Модемъ (владѣтель мызы Эалей), ниньтенскій ландратъ Шиппенбахъ, камеръ-юнкеръ Мантейфель (владѣтель мызы Цильденъ) и уѣздные предводители Фелькерзамъ и Фирксъ (владѣтели мызы Ногалленъ). Проектъ комисіи, весьма похожій на лифляндское положеніе 1804 г., не принятъ правительствомъ, потому что онъ оказался неудобно исполнимымъ безъ предварительнаго разсужденія и спеціальной оцѣнки крестьянскихъ участковъ. Между тѣмъ курляндское дворянство, нѣсколько встревоженное тайною, которая соблюдалась въ разсужденіяхъ комитета, обратилось къ императору, находившемуся на вѣнскомъ конгрессѣ, съ просьбою о разрѣшеніи ему избраніи комисіи, для разсмотрѣнія и мѣръ къ улучшенію быта крестьянъ. Прошеніе сначала осталось безъ видныхъ послѣдствій. Но высочайшимъ рескриптомъ отъ 3 декабря 1816 года дворянству предоставленъ былъ выборъ между недавно издавшимъ эстляндскимъ крестьянскимъ положеніемъ и представленнымъ правительству проектомъ комитета; для соображенія же извѣстнѣй, требуемыхъ мѣстными обстоятельствами, предписано снарядить комисію, избираемую дворянствомъ. На сеймѣ новое эстляндское уложеніе принято основаніемъ курляндскаго 236-ю голосами противъ 9 и членами комисіи избранъ баронъ Луингсгаузенъ-Вольфъ. (владѣтели Юрпакетъ), уѣздный предводитель Дершау (м. Штуненбахъ), графъ Кейзерлингъ (м. Кабилленъ), Гейкинъ (м. Окселитъ) и графъ Лахендорфъ (для пильтенскаго уѣзда). Генералъ-губернаторъ назначилъ председателемъ барона Ренне, члена оберъ-гофгерихта, и депутатомъ отъ управленія государственными имуществами совѣтника казенной палаты Рекке. Секретаремъ комисіи и главнымъ редакторомъ проекта положенія былъ секретарь дворянства Рехенбергъ-Линтентъ. Проектъ представленъ ландтагу (сейму), собравшемуся 30-го іюня. Безпрестанныя и сопровождаемыя непріятными намеками пожужденія маркиза Паулучи помѣшались на разсмотрѣніи проекта, чуть не вовсе остановили ходъ совѣщаній. Однако 20-го іюля проектъ принятъ сеймомъ и высочайше утвержденъ 25-го августа 1817 г. Новый законъ торжественно обнародованъ въ Митавѣ 30-го августа, въ день тезоименитства Императора, остановившагося на сутки въ семь городъ на своемъ пробадѣ въ Германію. При этомъ случаѣ онъ объявилъ крестьянскимъ депутатамъ, что поселеніе преимущественно одолжено своею свободою содѣйствіемъ помѣщиковъ къ исполненію нахренній высочайшей власти и увѣщевалъ крестьянъ повиноваться имъ по прежнему.

Примѣру сосѣдей послѣдовала и Лифляндія. Эзельское дворянство и города Рига, Юрьевъ и Перновъ обратились къ правительству съ просьбою о раскрѣпленіи принадлежащихъ имъ крестьянъ. Лифляндскому дворянскому ландтагу (сейму) сдѣлано также предложеніе 1-го іюня 1818 г. однимъ изъ зачѣтательнѣйшихъ по уму и познаніямъ его членовъ, Р. Самсономъ, впоследствии ландратомъ, и 19-го того же мѣсяца генералъ-губернаторомъ. Дворянство колебалось, пренія были жаркія. Спустя нѣсколько дней, 27-го іюня, маркизъ явился лично въ собраніе и краткою рѣчью, исполненною благородныхъ чувствъ, склонилъ собраніе въ тотъ же день къ единодушному провозглашенію свободы крестьянъ на принятыхъ въ сосѣднихъ губерніяхъ основаніяхъ. Впоследствии избрана комисія для сочиненія проекта новаго положенія. Председателемъ ея былъ ландратъ Рихтеръ, членами (ландраты) Траисъ, уѣздные депутаты Самсонъ, Гротъ и баронъ Унгертъ-Штернбергъ, предводитель эзельскаго дворянства Букстевандъ, членъ казенной палаты Шульдъ и со стороны лифляндскихъ городовъ, владѣющихъ населенными имѣніями, рижскій бургомистръ Рольсенъ. Редакторомъ былъ Самсонъ. Проектъ положенія высочайше утвержденъ 25-го марта 1819 г. и торжественно обнародованъ въ Ригѣ 6-го января 1820 г.

Таково было происхождение крестьянских положений для губерній ливонской, эстляндской и курляндской. Все они основывались на однихъ и тѣхъ же началахъ. Способы изложенія и распредѣленія предметовъ также одинаковы. Кроме постановленія объ отношеніяхъ крестьянъ къ землевладѣльцамъ и объ административномъ и судебномъ ихъ устройствѣ, въ нихъ изложено право гражданское и полицейское и гражданское судопроизводство. Здѣсь нѣтъ надобности рассказывать, какимъ образомъ особыя комисіи вводили въ дѣйствіе новое положеніе (переходное состояніе было назначено въ Эстляндіи и Курляндіи на 14 лѣтъ, а въ Лифляндіи 7), но совершенно необходимо вкратцѣ рассказать существенныя черты ливонскаго крестьянскаго положенія 1819 г.

Первою приготовительною мѣрою къ освобожденію прибалтійскихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости было раздѣленіе ихъ на мірскія общества и учрежденіе мірскихъ судовъ и управленій и затѣмъ уже шло дѣйствительное увольненіе крестьянъ. Въ ливонской губерніи было постановлено приступить къ дѣйствительному увольненію крестьянъ не прежде чотырехъ лѣтъ послѣ утвержденія положенія 1819 г., именнѣ съ юрьева дня (23 апрѣля, начало экономическаго года) 1823 года положено было уволить половину хозяевъ (все крестьяне были раздѣлены на два разряда: хозяевъ, батраковъ и дворовыхъ людей), въ слѣдующій годъ уволить другую половину; половину батраковъ (работниковъ) и дворовыхъ людей уволить въ юрьевъ день 1825 г., а затѣмъ другую половину батраковъ и дворовыхъ уволить въ тотъ же день 1826 г. Такимъ образомъ, къ 1827 году, все крестьяне ливонской губерніи явились лично свободными отъ крѣпостной зависимости и затѣмъ крестьянское положеніе 1819 года вступило въ полную силу и дѣйствіе. Посмотримъ же, какимъ образомъ опредѣлялись отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ.

Каждое помѣщичье имѣніе должно было составлять одно волостное, вѣрнѣе вотчинное (Gutsgemeinde), общество. Господская вотчина, издавна бывшая единицею административною и судебною, составила, такимъ образомъ, хозяйственную единицу. Затѣмъ надзоръ за благочиніемъ въ частныхъ имѣніяхъ былъ возложенъ на помѣщиковъ, а въ казенныхъ на уполномоченныхъ отъ казенной палаты арендаторовъ. Крестьянамъ мелкихъ помѣстій было разрѣшено соединяться и составлять одно волостное общество. Переходъ крестьянина изъ одного волостнаго общества въ другое зависѣлъ, кроме выполненія всехъ обязанностей въ отношеніи прежняго общества и представленія надежнаго поручительства въ уплатѣ казенныхъ податей и повинностей до будущей народной переписи, отъ согласія какъ помѣщика, такъ и волостнаго управленія той общины, къ которой кто либо изъ крестьянъ желалъ приписаться. Переселеніе въ города разрѣшено ливонскимъ крестьянамъ съ 1832 г., но выселеніе изъ предѣловъ губерніи было запрещено вовсе, кроме нѣкоторыхъ случаевъ, въ которыхъ выселеніе могла разрѣшить ландратская коллегія. Это запрещеніе основывалось на томъ, что во всехъ внутреннихъ губерніяхъ въ тѣ времена существовало крѣпостное право; правительство имѣя въ виду неодинаковость гражданскихъ отношеній, опредѣляющихъ положеніе крестьянъ по всей Россіи, воспретиловольные переходы прибалтійскихъ поселанъ за предѣлы края впредь до особаго на то высочайшаго повелѣнія (известно, что освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости всегда было желаніемъ покойнаго императора Николая Павловича).

Во всѣхъ трехъ губерніяхъ помѣщики были освобождены отъ ответственности за несправный взносъ казенныхъ податей и она возложена на сельскія общества.

Всѣ крестьяне были раздѣлены на два разряда: домохозяевъ и работниковъ, со включеніемъ къ сямъ послѣднимъ и дворовыхъ (въ курляндской губерніи дворовые составили третій разрядъ). Въ эстляндской губерніи управленіе мірскими обществами было поручено старостѣ и его помощнику, избираемымъ крестьянами изъ домохозяевъ на три года, и тремъ сотекиамъ, изъ которыхъ два избирались изъ числа хозяевъ и одинъ изъ разряда работниковъ. Селскія мірскія общества (подраздѣленія волостнаго), принадлежанія къ тому же имѣнію, избирали изъ своей среды выборныхъ по три на 100 душъ, а общества многочислѣннѣе еще по три на каждыя 200 душъ свыше первыхъ ста. Эти-то выборные и представляли собою все волостное общество и могли быть избираемы изъ числа мірскихъ старостъ или сотекиихъ, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы одна треть ихъ принадлежала къ разряду работниковъ. Выборные могли собираться не иначе какъ по приказанію волостной полиціи и въ многочислѣнныхъ имѣніяхъ займляли крестьянскія сходки. Дѣлами волости управлялъ волостной староста, избираемый выборными изъ своей среды, но непремѣнно изъ числа домохозяевъ, съ утвержденія волостной полиціи. Въ малыхъ имѣніяхъ, вмѣщавшихъ въ себѣ не болѣе одного селскаго общества, міръ совпадалъ съ волостью и мірскіе чиновники съ волостными; мірскія сходки заступали мѣсто волостныхъ выборныхъ обществъ. Судная часть была совершенно отдѣлена отъ административной и мірскіе суды, составленные изъ крестьянскихъ засѣдателей подъ предсѣдательствомъ дворянина, назначались по одному на каждыи приходъ.

Въ лифляндской и курляндской губерніяхъ подраздѣленіе волостныхъ обществъ на мірскія принято не было и судебная часть не такъ рѣзко отдѣлялась отъ административной, какъ въ губерніи эстляндской. Въ курляндской губерніи каждое волостное общество управлялось крестьянскими мірскими сходами, соединяющими въ себѣ власти распорядительную и судебную и составленнымъ изъ нѣсколькихъ выборныхъ членовъ, смотря по населенности имѣнія, подъ предсѣдательствомъ старшины изъ числа домохозяевъ и, наконецъ, изъ писаря, назначаемого помѣщикомъ и состоящаго на его содержаніи. Половина выборныхъ (засѣдателей) должна была принадлежать къ разряду домохозяевъ, другая къ разряду работниковъ. Сверхъ того, общество избирало еще по нѣскольку сотекиихъ, смотря по населенности имѣнія для соблюденія порядка общества въ тѣхъ случаяхъ, когда общія сходки не допускались. Курляндскій порядокъ былъ установленъ и въ лифляндской губерніи съ тѣмъ различіемъ, что волостной писарь не назначался помѣщикомъ, но самымъ селскимъ обществомъ; отъ этого волостные писаря въ Лифляндіи не могли имѣть такого сильнаго вліянія на мірскіе суды, какъ въ Курляндіи.

Должностныя обязанности мірскаго управленія заключались въ полицейскомъ надзорѣ, наблюденіи за отбываніемъ повинностей, попеченіи о мірскомъ имуществѣ и огражденіи правъ селскаго общества. Мірская сходка въ лифляндской губерніи считалась помѣщикомъ и дѣла, по ихъ изложеніи мірскимъ управленіемъ, рѣшались большинствомъ голосовъ всѣхъ членовъ сходки безъ различія разрядовъ; для рѣшенія же дѣлъ, касающихся только одного изъ разрядовъ, т. е. домохозяевъ или работниковъ, созывался надлежащій разрядъ отдѣльно. Всѣ постановленія міра, кромѣ выборовъ, представлялись на утвержденіе помѣщика; неутвержденный помѣщикомъ приговоръ не могъ быть приводимъ въ исполненіе, но міру предоставлялось право жаловаться на помѣщика, неутвердившаго приговоръ.

Мірскіе суды, вѣдавшіе полицейскою и судебною расправою, обязаны были собираться еженедѣльно, сверхъ того одинъ изъ членовъ долженъ былъ неотлучно находиться на господской усадьбѣ для отправленія текущихъ дѣлъ.

Въ лифляндской губерніи каждому изъ засѣдателей былъ ввѣренъ надзоръ надъ отдѣльнымъ округомъ. Мірской судъ въ этой губерніи имѣлъ право наказывать крестьянъ строгими выговорами, понужденіемъ къ испрошенію прощенья, взысканіемъ причиненнаго убытка общественными работами до трехъ дней, арестомъ до трехъ дней и, наконецъ, палками до 30 ударовъ, но вѣсѣ съ тѣмъ судъ имѣлъ право арестъ и тѣлесное наказаніе замѣнять денежною пеней (за 10 ударовъ или за день ареста два рубля ассигнаціями).

Мірское управленіе обязано было имѣть строгій надзоръ надъ безпаспортными и бродягами, за правильнымъ отбываніемъ казенныхъ и общественныхъ повинностей, за запасными хлѣбными магазинами, за мірскою казною, за запасными хлѣбными магазинами, за оказаніемъ обществѣ членамъ общества вспоможенія, за опекунскимъ управленіемъ надъ малолѣтними сиротами, за предохранительными мѣрами противъ прилипчивыхъ болѣзней, скотскихъ падежей и пр.

Волостная полиція была поручена помѣщику, который однако имѣлъ право назначить вѣсто себя другое лицо, донося о томъ земскому суду. Ни помѣщикъ, ни его повѣренный не могли быть членами управленія, какъ по приговору вышшаго судебнаго мѣста въ губерніи. Волостная полиція обязана была надирать за дѣйствіями мірской, особенно по управленію общественною казною и запаснымъ хлѣбнымъ магазиномъ, объявлять указы и предписанія вышшаго начальства, доносить земскому суду о чрезвычайныхъ происшествіяхъ и отправлять по принадлежности вѣдомости о народнѣйшей переписи за истекшее трехлѣтіе. Волостная полиція имѣла право за грубость и неповиновеніе крестьянъ, за пьянство и непотребство и за проступки, учиненные при отправленіи господской работы, налагать на крестьянъ наказанія, но только въ половину противъ тѣхъ наказаній, къ которымъ виновнаго могъ присуждать мірской судъ.

Генеральную полицейскую инстанцію надъ волостными полиціями или помѣщиками составляли приходскіе суды, состоявшіе изъ предсѣдателя помѣщика и его замѣстителя, изъ трехъ засѣдателей изъ крестьянъ-хозяевъ, изъ нотариуса (секретаря), назначаемаго предсѣдателемъ, и изъ разсильнаго. Налагаемые ими взысканія не должны были превышать немъ 12 р. ассигн., 60 ударовъ и 6-ти суточныхъ ареста.

Дѣйствія полицейскаго управленія заключались въ поставкѣ рекрутъ, въ управленіи запасными магазинами и казнами, въ постройкѣ и содержаніи церквей и училищъ, въ пощеніи о немущихъ и умалишенныхъ, мѣрахъ противъ пожаровъ и скотскихъ падежей и надзорѣ за кортимами.

Въ отношеніи поставки рекрутъ мірскіе суды, на основаніи исчисленія числа рекрутъ подлежащаго съ каждаго имѣнія, обязаны были набирать людей и взымать деньги на обмундированіе и сдачу ихъ. Отъ рекрутства освобождались: 1) крестьяне-хозяева съ ихъ старшими сыновьями, заоброочившіе поземельный участокъ опредѣленной величины; 2) члены судовъ мірскаго, приходскаго и уѣзднаго; 3) сельскіе учителя и 4) соразмѣрное съ населеніемъ имѣнія число дворовыхъ людей, по назначенію помѣщика.

Въ каждомъ сельскомъ обществѣ долженъ находиться запасный хлѣбный магазинъ, состоящій подъ надзоромъ мірскаго старшины и двухъ смотрителей, избираемыхъ крестьянами. Сборъ, раздачу въ суды хлѣба и пр. крестьянское положеніе опредѣлило подробно.

Мірская казна завѣдывалась предсѣдателемъ и двумя членами мірскаго управленія. Она составляется изъ штрафовъ суммъ, изъ денегъ взымаемыхъ отъ продажи магазиннаго излишка и выморочныхъ имуществъ и, наконецъ, изъ всякаго рода имущества, приобретаемаго сельскимъ обществомъ.

Изъ мірекой казны дѣлаются ссуды немущимъ и вспоможенія бѣднымъ, а также призываются сироты, больные и увѣчные и проч.

Каждое изъ сельскихъ обществъ было обязано учреждать и содержать училища по 1 на 1000 жителей. Сельскія училища въ лифляндской губерніи были раздѣлены на два разряда: на низшія или мірекія (вспомогательныя) и на высшія или приходскія. Присмотръ за сельскими мірекими училищами былъ возложенъ на церковныхъ настоятелей изъ крестьянъ подъ руководствомъ пасторовъ и верховныхъ надзоромъ помѣщиковъ, которымъ предоставлено было право назначать учителей въ школы по указанію пасторовъ. Обученіе вводилось обязательное. За исключеніемъ крестьянскихъ дѣтей, обучающихся у своихъ родителей, каждое дитя, достигшее 10-ти лѣтняго возраста, обязано было посѣщать училище съ 10 ноября по 10 марта, 8 часовъ ежедневно, подъ наказаніемъ взысканія съ родителей пеня 5 коп. мѣдою за каждый день. Пасторы были обязаны осматривать всѣ сельскія училища своего прихода два раза въ годъ и о состояніи школъ доносить церковному конвенту, составленному изъ всѣхъ помѣщиковъ прихода и церковныхъ настоятелей изъ крестьянъ. Приходскія училища положено учредить въ каждомъ приходѣ, гдѣ считается 2000 душъ; въ нихъ надлежало обучать по крайней мѣрѣ 12 молодыхъ людей отъ 14 до 17 лѣтняго возраста на издѣваніи родителей. Если желающихъ будетъ меньше, то недостающее число пополняется лучшими воспитанниками мірекихъ училищъ, преимущественно сиротъ, по выбору училищнаго конвента. Молодые люди, воспитывавшіеся въ приходскомъ училищѣ на издѣваніи сельскаго общества или помѣщика, обязаны прослужить имъ шесть лѣтъ въ должности писаря, учителя и пр. Предметы ученія: грамота, счетоводство, церковное пѣніе, катехизисъ и общенормальная свѣдѣнія.

Теперь перейдемъ къ судебному крестьянскому устройству въ лифляндской губерніи и вкратцѣ рассмотримъ составъ четырехъ степеней суда: мірскаго, приходскаго, уѣзднаго и особаго отдѣленія гофгерихта по крестьянскимъ дѣламъ.

Мірекому суду было предоставлено право рѣшать дѣла цѣлою не свыше 5 руб.; приходскому не свыше 10 руб. Засѣданія должны были въ этихъ судахъ начинаться въ первый понедѣльникъ каждаго мѣсяца и продолжаться до рѣшенія всѣхъ вступившихъ дѣлъ. Уѣздный судъ былъ составленъ изъ судьи предѣлителя и двухъ засѣдателей изъ дворянъ, избираемыхъ ландтагомъ изъ своей среды, изъ двухъ крестьянскихъ засѣдателей, избираемыхъ засѣдателями приходскихъ судовъ того уѣзда и изъ секретаря, избраннаго дворянствомъ изъ числа молодыхъ дворянъ, обучавшихся правовѣдѣнію въ юрьевскомъ университетѣ. Уѣздный судъ получалъ содержаніе отъ казны и долженъ былъ собираться три раза въ годъ, кромѣ чрезвычайныхъ случаевъ: ему было предоставлено право рѣшать окончательно дѣла не свыше 50 руб. Суду его подвергались крестьянскіе засѣдатели подвѣдомственныхъ ему судебныхъ мѣстъ; онъ могъ отрѣзать ихъ отъ должности: своихъ же членовъ изъ крестьянъ уѣздный судъ имѣлъ право удалять отъ должности, подвергая ихъ суду отдѣленія гофгерихта по крестьянскимъ дѣламъ. Это особое отдѣленіе было составлено изъ предѣлителя гофгерихта, двухъ засѣдающихъ въ немъ ландратовъ, очереднаго ландрата и секретаря изъ дворянъ, содержимаго на счетъ казны вмѣстѣ съ двумя канцелярскими служителями. Для довѣдѣнія до свѣдѣнія крестьянъ судебныхъ объявленій, напр., о совершеніи закладныхъ и купчихъ, завѣщаній и пр., правительственныхъ распоряженій и событій, касающихся крестьянскаго обихода, положено издавать отъ уѣздныхъ судовъ рижскаго и юрьевскаго народныя вѣстники на языкахъ латышскомъ и

эстонскомъ. Эти вѣстники было предписано разсылать во всѣ мірскіе и приходскіе суды и читать въ слухъ въ церквахъ послѣ службы.

Законъ предоставлялъ крестьянамъ вести свои дѣла лично, для сокращенія издержекъ и во избѣжаніе всякаго пущиховодства. Основнымъ началомъ производства по крестьянскимъ тяжбымъ дѣламъ во всѣхъ степеняхъ суда былъ принятъ порядокъ слѣдственный. Судебныя мѣста обязаны были не только склонять тяжущихся къ полюбовнымъ сдѣлкамъ, но и дополнять ихъ упущенія, поправлять ошибки, напр., еслибы кто требовалъ мѣры, чѣмъ ему слѣдуетъ, или не защищалъ себя давностію и т. д., и исследовать истину кратчайшимъ и надежнѣйшимъ путемъ, особливо посредствомъ допросовъ тяжущихся. Здѣсь нѣтъ надобности подробно описывать порядка судопроизводства, введеннаго положеніемъ 1819 года. Достаточно сказать, что многія правила объ отдѣльных предметахъ судопроизводства были заимствованы изъ общегерманскаго права.

Крестьянскія положенія прибалтійскихъ губерній въ отношеніи права гражданскаго довольствовались изложеніемъ главныхъ началъ оного, для руководства въ случаяхъ нанчае встрѣчающихся, указывая на мѣстные законы и обычаи и на общія государственныя узаконенія какъ на дополнительные источники. Не будемъ останавливаться на узаконеніяхъ, опредѣлявшихъ права на имущество, о правахъ наследованія по закону, о завѣщаніяхъ и дарственныхъ записяхъ; скажемъ только, что въ положеніяхъ на постановленія о двухъ употребительнѣйшихъ и важнѣйшихъ для сельскаго быта видахъ договоровъ: личномъ наймѣ и поземельной арендѣ было обращено особое вниманіе. Основныя начала постановленій о договорахъ одинаковы во всѣхъ трехъ положеніяхъ, но въ положеніи лифляндскомъ эти постановленія изложены подробнѣе, чѣмъ въ эстляндскомъ. Договоры о личномъ наймѣ, на работу или на услуженіе, должны были заключаться письменно или словесно, при свидѣтеляхъ или же принятіемъ задатка. Добровольное предъ судомъ признаніе было достаточнымъ доказательствомъ заключеннаго условія. Наниматься въ услуженіе или на работу могли только лица, которые властны были расплагаться собою, а потому малолѣтніи дѣти и замужнія женщины могли наниматься не иначе какъ съ согласія отцовъ, опекуновъ или мужей. Положеніе опредѣляло различныя правила при наймѣ работниковъ, и тѣ причины, по которымъ работникъ могъ до условленнаго срока отойти отъ хозяина; эти причины: жестокое обращеніе, прекращеніе отпуска пищи, отъѣздъ хозяевъ въ чужіе края и собственная тяжкая болѣзнь, но о причинѣ отхода работникъ долженъ былъ объявить мірскому суду и доказать оную. Но и хозяинъ имѣлъ право отослать работника до срока, въ случаѣ его непослушанія, упорства, пьянства и проч. Хозяинъ имѣлъ право подвергать своихъ работниковъ тѣлесному наказанію въ 6 ударовъ.

Въ положеніи о заоброчиваніи поземельныхъ участковъ было указано эти участки отдавать на содержаніе не далѣе какъ на 50 лѣтъ. Договоръ заключался письменно или словесно. Существенныя принадлежности аренднаго договора были: 1) точное описаніе отдавнаго участка, 2) означеніе способа и срока пользованія; 3) въ показаніи состоянія заоброчиваемаго участка и находящагося при немъ инвентаря; 4) въ означеніи видовъ и мѣры отбываемыхъ оброчниковъ повинностей и 5) въ означеніи ответственности за случайные убытки. Сверхъ того, въ лифляндскомъ положеніи были изложены нѣкоторые особыя правила для арендныхъ контрактовъ, отъ которыхъ однако дозволялось отступать по обоюдному согласію. Такъ, напр., оброчникъ и безъ особеннаго о томъ постановленія въ контрактѣ былъ обязанъ платить подати и исправлять повинности; оброчникъ, безъ согласія вотчинника, былъ не вправе рубить лѣсъ, заводить улья, расчищать и запа-

хивать болѣе $\frac{1}{24}$ доли вустарника, и пр. и пр. Помѣщикъ имѣлъ право отказывать оброчнику и до истеченія срока въ случаяхъ важнаго нарушенія контрактовъ. Подробности обо всемъ этомъ, конечно, здѣсь не умѣтны.

Тифлидское крестьянское положеніе 1819 г., состоявшее изъ 643 статей, важнѣйшія черты котораго нами изложены, дѣйствовало до 1849 г. Въ настоящее время это положеніе не служитъ уже основаніемъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ; оно и правительствомъ и дворянствомъ признано не имѣло удовлетворяющихъ потребностямъ, потому мы и укажемъ, въ чемъ же именно состояли слабыя стороны этого положенія, указавшія на необходимость новой и притомъ коренной реформы, произведенной при генералъ-губернаторѣ Головинѣ на ландтагѣ 1847 г., на которомъ столь важную роль играли ландтагъ баронъ Фелькерзамъ.

Крестьяне были объявлены лично свободными, но вмѣстѣ съ тѣмъ они потеряли право на поддержку и пособія со стороны помѣщиковъ. Помѣщики, съ упраздненіемъ крѣпостнаго права, относились къ своимъ бывшимъ крестьянамъ какъ къ лицамъ совершенно постороннимъ, но тѣмъ не менѣе положеніе 1819 года оставило за помѣщиками огромное вліяніе на весь ходъ крестьянскихъ дѣлъ. Мы видѣли, что положеніе 1819 года личныя права крестьянъ подвергало различнымъ ограниченіямъ, но независимо ограниченій, определенныхъ законами, бывали ограниченія, допускавшіяся обычаями. Такъ, напр., въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ совершеніе браковъ между крестьянами допускалось только съ предварительнаго, письменнаго выраженаго разрѣшенія вотчинной конторы.

Общественная организація сельскаго состоянія, въ связи съ судебными и административными учрежденіями, не отличалась простотою. Мы видѣли, что по положенію 1819 г., каждое помѣщичье имѣніе должно было составлять одно волостное общество, т. е. вотчина принималась за общественную единицу. Крестьянская администрація и судъ избирены были въ предѣлахъ вотчины: мірскіе сходы, старшины, мірскому суду, вотчинно-полицейскому управленію (помѣщичьей конторѣ); въ границахъ судебно-полицейскаго приходскаго округа: приходскому суду; въ границахъ уѣзда — уѣздному суду и наконецъ, въ предѣлахъ губерніи — особому отдѣленію пофигерихта по крестьянскимъ дѣламъ и генералъ-губернатору.

Мірскіе сходы играли роль весьма незначительную. Они собирались лишь по распоряденію вотчиннаго управленія, приговоры утверждались тѣмъ же управленіемъ, вотчинное управленіе могло остановить приговоръ. На практикѣ случалось, что мірскіе приговоры составлялись въ вотчинной конторѣ и диктовались председателю схода.

Мірскому обществу предоставлено было право обращаться съ жалобами къ генералъ-губернатору чрезъ двухъ депутатовъ, избранныхъ изъ числа старшинъ и членовъ мірскаго суда, т. е. должностныхъ лицъ, утверждавшихся въ своихъ должностяхъ помѣщикомъ. Но депутаты не могли вѣхать съ жалобою безъ письменнаго на то дозволенія вотчиннаго правленія, слѣд. жалоба, въ особенности когда она приносилась на вотчинное правленіе, не всегда могла дойти до генералъ-губернатора.

Старшинами, председателемъ и члены мірскаго суда выбирались мірскими сходами изъ крестьянъ мѣстнаго общества, но вотчинное управленіе, по положенію, могло заблаговременно до пяти разъ выборы. Засѣданія мірскаго суда происходили, по закону, на господскомъ дворѣ; судъ былъ обязанъ собираться по всякому требованію вотчиннаго правленія; всѣ постановленія мірскаго суда поступали на просмотръ въ вотчинное правленіе. Однимъ словомъ, мірскіе сходы, старшины и мірскій судъ находились подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ

вотчиннаго правленія. пользовавшагося, сверхъ того, весьма широкою полицейскою властію.

Вотчинное правленіе имѣло право косвеннаго и прямого увольненія отъ рекрутской повинности, а это подавало поводъ къ жалобамъ весьма основательнымъ, ибо годные въ военную службу люди изъ дворовыхъ и работниковъ имѣли возможность уклониться отъ нея. Но всему этому вотчинное правленіе, пользуясь по положенію правомъ вѣдательства во все общественныя дѣла, не несло никакой ответственности вслучаѣ неусиѣнности ихъ хода.

Весь личный составъ крестьянскихъ судебныхъ инстанцій, кромѣ мірскаго суда, а именно: въ приходскомъ судѣ председатель, въ уѣздномъ председатель и два заседатели, въ особомъ отдѣленіи гофгерихта председатель, рещирующий ландратъ и ландраты члены гофгерихта, избирались изъ мѣстныхъ дворянъ и во всѣхъ инстанціяхъ не было ни одного лица по назначенію правительства. Канцеляріи также были въ рукахъ дворянства и ни на одно изъ учреждений по дѣламъ крестьянъ не распространялся надзоръ ни уѣздныхъ стралчихъ, ни губернскаго прокурора.

Помѣщикамъ и крестьянамъ предоставлено было договариваться полюбовно о наймѣ вторыми у первыхъ земли и о размѣрѣ повинностей, не стѣсняясь въ этомъ отношеніи никакими установленными правилами, но это самое ставило крестьянъ въ зависимость отъ землевладѣльца несравненно большую, чѣмъ въ прежнія времена. Слѣдствія всѣхъ сторонъ крестьянскаго положенія 1819 г. понятны: обидѣнные крестьяне и недовольство своимъ положеніемъ. Потерявъ право на землю, не имѣя возможности быть потомственными оброчниками и поземельными собственниками (эта возможность явилась лишь въ 1849 г.) крестьянныя смотрѣли на свое положеніе какъ на несоотвѣтственное вольному человеку.

Это не ускользнуло отъ вниманія бывшаго прибалтійскаго генералъ-губернатора Е. А. Головина и выражено было имъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ по управленію Балтійскихъ краевъ съ мая 1845 по февраль 1848 года такъ (см. Чтенія въ Истор. общ. исторія и древностей русскійскихъ при моск. университетѣ, 1871. книга 2-я, сѣбѣ, стр. 111):

..Въ началѣ нынѣшняго вѣка распоряженіями русскаго правительства работою крестьянъ въ Остзейскомъ краѣ займлено было крѣпостнымъ состояніемъ. Такимъ образомъ успѣшно совершено было то, до чего всѣ успѣхи Стефана Баторія и Густава Адольфа не могли достигнуть. Уставы, изданные при семъ случаѣ, обезпечили поселеніямъ: 1) Неотъемлемое пользованіе землею посредствомъ наслѣдственности усадьбы, воспрещенія отбирать ихъ безъ судебного приговора и присоединять къ господскимъ полямъ безъ соблюденія довольно затруднительныхъ условій. 2) Неотяготительное исполненіе барщины назначеніемъ мѣры ея въ яценбухахъ и опредѣленіемъ въ регулативахъ. 3) Сохранность и средства къ усиленію рабочаго капитала установленіемъ недѣлимости узаконеннаго при каждой мѣрѣ инвентаря, т. е. необходимаго числа орудій, рабочаго скота и сѣмянъ. 4) Личную самостоятельность воспрещеніемъ продавать поселеніи безъ земли, и учрежденіемъ судовъ для охраненія личныхъ и немущественныхъ правъ крестьянъ. Этими огражденіями были всѣ условія проаводимости, слѣдовательно, и матеріальнаго благополучія сельскаго состоянія. Но полная личная свобода дарована была для Эстляндіи въ 1816, для Курляндіи въ 1818 и для Лифляндіи въ 1819 году. Тогда же утверждены были новыя положенія о крестьянахъ, начертанныя дворянствами этихъ губерній, но они, упорчивая личную свободу крестьянъ, разрушали всѣ прежнія обезпеченія матеріальнаго благосостоянія ихъ: крестьянская земля предоставляла въ неограниченное распоряженіе помѣщиковъ.

якенибухи и регулятивы, не смотря на сохраненіе барщины, замѣнены свободнымъ соглашеніемъ поселенія съ владѣльцемъ, а въ Лифляндіи уничтожена вѣдливость узаконеннаго инвентаря. Не смотря, однако же, на это крестьянство сдѣлалось вообще зажиточнѣе, подати вносились бездомночно, во многихъ мірскихъ обществахъ составлялись значительные капиталы, и въ 20-лѣтній срокъ, въ замѣну поставили рекрутъ натурою, уплачено крестьянами добровольно слишкомъ 1½ мил. рубл. сер. Впрочемъ, и невыгоды законоположеній 1816 и 1819 годовъ обнаружилась: крестьяне, умственно развитые, сознавая гражданскія права свои, скорѣ оцѣнили необезпеченность своего хозяйственнаго быта, безусловно зависящаго отъ произвола помѣщиковъ. Отсюда ропотъ и хѣтныя волненія съ 1840 г. въ Лифляндіи.»

Последнія снова этой вышесказанной требуютъ, однакоже, значительной поправки. Лифляндскіе крестьяне не могли въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія развитыя умственно, потому что Лифляндіа начала покрываться сѣтью сельскихъ училищъ лишь съ 1848 года, не могли и богаты при совершенной необезпеченности своего хозяйственнаго быта.

Огромное вліяніе вотчинныхъ правленій (помѣщичьихъ конторъ) на ходъ крестьянскихъ дѣлъ, безъ всякой отвѣтственности тѣхъ правленій за безуспѣшность хода дѣлъ, неизбѣжно прескурорскаго напора за судопроизводствомъ, наконецъ, что едва ли не наибѣйшая слабая сторона положенія 1819 года, правила заоброчиванія поземельныхъ участковъ, при которыхъ оброчники, заключившіі контрактъ съ вотчинникомъ, не могъ считать при легкости, съ какою вотчинникъ могъ нарушить контрактъ, своего положенія вполне обезпеченнымъ, все это были такого рода недостатки, при которыхъ крестьянинъ не могъ считать своего быта дѣйствительно улучшеннымъ, и не могъ не желать перемѣны своего положенія.

Посмотримъ теперь, каковы были отношенія крестьянъ къ духовенству.

Латыши исповѣдывали протестантскую вѣру по аугсбургскому символу. Какъ водворилось латинство въ средѣ туземнаго населенія древней Ливоніи, мы знаемъ совершенно обстоятельно изъ исторіи появленія и водворенія въ прибалтійскомъ краѣ лѣвнскихъ купцовъ, духовенства и крестоносцевъ, но какииъ образомъ водворилось и распространилось лютеранство въ прибалтійскихъ деревняхъ, никакихъ положительныхъ извѣстій нѣтъ — быть можетъ, нѣтъ и потому, что простонародье отнеслось къ смѣнѣ латинства протестантизмомъ совершенно равнодушно. Судить объ этомъ не наше дѣло, но необходимо лишь замѣтить, что хозяйственное положеніе сельскаго духовенства было весьма подробно разработано и для содержанія духовенства существовали обязательные сборы и повинности. Кроме доходовъ случайныхъ (за требы, за экзамены, за конфирмацію и пр.), приходжане обложены были общественными сборами или оброками хлѣбомъ, припасами или деньгами (Persellen и Kuhlmitz); относительно постройки и починки церквей, священническихъ и квартирныхъ домовъ, въ крестьянскомъ положеніи (516 ст.) было предписано поставку сыраго матеріала и половину денежныхъ расходовъ на напихаемыхъ мастеровыхъ, на стекло, краску и т. п. отнести на счетъ помѣщиковъ, а другую половину и поставку рабочихъ возложить на сельскія общества, сообразуясь при раскладкѣ съ населеніемъ каждаго мѣстнаго: пастораты, къ которымъ не приписаны крестьянскіе хуторы, было предписано владѣть по прежнему посредствомъ рабочихъ, поставляемыхъ отъ прихода: сельскіе промышленники: корчмаріи, мельники и дворовые люди обложены были подушнымъ сборомъ. Пастораты, владѣніе населенными мѣстными, подчинялись всѣмъ правиламъ крестьянскаго положенія, и слѣд. отношенія ихъ къ крестьянамъ были тѣже самыя, какъ и отношенія землевладѣльцевъ къ бывшимъ ихъ крѣпостнымъ людямъ.

Чешская полиція, на основаніи полицейскаго устава, вышедшаго одно-

временю съ крестьянскимъ положеніемъ 1819 года, обязана была наблюдать, чтобы крестьяне не отступали отъ догматовъ аугсбургскаго исповѣданія и на основаніи 511 и 543 ст. устава обязана была начинающаго въ публичныхъ мѣстахъ споры о вѣрѣ подвергать строгому выговору, а буде оный не подѣйствуетъ, то и полицейскому наказанію; буде же кто затѣетъ новую секту и по увѣщанію полиціи не оставитъ преднаго своего намѣренія, то таковой берется подъ стражу и отсылается въ пранунгсгерихтъ (земскій судъ) своего округа для принятія въ разсужденіи его дальнѣйшихъ мѣръ.

Пасторы, огражденные крестьянскимъ положеніемъ 1819 г. и земскою полиціею, и называемые въ народѣ „der Kirchenherr“ — церковный баринъ, пользовались хорошинами и обезпеченными доходами.

Въ то самое время, когда крестьянское положеніе 1819 г. устанавливало новыя отношенія между земледѣльцами и крестьянами, въ средѣ крестьянъ сильно развивалось ученіе геригутеровъ, послѣдователей котораго не мало въ настоящее время въ Саксонтѣ.

Ученіе геригутеровъ появилось въ первой половинѣ прошлаго столѣтія. По этому ученію, истинная протестантская церковь есть лишь преддверіе къ истинной церкви, которая образуется, когда истинные сыны Божіи, жаждущіе благодатнаго возрожденія, сольются во едино и образуютъ изъ себя духовное братство. Къ учрежденію духовныхъ братствъ должны стремиться разрозненные члены будущей истинной церкви, а для этого необходимо пречварительное составленіе общинъ.

Въ общину могли вступать послѣдователи всѣхъ протестантскихъ вѣроисповѣданій, причежъ отъ вступившихъ въ общину требовалось, чтобы они не только не отдѣлялись отъ своихъ единовѣрцевъ, но непремѣнно посѣщали свои церкви, исполняли ея предписанія и оказывали ея пастырямъ глубочайшее уваженіе: вмѣстѣ съ тѣмъ члены общины должны были присутствовать на ея собраніяхъ, участвовать на ея духовныхъ упражненіяхъ и подчиняться безусловному руководству ея наставниковъ, которымъ вѣряется попеченіе о ихъ душахъ. Община управляется старшиною, который назначается не по выбору, а по жребію; члены каждой общины подраздѣлялись на разряды или степени; подготовленіе вновь вступающихъ въ общину и руководство вступающими поручалось особымъ наставникамъ, изъ которыхъ каждый нѣмѣлъ на своемъ попеченіи отъ 5 до 6 душъ. Надъ нѣсколькими общинами по жребію ставился діаконъ, руководившій старшинами и наставниками; діаконъ подчинялся пресвитеру, а пресвитеры центральному управленію всей ассоціаціи въ Геригутѣ.

Въ прибалтійскомъ краѣ наставники и старшины заботились всегда изъ туземцевъ, т. е. изъ латышей и эстонцевъ, діаконы же и пресвитеры присылались изъ заграницы; — соборвенно братства, какъ, наприм., въ Саксонтѣ, здѣсь никогда не было, но были одніѣ общины. Общины нѣмѣли собранія (часы, Stunden), на этихъ собраніяхъ присутствующіе занимаются чтеніемъ, молитвою, пѣніемъ, назидательными бесѣдами, обсужденіемъ разныхъ предметовъ, касающихся нужды и пользы отдѣльныхъ лицъ или всего общества, даже совершаются таинства: крещенія, приобщенія и полусвѣской исповѣди съ омовеніемъ ногъ. Къ вопросамъ догматики они относились вполне равнодушно, но старались пробудить лишь въ послѣдователяхъ своею ученіемъ вниманіе къ самому себѣ, потому сознаніе своей грѣховности и живую потребность благодатнаго обновленія. Страсти Христовы — основная тема ихъ пѣсней, проповѣдей и бесѣдъ.

Ученіе геригутеровъ проникло въ прибалтійскій край около 1730 г. и встрѣчено было съ большимъ сочувствіемъ въ высшихъ слояхъ общества.

особенно между женщинами. Первые прибывшие изъ-за границы геригутеры не замедлили войти въ сношеніе съ простонародьемъ и въ немногихъ, вѣско-ро выстроенныхъ молитвенныхъ домахъ, открыли собранія (часы). Крестьяне посѣщали сперва изъ одного любопытства, но скоро пристрастились собираться на эти часы для обмѣна мыслей, для обнаруженія духовныхъ потребностей и мірскихъ заботъ, для непосредственнаго участія въ доступныхъ всѣмъ молитвенныхъ упражненіяхъ. Въ 1736 г. прибылъ въ лифляндскую губернію дѣятельный организаторъ геригутерской церкви графъ Цинцендорфъ; по его иниціативѣ и съ вѣдома мѣстнаго духовенства была открыта семинарія на 130 латышей для подготовленія учителей изъ туземцевъ (извѣстно, что въ XVIII столѣтіи сельское духовенство въ прибалтійскихъ губерніяхъ пополнялось выходцами изъ Германіи). Быстрые успѣхи геригутерства, демократическій характеръ общины возбудили, наконецъ, подозрѣнія. Лифляндскій генералъ-суперъ-интендентъ Фишеръ обратился въ оберъ-консесторію съ предложеніемъ нарядить слѣдствіе надъ геригутерами, но прежде чѣмъ кончилось слѣдствіе послѣдовалъ высочайшій указъ отъ 16-го апрѣля 1743 г.: „предводитель-нику новой секты графиню Цинцендорфъ и всѣхъ прибывшихъ съ нею изъ чужихъ краевъ помощниковъ учтивымъ образомъ заарестовать и отправить въ Петербургъ за карауломъ, съ довольномъ конвоемъ; книги, бумаги и письма ихъ отобрать и доставить туда же: всѣ молитвенные дома запереть, собранія прекратить, всѣмъ лифляндцамъ, знавшимъ въ развращенное ученіе эрив-гутеровъ, сіе запретить.“ Въ этому запрещенію поводомъ послужила, какъ сказано въ указѣ, что множество крестьянъ „утѣмъ развращеннымъ ученіемъ приводятъ въ непослушаніе пошлѣникамъ и, подъ предлогомъ молитвы, должны свои работы покидали.“

Собранія геригутеровъ были закрыты, но въ тайнѣ продолжались и снова открылись при императрицѣ Екатеринѣ II, въ началѣ своего царствованія много заботившейся о водвореніи иностранныхъ колонистовъ въ Россіи. Геригутеры (въ официальной перепискѣ они названы „обществомъ братства евангелическаго августинскаго исповѣданія“) въ февралѣ 1764 г. получили правительственное разрѣшеніе водвориться въ Россіи съ правомъ безпрепятственно исповѣдывать свою вѣру и отправлять свое богослуженіе на общемъ основаніи прежде изданнаго манифеста, т. е. подъ условіемъ не привлекать въ свою вѣру христіанъ другихъ исповѣданій (см. П. С. З. ном. 11880 и 12057).

Съ этихъ поръ геригутеры получили законное право проживать въ Россіи, а въ 1817 г. запросили себѣ у императора Александра Павловича жалованную грамоту (П. С. З. ном. 27113), въ коей государь, похваливъ геригутеровъ за усѣбное наставленіе словомъ и примѣромъ поселянъ, высочайше разрѣшилъ геригутерамъ устранивать, учреждать и содержать подъ своимъ присмотромъ, какъ то и доселѣ было, для духовной пользы и назиданія латышей, эстонъ и другихъ желающихъ, молитвенные дома или собранія по родамъ, селеніямъ и деревнямъ, съ согласія владѣльца земли и съ вѣдома начальства городского, безъ всякаго, впрочемъ, въ томъ препятствія. Въ оныхъ молитвенныхъ домахъ или собраніяхъ могутъ свободно сходиться всѣ желающіе, по прежнему до снѣгъ заведенію, кромѣ часовъ, для обыкновеннаго по церквамъ богослуженія назначенныхъ, и во время свободное отъ работъ. Смыслъ молитвенныхъ домовъ, назидательнымъ, для чтенія слова Божія, моленія и приличныхъ наученій учреждаемымъ, состоятъ подъ руководствомъ и управленіемъ старшинъ и членовъ братскаго евангелическаго общества.“

Съ этихъ поръ геригутеры быстро раскинулись по всей Лифляндіи и въ 1819 г. имѣли 144 общины съ 30 тысячами членовъ въ нихъ, въ томъ числѣ начальствующихъ нѣмцевъ, прибывшихъ изъ-за границы было 41, а на-

чаествующихъ туземцевъ 1,000: чрезъ нѣсколько лѣтъ число общинъ возрасло до 5 тысячъ. Лучшая часть поселянъ, самые богатые и способные, большинство должностныхъ крестьянъ, какъ то: судьи, парадники, учителя, церковные старосты, пристали къ гернгутерскимъ общинамъ, принявшимъ мѣстный характеръ и образовавшимъ въ средѣ церкви народную церковь. Гернгутеры ни мало не уклонялись отъ церкви, оказывали ея служителямъ должное уваженіе, тѣхъ не менѣе борьба была необходима: лютеранская церковь не могла же относиться равнодушно къ образованію въ средѣ своей другой церкви. Борьба и завязалась одновременно къ области догматики, каноническаго права и гражданскихъ законовъ и велась съ большимъ горячностью. Здѣсь нѣтъ надобности описывать подробности этой борьбы, достаточно ограничиться замѣчаніемъ, что наше правительство для пресѣченія распри сочло нужнымъ поѣтъ правила устава лютеранской церкви въ Россіи формально признать въ молитвенныхъ домахъ гернгутеровъ, и выѣстъ съ тѣмъ было предписано не открывать безъ разрѣшенія генералъ-губернатора новыхъ молитвенныхъ домовъ, а 24-го марта 1839 г., было запрещено протестантамъ вступать въ общины.

Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ весь прибалтійскій край находился въ напряженномъ состояніи: крестьяне находили свое положеніе въ отношеніи къ землевладѣльцамъ не соответствующимъ вольному человеку, приверженцы ученія гернгутеровъ, оставаясь въ убѣжденіи, что „церковь многого не имѣетъ“, горючо отстаивали свои убѣжденія и, собираясь въ ночныхъ сходкахъ, въ лѣсахъ, проповѣдывали образъ идеальной церкви.

Теперь необходимо сказать нѣсколько словъ и о томъ, какъ поселяне смотрѣли на православныхъ кореннаго русскаго происхожденія людей, жившихъ по преимуществу въ городахъ, но не рѣдко заходившихъ по своимъ дѣламъ и промысламъ въ латышскія деревни и села.

Неподлежащіе оснаиванію историческіе документы свидѣтельствуютъ, что первыи сѣмена христіанства занесены были въ прибалтійскій край изъ подошлаго княжества, задолго до прибытія нѣмцевъ и основанія Риги, и что латышскіе проповѣдники въ нѣкоторыхъ мѣстахъ застали туземцевъ уже православными. Такъ, напр., въ 1216 г. князь Владимиръ исковскій вытребовалъ съ Унгалии большую дань за то, что жители приняли предъ тѣмъ латышскихъ священниковъ, бывъ прежде православными. Въ Юрьевѣ всегда бывали православныя церкви, была въ орденскія времена церковь и въ Ригѣ, и въ 1509 году магистръ ордена обязался предъ великимъ княземъ московскимъ блюсти русскія православныя церкви въ Ливоніи. Въ 1534 г. магистръ и рижскій архіепископъ снова обязались, чтобы „нѣмцы берегли церкви и жилища русскіи въ своихъ городахъ.“ Есть и другіи свидѣтельства, что латыши никогда не забывали, что православіе нѣкогда существовало между ними и никогда не прерывали своихъ сношеній съ пограничными приходами. Такъ латыши съ древнѣйшихъ временъ имѣли обыкновеніе посѣщать якобштатскую церковь и служить тамъ молебны. Латыши и восточны цѣлыми партіями хаживали ежегодно на богомолье въ Печерскій монастырь на границѣ исковской губерніи и Лифляндіи. Около Пернова крестьяне хаживали въ православную церковь за святою водою, служили тамъ задравныя молебны, покупали свѣчи. Профессоръ юрьевскаго университета Розенбергъ положительно, какъ очевидецъ, свидѣтельствовалъ, что въ воскресные и праздничные дни латыши и эсты въ тридцатыхъ годахъ приходили въ православную церковь въ Юрьевѣ, здѣсь ставили предъ иконами свѣчи, молились, совершали поминовенія по усопшимъ, нѣкоторые даже соблюдали посты.

Бывали и присоединенія. Такъ въ 1800 г. цѣлый верхнеутинскій пасторатъ верроскаго уѣзда (нынѣ того же названія приходъ исковской

епархіи) присоединился къ православію и для нихъ поставленъ былъ священникъ, изъ избранный изъ ихъ среды. Присоединенія къ православію въ окрестностяхъ Чудскаго озера въ началѣ текущаго столѣтія сдѣлались столь часты, что лифляндская духовная консисторія обратилась въ 1813 году къ бывшему тогда министру царскаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ князю Голицыну съ просьбою объ учиненіи распоряженія не допускать „несовершеннѣйшихъ и незаконнорожденныхъ, а паче некорныхъ церкви молодыхъ людей протестантскаго исповѣданія къ принятію православной вѣры.“ Просьба уважена не была, ибо синодъ рѣшилъ, что воспрещать соединеніе съ православною церковью тѣмъ изъ иновѣрцевъ, которые ведутся къ тому истиннымъ расположеніемъ, а не другимъ, самою церковью отвергаемымъ, нѣдѣль. было-бы противно евангельскому духу.

Русское населеніе группировалось по преимуществу въ городахъ. здѣсь были и православные священники и православные храмы: но русское населеніе имѣло въ началѣ мало сношеній съ поселенцами, а тѣмъ болѣе не имѣло православное духовенство, ничтожное числомъ, находившееся только въ городахъ и за самыми малыми исключеніями не знавшее ни по эстонски, ни по латышски. Геригутеры, о которыхъ было сказано нѣсколько словъ выше, оказывали сильнѣйшее вліяніе на нравственное развитіе своихъ многочисленныхъ послѣдователей. Вотъ, напримѣръ, что пишетъ о геригутерахъ очевидецъ геригутерскихъ собраній латышъ Индрихъ Страумитъ (стр. 59): „Усердіе и ревность членовъ братства въ посѣщеніи молитвенныхъ собраній были невѣроятны. Иному доводилось проходить до 90 верстъ. Принятого изъ дальней стороны принималъ радушный хозяинъ, угощалъ даровою трапезою, плеткою и духовною, на ночь постилалъ ему солому и покрывало. Съ богомольцами вели бесѣды долгія, спрашивали обо всемъ, радовались и горевали и обща-деживали, поддерживали добрыя стремленія, давали совѣты. При этомъ часто повторяли: „Мы глупы, необразованы, темны. мы не въ состояніи получать словесъ; но въ замѣтъ Господь далъ намъ другой даръ, это наша жизнь, наши дѣла; ими мы должны учить и вразумлять другихъ, а отъ дѣланія добра никто не можетъ отказаться неумѣніемъ или незнаніемъ. Дѣла въ нашей власти, и ими мы докажемъ молча, безъ словъ, святость нашей вѣры нашихъ собраній...“ Геригутерство быстро росло и развивалось. Оно проникло не только во все лифляндскія усадьбы, но и во все мѣсты и города; съ нимъ рука объ руку распространилась грамотность успѣшно и быстро; религіозное вдохновеніе какъ будто развязало языки и въ самое короткое время явились между латышами истинно даровитые проповѣдники. Укажу на замѣчательнѣйшаго изъ нихъ, и вмѣстѣ поэта, венденскаго уѣзда, мѣсты Зербенъ, усадьбы Нунитеесъ-Анджа, Курмиса. Я много слышалъ объ этомъ даровитомъ крестьянинѣ и теперь охотно вѣрю разсказамъ о немъ потому, что имѣю предъ собою его іѣсеники, въ которомъ отразилась свѣтлая его душа. Особенно часто вспоминалъ о Курмисѣ Давидъ Баллодъ, нѣкогда тоже одинъ изъ главнѣйшихъ членовъ геригутерства, а потомъ священникъ православной церкви. Приведу здѣсь одинъ изъ его разсказовъ. У помѣщика Н. Н. умерла любимая дочь; при погребеніи ея, говорили проповѣди и рѣчи, разумѣется предварительно написанныя и затверженные, все пасторы, приглашенные на отиѣваніе. Когда они кончили, отецъ покойницы обратился къ Курмису, который тутъ же присутствовалъ, со слѣдующими словами: „Слышь, Курмисъ! ты меня любишь, ты любишь и дочь мою. и она тебя любила; ты знаешь, какъ я ее любилъ — скажи что нибудь и ты мнѣ въ утѣшеніе!“ И этотъ крестьянинъ, тутъ же безъ всякаго приготовленія, произнесъ такую чудную рѣчь, что вызвалъ слезы умиленія не только у отца, но и у постороннихъ. Глубоко тронутый помѣщикъ, поцѣловалъ его въ лобъ и поблаго-

дарилъ его, сказавъ: „Спасибо тебѣ! Ты одинъ меня утѣшилъ и успокоилъ мое сердце.“ Изъ благодарности къ Куряну, онъ сталъ еще больше прежняго помогать и покровительствовать герингутерамъ.

Много народа, говорили мы, сочувствовали герингутерамъ, помогали имъ своими средствами, ходили въ ихъ собранія, вступали въ ихъ собранія вступали въ ихъ общины, и глѣз не менѣе въ самой средѣ герингутеровъ было не мало людей, неудовлетворившихся ихъ ученіемъ и смутно понимавшихъ несостоятельность самодѣльной вѣры, сложившейся подъ вліяніемъ случайныхъ обстоятельствъ; тутъ то впервые представлялась умамъ мысль о старой, строгой вѣрѣ. Эта мысль появилась не вдругъ, но была необходимымъ результатомъ ознакомленія латышскаго простолюдиня съ простолюдинемъ русскимъ, а эти ознакомленія начались гораздо ранѣе сороковыхъ годовъ. Приведемъ еще нѣсколько выписокъ изъ словъ того же самого очевидца латыша Индрика Страумита. Невыгодныя понятія о русскихъ имѣли латыши, но любили спрашивать русскихъ кирпичниковъ и плотниковъ, явившихся по своему промыслу въ деревню, про ихъ житье-бытье. Последніе, видя къ себѣ такое вниманіе, не затруднялись отвѣтами. „Мнѣ часто, говорить Страумитъ, случалось слышать отъ нихъ такіа рѣчи: Такъ какъ же? По нашему мы значить разбойники? Кого же изъ вашихъ мы убили? Кажется, и не приколотили ни одного изъ насъ... Когда слыхано, чтобы русскій извоинякъ тронулъ въ дорогѣ латыша? Можетъ, не случится немочь, а укажи на что не обидитъ. Въ городѣ васъ тоже нѣмецъ толкаетъ въ шюу изъ лавки или шинка, а русскій самъ зоветъ.... У насъ Царь самъ христіуется на Святой съ мужикомъ, а не то чтобы выгонялъ изъ церкви... У насъ царь-батюшка и Николай чудотворецъ...“

Русскій простолюдинъ, душевно преданный православію, всегда любилъ и любитъ бесѣду „по душѣ“ и воспоминаютъ угодинковъ Вожинъ, потрудившихся на землѣ и подвигомъ добрымъ стяжавшихъ себѣ царство небесное. Не было тутъ ни пропаганды, ни агитаціи, а тутъ вся Россія, какъ справедливо замѣчаетъ Страумитъ, пропагандировала за себя и, такъ сказать, всюю своею массою advancing изъ сознаніе латышей. Чему же тутъ удивляться, что латыши, слыша отъ своего же брата, простаго нечиноплага русскаго человѣка, рассказы о неизмѣримомъ превосходствѣ Россіи предъ всѣми странами въ мірѣ (этому заблужденію наше простолюдинье не чуждо и по настоящій день), стали, дѣйствительно, толковать о переселеніи въ Россію. «На эту тему, говорить Страумитъ, сложилась даже пѣсня. Ее можно было слышать тогда вездѣ, на каждомъ шагѣ; ее пѣли даже малыя дѣти: «Пойдемъ, братцы, русской землю; русской земли добра жива» Эту пѣсню я зналъ тогда еще, когда бѣгалъ босикомъ и безъ штановъ; зналъ ее и маленький братъ мой; и онъ, бывало, наѣвшись и накормивъ кошку, выгребалъ остатокъ мучицы изъ шайки, нацѣвалъ ее на голову, и, весь облитый потромъ, вставалъ на ноги и пѣлъ про русскую землю... То было гораздо ранѣе сороковыхъ годовъ. „Трудно уловить, продолжаетъ Страумитъ, народную молву. Но вотъ какого рода рѣчи я припоминаю: Русскій народъ хорошій! Они вовсе не поляки, какъ мы ихъ называли. У поляковъ нѣтъ бороды, а только усы, и всѣ они черные; а у русскихъ борода и всѣ русые: смотри, какъ они сердятся, когда ихъ зовутъ поляками: „я тебѣ такого поляка дажъ, что и свинякъ не узнаешь!“ Не нужно ихъ ругать поляками! (Читатель благоволилъ вспомнить, что такъ говорили латыши искорѣ послѣ польскаго возстанія 1831 года). У нихъ и вѣра не польская, а русская, та самая, какая и у Царя. Значитъ ихъ вѣра царская и въ эту вѣру можно перекреститься, когда угодно, а изъ ихъ вѣры въ нашу нельзя.... Русскій народъ добрый и вѣра ихъ святая, самая старая и трудная: у нихъ посты. Русскій мужикъ

(Страшить разубить, вѣроятно, извонниковъ, возившихъ товары въ Юрьевъ и Перновъ) даромъ, что крѣпко держитъ посты, однимъ блюдомъ не доволенъ: подавай другое, а мы, латыши, двухъ то не уѣдемъ и ѣсть. Русский пѣсть хорошаго, полновѣснаго хлѣба, запѣть квасомъ, чего нибудь еще потребуешь, за то и не яблечь; идти ажъю: грушъ вольная, шня вольная и голая, а самъ красный, какъ будто изъ бани вышелъ. ларь такъ и валить, какъ съ добраго коня.⁴

Въ Ригѣ, при вступленіи русскихъ войскъ въ 1710 г. не было ни одной православной церкви. По царскому распоряженію, шведская гарнизонная церковь въ цитадели была обращена въ православную церковь и освящена во имя апостоловъ Петра и Павла, а затѣмъ была обращена въ православную церковь римско-католическій костелъ св. Магдалены, принадлежавшій некогда бенедиктинцамъ. Отъ этого костела остались одни лишь каменные стѣны, такъ какъ онъ оставался въ запустѣніи съ 1621 года, когда изъ Риги были удалены іезуиты. Стѣны возобновили, перестроили въ церковь и осветили во имя Алексія, человека Божія. Съ этого времени начинаютъ появляться православныя церкви и въ другихъ городахъ: Динамидѣ, Перновѣ и Дерптѣ.

Съ 1718 по 1725 г. прибалтійскими церквами заведовалъ мѣстоиметель патриаршій, сперва Осефилъ Прокоповичъ, а потомъ митрополитъ Стефанъ Яворскій. Съ 12 марта 1725 года всѣ церкви въ Лифляндіи были причислены къ иновской епархіи, а съ 1727 г. въ Ригѣ была учреждена контора духовныхъ дѣлъ. Въ 1750 г. контора эта была переименована въ „рижское духовное правленіе“ которое, будучи преобразовано въ 1764 г. архіепископомъ Пинюкентіемъ, существовало до самаго учрежденія независимой рижской епархіи въ 1850 г *).

*) Съ 1764 г. пестин архіепископу Пинюкентію титуловался воеводемъ и рижскимъ, потому что епархія епископа въ Ревелѣ, Балтійскомъ Портѣ и Нарвѣ отчислена къ петербургской епархіи. Въ указѣ изъ иновской консисторіи отъ 1764 г. августа 13 дня (№ 172-) написано между прочимъ: „въ бытность его преосвященства въ Ригѣ усмотрѣно имъ, что рижское духовное правленіе состоитъ изъ одной персоны — тамошняго протопопа. А по клятвенности того мѣста, гдѣ бывають многія и трудныя въ рѣшеніи дѣла, надлежитъ тамъ быть правленію духовному въ лучшемъ порядкѣ... тогда ради его преосвященства приказано: въ ономъ рижскомъ духовномъ правленіи присутствовать и обще поправлять всѣхъ дѣлъ членомъ тремъ персонамъ: тамошнему протопопу Саввиѣ Іхазинскому, второму — протопопу Симеоноу (переведенному изъ Пскова въ рижскую Алексіевскую церковь 1-мъ священникомъ), третьему Алексіевскій церкви второму священнику Сергію... А для писемъ и исправленій производимыхъ дѣлъ приказныхъ, именъ достойнаго“ (для сего консисторіею и посланы въ Пскова дѣлакъ Кондрать Петровъ, и для содержанія его велѣно ему быти 2-мъ причетникомъ при рижской Николаевской-у Благовѣщеніи церкви). Тамъ же указомъ протопопу Симеоноу назначенъ катихизаторомъ „учить народъ въ часъ до обѣденнаго благочѣтя или въ сибирной или въ Алексіевской церкви по нѣмъ воскресные дни,“ а Сергію (8-й членъ правленія) благочиннымъ. При указѣ иновской духовной консисторіи отъ 25 апрѣля 1765 г. приставленъ въ рижское духовное правленіе составленное самими преосвященными Пинюкентіемъ: 1) утѣшаніе и при немъ наставленіе (или приобщеніе съ инструкціи) благочынныиъ и заглавнымъ, и 2) пастырскою утѣшаніе и при немъ наставленіе священниками.

Вѣдомству рижскаго духовнаго правленія въ 1770 г. было подчинено 18 церквей, изъ нихъ въ Ригѣ было 5 (соборная Петропавловская, Алексѣевская, Замковая, Благовѣщенская, Гарнизонныхъ госпиталей и Троицкая главнаго полевого госпиталя); въ Ригѣ по одной церкви было въ Динамидѣ, Митавѣ, Аренбургѣ, Перновѣ, Дерптѣ и Ряпинѣ. Остальные 5 церквей были полковыя.

Въ 1800 г. во всѣхъ этихъ церквахъ считалось прихожанъ 16,290 человекъ (въ Ригѣ 7111 чел.). Въ 1810 г. было 19 церквей и православныхъ 11678 человекъ. Въ 1820 г. было 17 церквей и при нихъ всѣхъ православныхъ 9378 человекъ (въ Ригѣ 4602 чел.), значить противъ 1800 г. уменьшилось церквей 2 и прихожанъ 6912 чел. Съ этого времени начинается увеличеніе: къ 1830 г. было церквей приходовскихъ 15, кладбищенскихъ 3, военнаго вѣдомства 2, всѣхъ 20; прихожанъ обоего пола было 11335 человекъ (въ Ригѣ 6252 чел.).

Въ Ригѣ съ давняго времени проживало не мало старообрядцевъ безпоповцевъ. Въ средія XVIII столѣтія число ихъ возросло уже до того, что въ 1760 г. они основали богадѣльню (Гребенниковскую) и при ней школу. На рижскихъ старообрядцевъ долго не обращали никакого вниманія и лишь съ 1820 г., когда состоялись разные ограничительныя противъ раскола постановленія, начало обнаруживаться, что въ Ригѣ число безпоповцевъ значительно увеличивается и притомъ не столько переселеніями сколько отпаденіями. Въ 1832 г. была закрыта старообрядческая школа при Гребенниковской богадѣльнѣ, а за тѣмъ явилась мысль принять такую мѣру, которая бы могла противодействовать распространенію раскола. Присвященный псковскій Намѣстникъ предположилъ учредить въ Ригѣ икаріатство, но его предположеніе осуществилось лишь въ 1836 г. (14 сентября), послѣ того какъ долбежовское дѣло обнаружило, что въ Ригѣ постановленія 1820 г. относительно раскола или вовсе не соблюдаются или соблюдаются крайне небрежно *).

въ такой снѣгъ а) что они должны опасно кривить по поправленію своего по снѣженству званія съ формами утилитаріи для нихъ прѣтъ поправленіемъ тѣмъ Божіимъ и б) что какъ священники и діаконъ, такъ и причетники наблюдать должны и въ самомъ обиходѣ нѣмъ дѣла"

*) Долбежовское дѣло довольно любопытно. Оно началось слѣдующимъ доносеніемъ рижскаго благочиннаго протоіерея Іакинфа Фасанова:

«Рижской Александровской церкви старшій священникъ Василій Сумароковъ съ діаконемъ и пономаремъ (безъ священника Роданова, по отсутствіи его въ отсутствующую командировку) выданнымъ съ 28 прокламат августа мѣся рапортномъ, между прочимъ, доносили, что надъ находящимся въ приходахъ ихъ рижскихъ русско-богадѣльню (вѣчное общество православныхъ содержаніемъ) являю лишь доущимъ свѣдѣніемъ раскольниковъ, вѣроятно кто либо изъ посадскихъ общагетей, преимущественнѣйшую часть русскаго гражданскаго общества составляющихъ то въ раскольникъ, то въ прежнихъ и недавнихъ перекрещенцевъ, изъ коихъ очень много, особливо богатые, для распространенія своей секты, по братствостаніи своему въ православныхъ приходахъ и даже по дачѣ въ брачныхъ обиходахъ надлежащихъ ходисокъ въ будущемъ крещеніи дѣтей, если будутъ, въ православной церкви, икаріатствъ и въ виду самаго высшаго духовенства, безпрерочно свободно крестятся обоего пола дѣтей своихъ прямо въ расколъ.

О снѣгъ раскольниковъхъ свѣдѣніяхъ и злоупотребленіяхъ, крестованіи въ городѣ Ригѣ неблагоимъхъ запущеніемъ трывающихъ, снѣгъ служителей алтара и православной жѣры не могу и не смѣю не проговориться къ архипастырскому нашему преосвященства свѣдѣнію, хотя по секрету, описавъ сколько свѣдѣній извѣстна, въ раскольниковъхъ дѣла и тайно и явно выказывающіеся, и еще въ бытность мою въ Дерптѣ изъ самое законное и кроткое, пастырское перекрещенцевъ къ православію обращеніе неблагоимъхъ брѣннми, несправедливѣйшими напѣвами мѣли преслѣдовавшей, но не жѣлы и лѣтъ духовныхъ, особенно вышнихъ, крикъ присутствующаго іерея Бурижскаго, слышномъ 20 лѣтъ несоволатѣйшими дѣлестами истинно безлико старавшихся чернить честь и имя мое, а только, по вѣдомому,

Викариемъ епископомъ въ Ригу былъ назначенъ епископъ старинный Иринархъ, въ молодости своей служившій по духовно-учебному ведомству и потомъ состоявшій священникомъ при одной изъ нашихъ миссій въ Италіи. Ему было предписано обратить преимущественное вниманіе на безпопечность. Въ ноябрѣ 1836 г. преосвященный Иринархъ прибылъ въ Ригу и прежде всего занялся устройствомъ единовѣрческой церкви.

Что преосвященный не имѣлъ никакихъ отношеній ни къ лифляндскимъ вотчинникамъ, ни къ оброчникамъ и вообще къ поселенцамъ, это разумеется само собою; отношенія же его къ администраціи края и къ протестантскому духовенству опредѣлялись извѣстными законами и положеніемъ, приводить которыя здѣсь, конечно, совершенно излишне. Не имѣя никакого дѣла ни до дворянства, ни до какого-либо сословія въ краѣ, преосвященный не имѣлъ дѣла и до герингутеровъ, о существованіи которыхъ онъ, конечно, зналъ, но сношеній съ которыми не имѣлъ рѣшительно никакихъ, въ этомъ могутъ засвидѣтельствовать сами герингутеры. Но обратимся къ изложенію событій.

Въ 1838, 39 и 40 годахъ въ лифляндской губерніи былъ большой неурожай; общественные магазины съ хлѣбомъ запустѣли и страшное бѣдствіе — голодъ охватилъ всю губернію. По старой привычкѣ, а можетъ быть, что гораздо вѣрнѣе, изъ крайней нужды крестьяне начали обращаться къ землевладѣльцамъ за помощью, но помощи получить не могли: у помещиковъ у самихъ или ничего не было или если что и было, то оставлялось на крайній случай, потому что неурожай въ теченіе нѣсколькихъ послѣдovательныхъ годовъ совершенно разстроилъ многія хозяйства. Со дня на день бѣдствіе принимало все болѣе и болѣе ужасающіе размѣры и къ веснѣ 1841 года почти почти всеъ уѣзды лифляндской губерніи терпѣли безпримѣрный голодъ. Частная благотворительность была вполне безсильна бороться съ бѣдствіемъ, а своевременныхъ хлѣбъ къ прокормленію цѣлой губерніи сдѣлано не было, да и сдѣлать, при недостаткѣ путей сообщеній, едва ли было возможно. Не получая помощи отъ помѣщиковъ, поселене начали обращаться къ своему ближайшему мѣстному начальству, причемъ ихъ просьбы перфдно принимали видъ жалобъ на помѣщиковъ за недоставленіе имъ средствъ къ пропитанію. Но что же могло сдѣлать мѣстное начальство? Въ распоряженіи

за то, что въ жизни моей я однажды не посмѣлъ быть одинакимъ съ ними въ раскормываніи предосудительныхъ отношеній. 15 сентябрь 1836 г."

Рапортъ этотъ былъ поданъ преосвященному лично протоіереемъ Фасановымъ: преосвященный въ тотъ же день на этотъ донесеніи отвѣтилъ: „Предметъ донесенія слишкомъ важенъ. Разсмотрѣть (т. е. въ консисторіи) вышѣ же п. съ вышнѣмъ представителѣмъ.“

Исковая духовная консисторія отнеслась къ рижскому гражданскому губернатору и произвела по рапорту протоіерея Фасанова слѣдствіе при участіи съ духовной стороны, благовѣщенскомъ священникѣ Гайрицѣ Буржискомъ. Преосвященный о томъ же донесъ съ своей стороны слѣдѣвшему административному синоду. Гражданскій же губернаторъ предписалъ рижскому полиціеинспектору полиціинику Вакельскому произвести надлежашее разслѣдованіе „какъ впрочемъ въ избраніи раскормщика въ должности смотрителя рижской богадѣльни, а также и по случаю тому, что многіе изъ старообрядцевъ, преимущественно часть русскаго горючаго общества въ Ригѣ состоящихъ, но бракосочетавшій своимъ въ православныхъ церквяхъ и даже по лавѣ подгоняютъ — въ будущемъ крещеніи дѣтей въ православныхъ церквяхъ, своихъ дѣтей крестятъ прямо въ расколъ“. Дѣло началось въ концѣ февраля 1836 года и тянулось чуть ли не до 1842 года.

Оно распалось на двѣ части: приходило развѣдать, кто именно изъ старообрядцевъ и кѣмъ былъ избранъ въ смотрители надъ русскою богадѣльнею, и потомъ, кто именно изъ старообрядцевъ былъ избранъ въ православной церкви, но дѣтей своихъ въ церкви не креститъ. Первую часть слѣдствія произвести было очень не трудно. Оказалось, что въ 1835 г., действительно, былъ избранъ въ смотрители богадѣльни старообряд-

его никакихъ хлѣбныхъ запасовъ не было, а на жалобы противъ помѣщиковъ не могло и не должно было иначе отнѣяться, какъ полнымъ отказомъ, потому что крестьянское положеніе 1819 года совершенно и окончательно увольняло помѣщиковъ отъ всякой заботы и отвѣтственности на счетъ продовольствія поселянъ. Что же дѣлать? Какъ быть? Неужели-же вѣсть поголовно умирать голодною смертію? Неужели же нѣтъ никакихъ средствъ помочь злу? Эти вопросы невольнo приходили на умъ каждаго поселянина, когда пришла весна 1841 г. и разрушила великія надежды на лучший урожай и снисканіе хлѣба. Первый отнѣтъ на эти роковыя и неизбежныя вопросы былъ выселиться, но куда же выселиться? Конечно, туда, гдѣ нѣтъ голода, туда въ Россію въ „Бѣскую“ землю, въ землю „теплую“, гдѣ и житьея не такъ, какъ въ Лифляндіи, а какъ то иначе, потому что въ „русской землѣ добра жива.“ Всегда и вездѣ бывало, что чего хочешь, тому и вѣрится: чему же тутъ удивляться, что въ фантазіи истомленныхъ голодомъ людей начали

дѣть, рожденіи цунецъ Федотъ Абрамовъ Долбежковъ. „Сей выборы, писалъ гражданскій губернаторъ преосвященному, однако проведены възвѣстныя обществомъ на общественныхъ выборахъ, и поскольку сія богатѣйшая общественная и состоятъ подъ вѣдомствомъ рижской убогой дорекции (инспекція о бѣдныхъ), то магистратъ, концы утвержденію подлежатъ выборы въ таковыя общественныя должности, ни чѣмъ свѣдѣнія о ея, Долбежкова, вѣровоснованіяхъ, но только признавъ въ уваженіе общественный выборъ и каждаго чистоты сего гражданина, ни мало не усумнился утвердить его въ сѣмъ званіи. Губернское начальство о таковыхъ выборахъ не было извѣстно и, только по полученіи извѣщеній о сѣмъ маломъ преклоненіи, немедленно устранило сей выборы добровольнымъ выходомъ изъ озата купца Долбежкова, а о выборахъ на нѣсто его другаго дано магистрату предписаніе. Но дабы отнѣсти на будущее время таковыя выборы и утвержденіе магистратомъ раскольниковъ въ общественныя должности, представлено мною г-ну рижскому военному и генералъ-губернатору: не благоутроби-ли будещъ приказать должнымъ доставлять въ магистратъ списки купцамъ и вѣщавымъ для устраниенія подобныхъ выборовъ.“

Вторую часть свѣдѣній полковникъ Вакуляскій испотнѣлъ тѣмъ, что затребовалъ отъ рижскихъ православныхъ приходовъ писанные списки тѣмъ лицамъ, которые были вѣнчаны въ церквахъ и, не смотря на то, вѣнчать дѣтей своихъ въ каменныхъ. Оказалось, что въ Ригѣ таковыхъ лицъ было 81. Каждому изъ нихъ были предложены нижеслѣдующіе вопросы: Какъ имя зовуть и сколько имѣете вы роду дѣтей? Какого вѣровоснованія? Когда вы были на духу, гдѣ и у кого? Давно-ли вы въ старообрядствѣ или перекрещенцы? Имена вы или хотѣли? Какъ зовуть вашу жену и сколько ей отъ роду дѣтей? Какой жена ваша вѣры? Когда она была на духу, гдѣ и у кого? Съ котораго времени вы женаты, гдѣ и тѣмъ вѣнчаны? Имѣете-ли дѣтей, сколько, какого пола и какихъ дѣтей? Въ церкви ли они крещены или въ какомъ либо другомъ мѣстѣ и гдѣ крещены? Не дано-ли было предъ вѣнчаніемъ вамъ подъ женою обязательство крестить дѣтей въ православную вѣру? Знаете-ли кто изъ приходскихъ священниковъ, что у васъ рождался дѣти, не напоминали-ли они вамъ о крещеніи въ православіе? Не спрашивали-ли изъ у кого либо въ старшаго рижскаго духовенства совета или дозволенія крестить дѣтей въ расколъ? Иблагосла-ли вы дѣтей своихъ присоединить къ церкви и желаете-ли присоединиться и сами съ женою?

Списки показали, что въ 84 человека были вѣнчаны или въ Диканьинской церкви, или въ каменныхъ церквахъ помолвами священниковъ, что подписаны о крещеніи дѣтей въ православную вѣру никто не давалъ, что приходскіе священники знали о рожденіи дѣтей. Большинство спрашиваемыхъ заявило, что они присоединятся къ церкви не желаютъ.

Изъ числа днпрошенныхъ 84 лицъ, 22 увѣщались „учинешимъ при допросѣ, сзасеши къ принятію православной вѣры и по объявленію духовнаго депутата, священника Буржаскаго, поощреніемъ его уже присоединены въ православную церковь“.

Свѣдѣніе это было представлено гражданскимъ губернаторомъ преосвященному 16 апрѣля 1836 г., который, въ свою очередь, передалъ оное на разсмотрѣніе въ высшую духовную консисторію.

Какъ изъяну на свѣдѣніе консисторіи, какъ были переданы суду въ рижскомъ магистратѣ (члены его и въ ихтераче) 46 человекъ, отказавшихся присоединиться, и чѣмъ было рѣшено дѣло (магистратъ постановилъ: освободить подсудимыхъ отъ всякой отвѣтственности за 10-ти лѣтнюю давность рѣшенія) здѣсь излагать не будемъ, но лишь замѣтимъ, что это дѣло ускорило рѣшеніе вопроса о викариатѣтѣ въ Ригѣ.

рисоваться „блаженныя страны.“ Фантастическія грезы породили и фантастическіе слухи въ родѣ того, что де состоялся уже и высочайшій указъ о радостѣ гдѣ то, тамъ на югѣ, пустопорожнихъ мѣстъ всѣмъ желающимъ переселиться, — сдѣд. не надобно медлить, а подавать прошеніе о выселеніи. Фантастическіе слухи получили подтвержденіе въ фактѣ переселенія евреевъ изъ Курляндіи*), получили, говорятъ, подтвержденіе, но никакъ не причинили броженіе, какъ полагаетъ Рихтеръ. Но куда же обратиться съ прошеніемъ? Конечно, въ Ригу, къ генераль-губернатору, какъ высшему представителю администраціи края. Такіе слухи и толки возникли прежде всего между поселянами венденскаго уѣзда и потомя одновременно въ венденскомъ уѣздѣ и около Мариенбурга. Толпы поселянь, безъ паспортовъ, безъ дозволеній, двинулись въ Ригу со всѣхъ сторонъ частію для испрошенія подаянія, а большею частію съ просьбами вывести ихъ изъ Лифляндіи. Несколько тысячъ истомленного, обезсиленного голодомъ и нуждою народа явились въ Ригу, переполнили постоянные дворы и, не находя пріюта, расположились на улицахъ, площадахъ, даже противъ зашка, и затѣмъ начали обращаться съ просьбами ко всѣмъ, что, по ихъ мнѣнію, было обложено властію выслать ихъ. Множество прощителей, по прежнему, жаловались на помѣщиковъ, что нѣтъ они не кормятъ, другіе ссылались на какіе то небывалые указы, читанные будто бы съ кафедръ въ церквахъ и касавшіеся выселеній. Губернское начальство сдѣлало распоряженіе высылать безпаспортныхъ изъ Риги на мѣста жительства и непоявляющихся принуждать въ тому силою. Но на мѣсто высланныхъ явились новыя толпы, кочевавшіе по улицамъ, по переднимъ генераль-губернатора, гражданскаго губернатора, жандармскаго штабъ-офицера и пр., вездѣ съ жалобами. Что ихъ помѣщики не кормятъ, и съ просьбами о выселеніи, но на жалобы начальство не могло иначе отвѣтить, какъ отказомъ на основаніи закона, о выселеніи же жасъ не могло быть и рѣчи.

9-го іюня 1841 г. одна истомленная голодомъ крестьянская артель, изъ нѣсколькихъ челоѣкъ, кочуя по улицамъ Риги, случайно забрела за подаяніемъ на архіерейское подворье къ преосвященному Припарту. Преосвященный вышелъ къ артели, терпѣливо выслушалъ несвязный бредъ крестьянъ и, сожалея о ихъ нуждѣ и несчастіи, роздалъ каждому по нѣскольку грошей денегъ и по кучку хлѣба, но объяснилъ артели, что прѣжеты ихъ жалобы до православнаго архіерея никакъ не касаются, и что онъ поставленъ отнюдь не для того, чтобы пересылать крестьянъ изъ губерніи въ губернію: въ заключеніе же пресвященный совѣтовалъ крестьянамъ идти домой, припиться за работу и слушаться помѣщиковъ (все это засвидѣтельствовано гражданскимъ губернаторомъ барономъ Фелькерзамомъ). Съ состраданіемъ къ несчастію принималъ латышей и жандармскій подполковникъ Киршъ. Онъ записалъ имена прощителей, уговаривалъ ихъ возвратиться по домамъ, и обѣщалъ сдѣлать что можетъ въ своемъ положеніи, именно донести объ ихъ несчастіи по своему начальству.

Вѣсть о пріемѣ, сдѣланномъ преосвященнымъ крестьянской артели, быстро разнеслась между поселянами и толпы ихъ начали чаще и чаще приходить на архіерейское подворье. Преосвященный не отказывалъ въ посылкой помощи и милостивѣ (да и кто изъ русскихъ отказывалъ просящимъ во имя Христа), но постоянно повторялъ приходящимъ, что исключительное его призваніе — служить церкви, что онъ и не можетъ и не долженъ входить въ то, что составляетъ дѣло администраціи, а не духовенства. Слова преосвященнаго производили на крестьянъ сильное впечатлѣніе.

*) Въ 1841 г., по распоряженію правительства, 2530 чел. курляндскихъ евреевъ были переселены въ херсонскую губернію.

Являясь за милостынею, они вскоре начали подавать и письменныя заявленія преосвященному, въ которыхъ просили ходатайства его о дозволѣніи выслетися изъ Лифляндіи (это было главный предметъ) и затѣмъ изъявляли желаніе присоединиться къ православію. Такого рода просьбы съ 9 іюля по 2 августа поступило 30 отъ имени нѣсколькихъ тысячъ крестьянъ, и всѣ эти просьбы преосвященный представлялъ оберъ-прокурору святѣйшаго синода, который и передавалъ ихъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, находившееся въ то время подъ управленіемъ графа Строганова.

Министерство, конечно, пожелало собрать свѣдѣнія о точныхъ причинахъ возникшаго между лифляндскими крестьянами броженія и съ этою цѣлію парочно командировало довѣренныхъ чиновниковъ (кол. сов. Кузнецкій и др.), которые на мѣстѣ должны были удостовѣриться, почему именно поселеніе проситъ выселенія и затѣмъ желаютъ присоединиться къ православію. Министерство не замедлило получить свѣдѣнія, которыя ясно обнаруживали, что желанія выселенія происходятъ единственно отъ неудовлетворительнаго экономическаго быта крестьянъ, но никакъ не есть слѣдствіе злоумышленныхъ наговоровъ или подстрекательства.

Еще ранѣе того времени, когда въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ начали сосредоточиваться донесенія о положеніи лифляндской губерніи, по распоряженію генералъ-губернатора барона Палена была составлена особая коммисія, подъ предѣлательствомъ уфѣднаго депутата Гагемейстера для разслѣдованія на мѣстѣ источниковъ слуховъ, тревожившихъ крестьянъ и для успокоенія ихъ. Этой коммисіи было назначено побывать въ 14 мѣстностяхъ маріенбургскаго округа (первыя появившіяся въ Ригѣ крестьяне были изъ прихода Маріенбургъ, валкескаго уѣзда, принадлежавшаго барону Фитингофу), гдѣ возненіе крестьянъ оказалось сильнѣе, и 29 венденскаго и валкескаго, изъ которыхъ крестьяне приходили въ Ригу. Коммисія ровно ничего не открыла, видѣла броженіе, но не знала, какъ помочь ему (она донесла лишь, что злой духъ упорства распространился по всей странѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ глухое смутеніе, которое уже обнаруживается угрозами злѣйшаго возмущенія, кровопролитія и опустошенія (на дѣлѣ ничего подобнаго не бывало).

Какъ бы то ни было, но сношенія, завязавшіяся между латышами и преосвященнымъ Иринархомъ, не были ни для кого тайною. Въ нѣмкое общество увидѣло небезопасную для себя пропаганду и въ нѣкоторомъ смеломъ обществѣ было право говорить: «однимъ нашъ писатель (Самаринъ, Окружны III. 83): „точно — это была своего рода пропаганда и не безопасная; но виновата ли была православная церковь и Россія, виноваты ли были преосвященный Иринархъ, или любой русскій членъ ея, котораго судьба въ то время завоскла въ Лифляндію, будь онъ солдатъ, торгашъ или извозчикъ, виноваты ли они были въ томъ, что благодаря порядку венцевъ, существовавшему въ этомъ краѣ, всякая встрѣча съ русскими, всякій взглядъ брошенный на латыша, наводили народъ на сравненія для многихъ невыгодныя и возбуждали въ немъ фантастическія, ложныя, даже опасныя надежды.“ Мѣстное начальство хлопотало, чтобы преосвященный не принималъ къ себѣ вовсе крестьянъ, а отсылалъ ихъ къ гражданскому началству. Преосвященный отвѣтилъ, что „запереть двери для крестьянъ онъ не можетъ, безъ особеннаго на то разрѣшенія его начальства, ибо это значило бы отказываться произвольно и безъ видной нужды отъ одной изъ главныхъ обязанностей, возлагаемыхъ на него санами и мѣстами.“

Графъ Строгановъ, которому, по высочайшему повелѣнію, были переданы синодалыи оберъ-прокуроромъ просьбы крестьянъ, представилъ объ нихъ всеподданнѣйшій докладъ, вслѣдствіе котораго и было предписано пре-

освященному не принимать отъ крестьянъ просьбы, если въ нихъ не идетъ дѣло о присоединеніи къ православію, а излагаются жалобы на помѣщиковъ и ходатайствуется о переселеніи во внутреннія губерніи. На основаніи этого повелѣнія, просвѣщенный разрѣшилъ только двухъ священниковъ, соборному Заболотскому и единоувѣческому Емельянову, писать для крестьянъ заявленія о желаніи ихъ принять православіе, если сами крестьяне будутъ ихъ объ этомъ просить и притомъ въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда это желаніе будетъ или выражено безусловно и безъ всякихъ постороннихъ домогаельствъ или ходатайствъ о переселеніи или о преобразованіи хозяйственнаго ихъ быта. Прочіимъ священъ подчиненнымъ просвѣщеннымъ рѣшительно запретилъ писать для крестьянъ какія бы то ни было просьбы.

13-го августа генералъ-губернаторъ предпринялъ объѣздъ по уѣздамъ вендовскому, вольмарскому, веррокскому и дерптскому и пробылъ въ путешествіи до 30-го августа. На пути крестьяне осаждали его безчисленными жалобами и просьбами, такъ какъ голодъ продолжался. Баронъ Паленъ старался доставить возможное облегченіе поселенцамъ и тутъ то, во время объѣзда, выяснѣніи его на причины крестьянскаго волненія значительно поколебались: онъ на дѣлѣ увидѣлъ, что графъ Строгановъ, указывавшій ему на неудовлетворительность хозяйственныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ какъ на главную причину волненій, былъ правъ. Съ этого времени онъ, быть можетъ, почувствовалъ, что реформа необходима, тѣмъ не менѣе взгляда своего на стремленіе латышей къ переходу въ православіе онъ не перемѣнялъ, влія въ этомъ стремленіи лишь тайные проеки, обнаружить которые ему, однако, не удалось, потому что, въ сущности, ни проековъ, ни подговоровъ никакихъ и не было.

Здѣсь пока нѣтъ надобности разсказывать, какія мѣры принимались на случай волхушенія и какия войска вводились въ лифляндскую губернію для усмиренія предполагаемаго возмущенія. — Достаточно сказать, что порядокъ до начала сентября нигдѣ нарушенъ не былъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1841 г., по высочайшему повелѣнію, прибыли въ Ригу флигель-адъютанты полковники Бутурлинъ и князь Урусовъ огласить волю государя императора какъ относительно переселенія, такъ и присоединенія къ православію. 17-го сентября собрались были къ Ригѣ изъ 14 помѣщиковъ 47 человекъ крестьянъ и военныхъ нижнихъ чиновъ, какъ отставныхъ, такъ и безсрочно-отпускныхъ: ихъ ввели въ губернское правленіе и адъеръ Бутурлинъ и князь Урусовъ объявили: „что отнюдь не есть воля государя императора переселить лифляндскихъ крестьянъ въ другія губерніи или дать имъ земли въ Лифляндіи, отнявъ у помѣщиковъ: что должный слухъ объ этомъ вымышленъ злонамѣренными людьми, коихъ должно задерживать: что если кто изъ крестьянъ изъ истиннаго, внутренняго убѣжденія, а не по принципъ земныхъ выгоды, намѣренъ присоединиться къ православію, то онъ, государь, не можетъ и не хочетъ изъ это возбранять, но что они, крестьяне, въслѣдствіе присоединенія къ православію, не удостоятся ни на какія либо земныя выгоды, ни на переселеніе, ни на отведеніе въ собственность земель и т. п.: а чтобы оставались по прежнему покойными.“ Такое объявленіе было сдѣлано и въ уѣздныхъ городахъ.

Съ мая, когда началось первое броженіе между поселенцами, до сентября никакого явнаго безпокоительства или буйства между поселенцами нигдѣ не было. По распоряженію мѣстнаго начальства для предупрежденія безпорядковъ были введены въ лифляндскую губернію войска, но хотя безпорядковъ и не было, но толки о переселеніи и о присоединеніи не стихали. — Но едва ли они могли и стихнуть, потому что 47 человекъ, выслушавшихъ вы-

сочайшую волю, на всю Лифляндію было слишкомъ мало. а главнѣйше потому, что положеніе крестьянъ не улучшалось. Мѣстныя власти продолжали строго преслѣдовать всякія проявленія желанія переселиться. Въ сентябрѣ произошли и случаи неповиновенія. Такихъ случаевъ было не много, никакъ не болѣе трехъ*).

Въ то самое время, когда производился судъ надъ виновными, само дворянство, признавая, что положеніе волевого договора при заключеніи контрактовъ съ крестьянами крайне для нихъ неудобно, въ особенности при измѣнившемся способѣ хозяйства, въ которомъ трехпольная система замѣнена плодоперемѣнною, начало ходатайствовать о разрѣшеніи составить комитетъ для составленія проекта по улучшенію крестьянскаго быта. Баронъ Паленъ ходатайство это представилъ на разрѣшеніе высшаго правительства. Государь императоръ, по заслушаніи доклада министра внутреннихъ дѣлъ объ этомъ ходатайствѣ, повелѣлъ созвать въ „поставить генераль-губернатору на видъ“, что желаніе дворянства улучшить положеніе крестьянъ доказывать, что источникъ волненій заключается не въ дѣйствіяхъ православнаго духовенства, а въ хозяйственномъ положеніи крестьянъ.

Тѣмъ не менѣе, баронъ Паленъ податалъ, что проноски и подговоры составляютъ весь источникъ смуты и хотя ни одного случая присоединенія

*) Вотъ въ чемъ заключались эти случаи, по доносеніямъ барона Палена, который переписывалъ отъ слова до слова рапорты ордингс-рихтеровъ.

„Дерптскаго уѣзда, въ приходѣ Оденне, въ помѣстьи Гейлгенне, крестьяне, будтобы ссылаясь на наставленіе православнаго духовенства, „коммандировали“ переселиться въ другія губерніи. Ордингс-рихтеръ, получивъ 1 сентября просьбу прикомандованнаго судьи задержать замышляющихъ, прибылъ туда съ ротой Шлессенбургскаго полка, крестьяне ушли въ лѣсъ, гдѣ ордингс-рихтеръ встрѣтилъ толпу вооруженныхъ дубинами, которая спрашивала его: по какому праву онъ обеспокоиваетъ ихъ границы съ войскомъ, когда они ни въ чемъ не виноваты, а желаютъ только „исполнить волю Государя“ и переселиться въ другія губерніи? Ордингс-рихтеръ, не желая подвергать солдатъ опасности, ибо онъ не зналъ сколько въ лѣсу крестьянъ, уговорилъ толпу возвратиться на мызу, „обѣщая тамъ выслушать крестьянъ“, когда же толпа вышла изъ лѣсу, онъ встрѣтилъ ее съ кѣлою рогою“. — Итакъ, ордингс-рихтеръ, истинный помѣщикъ, располагалъ военною силою, „обманулъ“ крестьянъ, которые охотно шли на обманъ съ нимъ. Стратегическая хитрость ихъ употребленная, конечно, не много содѣйствовала искановленію покоренности въ крестьянствѣ доверія къ словамъ и обѣщаніямъ мѣстныхъ властей. Рапорты оканчивались увѣдомленіемъ, что выбѣга на мѣсто мѣсто и увидѣвъ передъ собою солдатъ „крестьяне бросили дубины и разбѣжались, причемъ были захвачены одинъ изъ „поджигателей“, отставной лейб-гвардіи гренадерскаго полка солдатъ, и еще восемь человекъ“.

Второй случай: Верресскаго уѣзда, въ помѣстьи Нейгаузенъ, задержаны были крестьянныя „искусственный возмутители“, и тогда крестьянъ, съ толпой, преслѣдовала дѣйствительная опасность для освобожденія „задержанныхъ“, но, какъ видно, даже не пыталась отбить его.

Третій случай и самый серьезный: „По опредѣленіи губернскаго правленія, долженъ былъ быть задержанъ преступникъ рижскаго уѣзда помѣстья Нейбергергофъ, Вилхельмъ Пребесъ, за подговоръ крестьянъ къ переселенію. Засѣдатель ордингс-рихтера фонъ Гранзе, и комиссаръ Геймманъ отправились для сего съ десятью солдатами тарпионными батальона, но, не заставъ Пребеса дома, встрѣтили 10 сентября толпу вооруженныхъ вышедшихъ крестьянъ, которые повалили комиссара, такъ что чиновники съ трудомъ пришли на мызу, которая, на другой день, была окружена крестьянами. „Вышедшая команда (10 человекъ солдатъ) вышла „беспрепятственно“, но крестьяне раземпились по дорогамъ, чтобы не препятствовать чиновникамъ удалиться и засѣдатель съ трудомъ удалось пробраться на мызу. — Видно, однако, что это карушки не слишкомъ исправно и что толпа обступившая мызу была не очень густа и не очень страшна, иначе чиновники, вѣроятно, сами не отступили бы солдаты. Въ допозненіе къ этимъ свѣдѣніямъ, генераль-губернаторъ доставлялъ статистику проданныхъ крестьянскихъ порохъ: оказалось, что, съ 1 мая по 1 августа 1840 года, они приобрѣли 87 пудовъ 35 фунтовъ, а въ 1841 году, за тотъ же срокъ, 123 пуда 24 фунта, изъ чего можно было вывести математически явное заключеніе, что безопасности мѣстныхъ властей и помѣщиковъ уменьшилась ровно на 40⁶/₁₀₀“.

къ православію въ теченіи 1841 г. не посѣдowało, по онъ встаети оставалъ въ увѣренности, что православные священники (нескъ священниковъ въ то время было не болѣе 10. знающихъ же мѣстные языки не болѣе 2) подстрегаютъ народъ переходить къ православію и начать ходатайствовать о переименованіи преосвященнаго Припярха, дѣйствительно приобритишаго большое уваженіе въ средѣ поселянъ, изъ Риги. Правительство согласилось на это ходатайство и командировало въ Ригу виллежскаго совѣтника Скрыпичина сопровождать преосвященнаго въ Псковъ. Преосвященный выѣхалъ 12-го октября 1841 г., въ 10 часовъ вечера, изъ Риги въ Псковъ на Митаву, Шавли и Вилкомири. — а некоторые священники были вытребованы въ Петербургъ для объясненій. Изъ Пскова преосвященный на лавше ему запросы доказалъ числами, что волненіе въ массѣ лифляндскихъ крестьянъ, приписываемое дѣйствіямъ епархіальнаго начальства, началось гораздо ранѣе первой ихъ встрѣчи съ нимъ и вызвано было, съ одной стороны, голодомъ и бѣдственнымъ положеніемъ крестьянъ въ хозяйственныхъ отношеніяхъ, съ другой религіозною потребностію, не находившемъ себѣ удовлетворенія въ протестантистѣ. Затѣмъ преосвященный до очевидности доказалъ, что всякіе извѣты на православное духовенство въ протѣскахъ и подговорахъ не имѣютъ ни тѣни основанія. Вообще ни малѣйшему сомнѣнію не подлежитъ тотъ фактъ, что въ движеніи 1841 г. православное духовенство оставалось равно ни при чемъ и графъ Протасовъ имѣлъ полнѣйшее право доложить государю императору, что дѣйствіе православнаго духовенства по произведенному изслѣдованію явилось безукоризненнымъ, а было, какъ извѣстно, поведомъ въ явной на него клеветѣ и къ несправедливымъ обвиненіямъ въ возмущеніи крестьянъ.¹

Въ началѣ октября состоялось высочайшее повелѣніе о назначеніи преосвященнаго Припярха епископомъ острожскимъ, викаріемъ воронежской епархіи, вѣкорѣ затѣмъ посѣдowało и назначеніе преосвященнаго Филарета въ Ригу.

29-го октября баронъ Паленъ донесъ, что спокойствіе въ губерніи вездѣ возстановлено.

Хотя преосвященный Припярхъ и выѣхалъ изъ Риги и хотя ни одинъ поселянинъ не присоединился къ православію, тѣмъ не менѣе лифляндскіе поселяне не забыли преосвященнаго и его милостыни и покровы. Въ концѣ 1841 г. два крестьянина съ языкъ Вальгутъ, не имѣя средствъ къ существованію, пришли во Псковъ и обратились къ преосвященному Припярху за милостынею и совѣтомъ. Преосвященный, объявивъ имъ, что онъ не можетъ быть имъ полезенъ, отослалъ ихъ для спроса въ псковское губернское правленіе, которое въ свою очередь отослало ссызанныхъ крестьянъ въ Ригу. Баронъ Паленъ, поручивъ лифляндскому предводителю дворянства лично отправиться на мызу Вальгутъ и осмотрѣть положеніе крестьянъ, донесъ объ этомъ высшему правительству съ мнѣніемъ, что случай этотъ доказываетъ подговоръ крестьянъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, разсмотрѣвъ подробно всѣ обстоятельство этого дѣла, нашелъ, что генералъ-губернаторъ углубляется въ мелочи и не хочетъ видѣть настоящей причины зла: стѣсненнаго положенія у крестьянъ вообще. Нужно изслѣдовать зачинщиковъ безпорядка, но облегчить крестьянамъ способы продовольствія несласнымъ для нихъ образомъ, и послѣпить на ланцатѣ принятіемъ хотя временныхъ мѣръ, которыя бы можно было привести въ исполненіе къ веснѣ.²

Между тѣмъ въ концѣ 1841 г. составила особая дворянская коммисія для обсужденія крестьянскаго вопроса и проекта дополнителныхъ пунктовъ къ положенію 1819 года. На ланцатѣ возникли шумныя и сильныя пренія. Здѣсь то выступилъ на сцену краснорѣчивый престарѣлый ландратъ

Самсонъ фонъ Гиммельстерна и заступился за крестьянъ. Ярко описывали онъ стѣненное положеніе лифляндскихъ крестьянъ и вооруженный избыткомъ статистическихъ данныхъ, изъ коихъ очевидно доказывалось, что, со времени личнаго ихъ освобожденія, матеріальное благосостояніе ихъ постоянно понижалось, заключилъ, что внапрасно лифляндское дворянство, даровавъ этому сословію свободу, стало бы хвалиться своимъ великодушіемъ: они сдѣлали только выгодную сдѣлку, *eins gutes Geschäft gemacht*, говорилъ Самсонъ. Изъ голоса этого энергическаго ландрата присташи нѣкоторые молодые дворяне, во главѣ коихъ сталъ Гамилъкаръ Фелькерзамъ. Соединенными усиліями имъ удалось поборотъ ретрорады и заставить признать, наконецъ, неотъемлемое право крестьянскаго сословія на арендное пользованіе $\frac{2}{3}$ всего пространства, занимаемаго въ Лифляндіи крестьянскими участками, и помѣщикамъ дозволено впередъ присоединить къ своимъ полямъ не болѣе одной трети.

Трудъ коммисіи, исправленный ландтагомъ и пересмотрѣнный генералъ-губернаторомъ, поступилъ на разсмотрѣніе правительства, и въ май 1842 года высочайше утвержденъ въ видѣ 77 дополнительныхъ пунктовъ къ положенію о крестьянахъ 1819 года, но эти пункты общеродными не были.

1841 году многозначъ. Толки о переселеніи кончились, умолкали толки и о присоединеніи къ православію, но геригутеры отнюдь не умолкали. Ихъ молитвенные дома умножались: на мѣсто душнихъ избъ стали появляться новыя, нарочно выстроенныя помѣщенія, часто близъ самыхъ протестантскихъ церквей. Общины росли не по диметру, а по часамъ — и латыши усердно посѣщали собранія ихъ. Каждый воскресный и праздничный день крестьяне съѣзжали на утреннюю молитву въ молитвенный домъ, потомъ къ службѣ — въ церковь, потомъ опять въ молитвенный домъ, слушать бесѣды своего же брата крестьянина. ..Говорили, пишетъ очевидецъ геригутерскихъ собраний латышь Страунитъ, больше люди начитанные и опытные, по очереди одинъ за другимъ. Говорившій садился за особый столикъ, на первое мѣсто; говорили все на память, и разумѣется безъ приготовленій. Выраженія, толки, мысли и слова — все было библейское. Никакихъ обличеній, никакихъ отвлеченій на братья: такъ глубоко братчики прицпили къ сердцу свое коренное правило: доказывать свою вѣру не словами, а дѣлами. Нѣкоторые изъ этихъ самородныхъ проповѣдниковъ, правда, сашкомъ громко вскрикивали, размахивали руками и горячились, но они не имѣли успѣха. Слушатели предпочитали тихую, спокойную рѣчь, проникнутую сдержаннымъ чувствомъ. Бывали между ними истинно даровитые, которыхъ слово лилось изъ глубины души и приводило въ умиленіе.¹¹

Урокою славой въ средѣ геригутеровъ пользовался Давидъ Баллодъ. Въ скорбяхъ, болѣзняхъ, несчастіяхъ, я не встрѣчалъ, говорить Страунитъ, подобнаго отцу Давиду утѣшителя.

Пасторъ того прихода, въ которомъ проживалъ Баллодъ, былъ чловѣкъ измывчивый и ожесточенный врагъ геригутеровъ.

Долгое время жалобы пастора помѣщику той мызы оставались безъ всякаго дѣйствія. Помѣщикъ видѣлъ въ Баллодахъ трудолюбивыхъ, умныхъ и благочестивыхъ крестьянъ и потому не трогалъ ихъ.

Давида Баллода, не смотря на его молодость, избрали въ должностъ воднѣтнаго старшины. Быть старшиною, въ Лифляндіи, значитъ: смотрѣть за общественнымъ сундукомъ съ деньгами, принимать, разбирать на мѣстѣ и уваживать жалобы и споры, а чего не удастся уладить, то передавать возостному суду, гдѣ старшина, на судебной части, не имѣетъ голоса. Главная же его обязанность состоитъ въ смотрѣніи за хлѣбными магазиномъ. въ выдачѣ весной хлѣба и сѣмянъ всякому хозяину, который въ томъ нуждается или просить, а осенью, въ востребованіи возврата и въ пріемѣ ссудъ.

Отецъ Баллодовъ обучалъ своихъ сыновей писать и отчасти арифметикѣ. Давидъ Баллодъ отказывался быть старшиной, ибо зналъ изъ опыта, что эта должность опасная и сопряженная со многими несприятностями. Весною все просили, а осенью никто не хотѣлъ возвращать, отговариваясь, немнѣишемъ хлѣба и прося отсрочки.

Однако, Баллоду не удалось отвѣтѣться. Зная, какіе подлоги и несправедливости позволяли себѣ его предшественники, онъ повелъ дѣло совершенно иначе, чѣмъ они. Выдачи записывалъ вложной писарь, но, не зависимо отъ этого, самъ Баллодъ велъ для себя карандашную тетрадку и аккуратно отмѣчалъ въ ней: кто, когда, сколько и чего вѣзъ изъ общественнаго магазина, а осенью опять отмѣчалъ: кто, когда, сколько и чего возвращалъ,

Въ этомъ отношеніи ему помогли своими предостереженіями старшій его братъ Иванъ, который тоже былъ старшиною въ томъ же судѣ. Заведя строгій учетъ по приему и отпуску хлѣба, Давидъ Баллодъ навѣрное зналъ, что несприятностей ему не миновать, но онъ былъ характера твердаго и правдиваго и, при этомъ, надѣялся, что въ случаѣ надобности, всегда будетъ въ состояніи доказать передъ какимъ угодно судомъ свою правоту.

Весною колостные засѣдатели первые заявили, что имъ нужно, то да то. Давидъ Баллодъ былъ вродѣ убѣжденъ, что они вовсе не нуждались ни въ чемъ, но нечего было дѣлать, нельзя было отказать.

Наступила осень и Баллодъ объявлялъ всей колости, что пора возвращать въ магазинъ занятый хлѣбъ.

Многіе, со слезами, умоляли дать имъ отсрочку, увѣряя, что нечего вѣстн: но Д. Баллодъ крѣпко стоялъ на томъ, чтобы отдали хоть что нибудь и чѣмъ нибудь, хоть картофелемъ или капустою, я, наконецъ, послѣ долгихъ трудовъ, добился таки того, что внесли отпущенный имъ хлѣбъ, крѣмъ однако воюстныхъ засѣдателей.

Д. Баллодъ потребовалъ и отъ нихъ. За такую неожиданную дерзость, они ему угрозили и сказали: „мы тебя проучимъ!“ — „Сдѣлайте милость, учите!“ отвѣчалъ Баллодъ, „вы старше меня: я всегда готовъ выслушать умный совѣтъ.“

Прошла недѣля, другая, а засѣдатели не возуть хлѣба въ магазинъ. Тутъ уже Баллодъ потребовалъ настоятельно и объявлялъ, что если въ слѣдующую недѣлю хлѣбъ не будетъ внесенъ, то онъ огласитъ это по всей волости и будетъ жаловаться въ высшій судъ.

Тутъ Баллодъ услышалъ отъ засѣдателей обидчивое наставленіе: „Зачѣмъ намъ возвращать занятый хлѣбъ? — Дучше и ты бери свою часть безъ возврата, мы ужъ знаемъ какъ это дѣло устроить. Не первый разъ!“ Давидъ Баллодъ, выслушавъ ихъ, отвѣчалъ: „Такъ вотъ оно общающее нѣмъ наставленіе? И вы, не зная меня, такъ таки прямо и совѣтуете мнѣ принять къ шайкѣ воровъ? Вы хотите, чтобы и я обкрадывалъ своихъ бѣдныхъ братьевъ? Но мнѣ, такіе жоры опаснѣе ночныхъ. Имъ даже не нужно прибѣгать къ воровству, потому что имъ же вручены ключи, какъ отъ магазина, такъ и отъ сундука! Напрасно однако вы хлопотаете. Пора положить этому конецъ. Я приказываю и требую въ послѣдній разъ, чтобы не далѣе какъ завтра весь отпущенный вамъ хлѣбъ былъ ссыпанъ.“

Нечего было дѣлать — пришлось исполнить. Засѣдатели на другой же день, привезли хлѣбъ, молча ссыпали и молча проматривали, какъ Баллодъ ровнялъ жѣру и записывалъ; онъ не простиалъ имъ и процентовъ; отдали все, какъ слѣдовало, какъ и простые мужики. Они сгорали отъ стыда и досады; да и не они одни.

По истеченіи трехлѣтняго срока служба, Баллода вновь не выбрали и онъ выбылъ изъ должности; но его недоброжелатели этимъ не удовольствовались.

Баллодъ безъ всякой вины, лишился своей усадьбы, служившей сборнымъ мѣстомъ для гернгутеровъ. Баллодъ не могъ не ожидать новыхъ преслѣдованій и, хотя благодушный, но слабый помысливъ жалѣлъ его, какъ трудолюбиваго хозяина и благочестиваго христіанина, рѣшился продать свое имущество и уйти совершенно.

Онъ взялъ паспортъ и переехалъ на жительство въ Ригу, а въ прежнемъ своемъ приходѣ оставилъ своего старшаго брата Ивана трудиться на пользу своимъ братьямъ.

Городскіе латыши обрадовались прибытію своего знаменитаго проповѣдника въ Ригу. По настоянціи ихъ просьбъ, онъ долженъ былъ, но чтобы ни стало, открыть гернгутерскій молитвенный домъ, не вдалекѣ отъ православной Покровской церкви, на исторбургскомъ фортштатѣ.

Собрали деньги, наняли домъ, устроили все какъ слѣдуетъ, и Д. Баллодъ (въ 1844 г.) открылъ свою гернгутерскую кассу.

Сюда собирались по воскресеньямъ отъ 2 до 6 часовъ по полудни для молитвъ и поученій гернгутеры, а послѣдствіи въ своемъ домѣ по субботамъ начали служить родъ вечери, по воскресеньямъ родъ утрени и по окончаніи службы собирали деньги на содержаніе жезелей. Въ этихъ собраніяхъ, принявшимъ церковный характеръ, лютеранское духовенство, самъ соборъ разумеется, не могло относиться безучастно и споры не замедлили возникнуть. Въ полемикѣ принялъ самое горячее участіе редакторъ и издатель газеты „Другъ Латышей“, пасторъ Трей.

Въ началѣ 1842 года прибылъ въ Ригу преосвященный Филаретъ, на мѣсто преосвященнаго Принарка. Преосвященный Филаретъ, имя котораго въ исторіи православной церкви пользуется почетною извѣстностію, дѣятельно занялся дѣлами своего управленія и не позволялъ себѣ ни малѣйшаго вѣдательства въ дѣла иноверцевъ, но не могъ никому отказать въ присоединеніи къ православію, если желающій присоединиться не былъ побуждаемъ къ тому никакими земными выгодами или расчетами. Въ первые три года пребыванія преосвященнаго въ Ригѣ случаевъ присоединенія не было, но крайній мѣръ намъ не извѣстно о нихъ, но эти случаи возникли въ самомъ началѣ 1843 года и были уже рѣшительны и многочисленны. Движеніе началось со стороны гернгутеровъ.

Полемизуя съ Треемъ, гернгутеры продолжали свои собранія, но когда начала у себя совершать утрени и вечери, молитвенный домъ ихъ, по распоряженію полиціи, былъ закрытъ въ 1844 году за неплѣту до Рождества. Давидъ Баллодъ, взявъ біблію, отправился на послѣднее возстаніе къ Трею. Спорили долго и, какъ водится, не пришли ни къ какому соглашенію. Тогда Баллодъ и съ нимъ 120 гернгутеровъ 24-го января 1845 г. обратились къ преосвященному Филарету съ просьбою присоединить ихъ къ православію, но съ тѣмъ, чтобы для нихъ была выстроена особая церковь, гдѣ богослуженіе производилось бы на латышскомъ языкѣ, и чтобы въ эту церковь были допущены органы, скажи для сѣбѣ и разрѣшено общеплѣнное молитвъ. Преосвященный, убѣдившись, что издавнае призыву не расчитываютъ ни на малѣйшія земныя выгоды, отвѣчалъ, что богослуженіи на латышскомъ языкѣ не запрещается, но, по правиламъ древней православной церкви, органы имѣть не позволено вовсе, скажи же могутъ быть допущены по сторонамъ для слабыхъ и больныхъ, какъ равно плѣнные молитвъ. Этотъ отвѣтъ гернгутеры обсуждали плѣный мѣсяцъ, и, наконецъ, представили под-

писку въ числѣ 161 челов., что они готовы принять православіе, не требуя ни органа, ни епископа. Остальные 11 человекъ поручили отставному солдату Карлу Фристу ходатайствовать за нихъ у епископа, что и они желаютъ присоединенія.

Въ началѣ марта 1845 г. прибалтійскій генералъ-губернаторъ баронъ Паленъ донесъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ и чрезъ шефа корпуса жандармовъ, графа Орлова, государю императору, что 11 человекъ жителей Риги лютеранскаго исповѣданія обратились въ городскую полицію съ просьбою засвидѣтельствовать подписи ихъ, на данной ими доверенности, заключающейся въ подачѣ на имя епископа рижскаго Филарета прошенія о присоединеніи ихъ къ православію и дозволеніи совершать богослуженіе въ устроенной для сего православной церкви на латышскомъ языкѣ, что слухъ объ этомъ произвелъ уныніе между протестантами, которые опасаются, что занятъ при православномъ богослуженіи славянскаго языка друшля, запутанностей и несогласій для лютеранской церкви и что удовлетвореніе упомянутого домогательства легко можетъ произвести волненіе, по примѣру бывшаго въ 1841 г. Государю императору угодно было велѣть сообщить барону Палену, что онъ придаетъ нѣкоторымъ образомъ болѣе важности сему дѣлу, чѣмъ оно въ саомъ сущности, представляется; что отказывать въ присоединеніи къ нашей церкви, при свободномъ изъявленіи желанія, противно нашимъ установленіямъ и когда формы въ изъявленіи желанія по закону соблюдены, отказу быть не можетъ; что заводить особую церковь для сего не нужно и не должно, ибо служба православная по закону можетъ быть отправляема на всехъ языкахъ и для сего въ существующихъ уже церквахъ для иноязычныхъ прихожанъ служба можетъ быть отправляема особо на ихъ языкѣ, что опасенія публики напрасны и излишни, тѣмъ болѣе, что изъявленія подобнаго желанія не должны быть принимаемы за доверенности, но лично отъ каждаго желающаго присоединиться, а потому и вѣтъ вѣроятія, чтобы количество желающихъ присоединиться къ православію было многочисленно. Его императорскому величеству благоугодно было повелѣть, дабы упомянутымъ просителямъ разрѣшено было немедленно присоединиться къ православію, и чтобы для всехъ присоединявшихся божественное служеніе отправляемо было въ одной изъ нашихъ церквей на ихъ языкѣ.

Воздѣйствіе этого Баллада съ товарищами было присоединенъ къ православію и въ церкви на покровскомъ кладбищѣ было открыто богослуженіе на латышскомъ языкѣ.

Слухъ о присоединеніи Баллада быстро распространился между поселенцами. „Слухъ объ этомъ, говоритъ современникъ описываемыхъ событій латышъ Нидриксъ Страумитъ, проникъ въ трущобы, въ лѣса и болота, по великому, совершенно разобщеннымъ съ міромъ. Въ заботы на время притихли и никакихъ другихъ толковъ въ народѣ не было, какъ о присоединеніи или, какъ говорили латыши, о перекрещеніи Давида Баллада. На дорогахъ, въ корчмахъ, слышали отъ всехъ одно и тоже, отъ корчмарей, отъ приѣзжающихъ, отъ своихъ и чужихъ, что дѣйствительно присоединился Балладъ и многіе нарочно ѣздили въ Ригу, чтобы узнать правду отъ самого Баллада и узнавали, что дѣйствительно присоединился и „крестъ на груди носить, и крестное знаменіе творить не такъ какъ мы, всею рукою, а тремя перстами, и не по нашему, а прежде класть на правое плечо, потомъ на лѣвое, и икона въ комнатѣ и лампадка горитъ.“

Съ этого именно времени и начинаютъ появляться въ Ригу поселенцы съ заявленіями о присоединеніи, въ которыхъ уже не было и рѣчи ни о какихъ земныхъ выгодахъ или расчетахъ, но тутъ правительство признало не-

обходившимъ назначить на мѣсто барона Палена генераль-губернаторомъ прибалтійскаго края Головинъ, которому, такимъ образомъ, судьба назначила быть свидѣтелемъ огромнаго движенія и устроителемъ первыхъ сельскихъ православныхъ приходовъ.

Въ явѣ 1845 г. генералъ Головинъ прибылъ въ Ригу.

Обнаружившеся стремленіе къ православію латышей, число коихъ со дня на день увеличивалось, и совершеніе въ одной изъ православныхъ рижскихъ церквей божественной службы на латышскомъ языкѣ породило въ народѣ великіе толки о сопряженныхъ будто бы съ присоединеніемъ къ православію, или, какъ тогда говорили, царской вѣрѣ разнаго рода свѣтскихъ выгодъ, какъ то: освобожденія отъ рекрутской повинности, приписки къ Ригѣ, съ освобожденіемъ отъ всехъ долговъ и обязанностей къ прежнимъ обществамъ, доставленія работы и хлѣба.

Не замедляло явиться со стороны ищущихъ и противодѣйствіе такому общему стремленію латышей. Такъ рижское городское начальство объявило латышамъ, что присоединяющіеся изъ числа ихъ къ православію лишаются права быть вѣзчиками, или занимать другія должности, въ которыхъ находились, состоя въ протестантскомъ исповѣданіи, и даже высылаю таковыхъ изъ города. Министрство внутреннихъ дѣлъ, извѣстившеся о такихъ дѣйствіяхъ, сообщило генераль-губернатору о принятіи мѣръ, чтобы латыши, желающіе присоединиться къ православію, не были отъ того отвлекаемы и не лишились тѣхъ преимуществъ, которыми долѣе пользовались, потому что пережизна вѣроисповѣданія, дозволенная закономъ, не можетъ влечь за собою перемѣны въ правахъ гражданскихъ.

Подобно тому рижская полиція и гражданское начальство помогали отъ рижскаго епископа, чтобы къ принятію православія записываемы были только тѣ иновѣрцы, которые предъявляютъ свои паспорта и чтобы епископъ предварительно извѣщалъ о каждомъ, желающемъ присоединиться. Извѣстившеся о томъ, министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ генераль-губернатору Головину принять мѣры къ отбѣнѣ распоряженій, стѣсняющихъ законное право церкви господствующей принимать въ шѣро свое иновѣрцевъ, и объявлять, что иновѣрское духовенство не имѣетъ даже права требовать свидѣній о присоединяющихся къ православію, ибо для исключенія присоединившихся изъ иновѣрческой паствы, православныя консисторіи на основаніи послѣдовавшаго по комитету министровъ 10-го февраля 1831 г. высочайшаго повелѣнія, доставляютъ въ департаментъ духовныхъ дѣлъ иностраннымъ исповѣданій именныя вѣдомости о таковыхъ лицахъ, для надлежащаго объ исключеніи ихъ распоряженія.

Въ концѣ 1845 г. отъ высочайшаго имени обнародована была и напечатана на туземныхъ языкахъ выписка изъ высочайшаго утвержденной 26-го апрѣля того же года инструкціи генераль-губернатору.

1) Въ послѣднее время крестьяне въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Балтійскихъ губерній начали изъявлять желаніе къ принятію православія. Необходимо посвятить этому обстоятельству особенное вниманіе, чтобы въ подобныхъ случаяхъ предупреждены были всякія недоразумѣнія и безпорядки.

2) На сямъ основаніи съ осторожностью должно наблюдать, чтобы со стороны православнаго духовенства не было допускаемо понудительныхъ средствъ и такимъ образомъ иновѣрцы могли свободно присоеди-

ниться къ православію, на основаніи установленнаго для сего общаго порядка съ собственного подвига.

3) Съ другой стороны надлежитъ объявить интеллектъ, и въ особенности помѣщикамъ, что никакое мѣстное начальство не въ правѣ запрещать кому либо принятія господствующаго въ имперіи исповѣданія, изъявившимъ такое желаніе, чтобы они не ожидали по сему поводу никакихъ особыхъ земныхъ благъ, а поступали бы по своему убѣжденію и совѣсти. Само собою, впрочемъ, разумеется, что присоединенный къ православію, исключаясь изъ числа прихожанъ протестантскихъ, вѣстѣ съ тѣмъ я освобождается отъ всѣхъ, лежавшихъ на немъ въ отношеніи протестантской церкви и духовенству, повинностей. потому что, поступая въ паству православную, онъ долженъ принять на себя и всѣ обязанности въ отношеніи къ православной церкви и духовенству, сохраняя однако во всей строгости обязанности свои къ помѣщику, на землѣ котораго живетъ.

4) Не принимать въ дѣлѣ присоединенія ходатаевъ, предоставляя каждому говорить и дѣйствовать непременно за себя лично.

5) Какъ присоединеніе къ православію совершенно зависитъ отъ собственного желанія каждаго, то за сими не допускать жалобъ со стороны православнаго духовенства на инновѣрцевъ, изъявившихъ желаніе присоединиться, но не исполнившихъ сего, а также и на православное духовенство, подѣляя предположъ неискренности желанія лица, присоединеннаго къ православію.

6) Итѣти наблюденіе, чтобы въ православныхъ церквахъ, при богослуженіи на языкѣ церковнославянскомъ, равно какъ и на туземныхъ языкахъ, не было пренебрежимо присутствовать всѣмъ желающимъ, безъ различія вѣроисповѣданій.

7) Не допускать принужденій и насилія со стороны инновѣрцевъ, для удержанія кого либо изъ тамошнихъ жителей въ инновѣрествѣ, если онъ пожелаетъ перейти въ православную церковь; принявшихъ православіе ограждать отъ всякаго преслѣдованія и притѣсненія, въ особенности же стараться предупреждать раздоры, могущіе возникать иногда въ подобныхъ случаяхъ въ самыхъ нѣдрахъ семействъ, коимъ члены принадлежатъ къ двумъ различнымъ исповѣданіямъ, и наконецъ строго наблюдать, чтобы никто изъ принявшихъ православіе не лишился тѣхъ правъ и преимуществъ, коими по сущности своему пользоваться, находясь въ инновѣрествѣ, ибо перемѣна вѣроисповѣданія не перемѣняетъ отношеній гражданскихъ.

Велѣдъ за тѣмъ сообщена была ген. г-ру воля государя наслѣдника, теперешняго государя императора, правившаго тогда имперією за отцѣдомъ имп. Николая въ Силію о раздѣленіи разглашателей въ прибалтійскихъ губерніяхъ ложныхъ слуховъ на два разряда, т. е. на умысленныхъ и неумысленныхъ. Въ отношеніи первыхъ, т. е. дѣйствующихъ съ злымъ умысломъ его имп. высочеству угоднo было повелѣть, чтобы они были преданы, на основаніи совершенно правильнаго и безпристрастнаго сличенія, военному суду; въ отношеніи же вторыхъ, чтобы они были укрощаемы полицейскими мѣрами. Почему и сообщено отъ министра внутреннихъ дѣлъ ген. г-ру: 1) что дѣла о сихъ послѣднихъ должны кончатся полицейскимъ порядкомъ; 2) что при опредѣленіи съ нихъ взысканія необходимо принимать въ соображеніе: сословіе, дѣла, полъ и поведеніе виновнаго въ означенномъ поступкѣ и соразмѣрно сему должно опредѣляться и взысканіе, которое можетъ состоять изъ выговора, кратковременнаго ареста и даже тѣлеснаго наказанія отъ 5 до 25 розогъ. за что, однакоже, не должны быть взыскиваемы деньги, какъ то случилось въ этомъ году въ Дерптѣ. Въ отвращеніе всякаго въ подобныхъ случаяхъ нареканія на счетъ безпристрастія

иноверныхъ должностныхъ лицъ его имп. высочеству угодно было, чтобы во всѣхъ дѣлахъ, касающихся обнаруженія выше упомянутыхъ разглашателей, участвовали подвѣдомственные генералъ губернатору надежные чиновники православнаго исповѣданія.

Въ началѣ декабря государь императоръ, въ отстраненіе всякаго недоразумѣнія касательно искренности желанія православія латышамъ и литами, являющимся къ православному духовенству, для записки ихъ по сему предмету, высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы между временемъ отобранія отъ каждаго изъ нихъ, на законномъ основаніи, показанія ихъ о такомъ желаніи, т. е. записываніемъ и между дѣйствительнымъ присоединеніемъ къ православной церкви чрезъ св. миропомазаніе, наблюдался былъ срокъ не менѣе 6 мѣсяцевъ, въ продолженіи кою каждый можетъ поить всю возможность зрѣло размыслить о своемъ namъреніи, какое поведеніе, согласно приказанію государя-наслѣдника было тогда же опубликовано въ прибалтійскомъ край для всеобщаго свѣдѣнія на мѣстныхъ языкахъ. Въ половинѣ того же декабря объявлена министромъ генералъ-г-ру, сообщенная оберъ-прокуроромъ св. синода полная воля его высочества, кою разрѣшалась священникамъ, для исправленія духовныхъ требъ на мѣстахъ новоприсоединенныхъ крестьянамъ, посѣщать мѣсто жительства ихъ съ тѣмъ, однакожъ, чтобы во время такихъ поѣздокъ, не только никого не присоединять, но даже и не занимать желающихъ присоединиться, отыцствуя наслѣднимъ, что записываніе, а по истеченіи 6 мѣсячнаго срока и миропомазаніе, могутъ совершаться только тамъ, гдѣ есть православная церковь и гдѣ священникъ имѣетъ постоянное пребываніе, и чтобы для предупрежденія всякихъ, могущихъ возникнуть при такихъ объѣздахъ недоразумѣній со стороны мѣстныхъ властей, помѣщиковъ и арендаторовъ, священникъ былъ всякій разъ сопровождаемъ совершенно благонадежныхъ чиновникомъ, какъ посредствующимъ лицомъ между православнымъ священникомъ и иноверными впродъ до новаго по сему предмету повелѣнія.

Но въ началѣ слѣдующаго 1846 года высочайше разрѣшено было священникамъ исполнять духовныя требы въ своихъ приходахъ безъ сопровожденія ихъ особыми чиновниками.

Въ тоже время высочайше одобрена мѣра, чтобы священники, принимающіе отъ крестьянъ изъявленіе желанія ихъ присоединиться, были снабжены отъ духовнаго правленія шнуровыми книжками, для записыванія ихъ именъ и чтобы при томъ желающимъ выдаваемы были печатныя свидѣтельства, дабы, по истеченіи 6 мѣсяцевъ, они могли быть безирекативно присоединены всякимъ православнымъ священникомъ.

Вскорѣ за симъ объявлено оберъ-прокуроромъ св. синода высочайшее разрѣшеніе, чтобы въ Лифляндіи, по просьбѣ отцевъ, принявшихъ православіе, присоединяемы были не совершеннолѣтнія дѣти ихъ и до шестимѣсячнаго срока.

Въ томъ же году высочайше утверждено между прочимъ слѣдующее мнѣніе особаго комитета:

Для огражденія православныхъ крестьянъ на мѣстахъ ихъ жительства, предоставити право обществахъ, въ коихъ будетъ $\frac{1}{4}$ православныхъ, имѣть въ приходскихъ судахъ по одному съ своей стороны засѣдателя, а если ихъ будетъ $\frac{1}{2}$ и болѣе пожелая иноверныхъ, то избирать изъ нихъ предсѣдателей въ мирскіе суды: для наблюденія за симъ учредить главное поочинительство изъ генералъ губернатора и мѣстнаго епископа съ приглашеніемъ засѣдать въ ономъ губернскаго предводителя дворянства. 2 декабря 1846 г.

въ разрѣшеніи ген. г-ромъ объ этомъ предметѣ недоумѣній, высочайше утверждено было слѣдующее постановленіе комитета:

1) Для опредѣленія въ каждомъ мірекомъ обществѣ числа православныхъ крестьянъ составлять имъ ежегодныя списки.

2) Въ обществахъ, гдѣ будетъ $\frac{1}{4}$ православныхъ, избирать изъ числа ихъ одного засѣдателя въ мірекой судъ годного субститута, а гдѣ половина и болѣе, избирать сверхъ того и предсѣдателя мірекаго суда.

3) Когда выборъ члена непремѣнно долженъ пасть на православнаго, то предупреждать о томъ избирателей.

4) Если $\frac{1}{4}$ всѣхъ приходскому суду подвѣдомственныхъ крестьянъ будетъ принадлежать къ православію, то имѣть въ судѣ одного засѣдателя и одного субститута изъ числа православныхъ, а если будетъ нѣсколько обществъ съ $\frac{1}{4}$ православныхъ, то избирать изъ нихъ засѣдателя, буде же такихъ обществъ окажется $\frac{1}{2}$ и болѣе, то избирать изъ нихъ двухъ засѣдателей. Если въ 2-хъ лютеранскихъ приходахъ одного округа будетъ по $\frac{1}{4}$ православныхъ, то наблюдать, чтобы засѣдатель былъ избираемъ изъ того прихода, въ второмъ число православныхъ сравнительно значительнѣе, а субститутъ изъ другаго прихода. Если въ округѣ приходскаго суда будетъ $\frac{1}{4}$ или болѣе православныхъ, то избирать изъ нихъ двухъ засѣдателей и двухъ субститутовъ.

5) Число засѣдателей въ мірекомъ и приходскомъ судахъ оставить на прежнемъ основаніи.

6) Выборъ православныхъ засѣдателей и субститутовъ производить за немѣнѣемъ православныхъ церковныхъ попечителей, подъ руководствомъ приходскаго судьи, предоставивъ одному генералъ-г-ру право возлагать на блженіе за правильныя производствы выборовъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ признаетъ это нужнымъ, на имѣющихся въ Лифляндіи уѣздныхъ фискаловъ (стряпчихъ), а въ случаѣ невозможности и на другихъ должностныхъ лицъ.

7) Въ выборы на каждое трехлѣтіе засѣдателей и субститутовъ въ мірекіе и приходскіе суды производить въ опредѣленные закономъ сроки.

8) При выборѣ субститутовъ въ мірекіе суды постановить правиломъ, что каждый православный членъ долженъ имѣть своего субститута изъ православныхъ же. По поводу сдѣланнаго ген. губ-ромъ представленія, что несоответственно достоинству духовнаго сана положеніе, въ коемъ находились тогда православные священники въ Лифляндіи, вслѣдствіе того, что православные крестьяне не имѣютъ закономъ защитниковъ въ случаяхъ притѣсненій за вѣру, и что священники вынуждены бывають входить въ обстоятельства своихъ прихожанъ, высочайше повелѣно: «Недопускать, чтобы православные священники принимали жалобы отъ крестьянъ и воспретить имъ доносенія по поводу оныхъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда они лично убѣдятся въ справедливости того, о чемъ доносятъ». Во исполненіе сей высочайшей воли поручено было оберъ-прокурору св. синода предложить синоду о немедленномъ подтвержденіи епископу рижскому, чтобы подвѣдомственное ему духовенство въ Лифляндіи отнюдь не принимало отъ крестьянъ никакихъ жалобъ на помещиковъ и управляющихъ, ни обѣщало бы имъ ни малѣйшаго съ своей стороны въ семъ отношеніи покровительства и не доносило о неосновательныхъ слухахъ, касательно притѣсненій за вѣру, но о слухахъ достоверно ему извѣстныхъ доводило бы до свѣдѣнія своего начальства, на основаніи общаго закона.

Стремленіе къ православію, начавшееся въ Ригѣ между рижскими герингутерами въ 1845 г., въ этотъ и слѣдующемъ 1846 г. распространилось сначала между крестьянами уѣздовъ рижскаго и волмарскаго, а за тѣмъ обнаружилось въ уѣздахъ венденскомъ, вальскомъ, потомъ дерптскомъ, веррскомъ, феллинскомъ и перновскомъ, а наконецъ на островахъ Іхель и Моэль.

Генераль-губернаторъ Головинъ, бывшій свидѣтелемъ этихъ стремленій, въ названномъ выше всенароднѣйшемъ отчетѣ говоритъ, что нѣмскія сословія отклоняли крестьянъ проповѣдями, внушеніями, угрозами и затрудняли въ выдачѣ билетовъ на отлучку, преслѣдовали въ хозяйственномъ быту. Но это-то именно и утверждало крестьянъ въ надеждѣ на улучшение положенія ихъ православіемъ, помни, что съ успѣхами послѣдняго будетъ сопряжено нѣчто, неопріятное для владѣльцевъ, а слѣдов. полезное для крестьянъ. (См. Чтенія, 1871, книга 2, сѣбрь, 119).

Никакихъ волненій и безпорядковъ во время перехода массъ въ православіе нигдѣ не было, даже самыхъ малѣйшихъ, такъ что всѣ мѣры, принимавшіяся для пресѣченія волненій, оказались ненужными, по „безпримѣрной кротости народа“, какъ выразился Головинъ въ томъ же отчетѣ. Пасторы, говорилъ далѣе Головинъ (тамъ-же стр. 120) въ проповѣдяхъ позволяли неприличные отзывы о православной церкви и правительствѣ, а также не позволяли погребать на лютеранскихъ кладбищахъ православныхъ. Послѣднѣяго рода поступки тотчасъ были устраняемы, но пернаго повели къ изслѣдованіямъ, и учиненные подвергнуты изысканію. Помѣщики не допускали водворяться жить православнымъ священникамъ, и явно недоброжелательствовали къ перемѣнившимъ вѣру, даже утѣляли ихъ барщиной, удаленіемъ отъ усадьбы, не выдачею продовольствія въ неурожайные годы. По высочайшему повелѣнію возложено было на отвѣтственность полиціи поимки отводъ помѣщеній для временныхъ церквей и причта въ городахъ въ теченіи двухъ недѣль, а въ селеніяхъ одного мѣсяца. Что до утѣтенія, то, по трудности юридически учинить притѣснителей, предоставляло временно успокоить протестантскихъ помѣщиковъ и сдѣлать ихъ менѣе пристрастными къ крестьянамъ. Мѣстные полиційскія и судебныя власти тоже недоброжелательно смотрѣли на это происшествіе, особенно преувеличивали въ допискахъ о волненіи народа и угрожающей отъ того похѣщаныхъ опасности. Мѣсныя конекторіи и под. т. позволяли себѣ иногда выходить изъ круга своихъ обязанностей и даже вмѣшиваться въ дѣла православной церкви. Замѣчалось пристрастіе нѣрѣдко при производствѣ мѣстными полиціями слѣдствій по дѣламъ перехода крестьянъ въ православіе, что принуждало генераль-губернатора нарядать особая слѣдственные комитетъ и т. п.

Но ничто не помогало: болѣе 100 тысячъ латышскихъ и эстонскихъ крестьянъ сдѣлались православными, и съ 1845 и 1846 г. начинаютъ появляться первые сельскіе православные приходы. Вотъ что объ этомъ говоритъ въ отчетѣ генераль-губернатора (стр. 121):

«Устройство православной паствы возложено было первоначально на учрежденный въ Ригѣ комитетъ изъ мѣстнаго епископа, генераль-губернатора и товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Къ 1-му января 1848 г. считалось латышскихъ приходовъ 33, эстонскихъ 39, всего 72. Изъ нихъ существовали сначала лишь на 9-ти пунктахъ. Денежныя средства къ сему дарованы правительствомъ: землю для храма, жилища священника и причта повелѣно отводить преимущественно въ казенныхъ имѣніяхъ, а при необходимости произвести нарѣзку изъ городскихъ или помѣщичьихъ дачъ, и выдавать за это владѣльцамъ вознагражденіе. Выборъ мѣста для церкви возло-

женъ на генералъ-губернатора и рижскаго епископа, а надзоръ за постройкою въ возможно краткій срокъ, въ селеніяхъ для 250 и въ городахъ для 300 человекъ, на лифляндскую губернскую строительную комисію. Набранію мѣста для храма нѣмѣдко противились помѣшники, хотя изъ нихъ: Гротъ, графъ Ферзенъ и баронъ Менгденъ пожертвовали безвозмездно нужную для церкви землю. Нынѣ устроено уже 9-ть церквей, 1 также окончена но не освящена, по недостатку вблизи дома для священника, 3 находятся въ постройкѣ; къ прочимъ еще не приступлено. Чтобы не оставить прихожанъ безъ исполненія духовныхъ требъ въ 53-хъ приходахъ, гдѣ донынѣ нѣтъ только постоянныхъ храмовъ, учреждены временныя церкви, снабженныя иконостасомъ и причетомъ. Для сего высочайше повелѣно: «занять подъ временныя церкви бесплатно дома, выстроенныя для воинскаго постоя». Въ казенныхъ мѣстностяхъ отведено по одной десятинѣ для православныхъ кладбищъ; относительно же наѣздки таковыхъ участковъ въ помѣщичьихъ дачахъ сдѣлано уже представленіе. Проектъ объ учрежденіи крестьянскихъ православныхъ школъ представленъ министру внутреннихъ дѣлъ, открыто же по нынѣ школъ всего 15, изъ-за недостатка помѣщенія для другихъ. Порядокъ для принятія изъявившихъ желаніе быть присоединенными къ православной церкви, окончательно утвержденъ вашимъ императорскимъ величествомъ 11 января 1846 года. Съ гражданской стороны вынѣно въ обязанность присутствовать при этомъ либо членамъ ордунгстрихта, либо приходскимъ судьямъ, или, наконецъ, сельскимъ начальникамъ. Въ продолженіе 6-ти мѣсячнаго срока разрѣшено крестьянамъ, для полученія назиданій, а приходскому духовенству для исполненія церковныхъ требъ, объѣзжать своихъ прихожанъ, и нынѣ уже безъ сопровожденія полицейскаго чиновника. Во время сихъ поѣздокъ пріемъ дохотательствъ о переѣздѣ вѣроисповѣданія вовсе воспрещенъ, но миропомазаніе, которое также не было дозволено прежде, теперь разрѣшено. Определено, что съ присоединеніемъ къ православной церкви отца, присоединяются, по просьбѣ родителей, и несовершеннолѣтніа дѣти до 6-ти мѣсячнаго срока. Содержаніе православнаго духовенства отнесено на счетъ правительства. Въ настоящее время между лифляндскими крестьянами, среди которыхъ, до 1845 года, почти вовсе не было православныхъ, считается православнаго исповѣданія: латышей 38,282, эстовъ 68,180. и того 100,462 души. Событіе это, радостное для православной церкви, важное не для одного балтійскаго края, но и въ государственномъ отношеніи, и которое, наконецъ, составило, вмѣстѣ съ возсоединеніемъ униатовъ, одну изъ замѣчательныхъ и едва ли не безпримѣрныхъ страницъ въ исторіи, совершалось безъ всякихъ подстрекательствъ, съ строгимъ соблюденіемъ законности и безъ нарушенія общественнаго спокойствія.»

Теперь перейдемъ къ запискамъ священника Полякова.

1. О возникновеніи православія между латышами и эстами.

Въ 1839 году въ Лифляндіи произошёлъ неурожай хлѣба. Крестьяне, неудовольствованные въ своей нуждѣ мѣстными властями, толпами ходили въ Ригу, проси у генераль-губернатора помощи. Рассказываютъ, что толпы, ходившія въ Ригу, возвращались оттуда безъ всякаго удовлетворенія. Новые толпы латышей, тѣснимыя голодомъ, не переставали обращаться къ генераль-губернатору, но такъ какъ отъ него не было имъ помощи, то они обратились къ епископу рижскому Иринарху, прося его преосвященство довести до свѣдѣнія государя императора ихъ стѣснительное положеніе. Говорятъ, епископъ принялъ ихъ дружески, обласкалъ ихъ и обѣщалъ имъ даже свое ходатайство предъ высшимъ правительствомъ. Вслѣдствіе этого возникла вражда между епископомъ Иринархомъ и губернаторомъ Паленомъ, послѣдствіемъ которой было то, что Иринархъ былъ отозванъ въ С.-Петербургъ. Такъ какъ неурожай продолжался съ 1839 г. въ теченіе вѣсколькихъ лѣтъ и помѣщики ничѣмъ не помогали голодному народу, то народъ отказывался ходить на барщину, будучи обезсиленъ голодомъ. Помѣщики донесли губернатору, что народъ взбунтовался, заявляетъ желаніе переселиться въ теплую землю и требовалъ для усмиренія ихъ войско. По такому доносу въ Лифляндію были присланы казаки. Мѣстные власти, земскія исправники вооруженною силою созывали народъ на публичныя мѣста, близъ сельскихъ кирокъ, читали о мнимыхъ преступленіяхъ крестьянъ судейскіе приговоры, и виновныхъ тутъ же жестоко наказывали плетью. На самомъ же дѣлѣ, какъ рассказываютъ очевидцы, вина мужиковъ была въ томъ, что они не ходили на барщину, заявляли желаніе переселиться въ южныя губерніи, которыя называли они теплою землею, для чего ходили въ Ригу, сперва къ губернатору, и потомъ къ рижскому епископу. Ходившихъ въ Ригу ловили на дорогѣ и связанныхъ представляли на экзекуцію, гдѣ ихъ безпощадно сѣкали то розгами, то плетью. Потомъ, когда былъ смѣненъ генераль-губернаторъ Паленъ и на его мѣсто поступилъ болѣе человѣколюбивый генералъ Головинъ, ходатайствовавшій для крестьянъ помощь у правительства, состоящую въ отпускѣ изъ казны хлѣба, движеніе утихло; латыши и эсты прекратили ходеніе въ Ригу. Епископъ Иринархъ, по извѣсту губернатора Палена, былъ въ 1841 году перемѣщенъ въ Вессарабію и ему приказано явиться сперва въ Петербургъ, но не ѣхать по петербургскому тракту, а отираться чрезъ западныя губерніи. Трөгательное было разставаніе съ архипастыремъ особенно тѣхъ духовныхъ, которые совмѣстно съ нимъ принимали участіе въ положеніи латышей и эстовъ. Это были рижскіе священники о. Михаилъ Погонаевъ и священникъ Фасановъ. Этихъ лицъ высочайше повелѣно немедленно представиться въ Петербургъ государю императору

Жены сихъ священниковъ, перепуганныя такимъ требованіемъ, съ плачемъ и на колѣняхъ просили епископа Принарха, оказать мужьямъ ихъ помощь предстательствомъ предъ государемъ. Преосвященный Принархъ успокаивалъ и утѣшалъ ихъ, завіряя, что лицамъ этимъ не будетъ сдѣлано никакого зла, и что еслибы что случилось паче его ожиданія, онъ самъ готовъ пострадать за нихъ, и употребить всевозможныя мѣры къ тому, чтобы сподвижники его въ добромъ дѣлѣ помощи латышамъ, отнюдь ничего не потерпѣли. И въ самомъ дѣлѣ, этимъ священникамъ даны были при петербургскихъ церквахъ самыя лучшія мѣста.

Въ 1842 году прибылъ на мѣсто Принарха, епископъ рижскій Филаретъ.

Въ 1844 году, проживающимъ къ Ригѣ латышамъ изъ общества гернгутеровъ, воспрещено было собираться на молитву въ нави-маемомъ ими частномъ домѣ. Обиженные таковымъ стѣсненіемъ и неимавшіе себѣ нигдѣ покровительства, они въ числѣ не болѣе 30 человекъ, подъ предводительствомъ своего формидера, старшины и уставщика, рижскаго жителя, крестьянина Давида Баллода, весьма уважаемаго латышами, и начетчина, представились къ епископу Филарету, заявивъ свое желаніе принять православную вѣру. Епископъ, принявъ ихъ привѣтливо, испросилъ дозволеніе на то у высшаго правительства, и получивъ позволеніе, поручилъ приближеннымъ себѣ священникамъ, по наученіи и наставленіи ихъ въ святой вѣрѣ, присоединить къ православію. Это было въ концѣ 1844 и началѣ 1845 г. Отъ этихъ то лицъ воспріяло начало св. православіе въ этомъ краѣ. Имъ отведена была рижская кладбищенская покровская церковь мѣстомъ для богослуженія на латышскомъ языкѣ и рукоположенъ первымъ латышскимъ священникомъ, бывший управляющій м. Пебалгъ, крестьянинъ графа Шереметева, Іаковъ Михайловичъ Михайловъ, человекъ хорошо знающій латышскій и нѣмецкій языки, а первымъ латышскимъ причетникомъ опредѣленъ былъ къ нему старшина и формидеръ Давидъ Баллодъ. Къ тому же времени изготовлены были, частью о. Михайловымъ и другими лицами, знавшими латышскій и русскій языки, молитвословъ, литургія Златоустаго, начатки христіанскаго ученія, краткій катихизисъ соч. митрополита Филарета и молитвы, относящіяся къ литургіи. Все это было переведено на латышскій языкъ.

Слухъ о присоединеніи къ православію латышей въ Ригѣ, немедленно распространился сперва между жителями г. Риги, которые съѣхали въ большомъ количествѣ въ Покровскую церковь, чтобы услышать рѣдкое и въ высшей степени для нихъ интересное богослуженіе православной церкви на латышскомъ языкѣ. Люди всѣхъ сословій интересовавшіеся православнымъ богослуженіемъ, посѣщали Покровскую церковь. ее посѣщали не только русскіе преимущественно,

но и вѣмцы и прочіе латыши-лютеране. Чистое латышское произношеніе о. Іакова Михайлова и благоговѣнно трогательное чтеніе причетника Баллода удивляло иновѣрцевъ, недоброжелателей православія, и плѣняло прочихъ латышей-лютеранъ изъ общества герингутеровъ рижскихъ, которые видя, что бывшимъ товарищамъ ихъ дозволено въ покровской церкви особенное собраніе и пѣніе церковныхъ гимновъ (diesfnas), также принимали православіе. Чтобы пѣніе православное одногласное, соответствовало тому, къ которому привыкли латыши, преосвященный Филаретъ велѣлъ составить изъ рижскихъ архіерейскихъ пѣвчихъ малый хоръ латышскихъ пѣвцовъ, состоявшихъ изъ четырехъ голосовъ. Руководителемъятаго хора былъ одинъ изъ басовъ хора архіерейскаго Василій Алазовъ, который опредѣленъ вторымъ латышскимъ причетникомъ (онъ былъ впоследствии священникомъ питаускимъ). Пѣніе на латышскомъ языкѣ было стройное и пріятное.

Слухъ о присоединеніи къ православію небольшого числа въ Ригѣ быстро успѣлъ распространиться по всей Лифляндіи и земли эстовъ, и по острову Эзелю. Приходившіе въ 1841 году къ преосвященному Иринарху латыши и имъ облагодѣтельствованные, не замедлили въ 1845 году явиться и къ преосвященному Филарету, привлекая съ собою множество односельцевъ и уже не съ просьбою о переселеніи въ теплую землю, о которой строгаѣше воспрещено было вымолвить даже одно слово, а о присоединеніи къ православію. Священнику Іакову Михайлову, въ домѣ епископа рижскаго Филарета, подъ его руководствомъ, дозволено было записывать желающихъ православію и немедленно по учиненіи записи и по прочтеніи показанія, подъ которымъ должны были подписываться желающіе православію, они были присоединены о. Іаковымъ, то въ крестолой архіерейской церкви, то въ Алексѣевской.

Такъ какъ латыши приходили въ Ригу во множествѣ для перехода къ православію, такъ что одному священнику Михайлову невозможно было управиться не только присоединеніемъ, но и записываніемъ ихъ, то дѣло записыванія и присоединенія съ помощію перваго переводчика, вѣствующаго сіи строки, было поручено епископомъ Филаретомъ Александровскому священнику Дмитрію Верещагину. Съ половины сентября до половины октября мѣсяца 1845 года, Верещагинымъ было присоединено къ православію до тысячи латышей. Съ половины же октября, вѣствующій сіи строки, переводчикъ Андрей Поляковъ, вмѣстѣ со священникомъ Верещагинымъ отправились для присоединенія латышей въ городъ Венденъ. Сюда опредѣленъ былъ въ томъ же году священникомъ студентъ псковской семинаріи Николай Гужановъ. Здѣсь въ продолженіи одного мѣсяца, ежедневно являлись неисчислимые толпы латышей, умоляя о присоединеніи. По распоряженію правительства, священникамъ воспрещалось не только записывать желающихъ православію, но даже и присоеди-

нять къ церкви, безъ чиновника мѣстной земской полиціи. Потому, каждаго желавшаго православія по нѣскольکو минутъ, чиновникъ въ присутствіи священника, строго испытывалъ въ желаніи православія, грозя за отступленіе страшнымъ тѣлеснымъ наказаніемъ и ссылкой въ Сибирь на поселеніе. Такъ какъ при продолжительномъ одиночномъ испытаніи въ день не болѣе 50-ти можно было записать и присоединить, а желающихъ было тысячи ежедневно, то многіе, живя по три дня въ Венденѣ, продавали свои верхнія платья, чтобы дожидаться очереди и присоединиться къ православію. Иные, прождавъ три дня, и не имѣя возможности дожидаться долѣе, уходили опечаленные домой неприсоединенными. Изъ сего видно, что желаніе православія было въ крестьянахъ такъ сильно, что священникамъ не предстояло ни возможности, ни надобности убѣждать ихъ къ присоединенію. Ни страшенія чиновниковъ, ни запрещенія, и подѣ рукой гоненія и наказанія мѣстныхъ властей, не только не могли удержатъ стремленія къ присоединенію, но, казалось, этимъ еще болѣе способствовали дѣлу присоединенія. Когда венденскаго капитана исправника, барона Кампентаузенъ, ревностнаго лютеранина, священникъ Верешагинъ спросилъ: „долго ли времени надобно, при настоящемъ стеченіи желающихъ на то, чтобы присоединить всю Лифляндію къ православію (это было въ октябрѣ)?“ Кампентаузенъ отвѣчалъ: „если число желающихъ не уменьшится, то до января 1846 года три четверти населенія Лифляндіи присоединится къ православію, но во всякомъ случаѣ четвертая часть останется въ лютеранствѣ.“ Въ иныхъ городахъ Лифляндіи, подобно Вендену, крестьяне толпами приходили для перехода въ православіе, и были присоединяемы командированными въ тѣ города священниками. Только одинъ перновскій священникъ Іоаннъ Кукинъ воспротивился распоряженію преосвященнаго Филарета и не хотѣлъ присоединять востовъ къ православію, говоря: „не хочу метать бисера свиньямъ.“ Нѣмцы восхваляли этого священника, бывшаго законоучителемъ въ перновскомъ уѣздномъ училищѣ. Епископъ Филаретъ, по изслѣдованіи поступковъ Кукина, распорядился объ удаленіи его въ искювскую епархію. Но Кукинъ, обнадеженный нѣмцами, предлагавшими ему мѣсто русскаго учителя въ уѣздномъ училищѣ, хотѣлъ даже сложить съ себя санъ, чтобы только остаться въ Перновѣ. Онъ, встаки, былъ переведенъ въ искювскую епархію.

Вотъ какимъ образомъ, сколько мнѣ, какъ современному очевидцу, извѣстно, возникло въ Лифляндіи православіе. Недоброжелатели православія и даже доброжелатели, какъ мнѣ приходилось слышать, говорили будто тайными агентами православнаго духовенства была распускаема молва, что за присоединеніе къ православію, крестьяне будутъ надѣлены землею, и потому де и было такое стремленіе. Но я, священникъ Поляковъ, будучи еще свѣтскимъ дѣятелемъ въ семь дѣлъ и въ послѣдствіи, какъ принадлежащій къ духовенству, никогда

о томъ отъ своихъ начальниковъ не слышали. Епископъ Филаретъ, отпуская меня въ приходъ и преподавая архимандритское наставленіе, ни одного слова не говорилъ мнѣ, что между крестьянами можно распространять подобный слухъ, или даже терпѣть оный. Но напротивъ, такъ какъ уже тогда ходили о наѣдѣ землею ложные толки, мнѣ приказано было остерегаться приобщать свое согласіе такимъ толкамъ, а говорить воспрещающимъ „о землѣ плеча не знаю, а имѣю порученіе присоединять желающихъ.“ Въ началѣ 1846 г. правительствомъ былъ объявленъ для присоединенія къ православію шестимѣсячный срокъ, до истеченія котораго строго воспрещалось присоединять лютеранъ къ православію. По случаю такого распоряженія, присоединеніе должно было на время почти совершенно прекратиться, оно продолжалось непрерывно только надъ дѣтьми, для которыхъ шестимѣсячный срокъ не существовалъ. Съ объявленіемъ шестимѣсячнаго срока, хотя постоянно и непрерывно въ послѣдующіе годы крестьяне заявляли желаніе православія и въ немаломъ количествѣ, но далеко не въ той численности, въ какомъ дѣло это происходило изъ начала. На основаніи шестимѣсячнаго срока, присоединеніе къ православію, вслѣдствіе различныхъ прецедентовъ и даже весьма тяжкихъ со стороны помѣщиковъ, пасторовъ и ихъ клериковъ, становилось годъ отъ году рѣже и рѣже, такъ что уже въ 1849 году присоединеніе къ православію латышей и эстовъ по всей Лифляндіи въ сравненіи съ прежнимъ временемъ было весьма незначительно. Однакожь, присоединеніе къ православію, какъ видно изъ публикуемыхъ отчетовъ и доселѣ, т. е. 1869 года, продолжается въ рижской епархіи по не многу.

2. О первыхъ русскихъ страдальцахъ за православіе въ Лифляндіи.

На мѣсто переледеннаго викарія Иринарха, епископа рижскаго, въ 1842 г. прибылъ въ Ригу преосвященный Филаретъ, епископъ рижскій, викарій псковской епархіи. Еще при преосвященномъ Иринархѣ, епископѣ рижскомъ, латыши — лютеране, тѣснимые голодомъ толпами являлись къ рижскому военному губернатору Палену, прося о хлѣбѣ или переселеніи въ южныя губерніи Россіи, которыя они называли теплою землею (*filta zemne*), не получивъ желаемого, латыши обратились съ просьбою о ходатайствѣ за нихъ къ епископу Иринарху, изъявивъ при томъ желаніе состоять подъ закономъ россійской имперіи и принять вѣру православную, такъ какъ они управлялись положеніемъ 1819 г., которое не было тождественно закону имперіи. Епископъ Иринархъ, принявъ ихъ милостиво, снабдилъ несчастныхъ голодающихъ деньгами по силѣ средствъ своихъ и обласкалъ ихъ.

Голодные крестьяне, видя, что среди всеобщаго равнодушія къ ихъ бѣдственному и безвыходному положенію нашлось высокопоставленное лицо, которое принимаетъ въ нихъ участіе, пришедши домой, какъ говорятъ, разгласили между своими односельцами, что они нашли въ Ригѣ одно высокое лицо, которое приняло въ нихъ участіе.

Вслѣдствіе этого крестьяне еще въ большинствѣ прежняго количества начали являться въ Ригу къ епископу Припарху. Губернаторъ, самъ изъ лифляндскихъ помѣщиковъ и возбуждаемый помѣщиками, донесшими, что между крестьянами произошло броженіе умовъ и даже бунтъ, строжайше воспретилъ крестьянамъ толпами приходить въ Ригу и зорко наблюдать, чтобы никто неосмѣливался являться къ епископу Припарху. Одинъ изъ рижскихъ купеческихъ прикащиковъ, по просьбѣ латышей, показалъ имъ домъ епископа, и за то былъ предъ сѣзжимиъ домомъ на улицѣ публично раздѣтъ и жестоко наказанъ розгами. Пѣкто Осодоръ Бычковскій, человекъ русскій, жившій въ вевдеекомъ уѣздѣ, подъ мызкою Райсумъ, корчмаремъ, совѣтывалъ латышамъ обращаться къ епископу рижскому съ просьбою принять участіе въ ихъ бѣдственномъ положеніи, и за то былъ схваченъ и по этапу препровожденъ въ Ригу и посаженъ въ тюремный замокъ. Но впоследствии, просидѣвъ въ тюрьмѣ болѣе года, былъ отправленъ въ Сибирь на поселеніе, но къ счастью его прибылъ епископъ Филаретъ, который, принявъ живѣйшее участіе въ бѣдственномъ положеніи Бычковскаго, успѣлъ воротить его съ дороги. Бычковскій внезапно былъ возвращенъ въ Ригу, какъ говорятъ, по распоряженію новаго генералъ-губернатора остзейскаго края, Головина, смотрѣвшаго на движеніе латышей и астовъ безпристрастно, и сколько мнѣ извѣстно, дѣйствовавшаго справедливо и милостиво, въ духѣ русскомо.

3. Объ учрежденіи эйхенангернскаго прихода.

Эйхенангернскій приходъ учрежденъ, по представленію преосвященнаго Филарета, епископа рижскаго, въ 1846 г.

Къ числу Эйхенангернскаго прихода принадлежали слѣдующіе мызы вольмарскаго уѣзда и именно. а) въ аллендорфскомъ кирхшпиль Аллендорфъ, Шлоссъпиркельнъ, Эйхенангернъ, Пулкельнъ, Оргисгофъ, Котдіакъ, Раменгофъ, Димшенъ и Царкау; въ маттіекомъ кирхшпиль б) Вильзенгофъ, Нейгаль и Бауэнгофъ; въ маттіеко-залисбургскомъ Бреслау, Ней-Оттенгофъ и Альтъ-Оттенгофъ; в) въ дикельнскомъ Дикельнъ, Шуетъ Паленъ и Лаппіеръ; г) въ Залисскомъ Альтъ-Залисъ, Ней-Залисъ и Айнашъ.

4. Объ опредѣленіи причта въ эйхенангернскому приходу.

Эйхенангернскій причтъ поступилъ въ приходъ 31 августа 1846 года

5. О первыхъ членахъ причта прихода и о помѣщеніи его.

Первымъ священникомъ эйхенангернскаго прихода былъ священникъ Андрей Петровъ Поляковъ, изъ лицъ свѣтскаго званія, именно купческаго, а первымъ причетникомъ Моисей Наумовъ Горичій, также изъ лицъ званія свѣтскаго, именно купческаго же. Въ ноябрѣ 1846 г., прибылъ въ приходъ другой по штату положенный причетникъ, діаконскій сынъ, послушникъ торонецкаго Небина монастыря, Иванъ Стефановъ Орловъ. Первоначально причтъ помѣщался въ верстѣ отъ м. Вильзенгофъ, въ домѣ военного поста, называемомъ Муркель, гдѣ и церковь была устроена, весьма тѣсная, состоящая изъ одной небольшой комнаты, около трехъ квадратныхъ сажень. Помѣщеніе это отведено по нуждѣ; потому что настоящая церковь и причтовый домъ тогда еще не были устроены. Вильзенгофское помѣщеніе причта и церкви было въ разстояніи 12 верстъ отъ настоящей церкви и причтоваго дома. Шестнадцатаго октября 1848 г. эйхенангерновія церковныя зданія были отдѣланы, т. е. домъ и церковь, когда причтъ и переселился въ новое помѣщеніе, и 24 октября того же года, церковь освящена во имя Рождества Христова, ключаремъ рижскаго Петро-Павловскаго собора, священникомъ Владимиромъ Григорьевымъ Назаревскимъ, съ сослужащими священниками вольмарскимъ Тимофеемъ Златинскимъ, ружскимъ Василиемъ Кузнецовымъ, убенормскимъ Павломъ Дубровскимъ и мѣстнымъ Андреемъ Поляковымъ, съ протодіакономъ рижскаго епископа Иваномъ Волочковымъ и демзальскимъ діакономъ Бертингомъ.

6. О пространствѣ прихода.

Приходъ, какъ выше сказано, по пространству былъ обширный, состоявшій изъ пяти кирхшпильей, разбросанный въ пяти лютеранскихъ приходахъ, но въ первое время малочисленный. Приходъ простирался отъ берега рижскаго залива - мызы Пей-Залиссъ до мызы Голандфельдъ въ одинъ конецъ до шестидесяти пяти верстъ: въ другой конецъ отъ границы имѣнія Пуяксельнъ до мызы Коалбергъ на двадцать пять верстъ. Здѣсь показывается пространство прихода діаметральное, не считая въѣздовъ въ некоторыхъ мызахъ уклоняющихся отъ діаметра на пять, десять инадцать верстъ въ сторону, а также и крестьянскихъ дворовъ, изъ которыхъ нѣкоторые уклоняются отъ центра прихода верстъ на тридцать.

7. О числѣ прихожанъ въ эйхенангернскомъ приходѣ.

Первоначальное число прихожанъ, какъ видно изъ духовной росписи за 1846 г., не превышало 342 м. и 53 ж., 392 души.

Но при поступлении священника въ приходъ, прихожанъ было не болѣе 300 душъ. Въ слѣдующихъ за тѣмъ годахъ, число прихожанъ возрасло такъ, что въ 1847 г. было 1706 душъ, 1019 м. и 687 ж.

Въ 1848 году, по необыкновенному пространству и возрастающей численности прихода, отъ него отчислены мызы Дикельнъ, Шупль-Паленъ и Ланниеръ съ 147 душами въ убенормскому приходу, и мызы Альтъ-Залиссъ, Ней-Залиссъ и Аппашъ съ 727 душами въ новооткрытому записскому приходу въ 1848 году. Въ 1848 году по духовной росписи въ эйхенаугерскомъ приходѣ значилось 688 м. 418 ж. итого обоого пола 1106 душъ. Въ 1849 году по духовной росписи значилось приходскихъ дворовъ 171 съ 696 м. и 463 ж. обоого пола 1091 прихожанами; въ 1850 году при 179 дворахъ 704 м. 478 ж., обоого пола 1182 душами; въ 1851 году при 171 дворѣ 752 м. и 517 ж., всего 1269 душъ; въ 1852 году при 190 дворахъ 747 м. и 539 ж., обоого пола 1286; въ 1853 г. при 190 дворахъ 752 м. и 544 ж., обоого пола 1296; въ 1854 г. при 181 дворѣ 742 м. и 550 ж., обоого пола 1292 душ.; въ 1855 г. при 207 двор. 733 м. и 572 ж., всего 1305 душ.. въ 1856 г. при 216 двор. съ 794 м. и 585 ж., обоого пола 1309; въ 1857 г. при 207 двор. съ 744 м. и 594 ж., всего 1338; въ 1858 при 200 двор. съ 777 м. и 612 ж., всего 1389; въ 1859 г. при 205 двор. 770 м. и 636 ж., всего 1406, въ 1860 г. при 199 двор. 777 м. и 650 ж., всего 1427; въ 1861 г. при 216 двор. 807 м. и 683 ж., всего 1490; въ 1862 г. при 135 двор. 547 м. и 540 ж., всего 1086; въ 1863 г. при 113 двор. 564 м. и 559 ж., всего 1123; въ 1864 г. при 110 двор. 551 м. 567 ж., всего 1117; въ 1865 г. при 128 двор. 577 м. и 584 ж., всего 1161; въ 1866 г. при 110 двор. 582 м. и 604 ж., 1186; въ 1867 г. при 115 двор. 605 м. и 608 ж., всего 1213; въ 1868 г. при 107 двор. 605 м. и 608 ж., всего 1213, въ 1869 г. при 107 дв. 602 м. и 605 ж., всего 1207 душъ.

Въ 1862 году отъ эйхенаугерскаго прихода отчислены слѣдующія мызы маттійско записбургскаго прихода; именно Вильзенгофъ, Пейгаль, Бауэнгофъ, Бреслау, Альтъ-Оттенгофъ и Ней-Оттенгофъ съ 54 двор. съ 271 м. и 147 ж., всего 418 душами, причисленными въ ново-открытому колбергскому приходу, который за исключеніемъ мызы. Колбергъ, Залисбургъ, Идвекъ, Мантенъ и Седенъ съ 150 душами, возродился изъ эйхенаугерскаго прихода.

8. Приходское кладбище.

До апрѣля 1850 года въ приходѣ небыло своего приходскаго кладбища. Покойники, по ходатайствованіи епархіальнаго начальства, погребались на лютеранскихъ кладбищахъ.

Когда для православнаго покойника требовалось мѣсто на лютеранскомъ кладбищѣ, священникъ каждый разъ формально просилъ пастора объ отводѣ мѣста. для погребенія, которое немедленно безмездно отводилось. Съ теченіемъ времени лютеранское духовенство выставило счетъ православныхъ покойниковъ, погребенныхъ на лютеранскомъ кладбищѣ, съ требованіемъ уплаты могильныхъ денегъ. Епархіальное начальство формально спрашивало у священника о томъ, дѣйствительно ли данное число покойниковъ погребено на известномъ кладбищѣ? Конечно, священникъ отвѣчалъ о томъ, сколько погребено. Но платило ли епархіальное начальство за могилы, мѣ не извѣстно.

Осенью 1849 году графъ Карлъ фонъ-Сиверсъ пожертвовалъ полъ десятины земли подъ кладбище, окапавъ оное пространство со всѣхъ сторонъ рвомъ. Кладбище это лежитъ въ $\frac{1}{4}$ версты отъ церкви, по дорогѣ, ведущей отъ корчмы Десса на мызу Эйхенангернъ.

Мѣсто пожертвованное полъ кладбище, было почти все изрыто ямами, въ которыхъ крестьяне хранили на зиму картофель. Получивъ мѣсто священникъ Андрей Поляковъ, пригласилъ прихожанъ своихъ осенью въ 1849 г. заняться устройствомъ кладбища. Надобно было зарывать множество ямъ, планировать мѣсто, возить камни для ограды. Прихожане съ усердіемъ принялись за работу: болѣе 300 человекъ пѣшеходовъ, а иные съ лошадьми принялись за работу и въ ту же осень, въ теченіе трехъ дней, камни для ограды были доставлены, часть стѣны устроена. Весною, именно въ половинѣ апрѣля, явилось опять до ста человекъ къ окончанію этой работы и въ теченіе двухъ дней, кладбище было устроено, т. е. обнесено оградой, планировано, поставленъ крестъ, сдѣланы ворота и проведены вдоль и поперегъ кладбища дорожки, обсаженные молодою ольхою, березою и ельникомъ. 30 апрѣля, въ воскресенье, 1850 г. кладбище освящено мѣстнымъ священникомъ Андреемъ Поляковымъ, при сослуженіи убоевормскаго свещевника Павла Дубровскаго и лемзальскаго діакона Бертинга, при многочисленномъ собраніи народа, которому благопріятствовала теплая и ясная погода.

Въ 1862 году, по побужденію священника Андрея Полякова, устроено на кладбищѣ изъ бревенъ камерка, служащая въ лѣтнее время для постановки покойниковъ и храненія посылковъ. Въ зимнюю пору и во время непогоды въ камеркѣ этой укрываются отъ непогоды гробовщики.

9. Объ учрежденіи приходской и вспомогательныхъ школъ въ эйхенангерискмъ приходѣ.

Эйхенангерская приходская школа устроена 5-го декабря 1848 г. съ 25-ю учениками, въ ней преподавались слѣдующіе пред-

меты краткій катихизисъ, свящ. исторія, латышское и русское чтеніе и чистописаніе, ариметика. нотное пѣніе по обиходу и пѣть по наслышкѣ. Изъ учениковъ образовался хоръ пѣвчихъ, которые, подъ регентствомъ усерднаго въ пѣнію причетника Ивана Орлова, пѣли весьма стройно, за что священникъ Поляковъ былъ награжденъ похвалою архипастыря рижскаго Платова.

Въ 1853 году открыта первая вспомогательная школа, мизы Альт-Оттевогфъ, во дворѣ Клейне, съ наставникомъ, церковныхъ формидеромъ Давидломъ Каулиномъ и 10-ю учениками.

Въ томъ же 1853 году открыта вторая вспомогательная школа мизы Бреслау въ дворѣ Нунъ Карепъ съ наставникомъ Егоромъ Винтеромъ и 10 учениками и ученицами. Въ 1854 г. открыта третья вспомогательная школа, м. Пейгазъ, во дворѣ Лабрентъ съ наставникомъ Олимпіемъ Браскиномъ съ 10 учениками и ученицами. Въ 1859 г. четвертая, для дѣтей шлоссъ-пиркельской волости въ церковномъ домѣ съ 9-ю учениками и ученицами. Въ томъ же 1859 г. открыта пятая, м. Пуйкельнъ, въ дворѣ Вильцинъ, съ наставникомъ Егоромъ Карсопомъ съ 8-ю учениками и ученицами. Въ 1860 г. шестая, м. Боддонъ, въ дворѣ Лейсъ-Морцсемъ съ наставникомъ Михаиломъ Строкшемъ съ 16 учениками и ученицами. Въ 1861 г. седьмая, м. Царнау, въ дворѣ Норинъ съ 16 учениками и ученицами. А всего въ приходѣ состояло восемь школъ съ 8-ю наставниками и 104 учащимися. Въ вспомогательныхъ школахъ преподавались слѣдующіе предметы краткій катихизисъ, св. исторія, латышское чтеніе и письмо, четыре первоначальныхъ правила ариметики и церковное пѣніе по наслышкѣ.

Въ приходской школѣ дѣти учились въ теченіе четырехъ зимъ и научались на память катихизисъ и свящ. исторію, знали хорошо читать, писать по латышски и посредственно по русски, ариметики, нотному пѣнію и пѣнію по наслышкѣ, а во вспомогательныхъ хорошо читать и писать по латышски, знали на память краткій катихизисъ и разсказывать краткую св. исторію. Въ вспомогательныхъ школахъ учились дѣти въ теченіе трехъ зимъ, по не много, а посѣщали школы въ теченіе каждой зимы чрезъ поляю, т. е. одну негѣлю посѣщаютъ школу, другую живутъ дома. Это было потому, что хозяева затруднялись дѣтямъ, у нихъ служащихъ, давать содержаніе на полную зиму. Кромѣ учащихся въ школахъ до 350 дѣтей обучались грамотѣ и краткому катихизису въ домахъ родителей и хозяевъ, подъ рукоюствомъ формидеровъ и наблюденіемъ священника, который прослушивалъ этихъ дѣтей три раза въ годъ, собирая ихъ въ школьное помѣщеніе. Дѣти съ 7 лѣтняго возраста понуждаемы были начинать учиться читать, съ 11 лѣтняго возраста требовались въ школу, съ окончаніемъ 14 лѣтъ кончали ученіе: по дѣвочки до 16 лѣтъ, мальчики до 17 лѣтъ обязывались дома проходить ученіе

и являться къ священнику и учителямъ для прослушиванія. Съ окончаніемъ 16 лѣтъ для дѣвицъ, а 18 лѣтъ для мальчиковъ, они являлись къ священнику на двѣ недѣли на конфирмацію, гдѣ они утверждались довольно подробно въ законѣ Божіемъ. Священникъ употреблялъ съ ними ежедневно до 6 часовъ, объясняя имъ подробно пространный катихизисъ, св. исторію, въ особенности же Божественную литургію, и заставлялъ затверживать паизустъ утреннія и вечернія молитвы и прочія употребительнѣйшія. По вечерамъ дѣти упражнялись въ пѣніи. Въ 1849 г. были первые конфирманты въ числѣ до 75 чело-вѣкъ. Черезъ такое упражненіе въ церковномъ пѣніи на конфирмаціи и въ школахъ дѣти порядочно научались пѣть, такъ что въ церкви при богослуженіи пѣли всею церковью. Въ мартѣ мѣсяцѣ ежегодно производились испытанія въ школахъ, въ приходской въ присутствіи благочиннаго: въ вспомогательныхъ—въ присутствіи мѣстнаго священника. Окончившимъ въ приходской школѣ съ успѣхомъ ученіе, выдавались аттестаты за подписью благочиннаго и мѣстнаго священника. Иные изъ этихъ дѣтей были допускаемы къ прохожденію должности причетниковъ и сельскихъ наставниковъ. Имъ давались книги духовно-нравственнаго содержанія. Для обученія дѣтей служили слѣдующія руководства: начатки христіанскаго ученія и краткая священная исторія, переведенная на латышскій языкъ нѣсколькими изданіями; новый завѣтъ; молитвословъ латышскій, изданный нѣсколько разъ, букварь латышско-русскій, изданный въ 1845 году въ Ригѣ, сочиненія преосвященнаго Тихона, епископа воронежскаго, училище благочестія, издававшееся съ 1837 г. при рижской духовной семинаріи на русскомъ и латышскомъ языкахъ, нотный краткій обиходъ и арифметика на латышскомъ языкѣ по руководству Терауда. Въ послѣднее время, именно съ 1860 г. въ приходской школѣ, преподавались нѣкоторые географія, по руководству физическихъ книгъ и ландкартъ митавскаго настая Шулце, начатки естествознанія по книгѣ настая Штендера, называемый „*Handa gudribas grafinata*“ и латышской грамматики, по руководству настая Браже.

10. О числѣ хозяевъ въ приходѣ и сборахъ съ нихъ въ пользу лютеранскаго духовенства.

Съ открытіемъ эйхенангернскаго прихода въ 1846 г. не много было домохозяевъ въ приходѣ; число ихъ не превышало 30-ти дворовъ, да и тѣ были люди не съ большимъ достаткомъ, за исключеніемъ одного астонца въ кодранской волости, хозяина двора Струге, Ивана Типса. Вслѣдствіи, когда нѣкоторыя мызы были отчислены при возникновеніи новыхъ приходовъ, число хозяевъ стало еще менше. Оно сократилось до 20-ти. Такъ какъ хозяева были большею частію

люди бѣдные и участки земли ихъ были жалкіе, то они имѣли мало завистниковъ, которые бы помогали лишить ихъ участковъ. Впрочемъ, было до 10 случаевъ, когда православные хозяева были изгнаны изъ своихъ участковъ за православную вѣру, и на ихъ мѣста поселены лютеране. Это происходило потому, что православные домохозяева высочайше были освобождены отъ взносовъ и работъ въ пользу лютеранскаго духовенства, кироу и шкоу. Невыгодно было мызникамъ предоставлять такимъ лицамъ пользоваться землею, потому то имъ и отказывали подъ инымъ какимъ либо предлогомъ. А когда они, изгнанные, искали гдѣ либо себѣ хозяйства, то ихъ спрашивали: какой те вѣры? И когда узнавали, что православной, то отказывали, говоря „пѣть у насъ земли для тебя.“ Чтобы избавиться отъ такой бѣды, иные соглашались нести всѣ повинности въ пользу лютеранскаго духовенства, кироу и шкоу, чтобы добыть только хозяйство. Иногда за это обязательство они получали хозяйство, неся благодушно возложенный на нихъ оброкъ. Такимъ образомъ хозяева увеличились въ приходѣ, но число ихъ и нынѣ, въ 1869 г., не превышаетъ 25. Когда обязавшіеся нести повинность въ пользу лютеранскаго духовенства, приходили на лютеранскую церковную работу, то лютеране, смѣясь говорили такимъ „что вы, русскіе, лезѣте на наши работы, или хотите опять въ лютеранство?“ и прочимъ образомъ всячески насмѣхались надъ ними. Рассказываютъ, что горько было имъ терпѣть эти насмѣшки. Вслѣдствіе донесенія священникомъ Андреемъ Поляковымъ архіепископу Платону о незаконныхъ сборахъ съ православныхъ въ пользу лютеранскаго духовенства и пр., въ 1865 г. 27-го октября былъ командированъ въ приходъ генералъ-губернаторомъ графомъ Шуваловымъ, чиновникъ особыхъ порученій, надворный советникъ Павелъ Николаевичъ Гинзельбергъ, вѣмецъ по происхожденію, но человекъ безпристрастный. Ему было поручено въ присутствіи мѣстнаго священника изслѣдовать и допросить православныхъ хозяевъ, вносятъ ли они повинности въ пользу лютеранскаго духовенства и пр.? Съ этимъ господиномъ пришлось мнѣ, свящ. Полякову, по предписанію своего начальства, объѣздить нѣсколько мызъ прихода и употребить на это три дня и проѣздить денегъ до шести рублей сер. Къ счастью моему донесеніе мое подтвердилось. вездѣ хозяева православные показали, что они вносятъ эти повинности, потому что безъ этого не могли получить и хозяйства. Чиновникъ упрекалъ помѣщиковъ за нарушеніе высочайшей воли, а они отвѣчали, что ничего и знать не знаютъ и вѣдать не вѣдаютъ, и всю вину сваливали на волостные суды и на лютеранскихъ формидеровъ. Не лишне здѣсь описать нѣкоторые эпизоды по этому случаю.

Когда въ Бауэнгофѣ помѣщикъ Гинзель отказывался невѣдѣніемъ по этому сбору, и вваливалъ вину на волостныхъ судей, то были позваны судьи и формидеры къ отвѣту. Судья, будучи крестъ-

явивъ и латышемъ по происхожденію, началъ ломанымъ нѣмецкимъ языкомъ произносить съ чиновникомъ разговоръ, прося его на единѣ поговорить съ нимъ, предполагая, что я ничего не понимаю изъ нѣмецкаго языка. Чиновникъ, предъ которымъ, впрочемъ я не заявлялъ о знаніи своемъ по нѣмецки, смутился, покраснѣлъ и сказалъ „у меня съ тобой не должно быть никакихъ тайнъ; говори что знаешь при всѣхъ открыто“. Тогда импровизованный нѣмецъ началъ „они, т. е. припосланные хозяева, добровольно несутъ лютеранскія церковныя повинности; они посѣщаютъ нашу церковь.“ Чиновникъ возразилъ „на то высочайшая воля, чтобы не принимать отъ нихъ эти повинности, еслибы они ихъ и добровольно предлагали.“

Помѣщикъ Гинзель не принималъ отъ чиновника 1 р. 50 к., слѣдующихъ отъ него крестьянамъ его прогонныхъ, но чиновникъ, не захотѣвъ воспользоваться этимъ подаркомъ и требовалъ, чтобы помѣщикъ принялъ деньги.

Въ Альтъ-Оттенгофѣ и Царнау чиновникъ нашелъ, что даже и въ контрактахъ, заключенныхъ между помѣщикомъ и православными хозяевами, были включены противозаконныя условія относительно несенія повинностей въ пользу лютеранскаго духовенства, школъ и кирокъ. Эти контракты были чиновникомъ переданы мѣстному приходскому судѣ, пуйтельскому помѣщику фонъ Клоту, утвердившему контракты съ тѣмъ, чтобы противозаконныя пункты о налогѣ въ пользу лютеранскаго духовенства были уничтожены. Когда я съ чиновникомъ пріѣхали ночью въ 2 часа, 28-го октября 1865 г., на мызу Вильзенгофъ, то чиновникъ, узнавъ, что я знакомъ съ управляющимъ, просилъ меня показать домъ его и попросить ночлега. Я, рассчитывая на знакомство съ управителемъ, пошелъ въ домъ его. Вхожу на крыльцо, пытаюсь отворить первыя двери, двери оказываются не запертыми; я вхожу, иду во внутреннія помѣщенія, стучу по принятому обычаю въ двери, прося этимъ позволеніе войти, отвѣта нѣтъ; но изъ окна видѣнъ тусклый огонекъ. Рѣшаюсь отпереть дверь, отпираю и вхожу въ залъ. Вижу въ противоположной комнатѣ тѣнь человѣка, спрашивающаго: Кто здѣсь? Отвѣчаю, кто я, и прошу ночлега; но къ изумленію своему получаю отрицательный отвѣтъ мнѣ и моему спутнику, посланнику генераль-губернатора, предлагають искать ночлега въ корчмѣ, въ разстояніи одной версты отъ мызы, оказавшейся смрадною, нечистою берлогою, гдѣ никакъ пельзя было ночевать порядочному человѣчу. Мы вынужденными нашлись отправиться ночью до моего дома, чтобы нѣтъ ночлегу. Чиновникъ написалъ управителю отношеніе, требуя, чтобы онъ съ своими православными крестьянами-хозяевами и судьями на утро пріѣхалъ въ эйхенангерскій церковный домъ. Но управитель Лемке, нашелъ возможность не исполнить это требованіе, объявивъ чрезъ

одного крестьянина о своемъ нездоровьѣ, и крестьянъ не прислать, подѣлать предлогомъ, что ихъ-де нѣтъ дома. А мнѣ велѣлъ сказать чрезъ председателя мірскаго эйхенангерскаго суда. Петерсона, что онъ, управляющій, полагая, что воры забрались въ его домъ, хотѣлъ выстрѣлить и можетъ быть застрѣлить бы меня, еслибы я не откликнулся на его вопросъ. Ибо, какъ только я вошелъ въ дверь, онъ схватилъ ружье и навелъ курокъ съ вопросомъ, кто здѣсь! Услышавъ знакомый голосъ, онъ отставилъ ружье въ сторону. Въ церковный домъ были собраны эйхенангерскіе православные хозяева, для отобранія показанія относительно несенія или повинностей въ пользу лютеранскаго духовенства. Всѣ, кромѣ одного, показали, что они повинности несутъ, а одинъ, именно Цируль (корчмаръ), несшій также повинности, отвѣтилъ, что повинности никакой въ пользу лютеранскаго духовенства не несетъ. Спрашиваемые судьи слагали отвѣтственность другъ на друга, въ числѣ ихъ былъ одинъ лютеранскій формидеръ, собиравшій самъ цыплятъ для пастора и разный хлѣбъ и отъ православныхъ хозяевъ, отпирался предъ чиновникомъ, и какъ то проговорился (предъ чиновникомъ), что вынудилъ чиновника сказать ему „замолчи, я вижу по твоимъ глазамъ и по твоему лицу, что ты лжешь!“

По окончаніи слѣдствія въ отсутствіи чиновника, спросилъ я православнаго хозяина Цируля, зачѣмъ онъ утаилъ о томъ, что несетъ повинности? Тотъ отвѣчалъ, „повѣрьте, изъ этихъ розысковъ ничего хорошаго не будетъ для православныхъ хозяевъ. Лучше молчать и остаться на своемъ мѣстѣ, нежели показывать и быть выгнаннымъ.“ И въ самомъ дѣлѣ, слова Цируля отчасти оправдались, а крестьяне, православные хозяева, опять начали нести всѣ повинности въ пользу лютеранскаго духовенства и прочее. только съ тою разницею, что теперь дѣкоторые опасаются на то приносить жалобы. . .

Разговаривая съ чиновникомъ, и пріѣхавъ на мызу Куддьянъ, я указывалъ ему на суету хозяина, любезный пріемъ и угощеніе, присовокупляя, что при всемъ этомъ угощеніи, мы должны быть безпристрастны, а это тяжело. „Да, сказалъ чиновникъ, намъ надо дѣлать свое дѣло. Но скажите, къ чему здѣсь православіе? Развѣ здѣсь не было водворено христіанства; развѣ народъ не былъ воспитанъ лучше нежели въ Россіи? Вы жаждете цивилизаціи, жаждете миссіонерства, прошу покорно обратиться въ Сибирь. Тамъ вамъ огромнѣйшее поле дѣятельности. Просвѣщайте черемисовъ, тунгусовъ, татаръ, башкиръ и прочихъ; распространяйте цивилизацію и христіанство въ Азіи, подвластнымъ вамъ народамъ, но оставьте этотъ край въ покоѣ, онъ цивилизованъ достаточно и безъ васъ.“

II. Объ отмѣнѣ подписокъ, даваемыхъ лицами лютеранскаго исповѣданія, вступающими въ св. бракъ съ православными, и о печальномъ послѣдствіи для православія отъ этой отмѣны.

Въ 1862 году архіепископъ рижскій и митавскій Платонъ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ для засѣданія въ св. синодѣ. Тамъ засѣдалъ этотъ архіепископъ въ теченіи трехъ лѣтъ. Многого ожидало духовенство рижской епархіи отъ представительства своего архіерея въ Петербургѣ, но ожиданія его неоправдались. Въ 1865 году въ іюлѣ мѣсяцѣ послѣдовало предписаніе, по высочайшему повелѣнію отмѣнено отобраніе подписокъ отъ вступающихъ въ бракъ лютеранъ съ православными, коими инновѣрцы обязывались крестить и воспитывать дѣтей своихъ въ православіи. Этимъ распоряженіемъ воспользовались враги православія и по всѣмъ волостямъ немедленно созывались или сходы крестьянъ, которыми отъ имени мѣстной высшей власти было объявлено, что съ этого времени всякій имѣетъ право крестить дѣтей своихъ въ той вѣрѣ, въ какой самъ пожелаетъ. Латыши, утомленные гоненіями и насмѣшками инновѣрцевъ, воспользовались этою новостію и стали дѣтей своихъ крестить въ лютеранство, не только отъ смѣшанныхъ, но и отъ простыхъ браковъ, гдѣ родители оба принадлежали къ православному исповѣданію.

Съ 1866 года крещеніе младенцевъ въ православіе въ эйхенавгерскомъ приходѣ начало ослабѣвать и годъ отъ году число крещеныхъ младенцевъ уменьшалось, что видно изъ слѣдующей справки. Въ 1860 г. состояло родившихся обою пола 87 лицъ; въ 1861 г. 94 л.; въ 1862 г. 101 л.; въ 1863 г. 98 л.; въ 1864 г. 90 л.; въ 1865 г. 89 л.; тогда какъ въ 1866 г. оно упало на 55 лицъ; въ 1867 г. 66 л.; 1868 г. 50 лицъ.

Съ того же 1866 г., годъ отъ году, стало менѣе являться къ исполненію христіанскаго долга исповѣди и св. причастія. Такъ, въ 1865 году, изъ 1186 прихожанъ, оказалось небывшихъ у исповѣди 71 лицо; въ 1867 г. изъ 1213 прих., 157 лицъ; въ 1868 г. изъ 1213 прих., 191 лицо; въ 1869 г. изъ 1207 прих., 234 души.

Но въ другихъ сосѣдственныхъ приходахъ, какъ слышно, православная церковь еще болѣе пострадала отъ лютеранской пропаганды. Такъ изъ Д-ской волости всѣ православные поголовно совращены въ лютеранство. Съ 1865 г. пасторы повели свою пропаганду противъ православія. Когда возрастало православіе и желательны были смѣшанные браки, т. е. когда лицо православное вступало въ бракъ съ лютераниномъ, тогда пасторы принимали всѣ мѣры къ недопущенію такого союза и различными стѣсненіями, убѣжденіями и проводочками достигали своей цѣли. Въ эйхенавгерскомъ приходѣ имъ удавалось иногда не допускать смѣшанныхъ браковъ, но иногда прещенія ихъ оканчивались тѣмъ, что нововѣрное лицо тѣснимое на-

сторонъ, присоединялось къ православію. Такъ въ 1858 году, когда присоединеніе къ православію почти прекратилось, въ одну осень до 9 человекъ, вступившихъ въ бракъ съ православными, присоединились къ православію.

Съ 1865 г. по отношенію къ смѣшаннымъ бракамъ, пасторы перемѣнили свою тактику, и стали дѣйствовать на оборотъ. До этого времени, они старались препятствовать къ заключенію смѣшанныхъ браковъ, но съ сего времени усиливались способствовать такимъ союзамъ. Для православія такіе союзы были уже не только не желательны, но положительно вредны. Ибо православные вступившіе въ бракъ съ иновѣрными, за рѣдкими исключеніями, крестили дѣтей своихъ въ лютеранство, потому что подписками не были обязаны къ крещенію и воспитанію дѣтей своихъ въ православіи.

Священники, теперь, принявъ ту тактику, которою сначала пользовались пасторы, они не хотѣли совершать браковѣнчаній безъ отобраній подписокъ въ крещеніи и воспитаніи дѣтей въ православіи, но были къ этому принуждены высшею властію. Многие приходы, напримѣръ, лемзальскій, эйхенагерскій, колбергскій, уббенормскій и прочіе, посылали своихъ депутатовъ въ 1866 году въ Ригу къ архіепископу и генераль-губернатору съ прошеніями о томъ, чтобы не допускать смѣшанныхъ браковъ безъ отобранія подписокъ въ крещеніи и воспитаніи въ православіи дѣтей, но это было напрасно. Напрасно многіе священники заявляли, что вѣнчать смѣшанные браки, безъ отобранія подписокъ, противно положенію 4-го вселенскаго собора, правила котораго никѣмъ неотмѣнены, но и это не имѣло никакого успѣха. Пѣкоторые священники еще вѣсколько времени уклонялись отъ совершенія такихъ браковъ, но, преслѣдуемые жалобами за неповиновеніе высочайшей волѣ, были вынуждены совершать оные, дѣлая это, противъ своей совѣсти, изъ страха, чтобы не лишиться мѣста, такъ какъ, наконецъ, этимъ начали угрожать имъ. Такія угрозы, изложенныя въ запискѣ архіепископа Платона, понудили священниковъ покориться и со стѣсненнымъ сердцемъ совершать смѣшанные браки.

Но не всѣ, однакожъ, покорились и слушались. Записскій священникъ, Ананія Дексисъ, несмотря на многократныя просьбы, прещенія и угрозы, рѣшительно отказался отъ безусловнаго совершенія смѣшанныхъ браковъ. На вопросъ архіепископа почему безусловно не совершаетъ смѣшанныхъ браковъ? онъ формально отвѣчалъ, что, такъ какъ такіе браки противны правиламъ 4-го вселенскаго собора, положенія котораго никѣмъ отмѣнены не были, то и онъ, священникъ, не можетъ вопреки этимъ правиламъ совершать безусловно смѣшанныхъ браковъ. Говорить, что архіепископъ Платонъ, прочитавъ такое донесеніе, позвалъ оное членамъ консисторіи, сказавъ .. судите

священника Дексниса за ослушаніе.¹⁴ Члены консисторіи отказались произнести свой судъ, представляя оный архіепископу, который будто бы, отозвался такъ „и не могу судить его.“ И священникъ Декснисъ, доселѣ 1869 г. священствуя въ записскомъ приходѣ, не совершилъ смѣшанныхъ браковъ.

Захвативъ съ собою сей замѣчательный отзывъ священника Дексниса и множество прошеній депутатовъ, присланныхъ отъ имени прихожанъ рижской епархіи, просившихъ объ отмѣнѣ смѣшанныхъ браковъ, архіепископъ Платонъ отправился въ С.-Петербургъ, дабы ходатайствовать о томъ предъ св. синодомъ и государемъ императоромъ, но и это было напрасно.

Впрочемъ, всѣ усилія священниковъ, къ несовершенію безусловно смѣшанныхъ браковъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, бесполезны, потому что многіе и отъ простыхъ браковъ, гдѣ обѣ половины православныя, крестятъ дѣтей своихъ въ лютеранство.

Пасторы день отъ дня распространяютъ свою пропаганду, уловляя православныхъ въ лютеранство. Такъ, сначала они начали допускать православныхъ къ приобщенію, записывая ихъ бытность у исповѣди и причастія уже послѣ совершенія самаго дѣйствія, подъ тѣмъ предлогомъ, что якобы православные — отступники, безъ ихъ вѣдома, приступали къ причастію; между тѣмъ какъ стоустая молва говоритъ, что пасторы, явившихся предварительно къ нимъ, для записи къ исповѣди и причастію, научали записываться послѣ совершенія надъ ними сего дѣйствія.

Сначала пасторы сами не крестили дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ, но записывая родившихся младенцевъ отъ смѣшанныхъ браковъ, поручали это дѣло сперва простымъ прихожанамъ своимъ, потомъ формидерамъ, или церковнымъ попечителямъ и школмейстерамъ; наконецъ и сами начали совершать таинство крещенія надъ младенцами отъ смѣшанныхъ браковъ. Недовольствуясь этимъ, пасторы начали записывать о рожденіи младенцевъ и отъ простыхъ браковъ, сообщаемыхъ имъ тѣми православными родителями, которые желали крестить и воспитывать дѣтей своихъ въ лютеранствѣ. Записавъ эти требы, они предоставляютъ этимъ родителямъ искать какого либо лютеранина или формидера, который бы согласился окрестить младенца. Окрещенный такимъ образомъ, чрезъ шесть недѣль приносится матерью въ кирку и пасторъ воцерковляетъ младенца, рожденного отъ православныхъ родителей.

Пасторы принимаютъ и на конфирмаціи православныхъ дѣтей; прослушиваютъ таковыхъ въ законѣ Божіемъ, принимаютъ въ свои школы и распориваются отступившими отъ православія, какъ будто уже принадлежащими къ лютеранству. Случались изрѣдка обращенія отступниковъ къ православію и миропомазаніе младенцевъ незаконно-окрещенныхъ въ лютеранство, но причины этихъ случаевъ, болѣею

частью истекали не изъ религиозныхъ потребностей. Пропарганда пасторовъ, яи кѣмъ неудержимая, распространяется не только на коренныхъ латышей и эстовъ, но и на коренныхъ русскихъ — православныхъ. Такъ, въ 1867 году, одна дѣвица, рожденная отъ коренной русской православной матери и нѣмца отца, совращена въ лютеранство, принята аллендорфскимъ пасторомъ на конфирмацію, а затѣмъ приобщена таинства еucharistии. А мать этой дѣвицы въ 1867 г., послѣ кончины своей, маттѣйскимъ пасторомъ Молтрехтомъ отиѣта и погребена по лютеранскому обряду на лютеранскомъ маттѣйскомъ кладбищѣ.

Какъ бы въ огражденіе себя отъ отвѣтственности, пасторы принимали отступниковъ православія въ причастію, какъ будто по невѣдѣнію, записывая какъ выше было сказано, по совершеніи надъ ними дѣйствій, но въ настоящемъ въ 1869 г. и пропшомъ 68 г., они принимали въ исповѣтіи и причастію уже завѣдомо.

Такъ, аллендорфскій пасторъ Мейеръ, въ 1869 г., по приглашенію одной большой отступницы, исповѣдалъ и причастилъ ее на одрѣ болѣзни, а уббенормскій пасторъ Аунинъ сдѣлалъ тоже въ уббенормскомъ приходѣ надъ православнымъ отступникомъ. На вопросъ приходскаго священника объяснить ему на какомъ основаніи совершилъ это, пасторъ Аунинъ, officialною бумагою подтвердилъ свои дѣйствія, выразивъ это въ слѣдующемъ вопросѣ. „чтобы вы, какъ служитель Иисуса Христа сдѣлали, еслибы умирающій пригласилъ васъ преподать ему послѣднія утѣшенія Евангелія?“ Не было еще доселѣ примѣра въ эйхенангерскомъ приходѣ, чтобы пасторъ повѣнчалъ смѣшанный бракъ. Но были примѣры тому, что отступники, желавшіе вступить въ бракъ съ лютеранами, — были пасторомъ безъ вѣдома моего оглашены въ киркѣ, и одна пара повѣнчана на дому мѣряниномъ лютераниномъ, сельскимъ учителемъ Яковомъ Лисманомъ въ 1868 г. Объ этомъ безобразіи сообщено мною вольмарскому ордунагсгерихту, который изслѣдовавъ это дѣло, какъ видно изъ отношенія оного ко мнѣ, препроводилъ для дальнѣйшаго разбирательства въ рижскій ландгерихтъ. Въ настоящее время неповѣнчанныхъ ни въ церкви, ни въ киркѣ, въ эйхенангерскомъ приходѣ существуетъ четыре пары, о трехъ послѣднихъ сообщено вольмарскому ордунагсгерихту; о сожителствѣ одной пары, неповѣнчанной по причинѣ роства и живущей около шести лѣтъ беззаконно, въ свое время сообщено епархіальному архіерею.

Вотъ тѣ послѣдствія отиѣвы поднисокъ, отбравшихся отъ лицъ иновѣрныхъ, вступавшихъ въ бракъ съ лютеранами! О беззаконныхъ дѣйствіяхъ пасторовъ неоднократно было доносимо епархіальному начальству, но все это оставалось только гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Видя, что доношенія остаются безъ послѣдствій, я спрашивалъ лично въ 1869 г. управляшаго рижскою епархіею, епископа

Веніаміна. Его пресвященство такъ отзывался мнѣ. „Имѣю до ста пятидесяти дѣлъ, по поводу пропаганды пасторовъ; докладывалъ объ нихъ кому слѣдуетъ, прося объявить мнѣ. смотрѣть ли на это, какъ на свободу вѣроисповѣданія, а если свобода вѣроисповѣданій не существуетъ, то просилъ удержать пасторовъ отъ посягательствъ на совращеніе православныхъ. На оба эти представленія получены отъ вѣты высшей власти: „Нельзя.“ Значитъ воспретить пропаганду нельзя, и обнародовать свободу вѣроисповѣданій нельзя.“ Въ такомъ то печальномъ и неопредѣленномъ положеніи находится въ краѣ сего православіе, и только одному Богу извѣстно, чѣмъ все это кончится. Епархіальное начальство, будучи не въ силахъ уничтожить сего зла, предписаніемъ мѣстнаго благочиннаго отъ 28-го сентября сего 1869 года за № 921, издало циркуляръ слѣдующаго содержанія: „Сияю даю знать вамъ, о. Андрей, къ руководству содержаніе указа рижской духовной консисторіи отъ 24-го сентября за № 4903. Одины изъ благочинныхъ рижской епархіи входилъ съ представленіемъ къ архиепископу слѣдующаго содержанія: Вашему преосвященству извѣстно, что лютеранская пропаганда употребляетъ всевозможные способы къ совращенію православныхъ въ иновѣріе. Православные приходы съ каждымъ годомъ сокращаются въ числѣ, вслѣдствіе крещенія младенцевъ въ лютеранство, вѣнчанія браковъ иновѣрцами, принятія пасторами православныхъ къ причащенію, заманиванія въ лютеранскія школы православныхъ дѣтей и пр. Священники протестовали и протестуютъ противъ такого беззаконнаго образа дѣйствій со стороны лютеранской пропаганды, доносили и доносятъ о такомъ беззаконіи епархіальному начальству, которое въ свою очередь безъ сомнѣнія, жалуется на это гражданскому начальству; но благихъ результатовъ православное духовенство не видитъ и совращеніе православныхъ по прежнему продолжается. А такъ какъ рижское петропавловское братство, для достиженія въ своей цѣли служить нуждамъ и пользамъ православныхъ церквей и приходовъ въ прибалтійскомъ краѣ, поставляетъ себѣ въ обязанность заботиться, между прочимъ, и о сохраненіи православной церкви отъ всякаго посягательства на ея права со стороны иновѣрцевъ и на совращеніе ими православныхъ (ст. 82 уст. Риж. Брат.) то представляется полезнымъ, чтобы священники независимо отъ допесеній епархіальному начальству о противозаконныхъ дѣйствіяхъ лютеранской пропаганды, доводили объ нихъ до свѣдѣнія братства, прося его помощи. Братство или нѣкоторые члены онаго, братчики, о такихъ беззаконіяхъ иновѣрцевъ могутъ доводить, путемъ печати, до свѣдѣнія русской публики, приказали. Такъ какъ цѣль рижскаго петропавловскаго братства состоитъ въ томъ, чтобы служить нуждамъ православія въ здѣшнемъ краѣ и заботиться объ охраненіи православной церкви отъ всякаго посягательства на права ея со стороны иновѣрцевъ и совращенія ими православныхъ;

а братство, какъ въ обществѣ своемъ составѣ, такъ и чрезъ отдѣльных членовъ, дѣйствительно служить нуждамъ и пользѣ православія въ здѣшнемъ краѣ, чрезъ доведеніе свѣдѣній о положеніи православныхъ въ здѣшнемъ краѣ до лицъ и учреждений, ревнующихъ о православіи и словомъ и дѣломъ, то дозволить священникамъ сообщать братству нужды своихъ церквей и особенныя для церквей случаи въ своихъ приходахъ, но съ тѣмъ, чтобы о такихъ случаяхъ всегда доносило было предварительно епархіальному начальству, и чтобы отъ братства не требовали и не ожидали удовлетворенія, если таковыя удовлетворенія сами собою не будутъ сдѣланы братствомъ. Объ этомъ дать знать благочиннымъ рижской епархіи для объявленія подвѣдомственному духовенству...

12. О замѣчательномъ обзорѣнн рижскимъ архіепископомъ, преосвященнѣйшимъ Платономъ, рижской епархіи въ іюнь и іюль мѣсяцахъ 1864 года.

Обзорѣніе архіепископомъ Платономъ рижской епархіи лѣтомъ 1864 г., какъ выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, весьма замѣчательно. Еще весною въ 1864 г. свѣтскія власти лифляндской губерніи довели до государя императора, что яко бы латыши и эсты, недовольные православіемъ, хотѣли бы назадъ въ лютеранство, а поэтому якобы воллукуются. Въслѣдствіе сего правительствомъ былъ командированъ въ эстлянь графъ Бобринскій, дабы разузнать о причинахъ неспокойнаго состоянія эстовъ.

Эстляндскій помѣщикъ, графъ Сиверсъ, сказывалъ мнѣ, что по приѣздѣ графа Бобринскаго въ эстонскій край, онъ встрѣченъ былъ толпами недовольныхъ правительствомъ эстовъ, которые громко заявляли желаніе перейти обратно въ лютеранство. Причиной такого перехода они выставляли то, что будто бы отцы ихъ, изъ за земныхъ выгодъ, приняли православіе, но что, не получивши оныхъ, они желали бы перейти въ прежнюю вѣру — лютеранство. При этомъ, они будто бы указывали, что имъ въ православіи надобно нести большія повинности и налоги и терпѣть разныя невыносимыя невзгоды. Таковы были слова графа Сиверса.

При личномъ свиданіи, эйхенангерскій священникъ Андрей Поляковъ осмѣлился спросить у архіепископа Платона, правда ли то, что по прибытіи изъ Эстляндіи графа Бобринскаго, былъ учрежденъ совѣтъ, на которомъ присутствовали: самъ государь императоръ Александръ II, архіепископъ Платонъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ и оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода? На совѣтѣ этомъ якобы было положено уволить недовольныхъ православіемъ латышей и эстовъ въ лютеранство. Всѣ были согласны, но архіепископъ

Платонъ, будто бы, не изъявилъ на то своего согласія, прося у государя императора позволеніе отправиться въ свою епархію (архіепископъ присутствовалъ тогда въ святѣйшемъ синодѣ), чтобы лично убѣдиться въ справедливости неусдовольствія латышей и ястовъ на православіе. Архіепископъ, несмотря на шекотливый вопросъ священника, отвѣчалъ ему утвердительно. Получивъ дозволеніе, архіепископъ Платонъ, по приѣздѣ въ Ригу, отправился по епархіи, посѣтивъ 10-го іюня 1864 года г. Лемзаль. Еще до поѣздки своей по епархіи, преосвященный циркуляромъ, чрезъ благочинныхъ, сообщилъ священникамъ, что въ предстоящее обозрѣніе имъ епархіи его будетъ всюду сопровождать, кромѣ обычнаго маршъ-комисара, еще значительный высшій сановникъ земской полиціи (ордунггерихтеръ).

Вечеромъ 10-го іюня 1864 г., пишущій строки сии, священникъ Поляковъ, командированный пачальствомъ, вмѣстѣ съ мѣстнымъ лемзальскимъ священникомъ Стефаномъ Меньшиковымъ, перингельскимъ священникомъ Іоанномъ Доронымиъ, въ присутствіи мѣстнаго вольмарскаго благочиннаго, протоіерея Павла Коновотина, и венденскаго благочиннаго, протоіерея Іоанна Поспѣлова, встрѣтили въ лемзальской церкви своего маститаго архипастыря. При обычномъ приѣмѣ, его высокопреосвященству была предложена квартира городомъ, отъ имени котораго является чиновникъ съ приглашеніемъ. Тутъ же присутствовалъ высшій чиновникъ земской полиціи баронъ Крихнеръ, но архіепископъ соизволилъ принять ночлегъ въ домѣ лемзальскаго священника Меньшикова.

Такъ какъ его высокопреосвященству благоугодно было на другой день, 11-го іюня, совершить литургію въ лемзальской церкви, то, для сослуженія ему вмѣстѣ съ протоіереемъ Поспѣловымъ, былъ назначенъ и священникъ Поляковъ, которому, кромѣ того, архипастыремъ поручено состоять при немъ переводчикомъ. При бесѣдѣ архипастыря съ прихожанами не только въ лемзальской, но и въ уббеноржской, залеской и вольмарской церквахъ, въ которыхъ и сослужествовалъ архипастыря священникъ Андрей Петровъ Поляковъ.

Такъ какъ преосвященный 11-го іюня 1864 г. служилъ въ г. Лемзалѣ литургію и предположено было со славою ввести его въ церковь, то эйхенангерскій священникъ Поляковъ, какъ сослужащій, по совершеніи проскомидіи, въ полномъ облаченіи, неся на блюдѣ святыи крестъ, въ сопровожденіи архіерейскихъ пѣвчихъ, протодіакона Торопогрицкаго, синодіаконовъ и прочаго клира, отправился въ квартиру архіепископа, для препровожденія. При обыквой встрѣчѣ архипастыря, облаченнаго въ мантию, началось шествіе по городу отъ дома священника до церкви. Благоугодно прекрасная паружность архипастыря въ мантии, облаченія прочаго клира, священное пѣніе пѣвчихъ, песеніе св. креста, позвенныя свѣтильники, куреніе опміама, колокольный звонъ, улицы покрытыя множествомъ народа, — все это при-

давало самый торжественный видъ сему шествію. По совершеніи литургіи, архипастырь, разоблачившись и надѣвъ мантию съ жезломъ въ рукахъ, вышелъ на амвонъ и къ продолженію двухъ часовъ бесѣдовавъ съ прихожанами, передавая свои слова чрезъ передодчика.

Много поучительнаго было сказано архипастыремъ лемзальскимъ прихожанамъ, такъ что всего сказаннаго я не запомню, но что запомнилъ, то передаю сей бумагѣ.

Бесѣда архипастыря основывалась на томъ, чтобы православные жили по православному. Какъ имъ держать себя въ отношеніи къ иновѣрцамъ, какъ исповѣдывать и любить свою вѣру: какъ любить Бога и государя, покровители православной церкви; какъ иногда надобно терпѣть, памятуя о терпѣніи апостоловъ и прочихъ людей первыхъ вѣковъ христіанства, которые были также подобострастные люди, но которые со смиреніемъ и долготерпѣніемъ много терпѣли, потому что въ настоящей жизни страданія неизбѣжны.

Всѣмъ, даже и высоко поставленнымъ людямъ, приходится иногда терпѣть и переносить страданія, такъ и намъ, пока находимся на землѣ, для полученія совершеннаго блаженства, пужно терпѣть и переносить разныя напасти. Былъ юнымъ я и состарѣлся, такъ говоритъ святой Давидъ, и не видать праведника, оставленнаго и просящаго хлѣба. Такъ и васъ, продолжалъ архипастырь, не оставитъ Богъ и правительство; только окажитесь достойными этого пощеченія.

Окончивъ свою бесѣду и вступивъ съ прихожанами въ рѣчь разговорную, архіепископъ спросилъ: „довольны ли они своимъ священникомъ?“ Почти вся церковь отвѣчала утвердительно, но не смотря на это, одинъ изъ прихожанъ громко изъяснилъ свое неудовольствіе на священника за то, что онъ не принимаетъ его ни къ исповѣди, ни къ святому причастію, несмотря на его раскаянія и слезы. Конечно, этого не похвалилъ архіепископъ, тутъ же приказавъ священнику примириться съ своимъ прихожаниномъ.

Послѣ этого прихожанина, послышались къ церкви возгласы: „Отпустите насъ отъ православія, отъ русской вѣры.“ Архіепископъ со спокойствіемъ спросилъ что побуждаетъ ихъ къ отступничеству отъ православія? Иные говорили, что изъ за православной вѣры не могутъ получить ховѣйствъ; другіе, что ихъ изъ за православія гонятъ, унижаютъ. Иные, въ небольшомъ количествѣ возражали, что они не жалуются на иновѣрцевъ, изъ за вѣры ихъ не притѣсняютъ, и сами они православную вѣру не презираютъ, но вѣра эта для нихъ чужда, они не могутъ соблюдать ни постовъ, ни прочихъ обычаевъ этой религіи, что отцы ихъ привели дѣтей своихъ, бывшихъ въ безсознательномъ положеніи въ эту вѣру и проч.

Такъ какъ шумъ въ церкви увеличивался, иные говорили объ одномъ, другіе объ другомъ, третіе заявляли, что охотно желаютъ остаться въ православной вѣрѣ, но просить только защиты отъ на-

вѣрцевъ, нѣмѣ просили, чтобы ихъ отбѣдили отъ лютеранъ; то архіепископъ, дабы прекратить безпорядочный говоръ, исходящій изъ устъ цѣлой тысячи, просилъ прихожанъ успокоиться и не заглушать его рѣчей. Когда тысячеустный говоръ утихъ, то архіепископъ предложилъ прихожанамъ успокоиться и избрать изъ среды своей нѣсколько почетныхъ и довѣрія достойныхъ мужей и поручить имъ во имя цѣлаго прихода, продолжать разговоръ съ архіепископомъ и заявлять по порядку о своихъ духовныхъ нуждахъ. то онъ, архіепископъ, будетъ въ состояніи лучше понять дѣло, и что будетъ въ разговорѣ ихъ достойнымъ пріятія и важнымъ, то будетъ имъ приято во вниманіе, во что будетъ недостойно, то будетъ отвергнуто.

Начались опять разговоры, тогда архіепископъ спокойно произнесъ. „Любезные други мои! Когда я говорю въ церкви, то самъ милостивѣйшій государь меня слушаетъ. за чѣмъ же вы перебиваете рѣчь мою и не даете мнѣ говорить, когда я не только, какъ архипастырь, но и какъ вашъ другъ и гость пришелъ къ вамъ, дабы побесѣдовать съ вами“? Слова эти произвели возжелѣнное дѣйствіе на крикуновъ.

Всѣ испугались и устыдились, и воцарилась въ возмутимая тишина. При семъ не могу не сказать, по замеченію нѣкоторыхъ лицъ, бывшихъ въ церкви лемзальскаго клира, что съ толпѣ кричавшихъ были нѣкоторые лютеране.

Выше сказано, что архіепископъ приглашалъ прихожанъ избрать изъ среды своей, уважаемыхъ и довѣрія достойныхъ мужей, которые бы отъ имени всѣхъ прихожанъ, могли безъ шума бесѣдовать съ архипастыремъ. По сему приглашенію предсталъ предъ архіепископомъ лемзальскій церковный староста, крестьянинъ и датыль по происхожденію, и заявлялъ, что онъ избранъ отъ лица всего прихода бесѣдовать съ архипастыремъ.

Онъ, староста, еще прежде возникновенія шума былъ уполномоченъ бесѣдовать съ архипастыремъ, но по случаю множества народа не могъ исполнить сего порученія и не желалъ и не смѣлъ перебивать словъ архипастыря во время поученія. Выслушавъ церковнаго старосту, архіепископъ чрезъ переводчика спросилъ прихожанъ. „уполномочили ли лемзальскіе прихожане сего человѣка, называющаго себя церковнымъ старостою, отъ имени всѣхъ прихожанъ бесѣдовать съ нимъ, и будутъ ли они бесѣдою своего старосты довольны?“ На эти слова архипастыря по всей церкви раздался единодушный кликъ, подтверждающій согласіе и выраженный такъ. „да, да! мы ему доверяемъ.“

Тогда церковный староста, казавшійся по наружности весьма почтеннымъ, обратился къ архіепископу съ слѣдующею рѣчью:

„Высокоуважаемый архіепископъ и нашъ милостивѣйшій отецъ! Я не въ состояніи предъ вашею честью высказать всего,

чтобы следовало от имени лемзальскихъ прихожанъ; поэтому все-нижайше прошу ваше высокопреосвященство принять отъ меня сію бумагу, въ которой изложено все то, о чемъ лемзальскій православный приходъ поручилъ мнѣ просить ваше высокопреосвященство¹¹. Сказавъ это, староста подавъ бумагу архіепископу Архіепископъ, принявъ бумагу и раскрывъ оную, сказалъ: „Другъ мой! бумагу эту я приму, и что могу исполнить по вашей просьбѣ, то исполню, но всетаки тебѣ слѣдуетъ во всеуслышаніе, хотя вѣрнѣе, въ простыхъ и вѣрныхъ словахъ высказать предъ мною: что, и чего лемзальскіе православные прихожане просятъ въ сей бумагѣ. Говори смѣло и просто, продолжалъ архіепископъ, чего вы желаете?¹² Обнадеженный краткими словами архіепископа, церковный староста продолжалъ. Мы, латыши, вѣрные дѣти своего государя, за своего царя хотимъ стоять до послѣдней капли крови, какъ и все истинно русскіе люди, это сыны латышей, состоя въ русскихъ полкахъ, искони заявили и нынѣ заявляютъ своими дѣлами, воюя за любезное свое отечество и проливая кровь свою.

Желая еще крѣпче соединиться съ возлюбленными императоръ и людьми русскими, великое множество латышей приняло православную вѣру, въ которой и хотимъ охотно пребывать до скончанія жизни. Но мызники поступаютъ съ нами весьма тяжело за принятіе православной вѣры. Если кто изъ православныхъ пожелаетъ получить крестьянскій участокъ, то ему долго, долго приходится искать этого, до тѣхъ поръ пока совсѣмъ не разорится въ отыскиваніи. Если православный приходитъ въ какую либо мызу просить объ отдачѣ крестьянскаго участка, то его прежде всего спрашиваютъ, какой вѣры онъ? и когда узнаютъ, что православной, то ему говорятъ, участка получить въ аренду нельзя.

И такъ, онъ долго можетъ развѣзжать и отыскивать, но по-прежнему получить вышеупомянутый отвѣтъ. А если гдѣ и найдетъ милость и получить участокъ, то его сейчасъ же спрашиваютъ, обяжется ли онъ работать и на лютеранскія церкви и школы и вести повиновости въ пользу лютеранскихъ пасторовъ и школмейстеровъ съ прочими лютеранами, и если, согласится, то получаетъ участокъ. Желая получить въ аренду участокъ, почти все православные хозяева, по неволѣ, соглашаются исполнять сіи условія. Все это очень тяжело и грустно, и становится еще больше отъ ихъ наемѣшекъ, коими осыпаютъ они насъ по этому поводу.

Поэтому просимъ все сіе доложить высшимъ властямъ, что намъ латышамъ, единовѣрцамъ государя, весьма тяжело.

На сію жалобу старосты, архіепископъ, обратясь къ прихожанамъ, спросилъ. „Правда ли то, что высказалъ староста отъ имени лемзальскихъ православныхъ прихожанъ?¹³ На сіе вси церковь громовымъ образомъ отвѣтила: „Вѣрину, сущая правда! Да, да!

Истинно, дѣйствительно такъ!“ „Все сіе, сказалъ архіепископъ, что Лемзальскан церковь, чрезъ своего старосту заявила, я сообщу Лифляндскому генералъ-губернатору, которому всемилостивѣйшимъ государемъ нашимъ ввѣрено начальство надъ сими краемъ, и надѣюсь, что впредь съ вами поступать такъ не будутъ. А что иной разъ вы бываете огорчаемы такъ, или инымъ образомъ, то никто не можетъ отыграть этого, потому что между людьми всюду бываютъ огорченія, земля не небо; на небѣ ангелы, тамъ и совершенный миръ.“

Тѣмъ, которые были изъ другихъ приходоу, напримѣръ изъ пернигельскаго, жаловавшимся на то, что у нихъ нѣтъ въблизи ни церкви, ни кладбища, что въ лачугахъ имъ не нравится пріобщаться св. таинъ, архіепископъ отвѣчалъ, что скоро построятъ для нихъ церковь на тѣ деньги, которыя всемилостивѣйшій государь пожаловалъ на устройство церквей въ Лифляндіи. Когда же нѣкоторые возражали, что они уже довольно долго ожидаютъ постройки церкви, то архіепископъ продолжалъ. „Такое многосложное дѣло, какъ устройство по всей Лифляндіи церквей, — не можетъ быть такъ скоро приведено въ исполненіе. Что дѣлаете вы съ землею прежде чѣмъ пожинаете отъ нея плоды? Вы ее вспахиваете, потомъ боронуете, потомъ опять вспахиваете, опять боронуете, сѣете и опять повторяете вспашку и бороненіе и ожидаете пока произрастятъ плоды, потомъ уже пожинаете плоды. Видите-ли, сколько надо трудиться, чтобы пожать плодъ. И сколько еще прійдется потрудиться, пока вы вкусите плодъ. А вы хотите всего такъ скоро, — всего такъ скоро получить нельзя.“ Прочимъ пернигельскимъ прихожанамъ, числомъ до 40 человекъ, которые заявляли желаніе отступничества отъ православія, говоря, что русская вѣра для нихъ чужда, что въ русской вѣрѣ обряды для нихъ неудобноисполнимы, какъ то, поклоны, посты и пр. и вообще они русской вѣрѣ не научены и ее не понимаютъ, архіепископъ отвѣчалъ. „А лютеранская вѣра знакома вамъ, скажите же мнѣ ученіе лютеранской вѣры?“ Нѣкоторые молча думали и не въ силахъ отвѣтить, сказали „Не знаемъ.“ „Сейчасъ же вы сказали, что православной вѣрѣ не научены и не знаете, а лютеранская вамъ знакома, между тѣмъ не знаете ученіе лютеранской вѣры и сами себя противорѣчите.“ А относительно постовъ, архіепископъ выразился слѣдующее не въ постѣ только состоитъ ученіе вѣры православной. Если у тебя во время поста рѣшительно нѣтъ никакой постной пищи, то тебя не осудитъ церковь, если ты, для утоленія голода, будешь употреблять умѣренно и не постную пищу, хоть бы и мясо, во не ѣшь только мясника. Но если ты, во время поста пмѣешь и постную пищу, но жадаешь ѣсть мясо и прочую, запрещенную въ посту пищу, то не грѣхъ ли тебѣ быть ослушникомъ святой православной церкви, которая, какъ чадолюбивая мать, печется о спасеніи твоей души, стараясь сохранить тебя отъ похотѣнія плоти? Постъ полезенъ, какъ

для души, такъ и для тѣла. Если, иногда и очень часто врачи, желая возстановить здоровье больного, воспрещаютъ ему употребленіе вкусной и жирной пищи и больные покоряются сему человеческому совѣту, то отчего не хотите покориться Богу, который для исцѣленія души, посредствомъ узаконенія святой церкви, желаетъ сохранить души ваши отъ похотѣнія и предписываетъ такія яства, которыя сохраняютъ душу и тѣло отъ вреднаго похотѣнія.⁴⁴ Но это недовольные постомъ, не напился сказать ни одного слова.

„Отцы наши, безъ нашего вѣдома и сознанія ввели насъ въ эту вѣру,⁴⁵“ сказали нѣкоторые

„Отцамъ законъ не возбраняетъ вводить дѣтей своихъ въ ту вѣру, которую сами исповѣдаютъ.“⁴⁶ возразилъ архіепископъ. „Поэтому они вполне законно поступили, присоединивъ насъ къ той вѣрѣ, которую сами исповѣдаютъ. Да и гдѣ видно, чтобы родители, исповѣдывающіе одну вѣру, крестили дѣтей своихъ въ другую или отвергнутую или чуждую? И лютеране и народъ прочихъ исповѣданій всегда воспитываютъ дѣтей своихъ въ той вѣрѣ, къ которой принадлежатъ сами. А еслибы кто сдѣлалъ иначе, тотъ явно показывалъ бы или совершенное безвѣріе, или предпочтеніе той вѣры, которую самъ содержитъ. Вы жалуетесь на родителей, введшихъ васъ въ ту вѣру, къ которой принадлежите сами. Но я уже сказалъ, что они поступили законно и жаловаться на нихъ за это весьма грѣшно. Еслибы это такъ не было, то и мнѣ надобно бы роптать на своихъ родителей за то, что они меня крестили и воспитывали въ той вѣрѣ, къ которой принадлежали и къ которой, по милости Божіей, принадлежу я? Но я за это не сѣкую на своихъ родителей, но благодарю ихъ.“⁴⁷

Иные въ толпѣ, возражали, говоря „Лютеранская вѣра наша старая вѣра, вѣра пращѣловъ нашихъ, поэтому мы хотимъ впасть.“

Архіепископъ отвѣчалъ „Древняя вѣра прапращѣловъ вашихъ была вѣра языческая, но не та, въ которую вы обратитесь желаете. Прапращѣлы ваши были язычники, потомъ сдѣлались католиками, потомъ лютеранами, потомъ православными и опять хотите сдѣлаться лютеранами; скажите на что это похоже? Прислушайтесь, какъ дико звучитъ даже и для уха такая мѣловая торжественная вѣроу?⁴⁸“

Послѣ этихъ словъ водворилась совершенная тишина. Бесѣду свою въ лембальской церкви, продолжавшуюся болѣе двухъ часовъ, утомленный архіепископъ заключилъ слѣдующими словами „Нѣкоторые изъ жалобъ вашихъ основательны, и, какъ заслуживающія вниманія, подлежатъ удовлетворенію, но нѣкоторые жалобы не только не основательны, но и безправственны, потому и не могутъ быть удовлетворены.“⁴⁹

Архіепископъ, благословивъ народъ, вышелъ изъ лембальской церкви, сопровождаемый духовенствомъ, чиновниками и народомъ,

толпившимся около маститаго архипастыря, и всякій старался принять отъ него особое благословеніе и облобызать его руку. Были тысячи, желавшіе получить благословеніе и облобызать руку архипастыря, но чиновники, сострадая утомленному архипастырю, отстраняли назадъ.

Не только самъ архипастырь, но и духовенство, сослужившее ему, было сильно утомлено, а поэтому отдыхъ былъ необходимъ, но не воспользовался онымъ неутомимый архипастырь.

Едва ли юношескому возрасту возможно было такъ бодрствовать, какъ могъ бодрствовать сей старецъ, которому было уже тогда за шестьдесятъ пять лѣтъ. Отдохнувъ не болѣе часа, архіепископъ отправился для обозрѣнія уббенормской церкви, отстоящей отъ Лемзала въ 12-ти верстахъ, пригласивъ и меня въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ сопутствовать ему, въ качествѣ переводчика при бесѣдѣ съ уббенормскими прихожанами. Не могу не передать письменно это приглашеніе архипастыря.

Прежде чѣмъ пригласить меня, архипастырь, какъ мнѣ связывали, спросилъ вольмарскаго орлуунгорихтера, барона Криднера вѣрно ли пересказалъ я лемзальскимъ прихожанамъ слова архипастыря и, получивъ отличную съ этой стороны рекомендацію барона Криднера, архипастырь, позвавъ меня, сказалъ „Вы очень хорошо говорите по латышски, и вѣрно передасте слова мои: поэтому, не желаете ли отправиться со мною въ качествѣ переводчика въ уббенормскую церковь?“ Я отвѣчалъ „Высокопреосвященнѣйшій! вашему высокопреосвященству стоитъ только приказать и я готовъ повиноваться.“ Принявъ благословеніе, я съ лемзальскимъ священникомъ поспѣшилъ отправиться въ уббенормскую церковь, помѣщавшуюся въ крестьянскомъ дворѣ, позендорфской волости, подъ названіемъ Абелитъ. Приближаясь къ этому двору, мы издали увидѣли множество народа, а звонъ колоколовъ возвѣстиялъ намъ, что и архипастырь приближается. Съ трудомъ пробравшись чрезъ толпу народа, мы вошли въ малую хижину, гдѣ помѣщалась убогая уббенормская церковь. Она, не большая, была биткомъ набита народомъ, въ дверяхъ оной стоялъ уббенормскій священникъ, въ полномъ облаченіи, держа св. крестъ, поклоившійся на блудѣ. Отъ непомѣрнаго зноя, какъ священникъ, такъ и народъ обхивались потомъ. Не прошло и минуты, по прибытіи нашемъ, какъ появился высокопреосвященнѣйшій владыко. Приходскій уббенормскій священникъ, при встрѣчѣ, грустнымъ плачевнымъ голосомъ произнесъ рѣчь, въ которой заявилъ, что враги православія окружаютъ церковь; что онъ уже не въ силахъ бороться съ врагами православія, ожидаетъ отъ мудрости архіепископа, какъ себѣ, такъ и прихожанамъ своимъ наставленія и защиты.

По совершеніи обычнаго молитвословія и многолѣтія, архіепископъ пригласилъ народъ выйти съ нимъ изъ крайне тѣснаго помѣщенія церкви, въ которой не только по совершенной тѣсотѣ, но

и потому что большая часть народа находилась вѣ церкви, было неудобно бесѣдовать. И здѣсь, какъ въ Лемзаль, были клочки желанія отступничества. И здѣсь архипастырь увѣщевалъ около двухъ часовъ, подобно тому, какъ и въ Лемзаль. Едва только водворилась нѣкоторая тишина, какъ одинъ изъ народа, сказалъ мнѣ въ этой толпѣ находится диккельнскій лютеранскій пасторъ Нейкинъ (теперь покойный), который до прибытія архіепископа вблизи лежащемъ лѣсу и за заборами и строеніями научалъ юношей кричать предъ архіепископомъ объ увольненіи отъ православія. Тогда и, возвысивъ голосъ, сказалъ архіепископу: „Здѣсь, между православными, какъ сейчасъ сказали мнѣ, находится лютеранскій пасторъ, побуждающій къ отступничеству!“ При семъ нужно сказать, что я уже давно вполнѣ видѣлъ лютеранскаго пастыря Нейкина, стоящаго въ первомъ ряду съ непокрытою головою. Солнце палило сильно, потомъ обдавало всѣхъ: мы, по благословенію архипастыря, стояли съ покрытыми головами, но пасторъ Нейкинъ, во все это время, вмѣстѣ съ прочимъ народомъ, обливался потомъ, такъ что возбуждалъ къ себѣ нѣкоторое сожалѣніе. По докладѣ моемъ архипастырю о дѣйствіяхъ пастора, владыка обратился къ орунунгерихтеру, а тотъ, слыша докладъ мой, сказанный глаголю, бросился въ пастору и подвелъ его къ архипастырю. Пасторъ, какъ было замѣтно, съ большимъ смущеніемъ подошелъ къ архипастырю и, раскланиваясь, началъ извиняться, увѣряя, что онъ никого не возмущалъ къ отступничеству, что онъ пробѣдомъ къ одному изъ своихъ пріятелей, замѣтивъ здѣсь необычайное стеченіе народа, применивъ къ оному и узнавъ отъ него о посѣщеніи архіепископа, желалъ также посмотрѣть и послушать его высокопреосвященство. Преосвященный весьма кротко подавъ руку пастору, сказалъ: „Такъ говорить о насъ!“ Пасторъ, обратись ко мнѣ, сказалъ: „Укажите мнѣ по имени тѣхъ, которые на меня это показываютъ?“ Я возразилъ пастору: „Вы слышите, что говорятъ въ толпѣ, зачѣмъ же мнѣ по имени называть, я ихъ не знаю?“

Орунунгерихтеръ угрожалъ наказаніемъ тѣхъ, которые указывали и объявляли пастора, но архіепископъ, услышавъ это, просилъ барона Кридвера не страшать народъ наказаніемъ на томъ мѣстѣ, гдѣ во имя Христа Спасителя, Книжи мира, происходить бесѣда.

Когда пасторъ въ другой разъ приставалъ ко мнѣ съ вопросами, чтобы показать ему того человека, который обвиняетъ его въ развращеніи православныхъ, то я, въ свою очередь спросилъ его: „Зачѣмъ вы пожаловали сюда? Восемнадцать лѣтъ не было слышно, чтобы лютеранскій пасторъ когда либо присутствовалъ въ церкви православной и находился бы въ собраніи православныхъ.“ Сказавъ это, я обратился къ архіепископу: „Высокопреосвященнѣйшій владыко! Вы управляете всеми православными церквами въ Лифляндіи и Курляндіи; случалось ли вамъ когда либо встрѣчать въ православныхъ

церквахъ и въ кругу прихожанъ своихъ лютеранскаго пастора, объяснившего свое присутствіе такимъ показаніемъ, какое представлять г пасторъ Нейкивъ и въ такое грустное для православнаго время?'' Архіепископъ сказалъ, что ему не встрѣчалось такого случая и что это дѣйствительно можетъ показаться страннымъ. Пасторъ, не найдши чѣмъ далѣе оправдать поступокъ свой, сказалъ: „Я пришелъ къ лютеранамъ; между православными здѣсь есть лютеране'', потомъ, обратясь къ архіепископу, предложившему ему покрыть голову, — въ учтивыхъ выраженіяхъ, приподнявъ фуражку, извиняется. Архіепископъ крѣпко сказалъ ему: „Я ничего не знаю, быть можетъ люди и несправедливо показываютъ, но вѣдь вы сами слышали, что говорятъ о васъ''. Послѣ сихъ словъ пасторъ, раскланявшись съ архіепископомъ, удалился и не былъ видимъ между нами.

Уже вечерѣло. Архіепископъ вынужденнымъ намекъ прекратилъ бесѣду и, сказавъ тоже что въ Лемзаль, направился къ дому священника. Здѣсь были прослушаны архіепископомъ дѣти въ знаніи молитвъ и катихизиса, которыхъ архипастырѣ о аріи книги. При шествіи архіепископа къ дому священника, нѣкоторые останавливали его, прося уволить ихъ отъ православія. Грустно было смотрѣть на такія заявленія.

Архіепископъ, встрѣтивъ между прочимъ одного мальчика лѣтъ четырнадцати, весьма умильно смотрѣвшаго на него, приказалъ спросить мальчика къ какому вѣроисповѣданію принадлежитъ онъ и, узнавъ, что къ православному, спросилъ: развѣ онъ желаетъ перейти въ лютеранство? Мальчикъ, улыбаясь, отвѣчалъ утвердительно.

Мѣстный священникъ предложилъ архіепископу и всѣмъ бывшимъ при немъ обѣденный столъ. Садясь за трапезу, архіепископъ спросилъ насъ: „Обѣдаемъ ли мы такъ поздно?'' Мы отвѣчали отрицательно. „Послѣдуйте же моему примѣру въ неутомимой дѣятельности'', сказалъ владыка.

Въ продолженіе трапезы изъ дворѣ слышанъ былъ шумъ. Лемзальскій священникъ, пришедши въ комнату, просилъ архіепископа о распоряженіи къ удаленію дерзкой толпы, недающей покоя архипастырю трудящемуся въ теченіе цѣлаго дня. Архіепископъ просилъ ордингерихтера объ успокоеніи народа, зависающимъ отъ него мѣрами.

Баронъ Криднеръ, вышедши на дворъ, какъ рассказывали причетники, сказалъ толпѣ: „Дѣти! Успокойтесь и разойдитесь. архіепископъ не имѣетъ права освободить васъ отъ русской вѣры. Это можетъ сдѣлать только самъ государь; идите по домамъ и не производите напраснаго шума: развѣ вы не видите, что архіепископъ утомился и довольно бесѣдовалъ съ вами''. Народъ, какъ бы по мановенію, весь разобрался и остались только нѣкоторые немногіе, видимо

приверженные къ православію. Послѣ трапезы мы немедленно отправились въ Лемзаль.

Едва только взошло солнце, какъ архіепископъ уже проснулся и, позвавъ меня, предложилъ мнѣ сопутствовать его вмѣстѣ съ кольмарскимъ благочиннымъ въ мызу Альтъ-Залисъ. Прибывъ въ Альтъ-Залисъ, мы и тамъ встрѣтили тысячное стеченіе народа, ожидавшаго архіепископа. Спустя не болѣе часа прибылъ и архіепископъ. Послѣ обычной встрѣчи, совершенной мѣстнымъ священникомъ Деконисомъ, архіепископъ вывелъ народъ изъ церкви, въ которой далеко всѣмъ мѣста не было, и, ставъ въ тѣни подъ колокольней, началъ бесѣду свою съ записской пастырью. Но здѣсь далеко не было того волненія, поразившаго насъ въ Лемзаль и въ Абель. Послѣ вопроса архіепископа: довольны ли прихожане своимъ священникомъ? и получивъ удовлетворительный отвѣтъ, бесѣда завязалась о постройкѣ церкви, которую большая часть прихожанъ просила построить за пять верстъ отъ настоящаго помѣщенія, гдѣ устроено кладбище, меньшая же часть, на сторонѣ которой находился и мѣстный священникъ, просила построить церковь близъ берега моря, около настоящаго, временнаго помѣщенія церкви. Архіепископъ рѣшилъ быть церкви на томъ мѣстѣ, котораго желаетъ большая часть прихожанъ. Иные просили помощи объ устройствѣ школы, и общали сами свое пособіе. Когда архіепископъ изъявилъ согласіе исполнить это и спросилъ ихъ, не имѣютъ ли они какихъ либо жалобъ, относящихся къ духовнымъ потребностямъ, то они всѣ заявили свое полное удовольствіе, говоря: „какъ священникомъ, такъ и всѣмъ церковнымъ управленіемъ они довольны и благодарны“. Архіепископъ и здѣсь прослушалъ представленныя ему дѣла, одаривъ ихъ книгами. Все было спокойно, но одинъ изъ прихожанъ заявилъ неудовольствіе на священника за то, что онъ безмездно не соглашался звонить по смерти одного изъ родственниковъ этого прихожанина. Узнавъ объ отбѣгѣ звона, производимого по смерти (этотъ обычай заимствованъ отъ лютеранъ), архіепископъ изъявилъ свое сожалѣніе, что священникъ неудовлетворилъ просьбы прихожанина безмездно, сказавъ священнику: „хотя и предписано взимать за этотъ звонъ нѣкоторую плату, но онъ лучше бы сдѣлалъ, еслибы не только приказалъ позвонить безмездно, но просилъ отъ прихожанина 10-ти копѣекъ за производство звона, но и самъ бы подарилъ ему 30 к. Мы радовались, что въ Залисѣ никто не забывалъ отступничества и ордунагсгрихтеръ восхвалялъ за это предъ архіепископомъ мѣстнаго священника, выставляя его дѣятельность и усердіе къ службѣ. Но радость эта была нѣсколько помрачена, однимъ только неожиданнымъ случаемъ. Когда архіепископъ садился въ карету, одинъ пожилой прихожанинъ, остановивъ его просить, чтобы увязать его отъ православія въ лютеранство. Архіепископъ вкратцѣ объявилъ ему о невозможности исполнить это его

желаніе и отправился по пути въ Перновъ. По истеченіи мѣсяца, я встрѣтился съ архіепископомъ въ вольмарской церкви. Здѣсь преловращенны были книги отступничества тѣмъ, что архіепископъ въ бесѣдѣ своей съ народомъ, просилъ его, не заявлять ему никакихъ жалобъ, а слушать его спокойно. Но если кто либо имѣетъ какія основательныя жалобы или неудовольствія, тотъ пусть келейнымъ образомъ заявить ему въ квартирѣ священника.

И такъ, въ вольмарской церкви спокойствіе ни кѣмъ не нарушено, но едва только архіепископъ вступилъ въ домъ священника, какъ нѣсколько крестьянъ и крестьянскихъ дѣвокъ просили объ увольненіи изъ православія въ лютеранство, но мы не желая безпокоить архипастыря, не сообщали ему объ этомъ крайне непріятномъ для него заявленіи, а вольмарскій полицейскій вахмистръ, сочувствуя нашему неудовольствію, разгонялъ отступниковъ православія. Но вольмарскій ордуунгсрихтеръ, замѣтивъ это, виспиретилъ вахмистру и обратился къ архіепископу со слѣдующею просьбою. „Ваше высокопреосвященство позволили народу бесѣдовать келейно съ вами; здѣсь есть нѣсколько лицъ, желающихъ поговорить съ вами“. Когда я позразилъ, что эти лица желаютъ перехода въ лютеранство, на которое архіепископъ не соизволяетъ, то напрасно обезпокоить архипастыря. Но ордуунгсрихтеръ, баронъ Криднеръ, настаивалъ, прося архипастыря выйти, и сказать хотя нѣсколько словъ, хотя для того, чтобы исполнить свое обѣщаніе и лично утѣрить въ невозможности такого перехода. Со вздохомъ согласился архипастырь исполнить просьбу сего чиновника. Вышелъ, выслушалъ заявленіе отступниковъ и подтвердилъ невозможность исполнить ихъ просьбу. Одинъ изъ сихъ отступниковъ въ ожесточеніи своемъ такъ выразился. „Вы меня можете разрубить на кусочки, но я не хочу быть въ русской вѣрѣ“, хотя ничѣмъ не было дано повода сему крестьянину такъ выражаться предъ архипастыремъ, но видно было, что лицо это было подкуплено врагами православія. Когда архіепископъ удалился, а недовольные православіемъ, особенно дѣвки, еще желали говорить съ архипастыремъ, чтобы заявить ему разный вздоръ, недостойный слуха архипастыря, то достойный служитель полиціи, тотъ же вахмистръ, несмотря на присутствіе своего начальника, ордуунгсрихтера Криднера, удалилъ, наконецъ, безсовѣстныхъ дѣвокъ изъ дома священника.

Этимъ я кончаю свое скучное описаніе обозрѣнія преосвященнѣйшимъ Платономъ нѣкоторыхъ церквей вольмарскаго благочинія, при которомъ я былъ очевидцемъ, и которое кажется мнѣ достойнымъ замѣчанія.

Оканчивая объ этомъ записку мою, не могу не упомянуть того обстоятельства, что преосвященнѣйшій Платонъ, по приѣздѣ своемъ изъ Петербурга, изъявлялъ священникамъ особенное расположеніе, даже вслѣдствіе въ обхожденіи прочихъ архіереевъ. При встрѣчѣ и

разставаніи съ нами, онъ, обнимая, цѣловать священниковъ троекратно въ ланиту. Это произвело самое радостное впечатлѣніе: ободряло въ обхожденіи съ архипастыремъ, и внушало къ нему безпредѣльную преданность и еще большую прежнюю любовь.

13. О перемѣщеніи архіепископа Платона изъ рижской въ донскую епархію.

✓ 17-го марта 1867 г., какъ говорятъ, пришла телеграмма изъ Петербурга въ Ригу о перемѣщеніи архіепископа Платона изъ рижской въ донскую епархію. Эта вѣсть была столь внезапна, что ей никто не хотѣлъ вѣрить, но наконецъ, извѣстіе это официально подтвердилось. Сколько до меня и до моего прихода касается, то перемѣщеніе это непріятно поразило насъ, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время архипастырь оказывалъ особенную дѣятельность для своей паствы. Кромя знаменательнаго послѣдняго обзорѣнія имъ паствы въ 1864 г., его знаменитыя семь посланій къ православнымъ естамъ и латышамъ, отпечатанныя въ журналѣ „Странникъ“ за 1866 годъ на русскомъ языкѣ, и разошедшіяся въ нѣсколько тысячахъ экземплярахъ на латышскомъ и эстонскомъ языкахъ, стижали ему славу и уваженіе всей епархіи и народа, не только православнаго, но и инновѣрнаго. По эти роковыя посланія, какъ говорятъ, были и причиною его перемѣщенія лютеранскому духовенству сильно не нравились это сочиненіе, ходившее сколько между православными, столько и между инновѣрцами, и поэтому, какъ утверждаютъ, преосвященный перемѣщенъ.

Сильно любили и уважали его рижане. Это видно изъ того, что при разставаніи его высокопреосвященства съ рижскою паствою 9-го апрѣля 1867 г. при которомъ, произнесенная архипастыремъ рѣчь въ рижскомъ петропавловскомъ соборѣ такъ потрясла великое множество слушателей, что вся церковь плакала на взрыдъ.

Вотъ эта рѣчь

„Возлюбленные мои братія и чада!

Вамъ извѣстно, что по волѣ благочестивѣйшаго государя нашего, или лучше сказать, по распоряженію самого Господа, дѣйствующаго на землѣ чрезъ помазанниковъ своихъ, я переведенъ изъ здѣшней въ другую епархію. Иныѣ я совершилъ въ семь храмѣ послѣднее служеніе мое и долженъ теперь расстаться съ вами, быть можетъ, на вѣки! ..

Болѣе 18-ти лѣтъ управлялъ я рижскою епархіею и, могу сказать по совѣсти, старался привести ее въ надлежащее устроѣнство. Сколько при этомъ имѣлъ я заботъ, трудовъ, разныхъ огорченій, считаю лишнимъ объяснять теперь. Но, къ сожалѣнію, мои заботы, труды не увѣчались желаннымъ успѣхомъ, по извѣстнымъ обстоятельствамъ,

и я оставляю теперь рижскую епархію не въ томъ состояніи, въ какомъ хотѣлъ видѣть ее. Молю Господа, чтобы преемникъ мой, будущій архипастырь вашъ, былъ счастливѣе меня и успѣлъ достигнуть того, чего я желалъ для блага православной церкви и чадъ ея въ здѣшнемъ краѣ.

Во все время управленія моего рижскою епархіею, вы, братія, оказывали мнѣ любовь и послушаніе, а въ последнее время трогательно выразили сожалѣніе ваше о разлукѣ со мною, и теперь я вижу слезы, слышу рыданія ваши. Благодарю васъ, возлюбленные, за такую расположенность ко мнѣ; но скажу вамъ словами Спасителя не плачьте обо мнѣ. Почти 28 лѣтъ стоялъ я на стражѣ православія въ западномъ и прибалтійскомъ краяхъ, и во все это время находился въ нелегкой борьбѣ съ разнороднымъ и повѣріемъ; а теперь довольно устарѣлъ и силы мои стали ослабѣвать отъ лѣтъ и трудовъ. Поэтому бремя управленія такою епархіею, какъ рижская, и въ такомъ краѣ, какъ здѣшній, — сдѣлалось для меня тягостнымъ, я благодарю Бога и всемогущественнаго государя нашего, что они сняли съ меня это бремя и посылаютъ на служеніе въ такую мирную и благорастворенную страну, въ которой могу найти отдыхъ и успокоеніе для утомленнаго моего духа. Не плачьте и о себѣ, разлучаясь со мною; но утѣшайте себя мыслию, что Господь некущійся о святой своей церкви, пошлетъ вамъ вмѣсто меня такого архипастыря, который, можетъ быть, будетъ лучше меня и благопотребнѣе для васъ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ рижской епархіи. И такъ, утѣрьте вашу слезу о разлукѣ со мною и отпустите меня съ миромъ. Братія, я любилъ васъ искренно, отъ души желалъ добра и охотно дѣлалъ свое, по мѣрѣ средствъ моихъ. Не помню, чтобы я кому изъ васъ желалъ чего нибудь худого, или намѣренно сдѣлалъ кому либо непріятность. Если же я неумышленно оскорбилъ кого словомъ, дѣломъ и мыслию, то смиренно прошу простить меня по христіански. А если кто изъ васъ, сверхъ чаянія моего, питаетъ непріязнь ко мнѣ, или сдѣлалъ что нибудь непріятное для меня, то я не только прощаю его, но и молю Господа отпустить ему такой грѣхъ.

Други мои, я не разъ внушалъ вамъ миръ и взаимную любовь: заставляю васъ это и нынѣ при послѣдней моей бесѣдѣ съ вами. Любите другъ друга искренно, какъ Богъ заповѣдалъ; помогайте одинъ другому въ нуждахъ и не ссорьтесь между собою. Вы составляете въ здѣшней странѣ малое стадо, при томъ слабое во всѣхъ отношеніяхъ. Поэтому, живите между собою какъ можно дружнѣе, дѣйствуйте во всемъ единодушно, поддерживайте въ себѣ русскій духъ, будьте тверды въ православіи и старайтесь благоугождать Господу исполненіемъ святаго его заповѣдей. Это дастъ вамъ такую крѣпость и силу, что вы, при помощи Божіей, будете непобѣдимы противъ всѣхъ явныхъ и тайныхъ враговъ вашихъ.

А вы, сослужители мои, внимайте, по слову апостола, себѣ и всему стаду, въ которомъ Духъ святой поставилъ васъ блюстителями, пастыи церковь Господа и Бога, которую онъ приобрѣлъ себѣ кровію своею. Вы знаете, каковы обстоятельства нашего вами стада. знаете, какъ нужны вамъ нынѣ благоразуміе и бдительность, твердость духа и самоотверженіе; старайтесь же имѣть такіа качества и будьте всегда дѣлателями непостыдными. Вы служили при мнѣ хорошо, и съ удовольствіемъ свидѣтельству ю объ этомъ; а теперь, если можно, служите еще лучше, будьте еще внимательнѣе къ нашимъ паствамъ и всемѣрно старайтесь утвердить оныя къ святой нашей вѣрѣ, которой такъ неблагопріятствуютъ обстоятельства здѣшняго края и духъ нынѣшняго времени. Не унывайте, а тѣмъ паче не ослабѣвайте въ исполненіи священныхъ вашихъ обязанностей отъ тѣхъ несприятностей, съ которыми сопряжено ваше служеніе, но укрѣпляйте себя надеждою на помощь Божію и дѣйствуйте на поприщѣ вашемъ мужественно, какъ подобаетъ добрымъ воинамъ Христовымъ. Помните слова пастыреначальника нашего: претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ (Матѣ. 10, 28). Я желалъ бы, возлюбленные, продолжать настоящую бесѣду мою, чтобы продлить удовольствіе послѣдняго свиданія съ вами, но мое слово изнемогаетъ отъ избытка чувствъ, вознущающихъ нынѣ мое сердце, и время моего отшествія отъ васъ настало. И такъ, простите!.. Помните меня иногда въ вашихъ молитвахъ; а я никогда не забуду васъ и сохраню любовь мою къ вамъ не только до гроба, но возьму ее и во гробъ, предстану съ нею Отцу небесному и буду вѣчно молить Его о вашемъ спасеніи. И нынѣ взываю къ Нему изъ глубины сердца моего „Призри съ небесе, Боже, и виждь, и посѣти ливноградъ сей, и утверди н, его же посади десница Твоя!“ Храни его, Господи, подъ кровомъ Твоимъ въ мирѣ и благоденствіи, озаряй и согрѣвай его лучами благодати Твоей; сотвори его плодоноснымъ на всякое дѣло благое; оградн его Твоимъ промысломъ отъ всѣхъ золъ и напастей!

Прощайте, возлюбленные! Благословеніе Божіе да будетъ надъ вами всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ!

И л а т о н ъ, архіепископъ донской.

14. Наказанія Божіи, постигшія отступниковъ и враговъ православія.

Съ 1865 г., въ началѣ, начало появляться открытое отступничество отъ православія въ моемъ приходѣ.

Опишу здѣсь первый примѣръ наказанія Божія за отступничество отъ православія мызы Бреслау, двора Кисель, православный крестьянинъ Маркъ Гутманъ, 41 года, женатый на лютеранкѣ, окрестилъ (пропізой) осенью 1865 г. дѣтя свое въ лютеранство. Неблагъ

за четыре предъ 1866 годомъ, въ одинъ изъ воскресныхъ дней, Маркъ Гутманъ съ 15-ю лѣтнею дочерью своею явились къ колбергскому священнику Гавріилу Смиречанскому для исповѣди и причащенія св. таинъ. Священникъ Смиречанскій началъ увѣщевать Гутмана, чтобы онъ присоединилъ къ православію свое дитя; но Гутманъ сталъ сердиться, бранить и того православнаго священника, который присоединялъ его самого, называя всѣхъ вообще священниковъ ложными пророками и обманщиками. О. Смиречанскій привелъ Гутмана ко мѣ, и просилъ выслушать ожесточеннаго. Но Гутманъ не переставалъ сердиться и кричалъ, называя лемзальскаго священника, который присоединялъ его къ православію, ложнымъ пророкомъ, будто бы общавшимъ ему за принятіе православія землю, которой онъ тщетно ждалъ въ теченіе 20-ти лѣтъ, священники, говорили, всѣ ложные пророки, обманщики и проч., и онъ ни за что не отдастъ новородившемуся свое дитя въ православіе; да и самъ бы немедленно перешелъ въ лютеранство, еслибъ то было возможно, и, наконецъ, требовалъ допустить его къ причастію.

Послѣ нѣкоторыхъ кроткихъ увѣщаній съ нашей стороны, мы сказали Гутману: если послѣ всего изъ сказаннаго совѣсть ему не претитъ принять св. таинъ, то пусть приобщится. Но въисловствовавшій Гутманъ вмѣсто того, чтобы раскаяться и просить мира, сталъ еще болѣе шумѣть, говоря, что священники обманщики, что онъ никогда не придетъ въ православную церковь причащаться, да не позволить этого и дѣтямъ своимъ и не поведетъ ихъ въ православную школу. Вышедши на дворъ, въ присутствіи многихъ прихожанъ, Гутманъ, по показанію о. Смиречанскаго, не преставалъ изрыгать хулу на священниковъ, и съ тѣмъ удалился домой, не допустивъ къ причастію и своей дочери.

Въ первый день 1866 г. является ко мѣ мызы Бреслау, двора Кисуль, крестьянинъ Яковъ Гульбисъ; съ требованіемъ, чтобы одня изъ насъ ѣхалъ съ нимъ для приобщенія умирающаго Марка Гутмана. По извѣщеніи о томъ колбергскаго священника, готовившагося служить литургію, и немедленно отправился къ больному въ деревню Кисуль. Дорогой возница сказалъ мнѣ, что Гутманъ въ рождественскій сочельникъ, бывши здоровымъ и вышедши на дворъ, почувствовалъ, что его охватило какимъ то худымъ вѣтромъ, и вдругъ онъ такъ жестоко заболѣлъ, что вынужденными напѣлись послать въ тотъ же день больного къ врачу, который нѣсколько облегчилъ его болѣзнь, но теперь, сказалъ проводникъ, Гутманъ отчаянно боленъ и едва ли будетъ живъ.

Приѣхавъ въ деревню Кисуль и вошедши въ избу, я увидѣлъ потрясающее зрѣлище. Гутманъ лежалъ въ одной сорочкѣ на полу въ ужасныхъ мученіяхъ, стѣны и кивисъ со стороны на сторону; животъ его и нижнія части распухли въ ужасающихъ размѣрахъ.

глаза страшно выкатились. Увидѣвъ меня, онъ жалобно застоналъ: „батюшка! батюшка милый! (Zeenigs tehtigt! Zeenigs tehtigt mijslaes!)“ сжалъсь надо мною, сжалъсь! Посмотрите на мой животъ, я ужасно страдаю.... думалъ, что и не дождусь васъ.“ Хочешь ли раскаяться въ грѣхахъ своихъ и приобщиться св. таинъ? сказала я. Умиравшій жалобно простоналъ: „Хочу, хочу! Я тяжко согрѣшилъ противъ своей вѣры, предъ священниками. сжалъсь надо мною!“

Хочешь ли хоть теперь то присоединить къ православію свое дитя, окрещенное въ лютеранство? сказалъ я, и рассказавшись ли ты въ этомъ худомъ поступкѣ? — „Хочу,“ сказалъ умирающій, „и крѣпко сожалею, что такъ худо поступилъ!“ — Опасаясь, чтобы большой не умеръ безъ покаянія, я немедленно приступилъ къ совершенію таинства, пригласивъ домохозяевъ вмѣстѣ со мною усердно помолиться Богу о помилованіи Гутмана. Всѣ присутствовавшіе на немъ въ кѣльи и усердно читали за мною молитву Господню, снѣвиль вѣры и псаломъ 50. По совершеніи таинства покаянія и по причащеніи Гутмана, я сказалъ ему: „Возлюбленный по духу сынъ мой! Богъ не хочетъ смерти грѣшника, но желаетъ, чтобы онъ спаслся и въ разумъ истины пришелъ. По этому Онъ не хотѣлъ, чтобы ты умеръ какъ нераскаянный великій грѣшникъ и какъ отступникъ. Но благоволилъ, чтобы ты скончался истиннымъ христіаниномъ. Да благословитъ же душа твоя Господа, и вся внутренняя твоя имя святое Его. Не забудь тѣхъ благодѣяній, которыя даровалъ тебѣ Господь. Онъ, милосердый, простилъ тебѣ грѣхи твои, исцѣлилъ смертельныя раны души твоей, украсилъ тебя благодатию покаянія, вселился въ тебѣ посредствомъ св. причащенія.“

Теперь, когда ты чистосердечно раскаялся, когда предъ тобою открываются врата небесныя, когда душа твоя готова предстать страшному суду Христову, скажи во услышаніе воѣхъ: желаю ли отъ всего сердца, чтобы младенецъ твой, окрещенный въ лютеранство, былъ присоединенъ къ православной вѣрѣ, къ которой принадлежишь ты? Умирающій сказалъ: „Да!“ Слышите ли предсмертную волю умирающаго? сказалъ я окружающимъ: онъ желаетъ, чтобы младенецъ его, окрещенный въ лютеранство, былъ присоединенъ къ православію. Домохозяи молчали, но жена его возразила: „дѣтъ, дѣтъ! онъ бредитъ! я не дамъ, я не дамъ ни за что.“ „Жена!“ сказалъ я, „бойся Бога, чтобы Онъ не наказалъ и тебя. Вѣдь не ты ли предъ вступленіемъ въ бракъ съ нимъ общалась крестить и воспитывать дѣтей своихъ въ православіи? Не ты ли дала въ томъ подписку, утвержденную собственноручнымъ поставленіемъ трехъ крестовъ? Чтожь ты теперь дѣлаешь? Неогорчай послѣднихъ минутъ мужа своего; отпусти съ миромъ, готовящагося предстать страшному суду Христову; не воспрещай умереть ему какъ православному христіанину. твердо въ своей вѣрѣ; не повергаи своего вѣнчаннаго друга въ асл.

такъ какъ ему открываются врата блаженства вѣчнаго; сжался надъ его бѣдной душой и дай ей отойти съ миромъ и увѣренностію, что младенецъ будетъ въ той вѣрѣ, въ исповѣданіи которой умираетъ его отецъ“. Жена успокоилась и ничего не отвѣчала. Тогда я сказалъ умирающему „Любезный Маркъ! теперь, когда ты предстаешь страшному суду Христову, когда тебѣ не надо бояться людей, но ждать отъ Господа Бога или помилванія, или осужденія, когда остается тебѣ въ послѣдній разъ избрать рай или адъ, скажи смѣло и чистосердечно. въ какой вѣрѣ должно остаться дитя твое? Ино жена и мать твоя лютеране не хотятъ слушать словъ твоихъ, считая тебя помѣшаннымъ.“ Умирающій твердымъ и громкимъ голосомъ произнесъ „пусть новорожденный останется въ русской вѣрѣ, въ которой проція мои дѣти, и въ которой я умираю.“ На это я произнесъ въ себѣ „аминь“, а предстоящимъ лютеранамъ громко сказалъ „слушите ли вы, что завѣщаетъ умирающій?“ — „Слышимъ“, отвѣчали предстоящіе. „Ктожь будетъ пропитывать младенца?“ сказала жена. „У меня вся родня лютеране. младенецъ, единственный сынъ мой, не будетъ заботиться обо мнѣ въ старости, не будетъ ходить со мною въ церковь (вирху!)“ — „Господь“, сказалъ я, „покровитель и помощникъ всѣмъ сиротамъ; Онъ будетъ заботиться о тебѣ и о твоихъ сынѣ. Онъ, пропитывающій птицъ небесныхъ, пропитаетъ тебя и твоего младенца; а на первый разъ наше церковное попечительство дастъ пособіе для новорожденнаго. Мы будемъ заботиться о немъ.“ „Твой мужъ“, сказали лютеране, „поступилъ какъ православный раскаявшійся христіанинъ, завѣщая дитя той вѣрѣ, въ которой умираетъ. Еслибъ онъ иначе сдѣлалъ, то душа его погибла бы.“ „Вирадуемся же“, сказалъ я, „со святыми ангелами, которые радуются о единомъ грѣшникѣ кающемся болѣе, нежели о девяности праведникахъ, не требующихъ покаянія.“ Сказавъ это, я прежде осѣнилъ умирающаго крестнымъ знаменіемъ и съ удовольствіемъ замѣтилъ, что какое то поемное спокойствіе осѣняло лицо его, прежде такъ страшное онъ лежалъ спокойно, ужь болѣе не метался, не стоялъ и не чувствовалъ тошноты. До моего же прибытія всѣ эти симптомы таинственной бѣдѣи страшно мучили его. „Буду со всею церковію молиться о тебѣ Господу Богу“, сказалъ я умирающему, „и приплю тебѣ сегодня заправную просфору.“

Послѣ сего я съ миромъ оставилъ хижину, гдѣ совершилось такое поразительно чудесное происшествіе, которое никогда не изгладится изъ памяти моей, и поѣхалъ домой. На другой день, 2 января, я получилъ извѣстіе, что Маркъ Гутманъ скончался въ этотъ день въ три часа утра.

По поводу сего событія мною составлено было поученіе и произнесено въ церкви въ 6-й день января 1866 г., при многочисленномъ собраніи прихожанъ. При произнесеніи оного слышны были

вздохи и слезы. Дай, Господи, чтобы урок сей не вышел скоро из памяти моих слушателей и принесъ плоды, достойные покаянія!

Но на этомъ еще не остановилось вразумленіе Божіе. Вотъ и еще примѣры наказанія Божія за отступничество отъ православія, постигшія нѣкоторыхъ изъ прихожанъ моихъ въ теченіе 1866, 1867 и 1868 годовъ.

Въ первыхъ числахъ іюля мѣсяца 1867 г. приходитъ ко мнѣ бывший мой прихожанинъ, Егоръ Августиновъ Цельмсъ, проживавшій до апрѣля мѣсяца 1867 г. въ теченіе десяти лѣтъ въ запискомъ приходѣ, и объявляеть о переходѣ своемъ во вѣрпный мнѣ эйхен-ангерскій приходъ.

При этомъ, Цельмсъ заявилъ мнѣ неохотно, но случайно, ибо онъ, какъ оказалось, намѣревался обратиться въ лютеранство, и скрыть даже принадлежность свою къ православію. что у него родился ребенокъ, котораго жена имѣла намѣреніе окрестить въ лютеранство. Хотя я и увѣщевалъ сего крестьянина крестить дитя свое въ православіе, представляя ему и то, что и жена его, Меланья Владимірова, принадлежитъ къ православію, но онъ, на все мои усиленные убѣжденія, отвѣчалъ грубостями, свойственными отступникамъ православія, и остался непреклоннымъ, сваливая всю вину на жену свою. „Если жена твоя виновна въ намѣреніи окрестить дитя въ лютеранство, то Богъ накажетъ ее, буде она не обратится,“ сказалъ я послѣ продолжительныхъ убѣжденій, и просилъ его передать слышанное отъ меня жепѣ его.

Черезъ нѣсколько дней, тестъ Цельмса, и онъ самъ являются ко мнѣ и объявляютъ, что жена Цельмса, Меланья Владимірова, 14-го іюня скончалась отъ кори, и что трудъ ея почерѣлъ такъ, что страшно было и вынуть. „Вѣрно наказаніе Божіе постигло дочь мою,“ сказалъ отецъ ея, „за то, что она окрестила дитя свое въ лютеранство, презрѣвъ жадобы и просьбы ваши.“ На просьбу мою рассказать объ обстоятельствахъ крещенія младенца и смерти матери, отецъ ея, крестьянинъ Владимиръ Оасе рассказалъ мнѣ слѣдующее

„Дня за два предъ смертію, родила дочь моя младенца, котораго предопредѣлила окрестить въ лютеранство, приготовивъ предварительно все нужное для крещенія: ризки, шапочку, срачицу и проч. Когда ребенокъ родился, онъ былъ окрещенъ по лютеранскому обряду. Будучи отъ природы весьма крѣпкаго тѣлосложенія, Меланья Владимірова послѣ родовъ была, по отношенію къ здоровью, въ самомъ благонадежномъ состояніи. Но лишь только совершилось окрещеніе младенца, она почувствовала себя дурно, и просила послать за своею матерью, но та не успѣла еще и прійти къ ней, какъ она была уже мертва. Послѣ смерти появилась на тѣлѣ ея мелкая сыпь, и тѣло покрылось какъ бы черною корою, что и приписы-

вають крестьяне, — кори, известные симптомы которой, надъ умершей предварительно вовсе не существовали, по показанію же самихъ домохозяевъ. Выслушавъ показаніе отца ея, Владимира Оаса, и мужа Цельмса, я, по приличному внушеніи и убѣжденіи послѣдняго пребывать неуклонно въ православіи, присовокупилъ, что „Богъ поругаемъ не бываетъ.“

При погребеніи умершей Меланьи Оаса, совершеномъ 17-го іюля 1867 г., я сказалъ поученіе, въ которомъ, изображая поступокъ покойной и горестное послѣдствіе оного, со всюю христіанскою любовью испрашивалъ у Господа Бога оставленія всѣхъ грѣховъ, усопшей вообще и грѣха окрещенія въ иновѣріе своего младенца, который былъ мною впоследствии присоединенъ къ православію.

Вотъ и еще случай наказанія отступника отъ православія

Въ первыхъ числахъ декабря 1868 г., одинъ изъ родственниковъ кудіанскаго крестьянина Якова Ивана Калпина, 19 лѣтъ, принадлежавшаго къ православной церкви, объявилъ мнѣ, что упомянутый Калпинъ, 29-го ноября 1868 году, при сваливаніи въ лѣсу деревьевъ, внезапно убитъ деревомъ, такъ что при помятіи его оказался безъ чувствъ и по прошествіи двухъ часовъ непустилъ духъ. Этотъ Яковъ Калпинъ еще въ 1865 г. совратился въ лютеранство и, не внимая убѣжденіямъ къ возвращенію въ лоно православной церкви, остался непреклоннымъ.

Извѣстный прежде диккельнскій, потомъ уобенормскій лютеранскій пасторъ. Георгъ Нейкинъ, былъ однимъ изъ первыхъ перетрекателей православныхъ къ переходу въ лютеранство. Онъ, будучи пасторомъ въ Диккельнѣ, совратился въ лютеранство поводомъ почти всѣхъ православныхъ уобенормскаго прихода, принадлежавшихъ къ волостямъ диккельпской, шугенъ-пазенской и лапперекской.

Онъ, Нейкинъ, былъ одинъ изъ первыхъ пасторовъ, принимавшихъ православныхъ въ лютеранской киркѣ къ причастію: онъ первый началъ принимать православныхъ дѣтей на конфирмацію и въ школы; онъ первый началъ крестить дѣтей, родившихся отъ православныхъ родителей, въ лютеранство.

Такъ какъ другіе пасторы опасались сначала отторгать православныхъ отъ ихъ вѣры, то желаніе перейти въ лютеранство изъ разныхъ православныхъ приходовъ, стекалось къ пастору Нейкину, который исправлялъ для нихъ почти всѣ духовныя требы, именно крестилъ дѣтей, принималъ къ причастію и на конфирмацію, въ школы, воцерковлялъ младенцевъ и проч.

Многіе изъ эйхепангерскихъ прихожанъ соврачены имъ въ лютеранство. Онъ, Нейкинъ, издавалъ года два еженедѣльный журналъ, называвшійся „Zekke Bedrift.“ Этотъ журналъ былъ принятъ лютеранскою пропагандою; въ немъ появлялись статьи, побуждавшія даже къ мученичеству за лютеранство. Онъ, Нейкинъ, пер-

ный въ Инфляндіи учредить общество латышскаго пѣнія, цѣлю котораго было и есть расположить латышей къ братскому единенію и любви къ исполненію ими лютеранской вѣры. По призыву Нейкина, учреждались и учреждаются во многихъ лютеранскихъ приходахъ въ Инфляндіи, латышскія крестьянскія общества пѣнія.

Нейкинъ, 29-го іюня 1868 г., послѣ несильной болѣзни умеръ отъ горячки, и былъ погребенъ, при неслыханномъ стеченіи народа (около 15 тысячъ), въ уббенормскомъ лютеранскомъ приходѣ, куда онъ былъ переведенъ въ предшествовавшую весну, и гдѣ онъ распространялъ лютеранскую пропанду.

Мызы Царнау. двора Дрейманъ, крестьянинъ Мартинъ Дреиманъ, происходившій, какъ говорятъ, изъ русскаго племени, праотцы котораго были изъ бѣжавшихъ въ Инфляцію бѣлоруссовъ.

Этотъ Дрейманъ многихъ изъ православныхъ крестьянъ мызы Царнау, будучи самъ лютераниномъ, совращалъ къ лютеранству. Какъ человѣкъ состоятельный, имѣвшій собственную землю, и будучи заступателемъ въ приходскомъ судѣ, онъ пользовался не малымъ уваженіемъ крестьянъ царнауской волости. Другъ помѣщика и пастора, онъ успѣлъ почти всѣхъ служащихъ у него православныхъ совратить въ лютеранство, изъ которыхъ многіе приписываютъ ему свое совращеніе.

Этотъ Дрейманъ, осенью прошлаго 1868 г., везшій на саняхъ телегу, упалъ съ оной, отчего произошло у него воспаленіе въ мозгу и онъ, послѣ непродолжительной болѣзни, умеръ, будучи 45 лѣтъ отъ роду.

Жена содержателя алледорфской гостиницы (корчмы), Юлія Беккеръ, ревностная лютеранка — приняла къ себѣ на домъ, въ качествѣ воспитанницы дочь мельника, лютеранина, у которой была мать православная, и русская по происхожденію. Воспитанница эта, по имени Павла Петерманъ, которой теперь 20 лѣтъ отъ роду, была крещена и воспитываема въ православной вѣрѣ до 15-ти лѣтняго возраста.

По съ этого времени она была взята къ корчмѣ Юліею Беккеръ, и съ тѣхъ поръ уже не стала являться въ исполненію христіанскаго долга въ православную церковь. Послѣ того какъ дѣвица Петерманъ, по неоднократному приглашенію священника неявлялась къ нему, то онъ обратился къ содержательницѣ гостиницы Беккеръ, дабы узнать о причинѣ этой неявки дѣвицы Петерманъ. Юлія Беккеръ объявила ему, что дѣвица Петерманъ постоянно посѣщаетъ лютеранскую кирку, извѣщается лютеранскимъ пѣнопѣніемъ и желала бы остаться въ лютеранствѣ.

На предостереженіе священника о невозможности такого поступка и о тяжкомъ грѣхѣ, которому подвергается желающая отступитъ отъ православія, Юлія Беккеръ, съ занавѣстливостію стала оправдывать

дѣйстви Павлы Петерманъ, говоря, что отецъ ея нѣмецъ и она хорошо сдѣлаетъ, что хочетъ исповѣдывать религію нѣмцевъ — лютеранство, которое она лучше понимаетъ, нежели русскую вѣру, гдѣ и нѣвіе и прочіе обряды ей не нравятся⁶⁶. На возраженіе священника, что не въ пѣвнн состоитъ ученіе православной церкви и проч., Юлія Беккеръ придава словамъ священника другой оборотъ — обидный для лютеранъ и начала защищать и восхвалять вѣру Лютера и объявила, что ей пріятно будетъ, если дѣвица Павла Петерманъ утвердится въ своемъ намѣреніи остаться лютеранкою, то она, Юлія Беккеръ, имѣетъ возможность покровительствовать ей во всѣхъ отношеніяхъ, какъ своей собственной дочери, тѣмъ болѣе, что она дочерей не имѣетъ. Священникъ, видя, что дальнѣйшій споръ ни къ чему доброму не поведетъ, съ стѣсненнымъ сердцемъ удался отъ нея.

Потомъ, послѣ нѣсколькихъ приглашеній, сдѣланныхъ посредствомъ мужа Юліи Беккеръ, священнику удалось пригласить къ себѣ дѣвицу Петерманъ, которая, явившись къ нему вмѣстѣ съ отцемъ своимъ, выразила рѣшительное желаніе оставаться въ лютеранствѣ, ссылаясь на то, якобы такое отступленіе было дозволено правительствомъ. Какъ священникъ не старался всѣми кроткими мѣрами и убѣжденіями обратить заблуждающуюся, но все это осталось тщетнымъ. Не находя лучшихъ резоновъ къ оправданію своего отступничества, Павла Петерманъ, между прочимъ, говорила, что она не можетъ посѣщать православнаго богослуженія и потому что тамъ кадятъ ладаномъ, запахъ котораго не переноситъ ея голова. Вислѣдствіи Петерманъ была принята аллендорфскимъ лютеранскимъ пасторомъ на конфирмацію и приобщена тѣмъ же пасторомъ.

О поступкѣ Петерманъ доведено въ свое время епархіальному начальству.

Но вотъ и наказаніе Божіе не замедлило постигнуть совратительницу Юлію Беккеръ.

Весною 1869 года Юлія Беккеръ, ходя по совсѣмъ ровному полу своей комнаты, зацѣпилась одною, впрочемъ, болъною ногою за какую то — самую легкую ничтожную вещь, упала, и, при этомъ переломила себѣ ногу. Въ ужасныхъ страданіяхъ кричала она, при семъ случаѣ, и пролежала въ постелѣ, не трогаясь съ мѣста, болѣе полугода.

Теперь, хотя она и поправилась, но не можетъ ходить безъ помощи двухъ костылей.

Отступница Петерманъ еще и доселѣ не сознала грѣха своего и пребываетъ въ отступничествѣ. Одному Господу Богу извѣстно, что впередѣ ждетъ эту совращенную отъ православія дѣвицу.

Мать этой дѣвицы, Дарья Петерманъ, за двѣ недѣли до своей

смерти, была у меня съ просьбою принять въ предстоящій великій постъ 1867 г на извѣстную въ краѣ семь конфирмацію Павлу Петерманъ, на что я и согласился, но совращенная, какъ выше сказано, не исполнила желаніе матери и по сіе время.

И еще нѣсколько случаевъ Божія наказанія, подобно вышеписаннымъ, случалось въ моемъ приходѣ, но такъ какъ обстоятельство опытъ хорошо не упомяну, то и не передаю дѣтисни.

15. О пожарѣ отъ грозы, разразившейся надъ домомъ александорфскаго лютеранскаго школмейстера Мишке 15-го іюля 1867 г

15-го іюля 1867 г день былъ жаркій. Солнце ярко сіяло но мало по малу, небо покрылось облаками, тѣмъ облаками, при видѣ которыхъ становится на душѣ тяжело, грустно, страшно, и которыя, какъ бы по предчувствію, не предвѣщаютъ ничего хорошаго. Грустныя предчувствія наши въ самомъ дѣлѣ оправдались. Послышался громъ, и по мѣрѣ приближенія темноты, становился все слышнѣе и слышнѣе; наконецъ страшный громъ съ молніей разразился надъ нашею мѣстностью. Молнія съ такою силою сверкала, что была ослабительною. Громовые удары, слѣдовавшіе чуть ли не черезъ каждыя четверть минуты, сильно потрясали эйхенангерскій церковный домъ, находящійся въ полѣ и незащищенный ни съ одной стороны дѣсомъ. Вдругъ разразился ударъ, казалось намъ, надъ самымъ церковнымъ домомъ. Мы, въ паническомъ страхѣ, выбѣжали на дворъ, думая что горимъ. Но, къ счастью, Богъ насъ помиловалъ. Громовый ударъ разразился надъ домомъ лютеранскаго школмейстера, находящемся отъ насъ въ разстояніи около версты. Это происшествіе случилось въ половинѣ шестаго часа по полудни. Мы побѣжали тушить пожаръ, распространявшійся съ неимоверною быстротою, такъ что по прибытіи нашемъ на мѣсто пожара, вся крыша дома была обята пламеномъ и съ трудомъ можно было приблизиться къ нему на 2 сажени. Огонь жегъ съ какою то особенною силою. Спасать было невозможно, и изъ всего имущества лютеранскаго школмейстера Мишке спасена едва ли и 50-я часть.

Довольный обширный домъ лютеранскаго школмейстера сгорѣлъ до тла, въ продолженіи одного часа. Люди, собравшіеся на пожаръ, не имѣя человѣческой возможности тушить самый горѣвшій домъ, занимались только охраненіемъ надворныхъ строеній, находившихся вблизи горѣвшаго дома, что вполне и удалось имъ.

Такимъ образомъ мѣсть Божія исполнилась не надъ нашимъ домомъ (несмотря на то, что иновѣрцы, видѣвши за нѣсколько верстъ дымъ, по свидѣтельству многихъ православныхъ, съ какою то адскою злобадою говорили: „Вотъ, наконецъ, Богъ наказалъ русскихъ“;

это горитъ русскій священникъ⁽¹⁾), а надъ домомъ лютеранскаго шкомейстера.

Благодаримъ Тебя Боже, Создатель нашъ, что пронесъ этотъ роковой ударъ, разразившійся не вдалекѣ отъ насъ...

16. О сильномъ неурожаѣ, постигшемъ край сей въ 1868 г., доходившій до голода.

Жаркое лѣто 1868 г., въ течение котораго, начиная съ мая до сентября мѣсяца не выпало ни одной капли дождя, причинило давно небывалый неурожай въ сѣмъ краѣ, доходившій до голода.

Ни я, ни старожилы не упомянемъ такой засухи, какая была этимъ лѣтомъ. жары доходили до 35 градусовъ по Реомюру, въ продолженіе всего лѣта.

Солнце некло почти каждый день и тѣмъ заявлю (вопреки мнѣнію многихъ астрономовъ увѣрившихъ, что солнце начало охлаждать), что оно во все не утратило своей теплоты; напротивъ оказало способность и жечь.

Въ началѣ мая мѣсяца еще луга были покрыты обильною, зеленою, свѣжею травою; въ началѣ іюня зелень начала оскудѣвать, а къ концу этого мѣсяца, по мѣстамъ, на лугахъ показались голыя мѣста. Въ первыхъ числахъ іюля луга еще не скошенные не только казались скошенными, но представляли собою печальный видъ. Они похожи были на голую землю, красноватаго цвѣта такъ что, казалось, невозможнымъ и перстомъ ущипнуть траву, до того луга были голы. Только въ тѣни въ лѣсахъ и кустахъ можно было встрѣтить увядавшую зелень, въ мѣстахъ же открытых, луга представляли какую то грустную пустыню. Все изъ растеній было или желто, или красно. Скудная рожь, созрѣвъ прежде времени, пожелтѣла, такъ что въ первыхъ числахъ іюня уже молотили хлѣбъ, который былъ бѣлымъ, тяжелымъ и спорнымъ, но въ весьма маломъ количествѣ. Яровыя были рѣдки и весьма скудны; акаціи, листья на деревьяхъ въ іюль мѣсяцѣ уже все пожелтѣли и похожи были на тѣ, которые обыкновенно бывають въ октябрѣ мѣсяцѣ. Обильная утренняя и вечерняя роса, бывающая обыкновенно въ іюль мѣсяцѣ, вовсе не падала на землю, такъ что землю иногда можно было назвать жаждущею.

Къ этому бѣдствію, въ половинѣ іюня, присовокупилась еще другая бѣда. начали горѣть лѣса, которые, не смотря на все чело-вѣческія усилія, распространяли пламя свое на огромныя пространства. Горѣли не только лѣса, но и болота и многія деревни. несконченное стѣно въ мѣстахъ лѣсистыхъ. Тысячи народа стекались для тушенія лѣсовъ въ такую пору, когда народъ былъ занятъ другими полевыми работами. Лѣса, облитые пламенемъ представляли собою страшное и ужасающее зрѣлище, такъ что люди, въ безсиліи должны были бѣ-

шую часть львовъ оставлять на жертву пламени, спасая только тотъ лѣсъ, котораго еще не успѣло обхватить пламенемъ. Они рубили просѣки, рыли канавы; въ этомъ и состояло спасеніе уцѣлѣвшихъ львовъ, а что было застигнуто огнемъ, то сгорѣло. Воздухъ повсюду былъ наполненъ до того дымомъ, что солнце въ теченіе іюля и августа мѣсяцевъ, было омрачено такъ, что лучи оного не отражались на землѣ.

Къ этому бѣдствію присоединился еще наездъ рогатаго скота и лошадей, изъ котораго не малое количество погибло отъ такъ называемой сибирской язвы. Для предотвращенія этой заразы, многіе дѣлали скоту своему заволоку и почти всѣ обливали скотъ свой по утрамъ и вечерамъ холодною водою. Удивительно еще то, какъ весь скотъ не сдѣлался жертвою засухи онъ буквально голодалъ, потому что въ полѣ почти ничего не было; онъ, кажется, питался засохшими листьями, чтобы не погибнуть отъ голода, потому что травы, какъ бы въ самую глубокую осень, нигдѣ не было видно.

Посѣвы и сѣновосы, по скошеніи, производили самое грустное впечатлѣніе. Гдѣ, бывало, глазъ привыкъ видѣть нѣсколько стоговъ сѣна или нѣсколько коней разнаго хлѣба, тамъ изрѣдка, кое гдѣ, видѣлся тощій стожекъ сѣна, или тощая конна какого либо хлѣба.

Къ концу сентября мѣсяца полевые работы совершенно кончились, съ полей все было убрано и въ рѣяхъ смолочено. Многіе не получили даже и сѣмянъ. Если кто получалъ самъ второй или третій изъ посѣяннаго, то такой считалъ себя счастливымъ. Такъ какъ урожай 1867 г. небылъ удовлетворительнымъ, то неурожай 1868 г., былъ еще тѣмъ гибельнѣе для многихъ. Многіе задолжали хлѣбомъ еще въ прошломъ 1867 г. въ общественные магазины, рассчитывая на отдачу въ 1868 г., но въ этомъ году, они были не въ состояніи не только уплатить старый долгъ, но имѣли нужду на пособіе изъ магазиновъ и въ настоящемъ 1868 г. А въ самыхъ магазинахъ была недостаточная пропорція для выдачи нуждающимся. Правительство, предвидя въ будущемъ недостатокъ хлѣба, издало циркуляръ волостнымъ правленіямъ, требуя отъ нихъ извѣщеній въ состояніи ли будутъ онѣ доставлять народу достаточное продовольствіе хлѣба изъ магазиновъ и имѣется ли достаточно корма для прокормленія скота. Счастливы были тѣ волости, старшины которыхъ показали всю правду, прося помощи у правительства; напротивъ пострадали тѣ волости, старшины которыхъ, по нерадѣнію ли то, по гордости, или по ввухенію постороннему, или изъ боязни одолжиться отъ казны и внести въ неоплатные долги, скрыли свои недостатки и нужды.

До Рождества Христова, народъ вѣреннаго мѣвъ прихода, состоящій болѣею частию изъ бобылей и работниковъ, кое какъ боролся еще съ недостатками, но начиная отъ Рождества Христова, нужда въ хлѣбѣ сдѣлалась всеобщая. Ежедневно прихожане мои и чужіе при-

ходили ко мнѣ съ просьбами, то за совѣтомъ, то за милостынею. Благодаря учрежденному мною за долго до сего времени церковному попечительству, я имѣлъ возможность посылать голодающимъ, но помощь эта, при множествѣ нуждающихся, была мала и недостаточна. Въ кассѣ попечительства было около восьмидесяти рублей сер.; но что это значило для удовлетворенія насущной потребности цѣлой сотни семействъ?

Впрочемъ, каждому прихождему и болѣе или менѣе оказывалъ пособіе, раздавая изъ денегъ попечительства съ осмотрительною аккуратностію по не многу; иной получалъ до 3-хъ штофовъ крутъ, иной получалъ по нѣсколько фунтовъ печенаго хлѣба, иной по 20 фунтовъ муки; но при всей аккуратности попечительскія средства истощались. Такъ какъ средства попечительства, очевидно, не могли удовлетворить множеству нуждавшихся, то я писалъ формальныя бумаги въ волостныя правленія и въ приходскій судъ, ходатайствуя за нуждавшихся, проси дать имъ работы и хлѣба. Нынѣ волостныя правленія сначала уважали мои ходатайства, давали и работы и хлѣбъ, но наконецъ и ихъ средства истощались: магазины были пусты и народъ былъ предоставленъ самому себѣ.

Тутъ то (это было въ февралѣ мѣсяцѣ), прихожане еще въ большемъ противъ прежняго количествѣ начали взывать о помощи. Ко мнѣ приходили старцы и молодые, жены и вдовы съ малолѣтними дѣтьми, проси куса хлѣба для утоленія голода, говоря, что они въ течение цѣлой недѣли не вкушали ничего мучнаго, питаясь то водою, то кореньями, то мякиною. Другіе говорили, что они уже все продали, что только можно было продать, и проѣли.

И обращаясь опять съ просьбами то въ вольмарскій ордингерихтъ, то къ приходскому судѣ, которые отвѣчали, что сдѣлано волостнымъ старининомъ предписаніе объ удовлетвореніи нуждающихся, но старинины, отказывая говорили „что имъ нѣтъ помочь.“ Бѣдствие было самое ужасное, и недалеко было погибнуть голодною смертію. Въ такомъ безнадежномъ положеніи изъ состраданія къ своимъ прихожанамъ, я обратился съ письмомъ къ достопочтенному о. инспектору рижской духовной семинаріи священнику Михаилу Михайловичу Дрекселеру, изложивъ въ ономъ бѣдственное положеніе прихожанъ и просилъ довести до свѣдѣнія епархіальнаго начальства, вовсе не подозревая, что у этого почтеннаго мужа былъ другой источникъ помощи бѣдствующему народу. Письмо это было мною послано съ нувельнскимъ крестьяниномъ Егоромъ Анситомъ, который, возвратясь назадъ, въ первый разъ объявилъ мнѣ, что на письмо мое, по старанію о. инспектора Дрекселера, онъ получилъ вспомоствованіе отъ рижскаго петропавловскаго братства. Отъ этого крестьянина узналъ я, что петропавловское братство оказываетъ сострадательно пособіе многимъ голодающимъ латышамъ. Пользуясь этимъ извѣстіемъ

и не имѣя въ рукахъ своихъ достаточныхъ средствъ къ утоленію голода нуждавшихся насущной пищи, я началъ выдавать явившимся ко мнѣ изъясненія, обращенныя ко всемъ сострадательнымъ людямъ, прося объ оказаніи помощи голодающимъ, посылая оныхъ въ городъ Ригу. Но для того, чтобы было туда съ чѣмъ отправиться, я снабжалъ каждого нужнымъ количествомъ денегъ или хлѣба на дорогу изъ скудныхъ средствъ попечительства.

И посланія эти увѣщались немалымъ и нежеланнымъ успѣхомъ. Одинъ изъ посланныхъ такимъ образомъ, эйхенагерскій крестьянинъ и православный формидеръ Яковъ Заламонъ, у котораго за долги помѣщикъ эйхенагерскій, графъ Шверсъ, продалъ все имущество, получилъ отъ рижскаго петропавловскаго братства двадцать нѣтъ руб. сер. Многие получили отъ сего братства по два, по три и болѣе рублей сер. на человѣка. Письмо мое, о которомъ говорено выше, о инспекторомъ Дрекслеромъ было представлено братству въ чрезвычайномъ собраніи, и слѣдствіемъ этого было то, что братство въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1869 г., препроводило въ эйхенагерское попечительство для раздачи бѣднякамъ пятьдесятъ руб. сер. А въ маѣ сего же 1869 г., вслѣдствіе просьбы эйхенагерскаго попечительства, препроводило еще сорокъ руб. сер. Но благотѣнія братства не распространялись только на эйхенагерскій приходъ. оно благотворило и прочимъ православнымъ приходамъ рижской епархіи. Такъ, мнѣ извѣстно, что въ лемзальскій приходъ для раздачи бѣднякамъ, братство выслало слишкомъ двѣсти шестьдесятъ рублей; въ убенормскій шестьдесятъ рублей серебромъ.

И такъ, голодъ продолжался вплоть до помощи новаго хлѣба, которая воспослѣдовала, по случаю холоднаго и дождливаго лѣта, въ 1-хъ числахъ августа мѣсяца. Съ наступленіемъ весны сего лѣта, нуждающіеся стали рѣже обращаться за помощію ко мнѣ, потому что утоляли голодъ свой кореньями, лебедою и другими травами. И такъ пережили страдальцы бѣдственную осень 1868 г., зиму и весну 1869 г., которые останутся на долго, долго въ памяти здѣшнихъ жителей. Но благодареніе Богу, наказавшему насъ, но не предавшему ни единого голодной смерти! Это я приписываю чудному промыслу Божию, недопустившему погибнуть бѣднымъ поселянамъ отъ голода и расположившему сердца добрыхъ и благотворительныхъ людей къ подаянію и помощи. Всюду были устроены благотворительные комитеты, которые предотвратили голодную смерть. Да и волостныя правленія такъ плохо расчитавшія запасы свои и не просившія доселѣ у правительства помощи, ускорили затратить все волостныя деньги на покупку хлѣба изъ г. Риги. Цѣлыя вереницы возовъ съ хлѣбомъ тянулись изъ г. Риги по всемъ направленіямъ нашей мѣстности, и когда денежные средства волостей на покупку хлѣба истощились,

то нѣкоторые изъ нихъ, наконецъ, прибѣгли къ займу отъ правительства, на ссуду котораго еще было куплено хлѣба, какъ для продовольствія народа, такъ и для обдѣленія полей въ предстоящую весну. Мать наша Россія и въ особенности г. Орель, изъ котораго доставлялся хлѣбъ въ Ригу по желѣзной дорогѣ, въ прошломъ году только что оконченной, спасли голодный остзейскій край въ прошломъ году отъ неминуемой смерти. Хотя въ Россіи рожь и стоила 1 р. 33 к. за пудъ, а въ приходѣ моемъ отъ 2 руб. до 2 руб. 20 к. за пудъ; но если бы не г. Орель и Рига, то даже и житочныя подвергались бы если не смерти отъ голода, то лишенію употребленія въ теченіе полугода мучной пищи. А бѣдняки, у которыхъ никакой не было пищи, буквально умерли бы съ голода.

17. Пятидесятилѣтній юбилей со времени освобожденія лифляндскихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

По распоряженію спархіальнаго начальства, предписано было въ 25-й день марта сего 1869 г. праздновать по церквамъ пятидесятилѣтній юбилей освобожденія лифляндскихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Празднованіе это по всей Лифляндіи происходило слѣдующимъ образомъ

По отслуженіи литургіи, былъ совершенъ торжественно благодарственный Господу Богу молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ съ провозглашеніемъ вѣчной памяти императору Александру I-му, освободившему латышей и эстонъ отъ вѣрностной зависимости, и многолѣтня нынѣ благополучно царствующему государю императору Александру II и всему августѣйшему дому. Предъ началомъ молебствія, мною произнесено было въ церкви весьма пространное и приличное случаю слово, гдѣ было показано какъ цѣль празднества, такъ и значеніе христіанской свободы; вмѣстѣ съ сѣмъ въ яркихъ чертахъ было изложено бѣдственное состояніе рабства латышей, радость и благотѣльное дѣйствіе той свободы, которою они наслаждались въ теченіе минувшаго пятидесятилѣтія, въ особенности же по водвореніи между ними православной вѣры. Слушатели были весьма внимательны къ моему слову, но на лицахъ ихъ, истощенныхъ голодомъ, нельзя было замѣтить особенной радости, потому что торжество юбилея совпало въ такую бѣдственную для нихъ годину — годину недостатка въ насущномъ хлѣбѣ. Они переживали трудное для себя время, а впереди не представлялось имъ, напуганнымъ всурожаемъ, никакой отрады.

Не въ однихъ православныхъ церквахъ праздновалось торжество юбилея — оно праздновалось, по преимуществу, и въ киркахъ

лютеранскихъ, ибо лютеране и мѣстные ихъ власти были первые, которые провозглашали юбилей, который, по просьбѣ нѣкоторыхъ изъ прихожанъ моихъ, былъ мною отпразднованъ еще до распоряженія епархіальнаго начальства, вмѣстѣ съ лютеранами во 2-й день марта сего года, потому что въ тотъ день за пятьдесятъ лѣтъ предъ симъ было возвыщено манифестомъ объ освобожденіи крестьянъ.

Да и нельзя было не слѣдовать празднованію лютеранъ, потому что въ этотъ день именно, который былъ буднимъ, крестьяне мѣстными лютеранскими властями и помѣщиками были освобождены отъ работъ и нарядовъ.

Если бы мы, православные, вздумали торжествовать это событіе въ какой либо изъ другихъ буднихъ дней, то, навѣрное, не успѣли бы въ этомъ, потому что народъ, занятый работами, не имѣлъ бы возможности посѣтить храмъ Божій.

Скромный праздникъ сей въ приходѣ моемъ ознаменованъ былъ благотвореніемъ нѣсколько изъ бѣдняковъ прихода были награждены по три штофа крупъ на человѣка.

Но лютеране этимъ не завершили еще торжество юбилея.

Пуйкальвскій помѣщикъ, покойный фонъ Клотъ, онъ же и церковный попечитель и приходскій судья, сдѣлалъ приглашеніе всѣмъ волостнымъ старшинамъ аллендорфскаго кирхшпиля, чтобы они объявили каждый въ своей волости о томъ, что перваго мая 1869 г., онъ, Клотъ, устраиваетъ на мызѣ своей Пуйкальвъ пиршество или балъ, къ которому приглашаетъ всѣхъ поселянъ и прочихъ лицъ, во съ тѣмъ, однакожъ, чтобы каждый, желающій участвовать на пиршествѣ изъ мужчинъ внесъ по рублю, а изъ женщинъ по 50 к. Для сей цѣли г фонъ Клотъ снабдилъ старшинъ билетами, которые и было поручено продавать желающимъ участвовать на пиршествѣ. Не знаю, что побудило г фонъ Клота устраивать такое пиршество въ столь бѣдственное время, однако, несмотря на это болѣе замѣтные изъ поселянъ собрались 1-го мая не только изъ аллендорфскаго кирхшпиля, но и изъ сосѣднихъ кирхшпилей, на сей пресловутый юбилейный пиръ въ числѣ пятисотъ человѣкъ, чтобы имѣть честь вировать въ роскошныхъ залахъ помѣщика вмѣстѣ съ дворянами и ихъ семействами. Но это событіе не обошлось безъ нѣкоторой хитрости со стороны нѣкоторыхъ пронырливыхъ поселянъ. Говорятъ, что многіе изъ нихъ вовсе не запаслись билетами. Когда двери залъ были отперты для принятія гостей, тогда при общей тѣснотѣ, многіе вошли и безъ билетовъ. Толпа же, стоявшая на дворѣ, замѣтивъ, что ни отъ кого билетовъ не спрашиваютъ, подъ шумокъ такъ же вступила въ залъ, но какъ говорятъ, на всякій случай иные запаслись и

деньгами, такъ, еслибы потребовали билеты, то они намѣрены были вмѣсто оныхъ предъявить кредитный рублевого достоинства. Помѣщикъ съ супругою своею весьма любезно встрѣчалъ гостей всякаго сословія безъ различія. Тутъ было и дворянство лифляндское, во время оно гордое и напыщенное, но теперь любезное и покладливое и крестьянство; словомъ, господа съ своими прежними рабами.

Хозяинъ съ хозяйкою весьма любезно подчивали гостей сигарами и приглашали къ общему столу. Тутъ сидѣлъ баронъ рядомъ съ мужикомъ своимъ крестьяниномъ, помѣщица съ своей рабой-крестьянкой, фрейлина вмѣстѣ съ какимъ нибудь парнемъ-латышемъ, пятью пальцами вмѣсто вилокъ бравшимъ предлагаемыя яства, хотя въ столовыхъ приборахъ и не было недостатка. Но бѣда въ томъ, что импровизованный гость не умѣлъ воспользоваться лежащими на столѣ приборами. По окончаніи стола начались танцы, въ которыхъ участвовали дворяне вмѣстѣ съ крестьянами. Какой нибудь мужичекъ-хозяинъ на веселѣ аганижировалъ баронессу или ея дочку. Баронъ въ свою очередь кружился съ крестьянкою. Словомъ, братство между латышами и нѣмцами вполне возстановилось на семъ пиру. Несмотря на то, что многіе пировали даромъ, помѣщикъ Клотъ съ немалымъ избыткомъ вознагражденъ за учрежденіе такого братскаго, неслыханнаго миршества. Говорятъ, что отъ этого бала осталось у него въ кошелькѣ, если не болѣе, то и не менѣе 200 руб. Нельзя не упомянуть и о томъ, что какъ ни хитрили латыши, чтобы воспользоваться баломъ на даровщину, но поведеніе ихъ въ этомъ отношеніи не ускользнуло отъ вниманія скупѣйшей помѣщицы. Нашлись люди, которые доложили ея высокоблагородію, что многіе изъ пирующихъ не предъявляли ни билетовъ, ни денегъ. Стѣсненнаго должно быть многодушествомъ и разнохарактернымъ обществомъ, она оставила это дѣло безъ изслѣдованія, сказавъ только: „что мнѣ съ ними дѣлать; пусть ѣдятъ и пьютъ, когда имъ не стыдно.“ И въ самомъ дѣлѣ, что ей было дѣлать, при такомъ братскомъ единодушіи и искусственной гуманности: не спрашивать же стать денегъ у пирующихъ. Пиръ этотъ, какъ говорятъ, безъ дальнѣйшихъ приключеній окончился къ 10-ти часамъ вечера.

Несмотря, однакожъ, на политическій характеръ этого пира, на характеръ сближенія помѣщиковъ съ крестьянами, послѣдніе все-таки остались недовольны, говоря и пересушивая по своему: „Теперь притѣснители наши на время хотятъ задобрить насъ“, говорятъ крестьяне, но это только хитрость, которой намъ поддаваться не нужно.“ Другіе утверждали, что г. Клотъ для собственной прибыли устроилъ балъ этотъ, отъ котораго попользовался хорошимъ кушемъ. Замѣчательно, что этотъ необыкновенный для Клода балъ былъ первымъ и послѣднимъ въ его жизни. Спусти четыре мѣсяца, т. е.

въ сентябрѣ 1869 г., не стало и пуйкельнскаго помѣщика, аллендорфскаго церковнаго попечителя и приходскаго судьи Рейнгольда фонъ Клодта. Во вторникъ, 9-го сентября, рано утромъ Клодтъ внезапно скончался, какъ говорятъ, отъ удара.

Въ понедѣльникъ, 9-го числа, онъ, здоровый и веселый, пировалъ на крестинахъ у мѣстнаго доктора Вейбека. Съ понедѣльника на вторникъ онъ проводилъ за полночь въ нисѣмѣ, но утромъ, почувствовавъ дурно, хотѣлъ было выйти изъ комнаты, но, упавъ у дверей оной, испустилъ духъ.

Этимъ оканчиваются записки отца Андрея Полякова. Въ скоромъ времени онъ былъ переведенъ священникомъ въ Буртнекъ, гдѣ опасно занемогъ. Не имѣя никакой возможности пользоваться въ деревнѣ совѣтами врачей, онъ прибылъ въ Ригу, и здѣсь въ началѣ 1876 г. умеръ.

Покойный Андрей Петровичъ Поляковъ первоначальное воспитаніе получалъ въ Ригѣ, въ Екатерининскомъ училищѣ и потомъ въ частномъ пенсіонѣ. Молодымъ человѣкомъ онъ поступилъ прикащикомъ въ одинъ изъ здѣшнихъ русскихъ торговыхъ домовъ, и зная отлично латышскій языкъ сдѣлался извѣстнымъ пресвященному Филарету.

Воспоминанія

барона Владиміра Ивановича Левенштерна.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Извѣстный авторъ исторіи польскаго востанія и войны 1830 и 1831 г. Фридрихъ Смитъ издалъ въ Лейпцигѣ въ 1858 г. книгу въ 2-хъ томахъ подъ заглавіемъ: *Denkwürdigkeiten eines Livländers, aus den Jahren 1790—1815*. Это воспоминанія генерала Левенштерна. Смитъ лично зналъ Левенштерна и одно время, именно въ 1818 г., служилъ подъ его начальствомъ. Когда корпусъ Воронцова выступалъ изъ Франціи — то для завѣдыванія русскими войскими чинами во Франціи было учреждено особое дело, вѣдѣнное начальству полковника Левенштерна. Смитъ, состоявшій при главной квартирѣ корпуснаго командира графа Воронцова и опасно заболѣвшій при выступленіи нашихъ войскъ изъ Франціи въ ноябрѣ 1818 г., принужденъ былъ вѣстѣ съ другими офицерами остаться при названномъ депе. Когда Смитъ оправился отъ болѣзни, Левенштернъ, человекъ весьма любезный, но не любившій заниматься письменными дѣлами, сдѣлалъ его правителемъ своей канцеляріи. Смитъ исправлялъ эту должность до того времени, когда депо лѣтомъ 1819 г. возвратился въ Россію моремъ чрезъ Амстердамъ на 3-хъ корабляхъ и прибыло въ Ригу.

Упомянутую выше книгу Смитъ составилъ по дневнику, письмамъ и изустнымъ разсказамъ Левенштерна, который самъ въ 1850 г. пересмотрѣлъ ее, дополнилъ и исправлялъ.

Эти воспоминанія, говоритъ Смитъ, не слѣдуетъ смѣшивать съ мемуарами того же самаго Левенштерна, которые онъ собственноручно написалъ на французскомъ языкѣ и передалъ на храненіе въ архивъ военнаго министерства (нынѣ записки эти хранятся, какъ слышно, въ императорской публичной библіотекѣ; онѣ не изданы и до сихъ поръ).

Баронъ Владиміръ Ивановичъ Левенштернъ, какъ изъ послужнаго списка его видно, въ службу вступилъ въ 1793 г. въ лейбъ-гвардіи семеновскій полкъ сержантомъ и находился безсѣннымъ ординарцемъ при генераль-аншефѣ графѣ Салтыковѣ. Въ декабрѣ 1794 г. переведенъ въ конную гвардію

ваххистромъ и 1-го января 1795 г. назначенъ ротхистромъ въ легкий кавалерійскій украинскій полкъ. Полкъ этотъ въ апрѣлѣ 1797 г. былъ переименованъ въ стародубовскій кирасирскій полкъ и 21-го января 1800 г. въ этомъ полку баронъ Левенштернъ былъ произведенъ въ майоры. 13-го января 1802 г. онъ за болѣзнь былъ уволенъ отъ службы и снова поступилъ въ службу майоромъ 29-го февраля 1812 г. Въ 1812 г. онъ находился старшимъ адъютантомъ при Барклаѣ де Толли, потомъ при князѣ Кутузовѣ, а съ марта 1813 г. состоялъ при генералъ-отъ-кавалеріи баронѣ Вилценгеродѣ. 31-го августа 1813 г. онъ былъ произведенъ за отличие въ подполковники и съ августа этого года во весь 1814 г. состоялъ при генералъ-лейтенантѣ графѣ Воронцовѣ.

19-го мая 1815 г. онъ произведенъ въ полковники съ назначеніемъ въ ахтырскій гусарскій полкъ въ авангардѣ графа Ламберта. Замѣчательно, что баронъ Левенштернъ былъ, какъ значится въ послужномъ спискѣ, произведенъ въ подполковники за отличие въ сраженіи подъ Бородинымъ, но это производство объявлено не было. Въ 1813 г. былъ произведенъ въ полковники и потомъ вторично произведенъ въ полковники же въ 1815 г.

Состоя на службѣ въ отдѣльномъ корпусѣ графа Воронцова въ 1815, 1816, 1817 и 1818 годахъ, баронъ Левенштернъ, по выступленіи корпуса Воронцова въ Россію, оставался по 15 апрѣля 1819 г. начальникомъ всѣхъ русскихъ войскъ, оставшихся во Франціи.

По возвращеніи въ Россію, баронъ Левенштернъ былъ уволенъ къ статскимъ дѣламъ 30-го апрѣля 1823 г. съ чиномъ дѣйств. ст. совѣтника, а 14-го сентября 1826 г. принять вновь въ военную службу полковникомъ съ назначеніемъ вторымъ комендантомъ въ г. Ревель. 6-го декабря 1826 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры съ назначеніемъ состоять при начальникѣ 3-й драгунской дивизіи. 19-го марта 1828 г. назначенъ бригаднымъ командиромъ 2-й бригады 3-й уланской дивизіи, былъ отчисленъ по кавалеріи 26-го мая 1834 г. и наконецъ 8-го января 1838 г. былъ уволенъ отъ службы съ жандаромъ и пенсіономъ полного жалованья по 1800 руб. въ годъ.

Баронъ Левенштернъ умеръ въ Петербургѣ 21-го января 1858 г., на 82 году отъ роду, проведя послѣдніе 20 лѣтъ своей жизни въ отставкѣ. Левенштернъ пользовался въ Петербургѣ не малою извѣстностію, въ высшемъ кругу столицы былъ лицомъ довольно замѣтнымъ, и состоялъ въ близкихъ и дружескихъ отношеніяхъ съ бывшимъ государственнымъ канцлеромъ графомъ Пессельерде, княземъ Чернышевымъ, княземъ Воронцовымъ, графомъ Паленомъ, Ридигеромъ, Бергомъ и др.

Книга Сжита состоитъ изъ 15-ти главъ и заключаетъ въ себѣ воспоминанія Левенштерна за время съ 1790 по 1815 годъ. Объяснительныя примѣчанія къ нимъ составлены переводчикомъ книги.

I.

1777—1796.

Рожденіе, воспитаніе, вступленіе въ службу.

Когда престарѣлый командоръ тевтонскаго рыцарскаго ордена (этотъ образъ близокъ сердцу ливонца) водворялся въ предоставленной ему палатѣ въ какой нибудь крѣпости ордена, передъ нимъ вѣроятно не разъ носились воспоминанія о тяжелой нуждѣ, о борьбѣ, о побѣдахъ и пораженіяхъ, которыя онъ перенесъ въ теченіи своей жизни, исполненной опасностей и воинскихъ подвиговъ.

Какъ жаль, подумаешь, что онъ не позволялъ лѣниво расхаживавшаго крѣпостнаго капеллана и не продиктовалъ ему нѣсколькихъ листовъ о своихъ походахъ. Съ какою удовольствіемъ читали бы наши современники рассказъ о тѣхъ древнихъ событіяхъ! Сожалѣя о незаписанныхъ и потому погибшихъ картинахъ, я наведенъ на мысль, что и я, такой же давно оставившій сѣдло всадникъ, могу порассказать о многихъ славныхъ походахъ, о многихъ замѣчательныхъ событіяхъ, и набросать житейскіе очерки, на которые съ удовольствіемъ взглянуть тогда, когда пережившій все это будетъ покоиться въ послѣднемъ, узкомъ и темномъ жилищѣ. Почему же бы мнѣ и не рассказывать письменно капеллана мнѣ не нужно. Писарь будетъ содержать мои бумаги въ порядкѣ, и такъ вмѣсто сабли и пистолета я вооружаюсь перомъ — вѣдь и оно остро, и оно стальное.

Я родился въ 1777 году въ замкѣ Разикѣ, въ гарріенскомъ уѣздѣ Эстляндіи. Юность моя прошла не въ одиночествѣ. Меня окружали милые, дорогіе для меня братья и сестры: одни были старше, другіе моложе меня. Въ раннемъ дѣтствѣ и въ послѣдующіе годы я вспоминалъ ихъ образы съ горячей любовью и упомян

о каждомъ изъ нихъ при дальнѣйшемъ ходѣ разсказа, какъ скоро случившееся происшествіе коснется кого либо изъ нихъ. Во главѣ всѣхъ этихъ воспоминаній передо мною является почтенный образъ моего отца. Германъ Людовикъ фрейгеръ (баронъ) фонъ Левенштернъ, будучи ландратомъ эстляндской губерніи (тогда еще называвшейся герцогствомъ) былъ также однимъ изъ наиболее уважаемымъ старшимъ по ея внутреннему управленію; какъ зажиточный помѣщикъ, онъ славился своимъ гостепріимствомъ у сосѣдей, и эстонцы, жившіе на его земляхъ, называли его кроткимъ господиномъ. Возлѣ него сіяетъ въ моей памяти дорогая мать, урожденная Сталь фонъ Гольштейнъ; ей обязанъ я ничѣмъ не замѣнимымъ счастьемъ свѣтлымъ воспоминаніемъ о ничѣмъ не омраченномъ дѣтствѣ, прожитомъ подлѣ ея нѣжными, исполненными любви заботами обо мнѣ.

Первоначально нашъ родъ поселился въ Лифляндіи, гдѣ еще остаются нѣкоторыя его отрасли до сихъ поръ. Съ древнихъ временъ Левенштерны принадлежать къ дворянству, а съ 1720 г. приобрѣли баронское достоинство. Въ Эстляндію перѣхалъ мой дѣдушка и получилъ въ наслѣдство помѣстья Разинъ, Кампенъ и Алляферъ: онъ продалъ свои владѣнія въ Лифляндіи. Главное изображеніе нашего фамиліаго герба составляетъ красный левъ, стоящій на заднихъ лапахъ съ вытянутыми передними лапами надъ голубой поперечной балкой; вверху щита по обѣимъ сторонамъ изображены двѣ красныя звѣзды на серебряномъ полѣ. Остальное описаніе на четверо раздѣленного щита (изъ котораго я взялъ только средину и верхнюю часть), я предоставляю геральдическимъ изслѣдованіямъ; замѣчу только еще, что между прочими изображеніями герба находятся золотой серпъ мѣсяца въ красной поперечной балкѣ и золотой грифъ на голубомъ полѣ.

Воспитаніемъ моихъ руководили съ любовью и тщательностью. Съ благодарностью вспоминаю я о моемъ первомъ учителѣ въ отеческомъ домѣ; онъ своими наставленіями и развитіемъ моихъ умственныхъ способностей направилъ мои мысли такъ, что онѣ не всецѣло обратились къ саблѣ и коню, къ охотѣ, фехтованью и житейской суетѣ, гдѣ онѣ могли безплодно разсѣяться, но и къ высшимъ духовнымъ интересамъ, при чемъ мои мысли имѣли возможность соединиться въ одно цѣлое и обрѣсти плоть. Этимъ наставникомъ и другомъ моей юности былъ магистръ Флядейзенъ, саксонецъ родомъ, который впоследствии умеръ въ Дерптѣ, исполняя высшую школьную должность. Онъ оставилъ по себѣ память и какъ писатель¹⁾. Французскому языку и свѣтскому обращенію училъ меня, по общеприня-

¹⁾ Флядейзенъ написалъ и издалъ книгу: „Räsonnement über einige Maximen der alten Welt und ihren Einfluss auf die Denkungsart der Menschen der alten und neuen Zeit. — Riga, Hartknoch, 1777 г., 152 стр. in 8.

тому обычаю, легкомысленный и легко порхающий, но впрочем очень образованный французъ, мосье Пурнье. Онъ впоследствии сопровождалъ меня въ Петербургъ, въ качествѣ руководителя, а наконецъ получилъ мѣсто въ Дерптѣ.

Школьное образованіе свое я получилъ въ ревельской дворянской академіи²⁾, въ которой въ то время состояло четыре профессора, четыре товарища ихъ и еще дополнительные учителя. Здѣсь учился я латинскому языку и древностямъ, всеобщей исторіи, географіи и геометріи, физикѣ и физиологіи и многому другому, а также верховой ѣздѣ и фехтованію. Отецъ мой, бывшій въ числѣ двѣнадцати дворянъ — попечителей названнаго учебнаго заведенія, не щадилъ издержекъ на мое образованіе. Изъ учебныхъ предметовъ я избралъ преимущественно тѣ, которые считалъ нужными для военнаго дѣла и кромѣ того съ любовью предался такъ называемымъ изящнымъ наукамъ. Я строилъ планы для своей будущности, составлявшіе совершенную противоположность такъ называемой жизни за печкой.

На тринадцатомъ году отъ роду я случайно былъ очевидцемъ морскаго сраженія, происходившаго у Ревеля 14-го мая 1790 года³⁾,

²⁾ Учебное заведеніе, о которомъ упоминается здѣсь Ливенштеркъ, есть нынѣшнее эстляндское дворянское домашнее училище: Оно основано въ 1819 г. въ Ревелѣ и получило названіе школы св. Маріи для домашней (соборной) школы — *Schola cathedralis Reveliensis*. Въ 1768 г. эта школа была преобразована и названа дворянскою академіею, при ней состоялъ пансіонъ. Съ 1819 г. она называется эстляндскою дворянскою домашнею школою и подчинена ведомству дерптскаго учебнаго округа. Въ настоящее время школа эта есть не что иное какъ семиклассная классическая гимназія; содержаніе ея обходится въ годъ 17,900 руб., изъ которыхъ 13,475 р. высылтъ эстляндское дворянство, а остальное доплачиваетъ министерство народнаго просвѣщенія.

³⁾ Морское сраженіе на ревельскомъ рейдѣ происходило 2 (13) мая 1790 г. Кампанія 1789 г. на Балтійскомъ морѣ противъ шведовъ кончилась полнымъ торжествомъ нашего флота. На зиму главная часть флота нашего отправилась въ Кронштадтъ, а въ Ревель, по тѣлостѣ, были оставлены якорять 10 кораблей, 5 фрегатовъ и 14 мелкихъ судовъ. Раннею весною 1790 г. эти суда были вооружены и выведены на рейдъ, состоя подъ главнымъ начальствомъ адмирала В. Я. Чичагова. Шведы рѣшились атаковать эту эскадру и 2 (13) мая флотъ ихъ, состоявшій изъ 20 кораблей, 6 фрегатовъ и 6 мелкихъ судовъ, приблизился къ ревельскому рейду. Сраженіе началось въ 10 часовъ утра и продолжалось до 3 ч. по полудню. Сильнѣйшій пырившій вѣтеръ, будучи попутнымъ шведамъ, быстро подвигалъ ихъ мимо предметовъ малой, а это дало перешагнуть дѣйствию нашей артиллеріи. Шведскій корабль „Густавъ III“, бывшій подъ флагомъ генералъ-адмирала герцога Зюдерманландскаго (брата короля), потерпѣлъ такіе поврежденія, что долженъ былъ спустить флагъ и бросить якорь у восточнаго крыла нашей линіи, куда его привнесло вѣтривъ. Къ 3 ч. по полудню шведскіе корабли начали отступать отъ ревельскаго рейда съ вершиною проходомъ между островами Наргеномъ и Вульфомъ, откуда и выходилъ. При этомъ отступленіи одинъ 60-ти пушечный шведскій корабль съѣхъ на рифъ острова Вульфа и какъ бы было никакой возможности его спасти, то въ слѣдующую ночь шведы его сожгли. Шведы потеряли такимъ образомъ 2 корабля: одинъ сожженный на мели, а другой, сдвинувшійся нахъ съ 455 чел. экипажа. Участвовавшіе въ сраженіи шведскіе корабли потерпѣли большія поврежденія въ рангоутѣ и парусахъ. Мы сдѣлали 13,063 выстрѣла по неприятелю

въ которомъ шведы потеряли два линейныхъ корабля; изъ нихъ одинъ излетѣлъ на воздухъ. Ужасная, въ особенности же величественная сторона этого зрѣлища заставила содрогнуться мое юное сердце. Съ тѣхъ поръ я часто думалъ о сраженіяхъ и питалъ жаркое желаніе опять видѣть битву. Это желаніе впоследствии осуществилось съ избыткомъ. Чего мы желаемъ въ юности, того достаточно имѣемъ въ зрѣломъ возрастѣ.

На семнадцатомъ году отъ роду я былъ стройнымъ, высокорослымъ молодцомъ, недурнымъ собою. Начали думать о приготовленіи меня къ военной службѣ, которую, по тогдашнему обычаю, начинали возможно ранѣе. Я долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ подъ надлежющимъ и достойнымъ надзоромъ, гдѣ мнѣ надлежало пройти первую воинскую службу до производства въ офицеры возможно скорѣе и съ наибольшей пользой. Приготовленія эти были сдѣланы и мнѣ предстояла разлука съ мѣстами, бывшими свидѣтелями моихъ дѣтскихъ игръ. Я вспоминаю объ этомъ времени не безъ боли въ сердцѣ.

Предъ моими взорами носится и предметъ моей юпошеской любви, какъ одно изъ послѣднихъ воспоминаній жизни въ отеческомъ домѣ. Стройная блондинка — дѣвушка, дочь одного изъ служащихъ чиновниковъ по хозяйству въ Разикѣ, только нѣсколькими мѣсяцами моложе меня, разбудила въ моей младенчески спокойной груди непѣдомое до того чувство. Она носила зеленый корсетикъ, плотно прилежавшій къ ея нѣжной фигуркѣ, и всегда одинъ и тотъ же самый зеленый корсетикъ, потому что у нея не было другого. Какъ миль сдѣлался для меня съ тѣхъ поръ зеленый цвѣтъ! Я мало по малу и самъ превратился въ зеленого чижа охотничій кафтанъ, перелязъ охотничьей сумки, фуражка — все было зеленое, и скажу метафоры ради — и мысли у меня были также зеленныя. По дорогамъ и тропинкамъ слѣдилъ я сквозь зеленый лѣсъ за прекрасной дѣвушкой или видалъ ее черезъ заборъ, сидящую на дворикѣ своего отца. Разсказанныя мною приготовления оторвали меня отъ всего этого. Я расстался съ Касей (такъ звали на эстонскомъ звучномъ языкѣ милую дѣвушку, это сокращеніе имени Катерины) и унесъ рану въ сердцѣ и зеленый цвѣтъ въ памяти. Какъ часто говаривалъ я потомъ, когда служебный мундиръ покрывалъ и часто давилъ мои худые, молодые плечи „Бодрѣе, вѣдь это цвѣтъ Кан!“ и въ теченіе многихъ лѣтъ, на утомительныхъ переходахъ, на сырости, холодномъ бивуакѣ, улыбаясь говорилъ я про себя, глядя на роковой свой мундиръ „Это цвѣтъ Кан!“

и понесла сравнительно ничтожную потерю: 8 чел. убитыми и 27 чел. ранеными. Адмиралъ Чичаговъ за сраженіе подъ Ревелемъ получалъ орденъ св. Андрея и 2000 душъ крестьянъ.

Въ Петербургъ я отправился въ 1793 г., подъ покровительство моего достойнаго и благороднаго дяди, генерала Христофора Бенкендорфа, отца впоследствии извѣстныхъ братьевъ графовъ Александра и Константина Бенкендорфовъ и княгини Ливень, умершей въ 1857 году ⁴⁾).

Вслѣдствіе мѣрь, принятымъ еще въ Ревелѣ, я былъ принятъ сержантомъ въ лейбъ-гвардіи семеновскій полкъ и по этому, по нашемъ прибытіи, генералъ Бенкендорфъ представилъ меня, какъ своего подчиненнаго, шефу этого полка, графу Николаю Салтыкову ⁵⁾. Графъ обошелся со мною ласково и принялъ меня въ свои ординарцы, отличіе, которымъ я обязанъ ходатайству моего добраго дяди. Кромѣ меня при графѣ состояли ординарцами только трое сержантовъ: князь Мещерскій и двое молодыхъ графовъ Толстыхъ. Въ его домѣ мы заняли почти такое же самое положеніе, какое занимали въ давно прошедшія времена благородные пажы у могущественныхъ феодальныхъ господъ въ отношеніяхъ домашнемъ, придворномъ и военномъ. Не

⁴⁾ Софія Ивановна Бенкендорфъ, урожденная Лёвенштернъ, была супругою генералъ-поручика и оберъ-коменданта въ Ревелѣ. Она состояла при великихъ князьяхъ Александрѣ и Константйнѣ Павловичахъ въ качествѣ воспитательницы до самой своей смерти, послѣдовавшей въ сентябрѣ 1783 г. Сынъ ея, Христіанъ Ивановичъ Бенкендорфъ, вступилъ въ бракъ съ Анной Юліановою Шлангъ фонъ Каппатъ, родомъ изъ Виртемберга, и воспитывавшемся вмѣстѣ съ принцессою Виртембергскою, впоследствии императрицею Маріею Феодоровною. У нихъ было четверо дѣтей:

а) Александръ Христофоровичъ (родился въ 1783 г., умеръ 31 сент. 1844) — прапорщикъ и флигель-адъютантъ Павла въ 1798 г.; генералъ-майоръ на благотельную атаку 27 іюня 1812 г. при Велюжѣ; командиръ различныхъ летучихъ отрядовъ въ 1813 и 1814 г.; генералъ-адъютантъ съ 1819 г., генералъ-лейтенантъ въ 1821 г.; съ 1826 г. шефъ жандармовъ; въ 1829 г. генералъ отъ кавалеріи, а съ 1832 г. графъ Россійской имперіи.

б) Константинъ Христофоровичъ (род. въ 1785 г., умеръ въ августѣ 1828 г.) — юнкеръ коллегии иностранныхъ дѣлъ, въ 1806 г. камеръ-юнкеръ двора; въ 1812 г. майоръ кавалеріи; въ 1814 г. генералъ-майоръ; въ 1850 г. чрезвычайный посланникъ при Виртембергскомъ дворѣ; въ 1826 г. за персидскую войну генералъ-адъютантъ и генералъ-лейтенантъ; въ 1828 г. начальникъ летучаго отряда въ Балканахъ.

в) Дарія Христофоровна (род. въ 1789 г., умерла 10 іюня 1823 г.) была въ замужествѣ за Христофоромъ Андреевичемъ Липенемъ (генералъ-адъютантъ, свѣдѣйскій князь, род. 1777 г., умеръ 29 декабря 1838 г.)

г) Марія Христофоровна была въ замужествѣ за генераломъ Шенюномъ.

⁵⁾ Николай Ивановичъ Салтыковъ, род. 31 октября 1736 г., былъ сынъ генералъ-аншефа вучатого алмашицкаго императрицы Анны Ивановны. Въ 1770 г., въ чинѣ генералъ-аншефа, онъ былъ назначенъ вице-президентомъ военной коллегии съ состояніемъ при наследникѣ цесаревича. По смерти государя Бенкендорфа въ 1783 г., ему было поручено воспитаніе великихъ князей Александра и Константина Павловичей. Въ этой должности онъ пробылъ, впрочемъ, не болѣе года. Въ 1790 г. Салтыковъ былъ возведенъ въ графское достоинство, 8 ноября 1796 г. произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы; въ 1812 г. былъ председателемъ государственнаго совѣта, а 30 августа 1814 г. возведенъ въ княжеское достоинство. Онъ умеръ 16 мая 1816 г. Современники говорили о немъ какъ о человѣкѣ очень умномъ и свѣдущемъ и очень педантичномъ.

былъ ли напимѣръ Валленштейнъ такимъ нажемъ при маркграфѣ Бургаускомъ?

Графиня Наталья Владиміровна Салтыкова *) была на дружеской ногѣ съ моею теткой, генеральшей Бсикендорфъ; это обстоятельство благопріятствовало мнѣ тѣмъ, что она сдѣлалась и моею благодѣлательницей — она во многихъ случаяхъ принимала мою сторону. Это не избавляло меня, однако, отъ ея случайныхъ капризовъ, которыхъ у нея водилось множество, и которыми она нѣкоторымъ образомъ прославилась въ столицѣ. Къ ней напимѣръ никто не смѣлъ приближаться, если помадиль волоса дунистой помадой, не смѣлъ также садиться тринадцатымъ за столъ, за которымъ находилась она, иначе этотъ человекъ подвергался опасности быть изгнаннымъ ею при ужасной вспышкѣ гнѣва. Если же особа, распространявшая запахъ *mille fleurs* или составлявшая несчастное число тринадцать, имѣла такой вѣсъ, что ей приходилось подчиниться, то она сама выходила изъ за стола или изъ комнаты, выказывая явные признаки своего негодованія. Со мною случилось и то и другое, то есть, я былъ высланъ изъ комнаты за то, что помазалъ волоса геліотроповой помадой, и потому что сѣлъ тринадцатымъ за ея столъ, будучи моложе всѣхъ.

Мои служебныя отношенія при особѣ графа Салтыкова повлекли за собою то обстоятельство, что я долженъ былъ сопровождать его во дворъ, когда тамъ бывали большія собранія и празднества. Такимъ образомъ я мало по малу познакомился, по крайней мѣрѣ по виду, съ высокопоставленными лицами. Звѣздой первой величины, далеко затмѣвая собою всѣ прочія, блистала тогда князь Платонъ Зубовъ. Около него собирались звѣзды меньшихъ величинъ и составляли созвѣздіе. Но были между ними и такія, которыя, не обращая вниманія на главную звѣзду, хотѣли идти своими собственными путями.

Такія лица извѣстны были у насъ, молодыхъ людей, которые въ своихъ уголкахъ могли себѣ позволить какуюнибудь шалость, подл названіемъ непудренныхъ; названіе же это явилось по слѣдующему поводу.

Присутствовать у князя въ то время какъ онъ вставалъ и одѣвался считалось особенною милостью и отициемъ. Князь же, какъ министр Кауницъ, приказывалъ пудрить себя съ такою расточительностью пудры, что ею наполнялась вся комната, при чемъ онъ самъ,

*) Николай Ивановичъ Салтыковъ былъ женатъ на дочери рижскаго губернатора, князя Владиміра Петровича Долгорукова, Натальѣ Владиміровнѣ, родившейся въ 1737 г. Бракъ ихъ совершился въ 1762 г. Княгиня Наталья Владиміровна была пожалована въ действительныя статсъ-дамы 2 сентября 1793 г. и умерла 7 сент. 1812 г. Современники ея рассказывали, что она была женщина очень унылая, подобно мужу, очень набожная, но была очень скупа и своирравна. При дворѣ близла ее за острый языкъ и за вспыльчивость, съ которою она высказывала рѣзкія вѣщны.

конечно, оставался въ пудермантелѣ. Пудра, разумеется, падала на окружающихъ, которые уже были въ парадныхъ мундирахъ. И когда пудра вслѣдствіе этого оставляла бѣлую пыль на груди и на плечахъ, то это не считалось неряшествомъ, а служило доказательствомъ, что только что находились въ ближайшихъ сношеніяхъ съ княземъ, и стремящіеся вверхъ души сильно имъ завидовали.

Къ числу придворныхъ лицъ, которыхъ я тогда видѣлъ и которыхъ наилучше помню, принадлежитъ баронъ (впослѣдствіи графъ) Ферзенъ⁷⁾. Онъ имѣлъ прощальную аудіенцію у императрицы Екатерины и отправлялся въ походъ противъ поляковъ, которыхъ ему посчастливилось лишить ихъ великаго диктатора Косцюшки. Онъ зналъ меня еще дома мальчикомъ и предложилъ мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ. „Тамъ ты можешь помадиться какъ тебѣ угодно, сказала онъ, за пороховымъ дымомъ этого не будетъ замѣтно, а отъ пуль и сабель вѣдь ты предохраненъ.“ Но когда объ этомъ стали разсуждать обстоятельнѣе, то противъ этого проекта въ особенности возстала графиня Салтыкова. „Неужели, сказала она, вы хотите проливать такую молодую кровь? Этого я не допущу, не допустить и г-жа Бенкендорфъ.“

Дѣло не состоялось, и вѣроятно къ лучшему для меня, потому что война скоро окончилась.

Я долженъ тутъ объяснить слова Ферзена, сказавшаго, что я предохраненъ отъ пуль и сабельныхъ ударовъ. Это находится въ связи со слѣдующимъ происшествіемъ.

Когда я уже совсѣмъ приготовился къ военной службѣ и былъ уже экипированъ, моя добрая, нѣжная мать хотѣла, по материнскому обычаю, не только снабдить меня запасными узелками и мѣшечками, но и предохранить меня отъ всякой опасности. Кто поставитъ это въ укоръ материнскому сердцу? Она была достойная женщина, вовсе не суевѣрная и весьма набожная, что уже само по себѣ не допускаетъ никакой вѣры въ колдовство. Однако, въ виду опасности, которая могла угрожать любимому и столь юному еще сыну, и которую, можетъ быть, возможно было устранить невиннымъ, ни для кого не вреднымъ средствомъ, почему бы не сдѣлать попытку?

Одна изъ крестьянокъ слыха искусствомъ лечить раны, а также и предохранять отъ нихъ; говорили, что она не одного изъ новобран-

⁷⁾ Баронъ Иванъ Емстафьевичъ Ферзенъ былъ родомъ изъ ливонскихъ дворянъ. Въ 1790 г., въ чинѣ генералъ-маіора, онъ находился въ Финляндіи и способствовалъ побѣдѣ Чичачова надъ шведскимъ флотомъ, за что и былъ произведенъ въ генералъ-поручики. За дѣятельность въ Польшѣ въ 1792 г. былъ возведенъ въ графское достоинство; въ 1794 г. при Мацибювицахъ выдѣлъ въ плѣнъ Косцюшку и потомъ участвовалъ въ знаменитомъ штурмѣ Праги. Съ 24 декабря 1797 по 14 января 1798 г. былъ директоромъ 1-го кадетскаго корпуса; въ этомъ году былъ произведенъ въ генералъ отъ инфантеріи, но вскоре былъ отставленъ отъ службы и умеръ въ ливонскомъ своемъ помѣстьѣ.

цель поила чудеснымъ напиткомъ, послѣ котораго онъ никогда не былъ раненъ. Старуху привели къ намъ, она для меня сварила питье, которое я смѣло, по ея предписанію, выпилъ изъ ружейнаго ствола. Волшебница сказала мнѣ еще: „Ты счастливо побѣдншъ двадцать пять народовъ и будешь владычествовать надъ двумя.“ Мать, добродушная и довольная, наградила ее щедро.

На этотъ-то случай и намекалъ Ферзенъ, услышавши о немъ, вѣроятно, отъ моихъ родныхъ или отъ генерала Бенкендорфа, въ шутовскомъ разговорѣ.

Замѣчательно, что, въ теченіе всей моей жизни, подвергаясь безчисленнымъ случаямъ быть убитымъ или искалѣченнымъ пулями, и былъ легко раненъ четыре раза, но при этихъ ранахъ ни пуля, ни сабля не повредила ни одной изъ моихъ костей. Когда простой солдатъ ветеранъ, вничадѣ своей бурной жизни, подобно мнѣ, выпилъ чудесный напитокъ изъ ружейнаго ствола и, по окончаніи всѣхъ воинскихъ подвиговъ сохранился цѣлымъ также счастливо какъ и я, то что мудренаго, если онъ рекомендуеть новобранцу какъ весьма искусную помощницу въ бѣдѣ свою старую знакомую колдунью, или ея преемницу? Послѣ этого отступленія, я возвращаюсь къ своей жизни въ Петербургѣ.

Я занималъ въ Малой Морской хорошенькую квартиру съ четырьмя комнатами Паленомъ, Будбергомъ и двумя братьями Гельфрейхами *); хозяйство у насъ было общее. Отъ служебныхъ обязанностей у насъ оставалось довольно времени для посѣщенія театра, для осмотра достопримѣчательностей столицы, а иногда мы занимались и науками. Отъ игры и волокитства я удалялся, за то, проводя въ отсутствіи изъ дому нѣсколько мѣсяцевъ, я почувствовалъ дѣтское желаніе увидѣть снова родительскій домъ. Я получилъ отпускъ и въ Троицкнъ день прибылъ въ Разикъ. Отца не было дома, но меня встрѣтили мать и сестры. Онѣ нашли, что я выросъ и что мундиръ идетъ ко мнѣ какъ нельзя лучше. Какъ счастливо провелъ сержантъ эти четыре мѣсяца, хотя службу предъ тѣмъ весь не тяжелую.

1-го октября 1794 г. я прибылъ обратно въ Петербургъ и снова началъ свою сержантскую службу, которая, однако, продолжалась не долго. Наканунѣ новаго года я получилъ радостное извѣстіе, что меня перевели вахмистромъ въ лейбъ-гвардіи конный полкъ со

*) Будбергъ былъ впоследствии генералъ-лейтенантомъ и начальникомъ 3-й канцелярской дивизіи. Онъ умеръ въ 1829 г. въ Турціи. Внѣшняя атака его съ кирасирскимъ его величества полкомъ (и уланскимъ татарскимъ) подъ Кульмомъ 18 августа 1813 г. способствовала окончательному пораженію, нанесенному Пандаму.

Младшій Гельфрейхъ впоследствии былъ генералъ-лейтенантомъ и командиромъ 1 армейскаго корпуса.

О какомъ Паленѣ упоминается здѣсь Левенштернъ неизвѣстно.

старшинствомъ восьми лѣтъ: затѣмъ въ самый новый годъ, день раздачи милостей, я былъ переведенъ въ армію ротмистромъ, и назначенъ въ украинскій легко-конный полкъ⁹⁾. Подобныя назначенія были вовсе не рѣдки въ тѣ времена, но онѣ составляли всегда роль милости, которою я обязанъ моему безподобной тетюшкѣ, госпожѣ Бенкендорфъ. Что за радость была! Мой новый мундиръ былъ приготовленъ столь быстро, что вечеромъ 1-го января я могъ уже явиться на придворный балъ. Здѣсь я удостоился чести быть представленнымъ императрицѣ Екатеринѣ и допущенъ въ ея рукѣ. Государыня снисходительно сказала мнѣ нѣсколько обычныхъ поздравительныхъ словъ, и мнѣ казалось, что я посвященъ въ рыцари. Я пробылъ въ Петербургѣ лишь два мѣсяца, обмундировался, на что отецъ доставилъ мнѣ средства, и отправился къ полку, который въ это время стоялъ въ окрестностяхъ Варшавы и входилъ въ составъ арміи фельд-маршала Суворова. Я направилъ свой путь на Ревель, чтобы повидаться съ родителями и сестрами, и въ особенности, чтобы послѣднія могли полюбоваться моею новою, кавалерійскою формою¹⁰⁾. Это и случилось, но при этомъ у сестеръ были слезы на глазахъ. Я нашелъ свою бѣдную сестру Елену на одрѣ болѣзни и присутствовалъ при ея кончинѣ. Она была замужемъ всего 13 мѣсяцевъ и умерла на 19-мъ году жизни, вслѣдствіе несчастныхъ родовъ.

Глубоко поразила меня эта неожиданная и прискорбная потеря и при мрачномъ настроеніи духа, въ которое я впалъ, для меня было счастьемъ, что обязанность и служба, бросающія меня на легкую, почтовую тележку, влекли меня въ даль, къ разсѣянію.

По прибытіи въ Ригу, я явился генералу Пазену¹¹⁾, быв-

⁹⁾ Легко-конные полки въ русской арміи были сформированы Потемкинымъ въ 1783 и 1784 годахъ изъ полковъ Екатеринославской и Украинской конницы. Изъ Украинской конницы, состоявшей изъ гусарскихъ полковъ Ахтырскаго, Харьковскаго, Изюмскаго, Острогожскаго, Сумскаго и Крапивнскаго, были учреждены легко-конные полки тѣхъ же наименованій. Легко-конные полки были кавалерійскаго рода, полкомъ командовалъ Потемкинъ. Императоръ Павелъ, вскорѣ по восшествіи своемъ на престолъ, упразднилъ ихъ: одинъ изъ легко-конныхъ полковъ былъ расформированъ, а другіе преобразованы въ кирасирскіе, драгунскіе и гусарскіе.

¹⁰⁾ Легко-конными полками были одеты изъ свѣтлыхъ куртокъ и шароваръ, съ кожанымъ вышью обшивкою, въ родѣ крѣпъ: на голени носили легкія кожаныя кашки, сабли и въ правой рукѣ, и были вооружены легкими карабинами, саблями и пистолетами.

¹¹⁾ Это тотъ самый Петръ Алексѣевичъ (Петръ Антоновичъ) Пазенъ, который въ послѣдніе мѣсяцы царствованія Павла игралъ весьма важную роль, будучи петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, временноприсутствующимъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и главнымъ директоромъ почты. Онъ родился 17 июня 1754 г. и при переворотѣ 1792 г. находился бомбардиръ-сержантомъ: за штурмъ Очакова (6 дек. 1788 г.) получилъ Георгія 3 степени. Въ это время онъ былъ уже генералъ-майоромъ. Въ 1793 г. онъ былъ назначенъ рижскимъ губернаторомъ (гражданскимъ) и генералъ-губернаторомъ (назначеніемъ въ то время рижскимъ и ревельскимъ графа Ю. Ю. Броуна въ предѣлахъ вѣдомствъ въ импера-

шему въ то время губернаторомъ этого города. Будучи сильно привязанъ къ своимъ эстляндскимъ родственникамъ, онъ ласково принялъ меня и далъ мнѣ рекомендательное письмо къ князю Репнину¹²⁾ и письма къ своимъ обоимъ сыновьямъ. Съ подобнымъ подтвержденіемъ прибылъ я въ Гродно, гдѣ нашелъ себя добродетелей и друзей. Оба Палена, служившіе въ штабѣ князя Репнина, приняли меня любезно къ себѣ на квартиру и дали мнѣ возможность видѣть жизнь въ Гроднѣ среди высшихъ круговъ общества.

Король Станиславъ жилъ въ это время въ Гроднѣ какъ бы подъ арестомъ. Русскіе офицеры, между которыми по преимуществу оба Палена, Павелъ и Петръ, составили какъ бы королевскій *maison*

тридцать отъ 11 сентября 1792 г. рекомендовалъ Палена впамятку ея: „Трудолюбіе и расторопность, имѣла Вроуль, съ поимъ высочайше преддѣланный рижскими губернаторомъ генералъ-майоръ фонъ деръ Паленъ отираяется еяю должностію, побуждаютъ меня всеподданнѣйше довести вашему императорскому величеству, что государственныи интересъ, желаемое правосудіе и предписанныи коридоръ въ дѣлахъ наблюдается нынѣ въ точности, и онъ является единственныи предметомъ, дабы служеніе его согласовалось съ высочайшею в. п. и. а—а доверенностію и благоговѣніемъ, въ чемъ онъ, усердствуя, показалъ уже доволныи опыты“.

По смерти (18 сент. 1792 г.) графа Броуна, генералъ-губернаторомъ и наместникомъ рижскимъ и ревельскимъ былъ назначенъ князь Николай Васильевичъ Репнинъ, но онъ имѣлъ съ тѣмъ былъ генералъ-губернаторомъ и литовскимъ, потому чаще проживалъ въ Вильнѣ и Гроднѣ, чѣмъ въ Ригѣ. За его отсутствіемъ управление наместничествомъ лежало на Паленѣ. Онъ принималъ самое дѣятельное и рѣшительное участіе въ присоединеніи Курляндіи и въ апрѣлѣ 1795 г., въ чинѣ генералъ-поручика, былъ назначенъ курляндскимъ губернаторомъ; за присоединеніе же Курляндіи получилъ александровскую ленту и богатое помѣстье въ этой губерніи Озю. Въ февралѣ 1797 г., на парадную ястрѣбу князя Платона Кубова въ Митавѣ, былъ выпущенъ изъ службы, но въ ноябрѣ того же года былъ принятъ въ службу вновь и назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи коннаго полка. 31 марта 1798 г. былъ произведенъ въ генералъ-отъ-кавалеріи, 28 іюня того же года назначенъ петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, пожалованъ орденомъ св. Андрея, а 7 ноября 1798 г. возведенъ въ графское достоинство. 26 сентября 1800 г. Паленъ былъ назначенъ лифляндскимъ генералъ-губернаторомъ, но въ Ригу не прибыжалъ, оставался въ Петербургѣ въ должности военного губернатора. Послѣ отставки Ростопчина 20 февраля 1801 г. онъ занялъ его мѣсто. 29 марта 1801 г. онъ былъ посланъ въ Ревель для принятія мѣръ противъ ожидавшейся нападки англійскаго флота, 30 марта былъ назначенъ членомъ новоустроеннаго совѣта для разсмотрѣнія важныи государственныхъ дѣлъ, 17 іюня 1801 г. былъ уволенъ, по прошенію, отъ всѣхъ дѣлъ, удалился въ Озю, гдѣ и умеръ 13 февраля 1826 года.

Графъ Истръ Александръ Паленъ былъ женатъ на баронессѣ Юліантѣ Івановнѣ Шенкинѣ (род. въ 1753 г. умеръ въ Митавѣ 1 марта 1814 г., въ старости была похоронена 17 апрѣлѣ 1799 г.); у нихъ были три дочери и пять сыновей. Изъ сыновей Палена въ нашей военной исторіи известны: графъ Павелъ Петровичъ, род. 7 іюня 1775 года, ум. 9 февралѣ 1834 г. въ чинѣ генералъ-отъ-кавалеріи и графъ Петръ Петровичъ (род. въ 1778 г., ум. 19 апрѣлѣ 1864 г.), генералъ инспекторъ всей кавалеріи и кавалеръ всѣхъ русскіи орденовъ.

¹²⁾ Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, литовскій и прибалтійскій генералъ-губернаторъ, жилъ въ это время въ Гроднѣ. О тогдашней гродненской жизни его см. статья де Пуке, въ 4-й книжкѣ „XVIII вѣка“, стр. 97—206.

militaire Они брали меня съ собою въ королевскій дворецъ, гдѣ развѣнчанный монархъ, полный покорности судьбѣ, проживалъ не безъ блеска и не безъ достоинства, ожидая что принесетъ съ собою будущее. Жилось тутъ — но крайней мѣрѣ жилось лицамъ, составлявшимъ maison militaire — вообще не дурно, а какос мнѣ было дѣло до запутавшагося въ несчастіяхъ потомка Владислава Локетка! Рядомъ съ королемъ жилъ съ царскою пышностью князь Репнинъ. Два раза въ недѣлю онъ давалъ блестящія балы. Прекрасныя полки не безъ охоты являлись на эти балы, гдѣ на гладкомъ паркетѣ, бросая вокругъ жгучіе взгляды, могли одерживать побѣды надъ побѣдителями, побѣдвшими въ полѣ ихъ мужей и братьевъ. Меня и это мало интересовало. Я щеголялъ своимъ рейтарскимъ мундиромъ и примѣчала только, не останавливается ли чей прекрасный взоръ на немъ и на моихъ пробивавшихся усикахъ.

Двѣ недѣли прошло такимъ образомъ, и затѣмъ я долженъ былъ отправиться на нѣсколько миль далѣе, въ ВѢЛОСТОКЪ, гдѣ находился штабъ моего полка. Въ то время этихъ (украинскимъ легкоконнымъ) полкомъ командовалъ полковникъ Андрей¹³⁾, и судьба не могла послать мнѣ достойнѣйшаго и благороднѣйшаго начальника. Мнѣ предстояло изучить прежде всего службу, чтобы изъ сверхкомплектнаго офицера, какиужъ я былъ, сдѣлаться занимающимъ дѣйствительно свое мѣсто офицеромъ. Андрей помогъ мнѣ въ этомъ наукой и примѣромъ, а мало оживленное мѣсто, въ которомъ мы стояли, способствовало моимъ усерднымъ стараніямъ. Я всегда съ удовольствіемъ вспоминаю о ВѢЛОСТОКѢ, то былъ мой военный университетскій городъ, въ которомъ я жарко сѣдилъ за наставленіями моего рыцарскаго учителя — Андреа. Кромѣ его въ ВѢЛОСТОКѢ въ то время находились и другіе офицеры, въслѣдствіи достигшіе высокихъ постовъ; я пользовался ихъ участіемъ и благосклонностью, и могу ихъ также считать своими наставниками по военному искусству и кавалерійской службѣ, такъ что я смѣло могу назвать время своего пребыванія въ ВѢЛОСТОКѢ своимъ университетскимъ годомъ, хотя пробылъ тамъ не полныхъ двѣнадцать мѣсяцевъ. Назову достойныя и отчасти знаменитыя имена графа Витгенштейна, Мантейфеля, Курселя¹⁴⁾. Они всѣ со снисхожденіемъ дарили изъ богатой сокровищ-

¹³⁾ Романъ Карловичъ Андрей род. въ 1757 г., въ 1781 г. поступилъ въ службу изъ придворныхъ камеръ-лакей въ лейбъ-гвардіи Измаиловскій полкъ поручикомъ. Въ 1790 г. былъ произведенъ въ полковники, а въ 1795 г. въ бригадиръ. Во все царствованіе Павла Андрей былъ въ отставкѣ; въ 1804 г. принятъ снова въ службу генералъ-майоромъ съ назначеніемъ начальникомъ дивизіи въ войскахъ, занимавшихъ тогда Ионическіе острова. Въ сраженіи при Морунтѣ (13 янв. 1807 г.) Андрей былъ убитъ. Онъ въ это время былъ начальникомъ дивизіи въ войскахъ Бенгисева и генералъ-лейтенантомъ.

¹⁴⁾ Знаменитый вице-адмиралъ Витгенштейнъ служилъ въ это время подполковни-

ницы своего опыта новопеченнаго капитана указаніями, наставленіями, которыя могли ему принести пользу.

Полкъ получилъ приказъ стать лагеремъ по Нареву, между Вѣльскомъ и Плескимъ, для каковой цѣли мы соединились въ одинъ отрядъ съ Клевскимъ конно-егерскимъ полкомъ, которымъ командовалъ полковникъ Засѣ, съ Фанагорійскимъ гренадерскимъ полкомъ, командуемымъ полковникомъ Жеребцовымъ и съ однимъ казачьимъ полкомъ. Весь отрядъ находился подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Морица Ласси¹⁵⁾. Нашъ лагерь носѣдаль изъ Варшавы герой дна Суворовъ, и я помню удивительное, электрическое дѣйствіе, какое производило на солдатъ простое пребываніе его въ лагерь.

Во время одного изъ утомительныхъ учений¹⁶⁾, происходившихъ при этихъ смотрахъ войскъ, я подвергся несчастному случаю, не будучи еще достаточно закаленъ въ силахъ.

комъ; Мантейфель былъ убитъ въ 1813 г. подъ Лейпцигомъ, въ чинѣ генералъ-лейтенанта; Курсемъ вышелъ въ отставку полковникомъ.

¹⁵⁾ Андрей Павловичъ Засѣ, шведскій дворянинъ, родился около 1762 г. Былъ записанъ въ службу въ дѣтскомъ возрастѣ въ 1768 г. въ Преображенскій полкъ, въ 1779 году онъ былъ уже подполковникомъ арміи. Въ 1797 г. былъ произведенъ въ генералъ-майора; турецкая война 1809—10 была блистательнѣйшимъ періодомъ въ жизни Засѣ. Въ 1811 г. онъ былъ уволенъ въ отпускъ, а въ 1814 г. и вовсе отъ службы. Время и мѣсто его кончины неизвѣстны.

Полковникъ Жеребцовъ, впоследствии генералъ-лейтенантъ, былъ убитъ въ голландской экспедиціи.

Борисъ (Морицъ) Петровичъ Ласси, близкій родственникъ вѣстнаго нашего фельдмаршала графа Петра Петровича Ласси, родился въ 1737 и первоначально служилъ въ австрійскихъ войскахъ. Въ 1762 г. былъ принятъ въ русскую службу поручикомъ. Въ чинѣ генералъ-майора онъ со славою участвовалъ въ знаменитомъ штурмѣ Измаила, а въ штурмѣ Праги начальствовалъ одною изъ колоннъ. Въ 1795 г. былъ произведенъ въ генералъ-поручика, въ 1795 г. былъ казанскимъ военнымъ губернаторомъ, въ январѣ 1799 г. былъ назначенъ главнокомандующимъ арміи, расположенной между Балтійскимъ моремъ и Врестомъ-Литовскими, въ октябрѣ 1799 г. былъ отставленъ отъ службы за представленіе къ принятію въ службу отставленнаго отъ оной вѣстнаго впоследствии генерала Беннигсена. Въ 1805 г. былъ принятъ снова въ службу съ назначеніемъ главнокомандующимъ войскъ въ Неаполь. По возвращеніи въ Россію послѣ Аустерлица, Ласси поселился въ своемъ родномъ имѣніи, гдѣ и умеръ 18 января 1820 г. на 83 году отъ роду.

¹⁶⁾ Все вниманіе Суворова было обращено на то, чтобы русская армія не была вахтъ-парадомъ, кукольною арміею, а надежною, боевою арміею. Вотъ что пишетъ Миллюгивъ объ ученьяхъ Суворова (см. Исторію войны 1799 г., томъ 1, стр. 150): „Не занимаясь нисколько умозрительными тогдашней линейной тактики, доведенной въ Пруссіи до бездѣлщины, Суворовъ заботился лишь о томъ, чтобы войска его ходили въ штыки твердымъ шагомъ и въ сомкнутой массѣ. Все ученья его были подражаніемъ настоящему бою; для этого ставилъ онъ иногда одну часть войскъ противъ другой, обыкновенно разшернутыми акціями, въ плахматномъ порядкѣ, и послѣ непродолжительнаго, но живаго огня, приказывалъ идти въ атаку пѣхотѣ на пѣхоту, кавалеріи на кавалерію и на штыку.... Ученья происходили очень живо, быстро, и потому продолжались обыкновенно не болѣе 1½ часа. Суворовъ никогда не бранилъ ни солдатъ, ни офицеровъ; но по окончаніи ученья, до-

Быль томительно знойный день; послѣ долгой ѣзды, и посреди быстрого движенія полка, я безъ чувствъ упалъ съ лошади; кровь хлынула у меня изъ рта и носа. Я тотчасъ же очутился въ лужѣ крови, меня подняли безъ памяти и свезли въ палатку. Врачи нашли мое состояніе сомнительнымъ и рѣшили отвести меня въ ближайшую деревню, гдѣ въ крестьянскомъ домѣ я могъ бы найти болѣе покоя и ухода. Здѣсь посѣтилъ меня добрый полковникъ Анрепъ: я сильно страдалъ грудью, врачъ находилъ мое положеніе опаснымъ, потому полковникъ уговорилъ меня на время отказаться отъ трудной кавалерійской службы и искать въ родительскомъ домѣ отдыха, спокойствія и восстановленія моихъ истощенныхъ силъ.

Я не отказался отъ отечески данного мнѣ совѣта, получалъ по болѣзни безсрочный отпускъ, и поѣхалъ въ Гродно, гдѣ и присталъ на квартиру къ гостепріимнымъ братьямъ Паленымъ. Младшій Паленъ, графъ Петръ, также лежалъ больноу въ постели — его пользовалъ лейбъ-медикъ князя Реннина. Это доставило мнѣ случай воспользоваться совѣтомъ лейбъ-медика и я могъ продолжить путь, уже нѣсколько подкрѣпивъ силы.

Графъ Павелъ Паленъ отиралялся по порученію князя въ Петербургъ, и мы вмѣстѣ проѣхали нѣсколько станцій; но онъ торопился и мнѣ скорѣ пришлось отстать отъ него и продолжать свой путь медленнѣе и осторожнѣе; я отдохнулъ сперва въ Ковнѣ, а потомъ въ Митавѣ у отца моего спутника, стараго графа Палена, который, между тѣмъ, былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ курляндскимъ.

Въ Ригѣ я пользовался совѣтами знаменитаго доктора Штофрегена, который усвоилъ меня на счетъ органическаго состоянія моей груди, предписавъ чрезвычайную осторожность и въ особенности спокойствіе.

Двѣ недѣли я прожилъ потомъ въ Видришѣ, живописномъ мѣстѣ моей тетки, госпожи Будбергъ, радуясь видѣть родныя мѣста и вдыхать родной воздухъ въ больную грудь. Оттуда уже не далеко было переѣхать подъ отеческій кровъ, гдѣ меня встрѣтили съ распростертыми объятіями. Выздоровливающему помогли материнскія заботы и испандскій мохъ. Вскорѣ я почувствовалъ облегченіе и хотя былъ еще слабъ, по вѣѣ опасности. Отецъ мой, хотѣвшій отвлечь мои мысли отъ моего болѣзненнаго состоянія и разсѣять меня, предложилъ мнѣ поѣзду въ Дерптъ, для знакомства съ моими лифляндскими родными. Я поѣхалъ туда съ моимъ старшимъ братомъ Карломъ, который отиралялся сюда со своими особенными видами. Въ

Дерптѣ въ то время еще не было университета, но то былъ сборный пунктъ всего окрестнаго дворянства, и въ балахъ для прекрасныхъ фрейлейбъ, въ концертахъ и другихъ общественныхъ собраніяхъ недостатка не было. Я очень походилъ на блѣднаго рыцаря, низверженнаго на турнирѣ, у котораго болятъ всѣ кости и который только смотритъ на пестрый, кружащійся хороводъ. Пѣть пѣсни миннезингеровъ я бы могъ, потому что бургфрейлейбы были прекрасны и съ ними много кузинъ и кузиночекъ, но у меня не доставало искусства. И такъ я только смотрѣлъ и ядлъ вѣнки изъ словъ для прекрасныхъ слушательницъ.

Между тѣмъ мой братъ Карлъ велъ серьезное дѣло и получилъ въ награду руку богатой бургфрейлейбъ, единственной наслѣдницы значительнаго сословія, во владѣніе котораго она вступала въ день своей свадьбы. Сказать попросту, онъ сдѣлался женихомъ единственной дочери покойнаго генералъ лейтенанта барона Фризеля, богатаго помѣщика въ Эстляндіи. Свадьба ихъ была сыграна чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Еще передъ тѣмъ мы пировали свадьбу моей сестры Генріетты съ графомъ Штейнбокомъ. Бѣдная сестра моя умерла чрезъ нѣсколько лѣтъ счастливаго супружества; послѣ себя она оставила дочь, милый, вылитый портретъ матери, и сына, который слѣдуя неотвратимому стремленію своего рода, отправился искать воинской славы и въ дѣбряхъ Кавказа въ упорномъ бою при Дарго¹⁾ лишился ноги, и возвратился домой искалѣченнымъ героемъ.

¹⁾ Дарго, большое селеніе въ Чечнѣ, было взято послѣ упорнаго боя съ Шамалемъ графомъ Воронцовымъ 6 июля 1845 г. За экспедицію противъ Дарго графъ Воронцовъ былъ произведенъ въ кѣлжеское достоинство.

II.

1796—1804.

Служба въ царствованіе императора Павла. Походъ въ Швейцарію 1799 г.

✕ Въ концѣ 1796 г., я оставилъ отеческій домъ, чтобы возвратиться въ полкъ, стоявшій квартирами въ окрестностяхъ Луцка и входившій тогда въ составъ корпуса князя Прозоровскаго. По прибытіи въ Ригу, я услышалъ о многихъ перемѣнахъ и новыхъ распоряженіяхъ, послѣдовавшихъ въ войскахъ послѣ смерти императрицы Екатерины¹⁾. Одно изъ такихъ распоряженій, касавшееся меня очень

¹⁾ Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины наша армія и флотъ пріимли въ большое разстройство вслѣдствіе злоупотребленій и неограниченнаго произвола каждаго частнаго начальника. Императоръ Павелъ, вступивъ на престолъ, съ изумительною настоятельностью и лихорадочною, такъ сказать, быстротою принялся за преобразованія и устройство военныхъ силъ имперіи. Преобразованія шли съ такою быстротою, что, чрезъ полгода послѣ вступленія на престолъ, наша армія измѣнилась до основанія какъ въ наружномъ видѣ, такъ и устройствѣ. Не проходило дня безъ объявленія высочайшихъ повелѣній о реформахъ въ арміи. Многія изъ этихъ реформъ, безспорно, были полезны и необходимы, но, къ сожалѣнію, Павелъ, уничтожая старое, не хотѣлъ видѣть, что многія учрежденія Потемкина несравненно были выше прусскихъ образцовъ. Павелъ улучшилъ содержаніе войскъ, далъ полные штаты арміи, обуздалъ произволъ частныхъ начальниковъ, далъ точныя правила для рекрутскихъ наборовъ, далъ новый военскій уставъ, но позабыли погоня за прусскими образцами много вредна дѣлу. Форма начинала преобладать надъ сущностію. Пудра, букал, эспонтонъ, мелочность парадовъ и разводовъ страшно были не популярны въ арміи и Суворовъ, подсмѣиваясь надъ пудрою, букалами и пр. однажды былъ не правъ, когда въ январѣ 1797 г. писалъ: „Русскіе прусскихъ всегда бывали; что же тутъ перенять?“

Кромѣ гвардіи и командъ инженерныхъ, всѣ войска арміи и гарнизонныя императоръ Павелъ распредѣлялъ по округамъ, которые сначала назывались дивизіями, а во

близко, было то, что все офицеры, находившіеся въ безсрочномъ отпуску и не находившіеся при своихъ полкахъ, должны считаться совершенно исключенными изъ службы. И такъ я, не успѣвъ очнуться, лишился службы и моя дальнѣйшая побѣда на Волынѣ являлась уже ненужною. Что теперь оставалось дѣлать? Я находился въ большомъ затрудненіи и почти въ отчаяніи я не зналъ, ѣхать ли мнѣ впередъ, или назадъ. Тутъ послѣдовала царская милость генералъ Бенкендорфъ былъ назначенъ рижскимъ военнымъ губернаторомъ²⁾. Онъ всегда принималъ во мнѣ родственное участіе и я съ полной надеждой и увѣренностью сталъ ожидать его прибытія въ Рягу. Приѣздъ не замедилъ и бѣдный племянникъ, вина котораго была не велика и состояла въ слишкомъ снисходительной дисциплинѣ, бывшей прежде въ обычай, нашелъ въ немъ добродушнаго защитника. Бенкендорфъ писалъ и рекомендовалъ меня генералу Пумсену, назначенному императоромъ Павломъ генералъ-инспекторомъ кавалеріи³⁾. Этотъ отличный человекъ принялъ меня въ свой собственный полкъ, въ кирасирскій полкъ Пумсена, и скоро сталъ обращаться со мною какъ съ сыномъ. Въ полку-то Пумсена и подъ его разумнымъ руководствомъ основательно изучилъ и полюбилъ я кавалерійскую и вообще военную службу. Пумсень до тонкости зналъ все подробности кавалерійской службы и строго наблюдалъ, чтобы офицеры его инспекціи экзерцировались и пользовались преподаваніемъ, какое онъ находилъ для нихъ полезнымъ. Свою главную квартиру онъ выбралъ Митаву. Онъ приказалъ являться сюда по эскадрону изъ каждаго полка его инспекціи, училъ офицеровъ дѣйствию оружіемъ, присутствовалъ при преподаваніи имъ верховой ѣзды и требовалъ даже, чтобы офицеры знали практически правила ковки лошадей. Между тѣмъ прибылъ вѣрный ему и теперь названный его именемъ полкъ кавалерійскій, стародубскихъ карабинеровъ; этотъ полкъ оставилъ свои бывшія постоянныя квартиры на берегахъ Чернаго моря и его слѣдовало размѣстить по Лифляндіи.

.....
 томъ инспекціямъ. Такихъ инспекцій во всей Россіи было 12, сверхъ инспекціи принца Конде, именно образованной для его корпуса въ окрестностяхъ Ковеля, Луцка и Владимиръ-Волынскаго.

Почти все инспекціи имѣли по два инспектора: одного по пѣхотѣ, другого по кавалеріи; сверхъ того вся артиллерія, хотя и была распределена по инспекціямъ, но имѣла еще общаго своего инспектора.

²⁾ Бенкендорфъ, тотъ самый, о которомъ говорилось въ 1-й главѣ, былъ первымъ рижскимъ военнымъ губернаторомъ, должность учрежденная императоромъ Павломъ въ 1796 г. Въ 1796 г. ражское и ревельское наместничества были упразднены и въ Лифляндіи и Эстляндіи было восстановлено прежнее устройство, существовавшее до 1783 г. Гражданскихъ губернаторомъ былъ въ 1796 г., послѣ назначенія Палена въ Митаву, Мейендорфъ.

³⁾ Пумсень былъ инспекторомъ кавалеріи ливонской инспекціи и командиромъ сформированнаго Стародубскаго полка, который съ 1797 г. назывался полкомъ Пумсена, а съ 1799 г. полкомъ Войнова.

Въ это время я, молодой кирасиръ, наслаждался жизнью въ Митавѣ, которая не исключая своихъ окрестностей, славилась веселою жизнью. Передъ обѣдомъ стрѣльба въ цѣль, фехтованіе и верховная ѣзда; вечеромъ — танцы въ казино, если тамъ бывалъ балъ, а не то я быстрой рысью несся въ какой нибудь курляндскій бургъ (замокъ), гдѣ не было недостатка въ прекрасныхъ фрейлейнъ. Что болѣе нужно для молодого сердца? Звукъ оружія, ржаніе лошадей, а послѣ того погоня за прекрасными очами, за пожатіемъ руки. Въ то время я былъ уже высокій, стройный паренъ, темноволосый, голубоокий, съ пробивающимся пушкомъ на верхней губѣ, и я могъ бы изображать собою любого влюбленнаго рыцаря изъ какой нибудь баллады.

Служба и мой добрый генералъ дозволили мнѣ съѣздить въ Ревель. Однако отца я не засталъ дома. Онъ въ это время находился на почтовой станціи Іеве, на границѣ Эстляндіи, и былъ посланъ представителемъ эстляндскаго дворянства, для пріѣзда въ короля польскаго Станислава, ѣхавшаго въ Петербургъ, и для сопровожденія его чрезъ губернію. Я поѣхалъ въ Іеве, повидался съ отцомъ, и посѣщенья воротиться въ Митаву.

Такъ какъ между тѣмъ прибылъ ожидаемый нами полкъ, то мы вышли изъ Митавы и двинулись въ Валкъ, маленькій лифляндскій городокъ, гдѣ полковой штабъ основалъ свои квартиры. Я числился сверхъ комплектнымъ офицеромъ, потому-то генералъ и назначилъ меня валекскимъ плацъ-маіоромъ. Должность моя была вовсе не трудная. Въ Валкѣ, гдѣ ни станъ, отсюду видишь конецъ городка и далекій сельскій ландшафтъ. Не смотря на то, въ Валкѣ жили очень весело. Офицеры устроили казино, въ которомъ они танцевали съ молодыми горожанками; иногда являлись и фрейлейны изъ сосѣднихъ бурговъ. Кромѣ того домъ нашего генерала былъ всегда открытымъ и приятнымъ мѣстомъ собраній. Кромѣ обыкновенныхъ развлеченій, онъ устроилъ два вечера для бесѣдъ о военныхъ предметахъ, и при этомъ предлагалъ намъ ландарты, планы, книги и газеты. На этихъ бесѣдахъ въ особенности поучительны были замѣчанія самого генерала о тогдашнихъ военныхъ дѣйствіяхъ, и я съ удовольствіемъ вспоминаю его объясненія объ отступленіи Моро; онъ указывалъ намъ на картѣ мѣста, чрезъ которыя единственно послѣднему предстояло возможность спастись изъ затруднительнаго положенія, въ которое его поставило побѣда надъ Журданомъ, сдержанная эрцгерцогомъ Карломъ.

Нумсенъ жилъ прилично, но обыкновенно скромно: только одинъ разъ въ недѣлю онъ дозволялъ себѣ излишество, по тогдашнему общепринятому обычаю. День этотъ былъ пятница: онъ называлъ этотъ день, по своему, вольнымъ днемъ (Freitag — пятница, буквально вольный день). Въ такіе вольные дни любилъ онъ приглашать къ себѣ на обѣдъ многочисленныхъ гостей; обѣдъ начинался въ два часа и оканчивался иногда только въ одиннадцать часовъ вечера. Шам-

панское приносили изъ погребовъ цѣлыми корзинами и по временамъ происходили большія попойки. Я самъ видавъ не разъ, какъ генералъ, рослый, плечистый, видный собою мужчина, выпивалъ одинъ до 12 бутылокъ шампанскаго. Опъ при этомъ, бывало, не пошатнется; онъ всегда оставался внушающимъ уваженіе, внимательнымъ хозяиномъ, лицо его только краснѣло, онъ замѣтно одушевлялся и подчасъ горячился. Въ одинъ изъ такихъ вольныхъ дней онъ поссорился и поспорилъ съ однимъ богатымъ, окрестнымъ помѣщикомъ, барономъ Унтернъ - Штернбергомъ. При озлобленномъ направленіи, какое припалъ споръ, испуганные гости повскакивали со своихъ мѣстъ; генералъ потребовалъ свои пистолеты, которые у него были всегда заряжены и наготовѣ, и хотѣлъ застрѣлить барона на мѣстѣ. Прислуга повиновалась по солдатски, и вотъ заряженные стволы очутились на столѣ воклѣ бутылокъ; тогда я, глубоко преданный генералу и любимый имъ какъ сынъ, схватилъ его за руку и сталъ усердно просить не прибѣгать къ такимъ крайнимъ мѣрамъ. Но старикъ обхватилъ меня свободной рукой (другая у него всегда была запята костью, по случаю тяжелой рапы) и такъ сильно прижалъ меня къ своей груди, что я, крѣпко стиснутый, закричалъ отъ боли, онъ чуть меня не задушилъ. Между тѣмъ это могучее проявленіе силы отняло его первый, горячій порывъ гнѣва, къ тому же другіе гости овладѣли барономъ, и нашимъ общимъ усиліямъ удалось примирить поссорившихся и тѣмъ предупредить большую несприятность, а можетъ быть и самое убійство.

Нумсенъ былъ родомъ датчанинъ и происходилъ изъ хорошаго рода. Въ молодыхъ лѣтахъ онъ вступилъ во французскую военную службу, сражаясь во время семилѣтней войны подъ начальствомъ маршала Бреглю и отличился при многихъ случаяхъ. На него обратили вниманіе императрицы Екатерины и она пригласила его вступить въ русскую службу; онъ дѣйствительно перешелъ въ нашу службу генералъ-лейтенантомъ и вскорѣ послѣ того со славой командовалъ корпусомъ войскъ въ Финляндіи противъ шведовъ. Ростомъ онъ былъ высокъ, но, какъ я уже упомянулъ выше, долженъ былъ ходить на костыляхъ, по причинѣ тяжелой рапы въ ногѣ. Онъ съ трудомъ садился на лошадь; по разъ усѣвшись въ сѣдлѣ на своемъ превосходномъ, англійскомъ конѣ, который одинъ былъ въ состояніи носить на себѣ такую огромную массу, онъ являлся превосходнымъ и неутомимымъ всадникомъ, съ которымъ никто изъ насъ не могъ сравняться. Его кираса была столь огромна, что я въ нее однажды сѣлъ какъ въ люльку и началъ въ ней. Трата много денегъ на лошадей, на свои пятницы и вообще будучи безпеченъ по военному обычаю, онъ часто нуждался въ деньгахъ. Крутой нравомъ, проникнутый военными привычками, и сросшійся съ избраннымъ имъ званіемъ, онъ являлъ собою образъ средне-вѣковаго, стараго, храбраго,

могучаго полководца, такой образъ — какой я впоследствии находилъ столь превосходно изображеннымъ въ романахъ Вальтеръ Скотта.

Возвратимся отъ этого отступленія къ валльскій жизни; я долженъ прибавить, что тутъ кромѣ бесѣдъ и пооекъ по пятницамъ, бывали и игорные вечера, происходившіе у племянника графа Безбородко, полковника Ширева полка. Играли только въ бостонъ, играли чрезвычайно искусно и по весьма высокой цѣнѣ. Тутъ то я и прошелъ курсъ тонкой и высокой игры и приобрѣлъ увѣренность и ловкость, оставшіяся не безъ вліянія на дальнѣйшее направленіе и участь моей жизни. Молодые силы, обыкновенно, не смотря на легкія пораженія, бываютъ счастливы въ игрѣ. Въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ какой то тайный рокъ, который подобно водяной нимфѣ заманиваетъ неопытнаго мальчика въ глубокія воды игры и часто топить его въ нихъ, обѣщая вѣчный выигрышъ и суля золотыя горы.

Около Рождества 1797 г., въ пору бурныхъ, сѣверныхъ мистей, вслѣдствіи почтовыхъ лошадей принесли меня опять въ Эстляндію. На этотъ разъ я засталъ всѣхъ своихъ въ сборѣ у моей сестры, графини Штейнбокъ. Я былъ радъ и счастливъ познать съ ними вмѣстѣ: что сравнится съ радостнымъ чувствомъ отчужденнаго обстоятельствами отъ своихъ, когда онъ видитъ, что все еще не потерялъ своего мѣста въ ихъ родной средѣ! 1798. — Возвратясь въ Вадкъ, я принужденъ былъ скоро оставить этотъ городъ. Зачисленный въ полкъ, я получилъ въ командованіе 4 роту¹⁾, съ которою и отправился въ Руснѣ на постоянныя квартиры. Это значительное помѣстье, раздѣленное на многія владѣнія, съ пасторатомъ и почтовою станціею, лежитъ на большой дорогѣ, ведущей изъ Ревеля въ Ригу, и, если держаться большаго тракта, отстоитъ отъ послѣдней въ 21 милѣ. Если держаться прямого направленія и ѣхать на легкой тележкѣ и быстрыхъ коняхъ отъ одной помѣщицѣй усадьбы до другой, то будетъ гораздо ближе.

Руснѣ построены на живописномъ мѣстѣ, очень оживленъ по случаю пролегающей чрезъ него большой дороги и по сосѣдству съ многими помѣщицкими усадьбами. На холмѣ виднѣются развалины древняго замка, принадлежавшаго вѣмечскому ордену, о которыхъ простодушныя рассказываютъ, что нодѣ были зарыты несмѣтныя сокровища золотомъ, серебромъ и драгоценными каменьями, которыя стережетъ черный, волшебный песъ.

Я бы, можетъ быть, и попытался поохотиться на этого пса, но я прибылъ въ Руснѣ осенью, у меня была куча заботъ съ моими всадниками по новому уставу они должны были учиться иначе ѣз-

¹⁾ Полкъ кирасирскіе и драгунскіе въ тѣ времена состояли изъ 5 эскадроновъ каждый эскадронъ подраздѣлялся на 2 роты. Слѣд. Лейбшттеръ состоялъ изъ 2-хъ эскадроновъ и командовалъ второю половиною его, т. е. 4-ю ротомъ полка (Стародубовскаго Пумсена).

дять, иначе маршировать и иначе экзерцироваться нежели прежде, къ тому же въ послѣднихъ числахъ декабря получилъ приказъ выступить въ походъ въ 24 часа, чтобы соединиться съ полкомъ. 1 января 1799 г. я выступилъ изъ Русна и въ Вазкѣ нанесть шефа и офицеровъ чрезвычайно занятыхъ приготовленіемъ подка къ выступленію, согласно полученнымъ приказаніямъ.

Такъ какъ въ то время всѣ части обмундированія были преобразованы и измѣнены, то у насъ неоставало нужнаго количества вновь предписанныхъ кавалерійскихъ сапогъ, чтобы обути всѣхъ солдатъ. Въ день, назначенный приказомъ, мы выступили въ полномъ составѣ, но неосчитывались многихъ паръ сапогъ. Во время девокъ работали, правда, очень усердно надъ сапогами, но Рига была слишкомъ далеко, чтобы успѣть все сшить; а намъ должно было проѣхать чрезъ этотъ городъ въ полномъ нарядѣ и удовлетворить взоры воинскихъ инспекторовъ. Въ такой крайности роздали всѣмъ всадникамъ по одному форменному сапогу для наружной, видимой ноги, а другая внутренняя и невидимая нога оставалась въ старомъ сапогѣ, съ короткимъ голенищемъ; такимъ образомъ пропарадировали мы чрезъ Ригу.

Дальнѣйшій маршъ нашъ былъ направленъ на Брестъ-Литовскій, гдѣ мы должны были присоединиться къ армейскому корпусу, который подъ начальствомъ генерала, князя Сергія Голицына, составлялъ часть войскъ, предназначенныхъ вмѣстѣ съ австрійцами къ дѣйствию противъ французовъ, подъ предводительствомъ Суворова ⁵⁾.

⁵⁾ Послѣ переговоровъ, продолжавшихся весь 1798 г., въ началу 1799 г. образовался сильный союзъ противъ Франціи между Россіею, Англіею, Австріею, Турціею и Неаполемъ. Цѣль союза была дѣйствительнѣйшимъ мѣромъ положить предѣлъ успѣхамъ французскаго оружія и распространенію принципа анархическихъ, принудить Францію войти въ прежнія границы и тѣмъ возстановить въ Европѣ вѣчный миръ и политическое равновѣсіе. Думая этого союза былъ императоръ Павелъ, не подозревавшій, что союзники, именно Австрія и Англія, выжили въ виду лишь искоренить силы Россіи въ свою пользу (что ясно оказалось уже въ концѣ 1799 г.). Первоначально, по договорамъ, императоръ Павелъ обѣщалъ Австріи только 16-ти тысячный вспомогательный корпусъ; впоследствии 11-ти тысячный корпусъ былъ предназначенъ въ помощь королю неаполитанскому и 45,000 для дѣйствій въ соединеніи съ прусскими войсками, вслѣдствіе сдѣлки берлинскій дворъ принялъ участіе въ войнѣ. Всего по договорамъ обѣщано было двинуть на границу 72,000 русскихъ сухопутныхъ войскъ.

Первый изъ означенныхъ корпусовъ еще въ іюлѣ 1798 г. началъ собираться въ Бресту-Литовку подъ начальствомъ генерала-отъ-инфантеріи Розенберга. Корпусъ этотъ въ декабрѣ 1798 года прибылъ въ Брестъ: въ началѣ января 1799 г. онъ уже былъ на Дунаѣ.

Въ то время, когда войска Розенберга были уже на Дунаѣ, начали готовиться къ походу и другіе корпусы, именно 9000 корпусъ Германа, предназначенный идти на помощь королю неаполитанскому, и 45,000 корпусъ, назначенный для дѣйствій въ Германіи. Этотъ послѣдній корпусъ былъ вѣренъ генералу-отъ-инфантеріи князю Сергію Федоровичу Голицыну и съ декабря 1798 г. сталъ собираться въ Бресту. Стародубовскій кирасирскій полкъ, въ которомъ служилъ Левенштернъ, вошелъ въ составъ корпуса Голицына.

На дорогѣ нагналъ насъ князь и произвелъ намъ смотръ. Согласно приказу, мы были уже одѣты совершенно по прусскому образцу. Всадникъ сидѣлъ на лошади въ узкомъ, суконномъ коллетѣ, кожаныхъ панталонахъ, съ напудренными волосами и ничѣмъ не закрытыми ушами; на головѣ у него была шляпа съ пучкомъ перьевъ, которую приходилось тщательно придерживать при лорывахъ вѣтра. Мы офицеры должны были подавать благой примѣръ, будучи одѣты точно такимъ же образомъ. Невозможно описать, что пришлось людямъ перенести въ суровую зиму 1799 года, маршируя въ такомъ одѣяніи.

Но то было время быстрыхъ перемѣнъ: не успѣли мы дойти до Бреста, какъ князь Голицынъ былъ отозванъ со своего поста, и преемникомъ его назначенъ былъ генералъ Нумсентъ⁶⁾. Онъ на почтовыхъ послѣдидъ на вышеозначенное мѣсто соединенія корпуса; мы же дошли туда только въ мартѣ и расположились квартирами вдоль рѣки Буга. Была весна и то время, когда эта рѣка широко разливается по своимъ низкимъ берегамъ. При скопленіи войскъ въ той мѣстности, нельзя было вовсе избѣжать опасныхъ мѣстъ, и притомъ выступленіе рѣки изъ береговъ послѣдовало столь неожиданно, и съ такою необыкновенною силою, что намъ съ трудомъ удалось спасти лошадей и конскую сбрую. Я при этомъ имѣлъ несчастіе жестоко простудиться и лежалъ, мучимый лихорадкой, въ несчастной крестьянской хатѣ. Хотя меня и посѣщалъ врачъ, но по большей части я оставался совершенно одинъ, такъ какъ разлитіе Буга доставляло моимъ товарищамъ много хлопотъ и не позволяло имъ навѣщать меня.

Въ одинъ изъ такихъ часовъ, сидя больной на своей постели, я получилъ письмо, пересланное мнѣ изъ Бреста. Адресъ и печать — съ родины, но сургучъ черныи. Я распечаталъ его въ сильномъ волненіи: какое потрясающее извѣстіе заключалось въ немъ! Моя добрая мать, еще въ цвѣтущемъ возрастѣ и здоровьи, неожиданно скончалась въ Ревелѣ, послѣ кратковременной болѣзни. Меня объ этомъ извѣщали съ участіемъ, со всевозможною осторожностью, но какъ разрушительно подѣйствовало это горестное извѣстіе на мои слабые силы! Я заболѣлъ снова и болѣзнь превратилась въ опасную верную горячку.

Отечески расположенный ко мнѣ Нумсентъ, узнавъ о моемъ положеніи, приказалъ перевезти меня въ Брестъ и озабочился о хоро-

⁶⁾ Причиной сдѣлки князя Голицына пеналитета. 27 января 1799 г. состоялось высочайшее повелѣніе ли. Голицыну сдать команду Нумсенту, а Нумсенту принять команду. 19 февраля 1799 г. князь Голицынъ доносилъ государю изъ Гродны, что сдѣлавъ начальство надъ корпусомъ ген. отъ инфантеріи Нумсенту, самъ отправился въ свою деревню. Князь Голицынъ, впоследствии въ 1809 г., начальствовалъ нашими войсками въ Галицію.

ней, медицинской помощи. Я выздорѣлъ послѣ шести тяжелыхъ недѣль, опасность миновала, но прежнія силы возвращались медленно. Исхудалый и тощій бродилъ я, бѣдный выздоравливающий, по пустыннымъ берегамъ Буга. Печальныя мысли овладѣли моимъ духомъ: мать умерла, родина далеко! Въ то время мы находились на границѣ имперіи. Противоположный берегъ Буга былъ тогда еще австрійскимъ, и я по временамъ видѣлъ тамъ солдатъ въ бѣлыхъ мундирахъ и въ странныхъ шапкахъ на головахъ. Скоро придется мнѣ идти туда, еще дальше отъ родины; не видѣть мнѣ милой матери, а долженъ приготовиться къ борьбѣ, къ битвамъ, можетъ быть къ смерти. Но за этими мрачными картинами появились и другія, болѣе утѣшительныя и веселыя. Многочисленныя перемѣны, пестрая, незнакомая жизнь, возбужденныя чувства передъ битвой и побѣдой, все это представляло и представлялось въ связи одно съ другимъ. Я снова съ увѣренностью сталъ смотрѣть на грядущее, какъ бы переживъ время сиротства на олуствѣвшемъ для меня свѣтѣ. Наконецъ пришелъ приказъ ⁷⁾ о переходѣ черезъ границу, но вмѣстѣ съ тѣмъ пришелъ и другой приказъ, глубоко огорчившій всѣхъ моихъ товарищей и въ особенности меня.

Генералъ Нумсенъ неожиданно лишился мѣста и начальство надъ корпусомъ передано генералу Римскому-Корсакову ⁸⁾. Подобныя внезапныя перемѣны, какъ уже сказано выше, въ то время случались часто; тѣмъ не менѣе намъ всѣмъ, а преимущественно офицерамъ его полка, было очень тяжело терять такого превосходнаго начальника; потому что онъ потерялъ и свой полкъ, а вслѣдствіе этого явился въ стѣсненномъ положеніи и въ экономическомъ отношеніи. Въ подобныхъ случаяхъ не только потеря содержанія и другихъ преимуществъ положенія ставитъ въ тяжелыя обстоятельства военнаго человѣка, не имѣющаго собственнаго состоянія, но главнѣйшимъ образомъ расплата съ преемникомъ командуемаго полка, при его сдѣлѣ. Нумсенъ не былъ расточительнымъ человѣкомъ, но не былъ онъ также и расчетливымъ хозяиномъ, и въ особенности не былъ хорошимъ счетчикомъ, умѣющимъ сводить балансы. Кто нею понимаетъ трудное и раздо-

⁷⁾ 26 марта 1799 г. Нумсену повелѣно было собрать корпусъ въ Бресту для слѣдованія по назначенію вѣйскаго двора. Сосредоточеніе въ Бресту, однакоже, началось изъ первыхъ чиселъ мая, корпусъ же выступилъ за границу 15 мая.

⁸⁾ 17 февраля 1799 г., Нумсенъ въ одномъ изъ донесеній своихъ государю предлагалъ сдѣлать какія-то мелочныя перемѣны въ расположеніи своего корпуса. Государь на это, 24 февраля, отвѣтилъ Нумсену, что изъ подобныхъ донесеній онъ видитъ лишь военное парланство. *Muss ich ihnen sagen — писалъ государь — dass ich es nicht anders als eine militairische Scharlatanerie ansehe.* Государь остался недоволенъ донесеніями Нумсена. Два донесенія отъ 22 и 23 марта были возвращены ему съ надбраніемъ, при высочайшемъ рескриптѣ отъ 30 марта, а 14 апрѣля 1799 г. Нумсену было повелѣно сдать начальство надъ корпусомъ генералъ-лейтенанту Римскому-Корсакову.

образное хозяйство въ кавалерійскомъ полку, ремонтами котораго также составляетъ обязанность шефа, тотъ можетъ себѣ представить, какое тернистое поприще составляетъ сдача полка, когда преемникъ начинаетъ придирается къ дорогимъ, постоянно измѣняющимся, желѣзнымъ предметамъ полковаго инвентаря. Къ счастью новый шефъ, генералъ Войновъ⁹⁾, былъ человѣкъ благородный и великодушнаго образа мыслей, къ тому же обладалъ собственными, значительными деньгами. Къ его безкорыстному желанію облегчить сдачу полка, мы, офицеры, присоединили все старанія не раскрывать многихъ чувствительныхъ для насъ недостатковъ въ вещахъ, а оставить пополюшеніе ихъ на будущее время и, конечно, на свои собственные средства и пожертвованія. Такимъ образомъ состоялись расчеты и сдача полка, не повергнувшая благороднаго, стараго Пумсена въ крайнюю нужду, въ придачу къ его прочимъ невзгодамъ.

Когда нашъ полкъ, подъ начальствомъ новаго шефа, генерала Войнова, выступилъ изъ Бреста¹⁰⁾, командующимъ полковникомъ былъ графъ Ламбертъ¹¹⁾, смѣнявшій моего эстляндскаго земляка

⁹⁾ Александръ Львовичъ Войновъ, дворянинъ московской губерніи, родился въ 1770 году в 10-ти лѣтъ отъ роду былъ записанъ капленикомъ въ Преображенскій полкъ, въ 1781 г. переведенъ въ лейбъ-гвардіи конный полкъ, а въ 1783 г. произведенъ въ корветы. Въ 1793 г. былъ переведенъ въ Илѣвскій легко-конный полкъ подполковникомъ, а въ 1797 году въ драгунскій Ингерманландскій. Въ апрѣлѣ 1799 г. онъ былъ назначенъ шефомъ кирасирскаго Стародубовскаго полка съ производствомъ въ генералъ-майора. Войновъ впоследствии, въ 1810 г., произведенъ въ генералъ-лейтенанта, въ 1811 г. командовалъ кавалерійскою дивизіею, въ 1823 г. произведенъ въ генералъ отъ кавалеріи, въ 1824 г. назначенъ командиромъ гвардейскаго корпуса, въ 1825 г. пожалованъ генералъ-адъютантомъ, въ 1826 году командовалъ 7 пѣхотнымъ корпусомъ (2-й арміи), въ 1829 г. назначенъ состоять по кавалеріи, въ 1830 г. уволенъ въ безсрочный отпускъ, а въ 1832 г. умеръ въ Великолукскомъ уѣздѣ.

¹⁰⁾ Корпусъ Римскаго-Корсакова, выступивъ изъ подъ Бреста, былъ раздѣленъ на 6 эскадроновъ. Первый эскадронъ перешелъ границу чрезъ Бугъ 4 мая 1799 г., послѣдній перешелъ 15 мая. Стародубовскій кирасирскій (Войнова) полкъ состоялъ въ 6 эскадроновъ, которымъ командовалъ генералъ-майоръ Измайловъ.

¹¹⁾ Почти до 1820 г., каждый полкъ у насъ имѣлъ своего шефа въ генеральскомъ чинѣ и командира въ чинѣ полковника. Шефъ заведывалъ хозяйственными и внутренними управленіемъ полка и имѣлъ общій надзоръ за его образованіемъ; командиръ полка заведывалъ лишь фронтальнымъ образованіемъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Такимъ образомъ въ 1799 г. шефомъ кирасирскаго Стародубовскаго полка былъ генералъ-майоръ Войновъ, а командиромъ полковникъ графъ Ламбертъ. Вотъ нѣкоторыя подробности о этомъ Ламбертѣ.

Графъ Карлъ Осиповичъ Ламбертъ, французскій дворянинъ, въ эпоху революціи былъ корнетомъ въ королевской гвардіи, эмигрировалъ изъ Франціи, и въ 1793 г. на 22 г. отъ роду былъ принятъ на службу императрицею Екатериною въ Княбуринскій драгунскій полкъ секундъ-майоромъ. Онъ участвовалъ въ сраженіи при Миллѣвицахъ, при штурмѣ Праги и за отличие произведенъ въ премьеръ-майора и подполковника. Въ 1796 г. онъ выпросился на Персію подъ начальство графа Валеріана Зубова и командовалъ казачьимъ полкомъ. По возвращеніи изъ персидскаго похода и расформированіи Княбуринскаго полка, графъ Ламбертъ былъ назначенъ на службу въ Стародубскій кирасирскій полкъ; въ началѣ

графа Игельстрема — пробывшаго командиромъ, впрочемъ, очень недолго.

И до такой степени еще былъ слабъ послѣ болѣзни, что могъ слѣдовать за полкомъ только въ экипажѣ. Я не могъ поправиться, медленно толчася по дурнымъ дорогамъ, ночуя по дурнымъ квартирамъ. Полковникъ графъ Ламбертъ сказался наконецъ надъ бѣднымъ, отсталымъ служивымъ, и посоветовалъ мнѣ остаться въ Краковѣ, спокойно полечиться у доктора и догнать въ свое время движущійся далѣе полкъ.

Здѣсь я могъ попасть въ руки какого нибудь польскаго врача — фантазера, который бы меня сталъ лечить удивительными, чудодѣйственными снадобьями, въ которыхъ такъ склонны польскіе ученики Эскулапа, во лакей — еврей, называемый здѣсь факторомъ, посланный мною за докторомъ, — привелъ ко мнѣ старика, ученаго еврея, глава котораго когда то была убивана нѣмецкою, докторскою шпилькою. Я и счелъ его за своего дальняго земляка, только имѣвшаго странный выговоръ, и безъ опасенія поручилъ себя его леченію. Узнавъ впоследствии о его монсеевскихъ вѣрованіяхъ, я не уменьшилъ своего довѣрія къ нему, и хорошо сдѣлалъ. Превосходный старецъ принялъ во мнѣ горячее участіе, часто сиживалъ у моей одинокой постели, и лечилъ меня весьма разумно и старательно, потому что въ короткое время я совершенно выздорѣвалъ. Скажу болѣе, когда я хотѣлъ вознаградить его за труды, онъ не только отказался отъ моихъ денегъ, но даже предлагалъ мнѣ взять у него денегъ взаймы, увѣряя меня, что я, вѣроятно, чрезъ болѣзнь и отдаленіе отъ поля сильно издержался. На дѣлѣ было совсѣмъ противное: отецъ въ изобиліи снабдилъ меня средствами для предстоявшаго похода, а

1798 г. былъ произведенъ въ полковникъ и вскоре за болѣзнію былъ уволенъ отъ службы. При началѣ войны 1799 г. онъ просился опять на службу, 5 мая 1799 г. былъ принятъ съ назначеніемъ командиромъ Стародубовскаго полка. Подъ Цюрихомъ онъ былъ раненъ, 17 декабря 1799 г. былъ произведенъ въ генералъ-майоръ съ назначеніемъ шефомъ Рязанскаго кирасирскаго полка, 8 марта 1800 г. исторично уволенъ отъ службы и снова былъ принятъ 26 марта 1801 г. Онъ участвовалъ въ войнѣ 1806 г., а въ 1812 г. командовалъ 5 и 8 кавалерійскою дивизіею въ арміи Тормасова. За сраженіе подъ Городечной произведенъ въ генералъ-лейтенантъ. Подъ Воровшиномъ онъ былъ раненъ и остатою 1812 и весь 1813 г. провелъ въ отдаленіи отъ военныхъ дѣйствій для излеченія раны. Въ 1814 г. графъ Ламбертъ явился къ войскамъ, вѣлалъ приступить въ парижское предѣстье Вильны, а въ слѣдующемъ году, командуя 2-ю гусарскою дивизіею, доходилъ до Парижа. По возвращеніи въ Россію въ 1816 г., онъ былъ назначенъ командиромъ 5 резервнаго кавалерійскаго корпуса, въ 1823 г. былъ произведенъ въ генералъ отъ кавалеріи. Въ царствованіе Николая Павловича, онъ былъ назначенъ сенаторомъ и въ этомъ званіи умеръ въ іюль 1843 г.

Графъ Ламбертъ былъ женатъ на дочери суворовскаго генерала Джема и имѣлъ двухъ сыновей: Іосифа и Карла. Графъ Карлъ Карловичъ Ламбертъ генералъ отъ кавалеріи, генералъ-адъютантъ, былъ извѣстнымъ царствію польскаго съ 6 августа по 12 октября 1861 г. О немъ см. Рус. Арх. 1872 г., стр. 623—705 г.

болѣзнь оказалась для меня конилкой, въ которую попало все, что не успѣла поглотить веселая, праздная жизнь между товарищами, на квартирахъ въ Брестѣ. Наконецъ-то удалось мнѣ насильно навязать вполне заслуженное вознагражденіе своему великодушному врачу. Когда я спросилъ своего фактора, при расплатѣ съ нимъ, почему не привелъ онъ мнѣ доктора — христіанина, то онъ отвѣчалъ мнѣ на своемъ ломаномъ на краковскій ладъ, нѣмецкомъ языкѣ. „Ну чтожь, я думалъ господинъ не заплатитъ денегъ, и полякъ меня бы съ гвалтомъ прибилъ, если бы не получилъ денегъ.“

Почтальоны, всё въ красномъ, обыкновенной рысью, согласно съ почтовыми правилами, везли меня отъ станціи до станціи, и доставили благополучно въ Ольмюцъ, гдѣ я нагналъ полкъ, и оттуда уже верхомъ и въ обществѣ юныхъ товарищей продолжалъ дальнѣйшій путь.

Мы прошли чрезъ Чехію, отдохнули немного на пріятной стоянкѣ у Праги и продолжали походъ на Регенсбургъ¹²⁾. Здѣсь мы снова оскѣнили свои силы долгимъ отдыхомъ, прежде нежели двинулись на Аугсбургъ. Мнѣ понравился этотъ бывший имперскій городъ. Графъ Фуггеръ любезно принялъ меня, молодого кавалериста, который хотя и командовалъ эскадрономъ тяжелой кавалеріи, но мало еще значилъ тамъ, гдѣ дѣло касалось опыта и знанія. Онъ ввелъ меня въ общество и позаботился, чтобы я могъ видѣть всё достопримѣчательности Аугсбурга.

Я очень дивился тогда произведенію военного искусства аугсбургскихъ филистеровъ въ прошлые вѣка; это такъ называемый „впускъ“. Этотъ „впускъ“, огромная желѣзная машина между крѣпкими, высокими стѣнами башенъ, придуманная довольно замысловато и сооруженная не безъ огромныхъ издержекъ, имѣетъ цѣлью впускать въ городъ посланца чрезъ валъ и стѣны ночью или во время осады, не отворяя воротъ, или калитки. При этомъ устройствѣ соблюдаемы такія предосторожности, что пробравшись въ городъ этимъ путемъ, самый отчаянный рубака смиренно долженъ быть пасть въ ноги мелочнымъ торговцамъ и портнымъ, составляющимъ стражу. Если смотрѣть на подобные „впуски“, на тяжелыя латы и желѣзо, въ которое смѣльчаки среднихъ вѣковъ прятались какъ раки, то невольно думается, что только возбуждающій первый пороховой дымъ позднѣйшаго времени сдѣлалъ людей храбрыми.

Я жилъ въ Аугсбургѣ съ графомъ Ламбертомъ въ гостинницѣ „Бѣлаго Ягненка“ и познакомился тамъ съ эмигрантомъ Дюнонъ, который долженъ былъ, вслѣдствіе событій во Франціи, удалиться

¹²⁾ Корпусъ Рымскаго-Корсакова выступилъ изъ Чехіи 14 и 15 іюля; 3 и 4 августа 1799 г. первый дѣл отдалекія его прибылъ къ Шафгаузену.

заграницу и жить здѣсь игрою, какъ единственно оставшимся ему источникомъ дохода. Онъ всюду искалъ игры и бросался въ игру, какъ воронъ на падаль. И насъ онъ познакомилъ въ Аугсбургѣ съ игорными домами, гдѣ мы могли позабавиться и попытать счастья. Но иногда для Дюпюи наставали часы инхондрин и моральной реакціи, во время которыхъ онъ проклипалъ игру, удалялся отъ нея и старался отклонить меня, какъ младшаго изъ всѣхъ, отъ рокового стола. „Игра, говорилъ онъ — есть борьба двухъ сторонъ. Начинаютъ всегда, какъ всякую другую борьбу, естественнымъ образомъ, продолжая дѣлаешься все болѣе и болѣе искуснымъ борцомъ. Въ связи съ игрою то обстоятельство, что со временемъ вырабатываются особые средства нападенія и защиты, наконецъ впадаютъ въ уловки, которыми тщательно выучиваешься. Легко себѣ представить какого двусмысленнаго свойства могутъ быть эти уловки при игрѣ. Советую вамъ по этому, любезный баронъ, бросить игру; хотя я и мысли не допускаю, чтобы вы когда либо прибѣгли къ упоминаемымъ уловкамъ, но вы тѣмъ легче можете сдѣлаться жертвою ихъ.“ Я часто вспоминалъ слова Дюпюи, но долго, однакожъ, не слѣдовалъ имъ.

Полковникъ графъ Ламбертъ, у котораго были дѣла въ Аугсбургѣ, задержалъ меня при себѣ и мы догнали полкъ уже въ Штокахѣ. Въѣздъ за тѣмъ намъ назначили квартиры, чтобы хорошенько дать отдохнуть лошадямъ, послѣ продолжительнаго похода. Мнѣ приказано размѣститься на квартирахъ въ Нейкирхѣ, деревнѣ близъ Линдау, которая, казалось мнѣ, лежитъ среди великолѣпнаго сада, въ прекрасной, зеленой Швабии, не вдалекѣ отъ Боденскаго озера. Мы стояли здѣсь двѣ недѣли и потомъ пошли къ Шафгаузену, гдѣ и стали лагеремъ на берегу Рейна у Лауфена. Можно ли было болѣе романтически ждать сраженій, къ которымъ мы пришли изъ за нѣсколькихъ сотъ миль, какъ ждали мы при рейнскомъ водопадѣ? Часто стоялъ я, вглядываясь въ низвергающіяся массы воды, прислушивался къ громоподобному паденію водопада, смотрѣлъ какъ уносились нѣсящіяся волны и помышлялъ о предстоящихъ намъ громахъ пушекъ и ожесточенныхъ битвахъ, въ пылъ которыхъ я буду увлеченъ, какъ одна изъ этихъ исчезающихъ волнъ. Часто впоследствии вспоминалъ я о рейнскомъ водопадѣ, бурный грохотъ котораго представлялся мнѣ величественнымъ прологомъ той шумной драмы, которую мы вскорѣ представили въ близости его.

Начало сраженій насъ все таки поразило неожиданностью. Я съ товарищами отправился утромъ одного дня, начинавшегося также празднo какъ и прочіе, на другую сторону въ Шафгаузенъ и сидѣли за зелеными, римскими кружками, полными искрометнаго вина, когда по направленіи къ Цюриху послышалось нѣчто въ родѣ пальбы изъ пушекъ. „Это водопадъ!“ говорили одни, „гроза“ повторяли другіе, но грохотъ орудій все становился явственнѣе. Мы бросились

къ лошадямъ и поскакали къ полку. Наступала ночь и мы получили приказъ перейти Рейнъ у Эглизау и соединиться съ 4000 баварцевъ, чтобы усилить корпусъ Корсакова, на котораго напалъ генералъ Массена въ разныхъ пунктахъ. Генералъ Войновъ созвалъ эскадронныхъ командировъ, отдалъ приказаніе къ ночному походу, и мы двинулись.

На слѣдующее утро, 15/26 сентября, началась живая канонада. Мы узнали, что Массена перешелъ форсированнымъ маршемъ черезъ Лимматъ, взялъ Цюрихъ и что Корсаковъ отступаетъ. Вскорѣ пришелъ къ намъ приказъ двинуться на рысяхъ, для подкрѣпленія и прикрытія отступленія. Въ скоромъ времени встрѣтили мы генерала Корсакова, съ разстроеннымъ лицомъ, сопровождаемаго генеральнымъ штабомъ и Сумевымъ гусарскимъ полкомъ. Этотъ храбрый полкъ нѣкоторое время стоялъ подъ убійственнымъ огнемъ и потерялъ много людей: въ особенности жалѣли о его шефѣ, храбромъ генералѣ Лыкошинѣ, убитомъ пушечнымъ ядромъ. Въ то время какъ мы безостановочно шли впередъ, на встрѣчу намъ подходили пѣхота, артиллерія, обозы, двигавшіеся то впередъ, то назадъ.

Мы горѣли нетерпѣніемъ встрѣтиться съ непріятелями и наконецъ увидѣли ихъ. Но между тѣмъ наступала ночь, мы по этому остановились и удовольствовались тѣмъ, что захватили нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ и задержали наступленіе непріятеля. Ночью половина лошадей была разнуздана, кирасиры разложили бивуачные огни и отдыхали около костровъ, но я все время не спалъ, а сидѣлъ на связкѣ содомы близь моего коня, или же бродилъ отъ одного костра къ другому. Во мнѣ бушевали и мчались мысли одна за другой. Завтра первая битва! Борьба на жизнь и смерть съ давно ожидаемымъ, ненавистнымъ врагомъ! Какъ заманчива прелесть возможной побѣды! Голова была занята такими мыслями. Затѣмъ заговорила сердце и чувства. Сегодняшняя ночь, быть можетъ, послѣдняя въ моей жизни! Сегодня, быть можетъ, и въ послѣдній разъ вижу тѣ звѣзды, которыя блещутъ и надъ моею далекою родиной! Туда дойдетъ вѣсть о моей смерти и опечалитъ родные сердца, но я ихъ уже болѣе не увижу! Такія ощущенія волновали меня, когда уже начало свѣтать, и скоро барабанный бой призвалъ насъ на коней.

Мы двинулись въ боевомъ порядкѣ впередъ, непріятель подался назадъ. Между тѣмъ Корсаковъ получилъ извѣстіе, что нѣкоторые пѣхотные полки и артиллерійскій паркъ отстали отъ арміи и что дорога на Эглизау для нихъ отрѣзана непріятелемъ. Поэтому онъ приказалъ генералу Войнову разыскать эти части и съ этой цѣлью далъ ему нѣ подкрѣпленіе казачій полкъ Астахова. И такъ мы двинулись, 16/27 сентября, вдоль непріятельской линіи и направились на Винтертуръ, въ предположеніи, что отрѣзанный корпусъ дошелъ по

дорогѣ на Диссенгофенъ. Едва мы достигли Виптертура, какъ замѣтили, что окружены со всѣхъ сторонъ непріятелемъ; но такъ какъ наше появленіе совершилось слишкомъ неожиданно, то непріятель не напалъ на насъ немедленно, и мы блестящею атакою пробились сквозь его ряды, даже захвативъ нѣсколько плѣнныхъ.

Скоро, однакоже, мы были вынуждены переплыть чрезъ Туръ и плохими, тропичными дорогами пробираться на эглизаускую дорогу. При этомъ мы крупной рысью въѣхали въ какую-то деревню, занятую французами, которые въ удивленіи и нерѣшимости только смотрѣли на насъ изъ оконъ, ничего противъ насъ не предпринимая. Только по послѣднему эскадрону они сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ. Не смотря на быстроту, рѣшительность и ловкость казаковъ, соединившихся съ нами, мы съ большимъ трудомъ, отбывая перѣдко мелкія нападенія, достигли до Эглизау, куда пробились части тѣхъ батальоновъ, которыхъ мы искали. Здѣсь, по приказанію Корсакова, нужно было сжечь мостъ чрезъ Рейнъ. Мы расположились по правому берегу рѣки въ виноградникахъ и направи къ своему счастью по близости сложенные запасы овса, которыми мы съ радостью воспользовались, чтобы надлежащимъ образомъ подкрѣпить нашихъ славыныхъ коней, изнуренныхъ дневнымъ, тяжкимъ переходомъ.

Сюда намъ пришло приказъ отступить къ Шафгаузену, стать за предѣльнымъ укрѣпленіемъ, которое наскоро устроили неподалеку отъ Райскаго монастыря у Бюэнгена. Вскорѣ послѣ того генералъ Вейновъ принялъ начальство надъ форпостами лѣваго крыла. Мы снова перешли на лѣвый берегъ Рейна у Диссенгофена и стали нести форпостную службу одновременно съ уральскими казаками, намъ помогали еще одинъ егерскій полкъ. Каждый день у насъ съ непріятелемъ бывали перестрѣлки. Но такъ какъ онъ неожиданно исчезъ изъ нашихъ глазъ, то генералъ князь Горчаковъ (впослѣдствіи генералъ-айшефъ и военный министръ) приказалъ мнѣ съ моимъ эскадрономъ и сотнею казаковъ отправиться на рекогносцировку. Это было въ первый разъ, что я долженъ былъ дѣйствовать самостоятельно и по собственному усмотрѣнію. Признаюсь, мнѣ это показалось дѣломъ болѣе труднымъ, нежели я предполагалъ. Пристально осматривая окрестности, проѣхавъ я болѣе миль, ничего не открывъ; наконецъ я увидѣлъ непріятеля онъ переправлялся черезъ Туръ. Я получилъ точное приказаніе не вступать ни въ какое сраженіе, а только наблюдать за непріятелемъ и его движеніями и по возможности опредѣлять его силы. Этимъ я и ограничился, но не могъ удержаться противъ сильнаго искушенія, и взявъ въ плѣнъ двухъ французскихъ красивыхъ гусаръ, вмѣстѣ съ ихъ офицеромъ, но при этомъ получилъ небольшой ударъ саблей.

Изнемогая отъ усталости, прибылъ я къ ночи въ лагерь съ моею военной добычей. щеголявшей красной ожедой и огромными

бородами: я промокъ такъ, хотъ выжми, на форпостъ невозможно было перемѣнить платье и я легъ весь мокрый къ огню: отъ меня валилъ паръ какъ отъ похлебки къ горшка и я еще влилъ въ себя горячаго пуншу. Это было подражаніе впоследствии изобрѣтенному въ холодныхъ Судетахъ леченію Присница, употребленному мною, конечно, безъ всякой методы и правилъ. Дѣло сошло мнѣ съ рукъ безпаказанно, благодаря лучшему врачу, сидѣвшему во мнѣ тогда молодости.

Когда мой эскадронъ стоялъ на форпостной цѣпи, я всегда старался охранять монастырь св. Екатерины, который находился у меня почти подъ рукою. Я давалъ настоятельница охраняющую стражу и вообще оказывалъ всевозможное вниманіе этому благочестивому дому, за что съ своей стороны монахини выражали свою благодарность. Онѣ присылали мнѣ славко приготовленный обѣдъ, крѣпкій кофе и отличный ликеръ съ другими разными припасами. Когда послѣ жаркой битвы, 7-го октября, мы принуждены были отступить французамъ лѣвый берегъ Рейна, я съ прискорбіемъ увидѣлъ, что павшій монастырь попалъ въ руки безбожныхъ, новѣйшихъ язычниковъ, и съ тѣхъ поръ я не могъ узнать, что стало съ монастыремъ.

Въ вышеупомянутый день на насъ напалъ при Шлатъ Удино съ превосходными противъ насъ силами и отбѣснилъ насъ къ Диссенгофену. Хотя наша кавалерія много разъ совершала блестящія атаки, хотъ мой эскадронъ изрубилъ саблями прислугу при непріятельскихъ орудіяхъ, и взялъ бы самыя орудія, если бы не послѣдовало общее отступление, но все таки, вслѣдствіе сраженія и сильнаго натиска французовъ, мы принуждены были уступить имъ лѣвый берегъ Рейна и сжечь за собою мостъ.

Этимъ и кончились наши дѣйствія противъ непріятеля въ этой мѣстности. Князь Суворовъ совершилъ свой знаменитый переходъ чрезъ С-тъ Готардъ и еще болѣе тяжелый походъ чрезъ Гларусъ въ Куръ; онъ далъ генералу Корсакову приказаніе идти на Линдау и Брегенцъ, для соединенія съ нимъ. На оставленныя нами позиціи стали австрійцы подъ начальствомъ генерала Науендорфа, пришедшіе изъ Мангейма. Я описалъ изъ всѣхъ происходившихъ здѣсь военныхъ дѣйствій только то, чему самъ былъ свидѣтелемъ. Но такъ какъ нашъ старшій генералъ Корсаковъ былъ при этомъ дѣйствующимъ лицомъ, то я позволю себѣ сдѣлать о немъ нѣсколько замѣчаній. Вину его пораженія при Цюрихѣ слѣдуетъ приписать не войскамъ, которыми онъ командовалъ: они все сражались храбро, а его высокохвально и пагубному, ложному его мнѣнію о французахъ. Онъ прежде участвовалъ въ прежнихъ походахъ при арміи Ковда, въ Нидерландахъ и на Рейнѣ, и усвоилъ себѣ предразсудки окружающихъ его. По его мнѣнію выходило, что вѣрѣйшія войска французовъ состоятъ изъ дряннаго, незнающаго военного дѣла сброда, который

наводить страхъ на верѣятельные войска только своими массами, но что этотъ сбродъ послѣ шумнаго и бѣшенаго нападенія долженъ разбѣяться какъ стадо барановъ при встрѣчѣ съ хорошо построенными, бодрыми духомъ солдатами. Не владѣя высшими дарованіями военнаго начальника, но за то полный вѣрности и кичливости, которую онъ въ особенности далъ почувствовать союзнымъ съ нами австрійцамъ, онъ не снискалъ себѣ любви въ собственныхъ войскахъ, за то навлекъ на себя ненависть союзниковъ. При Цюрихѣ онъ надѣлалъ промаховъ, какихъ не сдѣлалъ бы новичекъ въ военномъ искусствѣ; этихъ его ошибокъ не могли исправить ни стойкость, ни вся самоотверженная храбрость его отанчныхъ войскъ. Но высокоміріе его, хотя и жестоко пораженное на время, не оставило его онъ все сваливалъ на австрійцевъ, которые, конечно, не были свободны отъ всякой вины. и въ позднѣйшее время онъ хвалился своими военными подвигами въ Швейцаріи¹³⁾.

13) Блестящіе побѣды Суворова въ Италіи не прилегли никакимъ существенно важнымъ результатамъ союзникамъ: они сами не дали Суворову довершить начатаго и уже въ іюлѣ 1799 г. составили планъ вторженія въ предѣлы Франціи для истребленія республики. Русскіе войска должны были сосредоточиться въ Швейцаріи и отсюда, подъ предводительствомъ Суворова, идти во Францію. Для исполненія этого плана, Суворовъ долженъ былъ оставить Италію и прибыть въ Швейцарію, куда изъ олововъ іема былъ дѣлнуть и 28,000 корпусъ Рымскіа-Корсакова. Войска Корсакова находили въ Германіи пріемъ очень радушій. Италья, пишетъ Милютинъ, дивились дисциплинѣ и кротости нашихъ солдатъ: по въ особенности пораженіи были вдоволь уральскихъ казаковъ. Въ большихъ городахъ толпы народа встрѣчали и провожали русскія войска; любопытные ходили смотреть какъ солдаты обѣдали, даже пробовали солдатскую пищу.

Въ началѣ августа, Рымскій-Корсаковъ сталъ у Шатгаузена, отправился въ главную квартиру австрійскаго принца-герцога Карла въ Клотекъ, и здѣсь съ изумленіемъ узналъ, что австрійцы оттакають Швейцарію. Суворовъ былъ далеко, а удержаться въ Швейцаріи одному Рымскій-Корсаковъ совершенно справедливо и вѣрно считалъ дѣломъ невозможнымъ: его 28,000 корпусъ могъ быть разбитъ республиканцами, хотя корпусъ его и былъ, по личному составу, безусловно хорошъ: солдаты были одушевлены темъ же отвагомъ, какъ и солдаты Суворова, въ числѣ генераловъ этого корпуса были способные люди: князь Алексѣй Горчаковъ, Сакенъ, Войновъ, Фель, Анкошны и др. Сынъ Александръ Михайловичъ Рымскій-Корсаковъ былъ человѣкъ не безъ опыта, но безъ образованія, и человѣкъ съ характеромъ. Онъ родился въ Москвѣ 18 августа 1753 г., и въ дѣтствѣ былъ зачисленъ капраломъ въ Преображенскій полкъ; въ 1778 г. былъ выпущенъ подполковникомъ въ Черниговскій пѣхотный полкъ и съ отличіемъ участвовалъ во второй турецкой и шведской войнахъ 1788—90 годахъ. Въ 1793 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-майора и отправленъ въ Англію; за тѣмъ полковникомъ участвовалъ въ походѣ 1794 г. въ Нидерландахъ, въ 1796 году былъ въ персидскомъ походѣ, а въ 1798 г. былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанта съ назначеніемъ командиромъ лейбъ-гвардіи Семёновскаго полка. Этого императоръ Павелъ и избралъ на мѣсто Пумкина. Но наскоро бы то ни было хитрціа качества Рымскаго-Корсакова, онъ все-таки являлся человекомъ не вполне способнымъ искусно руководить дѣйствіями вѣрными ему отряда: онъ былъ, какъ справедливо говоритъ Левенштернъ и какъ пишетъ Милютинъ, гордъ и самонадѣянъ, въ плечахъ его не было никакого порядка, войска сами располагались въ лагерѣ и шли въ походъ безъ всякихъ заботъ со стороны корпуснаго штаба.

Мы снялись съ лагеря въ Шафгаузенѣ въ дождливую, бурную ночь. Чтобы погрѣться и разсѣять свое мрачное расположение духа, мы зажгли наши соломенные шалаши, прежде нежели оставили ихъ; австрійцы, рассчитывавшіе на готовые квартиры, косо на это посматривали. Дурная погода продолжалась и нашъ походъ на Штокмахъ былъ чрезвычайно тяжелъ. Прибывъ въ его окрестности, мы нашли всѣ деревни переполненными квартирантами, и намъ снова пришлось устроивать бивуакъ подъ проливающимъ дождемъ. Пока мои всадники издавна привозили мокрую солому и такіе же дрова, чтобы соорудить какую нибудь защиту отъ непогоды и развести огонь, я бродилъ дрожа отъ холоду и лихорадки, ища по соседству какого нибудь крова. Бѣдный сторожъ винограды, у землянки котораго я постучался, уступилъ мнѣ свое несчастное ложе, которое онъ нагрѣлъ лежа на немъ, и я растянулся на этомъ ложѣ съ такимъ восторгомъ, какъ будто это былъ роскошный диванъ. Когда я мало по малу согрѣлся, меня стали посѣщать сладкія грезы и покоился на великобѣдной постели съ тяжелымъ, шелковымъ пологомъ и занавѣсками и прекрас-

Съ прибытіемъ Корсакова, принца-герцога, хотя и сдѣлавъ некоторую попытку прогнать французовъ, но совершенно неудачную, въ 16 августа онъ оставилъ Швейцарію, и Корсакову пришлось волею-неволею занять у Цюриха полицію, полнившую австрійцами, у которыхъ въ это время затѣались уже сношенія съ Франціею и возникли надежды овладѣть Италіею и Нидерландами. Они покидали русскихъ на произволъ судьбы.

Французскій главнокомандующій въ Швейцаріи, Массена, началъ на Корсакова 14 сентября при Цюрихѣ и нанесъ ему жестокое поражение: русскіе потеряли огромное число убитыхъ, раненыхъ и пленныхъ, 26 орудій, 51 зарядный ящикъ, 9 знаменъ, почти весь обозъ, карты, платья. Правда, французы значительно въ силахъ превосходили русскихъ, но несомнѣнно и то, что Массена допустилъ вопиющія ошибки Корсакова. Корсаковъ не повалилъ во время всей опаснѣйшей своего положенія, готовился къ наступленію, когда не въ силахъ былъ удержать позицію свою: читать о побѣдѣ впередъ Цюриха, когда неприятель обещалъ его въ тылъ, и за тѣмъ въ самую рѣшительную минуту, когда приходилось думать о спасеніи арміи отъ окончанаго пораженія, Корсаковъ потерялъ голову.

Цюрихское сраженіе едва было не погубило Суворова, предлога на это время въ Италію въ Швейцарію. Суворовъ съ 18-ти тысячнымъ строемъ отрядомъ длился 19 сентября окруженнымъ французами въ Мутевской долині. Гибель русскихъ, по явдному, была неизбежна, но Суворовъ не потерялся. Онъ мало того, что пробился, но самъ нанесъ поражение французамъ и побѣдоносно, 27 сентября, прибылъ въ Куръ. 1 октября кончился знаменитый швейцарскій походъ Суворова — вѣнецъ его воинской славы. 8 октября въ Линдау всѣ русскіе корпусы соединились въ одну армію подъ начальствомъ Суворова.

24 октября Римскій-Корсаковъ былъ отставленъ отъ службы, хотя Суворовъ въ доносѣнн государю оправдывалъ дѣйствія его похъ Цюрихомъ, но 16 марта 1801 г. былъ принятъ въ службу вновь и вслѣдъ за тѣмъ произведенъ въ генералъ отъ аяфантиеріа. Въ 1802 г. Корсаковъ былъ назначенъ въюрусскимъ генераль-губернаторомъ; въ сентябрѣ 1808 назначенъ генераль-губернаторомъ въ Валуу и въ 1807 г. вышелъ въ отставку. Въ апрѣлѣ 1812 г. онъ опять вошелъ на службу и вторично назначенъ генераль-губернаторомъ въ Литву; въ этой должности онъ состоялъ до 20 декабря 1830 г., за тѣмъ былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта и въ этомъ званіи умеръ 13 мая 1840 г., на 87 г. отъ рожденія.

Вмѣ дамъ являлись ко мнѣ, освѣдомляться, совершенно ли я поправился; послѣ своей легкой сабельной раны, полученной на томъ берегу Рейна: онѣ подпирали меня изъ своихъ маленькихъ ручекъ ибывалимъ покладомъ въ серебряной посудѣ и изъясляли мнѣ свое горячее участіе различными другими услугами. Когда я наконецъ проснулся и хорошенько протеръ себѣ глаза, то увидѣлъ вокругъ себя нѣчто совсѣмъ другое. Я лежалъ въ низенькой землянкѣ, какія винограднаы сторожа строятъ себѣ для ночлеговъ въ виноградникахъ. Дверь плотно запиралась, чрезъ нее должны были проходить свѣтъ и воздухъ; постель состояла изъ грязной, истертой соломы, одѣяло — старый, изношенный, вонючій тулупъ; на полу, на футъ отъ моего рта, притаилась жаба и копошились различныя пачекомыя въ родѣ подпольныхъ червей съ многочисленными поймами и пауковъ на высокыхъ, членистыхъ лапахъ. Я вскочилъ и вышелъ изъ землянки. Добрый сторожъ уже привелъ свою жену и она варила кофе въ желѣзной посудинѣ. Я напился жадной болтушки съ такимъ удовольствіемъ, какъ будто ее приготовилъ царскій мундшенекъ, наградилъ своего гостепріимнаго хозяина и возвратился къ своимъ хлопотливымъ всадникамъ. Они дѣйствительно изрядно похлопотали и увидѣли соломенные навѣсы, вахтенныя костры пылали и котлы начинали уже закипать.

Мы двинулись вдоль Боденскаго озера на Линдау и Брегенцъ. Погода прояснилась и нашъ путь сдѣлался пріятнымъ. Тогда была пора уборки винограда, вездѣ было вдоволь виноградныхъ кистей и сладкаго, ольяняющаго сока. Сторожа и крестьяне всѣ были навеселѣ; ихъ собственно война не коснулася. Если и не доставало въ июлѣ, осеннемъ воздухѣ грохочущихъ, германскихъ пѣсень, то ихъ полкъ зажѣняло веселое пѣніе нашихъ кирасиръ, которымъ позволяли пить сладкій сокъ. Такимъ образомъ достигли мы назначеннаго намъ лагеря у Линдау.

Съ двумя сотнями казаковъ я былъ посланъ отсюда въ Куръ съ тѣмъ, чтобы снова возстановить сообщеніе съ главною арміею, подъ предводительствомъ князя Суворова, сообщеніе, прерванное послѣдними событіями.

Я нашелъ оскорбленнаго героя въ одной граубинденской деревнѣ, гдѣ онъ, окруженный частью генеральнаго штаба, сидя на переносномъ стулѣ (стольчакѣ), освобождался отъ несваренія въ желудкѣ. Жизнь Суворова была столь публичною, его характеръ столь прозраченъ, его время наконецъ было столь занято, что нельзя осуждать его слишкомъ строго, если онъ, у котораго душа была на распашку, вопреки общепринятымъ обычаямъ, открыто при людяхъ совершалъ такіа тѣлесныя отправления, которыя обыкновенно совершаются въ сторонѣ и въ отходномъ мѣстѣ. Онъ при этомъ не подозрѣвалъ ничего дурнаго и ужъ навѣрное не хотѣлъ этимъ показать какое либо

пренебреженіе къ своимъ подчиненнымъ. Я хотя и зналъ объ этомъ его обычаѣ по рассказамъ, но все таки меня поразило, когда я уви-дѣлъ его сидящаго и стонущаго на столычакѣ къ то время, какъ штабные стояли вокругъ него съ серьезными и молчаливыми физиономіями. Для довершенія этой оригинальной картины въ теньеровскомъ вѣуся, возлѣ столычака стоялъ высокій, величавый ординарецъ — казакъ, который держалъ въ лѣвой рукѣ разрѣзанную на четвертушки бумагу, а правую подавалъ ее по мѣрѣ потребности работающаго, по временамъ и въ полголоса восклицающаго ура! коли, руби, гони! Знаменитый старецъ употреблялъ неудобоваримую пищу, потому подобныя засѣданія продолжались обыкновенно довольно долго — къ теченіе ихъ производились разные дѣла. Мои денешни принявъ, однако, не онъ самъ, а его адъютантъ Кушниковъ, который вмѣстѣ со статскимъ совѣтникомъ Фуксомъ спрашивали меня о положеніи и обстоятельствахъ армейскаго корпуса Кореякова. Въ позднѣйшія времена я часто думалъ объ этой сценѣ, и какъ мнѣ было хорошо извѣстно на сколько Суворовъ любилъ картинно выражать свои мнѣнія, то мнѣ приходило на мысль, что мое появленіе напоминало Суворову о дѣяніяхъ нашего генерала и о сраженіи подъ Цюрихомъ, и онъ сидѣніемъ на столычакѣ символически хотѣлъ выразить свое презрѣніе къ нимъ ¹⁴⁾.

¹⁴⁾ По соединеніи корпусовъ, Рилей-Коряковъ представлялся Суворову. Трефуръ такъ рассказывалъ объ этомъ представленіи (см. Ист. 1799 г. Милютинъ, т. 2 стр. 325):

„Генералъ вступилъ въ полную мушкетъ, въ орденѣхъ, вышелъ навстрѣчу въ приспущенную залу, гдѣ собрался былъ весь штабъ его и галлонная вадтира. Въ ожиданіи Кореякова, Суворовъ ходилъ по комнатамъ съ замѣтнымъ волненіемъ, то жмурился, то охорашивался и приговаривалъ: „Александръ Михайловичъ! генералъ придворный: поклони Богъ, онъ человекъ учтивый: онъ дѣлалъ на караулѣ французамъ: надобно принять его съ почестями!“... и пр. Наконецъ пріѣхалъ Кореяковъ: съ подымавшимъ смущеніемъ вошелъ онъ въ залу и подошелъ съ рапортомъ въ рукѣ къ генералиссимусу; но тотъ отошелъ шагъ назадъ, вынулъ изъ кармана и, впервъ прощупавъ ладонью свой въ глазъ Кореякова, проговорилъ: „Ахъ, Треббія, Нови... родная сестра!“... а Цюрихъ?“... и съ этимъ словомъ, заткнувъ вдругъ голову назадъ, сдѣлалъ самую флюю и презрительную ужимку. Кореяковъ не нашелъ ни слова въ отвѣтъ; протянулъ было руку съ рапортомъ; но Суворовъ, обернувшись быстро назадъ, схватилъ катой то зепотею, началъ дѣлать разные движенія и шаркать у Кореякова: „Какъ же вы, Александръ Михайловичъ, дѣлили Массенѣ на караулъ; такъ?... или иначе?“... и послѣднимъ отступая назадъ съ дѣти своего кабинета, сдѣлалъ Кореякову знакъ пойти на низъ. Выходя его, Суворовъ заперъ двери. Домолко драго провѣхивалъ между ними разговоръ, но столь тихо, что и стоявшие возлѣ самыхъ дверей ничего не слышали. Кореяковъ вышелъ изъ кабинета еще болѣе презрѣнно растроганный и смущенный: быстро прошелъ онъ мимо всѣхъ оставшихся въ залѣ, и ушелъ опять въ свою сиденную квартиру“. Въ октябрѣ Суворовъ получилъ рескриптъ императора Павла отъ 14 октября 1799 г., въ которомъ между прочимъ государь писалъ: „Коль скоро соединеніе наше съ корпусомъ ген.-лейт. Кореякова доосуществится, то, раздѣли войска наши на рваный корпусъ, предоручивъ, яко стариннаго, презрѣннаго генерала у насъ находившаго, с. е. генер.

По соединеніи отдѣльных корпусовъ, вся армія двинулась въ Швабію и главную квартиру помѣстили въ Аугсбургъ. На маршѣ попадались мнѣ и хорошія и дурныя квартиры; я еще и теперь вспоминаю двѣ превосходѣйшія. Одна прекрасная стоянка была въ замкѣ графа Кенигска, который принялъ и обласкалъ насъ, военныхъ пришельцевъ, какъ милыхъ гостей. Другую памятную мнѣ квартиру имѣлъ я въ аббатствѣ Бухау, находящемся въ городкѣ того же имени при Федерскомъ озерѣ. Игуменшѣ, носившей званіе имперской княгини, въ то время была графиня Стадіонъ, дама величественнаго вида, лѣтъ около шестидесяти. Ее окружали монахини изъ перавѣйшихъ фамилій нѣмецкой имперіи между ними находились три графини Гогенцоллерны, графиня Кенигска, Трухзесъ, Фуггеръ.

Все оны составляли маленький, княжескій дворъ, съ гофмаршаломъ, камергерами и другими чинами. При аббатствѣ состояло даже войско. мнѣ княгиня игуменья говорила, что она обязана въ имперскую армію ставить двухъ всадниковъ и шесть пѣхотинцевъ, союзниками и соратниками которыхъ мы были въ то время. Для веденія свѣтскихъ дѣлъ у нея былъ канцлеръ, очень дѣльный и ученый человекъ, удѣлявшій, по своей добротѣ, мнѣ много своего свободнаго времени. Изъ его разсказовъ узналъ я, что аббатство Бухау основано сестрой Карла Великаго, Гильдегардою. Она потеряла мужа и троихъ сыновей убитыми въ сраженіи противъ венгровъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ аббатство, которое она послѣ того

Дерфельдену, Розенбергу и Швайншвану, я рассмотрю по имперскому диспозицію ген. лейт. Корсакова въ день его сраженія, доставите ко мнѣ мысліе о семъ выше, дабы и ты онаго могъ видѣть, причиною ли оны были сему проществу!»

Суворовъ доносъ отъ 5 ноября: „По высочайшему повелѣнію императорскаго величества распріянту, отъ 14 октября послѣдовавшему, разсматривая я всѣ распоряженія въ день сраженія 16 сентября ген.-лейт. Римскаль-Корсаковымъ учиненныя, нашла ихъ вѣрными, иезлику оны изобличахъ къ изумренію непріятеля, въ трехъ пунктахъ его атакованнаго... И какъ въ то же время притчалъ посту ген.-маіора Маркова непріятель переправилъ его атаковать, то Корсаковъ послалъ туда усиленіе, имѣя твердую надежду на прибытіе ген.-лейт. Дурасова, въ 18 верстахъ оттуда стоявшаго... Корсаковъ, пробившись сквозь превосходѣйшаго непріятеля, отошелъ къ Олау, гдѣ и соединился съ Дурасовымъ: сей, по моему мнѣнію, причиною провешедшаго, иезлику заимѣть будучи одною линіею, закованно и угроженіемъ переправы, не посѣбшлхъ соединиться съ прочими войсками въ бою бывшима“...

Не смотря на это оправданіе Корсакова, императоръ Павелъ оставилъ его отъ службъ, равно отчислвъ Дурасова и генераловъ Салена, Шмолкина и Маркова, бывшихъ въ бою подъ Цюрихомъ. Вислѣдствіи, 9 апрѣля 1800 г., въ приказѣ было объявлено, что полковъ, потерявшій знамена подъ Цюрихомъ, таковыхъ впредь дано не будетъ.

Милотинъ разбирая въ своей исторіи 1799 г. истинныя причины бѣдствій, постигшихъ нашу войску подъ Цюрихомъ, приходитъ къ заключенію, что несчастному исходу цюрихскаго сраженія способствовали не ошибки Дурасова, а недальновидныя распоряженія самаго Корсакова.

выстроила и въ которое поступила первой игуменьей. Она погребена въ аббатствѣ вмѣстѣ съ супругомъ и тремя убитыми сыновьями. Я слушала такіе рассказы изъ девятаго столѣтія съ нѣкоторыхъ страхомъ: по словамъ канцлера, все эти сказанія подтверждаются документами. Какъ молодя предъ нами показалась мнѣ моя родная Эстляндія, о которой еще послѣ трехсотъ лѣтъ прошло не знаютъ, люли ли тамъ жили или только дикунки съ мышами. А здѣсь предо мною сидѣла живая графиня Стадіонъ и лежали кипы документовъ, по которымъ отъ одной игуменьи до другой можно было дойти до Гильдегарды, сестры Карла Великаго!

Я прожилъ много дней въ Бухау, занимая достопочтенныхъ монахинь и занимаемый самъ канцлеромъ. Онъ зналъ хорошо не одни монастырскія лѣтописи, но изучилъ Гельвеція, Бюффона и многихъ другихъ писателей. Когда онъ замѣтилъ мое неудовольствіе на то, что незначительное аббатство Бухау тремястами лѣтъ древнѣе моей славной родины Эстляндіи, онъ мнѣ однажды сказалъ „Never mind!“ (не тревожьтесь), что значить триста лѣтъ этой разницы и все тысячелѣтія существованія Бухау вообще предъ числами міровъ! Человѣкъ даетъ существованію вселенной семь тысячъ лѣтъ, а природа указываетъ по крайней мѣрѣ на восьмидесятитысячелѣтнее существованіе. Хотя человѣкъ очевидно не отдастъ вселенной должнаго уваженія, то все таки дѣло не плохо!... Это было началомъ бесѣдъ нашихъ съ канцлеромъ о геологіи, хронологіи, исторіи и политикѣ. Онъ былъ тѣмъ, что нынѣ называютъ умѣреннымъ разрушителемъ, я же напротивъ былъ ревностный консерваторъ, а это и подавало поводъ къ оживленнымъ спорамъ, для меня въ особенности поучительнымъ.

Нашъ дальнѣйшій походъ продолжался на Ридлингенъ, гдѣ мы нѣсколько дней отдыхали, потомъ мы пришли въ окрестности Аугсбурга и остановились на квартирахъ въ деревнѣ Мюльгаузенъ. Часть этой деревни заняли войска арміи Конда и именно лейбъ-эскадронъ драгунскаго герцога Англенскаго полка. Ими командовалъ графъ Шарль Дамась, впоследствии царь Франціи и оберъ-камергеръ. Старшимъ офицеромъ послѣ него былъ полковникъ баронъ Грюнштейнъ, тотъ самый, который нѣсколько лѣтъ спустя, при извѣстномъ захватѣ герцога, былъ принятъ французскими жандармами за самого герцога Англенскаго. Въ сожалѣнію у него не достало присутствія духа оставить ихъ въ этомъ заблужденіи, иначе вся эта злобная исторія приняла бы другой оборотъ, потому что едва ли бы французы разстрѣляли Грюнштейна.

Мы жили дружно и весело, въ одномъ эскадронѣ состояло тридцать офицеровъ, между которыми были Бутильеръ, Бюсси, Сюлли, Отейль, Праконталь и пр. Герцогъ Англенскій верѣдко самъ прѣзжалъ въ Мюльгаузенъ и принималъ участіе въ удовольствіяхъ и го-

рестяхъ своихъ офицеровъ. Удовольствіи было больше, чѣмъ горя. У молодыхъ, легкомысленныхъ кавалеровъ водились еще кое какія деньги, а надежды ихъ были неразрушимы. Когда жизнь въ Мюльгаузенѣ казалась намъ слишкомъ узкою и однообразною, то мы скакали въ Аугсбургъ, гдѣ военная колонія устроила множество игорныхъ домовъ. Тутъ всѣ ликовали и пробовали счастья, тутъ золото и серебро плавилось въ горнилахъ игры. Я самъ видѣлъ, какъ тотъ либо другой изъ мюльгаузенскихъ кавалеровъ проигрывалъ до чиста все, даже своего фазоваго и боеваго коня, и возвращался на квартиру, занявъ наемную лошадь или на реквизиціонной полуволѣ.

Проживъ нѣсколько недѣль въ Аугсбургѣ и его окрестностяхъ, мы получили приказъ выступить походомъ въ Чехію. Выступление ознаменовалось для меня особеннымъ случаемъ. Мой долголѣтній слуга, эстонскій и брѣвостной человѣкъ моего отца, неожиданно покинулъ меня, забравъ съ собою нѣсколько моихъ вещей, удобныхъ для переноски. Чехія, Польша, даже издали маящая къ себѣ его эстонская родина, повидимому, потеряли для него притягательную силу, и онъ предпочелъ укрыться отъ меня гдѣ-то въ Швабин, пока мы не уйдемъ походомъ дальше. Въ скорости его нигдѣ не могли найти и онъ долженъ былъ отказаться отъ возможности доказать ему на сколько онъ поступаетъ несправедливо. мѣняя мягкую, благозвучную эстонскую рѣчь на твердый и протяжный, швабскій діалектъ.

Оставленный нечаянно моимъ старымъ, услужливымъ другомъ (онъ былъ товарищемъ моихъ дѣтскихъ игръ), я продолжалъ извѣстную уже мнѣ дорогу на Регенсбургъ, гдѣ имѣлъ честь быть приглашеннымъ къ столу книжны Турнь и Таксисъ и затѣмъ мы вступили въ древнее Оттокарово царство, гдѣ въ Рокичанѣ, близъ Пильзена, и размѣстились по квартирамъ. Въ этомъ городкѣ, предвѣстникъ польскихъ мѣстечекъ, вѣроятно, на меня повѣяло холоднымъ дыханіемъ сѣвера — я заболѣлъ и принужденъ былъ перебраться въ Пильзень, гдѣ могъ найти лучшую, врачебную помощь. Поправившись, я еще имѣлъ довольно времени, чтобы въ Прагѣ, гдѣ была наша главная квартира, принять участіе въ веселомъ карнавалѣ.

Австрійцы съ неудовольствіемъ смотрѣли на нашъ обратный походъ, тѣмъ не менѣе балы весело шли своимъ чередомъ. Три прекрасныя дамы были блестящими звездами, кружившими въ то время головы на балахъ графини Кламъ, Шликъ и Коловратъ. Вокругъ ихъ тѣснился цвѣтъ нашего сѣвернаго рыцарства Милорадовичъ, Каменскій, Шеневель, Хитрово¹⁵⁾.

¹⁵⁾ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ, родившійся 1 октября 1771 г., графъ, полковникъ и петербургскій генералъ-губернаторъ, убитъ въ смятеніи 14 деа 1825 года. О родѣ Милорадовичей см. Руб. Ар. 1871 г.

Графиня Николай Михайловичъ Каменской, младшій сынъ фельдмаршала, род. въ

Недолго я вращался въ этомъ кругу, скоро я перешелъ въ другой, центромъ котораго была также прекрасная зѣйка, хотя и второй величины. Это была молодая еврейка, дочь богатѣйшаго банкира, съ двумя милліонами гульденовъ приданого. Эта очаровательная Суламить, съ черными, пыльными глазами, маленькимъ, ризовымъ носикомъ, прекрасными губками и зубами, крошечными ручками и ножками, была въ особенности пріятельна розовымъ ароматомъ двухъ милліоновъ гульденовъ. Она была въ состояніи отуманить молодыхъ, корсарскіе сердца и возбудить въ нихъ желаніе одержать надъ нею побѣду. Но въ то время Гейнрихъ Гейно еще не писалъ своихъ лѣтѣтельныхъ писемъ. Берне не сочинялъ еще своихъ писемъ, и еврейку, хотя и крещеную, все таки называли жидовкой. Я съ содроганіемъ подумалъ объ вонляхъ своихъ эстляндскихъ кузинъ и отсталъ отъ прекрасной Суламить, которая по своимъ прелестямъ была достойна любви самого премудраго царя Соломона, не менѣе той прежней ея соименницы, красоту которой онъ описывалъ.

Когда я не ухаживалъ за Суламить, я проводилъ время за карточнымъ столомъ. Въ то время въ Прагѣ существовали адская игра австрійцы и русскіе хотѣли на послѣдяхъ доканать другъ друга. Я, однакоже, игралъ счастливо. Въ деньгахъ, которыя мнѣ прислалъ отецъ, фортуна прибавила два тяжеловѣсовыхъ, золотыхъ слитка. Въ своимъ прежнимъ конямъ я прикупилъ еще двухъ прекрасныхъ лошадей и устроилъ свое походное хозяйство съ тщеславною роскошью. Пыльнымъ взорамъ Суламить долженъ былъ представиться богатый, изящный рыцарь, это было мое тайное желаніе, вводившее меня въ изысканіе расходы. Но я все таки пугался всякій разъ, когда мое воображеніе рисовало мнѣ черноокуую Суламить, окруженную эстляндскими бургефрейлейбъ. Не потому, чтобы она не была прекрасна, дивная, молоденькая Суламить, но потому что она не соответствовала требованіямъ моихъ кузинъ и кузиночекъ. Упрямое, нерѣшительное существо — человѣческое сердце!

О походѣ въ Краковъ нелого разсказывать ничего примѣчательнаго, тамъ же принялъ начальство надъ войскомъ генералъ Розенбергъ. Въ Брестъ-Литовскомъ онъ вынесъ приказъ расчистить поля по указаннымъ зимнимъ квартирамъ. И узналъ отъ него пріятное извѣстіе, что за отличіе по службѣ я произведенъ въ майоры.

1776 г., воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ, въ 1790 г. былъ уже генералъ-майоромъ и участвовалъ въ знаменитомъ швейцарскомъ походѣ Суворова. Впоследствии Каменскій прославился въ шведской войнѣ 1808—1809 г.; въ началѣ 1810 г. былъ назначенъ главнокомандующимъ молдавскомъ арміею, но не довершилъ турецкой войны: въ январѣ 1811 г. онъ заболѣлъ, былъ отвезенъ въ Одессу, гдѣ и умеръ въ мартѣ 1811 г., будучи полнымъ генераломъ.

Шенгелевъ впоследствии былъ генералъ-лейтенантомъ.

Хитрово впоследствии былъ генералъ-майоромъ и посланникомъ во Флоренцію.

Въ серединѣ зимы мы пришли въ Брестъ и рады были теплымъ квартирамъ, я въ особенности былъ доволенъ своею, которую нашель у моего старого друга и земляка, майора Гельфрейха. Но наша радость была непродолжительна въ первую же ночь, послѣ нашего прибытія, вспыхнулъ пожаръ, который превратилъ половину городка и домъ, гдѣ я присталъ, въ груды углей и пепла. Опять намъ пришлось стать почти на бивуаки и мы не имѣли причинъ медлить походомъ. Цѣлью нашего передвиженія были теперь прежнія квартиры въ Валкахъ въ Лифляндіи, и мы счастливо ихъ достигли черезъ Вильну и Ригу.

Трудно было, послѣ описанной мною жизни, привыкать къ однообразію въ настоящемъ положеніи. Нѣкоторое развлеченіе доставляла мнѣ охота. Охота въ Лифляндіи еще не подвергается методическому устройству, какъ въ Германіи. Дичь не гонятъ жестокими стратегіями на встрѣчу счастливцу — тактику, который долженъ убить ее по всѣмъ правиламъ стрѣльбы; охотятся здѣсь болѣе естественнымъ образомъ¹⁶⁾ и подвергаютъ при этомъ собственную жизнь

X¹⁶⁾ Охотились дѣйствительно самымъ естественнымъ образомъ. Вотъ что пишетъ Индрикъ Страумъ (Окраина, II, 26—28) о лифляндской охотѣ въ началѣ сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія:

„Главнымъ развлеченіемъ пасторовъ было ходить на охоту съ помѣщиками, и гонять закри стадами собакъ всѣхъ породъ и мастей. Это дѣлалось конечно для потѣхи, а не для какой либо выгоды. На этихъ охотахъ бывало шумно, весело и задорно; ухмы, порабованные, степенные люди разкидывали всякія неблазны, хвастались, прыли, спорили и отшучивали другъ другу комкости. Тѣмъ временемъ, развошерстная стаа исавъ усердно работала и ногами и сорками, соняла въ раскочку за зайчикомъ, бѣзвѣщны какъ кобы събѣга, въ этихъ хилыхъ лифляндскихъ извремъ. Что л ехала и идѣла, а вотъ что и самъ испытала.

За отсутствіемъ или недостаткомъ собакъ, въ исправленіи ихъ должности, становилась латина. Съ октября по январь неизменно, особенно тогда събѣга былъ не слабымъ глубоки, -- то и дѣло устраивались облавы, или какъ называемы: „лапперъ-ахы.“ Въ воскресенье, въ южной корнѣ, отдалась приказъ, чтобы въ такой-то день, утромъ засѣла, въ такой-то деревнѣ, непременно, подъ опасеніемъ строжайшей отвѣтственности, каждый дворъ, смотря по величинѣ его, выставилъ отъ одного до двухъ засѣдниковъ на два дня въ ряду. Нечего дѣлать: посылаи работница, или бѣгуна -- мальчишку, а за неимѣніемъ таковыхъ, или сама хозяйка, съ работницей или дѣвчонкой. Слѣдкомъ махалъ не принимала, потому что эти охоты устраивались все таки подъ предлогомъ востребленія волковъ, -- дѣла серьезнаго и не безопаснаго.

Но мужики очень хорошо знали въ чемъ дѣло и тутъ же, въ корнѣ, потихоньку между собою перешивались, говоря: „ну, развѣ что помѣщикъ или пасторъ, бѣгая за гонимымъ, какъ либу въ юрнѣхъ свою старую волчью шубенку; можетъ быть какой либу въ лоскутъ ея и остался на сумкѣ, а теперь хочеть выгнать цѣлаго волка или лѣсу! дудки, ни знаешь, что подѣ волкомъ разумѣи зайцевъ.“

Къ назначенному часу начинали собираться люди всякаго разбора: охотники на коняхъ, охотники пѣшіе, а кто въ сапкахъ, телегахъ, въ дрожкахъ и всѣ съ ружьями. А мы, гончіи, всѣ пѣшомъ, но также не безъ орудіи. Ну, какъ въ самомъ дѣлѣ поладеть волкъ! Поэтому, какимъ это шорить себѣ волка въ своемъ воображеніи, такое на скорую

большей опасности. Это придаетъ охотѣ въ Лифляндіи особенную прелесть, неизвѣстную въ западныхъ странахъ Европы. Другое развлеченіе доставилъ испрошенный и полученный мною отпускъ, перенесшій меня въ Эстляндію.

Нѣсколько дней я пробылъ у моего брата Карла въ его прекрасномъ имѣніи Форель, въ Вирлаудѣ; потомъ я свидѣлся съ моею сестрою Амаліей, вышедшей замужъ за барона Тизенгаузена и жившей въ большомъ и даже исторически знаменитомъ замкѣ Нейенгофѣ. Она представляла собою типъ прекраснѣйшей и совершеннѣйшей бургфрау, какую только можно гдѣ либо встрѣтить. Баронъ, мой зять, былъ воплощенный рыцарь давнихъ временъ, въ современномъ видѣ. Таковъ должно быть былъ Энгельбертъ Тизенгаузенъ, когда онъ будучи зятемъ великаго епископа Аальберта, прибылъ въ Лифляндію и служба крестовому ордену приобрѣлъ обширныя владѣнія, чрезъ которыя его потомки стали однимъ изъ могущественнѣйшихъ родовъ этой страны, пока его могущество не поколебали раздѣлы наслѣдниковъ, польскія конфискаціи и шведскіе захваты: всѣ эти обстоятельства омрачили древній блескъ этого семейства въ нѣкоторыхъ его отрасляхъ. При видѣ величаваго рыцаря — владѣльца Нейенгофа въ замкѣ ли съ его супругой (который въ бывшее время такъ часто отбивался отъ враговъ) въ парѣхъ ли, въ поляхъ ли, гдѣ его окружали счастливые своей судьбой, многочисленные вѣрностные люди, не могло не радоваться и сердце равнодушнаго, посторонняго человѣка; что же долженъ былъ чувствовать братъ! Тяжело вспомнить, что такое поло-

русу припасалъ и орудіе. Разъ, и захватилъ сильной пущей и думалъ при себѣ: „пока-дись только палька, и его тресну такъ, что онъ махнетъ на дерево.“ И палька не было тутъ орудій? У кого выкопана изъ старой копья лифляндскаго происхожденія: у кого кусокъ, неизвѣстно откуда добытый, ржавой жести; у кого высушенный пущаръ съ нѣсколько-милл въ немъ сорочьями; у одного треснутое, у другого пучекъ дубина, а у иныхъ просто палки, которыми ударяли въ лѣсу по каждому дереву.

Нарядомъ не стану описывать: ихъ можетъ видѣть читатель на нисшихъ, на деревенскихъ ярмаркахъ и деревенскихъ базарныхъ. У меня бывали разные оджи: иной разъ отцовскій камзолъ, или полукафтаны, такой длинной, широкій, съ нѣсколько-милл хвостами, и тапши длинныя, что въ лѣсу иной разъ отпроньешь и олягнешься, только что-то позвать за тобою. Дыра въ пролѣхалъ не было ни счету, ни мѣры.

И поведетъ бываю лѣсничій эту мокнатую, полуголодную, двуногую стаю въльхъ пояростъ и колошъ, а въ томъ члѣвѣ и тапшѣ, о которыхъ на видъ трудно было сказать: что это, мальчишъ или дѣвочка? да и сами они едва-едва знали: — поведетъ въ лѣсу, расстануть въ рядъ, на разстояніи отъ себя и бѣже паголы, какъ лѣвъ волякъ, отдастъ припалъ: шуйтъ какъ можно больше и громче, не забывать впередъ, не сходиться въ кучку, не отставать, доуой не бѣсать и т. п. Но эта инструкция не всегда соблюдалась, грѣшали прогнѣвъ нелъкъ, и малые и большіе. Лѣсничій подаетъ штурмовой сигналъ. Вотъ бы вамъ послушать, а описать я не беру, потому что самъ бывалъ въ этомъ дѣлѣ участникомъ, а не слушателемъ. Это такая суматоха, что и разобрагъ нельзя: крикъ, шой, хай, зювъ, дребезжаніе пущаръ, агузанье, стукъ по деревьямъ.....

женіе могло подвергнуться уничтоженію не только чрезъ вліяніе все разрушающаго времени, но и чрезъ непостоянство человеческой воли: въ свое время я останавливаюсь на подробностяхъ при разсказѣ объ этомъ происшествіи, то есть тогда, когда изволнованныя мои чувства позволять мнѣ найти слова, для передачи этого разсказа.

Моего почтеннаго отца я засталъ глубоко огорченнымъ кончиною моей сестры Юліи, случившейся незадолго передъ тѣмъ; Юлія была прекраснымъ, но слишкомъ нѣжнымъ цѣткомъ, и достигла только семнадцатилѣтняго возраста. Мое присутствіе разсѣяло нѣсколько батюшку изъ его печали; утѣшился онъ еще болѣе, когда вдругъ совершенно неожиданно пріѣхалъ братъ мой Германъ. Четырнадцать лѣтъ онъ уже посвящалъ себя морской службѣ, совершилъ много путешествій на русскомъ военномъ кораблѣ многія плаванія по морямъ балтійскому и нѣмецкому, и потомъ вошелъ случай перейти волонтеромъ въ англійскій флотъ, на англійскихъ корабляхъ онъ посѣтилъ станицы въ отдаленнѣйшихъ моряхъ.

Само собою разумѣется, что онъ выучился говорить по англійски quite perfectly (съ совершенствѣмъ), привыкъ сжимать ротъ наискось какъ истый англичанинъ, и сдѣлался совершенно похожимъ на почтателя плузмъ пудлинга и содовой воды. Для достиженія всѣхъ этихъ цѣлей, провѣлъ онъ шесть лѣтъ въ отсутствіи изъ дому и я его не видалъ столько же времени. Основываясь на этомъ, навивъ домашніе, въ тотъ часъ и моя сестра, веселая нейсиггофская бурффрау, устроили ради разнообразія деревенской жизни — слѣдующую шуточку.

И углубившись немного на прогулкѣ въ окрестности замка, кажется, рассчитывая увидѣть Каю: между тѣмъ прибылъ давно ожидаемый мною братъ. Послѣ первой радости при встрѣчѣ, зашла рѣчь обо мнѣ и возникли вопросъ и сомнѣніе: узнали ли бы мы другъ друга? Тутъ то они и рѣшились на веселое испытаніе. Согласились скрыть отъ меня неожиданный пріѣздъ Германа, а его представить мнѣ какъ англійскаго, морскаго офицера, только что прибывшаго изъ Ревеля съ рекомендательными письмами и желающаго познакомиться съ жизнью остоянцевъ въ ихъ country-house (сельскій домъ). Возвратившись съ прогулки, я увидѣлъ какого то military looking (съ воинственной миной) джентельмена, говорившаго перекося ротъ на англійскомъ языкѣ съ тѣми дамами, которыми знали этотъ языкъ, и ловавшаго немилосердно нѣмецкій языкъ, и встанавившаго слова нижнегерманскаго парфѣя съ тѣми, кто по англійски не зналъ. Намъ представили другъ другу и послѣдовало дружеское shake-hands (пожатіе рукъ). Я не узналъ загорѣлаго брата, но мы скоро познакомились за оживленнымъ разговоромъ, потому что передъ нами стоялъ завтракъ: мадеры и шерри было много. Но дамы придумали еще одну хитрость, чтобы испытать мое сердце и нравъ. Когда бесѣда наша оживилась, онѣ вышли изъ комнаты, а джентельменъ навелъ

рѣчь на то только что окончившійся походъ и позволилъ себѣ въ непріятельныхъ выраженіяхъ отозваться о пюрихскомъ дѣлѣ. Отъ Германа я еще пожалуй бы снесъ, но отъ military-looking englishman (военнаго англичанина) дѣло другое. Короче сказать, полученныя остроумной военнагофской госпожей, мнимой, англичанинъ совершенно вывелъ меня изъ терпѣнія, и такъ какъ гостепріимство не дозволяло мнѣ стрѣляться въ Ризкѣ съ гостемъ моего отца, то мы съ нимъ дали другъ другу слово встрѣтиться въ назначенное время на Цигельскоппелѣ, близъ Ревеля, и покончить это дѣло. Послѣ такого то коварнаго устроеннаго вступленія обнялись братья, бывшіе въ разлукѣ шесть лѣтъ.

Прошелъ счастливый мѣсяцъ у отцовскаго очага, подѣ одной кровлей съ родными, любящими сердцами: опять и долженъ былъ оторваться отсюда, надѣтъ свои рейтарскіе доспѣхи, опять долженъ мучить члены бородастыхъ воиновъ, уставивъ ихъ въ ряды. Неотиратимое случилось и я скоро очутился въ Смильтенѣ, куда между тѣмъ перешелъ эскадронъ. Смильтенъ — значительно болѣе имѣніе, лежащее въ семи миляхъ къ югу отъ Валки и въ 20 миляхъ къ востоку отъ Риги. Оно принадлежало нѣкогда архіепископу и въ немъ находился укрѣпленный замокъ, неоднократно бывавшій въ осадахъ и пережившій много разъ разрушеніе. Еще и теперь видны слѣды старыхъ его стѣнъ. Короли польскіе, а потомъ шведскіе дарили Смильтенъ своимъ вѣрнымъ приближеннымъ; наконецъ императрица Елисавета отдала его во владѣніе старому заслуженному пруссаку графу Георгу Броуну, лифляндскому генералъ-губернатору¹⁷⁾. У его владѣніяго мужскаго и женскаго пола оно оставалось, пока наконецъ не перешло въ закладное владѣніе богатыхъ рижскихъ купцовъ, вслѣдствіе дѣлажей и другихъ случайностей. Это общая участь всѣхъ лифляндскихъ владѣній, приобретенныхъ въ былыя времена мечемъ или епископскимъ жезломъ.

Переходя изъ рукъ въ руки, съ права на лѣво, онѣ неизмѣнно попадаютъ въ шкатулку рижскихъ купцовъ, гдѣ со временемъ можетъ быть очутятся и всѣ остальные.

Въ то время какъ я посѣтилъ Смильтенъ, это помѣстье составляло еще собственность бригадира графа Бруна, сына стараго генералъ-аншефа и героя, но многія окрестныя помѣстья уже находились въ закладѣ у рижскихъ двигателей биржи. Пылкое воображеніе всегда строить различные планы, такъ и я, отправивъ извѣстные часы своей конной службы и имѣя много времени для разсудка, набрелъ на мысль, какъ освободить изъ мѣщанскаго плѣна какое плѣбдѣ древнее, знаменитое помѣстье и снова подчинить его мечу. Путь для

¹⁷⁾ См. Приб. Сб. 1, 417—454.

этого извѣстенъ — но путь этотъ весьма труденъ. добыть мышки съ деньгами и притомъ цѣлую кучу. Съ перваго же раза борзыи конь, служившій моему воображенію, отпрянулъ назадъ при этомъ препятствіи. Но была еще и другой путь, очень удобный для молодого, статнаго всадника, одѣтаго въ великолѣпный, блестящій мундиръ, и я называлъ его потихонько, про себя, но мнѣ кажется, что при этомъ щеки мои нылали густымъ румянцемъ — это женитьба.

Однако же мысль эта явилась, и если я проѣзжалъ мимо заложеннаго замка, она упорно меня преслѣдовала: цѣль освобожденія собственности меча изъ подъ гнета торговой конторы, казалось мнѣ, облагородила эту спекуляцію. Задуманная спекуляція осталась бы, вѣроятно, безъ послѣдствій, еслибы самъ случай не взялся помогать исполненію этой цѣли. Этотъ могущественный другъ или врагъ человѣка, смотря по способу капризу, привелъ меня къ одной рижской дамѣ, которая своими крошечными, прелестными ручками управляла знаменитыхъ замкомъ, бывшимъ у нея въ закладѣ. Невозможно было отъ этихъ нѣжныхъ ручекъ не перенести взоры на лѣдную грудь, на хорошенькій ротикъ, говорившій такъ умно, на ясные, веселые глазки, придававшие всему лицу много очарованія. Особа эта читала англійскія книги, романы Аяфонтея, имѣла собственную ложу въ рижскомъ театрѣ, посѣщала оперы и балеты, а также балы въ Мусеѣ ¹⁸⁾ и балы промотавшагося, но все еще роскошно живущаго дворянства, которое зиму всегда проводитъ въ Ригѣ; однимъ словомъ она была любезная, веселая, остроумная особа, весьма способная правиться. Когда городская дѣвушка, поселившая на время въ деревнѣ и промѣнявъ мостовую на зеленые луга и поля, устраиваетъ прогулки верхомъ, то кавалеристъ имѣетъ при этихъ обстоятельствахъ много преимуществъ передъ пѣхотинцемъ. Распоряженіе этими удовольствіями дается ему само собою въ руки, онъ играетъ роль маршала, и сколько случается представляется для разговоровъ и объясненій при такихъ прогулкахъ по полямъ и лѣсамъ! Я скоро замѣтилъ, что прекрасная обладательница заложеннымъ замкомъ любить кататься верхомъ. она выписала изъ Риги новую, изящную амазонку и длинные вуали зеленые и бѣлые.

Когда мы мчались галопомъ, къ которому амазонку поощрялъ радомъ ѣхавшій, мастерски управлявшій лошадью кавалеристъ, и когда хорошенькое, раскраснѣвшееся личико обращалось ко мнѣ, когда ярко горѣли свѣтлые глазки, и зеленый вуаль далеко развѣвался по вѣтру, мнѣ казалось, что есть несомнѣнная надежда. ты будешь об-

¹⁸⁾ Die Musse — досугъ, свободное время. Такъ называется въ Ригѣ общественное собраніе или клубъ. Клубъ этотъ основанъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія барономъ Фитингофомъ. См. Пр. Сб. I, 425—429.

ладать замкомъ, коль скоро самъ этого захочешь. Я, конечно, очень скоро еще болѣе въ этомъ убѣдился, потому что между нами проходили разговоры, начатыя на прогулѣ и продолжаемыя въ гостиной, уже не упоминая о пожатіяхъ рукъ при снятіи дамъ съ лошади или даже объятіяхъ, поводомъ которыхъ бывали частыя выкрики лошади. Дѣло находилось въ некоторое время въ такомъ положеніи, наконецъ убѣдись, что цѣль навѣрное можетъ быть достигнута, я счелъ необходимымъ спросить объ этомъ мнѣніе своего старата отца, ландрата, прежде нежели положу послѣдній камень на начатое зданіе. Я зналъ каковы его воззрѣнія, зналъ также какъ онъ желаетъ, чтобы я выбралъ невѣсту изъ своего круга (хотя онъ это и не считалъ непремѣнной необходимостью). Не ради самихъ молодыхъ людей желалъ онъ равенства въ бракъ по общественному положенію, а ради родственниковъ, которые, вслѣдствіе разницы въ понятіяхъ и привычкахъ, не гармонируютъ между собою и этихъ охлаждаютъ отношенія молодыхъ людей, тогда какъ напротивъ эти отношенія должны все болѣе и болѣе согрѣваться теплымъ чувствомъ. Размысливъ объ этомъ, я предпочелъ написать не прямо къ отцу, а къ умной своей сестрѣ, вейсгерфской помѣщицѣ, и просить ее представить батюнкѣ возможность такого событія и сообщить мнѣ о его мнѣніи на этотъ счетъ. Я не преминулъ умолять о закладѣ и объ имени особы, владѣвшей залогомъ.

Противъ ожиданія отбѣтъ последовалъ вскорѣ, и между тѣмъ продолжалъ слѣдовать вѣстия по дорогамъ и проселкамъ за зеленой вуалью, какъ за неизмѣннымъ знаменемъ надежды. Къ намъ часто присоединялся братъ молодой особы, пріѣзжавшій изъ Риги, чтобы разыгрывать роль молодого дворянчика въ заложениомъ замкѣ и вдоволь напугать у смиренныхъ стариковъ. Онъ умѣлъ говорить о *steep-chase* (скачкахъ), о лошадяхъ, объ оружій и о собакахъ, о гиней и зеленой гвардіи^{*)}, въ которой онъ былъ, кажется, ротмистромъ, и еще о многомъ другомъ. Онъ игралъ на свое званіе дворянчика — владѣльца заложениаго замка и занимаемый имъ постъ въ городской хилиціи, онъ обращался со мною какъ товарищъ, старался выражаться какъ мушкетеръ и отдыаться отъ привычекъ своего бюргерскаго происхожденія, но крайней мѣрѣ на то время, которое проводилъ въ замкѣ. Эти попытки скорѣе возстановляли меня противъ него, нежели говорили въ его пользу; однако мы съ нимъ сдѣлались, какъ говорится, большими друзьями, и онъ, повидимому, съ удовольствіемъ влился во мнѣ своего будущаго зятя.

Но этому дѣлу суждено было окончиться иначе. Я получилъ наконецъ отбѣтное письмо сестры. Она весьма серьезно обдумала мое

^{*)} Синія и зеленая рижская гвардія — это городское войско, городская стража. — гвардія это существуетъ и по ннѣ.

намѣреніе. Въ характерѣ женщинъ есть склонность устраивать браки. Поэтому она говорила съ отцомъ въ пользу этого брака, но онъ, привышій къ обсужденію дѣлъ и разумному рѣшенію ихъ, хорошенько выкинулъ изъ него и. найдя, что рѣшеніе предоставляется на его благоусмотрѣніе, онъ и постановилъ, чтобы я не думалъ объ многократно упоминаемой владѣтелиницѣ заложеннаго замка. Это сообщивъ мнѣ добрая Амалия, принять всѣ предосторожности она очень обо мнѣ соболѣзповала и наконецъ поговорила мнѣ въ письмѣ множество утѣшеній, полагая, что я приду въ величайшее отчаяніе. Но я отнесся къ этому заключенію хладнокровно, по военному. Это было не что иное какъ осада, ограничившаяся перестрѣлкой, безъ всякихъ другихъ послѣдствій. Затѣмъ я ударилъ отбой. Невѣста скоро это замѣтила: она также хладнокровно перевесла мое охлажденіе, какъ и отказъ батюшки. Городескихъ дѣвушекъ такъ тщательно учить не придавать особеннаго вѣса ухаживанью молодыхъ офицеровъ и остерегаться ихъ. Молодые особы, въ особенности когда онѣ богаты и часто посѣщаютъ общественныя увеселенія, рождены дипломатками: онѣ ведутъ свои дѣла весьма искусно и въ своихъ сношеніяхъ съ молодыми людьми очень благоразумны. Въ этомъ отношеніи мнѣ яе въ чемъ было себя упрекнуть. Но удаленію моему не суждено было совершиться безъ шума. Шумъ поднялъ, противъ всякаго ожиданія, ротмистръ изъ Риги. Онъ находилъ мое отступленіе верхомъ неприличія, поэтому оскорбительнымъ и позорнымъ. Онъ грозно заявлялъ, что потребуетъ отъ меня объясненія и удовлетворенія. Боже ты мой! Неужели онъ хотѣлъ сыграть роль брата изъ любой комедіи и посредствомъ пули вынудить необходимый контрастъ третьяго акта? Я этого не знаю, но мнѣ передали его угрозы. Онъ такъ устроилъ, чтобы я объ этомъ узналъ. Нельзя было этого оставить безъ отвѣта. Въ то время находился тамъ молодой человекъ, родовою дворянинъ, который, прослуживъ года два въ военной службѣ, вышелъ въ отставку и сдѣлался странствующимъ рыцаремъ. Онъ переѣзжалъ изъ одного замка въ другой, состоялъ со всеми владѣтелями замковъ въ дальнемъ родствѣ, бывалъ вездѣ довольно ласково принятъ, зналъ толкъ въ охотѣ, въ ковки лошадей, въ обученіи собакъ и еще множество другихъ полезныхъ вещей. Онъ кушалъ, пачеалъ, гостилъ въ одномъ помѣстьи пока ему нравилось, и при случаѣ отиравался далѣе. Въ гостепріимной Лифляндіи въ прежніе годы было много подобныхъ странствующихъ рыцарей (ихъ также называютъ ясельными всадниками, Kipperreiter) и, я полагаю, типъ этотъ еще и теперь не совсѣмъ вымеръ. Этотъ полезный человекъ посѣтилъ меня именно въ то время, какъ я могъ имѣть въ немъ надобность; и находился на своей походной квартирѣ въ Смильтенѣ. Я разсказалъ ему о случившемся, о своемъ положеніи, о дерзкихъ выраженіяхъ брата и просилъ дворянина принять на себя порученіе къ буйному ротмистру. Послѣ

завтрака, за которымъ я не шадилъ вина, я далъ ему свою лошадь и онъ отправился верхомъ въ заложенный замокъ. Его порученіе состояло въ слѣдующемъ. Онъ долженъ былъ передать дворянчику, что я слышалъ его вызывающія слова и готовъ дать ему удовлетвореніе. Но такъ какъ мнѣ принадлежитъ право избирать оружіе, то я выбралъ пистолеты, но съ особенными условіями. Мы встрѣтились не у черты или барьера, но въ чистомъ полѣ, на условленномъ мѣстѣ верхами, каждый съ заряженнымъ пистолетомъ въ рукѣ и двумя запасными въ сѣдлѣ.

У насъ не будетъ настоящихъ секундантиковъ, а будутъ только избранные зрители. На разстояніи двухъ или трехъ ружейныхъ выстрѣловъ мы будемъ ожидать условеннаго знака, потомъ проскачемъ другъ мимо друга и по нему обмѣняемся тремя пулями каждый, время и разстояніе выстрѣловъ предоставлялось на благоусмотрѣніе каждаго изъ насъ.

Я хотѣлъ устроить романтическій поединокъ. Еслибы ретимистръ на него согласился, то я былъ почти увѣренъ, что онъ, непривычный къ верховой ѣздѣ, промахнется всѣ три раза: я же на быстромъ скаку намѣревался первымъ выстрѣломъ сбить ему шляпу съ головы, затѣмъ выбить пистолетъ изъ руки, и выстрѣлить третій разъ великодушно на воздухъ въ знакъ побѣды. Я не намѣревался закончить спекуляцію на заложенный замокъ кровавой развязкой, но хотѣлъ проучить дворянчика. Я довѣрялъ отсутствію паразита въ веденіи переговоровъ и впередъ зналъ, что онъ явится съ извиненіями и добродушными объясненіями противника. Его не было цѣлыхъ три дня, онъ съ моею лошады сытно кормился въ заложеномъ замкѣ и возвратился съ весьма таинственной, улыбающейся физиономіей. Противникъ мой велѣлъ ему заявить, что я нашелъ оскорбительными и вызывающими слова досады, сказанными при видѣ погибшихъ надеждъ, на скорое осуществленіе которыхъ онъ рассчитывалъ: что онъ поэтому проситъ у меня извиненія и радужно приглашаетъ посѣтить все его семейство въ замкѣ, чтобы положить конецъ минутному недоразумѣнію веселой встрѣчей.

„Дружочекъ, справедливо ли то, что вы мнѣ рассказывали?“ вскричалъ я косланцу. „Также вѣрно, какъ и то, что я собственными глазами видѣлъ какъ нарочный былъ отправленъ въ Ригу, для доставленія рѣдкихъ и дорогихъ винъ, чтобы достойнымъ образомъ отпраздновать примиреніе. Поѣдемъ туда скорѣе.“ Такъ и случилось. Я нашелъ молодую особу нѣсколько серьезной и сдержанной, впрочемъ она, кажется, ничего не знала о переговорахъ страстнаго рыцаря. Братецъ былъ весьма радушенъ и шумно весель. Какъ только оказалась возможность, онъ отвелъ меня въ сторону и повторилъ почти тоже, что мнѣ передалъ переговорщикъ. Изъ его

словъ и заключилъ, что мой посоль очень ловко повелъ дѣло и употребилъ самыя дѣйствительныя средства, чтобы предупредить грустную огласку, за что впоследствии онъ получалъ отъ меня переполненный бокалъ вина. Мы провели очень весело день въ заложномъ замкѣ. Послѣ обѣда, когда остальное общество ушло, мы втроемъ остались по англійскому обычаю за зеленымъ столомъ и хозяинъ поставилъ намъ хорошаго шампанскаго. При этомъ онъ оказалъ похвальное искусство, пробка отъ шампанскаго съ сильнымъ трескомъ полетѣла въ потолокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ я первый разъ увидѣлъ еще другую ловкую проделку. Онъ быстро прикрылъ откупоренное горлышко бутылки большимъ пальцемъ, оставивъ только небольшое отверстіе, черезъ которое шипящее вино било тонкой струей и красивымъ полукругомъ потекло въ приготовленный стаканъ. Дворянчикъ называлъ эту штуку гусарской, но я никогда не видѣлъ, чтобы гусары такъ пили. Для нихъ это было бы слишкомъ медленно и затруднительно. У нихъ скорѣе господствуетъ привычка спивкой пожа или сабли отрубать горлышко бутылки и такимъ образомъ откупоренное вино они фонтаномъ вливаютъ въ широкіе стаканы. Но многіе годы спустя, когда я былъ комедьянтомъ въ Гиветѣ, я имѣлъ случай наблюдать за тамошними половыми. Они дѣйствительно откупоривали шампанское вышеописаннымъ образомъ и вливали его по немногу въ стаканы почетныхъ гостей.

А такъ то окончилась моя спекуляція — освободить изъ плѣна замокъ. И не могъ не упрекать себя во многомъ. Но несчастія не произошло никакого. Владѣтельница замка не засидѣлась для этого съ ручки были слишкомъ прекрасны и держала она въ нихъ слишкомъ заманчивый залогъ. Она счастливо вышла замужъ и, вѣроятно, по сердцу; но мнѣ осталось неизвѣстнымъ, кто ей супругъ, молодой ли герой биржи или же рижскій адвокатъ первой величины.

Эти рыцари императора Юстиніана, или его вѣнчи, которая производить то же дѣйствіе, какъ зловѣя заклятія Фауста, часто прекращаются во владѣльцевъ заложныхъ замковъ. О бѣдное, когда то подвизавшееся на турнирахъ рыцарство, что становится съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе мутищемъ, съ твоими когда-то гремѣвшими саавой замками!

Въ моемъ сердцѣ образовалась пустота, тяжелая для меня, потому что я долженъ былъ отказаться отъ плановъ, долго дѣланныхъ, и хорошо было для меня, что на политическомъ горизонтѣ разразилась буря, вырвавшая меня изъ моего круга дѣйствій и бросила въ другую сферу. Сень-жемскій кабинетъ разошелся съ пестербургскимъ и мы получили приказъ двинуться къ берегамъ балтійскаго моря (1800), чтобы наблюдать за ними. Графу Палену ввѣ-

рено было главное начальство надъ собранными войсками, а генераль Войновъ командовалъ летучимъ отрядомъ, подъ его вѣдѣніемъ²⁰⁾.

На походѣ къ мѣсту нашего назначенія пришлось мнѣ проѣзжать чрезъ помѣстье Лаудонъ, съ большимъ знакомъ и принадлежащемъ къ нему мѣстечкомъ, лежащемъ при рѣкѣ Эвастѣ. Тутъ стоялъ прежде архіепископскій замокъ, который построилъ въ 1271 г. архіепископъ Іоаннъ фонъ Луненъ и былъ разрушенъ въ 1577 г. войскомъ царя Іоанна Васильевича: въ позднѣйшія времена, въ войну между Польшей и Швеціей, объ этомъ замкѣ упоминается какъ о деревянномъ блокгаузѣ. Мнѣ интересно было смотрѣть на это мѣстечко Лаудонъ, напоминающее знаменитаго фельдмаршала Эрнста Гидеона барона Лаудона. Еще въ 1432 г. архіепископъ рижскій, Генригъ Шарфенбергъ, отдалъ въ ленное владѣніе Отгону Лаудону четыре гагена земли, принадлежащей къ помѣстью Лаудонъ, которымъ владѣлъ его отецъ. Семьдесятъ лѣтъ спустя, 1503 г., этотъ ленъ подтвержденъ архіепископомъ Михаиломъ Гильдебрандомъ, и прибавлено полъ-гагена при озерѣ Тотцелѣ, отчего весь участокъ земли получилъ названіе Тотценъ, а владѣтели его назывались Лаудонъ фонъ Тотценъ. Одинъ изъ Лаудоновъ, въ 1626 г., владѣвшій въ то время Тотценомъ, былъ убитъ на своемъ дворѣ поляками. Тогда къ имѣнію принадлежало шесть занятыхъ, крестьянскихъ дворовъ. Въ 1638 г., послѣ опустошительныхъ войнъ, владѣтелемъ тотценскаго помѣстья былъ Гансъ Лаудонъ, крестьяне котораго состояли изъ трехъ разбѣжавшихся семействъ: у нихъ у всѣхъ выѣсть нашлось 2 лошади и 2 коровы и въ тотъ годъ они выѣжали 4½ лофа ржи. Это можетъ дать понятіе о разореніи, которое терпѣла въ то время Лифляндія. Между тѣмъ имѣніе Тотценъ осталось во владѣніи рода Лаудоновъ, которые отличались въ военное время и считались въ числѣ дворянства, хотя никогда не представлялись въ Швецію. Въ Тотценѣ же родился хра-

²⁰⁾ Коварная и изрожденная политика Австріи и Англіи въ войнѣ 1799 г. побуждая императора Павла разорвать союзъ съ этими державами: уже въ октябрь 1799 г. императоръ рѣшился отозвать свои войска изъ Германіи и образовать новый союзъ. Съ июли 1800 г. начинался обмѣненіе императора Павла съ Наполеономъ, а вѣнскіе послѣдствіе объявленіе войны Англіи. Для охраненія береговъ Балтійскаго моря было собрано свыше 60,000 чел., подъ начальствомъ генералъ-отъ кавалеріи графа Паллена, изъ этого числа 24,000 чел. были расположены по берегамъ Курляндіи, Лифляндіи и Эстляндіи, 12,000 — отъ Нарвы до Петербурга; 15,000 по сѣверному берегу Финскаго залива. Резервный корпусъ генералъ-отъ-инфантеріи Голенкирева-Дутулова, состоявшій изъ большей части гвардіи, въ числѣ 11,000 чел., находился въ Свингембауѣ и Петербургѣ. Только что возвратившіеся изъ заграничнаго похода русскіе отряды стали снова снаряжаться въ войну; вдоль всего берега начали стрѣлять янки и батареи; на западной границѣ готовилась къ походу 120,000 армія; замыслился походъ въ Индію, вообще готовилась война необъятная по своимъ послѣдствіямъ, но, какъ извѣстно, событіе въ мартѣ 1801 г. дало другой оборотъ дѣламъ.

брый Эрнестъ Гидеонъ Лаудонъ²¹⁾, получившій баронскую корову отъ германскаго императора. Значить онъ происходитъ отъ извѣстнаго по актамъ 1432 г. лифляндско-германскаго рода, имя котораго находится въ связи съ замкомъ Лаудонъ, построенномъ въ 1271 г. и нѣтъ причины забывать это древнее почтенное имя въ Лаудонъ или даже Лаудонъ, какъ это и теперь дѣлается въ Австріи, чтобы доказать, будто чисто лифляндскій родъ имѣетъ свое начало въ Англіи или Шотландіи.

Такия размышленія занимали меня (и я ихъ только теперь записалъ въ болѣе стройномъ порядкѣ), когда я проѣзжалъ мимо деревняго, когда то разрушеннаго замка, на основаніяхъ, старинныхъ стѣнахъ котораго возвышнута новое зданіе въ современномъ вкусѣ и приспособленное къ новѣйшимъ потребностямъ.

Уже пятьдесятъ лѣтъ, какъ этотъ замокъ принадлежитъ баронамъ Мейнерсамъ, бывающимъ въ некоторое время во владѣніи Тизенгаузенонъ, въ подтвержденіе доброжелательнаго, но нѣсколько преувеличеннаго изрѣченія, гласящаго, что всякое помѣстье въ Лифляндіи принадлежало или принадлежить или же будетъ принадлежать Тизенгаузенамъ.

Мы не долго постыли на своихъ наблюдательныхъ постахъ по берегамъ Балтискаго моря. Хотя Нельсонъ и появился съ многочисленнымъ флотомъ въ названномъ морѣ, но вступленіе на престолъ императора Александра дало другое направленіе дѣламъ, — именно примиреніе съ Англіей. Экспедиція англійскаго адмирала кончилась обѣдомъ, который онъ принялъ отъ адмирала Спиридова въ Ревелѣ, и другимъ, которымъ Нельсонъ отидатилъ Спиридову на своемъ кораблѣ, на ревельскомъ рейдѣ.

Перемены, которыя предприняло новое правительство, тотчасъ же вступили въ управленіе дѣлами, были весьма разнообразныя и коснулись также и насъ. Число кирасирскихъ полковъ было уменьшено, нашему же полку, воевшему, по указаніи Нумсена, названіе его преемника генерала Войнова, возвращено прежнее устройство и вооруженіе и повѣстно было называться по прежнему Стародубскимъ драгунскимъ полкомъ.

Мы избавились отъ кирасъ, колетовъ, кожаныхъ панталонъ и шапъ и получили зеленые куртки, каски и ружья со штыками.

²¹⁾ Эрнестъ Гидеонъ Лаудонъ, императорскій австрійскій фельдмаршалъ, родился въ 1716 г. и въ 15-мъ году отъ роду поступилъ въ русскую службу, въ которой и состоялъ до 1749 г., доушедши до полковника. По заключеніи мира съ турками, Лаудонъ перешелъ въ австрійскую службу и приобрѣлъ себѣ большую извѣстность въ сѣверныхъ войну. Въ сраженіи при Вуннердорфѣ онъ помогъ Салтакону разбить пруссаковъ. Онъ умеръ въ Вѣнѣ 14 июля 1790 г.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы оставили наши квартиры въ Лифляндіи и двинулись въ малороссійскія области. именно въ Глуховъ, городъ долгое время бывшій резиденціею гетмана малороссійскихъ козаковъ.

Намъ предстояло идти на Псковъ, Смоленскъ, Новгородъ-Сѣверскій и Стародубъ; въ походѣ мы пробыли два съ половиною мѣсяца. Прибывъ наконецъ въ Глуховъ, мы стали устраниваться возможно лучше. Тамашіи земли чрезвычайно плодородны, но крестьяне живутъ еще въ суровой простотѣ. Только дворяне поиражаютъ извѣстству другихъ сосѣднихъ странъ и живутъ въ хорошо отстроенныхъ и устроенныхъ усадьбахъ. Въ особенности можно это сказать о богатѣйшихъ изъ нихъ, уже не говоря о магнатахъ, роскошь и мотовство которыхъ ни въ чемъ не уступаютъ богатому польскому дворянству, и даже во многомъ превосходятъ его. И въ первѣйшихъ домахъ, каковы Маркевичъ, Кочубей, Скоропадскій я нашелъ легкій доступъ и любезный приемъ. Но весь этотъ блескъ затмила истинно княжеская пышность въ домѣ фельдмаршала графа Разумовскаго, проживавшаго въ Батурицѣ. Тутъ можно было еще видѣть уже въ другихъ мѣстахъ зашедшее солнце феодальной роскоши — зѣвъ оно еще сіяло полнымъ блескомъ.

Малороссійскіе городки незначительны и доставляютъ мало общественныхъ развлеченій, но въ нихъ бывають короткіе промежутки времени, въ продолженіи которыхъ они оживляются и представляютъ собою веселыя мѣста, наполненныя шума и суеты. Это время годовыхъ ярмарокъ и торговъ, которые бывають во всякомъ городѣ, но въ различное время и доставляютъ случай бѣздить большую часть года съ одной ярмарки на другую для развлеченія. Конечно, при этомъ нѣтъ недостатка въ обыкновенныхъ удовольствіяхъ есть, напримѣръ, рулетка, которую гдѣ нибудь въ уголкѣ устраиваетъ жидокъ, есть театръ, въ которомъ играютъ польскіе актеры, но встрѣчаются и болѣе утонченныя наслажденія. Много черноокихъ дѣвъ изъ сельскаго дворянства, соскучась дома и нища развлеченій, являютъ въ городъ, смотреть, зѣвая, на ярмарочный хламъ и ницуть нищи для своихъ пылкихъ, южныхъ сердець. Ярмарка продолжается только три недѣли отсюда необходимость торопиться. Поэтому уже съ перваго визита жизнь кипитъ горячимъ ключомъ, темпъ ускоряется соразмѣрно съ короткостью срока.

Я проводилъ счастливыя часы на подобныхъ ярмаркахъ. Когда меня слишкомъ сильно преслѣдовала любовь и иногда грозила перейти въ серьезное горе, я утѣшалъ себя словами вѣдь это продлится только три недѣли!

Большое облегченіе въ однообразной жизни этихъ свѣтскихъ странъ (по крайней мѣрѣ въ тѣ времена) и возбужденіе нравствен-

ныхъ и умственныхъ силъ доставляло намъ общая читальня, устроенная на наши собственные, офицерскія средства. Майоръ Герцбергъ вынесъ нѣсколько ящиковъ съ книгами изъ Лейпцига и Петербурга. Скоро у насъ составилаь значительная библіотека, въ которой заключались отличныя сочиненія по части военного искусства и исторіи. Тотъ же самый майоръ заботился съ большимъ усердіемъ и точностью объ устанѣ, разсылкѣ и обмѣнѣ книгъ между нами. Такимъ образомъ я употребилъ часы досуга, доставляемые однообразіемъ жизни, на изученіе пріятныхъ по содержанію и полезныхъ книгъ.

III.

1804—1809.

Выходъ въ отставку. — Женитьба. — Путешествіе въ Вѣну.
Бомбардированіе. — Смерть жены. — Сраженіе при Ваграмѣ.

Проведя три года въ казацкихъ степяхъ, я вступилъ въ отставку и получилъ его на четыре мѣсяца. Я тотчасъ же побѣжалъ въ Черниговъ и Витебскъ, гдѣ ласково принялъ меня генераль-отъ-кавалеріи Михельсонъ, бывший побѣдитель Пугачева, а нынѣ бѣлорусскій генераль губернаторъ ¹⁾. Только послѣ многихъ веселыхъ бабовъ и

¹⁾ Иванъ Ивановичъ Михельсонъ, генераль-отъ-кавалеріи, происходилъ изъ шведской фамиліи, былъ лишь полковникъ и передъ началомъ семилѣтней войны, въ чинѣ поручика, поступилъ въ 3-й мушкетерскій полкъ, который командовалъ полковникъ Бибиковъ, пріобрѣвшій впоследствии громкую извѣстность какъ предводитель знаменитой екатерининской комиссіи для сочиненія проекта козачьего уложенія и предводитель войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Пугачева. Михельсонъ участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Цорндорфомъ, Кунерсдорфомъ, Ларгою и Кагулою. 24-го апрѣля 1772 г. онъ былъ произведенъ въ подполковникъ, а въ концѣ 1773 г. поступилъ въ войска, отправленные для дѣйствій противъ Пугачева.

Бибиковъ, знавшій Михельсона молодымъ поручикомъ, вѣрять ему началъ вѣрно надѣясь отрядить войска, съ которыми Михельсонъ въ мартѣ 1774 г. рѣшилъ на голову атака Чика и за тѣмъ нанесъ Пугачеву рядъ столь рѣшительныхъ пораженій, что положилъ конецъ пугачевскому бунту. За отличныя дѣйствія противъ Пугачева, Михельсонъ произведенъ въ полковникъ, получилъ Георгія 3-й степени, тысячу душъ крестьянъ въ Витебской губерніи (помѣстье Франковъ) и значительную сумму денегъ. Въ 1778 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-майора, въ 1786 г. въ генераль-поручикъ и въ этомъ чинѣ, заслуживъ кирзачку въ арміи генералъ-аншефа Мушкова-Пушкина, участвовалъ въ шведской войнѣ 1788—89 г. Императоръ Павелъ въ 1796 г. произвелъ Михельсона въ генераль-отъ-кавалеріи и назначилъ егофомъ Едуховскаго кареерскаго полка. Въ 1800 году

танцевать съ прекрасными польками. поѣхалъ я дальше на Могилевъ, Полоцкъ, Псковъ и Дерптъ, гдѣ засталъ батюшку. Здѣсь мы съ нимъ имѣли разговоръ о серьезныхъ вещахъ: родительская любовь и мудрость совѣтовали мнѣ обзавестись своимъ очагомъ, не обошлось безъ намековъ и откровенно высказанныхъ желаній. Но я все таки поѣхалъ въ Петербургъ, въ которомъ не было уже девять лѣтъ, и обѣщалъ отцу черезъ три недѣли явиться въ Ревель.

Такъ и случилось. Я пріѣхалъ, жилъ снова на родной почвѣ, радовался этому и присматривался къ невѣстамъ моей родины. Вскорѣ мои блуждающіе взоры остановились на прелестномъ явленіи. Молодая Наталія Тизенгаузенъ, дочь обергофмейстера графа Тизенгаузена²⁾, древняго рода, фрейлина двора, милая, образованная, съ несомнѣннымъ выраженіемъ кроткаго, тихаго нрава, соединяла въ своей особѣ всѣ преимущества, какихъ могли желать не только молодой женихъ, но и его родители и разсудительные родственники.

Я познакомился съ нею, понравился ей, мы поняли другъ друга и я просилъ ея руки. Согласіе послѣдовало, чему оба семейства, въ особенности мой добрый отецъ, очень радовались. Онъ обѣщалъ мнѣ позаботиться о тщательномъ устройствѣ моего будущаго хозяйства, а я, такъ какъ срокъ моего отпуска подходилъ къ концу, отправился въ полкъ, съ золотымъ кольцомъ на рукѣ и золотыми мечтами въ головѣ.

Прибывъ въ Глуховъ, я устроилъ свои дѣла, продалъ лошадей и подалъ прошеніе объ отставкѣ. Увольненіе пришло черезъ два мѣсяца, и я уже хотѣлъ ѣхать на родину, какъ мошенническая продѣлка отсрочила это путешествіе на нѣсколько недѣль. Я провелъ однажды

Михайлову было вѣрнее управленіе Крымомъ, а въ 1803 г. онъ былъ назначенъ бланк-руководителемъ военнымъ губернаторомъ. Въ 1806 г. ему было вѣрнее начальство надъ арміею, собранною на нашей западной границѣ. Но онъ не принималъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ; въ слѣдующемъ году былъ назначенъ главнокомандующимъ дѣйствующаго арміею, собранною противъ турокъ. Въ ноябрѣ и декабрѣ 1806 г. онъ одержалъ многіе успѣхи надъ турками, но передъ побѣдой пилъ умеръ 5-го августа 1807 г. въ Бухарестѣ. Тѣло его похоронено въ Франкоф. Михайловъ былъ вѣнчанъ въ арміи какъ отважный и великодушный генералъ.

2) Графъ Иванъ Андреевичъ Тизенгаузенъ род. въ 1745 г., началъ службу въ 1772 г., пожалованъ въ тайные совѣтники въ сентябрѣ 1792 г.; при коронаціи императора Павла сдѣлалъ гофмаршаломъ; въ 1797-98 г. надиралъ за гоф-интендантской канцеляріей; въ 1799 г. произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники; умеръ въ 1815 г. обер-гофмейстеромъ. Графъ Н. А. Тизенгаузенъ былъ женатъ на Екаторинѣ Павловнѣ Шталембергъ, младшей дочери директора монополіи въ Ригѣ (старшая сестра съ Елисаветой Павловной была въ замужествѣ за графомъ Владиміромъ Григорьевичемъ Орловымъ). Отъ этого брака у Тизенгаузена была дочь Наталія, вышедшая замужъ за Левешитерна (о ней будетъ рѣчь ниже), и два сына, изъ которыхъ младшій, флигель-адъютантъ графъ теодоръ (Фердинандъ), женатъ на дочери знаменитаго Вутцаппа, былъ убитъ въ 1865 г. подъ Аустерлицемъ (см. ниже).

весело вечеръ съ товарищами, которые уже теперь переставали быть моими товарищами, и одинъ одинешенекъ возвращался домой. Вдругъ сзади меня кто-то ударилъ по головѣ дубиною столь сильно, что я пошатнулся и чуть не упалъ. Я удержался руками за низкій садовый заборъ и выхватилъ саблю. Предо мною стояли три сильныхъ разбойника, которые, однако, увидя взмахи сверкавшаго оружія и испугавшись моего крика, бѣжали. Я безъ чувствъ упалъ на землю. Сбѣжавшіеся на мой крикъ люди подняли и отвесили меня въ сосѣдній домъ, считая меня мертвымъ.

Князь Алексѣй Куракинъ, малороссійскій генераль-губернаторъ, находившійся въ это время въ Глуховѣ, приказалъ немедленно разслѣдовать это происшествіе, но преступниковъ не открыли. Только послѣ моего выздоровленія товарищи мои, смѣясь, говорили мнѣ: „Зачѣмъ ты такъ любезенъ, тощій, длиннорослый Лезвентеръ! Теперь ты бѣжишь отсюда, чтобы жениться на синейконой вѣмьѣ, и бросаешь здѣшнихъ черноокихъ красавицъ. Этого не могла перевести ревнивая казачка и хотѣла тебя удержать здѣсь живаго или мертваго. Южная пылкость! Впередъ берегись!“

Какъ не быть и слабъ, но свѣжилъ ѣхать; только во Франовѣ, прекрасномъ помѣстьи генерала Михельсона, отдохнулъ я нѣсколько часовъ и затѣмъ помчался на почтовыхъ въ Ревель, какъ курьеръ, везущій неожиданную вѣсть о побѣдѣ; задыхаясь отъ усталости, палъ я къ ногамъ моей милой, доброй Наталіи. Черезъ шесть недѣль послѣ моего приѣзда послѣдовала свадьба. къ этому торжественному дню нарочно приѣхала изъ Петербурга графиня Бобринская, урожденная баронесса Унгернъ-Штернбергъ²⁾, кузина моей невѣсты: со всѣхъ мѣстъ Эстляндіи съѣхались и другіе наипрочные. При этомъ случаѣ мнѣ слѣдовало бы описать эстляндскую, дворянскую свадьбу прежняго времени, подробно разсказать о приготовленіяхъ, приглашеніяхъ, о шаферахъ и маршалахъ, о подружкахъ и чепцовыхъ дамахъ, о танцахъ, тостахъ и о многихъ другихъ вещахъ, но я ограничусь сокращеніемъ всего этого и вооружусь терпѣніемъ, какъ ни саомъ праздноствѣ, предоставляю другимъ своимъ соотечественникамъ, пережившимъ такое событіе, описаніе всѣхъ церемоній.

²⁾ Алексѣй Григорьевичъ Бобринскій (род. въ 1775 г., умеръ въ 1813 г.), былъ возведенъ въ потомственное графское достоинство 12-го ноября 1796 г. и въ то же время имъ же учреждена должность Бобринской и Биторидицкая (въ туземной губерніи) и Пинновская (московской губерніи), отдѣленные ему еще Елизаветой II. Онъ былъ женатъ на баронессѣ Унгернъ Штернбергъ. Сынъ графа Алексѣя, Алексѣй Алексѣевичъ (умеръ 4-го апр. 1866 г.), индѣйскій дворъ его величества, извѣстенъ какъ заботливѣйшій астрономъ, способствовавшій развитію въ Россіи свекло-сахарнаго производства, устройствомъ своего огромнаго завода въ жѣстѣхъ Сѣхѣхъ, вѣнской губерніи. О графѣ Алексѣѣ Алексѣевичѣ и его матери, см. статья кн. Вяземскаго въ Русск. Арх. 1868 г. стр. 2026—2047.

Въ наше время и у насъ начали уже мѣняться обычаи.

Пыль покупаютъ elegantную, дорожную карету, везутъ къ ней невесту къ вѣнцу, наскоро закусывають съ немногими родными и затѣмъ ѣдутъ къ дальнее путешествіе. Много розовыхъ подружекъ и стройныхъ цѣпковыхъ дамъ заступаютъ старыя служанки въ гостиницахъ и медовый мѣсяцъ проводится среди почталововъ и лакеевъ. У всякаго времени свои взгляды.

Добрый мой отецъ устроилъ меня отлично. Онъ отдѣлалъ для меня прекрасный домъ въ городѣ, меблировалъ его и уступилъ мнѣ имѣнія Разикъ, Камнентъ и Пеноръ, съ тѣмъ, чтобы я, послѣ его смерти, уплатилъ моимъ братьямъ 70,000 р. с. Я жилъ попере- мѣнно то въ городѣ, то въ моихъ деревняхъ, новичкомъ по части сельского хозяйства, но опытнымъ практикомъ по части утантыванья мостовой.

На ближайшемъ ландтагѣ меня избрали уѣзднымъ депута- томъ⁴⁾, т. е. представителемъ рыцарства, который въ комиссаріат- скихъ дѣлахъ по земскому управленію занимаетъ мѣсто на ряду съ делегатами другихъ властей. Вслѣдствіи на уѣздномъ съѣздѣ меня выбрали главнымъ церковнымъ попечителемъ: званіе это сопряжено было съ тѣмъ обстоятельствомъ, что мнѣ надлежало главнымъ обра- зомъ наблюдать во главѣ сѣтской власти за церквами округа, къ которому принадлежали мои помѣстья. Продолжая неотступно такую дѣятельность и продолжая служить отъ одного выбора до другого, я бы современемъ могъ быть ландратомъ и такимъ образомъ достигнуть вершинны провинціального честолюбія, но кипучая кровь и огромное несчастіе, разрушившее счастье моего дома, поставили, меня чрезъ немногіе годы на иной путь.

Въ настоящемъ я наслаждался величайшимъ счастьемъ съ моей милой Наталіей. 1805-й годъ ознаменовался для меня рожденіемъ сына, но я радовался имъ только четыре мѣсяца. Онъ умеръ, мой бѣдный мальчикъ, я его называлъ Леонсомъ, не въ память героя из- вѣстнаго романа Дельфина, но изъ уваженія къ знаменитой въ тѣ годы писательницѣ, г-жи Сталь-Гольштейнъ, урожденной Неккеръ, которая по мужѣ сдѣлалась близкой родственницей моей доброй ма- тунки, также урожденной Сталь-Неккеръ.

Приблизительно около этого времени разыгрывалась военная гроза, которой на время суждено было окончиться подъ Аустерлицемъ. Въ побужденіяхъ для поступленія моего въ ряды воиновъ недостатка не было. Братъ моей жены, графъ Фердинандъ Тиенгаузенъ, фли-

⁴⁾ Собраніе дворянскаго общества (рыцарства) эссингенской губерніи была вест- рину и суть въ настоящее время: ландтагъ, собранія дворянскаго общества и уѣздныя собранія.

гель-адъютантъ государя, былъ зятемъ главнокомандующаго Кутузова: мнѣ слѣдовательно представлялось много благопріятныхъ случаевъ вступить въ службу и отъ меня зависѣло воспользоваться ими. Но я не грезилъ своею саблей. Будучи счастливымъ супругомъ, я хотѣлъ послѣдовать примѣру, подобно мнѣ усталымъ, военныхъ героев и заниматься земледѣліемъ.

Сколь же счастливымъ бы могъ быть всякій крестьянинъ.

(вдали отъ шума войны)

Ибо ему справедливая почва дастъ все, что ему нужно.

Еслибы онъ признавалъ и умѣлъ оценить это благо.

(Варшавѣ).

Позднѣю осенью пришла къ намъ горестная вѣсть, что мой шуринъ, графъ Фердинандъ Тизенгаузенъ, убитъ подъ Аустерлицемъ. Въ рѣшительную минуту боя онъ схватилъ знамя колебавшагося полка и повелъ его противъ непріятеля. Убийственные французскіе пули сразили его и онъ палъ подобно предку своему, рыцарю Генриху Тизенгаузену, который въ 1279 г. пелъ знамя пресвятой Маріи въ бою съ литовцами.

Подъ вліяніемъ такой потери, Наталія родила втораго сына, которому мы дали имя брата, павшаго на полѣ чести. Ребенокъ долженъ былъ служить живымъ воспоминаніемъ дорогаго усопшаго, но Господь далъ намъ это утѣшеніе только на два года. Въ 1808 г. Наталія оплакивала уже маленькаго мертвеца, и я видѣлъ, что рушились надежды, которыя я основывалъ на продолженіи этой молодой жизни. Въ глубокой печали, въ которую мы были тогда погружены, насъ развеселило всеобщае, радостное происшествіе. Мои братья, всѣ трое гусарскіе офицеры — Георгъ, Теодоръ и Эдуардъ вышли побѣдоносно изъ сраженій подъ Пултускомъ, Эйлау и Гейльсбергомъ. Къ этому же времени возвратился морякъ, мой братъ Германъ, о которомъ я выше говорилъ, изъ знаменитаго, кругосвѣтнаго плаванія, которое онъ совершилъ подъ начальствомъ своего земляка Крузенштерна⁵⁾. Наступили радостные дни жизни съ родными, довѣрчиво

⁵⁾ Иванъ Федоровичъ Крузенштеръ, адмиралъ, род. 8 ноября 1770 г., умеръ 12 августа 1846 г. Въ 1793 г. онъ, въ числѣ 12 другихъ офицеровъ, былъ избранъ для изученія морскаго искусства на военномъ англійскомъ флотѣ. Состоя въ англійскомъ флотѣ, онъ имѣлъ случай совершить огромнаго плаванія. Въ 1799 г. онъ возвратился въ Россію и вскоре представилъ морскому министру подробный планъ круго свѣтнаго плаванія. Планъ этотъ, по ходатайству санцлера графа Румянцева и адмирала Мордвинова, былъ утвержденъ въ 1803 г. и исполненіе его было возложено на самаго Крузенштерна, бывшаго изъ то время капитанъ-лейтенантомъ. Два корабля „Надежда“ и „Нева“, куплены были въ Англіи и снаряжены въ круго-свѣтное плаваніе. Съ этими же кораблями Крузенштеръ (скораблемъ „Нева“ командовалъ Лисенгей), совершилъ свое знаменитое плаваніе, начавшееся 26 іюня 1803 г. и окончившееся 19 августа 1806 г. Государь щедро награждалъ участ-

открывавшими другъ передъ другомъ свои сердца, я чувствовалъ, что нравственные мои силы, потрясенныя тяжкими потерями, снова окрѣпли.

Но уже судьба готовила новые удары. Моя добрая сестра, кроткая Генриетта, бывшая за мужем за графомъ Штейнбокомъ, сдѣлалась жертвой смертоуслой болѣзни, а мой отличный братъ Теодоръ, храбрый гусарь, скоропостижно умеръ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ. Къ такимъ потерямъ присоединилась необходимая разлука съ братьями. Георгъ и Эдуардъ сѣдѣли уѣхать къ своимъ полямъ.

Des Lebens Wagen eilen
Und scheint's ein stiller See:
Du bist schon fern geschwommen
Und wähest, dass Wandel steh.
Gestorben sind die Treuen
Aus alter Kinderzeit.
Und die geliebten Neuen
Stellen sich auf einmal weid!

(Буке.)

Волны жизни спѣшать, намъ
кажутся онѣ тихимъ озеромъ:
ты далеко уже отплылъ и тебѣ
кажется, что теченіе времени
остановилось. Вѣрные друзья
дѣтства умерли, а тѣ, кото-
рыхъ ты вновь полюбилъ,
сдѣлались для тебя вдругъ
такъ далеки!

Я искалъ разсѣянiя въ дѣятельности сельскаго хозяина. Я предпринялъ осушку болотъ, искусственный отводъ воды, занялся дѣсоводствомъ, улучшеніемъ овцеводства, расширилъ винокурни, по возможности улучшилъ бытъ своихъ крестьянъ и нашелъ въ совокупности всѣхъ этихъ трудовъ утѣшеніе и нравственную поддержку: но расстройство моихъ нервовъ не прошло: скорѣе казалось, что оно увеличивалось внутреннимъ безпокойствомъ, съ которымъ я ожидалъ результатовъ или неудачи въ своихъ предпріятіяхъ. Доктора покачивали головой и Наталія часто сидѣла печальная при мнѣ полубольномъ, падавшемъ на бровать отъ изнеможенія. Доктора присовѣтовали ѣхать въ Италію. Они говорили, что спокойствіе и болѣе теплый климатъ и развлеченіе безъ усталости поправятъ мое здоровье. И такъ путешествіе было рѣшено скорѣе семейнымъ совѣтомъ, нежели мною самимъ. Я передалъ управленіе имѣніями и дѣлами честному и опытному человѣку и отправился въ путь съ Наталіей. На половинѣ дороги къ Дериту, мы провели восемь дней въ прекрасномъ замкѣ

иной экспедиціи: Крузенштернъ и Лицкейскій получили Владимира 3-й степени и по 3000 руб. пенсіи по смерти, всѣ офицеры произведены въ сѣдующіе чины и получали: лейтенанты по 1000 р., а капитаны по 800 р. пожизненной пенсіи: нижніе чины были уволены въ отставку съ пожизненнымъ пенсіонномъ отъ 50 до 75 р. Описаніе путешествія Крузенштерна было напечатано на счетъ кабинета, вышло въ свѣтъ въ 1809 г. и въ скорѣе было переведено почти на всѣ европейскіе языки.

Крузенштернъ въ послѣдствіи, съ 1826 г. по 1842 г., былъ директоромъ морскаго корпуса и членомъ адмиралтействъ-совета.

графини Бобринской — Оберъ-Паленъ. Мои добрая жена, свидѣвшаяся здѣсь со своими достойными родителями, казалась, начинала оправляться отъ своей глубокой печали. А между тѣмъ здѣсь именно обнаружился въ ней зародышъ болѣзни, уже глубоко пустившей корни и низведшей ее впоследствии въ могилу. У ней образовалось затвердѣніе въ груди и послѣдовали первые припадки болѣзни.

Въ близъ лежащемъ Дерптѣ, куда мы вслѣдъ за тѣмъ отпрѣвлялись, я прибѣгнулъ къ совѣтамъ опытныхъ врачей. Они рѣшили, что болѣзнъ сильно уже развилась, что никакое успокоительное средство недостаточно и помочь можетъ только одна операція. Моя бѣдная Наталія рѣшилась на это и перенесла мучительную операцію съ большимъ твердостью. Выздоровленіе ея шло медленно, но все таки она поправлялась; но такъ какъ между тѣмъ наступила зима, то мы рѣшились провести ее въ Вѣнѣ. Поэтому дальѣйшее наше путешествіе мы продолжали на Ригу и Вильну, гдѣ я совѣтовался съ докторомъ Іосифомъ Франкомъ и получилъ отъ него письма къ его отцу, знаменитому вѣнскому врачу *). Продолжая путь, мы ѣхали на Брастѣ и Люблинѣ. На пространствѣ между этими двумя городами, принадлежавшемъ въ то время еще австрійцамъ, произошла со мною слѣдующій забавный случай. Приѣхавъ поздно ночью на какую то почтовую станцію, я вышелъ изъ кареты, чтобы потребовать лошадей. Въ то время какъ почтмейстеръ вышелъ изъ комнаты приказать запрягать лошадей, я присѣлъ къ столу, облокотился и задремалъ отъ усталости, не снявъ дорожной фуражки.

Вдругъ я замѣтилъ, что кто то снимаетъ съ меня фуражку и кладетъ ее на сторону. Я вскакиваю въ гнѣвъ и, выпрямивъ во весь свой громадный ростъ, стою надъ преступникомъ — почтмейстеромъ, требуя отъ него сердито отчета въ его поступкѣ.

„Не примите во зло этого, полковникъ — отбѣчалъ онъ —

*) Въ концѣ прошлаго и началѣ текущаго столѣтія болѣею участіемъ въ медицинскую дѣль пользовались Франки — отецъ и сынъ. Докторъ Іоаннъ Петръ Франкъ (отецъ) родился въ Баденскѣ въ 1745 г. Онъ учился въ Гейдельбергѣ и Страсбургѣ и въ 1772 г. былъ врачомъ и совѣтникомъ князя-епископа въ Рамштатѣ. Въ 1784 году онъ преподавалъ медицинскія науки въ Геттингенѣ, въ 1785 г. въ Италіи, а съ 1786 г. управлялъ госпиталемъ въ Ломбардіи. Въ 1795 г. онъ былъ присланъ въ Вѣну, для управленія здѣсь нѣкимъ санитарнымъ заведеніемъ. Въ 1804 г. онъ былъ приглашенъ въ Вильну для занятія катедры естественн. въ вилнскомъ университетѣ, но профессоромъ пробылъ не долго: въ 1806 г. онъ вышелъ на отставку по болѣзни, съ чинкомъ сакскаго советскаго и пенсією въ 3000 р. Съ этого времени онъ проживалъ въ Вѣнѣ, въ Фрейбургѣ и умеръ въ 1821 г.

Сынъ его, докторъ Іосифъ Франкъ, родился въ 1771 г. въ Рамштатѣ: прѣбылъ съ отцомъ въ Россію и съ 1804 по 1826 г. былъ профессоромъ анатоміи въ Вильнѣ. По болѣзни глазъ, онъ въ 1826 г. вышелъ на отставку, поселился въ Италіи и умеръ въ Болоніи въ 1842 г. Франки — отецъ и сынъ оставили послѣ себя много, въ свое время весьма удавшихся, медицинскія сочиненія.

вы сидите преля портретомъ нашего всемилостивѣйшаго государя и должны бы были снять фуражку²². И въ самомъ дѣлѣ, я увидѣлъ рядомъ съ собою серьезно-ласковыя черты императора Франца, созналъ справедливость словъ почтмейстера и снова задремалъ подъ покровительствомъ кроткихъ взоровъ стараго повѣстителя имперіи, но уже съ вепкрытою головою.

Въ моихъ путевыхъ запискахъ замѣчено Между Люблиномъ и Краковомъ полное бездорожье, припрягаютъ къ экипажу восемь лошадей и то едва можно пробхать. Подъ Краковомъ мы счастливо держали поѣду надъ разлившейся Вислой. На другомъ берегу нашимъ взорамъ представляется красивый видъ на карпатскіе горы, которые то отдаляются, то приближаются къ намъ. Въ Позорицѣ подъ Брюнномъ я не сказалъ женѣ ни слова о томъ, что аустерлицкое поле битвы находится весьма близко отъ насъ, но самъ все поглядывалъ на это роковое мѣсто: небо сѣрое и въ туманѣ. Въ Брюннѣ мы нашли удобную квартиру для ночлега: я съ удовольствіемъ опять пилъ красное венгерское вино, которое называютъ здѣсь Карловниками. Стефанова башня и свѣтлое небо. Богъ въ помощь!

Проведя въ Вѣнѣ нѣсколько дней въ гостиницѣ, я нанялъ болѣе удобную квартиру напротивъ церкви св. Петра, въ домѣ, носившемъ названіе „Божьяго Глаза“. Я имѣлъ счастье на первыхъ же порахъ встрѣтиться съ моимъ двоюроднымъ братомъ, Готгардомъ Будбергомъ, который съ женою проживалъ въ Вѣнѣ уже нѣсколько мѣсяцевъ; его жена въ особенности принесла много пользы моей больной женѣ.

При его посредствѣ я завелъ знакомство и передалъ привезенныя съ собою письма. У меня было письмо отъ моего тестя къ его старинному другу, графу Разумовскому²³, привившему меня самымъ

²² О родѣ Разумовскихъ и о братьяхъ Алексѣѣ Кириллѣ Григорьевичахъ Разумовскихъ, см. статью Васильевича во 2-й книгѣ „XVIII вѣкъ“ стр. 377—630. Прямое потомство Разумовскихъ ушло въ третью поколѣнію. Упомянутый здѣсь Девенштерномъ графъ Разумовскій есть второй сынъ графа Кирилла Григорьевича — Андрей Кирилловичъ, родившійся 22 октября 1752 г. Графъ Андрей Кирилловичъ былъ нашимъ послѣднимъ въ Вѣнѣ въ картированіи императора Павла: онъ вступилъ въ бракъ съ графиней Констанцією Тургеймъ, которая жила въ Вѣнѣ еще въ 1870 г. подъ бременемъ злѣй и тяжелой умственной болѣзни.

Графъ Андреевичъ, о которомъ Девенштернъ часто упоминаетъ въ этой главѣ, родился въ 1761 г., вступилъ въ службу въ 1781 г. и во время революціи быстро возвысился въ чинахъ. Онъ участвовалъ въ сраженіи при Экенбургѣ, способствовалъ успѣху перемѣны 18 бримера, былъ произведенъ въ дивизионные генералы и послѣ заключенія мира былъ назначенъ посланникомъ въ Лондонъ. Въ 1809 г. графъ Андреевичъ (Антоній-Францискъ) былъ французскимъ посланникомъ въ Константинополь: въ 1815 г., по призыву Наполеона въ Алжиръ, онъ принял его сторону, участвовалъ въ ватерлооскомъ сраженіи и умеръ въ Монтебланѣ 10 сентября 1828 г. Графъ Андреевичъ пѣвственъ въ ученомъ и рѣшительномъ наслѣдствіи оубъ Елизаветѣ (сестрѣ Менлаасъ) и Бюхенбергъ.

любезнымъ образомъ. Другія письма привели меня къ французскому посланнику, графу Андреэсси, къ вюртембергскому графу Берольдингену, къ баварскому — графу Рехбергу и наконецъ къ Гогендерну, голландскому посланнику. Скоро я познакомился также съ графиней Куденховенъ. Она урожденная Левенштернъ; изъ динфледской вѣтви нашего рода, и женщина съ самыми достойными качествами: къ тяжелые дни, которымъ скоро суждено было наступить, она ухаживала за моею женою съ самоотверженіемъ сестры. Графъ Баржмонъ, русскій камергеръ и всегданный другъ всѣхъ прибывающихъ изъ Россіи, которые путешествуютъ не безъ надлежащихъ средствъ, помогъ намъ устроиться.

При этомъ онъ пользовался моею каретою и катался въ ней болѣе, вежели и самъ. Но мнѣ это было съ руки. Такъ какъ въ то время въ ВѢНѢ не было русскаго посланника ⁶⁾, то меня представлялъ императорскому двору графъ Андреэсси. Праводушный, простой императоръ Францъ сказалъ мнѣ нѣсколько пріятныхъ словъ. Затѣмъ я видѣлъ эрцъ-герцога, герцога Альбертъ Саксенъ-Тешенскаго, князя Траутмансдорфа, графа Стадіона, графа Угарта и другихъ почетныхъ особъ, наконецъ остроумнаго князя де Линя, который, по его словамъ, благоволилъ ко всѣмъ динфлицамъ за ихъ великаго земляка Лаудона, поэтому, говорилъ онъ, его домъ открытъ для меня и онъ проситъ меня считать его однимъ изъ многочисленныхъ завоеваний Лаудона.

Такимъ образомъ наша жизнь въ ВѢНѢ открылась при благоприятныхъ условіяхъ. Приглашенія слѣдовали за приглашеніями и кругъ нашего знакомства расширялся. Мы переходили отъ одного пріятнаго круга (какъ напримѣръ общество, собиравшееся у жены маршала, княгини Любомирской, у которой галлиціе поляки составляли большую часть гостей) къ другимъ не менѣе пріятнымъ и остроумнымъ. Кромѣ собраний у дворянства, блистали богатые баварскіе дома Арингштерна, Перерны, Эскеаса. Мы скоро приобрѣли необходимую спутницу для сопровожденія насъ въ этотъ шумный свѣтъ, исполненный притомъ чуждыхъ намъ обычаевъ и правилъ. Госпожа фонъ Шпехтъ, знаменитая своею красотою и умомъ, полюбила мою жену и постоянно находилась съ нею вмѣстѣ. Другой ея подругой была ея соотечественница графиня Фюнфкирхенъ (вслѣдствіи гра-

⁶⁾ По Тильзитскому миру, заключенному 25 Іюня 1807 г., Наполеонъ и Александръ Палычинъ обязались вступить на одно на войнѣ и на мирѣ во всѣхъ войнахъ, которыя Россія или Франція будутъ вести противъ какой либо европейской державы. Во время вѣдѣтельнаго свиданія императора Александра съ Наполеономъ въ Эрфуртѣ (15 сентября 1808 г.), Россія обязалась выставить военное сословіе на помощь французамъ въ случаѣ войны Франціи съ Австріею. Разрывъ послѣдовалъ въ половинѣ марта 1809 г., послѣ чего въ ВѢНѢ шло 1808—1809 г. не было русскаго посланника.

финя Эстергази) урожденная фонъ Шеннингкъ, которой нравилось давать колкое направленіе своему обширному уму, и изъ прекрасныхъ устъ которой лились самыя бѣія замѣчанія.

Когда мы одни дома отдыхали отъ суеты большого свѣта, нашъ маленький салонъ часто наполняли милые и остроумные гости. У насъ бывали дипломаты, изъ которыхъ графъ Андреосси и графъ Рехбергъ играли главную роль; бывали и военные, изъ которыхъ преимущественно извѣстны графъ Балье де ла Туръ и Тетенборнъ, посѣщали насъ также и путешествовавшіе земляки. Изъ послѣднихъ назову двухъ Бреверновъ. Одинъ изъ нихъ былъ моимъ близкимъ родственникомъ, другой товарищемъ и другомъ дѣтства.

Моей доброй Натали нравилась эта разнообразная жизнь, исполненная развлеченій; состояніе ея здоровья еще не внушало ей опасеній. Но слишкомъ скоро наступили дни сомнѣній, затѣмъ дни боязливаго ожиданія и снова слишкомъ скоро вслѣдъ затѣмъ подверглись мы жесточайшему безпокойству и сознали печальную дѣйствительность. Ощутивъ первыя опасенія, я посѣтилъ въ знаменитому Франку

Въ ту минуту онъ нашелъ состояніе моей жены удовлетвори- тельнымъ, не скрылъ однако отъ меня, что въ будущемъ грозитъ опасность. И въ самомъ дѣлѣ вскорѣ послѣ того здоровье Натали заставляло насъ сильно тревожиться, такъ что были приглашены на совѣщаніе многіе врачи. Франкъ приглашалъ знаменитѣйшихъ вѣнскихъ докторовъ. Канеллини, Мальфатти, Ренвельцгофера, Сальватори. Они говорили о необходимости вторичной операціи. Мой ужасъ граничилъ съ отчаяніемъ. Страхъ и потрясенія, которые я съ трудомъ перенесъ на родинѣ, должны были повториться надо мною на чужбинѣ и въ усипленной мѣрѣ! Но кроткая, тихая и притомъ твердая Натали съ покорностью выслушала изъ устъ Франка ужасный приговоръ, который я не въ силахъ былъ ей передать, и бросивъ на меня нѣжный взглядъ, отвѣчала, что она готова, если только отъ этого зависи- ть ея спасеніе.

Пришелъ день и страшный часъ, когда операція была сдѣлана. Старанія врачей и быстрое выздоровленіе скоро возвратили моей доброй Натали прежнюю, ангельскую веселость и она ободрилась. Какъ только ея состояніе представило возможность переѣзда, я перевелъ ее въ прекрасное, веселое деревенское помѣщеніе въ Гитцингъ. Живя въ прелестной мѣстности и находясь постоянно въблизи моей бѣдной больной, смотря то на живописныя горы, то гуляя подъ тѣнью исполинскихъ шенбургскихъ деревьевъ, я снова сталъ питать веселыя надежды, которымъ не суждено было осуществиться. Давно уже извѣст- доносились до насъ грозные военные слухи, и приближалось ихъ осу- ществленіе; у меня дома появились новыя опасенія и возникало все болѣе и болѣе ужасающая увѣренность, что эти опасенія имѣютъ

основаніе. Такъ какъ война 1809 г., французское нашествіе и взятіе штурмомъ Вѣны совпадали съ усиливавшеюся болѣзью моей жены, ея страданіями и горестной жизнью, то я привожу здѣсь нѣкоторые отрывки изъ своего дневника, который я тогда велъ.

Я въ то время пережилъ дни, въ которыхъ для меня заключались глубочайшее горе, а на второмъ планѣ самыя замѣчательныя, тѣснившія меня событія извѣстны; поэтому мой дневникъ доставить наиболѣе удовлетворительное описаніе какъ моей внутренней печали, такъ и отрывочныхъ происшествій изъ всемірной исторіи, которыя меня постигли и чуть не погубили^{*)}.

ИЗЪ МОЕГО ДНЕВНИКА.

6-го мая. Сегодня я получилъ отъ Анштетта извѣщеніе, что я, какъ и всѣ русскіе подданные, долженъ оставить Вѣну. Но должны же быть допущены исключенія. Какимъ образомъ повезу я мою болѣзную жену, какъ могу подвергнуть ее опасностямъ путешествія? Цыцеревиъ и Вердеревскій (русскіе генералы), обѣдавшие у меня сегодня,

*) Благодаря рекомендательнымъ письмамъ, Леопольдъ въ концѣ 1-го в. явился въ высшемъ кругу Вѣны, на которомъ едва-ли не первенствующую роль игралъ Разумовскій. Разумовскій давно уже не былъ русскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, но онъ находился въ ближайшихъ отношеніяхъ съ графомъ Монстеромъ, со всемо-австрійскою аристократіею, съ вдовствующею императрицею Маріею Фредериккою и съ принцессами австрійскаго дома. Общество, собиравшееся въ его домѣ, было, пошдиному, занято свѣтлыми разсужденіями, но въ немъ составлялись планы для войны Австріи съ Наполеономъ. У Разумовскаго сходились всѣ австрійскіе, желавшіе войны, напр. Стадіонъ, Меттернихъ, уже въ это время игравшій видную роль въ тогдашнихъ политическихъ дѣлахъ Австріи. Тутъ то на такихъ собраніяхъ обсуждались и устраивались тайные союзы противъ французовъ, тутъ то высшее общество рѣшалось воспользоваться патристическимъ германствомъ для своихъ особенныхъ цѣлей.

Австрія въ тайнѣ готовилась къ войнѣ, старалась заручиться союзниками, рассчитывая на то, что Наполеонъ, занятый войною въ Испаніи, будетъ не въ силахъ противостоятъ австрійцамъ. Австрійцы 27 марта 1809 г. издали манифестъ съ объявленіемъ войны французамъ. Манифестъ этотъ, гонимый Шлегелемъ, былъ хорошо написанъ, заключалъ въ себѣ очень много истины, говорилъ о свободѣ, законѣ, національности, но лучшіе германцы не вѣривъ манифесту, они тогда уже говорили, что габсбургскій и лотарингскій домъ никогда не выпуститъ войска на защиту такихъ идеальныхъ благъ, что все сказанное въ манифестѣ о свободѣ и законѣ есть австрійскій обманъ. Рѣшъ берлинскихъ софистовъ, говорить дальше Шлегель, сами современники оцѣнившихъ дѣла событій въ началѣ XIX столѣтія, обратившихся въ Вѣнѣ въ католичество, мы отвергли уже по одному тому, что знали, что изъ всѣхъ наукъ въ Вѣнѣ уважалась только поваренная наука.

Австрія сдѣлала дѣйствительно огромныя приготовленія, снарядила сильное войско и ввѣрило его начальству эрцгерцога Карла, человека не бѣга военныхъ дарованій, и озабочилась возстаніемъ народа противъ Наполеона въ Италіи, Далмаціи, Швейцаріи и Германіи, но всѣ эти дѣла оказались тщетными предъ энергіею и искусствомъ Наполеона. Въ апрѣлѣ 1809 г. австрійцы потерпѣли рядъ пораженій, а въ перлахъ извѣстнаго Наполеона уже явился подъ Вѣною. Здѣсь и начинается разсказъ Леопольда о видѣнностяхъ и слышанномъ имъ въ это время въ Вѣнѣ.

отправляются на дняхъ — одинъ въ Носы, другой въ Тейлицъ. Богъ знаетъ, какъ имъ удастся проѣхать. Я былъ у графини Куденховенъ, которая перемѣняетъ квартиру. О своемъ мужѣ, который служить полковникомъ въ уланахъ Шварценберга, она не имѣетъ извѣстій. Онъ стоитъ противъ Вены на лѣвомъ берегу Дуная.

7-го мая. Принимаемая мѣры показываютъ, что непріятель встрѣтитъ въ Вѣнѣ упорное сопротивленіе. Множество крестьянъ работаютъ на валахъ. На улицахъ адская давка, потому что двое городскихъ воротъ уже заперты. Надѣются на соединеніе эрцъ-герцога съ Гиллеромъ: въ такомъ случаѣ городу не грозитъ нападеніе. Добрая Куденховенъ обѣдала сегодня у насъ и пробыла весь день съ Наталією. Послѣ обѣда я поѣхалъ къ графинѣ Фюнфкирхенъ и нанесть всѣхъ дамъ въ бодромъ состояніи духа.

8-го мая. Сегодня я съ отвращеніемъ обунулъ въ лучину народа, наводнявшаго улицы. Необходимость принудила меня къ этому. Не смотря на бѣготню и распросы, я не нашелъ другой квартиры, кромѣ дома Дегена или такъ называемаго „Мюллерскаго зданія“, на Дунаѣ. Пригоршнями денегъ, просьбами, гнѣвомъ и бѣшенствомъ удалось мнѣ наконецъ добыть носильщиковъ, чтобы внести бѣдную Наталію на лѣстницу, по которой ей запрещено подниматься. Едва успѣли мы занять новую квартиру, какъ увидѣли невозможность оставаться въ ней. Погребъ подъ домомъ наводнили пороховыми бочками, подъ окнами поставили орудія, сосѣдній домъ разрушенъ, словомъ, передъ нашими глазами разыграли прелюдію войны и того, что насъ ожидаетъ. Во всю ночь моя жена не могла сомкнуть глазъ, я былъ вмѣстѣ съ нею. Вердеревскій и Цыцерець были съ нами, разсѣлая возможность взлетѣть на воздухъ.

9-го мая. Рано утромъ начался вчерашній дьявольскій шумъ снова, принявъ еще болѣе воинственный оттѣнокъ. Черезъ городъ проходили отдѣльные отряды кавалеріи и пѣхоты, утомленные до нелѣзя: за ними слѣдовали батальоны милиціи: артиллерійскіе обозы и транспорты съ хлѣбомъ, овсомъ и сѣномъ дополняли ужасную толкотню. Къ этому на улицахъ множество погруженныхъ, дорожныхъ экипажей, едва можно пройти. Сегодня уѣхалъ Вердеревскій, я проводилъ его до цѣли, пожелалъ ему счастливаго пути и себѣ возможности быть на его мѣстѣ.

И ѣхалъ домой вдоль укрѣпленій и содрогался при видѣ опустошеній, какія сдѣланы въ Пратерѣ для образованія заставъ. Я встрѣтилъ Василенца (нашего посланника въ Лиссабонѣ), Нарышкиныхъ, Булгаковыхъ — всѣ они уѣзжаютъ. Цыцерець провелъ вечеръ у насъ. Въ этотъ вечеръ и во всю ночь на валахъ работали съ факелами, готовясь къ оборонѣ. Прекрасный Францевъ мостъ сожженъ.

10-го мая. Шумъ и трескъ цѣлую ночь. Наталія не смыкала глазъ. Я былъ вмѣстѣ съ нею, видя ее въ такомъ состояніи. Кру-

гомъ въ ближайшемъ нашемъ соседствѣ адскія шумъ: работы на вылахъ продолжаютъ съ факелами; вбиваютъ палисады: на небѣ огненное зарево, куда не взглянешь. Въ два часа утра неожиданно заиграетъ музыка, войска проходила въ 7-ми часовъ. Густой дымъ, поднимающийся съ лѣвой стороны, возвѣщаль, что горитъ Дунайскій мостъ. Вдругъ послышались выстрѣлы и подумалъ, что французы уже близко.

Говорили, будто они прорвались черезъ цѣпь у Шенбрунна. Рассказывали также, что ротмистръ графъ Нессельроде былъ посланъ съ нѣсколькими гусарами и что онъ нарубилъ саблями адъютанта Андреосси. Лагранжа, извѣстнаго въ Вѣнѣ, и взялъ нѣсколько плѣнныхъ. (Эти свѣдѣнія не подтверждаются иными источниками, но не выпущены здѣсь потому, что такіе слухи и рассказы, ходившіе въ ту минуту въ обществѣ, даютъ понятіе о тогдашней Вѣнѣ). Говорили, что французы овладѣли между тѣмъ Маріинскимъ форштадомъ и укрѣпились въ немъ. Одна кофейня, весьма посѣщаемая по своему красивому мѣстоположенію, разрушена выстрѣлами съ валовъ, потому что въ ней засѣлъ непріятель. Въ 10 часовъ прибылъ въ городъ парламентаръ съ связанными глазами, предлагая слуху города, но выстрѣлы изъ орудій были отвѣтомъ на его предложеніе.

Изъ приведенныхъ плѣнныхъ трое подверглись сильной ярости народа: остальные бѣжали изъ всѣхъ силъ черезъ городъ. въ сопровожденіи гусаръ, пока не достигли надежной защиты и безопасности. На всѣхъ площадяхъ и главныхъ улицахъ поставлены военные караулы, горожане вооружались, и на улицѣ не увидишь никого, кто бы не захватилъ себѣ изъ цейхгауза ружья.

Мнѣ казалось невозможнымъ оставаться долѣе на прежней квартирѣ и я употребилъ все зависѣвшія отъ меня средства, чтобы отыскать другую. При помощи золота, мнѣ наконецъ удалось найти помѣщеніе въ домѣ Вецлара на мучномъ рынкѣ: мы переезжали въ поныхахъ. Мою жену вели въ экипажѣ, я провожалъ ее и былъ свидѣтелемъ печальнаго зрѣлища. Я видѣлъ, какъ уничтожалась собственность многихъ сотенъ народа: все суда, которыхъ на Дунаѣ находилось значительное количество, затоплялись, сжигались, уничтожались.

Развѣдочный туристъ возлѣ меня съострилъ при этомъ: „Они эти бѣдняки, корабельщики, теряютъ свою монархію въ маломъ видѣ.“ Въ три часа открылась снова канонада и продолжалась до семи.

Госпожа Шлехтъ со своею дочерью пришла къ намъ при этомъ адскомъ грохотѣ и сидѣла у моей жены. Цыцеровъ выѣхалъ въ 5 часовъ, теперь я здѣсь остался совершенно одинъ. Горожане, стоящіе подъ ружьемъ подлѣ моихъ окнами, для храбрости утѣшаютъ себя глумельскими хвостомъ и хорошими закусками, они шируютъ, будто въ воскресенье или въ свѣтлый понедѣльникъ.

Дороговизна — уже страшно возрасла, цѣны на жизненные припасы возвысились уже въ четыре и пять разъ, да и достать ихъ очень трудно. Быковъ бьютъ на улицахъ и покупатели такъ и рвутъ еще трепещущее мясо. Мой Янусъ, или дивный Гавсъ, долженъ былъ заплатить червонецъ за двѣ маленькія, французскія булочки. Богъ вѣсть, чѣмъ это кончится. Горожане, не умѣющие обращаться съ ружьями, по неосторожности и неуклюжести, застрѣлили одного изъ своихъ товарищей. Сегодня на улицѣ пуля ударилась о землю передъ моими ногами и потомъ, отскочивъ со звономъ, загнулась въ стекло одного изъ близкихъ оконъ.

Вечеромъ я провожать домой Марию Шпехтъ и съ трудомъ пробрался. Полагаютъ, что въ предстоящую ночь начнется бомбардировка города. Господи, помилуй насъ!

11-го мая. Моя бѣдная жена дурно спала ночью, но только отъ внутренняго безпокойства, а не отъ выстрѣловъ. Сегодня утромъ началась канонада, и Нессельроде опять сдѣлалъ вылазку, которая осталась, однако, безъ всякихъ послѣдствій. Я наскоро одѣлся, побѣжалъ на валъ и началъ между зажиточными горожанами своего портного, который пропустилъ меня на верхъ. У меня было достаточно времени, чтобы осмотрѣться и оглядѣть мѣстность. У императорскихъ конюшенъ я увидѣлъ отрядъ французовъ; также и у Ауэрбергскаго дворца; скоро появился небольшой каналерійскій отрядъ. Вслѣдъ за этимъ открыли пальбу, въ городѣ все схватились за оружіе. Французы отступили и пальба съ валовъ прекратилась. Черезъ четверть часа появился снова большій отрядъ французовъ и подошелъ на ружейный выстрѣлъ. Тутъ началась ружейная пальба, между нею слышалось нѣсколько выстрѣловъ картечью и французы снова отступили. Я поспѣшилъ домой, чтобы успокоить жену на счетъ этого шума, и забѣжалъ также къ г-жѣ Шпехтъ: она дрожала всѣмъ тѣломъ. Моя бѣдная жена очень боится и я могу оставить ее одну только на очень короткое время. На улицѣ болѣе не видно экипажей и вообще царствуетъ невообразная пустота. Только на валахъ и на большихъ площадяхъ видны люди: они все вооружены и подѣлены на роты. Пированье и званье прекратились. Эрцъ-герцога Карла ожидаютъ съ нетерпѣніемъ: князь Алоизій Лихтенштейнъ, привезенный раненымъ въ Вѣну, полагаетъ, что эрцъ-герцогъ можетъ прибыть сюда не поздыбе, какъ послѣ завтра, значить городъ долженъ держаться до послѣ завтра, но ему это шорого обойдется. Кавмайеръ пришелъ сегодня съ своей дивизіей и въ эту минуту все спокойно, только изрѣдка слышатся выстрѣлы. Трогательно видѣть, какъ жены горожанъ усердно угощаютъ бѣдныхъ изнуренныхъ солдатъ буяньюемъ и лаптями. Онѣ имъ даютъ цѣлыя бочки съ виномъ. Войска чрезвычайно измучены и обрваны: лошади совсѣмъ отоцали и не въ состояніи продолжать кампаніи, если имъ не дадутъ времени от-

дохнуть. Погода благоприятствует обоим воюющим сторонам, потому что безпримѣрно прекрасна.

По полудни въ 5 часовъ. Въ половинѣ третьяго началась сильная канонада у Керитноровскихъ воротъ, но продолжалась только полчаса. По улицамъ только что проскакала адъютантъ. „Гиллеръ со своимъ корпусомъ прибылъ“, — объявлялъ. Громкій „живать!“ послѣдовалъ за его словами. Жители воодушевлены бодрымъ духомъ: они снова ирруютъ, ликуютъ, кричатъ. Я вышелъ на улицу и видѣлъ какъ вступилъ авангардъ Гиллера, состоявшій изъ 6 гренадерскихъ батальоновъ. Прекрасный народъ, но большей части венгерцы. Они расположились на въѣзномъ плацу. Къ сожалѣнію батальоны сильно сократились: весь корпусъ Гиллера съ 60-ти тысячъ уменьшился до 20,000 человекъ.

Позднѣйшая приписка. Теперь 6 часовъ и все тихо. быть можетъ ночь пройдетъ тихо. Дай-то Богъ. Моя бѣдная Наталія нуждается въ спокойствіи: впродолженіе цѣлаго дня она сильно вздрагивала при каждомъ пушечномъ выстрѣлѣ и не могла нисколько отдохнуть. Въ особенности сильно испугалась она, когда подъ нашими окнами вдругъ произошелъ ужаснѣйшій шумъ. Поймали какого-то человека, котораго сочли пѣлономъ, и разъяренная толпа хотѣла его разорвать на части или повѣсить. Съ большимъ трудомъ удалось отнять его отъ безумцевъ; никогда не случалось мнѣ видѣть болѣе блѣднаго лица, нежели у этого бѣдняги, во всѣхъ чертахъ его выражался предсмертный ужасъ. Когда смерклося и наступила теплая ночь, я полной грудью вдыхалъ въ себя цѣлебный, весенній воздухъ, смотрѣлъ на ясное, звѣздное небо, и думалъ о милосердіи Богъ, посланшемъ мнѣ такія неожиданныя испытанія. Вдругъ раздался пушечный выстрѣлъ, за нимъ другой; я повернулся въ ту сторону, откуда были выстрѣлы и тряхъ! Подъ моими окнами лопнула бомба, за цѣю летѣли еще съ полдюжины бомбъ въ воздухъ, какъ ракеты. Моя жена уже лежала въ постели и съ боязнь спрашивала, что значить этотъ трескъ и шумъ. Страхась за нее, отвѣчала, что это ружейные выстрѣлы, но въ этотъ самый моментъ чрезъ окно она увидѣла, какъ летѣли пылающія ядра. Не смотря на свою слабость, она вскочила съ постели, наскоро одѣлась и хотѣла выходить изъ дома. Но этого я никакъ не могъ позволить, отыскавъ для нее удобный уголокъ въ сѣняхъ, гдѣ она находилась подъ сводомъ и тройнымъ потолкомъ, который, увѣрялъ я ее, не можетъ пробить бомба. Наше лучшее мѣстечко я приказалъ связать въ узлы и раздать прислугѣ, чтобы, въ случаѣ пожара, котораго я единственно боялся, спастись, теряя по возможности меньше. Сдѣлавъ подобныя распоряженія, я бодро ожидалъ конца этой страшной ночи.

Полѣна не уменьшалась ни на одну минуту. бомбы, навалившіяся на сѣднія крыши и разбитые, падающіе кирпичи, черепица, камни

и осколки производили невыносимую для нервов стукотню и трескъ. Солдаты, еще за минуту шумѣвшіе и весело суетившіеся напротивъ насъ, на большомъ пладу, почезли: они или бежали за-щиты подъ выступами и пинали домокъ, или же прижимались къ стѣнамъ. Бывали минуты, въ которыя воцарилась мертвая тишина и контрастъ этотъ дѣлалъ еще чувствительнѣе наступавшій затѣмъ грохотъ. Вдругъ поднялся густой дымъ въ воздухѣ — четвертый домъ отъ насъ стоялъ объятый яркимъ пламенемъ. Тушить пожаръ никто и не думалъ, потому что бомбы и гранаты не допускали подступиться къ горѣвшему дому.

Это было ужасное зрѣлище, увеличившееся загорѣвшимся отъ выстрѣловъ большимъ дворомъ Тратнера, находившимся надъ рвомъ. Теперь опасность для насъ возрастала ежеминутно, потому что очевидно неприятель избралъ главной цѣлью для своихъ выстрѣловъ баню св. Стефана, а такъ какъ бомбы не летали такъ далеко, то онѣ постоянно ложились по близости нашего дома. Скоро пожаръ появился надѣво отъ насъ, вслѣдъ затѣмъ загорѣлся домъ и сдѣли, и мы очутились среди огненного круга. Наталья до этого была спокойна и считала себя въ безопасности. Но когда она увидѣла пламя, ею овладѣлъ прежній страхъ: она боялась сгорѣть живою и требовала, чтобы ее вывели изъ дому. Съ большимъ трудомъ, просьбами и жальбою удалось мнѣ успокоить ее и увѣрить, что я напередъ разчитаю всякую опасность и вѣрное улажу ее во время изъ этого дома; но что значить подвергнуть ее явной смерти, вывести безъ крайней необходимости на улицу, гдѣ безпрестанно лопаются бомбы и гранаты. Только что успѣлъ я ее уговорить, какъ и въ нашемъ домѣ послышались крики: огонь, огонь! Тутъ я самъ чуть не лишился разсудка: мнѣ приходилось вести изъ горящаго дома тяжело больную жену, которая едва была въ состояніи сдѣлать двадцать шаговъ, и притомъ вести по улицамъ безъ опредѣленной цѣли подъ градомъ пуль, чтобы найти убѣжище, о которомъ ничего было и помышлять: это было ужаснѣйшій моментъ въ моей жизни. Темъ не менѣе должно было исполнить то, чего нельзя было избѣжать. Я распорядился удаленіемъ нашихъ людей изъ дому, а самъ взялся вывести или вѣрнѣе вынести свою жену; мы вышли за дери, и вижу, что у Януса нѣтъ шка-тулки, которую я поручалъ ему блюсти какъ зеницу ока. Въ суматохѣ и страхѣ онъ поставилъ ее въ сѣняхъ: всѣ мои деньги и брил-ліанты моей жены погибли. Однако въ суетѣ никто не замѣтилъ этого сокровища и я неожиданно нашелъ свою собственность. Пламя еще не распространилось, балки надъ нами еще не трещали, а шка-тулка была вещью необходимой и искать ее надобно было непремѣнно. Я снова воротился въ суматоху и крики въ домѣ. Эту минуту можно было сравнить съ каплею холодной воды, когда она падаетъ въ кипятокъ. Суматоха въ домѣ вдругъ утихла, крикъ о пожарѣ оказался

напрасной тревоги и слѣдствіемъ слишкомъ большого страха. Между тѣмъ въ уголокъ, безопасный отъ выстрѣловъ, кула я похѣстилъ жену, набравшись много другихъ особъ, также ищущихъ защиты, и мнѣ пришлось очинять его по военному. Туда внесли *chaîse longue* и между двумя подушками, приложенными къ ушамъ, моя бѣдная жена наконецъ задремала. Было около полудни и выстрѣлы слышались рѣже, говорили, что гарнизонъ сдѣлалъ сильную вылазку и отбѣснлъ осаждающихъ. Но скоро адскій шумъ въ воздухѣ поднялся съ усиленной силой: я сидѣлъ въ спокойной покорности своей судьбѣ и наблюдалъ за своимъ снующимъ ангеломъ, который покоился отъ слабости и усталости. До трехъ часовъ непрерывно бушевала военная буря, потомъ выстрѣлы начали превращаться и постепенно убѣдительно зрѣлище прекратилось. Въ 5 часовъ я снова перевелъ жену въ ея комнату, уложилъ ее въ постель и самъ уснулъ возлѣ нея на креслѣ.

12-ю мая. Пробужденіе послѣ такъ ужасно проведенной ночи было весьма печальное. Снаружи все пусто, внутри все перевернуто вверхъ дномъ. Къ счастью прекрасно устроенные пожарные команды при первой же возможности потушили огонь и хотя еще не вовсе прекратили пожаръ, но по крайней мѣрѣ не дали ему распространяться. Мало по малу на улицу осмѣлилась показаться нѣсколько зѣвакъ; я видѣлъ какъ они поднимали и уносили осколки бомбъ, вѣроятно на память. Говорятъ, что городъ не сдается, и намъ по этому вскорѣ предстоитъ повтореніе только что пережитыхъ сценъ. Я только что возвратился съ прогулки по улицамъ. Провидѣніе милостиво защитило насъ. кругомъ насъ все опустошено, остались невредимыми только нѣсколько немногихъ домовъ, къ ихъ числу и нашъ. Остальная часть города не пострадала. Но въ нашей мѣстности перебиты въ окнахъ все стекла. Бомбы прежде всего зажгли отель императрицы австрійской, потомъ загорѣлся Тратнеръ-гофъ. Хотя пламени уже и не видно, но дымъ еще поднимается съ обоихъ пожарищъ. Но близости отъ насъ опустошеніе достигаетъ наибольшихъ размѣровъ. Боже насъ сохрани отъ повторенія бомбардировки. Толкутъ про капитуляцію: но я этому не вѣрю. Безъ эрцгерцога Карла нельзя ничего заключать, а онъ прибудетъ только завтра. Съ одиннадцати часовъ слышна сильная канонада за линіями: Гиллеръ не спѣшно уходитъ со своимъ корпусомъ; полагаютъ, что эрцгерцогъ Карлъ сражается съ французами; но вѣрнѣе ничего неизвѣстно. Въ настоящую минуту въ городѣ находится только ополченіе: кавалерія и вооруженные горожане выступили. Пожаръ еще не возлѣ потухъ, вѣтъ только что пламя взвилось высоко надо рвомъ. Между тѣмъ у насъ сварили обѣдъ и мы только что хотѣли садиться къ столу, какъ снова началось бомбардированіе и мы не могли проглотить ни куска. Но шумъ продолжался только полчаса, затѣмъ утихъ и городъ снова привлекъ насъ къ столу. Человѣкъ ко всему привыкаетъ, даже къ

бомбамъ, летающимъ надъ его головою. Въ эту минуту жена моя сидитъ спокойно, не смотря на канонаду на форштатъ. Надобно ли мнѣ подумать объ отдыхѣ. Богъ знаетъ, не встрѣтится ли ночью надобность въ свѣжихъ силахъ.

Вечеромъ, въ 7 часовъ. Капитуляція заключена, только навѣрное не знаютъ вѣкъ. Ночной фейерверкъ, говорятъ, устроилъ Андреосси. Наполеонъ холодно принялъ городскихъ депутатовъ и когда они не тотчасъ же согласились на его требованія, онъ грозилъ немедленно прекратить городъ въ груды камней. И въ самомъ дѣлѣ онъ около Пратера силой перешелъ черезъ рукавъ Дуная и приблизился къ городу съ этой стороны. Эрцгерцогъ Максимилианъ еще ночью съ 40,000 человекъ ушелъ изъ города и предоставилъ его на произволъ судьбы; значить оставалось только сдаться на капитуляцію и это было исполнено.

Завтра, въ 9 часовъ утра, французы займутъ городскія ворота. Наполеонъ находится въ Шенбруннѣ и настоялъ на томъ, чтобы архиепископъ и графъ Ципцендорфъ были въ числѣ депутатовъ; графъ Дитрихштейнъ бѣжалъ въ депутации какъ маленькая лошадка. Я вышелъ на улицу, чтобы видѣть настроеніе народа и нашелъ отчаяніе на всѣхъ лицахъ. Народъ охотно бы еще долѣе защищался; этимъ добродушнымъ, но твердымъ и способнымъ людямъ недостаетъ постоянного проводителя. Проходя по городской площади, я встрѣтилъ французскаго парламентаря, котораго вели два австрійскіе офицера. Незнабство какія они принесли извѣстія, но вѣроятно эту ночь мы проведемъ спокойно — важный хорошій патриотъ чувствуетъ какою дорогою цѣною куплено это спокойствіе. Еще вчера французы перешли черезъ Дунай, а здѣсь объ этомъ никто ничего не зналъ: на башнѣ св. Стефана не было сторожевого! Они были въ Пратерѣ — а этого еще никто не подозрѣвалъ. Народъ въ настоящую минуту разоружаютъ. Оставшіеся здѣсь ополченцы ради Бога просятъ дать имъ платье горожанъ, чтобы они не попали въ постыдный плѣнъ. Негодуютъ на то, что эрц-герцогъ Максимилианъ оставилъ городъ ночью, въ минуту опасности: вѣроятно у него на это были свои причины. Объ эрц-герцогѣ Карлѣ ничего не слышно, но простодушныя продолжаютъ говорить объ немъ съ энтузіазмомъ и выражаютъ такое мнѣніе, что всего этого несчастія никогда бы не случилось, еслибы онъ находился здѣсь.¹¹

Случая угодна было, чтобы былъ поврежденъ домъ, въ которомъ еще такъ недавно жилъ въ качествѣ полявика Андреосси — онъ же теперь руководилъ осадой и бомбардированіемъ Вѣны, въ этотъ домъ попали три бомбы. Говорятъ, будто Наполеонъ сказалъ депутатамъ, „d'où avez-vous pris la ridicule présomption de croire que Vienne soit tenable, quand les faubourgs une fois sont occupés?“¹²

(Откуда взялось у васъ смѣшное предположеніе, что Вѣна можетъ держаться, когда предметъ ея уже были заняты мною?)

12-го мая. Ночь прошла совершенно спокойно; слышались по временамъ выстрѣлы. Теперь на улицахъ еще пусто, но одинъ фіакръ появился на своемъ обычномъ мѣстѣ. Въ 9 часовъ отворять ворота для французовъ. Все оружіе сносить въ цейхаузы: кавалеристы продаютъ своихъ лошадей первому встрѣчному за безцѣнокъ, чтобы не отдавать ихъ неприятелю. Раздаютъ запасную аммуницію: кто хочетъ беретъ рубаники, башмаки и пр. Брелки, которыми были завалены ворота убираютъ, и всякій забираетъ и уноситъ что ему угодно. Своеобразное и грустное зрѣлище представляетъ городъ, который готовится сдать неприятелю! — Въ 9 часовъ я пошелъ въ замокъ, чтобы посмотреть на вступленіе французовъ. У отеля саксонскаго посольства я встрѣтилъ Сальмера, который водрузилъ здѣсь саксонское знамя; онъ присоединился ко мнѣ и мы вмѣстѣ съ нимъ зашли къ госпожѣ Шпехтъ, которая вѣдѣла по причинѣ сдачи города. И разрядилъ ружья, которыя у нея оставили квартировавшие въ домѣ гренатеры и ушедшіе, чтобы не попасть въ руки французовъ. Отъ г-жи Шпехтъ мы пошли дальше въ городъ и скоро встрѣтили литейныхъ французскихъ офицеровъ, вошедшихъ чрезъ отворенные ворота и очевидно совершавшихъ прогулку. Они были хорошо одѣты и прилично держали себя.

Вслѣдъ затѣмъ вошелъ отрядъ артиллерійстовъ, желавшихъ осмотрѣть цейхаузы; затѣмъ рота гренатеровъ, чтобы занять караулы въ замкѣ и наконецъ цѣлая бригада корпуса Уинго. Люди эти хорошо содержаны, они чисто одѣты и не видно въ нихъ утомленія. Андрееви назначенъ губернаторомъ города: стянулъ всѣ доволны и надеются, что онъ пошатнетъ городъ по возможности. Отдѣльные отряды пѣхоты и кавалеріи вступили въ городъ чрезъ всѣ ворота одновременно. На улицахъ этихъ видно было, что они уже часто упражнялись въ занятіи чужихъ городовъ. Я нашелъ въ одной кофейной двухъ гренатеръ, игравшихъ на бильярдѣ, въ то время, какъ еще не вступали войска. Солдаты Рейнской конфедерации лѣтъ въ городъ, только офицеры расхаживаютъ; французы обращаются съ ними небрежно, почти надменно.

Вечеромъ я на минутку зашелъ къ г-жѣ Куленхевенъ. Во время бомбардированія она со своимъ малюткой Павломъ спала въ погребѣ. Я нашелъ также г-жу Фюнфкирхенъ и графиню Фуксъ: онѣ еще не совсѣмъ ожили отъ страха. Пурталесъ, адъютантъ Бертье, еще утромъ былъ у нихъ съ визитомъ. Въ разговорѣ своемъ съ депутатами города, Наполеонъ, говорить, сказалъ.

„On vous en a imposé en disant, que j'aie demandé Trieste et Finne. Je ne fais la guerre qu' à l'Empereur et à l'Archiduc Charles. je ne veux rien du peuple. Il aurait mieux valu à l'Archiduc Charles

de persister dans ses sentimens de ne pas faire la guerre, car il a manœuvré comme un écolier et a pis fait que Mack. Il est surprenant que vous voulez faire la guerre, quand il vous manque des généraux. A présent la Dynastie a cessé de regner, dussé — je faire la guerre cinquante ans. J'ai voulu être bien avec votre maître, puisque j'aurais été charmé de savoir une forte puissance entre moi et la Russie, mais il n'en a su profiter. Il est bien surprenant que vous avez voulu vous défendre à Vienne et qu'au moment du danger l'Archiduc Maximilien vous ait quitté comme un cochon.⁴⁴

(Васъ обманули, сказавъ, что я требую Триеста и Фиуме (Ръви). Я воюю лишь съ императоромъ и эрцъ-герцогомъ Карломъ, отъ народа мнѣ ничего не нужно. Для эрцъ-герцога Карла было бы лучше, еслибъ онъ остался при своемъ намѣреніи не начинать войны, потому что онъ велъ войска какъ школьникъ и дѣйствовалъ хуже Мака. Удивительно, какъ это вы хотите вести войну, не имѣя полководцевъ. Теперь династія перестала царствовать, хоть бы мнѣ для этого пришлось воевать пятьдесятъ лѣтъ. И желалъ бытъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ вашимъ государемъ, потому что мнѣ было бы очень пріятно, еслибы между мною и Россіею находилось сильное государство, но вашъ государь не умѣлъ воспользоваться случаемъ. Удивительно, какъ вы это хотѣли защищать въ Вѣнѣ и какъ это въ минуту опасности, эрцъ-герцогъ Максимиліанъ васъ свински оставилъ⁴⁵). Архиепископу онъ сказалъ „Pourquoi est-ce que Vous n'avez pas mieux élevé Votre Empereur. Voilà comme Vous êtes vous autres. Lèvez donc la tête et laissez-là l'attitude d'un hypocrite. Vous êtes aussi pour le pape, je le sais.“

(..Отчего вы не воспитали лучше вашего императора? Вотъ каковы вы всѣ! Поднимите же голову и бросьте эту позу лицемеря. Вы тоже на сторонѣ папы — я это знаю.⁴⁶) — Изъ этихъ примѣровъ видно, что Наполеонъ находился въ своемъ обыкновенномъ разговорчивомъ настроеніи, и не забывалъ своей исходной точки.

14-го мая. Ночь была спокойна; только вчера поздно вечеромъ слышалъ я жалобные крики женщины; на нее напали три француза. Въ 11 часовъ я поѣхалъ къ императорскимъ конюшнямъ, посмотреть, насколько онѣ пострадали отъ пушечныхъ выстрѣловъ изъ города; поврежденія незначительны. Затѣмъ я отправился далѣе черезъ Маріягильфъ въ Шенбрунъ.

На высотахъ въ его окрестностяхъ я видѣлъ множество кавалеріи и пѣхоты, готовыхъ выступить въ походъ въ Венгрію. Въ Шенбрунѣ я остановился передъ желѣзными, рѣшетчатыми воротами и на обширномъ дворѣ увидалъ французскую гвардію, стоящую подъ ружьемъ. Ожидали Наполеона. Заявивъ, что я русскій офицеръ, я скорѣй завязалъ разговоръ со стоявшими извѣсть военными. Многие изъ нихъ участвовали въ русско-прусскомъ походѣ и многое умѣли раз-

сказать. Я спросилъ у нихъ, каково сражались баварскія и другія итальянскія войска? Мнѣ отвѣчали „oh, le petit caporal les fait bien aller en avant: il sait son métier“ (О, маленький капраль умѣетъ заставить ихъ идти впередъ — онъ знаетъ свое ремесло.) Между тѣмъ раздался барабанный бой, заиграла военная музыка: Наполеонъ сошелъ съ большой лѣстницы и произвелъ обыкновенный смотръ. Онъ былъ одѣтъ въ гвардейскую форму; на немъ, какъ и на всѣхъ гвардейскихъ офицерахъ, были сапоги съ желтыми отворотами; онъ много жестикулировалъ руками. Въ немъ было видѣнь настоящий итальянецъ. Когда войска прошли мимо его, онъ пропорно взбѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ и исчезъ.

Такимъ образомъ мнѣ удалось видѣть маленькое, острое чудовище, которое въ своемъ изумительномъ, демоническомъ превосходствѣ силы и въ нервномъ возбужденіи, никогда не прекращавшемся, заставляло западъ сразиться съ востокомъ.

15-го мая. Я поѣхалъ въ Пратеръ. Какъ опустошено и обезображено теперь это прекрасное мѣсто! Тамъ, гдѣ прежде стояли веселые рестораны, лежатъ теперь лошадиные трупы, терзаемые воронами. Въмѣсто роскошныхъ экипажей съ прелестными женщинами, теперь тамъ разбѣжаны живодерскія телбги. Будетъ ли столица Австріи тѣмъ, чѣмъ была прежде? Острое чудовище съ радостью говоритъ о герцогахъ лотарингскихъ, когда хочетъ назвать императора и арцъ-герцоговъ.

Я отправился затѣмъ съ утренними визитами ко всѣмъ моимъ постояннымъ вдовамъ (мужья ихъ находились всѣ въ войскахъ); послѣднюю посѣтилъ я г-жу Буденховенъ, которая относится къ моей женѣ какъ истинная родственница и преданная землячка. У нея я засталъ графинь Гардеггъ, Шенборнъ и г-жу Гросслагль. Всѣ эти дамы чрезвычайно жаловались, и не безъ причины. Въ доброе, прошлое время онѣ принадлежали къ Стадіоновской¹⁰⁾ партіи, и теперь имъ, конечно, приходится за это пострадать. Сегодня появился первый дневной приказъ изъ Шенбрунна, но онъ не произвелъ сенсация въ народъ: люди потихоньку говорили другъ другу „да здравствуетъ нашъ Францъ!“

Тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ послѣдовалъ первый приказъ отъ губернатора Андреосси, чтобы жители, подъ страхомъ разстрѣльиія, снесли все оружіе въ цейхгаузъ, даже и оружейные предметы роскоши. Мѣра эта была необходима; я уже прежде опасался повторенія сицилійской

¹⁰⁾ Стадіоны стояли во главѣ партіи, желанней войны: была еще другая партія, партія мира, въ которой принадлежали: графы Кобелль, Манфредини, графы Ватансъ, Тургутъ, князь де Линъ, графы Хотчъ и другіе. — Шенбруннъ: Австрійская война въ 1809 г., I, стр. 14.

вечерни. Г-жа Шпехтъ, Марія и г-жа Куденховецъ посѣтили мою жену. Вечеръ былъ прекрасенъ и я отвозилъ ихъ домой въ коляскѣ, немного съ ними покатался. Когда я возвращался домой, улицы были переполнены французами, прогуливавшимися съ гризетками.

16-го мая. Наконецъ, въ общей суматохѣ, началась проявляться дѣятельность полиціи. Улицы вычищены, мясо на два крейцера подешевѣло, на рынкѣ есть зелень. Моя бѣдная жена желаетъ выѣхать изъ города въ деревню. Хотя я слышалъ о занятіи войсками и опустошеніи моей дачи въ Ридингѣ, тѣмъ не менѣе я выѣхалъ рано утромъ, чтобы собственными глазами убѣдиться и разсудить, что возможно предпринять. Я нашелъ выломанныя двери, разбитыя окна и зеркала, въ спальнѣ моей жены винную бочку, въ саду люшаденъ и на дворѣ пылающій костеръ, поддерживаемый разбитой мебелью и срубленными фруктовыми деревьями изъ сада.

(Описаніе въ слѣдующемъ томѣ.)

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Отъ издателя

Страницы.

I—VIII

I.

Материалы и статьи по древней исторіи Прибалтійскаго края.

I. Реформація въ Ливоніи. Статьи доктора Игнатіуса Брахмана.	
Глава I. Начало реформации въ Ригѣ. Города, городъ и архіепископъ	15—88
Глава II. Начало реформации въ Ревель и Дерптѣ. Последнее время жизни архіепископа Вилхелмфельда. Довиллеръ и предложенія въ Любекѣ. Событія въ Ливоніи до перемирія въ Дакенѣ	39—72
Глава III. Споры въ Ливоніи по поводу выбора маршала Вальтелма Бранденбургскаго архіепископскимъ владыкою. Корыстные его планы. Споръ о преемствѣ между архіепископомъ и городомъ Ригой. Угнореніе евангелическаго ученія въ Ливоніи	73—105
Приложеніе. Держи, что вышло	106—121
II. Ливонская хроника Вальтгара Руссова.	
Отъ переводчика	123—124
Хроники часть 3-я, отъ сдачи Ревеля шведамъ въ 1561 г. до большаго похода Іоанна Грознаго въ Ливонію въ 1577 г.	129—284
Хроники часть 4-я, отъ неудачи Іоанна Грознаго до окончательнаго вытѣсненія русскихъ въ Ливоніи въ 1783 г.	285—352
III. Ливонская лѣтопись Франца Ниемцедта.	
Предисловіе Тилемана	355—358
Лѣтопись до 1557 г.	359—400
IV. Документы въ исторіи присоединенія Ливоніи къ Польшѣ.	
Вступленіе	401—409
Условія подчиненія Польшѣ	410—413
Принимавшіе дворянство	419—425
Декларация и присяга.	429—432

II.

Матеріали и статьи по исторіи Прибалтійскаго края въ XVIII и XIX столѣтіяхъ.

I. Рескрипты и указы императора Петра I-го къ лифляндскимъ генералъ-губернаторамъ съ 1717—1721 года	435—464
II. Къ исторіи православія въ Прибалтійскомъ краѣ.	
Друтское событіе 8-го января 1472 г.	465—473
Записки священника Николая съ ѳинляндскаго прихода	474—514
Записки	515—564
III. Воспоминанія барона Владиміра Ивановича Левонштерна.	
Отъ издателя	565—566
Глава I, съ 1777 по 1796 г.	567—580
Глава II, съ 1796 по 1804 г.	581—600
Глава III, съ 1804 по 1809 г.	600—638